

1

Н.В. ГОГОЛЬ

H. V. Gogol

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Портрет работы Ф. Моллера. 1841 г.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО**

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В двадцати трех томах

МОСКВА
НАУКА • ИМЛИ РАН
2003

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Том первый

МОСКВА
НАУКА • ИМЛИ РАН
2003

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)1
Г58

*Том подготовлен при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 94-06-19239,
Института "Открытое общество" (Фонд Сороса)
в рамках конкурса "Пушкинист",
французского культурно-информационного центра "Панглосс"
в лице его директора господина Эмманюэля Дюрана*

Редакционная коллегия:

*Е.И. Анненкова, А.Г. Битов, С.Г. Бочаров,
Л.Д. Громова-Опульская, В.М. Гуминский, И.А. Зайцева,
И.В. Карташова, Ю.В. Манн (главный редактор)*

Тексты и комментарии подготовили:

И.Ю. Винуцкий, Е.Е. Дмитриева, Ю.В. Манн, К.Ю. Rogov

Ответственный редактор тома

Е.Е. Дмитриева

Рецензенты:

М.Н. Виролайнен, Е.Е. Левкиевская, Л.М. Розенблюм

Лингвистический консультант издания

А.Д. Шмелев

Подписное

ISBN 5-02-032711-5

ISBN 5-02-032679-8 (т. 1)

- © Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, составление, подготов-
ка текстов, комментарии, 2001, 2003
- © Российская академия наук и издательство
"Наука", Полное (академическое) собра-
ние сочинений и писем Н.В. Гоголя
в 23 томах, оформление, 2003

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том (часть тиража — М.: Наследие, 2001) открывает Полное собрание сочинений и писем Н.В. Гоголя, подготавливаемое Институтом мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук. Академическим характером издания обусловлены требования, касающиеся как полноты представленных материалов, так и основательности их текстологической подготовки и комментирования.

СОСТАВ

В сущности, ни одно из предшествовавших изданий Гоголя не может считаться полным, несмотря на то, что некоторые из них имели такое наименование. Это объясняется рядом обстоятельств, на которых следует остановиться подробнее.

Начало изданию гоголевских сочинений было положено самим автором. Речь идет о «Сочинениях Николая Гоголя» (Т. 1—4. СПб., 1842. В типографии А.Бородина и К°)¹. Особенность этого издания в том, что оно, по замыслу автора, соотносилось с главным делом его жизни — поэмою «Мертвые души», над которою предстояло работать еще долго, и, не включая в себя только что вышедший первый том поэмы, подводило итог предшествующему творческому развитию. Отсюда довольно жесткий отбор произведений: за пределами издания остались все работы литературно-критического и ученого характера и некоторые ранние беллетристические опыты. Вместе с тем Гоголь включил и не публиковавшиеся прежде тексты («Шинель», «Женитьба», пять произведений из шести, составивших раздел «Драматические отрывки и отдельные сцены» — «Игроки», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», «Театральный разъезд после пред-

¹ Цензурное разрешение I и II томов — 5 июня 1842 г., между прочим день отъезда Гоголя из Петербурга за границу. Цензурное разрешение последующих двух томов было получено уже в отсутствие Гоголя — соответственно 15 и 30 сентября. Фактически все издание появилось лишь в январе 1843 г.

ставления новой комедии»²). Сделано это было автором как из коммерческих соображений³, так и для более полного представления своей творческой эволюции.

Второе собрание сочинений, задуманное автором еще в 1850 г., но осуществленное посмертно (Сочинения Гоголя. Т. 1—6. М., 1855—1856⁴), своими первыми четырьмя томами полностью повторяло первое издание. Пятый же том, как это явствует из наброска оглавления и предисловия к этому тому, должен был состоять из ряда литературно-критических, публицистических и ученых статей, частично взятых из «Арабесок», частично опубликованных отдельно, частично еще не изданных. Писатель намеревался издать и шестой том «под названием юношеских опытов», хотя остается неясным, какие именно произведения им подразумевались⁵. После смерти Гоголя издатель — Н.П. Трушковский — несколько видоизменил состав обоих томов: пятый, помимо статей из «Арабесок» и двух статей из «Современника» («О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и «Петербургские записки 1836 года»), включил в себя неизданные произведения: отрывок из повести «Гетьман» и «Развязку Ревизора», а также вариант окончания IX гл. «Мертвых душ», появившийся незадолго перед тем в «Русском вестнике» (1856. Т. 1); шестой том, помимо «Выбранных мест из переписки с друзьями», — раздел

² «Утро делового человека» было опубликовано раньше (Совр. 1836. Т. I).

³ Для успешной продажи «Сочинений» необходимо было включение в них новых произведений. Гоголь это отчетливо сознавал и хотел, чтобы критика проинформировала читателей о таких публикациях (см. его письмо Н.Я. Прокоповичу от 28 мая 1843 г. н.ст.), что и было сделано. «В изданном ныне собрании его сочинений, — отмечалось в рецензии П.Плетнева, — целый том новых пьес, которые свидетельствуют, как этот великий талант расширяет перед собою круг литературной деятельности» (Совр. 1843. Т. XXIX. С. 409—410). Акцент на новых произведениях был поставлен и Белинским в его «Библиографическом известии» и статье о «Сочинениях» Гоголя (ОЗ. 1842. № 9; 1843. № 2).

⁴ Цензурное разрешение первых четырех томов за подписью Д.Ржевского последовало еще 10 октября 1851 г. Однако смерть Гоголя и ужесточение цензурных строгостей замедлили подготовку издания. Тем временем потеряло свою силу цензурное разрешение и потребовалось новое, — оно было дано И.Безсомыкиным для первых четырех томов 2 июня 1855 г., для пятого и шестого — соответственно 10 и 16 февраля следующего года. Первые четыре тома вышли в 1855 г., последующие два — в 1856 г. Печатались они в Москве, в четырех типографиях: первые два — в Университетской типографии, третий и пятый — в типографии В.Потье, четвертый — Александра Семена, шестой — в типографии Л.Степановой.

⁵ П.Кулиш сообщает другие сведения: «Для пятого тома он <Гоголь. — Ред.> назначил свои молодые произведения, а о шестом никогда не упоминал даже близким своим знакомым» (ОЗ. 1853. № 2. Отд. VII. С. 118—119). Хотя эти сведения, по словам автора, заимствованы из «верного источника», собственные заметки Гоголя — более авторитетное свидетельство о составе пятого и шестого томов.

«юношеских опытов», куда вошли «Ганц Кюхельгартен», «Италия», «Два отрывка из малороссийской повести: Страшный кабан» и «Женщина». Тем самым было положено начало публикации в составе собрания сочинений не печатавшихся или затерянных произведений Гоголя. В этом смысле дополнением к изданию явилась и первая публикация сохранившихся рукописей второго тома «Мертвых душ» и «Авторской исповеди» (Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма Н.В.Гоголя. Том второй (5 глав). Москва. В университетской типографии. 1855, ценз. разр. за подписью И.Бессомыкина <так! — Ред.> 26 июля).

Существенными новшествами ознаменовалось следующее издание, подготовленное П.А.Кулишом: «Сочинения и письма Н.В.Гоголя». Т. I—VI. СПб., 1857. Как уже видно из названия, впервые в собрание сочинений включалась коллекция — и весьма значительная (два последних тома) — гоголевских писем. Впервые в корпус собрания вводились также «Мертвые души», как первый том, так и сохранившиеся главы второго тома, причем последний в двух редакциях (с этой целью издатель заново прочитал второй том, «переписал его дважды, по нижнему и верхнему слою рукописи» — «От издателя». Т. I. С. II). Наконец, с целью «выразить постепенное развитие художественного таланта и человеческих стремлений Гоголя» издатель впервые представил «Тараса Бульбу» и «Портрет» в двух кардинально отличающихся друг от друга редакциях. «Наконец-то дождалась мы того, — отмечал М.Н.Лонгинов, — что творения гениального нашего писателя изданы по возможности полно, очень изящно и если не дешево (они стоят 12 р. сер.), то по крайней мере по доступной цене. Давно ли о полноте и не помышляли, а платили за них весом золота, да и то не находили их в продаже»⁶.

Следующее издание — «Полное собрание сочинений Н.В.Гоголя. Издание его наследников». Т. I—IV. М., 1862 — повторило издание Кулиша, опустив лишь два тома писем. Однако при повторном выпуске этого издания, вышедшем под редакцией Ф.В.Чижова (1867), был сделан новый, важный шаг: впервые «Выбранные места...» увидели свет в полном виде, без цензурных купюр.

⁶ Лонгинов Михаил. Заметки по случаю нового издания сочинений и писем Гоголя // Московские ведомости. 1857. № 74. 20 июня: Литературный отдел Московских ведомостей... С. 337. Достоинства издания, в частности его полнота, отмечались и в статье Н.Г.Чернышевского «Сочинения и письма Н.В.Гоголя...» (Совр. 1857. Т. LXIV. Отд. III. С. 85—132 — см.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти томах. Т. IV. М., 1948. С. 626—665).

Важнейшая веха в истории публикации гоголевского наследия — подготовленное Н.С.Тихонравым десятое издание (нумерация устанавливалась начиная с издания 1842 г.): «Сочинения Н.В.Гоголя» (Т. I—V. М., 1889; Т. VI. М. и СПб., 1896; Т. VII. СПб., 1896)⁷. Главная заслуга этого издания (особенно томов, которые успел выпустить Тихонравов) состоит в научной подготовке текстов и в определении наиболее авторитетных редакций (см. ниже). Что же касается состава, то редакторам удалось пополнить «Сочинения» рядом произведений за счет тех, которые увидели свет после изданий Трушковского и Кулиша (например, статья «Борис Годунов») или вообще еще не публиковались («Учебная книга словесности для русского юношества»). Однако за бортом все же осталось очень много: заметки и конспекты по истории, географии и этнографии, материалы по русскому языку, фольклору и т. д.⁸, не говоря уже об эпистолярном наследии, которое не предполагалось включать в издание⁹.

Действительно полным собранием всего написанного Гоголем призвано было стать советское академическое издание: «Н.В.Гоголь. Полное собрание сочинений» (без обозначения места издания). Т. I—XIV. 1937—1952¹⁰. Это издание, в целом имеющее несомненно большое научное и культурное значение, по своей полноте превосходило издания предшествующие, однако своего назначения оно все-таки не выполнило, — главным образом по политическим и конъюнктурным причинам. Оказалась пропущенной даже целая книга (прежде включавшаяся в собрания сочинений) — «Размышления о Боже-

⁷ Н.С.Тихонравов успел полностью подготовить лишь пять томов, вышедших в 1889 г. почти одновременно. Тома VI и VII редактировал В.И.Шенрок (изданы в 1896 г.). Кроме того, еще до появления последних томов часть текстов была опубликована отдельно в двух книгах: *Сочинения Н.В. Гоголя. Извлечены из рукописей академиком Тихонравовым. Вып. 1—2. М., 1892.* Работе Тихонравова над изданием посвящена статья В.И.Шенрока «Н.С.Тихонравов как издатель сочинений Гоголя» в кн.: *Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894. С. 92—122.*

⁸ Часть этих текстов была опубликована позднее Г.П.Георгиевским (см.: *Пам. Жук. и Гог., 1908, 1909*).

⁹ После издания Кулиша наиболее полный свод гоголевских писем был подготовлен В.И.Шенроком: *Гоголь Н.В. Письма. Т. I—IV. СПб., 1901.* До академического издания 1937—1952 гг. это была фактически последняя стремящаяся к полноте публикация эпистолярного наследия писателя. В «Сочинениях и письмах Н.В.Гоголя» (Т. I—IX. СПб. <1907—1909>), выпущенных под редакцией В.В.Каллаша, в 9-м т. помещены лишь избранные письма.

¹⁰ Первым вышел 2-й том (1937); затем 3-й (1938), 1-й и 10-й (1940); остальные тома вышли уже после Великой Отечественной войны. Характеристике этого издания посвящена большая литература, в частности: *Томашевский Б.В. и Фридендер Г.М. Академическое издание сочинений Н.В.Гоголя // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1952. Вып. 1. С. 49—60; Покусаев Е.И. Академическое издание*

ственной литургии». Первоначально редакторы предполагали опубликовать «Размышления...», о чем было сообщено в предисловии к 1-му тому, но затем вынуждены были отказаться от этой мысли и в комментариях к 9-му тому (1952) объявили, что книга печататься не будет, так как не представляет «литературного интереса». И это не единственная цензурная жертва. Не представлялось никакой возможности, например, включить в собрание сочинений трактат Гоголя «О любви к Богу и самовоспитании» (напечатан впервые в издании «Памяти В.А.Жуковского и Н.В.Гоголя». Вып. III. СПб., 1909), а также многочисленные молитвы (в частности, на окончание «Мертвых душ»).

Другую группу текстов составляют те, которые были пропущены по недоразумению или недосмотру: например, прошение Гоголя-гимназиста в Конференцию Гимназии высших наук от 20 августа 1827 г., записка «На 1846 <год>» и т. д.

Ряд пропусков объясняется тем, что те или другие тексты не были осознаны редакторами как неотъемлемая часть творческого наследия писателя. Таковы гоголевские дарственные надписи на книгах. Некоторые надписи были указаны или процитированы в комментариях, другие вообще оставлены за пределами издания.

Наконец, надо сказать и о том, что ряд рукописей стал известен уже после завершения академического издания: трактат «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии»¹¹, альбомная запись Марье Александровне Власовой (сестре З.А.Волконской)¹² и т. д., не говоря уже о существенном пополнении эпистолярного фонда писателя. Разумеется, все эти тексты должно вобрать в себя настоящее издание.

сочинений Н.В.Гоголя // Советская книга. 1952. № 2. С. 93–99; Слонимский А.Л. Вопросы гоголевского текста // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1953. Вып. 5. С. 401–416; Прохоров Е.И. «Сочинения Николая Гоголя» издания 1842 г. как источник текста // Вопросы текстологии. Сборник статей. Вып. 1. М., 1957. С. 135–169; Ермилов В. Что противопоставлено текстологии? // РЛ. 1959. № 1. С. 119–128; Гришунин А. Комментарий // Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 149; Моторин А.В. К вопросу о научном издании сочинений Гоголя // Н.В.Гоголь и русская литература XIX века. Л., 1989. С. 103–121.

¹¹ РЛ. 1965. № 3. С. 196–204 (публикация Б.Бессонова).

¹² Harvard Library Bulletin. 1972. № 3. July. P. 236–254 (публикация Романа Якобсона и Баяры Арутюновой). Неизвестные тексты Гоголя появились также в других изданиях, например, Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В девяти томах. Сост. и ком. В.А.Воропаева, И.А.Виноградова. М., 1994.

ТЕКСТОЛОГИЯ

Текстологическая проблема — самая сложная в издании Гоголя. Трудности прочтения автографов, наличие в них пробелов и искажений в копиях привели к тому, что последовательный ряд его «Собраний сочинений» представляет собою, по выражению Н.С.Тихонравова, «прогрессивную порчу текста».

Эта тенденция наметилась уже в первом издании «Сочинений», печатание которого проходило после отъезда Гоголя за границу (5 июня 1842 г.) при активном участии Н.Я.Прокоповича. Своему старому товарищу еще с гимназической поры, занимавшему должность преподавателя русского языка и словесности в кадетском корпусе, Гоголь предоставил весьма широкие полномочия, как это видно, в частности, из его письма от 27/15 июля 1842 г.: «При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в *Тарасе Бульбе* много есть погрешностей писца. Он часто любит букву *и*; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуста (так! — *Ред.*), поправь везде с такою же свободой, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — все будет хорошо».

Прокопович по-своему очень добросовестно отнесся к делу, проявил незаурядную энергию, тем более необходимую, что переданные ему Гоголем рукописи изобиловали погрешностями¹³. Однако при этом он сполна воспользовался и предоставленной ему свободой править текст. «Как старательный учитель “исправлял” Прокопович отдельные обороты и выражения в сочинениях Гоголя, руководствуясь своими грамматическими и стилистическими правилами. С ревностью пуриста, устранял иногда Прокопович из произведений своего “друга” обороты речи и оттенки произношения, заимствованные поэтом из живого народного говора и песен, и заменял их книжными» (Н.С.Тихонравов. «Предупреждение» к 1-му тому «десятого издания» — *Тих.*, т. 1, с. IX).

В результате создалась весьма сложная, в текстологическом смысле щекотливая ситуация. Гоголь хотя и не высказал прямого одобрения

¹³ Об этом свидетельствует письмо Н.Прокоповича С.Шевыреву от 6 августа 1842 г.: «Беда мне не с Миргородом, а с рукописными сочинениями: в них чего не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш и оставил, а я должен пополюнять по догадкам» (*Гог. письм. и восп.*, 1931, с. 249).

правки Прокоповича, но в то же время и не дезавуировал ее¹⁴. Если стоять на формальной точке зрения, то следовало бы принять без изменений (или с минимальными изменениями) редакцию «Сочинений» 1842 г., поскольку она была скреплена молчаливым авторским согласием. Однако это означало бы в значительной мере стереть ту стилистическую и речевую окраску, которая присуща именно гоголевской художественной манере. Поэтому начиная с тихонравовского «десятого» издания утвердился другой подход, состоящий в последовательном восстановлении оригинального текста и освобождении его от правки Прокоповича. Этот подход был определен Тихонравовым следующим образом: «При перепечатке произведений, вошедших в состав первого и второго издания “Сочинений Гоголя”, мы полагаем в основание *текст издания Трушковского, но лишь в тех его частях, которые были просмотрены и исправлены автором*. Из этого текста мы устраним все ошибки и произвольные поправки, перешедшие в него из издания Прокоповича, *хотя бы эти ошибки и поправки не были отмечены Гоголем при втором издании его сочинений*» (там же, с. XVIII)¹⁵.

Тенденция, намеченная «десятым изданием», была продолжена Н.И.Коробкой в осуществленном под его редакцией «*Полном собрании сочинений Н.В.Гоголя*» (Т. I–V. СПб., 1912–1915; издание не

¹⁴ Вслед за Н.Тихонравовым, обычно факт такого дезавуирования видят в следующих строках письма Гоголя к Прокоповичу от 24 сентября 1843 г. н.ст.: «Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее. Книжки, я воображал, выйдут благородной толщины, а вместо того они такие тоненькие. Подлец типографщик дал мерзкую бумагу; она так тонка, что сквозит, и цена 25 рублей даже кажется теперь большою, в сравнении с маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне. Все, что от издателя — то хорошо, что от типографии — то мерзко. Буквы тоже подлые». Отсюда видно, что Гоголя не устроило главным образом типографское оформление книг. Упоминание же «ошибок» никак нельзя распространять на характер правки Прокоповича, так как Гоголь имеет в виду не тенденцию, а отдельные случаи и обвиняет в них себя или писца, то есть подразумевает оригинал, а не корректуру, с которой работал Прокопович.

¹⁵ Н.Трушковский в заметке «От издателя» в 5-м томе «Сочинений Гоголя» указывал, что при жизни писателя было напечатано 9 листов 1-го и 2-го томов, 13 листов 3-го тома и 7 листов 4-го и что тот успел сделать в них «небольшие изменения в слог» (какие произведения конкретно смог прочитать Гоголь, будет указано в соответствующих текстологических комментариях нашего издания). О работе Гоголя над вторым изданием есть и свидетельство Шевырева в письме к М.Н.Синельниковой от 2 апреля 1852 г.: незадолго до смерти Гоголь «занимался со мною чтением корректур первого и второго тома своих сочинений, в которых он выправлял слог, а я правил под диктовку его» (РС. 1902. № 5. С. 440; см. также составленную С.П.Шевыревым «Записку о печатании Сочинений покойного Н.В. Гоголя...» (Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. III. С. 60).

закончено). При этом Коробка упрекнул Тихонравова в непоследовательности, подвергнув критике его вывод — и в самом деле, весьма спорный, — что правка Прокоповича должна сохраниться, если она касается «действительных ошибок Гоголя против языка и грамматических правил». Понятия «действительные ошибки» и «грамотность» весьма условны и недостаточны применительно к Гоголю. «...Для нас безграмотность Гоголя гораздо ценнее грамотности Прокоповича (весьма относительной) <...>. В особенности это приходится сказать о стилистической “грамотности” <...>. Если орфография Гоголя не представляет собою чего-нибудь заслуживающего сохранения, то язык его должен быть сохранен и освобожден, насколько это в наших средствах, от всяких как учительских, так и профессорских поправок» (Н.И.Коробка, статья «Судьба гоголевского текста», опубликованная в качестве предисловия к 1-му тому указанного издания, с. 10). Коробка оспорил также применяемый Тихонравовым — и не всегда оправданно — прием включения в основной текст вариантов из черновых редакций. В результате Н.Коробке удалось во многих случаях освободить гоголевские произведения от искажений, хотя в целом его работа по тщательности подготовки источников значительно уступала труду Н.Тихонравова.

Тенденция восстановления подлинного гоголевского текста и освобождения от правки Прокоповича была продолжена К.И.Халабаевым и Б.М.Эйхенбаумом в подготовленных ими «Сочинениях» Гоголя (вышли вначале, в 1927 и 1928 гг., в виде трехтомников, а затем, начиная с 1928 г., неоднократно переиздавались в одном томе), а затем и в академическом издании 1937–1952 гг. Существенные исправления были сделаны и в «Собрании сочинений», вышедшем в издательстве «Художественная литература» в 1966–1967 гг. при участии А.Л.Слонимского¹⁶.

Продолжая охарактеризованную выше тенденцию публикации гоголевских текстов, сотрудники настоящего академического издания в то же время стремились исправить некоторые некорректные и неточные решения предшествующих изданий (конкретные примеры приводятся в соответствующих разделах комментариев). При этом мы полагаем, что «проблема Прокоповича», при всей ее сложности, не должна драматизироваться. Прежде всего она касается лишь текстов, вошедших в издание 1842 г.; многие тексты, и весьма существенные, выводятся из этой «опасной зоны»: «Мертвые души», статьи из

¹⁶ См.: Слонимский А.Л. *Вопросы гоголевского текста // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1953. Вып. 5. С. 401–416.*

«Арабесок», «Выбранные места...» и т. д. Кроме того, правка Прокоповича как правило регулятивная и может быть сведена как к определенным конкретным лексическим заменам (вместо «нужно», «около», «сей», «оный» — соответственно «надобно», «возле», «этот», «тот» и т. д.), так и к некоторым типическим группам.

Эти группы таковы. 1. Приближение текста к грамматической норме, в частности устранение инверсий (в «Страшной мести» вместо: «...вышел потихоньку из двора промеж спавшими своими козаками в горы» — «...промеж спавшими своими козаками вышел потихоньку из двора в горы»). 2. Устранение словесных повторов (в «Ревизоре» вместо: «...предложили мне *взаймы* рублей триста, ну тогда совсем дело другое: *взаймы* я могу взять» — «предложили мне *взаймы*¹⁷ рублей триста, ну тогда совсем другое дело: я могу взять»). 3. Сглаживание стиля в направлении книжности, в частности, исправление диалектизмов (в «Игроках» вместо: «натошцах» — «натошак») и превращение разговорных форм собственных имен в формы литературные (в «Иване Федоровиче Шпоньке...» вместо: «Василиса Кашпаровна» — «Василиса Кашпаровна»; в «Игроках» вместо: «Ивана Михайловича» — «Ивана Михайловича»). 4. Устранение лингвистических и других искажений, которые стилизуют речь персонажей, особенно сценических (в «Женитьбе» вместо: «поприглядистее», «о двух елтажах», «речь звестно какая» — соответственно: «попригляднее», «о двух этажах», «речь известно какая»). 5. Вытравливание украинизмов, в частности в употреблении предлогов (в «Женитьбе» о сукне вместо: «сшил с него мундир» — «сшил из него...»). 6. Вписывание или устранение слов с целью исправления (или усиления) логической связности высказывания (в «Ревизоре» во фразе «...в один вечер, кажется, все написал, всех изумил» — снимаются последние два слова, очевидно, для логической мотивации обстоятельства времени: в один вечер Хлестаков мог «все» написать, но не мог «всех» изумить).

Регулятивность правки Прокоповича создает возможность для ее локализации и отслоения. Вместе с тем имеется немалое количество более сложных случаев, не поддающихся классификации и требующих каждый раз конкретного решения. Мы отдаем себе отчет, что такие решения могут содержать в себе долю гипотетичности.

Очень сложна и проблема правки, внесенной в издание 1855–1856 гг. Прежде всего не ясна степень редакторской активности С.П.Шевырева; А.Л.Слонимский полагал, что она даже превышала активность редактора предыдущего издания: Шевырев «прояв-

¹⁷ Курсив наш. — Ред.

лял гораздо меньше скромности, чем Прокопович»¹⁸. Во всяком случае, направления правки Прокоповича и Шевырева во многом совпадают, и ряд отмеченных выше типичных для первого случаев характерен и для второго: «большинство исправлений <Прокоповича. — Ред.> сводится к *сглаживанию* текста и к замене своеобразных гоголевских выражений ходячими, общепринятыми»¹⁹. Поэтому, упрекая Н.С.Тихонравова в некоторой непоследовательности, Н.И.Коробка говорил о необходимости освобождения гоголевского текста «от всяких как учительских <т. е. Прокоповича. — Ред.>, так и профессорских <т. е. Шевырева. — Ред.> поправок». Положение, однако, усугублялось тем, что, во-первых, правка Шевырева наслаивалась на правку его предшественника, а, во-вторых, «по всей вероятности, есть здесь и гоголевские поправки, но отличить их от поправок Шевырева, Лихонина или корректора нет возможности»²⁰.

В этой ситуации редакция настоящего издания стремилась руководствоваться двумя критериями: выбором, по возможности, в качестве основной редакции такого текста, который заведомо не подвергался правке других лиц (для настоящего тома, то есть для «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — это издание 1836 г.; см. об этом подробнее в разделе комментариев); и далее — внесение из последующих изданий только таких исправлений, которые не внушают сомнений относительно их авторской принадлежности (подробнее об этом см. в соответствующих комментариях). Все это преследует цель избежать или по необходимости свести до минимума элемент сочетания различных редакций.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ГОГОЛЕВСКИХ ТЕКСТОВ

В этом отношении нами принят принцип, который можно назвать хронологически-жанрово-циклическим. Это значит, что соблюдается, как правило, последовательность текстов от более раннего к более позднему; но внутри этого ряда допускаются жанровые или, точнее, жанрово-циклические объединения.

¹⁸ А.Слонимский, в частности, опирался на свидетельство Н.В. Берга: «...Шевырев исправлял, при издании сочинений Гоголя, даже самый слог своего приятеля, как известно, не особенно заботившегося о грамматике. Однако, исправив, должен был все-таки показать Гоголю, что и как исправил <...>. При этом случалось, что Гоголь скажет: “Нет, уж оставь по-прежнему!” Красота и сила выражения иного живого оборота для него всегда стояли выше всякой грамматики» (Берг Н.В. Воспоминания о Н.В. Гоголе // Гог. восп. совр., 1952, с. 504).

¹⁹ Слонимский А. Указ. соч. С. 408, 409.

²⁰ Там же, с. 409.

Дело в том, что для Гоголя на всем протяжении его творческого пути характерна была группировка произведений в определенные циклы: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Арабески», «Выбранные места...». Черты несомненного единства (хотя, может быть, и не такого, какое мы обозначаем понятием цикл) несут на себе и другие гоголевские объединения — «Повести», «Ревизор» с приложениями, «Драматические отрывки и отдельные сцены».

Указанный выше принцип выработался в ходе эволюции гоголевских изданий. Первое издание, композиция которого была определена автором, в общем соответствовало циклическому построению. Во втором издании первые четыре тома повторили эту композицию. Примечательно, что и пятый том, судя по авторскому наброску предисловия, возможно, представил бы некое единство («...пятый том составил в себе почти все мои теоретические понятия, какие я имел о литературе и об искусстве и о том, что должно двигать литературу нашу»).

Перед последующими изданиями, однако, возникла новая проблема: нужно было сохранить цикличность и в то же время дать место текстам, которые по разным причинам не вошли в собрания сочинений, подготовленные автором. Отсюда одновременно и привязанность к композиции издания 1842 г., и стремление разомкнуть ее и преодолеть.

Так, П.А.Кулиш поначалу принял было хронологический принцип: «Что касается до порядка, в котором выходят теперь сочинения Гоголя, то я старался, по возможности, разместить их так одно за другим, как они появлялись при жизни автора» (заметка «От издателя», помещенная в 1-м томе указанного издания, с. II). Однако трудности примирения этого принципа с цикличностью привели к весьма проблематичным решениям: так «Выбранные места...» были помещены до «Мертвых душ» — ради того, чтобы сохранить совместную публикацию 1-го и 2-го томов поэмы, хотя хронологически «Выбранные места...» следовали после первого тома «Мертвых душ» и по времени своего создания и публикации частично совпадали с работой над вторым томом.

Между тем академическая наука в лице М.Н.Лонгинова упрекала издателя в недостаточном следовании хронологии: «Следовало начать книгу <речь идет о первом томе. — Ред.> с стихотворений, написанных в 1827 и 1829 годах и с прочих юношеских опытов, а не печатать их после “Вечеров на хуторе” в виде дополнения»²¹. Совет этот был учтен через пять лет в следующем издании («издание наследни-

²¹ Лонгинов М. Указ. соч. С. 337.

ков»), хотя правомерен он только в отношении «Ганца Кюхельгартена» (из других опубликованных в этом разделе произведений «Италия» не могла быть вообще включена в основной корпус, так как ее аутентичность требует еще документальных подтверждений; что же касается «Двух отрывков из повести: Страшный Кабан» и «Женщины», то они связаны генетически с циклом «Арабесок»).

Вообще необычайная интенсивность гоголевской творческой эволюции, когда в короткий период начала 1830-х гг. были написаны или набросаны почти все его произведения, вклинивание одного замысла в другой, синхронность работы — все это делает очень трудным соблюдение принципа хронологии. Так, с формальной точки зрения, «Арабески» следовало бы поместить до «Миргорода», поскольку первый сборник вышел на месяц-полтора раньше. Однако очевидная творческая преемственность и даже, можно сказать, примыкание «Миргорода» к «Вечерам», а также установленная автором традиция публикации диктуют иное расположение — «Миргород» непосредственно следует за «Вечерами».

Вообще же сохранение циклов в большинстве случаев не представляет каких-либо издательских трудностей, так как их цельность скреплена авторской волей. Исключение — лишь «Арабески».

Как известно, в своем первом собрании сочинений Гоголь отказался от печатания «Арабесок» в полном их виде, оставив лишь «Невский проспект», «Записки сумасшедшего» и «Портрет» (в новой редакции). Эти три произведения вместе с четырьмя другими — «Нос», «Шинель», «Коляска» и «Рим» — были объединены под названием «Повести» и составили третий том упомянутого издания. Издание Трушковского повторило подобное решение.

В результате создалась довольно сложная, можно сказать, даже парадоксальная ситуация. С одной стороны, существовала книга (точнее две книги: «Арабески», подобно «Вечерам» и «Миргороду», были изданы в двух частях), ставшая важным фактом истории литературы и гоголевской художественной и духовной биографии, а с другой стороны — автор дважды подтверждал свой отказ от «Арабесок» как от цикла²².

Эта ситуация побуждала к самым разным издательским решениям. П. Кулиш первый восстановил «Арабески» как цикл (во 2-м томе своего издания) и одновременно (в 3-м томе) поместил раздел «По-

²² Судя по черновому наброску содержания 5-го тома, во втором издании подобная же участь могла постигнуть и «Выбранные места...». Однако в данном случае намерение еще не стало осуществившимся фактом.

вести», составленный, впрочем, весьма пестро (наряду с «Носом», «Шинелью», «Коляской» и «Римом», — «Тарас Бульба» и «Портрет» в новых редакциях, а также «Острица, начало исторического романа»). Примеру Кулиша последовали «издания наследников». Н. Тихонравов также воспроизвел «Арабески» полностью (в 5-м томе), а перед этим (во 2-м томе) поместил повести «Нос», «Портрет» (в позднейшей редакции), «Шинель», «Коляску» и «Рим»; таким образом, из составленного самим Гоголем раздела «Повести» были исключены те, которые вошли в «Арабески». В советское время наметилась противоположная тенденция: «Арабески» не восстанавливались, зато помещались в полном составе «Повести». Этой традиции следовало и предшествующее академическое издание.

Думается, что ни то, ни другое решение не являются достаточно взвешенным. Нельзя не считаться с фактом существования «Арабесок», но в то же время нельзя восстанавливать «Арабески» за счет нарушения полноты и последовательности «Повестей». Могут возразить, что «Повести» не являются столь определенно выраженным циклом, как «Арабески». Однако определение цикла — дело достаточно сложное; помимо субъективной стороны, то есть внутреннего авторского побуждения к циклизации, существует сторона объективная, образуемая самой рядомположенностью и последовательностью некоторой суммы произведений. Именно поэтому мы намерены в настоящем издании восстановить «Арабески», сохранив в то же время раздел «Повести». Такой шаг включает в себе определенный смысл — и историко-литературный, и текстологический.

В самом деле: Гоголь разбил первый цикл, отменил его с помощью второго цикла. Мы сохраняем и первый цикл и его отмену и, показывая движение писателя от одного решения к другому, демонстрируем в то же время самоценность и значительность каждого этапа этого движения. В чисто текстологическом смысле это можно сравнить с печатанием двух различных версий (редакций) одной вещи: новая версия отменяет предыдущую, но и предыдущая сохраняет свое определенное значение.

Нужно учесть также, что фактически дублируются только «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего». «Портрет» же существует в двух принципиально отличающихся редакциях; при этом первая редакция возвращается на свое место — в «Арабески», а вторая на свое — в «Повести». Возвращение первой редакции «Портрета» в «Арабески» весьма логично: по своей онтологии — это совсем другое произведение, и эта онтология вполне соответствует другим про-

изведениям цикла, не только повестям, но и статьям и отрывкам. Восстанавливаются связи между текстами, а также плотность всего контекста.

Далее, облегчается решение ряда текстологических проблем. Повести из «Арабесок» — это именно текст «Арабесок» и предшествующих черновых редакций (помещаемых, естественно, в разделах «Другие редакции» и «Варианты»). К тексту же «Повестей» дается правка, внесенная уже после «Арабесок». Таким образом и «Невский проспект», и «Записки сумасшедшего» в обоих циклах тоже не будут полностью дублироваться.

Надо заметить, что дублирование некоторого количества текстов, если это вызывается необходимостью, не противоречит современным принципам мировой науки и издательского дела. Необходимость же создается прежде всего в том случае, если эти тексты подвергались перециклизации и перегруппировке со стороны самого автора. Так было в творчестве Гете, что учитывается в практике его изданий в ФРГ. «Примерно пятая часть его стихотворений появляется по этой причине как в первом, так и во втором томах, с изменением различной величины и порядка и в различных контекстах»²³.

Наряду с сохранением циклов, настоящее академическое издание предполагает также упорядочение общей его структуры. Распределение текстов по томам станет наглядно-обозримым и рационально-убедительным.

Предыдущие издания, как правило, выглядят весьма хаотичными. В тихонравовском издании это отчасти объяснялось последовательностью обработки ученым рукописей, а в иных случаях и обстоятельствами их нахождения. Поэтому еще до окончания издания появляются упоминавшиеся выше «Сочинения Н.В.Гоголя. Извлечены из рукописей академиком Н.С.Тихонравовым...» (1892). Поэтому, скажем, основной текст «Мертвых душ» помещается в 3-м томе десятого издания, сохранившиеся главы второй части поэмы — в 3-м и в 4-м томах, а черновые главы первой части — в 7-м томе.

В предшествующем академическом издании наиболее хаотичными выглядят 8-й и 9-й тома. В 8-м томе напечатаны и статьи из «Арабесок», и статьи и рецензии, не вошедшие в «Арабески» или написанные позже, и «Выбранные места...», и «Авторская исповедь», и «Учебная книга словесности...», и материалы к 5-му тому второго издания, и даже в приложении письмо В.Г.Белинского к Гоголю от 15/3 июля 1847 г.

²³ *Warum Klassiker?* Deutscher Klassiker Verlag, Frankfurt a. M., 1985. S. 222.

А 9-й том академического издания, кстати, один из самых объемных (в нем 43 печатных листа) — это просто собрание всего, что не вошло в предыдущие тома.

В предлагаемом издании будет 23 тома. Поскольку общий принцип расположения текстов выше уже обозначен, остановимся лишь на некоторых новшествах нового академического издания по сравнению с предыдущим.

В 1-м томе, наряду с первыми печатными произведениями Гоголя — «Ганцем Кюхельгартенем» и «Вечерами», помещаются все его юношеские вещи. Хронологически они предшествуют первым публикациям Гоголя, то есть «Ганцу Кюхельгартену» и помещаемой в отделе «Dubia» «Италии». Тем самым возобновляется традиция объединения юношеских вещей в одном томе, что демонстрирует ранний этап творческого созревания художника, предшествующий его выходу на литературную арену в качестве профессионала.

Специальный том (9-й) представляет Гоголя-ученого. Здесь наброски работ, конспекты и отдельные замечания, связанные с его деятельностью в качестве преподавателя истории в Патриотическом институте и адъюнкт-профессора всеобщей истории Петербургского университета, а также связанные с последующими его студиями. Это записки по всеобщей истории, истории Украины, русской истории, истории Древнего мира и истории Западной Европы; далее — материалы по географии, этнографии и сельскому хозяйству, а также материалы лингвистических занятий Гоголя, прежде всего — составленный им словарь русского языка. В предыдущем издании эти тексты были утоплены в другом, причем весьма разнородном материале — ранних художественных опытах Гоголя, альбомных записях, записных книжках, биографических заметках и т. д. Мы же выделяем упомянутые тексты в специальный том.

В отдельный том (10-й) выделяются и «Выбранные места...». В тихонравовском издании это произведение объединялось вместе со второю частью «Мертвых душ» в позднейшей редакции (в 4-м томе). В предшествующем академическом — фигурировало вместе со статьями из «Арабесок», из пушкинского «Современника» и т. д. В настоящем же издании «Выбранные места...» фактически составляют отдельный том, в который включаются примыкающая к этому произведению статья «О сословиях в государстве», а также «Авторская исповедь», представляющая прямую реплику Гоголя на его книгу и на вызванную ею полемику.

Отдельным томом (11-м) представлен Гоголь как религиозный писатель. Здесь его книга «Размышления о Божественной литургии» и два трактата «О любви к Богу и самовоспитании» и «О тех душевных расположениях и недостатках наших...». В приложении помещаются гоголевские выписки из творений отцов и учителей православной церкви, а также выписки из чина литургии, послужившие основой для создания книги «Размышления о Божественной литургии».

Специальный завершающий том (12-й) объединяет в себе подготовительные материалы, а также материалы биографического характера. В предыдущих изданиях эти материалы смешивались с произведениями и опытами иного рода. Настоящий том составят прежде всего записные книжки Гоголя, начиная с его «Книги всякой всячины, или Подручной энциклопедии» (в предыдущем академическом издании они были разбросаны по разным томам — 7-му и 9-му); здесь же — биографические мелочи, перечни книг, альбомные записи, дарственные надписи на книгах (впервые вводимые в корпус сочинений), подготовительные материалы к Собраниям сочинений (предисловия, оглавление к 5-му тому), а также молитвы и наброски завещания. В этом же томе будут помещены рисунки Гоголя, также впервые вводимые в состав сочинений.

Девять томов (с 13-го по 21-й) посвящаются переписке. Впервые будет дана двусторонняя переписка Гоголя, что было сделано у нас до сих пор лишь в большом Академическом издании Пушкина.

Издание двусторонней переписки Гоголя имеет большое культурное значение. Ведь среди его корреспондентов — А.С.Пушкин, В.А.Жуковский, П.А.Плетнев, С.Т., К.С., И.С. и О.С.Аксаковы, игумен Оптиной пустыни архимандрит Моисей, Ф.В.Чижов. Наибольшее количество писем к Гоголю принадлежит А.О.Смирновой-Россет, А.А.Иванову, Н.М.Языкову, С.П.Шевыреву, А.М.Виельгорской, М.П.Погодину, уже упоминавшимся П.А.Плетневу, В.А.Жуковскому, С.Т.Аксакову. Всего на сегодняшний день выявлено более 450 писем к Гоголю, но возможны, конечно, новые находки. Если учесть, что все эти письма будут обстоятельно прокомментированы, то становится ясно — настоящее издание представит богатейший материал, существенно важный для изучения не только творчества писателя, но и большого периода всей русской культуры и общественной мысли.

После томов переписки предполагается дать том (22-й), условно названный нами «Рукою Гоголя». Сюда войдут сделанные Гоголем

выписки из различных текстов: из «Домостроя», из «Саратовских губернских ведомостей», из стихотворений Ломоносова и Державина, выписки, связанные с изучением иностранных языков, а также записанные Гоголем песни. Большинство этих материалов никогда не публиковалось.

Каков принцип отбора материала именно в этот том? У Гоголя есть записи, представляющие собою просто воспроизведение какой-либо вещи — например, пушкинской «Русалки». Понятно, что было бы неуместным педантизмом перепечатывать такие тексты — достаточно привести их список. С другой стороны, у Гоголя есть тексты, обнаруживающие определенную степень творческой переработки источника, например конспект книги П.С.Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768—1773 гг.». Такие документы помещаются в томе, обнимающем научные штудии Гоголя. Но вместе с тем есть материалы, в которых собственно гоголевского текста совсем нет или он сводится буквально к единичным фразам или словам, но которые все же несут на себе личностную печать в отношении выбора отрывков, их расположения, композиции, иногда нумерации и т. д. Такова составленная Гоголем тетрадка стихотворений Ломоносова и Державина: эти стихотворения определенным образом подобраны, расположены, некоторые сокращены, некоторые снабжены другим названием. Именно подобные тексты найдут себе место в томе «Рукою Гоголя».

Мы помещаем том «Рукою Гоголя» после томов сочинений и писем, так как этот том, вероятно, заинтересует в основном лишь специалистов и потребует меньшего, чем все издание, тиража.

В целом же настоящее академическое издание должно стать действительно полным, так как в нем найдет свое место все, написанное Гоголем.

Завершит издание 23-й справочный том. Это будет путеводитель по изданию с обстоятельными био-библиографическими указателями и справками, т. е. своего рода «Малая гоголевская энциклопедия».

КОММЕНТАРИЙ

В сущности Гоголь пока еще не прокомментирован. Весьма ценный комментарий Н.С.Тихонравова в «десятом издании» ограничен преимущественно проблемами текстологии и творческой истории произведений. Этот комментарий, кроме того, «находился в большой зависимости от качества и количества данных, бывших в распоряжении

исследователя»²⁴, поэтому примечания к некоторым произведениям не превышают полстраницы.

В предыдущем академическом Полном собрании сочинений Гоголя комментарий далек от своего назначения. Полностью отсутствует реальный комментарий. Весьма бедно представлена специальная литература, особенно зарубежная, а также работы конца XIX — начала XX в. Постепенно из поля зрения комментаторов исчезали существенные пласты материала. Совсем или почти совсем не затрагивались такие темы, как «Гоголь и мировая литература», «Значение Гоголя для мировой культуры», «Гоголь и последующая русская литература» и особенно «Гоголь и литература XX века», «Гоголь и русская литература Зарубежья», «Гоголь и религия», «Гоголь и русская религиозная философия».

Все эти пробелы и недостатки должен исправить комментарий в настоящем издании.

В комментариях к конкретным произведениям будут отражены следующие моменты:

- источники текста;
- история появления в печати (и на сцене, если речь идет о драматическом произведении), включая цензурную историю;
- творческая история;
- литературные, театральные, фольклорные источники;
- общественно-политические, культурные и бытовые реалии;
- рецепция произведения в критике, в читательских кругах. Здесь предполагается отражение всех прижизненных рецензий и статей и главнейших отзывов в статьях и обзорах, специально не посвященных Гоголю;
- основные этапы последующей судьбы произведения в критике, в общественном сознании и — по возможности — в художественном сознании (т. е. наиболее яркие случаи преломления данного текста в произведениях других писателей);
- первоначальный этап проникновения произведения в зарубежную читательскую и зрительскую аудиторию, рецепция в критике и т. д. (последующие этапы — менее подробно, лишь в основных своих моментах);
- осознание произведения в критике и научной литературе в аспекте поэтики, особенностей жанра, характерологии, стиля, языка, мотивов и т. д.;

²⁴ Шенрок В. Н. С. Тихонравов как издатель сочинений Гоголя // Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894. С. 118.

— история философских, социальных, религиозных интерпретаций произведения.

При разработке этих тем, особенно двух последних, должно найт отражение все то ценное в изучении Гоголя, что было накоплено в русской критике, литературоведении и философии, в литературе русского Зарубежья и в зарубежной науке. Все это позволит комментарию стать самым полным на сегодняшний день источником научной и, в частности, библиографической информации о Гоголе.

Сочинения, письма и другие материалы распределяются по томам следующим образом:

I. «Ганц Кюхельгартен». «Вечера на хуторе близ Диканьки». Юношеские произведения («Непогода» («Новоселье»), <В альбом В.И.Любича-Романовича>). Классные сочинения. Dubia (<Акростих>, <Из поэмы «Россия под игом татар»>, «Италия»).

II. «Миргород».

III. «Арабески». Фрагменты повести и романа, примыкающих к «Арабескам» (<Две главы из малороссийской повести: Страшный кабан>, «Гетьман»). Статьи 1830—1833 гг. («Женщина», «Борис Годунов. Поэма Пушкина», «О поэзии Козлова»). Мелкие отрывки («Страшная рука», <«Фонарь умирал»>, <«Дождь был продолжительный»>).

IV. «Ревизор». Приложения к «Ревизору».

V. «Женитьба». «Драматические отрывки и отдельные сцены» («Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», «Театральный разъезд...»). Незаконченное; черновые наброски. Приложения («Дядька в затруднительном положении...», «Сганарель...»).

VI. Повести («Невский проспект», «Нос», «Портрет» (вторая редакция), «Шинель», «Коляска», «Записки сумасшедшего», «Рим»). Незаконченное; отрывки («Ночи на вилле», <«Семен Семенович Батюшек»>, <«Девуцы Чабловы»>). Литературно-критические работы (вторая половина 30-х — 40-е гг.) («О движении журнальной литературы...», «Петербургские записки 1836 года» и т. д.).

VII. «Мертвые души», том первый.

VIII. «Мертвые души», том второй.

IX. Работы по истории, географии, этнографии, сельскому хозяйству. Материалы для словаря русского языка.

X. «Выбранные места из переписки с друзьями». <«Авторская исповедь»>. «О сословиях в государстве».

XI. Сочинения на религиозные темы («Размышления о Божественной литургии», «Правило жития в мире», «О тех душевных расположениях и недостатках наших...»). Приложение (<Выписки из творений св. отцов...>).

XII. Записные книжки. Биографические материалы. Разные мелочи.

XIII—XXI. Двусторонняя переписка Гоголя с его корреспондентами.

XXII. Рукою Гоголя.

XXIII. Справочный том. Био-библиографические указатели.

Тома настоящего издания, помимо основного текста, включают в себя раздел «Другие редакции», «Черновые редакции» (в случае необходимости, т. е. наличия таковых), раздел «Варианты»²⁵ и «Комментарий».

«Комментарий» состоит из краткой преамбулы, описывающей состав тома; общего введения в тех случаях, когда наличествует цикл произведения (например введение к комментарию «Вечеров»), и комментария к отдельным текстам. В конце тома приводится список условных сокращений рукописных, печатных источников и архивохранилищ.

Кроме того, в настоящем первом томе разделу комментариев предшествуют справка о лингвистических принципах, положенных в основу издания гоголевских текстов, и справка о способах воспроизведения и подачи рукописных и печатных источников в разделах «Другие редакции», «Черновые редакции» и «Варианты».

²⁵ В томах, содержащих переписку, раздел «Варианты» не предполагается. Соответствующие разночтения приводятся в подстрочных примечаниях. В некоторых наиболее важных случаях будут помещены и черновые редакции писем.

Ганц Кюхельгартен

Идиллия в картинах

Предлагаемое сочинение никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только Автора, не побудили его к тому. Это произведение его восемнадцатилетней юности. Не принимаясь судить ни о достоинстве, ни о недостатках его и предоставляя это просвещенной публике, скажем только то, что многие из картин сей идиллии, к сожалению, не уцелели; они, вероятно, связывали более ныне разрозненные отрывки и дорисовывали изображение главного характера. По крайней мере мы гордимся тем, что по возможности споспешествовали свету ознакомиться с созданием юного таланта.

К а р т и н а I

Светаёт. Вот проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все светло.
Вся в золоте сияет колокольня
И блещет луч на стареньком заборе.
Пленительно оборотилось все
Вниз головой, в серебряной воде:
Забор, и дом, и садик в ней такие ж.
Все движется в серебряной воде:
Синеет свод, и волны облак ходят,
И лес живой вот только не шумит.

На берегу, далеко вшедшем в море,
Под тенью лип, стоит уютный домик
Пастора. В нем давно старик живет.
Ветшает он, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернела;
И лепится давно цветистый мох
Уж по стенам; и окна искосились;
Но как-то мило в нем, и ни за что
Старик его б не отдал. Вот та липа,
Где отдыхать он любит, тож дряхлеет.
Зато вокруг ней зеленые прилавки
Из дерну свежего. В дуплистых норах
Ее гнездятся птички, старый дом
И сад веселой песнью оглашая.
Пастор всю ночь не спал, да пред рассветом
Уж вышел спать на чистый воздух;
И дремлет он под липой в старых креслах,
И ветерок ему свежит лицо
И белые взвеваёт волоса.

Но кто прекрасная подходит?
Как утро свежее, горит
И на него глаза наводит?
Очаровательно стоит?
Взгляните же, как мило будит
Ее лилейная рука,
Его касаясь слегка,
И возвратиться в мир наш нудит.
И вот в полглаза он глядит,
И вот спросонья говорит:

«О дивный, дивный посетитель!
Ты навестил мою обитель!
Зачем же тайная тоска
Всю душу мне насквозь проходит,
И на седого старика
Твой образ дивный сдалека
Волнение странное наводит?
Ты посмотри: уже я хил,
Давно к живущему остыл,
Себя погреб в себе давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О нем и мыслить уж привык,
О нем и мелет мой язык.
Чего ж ты, гостя молодая,
К себе так пламенно влечешь?
Или, жилища неба-рая,
Ты мне надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готов, да недостойн.
Велики тяжкие грехи:
И я был злой на свете воин,
Меня робели пастухи;
Мне лютые дела не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повесть...»

Тоски, смятения полна,
«Сказать — подумала она —
Он, Бог знает, куда заедет...
Сказать ему, что он ведь бредит».

Но он в забвенье погружен.
Его объемлет снова сон.
Склонясь над ним, она чуть дышет.
Как поживает! как он спит!
Вдох чуть заметный грудь колышет;
Незримым воздухом обвит,
Его архангел сторожит;
Улыбка райская сияет,
Чело святое осеняет.

Вот он открыл свои глаза:
«Луиза, ты ль? мне снилось... странно...
Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохла роса.
Сегодня, кажется, туманно».

«Нет, дедушка, светло, свод чист;
Сквозь рощу солнце светит ярко;
Не колыхнется свежий лист,
И по утру уже все жарко.
Узнаете ль, зачем я к вам? —
У нас сегодня будет праздник.
У нас уж старый Лодельгам,
Скрыпач, с ним Фриц проказник;
Мы будем ездить по водам...
Когда бы Ганц...» Добросердечный
Пастор с улыбкой хитрой ждет,
О чем рассказ свой поведет
Младенец резвый и беспечный.

«Вы, дедушка, вы можете помочь
Одни неслыханному горю:
Мой Ганц страх болен; день и ночь
Все ходит к сумрачному морю;
Все не по нем, всему не рад,

Сам говорит с собой, к нам скучен,
Спросить — ответит не попад,
И весь ужасно как измучен.
Ему зазнаться уж с тоской —
Да эдак он себя погубит.
При мысли я дрожу одной:
Быть может, недоволен мной;
Быть может, он меня не любит. —
Мне это — в сердце нож стальной.
Я вас просить, мой ангел, смею...»
И кинулась к нему на шею,
Стесненной грудью чуть дыша;
И вся зарделась, вся смешалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазках показалась...
Ах, как Луиза хороша!

«Не плачь, покойся, друг мой милый!
Ведь стыдно плакать, наконец, —
Духовный молвил ей отец. —
Бог нам дарит терпенье, силы;
С твоей усердною мольбой
Тебе ни в чем он не откажет.
Поверь, Ганц дышет лишь тобой;
Поверь, он то тебе докажет.
Зачем же мыслию пустой
Душевный растравлять покой?»

Так утешает он свою Луизу,
Ее к груди дряхлеющей прижав.
Вот старая Гертруда ставит кофий
Горячий и весь светлый, как янтарь.
Старик любил на воздухе пить кофий,
Держа во рту черешневый чубук.
Дым уходил и кольцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлебом
Кормила с рук своих кота, который
Мурлыча крался, слыша сладкий запах.
Старик привстал с цвеченых старых кресел,
Принес мольбу и руку внучке подал;

ГАНЦЪ
КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ

НАМЪЛІЯ
ВЪ КАРТИНАХЪ.

Соч. В. Алова.

(Писано въ 1827)

Ст. ПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ Типографіи А. Плюшара
1829 годѣ.

И вот надел нарядный свой халат,
Весь из парчи серебряной, блестящей,
И праздничный ненашенный колпак
— Его в подарок нашему пастору
Из города привез недавно Ганц, —
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старик наш вышел в поле.
Какой же день! Веселые вились
И пели жавронки; ходили волны
От ветру золотого в поле хлеба;
Сгустились вот над ними деревья,
На них плоды пред солнцем наливались
Прозрачные; вдали темнели воды
Зеленые; сквозь радужный туман
Неслись моря душистых ароматов;
Пчела работница срывала мед
С живых цветов; резвунья стрекоза
Треща вилась; разгульная вдали
Неслася песнь, — то песнь гребцов удалых.
Редее лес, видна уже долина,
По ней мычат игривые стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина; краснеют черепицы
И ярко луч по краям их скользит.

К а р т и н а I I

Волнуем думой непонятной,
Наш Ганц рассеянno глядел
На мир великий, необъятной,
На свой незнаемый удел.
Доселе тихий, безмятежной
Он жизнью радостно играл;
Душой невинною и нежной
В ней горьких бед не прозревал;
Земного мира уроженец,
Земных губительных страстей
Он не носил в груди своей,
Беспечный, ветреный младенец.
И было весело ему.

Он разрезвлялся мило, живо
В толпе детей; не верил злу;
Пред ним цвел мир как бы на диво.
Его подруга с детских дней
Дитя-Луиза, ангел светлый,
Блистая прелестью речей;
Сквозь кольца русые кудрей
Лукавый взгляд жег неприметно;
В зеленой юбочке сама
Поет, танцует ли она —
Все простодушно, в ней все живо,
Все детски в ней красноречиво;
На шейке розовый платок
С груди слетает понемножку,
И стройно белый башмачок
Ее охватывает ножку.
В лесу ль играет вместе с ним —
Его обгонит, все проникнет,
В куст притаясь с желаньем злым,
Ему вдруг в уши громко крикнет —
И испугает; спит ли он —
Ему лицо все разрисует,
И, звонким смехом пробужден,
Он покидает сладкий сон,
Шалунию резвую целует.

Уходит за весной весна.

Круг детских игр их стал уж скромн. —
Меж ними резвость не видна;
Огонь очей его стал томен,
Она застенчиво-грустна.
Они понятно угадали
Вас, речи первые любви!
Покуда сладкие печали!
Покуда радужные дни!
Чего б желать с Луизой милой?
Он с ней и вечер, с ней и день,
К ней привлечен он дивной силой,
Как верно бродящая тень.
Полны сердечного участия,

Не наглядятся старики
Их простодушные на счастье
Своих детей; и далеки
От них дни горя, дни сомнений:
Их осеняет мирный Гений.

Но скоро тайная печаль
Им овладела; взор туманен,
И часто смотрит он на даль,
И беспокоен весь и странен.
Чего-то смело ищет ум,
Чего-то тайно негодует;
Душа, в волненьи темных дум,
О чем-то, скорбная, тоскует;
Он как прикованный сидит,
На море буйное глядит.
В мечтаньи все кого-то слышит
При стройном шуме ветхих вод.

.
Или в долине ходит думный;
Глаза торжественно блестят,
Когда несется ветер шумный
И громы жарко говорят;
Огонь мгновенный колет тучи;
Дождя источники горючи
Секутся звучно и шумят. —
Иль в час полночи, в час мечтаний
Сидит за книгою преданий,
И, перевертывая лист,
Он ловит буквы в ней немые
— Глаголят в них века седые,
И слово дивное гремит. —
Час углубясь в раздумьи целой,
С нее и глаз он не сведет;
Кто мимо Ганца ни пройдет,
Кто ни посмотрит, скажет смело:
Назад далеко он живет.
Чудесной мыслью очарован,
Под дуба сумрачную сень
Идет он часто в летний день,

К чему-то тайному прикован;
Он видит тайно чью-то тень,
И к ней он руки простирает,
Ее в забвеньи обнимает. —

А простодушна и одна
Луиза-ангел, что же? где же?
Ему всем сердцем предана,
Не знает, беденькая, сна;
Ему приносит ласки те же;
Его ручонкой обовьет;
Его невинно поцелует;
Он на минуту растоскует
И снова то же запоет.

Они прекрасны, те мгновенья,
Когда прозрачную толпой
Далеко милые виденья
Уносят юношу с собой.
Но если мир души разрушен,
Забыт счастливый уголок,
К нему он станет равнодушен,
И для простых людей высок,
Они ли юношу наполнят?
И сердце радостью ль исполнят?

Пока в жилище суеты
Его подслушаем украдкой,
Доселе бывшие загадкой,
Разнообразные мечты.

К а р т и н а III

Земля классических, прекрасных созиданий,
И славных дел, и вольности земля!
Афины, к вам, в жару чудесных трепетаний,
Душой приковываюсь я!
Вот от треножников до самого Пирея
Кипит, волнуется торжественный народ;
Где речь Эсхинова, гремя и пламенея,

Все своенравно вслед влечет,
Как воды шумные прозрачного Иллиса.
Велик сей мраморный изящный Парфенон!
Колонн дорических он рядом обнесен;
Минерву Фидий в нем переселил резцом,
И блещет кисть Парразия, Зевксиса.
Под портиком божественный мудрец
Ведет высокое о дольном мире слово;
Кому за доблести бессмертие готово,
Кому позор, кому венец.
Фонтанов стройных шум, нестройных песней клики;
С восходом дня толпа в амфитеатр валит,
Персидский кандис весь испещренный блестит,
И вьются легкие туники.
Стихи Софокловы порывисто звучат;
Венки лавровые торжественно летят;
С медоточивых уст любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спешат прекрасную науку изучить:
Как жизнью жить, как наслажденье пить.
Но вот Аспазия! Не смеет и дохнуть
Смятенный юноша, при черных глаз сих встрече.
Как жарки те уста! как пламенны те речи!
И темные, как ночь, те кудри как-нибудь,
Волнуясь, падают на грудь,
На беломраморные плечи.
Но что при звуке чаш тимпанов дикий вой?
Плющом увенчаны Вакхические девы,
Бегут нестройною, неистовой толпой
В священный лес; все скрылось... что вы? где вы?..

Но вы пропали, я один.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавн пришел с долин;
Хотя б прекрасная Дриада
Мне показалась в мраке сада,
О, как чудесно вы свой мир
Мечтою, греки, населили!
Как вы его обворожили!

А наш — и беден он, и сир,
И расквadraчен весь на мили.

И снова новые мечты
Его, смеясь, обнимают;
Его воздушно поднимают
Из океана суеты.

К а р т и н а IV

В стране, где сверкают живые ключи;
Где, чудно сияя, блистают лучи;
Дыхание амры и розы ночной
Роскошно объемлет эфир голубой;
И в воздухе тучи курений висят;
Плоды мангустана золотые горят;
Лугов Кандагарских сверкает ковер;
И смело накинута небесный шатер;
Роскошно валится дождь яркий цветов,
То блещут, трепещут рои мотыльков; —
Я вижу там Пери: в забвеньи она
Не видит, не внемлет, мечтаний полна.
Как солнца два, очи небесно горят;
Как Гемасагара, так кудри блестят;
Дыхание — лилий серебряный чад,
Когда засыпает истомленный сад
И ветер их вздохи развеет порой;
А голос, как звуки сиринды ночной,
Или трепетанье серебряных крыл,
Когда ими звукнет, резвясь, Исразил,
Иль плески Хиндары таинственных струй;
А что же улыбка? А что ж поцелуй?
Но вижу, как воздух, она уж летит,
В края поднебесны, к родимым спешит.
Постой, оглянися! Не внемлет она.
И в радуге тонет, и вот не видна.
Но воспоминанье мир долго хранит,
И благоуханьем весь воздух обвит.

.

Живого юности стремленья
Так испестрялися мечты.
Порой небесного черты,
Души прекрасной впечатленья,
На нем лежали; но чего
В волненьях сердца своего
Искал он думою неясной,
Чего желал, чего хотел,
К чему так пламенно летел
Душой и жадною, и страстной,
Как будто мир желал обнять, —
Того и сам не мог понять.
Ему казалось душно, пыльно
В сей позаброшенной стране;
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней стороне.
Тогда когда б вы повидали,
Как воздымалась буйно грудь,
Как взоры гордо трепетали,
Как сердце жаждало прильнуть
К своей мечте, мечте неясной;
Какой в нем пыл кипел прекрасной;
Какая жаркая слеза
Живые наполнила глаза.

К а р т и н а VI

От Висмара в двух милях та деревня,
Где ограничился лиц наших мир.
Не знаю, как теперь, но Люненсдорфом
Она тогда, веселая, звалась.
Уж издали белеет скромный домик
Вильгельма Бауха, мызника. — Давно,
Женившись на дочери пастора,
Его построил он! Веселый домик!
Он выкрашен зеленой краской, крыт
Красивою и звонкой черепицей;
Вокруг каштаны старые стоят,
Нависши ветвями, как будто в окна

Хотят продраться; из-за них мелькает
Решетка из прекрасных лоз, красиво
И хитро сделана самим Вильгельмом;
По ней висит и змейкой вьется хмель;
С окна протянут шест, на нем белье
Блится белое пред солнцем. Вот
В пролом на чердаке толпится стая
Мохнатых голубей; протяжно клохчут
Индеек; хлопая, встречает день
Крикун петух и по двору вот важно,
Меж пестрых кур, он кучи разгребаёт
Зернистые; гуляют тут же две
Ручные козы и резвяся щиплют
Душистую траву. Давно курился
Уж дым из белых труб, курчаво он
Вился и облака приумножал.
С той стороны, где с стен валилась краска
И серые торчали кирпичи,
Где древние каштаны стлали тень,
Которую перебегало солнце,
Когда вершину их ветер резво колыхал, —
Под тенью тех деревьев вечно милых
Стоял с утра дубовый стол, весь чистой
Покрытый скатертью и весь уставлен
Душистой яствой: желтый вкусный сыр,
Редис и масло в фарфоровой утке,
И пиво, и вино, и сладкой бишеф,
И сахар, и коричневые вафли;
В корзине спелые, блестящие плоды:
Прозрачный грозд, душистая малина,
И как янтарь желтеющие груши,
И сливы синие, и яркий персик,
В затейливом виднелось все порядке.
Сегодня праздновал живой Вильгельм
Рожденье дорогой своей супруги,
С пастором и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни.
Но Фанни нет, она давно пошла
Звать Ганца и не возвращалась. Верно,
Он где-нибудь опять в раздумьи бродит.

А милая Луиза все глядит
Внимательно на темное окно
Соседа Ганца. Два шага всего ведь
К нему; но не пошла моя Луиза:
Чтоб не заметил он в ее лице
Тоски докучливой, чтоб не прочел
В ее глазах он едкого упрека.
Вот говорит Вильгельм, отец, Луизе:
«Смотри, ты Ганца пожури порядком:
Зачем он к нам так долго не идет?
Ведь ты его сама избаловала».
И вот дитя-Луиза так в ответ:
«Боюсь журить прекрасного я Ганца:
И без того он болен, бледен, худ...»
— «Что за болезнь, — сказала мать,
Живая Берта, — не болезнь, тоска
Незванная к нему сама пристала;
Вот женится, и отпадет тоска.
Так молодой побег, совсем приглохший,
Опрыснутый дождем, вмиг зацветет;
И что ж жена, как не веселье мужа?»
«Речь умная, — седой пастор примолвил. —
Все, верь, пройдет, когда захочет Бог,
И будь во всем его святая воля». —
Уже два раза он из трубки выбивал
Золу, и в спор вступал с Вильгельмом,
Разговорясь про новости газет,
Про злой неурожай, про греков и про турок,
Про Мисолунги, про дела войны,
Про славного вождя Колокотрони,
Про Канинга, про парламент,
Про бедствия и мятежи в Мадрите.
Как вдруг Луиза вскрикнула и мигом,
Увидя Ганца, бросилась к нему.
Воздушный стан ее обнявши стройный,
С волнением юноша ее поцеловал.
Оборотясь к нему, вот молвит пастор:
«Эх, стыдно, Ганц, забыть своего друга!
Да что, коли уже забыл Луизу,
Об нас ли, стариках, и думать?» — «Полно

Тебе все Ганца, папенька, журить, —
Сказала Берта, — лучше сядем мы
Теперь за стол, не то простынет всё:
И каша с рисом и вином душистым,
И сахарный горох, каплун горячий,
Зажаренный с изюмом в масле». Вот
За стол они садятся мирно;
И скоро вмиг вино все оживило
И, светлое, смех в душу пролило.
Старик скрипач и Фриц на звонкой флейте
Согласно грянули хозяйке в честь.
Все понеслись и закружились в вальсе.
Развеселясь, румяный наш Вильгельм
Пустился сам с своей женой, как с павой;
Как вихорь, неся Ганц с своей Луизой
В бурливом вальсе; и пред ними мир
Вертелся весь в чудесном, шумном строе.
А милая Луиза ни дохнуть,
Ни посмотреть вокруг не может, вся
В движеньи потерялась. Ими
Не налюбуясь, говорит пастор:
«Любезная, прекрасная чета!
Мила моя веселая Луиза,
Прекрасен и умен, и скромн Ганц; —
Сотворены они уж друг для друга
И счастливо свою жизнь проведут.
Благодарю тебя, о Боже милосердный!
Что ниспослал на старость благодать,
Мои продлил дряхлеющие силы —
Чтобы узреть таких прекрасных внучат,
Чтобы сказать, прощаясь с ветхим телом:
Прекрасное я видел на земли».

К а р т и н а VII

С прохладою спокойный тихий вечер
Спускается; прощальные лучи
Целуют где-то сумрачное море;
И искрами живыми, золотыми
Деревья тронуты; и вдалеке
Виднеют, сквозь туман морской, утесы,

Все разноцветные. Спокойно все.
Пастушьих лишь рожков унывный голос
Несется вдаль с веселых берегов,
Да тихий шум в воде всплеснувшей рыбы
Чуть пробежит и вздернет море рябью,
Да ласточка, крылом черпнувши моря,
Круги по воздуху скользя дает.
Вот заблестел вдали, как точка, катер;
А кто же в нем, в том катере, сидит?
Сидит пастор, наш старец седовласый
И с дорогой супругою Вильгельм;
А резвая всегда шалунья Фанни,
С удой в руках и свесившись с перил,
Смеясь, ручонкою болтала волны;
Возле кормы с Луизой милой Ганц.
И долго все в молчаньи любовались:
Как за кормой широкая ходила
Волна и в брызгах огнецветных, вдруг
Веслом разорванная, трепетала;
Как разъяснялась розовая дальность
И южный ветер дыханье навевал.
И вот пастор, исполнен умиленья,
Проговорил: «Как мил сей Божий вечер!
Прекрасен, тих он, как благая жизнь
Безгрешного; она ведь также мирно
Кончает путь, и слезы умиленья
Священный прах, прекрасные, кропят.
Пора и мне уж; срок назначен,
И скоро, скоро я не буду ваш,
Но эдак ли прекрасно опочию?..»
Все прослезились. Ганц, который песню
Наигрывал на сладостном гобое,
Задумался и выронил гобой;
И снова сон какой-то осенил
Его чело; далеко мчались мысли,
И чудное на душу натекло.
И вот ему так говорит Луиза:
«Скажи мне, Ганц, когда еще ты любишь
Меня, когда я пробудить могу
Хоть жалость, хоть живое состраданье

В душе твоей, не мучь меня, скажи, —
Зачем один с какой-то книгой
Ты ночь сидишь? (мне видно все,
И окнами ведь друг мы против друга).
Зачем дичишься всех? зачем грустишь?
О, как меня твой грустный вид тревожит!
О, как меня печаль твоя печалит!»
И, тронутый, смутился Ганц;
Ее к груди с тоскою прижимает,
И брызнула невольная слеза.
«Не спрашивай меня, моя Луиза,
И беспокойством сим тоски не множь.
Когда ж кажусь погружен в мысли —
Верь, занят и тогда тобой одною,
И думаю я, как бы отвратить
Все от тебя печальные сомненья,
Как радостью твое наполнить сердце,
Как бы души твоей хранить покой,
Оберегать твой детский сон невинный:
Чтобы недоброе не приближалось,
Чтобы и тень тоски не прикасалась,
Чтоб счастье твое всегда цвело».
Спустиась к нему головкою на грудь,
В избытке чувств, в признательности сердца
Ни слова вымолвить она не может. —
По берегу неслася лодка плавно
И вдруг причалила. Все вышли
Вмиг из нее. «Ну! берегитесь, дети, —
Сказал Вильгельм, — здесь сыро и роса,
Чтоб не нажить несносного вам кашля». —
Дорогой Ганц наш мыслит: «Что же будет,
Когда услышит то, чего и знать бы
Не должно ей?» И на нее глядит
И чувствует он в сердце укоризну:
Как будто бы недоброе что сделал,
Как будто бы пред Богом лицемерил.

К а р т и н а VIII

На башне бьет час полуночный.
Так, это час, час дум урочный,
Как Ганц один всегда сидит!
Свет лампы перед ним дрожит
И бледно сумрак освещает,
Как бы сомненья разливает.
Все спит. Ничей блудящий взор
На поле никого не встретит;
И, как далекий разговор,
Волна шумит, а месяц светит.
Все тихо, дышит ночь одна,
Теперь его глубоких дум
Не потревожит дневный шум:
Над ним такая ж тишина.

А что ж она? — Встает она,
Садится прямо у окна:
«Он не посмотрит, не приметит,
А насмотрюсь я на него;
Не спит для счастья моего!..
Благослови, Господь, его!»

Волна шумит, а месяц светит.
И вот над нею вьется сон
И голову невольно клонит.
Но Ганц все так же в мыслях тонет,
Вглубь их далеко погружен.

1

Все решено. Теперь ужели
Мне здесь душою погибать?
И не узнать иной мне цели?
И цели лучшей не сыскать?
Себя обречь бесславью в жертву?
При жизни быть для мира мертву?

2

Душой ли, славу полюбившей,
 Ничтожность в мире полюбить?
 Душой ли, к счастью не остывшей,
 Волненья мира не испить?
 И в нем прекрасного не встретить?
 Существованья не отметить?

3

Зачем влечете так к себе вы,
 Земли роскошные края?
 И день и ночь, как птиц напевы,
 Призывный голос слышу я;
 И день и ночь мечтами скован,
 Я вами, вами очарован.

4

Я ваш! я ваш! из сей пустыни
 Вниду я в райские места;
 Как пилигрим бредет к святыне,

 Корабль пойдет, забрызжут волны;
 Им чувства вслед, веселья полны.

5

И он спадет, покров неясный,
 Под коим знала вас мечта,
 И мир прекрасный, мир прекрасный
 Отворит дивные врата,
 Приветить юношу готовый
 И в наслажденьях вечно новый.

6

Творцы чудесных впечатлений!
 Резец ваш, кисть увижу я,
 И ваших пламенных творений
 Душа исполнится моя.

Шумы ж, мой океан широкий!
Неси корабль мой одинокий!

7

А ты прости, мой угол тесный,
И лес, и поле! луг, прости!
Кропи вас чаще дождь небесный!
И дай Бог долее цвести!
По вас душа как будто страдает,
В последний раз обнять вас жаждет.

8

Прости, мой ангел безмятежный!
Чела слезами не кропи!
Не предавайсь тоске мятежной
И Ганца бедного прости!
Не плачь, не плачь, я скоро буду,
Я возвращусь — тебя ль забуду?..

К а р т и н а IX

Кто это позднею порой
Ступает тихо, осторожно?
Видна котомка за спиной,
Посох за поясом дорожный.
Направо домик перед ним,
Налево дальняя дорога,
Идти путем он хочет сим
И просит твердости у Бога.
Но мукой тайною томим,
Назад он ноги обращает
И в домик тот он поспешает.

Одно окно открыто в нем;
Облокотясь, пред тем окном
Краса-девица почивает,
И, вея, ветер, над ней крылом,
Ей сны чудесные внушает;
И, ими, милая, полна,

Вот улыбается она.
С душеволнением к ней подходит...
Стеснилась грудь; дрожит слеза...
И на прекрасную наводит
Свои блестящие глаза.
Он склонился к ней, пылает,
Ее целует и стенает.

И, вздрогнув, быстро он бежит
Опять дорогою далекой;
Но мрачен беспокойный вид,
Но грустно в сей душе глубокой.
Вот оглянулся он назад:
Но уж туман окрестность кроет,
И пуще юноши грудь ноет,
Прощальный посылая взгляд.
Ветр, пробудившись, суровой
Качнул зеленою дубровой.
Исчезло все в дали пустой.
Сквозь сон лишь смутно порой —
Готлиб привратник будто слышал,
Что из калитки кто-то вышел,
Да верный пес, как бы в укор,
Пролаял звучно на весь двор.

К а р т и н а X

Не всходит долго светлый вождь.
Ненастно утро; на поляны
Валяются серые туманы;
Звенит по кровлям частый дождь.
С зарей красавица проснулась;
Сама дивится, что она
Проспала ночь всю у окна.
Поправив кудри, улыбнулась,
Но, против воли, взор живой,
Блеснул досадною слезой.
«Что Ганц так долго не приходит?»
Он обещал мне быть чуть свет.
Какой же день! тоску наводит;

Туман густой по полю ходит,
И ветер свистит; а Ганца нет».

Полна живого нетерпенья,
Глядит на милое окно:
Не отворяется оно.
Ганц, верно, спит, и сновиденья
Ему творят любой предмет;
Но день давно уж. Рвут долины
Ручьи дождя; дубов вершины
Шумят; а Ганца нет, как нет.

Уж скоро полдень. Неприметно
Туман уходит; лес молчит;
Гром в размышлении гремит
Вдали... Дугою семицветной
Горит на небе райский свет;
Унизан искрами дуб древний;
И песни звонкие с деревни
Звучат; а Ганца нет, как нет.

Что б это значило?.. находит
Злодейка грусть; слух утомлен
Считать часы... Вот кто-то входит
И в дверь... Он! он!.. ах, нет, не он!
В халате розовом покойном,
В цветном переднике с каймой,
Приходит Берта: «Ангел мой!
Скажи, что сделалось с тобой?»
Ты ночь всю спала беспокойно;
Ты вся томна, ты вся бледна.
Не дождь ли помешал шумливый?
Или ревущая волна?
Или петух, буян крикливый,
Всю ночь не ведающий сна?
Иль потревожил дух нечистой
Во сне покой девицы чистой,
Навеял черную печаль?
Скажи, тебя всем сердцем жаль!» —

«Нет, не мешал мне дождь шумливый,
И ни ревущая волна,
И ни петух, буян крикливый,
Всю ночь не ведающий сна;
Не эти сны, не те печали
Мне грудь младую взволновали;
Не ими дух мой возмущен,
Иной мне снился дивный сон.

Мне снилось: в темной я пустыне,
Вокруг меня туман и глушь.
И на болотистой равнине
Нет места, где была бы сушь.
Тяжелый запах; топко, вязко;
Что шаг, то бездна подо мной:
Боюсь я ступить ногой;
И вдруг мне сделалось так тяжело,
Так тяжело, что нельзя сказать...
Где ни возьмись Ганц дикий, странный,
— Бежала кровь, струясь из раны —
Вдруг начал надо мной рыдать;
Но, вместо слез, лились потоки
Какой-то мутных воды...
Проснулась я: на грудь, на щеки,
На кудри русой головы
Бежал ручьями дождь досадной;
И было сердцу не отрадно.
Меня предчувствие берет...
И я кудрей не выжимала;
И я все утро тосковала;
Где он? и что с ним? что нейдет?»

Стоит, качает головою,
Разумная, пред нею мать:
«Ну, дочка! мне с твоей бедою,
Не знаю, как уж совладать.
Пойдем к нему, узнаем сами,
Да будь святая сила с нами!»

Вот входят в комнату оне;
Но в ней все пусто. В стороне
Лежит, в густой пыли, том давний,
Платон и Шиллер своенравный,
Петрарка, Тик, Аристофан
Да позабытый Винкельман;
Куски изодранной бумаги;
На полке — свежие цветы;
Перо, которым, полн отваги,
Передавал свои мечты.
Но на столе мелькнуло что-то.
Записка!.. с трепетом взяла
Луиза в руки. От кого-то?
К кому?.. И что ж она прочла?..
Язык лепечет странно пени...
И вдруг упала на колени;
Ее кручина давит, жжет,
Гробовый холод в ней течет.

К а р т и н а X I

Ты посмотри, тиран жестокий,
На грусть убитья души!
Как вянет цвет сей одинокий,
Забывтый в пасмурной глуши!
Вглядись, взглядишь в свое творенье:
Ее ты счастья лишил
И жизни радость претворил
В тоску ей, в адское мученье,
В гнездо разоренных могил.
О, как она тебя любила!
С каким восторгом чувств живым
Простые речи говорила!
И как внимал речам ты сим!
Как пламенен и как невинен
Был этот блеск ее очей!
Как часто ей, в тоске своей,
Тот день казался скучен, длинен,
Когда, раздумью предана,
Тебя не видела она.
И ты ль, и ты ль ее оставил?

Ты ль отвернулся от всего?
В страну чужую путь направил,
И для кого? и для чего?
Но посмотри, тиран жестокий:
Она все так же, под окном,
Сидит и ждет в тоске глубокой,
Не промелькнет ли милый в нем.
Уж гаснет день; сияет вечер;
На все наброшен дивный блеск;
Прохладный вьется в небе ветер;
Волны чуть слышен дальний плеск.
Уже ночь тени настигает;
Но запад все еще сияет.
Свирель чуть льется; а она
Сидит недвижно у окна.

Н о ч н ы е в и д е н и я

Темнеет, тухнет вечер красный;
Спит в упоении земля;
И вот на наши уж поля
Выходит важно месяц ясный.
И все прозрачно, все светло;
Сверкает море, как стекло. —

В небе чудные вот тени
Развились и свились,
И чудесно понеслись
На небесные ступени.
Прояснилось: две свечи;
Двое рыцарей косматых;
Два зубчатые мечи
И чеканенные латы;
Что-то ищут; стали в ряд.
И зачем-то переходят;
И дерутся, и блестят;
И чего-то не находят...
Все пропало, слилось с тмой;
Светит месяц над водой.

Блистательно всю рошу оглашает
Царь соловей. Звук тихо разнесен.
Чуть дышит ночь; земля сквозь сон
Мечтательно певцу внимает.
Лес не колышется; все спит,
Лишь вдохновенна песнь звучит.

Показался дивной феи
Слитый с воздуха дворец,
И в окне поет певец
Вдохновенные затеи.
На серебряном ковре,
Весь затканый облаками,
Чудный дух летит в огне;
Север, юг покрыл крылами.
Видит: фея спит в плену
За решеткою коральной;
Перламутрную стену
Рушит он слезой хрустальной.
Обнялись... слились с тмой...
Светит месяц над водой.

Сквозь пар окрестность чуть сверкает.
Какую кучу тайных дум
Наводит моря странный шум!
Огромный кит спиной мелькает;
Рыбак закутался и спит;
А море все шумит, шумит.

Вот из моря молодые
Девы чудные плывут;
Голубые, огневые
Волны белые гребут.
Призадумавшись, колышет
Грудь лилейную вода,
И красавица чуть дышет...
И роскошная нога
Стелет брызги в два ряда...
Улыбается, хохочет,
Страстно манит и зовет,

И задумчиво плывет,
Будто хочет и не хочет,
И задумчиво поет
Про себя, младу сирену,
Про коварную измену,
А на тверди голубой
Светит месяц над водой.

Вот в стороне глухой кладбище:
Ограда ветхая кругом,
Кресты, каменья... скрыто мхом
Немых покойников жилище.
Полет да крики только сов
Тревожат сон пустых гробов.

Подымается протяжно
В белом саване мертвец,
Кости пыльные он важно
Оттирает, молодец.
С чела давнего хлад веет,
В глазе палевый огонь,
И под ним великий конь,
Необъятный, весь белеет
И все более растет,
Скоро небо обоймет;
И покойники с покою
Страшной тянутся толпою.
Земля колетса и — бух
Тени разом в бездну... Уф!

И стало страшно ей; мгновенно
Она прихлопнула окно.
Все в сердце трепетном смятенно,
И жар, и дрожь попеременно
По нем текут. В тоске оно.
Внимание развлечено.
Когда, рукою беспощадной,
Судьба надвинет камень хладный
На сердце бедное, — тогда,
Скажите, кто рассудку верен?

Чья против зол душа тверда?
Кто вечно тот же навсегда?
В несчастьи кто не суверен?
Кто крепкой не бледнел душой
Перед ничтожною мечтой?

С боязнью, с горестию тайной,
В постель кидается она;
Но ждет напрасно в ложе сна.
В тме прошумит ли что случайно,
Скребунья-мышь ли пробежит, —
От вежд коварный сон летит.

К а р т и н а XIII

Печальны древности Афин.
Колонн, статуй ряд обветшалый
Среди глухих стоит равнин.
Печален след веков усталых:
Изящный памятник разбит,
Изломлен немощный гранит,
Одни обломки уцелели,
Еще доныне величав,
Чернеет дряхлый архитрав,
И вьется плющ по капители;
Упал расщепленный карниз
В давно заглохшие окопы.
Еще блестит сей дивный фриз,
Сии рельефные метопы;
Еще доныне здесь грустит
Коринфский орден многолепный,
— Рой ящериц по нем скользит —
На мир с презреньем он глядит;
Все тот же он великолепный,
Времен минувших вдавлен в тму,
И без вниманья ко всему.

Печальны древности Афин.
Туманен ряд былых картин.
Облокотясь на мрамор хладный,
Напрасно путник алчет жадный

В душе бывшее воскресить,
Напрасно силится развить
Протекших дел истлевший свиток, —
Ничтожен труд бессильных пыток;
Везде читает смутный взор
И разрушенье, и позор.
Промеж колонн чалма мелькает,
И мусульманин по стенам,
По сим обломкам, камням, рвам,
Коня свирепо напирает,
Останки с воплем разоряет.
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлет,
Души он тяжкий ропот внемлет;
Ему и горестно, и жаль,
Зачем он путь сюда направил.
Не для истлевших ли могил
Кров безмятежный свой оставил,
Покой свой тихий позабыл?
Пускай бы в мыслях обитали
Сии воздушные мечты!
Пускай бы сердце волновали
Зерцалом чистой красоты!
Но и убийственно, и хладно
Разворожились вы теперь.
Безжалостно и беспощадно
Пред ним захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой,
Дверь в тихий мир мечтаний, жаркой! —
И грустно, медленной стопой
Руины путник покидает;
Клянется их забыть душой;
И все неволью помышляет
О жертвах бренности слепой.

К а р т и н а XVI

Ушло два года. В мирном Люненсдорфе
По-прежнему красуется, цветет;
Все те ж заботы, и забавы те же
Волнуют жителей покойные сердца.

Но не по-прежнему в семье Вильгельма:
Пастора уж давно на свете нет.
Окончив путь и тягостный, и трудный,
Не нашим сном он крепко опочил.
Все жители останки провожали
Священные, с слезами на глазах;
Его дела, поступки поминали:
Не он ли нам спасением служил?
Нас наделял своим духовным хлебом,
В словах добру прекрасно поучая.
Не он ли был утехою скорбящих;
Сирот и вдов нетрепетным щитом. —
В день праздничный, как кротко он, бывало,
Всходил на кафедру! и с умилением
Нам говорил про мучеников чистых,
Про тяжкие страдания Христовы,
А мы ему, растроганны, внимали,
Дивилися и слезы проливали.

От Висмара когда кто держит путь,
Встречается налево от дороги
Ему кладбище: старые кресты
Склонились, обшиты мохом,
И времени изведены резцом.
Но промеж них белеет резко урна
На черном камне, и над ней смиренно
Два явора зеленые шумят,
Далеко хладной обнимая тенью. —
Тут бранные покоятся останки
Пастора. Вызвались на свой же счет
Сооружить над ним благие поселяне
Последний знак его существованья
В сем мире. Надпись с четырех сторон
Гласит, как жил и сколько мирных лет
Провел на пастве, и когда оставил
Свой долгий путь, и Богу дух вручил. —

И в час, когда стыдливый развивает
Румяные восток свои власы,
Подыметя по полю свежий ветер,

Посыплется алмазами роса,
В своих кустах малиновка зальется,
Полсолнца на земле всходя горит, —
К нему идут младые поселанки,
С гвоздиками и розами в руках.
Увешают душистыми цветами,
Гирляндой зеленой обовьют,
И снова в путь назначенный идут.
Из них одна, молодая, остается
И, опершись лилейною рукой,
Над ним сидит в раздумьи долго, долго,
Как будто бы о непостижном мыслит.
В задумчивой, скорбящей деве сей
Кто б не узнал печальныя Луизы?
Давно в глазах веселье не блестит;
Не кажется невинная усмешка
В ее лице; не пробежит по нем,
Хотя ошибкой, радостное чувство;
Но как мила она и в грусти томной!
О, как возвышенен невинный этот взгляд!
Так светлый серафим тоскует
О пагубном паденьи человека.
Мила была счастливая Луиза,
Но как-то мне в несчастьи милее.
Оснадцать лет тогда минуло ей,
Когда преставился пастор разумный.
Всей детскою она своей душой
Богopodobного любила старца;
И думает в душевной глубине:
«Нет, не сбылись живые упованья
Твои. Как, добрый старец, ты желал
Нас обвенчать перед святым налоем,
Навеки наш союз соединить.
Как ты любил мечтательного Ганца!
А он...»

Заглянем в хижину Вильгельма.
Уж осень. Холодно. И дома он
Вытачивал с искусством хитрым кружки
Из крепкого с слоями бука,

Затейливой резьбою украшая;
У ног его свернувшись лежал
Любимый друг, товарищ верный, Гектор.
А вот разумная хозяйка Берта
С утра уже заботливо хлопочет
О всем. Толпится также под окном
Гусей ватага долгошейных; также
Неугомонные кудахчут куры;
Чиликают нахалы воробьи,
Весь день в навозной куче роясь.
Видали уж красавца снегиря;
И осенью давно запахло в поле,
И пожелтел давно зеленый лист,
И ласточки давно уж отлетели
За дальние, роскошные моря.
Кричит разумная хозяйка Берта:
«Так долго не годится быть Луизе!
Темнеет день. Теперь не то, что летом;
Уж сыро, мокро, и густой туман
Так холодом всего и пронимает.
Зачем бродить? беда мне с этой девкой;
Не выкинет она из мыслей Ганца;
А Бог знает, он жив ли, или нет».
Не то совсем раздумывает Фанни,
За пяльцами сидя в своем углу.
Шестнадцать лет ей, и, полна тоски
И тайных дум по идеальном друге,
Рассеянно, невнятно говорит:
«И я бы так, и я б его любила». —

К а р т и н а XVII

Унывна осени пора;
Но день сегодняшний прекрасен:
На небе волны серебра,
И солнца лик блестящ и ясен.
Один дорогой почтовой
Бредет, с котомкой за спиной,
Печальный путник из чужбины.
Уныл, и томен он, и дик,
Идет согнувшись, как старик;

В нем Ганца нет и половины.
Полупотухший бродит взор
По злачным холмам, желтым нивам,
По разноцветной цепи гор.
Как бы в забвении счастливом,
Его касается мечта;
Но мысль не тем уж занята. —
Он в думы крепкие погружен.
Ему покой теперь бы нужен.

Прошел он дальний, видно, путь;
Страдает больно, видно, грудь;
Душа страдает, жалко ноя;
Ему теперь не до покоя.

О чем же думы крепки те?
Дивится сам он суете:
Как был измучен он судьбою;
И зло смеется над собою,
Что поверял своей мечтой
Свет ненавистный, слабоумной;
Что задивился в блеск пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смело он
Сим людям кинулся в объятья;
И, околдован, охмелен,
В их злые верил предприятия. —
Как гробы, холодны они,
Как тварь презреннейшая, низки;
Корысть и почести одни
Им лишь и дороги, и близки.
Они позорят дивный дар:
И попирают вдохновенье,
И презирают откровенье;
Их холоден притворный жар,
И губельно их пробужденье.
О, кто б нетрепетно проник
В их усыпительный язык!
Как ядовито их дыханье!
Как ложно сердца трепетанье!

Как их коварна голова!
Как пустозвучны их слова!

И много истин он, печальный,
Теперь изведал и узнал,
Но сам счастливее ли стал
Во глубине души опальной?
Лучистой, дальнею звездой
Его влекла, тянула слава,
Но ложен чад ее густой,
Горька блестящая отрава. —

Склоняется на запад день,
Вечерняя длиннеет тень.
И облаков блестящих, белых
Ярчею алые края;
На листьях темных, пожелтелых
Сверкает золота струя.
И вот завидел странник бедный
Свои родимые луга.
И взор мгновенно вспыхнул бледный,
Блеснула жаркая слеза.
Рой прежних, тех забав невинных
И тех проказ, тех дум старинных —
Все разом налегло на грудь
И не дает ему дохнуть.
И мыслит он: что это значит?..
И, как ребенок слабый, плачет.

Д у м а

Благословен тот дивный миг,
Когда в поре самопознания,
В поре могучих сил своих,
Тот, Небом избранный, постиг
Цель высшую существованья.
Когда не грез пустая тень,
Когда не славы блеск мишурный
Его тревожат ночь и день,
Его влекут в мир шумный, бурный;

Но мысль и крепка, и бодра
Его одна объемлет, мучит
Желаньем блага и добра;
Его трудам великим учит.
Для них он жизни не щадит.
Вотще безумно чернь кричит:
Он тверд средь сих живых обломков.
И только слышит, как шумит
Благословение потомков.

Когда ж коварные мечты
Взволнуют жаждой яркой доли,
А нет в душе железной воли,
Нет сил стоять средь суеты, —
Не лучше ль в тишине укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму света не внимать?

К а р т и н а XVIII

Выходят звезды плавным хором,
Обозревают кротким взором
Опочивающий весь мир;
Блудут сон тихий человека,
Ниспосылают добрым мир,
А злым яд гибельный упрека.
Зачем же, звезды, грустным вы
Не посылаете покоя?
Для горемычной головы
Вы — радость, и, на вас покоя
Свой грустный стосковалый взор,
Страстей он слышит разговор
В душе, и вас он призывает,
И вам он пени поверяет.
По-прежнему всегда томна,
Еще Луиза не разделась;
Не спится ей; в мечтах она
На ночь осенню загляделась.
Предмет и тот же, и один...

И вот восторг к ней в душу входит:
Песнь стройную она заводит,
Звучит веселый клавесин.

Внимая шуму листопада,
Промеж деревьев, где сквозит
Из стен решетчатых ограда,
В забвеньи сладостном, у сада,
Наш Ганц закутавшись стоит.
И что же с ним, когда он звуки
Давно знакомые узнал,
И голос тот, со дня разлуки
Что долго, долго не слышал;
И песню ту, что в страсти жаркой,
В любви, в избытке дивных сил,
Под строй души в напевах яркой,
Ее, восторженный, сложил?
Чрез сад она звенит, несется
И в упоеньи тихом льется:

Тебя зову! тебя зову!
Твоей улыбкою чаруюсь,
С тобой не час, не два сижу,
С тебя очей я не схожу:
Дивуюсь, не надивуюсь.

* * *

Поешь ли ты — и звон речей
Твоих, таинственный, невинный,
Ударит в воздух ли пустынный —
Звук в небе льется соловьиный,
Гремит серебряный ручей.

* * *

Приди ко мне, прижмись ко мне
В жару чудесного волнения.
Пылает сердце в тишине;
Они горят, они в огне,
Твои покойные движенья.

* * *

Я без тебя грущу, томлюсь,
И позабыть тебя нет силы.
И пробуждаюсь ли, ложусь,
Все о тебе молюсь, молюсь,
Все о тебе, мой ангел милый.

* * *

И вот почудилось ей:
Чудесным заревом очей
Возле нее блистает кто-то,
И слышит вздох она кого-то,
И страх, и дрожь ее берет...
И оглянулась...

«Ганц!»...

О, кто поймет
Всю эту радость чудной встречи!
И взоров пламенные речи!
И этот чувств счастливый гнет!
О, кто так пламенно опишет
Сию душевную волну,
Когда она грудь рвет и пышет,
Терзает сердца глубину,
А сам дрожишь, в весельи млеешь,
Ни дум, ни слов найти не смеешь;
В восторге, в куче сладких мук,
Сольешься в стройный, светлый звук!

Опомнясь, Ганц глядит сквозь слезы
В глаза подруги своя;
И мыслит: «Полно, это грезы;
Пусть же не просыпаюсь я.
Она все та ж, и так любила
Меня всей детскою душой!
Чело печалию накрыла,
Румянец свежий иссушила,
Губила век свой молодой;
А я, безумный, бестолковой,
Летел искать кручины новой!..»

И спал страданий тяжкий сон
С его души; живой, спокойный,
Переродился снова он.
На время бурей возмущен,
Так снова блещет мир наш стройный.
В огне закаленный булат
Так снова ярче во сто крат.

Пируют гости; рюмки, чаши
Кругом обходят и гремят; —
И старики болтают наши;
И в танцах юноши кипят.
Звучит протяжным, шумным громом
Музыка яркая весь день;
Ворочает веселье домом;
Гостеприимно блещет сень.
И поселанки молодые
Чету влюбленную дарят:
Несут фиалки голубые,
Несут им розы огневые,
Их убирают и шумят:
Пусть век цветут их дни молодые,
Как те фиалки полевые;
Сердца любовью да горят,
Как эти розы огневые! —

И в упоении, в неге чувств
Заране юноша трепещет, —
И светлый взор весельем блещет;
И беспритворно, без искусств,
Оковы сбросив принужденья,
Вкушает сердце наслажденья.
И вас, коварные мечты,
Боготворить уж он не станет, —
Земной поклонник красоты.
Но что ж опять его туманит?
(Как непонятен человек!)
Прощаясь с ними он навек, —
Как бы по старом друге верном,
Грустит в забвении усердном.

Так в заключеньи школьник ждет,
Когда желанный срок придет
Лета к концу его ученья —
Он полон дум и упоенья,
Мечты воздушные ведет:
Он назависимый, он вольный,
Собой и миром всем довольный,
Но, расставаясь с семьей
Своих товарищей, душой
Делил с кем шалость, труд, покой, —
И размышляет он, и стонет,
И с невыразною тоской
Слезу невольную уронит.

Э п и л о г

В уединении, в пустыне,
В никем незнаемой глуши,
В моей неведомой святыне,
Так созидаются отныне
Мечтанья тихие души.
Дойдет ли звук подобно шуму,
Взволнует ли кого-нибудь,
Живую юноши ли думу,
Иль девы пламенную грудь?
Веду с невольным умиленьем
Я песню тихую мою,
И с неразгаданным волненьем
Свою Германию пою.
Страна высоких помышлений!
Воздушных призраков страна!
О, как тобой душа полна!
Тебя обняв, как некий Гений,
Великий Гетте бережет,
И чудным строем песнопений
Свевает облака забот. —

**Вечера
на хуторе близ Диканьки**

Повести,
изданные
пасичником Рудым Паньком

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Это что за невидаль: *Вечера на хуторе близ Диканьки*? Что это за вечера? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарали пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее».

Слышало, слышало вешее мое все эти речи еще за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захоlustья в большой свет — батюшки мои! — Это все равно, как, случается, иногда зайдешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборвавшийся мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем?» пошел, мужик, пошел!..» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором, вот уже пять лет, как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великой свет. А показался — плачь, не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь, и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы*! Они, извольте видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы, если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрнут в хату парубки с скрипачем — подымется крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки, или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком — ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся, накануне праздничного дня, добрые люди, в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному, и повыше пасичника, сделали бы честь посещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка Диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две из них найдете в этой книжке. Он никогда не носил пестрядевого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в тонком суконном балахоне, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный, белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю, и прятал в пазуку. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать — вычурно, да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких! Фома Григорьевич раз ему насчет этого славную сплел присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата, у него лопатус; баба, бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латыньщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хватъ его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школьник, ухватясь рукою за лоб и подскочивши на аршин. — Как же они, черт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!» Так вот как! Припомнил и имя, голубчик! — Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посередине комнаты, нагнул голову немного вперед, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, выгашил круглую под лаком табакерку, щелкнул пальцем по намалеванной роже какого-то бусур-

манского генерала и, захвативши немалую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка, поднес ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и все ни слова; да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя, чуть ли еще не поговорку: «не мечите бисера перед свиньями»... «Быть же теперь ссоре», — подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий кнш с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того, чтоб показать шиш, протянулась к кншшу, и, как всегда водится, начали прихваливать мастерицу хозяйку. Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда. Еще напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости Господи, как черта все станут бояться. Пусть лучше, как доживу, если даст Бог, до Нового году и выпущу другую книжку, тогда можно будет постращать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину, в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдете побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали, да читали, а у меня, пожалуй, лень только проклятая рыгться, наберется и на десять таких книжек.

Да вот было и позабыл самое главное. Как будете, господа, ехать ко мне, то прямехонько берите путь по столбовой дороге, на Диканьку. Я нарочно и выставил ее на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслушались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в запачканной рубашке гусей: «А где живет пасичник Рудый Панько?» — «А вот там!» — скажет он, указавши пальцем, и если хотите, доведет вас до самого хутора. Прошу однако ж не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич, третьего году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то, что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам еще покупные.

Зато уже, как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а меду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесешь сот — дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя, какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что то за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течет по губам, когда начнешь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушовый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или, не случилось ли вам, подчас, есть

путью с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть — объеденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года... Однако ж, что я в самом деле разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному, и поперечному.

П а с и ч н и к Р у д ы й П а н ь к о.

На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрим словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны.

Банду́ра,	инструмент, род гитары.
Бато́г,	кнут.
Боля́чка,	золотуха.
Бо́ндарь,	бочарь.
Бу́блик,	круглый крендель, баранчик.
Буря́к,	свекла.
Буха́нец,	небольшой хлеб.
Ви́нница,	винокурня.
Га́лушки,	клёцки.
Голодра́бец,	бедняк, бобыль.
Гопа́к,	малороссийские танцы.
Горли́ца, }	
Дивчи́на,	девушка.
Дивча́та,	девушки.
Дижá,	кадка.
Дрибу́шки,	мелкие косы.
Домови́на,	гроб.
Ду́ля,	шиш.
Дука́т,	род медали, носится на шее.
Зна́хор,	многознающий, ворожея.
Жи́нка,	жена.
Жупа́н,	род кафтана.
Кага́нец,	род светильни.
Кле́пки,	выпуклые дощечки, из коих составлена бочка.
Книш,	род печеного хлеба.
Кобза́,	музыкальный инструмент.
Комо́ра,	амбар.
Кора́блик,	головной убор.
Кунту́ш,	верхнее старинное платье.
Корова́й,	свадебный хлеб.
Ку́холь,	глиняная кружка.

Лысый дидько,	домовой, демон.
Люлька,	трубка.
Макитра,	горшок, в котором трут мак.
Макогон,	пест для растирания мака.
Малахай,	плеть.
Миска,	деревянная тарелка.
Молодица,	замужняя женщина.
Наймыт,	нанятой работник.
Наймычка,	нанятая работница.
Оселёдец,	длинный клочок волос на голове, заматывающийся на ухо.
Очипок,	род чепца.
Пампушки,	кушанье из теста.
Пасичник,	пчеловод.
Парубок,	парень.
Плахта,	нижняя одежда женщин.
Пёкло,	ад.
Перекупка,	торговка.
Переполох,	испут.
Пейсики,	жидовские локоны.
Повётка,	сарай.
Полутабенек,	шелковая материя.
Путря,	кушанье, род каши.
Рушник,	утиральник.
Свитка,	род полукафтаны.
Синдячки,	узкие ленты.
Сластёны,	пышки.
Свóлок,	перекладина под потолком.
Сливянка,	наливка из слив.
Смушки,	бараний мех.
Соняшница,	боль в животе.
Сопилка,	род флейты.
Стусан,	кулак.
Стрички,	ленты.
Тройчатка,	тройная плеть.
Хлопец,	парень.
Хутор,	небольшая деревушка.
Хустка,	платок носовой.
Цибуля,	лук.
Чумаки,	обозники, едущие в Крым за солью и рыбою.
Чуприна, чуб,	длинный клочок волос на голове.
Шийска,	небольшой хлеб, делаемый на свадьбах.
Юшка,	соус, жижа.
Ятка,	род палатки или шатра.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I

Мини нудно в хати жить.
Ой вези ж меня из дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцюют все дивкы,
Де гуляют парубки!

Из старинной легенды.

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимающая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщит золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые скирды сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешень, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда до-

рога, верст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скучая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонников роскоши. Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щеголей и кокеток ненавистным для них сеном.

Одинок в стороне тащился истомленными волами воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брел, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивою рукой обтирал он катившийся градом пот с смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду, и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий. Рядом с ним шла привязанная к возу кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лета ее. Много встречных, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поравнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немного вверх, чтоб увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново... и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! Девушка в осмнадцать лет в первый раз на ярмарке!... Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упросить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы, тащившейся за долгое служение теперь на продажу. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики красного только цвета, в бо-

гатовой плахте, пестревшей как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочки.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Пёёл; издали уже веяло прохладой, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей за-сверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет — она почти каждый год переменяет свои окрестности, выбирает себе новый путь и окружает себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами взъехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во все продолжение пути, как вдруг слова «ай да дивчина!» поразили слух ее. Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек, подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть ее насквозь, и потушила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесенное слово. «Славная дивчина! — продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз. — Я бы отдал все свое хозяйство, чтобы поцеловать ее. А вот впереди и дьявол сидит!» Хохот поднялся со всех сторон; но разряженной сожительнице медленно выступавшего супруга не слишком показалось такое приветствие: красные щеки ее превра-

В Е Ч Е Р А
НА ХУТОРЪ .
БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,

ИЗДАНИЕ

Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ.

ПЕРВАЯ КНИЖКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФ. ДЕПАР. НАРОД. ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1831.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,

ИЗДАНЫМИ

Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

Титул второго издания первой части «Вечеров на хуторе близъ Диканьки»

тились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на голову разгульного парубка:

— Чтoб ты подавился, негодный бурлак! Чтoб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтoб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтoб ему на том свете черт бороду обжег!

— Вишь, как ругается! — сказал парубок, вытаращив на нее глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий, — и язык у нее, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова.

— Столетней! — подхватила пожилая красавица. — Нечестивец! поди, умойся наперед! Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! и отец дрянь! и тетка дрянь! Столетней! что у него молоко еще на губах... — Тут воз начал спускаться с мосту, и последних слов уже невозможно было расслушать; но парубок не хотел, кажется, кончить этим: не думая долго, схватил он комок грязи и швырнул вслед за нею. Удар был удачнее, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипок забрызган был грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новою силой. Дородная щеголиха вскипела гневом; но воз отъехал в это время довольно далеко, и месть ее обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, привыкнув издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги. Однако ж, несмотря на это, неутомимый язык ее трещал и болтался во рту до тех пор, пока не приехали они в пригороде к старому знакомому и куму, козаку Цыбуле. Встреча с кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время из головы это неприятное происшествие, заставив наших путешественников поговорить об ярмарке и отдохнуть немного после дальнего пути.

II

Що Боже, ты мій Господе! чога нема на тій ярмарци! колеса, скло, деготь, тютюн, ремень, цыбуля, крамари всяки... так, що хоть бы в кешени було рублив и с тридцять, то и тогда б не закупив усїен ярмаркы.

Из малороссийской комедии.

Вам, верно, случалось слышать где-то валяющийся, отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных, неясных звуков вихрем носится перед вами. Не правда ли, не те ли са-

мые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? Шум, брань, мычание, бляение, рев — все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосные речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски, и закружившаяся голова недоумевает, куда обратиться. Приезжий мужик наш с чернобровою дочкой давно уже толкался в народе. Подходил к одному возу, щупал другой, применялся к ценам; а между тем мысли его ворочались безостановочно около десяти мешков пшеницы и старой кобылы, привезенных им на продажу. По лицу его дочки заметно было, что ей не слишком приятно тереться около возов с мукою и пшеницею. Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты. Но и тут, однако ж, она находила себе много предметов для наблюдения: ее сместило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя; как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вот почувствовала она, кто дернул ее за шитый рукав сорочки. Оглянулась — и парубок, в белой свитке, с яркими очами, стоял перед нею. Жилки ее вздрогнули, и сердце забилося так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею. «Не бойся, серденько, не бойся! — говорил он ей вполголоса, взявши ее руку, — я ничего не скажу тебе худого!» — «Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого! — подумала про себя красавица, — только мне чудно... верно это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится так... а силы недостает взять от него руку». Мужик оглянулся и хотел что-то промолвить дочери, но в стороне послышалось слово: пшеница. Это магическое слово заставило его, в ту же минуту, присоединиться к двум громко разговаривающим негоциантам, и приковавшегося к ним внимания уже ничто не в состоянии было развлечь. Вот что говорили негоцианты о пшенице:

III

Чи бачишь вин який парныще?
На свити трохи есть таких.
Сывуху так, мов брагу, хлыще!

Котляревский. Энеида.

— Так ты думаешь, земляк, что плохо пойдет наша пшеница? — говорил человек, с вида похожий на заезжего мещанина, обитателя какого-нибудь местечка, в пестрядевых, запачканных дегтем и засаленных шароварах, другому в синей, местами уже с заплатами, свитке и с огромною шишкою на лбу.

— Да думать нечего тут; я готов вскинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса пред Рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку.

— Кого ты, земляк, морочишь? Привозу ведь, кроме нашего, нет вовсе, — возразил человек в пестрядевых шароварах. «Да, говорите себе, что хотите, — думал про себя отец нашей красавицы, не пропущавший ни одного слова из разговора двух негоциантов, — а у меня десять мешков есть в запасе».

— То-то и есть, что если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля, — значительно сказал человек с шишкою на лбу.

— Какая чертовщина? — подхватил человек в пестрядевых шароварах.

— Слышал ли ты, что поговаривают в народе? — продолжал с шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмые очи.

— Ну!

— Ну, то-то ну! Заседатель, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки, отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тот старый, развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою? — (Тут любопытный отец нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во внимание.) — В том сарае то и дело, что водятся чертовские шашни; и ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды. Вчера волостный писарь проходил поздно вечером, только глядь — в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже; того и жди, что опять покажется красная свитка!

— Что ж это за красная свитка?

Тут у нашего внимательного слушателя волосы поднялись дыбом; со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка его и пару-

бок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки. Это разогнало его страх и заставило обратиться к прежней беспечности.

— Эге, ге, ге, земляк! да ты мастер, как вижу, обниматься! Черт меня возьми, если я не на четвертый только день после свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то спасибо куму: бывши дружкой, уже надоумил.

Парубок заметил тот же час, что отец его любезной не слишком далек, и в мыслях принялся строить план, как бы склонить его в свою пользу. «Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал».

— Может и узнал.

— Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовут Солопий Черевик.

— Так, Солопий Черевик.

— А взглядись-ко хорошенько: не узнаешь ли меня?

— Нет, не познаю. Не во гнев будь сказано, на веку столько довелось наглядеться рож всяких, что черт их и припомнит всех!

— Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!

— А ты будто Охримов сын?

— А кто ж? Разве один только лысый дидько, если не он.

Тут приятели побрались за шапки, и пошло лобызание; наш Голопупенков сын, однако ж, не теряя времени, решился в ту же минуту осадить нового своего знакомого.

— Ну, Солопий, вот как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть бы и навеки жить вместе.

— Что ж, Параска, — сказал Черевик, оборотившись и смеясь к своей дочери, — может, и в самом деле, чтобы уже, как говорят, вместе и того... чтобы и паслись на одной траве! Что? по рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай могорычу! — и все трое очутились в известной ярмарочной ресторации — под яткою у жидовки, усеяною многочисленной флотилией сулей, бутылей, флажек всех родов и возрастов. — Эй, хват! за это люблю! — говорил Черевик, немного подгулявши и видя, как нареченный зять его налил кружку, величиною с полкварти, и, нимало не поморщившись, выпил до дна, хватив потом ее вдребезги. — Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебе достал! Смотри, смотри: как он молодецки тянет пенную!.. — и, посмеиваясь и покачиваясь, побрел он с нею к своему возу, а наш парубок отправился по рядам с красными товарами, в которых находились купцы из Гадяча и Миргорода — двух знаменитых городов

Полтавской губернии, — выглядывать получшую деревянную люльку в медной щегольской оправе, цветистый по красному полю платок и шапку для свадебных подарков тестю и всем, кому следует.

IV

Хоть чоловікам не онее,
Да коли жинци бачишь, тее,
Так треба угодыты....

Котляревский.

— Ну жинка! а я нашел жениха дочке!

— Вот, как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать. Дурень, дурень! тебе, верно, и на роду написано остаться таким! Где ж таки ты видел, где ж таки ты слышал, чтобы добрый человек бегал теперь за женихами? Ты подумал бы лучше, как пшеницу с рук сбить; хорош должен быть и жених там! Думаю, оборваннейший из всех голодрабцев.

— Э, как бы не так, посмотрела бы ты, что там за парубок! Одна свитка больше стоит, чем твоя зеленая кофта и красные сапоги. А как сивуху *важно* дует... Черт меня возьми вместе с тобою, если я видел на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварти, не поморщившись.

— Ну, так: ему если пьяница, да бродяга, так и его масти. Бьюсь об заклад, если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадетя мне: я бы дала ему знать.

— Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый; чем же он сорванец?

— Э! чем же он сорванец! Ах, ты безмозглая башка! слышишь! чем же он сорванец! Куда же ты запрятал дурацкие глаза свои, когда проезжали мы мельницы; ему хоть бы тут же, перед его запачканным в табачище носом, нанесли жинке его бесчестье, ему бы и нуждочки не было.

— Все однако же я не вижу в нем ничего худого; парень хоть куда! Только разве, что заклеил на миг образину твою навозом.

— Эге! да ты, как я вижу, слова не дашь мне выговорить! А что это значит? Когда это бывало с тобою? Верно, успел уже хлебнуть, не продавши ничего...

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову свою руками, предполагая без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями. «Туда к черту! Вот тебе и свадь-

ба! — думал он про себя, уклоняясь от сильно наступавшей супруги. — Придется отказать доброму человеку ни за что, ни про что. Господи, Боже мой, за что такая напасть на нас, грешных! и так много всякой дряни на свете, а Ты еще и жинок наплодил!»

V

Не хилися явороньку,
Ще ты зелененький;
Не журыся козаченьку,
Ще ты молоденький!

Малорос. песня.

Рассеянно глядел парубок в белой свитке, сидя у своего воза, на глухо шумевший вокруг него народ. Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился. Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, осененные каким-то едва приметным огненно-розовым светом. Стекла наваленных кучами оконниц горели; зеленые фляжки и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные; горы дынь, арбузов и тыкв казались вылитыми из золота и темной меди. Говор приметно становился реже и глуше, и усталые языки перекупок, мужиков и цыган ленивее и медленнее поворачивались. Где-где начинал сверкать огонек, и благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам. «О чем загорюнился, Грыцько? — вскричал высокий загоревший цыган, ударив по плечу нашего парубка. — Что ж, отдавай волю за двадцать!»

— Тебе бы все волю, да волю. Вашему племени все бы корысть только. Поддеть, да обмануть доброго человека.

— Тьфу, дьявол! да тебя не на шутку забрало. Уж не с досады ли, что сам навязал себе невесту?

— Нет, это не по-моему; я держу свое слово; что раз сделал, тому и навеки быть. А вот у хрыча Черевика нет совести, видно, и на полшеляга: сказал, да и назад... Ну, его и винить нечего, он пень, да и полно. Все это шутки старой ведьмы, которую мы сегодня с хлопцами на мосту ругнули на все бока! Эх, если бы я был царем или паном великим, я бы первый перевешал всех тех дурней, которые позволяют себя седлать бабам...

— А спустишь волов за двадцать, если мы заставим Черевика отдать нам Параску?

В недоумении посмотрел на него Грыцько. В смуглых чертах цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вместе высокомерное:

человек, взглянувший на него, уже готов был сознаться, что в этой чудной душе кипят достоинства великие, но которым одна только награда есть на земле — виселица. Совершенно провалившийся между носом и острым подбородком рот, вечно осененный язвительною улыбкой, небольшие, но живые, как огонь, глаза и беспрестанно меняющиеся на лице молнии предприятий и умыслов, все это как будто требовало особенного, такого же странного для себя костюма, какой именно был тогда на нем. Этот темно-коричневый кафтан, прикосновение к которому, казалось, превратило бы его в пыль; длинные, валившиеся по плечам охлопьями черные волосы; башмаки, надетые на босые, загорелые ноги, — все это, казалось, приросло к нему и составляло его природу. «Не за двадцать, а за пятнадцать отдам, если не солжешь только!» — отвечал парубок, не сводя с него испытательных очей.

— За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вот тебе и синица в задаток!

— Ну, а если солжешь?

— Солгу — задаток твой!

— Ладно! Ну, давай же по рукам!

— Давай!

VI

От беда, Роман иде, от тепер, як раз, надсадыть мене бебехив, да и вам, пане Хомо, не без лыха буде.

Из малорос. комедии.

— Сюда, Афанасий Иванович! Вот тут плетень пониже, поднимайте ногу, да и не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь с кумом под возы, чтоб москали на случай не подцепили чего. — Так грозная сожигательница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоял в недоумении на нем, будто длинное, страшное привидение, измеривая оком, куда бы лучше спрыгнуть, и наконец с шумом обрушился в бурьян.

— Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шею? — лепетала заботливая Хивря.

— Те! ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна! — болезненно и шепотно произнес попович, подымаясь на ноги, — выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змиеподобного злака, по выражению покойного отца протопопа.

— Пойдемте же теперь в хату; там никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам *болячка* или *соняшница* пристала. Нет, да и нет. Каково же вы поживаете? Я слышала, что панотцу перепало теперь не мало всякой всячины!

— Сузая безделица, Хавронья Никифоровна; батюшка всего получил за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, кнышей с сотню, а кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, яйца же большею частию протухлые. Но воистину сладостные приношения, сказать примерно, единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна! — продолжал попovich, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

— Вот вам и приношение, Афанасий Иванович! — проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою, будто ненарочно расстегнувшуюся, кофту, — вареники, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!

— Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода! — сказал попovich, принимаясь за товченички и подвигая другою рукою вареники. — Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек.

— Вот я уже и не знаю, какого вам еще кушанья хочется, Афанасий Иванович! — отвечала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

— Разумеется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна! — шепотом произнес попovich, держа в одной руке вареник, а другою обнимая широкий стан ее.

— Бог знает, что вы выдумаете, Афанасий Иванович! — сказала Хивря, стыдливо потупив глаза свои. — Чего доброго! вы, пожалуй, затеете еще целоваться!

— Насчет этого я вам скажу хоть бы и про себя, — продолжал попovich, — в бытность мою, примерно сказать, еще в бурсе, вот, как теперь помню... — Тут послышался на дворе лай и стук в ворота. Хивря поспешно выбежала и возвратилась вся побледневшая. «Ну, Афанасий Иванович! мы попались с вами; народу стучится куча, и мне почудился кумов голос...». — Вареник остановился в горле попovichа... Глаза его выпялились, как будто какой-нибудь выходец с того света только что сделал ему перед сим визит свой. — «Полезайте сюда!» — кричала испуганная Хивря, указывая на положенные под самым потолком на двух перекладах доски, на которых была навалена разная домашняя рухлядь. Опасность придала духу нашему герою.

Опамятовавшись немного, вскочил он на лежанку и полез оттуда осторожно на доски. А Хивря побежала без памяти к воротам, потому что стук повторялся в них с бóльшею силою и нетерпением.

VII

Да тут чудася, мосьпане!

Из малорос. комедии.

На ярмарке случилось странное происшествие: все наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась *красная свитка*. Старухе, продававшей бублики, почудился сатана, в образине свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как будто искал чего. Это быстро разнеслось по всем углам уже утихнувшего табора; и все считали преступлением не верить, несмотря на то, что продавица бубликов, которой подвижная лавка была рядом с яткою шинкаря, раскланивалась весь день без надобности и писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара. К этому присоединились еще увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалившемся сарае, так что к ночи все теснее жались друг к другу; спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а те, которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убрались домой. К числу последних принадлежал и Черевик с кумом и дочкою, которые вместе с напросившимися к ним в хату гостями произвели сильный стук, так перепугавший нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видеть из того, что он два раза проехал с своим возом по двору, покаместь нашел хату. Гости тоже были в веселом расположении духа и без церемонии вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидела, как на иголках, когда принялись они шарить по всем углам хаты. «Что, кумá! — вскричал вошедший кум, — тебя все еще трясет лихорадка?» — «Да, нездоровится», — отвечала Хивря, беспокойно поглядывая на наложенные под потолком доски. «А ну, жена, достань-ка там в возу баклажку! — говорил кум приехавшей с ним жене, — мы черпнем ее с добрыми людьми, а то проклятые бабы напугали нас так, что и сказать стыдно. Ведь мы, ей-богу, братцы, по пустякам приехали сюда! — продолжал он, прихлебывая из глиняной кружки. — Я тут же ставлю новую шапку, если бабам не вздумалось посмеяться над нами. Да хоть бы и в самом деле сатана: что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сию же минуту вздумалось ему стать, вот эдесь, например, передо мною: будь я собачий сын, если не поднес бы ему дулю под самый нос!» — «Отчего же ты вдруг

побледнел весь?» — закричал один из гостей, превышавший всех головою и старавшийся всегда выказывать себя храбрецом. «Я... Господь с вами! приснилось!» Гости усмехнулись. Довольная улыбка показала на лице речистого храбреца. «Куда теперь ему побледнеть! — подхватил другой, — щеки у него расцвели, как мак; теперь он не дыбуля, а буряк — или лучше, как та красная свитка, которая так напугала людей». Баклажка прокатилась по столу и сделала гостей еще веселее прежнего. Тут Черевик наш, которого давно мучила красная свитка и не давала ни на минуту покою любопытному его духу, приступил к куму. «Скажи, будь ласков, кум! вот прошусь, да и не допрошусь истории про эту проклятую свитку».

— Э, кум! оно бы не годилось рассказывать на ночь; да разве уже для того, чтобы угодить тебе и добрым людям (при сем обратился он к гостям), которым, я примечаю, столько же, как и тебе, хочется узнать про эту диковину. Ну, быть так. Слушайте ж! — Тут он почесал плеча, утерся полою, положил обе руки на стол и начал:

— Раз, за какую вину, ей-богу, уже и не знаю, только выгнали одного черта из пекла.

— Как же, кум! — прервал Черевик, — как же могло это случиться, чтобы черта выгнали из пекла?

— Что ж делать, кум? выгнали, да и выгнали, как собаку мужик выгоняет из хаты. Может быть, на него нашла блажь сделать какое-нибудь доброе дело, ну, и указали двери. Вот, черту бедному так стало скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли. Что делать? Давай с горя пьянствовать. Угнезвился в том самом сарае, который, ты видел, развалился под горою, и мимо которого ни один добрый человек не пройдет теперь, не оградив наперед себя крестом святым, и стал черт такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. С утра до вечера, то и дело, что сидит в шинке!..

Тут опять строгий Черевик прервал нашего рассказчика: «Бог знает, что говоришь ты, кум! Как можно, чтобы черта впустил кто-нибудь в шинок? Ведь у него же есть, слава Богу, и когти на лапах, и рожки на голове».

— Вот то-то и штука, что на нем была шапка и рукавицы. Кто его распознает? Гулял, гулял — наконец пришлось до того, что пропил все, что имел с собою. Шинкарь долго верил, потом и перестал. Пришлось черту заложить красную свитку свою, чуть ли не в треть цены, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмарке; заложил и говорит ему: «Смотри, жид, я приду к тебе за свиткой ровно через год: береги ее!» — и пропал как будто в воду. Жид рассмотрел хоро-

шенько свитку: сукно такое, что и в Миргороде не достанешь! а красный цвет горит, как огонь, так что не нагаделся бы! Вот жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесал себе песики, да и содрал с какого-то приезжего пана мало не пять червонцев. О сроке жид и позабыл было совсем. Как вот раз, под вечерок, приходит какой-то человек: «ну, жид, отдавай свитку мою!» Жид сначала было и не познал, а после как разглядел, так и прикинулся, будто в глаза не видал: «какую свитку? у меня нет никакой свитки! я знать не знаю твоей свитки!» Тот, глядь, и ушел; только к вечеру, когда жид, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукам деньги, накинуд на себя простыню и начал по-жидовски молиться Богу — слышит шорох... глядь — во всех окнах повывставлялись свиные рыла...

Тут в самом деле послышался какой-то неясный звук, весьма похожий на хрюканье свињи; все побледнели... Пот выступил на лице рассказчика.

— Что? — произнес в испуге Черевик.

— Ничего!.. — отвечал кум, трясясь всем телом.

— Ась! — отозвался один из гостей.

— Ты сказал...

— Нет!

— Кто ж это хрюкнул?

— Бог знает, чего мы переполошились! Никого нет! — Все бояливо стали осматриваться вокруг и начали шарить по углам. Хивря была ни жива, ни мертва. — Эх вы, бабы! бабы! — произнесла она громко, — вам ли козаковать, и быть мужьями! Вам бы веретено в руки, да посадить за гребень! Один кто-нибудь, может, прости Господи... Под кем-нибудь скамейка заскрипела, а все и метнулись, как полуумные! — Это привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться; кум хлебнул из кружки и начал рассказывать далее: «Жид обмер; однако ж свињи, на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили его плетеными тройчатками, заставя плясать его выше вот этого сволока. Жид в ноги, признался во всем... Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокрал на дороге какой-то цыган и продал свитку перекупке; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но с тех пор уже никто ничего не стал покупать у ней. Перекупка дивилась, дивилась и наконец смекнула: верно, виною всему красная свитка. Недаром, надевая ее, чувствовала, что ее все давит что-то. Не думая, не гадая долго, бросила в огонь — не горит бесовская одежда! Э, да это чертов подарок! Перекупка умудрилась и подсунула в воз одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и

обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочет. Эх, недобрые руки подкинули свитку! Схватил секиру и изрубил ее в куски; глядь — и лезет один кусок к другому, и снова целая свитка. Перекрестившись, хватил секирою в другой раз, куски разбросал по всему месту и уехал. Только с тех пор каждый год, и как раз во время ярмарки, черт с свиною личиною ходит по всей площади, хрюкает и подбирает куски своей свитки. Теперь, говорят, одного только левого рукава недостает ему. Люди с тех пор отрещиваются от того места, и вот уже будет лет с десятка, как не было на нем ярмарки. Да нелегкая дернула теперь заседателя о...». Другая половина слова замерла на устах рассказчика:

Окно брякнуло с шумом; стекла, звеня, вылетели вон, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: а что вы тут делаете, добрые люди?

VIII

...Пиджав хвист, мов собака,
Мов Каин затрусывсь увесь;
Из носа потекла кабака.

Котляревский. Энеида.

Ужас оковал всех, находившихся в хате. Кум с разинутым ртом превратился в камень. Глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверзтые пальцы остались неподвижными на воздухе. Высокий храбрец, в ничем не победимом страхе, подскочил под потолок и ударился головою об перекладину; доски посунулись, и попович с громом и треском полетел на землю. «Ай! ай! ай!» — отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами. — «Спасайте!» — горланил другой, закрывшись тулупом. Кум, выведенный из своего окаменения вторичным испугом, пополз в судорогах под подол своей супруги. Высокий храбрец полез в печь, несмотря на узкое отверстие, и сам задвинул себя заслонкою. А Черевик, как будто облитый горячим кипятком, схвативши на голову горшок, вместо шапки, бросился к дверям и, как полуумный, бежал по улицам, не видя земли под собою; одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бега. Сердце его колотилось, как мельничная ступа, пот лил градом. В изнеможении готов уже был он упасть на землю, как вдруг послышалось ему, что сзади кто-то гонится за ним... Дух у него занялся... «Черт! черт!» — кричал он без памяти, утрая силы, и чрез минуту без чувств повалился на землю. «Черт! черт!» — кричало вслед за ним, и он слышал только, как что-то с шумом рину-

лось на него. Тут память от него улетела, и он, как страшный жилец тесного гроба, остался нем и недвижим посреди дороги.

IX

Ще спероди, и так, и так;
А сзади, ей же ей, на чорта!

Из простонародн. сказки.

— Слышишь, Влас! — говорил, приподнявшись, один из толпы спавшего на улице народа, — возле нас кто-то помянул черта!

— Мне какое дело? — проворчал, потягиваясь, лежавший возле него цыган, — хоть бы и всех своих родичей помянул.

— Но ведь так закричал, как будто давят его!

— Мало ли чего человек не соврет спросонья!

— Воля твоя, хоть посмотреть нужно; а выруби-ка огня! — Другой цыган, ворча про себя, поднялся на ноги; два раза осветил себя искрами, будто молниями, раздул губами трут и с каганцем в руках, обыкновенною малороссийскою свечильнею, состоящею из разбитого черепка, налитого бараньим жиром, — отправился, освещая дорогу. «Стой; здесь лежит что-то: свети сюда!»

Тут пристало к ним еще несколько человек.

— Что лежит, Влас?

— Так, как будто бы два человека: один наверху, другой на низу; который из них черт, уже и не распознаю!

— А кто наверху?

— Баба!

— Ну, вот, это ж-то и есть черт! — Всеобщий хохот разбудил почти всю улицу.

— Баба взлезла на человека; ну, верно, баба эта знает, как ездить! — говорил один из окружавшей толпы.

— Смотрите, братцы! — говорил другой, поднимая черепок из горшка, которого одна только уцелевшая половина держалась на голове Черевика, — какую шапку надел на себя этот добрый молодец! — Увеличившийся шум и хохот заставили очнуться наших мертвецов, Солопия и его супругу, которые, полные прошедшего испуга, долго глядели в ужасе неподвижными глазами на смуглые лица цыган. Озаряясь светом, неверно и трепетно горевшим, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром, в мраке непробудной ночи.

Х

Цур тобі, пек тобі, сатаньиньське
навадження!

Из малорос. комедии.

Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами. Клубы дыму со всех труб понесли навстречу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумела. Овцы заблеяли, лошади заржали; крик гусей и торговков понесся снова по всему табору — и страшные толки про *красную свитку*, наведшие такую робость на народ, в таинственные часы сумерек, исчезли с появлением утра. Зевая и потягиваясь, дремал Черевик у кума, под крытым соломою сараем, вместе с волами, мешками муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имел желаний расстаться с своими грезами, как вдруг услышал голос, так же знакомый, как убежище лени — благословенная печь его хаты или шинок дальней родички, находившийся не далее десяти шагов от его порога. «Вставай, вставай!» — дребезжала на ухо нежная супруга, дергая его изо всей силы за руку. Черевик, вместо ответа, надул щеки и начал болтать руками, подражая барабанному бою.

— Сумасшедший! — закричала она, уклоняясь от замашки рук его, которою он чуть было не задел ее по лицу. Черевик поднялся, протер немного глаза и посмотрел вокруг: «Враг меня возьми, если мне, голубко, не представилась твоя рожа барабаном, на котором меня заставили выбивать зорю, словно москаля, те самые свиные рожи, от которых, как говорит кум...» — «Полно, полно тебе чепуху молоть! Ступай, веди скорей кобылу на продажу. Смех, право, людям: приехали на ярмарку и хоть бы горсть пеньки продали...»

— Как же, жинка, — подхватил Солопий, — с нас ведь теперь смеяться будут.

— Ступай! ступай! с тебя и без того смеются!

— Ты видишь, что я еще не умывался, — продолжал Черевик, зевая и почесывая спину и стараясь между прочим выиграть время для своей лени.

— Вот некстати пришла блажь быть чистоплотным! Когда это за тобою водилось? Вот рушник, оботри свою маску... — Тут схватила она что-то свернутое в комок — и с ужасом отбросила от себя: это был *красный обилаг свитки!*

— Ступай, делай свое дело, — повторила она, собравшись с духом, своему супругу, видя, что у него страх отнял ноги и зубы колотились один об другой.

«Будет продажа теперь! — ворчал он сам себе, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. — Недаром, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто взвалил на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, как вспомнил я теперь, не в понедельник мы выехали. Ну, вот и зло все!.. Неугомонен и черт проклятой: носил бы уже свитку без одного рукава; так нет, нужно же добрым людям не давать покою. Будь, примерно, я черт, — чего оборони Боже: стал ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?»

Тут философствование нашего Черевика прервано было толстым и резким голосом. Пред ним стоял высокий цыган: «Что продаешь, добрый человек?» Продавец помолчал, посмотрел на него с ног до головы и сказал с спокойным видом, не останавливаясь и не выпуская из рук узды:

— Сам видишь, что продаю!

— Ремешки? — спросил цыган, поглядывая на находившуюся в руках его узду.

— Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

— Однако ж, черт возьми, земляк, ты, видно, ее соломою кормил!

— Соломою? — Тут Черевик хотел было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи бесстыдного поносителя, но рука его с необыкновенною легкостью ударилась в подбородок. Глянул — в ней перерезанная узда и к узде привязанный — о ужас! волосы его поднялись горою! — кусок *красного рукава свитки!*.. Плюнув, крестясь и болтая руками, побежал он от неожиданного подарка и, быстрее молодого парубка, пропал в толпе.

ХІ

За мое ж жито, та мене и побыто.

Пословица.

— Лови! лови его! — кричало несколько хлопцев, в тесном конце улицы, и Черевик почувствовал себя вдруг схваченным дюжими руками.

— Вязать его! это тот самый, который украл у доброго человека кобылу.

— Господь с вами! за что вы меня вяжете?

— Он же и спрашивает! А за что ты украл кобылу у приезжего мужика, Черевика?

— С ума спятили вы, хлопцы! Где видано, чтобы человек сам у себя крал что-нибудь?

— Старые штуки! старые штуки! Зачем бежал ты во весь дух, как будто бы сам сатана за тобою по пятам гнался?

— Поневоле побежишь, когда сатанинская одежда...

— Э, голубчик! обманывай других этим; будет еще тебе от заседателя за то, чтобы не пугал чертовщиною людей.

— Лови! лови его! — послышался крик на другом конце улицы, — вот он, вот беглец! — и глазам нашего Черевика представился кум, в самом жалком положении, с заложенными назад руками, ведомый несколькими хлопцами. «Чудеса завелись! — говорил один из них, — послушали бы вы, что рассказывает этот мошенник, которому стоит только заглянуть в лицо, чтобы увидеть вора, когда стали спрашивать, от чего бежал он, как полумумный. Полез, говорит, в карман понюхать табаку и, вместо тавлинки, вытащил кусок чертовой свитки, от которой вспыхнул красный огонь, а он давай Бог ноги!»

— Эге, ге! да это из одного гнезда обе птицы! Вязать их обоих вместе!

ХП

«Чым, люди добри, так оце я провинывся?

За що глузуете?» — сказав наш неборак,

«За що знущаетесь вы надо мною так?

За що, за що?» — сказав, тай попустив патюки,

Патюки гирких слез, узявши за боки.

Артемовский-Гулак. Пан та собака.

— Может, и в самом деле, кум, ты подцепил что-нибудь? — спросил Черевик, лежа связанный вместе с кумом, под соломенную яткой.

— И ты туда же, кум! Чтобы мне отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо крал, выключая разве вареники с сметаной у матери, да и то еще, когда мне было лет десять отроду.

— За что же это, кум, на нас напасть такая? Тебе еще ничего; тебя винят по крайней мере за то, что у другого украл; за что же мне, несчастливцу, недобрый поклеп такой: будто у самого себя стянул кобылу. Видно, нам, кум, на роду уже написано не иметь счастья!

«Горе нам, сиротам бедным!» Тут оба кума принялись всхлипать навзрыд. «Что с тобою, Солопий? — сказал вошедший в это время Грицько. — Кто это связал тебя?»

— А! Голопупенко, Голопупенко! — закричал, обрадовавшись, Солопий. — Вот, это тот самый, кум, об котором я говорил тебе. Эх, хват! вот, Бог убей меня на этом месте, если не высушил при мне куколь мало не с твою голову, и хоть бы раз поморщился.

— Что ж ты, кум, так не уважил такого славного парубка?

— Вот, как видишь, — продолжал Черевик, оборотясь к Грицьку, — наказал Бог, видно, за то, что провинился перед тобою. Прости, добрый человек! Ей-богу, рад бы был сделать все для тебя... Но что прикажешь? В старухе дьявол сидит!

— Я не злопамятен, Солопий. Если хочешь, я освобожу тебя! — Тут он мигнул хлопцам, и те же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать. — За то и ты делай как нужно: свадьбу! — да и попируем так, чтобы целый год болели ноги от гопака.

— *Добре! от добре!* — сказал Солопий, хлопнув руками. — Да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли. Да что думать: годится, или не годится так — сегодня свадьбу, да и концы в воду!

— Смотри ж, Солопий: через час я буду к тебе; а теперь ступай домой: там ожидают тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!

— Как! разве кобыла нашлась?

— Нашлась!

Черевик от радости стал неподвижен, глядя вслед уходившему Грицьку.

— Что, Грицько, худо мы сделали свое дело? — сказал высокий цыган спешившему парубку. — Волы ведь мои теперь?

— Твои! твои!

ХІІІ

Не бийся, матинко, не бийся,
В червонные чобитки обуйся,
Топчи вороги
Пид ноги;
Щоб твои подкивки
Брязчали!
Щоб твои вороги
Мовчали!

Свадебная песня.

Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска, одна, сидя в хате. Много грез обвивалось около русой головы. Иногда вдруг легкая усмешка трогала ее алые губки, и какое-то радо-

стное чувство подымало темные ее брови; то снова облако задумчивости опускало их на карие, светлые очи. «Ну, что, если не сбудется то, что говорил он?» — шептала она с каким-то выражением сомнения. — Ну, что, если меня не выдадут? если... Нет, нет; этого не будет! Мачеха делает все, что ей ни вздумается; разве и я не могу делать того, что мне вздумается? Упрямота-то и у меня достанет. Какой же он хороший! как чудно горят его черные очи! как любо говорит он: *Парасю, голубко!* как пристала к нему белая свитка! еще бы пояс поярче!.. пускай, уже правда, я ему вытку, как перейдем жить в новую хату. Не подумаю без радости, — продолжала она, вынимая из пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмарке, и глядясь в него с тайным удовольствием, — как я встречусь тогда где-нибудь с нею — я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себе тресни. Нет, мачеха, полно колотить тебе свою падчерицу! Скорее песок взойдет на камне и дуб погнется в воду, как верба, нежели я нагнусь перед тобою! Да я и позабыла... дай примерять очипок, хоть мачехин, как-то он мне придется!» Тут встала она, держа в руках зеркальце, и, наклонясь к нему головою, трепетно шла по хате, как будто бы опасаясь упасть, видя под собою, вместо полу, потолок с накладенными под ним досками, с которых низринулся недавно попovich, и полки, уставленные горшками. «Что я, в самом деле, будто дитя, — вскричала она смеясь, — боюсь ступить ногою». И начала притопивать ногами все чем далее, смелее; наконец левая рука ее опустилась и уперлась в бок, и она пошла танцевать, побрякивая подковами, держа перед собою зеркало и напевая любимую свою песню:

Зеленький барвиночку,
Стелися низенько,
А ты, мыльй, чернобрывый,
Присунься близенько!

Зеленький барвиночку,
Стелися ще нызче!
А ты, мыльй, чернобрывый,
Присунься ще близче!

Черевик заглянул в это время в дверь и, увидя дочь свою танцующею перед зеркалом, остановился. Долго глядел он, смеясь невиданному капризу девушки, которая, задумавшись, не примечала, казалось, ничего; но когда же услышал знакомые звуки песни, — жилки в нем зашевелились; гордо подбоченившись, выступил он вперед и пустился в присядку, позабыв про все дела свои. Громкий хохот ку-ма заставил обоих вздрогнуть. «Вот хорошо, батька с дочкой затея-

ли здесь сами свадьбу! Ступайте же скорее: жених пришел!» При последнем слове Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ее голову, а беспечный отец ее вспомнил, зачем пришел он. «Ну, дочка! пойдём скорее! Хивря с радости, что я продал кобылу, побежала, — говорил он, боязливо оглядываясь по сторонам, — побежала закупать себе плахт и дерюг всяких, так нужно до приходу ее все кончить!» Не успела переступить она за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал ее на улице. «Боже, благослови! — сказал Черевик, складывая им руки. — Пусть их живут, как венки вьют!» Тут послышался шум в народе: «Я скорее тресну, чем допущу до этого!» — кричала сожительница Солопия, которую однако ж с хохотом отталкивала толпа народа. «Не бесись, не бесись, жинка! — говорил хладнокровно Черевик, видя, что пара дюжих цыган овладела ее руками, — что сделано, то сделано; я переменять не люблю!» — «Нет! нет! этого не будет!» — кричала Хивря, но никто не слушал ее; несколько пар обступило новую пару и составили около нее непроницаемую, танцующую стену.

Странное неизъяснимое чувство овладело бы зрителем, при виде, как от одного удара смычком музыканта в сермяжной свитке, с длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие. Люди, на утрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось. Все танцевало. Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком. Беспечные! даже без детской радости, без искры сочувствия, которых один хмель только, как механик своего безжизненного автомата, заставляет делать что-то подобное человеческому, они тихо покачивали охмелевшими головами, подтанцовывая за веселящимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету.

Гром, хохот, песни слышались тише и тише. Смычок умирал, слабя и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню и дико внемлет ему. Не так

ли резвые други бурной и вольной юности, по одиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют наконец одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему.

1829

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

За Фомою Григорьевичем водилась особенного рода странность: он до смерти не любил пересказывать одно и то же. Бывало, иногда если упростишь его рассказать что сызнова, то смотри, что-нибудь да вкинет новое, или переиначит так, что узнать нельзя. Раз, один из тех господ — нам простым людям мудрено и назвать их — писаки они, не писаки; а вот то самое, что барышники на наших ярмарках. Нахватают, попросят, накрадут всякой всячины, да и выпускают книжечки, не толще букваря, каждый месяц или неделю. Один из этих господ и выманил у Фомы Григорьевича эту самую историю, а он вовсе и позабыл о ней. Только приезжает из Полтавы тот самый панич в гороховом кафтане, про которого говорил я и которого одну повесть вы, думаю, уже прочли; привозит с собою небольшую книжечку и, развернувши посередине, показывает нам. Фома Григорьевич готов уже был оседлать нос свой очками, но, вспомнив, что он забыл их подмотать нитками и облепить воском, передал мне. Я, так как грамоту кое-как разумею и не ношу очков, принялся читать. Не успел перевернуть двух страниц, как он вдруг остановил меня за руку. «Постойте! наперед скажите мне, что это вы читаете?» Признаюсь, я немного пришел в тупик от такого вопроса. «Как что читаю, Фома Григорьевич? вашу быль, ваши собственные слова». — «Кто вам сказал, что это мои слова?» — «Да чего лучше, тут и напечатано: рассказанная таким-то дьячком». — «Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! бреше, сучый москаль. Так ли я говорил? *Що-то вже, як у кого черт ма клепки в голови!* Слушайте, я вам расскажу ее сейчас». Мы придвинулись к столу, и он начал:

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви

Дед мой (царство ему небесное! чтоб ему на том свете елись одни только буханци пшеничные, да маковники в меду) умел чудно рассказывать. Бывало, поведет речь — целый день не подвинулся бы с места, и все бы слушал. Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагу-

ру, который так начнет *москаля везть*,* да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку, да из хаты. Как теперь помню — покойная старуха, мать моя, была еще жива, — как в долгий зимний вечер, когда на дворе трещал мороз и замуровывал наглухо узинькое стекло нашей хаты, сидела она перед гребнем, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напевая песню, которая как будто теперь слышится мне. Каганец, дрожжа и вспыхивая, как бы пугаясь чего, светил нам в хате. Веретено жужжало; а мы все, дети, собравшись в кучку, слушали деда, не слезавшего от старости, более пяти лет, с своей печки. Но ни дивные речи про давнюю старину, про наезды запорожцев, про ляхов, про молодецкие дела Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачного не занимали нас так, как рассказы про какое-нибудь старинное чудное дело, от которых всегда дрожь проходила по телу и волосы ерошились на голове. Иной раз страх, бывало, такой заберет от них, что все с вечера показывается Бог знает каким чудищем. Случится, ночью выйдешь за чем-нибудь из хаты, вот так и думаешь, что на постели твоей уклался спать выходец с того света. И чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола. Но главное в рассказах деда было то, что в жизнь свою он никогда не лгал; и что, бывало, ни скажет, то именно так и было. Одну из его чудных историй перескажу теперь вам. Знаю, что много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой часослов, не разобрали бы ни аза в нем, а показывать на позор свои зубы — есть уменье. Им все, что ни расскажешь, в смех. Эдакое неверье разошлось по свету! Да чего, — вот, не люби Бог меня и Пречистая Дева! вы, может, даже не поверите: раз, как-то заикнулся про ведьм — что ж? нашелся сорви-голова, ведьмам не верит! Да, слава Богу, вот я, сколько живу уже на свете, видел таких иноверцев, которым *провозить попа в решетке*** было легче, нежели нашему брату понюхать табак; а и те отрещивались от ведьм. Но приснишь им, не хочется только выговорить, что такое, нечего и толковать об них.

Лет — куды! более чем за сто, говорил покойник дед мой, нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! Избенка десять, не обмазанных, не укрытых, торчало то сям, то там, посередине

* Т. е. лгать.

** Т. е. солгать на исповеди.

поля. Ни плетня, ни сарая порядочного, где бы поставить скотину или воз. Это ж еще богачи так жили; а посмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма — вот вам и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живет там человек Божий. Вы спросите, отчего они жили так? Бедность, не бедность; потому что тогда козаковал почти всякой и набирал в чужих землях не мало добра; а больше оттого, что незачем было заводить порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои наедут кучами и обдирают своих же. Всего бывало.

В этом-то хуторе показывался часто человек, или лучше дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь — снова будто с неба упал, рыскает по улицам села, которого теперь и следу нет и которое было, может, не дальше ста шагов от Диканьки. Понаберет встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист — девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: Бог знает, может, в самом деле перешли они через нечистые руки. Родная тетка моего деда, содержавшая в то время шинок по нынешней Опошнянской дороге, в котором часто разгульничал Басаврюк, так называли этого бесовского человека, именно говорила, что ни за какие благополучия в свете не согласилась бы принять от него подарков. Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги Бог знает куда; а возьмешь — так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душисть за шею, когда на шее монисто, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в нее лента. Бог с ними тогда, с этими подарками! Но вот беда — и отвязаться нельзя: бросишь в воду — плывет чертовский перстень или монисто поверх воды, и к тебе же в руки.

В селе была церковь, чуть ли еще, как вспомню, не святого Пантелея. Жил тогда при ней иерей, блаженной памяти отец Афанасий. Заметив, что Басаврюк и на Светлое Воскресение не бывал в церкви, задумал было пожурить его — наложить церковное покаяние. Куды! насилу ноги унес. «Слушай, паночка! — загремел он ему в ответ. — Знай лучше свое дело, чем мешаться в чужие, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залеплено горячею кутею!» Что делать с окаянными? Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто зазнает-

ся с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода.

В том селе был у одного козака, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным; может, оттого, что никто не помнил ни отца его, ни матери. Староста церкви говорил, правда, что они на другой же год померли от чумы; но тетка моего деда знать этого не хотела и всеми силами старалась наделить его родней, хотя бедному Петру было в ней столько нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге. Она говорила, что отец его и теперь на Запорожье; был в плену у турок, натерпелся мук, Бог знает каких, и каким-то чудом, переодевшись евнухом, дал тягу. Чернобровым дивчатам и молодежи мало было нужды до родни его. Они говорили только, что если бы одеть его в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай, в другую люльку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних. Но то беда, что у бедного Петруся всего на всего была одна серая свитка, в которой было больше дыр, чем у иного жида в кармане золотых. И это бы еще не большая беда; а вот беда: у старого Коржа была дочка красавица, какую, я думаю, вряд ли доставалось вам видеть. Тетка покойного деда рассказывала, — а женщине, сами знаете, легче поцеловаться с чертом, не во гнев будь сказано, нежели назвать кого красавицею, — что полненькие щеки козачки были свежи и яркие, как мак самого тонкого розового цвета, когда, умывшись божьею росой, горит он, распрямляет листики и охорашивается перед только что поднявшимся солнышком; что брови словно черные шнурочки, какие покупают теперь для крестов и дукатов девушки наши у проходящих по селам с коробками москалей, ровно нагнувшись, как будто гляделись в ясные очи; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и создан был, чтобы выводить соловьиные песни; что волосы ее, черные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лен (тогда еще девушки наши не заплетали их в дрибушки, перевивая красивыми, ярких цветов, синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш. Эх, не доведи Господь возглашать мне больше на клиросе алилуя, если бы, вот тут же, не расцеловал ее, несмотря на то, что сечь пробирается по всему старому лесу, покрывающему мою макушу, и под боком моя старуха, как бельмо в глазу. Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого... сами знаете, что выходит. Бывало, ни свет, ни заря, подковы красных сапогов и приметны на том месте, где раздобаривала Пидорка с своим Петру-

сем. Но все бы Коржу и в ум не пришло что-нибудь недоброе, да раз — ну, это уже и видно, что никто другой, как лукавый дернул — вздумалось Петрусью, не обсмотревшись хорошенько в сених, вlepить поцелуй, как говорят, от всей души, в розовые губки козачки, и тот же самый лукавый, чтоб ему, собачьему сыну, приснился крест святой! настроил сдуру старого хрена отворить дверь хаты. Одеревянял Корж, разинув рот и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его совершенно. Ему почудился он громче, чем удар макогона об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутю, за неимением фузеи и пороха.

Очнувшись, снял он со стены дедовскую нагайку и уже хотел было покропить ею спину бедного Петра, как, откуда ни возьмись, шестилетний брат Пидоркин, Ивась, прибежал и в испуге схватил ручонками его за ноги, закричав: «тятя, тятя! не бей Петруся!» Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное; повесивши нагайку на стену, вывел он его потихоньку из хаты: «Если ты мне когда-нибудь покажешься в хате, или хоть только под окнами, то слушай, Петро: ей-богу, пропадут черные усы, да и оселедец твой, вот уже он два раза обматывается около уха, не будь я Терентий Корж, если не распрощается с твоею макушей!» Сказавши это, дал он ему легонькою рукою стусана в затылок, так что Петрусь, не взвидя земли, полетел стремглав. Вот тебе и доцеловались! Взяла кручина наших голубков; а тут и слух по селу, что к Коржу повадился ходить какой-то лях, обшитый золотом, с усами, с саблею, с шпорами, с карманами, бренчавшими, как звонок от мешочка, с которым понамарь наш, Тарас, отправляется каждый день по церкви. Ну, известно, зачем ходят к отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вот, один раз, Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: «Ивасю мой милой, Ивасю мой любой! беги к Петрусью, мое золотое дитя, как стрела из лука; расскажи ему все: любила б его карие очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя. Не один рушник вымочила горячими слезами. Тошно мне. Тяжело на сердце. И родной отец — враг мне: неволит идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовят, только не будет музыки на нашей свадьбе; будут дьяки петь, вместо кобз и сопилок. Не пойду я танцевать с женихом своим; понесут меня. Темная, темная моя будет хата: из кленового дерева, и, вместо трубы, крест будет стоять на крыше!»

Как будто окаменев, не сдвинувшись с места, слушал Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины речи. «А я думал, несчастный, идти в Крым и Туречину, навоевать золота и с добром прие-

хать к тебе, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глаз поглядел на нас. Будет же, моя дорогая рыбка! будет и у меня свадьба: только и дьяков не будет на той свадьбе; ворон черный прокрячет, вместо по-па, надо мною; гладкое поле будет моя хата; сизая туча — моя крыша; орел выклюет мои карие очи; вымоют дожди козачьи косточки, и вихорь высушит их. Но что я? на кого? кому жаловаться? Так уже, видно, Бог велел — пропадать, так пропадать!» — да прямехонько и побрел в шинок.

Тетка покойного деда немного изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене, и выпучила на него глаза, как будто спросонья, когда потребовал он кухоль сивухи, мало не с полведра. Только напрасно думал бедняжка залить свое горе. Водка щипала его за язык, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинул от себя кухоль на землю. «Полно горевать тебе, козак!» — загремело что-то басом над ним. Оглянулся: Басаврюк! у! какая образина! Волосы — щетина, очи — как у вола! «Знаю, чего недостает тебе: вот чего!» Тут брякнул он с бесовскою усмешкою кожаным, висевшим у него возле пояса, кошельком. Вздрогнул Петро. «Ге, ге, ге! да как горит! — заревел он, пересыпая на руку червонцы, — ге, ге, ге! да как звенит! А ведь и дела только одного потребую за целую гору таких цяцек». — «Дьявол! — закричал Петро. — Давай его! на все готов!» Хлопнули по рукам. «Смотри, Петро, ты поспел как раз в пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь в году и цветет папоротник. Не прозевай! Я тебя буду ждать, о полночи, в Медвежьем овраге».

Я думаю, куры так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им хлебных зерен, как дожидался Петрусь вечера. То и дела, что смотрел, не становится ли тень от дерева длиннее, не румянится ли понизившееся солнышко, и что далее, тем нетерпеливей. Экая долгота! видно, день Божий потерял где-нибудь конец свой. Вот уже и солнца нет. Небо только краснеет на одной стороне. И оно уже тускнет. В поле становится холодней. Примеркает, примеркает и — смерклось. Насилу! С сердцем, только что не хотевшим выскочить из груди, собрался он в дорогу и бережно спустился густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом. Басаврюк уже поджидал там. Темно, хоть в глаза выстрели. Рука об руку пробирались они по топким болотам, цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу. Вот и ровное место. Огляделся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тут остановился и Басаврюк. «Видишь ли ты, стоят перед тобою три пригорка. Много будет на них цветов разных; но, сохрани те-

бя нездешняя сила, вырвать хоть один. Только же зацветет папоротник, хватай его и не оглядывайся, что бы тебе позади ни чудилось». Петро хотел было спросить... глядь — и нет уже его. Подошел к трем пригоркам; где же цветы? Ничего не видать. Дикой бурьян чернел кругом и глушил все своею густотою. Но вот блеснула на небе зарница, и перед ним показалась целая гряда цветов, все чудных, все невиданных; тут же и простые листья папоротника. Поусумнился Петро и раздумно стал перед ними, подпершись обеими руками в боки. Что тут за невидальщина? десять раз на день, случается, видишь это зелье; какое ж тут диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмеяться? Глядь, краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле чудно! Движется и становится все больше, больше, и краснеет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя. «Теперь пора!» — подумал Петро и протянул руку. Смотрит, тянутся из-за него сотни мохнатых рук также к цветку, и позади его что-то перебегает с места на место. Зажмурил глаза, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках. Все утихло. На пне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец. Хоть бы пошевелился одним пальцем. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; рот в половину разинут, и ни ответа. Вокруг не шелохнет. Ух, страшно!.. Но вот послышался свист, от которого захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голоском тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдруг ожило; очи сверкнули. «Насилу воротилась, яга! — проворчал он сквозь зубы. — Гляди, Петро, станет перед тобою сейчас красавица: делай все, что ни прикажет, не то пропал навеки!» Тут разделил он суковатою палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках. Басаврюк ударил кулаком, и стена зашаталась. Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им. «Не бесись, не бесись, старая чертовка!» — проговорил Басаврюк, приправив таким словом, что добрый человек и уши бы заткнул. Глядь, вместо кошки, старуха с лицом сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи. «Славная красавица!» — подумал Петро, и мурашки пошли по спине его. Ведьма вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пена показалась на губах. «Бросай!» — сказала она, отдавая цветок ему. Петро подбросил, и, что

за чудо? Цвeток не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плавал по воздуху; наконец, потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна. «Здесь!» — глухо прохрипела старуха; а Басаврюк, подавая ему заступ, примолвил: «Копай здесь, Петро. Тут увидишь ты столько золота, сколько ни тебе, ни Коржу не снилось». — Петро, поплевав в руки, схватил заступ, надавил ногою и выворотил землю, в другой, в третий, еще раз... что-то твердое!.. Заступ звенит и нейдет далее. Тут глаза его ясно начали различать небольшой, окованный железом, сундук. Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем. «Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!» — сказала ведьма и подвела к нему дитя, лет шести, накрытое белою простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову. Остолбенел Петро. Малость, отрезать ни за что, ни про что человеку голову, да еще и безвинному ребенку! В сердцах, сдернул он простыню, накрывавшую его голову, и что же? Перед ним стоял Ивась. И ручки сложило бедное дитя накрест; и головку повесило... Как бешеный, подскочил с ножом к ведьме Петро и уже занес было руку... «А что ты обещал за девушку?..» — грянул Басаврюк, и словно пулю посадил ему в спину. Ведьма топнула ногою: синее пламя выхватилось из земли; середина ее вся осветилась и стала как будто из хрустала вылита; и все, что ни было под землею, сделалось видимо, как на ладони. Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудями были навалены под тем самым местом, где они стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи... Дьявольский хохот загредел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... Все пошло крутом в голове его! Собравши все силы, бросился бежать он. Все покрылось перед ним красным цветом. Деревья все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились ему в глаза. Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мертвый сон схватил его.

Два дни и две ночи спал Петро без просыпа. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышал он, что в ногах брякнуло. Смотрит: два мешка с золотом. Тут только,

будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу... Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять.

Увидел Корж мешки и — разнежился: «Сякой, такой Петрусь, немазаный! да я ли не любил его? да не был ли у меня он, как сын родной?» — и понес хрыч небывальщину, так что того до слез разобрало. Дивно только показалось Пидорке, когда стала рассказывать, как проходившие мимо цыгане украли Ивася. Он не мог даже вспомнить лица его, так обморочила проклятая бесовщина! Мешкать было незначем. Поляку дали под нос дулю, да и заварили свадьбу: напекли шипшек, нашили рушников и хусток, выкатили бочку горелки, посадили за стол молодых, разрезали коровай; брякнули в бандуры, цымбалы, сопилки, кобзы — и пошла потеха...

В старину свадьба водилась не в сравнение нашей. Тетка моего деда, бывало, расскажет — люли только! Как девчата, в нарядном головном уборе из желтых, синих и розовых стричек, на верх которых навязывался золотой галун, в тонких рубашках, вышитых по всему шву красным шелком и унизанных мелкими серебряными цветочками, в сафьянных сапогах на высоких железных подковах, плавно, словно павы, и с шумом, что вихорь, скакали в горлице. Как молодницы, с корабликом на голове, которого верх сделан был весь из сутозолотой парчи, с небольшим вырезом на затылке, из которого выглядывал золотой очипок, с двумя выдавшимися, один наперед, другой назад, рожками, самого мелкого черного смушка; в синих, из лучшего полутабенеку, с красными клапанами кунтушах, важно подбоченившись, выступали по одиночке и мерно выбивали гопака. Как парубки, в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми серебром поясами, с люльками в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и подпускали турусы. Сам Корж не утерпел, глядя на молодых, чтобы не тряхнуть стариною. С бандурою в руках, потягивая люльку и вместе припевая, с чаркою на голове, пустился старичина, при громком крике гуляк, вприсядку. Чего не выдумают навеселе? Начнут, бывало, наряжаться в хари — Боже ты мой, на человека не похожи! Уж не чета нынешним переодеваниям, что бывают на свадьбах наших. Что теперь? только что корчат цыганок да москалей. Нет, вот, бывало, один оденется жидом, а другой чертом, начнут сперва целоваться, а после ухватятся за чубы... Бог с вами! смех нападет такой, что за живот хватаешься. Пооденутся в турецкие и татарские платья: все горит на них, как жар... А как начнут дуреть, да строить штуки... ну, тогда хоть святых выноси. С теткой покойного деда, которая сама была на этой свадьбе, случилась

забавная история: была она одета тогда в татарское широкое платье и с чаркою в руках угощала собрание. Вот, одного дернул лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промах, высек в ту же мину-ту огня, да и поджег... пламя вспыхнуло: бедная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать с себя, при всех, платье... Шум, хохот, ералаш под-нялся, как на ярмарке. Словом, старики не запомнили никогда еще та-кой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно пан с панею. Всего вдоволь, все блеснит... Однако же добрые люди качали слегка голова-ми, глядя на житье их. От черта не будет добра, поговаривали все в один голос. Откуда, как не от искусителя люда православного, при-шло к нему богатство? Где ему было взять такую кучу золота? Отче-го, вдруг, в самый тот день, когда разбогател он, Басаврюк пропал, как в воду? — Говорите же, что люди выдумывают! Ведь в самом де-ле, не прошло месяца, Петруся никто узнать не мог. Отчего, что с ним сделалось, Бог знает. Сидит на одном месте, и хоть бы слово с кем. Все думает и как будто бы хочет что-то припомнить. Когда Пидорке удастся заставить его о чем-нибудь заговорить, как будто и забудет-ся, и поведет речь, и развеселится даже; но ненароком, посмотрит на мешки — «постой, постой, позабыл!» — кричит, и снова задумается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной раз, когда долго сидит на одном месте, чудится ему, что вот-вот все сызнава приходит на ум... и опять все ушло. Кажется, сидит в шинке; несут ему водку; жжет его водка; противна ему водка. Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее, все как будто туманом укрывается перед ним. Пот валится гра-дом по лицу его, и он в изнеможении садится на свое место.

Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахорами, и переполох выливали, и соняшницу заваривали*, ничто не помогало. Так прошло и лето. Много козаков обкосилось и обжалось, много козаков, пораз-гульнее других, и в поход потянулось. Стаи уток еще толпились на бо-лотах наших; но крапивянок уже и в помине не было. В степях закра-снело. Скирды хлеба то сям, то там, словно козацкие шапки, пестрели по полю. Попадались по дороге и возы, наваленные хворостом и дро-вами. Земля сделалась крепче и местами стала прохватываться моро-

* Выливают переполох у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приклю-чился он; бросают расплавленное олово или воск в воду, и чье примут они подобие, то самое перепугало больного; после чего и весь испуг проходит. Заваривают соняш-ницу от дурноты и боли в животе. Для этого зажигают кусок пеньки, бросают в кружку и опрокидывают ее вверх дном в миску, наполненную водою и поставлен-ную на животе больного; потом, после зашептываний, дают ему выпить ложку этой самой воды.

зом. Уже и снег стал сеяться с неба, и ветви дерев убрались инеем, будто заячьим мехом. Вот уже в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватой польской шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари, между тем как отцы их спокойно вылеживались на печке, выходя по временам, с зажженной люлькой в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец или проветриться и промолотить в сенях залежалый хлеб. Наконец, снега стали таять и *щука хвостом лед расколотила*; а Петро все так же, и чем далее, тем еще суровее. Как будто прикованный, сидит посередине хаты, поставив себе в ноги мешки с золотом. Одичал, оброс волосами, стал страшен, и все думает об одном, все силится припомнить что-то, и сердится, и злится, что не может вспомнить. Часто дико подымается с своего места, поводит руками, вперяет во что-то глаза свои, как будто хочет уловить его; губы шевелятся, будто хотят произнести какое-то давно забытое слово — и неподвижно останавливаются... Бешенство овладевает им: как полумудрый, грызет и кусает себе руки и в досаде рвет клоками волоса, покамест, утихнув, не упадет, будто в забытье, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука... Что это за напасть Божия? Жизнь не в жизнь стала Пидорке. Страшно ей было оставаться сперва одной в хате; да после свыклась бедняжка с своим горем. Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмешки; изныла, исчахла, выплакались ясные очи. Раз, кто-то уже, видно, сжалился над ней, посоветовал идти к колдунье, жившей в Медвежьем оврагу, про которую ходила слава, что умеет лечить все на свете болезни. Решилась попробовать последнее средство; слово за слово, уговорила старуху идти с собою. Это было ввечеру, как раз накануне Купала. Петро в беспамятстве лежал на лавке и не примечал вовсе новой гостьи. Как вот, мало-помалу, стал приподниматься и всматриваться. Вдруг весь задрожал, как на плахе; волосы поднялись горою... и он засмеялся таким хохотом, что страх врезался в сердце Пидорки. «Вспомнил! вспомнил!» — закричал он в страшном весельи и, размахнувши топор, пустил им со всей силы в старуху. Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лет семи, в белой рубашке, с накрытою головою, стало посередине хаты... Простыня слетела. «Ивась!» — закричала Пидорка и бросилась к нему; но привидение, все с ног до головы, покрылось кровью и осветило всю хату красным светом... В испуге выбежала она в сени; но, опомнившись немного, хотела было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею так крепко, что не под силу было отпереть. Сбежались

люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев. Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелинуть усом, стояли козаки, будто вкопанные в землю. Такой страх навело на них это диво.

Что было далее, не вспомню. Пидорка дала обет идти на богомолье; собрала оставшееся после отца имущество, и через несколько дней ее точно уже не было на селе. Куда ушла она, никто не мог сказать. Услужливые старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился; да один раз приехавший из Киева козак рассказал, что видел в Лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки, по всем приметам, узнали Пидорку; что еще никто не слышал от нее ни одного слова; что пришла она пешком и принесла оклад к иконе Божьей Матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмуривались, на него глядя.

Позвольте, этим еще не все кончилось. В тот самый день, когда лукавый припрятал к себе Петруся, показался снова Басаврюк; только все бегом от него. Узнали, что это за птица: никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы отрывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцов. Того же году, все побросали землянки свои и перебрались в село; но и там однако ж не было покою от проклятого Басаврюка. Тетка покойного деда говорила, что именно злился он более всего на нее за то, что оставила прежний шинок по Опошнянской дороге, и всеми силами старался выместить все на ней. Раз старшины села собрались в шинок и, как говорится, беседовали по чинам за столом, посередине которого поставлен был, грех сказать, чтобы малый, жареный баран. Каляли о сем и о том, было и про диковинки разные, и про чуда. Вот и померещилось, еще бы ничего, если бы одному, а то именно всем, что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих. Все тотчас узнали на бараньей голове рожу Басаврюка; тетка деда моего даже думала уже, что вот-вот попросит водки... Честные старшины за шапки, да скорей восвояси. В другой раз сам церковный староста, любивший по временам раздобаривать глаз на глаз с дедовскою чаркою, не успел еще раза два достать дна, как видит, что чарка кланяется ему в пояс. Черт с тобою! давай креститься!.. А тут с половиною его тоже диво: только что начала она замешивать тесто в огромной диже, вдруг дижа вы-

прыгнула: «Стой, стой!» — куды! подбоченившись важно, пустилась вприсядку по всей хате... Смейтесь; однако ж не до смеха было нашим дедам. И даром, что отец Афанасий ходил по всему селу с святою водою и гонял черта кропилом по всем улицам, а все еще тетка покойного деда долго жаловалась, что кто-то, как только вечер, стучит в крышу и царапается по стене.

Да чего! Вот теперь на этом самом месте, где стоит село наше, кажись, все спокойно; а ведь еще не так давно, еще покойный отец мой и я запомню, как мимо развалившегося шинка, который нечистое племя долго после того поправляло на свой счет, доброму человеку пройти нельзя было. Из закоптевшей трубы столбом валился дым и, поднявшись высоко, так, что посмотреть — шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи, и черт, нечего бы и вспоминать его, собачьего сына, так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком метались по небу.

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

Враг его батька знае! начнуть що небудь робить люды хрещены, то мурдуютця, мурдуютця, мов хорты за зайцем, а все щось не до шмыгу; тильки ж куды чорт уплетецця, то верть хвостыком — так де воно й возметця ниначе з неба.

I

Ганна

Звонкая песня лилась рекою по улицам села***. Было то время, когда, утомленные дневными трудами и заботами, парубки и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера, выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем. И вечер, вечно задумавшийся, мечтательно обнимал синее небо, преобразая все в неопределенность и даль. Уже и сумерки; а песни все не утихали. С бандурою в руках пробирался ускользнувший от песьельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетилловская шапка. Козак идет по улице, бренчит рукою по струнам и подтанцовывает. Вот он тихо остановился перед дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья эта дверь? Немного помолчавши, заиграл он и запел:

Сонце нызенько, вечер близенько,
Выйды до мене, мое серденько!

«Нет, видно, крепко заснула моя ясноокая красавица! — сказал козак, окончивши песню и приблизясь к окну. — Галю, Галю! ты спишь, или не хочешь ко мне выйти? Ты боишься, верно, чтобы нас кто не увидел, или не хочешь, может быть, показать белое личико на холод! Не бойся: никого нет. Вечер тепел. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своим поясом, закрою руками

тебя — и никто нас не увидит. Но если бы и повеяло холодом, я прижму тебя поближе к сердцу, отогрею поцелуями, надену шапку свою на твои беленькие ножки. Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на миг. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою... Нет, ты не спишь, гордая дивчина! — проговорил он громче и таким голосом, каким выражает себя устыдившийся мгновенного унижения. — Тебе любо издеваться надо мною; прощай!» Тут он отворотился, насунул набекрень свою шапку и гордо отошел от окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери в это время завертелась: дверь распахнулась со скрипом, и девушка на пороге семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила через порог. В полуясном мраке горели приветно, будто звездочки, ясные очи; блистало красное коралловое монисто, и от орлиных очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щеках ее. «Какой же ты нетерпеливой, — говорила она ему вполголоса. — Уже и рассердился! Зачем выбрал ты такое время: толпа народу шатается то и дело по улицам... Я вся дрожу...»

— О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мне покрепче! — говорил парубок, обнимая ее, отбросив бандуру, висевшую на длинном ремне у него на шее, и садясь вместе с нею у дверей хаты. — Ты знаешь, что мне и часу не видать тебя горько.

— Знаешь ли, что я думаю, — прервала девушка, задумчиво потопив в него свои очи. — Мне все что-то будто на ухо шепчет, что вперед нам не видаться так часто. Недобрые у вас люди: девушки все глядят так завистливо, а парубки... Я примечаю даже, что мать моя с недавней поры стала суровее приглядывать за мною. Признаюсь, мне веселее у чужих было. — Какое-то движение тоски выразилось на лице ее при последних словах.

— Два месяца только в стороне родной и уже соскучилась! Может, и я надоел тебе?

— О, ты мне не надоел, — молвила она, усмехнувшись. — Я тебя люблю, чернобровый козак! За то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими — у меня как будто на душе усмехается: и весело, и хорошо ей; что приветливо моргаешь ты черным усом своим; что ты идешь по улице, поешь и играешь на бандуре, и любо слушать тебя.

— О, моя Галя! — вскрикнул парубок, целуя и прижимая ее сильнее к груди своей.

— Постой! полно, Левко! Скажи наперед, говорил ли ты с отцом своим?

— Что? — сказал он, будто проснувшись. — Да, что я хочу жениться, а ты выйди за меня замуж — говорил. — Но как-то унывно зазвучало в устах его это слово: говорил.

— Что же?

— Что станешь делать с ним? Притворился старый хрен, по своему обыкновению, глухим: ничего не слышит и еще бранит, что шатаюсь Бог знает где и повесничаю с хлопцами по улицам. Но не тужи, моя Галю! Вот тебе слово козацкое, что умолаю его.

— Да тебе только стоит, Левко, слово сказать — и все будет по-твоему. Я знаю это по себе: иной раз не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно делаю, что тебе хочется. Посмотри, посмотри! — продолжала она, положив голову на плечо ему и подняв глаза вверх, где необъятно синело теплое украинское небо, завешенное снизу кудрявыми ветвями стоявших перед ними вишен. — Посмотри: вон-вон далеко мелькнули звездочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, ведь это ангелы Божии поотворяли окошечки своих светлых домиков на небе и глядят на нас? Да, Левко? Ведь это они глядят на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, — туда бы полететь, высоко, высоко... Ух, страшно! Ни один дуб у нас не достанет до неба. А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником.

— Нет, Галю; у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее станоят перед светлым воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле.

— Как тихо колышется вода, будто дитя в люльке! — продолжала Ганна, указывая на пруд, угрюмо обставленный темным кленовым лесом и оплакиваемый вербами, потопившими в нем жалобные свои ветви. Как бессильный старец, держал он в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды, которые тускло реяли среди теплого ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи. Возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали его крышу; кудрявые яблони разрослись перед его окнами; лес, обнимая свою тенью, бросал на него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду.

— Я помню, будто сквозь сон, — сказала Ганна, не спуская глаз с него, — давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у мате-

ри, что-то страшное рассказывали про дом этот. Левко, ты, верно, знаешь, расскажи!..

— Бог с ним, моя красавица! Мало ли чего не расскажут бабы и народ глупой. Ты себя только потревожишь, станешь бояться и не заснетя тебе покойно.

— Расскажи, расскажи, милой, чернобровой парубок! — говорила она, прижимаясь лицом своим к щеке его и обнимая его. — Нет! ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая девушка. Я не буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться, да думать... Расскажи, Левко!..

— Видно, правду говорят люди, что у девушек сидит черт, подстрекающий их любопытство. Ну, слушай. Давно, мое серденько, жил в этом доме сотник. У сотника была дочка, ясная панночка, белая как снег, как твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумал сотник жениться на другой. «Будешь ли ты меня нежить по-старому, батьку, когда возьмешь другую жену?» — «Буду, моя дочка; еще крепче прежнего стану прижимать тебя к сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты!» — Привез сотник молодую жену в новый дом свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бела собою была молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха. Настала ночь: ушел сотник с молодой женой в свою опочивальню; заперлась и белая панночка в своей светлице. Горько сделалось ей; стала плакать. Глядит, страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу. В испуге вскочила она на лавку: кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку: кошка и туда, и вдруг бросилась к ней на шею и душит ее. С криком оторвавши от себя, кинула на пол; опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стене висела отцовская сабля. Схватила ее и бряк по полу — лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха ее ведьма и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказал сотник своей дочке носить воду, мести хату, как простой мужичке, и не показываться в панские покои. Тяжело было бедняжке; да нечего делать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгнал сотник свою дочку босую из дому и куска хлеба не дал на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками белое лицо свое: «Погубил ты, батьку, родную дочку свою! Погубила ведьма грешную душу твою! Прости тебя Бог; а мне, несча-

стной, видно, не велит Он жить на белом свете!..» И вон, видишь ли ты... — Тут оборотился Левко к Ганне, указывая пальцем на дом. — Гляди сюда: вон, подалее от дома, самый высокий берег! С этого берега кинулась панночка в воду, и с той поры не стало ее на свете...

— А ведьма? — боязливо прервала Ганна, устремив на него прослезившиеся очи.

— Ведьма? Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили, в лунную ночь, в панский сад греться на месяце; и сотникова дочка сделалась над ними главною. В одну ночь увидела она мачеху свою возле пруда, напала на нее и с криком утащила в воду. Но ведьма и тут нашлась: оборотилась под водою в одну из утопленниц и через то ушла от плети из зеленого тростника, которою хотели ее бить утопленницы. Верь бабам! Рассказывают еще, что панночка собирает всякую ночь утопленниц и заглядывает поодиночке каждой в лицо, стараясь узнать, которая из них ведьма; но до сих пор не узнала. И если попадется из людей кто, тотчас заставляет его угадывать, не то грозит утопить в воде. Вот, моя Галю, как рассказывают старые люди!.. Теперешний пан хочет строить на том месте винницу и прислал нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говор. Это наши возвращаются с песен. Прощай, Галю! Спи спокойно; да не думай об этих бабьих выдумках! — Сказавши это, он обнял ее крепче, поцеловал и ушел.

— Прощай, Левко! — говорила Ганна, задумчиво вперив очи на темный лес.

Огромный, огненный месяц величественно стал в это время вырываться из земли. Еще половина его была под землею; а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света. Пруд тронулся искрами. Тень от деревьев ясно стала отделяться на темной зелени. «Прощай, Ганна!» — раздалось позади ее слова, сопровождаемые поцелуем. «Ты воротился!» — сказала она, оглянувшись; но, увидев перед собою незнакомого парубка, отвернулась в сторону. «Прощай, Ганна!» — раздалось снова, и снова поцеловал ее кто-то в щеку. «Вот принесла нелегкая и другого!» — проговорила она с сердцем. «Прощай, милая Ганна!» — «Еще и третий!» — «Прощай! прощай! прощай, Ганна!» — и поцелуи засыпали ее со всех сторон. «Да тут их целая ватага!» — кричала Ганна, вырываясь из толпы парубков, наперерыв спешивших обнимать ее. — «Как им не надоест беспрестанно целоваться! Скоро, ей-богу, нельзя будет показаться на улице!» Вслед за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, как с визгом задвинулся железный засов.

II

Голова

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешень пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник — ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А вверху все дышит; все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посереде неба... Как очарованное, дремлет на возвышении село. Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены. Песни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спят. Где-где только светятся узенькие окна. Перед порогами иных только хат запоздалая семья совершает свой поздний ужин.

— Да, гопак не так танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что ж это рассказывает кум?.. А, ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп! — Так разговаривал сам с собою подгулявший мужик средних лет, танцуя по улице. — Ей-богу, не так танцуется гопак! Что мне лгать! ей-богу не так! А, ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп!

— Вот, одурел человек! добро бы еще хлопец какой, а то старый кабан, детям на смех, танцует ночью по улице! — вскричала проходящая пожилая женщина, неся в руке солому. — Ступай в хату свою! Пора спать давно!

— Я пойду! — сказал, остановившись, мужик. — Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что он думает, дидько б утысса его батькови, что он голова, что он обливает людей на морозе холодной водою, так и нос поднял! Ну, голова, голова. Я сам себе голова. Вот, убей меня Бог! Бог меня убей, я сам себе голова. Вот что, а не то что... — продолжал он, подходя к первой попавшейся хате, и ос-

тановился перед окошком, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку. — Баба, отвори! Баба, живей, говорят тебе, отвори! Козаку спать пора!

— Куда ты, Каленик? Ты в чужую хату попал! — закричали, смеясь, позади его девушки, ворочавшиеся с веселых песней. — Показать тебе твою хату?

— Покажите, любезные молодухи!

— Молодушки? слышите ли, — подхватила одна, — какой учтивый Каленик! За это ему нужно показать хату... но нет, наперед потанцуй!

— Потанцевать?.. эх, вы, замысловатые девушки! — протяжно произнес Каленик, смеясь и грозя пальцем и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одном месте. — А дадите перецеловать себя? Всех перецелую, всех!.. — и косвенными шагами пустился бежать за ними. Девушки подняли крик, перемешались; но после, ободрившись, перебежали на другую сторону, увидя, что Каленик не слишком был скор на ноги.

— Вон твоя хата! — закричали они ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболее прочих, принадлежавшую сельскому голове. Каленик послушно побрел в ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этот голова, возбудивший такие невыгодные о себе толки и речи? О, этот голова важное лицо на селе. Покамест Каленик достигнет конца пути своего, мы, без сомнения, успеем кое-что сказать о нем. Все село, завидевши его, берется за шапки; а девушки, самые молоденькие, отдают *добрیدنь*. Кто бы из парубков не захотел быть головою! Голове открыт свободный вход во все тавлинки; и дюжий мужик почтительно стоит, снявши шапку, во все продолжение, когда голова запускает свои толстые и грубые пальцы в его лубошную табакерку. В мирской сходке, или громаде, несмотря на то, что власть его ограничена несколькими голосами, голова всегда берет верх и почти по своей воле высылает, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу, или копать рвы. Голова угрюм, суров с виду и не любит много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездила в Крым, был выбран он в провожатые; целые два дня находился он в этой должности и даже удостоился сидеть на козлах с царицыным кучером. И с той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившиеся вниз усы и кидать соколиный взгляд исподлобья. И с той поры голова, об чем бы ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вез царицу и сидел на козлах царской кареты. Голова любит

иногда прикинуться глухим, особенно если услышит то, чего не хотелось бы ему слышать. Голова терпеть не может щегольства: носит всегда свитку черного домашнего сукна, перепоясывается шерстяным цветным поясом, и никто никогда не видал его в другом костюме, выключая разве только времени проезда царицы в Крым, когда на нем был синий козацкий жупан. Но это время вряд ли кто мог запомнить из целого села; а жупан держит он в сундуке под замком. Голова вдов; но у него живет в доме свояченица, которая варит обедать и ужинать, моет лавки, белит хату, прядет ему на рубашки и заведывает всем домом. На селе поговаривают, будто она совсем ему не родственница; но мы уже видели, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочем, может быть, к этому подало повод и то, что свояченице всегда не нравилось, если голова заходил в поле, усеянное жнищами, или к козаку, у которого была молодая дочка. Голова крив; но зато одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть хорошенькую поселянку. Не прежде, однако ж, он наведет его на смазливое личико, пока не обсмотрится хорошенько, не глядит ли откуда свояченица. Но мы почти все уже рассказали, что нужно, о голове; а пьяный Каленик не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощал голову всеми отборными словами, какие могли только вспасть на лениво и несвязно поворачивавшийся язык его.

III

Неожиданный соперник. Заговор

«Нет, хлопцы, нет, не хочу! Что за разгулье такое! Как вам не найдет повесничать? И без того уже прослыли мы, Бог знает, какими буянами. Ложитесь лучше спать!» Так говорил Левко разгульным товарищам своим, подговаривавшим его на новые проказы. «Прощайте, братцы! покойная вам ночь!» и быстрыми шагами шел от них по улице. «Спит ли моя ясноокая Ганна?» — думал он, подходя к знакомой нам хате с вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихий говор. Левко остановился. Между деревьями забелела рубашка... «Что это значит?» — подумал он и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свете месяца блистало лицо стоявшей перед ним девушки... Это Ганна! Но кто же этот высокий человек, стоявший к нему спиной? Напрасно обсматривал он: тень покрывала его с ног до головы. Спереди только он был освещен немного; но малейший шаг вперед Левка уже подвергал его неприятности — быть открытым. Тихо прислонившись к дереву, решил он остаться на месте. Девушка ясно выговори-

ла его имя. «Левко? Левко еще молокосос! — говорил хрипло и вполголоса высокий человек. — Если я встречу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чуб...» — «Хотелось бы мне знать, какая это шельма похвалится выдрать меня за чуб!» — тихо проговорил Левко и протянул шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомец продолжал так тихо, что нельзя было ничего расслушать. «Как тебе не стыдно! — сказала Ганна по окончании его речи. — Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не поверю, чтобы ты меня любил!» — «Знаю, — продолжал высокий человек, — Левко много наговорил тебе пустяков и вскружил твою голову». (Тут показалось парубку, что голос незнакомца не совсем незнаком, и как будто он когда-то его слышал.) «Но я дам себя знать Левку! — продолжал все так же незнакомец, — он думает, что я не вижу всех его шашней. Попробует он, собачий сын, каковы у меня кулаки». При сем слове Левко не мог уже более удержаться своего гнева. Подошедши на три шага к нему, замахнулся он со всей силы, чтобы дать треуха, от которого незнакомец, несмотря на свою видимую крепость, не устоял бы, может быть, на месте; но в это время свет пал на лицо его, и Левко остолбенел, увидевши, что перед ним стоял отец его. Невольное покачивание головою и легкий сквозь зубы свист одни только выразили его изумление. В стороне послышался шорох; Ганна поспешно влетела в хату, хлопнув за собою дверь.

«Прощай, Ганна!» — закричал в это время один из парубков, подкравшись и обнявши голову; и с ужасом отскочил назад, встретивши жесткие усы. «Прощай, красавица!» — вскричал другой; но на сей раз полетел стремглав от тяжелого толчка головы. «Прощай, прощай, Ганна!» — закричало несколько парубков, повиснув ему на шею. «Провалитесь, проклятые сорванцы! — кричал голова, отбиваясь и притопывая на них ногами. — Что я вам за Ганна! Убирайтесь вслед за отцами на виселицу, чертовы дети! Поприставали, как мухи к меду! Дам я вам Ганны!..»

— Голова! Голова! это голова! — закричали хлопцы и разбежались во все стороны.

— Ай да батько! — говорил Левко, очнувшись от своего изумления и глядя вслед уходившему с ругательствами голове. — Вот какие за тобою водятся проказы! славно! А я дивлюсь да передумываю, что б это значило, что он все притворяется глухим, когда станешь говорить о деле. Постой же, старый хрен, ты у меня будешь знать, как шататься под окнами молодых девушек, будешь знать, как отбивать чужих невест! Гей, хлопцы! сюда! сюда! — кричал он, махая рукою к

парубкам, которые снова собирались в кучу, — ступайте сюда! Я увещевал вас идти спать; но теперь раздумал и готов, хоть целую ночь, сам гулять с вами.

— Вот это дело! — сказал плечистый и дородный парубок, считавшийся первым гулякой и повесой на селе. — Мне все кажется тошно, когда не удастся погулять порядком и настроить штук. Всё как будто недостает чего-то. Как будто потерял шапку или люльку; словом, не козак да и только.

— Согласны ли вы побесить хорошенько сегодня голову?

— Голову!

— Да, голову. Что он в самом деле задумал! Он управляется у нас, как будто гетьман какой. Мало того, что помыкает, как своими холопьями, еще и подъезжает к девчатам нашим. Ведь, я думаю, на всем селе нет смазливой девки, за которою бы не волочился голова.

— Это так, это так, — закричали в один голос все хлопцы.

— Что ж мы, ребята, за холопья? Разве мы не такого рода, как и он? Мы, слава Богу, вольные козаки! Покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки!

— Покажем! — закричали парубки. — Да если голову, то и писаря не минуть!

— Не минем и писаря! А у меня, как нарочно, сложилась в уме славная песня про голову. Пойдемте, я вас ее выгучу, — продолжал Левко, ударив рукою по струнам бандуры. — Да слушайте: попереодевайтесь, кто во что ни попало!

— Гуляй, козацкая голова! — говорил дюжий повеса, ударив ногою в ногу и хлопнув руками. — Что за роскошь! Что за воля! Как начнешь беситься — чудится, будто поминаешь давние годы. Любо, вольно на сердце; а душа как будто в раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!.. — И толпа шумно понеслась по улицам. И благочестивые старушки, пробужденные криком, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: «ну, теперь гуляют парубки!»

IV

Парубки гуляют

Одна только хата светилась еще в конце улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончил свой ужин и, без сомнения, давно бы уже заснул; но у него был в это время гость, винокур, присланный строить винокурню помещиком, имевшим небольшой участок земли между вольными козаками. Под самым покутом, на почетном месте,

сидел гость — низенькой, толстенькой человек, с маленькими, вечно смеющимися глазками, в которых, кажется, написано было то удовольствие, с каким курил он свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцем вылезавший из нее, превращенный в золу, табак. Облака дыма быстро разрастались над ним, одевая его в сизый туман. Казалось, будто широкая труба с какой-нибудь винокурни, наскуча сидеть на своей крыше, задумала прогуляться и чинно уселась за столом в хате головы. Под носом торчали у него коротенькие и густые усы; но они так неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокур поймал и держал во рту своем, подрывая монополию амбарного кота. Голова, как хозяин, сидел в одной только рубашке и полотняных шароварах. Орлиный глаз его, как вечеряющее солнце, начинал мало-помалу жмуриться и меркнуть. На конце стола курил люльку один из сельских десятских, составлявших команду головы, сидевший из почтения к хозяину в свитке.

— Скоро же вы думаете, — сказал голова, оборотившись к винокуру и кладя крест на зевнувший рот свой, — поставить вашу винокурню?

— Когда Бог поможет, то сею осенью, может, и закурим. На Покров, бьюсь об заклад, что пан голова будет писать ногами немецкие крендели по дороге. — По произнесении сих слов, глазки винокура пропали; вместо их протянулись лучи до самых ушей; все туловище стало колебаться от смеха, и веселые губы оставили на мгновение дымящуюся люльку.

— Дай Бог, — сказал голова, выразив на лице своем что-то подобное улыбке. — Теперь еще, слава Богу, винниц развелось немного. А вот, в старое время, когда провожал я царицу по переяславской дороге, еще покойный Безбородько...

— Ну, сват, вспомнил время! Тогда от Кременчуга до самых Ромен не начитывали и двух винниц. А теперь... Слышил ли ты, что повыводывали проклятые немцы? Скоро, говорят, будут курить не дровами, как все честные христиане, а каким-то чертовским паром. — Говоря эти слова, винокур в размышлении глядел на стол и на расставленные на нем руки свои. — Как это паром — ей-богу, не знаю!

— Что за дурни, прости Господи, эти немцы! — сказал голова. — Я бы батогом их, собачьих детей! Слыханное ли дело, чтобы паром можно было кипятить что. Поэтому ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губ, вместо молодого поросенка...

— И ты, сват, — отозвалась сидевшая на лежанке, поджавши под себя ноги, свояченица, — будешь, все это время, жить у нас без жены!

— А для чего она мне? Другое дело, если бы что доброе было.

— Будто не хороша? — спросил голова, устремив на него глаз свой.

— Куды тебе хороша! *Старá як бис*. Харя вся в морщинах, будто выпороженный кошелек. — И низенькое строение винокура расшаталось снова от громкого смеха.

В это время что-то стало шарить за дверь; дверь растворилась, и мужик, не снимая шапки, ступил за порог и стал, как будто в раздумьи, посреди хаты, разинувши рот и оглядывая потолок. Это был знакомец наш, Каленик. «Вот, я и домой пришел! — говорил он, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого внимания на присутствующих. — Вишь, как растянул, вражий сын сатана, дорогу! Идешь, идешь, и конца нет! Ноги как будто переломал кто-нибудь. Достань-ка там, баба, тулуп, подослать мне. На печь к тебе не приду, ей-богу, не приду: ноги болят! Достань его, там он лежит, близ покута; гляди только, не опрокинь горшка с тертым табаком. Или нет, не тронь, не тронь! Ты, может быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я сам достану». Каленик приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его к скамейке.

— За это люблю, — сказал голова, — пришел в чужую хату и распоряжается, как дома! Выпроводить его по добру по здоровью!..

— Оставь, сват, отдохнуть! — сказал винокур, удерживая его за руку. — Это полезной человек; побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла... — Однако ж не добродушие вынудило эти слова. Винокур верил всем приметам, и тотчас прогнать человека, уже севшего на лавку, значило у него накликать беду.

— Что-то, как старость придет!.. — ворчал Каленик, ложась на лавку. — Добро бы, еще сказать, пьян, так нет же, не пьян. Ей-богу, не пьян! Что мне лгать! Я готов объявить это хоть самому голове. Что мне голова? Чтобы он издохнул, собачий сын! Я плюю на него! Чтоб его, одноглазого черта, возом переехало! Что он обливает людей на морозе...

— Эге! влезла свинья в хату, да и лапы сует на стол, — сказал голова, гневно подымаясь с своего места; но в это время увесистый камень, разбивши окно вдребезги, полетел ему под ноги. Голова остановился. — Если бы я знал, — говорил он, подымая камень, — какой это висельник швырнул, я бы выучил его, как кидаться! Экие прока-

зы! — продолжал он, рассматривая его на руке пылающим взглядом. — Чтобы он подавился этим камнем...

— Стой, стой! Боже тебя сохрани, сват! — подхватил, побледневши, винокур. — Боже сохрани тебя, и на том, и на этом свете, благословить кого-нибудь такую побранкою!

— Вот нашелся заступник! Пусть он пропадет!..

— И не думай, сват! Ты не знаешь, верно, что случилось с покойною тещею моею?

— С тещей?

— Да, с тещей. Вечером, немного может раньше теперешнего, уселись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймыт, да наймычка, да детей штук с пятеро. Теща отсыпала немного галушек из большого казана в миску, чтобы не так были горячи. После работ все проголодались и не хотели ждать, пока простынут. Вздввши на длинные деревянные спички галушки, начали есть. Вдруг, откуда ни возьмишь человек, какого он роду, Бог его знает, просит и его допустить к трапезе. Как не накормить голодного человека! Дали и ему спичку. Только гость упрятывает галушки, как корова сено. Покамест те съели по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, как панский помост. Теща насыпала еще; думает, гость наелся и будет убирать меньше. Ничего не бывало. Еще лучше стал оплетать! и другую выпорожнил! «А чтоб ты подавился этими галушками!» — подумала голодная теща; как вдруг тот поперхнулся и упал. Кинулись к нему — и дух вон. Удавился.

— Так ему, обжоре проклятому, и нужно! — сказал голова.

— Так бы, да не так вышло: с того времени покою не было теще. Чуть только ночь, мертвец и тащится. Сядет верхом на трубу, проклятый, и галушку держит в зубах. Днем все покойно, и слуху нет про него; а только станет примеркать, погляди на крышу, уже и оседлал, собачий сын, трубу...

— И галушка в зубах?

— И галушка в зубах.

— Чудно, сват! Я слыхал что-то похожее еще за покойницу... — Тут голова остановился. Под окном послышался шум и топанье танцующих. Сперва тихо звукнули струны бандуры, к ним присоединился голос. Струны загремели сильнее; несколько голосов стали подтягивать, и песня зашумела вихрем:

Хлопцы, слышали ли вы?

Наши ль головы не крепки!

У кривого головы

В голове расселись клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами! батогами!

Голова наш сед и крив,
Стар, как бес; а что за дурень!
Прихотлив и похотлив:
Жметя к девкам... Дурень, дурень!
И тебе лезть к парубкам!
Тебя б нужно в домовину,
По усам, да по шеям!
За чуприну! за чуприну!

«Славная песня, сват! — сказал винокур, наклоня немного набок голову и оборотившись к голове, остолбеневшему от удивления при виде такой дерзости. — Славная! скверно только, что голову поминают не совсем благопристойными словами...» И опять положил руки на стол с каким-то сладким умилением в глазах, приготавливаясь слушать еще, потому что под окном гремел хохот и крики: «снова! снова!» Однако ж пронизательный глаз увидел бы тотчас, что не изумление удерживало долго голову на одном месте. Так только старый, опытный кот допускает иногда неопытной мышке бегать около своего хвоста; а между тем быстро созидаёт план, как перерезать ей путь в свою нору. Ещё одинокий глаз головы был устремлен на окно, а уже рука, давши знак десятскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдруг на улице поднялся крик... Винокур, к числу многих достоинств своих присоединявший и любопытство, быстро набивши табаком свою люльку, выбежал на улицу; но шалуны уже разбежались. «Нет, ты не ускользнешь от меня!» — кричал голова, таща за руку человека в вывороченном шерстью вверх овчинном черном тулупе. Винокур, пользуясь временем, подбежал, чтобы посмотреть в лицо этому нарушителю спокойствия; но с робостью попятился назад, увидевши длинную бороду и страшно размалеванную рожу. «Нет, ты не ускользнешь от меня!» — кричал голова, продолжая тащить своего пленника прямо в сени, который, не оказывая никакого сопротивления, спокойно следовал за ним, как будто в свою хату. «Карпо, отворяй комору! — сказал голова десятскому. — Мы его в темную комору! А там разбудим писаря, соберем десятских, переловим всех этих буянов и сегодня же и резолюцию всем им учиним!» Десятский забренчал небольшим всячим замком в сенях и отворил комору. В это самое время пленник,

пользуясь темнотою сеней, вдруг вырвался с необыкновенною силою из рук его. «Куда?» — закричал голова, ухватив еще крепче за ворот. «Пусти, это я!» — слышался тоненький голос. «Не поможет! не поможет, брат! Визжи себе хоть чертом, не только бабою, меня не проведешь!» и толкнул его в темную комнату так, что бедный пленник застонал, упавши на пол, и в сопровождении десятского отправился в хату писаря, и вслед за ними, как пароход, задымился винокур.

В размышлении шли они все трое, потупив голову, и вдруг на повороте в темный переулок разом вскрикнули от сильного удара по лбам, и такой же крик отгрянул в ответ им. Голова, прищуривши глаз свой, с изумлением увидел писаря с двумя десятскими.

— А я к тебе иду, пан писарь.

— А я к твоей милости, пан голова.

— Чудеса завелися, пан писарь.

— Чудные дела, пан голова.

— А что?

— Хлопцы бесятся! бесчинствуют целыми кучами по улицам. Твою милость величают такими словами... словом, сказать стыдно; пьяный москаль побоится выбросить их нечестивым своим языком. — (Все это худощавый писарь, в пестрядевых шароварах и жилете цвету винных дрожжей, сопровождал протягиванием шеи вперед и приведением ее тот же час в прежнее состояние.) — Вздремнул было немного, подняли с постели проклятые сорванцы своими страдными песнями и стуком! Хотел было хорошенько приструнить их, да покамест надел шаровары и жилет, все разбежались, куды попало. Самый главный однако же не увернулся от нас. Распеваает он теперь в той хате, где держат колодников. Душа горела у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, как у черта, который кует гвозди для грешников.

— А как он одет, пан писарь?

— В черном вывороченном тулупе, собачий сын, пан голова.

— А не лжешь ли ты, пан писарь? Что, если этот сорванец сидит теперь у меня в коморе?

— Нет, пан голова. Ты сам, не во гнев будь сказано, погрешил немного.

— Давайте огня! мы посмотрим его! — Огонь принесли, дверь отперли, и голова ахнул от удивления, увидев пред собою свояченицу.

— Скажи, пожалуста, — с такими словами она приступила к нему, — ты не свихнулся еще с последнего ума? Была ли в одноглазой башке твоей хоть капля мозгу, когда толкнул ты меня в темную комнату; счастье, что не ударилась головою об железный крюк. Разве я не

кричала тебе, что это я? Схватил, проклятый медведь, своими железными лапами, да и толкает! Чтоб тебя на том свете толкали черти!.. — Последние слова вынесла она за дверь на улицу, куда отправилась для каких-нибудь своих причин.

— Да, я вижу, что это ты! — сказал голова, очнувшись. — Что скажешь, пан писарь, не шельма этот проклятой сорви-голова?

— Шельма, пан голова.

— Не пора ли нам всех этих повес прошколить хорошенько и заставить их заниматься делом?

— Давно пора, давно пора, пан голова.

— Они, дурни, забрали себе... Кой черт? мне почудился крик свояченицы на улице; они, дурни, забрали себе в голову, что я им ровен. Они думают, что какой-нибудь их брат, простой козак!.. — Небольшой, последовавший за сим кашель и устремление глаза исподлобья вокруг давало догадываться, что голова готовился говорить о чем-то важном. — В тысячу... этих проклятых названий годов, хоть убей, не выговорю; ну, году, комиссару тогдашнему *Ледачему* дан был приказ выбрать из козаков такого, который бы был посмышленнее всех. О! — это «о» голова произнес, поднявши палец вверх, — посмышленнее всех! в проводники к царице. Я тогда...

— Что и говорить! это всякой уже знает, пан голова. Все знают, как ты выслужил царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла; хватил немного на душу греха, сказавши, что поймал этого сорванца в вывороченном тулупе?

— А что до этого дьявола в вывороченном тулупе, то его, в пример другим, заковать в кандалы и наказать примерно. Пусть знают, что значит власть! От кого же и голова поставлен, как не от царя? Потом доберемся и до других хлопцев: я не забыл, как проклятые сорванцы вогнали в огород стадо свиной, переевших мою капусту и огурцы; я не забыл, как чертовы дети отказались вымолотить мое жито; я не забыл... Но провались они, мне нужно непременно узнать, какая это шельма в вывороченном тулупе.

— Это проворная, видно, птица! — сказал винокур, которого щеки, в продолжение всего этого разговора, непрерывно заряжались дымом, как осадная пушка, и губы, оставив коротенькую люльку, выбросили целый огненный фонтан. — Эдакого человека не худо, на всякой случай, и при виннице держать; а еще лучше повесить на верхушку дуба, вместо паникадила. — Такая острота показалась не совсем глупою винокуру, и он тот же час решился, не дожидаясь одобрения других, наградить себя хриплым смехом.

В это время стали приближаться они к небольшой, почти повалившейся на землю хате; любопытство наших путников увеличилось. Все столпились у дверей. Писарь вынул ключ, загремел им около замка; но этот был от сундука его! Нетерпение увеличилось. Засунув руку, начал он шарить и сыпать побранки, не отыскивая его. «Здесь!» — сказал он наконец, нагнувшись и вынимая его из глубины обширного кармана, которым снабжены были его пестрядевые шаровары. При этом слове сердца наших героев, казалось, слились в одно, и это огромное сердце забилося так сильно, что неровный стук его не был заглушен даже брякнувшим замком. Двери отворились, и... голова стал бледен, как полотно; винокур почувствовал холод, и волосы его, казалось, хотели улететь на небо; ужас изобразился в лице писаря; десяти-ские приросли к земле и не в состоянии были сомкнуть дружно разинувших ртов своих: перед ними стояла свояченица.

Изумленная не менее их, она, однако ж, немного очнулась и сделала движение подойти к ним. «Стой! — закричал диким голосом голова и захлопнул за нею дверь. — Господа! это сатана! — продолжал он. — Огня! живее огня! Не пожалею казенной хаты! Зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чертовых не осталось на земле!» Свояченица в ужасе кричала, слыша за дверью грозное определение. «Что вы, братцы! — говорил винокур, — слава Богу, волосы у вас чуть не в снегу, а до сих пор ума не нажили: от простого огня ведьма не загорится! Только огонь из люльки может зажечь оборотня. Пойдите, я сейчас все улажу!» Сказавши это, высыпал он горячую золу из трубки в пук соломы и начал раздувать ее. Отчаяние придало в это время духу бедной свояченице, громко стала она умолять и разуверять их.

«Пойдите, братцы! Зачем напрасно греха набираться; может быть, это и не сатана, — сказал писарь. — Если оно, то есть то самое, которое сидит там, согласится положить на себя крестное знамение, то это верный знак, что не черт». Предложение одобрено. «Чур меня, сатана! — продолжал писарь, приложась губами к скважинке в дверях, — если не пошевелишься с места, мы отворим дверь».

Дверь отворилась.

— Перекрестись! — сказал голова, оглядываясь назад, как будто выбирая безопасное место, в случае ретирады.

Свояченица перекрестилась.

— Кой черт! Точно, это свояченица!

— Какая нечистая сила затащила тебя, кума, в эту конуру? — И свояченица, всхлипывая, рассказала, как схватили ее хлопцы в охапку на улице и, несмотря на сопротивление, опустили в широкое окно

хаты и заколотили ставнем. Писарь взглянул: завески у широкого ставня оторваны, и он приколотен только сверху деревянным брусом.

«Добро ты, одноглазый сатана! — вскричала она, приступив к голове, который попятился немного и все еще продолжал ее мерять своим глазом. — Я знаю твой умысел: ты хотел, ты рад был случаю сжечь меня, чтобы свободнее было волочиться за девчатами, чтобы некому было видеть, как дурачится седой дед. Ты думаешь, я не знаю, о чем говорил ты сего вечера с Ганною? О! я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей бестолковой башке. Я долго терплю, но после не погневайся...» Сказавши это, она показала кулак и быстро ушла, оставив в остолбенении голову. «Нет, тут не на шутку сатана вмешался», — думал он, сильно почесывая свою макушу.

— Поймали! — вскрикнули вошедшие в это время десятские.

— Кого поймали? — спросил голова.

— Дьявола в вывороченном тулупе.

— Подавайте его! — закричал голова, схватив за руки приведенного пленника. — Вы с ума сошли: да это пьяный Каленик.

— Что за пропасть! в руках наших был, пан голова! — отвечали десятские. — В переулке окружили проклятые хлопцы, стали танцевать, дергать, высовывать языки, вырывать из рук... черт с вами!.. И как мы попали эту ворону, вместо его, Бог один знает!

— Властью моею и всех мирян дается повеление, — сказал голова, — изловить сей же миг сего разбойника; а оным образом и всех, кого найдете на улице, и привезть на расправу ко мне!..

— Помилуй, пан голова! — закричали некоторые, кланяясь в ноги. — Увидел бы ты, какие хари: убей Бог нас, и родились и крестились — не видали таких мерзких рож. Долго ли до греха, пан голова, перепугают доброго человека так, что после ни одна баба не возьмет-ся вылить переполоху.

— Дам я вам переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, верно, держите их руку? Вы бунтовщики? Что это?.. Что это?.. Вы заводите разбой!.. Вы... Я донесу Комиссару! Сей же час! слышите, сей час. Бегите, летите птицею! Чтоб я вас... Чтоб вы мне... — Все разбежались.

V

Утопленница

Не беспокоясь ни о чем, не заботясь о разосланных погонях, виновник всей этой кутерьмы медленно подходил к старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это был Левко. Черный тулуп

его был расстегнут. Шапку держал он в руке. Пот валился с него градом. Величественно и мрачно чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу. Неподвижный пруд подул свежестью на усталого пешехода и заставил его отдохнуть на берегу. Все было тихо; в глубокой чаще леса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы; усталые члены готовы были забыться и онеметь; голова клонилась... «Нет, эдак я засну еще здесь!» — говорил он, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась перед ним еще блистательнее. Какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще не случалось ему видеть подобного. Серебряный туман пал на окрестность. Запах от цветущих яблонь и ночных цветов лился по всей земле. С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нем чист, и в каком-то ясном величии. Вместо мрачных ставней глядели веселые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стекла мелькала позолота. И вот почудилось, будто окно отворилось. Притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз с пруда, он, казалось, переселился в глубину его и видит: наперед белый локоть выставился в окно, потом выглянула приветливая головка с блестящими очами, тихо светившими сквозь темно-русые волны волос, и оперлась на локоть. И видит: она качает слегка головою, она машет, она усмежается... Сердце его разом забилося... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошел он от пруда и взглянул на дом: мрачные ставни были открыты; стекла сияли при месяце. «Вот как мало нужно полагаться на людские толки, — подумал он про себя. — Дом новехонькой; краски живы, как будто сегодня он выкрашен. Тут живет кто-нибудь», — и молча подошел он ближе, но все было в нем тихо. Сильно и звучно перекликались блистательные песни соловьев, и когда они, казалось, умирали в томлении и неге, слышался шелест и трещание кузнечиков или гудение болотной птицы, ударявшей скользким носом своим в широкое водное зеркало, какую-то сладкую тишину и раздолье ощутил Левко в своем сердце. Настроив бандуру, заиграл он и запел:

Ой, ты, мисяцы, мій мисяченьку,
И ты, зоре ясна!
Ой, свитьть там по подворью,
Де дивчина красна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отражение видел он в пруде, выглянула, внимательно прислушиваясь к песни. Длинные ресницы ее были полуопущены на глаза. Вся она была блед-

на, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна! Она засмеялась!... Левко вздрогнул. «Спой мне, молодой козак, какую-нибудь песню!» — тихо молвила она, наклонив свою голову набок и опустив совсем густые ресницы.

— Какую же тебе песню спеть, моя ясная панночка?

Слезы тихо покатались по бледному лицу ее. «Парубок, — говорила она, и что-то неизъяснимо-трогательное слышалось в ее речи. — Парубок, найди мне мою мачеху! Я ничего не пожалею для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитые шелком, кораллы, ожерелья. Я подарю тебе пояс, унизанный жемчугом. У меня золото есть... Парубок, найди мне мою мачеху! Она страшная ведьма: мне не было от нее покою на белом свете. Она мучила меня; заставляла работать, как простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянец своими нечистыми чарами с щек моих. Погляди на белую шею мою: они не смываются! они не смываются! они ни за что не смоятся, эти синие пятна от железных когтей ее. Погляди на белые ноги мои: они много ходили; не по коврам только, по песку горячему, по земле сырой, по колючему терновнику они ходили; а на очи мои, посмотри на очи: они не глядят от слез... Найди ее, парубок, найди мне мою мачеху!..»

Голос ее, который вдруг было возвысился, остановился. Ручьи слез покатались по бледному лицу. Какое-то тяжелое, полное жалости и грусти чувство сперлось в груди парубка.

— Я готов на все для тебя, моя панночка! — сказал он в сердечном волнении, — но как мне, где ее найти?

— Посмотри, посмотри! — быстро говорила она, — она здесь! она на берегу играет в хороводе между моими девушками и греется на месяце. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя вид утопленницы; но я знаю, но я слышу, что она здесь. Мне тяжело, мне душно от ней. Я не могу чрез нее плавать легко и вольно, как рыба. Я тону и падаю на дно, как ключ. Отыщи ее, парубок!

Левко посмотрел на берег: в тонком серебряном тумане мелькали легкие, как будто тени, девушки, в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках; золотые ожерелья, монисты, дукаты блистали на их шеях; но они были бледны; тело их было как будто сваяно из прозрачных облак и будто светилось насквозь при серебряном месяце. Хоровод, играя, придвинулся к нему ближе. Послышались голоса. «Давайте в ворона, давайте играть в ворона!» — зашумели все, будто причный тростник, тронутый в тихий час сумерек воздушными устами ветра. «Кому же быть вороном?» Кинули жребий — и одна девушка

вышла из толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лицо, платье, все на ней такое же, как и на других. Заметно только было, что она неохотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебежала от нападений хищного врага. «Нет, я не хочу быть вороном! — сказала девушка, изнемогая от усталости. — Мне жалко отнимать цыпленков у бедной матери!» — «Ты не ведьма!» — подумал Левко. «Кто же будет вороном?» Девушки снова собирались кинуть жребий. «Я буду вороном!» — вызвалась одна из середины. Левко стал пристально вглядываться в лицо ей. Скоро и смело гналась она за вереницею и кидалась во все стороны, чтобы изловить свою жертву. Тут Левко стал замечать, что тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то черное. Вдруг раздался крик: ворон бросился на одну из вереницы и схватил ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лице сверкнула злобная радость. «Ведьма!» — сказал он, вдруг указав на нее пальцем и оборотившись к дому. Панночка засмеялась, и девушки с криком увели за собою представлявшую ворона. «Чем наградить тебя, парубок? Я знаю, тебе не золото нужно: ты любишь Ганну; но суровый отец мешает тебе жениться на ней. Он теперь не помешает; возьми, отдай ему эту записку...» Белая ручка протянулась, лицо ее как-то чудно засветилось и засияло... С непостижимым трепетом и томительным биением сердца схватил он записку и... проснулся.

VI

Пробуждение

«Неужели это я спал? — сказал про себя Левко, вставая с небольшого пригорка. — Так живо, как будто наяву!.. Чудно, чудно!» — повторил он, оглядываясь. Месяц, остановившийся над его головою, показывал полночь; везде тишина; от пруда веял холод; над ним печально стоял ветхий дом с закрытыми ставнями; мох и дикий бурьян показывали, что давно из него удалились люди. Тут он разогнул свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнул от изумления, почувствовавши в ней записку. «Эх, если бы я знал грамоте!» — подумал он, оборачивая ее перед собою на все стороны. В это мгновение послышался позади его шум.

«Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего трусились нас десяток. Я держу заклад, что это человек, а не черт!» — так кричал голова своим спутникам, и Левко увидел себя схваченным несколькими руками, из коих иные дрожали от страха. «Скидывай-ка, приятель, свою

страшную личину! Полно тебе дурачить людей! — проговорил голова, ухватив его за ворот, и оторопел, выпучив на него глаз свой. — Левко, сын! — вскричал он, отступая от удивления и опуская руки. — Это ты, собачий сын! вишь, бесовское рождение! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченной дьявол строит штуки! А это, выходит, все ты, невареной кисель твоему батьке в горло, изволишь заводить по улице разбои, сочиняешь песни!.. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!

— Постой, батько! велено тебе отдать эту записочку, — проговорил Левко.

— Не до записок теперь, голубчик! Вязать его!

— Постой, пан голова! — сказал писарь, развернув записку, — Комиссарова рука!

— Комиссара?

— Комиссара? — повторили машинально десятские.

«Комиссара? чудно! еще непонятнее!» — подумал про себя Левко.

— Читай, читай! — сказал голова, — что там пишет комиссар?

— Послушаем, что пишет комиссар! — произнес винокур, держа в зубах люльку и вырубливая огонь.

Писарь откашлялся и начал читать: *«Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый дурак, вместо того, чтобы собрать прежние недоимки и вести на селе порядок, одурел и строишь пакости...»*

— Вот, ей-богу! — прервал голова, — ничего не слышу!

Писарь начал снова: *«Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый ду...»*

— Стой, стой! не нужно! — закричал голова, — я хоть и не слышал, однако ж, знаю, что главного тут дела еще нет. Читай далее!

«А вследствие того, приказываю тебе сей же час женить твоего сына, Левка Макогоненка, на козачке из вашего же села Ганне Петрыченковой, а также подчинить мосты на столбовой дороге и не давать обывательских лошадей без моего ведома судовым паничам, хотя бы они ехали прямо из казенной палаты. Если же, по приезде моем, найду оное приказание мое не приведенным в исполнение, то тебя одного потребую к ответу. Комиссар, отставной поручик Козьма Деркач-Дришпановский».

— Вот что! — сказал голова, разинувши рот. — Слышите ли вы, слышите ли: за все с головы спросят, и потому слушаться! беспрекословно слушаться! не то, прошу извинить... А тебя! — продолжал он, оборотясь к Левку, — вследствие приказания комиссара, хотя чудно

мне, как это дошло до него, я женю; только наперед попробуешь ты нагайки! Знаешь ту, что висит у меня на стене возле покута? Я поновлю ее завтра... Где ты взял эту записку?

Левко, несмотря на изумление, происшедшее от такого неожиданного оборота его дела, имел благоразумие приготовить в уме своем другой ответ и утаить настоящую истину, каким образом досталась записка. «Я отлучался, — сказал он, — вчера ввечеру еще в город и встретил комиссара, вылезавшего из брычки. Узнавши, что я из нашего села, дал он мне эту записку и велел на словах тебе сказать, батько, что заедет на возвратном пути к нам пообедать».

— Он это говорил?

— Говорил.

— Слышите ли? — говорил голова с важною осанкою, оборотившись к своим спутникам. — Комиссар сам своею особою приедет к нашему брату, т.е. ко мне, на обед. О! — Тут голова поднял палец вверх и голову привел в такое положение, как будто бы она прислушивалась к чему-нибудь. — Комиссар, слышите ли, комиссар приедет ко мне обедать! Как думаешь, пан писарь, и ты, сват, это не совсем пустая честь! Не правда ли?

— Еще, сколько могу припомнить, — подхватил писарь, — ни один голова не угощал комиссара обедом.

— Не всякой голова голове чета! — произнес с самодовольным видом голова. Рот его pokrивился, и что-то вроде тяжелого, хриплого смеха, похожего более на гудение отдаленного грома, зазвучало в устах. — Как думаешь, пан писарь, нужно бы для именитого гостя дать приказ, чтобы с каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще коего чего... А?

— Нужно бы, нужно, пан голова!

— А когда же свадьбу, батько? — спросил Левко.

— Свадьбу? Дал бы я тебе свадьбу!.. Ну, да для именитого гостя... завтра вас поп и обвенчает. Черт с вами! Пусть комиссар увидит, что значит исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домам!.. Сегодняшний случай припомнил мне то время, когда я... — При сих словах голова пустил обыкновенный свой важный и значительный взгляд исподлобья.

— Ну, теперь пойдет голова рассказывать, как вез царицу! — сказал Левко и быстрыми шагами и радостно спешил к знакомой хате, окруженной низенькими вишнями. «Дай тебе Бог небесное царство, добрая и прекрасная панночка, — думал он про себя. — Пусть тебе на том свете вечно усмежается между ангелами святыми! Никому

не расскажу про диво, случившееся в эту ночь; тебе одной только, Галю, передам его. Ты одна только поверишь мне и вместе со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы!» Тут он приблизился к хате: окно было отперто; лучи месяца проходили через него и падали на спящую перед ним Ганну; голова ее оперлась на руку; щеки тихо горели; губы шевелились, неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснишь тебе все, что есть лучшего на свете; но и то не будет лучше нашего пробуждения!» Перекрестив ее, закрыл он окошко и тихонько удалился. И через несколько минут все уже уснуло на селе; один только месяц так же блистательно и чудно плыл в необъятных пустынях роскошного украинского неба. Так же торжественно дышало в вышине, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Так же прекрасна была земля, в дивном серебряном блеске; но уже никто не упивался ими: все погрузилось в сон. Изредка только перерывалось молчание лаем собак, и долго еще пьяный Каленик шатался по уснувшим улицам, отыскивая свою хату.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Быль,
рассказанная дьячком ***ской церкви

Так вы хотите, чтобы я вам еще рассказал про деда? — Пожалуй, почему же не потешить прибауткой? Эх, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падет на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете! А как еще впускается какой-нибудь родич, дед или прадед — ну, тогда и рукой махни: чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре, если не чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу или прадедовская душа шалит в тебе... Нет, мне лучше всего наши девчата и молодницы; покажись только на глаза им: «Фома Григорьевич, Фома Григорьевич! а нуте яку-небудь страховинну казочку! а нуте, нуте!... » тара та та, та та та, и пойдут, и пойдут... Рассказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что делается с ними в постеле. Ведь я знаю, что каждая дрожит под одеялом, как будто бьет ее лихорадка, и рада бы с головою влезть в тулуп свой. Царапни горшком крыса, сама как-нибудь задень ногою кочергу, и Боже упаси! и душа в пятках. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: расскажи ей страшную сказку да и только. Что ж бы такое рассказать вам? Вдруг не взбредет на ум... Да, расскажу я вам, как ведьмы играли с покойным дедом *в дурни**. Только заранее прошу вас, господа, не сбивайте с толку, а то такой кисель выйдет, что совестно будет и в рот взять. Покойный дед, надобно вам сказать, был не из простых в свое время козаков. Знал и твердо — он-то, и словотитлу поставить. В праздник отхватает Апостола, бывало, так, что теперь и попovich иной спрячется. Ну, сами знаете, что в тогдашние времена, если собрать со всего Батурина грамотеев, то нечего и шапки подставлять, в одну горсть можно было всех уложить. Стало быть и дивиться нечего, когда всякой встречной кланялся ему мало не в пояс.

* Т. е. в дурачки.

Один раз, задумалось вельможному гетьману послать за чем-то к Царице грамоту. Тогдашний полковный писарь, вот нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... *Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцек не Голопуцек...* знаю только, что как-то чудно начинается мудреное прозвище, — позвал к себе деда и сказал ему, что, вот, наряжает его сам гетьман гонцом с грамотою к царице. Дед не любил долго собираться: грамоту зашил в шапку; вывел коня; чмокнул жену и двух своих, как сам он называл, поросенков, из которых один был родной отец хоть бы и нашего брата; и поднял такую за собой пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посередине улицы играть в кашу. На другой день, еще петух не кричал в четвертый раз, дед уже был в Конотопе. На ту пору была там ярмарка: народу высыпало по улицам столько, что в глазах рябело. Но так как было рано, то все еще дремало, протянувшись на земле. Возле коровы лежал гуляка-парубок с покрасневшим, как снегирь, носом; подале храпела, сидя, перекупка с кремнями, синькою, дробью и бубликами; под телегою лежал цыган; на возу с рыбой чумак; на самой дороге раскинул ноги бородач-москаль с поясами и рукавицами... ну, всякого сброду, как водится по ярмаркам. Дед приостановился, чтобы разглядеть хорошенько. Между тем в ятках начало мало-помалу шевелиться: жиловки стали побрякивать фляшками; дым покатило то там, то сям кольцами, и запах горячих сластен понесся по всему табору. Деду вспало на ум, что у него нет ни огнива, ни табаку наготове: вот и пошел таскаться по ярмарке. Не успел пройти двадцати шагов — навстречу запорожец. Гуляка, и по лицу видно! Красные, как жар, шаровары, синий жупан, яркой цветной пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты — запорожец да и только! Эх народец! станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и — пустится! да ведь как пустится: ноги отплясывают, словно веретено в бабьих руках; что вихорь, дернет рукою по всем струнам бандуры, и тут же, подпершись в боки, несется вприсядку; зальется песней — душа гуляет!.. Нет, прошло времячко: не увидеть больше запорожцев! Да: так встретились; слово за слово, долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать, так, что дед совсем уже было позабыл про путь свой. Попойка завелась, как на свадьбе перед постом великим. Только, видно, наконец прискучило бить горшки и швырять в народ деньгами, да и ярмарке не век же стоять! Вот сговорились новые приятели, чтоб не разлучаться и путь держать вместе. Было давно под вечер, когда выехали они в поле. Солнце убралось на отдых; где-где горели вместо него красноватые полосы; по полю пест-

рели нивы, что праздничные плахты чернобровых молодежи. Нашего запорожца раздобар взял страшной. Дед и еще другой, приплывший к ним гуляка, подумали уже, не бес ли засел в него, откуда что набиралось. Истории и присказки такие диковинные, что дед несколько раз хватался за бока и чуть не надсадил своего живота со смеху. Но в поле становилось чем далее, сумрачнее; и вместе с тем становилась несвязнее и молодецкая молвь. Наконец рассказчик наш притих совсем и вздрагивал при малейшем шорохе. «Ге, ге, земляк! да ты не на шутку принялся считать сов. Уж думаешь, как бы домой, да на печь!» — «Перед вами нечего таиться, — сказал он, вдруг оборотившись и неподвижно уставив на них глаза свои. — Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому». — «Экая невидальщина! Кто на веку своем не znalся с нечистыми? Тут-то и нужно гулять, как говорится, на прах». — «Эх, хлопцы! гулял бы, да в ночь эту срок молодцу! Эй, братцы! — сказал он, хлопнув по рукам их, — эй, не выйдите! не поспите одной ночи! Век не забуду вашей дружбы!» Почему ж не пособить человеку в таком горе? Дед объявил напрямик, что скорее даст он отрезать оселедец с собственной головы, чем допустит черта понюхать собачьей мордой своей христианской души.

Козаки наши ехали бы, может, и далее, если бы не обволокло всего неба ночью, словно черным рядом, и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом. Издали только мерещился огонек, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи в мрак. Огонек, казалось, несся навстречу, и перед козаками показался шинок, повалившийся на одну сторону, словно баба на пути с веселых крестин. В те поры шинки были не то, что теперь. Доброму человеку не только развернуться, приударить горлицы или гопака, прилечь даже негде было, когда в голову заберется хмель и ноги начнут писать покой-он—по. Двор был уставлен весь чумацкими возами; под поветками, в яслях, в снях, иной свернувшись, другой развернувшись, храпели, как коты. Шинкарь один перед каганцем нарезывал рубцами на палочке, сколько кварт и осьмух высушили чумацкие головы. Дед, спросивши треть ведра на троих, отправился в сарай. Все трое легли рядом. Только не успел он повернуться, как видит, что его земляки спят уже мертвецким сном. Разбудивши приставшего к ним третьего козака, дед напомнил ему про данное товарищу обещание. Тот привстал, протер глаза и снова уснул. Нечего делать, пришлось одному караулить. Чтобы чем-нибудь разогнать сон, осмотрел он воzy все, проведал коней, закурил люльку, пришел назад и сел опять около своих. Все было тихо, так что, кажись, ни одна муха не проле-

тела. Вот и чудится ему, что из-за соседнего воза что-то серое выкалывает роги... Тут глаза его начали смыкаться так, что принужден он был ежеминутно протирать кулаком и промывать оставшеюся водкой. Но как скоро немного прояснились они, все пропадало. Наконец, мало погодя, опять показывается из-под воза чудовище... Дед вытаращил глаза сколько мог; но проклятая дремота все туманила перед ним; руки его окостенели; голова скатилась, и крепкий сон схватил его так, что он повалился словно убитый. Долго спал дед, и как припекло порядочно уже солнце его выбритую макушу, тогда только схватился он на ноги. Потянувшись раза два и почесав спину, заметил он, что возов стояло уже не так много, как с вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до света. К своим — козак спит; а запорожца нет. Выспрашивать — никто знать не знает; одна только верхняя свитка лежала на том месте. Страх и раздумье взяло деда. Пошел посмотреть коней — ни своего, ни запорожского! Что бы это значило? Положим, запорожца взяла нечистая сила; кто же коней? Сообразя все, дед заключил, что, верно, черт пришел пешком, а как до пекла не близко, то и стянул его коня. Больно ему было крепко, что не сдержал козацкого слова. «Ну, — думает, — нечего делать, пойду пешком: авось попадется на дороге какой-нибудь барышник, едущий с ярмарки, как-нибудь уже куплю коня». Только хватился за шапку — и шапки нет. Всплеснул руками покойный дед, как вспомнил, что вчера еще поменялись они на время с запорожцем. Кому больше утащить, как не нечистому. Вот тебе и гетьманский гонец! Вот тебе и привез грамоту к царице! Тут дед принялся угощать черта такими прозвищами, что, думаю, ему не один раз чихалось тогда в пекле. Но бранью мало пособишь; а затылка сколько ни чесал дед, никак не мог ничего придумать. Что делать? Кинулся достать чужого ума: собрал всех бывших тогда в шинке добрых людей, чумаков и просто заезжих, и рассказал, что так и так, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои; крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеном свете, чтобы гетьманскую грамоту утащил черт. Другие же прибавили, что когда черт да москаль украдут что-нибудь — то поминай, как и звали. Один только шинкарь сидел молча в углу. Дед и подступил к нему. Уж когда молчит человек, то, верно, зашиб много умом. Только шинкарь не так-то был щедр на слова; и если бы дед не полез в карман за пятью золотыми, то простоял бы перед ним даром. «Я научу тебя, как найти грамоту, — сказал он, отводя его в сторону. У деда и на сердце отлегло. — Я вижу уже по глазам, что ты козак — не баба. Смотри же! близко шинка будет

поворот направо в лес. Только станет в поле примеркать, чтобы ты был уже наготове. В лесу живут цыганы и выходят из нор своих, ковать железо, в такую ночь, в какую одни ведьмы ездят на кочергах своих. Чем они промышляют на самом деле, знать тебе нечего. Много будет стуку по лесу, только ты не иди в те стороны, откуда заслышишь стук; а будет перед тобою малая дорожка, мимо обожженного дерева, дорожкой этою иди, иди, иди... Станет тебя терновник царапать, густой орешник заслонять дорогу — ты все иди; и как придешь к небольшой речке, тогда только можешь остановиться. Там и увидишь кого нужно; да не забудь набрать в карманы того, для чего и карманы сделаны... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любят». — Сказавши это, шинкарь ушел в свою конуру и не хотел больше говорить ни слова.

Покойный дед был человек не то чтобы из трусливого десятка; бывало, встретит волка, так и хватает прямо за хвост; пройдет с кулаками промеж козаками, все, как груши, повалится на землю. Однако ж, что-то подирало его по коже, когда вступил он в такую глухую ночь в лес. Хоть бы звездочка на небе. Темно и глухо, как в винном подвале; только слышно было, что далеко, далеко вверх, над головою, холодный ветер гулял по верхушкам дерев, и деревья, что охмелевшие козацкие головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную мольвь. Как вот заваяло таким холодом, что дед вспомнил и про овчинный тулуп свой, и вдруг словно сто молотов застучало по лесу таким стуком, что у него зазвенело в голове. И будто зарницею, осветило на минуту весь лес. Дед тотчас увидел дорожку, пробирающуюся промеж мелким кустарником. Вот и обожженное дерево и кусты терновника! Так, все так, как было ему говорено; нет, не обманул шинкарь. Однако ж не совсем весело было продираться через колючие кусты; еще отроду не видывал он, чтобы проклятые шипы и сучья так больно царапались: почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть. Мало-помалу, выбрался он на просторное место, и сколько мог заметить, деревья редели и становились, чем далее, такие широкие, каких дед не видывал и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и речка, черная, словно вороненая сталь. Долго стоял дед у берега, поглядывая на все стороны. На другом берегу горит огонь и, кажется, вот-вот готовится погаснуть, и снова отсвечивается в речке, вздрагивавшей, как польской шляхтич в козачьих лапах. Вот и мостик! Ну, тут одна только чертовская таратайка разве проедет. Дед, однако ж, ступил смело, и скорее, чем бы иной успел достать рожок, понюхать табак, был уже на другом берегу. Теперь только разглядел он, что

возле огня сидели люди, и такие смазливые рожи, что в другое время, Бог знает, чего бы не дал, лишь бы ускользнуть от этого знакомства. Но теперь, нечего делать, нужно было завязаться. Вот дед и отвесил им поклон, мало не в пояс: «Помогай Бог вам, добрые люди!» Хоть бы один кивнул головой; сидят да молчат, да что-то сыплют в огонь. Видя одно место не занятым, дед без всяких околичностей сел и сам. Смазливые рожи ничего; ничего и дед. Долго сидели молча. Деду уже и прискучило; давай шарить в кармане, вынул люльку, посмотрел во круг — ни один не глядит на него. «Уже, добродейство, будьте ласковы: как бы так, чтобы, примерно сказать, того... (Дед жила в свете не мало, знал уже, как подпускать турусы и при случае, пожалуй, и пред царем не ударил бы лицом в грязь) чтобы, примерно сказать, и себя не забыть, да и вас не обидеть, — люлька-то у меня есть, да того, чем бы зажечь ее, *черт-ма**». И на эту речь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько деду в лоб, так что если бы он немного не посторонился, то, статья может, распрощался бы навеки с одним глазом. Видя, наконец, что время даром проходит, решился — будет ли слушать нечистое племя, или нет — рассказать дело. Рожи и уши наставили, и лапы протянули. Дед догадался; забрал в горсть все бывшие с ним деньги и кинул словно собакам им в середину. Как только кинул он деньги, все перед ним перемешалось, земля задрожала, и как уже, он и сам рассказать не умел, попал чуть ли не в самое пекло. Батюшки мои! ахнул дед, разглядевши хорошенько: что за чудища! рожи на роже, как говорится, не видно. Ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снег: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке. И все, сколько ни было их там, как хмельные, отплясывали какого-то чертовского тропака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещеного человека при одном виде, как высоко скакало бесовское племя. Деда, несмотря на страх весь, смех напал, когда увидел, как черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек; а музыканты тузили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как в волторны. Только завидели деда — и турнули к нему ордою. Свиные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла, все повытягивались, и вот, так и лезут целоваться. Плюнул дед, такая мерзость напала! Наконец схватили его и посадили за стол, длиною, может, с дорогу от Конотопа до Батурина. «Ну, это еще не совсем худо, — по-

* Не имеется.

думал дед, завидевши на столе свинину, колбасы, крошеной с капустой лук и много всяких сластей, — видно, дьявольская сволочь не держит постов». Дед-таки, не мешая вам знать, не упустил при случае перехватить того-сего на зубы. Едал покойник аппетитно; и потому, не распускаясь на рассказы, придвинул к себе миску с нарезанным салом и окорок ветчины; взял вилку, мало чем поменьше тех вилок, которыми мужик берет сено, захватил ею самый увесистый кусок, подставил корку хлеба и — глядь, и отправил в чужой рот. Вот-вот возле самых ушей, и слышно даже, как чья-то морда жуёт и щёлкает зубами на весь стол. Дед ничего; схватил другой кусок и вот, кажись, и по губам зацепил, только опять не в своё горло. В третий раз — снова мимо. Взбеленился дед: позабыл и страх, и в чьих лапах находится он. Прискочил к ведьмам: «Что вы, Иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною? Если не отдадите, сей же час, моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переверочу свинных рыл ваших на затылок!» Не успел он докончить последних слов, как все чудовища выскалили зубы и подняли такой смех, что у деда на душе захолодуло. «Ладно! — провизжала одна из ведьм, которую дед почел за старшую над всеми потому, что личина у неё была чуть ли не красивее всех, — шапку отдадим тебе, только не прежде, пока сыграешь с нами три раза в дурня!» Что прикажешь делать? Козаку сесть с бабами в дурня! Дед отпираться, отпираться, наконец, сел. Принесли карты, замасленные, какими только у нас поповны гадают про женихов. «Слушай же! — залаяла ведьма в другой раз, — если хоть раз выиграешь — твоя шапка; когда же все три раза останешься дурнем, то не прогневайся, не только шапки, может, и света более не увидишь!» — «Сдавай, сдавай, хрычовка! что будет, то будет». Вот и карты розданы. Взял дед свои в руки — смотреть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смех один козырь. Из масти десятка самая старшая, пар даже нет; а ведьма все подваливает пятериками. Пришлось остаться дурнем! Только что дед успел остаться дурнем, как со всех сторон заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень! дурень! дурень!» — «Чтоб вы перелопались, дьявольское племя!» — закричал дед, затыкая пальцами себе уши. «Ну, — думает, — ведьма подтасовала; теперь я сам буду сдавать». Сдал. Засветил козыря. Поглядел на карты: масть хоть куда, козыри есть. И сначала дело шло, как нельзя лучше; только ведьма пятерик с королями! У деда на руках одни козыри; не думая, не гадая долго, хватъ королей по усам всех козырями. «Ге, ге! да это не по-козацки! А чем ты кроешь, земляк?» — «Как чем? козырями!» — «Может быть, по-вашему это и козыри,

только по-нашему нет!» Глядь — в самом деле простая масть. Что за дьявольщина! Пришлось в другой раз быть дурнем, и чертанье пошло снова драть горло: «дурень, дурень!» — так, что стол дрожал и карты прыгали по столу. Дед разгорячился; сдал в последний. Опять идет ладно. Ведьма опять пятерик; дед покрыл и набрал из колоды полную руку козырей. «Козырь!» — вскричал он, ударив по столу картою, так, что ее свернуло коробом; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. «А чем ты, старой дьявол, бьешь!» Ведьма подняла карту: под нею была простая шестерка. «Вишь, бесовское обморачиванье!» — сказал дед и с досады хватил кулаком, что силы, по столу. К счастью еще, что у ведьмы была плохая масть; у деда, как нарочно, на ту пору пары. Стал набирать карты из колоды, только мочи нет: дрянь такая лезет, что дед и руки опустил. В колоде ни одной карты. Пошел, уже так, не глядя, простою шестеркою; ведьма приняла. «Вот тебе на! это что? э, э, верно, что-нибудь да не так!» Вот, дед карты потихоньку под стол — и перекрестил; глядь — у него на руках туз, король, валет козырей; а он вместо шестерки спустил кралю. «Ну, дурень же я был! дурень же я был! Король козырей! Что! приняла? а? Кошечье отродье!.. А туза не хочешь? Туз! валет!..» Гром пошел по пеклу; ведьму напали корчи, и, откуда ни возьмись — шапка бух деду прямехонько в лицо. «Нет, этого мало! — закричал дед, прихраб-рившись и надев шапку. — Если, сей час, не станет передо мною молодецкой конь мой, то вот, убей меня гром на этом самом нечистом месте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас!» — и уже было и руку поднял, как вдруг загрели перед ним конские кости. «Вот тебе конь твой!» Заплакал бедняга, глядя на них, как дитя неразумное. Жаль старого товарища! «Дайте ж мне какого-нибудь коня, вы-браться из гнезда вашего!» Черт хлопнул арапником — конь, как огонь, взвился под ним, и дед, что птица, вынесся на верх.

Страх, однако ж, напал на него посередине дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводов, скакал через провалы и болота. В каких местах он не был, так дрожь забирала при одних рассказах. Глянул как-то себе под ноги — и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нет; прямо через нее. Дед держаться: не тут-то было. Через пни, через кочки полетел стремглав в провал и так хватился на дне его о землю, что, кажись, и дух вышибло. По крайней мере, что деялось с ним в то время, ничего не помнил; и как очнулся немного и осмотрелся, то уже рассвело совсем; перед ним мелькали знакомые места, и он лежал на крыше своей же хаты.

Перекрестился дед, когда слез долой. Экая чертовщина! что за пропасть, какие с человеком чудеса делаются! Глядь на руки — все в крови; посмотрел в стоявшую сторчмя бочку с водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать детей, входит он потихоньку в хату; смотрит: дети пятаются к нему задом и в испуге указывают ему пальцами, говоря: «Дывись, дывись, маты, мов дурна, скаче!»* И в самом деле, баба сидит, заснувши перед гребнем, держит в руках веретено и сонная подпрыгивает на лавке. Дед, взявши за руку потихоньку, разбудил ее: «Здравствуй, жена! здорова ли ты?» Та долго смотрела, выпучивши глаза, и наконец уже узнала деда и рассказала, как ей снилось, что печь ездил по хате, выгоняя вон лопатою горшки, лоханки и черт знает, что еще такое. «Ну, — говорит дед, — тебе во сне, мне на яву. Нужно, вижу, будет освятить нашу хату; мне же, теперь, мешкать нечего». — Сказавши это и отдохнувши немного, дед достал коня и уже не останавливался ни днем, ни ночью, пока не доехал до места и не отдал грамоты самой Царице. Там навиделся дед таких див, что стало ему надолго после того рассказывать. Как повели его в палаты, такие высокие, что если бы хат десять поставить одну на другую, и тогда, может быть, не достало бы. Как заглянул он в одну комнату — нет; в другую — нет; в третью — еще нет; в четвертой даже нет; да в пятой уже, глядь, сидит сама, в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах и золотые галушки ест. Как велела ему насыпать целую шапку синицами, как... — всего и вспомнить нельзя. Об возне своей с чертями дед и думать позабыл, и если случалось, что кто-нибудь и напоминал об этом, то дед молчал, как будто не до него и дело шло, и великого стоило труда упробить его пересказать все, как было. И, видно, уже в наказание, что не спохватился, тотчас после того, освятить хату, бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуеться, бывало, да и только. За что ни приметься, ноги затевают свое, и вот, так и дергает пуститься в присядку.

* Смотри! смотри! мать, как сумасшедшая, скачет!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот вам и другая книжка, а лучше сказать, последняя! Не хотелось, крепко не хотелось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вам скажу, что на хуторе уже начинают смеяться надо мною: вот, говорят, одурел старой дед: на старости лет тешится ребяческими игрушками! И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, верно, думаете, что я прикидываюсь только стариком. Куда тут прикидываться, когда во рту совсем зубов нет! Теперь, если что мягкое попадется, то буду как-нибудь жевать, а твердое-то ни за что не откушу. Так вот вам опять книжка! Не бранитесь только! Нехорошо браниться на прощаньи, особенно с тем, с которым, Бог знает, скоро ли увидите. В этой книжке услышите рассказчиков все почти для вас незнакомых, выключая только разве Фомы Григорьевича. А того горохового панича, что рассказывал таким вычурным языком, которого много остряков и из московского народу не могло понять, уже давно нет. После того, как рассорился со всеми, он и не заглядывал к нам. Да, я вам не рассказывал этого случая? Послушайте, тут прекомедия была. Прошлый год, так как-то около лета, да чуть ли не на самый день моего патрона, приехали ко мне в гости (нужно вам сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай Бог им здоровье, не забывают старика. Уже есть пятидесятый год, как я зачал помнить свои именины. Который же точно мне год, этого ни я, ни старуха моя вам не скажем. Должно быть, близ семидесяти. Диканьский-то поп, отец Харлампий, знал, когда я родился; да жаль, что уже пятьдесят лет, как его нет на свете). Вот, приехали ко мне гости: Захар Кирилович Чухопупенко, Степан Иванович Курочка, Тарас Иванович Смаченький, заседатель Харлампий Кирилович Хлоста; приехал еще... вот позабыл, право, имя и фамилию, Осип... Осип... Боже мой, его знает весь Миргород! он еще, когда говорит, то всегда щелкает наперед пальцем и подопрется в боки... Ну, Бог с ним! в другое время вспомню. Приехал и знакомый вам панич из Полтавы. Фомы Григорьевича я не считаю: то уже свой человек. Разговорились все (опять нужно вам заметить, что у нас никогда о пустяках не бывает разговора. Я всегда люблю приличные разговоры; чтобы, как говорят, вместе и услаждение и назидательность была), разговорились об том, как нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что нужно наперед хоро-

шенько вымыть яблоки, потом намочить в квасу, а потом уже... «Ничего из этого не будет! — подхватил полтавец, заложивши руку в гороховой кафтан свой и прошедши важным шагом по комнате, — ничего не будет! Прежде всего нужно пересыпать канупером, а потом уже...» Ну, я на вас ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совести, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером? Правда, кладут смородинный лист, нечуй-ветер, трилистник; но чтобы клали канупер... нет, я не слыхивал об этом. Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знает про эти дела. Ну, говорите же вы! Нарочно, как доброго человека, отвел я его потихоньку в сторону: «Слушай, Макар Назарович, эй, не смехи народ! Ты человек немаловажный: сам, как говоришь, обедал раз с губернатором за одним столом. Ну, скажешь что-нибудь подобное там, ведь тебя же осмеют все!» Что ж бы, вы думали, он сказал на это? Ничего! плюнул на пол, взял шапку и вышел. Хоть бы простился с кем, хоть бы кивнул кому головою; только слышали мы, как подъехала к воротам тележка с звонком; сел и уехал. И лучше! Не нужно нам таких гостей! Я вам скажу, любезные читатели, что хуже нет ничего на свете, как эта знать. Что его дядя был когда-то комиссаром, так и нос несет вверх. Да будто комиссар такой уже чин, что выше нет его на свете. Слава Богу, есть и больше комиссара. Нет, не люблю я этой знати. Вот вам в пример Фома Григорьевич; кажется, и не знатный человек, а посмотреть на него: в лице какая-то важность сияет, даже когда станет нюхать табак, и тогда чувствуешь невольное почтение. В церкви, когда запоет на крылосе — умиление неизобразимое! растаял бы, казалось, весь!.. А тот... ну, Бог с ним! он думает, что без его сказок и обойтись нельзя. Вот все же таки набралась книжка.

Я, помнится, обещал вам, что в этой книжке будет и моя сказка. И точно, хотел было это сделать, но увидел, что для сказки моей нужно, по крайней мере, три таких книжки. Думал было особо напечатать ее, но передумал. Ведь я знаю вас: станете смеяться над стариком. Нет, не хочу! Прощайте! Долго, а может быть совсем, не увидимся. Да что? ведь вам все равно, хоть бы и не было совсем меня на свете. Пройдет год, другой — и из вас никто после не вспомнит и не пожалеет о старом пасичнике Рудом Паньке.

В этой книжке есть много слов, не всякому понятных. Здесь они почти все означены:

Баштан,	место, засеянное арбузами и дынями.
Бублик,	круглый крендель, баранчик.
Варенуха,	вареная водка с пряностями.
Видлога,	откидная шапка из сукна, пришитая к кобеляку.
Выкрутасы,	трудные па.
Галушки,	клецки.

Гаман,	род бумажника, где держат огниво, кремьнь, губку, табак, а иногда и деньги.
Голодная кутья,	сочельник.
Горлица,	танец.
Гречаник,	хлеб из гречневой муки.
Дивчына,	девушка; дивчата — девушки.
Дукат,	род медали, носится на шее женщинами.
Жинка,	жена.
Запaska,	род шерстяного передника у женщин.
Кавун,	арбуз.
Каганецъ,	светильня, состоящая из разбитого черепка, наполненного салом.
Канупер,	травa.
Кацап,	русский человек с бородою.
Книш,	спеченный из пшеничной муки хлеб, обыкновенно едомый горячим с маслом.
Кобенья,	род суконного плаща с пришитою назади видлогою.
Кожух,	тулуп.
Комора,	амбар.
Кораблик,	старинный головной убор.
Корж,	сухая лепешка из пшеничной муки, часто с салом.
Курень,	соломенной шалаш.
Кухва,	род кадки, похожая на опрокинутую дном кверху бочку.
Кухоль,	глиняная кружка.
Левада,	усадьба.
Люлька,	трубка.
Намитка,	белое покрывало из жидкого полотна, носимое на голове женщинами, с откинутыми назад концами.
Нечуй-ветер,	травa.
Паляница,	небольшой хлеб, несколько плоской.
Парубок,	парень.
Пейсики,	жидовские локоны.
Пекло,	ад.
Переполох,	испут. Выливать переполох, лечить испуг.
Петрови багоги,	травa.
Плахта,	нижняя одежда женщин, из шерстяной, клетчатой материи.
Пивкопы,	двадцать пять копеек.
Пыщик,	пищалка, дудка, небольшая свирель.
Покут,	место под образами.
Полутабенек,	старинная шелковая материя.
Свитка,	род полукафтаны.
Скрыня,	большой сундук.
Смалець,	бараний жир.

Сопилка,
Сукня,
Сыровецъ,
Тесная баба,

Хлопецъ,
Хустка,
Цыбуля,
Черевики,
Чумаки,

Швецъ,
Шибеник,

свирель.
старинная одежда женщин из сукна.
хлебный квас.
игра, в которую играют школьники в классе: жмутся
тесно на скамье, покаместь одна половина не вытеснит
другую.
мальчик.
платок носовой.
лук.
башмаки.
малороссияне, едущие за солью и рыбою, обыкновенно
в Крым.
сапожник.
висельник.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа*. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом черными смушками, с дьявольски сплетенною плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы верно приметил ее, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет. Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят и сколько в сундуке лежит полотна и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волясть. А ведьма, между тем, поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверх. Но где ни показы-

* Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остается дома, колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж, если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяйну, хозяйке, детям и всему дому.

Замечание пасичника.

валось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре еще блестяли. Вдруг, с другой стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос, вместо очков, колеса с комиссаровой брочки, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец*: узинькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка, оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пятчком; ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу. Между тем черт крался потихоньку к месяцу, и уже протянул было руку, схватить его; но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, сосал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец, поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем ни бывал, побежал далее. В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четверенках из шинка, видел, что месяц, ни с сего, ни с того, танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться черту на такое незаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутю, где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка, в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и еще кое-кто; где, кроме кути, будет варенуха, перегонная на шафран водка и много всякого съестного. А между тем его дочка, красавица на всем селе, останется дома, а к дочке наверное придет кузнец, силач и детина хоть куда, который черту был против-

* Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец.

нее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околке. Сам, еще тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить досчатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалеваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых, и теперь еще можно найти в Т... церкви его Евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа: испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем, чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал ее на большой деревянной доске, черт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры черт поклялся мстить кузнецу. Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнецу свою злобу. И для этого решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не легок на подъем, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Еще при месячной ночи варенуха и водка, настоенная на шафран, могла бы заманить Чуба; но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нем ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу. Таким-то образом, как только черт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякой бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула. Тут черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду. Чудно устроено на нашем свете! Все, что ни живет в нем, все силится перенимать и передразнивать один другого. Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и заседатель, и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с суконною покрывкою. Канцелярист и волостной писарь, третьего году, взяли синей китайки по шести гривен аршин. Пономарь сделал себе

нанковые на лето шаровары и жилет из полосатого гаруса. Словом, все лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть черта, пустившегося и себе туда же. Досаднее всего то, что он верно воображает себя красавцем, между тем как фигура — взглянуть совестно. Роба, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры! Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

«Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате?» — говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому, в коротком тулупе, мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением бритвы. «Там теперь будет добрая попойка! — продолжал Чуб, ослабив при этом свое лицо. — Как бы только нам не опоздать». При сем Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут — страх и грозу докучливых собак; но, взглянув вверх, остановился... «Что за дьявол! Смотри! смотри, Панац!..»

— Что? — произнес кум и поднял свою голову также вверх.

— Как что? месяца нет.

— Что за пропасть! В самом деле нет месяца.

— То-то что нет, — выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума. — Тебе, небось, и нужды нет.

— А что мне делать!

«Надобно же было, — продолжал Чуб, утирая рукавом усы, — какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь — чудо! Светло; снег блещет при месяце. Все было видно, как днем. Не успел выйти за дверь, и вот, хоть глаз выколи!» Чуб долго еще ворчал и бранился, а между тем, в то же время, раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоящую на столе варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила всем козакам. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке,

курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колыбельки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, без всякого сомнения, решился на последнее, если бы был один; но теперь обоим не так скучно и страшно идти темною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым. Окончивши побранки, обратился он снова к куму.

— Так нет, кум, месяца?

— Нет.

— Чудно, право. А дай понюхать табаку! У тебя, кум, славный табак! Где ты берешь его?

— Кой черт, славный! — отвечал кум, закрывая березовую тавлинку, исколотую узорами. — Старая курица не чихнет!

— Я помню, — продолжал все так же Чуб, — мне покойный шинкарь Зузуля раз привез табаку из Нежина. Эх, табак был! добрый табак был! Так что же, кум, как нам быть? ведь темно на дворе.

— Так, пожалуй, останемся дома, — произнес кум, ухватясь за ручку двери.

Если бы кум не сказал этого, то Чуб, верно бы, решился остаться; но теперь его как будто что-то дергало идти наперекор. «Нет, кум, пойдем! нельзя, нужно идти!» Сказавши это, он уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал-таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своем ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно все равно, сидеть ли дома, или тащиться из дому, обсмотрелся, почесал палочкой батога свои плечи, и два кума отправились в дорогу.

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими. По выходе отца своего, она долго еще

принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша?» — говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чем-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее живое в детской юности лицо с блестящими черными глазами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказали противное. «Разве черные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете. Что тут хорошего в этом вздернутом кверху носе? и в щеках? и в губах? будто хороши мои черные косы? Ух! Их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — и, отдвигая несколько подальше от себя зеркало, вскрикнула: Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня на смерть!»

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец, — и хвастовства у нее мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и еще хвалит себя вслух!

— Да, парубки, вам ли чета я? Вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Все это накупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете! — и, усмехнувшись, повернулась она в другую сторону, и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нем была видна, и сквозь суровость какая-то издевка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать ее миллион раз — вот все, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришел сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатую? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, мое серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около его: две ночи не выходил из

кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околodок выходи своими беленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто ж тебе запрещает, говори и гляди! — Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало, и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах.

— Позволь и мне сесть возле тебя! — сказал кузнец.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнес ободренный кузнец и прижал ее к себе в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щеки, находившиеся уже на неприметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его. «Чего тебе еще хочется? Ему когда мед, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею». Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня! — думал про себя, повеся голову, кузнец. — Ей все игрушки; а я стою перед нею, как дурак, и очей не свожу с нее. И все бы стоял перед нею, и век бы не сводил с нее очей! Чудная девка! Чего бы я не дал, чтобы узнать, что у нее на сердце, кого она любит. Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою; мучит меня бедного; а я за грустью не вижу света; а я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его все засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепнувших жилах, и со всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и все, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моем царстве, все отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами. Не хочу, сказал бы я царю, ни каменьев доро-

гих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!

— Видишь какой ты! только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери! — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однако ж девчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

— Бог с ними, моя красавица!

— Как бы не так! с ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

— Так тебе весело с ними?

— Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, девчата с парубками.

«Чего мне больше ждать?» — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется по крайней мере другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: отвори! прервал его размышления.

— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что черт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мерзнувшие руки. Не мудрено однако ж и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу. Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу. Черт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы и оба очутились в просторной печке между горшками. Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядеть, не назвал ли сын ее Вакула в хату гостей, но увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посереде ха-

ты, вылезла из печки, скинула теплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездил на метле. Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым, не мешая между прочим заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести ее сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. Шел ли небожрый мужик или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь, или, если дурная погода, в шинок, как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаною вареников и не поболтать в теплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянин нарочно для этого давал большой крюк прежде чем достигал шинка, и называл это заходить по дороге. А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже, верно, закашливался и прищуривал неволью в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! Черт-баба!» Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов; восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатою. Две пары дюжих волов всякой раз высовывали свои головы из плетеного сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму корову или дядю, толстого быка. Бородатый козел взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору индеек и оборачиваясь задом, когда завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавшихся над его бородою. В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов и старинных кунтушей с золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось еще каждый год две нивы табаку. Все это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдет в ее руки, и удваивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы, каким-нибудь образом, сын ее Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе, и тогда бы наверно не допустил ее мешаться ни во что, она прибегнула к обыкновенному средству всех

сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. Может быть, эти самые хитрости и сметливость ее были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на веселой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у нее сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она еще в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу, что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад. Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришел как-то коровий пастух Тымиш Коростявый. Он не преминул рассказать, как летом, перед самою петровкой, когда он лег спать в клеу, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелинуться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день. Но все это что-то сомнительно, потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму. И оттого все именитые козаки махали руками, когда слышали такие речи. «Брежут, сучи бабы!» — бывал обыкновенный ответ их.

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить все к своему месту; но мешков не тронула: это Вакула принес, пусть же сам и вынесет! Черт между тем, когда еще влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замерзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперед сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А черт улетел снова в трубу, в твердой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпотчевает его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры.

В самом деле, едва только поднялась метель и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъявил раскаяние и, нахлобучивая голову капелюхи, угощал побранками себя, черта и кума. Впрочем эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники повертели назад. Ветер дул в затылок; но сквозь метущий снег ничего не было видно.

— Стой, кум! мы, кажется, не туда идем, — сказал, немного отошедши, Чуб, — я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! свороти-

ка ты, кум, немного в сторону, не найдешь ли дороги; а я тем временем поищу здесь. Дернет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!

Дороги, однако ж, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперед и наконец набрел прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что он позабыл все и, стряхнувши с себя снег, вошел в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашел дорогу; оставившись, принялся он кричать во все горло, но видя, что кум не является, решился идти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снега лежали около нее и на крыше. Хлопая намерзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее.

— Чего тебе тут нужно? — сурово закричал вышедший кузнец.

Чуб, узнавши голос кузнеца, отступил несколько назад. «Э, нет, это не моя хата, — говорил он про себя, — в мою хату не забредет кузнец. Опять же, если присмотреться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была это хата? Вот на! не распознал! это хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось и сначала немного чудно, что так скоро пришел домой. Однако ж Левченко сидит теперь у дьяка, это я знаю; зачем же кузнец?.. Е, ге, ге! он ходит к его молодой жене. Вот как! хорошо! теперь я все понял».

— Кто ты такой и зачем таскаешься под дверями? — произнес кузнец суровее прежнего и подойдя ближе.

«Нет не скажу ему, кто я, — подумал Чуб, — чего доброго, еще приколотит проклятый выродок!» — и, переменив голос, отвечал: «Это я, человек добрый, пришел вам на забаву поколядовать немного под окнами».

— Убирайся к черту с своими колядками! — сердито закричал Вакула. — Что ж ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же час вон!

Чуб сам уже имел это благоразумное намерение; но ему досадно показалось, что принужден слушаться приказаний кузнеца. Казалось, какой-то злой дух толкал его под руку и вынуждал сказать что-нибудь наперекор. «Что ж ты, в самом деле, так раскричался? — произнес он тем же голосом. — Я хочу колядовать, да и полно».

— Эге! да ты от слов не уймешься!.. — Вслед за сими словами Чуб почувствовал преобладающий удар в плечо.

— Да вот это ты, как я вижу, начинаешь уже драться! — произнес он, немного отступая.

— Пошел, пошел! — кричал кузнец, наградив Чуба другим толчком.

— Что ж ты! — произнес Чуб таким голосом, в котором изобразилась и боль, и досада, и робость, — ты, вижу, не в шутку дерешься и еще больно дерешься!

— Пошел, пошел! — закричал кузнец и захлопнул дверь.

— Смотри, как расхрабился! — говорил Чуб, оставшись один на улице. — Попробуй, подойди! вишь какой! вот большая дрянь! Ты думаешь, я на тебя суда не найду. Нет, голубчик, я пойду, и пойду прямо к комиссару. Ты у меня будешь знать. Я не посмотрю, что ты кузнец и маляр. Однако ж посмотреть на спину и плечи: я думаю, синие пятна есть. Должно быть, больно поколотил вражий сын! Жаль, что холодно и не хочется скинуть кожуха! Постой ты, бесовской кузнец, чтоб черт поколотил и тебя, и твою кузницу, ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеник! Однако ж, ведь теперь его нет дома. Солоха, думаю, сидит одна. Гм... оно ведь недалеко отсюда; пойти бы! Время теперь такое, что нас никто не застанет. Может, и того будет можно... вишь, как больно поколотил проклятый кузнец!

Тут Чуб, почесав свою спину, отправился в другую сторону. Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трескался по всем улицам, не заглушаемый вьюжным свистом. По временам на лице его, которого бороду и усы метель намылила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватающего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы однако ж снег не крестил взад и вперед всего перед глазами, то долго еще можно было бы видеть, как Чуб останавливался, почесывал спину, произносил: «больно поколотил проклятый кузнец!» и снова отправлялся в путь.

В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел чрез трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звездами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие. Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками,

готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза еще живее горят щеки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади. Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперерыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другою и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую веселость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

— Э, Одарка! — сказала веселая красавица, оборотившись к одной из девушек, — у тебя новые черевики! Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который все тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевики.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! — подхватил кузнец, — я тебе достану такие черевики, какие редкая панночка носит.

— Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевики, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесешь те самые, которые носит царица.

— Видишь, каких захотела! — закричала со смехом девичья толпа.

— Да! — продолжала гордо красавица. — Будьте все вы свидетельницы, если кузнец Вакула принесет те самые черевики, которые носит царица, то, вот мое слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

«Смейся, смейся! — говорил кузнец, выходя вслед за ними. — Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой? Она меня не любит — ну, Бог с ней! будто только на всем свете одна Оксана. Слава Богу, девчат много хороших и без нее на селе. Да что Оксана? с нее никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться». Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух пронесил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «достань, кузнец, царицыны черевки, выйду за тебя замуж!» Все в нем волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шел и ничего не видал и не участвовал в тех веселостях, которые когда-то любил более всех.

Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все, кинется в воду; а душу отправит прямо в пекло. Солоха была не так жестока, притом же черт, как известно, действовал с нею заодно. Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот вечер однако ж думала провести одна, потому что все именитые обитатели села званы были на кутью к дьяку. Но все пошло иначе: черт только что представил свое требование, как вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный черт влез в лежавший мешок. Голова, стряхнув с своих капелюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошел к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в ее хате, завернул к ней в намерении провести вечер с нею. Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка. «Спрячь меня куда-нибудь, — шептал голова. — Мне не хочется теперь встретиться с дьяком». Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углем; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок.

Дьяк взошел, покряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто, и что он сердечно рад этому случаю *погулять* немного у нее, и не испугался метели. Тут он подошел к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами ее обнаженной, полной руки и произнес с таким видом, в котором выказывалось и лукавство и самодовольствие: «А что это у вас, великолепная Солоха?» — и, сказавши это, отскочил он несколько назад.

— Как что? Рука, Осип Никифорович! — отвечала Солоха.

— Гм! рука! хе, хе, хе! — произнес сердечно довольный своим началом дьяк и прошелся по комнате.

— А это что у вас, дражайшая Солоха? — произнес он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив ее слегка рукою за шею и таким же порядком отскочив назад.

— Будто не видите, Осип Никифорович! — отвечала Солоха. — Шея, а на шее монисто.

— Гм! на шее монисто! хе, хе, хе! — и дьяк снова прошелся по комнате, потирая руки.

— А это что у вас, несравненная Солоха?.. — Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

— Ах, Боже мой, стороннее лицо! — закричал в испуге дьяк. — Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдет до отца Кондрата!.. — Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшною рукою своею сделала из его толстой косы самую узинькую. — Ради Бога, добродетельная Солоха, — говорил он, дрожа всем телом, — Ваша доброта, как говорит писание Луки глава трина... трин... Стучатся, ей-богу, стучатся! Ох, спрячьте меня куда-нибудь!

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объемистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что сверх его можно было насыпать еще с полмешка угля.

— Здравствуй, Солоха! — сказал, входя в хату, Чуб. — Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? Может быть, я помешал... — продолжал Чуб, показав на лице своем веселую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. — Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь!.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? — и восхищенный таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностию Солохи. — Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло от проклятого мороза. Послал же Бог такую ночь перед Рождеством! Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... эх окостенели руки: не расстегну кожуха! как схватилась вьюга...

— Отвори! — раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

— Стучит кто-то? — сказал остановившийся Чуб.

— Отвори! — закричали сильнее прежнего.

— Это кузнец! — произнес, схватясь за капелюхи, Чуб. — Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величину! — Солоха, испугавшись сама, металась, как угорелая, и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъявить кашлем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжелый мужик и поместил свои намерзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошел не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно, что он был весьма не в духе. В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова.

Это был козак Свербыгуз. Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. Он был погрознее телом самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха вывела его в огород, чтоб выслушать от него все то, что он хотел ей объявить. Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!» Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли, Бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волоса на голове его прикрутила завязавшая мешок веревка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно. «Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? — говорил кузнец. — Не хочу думать о ней; а все думается, и как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой черт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут верно положено еще что-нибудь кроме угля. Дурень я! и позабыл, что теперь мне все кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову; а теперь мешков с углем не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет, — вскричал он, помолчав и ободрившись, — что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, все подыму». И бодро взвалил себе на плеча мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. «Взять и этот, — продолжал он, подымая маленькой, на дне которого лежал, свернувшись, черт. — Тут, кажется, я положил струмент свой». Скавав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню:

Мини с жинкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы, вместо колядки, отпускал щедровку и ревел во все горло:

Щедрик, ведрик!
Дайте вареник!
Грудочку кашки,
Кильце ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролет готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и еще белее казался свет месяца от блеска снега. Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нем вздрогнули; бросивши на землю мешки, так, что находившийся на дне дьяк заохал от ушибу и голова икнул во все горло, побрел он с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за девичьей толпою, между которою ему слышался голос Оксаны.

Так: это она! стоит, как царица, и блестит черными глазами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеется. Но она всегда смеется. Как будто невольно, сам не понимая как, протерся кузнец сквозь толпу и стал около нее. «А, Вакула, ты тут! здравствуй! — сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. — Ну, много наколядовал? Э, какой маленькой мешок! А черевики, которые носит царица, достал? Достань черевики, выйду замуж!» — и, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... — произнес он наконец. — Но, Боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Ее взгляд, и речи, и все, ну вот так и жжет, так и жжет... Нет, не в мочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!» Тут решительным шагом пошел он вперед, догнал толпу, поровнялся с Оксаною и сказал твердым голосом: «Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете». Красавица казалась удивленною, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

«Куда, Вакула?» — кричали парубки, видя бегущего кузнеца. «Прощайте, братцы! — кричал в ответ кузнец. — Даст Бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам Чудотворца и Божией Матери,

грешен, не обмалевал за мирскими делами. Все добро, какое найдется в моей скрыне, на церковь! Прощайте!» Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине. «Он повредился!» — говорили парубки. «Пропадшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха, — пойти рассказать, как кузнец повесился!»

Вакула, между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я в самом деле бегу?» — подумал он, — как будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и все сделает, что захочет. Пойду, ведь душе все же придется пропадать!» При этом черт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и произвел сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, стряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатой Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его, или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым. Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахарь. Бывали кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк умел так искусно ударить кулаком в спину, что кость отправлялась куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу. В последнее время его редко видали где-нибудь. Причина этому была, может быть, лень, а может и то, что пролезать в двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нем нужду. Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу, по-турецки, перед небольшою кадучкою, на которой стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу,

схватывая по временам зубами галушки. «Нет, этот, — подумал Вакула про себя, — еще ленивее Чуба: тот по крайней мере ест ложкою; а этот и руки не хочет поднять!» Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкой поклон.

— Я к твоей милости пришел, Пацюк! — сказал Вакула, кланяясь снова. Толстый Пацюк поднял голову и снова начал хлебать галушки.

— Ты, говорят, не во гнев будь сказано... — сказал, собираясь с духом, кузнец, — я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду, приходишься немного сродни черту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумав, что выразился все еще напрямик и мало смягчил крепкие слова, и ожидая, что Пацюк, схвативши кадушку вместе с мискою, пошлет ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки.

Ободренный кузнец решил продолжить: «К тебе пришел, Пацюк, дай Боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции!» Кузнец иногда умел вернуть модное слово; в том он понапорел в бытность еще в Полтаве, когда размалевывал сотнику досчатый забор. «Пропадать приходится мне, грешному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого черта. Что ж, Пацюк? — произнес кузнец, видя неизменное его молчание, — как мне быть?»

— Когда нужно черта, то и ступай к черту! — отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришел к тебе, — отвечал кузнец, отвешивая поклон, — кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова, и доедал остальные галушки. «Сделай милость, человек добрый, не откажи! — наступал кузнец. — Свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшеница, или иного прочего в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водятся... не покусимся, расскажи хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?»

— Тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами, — произнес равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил в него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. Что он говорит? безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал. Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни ка-

душки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим, — говорил он сам себе, — как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмокнуть в сметану». Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот; поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать. «Вишь, какое диво!» — подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже вымазал губы сметаной. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему еще, пусть растолкует хорошенько... Однако, что за черт! ведь сегодня *голодная кутья*; а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак: стою тут и греха набираюсь! назад!» — и набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж черт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добычка. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать, уже хотел перекреститься... Но черт, наклонив свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказал: «Это я — твой друг; все сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь, — пискнул он ему в левое ухо. — Оксана будет сегодня же наша», — шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнец стоял размышляя.

— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим!

Черт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! — думал он про себя, — теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей! Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут черт засмеялся от радости, вспомнивши, как будет дразнить в аде все хвостатое племя, как будет беситься хромой черт, считавшийся между ими первым на выдумки.

— Ну, Вакула! — пропищал черт, все так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, — ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; стой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватъ черта за хвост.

— Вишь, какой шутник! — закричал смеясь черт, — ну, полно, довольно уже шалить!

— Стой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сем слове он сотворил крест, и черт сделался так тих, как ягненок. — Стой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан. — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал черт, — все, что для тебя нужно, все сделаю; отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

— А, вот каким голосом запел, немец проклятый! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе! слышишь, носи как птица!

— Куда? — произнес печальный черт.

— В Петембург, прямо к царице! — и кузнец обомлел от страха, чувствуя себя поднимающимся на воздух.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри ее что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. «Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? Чего доброго! может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть ее первою красавицею на селе? Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет; он шалит, прикидывается. Не пройдет минут десять, как он верно придет поглядеть на меня. Я, в самом деле, сурова. Нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать себя. То-то он обрадуется!» — и ветреная красавица уже шутила с своими подругами. «Постойте, — сказала одна из них, — кузнец позабыл мешки свои; смотрите: какие страшные мешки! Он не по-нашему наколядовал: я думаю, сюда по целой четверти барана кидали; а колбасам и хлебам верно счету нет. Роскошь! целые праздники можно объедаться».

— Это кузнецовы мешки? — подхватила Оксана, — утащим скорее их ко мне в хату, и разглядим хорошенько, что он сюда накла. — Все со смехом одобрили такое предложение.

— Но мы не поднимем их! — закричала вся толпа вдруг, сиюсь сдвинуть мешки.

— Пойдите, — сказала Оксана, — побежим скорее за санками и отвезем на санках!

И толпа побежала за санками.

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках, несмотря на то, что дяк проткнул для себя пальцем порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, может быть, он нашел бы средство вылезть; но вылезть из мешка при всех, показать себя на смех... это удерживало его, и он решил ждать, слегка только покряхтывая под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но как скоро услышал решение своей дочери, то успокоился и не хотел уже вылезть, рассуждая, что к хате своей нужно пройти, по крайней мере, шагов с сотню, а может быть и другую. Вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, подвязать пояс — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше девчата доведут на санках. Но случилось совсем не так, как ожидал Чуб: в то время, когда девчата побежали за санками, худощавый кум выходил из шинка расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг; он хотел было дожидаться, авось-либо придет какой-нибудь набожный дворянин и попотчевает его; но, как нарочно, все дворяне оставались дома и, как честные христиане, ели кутью посреди своих домашних. Размышляя о развращении нравов и о деревянном сердце жидовки, продающей вино, кум набрел на мешки и остановился в изумлении. «Вишь какие мешки кто-то бросил на дороге! — сказал он, осматриваясь по сторонам, — должно быть тут и свинина есть. Полезло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экие страшные мешки! Положим, что они набиты гречаниками да коржами, и то *добре*. Хотя бы были тут одни паляницы, и то в *шмак*: жидовка за каждую паляницу дает осьмуху водки. Утащить скорее, чтобы кто не увидел». Тут взвалил он себе на плеча мешок, с Чубом и дяком, но почувствовал, что он слишком тяжел. «Нет, одному будет тяжело несть, — проговорил он, — а вот, как нарочно, идет ткач Шапуваленко. Здравствуй, Остап!»

— Здравствуй, — сказал, остановившись, ткач.

— Куда идешь?

— А так, иду куда ноги идут.

— Помоги, человек добрый, мешки снести! Кто-то колядовал, да и кинул посередине дороги. Добром поделимся пополам.

— Мешки? а с чем мешки, с книшами или паляницами?

— Да думаю, всего есть. — Тут выдернули они наскоро из плетня палки, положили на них мешок и понесли на плечах.

— Куда ж мы понесем его? в шинок? — спросил дорогою ткач.

— Оно бы и я так думал, чтобы в шинок; но ведь проклятая жидовка не поверит, подумает еще, что где-нибудь украли; к тому же я только что из шинка. Мы отнесем его в мою хату. Нам никто не помешает: жинки нет дома.

— Да точно ли нет дома? — спросил осторожный ткач.

— Слава Богу, мы не совсем еще без ума, — сказал кум, — черт ли бы принес меня туда, где она. Она, думаю, протаскается с бабами до света.

— Кто там? — закричала кумова жена, услышав шум в сенях, произведенный приходом двух приятелей с мешком, и отворяя дверь.

Кум остолбенел.

— Вот тебе на! — произнес ткач, опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, каких не мало на белом свете. Так же, как и ее муж, она почти никогда не сидела дома и почти весь день пресмыкалась у кумушек и зажиточных старух, хвалила и ела с большим аппетитом и дралась только по утрам с своим мужем, потому что в это только время и видела его иногда. Хата их была вдвое старше шаровар волостного писаря: крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякой, выходявший из дому, никогда не брал палки для собак в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подалее от своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если он не успевал ее пропить в шинке. Кум, несмотря на всегдашнее хладнокровие, не любил уступать ей; и оттого почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкам о бесчинстве своего мужа и о претерпенных ею от него побоях.

Теперь можно себе представить, как были озадачены ткач и кум таким неожиданным явлением. Опустивши мешок, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видела старыми глазами, однако ж мешок заметила. «Вот это хорошо! — сказала она с таким видом, в котором заметна была радость ястреба. — Это хорошо, что наколядовали столько! Вот так всегда делают добрые люди; только нет, я думаю, где-нибудь подце-

пили. Покажите мне сейчас, слышите, покажите сей же час мешок ваш!»

— Лысой черт тебе покажет, а не мы, — сказал приосанясь кум.

— Тебе какое дело? — сказал ткач, — мы наколядовали, а не ты.

— Нет, ты мне покажешь, негодный пьяница! — вскричала жена, ударив высокого кума кулаком в подбородок и продираясь к мешку. Но ткач и кум мужественно отстояли мешок и заставили ее попятиться назад. Не успели они оправиться, как супруга выбежала в сени уже с кочергою в руках. Проворнохватила кочергою мужа по рукам, ткача по спине и уже стояла возле мешка.

— Что мы допустили ее? — сказал ткач очнувшись.

— Э, что мы допустили! а отчего ты допустил! — сказал хладнокровно кум.

— У вас кочерга, видно, железная! — сказал после небольшого молчания ткач, почесывая спину. — Моя жинка купила прошлый год на ярмарке кочергу; дала пивкопы; та ничего... не больно...

Между тем торжествующая супруга, поставив на пол каганец, развязала мешок и заглянула в него.

Но, верно, старые глаза ее, которые так хорошо увидели мешок, на этот раз обманулись. «Э, да тут лежит целый кабан!» — вскрикнула она, всплеснув от радости в ладоши.

— Кабан! слышишь, целый кабан! — толкал ткач кума, — а все ты виноват!

— Что ж делать! — произнес, пожимая плечами, кум.

— Как что? чего мы стоим? отнимем мешок! Ну, приступай!

— Пошла прочь! пошла! это наш кабан! — кричал, выступая, ткач.

— Ступай, ступай, чертова баба! это не твое добро! — говорил, приближаясь, кум.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чуб в это время вылез из мешка и стал посреди сеней, потягиваясь, как человек, только что пробудившийся от долгого сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши об полы руками, и все невольно разинули рты.

— Что ж она, дура, говорит: кабан! Это не кабан! — сказал кум, выпуча глаза.

— Вишь какого человека кинуло в мешок! — сказал ткач, пятясь от испугу. — Хоть что хочешь говори, хоть тресни, а не обошлось без нечистой силы. Ведь он не пролезет в окошко!

— Это кум! — вскрикнул, взглядевшись, кум.

— А ты думал кто? — сказал Чуб усмежаясь. — Что, славною я выкинул над вами штуку? А вы, небось, хотели меня съесть вместо свинины? Пойдите же, я вас порадую: в мешке лежит еще что-то, если не кабан, то наверно поросенок или иная живность. Подо мною беспрестанно что-то шевелилось.

Ткач и кум кинулись к мешку, хозяйка дома уцепилась с противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался из мешка.

Кумова жена, остолбенеv, выпустила из руки ногу, за которую начала было тянуть дьяка из мешка.

— Вот и другой еще! — вскрикнул со страхом ткач, — черт знает, как стало на свете... голова идет кругом... не колбас и не паляниц, а людей кидают в мешки!

— Это дьяк! — произнес, изумившись более всех, Чуб, — вот тебе на! ай да Солоха! посадить в мешок... То-то я гляжу, у нее полная хата мешков... Теперь я все знаю: у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она только мне одному... вот тебе и Солоха!

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка. «Нечего делать, будет с нас и этого», — лепетала Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки. Голова решилa молчать, рассуждая: если он закричит, чтобы его выпустили и развязали мешок — глупые девчата разбегутся, подумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице, может быть, до завтра. Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как вихорь, с санками по скрипучему снегу. Множество, шая, садилось на санки; другие взбирались на самого голову. Голова решилa сносить все. Наконец приехали, отворили настежь дверь в сених и хате, и с хохотом втащили мешок. «Посмотрим, что-то лежит тут», — закричали все, бросившись развязывать. Тут икотка, которая не переставала мучить голову во все время сидения его в мешке, так усилилась, что он начал икать и кашлять во все горло. «Ах, тут сидит кто-то!» — закричали все и в испуге бросились вон из дверей.

— Что за черт! куда вы мечетесь, как угорелые? — сказал, входя в дверь, Чуб.

— Ай, батько! — произнесла Оксана, — в мешке сидит кто-то!

— В мешке? где вы взяли этот мешок?

— Кузнец бросил его посереде дороги, — сказали все вдрут.

«Ну, так, не говорил ли я...» — подумал про себя Чуб. «Чего ж вы испугались? посмотрим: а ну-ка, чоловиче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отечеству, вылезай из мешка!»

Голова вылез.

— Ах! — вскрикнули девушки.

«И голова влез туда ж, — говорил про себя Чуб в недоумении, меряя его с головы до ног, — вишь как!.. Э!..» — более он ничего не мог сказать.

Голова сам был не меньше смущен и не знал, что начать. «Должно быть, на дворе холодно?» — сказал он, обращаясь к Чубу.

— Морозец есть, — отвечал Чуб, — а позволь спросить себя, чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем или дегтем? — Он хотел не то сказать; он хотел спросить: как ты, голова, залез в этот мешок; но сам не понимал, как выговорил совершенно другое.

— Дегтем лучше, — сказал голова. — Ну, прощай, Чуб! — и, нахлобучив капелюхи, вышел из хаты.

— Для чего спросил я сдуру, чем он мажет сапоги! — произнес Чуб, поглядывая на двери, в которые вышел голова. — Ай да Солоха! эдакого человека засадить в мешок!.. Вишь, чертова баба! А я дурак... да где же тот проклятый мешок?

— Я кинула его в угол, там больше ничего нет, — сказала Оксана.

— Знаю я эти штуки, ничего нет! Подайте его сюда: там еще один сидит! Встряхните его хорошенько... Что, нет?.. Вишь, проклятая баба! А поглядеть на нее, как святая, как будто и скоромного никогда не брала в рот.

Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду и возвратимся к кузнецу, потому что уже на дворе верно есть час девятый.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел, как муха, под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чертом. Его забавляло до крайности, как черт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а черт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее. Все было светло в вышине. Воздух, в легком серебряном тумане, был прозрачен. Все было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно,

только что съездила, куда нужно, ведьма... много еще дряни встречали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло далее и продолжало свое; кузнец все летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Черт, перелетев через шлахтаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы. Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам гремятся четырехэтажные стены; копыта коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли, и будто подымались из земли, на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, фрейторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, униженными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные, огненные очи и глядели. Господ, в крытых сукном шубах, он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель! а те, что катаются в таких чудных бричках со стеклами, те, когда не городничие, то, верно, комиссары, а может, еще и больше». Его слова прерваны были вопросом черта: «Прямо ли ехать к царице?» — «Нет, страшно, — подумал кузнец. — Тут, где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью через Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; все бы таки посоветоваться с ними. Эй, сатана, полезай ко мне в карман, да веди к запорожцам!» Черт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошел, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шелковых диванах, поджав под себя намазанные дегтем сапоги, и куривших самый крепкий табак, называемый обыкновенно коreshками.

— Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! вот где увиделись! — сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

— Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подалее.

— А вы не poznали? — сказал кузнец, — это я, Вакула кузнец! Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай Боже

вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни. И новую шишу тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки!

— А! — сказал тот же запорожец, — это тот самый кузнец, который малое важно. Здорово, земляк! зачем тебя Бог принес?

— А так, захотелось поглядеть, говорят...

— Что ж, земляк, — сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски. — Што балшой город?

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком; притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотной язык. «Губерния знатная! — отвечал он равнодушно, — нечего сказать, дома балшущие, картины висят скрозь важные. Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!»

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющегося, вывели заключение, очень для него выгодное.

— После потолкаем с тобою, земляк, побольше; теперь же мы едем сейчас к царице.

— К царице! А будьте ласковы, панове, возьмите и меня с собою!

— Тебя? — произнес запорожец с таким видом, с каким говорит дядька четырехлетнему своему воспитаннику, просящему посадить его на настоящую, на большую лошадь. — Что ты будешь там делать? Нет, не можно. — При этом на лице его выразилась значительная мина. — Мы, брат, будем с царицею толковать про свое.

— Возьмите! — настаивал кузнец. — Проси! — шепнул он тихо черту, ударив кулаком по карману. Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил: «Возьмем его, в самом деле, братцы!»

— Пожалуй, возьмем! — произнесли другие.

— Надевай же платье такое, как и мы.

Кузнец схватился натянуть на себя зеленый жупан, как вдруг дверь отворилась и вошедший с позументами человек сказал, что пора ехать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда он понесся в огромной карете, качаясь на рессорах, когда с обеих сторон мимо него бежали назад четырехэтажные дома и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям.

«Боже ты мой, какой свет! — думал про себя кузнец, — у нас днем не бывает так светло».

Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени и начали подыматься на блистательно освещенную лестницу.

«Что за лестница! — шептал про себя кузнец, — жаль ногами топтать. Экие украшения! вот говорят: лгут сказки! кой черт лгут! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!»

Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец все еще не переставал удивляться. Вступивши в четвертую, он невольно подошел к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с младенцем на руках: «Что за картина! что за чудная живопись! — рассуждал он, — вот, кажется, говорит! кажется, живая! а Дитя Святое! и ручки прижало! и усмежается, бедное! а краски! Боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь да бакан. А голубая так и горит! важная работа! должно быть, грунт наведен был блейвасом. Сколь однако ж ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка, — продолжал он, подходя к двери и щупая замок, — еще большего достойна удивления. Эк какая чистая выделка! это все, я думаю, немецкие кузнецы, за самые дорогие цены делали...» Может быть, долго еще бы рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли еще две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу. Минуту спустя вошел, в сопровождении целой свиты, величественного роста довольно плотный человек в гетманском мундире, в желтых сапожках. Волосы на нем были растрепаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах, засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. Но гетман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошел к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

— Все ли вы здесь? — спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

— *Та вси, батько!* — отвечали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудьте говорить так, как я вас учил?

— Нет, батько, не позабудем.

— Это царь? — спросил кузнец одного из запорожцев.

— Куда тебе царь! это сам Потемкин, — отвечал тот.

В другой комнате слышались голоса, и кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назад. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос: «Помилуй, Мамо! помилуй!» Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

— Встаньте! — прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

— Не встанем, Мамо! не встанем! умрем, а не встанем! — кричали запорожцы.

Потемкин кусал себе губы; наконец подошел сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился и кузнец поднять голову и увидел стоявшую перед собою небольшого роста женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел покорять себе все и мог только принадлежать одной царствующей женщине.

— Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор еще не видала, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. — Хорошо ли вас здесь содержат? — продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасибі, Мамо!* Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожьи, почему ж не жить как-нибудь?..

Потемкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперед: «Помилуй, Мамо! чем Тебя твой верной народ прогневил? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-либо с турчином; разве изменили Тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь *поворотить в карабинеры*; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело Твою армию чрез Перекоп и помогло Твоим енералам порубать крымцев?..»

Потемкин молчал и небрежно чистил небольшою щеточкою свои бриллианты, которыми были унижены его руки.

— Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули друг на друга.

«Теперь пора! царица спрашивает, чего хотите!» — сказал сам себе кузнец и вдруг повалился на землю:

— Ваше Царское Величество, не прикажите казнить, прикажите милость! Из чего, не во гнев будь сказано Вашей Царской милости, сделаны черевички, что на ногах Ваших? Я думаю, ни один швец, ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!

Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже. Потемкин и хмурился и улыбался вместе. Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошел.

— Встань! — сказала ласково государыня, — если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это не трудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам, — продолжала государыня, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами показывал, что он не принадлежал к числу придворных, — предмет достойный остроумного пера вашего!

— Вы, Ваше Императорское Величество, слишком милостивы. Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена! — отвечал, поклонясь, человек с перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однако ж, — продолжала Государыня, обращаясь снова к запорожцам, — я слышала, что на Сече у вас никогда не женятся.

— *Як же, Мамо!* ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, — отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам себе, — верно, не даром он это делает».

— Мы не чернецы, — продолжал запорожец, — а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скоромного. Есть у нас не мало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сече. Есть такие, что имеют жен в Польше; есть такие, что имеют жен в Украине; есть такие, что имеют жен и в Турецине.

В это время кузнецу принесли башмаки. «Боже ты мой, что за украшение! — вскрикнул он радостно, ухватив башмаки. — Ваше Цар-

ское Величество! что ж, когда башмаки такие на ногах, и в них, чай-тельно, Ваше Благородие, ходите и на лед *ковзяться*, какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере из чистого сахара».

Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца, который в своем запорожском платье мог почесться красавцем, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить хорошенько царицу о всем: правда ли, что цари едят один только мед да сало, и тому подобное, — но почувствовав, что запорожцы толкают его под бока, решил замолчать; и когда Государыня, обратившись к старикам, начала расспрашивать, как у них живут на Сече, какие обычаи водятся — он, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо: «Выноси меня отсюда скорее!» — и вдруг очутился за шлахтаумом.

— Утонул! ей-богу, утонул! вот: чтобы я не сошла с этого места, если не утонул! — лепетала толстая ткачиха, стоя в куче диканьских баб посередине улицы.

— Что ж, разве я лгунья какая? разве я у кого-нибудь корову украла? разве я сглазила кого, что ко мне не имеют веры? — кричала баба в козацкой свитке с фиолетовым носом, размахивая руками. — Вот, чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела собственными глазами, как повесился кузнец!

— Кузнец повесился? вот тебе на! — сказал голова, выходявший от Чуба, остановился и протеснился ближе к разговаривавшим.

— Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось пить, старая пьяница! — отвечала ткачиха, — нужно быть такой сумасшедшей, как ты, чтобы повеситься! Он утонул! утонул в пролубе! Это я так знаю, как то, что ты была сейчас у шинкарки.

— Страмница! вишь, чем стала попрекать! — гневно возразила баба с фиолетовым носом. — Молчала бы, негодница! Разве я не знаю, что к тебе дьяк ходит каждый вечер.

Ткачиха вспыхнула.

— Что дьяк? к кому дьяк? что ты врешь?

— Дьяк? — пропела, теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе из заячьего меха, крытом синею китайкою. — Я дам знать дьяка! Кто это говорит дьяк?

— А вот к кому ходит дьяк! — сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

— Так это ты, сука, — сказала дьячиха, подступая к ткачихе, — так это ты, ведьма, выпускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе!

— Отвяжись от меня, сатана! — говорила, пятясь, ткачиха.

— Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! Тьфу!.. — тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе.

Ткачиха хотела и себе сделать то же, но вместо того плюнула в небритую бороду голове, который, чтобы лучше все слышать, подобрался к самым спорившим. «А, скверная баба!» — закричал голова, обтирая полою лицо и поднявши кнут. Это движение заставило всех разойтись с ругательствами в разные стороны. «Экая мерзость! — повторял он, продолжая обтираться. — Так кузнец утонул! Боже ты мой, а какой важной живописец был! Какие ножи крепкие, серпы, плуги умел выковывать! Что за сила была! Да, — продолжал он задумавшись, — таких людей мало у нас на селе. То-то я, еще сидя в проклятом мешке, замечал, что бедняжка был крепко не в духе. Вот тебе и кузнец! был, а теперь и нет! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!..» — и, будучи полон таких христианских мыслей, голова тихо побрел в свою хату.

Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб: она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что, если он, в самом деле, ушел с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте найдется такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее! Он долее всех выносил ее капризы! Красавица всю ночь под своим одеялом поворачивалась с правого бока на левой, с левого на правой, и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от нее самой, она почти вслух бранила себя; то, приутихнув, решалась ни о чем не думать — и все думала. И вся горела; и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участи Вакулы. Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть вероломства Солохи и сонный не переставал бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках, в белых суконных свитках, набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зеленых и желтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Девчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались

пробраться еще ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник: голова облизывался, воображая, как он разговееется колбасою; девчата помышляли о том, как они будут *ковзаться с хлопцами* на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербыгуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя. Молилась и не молилась. На сердце у нее столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо ее выражало одно только сильное смущение; слезы дрожали на глазах. Девчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник — как будто не праздник; что как будто все чего-то недостает. Как на беду, дьяк, после путешествия в мешке, охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели Отче наш или Иже херувими, всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же он один исправлял должность церковного титара. Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?

Еще быстрее в остальное время ночи несся черт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? — закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать черта, — постой, приятель, еще не все: я еще не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный черт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошел в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это верно Бог, нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побыть, в такой торжественный праздник, в церкви. Но однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь

год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетилловских смушек с синим верхом, которой не надевал еще ни разу с того времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве; вынял также новый всех цветов пояс; положил все это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошел к нему кузнец, и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился таким щеголем и запорожцем. Но еще больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новехонькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом: «Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всем каюсь; бей, да не гневись только! Ты ж когда-то брался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили».

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб еще больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине. «Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем все, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?»

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс, шапка была чудная, пояс также не уступал ей, вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно: «добре! присылай сватов!»

— Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

— Погляди, какие я тебе принес черевички! — сказал Вакула, — те самые, которые носит царица.

— Нет, нет! мне не нужно черевичков! — говорила она, махая руками и не сводя с него очей, — я и без черевичков... — далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошел ближе, взял ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она так чудно хороша. Восхищенный кузнец тихо поцеловал ее, и лицо ее пуще загорелось, и она стала еще лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новой хатой. «А чья это такая размалеванная хата?» — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках. «Кузнеца Вакулы!» — сказала ему кланяясь Оксана, потому что это именно была она. «Славно! славная работа!» — сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях с трубками в зубах. Но еще больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зеленою краскою с красными цветами. Это однако ж не все: на стене сбоку, как войдешь в церковь, намалевал Вакула черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: *он бачь, яка кака намалевана!* и дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

I

Шумит, гремит конец Киева: есаул Горобець празднует свадьбу своего сына. Наехало много людей к есаулу в гости. В старину любили хорошенько поесть, еще лучше любили попить, а еще лучше, любили повеселиться. Приехал на гнедом коне своем и запорожец Микитка прямо с разгульной попойки с Перешляя поля, где поил он семь дней и семь ночей королевских шляхтичей красным вином. Приехал и названный брат есаула, Данило Бурульбаш, с другого берега Днепра, где промеж двумя горами был его хутор, с молодою женою Катериною и с годовым сыном. Дивилися гости белому лицу пани Катерины, черным, как немецкой бархат, бровям, нарядной сукне и исподнице из голубого полутабенеку, сапогам с серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не приехал вместе с нею старый отец. Всего только год жил он на Заднепровьи, а двадцать один пропал без вести и воротился к дочке своей, когда уже та вышла замуж и родила сына. Он верно много нарасказал бы дивного. Да как и не рассказать, бывши так долго в чужой земле! Там все не так: и люди не те, и церковей Христовых нет... Но он не приехал. Гостям поднесли варенуху с изюмом и сливами и на немалом блюде коровай. Музыканты принялись за исподку его, спеченную вместе с деньгами, и на время притихнув, положили возле себя цимбалы, скрипки и бубны. Между тем молодницы и девчата, утершись шитыми платками, выступали снова из рядов своих; а парубки, схватившись в боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись им навстречу — как старый есаул вынес две иконы благословить молодых. Те иконы достались ему от честного схимника, старца Варфоломея. Не богата на них утварь, не горит ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмеет прикоснуться к тому, у кого они в доме. Приподняв иконы вверх, есаул готовился сказать короткую молитву... как вдруг закричали, перепугавшись, игравшие на земле дети; а вслед за ними попятился народ, и все показывали со страхом

пальцами на стоявшего посреди их козака. Кто он таков — никто не знал. Но он уже протанцевал на славу козачка и уже успел насмешить обступившую его толпу. Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его переменялось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копье, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак — старик. «Это он! это он!» — кричали в толпе, тесно прижимаясь друг к другу. «Колдун показался снова», — кричали матери, хватая за руки детей своих. Величаво и сановито выступил вперед есаул и сказал громким голосом, выставив против него иконы: «Пропади, образ сатаны, тут тебе нет места!» — и зашипев и щелкнув, как волк, зубами, пропал чудный старик. Пошли, пошли и зашумели, как море в непогоду, толки и речи между народом. «Что это за колдун?» — спрашивали молодые и небывалые люди. «Беда будет!» — говорили старые, крутя головами. И везде, по всему широкому подворью есаула, стали собираться в кучки и слушать истории про чудного колдуна. Но все почти говорили разное, и наверно никто не мог рассказать про него. На двор выкатили бочку меду и немало поставили ведер грецкого вина. Все повеселело снова. Музыканты грянули; девчата, молодницы, лихое козачество в ярких жупанах понеслись. Девяностолетнее и столетнее старье, подгуляв, пустилось и себе приплясывать, поминая не даром пропавшие годы. Пировали до поздней ночи, и пировали так, как теперь уже не пируют. Стали гости расходиться, но мало побрело восвояси; много осталось ночевать у есаула на широком дворе; а еще больше козачества заснуло само, непрошенное, под лавками, на полу, возле коня, близь хлева, где пошатнулась с хмеля козацкая голова, там и лежит и храпит на весь Киев.

II

Тихо светит по всему миру: то месяц показался из-за горы. Будто дамасскою дорогою и белою, как снег, кисеєю покрыл он гористый берег Днепра, и тень ушла еще далее в чащу сосен. Посередине Днепра плыл дуб. Сидят впереди два хлопца: черные козацкие шапки набекрень, и под веслами, как будто от огнива огонь, летят брызги во все стороны.

Отчего не поют козаки? Не говорят ни о том, как уже ходят по Украине ксензы и перекрещивают козацкий народ в католиков; ни о том, как два дни билась при Соленом озере орда. Как им петь, как говорить про лихие дела: пан их Данило призадумался, и рукав кармазинного жупана опустился из дуба и черпает воду; пани их Катерина

тихо колышет дитя и не сводит с него очей, а на незастанную полотном нарядную сукню серою пылью валится вода. Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие луга, на зеленые леса! Горы те, не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина и под ними и над ними высокое небо. Те леса, что стоят на холмах, не леса: то волосы, поросшие на косматой голове лесного деду. Под нею в воде моется борода, и под бородою, и над волосами высокое небо. Те луга, не луга: то зеленый пояс, перепоясавший посередине круглое небо, и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц. Не глядит пан Данило по сторонам, глядит он на молодую жену свою. «Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина вдалася в печаль?» — «Я не в печаль вдалася, пан мой, Данило. Меня устрашили чудные рассказы про колдуна. Говорят, что он родился таким страшным... и никто из детей сызмала не хотел играть с ним. Слушай, пан Данило, как страшно говорят: что будто ему все чудилось, что все смеются над ним. Встретится ли под темный вечер с каким-нибудь человеком, и ему тотчас показывалось, что он открывает рот и выskalивает зубы. И на другой день находили мертвым того человека. Мне чудно, мне страшно было, когда я слушала эти рассказы», — говорила Катерина, вынимая платок и вытирая им лицо спавшего на руках дитяти. На платке были вышиты ею красным шелком листья и ягоды. Пан Данило ни слова, и стал поглядывать на темную сторону, где далеко, из-за леса, чернел земляной вал, из-за вала подымался старей замок. Над бровями разом вырезались три морщины; левая рука гладила молодецкие усы. «Не так еще страшно, что колдун, — говорил он, — как страшно то, что он недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышал, что хотят ляхи строить какую-то крепость, чтобы перерезать нам дорогу к запорожцам. Пусть это правда... Я разметаю чертовское гнездо, если только пронесется слух, что у него какой-нибудь притон. Я сожгу старого колдуна так, что и воронам нечего будет расклевать. Однако ж, думаю, он не без золота и всякого добра. Вот где живет этот дьявол! Если у него водится золото... Мы сейчас будем плыть мимо крестов — это кладбище! тут гниют его нечистые деды. Говорят, они все готовы были себя продать за денежку сатане с душою и ободранными жупанами. Если ж у него точно есть золото, то мешкать нечего теперь: не всегда на войне можно добыть...»

— Знаю, что затеваешь ты. Ничего не предвещает доброго мне встреча с ним. Но ты так тяжело дышишь, так сурово глядишь, очи твои так угрюмо надвинулись бровями!..

«Молчи, баба! — с сердцем сказал Данило. — С вами кто свяжется, сам станет бабой. Хлопец, дай мне огня в люльку!» Тут оборотился он к одному из гребцов, который, выколотивши из своей люльки горячую золу, стал перекладывать ее в люльку своего пана. «Пугает меня колдуном! — продолжал пан Данило. — Козак, слава Богу, ни чертей, ни ксензов не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться жен. Не так ли, хлопцы? наша жена люлька, да острая сабля!» Катерина замолчала, потупивши очи в сонную воду; а ветер дергал воду рябью, и весь Днепр серебрился как волчья шерсть среди ночи. Дуб повернул и стал держаться лесистого берега. На берегу виднелось кладбище: ветхие кресты толпились в кучку. Ни калина не растет меж ними, ни трава не зеленеет, только месяц греет их с небесной вышины. «Слышите ли, хлопцы, крики? Кто-то зовет нас на помощь!» — сказал пан Данило, оборотясь к гребцам своим. «Мы слышим крики, и, кажется, с той стороны», — разом сказали хлопцы, указывая на кладбище. Но все стихло. Лодка поворотила и стала огибать выдавшийся берег. Вдруг гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и пан Данило: страх и холод прорезался в козачьих жилах. Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец. Борода до пояса; на пальцах когти длинные, еще длиннее самых пальцев. Тихо поднял он руки вверх. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпел он. «Душно мне! душно!» — простонал он диким, не человеческим голосом. Голос его, будто нож, царапал сердце, и мертвец вдруг ушел под землю. Зашатался другой крест, и опять вышел мертвец, еще страшнее, еще выше прежнего; весь зарос; борода по колена и еще длиннее костяные когти. Еще диче закричал он: «Душно мне!» — и ушел под землю. Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Казалось, одни только кости поднялись высоко над землею. Борода по самые пятки; пальцы с длинными когтями вонзились в землю. Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости... Дитя, спавшее на руках у Катерины, вскрикнуло и пробудилось. Сама пани вскрикнула. Гребцы пороняли шапки в Днепр. Сам пан вздрогнул. Все вдруг пропало, как будто не бывало; однако ж долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядел Бурульбаш на молодую жену, которая в испуге качала на руках кричавшее дитя; прижал ее к сердцу и поцеловал в лоб. «Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нет! — говорил он, указывая по сторонам. — Это колдун хочет устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистого гнезда его. Баб только одних он напугает этим! Дай сю-

да на руки мне сына!» При сем слове поднял пан Данило своего сына вверх и поднес к губам: «Что, Иван, ты не боишься колдунов? Нет, говори: тятя, я козак. Полно же, перестань плакать! домой приедем! Приедем домой — мать накормит кашею; положит тебя спать в люльку, запоет:

Люли, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да вырастай, вырастай в забаву!
Козачеству на славу,
Вороженькам в расправу!

Слушай, Катерина: мне кажется, что отец твой не хочет жить в ладу с нами. Приехал угрюмый, суровый, как будто сердится... Ну, недоволен, зачем и приезжать. Не хотел выпить за козацкую волю! не покачал на руках дитяти! Сперва было я ему хотел поверить все, что лежит на сердце, да не берет что-то, и речь заикнулась. Нет, у него не козацкое сердце! Козацкие сердца когда встретятся где, как не выбьются из груди друг другу навстречу! Что, мои любые хлопцы, скоро берег? Ну, шапки я вам дам новые. Тебе, Стецько, дам выложенную бархатом с золотом. Я ее снял вместе с головою у татарина. Весь его снаряд достался мне; одну только его душу я выпустил на волю. Ну, причаливай! Вот, Иван, мы и приехали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина!».

Все вышли. Из-за горы показалась соломенная кровля; то дедовские хоромы пана Данила. За ними еще гора, а там уже и поле, а там хоть сто верст пройди, не сыщешь ни одного козака.

III

Хутор пана Данила между двумя горами в узкой долине, сбегаящей к Днепру. Невысокие у него хоромы: хата на вид, как и у простых козаков, и в ней одна светлица; но есть где поместиться там и ему, и жене его, и старой прислужнице, и десяти отборным молодцам. Вокруг стен вверху идут дубовые полки. Густо на них стоят миски, горшки, для трапезы. Есть меж ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные в золото, дарственные и добытые на войне. Ниже висят дорогие мушкеты, сабли, пищали, копья. Волею и неволею перешли они от татар, турок и ляхов. Немало зато и вызубрены. Глядя на них, пан Данило как будто по значкам припоминал свои схватки. Под стеною, внизу, дубовые, гладко вытесанные лавки. Возле них, перед лежанкою, висит на веревках, продетых в кольцо, привинченное к потолку, люлька. Во всей светлице пол гладко убитый и смазан-

ный глиною. На лавках спит с женою пан Данило. На лежанке старая прислужница. В люльке тешится и убаюкивается малое дитя. На полу покотом ночуют молодцы. Но козаку лучше спать на гладкой земле при вольном небе. Ему не пуховик и не перина нужна. Он мостит себе под голову свежее сено и вольно протягивается на траве. Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засеянное звездами небо и вздрогнуть от ночного холода, принесшего свежесть козацким косточкам. Потягиваясь и бормоча сквозь сон, закутывает он люльку и закутывается крепче в теплый кожан.

Не рано проснулся Бурульбаш после вчерашнего веселья; и проснувшись, сел в углу на лавке и начал наточивать новую, вымененную им, турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотом шелковый рушник. Вдруг вошел Катеринин отец, рассержен, с заморскою люлькою в зубах, приступил к дочке и сурово стал выпрашивать ее: что за причина тому, что так поздно воротилась она домой.

— Про эти дела, теть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а муж отвечает. У нас уже так водится, не погневайся! — говорил Данило, не оставляя своего дела. — Может, в иных неверных землях этого не бывает — я не знаю.

Краска выступила на суровом лице тестя и очи дико блеснули. «Кому ж, как не отцу, смотреть за своею дочкой! — бормотал он про себя. — Ну, я тебя спрашиваю: где таскался до поздней ночи?»

— А вот это дело, дорогой теть! На это я тебе скажу, что я давно уже вышел из тех, которых бабы пеленают. Знаю, как сидеть на коне. Умею держать в руках и саблю острую. Еще кое-что умею... Умею никому и ответа не давать в том, что делаю.

— Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, верно, на уме недоброе дело.

— Думай себе что хочешь, — сказал Данило, — думаю и я себе. Слава Богу, ни в одном еще бесчестном деле не был; всегда стоял за веру православную и отчизну; не так, как иные бродяги таскаются, Бог знает где, когда православные бьются насмерть, а после нагрянут убирать не ими засеянное жито. На униатов даже не похожи: не заглянут в Божию церковь. Таких бы нужно допросить порядком, где они таскаются.

— Э, козак! знаешь ли ты... я плохо стреляю: всего за сто сажень пуля моя пронизывает сердце. Я и рублюсь незавидно: от человека остаются куски мельче круп, из которых варят кашу.

— Я готов, — сказал пан Данило, бойко перекрестивши воздух саблею, как будто знал, на что ее выточил.

— Данило! — закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснув на ней, — вспомни, безумный, погляди, на кого ты подымаешь руку! Батько, твои волосы белы, как снег, а ты разгорелся, как неразумный хлопец!

— Жена! — крикнул грозно пан Данило, — ты знаешь, я не люблю этого. Ведай свое бабье дело!

Сабли страшно звукнули; железо рубило железо, и искрами, будто пылью, обсыпали себя козаки. С плачем ушла Катерина в особую светлицу, кинулась в постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельных ударов. Но не так худо бились козаки, чтобы можно было заглушить их удары. Сердце ее хотело разорваться на части. По всему ее телу слышала она, как проходили звуки: тук, тук. «Нет, не вытерплю, не вытерплю... Может, уже алая кровь бьет ключом из белого тела. Может, теперь изнемогает мой милый; а я лежу здесь!» И вся бледная, едва переводя дух, вошла в хату.

Ровно и страшно бились козаки. Ни тот, ни другой не одолевает. Вот наступает Катеринин отец — подается пан Данило. Наступает пан Данило — подается суровый отец, и опять наравне. Кипят. Размахнулись... ух! сабли звенят... и, гремя, отлетели в сторону клинки. «Благодарю тебя, Боже!» — сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидела, что козаки взялись за мушкеты. Поправили кремни, взвели курки. Выстрелил пан Данило, не попал. Нацелился отец... Он стар; он видит не так зорко, как молодой, однако ж не дрожит его рука. Выстрел загремел... Пошатнулся пан Данило. Алая кровь выкрасила левый рукав козацкого жупана. «Нет! — закричал он, — я не продам так дешево себя. Не левая рука, а правая атаман. Висит у меня на стене турецкий пистолет: еще ни разу во всю жизнь не изменял он мне. Слезай с стены, старый товарищ! покажи другу услугу!» Данило протянул руку.

— Данило! — закричала в отчаянии, схвативши его за руки и бросившись ему в ноги, Катерина, — не за себя молю. Мне один конец: та недостойная жена, которая живет после своего мужа; Днепр, холодный Днепр будет мне могилою... Но погляди на сына, Данило, погляди на сына! Кто пригреет бедное дитя? Кто приголубит его? Кто выучит его летать на вороном коне, биться за волю и веру, пить и гулять по-козацки? Пропадай, сын мой, пропадай! Тебя не хочет знать отец твой! Гляди, как он отворачивает лицо свое. О! я теперь знаю тебя! ты зверь, а не человек! У тебя волчье сердце, а думы лукавой гадины. Я думала, что у тебя капля жалости есть, что в твоём каменном теле человечье чувство горит. Безумно же я обманулась. Тебе это ра-

досьт принесет. Твои кости станут танцевать в гробе с веселья, когда услышат, как нечестивые звери ляхи кинут в пламя твоего сына, когда сын твой будет кричать под ножами и окропом. О, я знаю тебя! Ты рад бы из гроба встать и раздуть шапкою огонь, взвихрившийся под ним!

— Постой, Катерина! ступай, мой ненаглядный Иван, я поцелую тебя! Нет, дитя мое, никто не тронет волоска твоего. Ты вырастешь на славу отчизны; как вихорь, будешь ты летать перед козаками, с бархатною шапкою на голове, с острою саблею в руке. Дай, отец, руку! Забудем бывшее между нами. Что сделал перед тобою неправого, — винюсь. Что же ты не даешь руки? — говорил Данило отцу Катерины, который стоял на одном месте, не выражая на лице своем ни гнева, ни примирения.

— Отец! — вскричала Катерина, обняв и поцеловав его, — не будь неумолим, прости Данила: он не огорчит больше тебя!

— Для тебя только, моя дочь, прощаю! — отвечал он, поцеловав ее и блеснув странно очами. Катерина немного вздрогнула: чуден показался ей и поцелуй, и странный блеск очей. Она облокотилась на стол, на котором перевязывал раненную свою руку пан Данило, передумывая, что худо и не по-козацки сделал, просивши прощения, не будучи ни в чем виноват.

IV

Блеснул день, но не солнечный: небо хмурилось и тонкий дождь сеялся на поля, на леса, на широкий Днепр. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и беспокойна. «Муж мой милый, муж дорогой, чудный мне сон снился!»

— Какой сон, моя любая пани Катерина?

— Снилось мне, чудно, право, и так живо, будто наяву, снилось мне, что отец мой есть тот самый урод, которого мы видали у есаула. Но прошу тебя, не верь сну. Каких глупостей не привидится! Будто я стояла перед ним, дрожала вся, боялась, и от каждого слова его стонали мои жилы. Если б ты слышал, что он говорил...

— Что же он говорил, моя золотая Катерина?

— Говорил: ты посмотри на меня, Катерина, я хорош! Люди напрасно говорят, что я дурен. Я буду тебе славным мужем. Посмотри, как я поглядываю очами! Тут навел он на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась.

— Да, сны много говорят правды. Однако ж, знаешь ли ты, что за горою не так спокойно. Чуть ли не ляхи стали выглядывать снова.

Мне Горобець прислал сказать, чтобы я не спал. Напрасно только он заботится: я и без того не сплю. Хлопцы мои в эту ночь срубили двенадцать засеков. Посполитство будем угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуют и от батогов.

— А отец знает об этом?

— Сидит у меня на шее твой отец! я до сих пор разгадать его не могу. Много, верно, он грехов наделал в чужой земле. Что ж, в самом деле, за причина: живет около месяца, и хоть бы раз развеселился, как добрый козак! Не захотел выпить! слышишь, Катерина, не захотел меду выпить, который я вытрусил у брестовских жидов. Эй, хлопец! — крикнул пан Данило. — Беги, мальи, в погреб, да принеси жидовского меду! Горелки даже не пьет! екая пропасть! Мне кажется, пани Катерина, что он и в Господа Христа не верует. А? как тебе кажется?

— Бог знает, что говоришь ты, пан Данило!

— Чудно, пани! — продолжал пан Данило, принимая глиняную кружку от козака, — поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьют. Что, Стецько, много хлебнул меду в подвале?

— Попробовал только, пан!

— Лжешь, собачий сын! вишь, как мухи напали на усы! Я по глазам вижу, что хватил с полведра. Эх, козаки! что за лихой народ! все готов товарищу, а хмельное высушит сам. Я, пани Катерина, что-то давно уже был пьян. А?

— Вот давно! а в прошедший...

— Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вот и турецкой игумен влазит в дверь! — проговорил он сквозь зубы, увидя нагнувшегося, чтоб войти в дверь, тестя.

— А что ж это, моя дочь! — сказал отец, снимая с головы шапку и поправив пояс, на котором висела сабля с чудными каменьями, — солнце уже высоко, а у тебя обед не готов.

— Готов обед, пан отец, сейчас поставим! Вынимай горшок с галушками! — сказала пани Катерина старой прислужнице, обтиравшей деревянную посуду. — Постой, лучше я сама выну, — продолжала Катерина, — а ты позови хлопцев.

Все сели на полу в кружок: против покута пан отец, по левую руку пан Данило, по правую руку пани Катерина и десять наивернейших молодцов, в синих и желтых жупанах.

— Не люблю я этих галушек! — сказал пан отец, немного поевши и положивши ложку, — никакого вкуса нет!

«Знаю, что тебе лучше жидовская лапша», — подумал про себя Данило. «Отчего же, тесть, — продолжал он вслух, — ты говоришь,

что вкуса нет в галушках? Худо сделаны, что ли? Моя Катерина так делает галушки, что и гетману редко достается есть такие. А брезгать ими нечего. Это христианское кушанье! Все святые люди и угодники Божии едали галушки».

Ни слова отец; замолчал и пан Данило.

Подали жареного кабана с капустою и сливами. «Я не люблю свинины!» — сказал Катеринин отец, выгребая ложкою капусту.

— Для чего же не любить свинины? — сказал Данило. — Одни турки и жиды не едят свинины.

Еще суровее нахмурился отец.

Только одну лемишку с молоком и ел старый отец и потянул вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе, какую-то черную воду.

Пообедавши, заснул пан Данило молодецким сном и проснулся только около вечера. Сел и стал писать листы в козацкое войско; а пани Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанке. Сидит пан Данило, глядит левым глазом на писание, а правым в окошко: а из окошка далеко блестят горы и Днепр. За Днепром синеют леса. Мелькает сверху прояснившееся, ночное небо; но не далеким небом и не синим лесом любитесь пан Данило: глядит он на выдавшийся мыс, на котором чернел старый замок. Ему почудилось, будто блеснуло в замке огнем узинькое окошко. Но все тихо. Это, верно, показалось ему. Слышно только, как глухо шумит внизу Днепр и с трех сторон, один за другим, отдаются удары мгновенно пробудившихся волн. Он не бунтует. Он, как старик, ворчит и ропчет; ему все не мило; все переменялось около него; тихо враждует он с прибережными горами, лесами, лугами и несет на них жалобу в Черное море. Вот по широкому Днепру зачернела лодка, и в замке снова как будто блеснуло что-то. Потихоньку свистнул Данило, и выбежал на свист верный хлопец. «Бери, Стецько, с собою скорее острую саблю да винтовку, да ступай за мною!»

— Ты идешь? — спросила пани Катерина.

— Иду, жена. Нужно обсмотреть все места, все ли в порядке.

— Мне, однако ж, страшно оставаться одной. Меня сон так и клонит. Что, если мне приснится то же самое? Я даже не уверена, точно ли то сон был, так это происходило живо.

— С тобою старуха остается; а в сенях и на дворе спят козаки!

— Старуха спит уже, а козакам что-то не верится. Слушай, пан Данило: замкни меня в комнате, а ключ возьми с собою. Мне тогда не так будет страшно; а козаки пусть лягут перед дверями.

— Пусть будет так! — сказал Данило, стирая пыль с винтовки и сыпая на полку порох. Верный Стецько уже стоял одетый во всей ко-

зацкой сбруе. Данило надел смушевую шапку, закрыл окошко, задвинул засовами дверь, замкнул и вышел потихоньку из двора промеж спавшими своими козаками в горы. Небо почти все прочистилось. Свежий ветер чуть-чуть навевал с Днепра. Если бы не слышно было издали стенания чайки, то все бы казалось онемевшим. Но вот почудился шорох... Бурульбаш с верным слугою тихо спрятался за терновник, прикрывавший срубленный засек. Кто-то в красном жупане, с двумя пистолетами, с саблею при боку, спускался с горы. «Это тесть! — проговорил пан Данило, разглядывая его из-за куста. — Зачем и куда ему идти в эту пору? Стецько! не зевай, смотри в оба глаза, куда возьмет дорогу пан отец». Человек в красном жупане сошел на самый берег и повернул к выдававшемуся мысу. «А! вот куда! — сказал пан Данило. — Что, Стецько, ведь он как раз потащился к колдуну в дупло».

— Да, верно не в другое место, пан Данило! иначе мы бы видели его на другой стороне. Но он пропал около замка.

— Постой же, вылезем, а потом пойдем по следам. Тут что-нибудь да кроется. Нет, Катерина, я говорил тебе, что отец твой недобрый человек; не так он и делал все, как православный.

Уже мелькнули пан Данило и его верный хлопец на выдававшемся берегу. Вот уже их и не видно. Непробудный лес, окружавший замок, спрятал их. Верхнее окошко тихо засветилось. Внизу стоят козаки и думают, как бы влезть им. Ни ворот, ни дверей не видно. Со двора, верно, есть ход; но как войти туда? Издали слышно, как гремят цепи и бегают собаки. «Что я думаю долго! — сказал пан Данило, увидя перед окном высокий дуб, — стой тут, мальи! я полезу на дуб; из него прямо можно глядеть в окошко». Тут снял он с себя пояс, бросил вниз саблю, чтоб не звенела, и, ухватясь за ветви, поднялся вверх. Окошко все еще светилось. Присевши на сук, возле самого окна, уцепился он рукою за дерево, и глядит: в комнате и свечи нет, а светит. По стенам чудные знаки. Висит оружие, но все странное: такого не носят ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христиане, ни славный народ шведский. Под потолком взад и вперед мелькают нетопыри, и тень от них мелькает по стенам, по дверям, по помосту. Вот отворилась без скрипа дверь. Входит кто-то в красном жупане и прямо к столу, накрывтому белою скатертью. Это он, это тесть! Пан Данило опустился немного ниже и прижался крепче к дереву. Но ему некогда глядеть, смотрит ли кто в окошко, или нет. Он пришел пасмурен, не в духе, сдернул со стола скатерть — и вдруг по всей комнате тихо разлился прозрачно-голубой свет. Только не смешавшиеся волны прежнего бледно-золотого переливались, ныряли, словно в голубом море, и тя-

нулись слоями, будто на мраморе. Тут поставил он на стол горшок и начал кидать в него какие-то травы. Пан Данило стал вглядываться и не заметил уже на нем красного жупана; вместо того показались на нем широкие шаровары, какие носят турки; за поясом пистолеты; на голове какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянул в лицо — и лицо стало переменяться: нос вытянулся и повиснул над губами; рот в минуту раздался до ушей; зуб выглянул изо рта, нагнулся на сторону, и стал перед ним тот самый колдун, который показался на свадьбе у есаула. «Правдив сон твой, Катерина!» — подумал Бурульбаш. Колдун стал прохаживаться вокруг стола, знаки стали быстрее переменяться на стене, а нетопыри залетали сильнее вниз и вверх, взад и вперед. Голубой свет становился реже, реже и совсем как будто потухнул. И светлица осветилась уже тонким розовым светом. Казалось, с тихим звоном разливался чудный свет по всем углам, и вдруг пропал и стала тьма. Слышался только шум, будто ветер в тихий час вечера наигрывал, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже в воду серебряные ивы. И чудится пану Даниле, что в светлице блестит месяц, ходят звезды, неясно мелькает темно-синее небо и холод ночного воздуха пахнул даже ему в лицо. И чудится пану Даниле (тут он стал щупать себя за усы, не спит ли), что уже не небо в светлице, а его собственная опочивальня: висят на стене его татарские и турецкие сабли; около стен полки, на полках домашняя посуда и утварь; на столе хлеб и соль; висит люлька... но вместо образов выглядывают страшные лица; на лежанке... но сгустившийся туман покрыл все, и стало опять темно, и опять с чудным звоном осветилась вся светлица розовым светом, и опять стоит колдун неподвижно в чудной чалме своей. Звуки стали сильнее и гуще, тонкий розовый свет становился ярче, и что-то белое, как будто облако, веяло посреди хаты; и чудится пану Даниле, что облако то не облако, что то стоит женщина; только из чего она: из воздуха, что ли, выткана? Отчего же она стоит и земли не трогает, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвечивает розовый свет и мелькают на стене знаки? Вот она как-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо светятся ее бледно-голубые очи; волосы выются и падают по плечам ее, будто светло-серый туман; губы бледно алеют, будто сквозь бело-прозрачное утреннее небо льется едва приметный алый свет зари; брови слабо темнеют.... Ах! это Катерина! Тут почувствовал Данило, что члены у него оковались; он силился говорить, но губы шевелились без звука. Неподвижно стоял колдун на своем месте. «Где ты была?» — спросил он, и стоявшая перед ним затрепетала.

— О! зачем ты меня вызвал? — тихо простонала она. — Мне было так радостно. Я была в том самом месте, где родилась и прожила пятнадцать лет. О, как хорошо там! Как зелен и душист тот луг, где я играла в детстве: и полевые цветочки те же, и хата наша, и огород! О, как обняла меня добрая мать моя! Какая любовь у ней в очах! Она приголубливала меня, целовала в уста и щеки, расчесывала частым гребнем мою русую косу... Отец! — тут она вперила в колдуна бледные очи, — зачем ты зарезал мать мою!

Грозно колдун погрозил пальцем. «Разве я тебя просил говорить про это? — и воздушная красавица задрожала. — Где теперь пани твоя?»

— Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетела. Мне давно хотелось увидеть мать. Мне вдруг сделалось пятнадцать лет. Я вся стала легка, как птица. Зачем ты меня вызвал?

— Ты помнишь все то, что я говорил тебе вчера? — спросил колдун так тихо, что едва можно было расслушать.

— Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бедная Катерина! она многого не знает из того, что знает душа ее.

«Это Катеринина душа», — подумал пан Данило; но все еще не смел пошевелиться.

— Покайся, отец! Не страшно ли, что после каждого убийства твоего мертвецы поднимаются из могил?

— Ты опять за старое! — грозно прервал колдун. — Я поставлю на своем, я заставлю тебя сделать, что мне хочется. Катерина полюбит меня!..

— О, ты чудовище, а не отец мой! — простонала она. — Нет, не будет по-твоему! Правда, ты взял нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но один только Бог может заставлять ее делать то, что ему угодно. Нет, никогда Катерина, доколе я буду держаться в ее теле, не решится на богопротивное дело. Отец, близок страшный суд! Если б ты и не отец мой был, и тогда бы не заставил меня изменить моему любому, верному мужу. Если бы муж мой и не был мне верен и мил, и тогда бы не изменила ему, потому что Бог не любит клятвопреступных и неверных душ. — Тут вперила она бледные очи свои в окошко, под которым сидел пан Данило, и неподвижно остановилась...

— Куда ты глядишь? Кого ты там видишь? — закричал колдун; воздушная Катерина задрожала. Но уже пан Данило был давно на земле и пробирался с своим верным Стецьком в свои горы. «Страш-

но, страшно!» — говорил он про себя, почувствовав какую-то робость в козацком сердце, и скоро прошел двор свой, на котором так же крепко спали козаки, кроме одного, сидевшего на стороже и курившего люльку. Небо все было засеяно звездами.

V

— Как хорошо ты сделал, что разбудил меня! — говорила Катерина, протирая очи шитым рукавом своей сорочки и разглядывая с ног до головы стоявшего перед нею мужа. — Какой страшный сон мне виделся! Как тяжело дышала грудь моя! Ух!.. Мне казалось, что я умираю...

— Какой же сон? уж не этот ли? — и стал Бурульбаш рассказывать жене своей все им виденное.

— Ты как это узнал, мой муж? — спросила, изумившись, Катерина. — Но нет, многое мне не известно из того, что ты рассказываешь. Нет, мне не снилось, чтобы отец убил мать мою; ни мертвецов, ничего не виделось мне. Нет, Данило, ты не так рассказываешь. Ах, как страшен отец мой!

— И не диво, что тебе многое не виделось. Ты не знаешь и десятой доли того, что знает душа. Знаешь ли, что отец твой антихрист? Еще в прошлом году, когда собирался я вместе с ляхами на крымцев (тогда еще я держал руку этого неверного народа), мне говорил игумен Братского монастыря, он, жена, святой человек, что антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около Божией светлицы. Мне с первого раза не показалось лицо твоего отца. Если бы я знал, что у тебя такой отец, я бы не женился на тебе; я бы кинул тебя и не принял бы на душу греха, породнившись с антихристовым племенем.

— Данило! — сказала Катерина, закрыв лицо руками и рыдая, — я ли виновна в чем перед тобою? Я ли изменила тебе, мой любый муж? Чем же навела на себя гнев твой? Неверно разве служила тебе? Сказала ли противное слово, когда ты ворочался навеселе с молодецкой пирушки? Тебе ли не родила чернобрового сына?..

— Не плачь, Катерина, я тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грехи все лежат на отце твоём.

— Нет, не называй его отцом моим! Он не отец мне. Бог свидетель, я отрекаюсь от него, отрекаюсь от отца! Он антихрист, богоотступник! Пропадай он, тони он — не подам руки спасти его; сохни он от тайной травы — не подам воды напиться ему. Ты у меня отец мой!

VI

В глубоком подвале у пана Данила, за тремя замками, сидит колдун, закованный в железные цепи; а подале над Днепром горит бесовский его замок, и алые, как кровь, волны хлебщут и толпятся вокруг старинных стен. Не за колдовство и не за богопротивные дела сидит в глубоком подвале колдун: им судия Бог; сидит он за тайное предательство, за сговоры с врагами православной русской земли продать католикам украинский народ и выжечь христианские церкви. Угрюм колдун; дума черная, как ночь, у него в голове. Всего только один день остается жить ему; а завтра пора распрощаться с миром. Завтра ждет его казнь. Не совсем легкая казнь его ждет: это еще милость, когда сварят его живого в котле или сдерут с него грешную кожу. Угрюм колдун, поникнул головою. Может быть, он уже и кается перед смертным часом; только не такие грехи его, чтобы Бог простил ему. Вверху перед ним узкое окно, переплетенное железными палками. Гремя цепями, подвелся он к окну, поглядеть, не пройдет ли его дочь. Она кротка, не памятозловна, как голубка, не умиласердится ли над отцом... Но никого нет. Внизу бежит дорога; по ней никто не пройдет. Пониже ее, гуляет Днепр; ему ни до кого нет дела: он бушует, и унывно слышать колоднику однозвучный шум его. Вот кто-то показался по дороге — это козак! и тяжело вздохнул узник. Опять все пусто. Вот, кто-то вдали спускается... Развеивается зеленый кунтуш... Горит на голове золотой кораблик... Это она! Еще ближе прикинул он к окну. Вот уже подходит близко... «Катерина! дочь! умиласердись, подай милостыню!..» Она нема, она не хочет слушать, она и глаз не наведет на тюрьму, и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во всем мире. Унывно шумит Днепр. Грусть залегает в сердце. Но ведает ли эту грусть колдун? День клонится к вечеру. Уже солнце село. Уже и нет его. Уже и вечер: свежо; где-то мычит вол; откуда-то навеваются звуки, верно, где-нибудь народ идет с работы и веселится; по Днепру мелькает лодка... кому нужда до колодника! Блеснул на небе серебряный серп. Вот, кто-то идет с противной стороны по дороге. Трудно разглядеть в темноте. Это возвращается Катерина. «Дочь! Христа ради, и свирепые волчята не станут рвать свою мать, дочь, хотя взгляни на преступного отца своего!» Она не слушает и идет. «Дочь, ради несчастной матери!..» Она остановилась. «Приди принять последнее мое слово!»

— Зачем ты зовешь меня, богоотступник? Не называй меня дочерью! Между нами нет никакого родства. Чего ты хочешь от меня ради несчастной моей матери?

— Катерина! мне близок конец: я знаю, меня твой муж хочет привязать к кобыльему хвосту и пустить по полю, а может, еще и страшнейшую выдумает казнь...

— Да разве есть на свете казнь равная твоим грехам? Жди ее; никто не станет просить за тебя.

— Катерина! меня не казнь страшит, но муки на том свете... Ты невинна, Катерина, душа твоя будет летать в рае около Бога; а душа богоотступного отца твоего будет гореть в огне вечном, и никогда не угаснет тот огонь: все сильнее и сильнее будет он разгораться; ни капли росы никто не уронит, ни ветер не пахнет...

— Этой казни я не властна умалить, — сказала Катерина, отвернувшись.

— Катерина! стой на одно слово: ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь еще, как добр и милосерд Бог. Слышала ли ты про апостола Павла, какой был он грешной человек, но после покаялся и стал святым.

— Что я могу сделать, чтобы спасти твою душу? — сказала Катерина. — Мне ли, слабой женщине, об этом подумать!

— Если бы мне удалось отсюда выйти, я бы все кинул. Покаюсь: пойду в пещеры, надену на тело жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу. Не только скоромного, не возьму рыбы в рот! не постелю одежды, когда стану спать! и все буду молиться, все молиться! И когда не снимет с меня милосердие Божие хотя сотой доли грехов, закопаюсь по шею в землю, или замуруюсь в каменную стену; не возьму ни пищи, ни питья, и умру; а все добро свое отдам чернецам, чтобы сорок дней и сорок ночей правили по мне панихиду.

Задумалась Катерина. «Хотя я отопру, но мне не расковать твоих цепей».

— Я не боюсь цепей, — говорил он. — Ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нет, я напустил им в глаза туман и, вместо руки, протянул сухое дерево. Вот я, гляди, на мне нет теперь ни одной цепи! — сказал он, выходя на середину. — Я бы и стен этих не побоялся и прошел бы сквозь них, но муж твой и не знает, какие это стены. Их строил святой схимник, и никакая нечистая сила не может отсюда вывести колодника, не отомкнув тем самым ключом, которым замыкал святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себе, неслыханный грешник, когда выду на волю.

— Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь? — сказала Катерина, остановившись перед дверью, — и, вместо того, чтобы покаяться, станешь опять братом черту?

— Нет, Катерина, мне недолго остается жить уже. Близок и без казни мой конец. Неужели ты думаешь, что я предаю сам себя на вечную муку?

Замки загремели. «Прощай! храни тебя Бог милосердый, дитя мое!» — сказал колдун, поцеловав ее.

— Не прикасайся ко мне, неслыханный грешник; уходи скорее!.. — говорила Катерина. Но его уже не было.

— Я выпустила его, — сказала она, испугавшись и дико осматривая стены. — Что я стану теперь отвечать мужу? Я пропала. Мне живой теперь остается зарыться в могилу! — и зарывав, почти упала она на пень, на котором сидел колодник. — Но я спасла душу, — сказала она тихо. — Я сделала богоугодное дело. Но муж мой... Я в первый раз обманула его. О, как страшно, как трудно будет мне перед ним говорить неправду! Кто-то идет! Это он! муж! — вскрикнула она отчаянно и без чувств упала на землю.

VII

— Это я, моя родная дочь! Это я, мое серденько! — услышала Катерина, очнувшись, и увидела перед собою старую прислужницу. Баба, наклонившись, казалось что-то шептала и, протянув над нею иссохшую руку свою, опрыскивала ее холодной водою.

— Где я? — говорила Катерина, подымаясь и оглядываясь. — Передо мною шумит Днепр, за мною горы... Куда завела меня ты, баба!

— Я тебя не завела, а вывела; вынесла на руках моих из душного подвала. Замкнула ключиком, чтобы тебе не досталось чего от пана Данила.

— Где же ключ? — сказала Катерина, поглядывая на свой пояс. — Я его не вижу.

— Его отвязал муж твой, поглядеть на колдуна, дитя мое.

— Поглядеть?.. Баба, я пропала! — вскрикнула Катерина.

— Пусть Бог милует нас от этого, дитя мое! Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнает!

— Он убежал, проклятый антихрист! Ты слышала, Катерина, он убежал? — сказал пан Данило, приступая к жене своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась при боку его. Помертвела жена.

— Его выпустил кто-нибудь, мой любой муж? — проговорила она дрожа.

— Выпустил, правда твоя; но выпустил черт. Погляди, вместо него, бревно заковано в железо. Сделал же Бог так, что черт не боится козачьих лап! Если бы только думу об этом держал в голове

хоть один из моих козаков, и я бы узнал... я бы и казни ему не нашел!

— А если бы я?.. — невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

— Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мне была. Я бы тебя зашил тогда в мешок и утопил бы на самой середине Днепра!..

Дух занялся у Катерины, и ей чудилось, что волосы стали отделяться на голове ее.

VIII

На пограничной дороге, в корчме, собрались ляхи и пируют уже два дни. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись, верно, на какой-нибудь наезд: у иных и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякают сабли. Паны веселятся и хвастают, говорят про небывалые дела свои, насмеваются над православьем, зовут народ украинский своими холопьями, и важно крутят усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавках. С ними и ксенз вместе. Только и ксенз у них на их же стать: и с виду даже не похож на христианского попа: пьет и гуляет с ними и говорит нечестивым языком своим странные речи. Ни в чем не уступает им и челядь: позакидали назад рукава оборванных жупанов своих и ходят козырем, как будто бы что путное. Играют в карты, бьют картами один другого по носам. Набрали с собою чужих жен. Крик, драка!.. Паны беснуются и отпускают шутики: хватают за бороду жида, малюют ему на нечестивом лбу крест; стреляют в баб холостыми зарядами и танцуют краковяк с нечестивым попом своим. Не бывало такого соблазна на русской земле и от татар. Видно, уже ей Бог определил за грехи терпеть такое посрамление! Слышно между общим содомом, что говорят про заднепровский хутор пана Данила, про красавицу жену его... Не на доброе дело собралась эта шайка!

IX

Сидит пан Данило за столом в своей светлице, подпершись локтем, и думает. Сидит на лежанке пани Катерина и поет песню.

— Чего-то грустно мне, жена моя! — сказал пан Данило. — И голова болит у меня, и сердце болит. Как-то тяжело мне! Видно, где-то недалеко уже ходит смерть моя.

«О, мой ненаглядный муж! приинки ко мне головою своею! За чем ты приголубливаешь к себе такие черные думы», — подумала

Катерина, да не посмела сказать. Горько ей было, повинной голове, принимать мужские ласки.

— Слушай, жена моя! — сказал Данило, — не оставляй сына, когда меня не будет. Не будет тебе от Бога счастья, если ты кинешь его, ни в том, ни в этом свете. Тяжело будет гнить моим костям в сырой земле; а еще тяжелее будет душе моей!

— Что говоришь ты, муж мой! Не ты ли издевался над нами, слабыми женами? А теперь сам говоришь, как слабая жена. Тебе еще долго нужно жить.

— Нет, Катерина, чует душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свете. Времена лихие приходят. Ох, помню, помню я годы; им, верно, не воротиться! Он был еще жив, честь и слава нашей войска, старый Конашевич! Как будто перед очами моими проходят козацкие полки! — Это было золотое время, Катерина! — Старый гетман сидел на вороном коне. Блестела в руке булава; вокруг сердюки; по сторонам шевелилось красное море запорожцев. Стал говорить гетман — и все стало, как вкопанное. Заплакал старичина, как зачал вспоминать нам прежние дела и сечи. Эх, если б ты знала, Катерина, как резались мы тогда с турками! На голове моей виден и доньине рубец. Четыре пули пролетело в четырех местах сквозь меня. И ни одна из ран не зажила совсем. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие каменья шапками черпали козаки. Каких коней, Катерина, если б ты знала, каких коней мы тогда угнали! Ох! не воевать уже мне так! Кажется, и не стар, и телом бодр; а меч козацкий вываливается из рук, живу без дела, и сам не знаю, для чего живу. Порядку нет в Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше все переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию. Жидовство угнетает бедный народ. О время! время! минувшее время! куда подевались вы, лета мои? Ступай, малый, в подвал, принеси мне кухоль меду! Выпью за прежнюю долю и за давние годы!

— Чем будем принимать гостей, пан? С луговой стороны идут ляхи! — сказал, вошедши в хату, Стецько.

— Знаю, зачем идут они, — вымолвил Данило, подымаясь с места. — Седайте, мои верные слуги, коней! надевайте сбрую! сабли наголо! не забудьте набрать и свинцового толокна. С честью нужно встретить гостей!

Но еще не успели козаки сесть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавший осенью с дерева на землю лист, усеяли собою гору. «Э, да тут есть с кем переведаться! — сказал Данило, по-

глядывая на толстых панов, важно качавшихся впереди на конях, в золотой сбруе. — Видно, еще раз доведется нам погулять на славу! Натешься же, козацкая душа, в последний раз! Гуляйте, хлопцы, пришел наш праздник!»

И пошла по горам потеха, и запировал пир: гуляют мечи, летают пули, ржут и топчут кони. От крику безумеет голова; от дыму слепнут очи. Все перемешалось. Но козак чует, где друг, где недруг; прошумит ли пуля — валится лихой седок с коня; свистнет сабля — катится по земле голова, бормоча языком несвязные речи. Но виден в толпе красный верх козацкой шапки пана Данила; мечется в глаза золотой пояс на синем жупане; вихрем вьется грива вороного коня. Как птица, мелькает он там и там; покрикивает и машет дамасской саблей, и рубит с правого и левого плеча. Руби, козак! гуляй, козак! тещь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотые сбруи и жупаны: топчи под ноги золото и камня! Коли, козак! гуляй, козак! но оглянись назад: нечестивые ляхи зажигают уже хаты и угоняют напуганный скот. И, как вихорь, поворотил пан Данило назад, и шапка с красным верхом мелькает уже возле хат, и редеет вокруг его толпа. Не час, не другой бьются ляхи и козаки. Не много становится тех и других. Но не устает пан Данило: сбивает с седла длинным копьём своим, топчет лихим конем пеших. Уже очищается двор, уже начали разбегаться ляхи; уже обдирают козаки с убитых золотые жупаны и богатую сбрую; уже пан Данило сбирается в погоню и взглянул, чтобы созвать своих... и весь закипел от ярости: ему показался Катеринин отец. Вот он стоит на горе и целит на него мушкет. Данило погнал коня прямо к нему... Козак, на гибель идешь!.. Мушкет гремит — и колдун пропал за горою. Только верный Стецько видел, как мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался козак и свалился на землю. Кинулся верный Стецько к своему пану — лежит пан его, протянувшись на земле и закрывши ясные очи. Алая кровь закипела на груди. Но, видно, почувал верного слугу своего. Тихо приподнял веки, блеснул очами: «Прощай, Стецько! Скажи Катерине, чтобы не покидала сына! Не покидайте и вы его, мои верные слуги!» — и затих. Вылетела козацкая душа из дворянского тела; посинели уста. Спит козак непробудно. Зарыдал верный слуга и машет рукою Катерине: «Ступай, пани, ступай: подгулял твой пан. Лежит он пьянехонек на сырой земле. Долго не протрезвиться ему!» Всплеснула руками Катерина и повалилась, как сноп, на мертвое тело. «Муж мой, ты ли лежишь тут закрывши очи? Встань, мой ненаглядный сокол, протяни ручку свою! приподымись! погляди хоть раз на твою Катерину, пошевели устами,

вымолви хоть одно словечко!.. Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный пан! Ты посинел, как черное море. Сердце твое не бьется! Отчего ты такой холодный, мой пан? видно, не горючи мои слезы, невмочь им согреть тебя! Видно, не громок плач мой, не разбудить им тебя! Кто же поведет теперь полки твои? Кто понесется на твоём вороном конике? громко загукает и замашет саблей пред козаками? Козаки, козаки! где честь и слава ваша? Лежит честь и слава ваша, закрывши очи, на сырой земле. Похороните же меня, похороните вместе с ним! засыпьте мне очи землю! надавите мне кленовые доски на белые груди! Мне не нужна больше красота моя!»

Плачет и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачет старый есаул Горобецъ на помощь.

Х

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелхнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет, или не идет его величаявая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибережным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам, и наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает, и человек, и зверь, и птица; а Бог один величаво озирает небо и землю, и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром, и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне своем. Ни одна не убежит от него; разве погаснет на небе. Черный лес, униженный спящими воронами, и древле разломанные горы, свесясь, сияются закрыть его хотя длинною тенью своею — напрасно! Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня, виден за столько вдаль, за сколько видеть может человеческое око. Нежась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул. Чуден и тогда Днепр, и нет

реки, равной ему в мире! Когда же пойдут горами по небу синие тучи; черный лес шатается до корня, дубы трещат, и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир, — страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали. Так убивается старая мать козака, выпроваживая своего сына в войско. Разгульный и бодрый, едет он на вороном коне, подбоченившись и молодецки заломив шапку; а она, рыдая, бежит за ним, хватая его за стремя, ловит удила и ломает над ним руки и заливаясь горячими слезами.

Дико чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется об берег, подымаясь вверх и опускаясь вниз, пристающая лодка. Кто из козаков осмелился гулять в челне в то время, когда рассердился старый Днепр? Видно, ему не ведомо, что он глотает, как мух, людей. Лодка причалила, и вышел из нее колдун. Невесел он; ему горька тризна, которую свершили козаки над убитым своим паном. Не мало поплатились ляхи: сорок четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три холопа изрублены в куски; а остальных вместе с конями угнали в плен, продать татарам. По каменным ступеням спустился он между обгорелыми пнями, вниз, где, глубоко в земле, вырыта была у него землянка. Тихо вошел он, не скрипнувши дверью, поставил на стол, закрытый скатертью, горшок и стал бросать длинными руками своими какие-то неведомые травы; взял кухоль, выделанный из какого-то чудного дерева, почерпнул им воды и стал лить, шевеля губами и творя какие-то заклинания. Показался розовый свет в светлице; и страшно было глядеть тогда ему в лицо. Оно казалось кровавым, глубокие морщины только чернели на нем, а глаза были как в огне. Нечестивый грешник! уже и борода давно поседела, и лицо изрыто морщинами, и высох весь, а все еще творит богопротивный умысел. Посреди хаты стало веять белое облако и что-то похожее на радость сверкнуло в лице его. Но отчего же вдруг стал он недвижим с разинутым ртом, не смея пошевелиться; и отчего волосы щетиною поднялись на его голове? В облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно к нему в гости; чем далее, выяснялось больше и вперило неподвижные очи. Черты его, брови, глаза, губы, все незнакомое ему. Никогда во всю жизнь свою он его не видывал. И страшного, кажется, в нем мало; а непреодолимый ужас напал на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако так же глядела на него. Облако уже и пропало; а неведомые черты еще резче выказывались и острые очи не отрывались от него. Колдун весь побелел, как

полотно. Диким, не своим голосом вскрикнул, опрокинул горшок... Все пропало.

XI

— Спокой себя, моя любая сестра! — говорил старый есаул Горобець. — Сны редко говорят правду.

— Приляг, сестрица! — говорила молодая его невестка. — Я позову старуху, ворожею; против ее никакая сила не устоит. Она выльет переполох тебе.

— Ничего не бойся! — говорил сын его, хватаясь за саблю, — никто тебя не обидит.

Пасмурно, мутными глазами глядела на всех Катерина и не находила речи. «Я сама устроила себе погибель. Я выпустила его». Наконец она сказала: «Мне нет от него покоя! Вот уже десять дней я у вас в Киеве; а горя ни капли не убавилось. Думала, буду хоть в тишине растить на месть сына... Страшен, страшен привиделся он мне во сне! Боже сохрани и вам увидеть его! Сердце мое до сих пор бьется. Я зарублю твое дитя, Катерина! кричал он, если не выйдешь за меня замуж...» — и, зарывав, кинулась она к колыбели, а испуганное дитя протянуло ручки и кричало.

Кипел и сверкал сын есаула от гнева, слыша такие речи.

Расходился и сам есаул Горобець: «Пусть попробует он, окаянный антихрист, прийти сюда; отведает, бывает ли сила в руках старого козака. Бог видит, — говорил он, подымая кверху прозорливые очи, — не летел ли я подать руку брату Данилу? Его святая воля! застал уже на холодной постеле, на которой много, много улеглось козацкого народа. Зато разве не пышна была тризна по нем? выпустили ли хоть одного ляха живого? Успокой же, мое дитя! никто не посмеет тебя обидеть, разве ни меня не будет, ни моего сына». Кончив слова свои, старый есаул пришел к колыбели, и дитя, увидевши висевшую на ремне у него в серебряной оправе красную люльку и гаман с блестящим огнивом, протянуло к нему ручки и засмеялось. «По отцу пойдет, — сказал старый есаул, снимая люльку и отдавая ему, — еще от колыбели не отстал, а уже думает курить люльку».

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провести ночь вместе и, мало погода, уснули все. Уснула и Катерина.

На дворе и в хате все было тихо; не спали только козаки, стоявшие на стороже. Вдруг Катерина, вскрикнув, проснулась, и за нею проснулись все. «Он убит, он зарезан!» — кричала она и кинулась к колыбели. Все обступили колыбель и окаменели от страха, увидевши,

что в ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвил ни один из них, не зная, что думать о неслыханном злодействе.

ХII

Далеко от Украинского края, проехавши Польшу, минуя и многолюдный город Лемберг, идут рядами высоковерхие горы. Гора за горою, будто каменными цепями, перекидывают они вправо и влево землю и обковывают ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идут каменные цепи в Валахию и в Седмиградскую область, и громадою стали в виде подковы между галичским и венгерским народом. Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет оглянуть их; а на вершину иных не заходила и нога человека. Чуден и вид их: не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны и они, окаменев, остались недвижимы в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжелые тучи и загромодили собою землю? ибо и на них такой же серый цвет, а белая верхушка блестит и искрится при солнце. Еще до Карпатских гор услышишь русскую мольвь, и за горами еще, кой-где, отзовется как будто родное слово; а там уже и вера не та, и речь не та. Живет не малолюдный народ венгерский; ездит на конях, рубится и пьет не хуже козака; а за конную сбрую и дорогие кафтаны не скупится вынимать из кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Как стекло, недвижимы они и, как зеркало, отдают в себе голые вершины гор и зеленые их подошвы. Но кто среди ночи, блещут или не блещут звезды, едет на огромном вороном коне? Какой богатырь с нечеловечьим ростом скачет под горами, над озерами, отсвечивается с исполинским конем в недвижных водах, и бесконечная тень его страшно мелькает по горам? Блещут чеканенные латы; на плече пика; гремит при седле сабля; шелом надвинут; усы чернеют; очи закрыты; ресницы опущены — он спит. И, сонный, держит повода; и за ним сидит на том же коне младенец паж, и также спит, и сонный, держится за богатыря. Кто он, куда, зачем едет? кто его знает. Не день, не два уже он переезжает горы. Блеснет день, взойдет солнце, его не видно; изредка только замечали горцы, что по горам мелькает чья-то длинная тень, а небо ясно, и тучи не пройдет по нем. Чуть же ночь наведет темноту, снова он виден и отдается в озерах, и за ним, дрожа, скачет тень его. Уже проехал много он гор и въехал на Криван. Горы этой нет выше между Карпатом: как царь подымается она над другими. Тут остановился конь и всадник, и еще глубже погрузился в сон, и тучи, спустясь, закрыли его.

ХІІІ

— Тс... тише, баба! не стучи так, дитя мое заснуло. Долго кричал сын мой, теперь спит. Я пойду в лес, баба! Да что же ты так глядишь на меня? Ты страшна: у тебя из глаз вытягиваются железные клещи... ух, какие длинные! и горят, как огонь! Ты, верно, ведьма! О, если ты ведьма, то пропади отсюда! ты украдешь моего сына. Какой бестолковый этот есаул: он думает, мне весело жить в Киеве; нет, здесь и муж мой и сын; кто же будет смотреть за хатой? Я ушла так тихо, что ни кошка, ни собака не услышала. Ты хочешь, баба, сделаться молодойю — это совсем не трудно: нужно танцевать только; гляди, как я танцую... — и, проговорив такие несвязные речи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на все стороны и упираясь руками в боки. С визгом притопывала она ногами; без меры, без такта звенели серебряные подковы. Незаплетенные черные косы метались по белой шее. Как птица, не останавливаясь, летела она, размахивая руками и кивая головой, и казалось, будто обессилев или грянется наземь, или вылетит из мира. Печально стояла старая няня, и слезами налились ее глубокие морщины; тяжкий камень лежал на сердце у верных хлопцев, глядевших на свою пани. Уже совсем ослабела она и лениво топала ногами на одном месте, думая, что танцует горлицу. — А у меня монисто есть, парубки! — сказала она наконец, остановившись, — а у вас нет!.. Где муж мой? — вскричала она вдруг, выхватив из-за пояса турецкий кинжал. — О! это не такой нож, какой нужно. — При этом и слезы, и тоска показались у ней на лице. — У отца моего далеко сердце: он не достанет до него. У него сердце из железа выковано. Ему выковала одна ведьма на пекельном огне. Что ж нейдет отец мой? разве он не знает, что пора заколоть его? Видно он хочет, чтоб я сама пришла... — и не докончив, чудно засмеялась. — Мне пришла на ум забавная история: я вспомнила, как погребали моего мужа. Ведь его живого погребли... какой смех забирал меня... Слушайте, слушайте!» — и, вместо слов, начала она петь песню:

Бижыгъ возок кровавенький:
У тим возку козак лежить,
Постреляный, порубаный.
В правий ручци дротык держить,
С того дроту кривця бижыгъ;
Бижыгъ рика кровавая.
Над ричкою явор стоит.
Над явором ворон кряче.
За козаком маты плаче.

Не плачь, маты, не журыся!
Бо вже твій сын оженився.
Та взяв жинку паняночку,
В чистом поли земляночку;
И без дверець, без оконець.
Та вже писни вышов конець.
Танцювала рыба з раком...
А хто мене не полюбить трясця его матерь!

Так перемешивались у ней все песни. Уже день и два живет она в своей хате и не хочет слышать о Киеве, и не молится, и бежит от людей; и с утра до позднего вечера бродит по темным дубравам. Острые сучья царапают белое лицо и плеча; ветер треплет расплетенные косы; давние листья шумят под ногами ее — ни на что не глядит она. В час, когда вечерняя заря тухнет, еще не являются звезды, не горит месяц, а уже страшно ходить в лесу: по деревьям царапаются и хватаются за сучья некрещенные дети, рыдают, хохочут, катятся клубом по дорогам и в широкой крапиве; из днепровских волн выбегают вереницами погубившие свои души девы; волосы льются с зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бежит с длинных волос на землю, и дева светится сквозь воду, как будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмеваются, щеки пылают, очи выманивают душу... она сгорела бы от любви, она зацеловала бы... Беги, крещеный человек! уста ее — лед, постель — холодная вода; она защекочет тебя и утащит в реку. Катерина не глядит ни на кого, не боится, безумная, русалок, бегаёт поздно с ножом своим и ищет отца.

С ранним утром приехал какой-то гость, статный собою, в красном жупане, и осведомляется о пане Даниле; слышит все, утирает рукавом заплаканные очи и пожимает плечами. Он-де воевал вместе с покойным Бурульбашем; вместе рубились они с крымцами и турками; ждал ли он, чтобы такой конец был пана Данила. Рассказывает еще гость о многом другом и хочет видеть пани Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что говорил гость; напоследок стала, как разумная, вслушиваться в его речи. Он повел про то, как они жили вместе с Данилом, будто брат с братом; как укрылись раз под греблею от крымцев... Катерина все слушала и не спускала с него очей. «Она отойдет! — думали хлопцы, глядя на нее. — Этот гость вылечит ее! Она уже слушает, как разумная!» Гость начал рассказывать между тем, как пан Данило, в час откровенной беседы, сказал ему: «Гляди, брат Копрян: когда волею Божией не будет меня на свете, возьми к себе жену, и пусть будет она твоею женою...»

Страшно вонзила в него очи Катерина. «А! — вскрикнула она, — это он! это отец!» — и кинулась на него с ножом. Долго боролся тот, стараясь вырвать у нее нож; наконец вырвал, замахнулся — и совершилось страшное дело: отец убил безумную дочь свою. Изумившиеся козаки кинулись было на него; но колдун уже успел вскочить на коня и пропал из виду.

XIV

За Киевом показалось неслыханное чудо. Все пань и гетмань собиравлись дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская. «А то что такое?» — допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся на небе и больше похожие на облака серые и белые верхи. «То Карпатские горы! — говорили старые люди. — Меж ними есть такие, с которых век не сходит снег; а тучи пристають и ночуют там». Тут показалось новое диво: облака слетели с самой высокой горы, и на вершине ее показался во всей рыцарской сбруе человек на коне с закрытыми очами, и так виден, как бы стоял вблизи. Тут, меж дивившимся со страхом народом, один вскочил на коня и, дико озираясь по сторонам, как будто ища очами, не гонится ли кто за ним, торопливо, во всю мочь, погнал коня своего. То был колдун. Чего же так перепугался он? Со страхом взглядевшись в чудного рыцаря, узнал он на нем то же самое лицо, которое незванное показалось ему, когда он ворожил. Сам не мог он разуместь, отчего в нем все смутилось при таком виде, и, робко озираясь, мчался он на коне, покамест не застигнул его вечер и не проглянули звезды. Тут поворотил он домой, может быть, допросить нечистую силу, что значит такое диво. Уже он хотел перескочить с конем через узкую реку, выступившую рукавом среди дороги, как вдруг конь на всем скаку остановился, заворотил к нему морду, и — чудо, засмеялся! белые зубы страшно блеснули двумя рядами во мраке, дыбом поднялись волоса на голове колдуна. Дико закричал он и заплакал, как иступленный, и погнал коня прямо к Киеву. Ему чудилось, что все со всех сторон бежало ловить его: деревья, обступивши темным лесом, и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задушить его; звезды, казалось, бежали впереди перед ним, указывая всем на грешника; сама дорога, чудилось, мчалась по следам его. Отчаянный колдун летел в Киев к святым местам.

Одиноко сидел в своей пещере перед лампадою схимник и не сводил очей с святой книги. Уже много лет, как он затворился в своей пещере. Уже сделал себе и досчатый гроб, в который ложился спать вместо постели. Закрыл святой старец свою книгу и стал молиться... Вдруг вбежал человек чудного, страшного вида. Изумился святой схимник в первый раз, и отступил, увидев такого человека. Весь дрожал он, как осиновый лист; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался из очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо.

— Отец, молись! молись! — закричал он отчаянно, — молись о погибшей душе! — и грянулся на землю.

Святой схимник перекрестился, достал книгу, развернул и в ужасе отступил назад и выронил книгу. «Нет, неслыханный грешник! нет тебе помилования! беги отсюда! не могу молиться о тебе!»

— Нет? — закричал, как безумный, грешник.

— Гляди: святые буквы в книге налились кровью. Еще никогда в мире не бывало такого грешника!

— Отец, ты смеешься надо мною!

— Иди, окаянный грешник! не смеюсь я над тобою. Боязнь овладевает мною. Не добро быть человеку с тобою вместе!

— Нет! нет! ты смеешься, не говори... я вижу, как раздвинулся рот твой: вот белеют рядами твои старые зубы!..

И, как бешеный, кинулся он — и убил святого схимника.

Что-то тяжело застонало, и стон перенесся через поле и лес. Из-за леса поднялись тощие, сухие руки с длинными кохтями; затряслись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовал он. Все чудится ему как-то смутно: в ушах шумит, в голове шумит, как будто от хмеля, и все, что ни есть перед глазами, покрывается как бы паутиною. Вскочивши на коня, поехал он прямо в Канев, думая оттуда через Черкасы направить путь к татарам прямо в Крым, сам не зная для чего. Едет он уже день, другой, а Канева все нет. Дорога та самая; пора бы ему уже давно показаться, но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей. Но это не Канев, а Шумск. Изумился колдун, видя, что он заехал совсем в другую сторону. Погнал коня назад к Киеву, и через день показался город; но не Киев, а Галич, город еще далее от Киева, чем Шумск, и уже не далеко от венгров. Не зная, что делать, поворотил он коня снова назад; но чувствует снова, что едет в противную сторону и все вперед. Не мог бы ни один человек в свете рассказать,

что было на душе у колдуна; а если бы он заглянул и увидел, что там деялось, то уже не досыпал бы он ночей и не засмеялся бы ни разу. То была не злость, не страх, и не лютая досада. Нет такого слова на свете, которым бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать конем своим, взять всю землю от Киева до Галича с людьми, со всем, и затопить ее в Черном море. Но не от злобы хотелось ему это сделать: нет, сам он не знал отчего. Весь вздрогнул он, когда уже показались близко перед ним Карпатские горы и высокий Криван, накрывший свое темя, будто шапкою, серою тучею; а конь все несся и уже рыскал по горам. Тучи разом очистились, и перед ним показался в страшном величии всадник... Он силится остановиться; крепко натягивает удила; дико ржал конь, подымая гриву, и мчался к рыцарю. Тут чудится колдуну, что все в нем замерло, что недвижимый всадник шевелится и разом открыл свои очи; увидел несшегося к нему колдуна, и засмеялся. Как гром, рассыпался дикий смех по горам и зазвучал в сердце колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влез в него и ходил внутри его и бил молотами по сердцу, по жилам... так страшно отдался в нем этот смех!

Ухватил всадник страшною рукою колдуна и поднял его на воздух. Вмиг умер колдун и открыл после смерти очи; но уже был мертвец, и глядел, как мертвец. Так страшно не глядит ни живой, ни воскресший. Ворочал он по сторонам мертвыми глазами и увидел поднявшихся мертвецов от Киева, и от земли Галичской, и от Карпата, как две капли воды схожих лицом на него.

Бледны, бледны, один другого выше, один другого костистей, стали они вокруг всадника, державшего в руке страшную добычу. Еще раз засмеялся рыцарь и кинул ее в пропасть. И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы. Еще один всех выше, всех страшнее, хотел подняться из земли; но не мог, не в силах был этого сделать, так велик вырос он в земле; а если бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат, и Семиградскую и Турецкую землю. Немного только подвинулся он — и пошло от того трясение по всей земле; и много поопрокидывалось везде хат, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свист, как будто тысяча мельниц шумит колесами на воде. То, в безвыходной пропасти, которой не видал еще ни один человек, страшнейший проходить мимо, мертвецы грызут мертвеца. Нередко бывало по всему миру, что земля тряслась от одного конца до другого: то оттого делается, толкуют грамотные люди,

что есть где-то, близ моря, гора, из которой выхватывается пламя и текут горящие реки. Но старики, которые живут и в Венгрии, и в Галичской земле, лучше знают это и говорят: что то хочет подняться выросший в земле великий, великий мертвец и трясет землю.

XVI

В городе Глухове собрался народ около старца бандуриста, и уже с час слушал, как слепец играл на бандуре. Еще таких чудных песен и так хорошо не пел ни один бандурист. Сперва повел он про прежнюю Гетманщину за Сагайдачного и Хмельницкого. Тогда иное было время: козачество было в славе; топтало конями неприятелей, и никто не смел посмеяться над ним. Пел и веселые песни старец и повоживал своими очами на народ, как будто зрящий; а пальцы, с приделанными к ним костями, летали как муха по струнам и, казалось, струны сами играли; а кругом народ, старые люди понуриив головы, а молодые подняв очи на старца, не смели и шептать между собою.

— Пойдите, — сказал старец, — я вам запою про одно давнее дело. Народ сдвинулся еще теснее и слепец запел:

«За пана Степана, князя Седмиградского, был князь Седмиградский королем и у ляхов, жило два козака: Иван да Петро. Жили они так, как брат с братом. “Гляди, Иван, все, что ни добудешь — все пополам: когда кому веселье, веселье и другому; когда кому горе — горе и обоим; когда кому добыча — пополам добычу; когда кто в полон попадет — другой продай все и дай выкуп, а не то сам ступай в полон”. И правда, все, что ни доставали козаки, все делили пополам; угоняли ли чужой скот, или коней, все делили пополам».

* * *

«Воевал король Степан с турчином. Уже три недели воюет он с турчином, а все не может его выгнать. А у турчина был паша такой, что сам с десятью янычарами мог порубить целый полк. Вот объявил король Степан, что если сыщется смельчак и приведет к нему того пашу живого или мертвого, даст ему одному столько жалованья, сколько дает на все войско. “Пойдем, брат, ловить пашу!” — сказал брат Иван Петру. И поехали козаки, один в одну сторону, другой в другую».

* * *

«Поймал ли бы еще, или не поймал Петро, а уже Иван ведет пашу арканом за шею к самому королю. “Бравый молодец!” — сказал король Степан, и приказал выдать ему одному такое жалованье, какое получает все войско; и приказал отвезть ему земли там, где он задумает себе, и дать скота, сколько пожелает. Как получил Иван жалованье от короля, в тот же день разделил все поровну между собою и Петром. Взял Петро половину королевского жалованья, но не мог вынести того, что Иван получил такую честь от короля, и затаил глубоко на душе месть».

* * *

«Ехали оба рыцаря на жалованную королем землю, за Карпат. Посадил козак Иван с собою на коня своего сына, привязав его к себе. Уже настали сумерки — они все едут. Младенец заснул, стал дремать и сам Иван. Не дремли, козак, по горам дороги опасные!.. Но у козака такой конь, что сам везде знает дорогу, не спотыкнется и не оступится. Есть между горами провал, в провале дна никто не видал; сколько от земли до неба, столько до дна того провала. По-над самым провалом дорога — два человека еще могут проехать, а трое ни за что. Стал бережно ступать конь с дремавшим козаком. Рядом ехал Петро, весь дрожал и притаил дух от радости. Оглянулся и толкнул названного брата в провал; и конь с козаком и младенцем полетел в провал».

* * *

«Ухватился, однако ж, козак за сук, и один только конь полетел на дно. Стал он карабкаться, с сыном за плечами, вверх; немного уже не добрался, поднял глаза и увидел, что Петро наставил пику, чтобы столкнуть его назад. “Боже ты мой, праведный! лучше б мне не подымать глаз, чем видеть, как родной брат наставляет пику столкнуть меня назад!.. Брат мой милой! коли меня пикой, когда уже мне так написано на роду; но возьми сына! чем безвинной младенец виноват, чтобы ему пропасть такою лютою смертью?” Засмеялся Петро и толкнул его пикой, и козак с младенцем полетел на дно. Забрал себе Петро все добро и стал жить, как паша. Табунов ни у кого таких не было, как у Петра. Овец и баранов нигде столько не было. И умер Петро».

* * *

«Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. “Великой есть грешник сей человек! — сказал Бог. — Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты сам ему казнь!” Долго думал Иван, вымышляя казнь, и наконец сказал: “Великую обиду нанес мне сей человек; предал своего брата, как Иуда, и лишил меня честного моего рода и потомства на земле. А человек без честного рода и потомства, что хлебное семя, кинутое в землю и пропавшее даром в земле. Всходу нет — никто и не узнает, что кинуту было семя”».

* * *

«Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете! и от каждого его злодейства чтобы деды и прадеды его не нашли бы покоя в гробах, и терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил! А Иуда Петро чтобы не в силах был подняться, и оттого терпел бы муку еще горшую; и ел бы, как бешеный, землю, и корчился бы под землею!”»

* * *

«И когда придет час меры в злодействах тому человеку, подыми меня, Боже, из того провала на коне на самую высокую гору, и пусть придет он ко мне, и брошу я его с той горы в самый глубокий провал, и все мертвецы, его деды и прадеды, где бы не жили при жизни, чтобы все потянулись от разных сторон земли грызть его, за те муки, что он наносил им, и вечно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Иуда Петро чтобы не мог подняться из земли, чтобы рвался грызть и себе, но грыз бы самого себя, а кости его росли бы чем дальше, больше, чтобы чрез то еще сильнее становилась его боль. Та мука для него будет самая страшная: ибо для человека нет большей муки, как хотеть отмстить и не мочь отмстить”».

* * *

«Страшна казнь, тобою выдуманная, человек! — сказал Бог. — Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе царствия небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своем!” И то все так сбылось, как было сказано: и

доньне стоит на Карпате на коне дивный рыцарь, и видит, как в бездонном провале грызут мертвецы мертвеца, и чует, как лежащий под землею мертвец растет, гложет в страшных муках свои кости и страшно трясет всю землю...»

Уже слепец кончил свою песню; уже снова стал перебирать струны; уже стал петь смешные присказки про Хому и Ерему, про Сткляра Стокозу... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупив головы, раздумывая о страшном, в старину случившемся деле.

Черезъ педѣлю послѣ полученія этого письма, Иванъ Федоровичъ написалъ такой ошвѣсть :

» Милосшивая государыня, шешушка,

Василса Кашпоровна!

» Много благодарю васъ за присылку
» бѣлья. Особенно карпешки у меня очень
» старыя, что даже деньщикъ шпопаль
» ихъ чешыре раза и очень ошъ того сшали
» узкіе. На счешъ вашего мнѣнія о моей
» службѣ, я совершенно согласенъ съ вами
» и шрешьяго дня подалъ ошспавку. А какъ
» только получу увольненіе, шо найму
» извозчика. Прешней вашей коммисіи, на
» счешъ сѣмянъ шпеницы Сибирской Арна-
» ушки не могъ исполнишь : во всей Могги-
» левской губерніи нѣшь такой. Свиной же
» здѣсь кормяшъ большею частію брагой,
» подмѣшивая немного вынгравшагося пива.
» Съ совершеннымъ почшеніемъ, мило-
» шивая государыня шешушка, пребываю
» племянникомъ

Иваномъ Шпошкойю.»

Страница повести «Иванъ Федоровичъ Шпошка и его тетушка»
в издании 1836 г.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА

С этой историей случилась история: нам рассказывал ее приезжавший из Гадяча Степан Иванович Курочка. Нужно вам знать, что память у меня, невозможно сказать, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. То же самое, что в решето воду лей. Зная за собою такой грех, нарочно просил его списать ее в тетрадку. Ну, дай Бог ему здоровья, человек он был всегда добрый для меня, взял и списал. Положил я ее в маленький столик; вы, думаю, его хорошо знаете: он стоит в углу, когда войдешь в дверь... Да, я и позабыл, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, с которой живу уже лет тридцать вместе, грамоте сроду не училась; нечего и греха таить. Вот замечаю я, что она пирожки печет на какой-то бумаге. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печет; лучших пирожков вы нигде не будете есть. Посмотрел как-то на сподку пирожка — смотрю: писанные слова. Как будто сердце у меня знало, прихожу к столику — тетрадки и половины нет! Остальные листки все растаскала на пироги. Что прикажешь делать? на старости лет не подрасть же! — Прошлый год случилось проезжать чрез Гадяч; нарочно еще, не доезжая города, завязал узелок, чтобы не забыть попросить об этом Степана Ивановича. Этого мало: взял обещание с самого себя, как только чихну в городе, то чтобы при этом вспомнить о нем. Все напрасно. Проехал чрез город, и чихнул, и высморкался в платок, а все позабыл; да уже вспомнил, как верст за шесть отъехал от заставы. Нечего делать, пришлось печатать без конца. Впрочем, если кто желает непременно знать, о чем говорится далее в этой повести, то ему стоит только нарочно приехать в Гадяч и попросить Степана Ивановича. Он с большим удовольствием расскажет ее, хоть, пожалуй, снова от начала до конца. Живет он недалеко возле каменной церкви. Тут есть сейчас маленькой переулок: как только поворишишь в переулок, то будут вторые или третьи ворота. Да вот лучше: когда увидите на дворе большой шест с перепелом и выйдет навстречу вам толстая баба в зеленой юбке (он, не мешает сказать, ведет жизнь холостую), то это его двор. Впрочем, вы можете его встретить на базаре, где бывает он каждое утро до девяти часов, выбирает рыбу и зелень для своего стола и разговаривает с отцом Антипом или с жидом-откупщиком. Вы его

тотчас узнаете, потому что ни у кого нет, кроме него, панталон из цветной выбойки и китайчатого желтого сюртука. Вот еще вам примета: когда ходит он, то всегда размахивает руками. Еще покойный тамошний заседатель, Денис Петрович, всегда, бывало, увидевши его издали, говорил: «глядите, глядите, вон идет ветряная мельница!»

I

Иван Федорович Шпонька

Уже четыре года, как Иван Федорович Шпонька в отставке и живет в хуторе своем Вытребеньках. Когда был он еще Ванюшею, то обучался в гадяцком поветовом училище и, надобно сказать, что был преблагонаправный и престарательный мальчик. Учитель российской грамматики, Никифор Тимофеевич Деепричастие, говаривал, что если бы все у него были так старательны, как Шпонька, то он не носил бы с собою в класс кленовой линейки, которою, как сам он признавался, уставал бить по рукам ленивцев и шалунов. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругом облинеенная, нигде ни пятнышка. Сидел он всегда смиренно, сложив руки и уставив глаза на учителя, и никогда не привешивал сидевшему впереди его товарищу на спину бумажек, не резал скамьи и не играл до прихода учителя в *тесной бабы*. Когда кому нужда была в ножике очинить перо, то он немедленно обращался к Ивану Федоровичу, зная, что у него всегда водился ножик, и Иван Федорович, тогда еще просто Ванюша, вынимал его из небольшого кожаного чехольчика, привязанного к петле своего серенького сюртука, и просил только не скоблить пера острием ножика, уверяя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонаравие скоро привлекло на него внимание даже самого учителя латинского языка, которого один кашель в сенях, прежде нежели высовывалась в дверь его фризловая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводил страх на весь класс. Этот страшный учитель, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях, сделал Ивана Федоровича аудитором, несмотря на то, что в классе было много с гораздо лучшими способностями. Тут не можно пропустить одного случая, сделавшего влияние на всю его жизнь. Один из вверенных ему учеников, чтобы склонить своего аудитора написать ему в списке *scit*, тогда как он своего урока в зуб не знал, принес в класс завернутый в бумагу облитый маслом блин. Иван Федорович хотя и держался справедливости, но на эту пору был голоден и не мог противиться обольщению: взял блин, поставил перед собою книгу и начал есть, и так был

занят этим, что даже не заметил, как в классе сделалась вдруг мертвая тишина. Тогда только с ужасом очнулся он, когда страшная рука, протянувшись из фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса. «Поддай сюда блин! Поддай, говорят тебе, негодяй!» — сказал грозный учитель, схватил пальцами масляный блин и выбросил его за окно, строго запретив бегавшим по двору школьникам поднимать его. После этого тут же высек он пребольно Ивана Федоровича по рукам; и дело: руки виноваты, зачем брали, а не другая часть тела. Как бы то ни было, только с этих пор робость, и без того неразлучная с ним, увеличилась еще более. Может быть, это самое происшествие было причиною того, что он не имел никогда желанья вступить в штатскую службу, видя на опыте, что не всегда удается хоронить концы. Было уже ему без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где, вместо сокращенного катихизиса и четырех правил арифметики, принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дробь. Но увидевши, что чем дальше в лес, тем больше дров, и получивши известие, что батюшка приказал долго жить, пробыл еще два года и, с согласия матушки, вступил потом в П*** пехотный полк. П*** пехотный полк был совсем не такого сорта, к какому принадлежат многие пехотные полки; и, несмотря на то, что он большею частию стоял по деревням, однако ж был на такой ноге, что не уступал иным и кавалерийским. Большая часть офицеров пила выморозки и умела таскать жидов за пейсики не хуже гусаров; несколько человек даже танцевали мазурку, и полковник П*** полка никогда не упускал случая заметить об этом, разговаривая с кем-нибудь в обществе. «У меня-с, — говорил он обыкновенно, трепля себя по брюху после каждого слова, — многие пляшут-с мазурку; весьма многие-с; очень многие-с». Чтоб еще более показать читателям образованность П*** пехотного полка, мы прибавим, что двое из офицеров были страшные игроки в банк и проигрывали мундир, фуражку, шинель, темляк и даже исподнее платье, что не везде и между кавалеристами можно сыскать. Обхождение с такими товарищами, однако же, ничуть не уменьшило робости Ивана Федоровича; и так как он не пил выморозок, предпочитая им рюмку водки пред обедом и ужином, не танцевал мазурки и не играл в банк, то, натурально, должен был всегда оставаться один. Таким образом, когда другие разъезжали на обывательских по мелким помещикам, он, сидя на своей квартире, упражнялся в занятиях, сродных одной кроткой и доброй душе: то читал пуговицы, то читал гадательную книгу, то ставил мышеловки по углам своей комнаты, то, наконец, скинувши мундир, лежал на посте-

ле. Зато не было никого исправнее Ивана Федоровича в полку; и взводом своим он так командовал, что ротный командир всегда ставил его в образец. Зато в скором времени, спустя одиннадцать лет после получения прапорщичьего чина, произведен он был в подпоручики. В продолжение этого времени он получил известие, что матушка скончалась; а тетушка, родная сестра матушки, которую он знал только потому, что она привозила ему в детстве и посылала даже в Гадяч сушеные груши и деланные ею самою превкусные пряники (с матушкой она была в ссоре, и потому Иван Федорович после не видал ее), — эта тетушка, по своему добродушию, взялась управлять небольшим его имением, о чем известила его в свое время письмом. Иван Федорович, будучи совершенно уверен в благоразумии тетушки, начал по-прежнему исполнять свою службу. Иной на его месте, получивши такой чин, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвестна: и сделавшись подпоручиком, он был тот же самый Иван Федорович, каким был некогда и в прапорщичьем чине. Пробыв четыре года после этого замечательного для него события, он готовился выступить вместе с полком из Могилевской губернии в Великороссию, как получил письмо такого содержания:

«Любезный племянник,
Иван Федорович!

Посылаю тебе белье: пять пар нитяных карпеток и четыре рубашки тонкого холста; да еще хочу поговорить с тобою о деле: так как ты уже имеешь чин немаловажный, что думаю, тебе известно, и пришел в такие лета, что пора и хозяйством позаняться, то в воинской службе тебе незачем более служить. Я уже стара и не могу всего присмотреть в твоём хозяйстве; да и действительно многое притом имею тебе открыть лично. Приезжай, Ванюша; в ожидании подлинного удовольствия тебя видеть остаюсь многолюбящая твоя тетка.

Василиса Цупчевьска.

Чудная в огороде у нас выросла репа: больше похожа на картофель, чем на репу».

Через неделю после получения этого письма Иван Федорович написал такой ответ:

«Милостивая государыня, тетушка,
Василиса Кашпоровна!

Много благодарю вас за присылку белья. Особенно карпетки у меня очень старые, что даже денщик штопал их четыре раза и очень от того стали узкие. Насчет вашего мнения о моей службе, я совер-

шенно согласен с вами и третьего дня подал отставку. А как только получу увольнение, то найму извозчика. Прежней вашей комиссии, насчет семян пшеницы, сибирской арнаутки, не мог исполнить: во всей Могилевской губернии нет такой. Свиной же здесь кормят большею частию брагой, подмешивая немного выигравшегося пива.

С совершенным почтением, милостивая государыня тетушка, пребываю племянником

Иваном Шпонькою».

Наконец Иван Федорович получил отставку с чином поручика, нанял за сорок рублей жида от Могилева до Гадяча и сел в кибитку в то самое время, когда деревья оделись молодыми, еще редкими листьями, вся земля ярко зазеленела свежеею зеленью и по всему полю пахло весною.

II

Дорога

В дороге ничего не случилось слишком замечательного. Ехали с небольшим две недели. Может быть, еще и этого скорее приехал бы Иван Федорович, но набожный жид шабашовал по субботам, и, накрывшись своею попоной, молился весь день. Впрочем Иван Федорович, как уже имел я случай заметить прежде, был такой человек, который не допускал к себе скуки. В то время развязывал он чемодан, вынимал белье, рассматривал его хорошенько, так ли вымыто, так ли сложено, снимал осторожно пушок с нового мундира, сшитого уже без погончиков, и снова все это укладывал наилучшим образом. Книг он, вообще сказать, не любил читать; а если заглядывал иногда в гадательную книгу, так это потому, что любил встречать там знакомое, читанное уже несколько раз. Так городской житель отправляется каждый день в клуб, не для того, чтобы услышать там что-нибудь новое, но чтобы встретить тех приятелей, с которыми он уже с незапамятных времен привык болтать в клубе. Так чиновник с большим наслаждением читает адрес-календарь по несколько раз в день, не для каких-нибудь дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная роспись имен. «А! Иван Гаврилович такой-то! — повторяет он глухо про себя. — А! вот и я! гм!..» И на следующий раз снова перечитывает его с теми же восклицаниями.

После двухнедельной езды Иван Федорович достигнул деревушки, находившейся в ста верстах от Гадяча. Это было в пятницу. Солн-

це давно уже зашло, когда он въехал с кибиткою и с жидом на постоянный двор. Этот постоянный двор ничем не отличался от других, выстроенных по небольшим деревушкам. В них обыкновенно с большим усердием потчевают путешественника сеном и овсом, как будто бы он был почтовая лошадь. Но если бы он захотел позавтракать, как обыкновенно завтракают порядочные люди, то сохранил бы в ненарушимости свой аппетит до другого случая. Иван Федорович, зная все это, заблаговременно запасся двумя вязками бубликов и колбасою, и спросивши рюмку водки, в которой не бывает недостатка ни в одном постоялом дворе, начал свой ужин, усевшись на лавке перед дубовым столом, неподвижно вкопанным в глиняный пол. В продолжение этого времени послышался стук брички. Ворота заскрипели; но бричка долго не въезжала на двор. Громкий голос бранился со старухою, содержавшею трактир. «Я въеду, — услышал Иван Федорович, — но если хоть один клоп укусит меня в твоей хате, то прибью, ей-богу прибью, старая колдунья! и за сено ничего не дам!» Минуту спустя дверь отворилась и вошел, или лучше сказать, влез толстой человек в зеленом сюртуке. Голова его неподвижно покоилась на короткой шее, казавшейся еще толще от двухэтажного подбородка. Казалось, что и с виду он принадлежал к числу тех людей, которые не ломали никогда головы над пустяками, и которых вся жизнь катилась по маслу.

— Желаю здравствовать, милостивый государь! — проговорил он, увидевши Ивана Федоровича.

Иван Федорович безмолвно поклонился.

— А позвольте спросить, с кем имею честь говорить? — продолжал толстый приезжий.

При таком допросе Иван Федорович невольно поднялся с места и стал в вытяжку, что обыкновенно он делывал, когда спрашивал его о чем полковник. «Отставной поручик Иван Федоров Шпонька», — отвечал он.

— А смею ли спросить, в какие места изволите ехать?

— В собственный хутор-с, Вытребеньки.

— Вытребеньки! — воскликнул строгий допросчик. — Позвольте, милостивый государь, позвольте! — говорил он, подступая к нему и размахивая руками, как будто бы кто-нибудь его не допускал, или он продирался сквозь толпу, и, приблизившись, принял Ивана Федоровича в объятия и облобызал сначала в правую, потом в левую, и потом снова в правую щеку. Ивану Федоровичу очень понравилось это лобызание, потому что губы его приняли большие щеки незнакомца за мягкие подушки. — Позвольте, милостивый государь, познако-

миться! — продолжал толстяк. — Я помещик того же Гадячского повета и ваш сосед. Живу от хутора вашего Выгребеньки не дальше пяти верст, в селе Хортыще; а фамилия моя Григорий Григорьевич Сторченко. Непременно, непременно, милостивый государь, и знать вас не хочу, если не приедете в гости в село Хортыще. Я теперь спешу по надобности... А что это? — проговорил он кротким голосом вошедшему своему жокею, мальчику в козацкой свитке с заплатанными локтями, с недоумевающею миною ставившему на стол узлы и ящики. — Что это? что? — и голос Григория Григорьевича незаметно делался грознее и грознее. — Разве я это сюда велел ставить тебе, любезный? Разве я это сюда говорил ставить тебе, подлец? Разве я не говорил тебе наперед разогреть курицу, мошенник? Пошел! — вскрикнул он, топнув ногою. — Постой, рожа! где погребец со штофиками? Иван Федорович! — говорил он, наливая в рюмку настойки, — прошу покорно лекарственной!

— Ей-богу-с, не могу... я уже имел случай... — проговорил Иван Федорович с запинкою.

— И слушать не хочу, милостивый государь! — возвысил голос помещик, — и слушать не хочу! С места не сойду, покаместь не выкушаете...

Иван Федорович, увидевши, что нельзя отказаться, не без удовольствия выпил.

— Это курица, милостивый государь, — продолжал толстый Григорий Григорьевич, разрезывая ее ножом в деревянном ящике. — Надобно вам сказать, что повариха моя Явдоха иногда любит куликнуть и оттого часто пересушивает. Эй, хлопче! — тут оборотился он к мальчику в козацкой свитке, принесшему перину и подушки, — постели постель мне на полу посередине хаты! Смотри же, сена повыше накладывай под подушку! да выдерни у бабы из мычки клочек пеньки заткнуть мне уши на ночь! Надобно вам знать, милостивый государь, что я имею обыкновение затыкать на ночь уши с того проклятого случая, когда в одной русской корчме залез мне в левое ухо таракан. Проклятые цацпы, как я после узнал, едят даже щи с тараканами. Невозможно описать, что происходило со мною: в ухе так и щекочет, так и щекочет... ну, хоть на стену! Мне помогла уже в наших местах простая старуха. И чем бы вы думали? просто зашептыванием. Что вы скажете, милостивый государь, о лекарях? Я думаю, что они просто морочат и дурачат нас. Иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих лекарей.

— Действительно, вы изволите говорить совершенную-с правду. Иная точно бывает... — Тут он остановился, как бы не прибирая да-

лее приличного слова. Не мешает здесь и мне сказать, что он вообще не был щедр на слова. Может быть, это происходило от робости, а может, и от желания выразиться красивее.

— Хорошенько, хорошенько перетряси сено! — говорил Григорий Григорьевич своему лакею. — Тут сено такое гадкое, что того и гляди, как-нибудь попадет сучок. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже не увидимся: я выезжаю до зари. Ваш жид будет шабашовать, потому что завтра суббота, и потому вам нечего вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать вас не хочу, когда не приедете в село Хортыще.

Тут камердинер Григория Григорьевича стащил с него сюртук и сапоги и натянул вместо того халат, и Григорий Григорьевич повалился на постель, и казалось, огромная перина легла на другую. «Эй, хлопче! куда же ты, подлец? Поди сюда, поправь мне одеяло! Эй, хлопче, подмости под голову сена! да что, коней уже напоили? Еще сена! сюда, под этот бок! да поправь, подлец, хорошенько одеяло! Вот так, еще! ох!..» Тут Григорий Григорьевич еще вздохнул раза два и пустил страшный носовой свист по всей комнате, всхрапывая по временам так, что дремавшая на лежанке старуха, пробудившись, вдруг смотрела в оба глаза на все стороны, но, не видя ничего, успокоивалась и засыпала снова.

На другой день, когда проснулся Иван Федорович, уже толстого помещика не было. Это было одно только замечательное происшествие, случившееся с ним на дороге. На третий день после этого приближался он к своему хуторку. Тут почувствовал он, что сердце в нем сильно забилося, когда выглянула, махая крыльями, ветряная мельница и когда, по мере того, как жид гнал своих кляч на гору, показывался внизу ряд верб. Живо и ярко блестел сквозь них пруд и дышал свежестью. Здесь когда-то он купался; в этом самом пруде он когда-то с ребятишками брел по шею в воде за раками. Кибитка въехала на греблю, и Иван Федорович увидел тот же самый старинный домик, покрытый очеретом; те же самые яблони и черешни, по которым он когда-то украдкою лазил. Только что въехал он на двор, как сбегались со всех сторон собаки всех сортов: бурые, черные, серые, пегие. Некоторые с лаем кидались под ноги лошадям; другие бежали сзади, заметив, что ось вымазана салом; один, стоя возле кухни и накрыв лапою кость, заливался во все горло; другой лаял издали и бегал взад и вперед, помахивая хвостом и как бы приговаривая: посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человек! Мальчишки в запачканных рубашках бежали глядеть. Свинья, прохаживавшаяся по двору с шест-

надцатью поросенками, подняла вверх с испытующим видом свое рыло и хрюкнула громче обыкновенного. На дворе лежало на земле множество ряжен с пшеницею, просом и ячменем, сушившихся на солнце. На крыше тоже не мало сушилось разного рода трав: петровых батов, нечуй-ветера и других. Иван Федорович так был занят рассматриванием этого, что очнулся тогда только, когда пегая собака укусила слазившего с козел жиды за икру. Сбежавшаяся дворня, состоявшая из поварихи, одной бабы и двух девок в шерстяных исподницах, после первых восклицаний: *те се ж паныч наш!* объявили, что тетушка садила в огороде пшеничку, вместе с девкою Палашкою и кучером Омельком, исправлявшим часто должность огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще издали завидела рогожаную кибитку, была уже здесь. И Иван Федорович изумился, когда она почти подняла его на руках, как бы не доверяя, та ли это тетушка, которая писала к нему о своей дряхлости и болезни.

III

Тетушка

Тетушка Василиса Кашпоровна в это время имела лет около пятидесяти. Замужем она никогда не была и обыкновенно говорила, что жизнь девическая для нее дороже всего. Впрочем, сколько мне помнится, никто и не сватал ее. Это происходило оттого, что все мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никак не имели духа сделать ей признание. «Весьма с большим характером Василиса Кашпоровна!» — говорили женихи и были совершенно правы, потому что Василиса Кашпоровна хоть кого умела сделать тише травы. Пьяницу мельника, который совершенно был ни к чему негоден, она, собственною своею мужественною рукою дергая каждый день за чуб, без всякого постороннего средства, умела сделать золотом, а не человеком. Рост она имела почти исполинский, дородность и силу совершенно соразмерную. Казалось, что природа сделала непростительную ошибку, определив ей носить темно-коричневый по будням капот с мелкими оборками и красную кашемировскую шаль в день Светлого Воскресенья и своих именин, тогда как ей более всего шли бы драгунские усы и длинные ботфорты. Зато занятия ее совершенно соответствовали ее виду: она каталась сама на лодке, гребя веслом искуснее всякого рыбака; стреляла дичь; стояла неотлучно над косарями; знала наперечет число дынь и арбузов на баштане; брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через ее греблю; влезала на дерево и трусила груши; била

ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки. Почти в одно время она бранилась, красила пряжу, бегала на кухню, делала квас, варила медовое варенье и хлопотала весь день и везде попевала. Следствием этого было то, что маленькое именье Ивана Федоровича, состоявшее из осьмнадцати душ по последней ревизии, процветало в полном смысле сего слова. К тому ж она слишком горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копейку. По приезде домой жизнь Ивана Федоровича решительно изменилась и пошла совершенно другою дорогою. Казалось, натура именно создала его для управления осьмнадцатидушным имением. Сама тетушка заметила, что он будет хорошим хозяином, хотя, впрочем, не во все еще отрасли хозяйства позволяла ему вмешиваться. «*Воно ще молода дытына!* — обыкновенно она говорила, несмотря на то, что Ивану Федоровичу было без малого сорок лет. — Где ему все знать!» Однако ж он неотлучно бывал в поле при жнецах и косарях, и это доставляло наслаждение неизъяснимое его кроткой душе. Единодушный взмах десятка и более блестящих кос; шум падающей стройными рядами травы; изредка заливающиеся песни жниц, то веселые, как встреча гостей, то заунывные, как разлука; спокойный, чистый вечер, и что за вечер! как волен и свеж воздух! как тогда оживлено все: степь краснеет, синее и говорит цветами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насекомых, и от них свист, жужжание, треск, крик и вдруг стройный хор; и все не молчит ни на минуту. А солнце садится и кроется. У! как свежо и хорошо! По полю, то там, то там, раскладываются огни и ставят котлы, и вокруг котлов садятся усатые косари. Пар от галушек несетя. Сумерки сереют... Трудно рассказать, что делалось тогда с Иваном Федоровичем. Он забывал, присоединяясь к косарям, отведавать их галушек, которые очень любил, и стоял недвижимо на одном месте, следя глазами пропадавшую в небе чайку или считая копы нажатого хлеба, унизывавшие поле.

В непродолжительном времени об Иване Федоровиче везде пошли речи как о великом хозяине. Тетушка не могла нарадоваться своим племянником и никогда не упускала случая им похвастаться. В один день, это было уже по окончании жатвы и именно в конце июля, Василиса Кашпоровна, взявши Ивана Федоровича с таинственным видом за руку, сказала, что она теперь хочет поговорить с ним о деле, которое с давних пор уже ее занимает.

— Тебе, любезный Иван Федорович, — так она начала, — известно, что в твоём хуторе осьмнадцать душ, впрочем, это по ревизии, а без того, может, наберется больше, может, будет до двадцати четы-

рех. Но не об этом дело. Ты знаешь тот лесок, что за нашей левадою, и верно знаешь за тем же лесом широкий луг: в нем двадцать без малого десятин; а травы столько, что можно каждый год продавать больше, чем на сто рублей, особенно, если, как говорят, в Гадяче будет конный полк.

— Как же-с, тетушка, знаю: трава очень хорошая.

— Это я сама знаю, что очень хорошая; но знаешь ли ты, что вся эта земля, по-настоящему, твоя. Что ж ты так выпучил глаза? Слушай, Иван Федорович! Ты помнишь Степана Кузмича? Что я говорю, помнишь! ты тогда был таким маленьким, что не мог выговорить даже его имени; куда ж! Я помню, когда приехала на самое пущенье, перед филипповкою, и взяла было тебя на руки, то ты чуть не испортил мне всего платья; к счастью, что успела передать тебя мамке Матрене. Такой ты тогда был гадкой!.. Но не об этом дело. Вся земля, которая за нашим хутором, и самое село Хортыще, было Степана Кузмича. Он, надобно тебе объявить, еще тебя не было на свете, как начал ездить к твоей матушке; правда в такое время, когда отца твоего не бывало дома. Но я, однако ж, это не в укор ей говорю. Упокой Господи ее душу! хотя покойница была всегда неправа против меня. Но не об этом дело. Как бы то ни было, только Степан Кузмич сделал тебе дарственную запись на то самое имение, об котором я тебе говорила. Но покойница, твоя матушка, между нами будь сказано, была пречудного нрава. Сам черт, Господи прости меня за это гадкое слово, не мог бы понять ее. Куда она дела эту запись — один Бог знает. Я думаю просто, что она в руках этого старого холостяка Григория Григорьевича Сторченка. Этой пузатой шельме досталось все его имение. Я готова ставить Бог знает что, если он не утаил записи.

— Позвольте-с доложить, тетушка: не тот ли это Сторченко, с которым я познакомился на станции? — Тут Иван Федорович рассказал про свою встречу.

— Кто его знает! — отвечала, немного подумав, тетушка. — Может быть, он и не негодяй. Правда, он всего только полгода как переехал к нам жить; в такое время человека не узнаешь. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина и, говорят, большая мастерица солить огурцы; ковры собственные девки ее умеют отлично хорошо выделывать. Но так как ты говоришь, что он тебя хорошо принял, то поезжай к нему! Может быть, старый грешник послушается совести и отдаст, что принадлежит не ему. Пожалуй, можешь поехать и в бричке, только проклятая детвора повыдергивала сзади все гвозди. Нужно будет сказать кучеру Омельке, чтобы прибил везде получше кожу.

— Для чего, тетушка? я возьму повозку, в которой вы ездите иногда стрелять дичь.

Этим окончился разговор.

IV

Обед

В обеденную пору Иван Федорович въехал в село Хортыще и немало оробел, когда стал приближаться к господскому дому. Дом этот был длинный и не под очеретною, как у многих окружающих помещиков, но под деревянную крышею. Два анбара в дворе тоже под деревянную крышею; ворота дубовые. Иван Федорович похож был на того франта, который, захав на бал, видит всех, куда ни оглянется, одетых щеголеватее его. Из почтения он остановил свой возок возле анбара и подошел пешком к крыльцу.

— А! Иван Федорович! — закричал толстый Григорий Григорьевич, ходивший по двору в сюртуке, но без галстука, жилета и подтяжек. Однако ж и этот наряд, казалось, обременял его тучную ширину, потому что пот катился с него градом. — Что ж вы говорили, что сейчас, как только увидите с тетушкой, приедете, да и не приехали? — После сих слов губы Ивана Федоровича встретили те же самые знакомые подушки.

— Большею частью занятия по хозяйству... Я-с приехал к вам на минутку, собственно по делу...

— На минутку? Вот этого-то не будет. Эй, хлопче! — закричал толстый хозяин, и тот же самый мальчик в козацкой свитке выбежал из кухни. — Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчас запер, слышишь, запер крепче! А коней вот этого пана распрег бы сию минуту! Прошу в комнату; здесь такая жара, что у меня вся рубашка мокра.

Иван Федорович, вошедши в комнату, решил не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, наступать решительно.

— Тетушка имела честь... сказывала мне, что дарственная запись покойного Степана Кузмича...

Трудно изобразить, какую неприятную мину сделало при этих словах обширное лицо Григория Григорьевича. «Ей-богу, ничего не слышу! — отвечал он. — Надобно вам сказать, что у меня в левом ухе сидел таракан. В русских избах проклятые кацапы везде поразводили тараканов. Невозможно описать никаким пером, что за мучение было. Так вот и щекочет, так и щекочет. Мне помогла уже одна старуха самым простым средством...»

— Я хотел сказать... — осмелился прервать Иван Федорович,

видя, что Григорий Григорьевич с умыслом хочет поворотить речь на другое, — что в завещании покойного Степана Кузмича упоминается, так сказать, о дарственной записи... по ней следует мне...

— Я знаю, это вам тетушка успела наговорить. Это ложь, ей-богу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не делал. Хотя, правда, в завещании и упоминается о какой-то записи; но где же она? Никто не представил ее. Я вам это говорю потому, что искренно желаю вам добра. Ей-богу, это ложь!

Иван Федорович замолчал, рассуждая, что, может быть, и в самом деле тетушке так только показалось.

— А вот идет сюда матушка с сестрами! — сказал Григорий Григорьевич, — следовательно обед готов. Пойдемте! — При сем он потащил Ивана Федоровича за руку в комнату, в которой стояли на столе водка и закуски.

В то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейник в чепчике, с двумя барышнями — белокурой и черноволосой. Иван Федорович, как воспитанный кавалер, подошел сначала к старушкиной ручке, а после к ручкам обеих барышень.

— Это, матушка, наш сосед, Иван Федорович Шпонька! — сказал Григорий Григорьевич.

Старушка смотрела пристально на Ивана Федоровича, или, может быть, только казалась смотревшею. Впрочем, это была совершенная доброта. Казалось, она так и хотела спросить Ивана Федоровича: сколько вы на зиму насоливаете огурцов?

— Вы водку пили? — спросила старушка.

— Вы, матушка, верно, не выпались, — сказал Григорий Григорьевич, — кто ж спрашивает гостя, пил ли он? Вы потчевайте только; а пили ли мы, или нет, это наше дело, Иван Федорович! прошу, золототысячниковой или трохимовской сивушки, какой вы лучше любите? Иван Иванович, а ты что стоишь? — произнес Григорий Григорьевич, оборотившись назад, и Иван Федорович увидел подходившего к водке Ивана Ивановича, в долгополом сюртуке с огромным стоячим воротником, закрывавшим весь его затылок так, что голова его сидела в воротнике, как будто в бричке. Иван Иванович подошел к водке, потер руки, рассмотрел хорошенько рюмку, налил, поднес к свету; вылил разом из рюмки всю водку в рот, но не проглатывая, пополоскал ею хорошенько во рту, после чего уже проглотил; и, закусивши хлебом с солеными опенками, оборотился к Ивану Федоровичу.

— Не с Иваном ли Федоровичем господином Шпонькою имею честь говорить?

— Так точно-с, — отвечал Иван Федорович.

— Очень много изволили перемениться с того времени, как я вас знаю. Как же, — продолжал Иван Иванович, — я еще помню вас вот какими! — При этом поднял он ладонь на аршин от пола. — Покойный батюшка ваш, дай Боже ему царствие небесное, редкий был человек. Арбузы и дыни всегда бывали у него такие, каких теперь нигде не найдете. Вот хоть бы и тут, — продолжал он, отводя его в сторону, — подадут вам за столом дыни. Что за дыни? Смотреть не хочется! Верите ли, милостивый государь, что у него были арбузы, — произнес он с таинственным видом, расставляя руки, как будто бы хотел обхватить толстое дерево, — ей-богу, вот какие!

— Пойдемте за стол! — сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана Федоровича за руку. Все вышли в столовую. Григорий Григорьевич сел на обыкновенном своем месте, в конце стола, завесившись огромною салфеткою и походя в этом виде на тех героев, которых рисуют цирюльники на своих вывесках. Иван Федорович, краснея, сел на указанное ему место против двух барышень; а Иван Иванович не преминул поместиться возле него, радуясь душевно, что будет кому сообщать свои познания.

— Вы напрасно взяли куприк, Иван Федорович! Это индейка! — сказала старушка, обратившись к Ивану Федоровичу, которому в это время поднес блюдо деревенский официант в сером фраке с черною заплатою. — Возьмите спинку!

— Матушка! ведь вас никто не просит мешаться! — произнес Григорий Григорьевич. — Будьте уверены, что гость сам знает, что ему взять! Иван Федорович, возьмите крылышко, вон другое, с пупком! Да что ж вы так мало взяли? Возьмите стегнушко! Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: Иван Федорович, возьмите стегнушко!

— Иван Федорович, возьмите стегнушко! — проревел, став на колени, официант с блюдом.

— Гм, что это за индейки! — сказал вполголоса Иван Иванович с видом пренебрежения, оборотившись к своему соседу. — Такие ли должны быть индейки! Если бы вы увидели у меня индеек! Я вас уверяю, что жиру в одной больше, чем в десятке таких, как эти. Верите ли, государь мой, что даже противно смотреть, когда ходят они у меня по двору, так жирны!..

— Иван Иванович, ты лжешь! — произнес Григорий Григорьевич, вслушавшись в его речь.

— Я вам скажу, — продолжал все так же своему соседу Иван Иванович, показывая вид, будто бы он не слышал слов Григорья Григорьевича, — что прошлый год, когда я отправлял их в Гадяч, давали по пятидесяти копеек за штуку, и то еще не хотел брать.

— Иван Иванович, я тебе говорю, что ты лжешь! — произнес Григорий Григорьевич, для лучшей ясности, по складам, и громче прежнего.

Но Иван Иванович, показывая вид, будто это совершенно относилось не к нему, продолжал так же, но только гораздо тише: «именно, государь мой, не хотел брать. В Гадяче ни у одного помещика...»

— Иван Иванович! ведь ты глуп, и больше ничего, — громко сказал Григорий Григорьевич. — Ведь Иван Федорович знает все это лучше тебя и, верно, не поверит тебе.

Тут Иван Иванович совершенно обиделся, замолчал и принялся убирать индейку, несмотря на то, что она не так была жирна, как те, на которые противно смотреть.

Стук ножей, ложек и тарелок заменил на время разговор; но громче всего слышалось высмактывание Григорием Григорьевичем мозгу из бараньей кости.

— Читали ли вы, — спросил Иван Иванович, после некоторого молчания, высовывая голову из своей брочки к Ивану Федоровичу, — книгу «Путешествие Коробейникова ко святым местам»? Истинное услаждение души и сердца! Теперь таких книг не печатают. Очень сожалательно, что не посмотрел, которого году.

Иван Федорович, услышавши, что дело идет о книге, прилежно начал набирать себе соусу.

— Истинно удивительно, государь мой, как подумаешь, что простой мещанин прошел все места эти. Более трех тысяч верст, государь мой! Более трех тысяч верст! Подлинно, его сам Господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме.

— Так вы говорите, что он, — сказал Иван Федорович, который много наслышался о Иерусалиме еще от своего денщика, — был и в Иерусалиме!..

— О чем вы говорите, Иван Федорович? — произнес с конца стола Григорий Григорьевич.

— Я, то есть, имел случай заметить, что какие есть на свете далекие страны! — сказал Иван Федорович, будучи сердечно доволен тем, что выговорил столь длинную и трудную фразу.

— Не верьте ему, Иван Федорович! — сказал Григорий Григорьевич, не вслушавшись хорошенько, — все врет!

Между тем обед кончился. Григорий Григорьевич отправился в свою комнату, по обыкновению, немножко всхрапнуть; а гости пошли вслед за старушкою хозяйкою и барышнями в гостиную, где тот самый стол, на котором оставили они, выходя обедать, водку, как бы превращением каким, покрылся блюдечками с вареньем разных сортов и блюдами с арбузами, вишнями и дынями. Отсутствие Григория Григорьевича заметно было во всем: хозяйка сделалась словоохотнее и открывала сама, без просьбы, множество секретов насчет делания пастилы и сушения груш. Даже барышни стали говорить; но белокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было около двадцати пяти лет, была молчаливее. Но более всех говорил и действовал Иван Иванович. Будучи уверен, что его теперь никто не собьет и не смешает, он говорил и об огурцах и о посеве картофеля, и о том, какие в старину были разумные люди, куда против теперешних, и о том, как все, чем далее, умнеет и доходит к выдумыванию мудрейших вещей. Словом, это был один из числа тех людей, которые с величайшим удовольствием любят позаняться услаждающим душу разговором и будут говорить обо всем, о чем только можно говорить. Если разговор касался важных и благочестивых предметов, то Иван Иванович вздыхал после каждого слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственных, то высовывал голову из своей брички и делал такие мины, глядя на которые, кажется, можно было прочесть, как нужно делать грушевый квас, как велики те дыни, о которых он говорил, и как жирны те гуси, которые бегают у него по двору. Наконец, с великим трудом, уже ввечеру, удалось Ивану Федоровичу распрощаться, и, несмотря на свою сговорчивость и на то, что его насильно оставляли ночевать, он устоял-таки в своем намерении ехать, и уехал.

V

Новый замысел тетушки

— Ну, что, выманил у старого лиходея запись? — Таким вопросом встретила Ивана Федоровича тетушка, которая с нетерпением дождалась его уже несколько часов на крыльце и не вытерпела наконец, чтобы не выбежать за ворота.

— Нет, тетушка! — сказал Иван Федорович, слезая с повозки. — У Григория Григорьевича нет никакой записи.

— И ты поверил ему! Врет он, проклятый! Когда-нибудь попаду, право, поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочем, нужно наперед поговорить с нашим подсудком, нельзя ли

судом с него стробовать... Но не об этом теперь дело. Ну, что ж, обед был хороший?

— Очень... да, весьма, тетушка.

— Ну, какие ж были кушанья? Расскажи. Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней.

— Сырники были со сметаной, тетушка. Соус с голубями, начиненными...

— А индейка со сливами была? — спросила тетушка, потому что сама была большая искусница готовить это блюдо.

— Была и индейка!.. Весьма красивые барышни, сестрицы Григория Григорьевича, особенно белокурая!

— А! — сказала тетушка и посмотрела пристально на Ивана Федоровича, который, покраснев, потупил глаза в землю. Новая мысль быстро промелькнула в ее голове. — Ну, что ж? — спросила она с любопытством и живо, — какие у ней брови? — Не мешаает заметить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины в бровях.

— Брови, тетушка, совершенно-с такие, какие, вы рассказывали, в молодости были у вас. И по всему лицу небольшие веснушки.

— А! — сказала тетушка, будучи довольна замечанием Ивана Федоровича, который однако ж не имел и в мыслях сказать этим комплимент. — Какое же было на ней платье? хотя, впрочем, теперь трудно найти таких плотных материй, какая, вот хоть бы, например, у меня на этом капоте. Но не об этом дело. Ну, что ж, ты говорил о чем-нибудь с нею?

— То есть, как... я-с, тетушка? Вы, может быть, уже думаете...

— А что ж, что тут диковинного? так Богу угодно! Может быть, тебе с нею на роду написано жить парочкою.

— Я не знаю, тетушка, как вы можете это говорить. Это доказывает, что вы совершенно не знаете меня...

— Ну, вот уже и обиделся! — сказала тетушка. «*Ще молода дитына!* — подумала она про себя, — ничего не знает! Нужно их свести вместе, пусть познакомятся!» Тут тетушка пошла заглянуть в кухню и оставила Ивана Федоровича. Но с этого времени она только и думала о том, как увидать скорее своего племянника женатым и понычнить маленьких внучков. В голове ее громоздились одни только приготовления к свадьбе, и заметно было, что она во всех делах суетилась гораздо более, нежели прежде, хотя, впрочем, эти дела более шли хуже, нежели лучше. Часто, делая какое-нибудь пирожное, которое вообще она никогда не доверяла кухарке, она, позабывшись и воображая, что возле нее стоит маленькой внучек, просящий пирога,

рассеянно протягивала к нему руку с лучшим куском, а дворовая собака, пользуясь этим, схватывала лакомый кусок и своим громким чваканьем выводила ее из задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою. Даже оставила она любимые свои занятия и не ездила на охоту, особенно когда вместо куропатки застрелила ворону, чего никогда прежде с нею не бывало.

Наконец, спустя дня четыре после этого, все увидели выкаченную из сарая на двор бричку. Кучер Омелько, он же и огородник и сторож, еще с раннего утра стучал молотком и приколачивал кожу, отгоняя беспрестанно собак, лизавших колеса. Долгом почитаю предупредить читателей, что это была именно та самая бричка, в которой еще ездил Адам; и потому, если кто будет выдавать другую за адамовскую, то это сушая ложь, и бричка непременно поддельная. Совершенно неизвестно, каким образом спаслась она от потопа. Должно думать, что в Новом ковчеге был особенный для нее сарай. Жаль очень, что читателям нельзя описать живо ее фигуры. Довольно сказать, что Василиса Кашпоровна была очень довольна ее архитектурою; и всегда изъявляла сожаление, что вывелись из моды старинные экипажи. Самое устройство брички немного набок, то есть так, что правая сторона ее была гораздо выше левой, ей очень нравилось, потому что с одной стороны может, как она говорила, влезать малорослый, а с другой великорослый. Впрочем, внутри брички могло поместиться штук пять малорослых и трое таких, как тетушка. Около полудня Омелько, управившись около брички, вывел из конюшни тройку лошадей немного чем моложе брички и начал привязывать их веревкою к величественному экипажу. Иван Федорович и тетушка, один с левой стороны, другая с правой, влезли в бричку, и она тронулась. Попадавшиеся на дороге мужики, видя такой богатый экипаж (тетушка очень редко выезжала в нем), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись в пояс. Часа через два кибитка остановилась пред крыльцом, думаю, не нужно говорить: пред крыльцом дома Сторченка. Григория Григорьевича не было дома. Старушка с барышнями вышла встретить гостей в столовую. Тетушка подошла величественным шагом, с большою ловкостью оставила одну ногу вперед и сказала громко:

— Очень рада, государыня моя, что имею честь лично доложить вам мое почтение. А вместе с респектом позвольте поблагодарить за хлебосольство ваше к племяннику моему Ивану Федоровичу, который много им хвалится. Прекрасная у вас гречиха, сударыня! я видела ее, подъезжая к селу. А позвольте узнать, сколько коп вы получаете с десятины?

После сего последовало всеобщее лобызание. Когда же уселись в гостиной, то старушка хозяйка начала:

— Насчет гречихи я не могу вам сказать: это часть Григория Григорьевича. Я уже давно не занимаюсь этим; да и не могу: уже стара! В старину у нас, бывало, я помню, гречиха была по пояс, теперь Бог знает что; хотя, впрочем, и говорят, что теперь все лучше. — Тут старушка вздохнула; и какому-нибудь наблюдателю послышался бы в этом вздохе вздох старинного осмнадцатого столетия.

— Я слышала, моя государыня, что у вас собственные ваши девки отличные умеют выделывать ковры, — сказала Василиса Кашпоровна и этим задела старушку за самую чувствительную струну. При этих словах она как будто оживилась, и речи у нее полились о том, как должно красить пряжу, как готовить для этого нитку. С ковров быстро съехал разговор на соленье огурцов и сушение груш. Словом, не прошло часу, как обе дамы так разговорились между собою, будто век были знакомы. Василиса Кашпоровна многое уже начала говорить с нею таким тихим голосом, что Иван Федорович ничего не мог расслушать.

— Да не угодно ли посмотреть? — сказала, вставая, старушка хозяйка. За нею встали барышни, и Василиса Кашпоровна и все потянулись в девичью. Тетушка однако ж дала знак Ивану Федоровичу остаться и сказала что-то тихо старушке.

— Машинька! — сказала старушка, обращаясь к белокурой барышне, — останься с гостем, да поговори с ним, чтобы гостю не было скучно!

Белокурая барышня осталась и села на диван. Иван Федорович сидел на своем стуле, как на иголках, краснел и потуплял глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замечала и равнодушно сидела на диване, рассматривая прилежно окна и стены или следя глазами за кошкою, трусливо пробегавшею под стульями.

Иван Федорович немного ободрился и хотел было начать разговор; но казалось, что все слова свои растерял он на дороге. Ни одна мысль не приходила на ум.

Молчание продолжалось около четверти часа. Барышня все так же сидела.

Наконец Иван Федорович собрался с духом: «Летом очень много мух, сударыня!» — произнес он полудрожащим голосом.

— Чрезвычайно много! — отвечала барышня. — Братец нарочно сделал хлопашку из старого маменькиного башмака; но все еще очень много.

Тут разговор опять прекратился, и Иван Федорович никаким образом уже не находил речи.

Наконец хозяйка с тетушкой и чернявою барышнею возвратилась. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпоровна распростилась с старушкой и барышнями, несмотря на все приглашения остаться ночевать. Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшим из брочки тетушке и племяннику.

— Ну, Иван Федорович! о чем же вы говорили вдвоем с барышнею? — спросила дорогою тетушка.

— Весьма скромная и благонравная девица Марья Григорьевна! — сказал Иван Федорович.

— Слушай, Иван Федорович! я хочу поговорить с тобою сурьезно. Ведь тебе, славу Богу, тридцать осмой год. Чин ты уже имеешь хороший. Пора подумать и об детях! Тебе непременно нужна жена...

— Как, тетушка! — вскричал испугавшись Иван Федорович. — Как, жена! Нет-с, тетушка, сделайте милость... Вы совершенно в стыд меня приводите... я еще никогда не был женат... Я совершенно не знаю, что с нею делать!

— Узнаешь, Иван Федорович, узнаешь, — промолвила, улыбаясь, тетушка и подумала про себя: *«куда ж! ще зовсим молода дитына, ничего не знает!»* — Да, Иван Федорович! — продолжала она вслух, — лучшей жены нельзя сыскать тебе, как Марья Григорьевна. Тебе же она притом очень понравилась. Мы уже насчет этого много переговорили с старухою: она очень рада видеть тебя своим зятем; еще неизвестно, правда, что скажет этот греходей Григорьевич. Но мы не посмотрим на него, и пусть только он вздумает не отдать приданого, мы его судом... — В это время брочка подъехала к двору, и древние клячи ожили, чуя близкое стойло. — Слушай, Омелько! коням дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчас распрегши к водопою: они лошади горячие. Ну, Иван Федорович, — продолжала, вылезая, тетушка, — я советую тебе хорошенько подумать об этом. Мне еще нужно забежать в кухню, я позабыла Солохе заказать ужин, а она, негодная, я думаю, сама и не подумала об этом.

Но Иван Федорович стоял, как будто громом огушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!.. это казалось ему так странно, так чудно, что он никак не мог подумать без страха. Жить с женою!.. непонятно! Он не один будет в своей комнате, но их должно быть везде двое!.. Пот проступал у него на лице по мере того, чем более углублялся он в размышление.

Ранее обыкновенного лег он в постель, но, несмотря на все старания, никак не мог заснуть. Наконец желанный сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его; но какой сон! еще несвязнее сновидений он никогда не видывал. То снилось ему, что вокруг него всё шумит, вертится. А он бежит, бежит, не чувствует под собою ног... вот уже выбивается из сил... Вдруг кто-то хватает его за ухо. «Ай! кто это?» — «Это я, твоя жена!» — с шумом говорил ему какой-то голос; и он вдруг пробуждался. То представлялось ему, что он уже женат, что все в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит, вместо одинокой, двойная кровать. На стуле сидит жена. Ему странно; он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею; и замечает, что у нее гусиное лицо. Нечаянно поворачивается он в сторону и видит другую жену, тоже с гусиным лицом. Поворачивается в другую сторону — стоит третья жена. Назад — еще одна жена. Тут его берет тоска. Он бросился бежать в сад; но в саду жарко. Он снял шляпу, видит: и в шляпе сидит жена. Пот выступил у него на лице. Полез в карман за платком — и в кармане жена; вынул из уха хлопчатую бумагу — и там сидит жена... То вдруг он прыгал на одной ноге; а тетушка, глядя на него, говорила с важным видом: «Да, ты должен прыгать потому, что ты теперь уже женатый человек». Он к ней — но тетушка уже не тетушка, а колокольня. И чувствует, что его кто-то тащит веревкою на колокольню. «Кто это тащит меня?» — жалобно проговорил Иван Федорович. «Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты колокол». — «Нет, я не колокол, я Иван Федорович!» — кричал он. «Да, ты колокол», — говорил, проходя мимо, полковник П*** пехотного полка. То вдруг снилось ему, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя. Что он в Могилеве приходит в лавку к купцу. «Какой прикажете материи?» — говорит купец. — Вы возьмите жены, это самая модная материя! очень добротная! из нее все теперь шьют себе сюртуки». Купец меряет и режет жену. Иван Федорович берет под мышку, идет к жи-ду, портному. «Нет, — говорит жид, — это дурная материя! из нее никто не шьет себе сюртука...» В страхе и беспамятстве просыпался Иван Федорович. Холодный пот лился с него градом.

Как только встал он поутру, тотчас обратился к гадательной книге, в конце которой один добродетельный книгопродавец, по своей редкой доброте и бескорыстию, поместил сокращенный снотолкователь. Но там совершенно не было ничего, даже хотя немного похожего на такой бессвязный сон.

Между тем в голове тетушки созрел совершенно новый замысел, о котором узнаете в следующей главе.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

Быль,
*рассказанная дьячком ***ской церкви*

Ей-богу, уже надоело рассказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: рассказывай, да и рассказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я расскажу, только, ей-ей, в последний раз. Да, вот вы говорили насчет того, что человек может совладать, как говорят, с нечистым духом. Оно, конечно, то есть, если хорошенько подумать, бывают на свете всякие случаи... Однако ж не говорите этого. Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей-богу, обморочит! Вот извольте видеть: нас всех у отца было четверо. Я тогда был еще дурень. Все-го мне было лет одиннадцать; так нет же не одиннадцать: я помню как теперь, когда раз побежал было на четверенках и стал лаять по-собачьи, батько закричал на меня, покачав головою: «Эй, Фома, Фома! тебя женить пора, а ты дуреешь, как молодой лошак!» Дед был еще тогда жив, и на ноги, пусть ему легко икнется на том свете, довольно крепок. Бывало, вздумает... Да что ж эдак рассказывать? Один выгребает из печки целый час уголь для своей трубки, другой зачем-то побежал за комору. Что в самом деле!.. Добро бы поневоле, а то ведь сами же напросились. Слушать, так слушать! Батько еще в начале весны повез в Крым на продажу табак. Не помню только, два или три воза снарядил он. Табак был тогда в цене. С собою взял он трех годового брата приучать заранее чумаковать. Нас осталось: дед, мать, я, да брат, да еще брат. Дед засеял баштан на самой дороге и перешел жить в курень; взял и нас с собою гонять воробьев и сорок с баштану. Нам это было, нельзя сказать, чтобы худо. Бывало, наешься в день столько огурцов, дынь, репы, цыбули, гороху, что в животе, ей-богу, как будто петухи кричат. Ну, оно притом же и прибыльно. Проезжие толкуются по дороге, всякому захочется полакомиться арбузом или дынею. Да из окрестных хуторов, бывало, нанесут на обмен кур, яиц, индеек. Житье было хорошее. Но деду более всего любо было то, что чумаков

каждой день воез пятьдесят проедет. Народ, знаете, бывалый: пойдет рассказывать — только уши развешивай! А деду это все равно, что голодному галушки. Иной раз, бывало, случится встреча с старыми знакомыми, деда всякой уже знал, можете посудить сами, что бывает, когда соберется старье. Тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... Ну, и разольются! вспомнят, Бог знает, когдашнее. Раз, ну вот, право, как будто теперь случилось, солнце стало уже садиться; дед ходил по баштану и снимал с кавунов листья, которыми прикрывал их днем, чтоб не попеклись на солнце. «Смотри, Остап! — говорю я брату, — вон чумаки едут!» — «Где чумаки?» — сказал дед, положивши значок на большой дыне, чтобы на случай не съели хлопцы. По дороге тянулось, точно, воез шесть. Впереди шел чумаки уже с сизыми усами. Не дошедши шагов — как бы вам сказать — на десять, он остановился. «Здорово, Максим! Вот привел Бог где увидеться!» Дед прищурил глаза: «А! здорово, здорово! откуда Бог несет? И Болячка здесь? здорово, здорово брат. Что за дьявол! да тут все: и Крутотрыщенко! и Печерыця! и Ковелек! и Стецько! здорово! А, га, га! го, го!..» — и пошли целоваться! Волон распрягли и пустили пастись на траву. Воез оставили на дороге; а сами сели все в кружок впереди куреня и закурили люльки. Но куда уже тут до люлек? за рассказами, да за раздобарами вряд ли и по одной досталось. После полдника стал дед потчевать гостей дынями. Вот каждый, взявши по дыне, обчистил ее чистенько ножиком (калачи все были тертые, мыкали не мало, знали уже, как едят в свете; пожалуй и за панской стол, хоть сейчас, готовы есть); обчистивши хорошенько, проткнул каждый пальцем дырочку, выпил из нее кисель, стал резать по кусочкам и класть в рот. «Что ж вы, хлопцы, — сказал дед, — рты свои разинули? танцуйте, собачьи дети! Где, Остап, твоя сопилка? А ну-ка козачка! Фома, берись в боки! ну! вот так! Гей, гоп!» Я был тогда мальи подвижной. Старость проклятая! теперь уже не пойду так; вместо всех выкрутасов, ноги только спотыкаются. Долго глядел дед на нас, сидя с чумаками. Я замечаю, что у него ноги не постоят на месте: так, как будто их что-нибудь дергает. «Смотри, Фома, — сказал Остап, — если старый хрен не пойдет танцевать!» Что ж вы думаете? не успел он сказать — не вытерпел старичина! захотелось, знаете, прихвастнуть пред чумаками. «Вишь, чертовы дети! разве так танцуют? Вот как танцуют!» — сказал он, поднявшись на ноги, протянув руки и ударив каблуками. Ну, нечего сказать, танцевать-то он танцевал так, хоть бы и с гетманшею. Мы посторонились, и пошел хрен вывертывать ногами по всему гладкому месту, которое было возле грядки с огурцами. Только что дошел однако ж до половины

и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, не поднимаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошел до середины — не берет! что хочь делай: не берет, да и не берет! ноги, как деревянные, стали. «Вишь, дьявольское место! вишь, сатанинское навождение! впутается же Ирод, враг рода человеческого!» Ну, как наделать страму перед чумаками? Пустился снова и начал чесать дробно, мелко, любо глядеть; до середины — нет! не вытанцывается, да и полно! «А, шельмовский сатана! чтоб ты подавился гнилою дынею! чтоб еще маленьким издохнул, собачий сын! вот на старость наделал стыда какого!» — и в самом деле сзади кто-то засмеялся. Оглянулся: ни баштану, ни чумаков, ничего; назади, впереди, по сторонам гладкое поле. «Э! ссс... вот тебе на!» Начал прищуривать глаза — место, кажись, не совсем незнакомое: сбоку лес, из-за леса торчал какой-то шест и виделся прочь-далеко в небе. Что за пропасть: да это голубятня, что у попа в огороде! С другой стороны тоже что-то сереет; взгляделся: гумно волостного писаря. Вот куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругом, наткнулся он на дорожку. Месяца не было; белое пятно мелькало вместо него сквозь тучу. «Быть завтра большому ветру!» — подумал дед. Глядь, в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка. Вишь! Стал дед и руками подперся в боки, и глядит: свечка потухла, вдали и немного подалее загорелась другая. «Клад! — закричал дед. — Я ставлю Бог знает что, если не клад!» — и уже поплевал было в руки, чтобы копать, да спохватился, что нет при нем ни заступа, ни лопаты. «Эх, жаль! ну, кто знает, может быть, стоит только поднять дерн, а он тут и лежит, голубчик! Нечего делать, назначить по крайней мере место, чтобы не позабыть после!» Вот, перетянувши сломенную, видно, вихрем порядочную ветку дерева, навалил он ее на ту могилку, где горела свечка, и пошел по дорожке. Молодой дубовый лес стал редеть; мелькнул плетень. «Ну, так! не говорил ли я, — подумал дед, — что это попова левада. Вот и плетень его! теперь и версты нет до баштана». Поздненько однако ж пришел он домой и галушек не захотел есть. Разбудивши брата Остапа, спросил только, давно ли уехали чумаки, и завернулся в тулуп. И когда тот начал было спрашивать: «а куда тебя, дед, черти дели сегодня?» — «Не спрашивай, — сказал он, завертываясь еще крепче, — не спрашивай, Остап; не то поседеешь!» — и захрапел так, что воробьи, которые забрались было на баштан, поподымались с перепугу на воздух. Но где уж там ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестия, дай Боже ему царствие небесное! умел отделаться всегда. Иной раз такую запоет песню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться в поле, дед надел свитку, подпоясался, взял под мышку заступ и лопату, надел на голову шапку, выпил кухоль сировцу, утер губы полою, и пошел прямо к попову огороду. Вот минул и плетень, и низенький дубовый лес. Промеж деревьев вьется дорожка и выходит в поле. Кажись, та самая. Вышел и на поле: место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит; но гумна не видно. «Нет, это не то место. То, стало быть, подалее; нужно, видно, поворотить к гумну!» Поворотил назад, стал идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нет! Опять поворотил поближе к голубятне — гумно спряталось. В поле, как нарочно, стал накрапывать дождик. Побежал снова к гумну — голубятня пропала; к голубятне — гумно пропало. «А чтоб ты, проклятый сатана, не дождал детей своих видеть!» А дождь пустился, как будто из ведра. Вот, скинувши новые сапоги и обвернувши в хустку, чтобы не покорибились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панской иноходец. Влез в курень, промокши насквозь, накрылся тулупом и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубливать черта такими словами, каких я еще от роду не слыхивал. Признаюсь, я бы, верно, покраснел, если бы случилось это среди дня. На другой день проснулся, смотрю: уже дед ходит по баштану, как ни в чем не бывало, и прикрывает лопухом арбузы. За обедом опять старичина разговорился, стал пугать меньшего брата, что он обменяет его на кур вместо арбуза; а пообедавши сделал сам из дерева пищик и начал на нем играть; и дал нам, забавляться, дыню, свернувшуюся в три погибели, словно змею, которую называл он турецкою. Теперь таких дынь я нигде и не видывал. Правда, семена ему что-то издалека достались. Ввечеру, уже повечерявши, дед пошел с заступом прокопать новую грядку для поздних тыкв. Стал проходить мимо того заколдованного места, не вытерпел, чтобы не проворчать сквозь зубы: «проклятое место!» взошел на середину, где не вытанцовывалось позавчера, и ударил в сердцах заступом. Глядь, вокруг него опять то же самое поле: с одной стороны торчит голубятня, а с другой гумно. «Ну, хорошо, что догадался взять с собою заступ. Вон и дорожка! вон и могилка стоит! вон и ветка навалена! вон-вон горит и свечка! как бы только не ошибиться». Потихоньку побежал он, поднявши заступ вверх, как будто бы хотел им потчевать кабана, затесавшегося на баштан, и остановился перед могилою. Свечка погасла; на могиле лежал камень, заросший травой. «Этот камень нужно поднять!» — подумал дед и начал обкапывать его со всех сторон. Велик проклятой камень! вот, однако ж, упершись крепко ногами в землю, пихнул он его с могилы. «Гу!» — пошло по

долине. «Туда тебе и дорога! Теперь живее пойдет дело». Тут дед остановился, достал рожок, насыпал на кулак табаку и готовился было поднести к носу, как вдруг над головою его — «чихи!» чихнуло что-то так, что покачнулись деревья и деду забрызгало все лицо. «Отворотился хоть бы в сторону, когда хочешь чихнуть!» — проговорил дед, протирая глаза. Осмотрелся — никого нет. «Нет, не любит, видно, черт табаку! — продолжал он, кладя рожок в пазуху и принимаясь за заступ. — Дурень же он, а такого табаку ни деду, ни отцу его не доводилось нюхать!» Стал копать — земля мягкая, заступ так и уходит. Вот что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидел он котел. «А, голубчик! вот где ты!» — вскрикнул дед, подсовывая под него заступ. «А, голубчик, вот где ты!» — запищал птичий нос, клюнувши котел. Посторонился дед и выпустил заступ. «А, голубчик, вот где ты!» — заблеяла баранья голова с верхушки дерева. «А, голубчик, вот где ты!» — заревел медведь, высунувши из-за дерева свое рыло. Дрожь проняла деда. «Да тут страшно слово сказать!» — проворчал он про себя. «Тут страшно слово сказать!» — пискнул птичий нос. «Страшно слово сказать!» — заблеяла баранья голова. «Слово сказать!» — ревнол медведь. «Гм...» — сказал дед, и сам перепугался. «Гм!» — пропищал нос. «Гм!» — проблеял баран. «Гум!» — заревел медведь. Со страхом оборотился он: Боже ты мой, какая ночь! ни звезд, ни месяца; вокруг провалы; под ногами круча без дна; над головою свесилась гора и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него! и чудится деду, что из-за нее мигает какая-то харя: у! у! нос как мех в кузнице; ноздри — хоть по ведру воды влей в каждую! губы, ей-богу, как две колоды! красные очи выкатились наверх, и еще и язык высунула, и дразнит! «Черт с тобою! — сказал дед, бросив котел. — На тебе и клад твой! Экая мерзостная рожа!» — и уже ударился было бежать, да огляделся и стал, увидевши, что все было по-прежнему. «Это только пугает нечистая сила!» Принялся снова за котел — нет, тяжел! Что делать? Тут же не оставит! Вот, собравши все силы, ухватился он за него руками: «ну, разом, разом! еще, еще!» — и выгашил! «Ух! Теперь понюхать табаку!» Достал рожок; прежде однако ж, чем стал насыпать, осмотрелся хорошенько, нет ли кого: кажись, что нет; но вот чудится ему, что пень дерева пыхтит и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, нос поморщился, и вот, так и собирается чихнуть. «Нет, не понюхаю табаку! — подумал дед, спрятавши рожок, — опять заплывает сатана очи!» Схватил скорее котел и давай бежать, сколько доставало духу; только слышит, что сзади что-то так и чешет прутьями по ногам...

«Ай! ай, ай!» — покрикивал только дед, ударив во всю мочь; и как добежал до попова огорода, тогда только перевел немного дух.

«Куда это зашел дед?» — думали мы, дожидаясь часа три. Уже с хутора давно пришла мать и принесла горшок горячих галушек. Нет, да и нет деда! Стали опять вечерять сами. После вечера вымыла мать горшок и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокруг все были гряды, как видит, идет прямо к ней навстречу кухва. На небе было-таки темненько. Верно, кто-нибудь из хлопцев, шаяля, спрятался сзади и подталкивает ее. «Вот кстати, сюда вылить помои!» — сказала и вылила горячие помои. «Ай!» — закричало басом. Глядь — дед. Ну, кто его знает! Ей-богу, думали, что бочка лезет. Признаюсь, хоть оно и грешно немного, а право, смешно показалось, когда седая голова деда вся была окунута в помои и обвешана корками с арбузов и дыней. «Вишь, чертова баба! — сказал дед, утирая голову полою, — как опарила! как будто свинью перед Рождеством! Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вам принес!» — сказал дед и открыл котел. Что ж бы, вы думали, такое там было? ну, по малой мере, подумавши хорошенько, а? золото? вот то-то, что не золото: сор, дряг... стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котел, и руки после того вымыл.

И с той поры заклял дед и нас верить когда-либо черту. «И не думайте! — говорил он часто нам, — все, что ни скажет враг Господа Христа, все солжет, собачий сын! У него правды и на копейку нет!» И, бывало, чуть только услышит старик, что в ином месте не спокойно: «а ну-те, ребята, давайте крестить! — закричит к нам, — так его! так его! хорошенько!» — и начнет класть кресты. А то проклятое место, где не выганцовалось, загородил плетнем, велел кидать все, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгребал из баштана. Так вот как морочит нечистая сила человека! Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батька под баштан соседние козаки. Земля славная! и урожай всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква, огурец не огурец... черт знает, что такое!

Приложение

ОПЕЧАТКИ

Не погневайтесь, господа, что в книжке этой больше ошибок, чем на голове моей седых волос. Что делать? Не доводилось никогда еще возиться с печатною грамотою. Чтоб тому тяжело икнулось, кто и выдумал ее! Смотришь, совсем как будто *Иже*; а приглядишься, или *Наш* или *Покой*. В глазах рябит так, как будто бы кто стал пересыпать перед тобою отруби.

Вот сколько насчитал я ошибок! Те слова, что выставлены тут в левом столбце, если встретятся где, то прошу недосматривать, так, как бы их там и не было, а читать, как они написаны в столбце с правой стороны.

Стран.	Строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
3	10	восемь сотъ	восемь соть
72	17	подбочинившись	подбоченившись
79	5	упросишь	упросишь
99	2	всего на всего	всего на все
113	9	ералашъ поднялся,	ѳралашъ поднялась,
137	12	теплого океана	теплого
148	14	Голова	Голова,
156	15	слыхаль	слышаль
158	3	притопывая на нихъ	притопывая
—	6	по приставали	прильнули
175	14	проведешъ	проведешь
—	19	параходъ	пароходъ
185	17	съ верху	сверху
186	1	съѣсть	сжечь
187	7	Богъ знаетъ	Богъ одинъ знаетъ
226	19	молвь	молвь.

Во многих местах, вместо утопленица, напечатано утопленница.

<Я ДАВНО УЖЕ НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЛ ВАМ...>

Я давно уже ничего не рассказывал вам. Признаться сказать, оно очень приятно, если кто станет что-нибудь рассказывать; если же выберется человек небольшого роста, с сиповатым баском, да и говорит ни слишком громко, ни слишком тихо¹, а так совершенно, как кот мурчит над ухом, то это такое наслаждение, что ни пером не описать, ни другим чем-нибудь не сделать. Это мне лучше нравится, нежели проливной дождик, когда сидишь в сенях на полу перед дверью на улице, поджавши под себя ноги, а он, голубчик², треплет <1 нрзб.> во весь дух солому на крыше, и деревенские бабы бегут босыми ногами, мило покрывшись своей рубахою по голову и схвативши под руку ч<еревики?>. Вы никогда не слышали про моего деда? Что это был за человек! с какими достоинствами! Я вам скажу, что таких людей я теперь нигде не отыскиваю...

¹ *Далее начато*: но ровно

² *В рукописи*: голубчик

Юношеские произведения

НЕПОГОДА

«Невесел ты?» — «Я весел был, —
Так говорю друзьям веселья, —
Но радость жизни пережил
И грусть зазвал на новоселье.
Я молод был и светлый взгляд
Был непечален, с тяжкой мукой
Не зналось сердце; темный сад
И голубое небо скукой
Не утомляли — я был рад...
Когда же вьюга бушевала
И гром гремел и дождь звенел
И небо плакало — грустнел
Тогда и я: слеза дрожала,
Как непогода плакал я...
Но небо ясно, гроза бежала —
И снова рад и весел я...
Теперь, как осень, вянет младость,
Угрюм; не веселится мне,
И я тоскую в тишине
И дик; и радость мне не радость».
Смеясь, мне говорят друзья:
«Зачем расплакался, — погода
И разгулялась и ясна;
И не темна, как ты, природа».
А я в ответ: «Мне все равно,
Как день, все измененья года;
Светло ль, темно ли, все одно.
Когда в сем сердце непогода».

Непогода

«Небеса, об. 2», «2. Восток обит»
Там вдали дымчатый туман:
Но радость души излучает
Воздух заставил на высоте.
Я слышу бред и шепот в тишине
Вид неслучайно и восторг души
Крылатый и восторг души
Моя
И

«2. Восток обит»
Там вдали дымчатый туман,
Но радость души излучает
Воздух заставил на высоте.
Я слышу бред и шепот в тишине
Вид неслучайно и восторг души
Крылатый и восторг души
Моя
И

И. С. С.

А также для всех любителей поэзии, или для
тех, кто хочет на се. Копии «Календарь»
И. С. С.

Стихотворение «Непогода». Автограф.
Одиннадцать неполных стихов вырезаны в форме сердца.
Российская государственная библиотека. Москва

< В АЛЬБОМ В.И.ЛЮБИЧА-РОМАНОВИЧА >

Свет скоро хладет в глазах мечтателя. Он видит надежды, его подстрекавшие, несбыточными (sic), ожидания неисполненными — и жар наслаждений отлетает от сердца... Он находится в каком-то состоянии безжизненности. Но счастлив, когда найдет цену воспоминанию о днях минувших, о днях счастливого детства, где он покинул рождавшиеся мечты будущности, где он покинул друзей, преданных ему сердцем.

Н.Гоголь.

Нежин
10 мая 1826

<КЛАССНЫЕ СОЧИНЕНИЯ>

О том, что требуется от критики

(Из теории словес <ности>)

Что́ требуется от критики? вот вопрос, которого решение слишком нужно, особливо в наши времена, когда благородная цель критики унижена несправедливыми притязаниями, личными выходками и часто обращается в позорную брань — первое следствие необразованности, отсутствие¹ истинного просвещения². — Первая, главная принадлежность, без которой критика не может существовать, это — беспристрастие; но нужно, чтобы оно правилось умом зорким, истинно просвещенным, могучим вполне отделить прекрасное от не изящного. Критика должна быть строга, чтобы тем более дать цены прекрасному, потому что просвещенной³ писатель не ищет безотчетной похвалы и славы, но требует, чтобы она была определена умом строгим и верно понявшим его мысль, его творение; она должна быть благоприс<тойна>⁴, чтобы и одно выражение оскорбительное не вкралось, через то⁵ уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентом водила какая-нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Следственно, отсутствие личности также необходимо для критики. Наконец, последнее: нужно, что⁶ пером рецензента, или критика правило истинное желание добра и пользы, оно должно отдушевлять⁷ все его изыскания и разборы и быть всегда его неизменным водителем, как высокий, божеский характер души просвещенного мыслителя.

¹ Так в рукописи

² Так в рукописи

³ Так в рукописи

⁴ Конец слова Гоголем не дописан

⁵ через то зачеркнуто профессором

⁶ что исправлено профессором на чтобы

⁷ Так в рукописи

**Изложить законные обряды апелляции,
как из низших инстанций в высшую
и в департамент сената
(Из Русского права)**

Когда недовольны решением присутственных мест нижших инстанций, тогда имеют право подавать прошение в инстанцию высшую — в Гражданскую Палату, в том, что дело их право и резолюция нижших инстанций несправедлива — это называется апелляциею. При внесении ее в Гражд<анскую> Палату нужно внести и пошлину исковых 12 рублей, после чего Гражданская Палата требует из нижней инстанций всё дело и решит сама. Но прежде еще внесения апелляции он должен внести в нижшую инстанцию 25 рублей в залог. Если недоволен и решением Гражданской Палаты, тогда имеет право апеллировать в Сенат, внесши в Гражд<анскую> Палату в залог 200 рублей. Вместе с апелляциею он представляет и сидетьство в том, что апелляционный иск производился в срок, положенный для сего. Сенат, взыскавши 12 пошлинных, принявши апелляцию и сидетьство, судит в собрании Сената единогласно; когда же нет, собирает чрезвычайное общее собрание, и решится большинством голосов, когда две трети согласны. — Но если генерал-прокурор не согласен с сенаторами, то от него требуют изложение причин, после чего он решит уже сам или обще с Государс. Советом.

**<Л. 1> В какое время делаются Славяне известны
по истории, где, когда и какими деяниями
они себя прославили до расселения своего
и какое их было расселение***

Трудно и почти невозможно отдернуть темной непроницаемый занавес Истории Первоначального⁸ происхождения Славян. Обширная Страна, известная в древности под именем Скифия потом Сарматия, Отечество Славян, была попеременно селима и опустошаема варварскими народами⁹. После Ужасных опустошений Свирепого Аттилы, Когда владычество гуннов было потрясено Уграми, венграми и

* В данном сочинении — единственном из юношеских произведений Гоголя, которое полностью печатается по авторскому автографу, — в отступление от принятых в издании принципов публикации беловых текстов, воспроизводятся все орфографические, пунктуационные и др. особенности оригинала (ред.).

⁸ Было: Первоначальности

⁹ народами вписано

Гимназический портрет Н.В.Гоголя.

Гравюра на дереве по оригиналу неизвестного художника. 1827.
Институт русской литературы (Пушкинский дом). Санкт-Петербург

Аварями, в XI веке начинают появляться Славяне.¹⁰ [Же]стокие, Зверские в войне но великодушные в мире Они скоро сделались ужасом¹¹ Греческой манархии С сего времени они почти беспрестанно громили ея провинции и самые стены Константинополя. Императоры¹² не отваживались входить с ними в неравную битву Самые великие Полководцы велизарей и Нарцес несмотря на свою доблесть и¹³ храбрость испытанную мало зделали; одно только золото Юстиниана могло умилоствить сих грозных неприятелей Но славяне в скором времени начали искать Жилищ Постоянных, часть из них заняла Земли дунайские другая подалась на север к Балтийскому морю где впоследствии основан Новгород. Разные именованя носили в это время Славяне по местам своего расселения Поселивш<иеся> по реке Бугу назывались Бужане, в лесах в дебрях Непроходимых жили Древяне <Л. 1 об.>, Поляне¹⁴ получили название от ровных и необъятных полей Своих. Радимичи и Вятичи от двух их Главных предводителей Радима Вятка, кроме того были известны под именем дреговичей дулебов, Северян обитавших в нынешней Черниговской губернии. Около сего времени¹⁵ Славяне Славилась Своим Гостеприимств<в>ом. Летописцы с восторгом повествуют о таковой их добродетели встретившегося путника пришедшего у них просить ночлега хотя был то сам неприятель принимали с радушием. Открывали даже дома свои во весь день когда уходили и Ставили на столе Хлеб для проходящих странников. Любили войну и Сохраняли вполне все рыцарские добродетели Были все рослы, Стройны, Имели волосы¹⁶ русые спадавшие кудрями по плечам Лицо были смуглы но не по природе:¹⁷ с ранних лет они уже загарали солнцем¹⁸ находясь вечно на Звериной ловле с XII когда норманы и другие Север народы известные под именем варяг распространили свой удалые разъезды по Берегам Балтийского моря и начали посещать Славян,¹⁹ они начали приметно улучшаться в образование ибо норма-

¹⁰ Далее зачеркнуто: в Начале

¹¹ Далее зачеркнуто: <1 нрзб.>

¹² Было: Юстиниан

¹³ Далее зачеркнуто: испы<танную?>

¹⁴ Далее зачеркнуто: от

¹⁵ Далее зачеркнуто: во время <1 нрзб.>

¹⁶ Было: кудри

¹⁷ Далее зачеркнуто: Целый день

¹⁸ солнцем вписано

¹⁹ Далее зачеркнуто: черес<?>

ны распространившиеся по всей Европе и видевши всё лучше Сообщили Славянам свое Знание Но²⁰ еще более упрочилось их Просвещение Со времени, Когда Письмена Принесенные в Моравию Кирилом и Мефодием, достигли их.²¹ До пришествия Рурика уже основалось Независимая республика Славян в Новгороде и Славяне управлялись Законами вероятно Норманскими, но уже по тогдашнему их состоянию можно было предсказать будущие их²² благоденствие и Славу.

²⁰ *Далее зачеркнуто:* они

²¹ *Перед: До — зачеркнуто:* Еще

²² *Вместо:* будущие их — *было:* будущее их в

DUBIA

<АКРОСТИХ>

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище монахов всех,
Инок монастыря строптивой,
Расстрига, сотворивший грех.
И за сие-то преступленье
Достал он титул сей.
О чтец! имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей.

<ИЗ ПОЭМЫ «РОССИЯ ПОД ИГОМ ТАТАР»>

Раздравши тучи среброрунны,
Являлась трепетно луна.

ИТАЛИЯ

Италия — роскошная страна!
По ней душа и стонет и тоскует.
Она вся рай, вся радости полна,
И в ней любовь роскошная веснует.
Бежит, шумит задумчиво волна
И берега чудесные целует;
В ней небеса прекрасные блестят;
Лимон горит и веет аромат.

И всю страну объемлет вдохновенье;
На всем печать протекшего лежит;
И путник зреть великое творенье,
Сам пламенный, из снежных стран спешит.

Душа кипит, и весь он — умиление.
В очах слеза невольная дрожит;
Он, погружен в мечтательную думу,
Внимает дел давно-минувших шуму.

Здесь низок мир холодной суеты,
Здесь гордый ум с природы глаз не сводит;
И радужней в сияньи красоты
И жарче, и ясней по небу солнце ходит.
И чудный шум, и чудные мечты
Здесь море вдруг спокойное наводит;
В нем облаков мелькает резвый ход,
Зеленый лес и синий неба свод.

А ночь, а ночь вся вдохновеньем дышит.
Как спит земля, красой упоена!
И страстно мирт над ней главой колышет.
Среди небес, в сиянии луна
Глядит на мир, задумалась и слышит,
Как под веслом проговорит волна;
Как через сад октавы пронесутся,
Пленительно вдали звучат и льются.

Земля любви и море чарований!
Блистательный мирской пустыни сад!
Тот сад, где в облаке мечтаний
Еще живут Рафаэль и Торкват!
Узрю ль тебя я полный ожиданий?
Душа в лучах, и думы говорят,
Меня влечет и жжет твое дыханье, —
Я в небесах весь звук и трепетанье!

Другие редакции

БИСАВРЮК, ИЛИ ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА-КУПАЛА

Малороссийская повесть (из народного предания),
рассказанная дьячком Покровской церкви

Дед мой имел удивительное искусство рассказывать. — Бывало, час, два стоишь перед ним, глаз не сводишь, вот словно прирос к одному месту: так были занимательны его речи; не чета нынешним красноречивым балагурам, от которых, прости господи, такая нападает зевота, что хоть из хаты вон. Живо помню, как, бывало, в зимние долгие вечера, когда мать моя пряла перед слабо мелькающим каганцем, качая одной ногою люльку и напевая заунывную песню, которой звуки, кажется, и теперь слышатся мне, собирались мы, ребятишки, около старого деда своего, по дряхлости уже более десяти лет не слезавшего с печи. И тут-то нужно было видеть, с каким вниманием слушали мы дивные речи: про старинные, дышавшие разгулем годы, про гетманщину, про буйные наезды запорожцев, про тиранские мучительства ляхов, про удалые подвиги Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачного. Но нам более всего нравились повести, имевшие основанием какое-нибудь старинное, сверхъестественное предание, которое нынешние умники без зазрения совести не побоялись бы назвать баснею; но я готов голову отдать, если дед мой хотя раз солгал в продолжение своей жизни. Чтобы уверить вас в справедливости этого, я хоть сей же час расскажу вам одну из тех повестей, которые так сильно нравились нам во время-оно, надеясь, что и вам полюбится.

«Лет более нежели за сто пред сим, еще за малолетство Богдана, село наше, говорил дед мой, не похоже было на нынешний самый негодный хутор: две, три хаты, необмазанные, неукрытые, торчали среди необозримой пустыни; о существовании же прочих догадывались только по дыму, выходявшему из земли. — Наши предки не слишком роскош-

ничали и жили большею частию в землянках, в которые свет проходил в одне только двери, а сырость во все стены. Вы спросите: от чего же они так бедно жили? Господи, Боже мой! да такие ли тогда времена были, чтоб роскошничать, когда они не могли удержаться в своих землянках. Не слишком бывало весело, когда нагрянут беззаконные толпы ляхов. А литва? а крымцы? а весь этот заморской сброд? Да еще лучше: бывало, свои, как нет поживы в неверной земле, вывалят ватагами, да и обдирают своих же. Уж прямо лихое было времячко!

В этой-то деревушке имел притон свой — человек, или, лучше сказать, сам черт в образе человеческого. Чем он занимался, это один Бог знал: днем он был почти невидимка; одни рассказывали, что будто он гайдамачил по захоlustьям, обдирая проезжих купцов; другие, что у него в лесу был шалаш, совершенно похожий на ятку, в какой обыкновенно у нас во время ярмонки жидовки продают горелку. Те же, которым случалось проходить мимо этого бесовского гнезда, утверждали, что слышали какой-то странный, бессмысленный шум и речь совершенно не нашу. — Ночью же только и дела, что пьяная шайка Бисаврюка (под таким именем был известен этот дивный человек), ни в чем не уступавшая своему предводителю, с адским визгом и криком рыскала по оврагам или по улицам соседнего села, которое было несравненно обширнее нашего. Понаберет с собою всех встречавшихся козаков, да и давай угощать; деньги сыплются... водка словно вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам, надарит лент, серег, монист... ну, так, что девать некуда. Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может быть, в самом деле они перешли чрез нечистые руки. Родная тетка моего деда, содержавшая в то время шинок по нынешней Опошнянской дороге, в котором часто разгульствовал Бисаврюк, именно говорила, что ни за какие благополучия в мире не согласилась бы принять от него подарков; но что прикажешь делать? не взять — беда, всякого проберет страх, особливо когда он нахмурит свои густые, толщиной в палец, брови; а возьмешь — так на следующую ночь как раз и тащится домовою и давай душить за шею, когда на шее монисто, или кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда в нее вплетена лента. Бог с ними со всеми этими подарками. Рады были отвязаться от них, но не тут-то было: бросят в воду, глядь — чертовский перстень или монисто и плывут поверх воды, да прямо к тебе в руки.

В селе находилась церковь во имя *Трех Святителей*, шагов на 400 от нашей Покровской, что можно и теперь видеть по оставшим-

ся камням от фундамента. Притом вам, я думаю, небезызвестно, что почтенный шапар наш Терешко еще недавно, копая ров около своего огорода, открыл необыкновенной величины камень с явственно вырезанным на нем крестом, который, вероятно, служил основанием алтара; неверящих отсылаю к нему самому лично. При церкви находился иерей, блаженной памяти отец Афанасий. Заметивши, что Бисаврюк не бывал даже и на *Велик день* в заутрене и узнавши наверно про знакомство его с сатанюю, решился было порядком пожурить его: наложить церковное покаяние. Куды вам! насилу ноги унес. “Послушай, батюшка! — зарычал он своим бычачьим голосом, — чем тебе мешаться в чужие дела, знай-ка лучше свое, а не то будь я такой же как ты бородатый козел, если твоя речистая глотка не будет заколочена горячею кутьею”. — Что станешь делать с окаянным? Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто зазнается с Бисаврюком, станут считать за католика, за врага христианской церкви и всего человеческого рода.

В том самом селе, где была церковь во имя Трех Святителей, находился в услужении у одного богатого козака статный и рослый парубок, по имени Петро Безродный; так называли его потому, что ни один из всего села не мог запомнить никого из его родных. Староста помянутой церкви утверждал, будто даровавшие ему жизнь умерли вскоре от чумы; но тетка моего деда явно тому противуречила и по великодушию, свойственному впрочем всем женщинам, старалась всеми силами наделить его родней, хотя бедному Петру было столько же в ней нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге. Она говорила, что отец его и теперь на Запорожьи, что он был полонен турками, что терпел ни весть какую муку, что после чудесным образом избавился, переодевшись евнухом, и проч. и проч... За подлинно же нам известно только то, что до семнадцатилетнего своего возраста Петро был главным гетманом всего домашнего скота, принадлежавшего богатому козаку, и надобно сказать, что все красные девушки решительно признавали его очень пригожим детиною; утверждали даже, что если бы его одеть только в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек, с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку *малахай*, в другую *люльку* в красивой оправе, то вряд ли бы кто из тогдашних парней поспорил с ним в красоте. Но то беда, что у бедного Петруся весь наряд составляла смурая свитка с разноцветными заплатами. После, когда он пришел в состояние помогать своему хозяину, одевали его несколько поприличнее; но величайшая беда для него была следующая: ста-

рый Корж (так назывался богатый козак, у которого служил Петро) имел дочь, красавицу, какой, думаю, вряд ли кому-нибудь из вас удалось видывать. Тетка покойного моего деда рассказывала (а женщины редко говорят в пользу сестриц своих, особливо когда дело идет о красоте), что полненькие щеки козачки подобились маку самого нежного розового цвета, когда он с ранним утром томно расправляет свои листики и улыбается перед вырезающимся из-за горизонта солнцем, что черные как смоль ее брови огибались двумя очаровательными дугами над прелестными карими глазками; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и создан был, чтоб выводить соловьиные песни; что ее волосы темно-темно русые (тогда еще не заплетали их наши девушки в дрибушки, переплетенные красивыми ярких цветов синдячками) упали природными, курчавыми кудрями на богатый, шитый золотом кунтуш. Признаюсь, хоть бы и нашему брату представилось подобное искушение, то, несмотря на то, что седь пробирается по всему старому лесу, покрывающему мою макушу; несмотря на все сие, я готов бы раз двадцать позабыть то и другое — за один взгляд прекрасной козачки.

Что ж теперь сказать о Петрусе, которого сердце было словно сухой хворост, вспыхивающий от одной неосторожно оброненной искры? нужно ли говорить, что и Пидорка была не прочь от красивого парубка? Отцам, как и тогда водилось, дети почитали за лишнее открываться в любви, и старый Корж никогда бы и не подумал подозревать молодежь, если бы в один вечер черт не дернул Петруся, не осмотревшись хорошенько, влепить довольно звучный поцелуй в прелестные губки красавицы и если бы в то же время этот же самый черт не дернул старого хрена сдуру отворить дверь хаты. Это явление так ошеломило его, что он долго стоял, как окаменелый, разинувши рот и взявшись одною рукою за деревянную задвижку полурастворенной двери. Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его совершенно. Ему почудился он несравненно громче, чем удар макогона об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутю, за неимением фузеи и пороха. Очнувшись от своего беспамятства, первым делом его было снять со стены дедовскую нагайку, а вторым покропить ею спину бедного Петруся. — Но в то самое время откуда ни возьмись пятилетний брат Пидоркин — *Ивась*, которого без памяти любил он, и уцепясь ему на шею, давай молить со слезами: “*тату, тату! не бей Петруся*”. — Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное; повесив нагайку на стену, он выгнал Петруся по шеям, с строжайшим приказанием — не появляться никогда под ок-

нами его хаты; в противном случае поклялся всеми чертями, что не оставит в нем ни одной косточки целой, присовокупив, что и самому его длинному, ровному оселедцю (который у Петро начинал уже два раза замотываться около уха) предстоит опасность распрощаться с родною макушею. Во все продолжение сей разделки Пидорка была ни жива, ни мертва; и тогда только почувствовала вполне свое горе, когда осталась одна среди пустой хаты. — Вспомня случившееся, прижала Ивася к сердцу, зарыдала и бросилась в изнеможении на лавку. Признаюсь, что глядя на нее и дерево бы заплакало. Ну, да тогдашние времена были пожестче наших. Тетка моего деда говорила, что несмотря на все усилия отца Афанасия растрогать своих прихожан проповедью, он только мог видеть широкие их пасти, которые они со всем усердием показывали в продолжение его речей. — Ничто не могло сравниться с грустию бедного парубка: только и утешения было у него, чтоб издали следовать за Пидоркою; после чего с невыразимою тоскою ворочался он в свою темную хату. Но согласитесь сами, что из этого мало проку, и потому Петро взялся за ум: давай думать, как бы пособить горю; вот и выдумал ехать на Дон, пристать к какой-нибудь ватаге удалой — воевать туретчину или крымцев. — Мысль эта словно гвоздь засела в голове его: бывало то и дела, что видит он кучи золота; драгоценные камни ограбленных иноверцев беспрестанно чудились ему перед глазами. Чего не забредет в голову? то иногда представлялся ему радостный прием старого Коржа, то приятный испуг Пидорки, увидевшей перед собою доблестного наездника, обремененного богатою добычею; — как вдруг неожиданное известие вздуло на ветер золотые его думы. Одним утром, когда он едва только приподнял голову, отягченную дивными снами, и размахивал руками, как будто поражая нечестивые толпы крымцев и ляхов, — вбежал к нему Ивась и поведал с детским простодушием, что Пидорка ни весть как покучила по нем, что у них теперь какой-то поляк, весь в золоте, что старый Корж сажает его за стол подле Пидорки, что гость то и дело, что ласкается к ней, да прислуживает; дарит перстни один другого лучше, серьги одне других ярче; что Пидорка не принимает, да плачет; что *тата* ругается на чем свет стоит... и проч. и проч. — Выпуча глаза, как безумный, слушал Петро лепетание Ивася. Час целый он не мог опомниться, и что деялось в душе его — не нам то рассказать. Наконец он махнул рукою, будто решившись на что-то; “к чему тут мудрование? — сказал он, — коли пропадать, так пропадать!” да и направил стопы свои прямо хонько в шинок.

Тетка моего дедушки удивилась, когда увидела Петруся, с природы трезвого и воздержного, вступающего в шинок; но удивление ее превзошло меру, когда он потребовал в один раз полквартиры водки, чего самый горький пьяница вряд ли в состоянии был выпить. — Но напрасно думал он потопить свое горе: водка превращалась, казалось, в палящий огонь и жалила его язык, словно крапива. В сердцах бросил он фляжку о землю так, что дребезги ее разлетелись по всем углам хаты. “Полно тебе горевать!” — загремел кто-то позади его, и толстая жилистая рука расположилась на плече Петруся. Он оглянулся и вздрогнул, увидев перед собою дьявольскую рожу Бисаврюка. “Знаю, — продолжал он, — о чем твое горе; тебе не достает вот чего”. Тут он с бесовскою улыбкою брякнул толстым кожаным кошельком, висевшим у него около пояса. Петро изумился; перекрестившись и три раза плюнув, молвил: “Не даром тебя почитают за дьявола, когда ты знаешь, что еще на мыслях у человека”. — “Гм! земляк, это не штука узнать, о чем думаешь; а вот штука — помочь тому, о чем думаешь”. — При сих словах Петро неподвижно уставил на него глаза свои. Часто видел он Бисаврюка, но тщательно избегал с ним всякой встречи; да и кому придет охота встретиться с дьяволом! Притом в чертах Бисаврюка столько было недоброго, что он и без заклятия отца Афанасия ни за что бы не поздоровался с ним; а теперь был готов обнять дьявола как родного брата. Ведь иной раз наваждение бесовское так ошеломит тебя, что сам пресловутый Сатана — прости Господи согрешение — покажется Ангелом. — “От тебя одного потребуют”, — сказал нечистый, отведя Петро в сторону. Несмотря на все присутствие духа, дрожь проняла насквозь Петруся, когда он услышал слова сии; ну, думает себе, и до души дело доходит. Пусть же берет меня хоть всего, а Пидорка будет моя. — “От тебя одного потребуют — продолжал Бисаврюк — одного только дела, для твоего же добра”. — “Хоть десять дел давай, только скорее деньги”. — “Постой, земляк, не спеши так. Завтра Иванов день; смотри же, ровно о полночи, еще до петухов, чтобы ты был у волчьей плотины: перейдя ее, увидишь ты за тремя пригорками, промеж терновника и бурьяна, много цветов: не рви их; но как только перед тобою зацветет папоротник, сорви его скорее, не бойся ничего и не оглядывайся назад. Смотри же, не прозевай! в эту ночь только и цветет папоротник”.* Тут они ударили по рукам и был ли у них могоричь, или нет, об этом тетка моего деда ни слова не сказала. Только Петро как по-

* В Малороссии существует поверье, что папоротник цветет только один раз в год, и именно в полночь перед Ивановым днем, огненным цветом. Успевший сорвать его — несмотря на все призраки, ему препятствующие в том, находит клад.

луумный возвратился домой; тысячи мыслей ворочались в его голове, словно мельничные колеса, и все около одной цели.

С каким нетерпением выжидал он вождленного вечера! Целый Божий день то и дела, что поглядывал, не начинает ли темнеть, не думает ли солнце прилечь на водные пуховики свои. Но на беду его — день, как нарочно, был предлинный: несносный жар усиливал тоску ожидания, и веселые песни жнецов, одне только нарушавшие тишину летнего дня, были ему горше полыни. Но вот уже солнышко закатилось. Рев и бляение коров и овец послышались в отдалении... Сердце в нем екнуло... Вооружившись кием и татарскою кривою саблею, отправился он в назначенное место.

Немало труда ему стоило пробираться оврагами и топкими болотными местами, беспрестанно цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу, покамест не достиг волчьей плотины. Перешед ее, увидел он означенные три пригорка; но цветов не нашел. Дикой бурьян, казалось, глушил все своею густотою, но вот, при свете блеснувшей молнии, показалась Петро целая гряда цветов, все чудных, все невиданных, и между ними обыкновенные листки папоротника. С сомнением рассматривал он это зелье: кажись, что бы тут невиданного! Уже он начинал думать, что Бисаврюк затеял посмеяться над ним; уже начал проклинать свое легковерие — как вдруг заметил небольшую цветочную почку будто движущуюся; чудесная почка начала мало по малу развертываться: что-то вспыхнуло подобно звездочке; и яркий, как огонь, цветок развернулся пред изумленными очами его. Только что он протянул руку сорвать его, как увидел, что тысячи мохнатых рук также тянутся к цветку. Сбравши все присутствия духа и зажмуря глаза, разом дернул он за стебель и цветок остался в руках его. Оглянувшись, увидел он Бисаврюка, неподвижно и немосидевшего на заросшем пне, словно мертвеца; только одною рукою показал он ему место подле себя. Напрасно спрашивал Петро, что ему должно делать? долго ли ждать еще? Хоть бы одно слово в ответ: сидит, да молчит, устремив страшные глаза свои на что-то. Но вот слышался свист, от которого у Петро захолонуло внутри. Лицо Бисаврюка вдруг оживилось, глаза засверкали... “А! — пробормотал он сквозь зубы, — старая ведьма воротилась на бешеной кочерге своей. Смотри же, Петро! я тебе еще раз говорю: ты должен, во что бы то ни стало, исполнять ее приказания, не то пропал ты на веки”.

Разделяя суковатыми палками терновник, добрались они до хаты ветхой и низкой, стоявшей, как говорят в сказках, на курьих ножках. Бисаврюк ударил кулаком, и вся избенка зашаталась; большая черная

собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, бросилась прямо им в глаза. «Не бесись, не бесись, старая чертовка!» — проговорил Бисаврюк, скрепив свое прошение таким словом, от которого бы добрый человек и уши заткнул. Кошка пропала, как в воду канула, и на место ее явилась сухая, согнутая в дугу старуха, с лицом похожим, вот как две капли воды, на печеное яблоко, с седыми, длинными волосами, еще более увеличившими ее безобразие. Бедный Петро как посмотрел на нее, так и по спине пошли мурашки. Ну, ни дать, ни взять, сама правоверная супруга Сатаны. Когда ж заговорила она на каком-то чертовском наречии с Бисаврюком; когда ее сизый нос, и без того бывший в дружеском соседстве с подбородком, составил с ним инструмент, похожий на клещи, которыми хватают раскаленное железо; когда изо рта у ней посыпались искры и показалась адская пена — мороз подрал Петро по коже; а нечего делать: нужно было слушать ведьму, приказавшую ему подбросить цветок в верх, отойдя на небольшое расстояние; и цветок, к величайшему его удивлению, не прямо упал на землю, но, долго колебаясь в воздухе, — тихо спустился и так далеко, что едва только видна была звездочка, величиною в маковое зерно. «Здесь!» — глухо прохрипела старуха, а Бисаврюк, подавая ему заступ, примолвил: «Копай здесь, Петро! тут ты увидишь столько золота, сколько тебе еще и не снилось». Слово «золото» придало Петро рвения и сил. Раз, другой, третий копнул заступом, как и зазвучало что-то твердое, и глаза его ясно начинали различать большой железной сундук. Уже он хотел достать его рукою, как сундук глубже и глубже стал погружаться в землю; и позади его послышалось шипение, походившее на хохот, вылетавшее из беззубого, ведьмовского рта. Досада взяла Петруся; вот и вскинется он к ней с заступом; а та, вместо всякого ответа, сунь ему нож в руку, примолвив с адским смехом, что пока не достанет он человеческой крови, до тех пор клад не будет в его руках. И вот, не говоря ни слова, подвела к нему мальчика лет пяти, с накрытою головою, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову. Он обезумел от страха и гнева. Шутка ли отрезать голову человеку, да еще и безвинному младенцу! Но кто ж выразит его удивление, когда, сдернув с малышки покрывало, узнал он в нем Ивася: сложив на крест ручонки, он, казалось, умолял его о пощаде. Тут уже он не мог удержать своего бешенства... С тем же самым ножом бросился он к ведьме и уже было занес руку, как вдруг громовой голос Бисаврюка: «вспомни свою клятву!» поразил его, словно пулею. Ведьма топнула ногою: синеватое пламя показалось из земли и осветило всю ее внутренность, и все, что было под землею, стало видимо, вот как на ладоне: червонцы и дорогие камни гру-

дами навалены были под тем самым местом, где они стояли... Глаза у Петруся разгорелись... тут, вдобавку, представилось ему отчаяние Пидорки, принужденной идти за нечестивого католика... Ум его помутился; как сумасшедший бросился он за нож — и кровь невинного младенца брызнула ему в лицо... Адский хохот раздался вокруг него; безобразные чудовища стаями скакали перед ним, а гнусная ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, с жадностью пила из него кровь... Все пошло кругом в голове его; как угорелый бросился он бежать; но ему казалось, что деревья, кусты, скирды сена и все, что попадалось на дороге, гналось за ним в погоню. Обеспамятев и выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и как сноп повалился на землю.

Целый день и целую ночь спал Петрусь наш словно убитый. На другое только утро пробудился он от своего богатырского сна и мутными глазами окидывал пыльные углы своей хаты, как будто несполна протрезвившийся пьяница. Напрасно силился он припомнить случившееся с ним: память его была словно карман старого скряги, из которого шеляга не выманишь. Как вот заметил он в ногах у себя четыре туго набитые мешка. — Глянь в них — чистое золото! Тут только начало проясняться перед ним, как в тумане, его ночное странствие. Тут только вспомнил он, что искал какого-то чудного растения, что отрыл богатый клад; вспомнил, как ему было страшно одному ночью. Но каким образом достал он клад, какою ценою пришло ему это сокровище — сколько ни ломал головы своей, никак не мог понять. — Да и до того ли, когда перед глазами такая несметная куча денег? Вот схвативши мешки в обе руки, подрал он во весь дух к хате богатого козака. Старый Корж изумился, долго щупал себя за нос и за усы, наконец принялся и за сытые мешки, как бы желая увериться, не спит ли он, не во сне ли чудится ему такое диво? Чтобы скорее уверить его, что все это наяву, Петро высыпал пред ним один мешок: яркие, как огонь, червонцы зазвенели... то чуть не свело старичину с последнего ума. Откуда ни возмись и приветливые слова ласки: сякой, такой, Петрусь, не мазаной! да я ли тебя не жаловал? да не был ли ты у меня как сын родной? так, что Петруся до слез разобрало. — Добром или худом было нажито золото, о том предки наши мало заботились: не то было время. Всякой знавал за собою грешок и разве из тысячи только один мог выбраться такой, у которого обе руки были святы. Как бы то ни было, только старый Корж захлопнул дверь щеголеватому поляку под самый нос, с приговоркою едва ли не погрознее той, какую услышал от него Петрусь. Слышно было, что поляк долго еще хвастался, крутя усы и бряча саблею, что старый Корж хотел ему навязать девку, какой бы не

согласился взять ни один порядочный человек, да встретившись один раз под темный вечерок с Петрусем, так присмирел после того, что сколько ни спрашивали у него потом, — он молчал, как рыба. Тут Пидорка с плачем рассказала Петрусю, как мимо проходившие цыганы украли Ивася... и что ж вы думаете? хоть бы ненароком переменился он в лице. Проклятая бесовщина так обморочила его, что он едва мог запомнить даже лицо Ивася, чему Пидорка не мало дивовалась и сколько ни билась, не могла разгадать, что все это значит?

Откладывать было не зачем. Вот и заварил Корж свадьбу, какой в тогдашние времена слышать не слыхано. Меду наварено столько, сколько душа желала, в водке хоть выкупайся. Посадили молодых за стол, разрежали коровай, заиграли бандуры, цимбалы, сопилки, кобзы, и пошла потеха...

В старину свадьба водилась не в сравнение с нашей. Тетка моего деда с восторгом рассказывала, как красные девушки в красивом головном уборе из алых, синих и розовых стричек*, сверх коих повязывался золотой галун, в тонких рубашках, вышитых по всем швам красным шелком и изнизанных мелкими серебряными цветочками, в сафьянных сапогах на высоких железных подковах, наперед плавно, словно павы, и после с шумом — что вихорь, скакали в *горлице*, как *молodiцы* с *корабликом* на голове, которого верх был весь сделан из суртозолотой парчи и казался словно выкованным из золота, на затылке с вырезом, из которого выглядывал золотой очипок с двумя выдавшимися, один наперед, другой назад, рожками, самого мелкого черного смушка; в синих из лучшего *полутабенеку*, с красными клапанами, *кунтушах*, важно подбоченившись, выступали хором и мерно выбивали *гопака*. — Как парубки в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми серебром поясами, с люльками в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и точили лясы на колесах. — Довольно, когда даже сам старый Корж не утерпел, глядя на молодых, чтоб не тряхнуть стариной. С бандурою в руках, потягивая люльку и вместе припевая с чаркою на голове, пустился при громком крике гуляк в присядку. Чего не выдумает молодежь на веселе? как начнут бывало наряжаться в хари: Господи, Боже ты мой! Ведь на человека не похожи. — Не стать нынешних переодеваний, что бывают на свадьбах наших! только что корчат цыганок да москалей. Нет, вот, бывало, один оденется жидом, а другой чертом, да пустятся между собою в раздобары, а после в драку — что за умора? надорвешься со смеху! Иные пооденутся в турецкие и татарские платья: все го-

* Ленты, составляющие наряд малороссийских девушек.

рит на них как жар... А как начнут дуреть да строить штуки — ну! тогда хоть святых выноси. С почтенною свидетельницею, сообщившею моему деду все сии подробности, случилось одно забавное происшествие: она была тогда одета в татарское широкое платье и с чаркою в руках угощала все собрание; вот одному вздумалось окатить ее сзади водкою, другой, тоже видно непромах, высек в ту ж минуту огня да и поджег... синее пламя вспыхнуло, бедная тетка, испугавшись, давай сбрасывать с себя при всех платье... шум, хохот! — ералаш такой поднялся, как на первый день ярмонки. — Одним словом, старики говорили, что еще никогда не запомнили такой веселой свадьбы.

Вот и начали жить да поживать Петрусь с Пидоркою — как царь с царицею. Дом словно полная чаша; платье-то на них как ясные звезды; еда-то у них мед, да сало, да вареники. Правда, что добрые люди кивали головою, глядя на их житье, поговаривали даже, что недолго проживут они так, чужое добро не корысть, особливо дьявольское. Об том уже и не сомневались, что он получил его чрез бесовские руки. Не ушло из виду и то, что в тот самый день, когда у Петра появились золотые мешки, Бисаврюк канул как в воду. Говорите же, что люди злоязычны: ведь в самом деле не прошло месяца, как Петро наш сделался совсем не тот, а что за причина была этому — никто не мог узнать. Только Пидорка начала примечать, что иногда по целым часам сидит он пред своими мешками и вздрагивает при малейшем шорохе, как будто боится, чтобы кто не пришел отнять или украсть их. А иногда вдруг среди речи остановится и час, другой, стоит словно убитый; все силится что-то вспомнить, и сердится, и бесится, что не может вспомнить. Так, что наконец и веселость прежняя пропала. Бывало, ходит вокруг своей хаты пасмурный и угрюмый, как воробьиная ночь, с знакомыми хоть бы слово, и чуть где завидит человеческое лицо, так и удирает околицами да проселками. Чего не делала Пидорка, чтобы пособить горю: и советовалась с *знахарями* и услужливыми старушками, ворочавшими языком столь же исправно, как веретеном, и сама старалась ласками и просьбами разогнать хандру его — ничто не помогало. Все средства были испытаны, и заговаривали зло, и *выливали переполох**, и *заваривали соняшницу***. — Все по напрасну!

* *Выливают переполох* от испугу; для сего топят и льют воск в холодную воду, и чье подобие он примет, тот самый предмет испугал больного. По совершению сего действия он немедленно выздоравливает.

** *Заваривают соняшницу* от дурости и боли в животе; для этого ставят больному на живот миску, наполненную водою, берут глиняную кружку или горшок и, бросив в него зажженный клочок пеньки, с приговариванием и зашептыванием оборачивают его вверх дном и ставят в миску. После чего дают пить этой воды больному.

Так прошло и лето: одни отжались и откосились, другие, которые были поразгультнее, начали в поход снаряжаться. Стан уток еще толпились на наших болотах, но *кропивянок* уже и в помине не было. В полях покраснело. Скирды хлеба то сям, то там, словно козацкие шапки, пестрели по полю, и мужик на дюжих волах давно уже поплелся за дровами в лес. Земля сделалась тверже и начала прохватываться местами морозом. Копыты молодецкого коня верст за пять стали слышны; а тут и зима не за горами: снег начал перепадать большими хлопьями; деревья закутало пушистою шубою. Вот уже в ясный, морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польской шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари, между тем как почтенные отцы их покойно вылеживались на печи, выходя по временам с зажженной люлькою в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец или проветриться и промолотить в сених залежалый хлеб. Вот уже и на тепло понесло, и снега начали таять, и *щука хвостом лед расколотила** — а Петро наш все чем далее, тем суровее. Одичал так, что на него смотреть сделалось страшно, и все по-прежнему сидит над мешками, да думает, да боится. — Бедной Пидорке жизнь не в жизнь стала; изныла, иссохла, словно щепка, на свет Божий не глядит. Сначала было страх ее пробирал — да чего не сделает привычка? Свыклась, бедняжка, с невзгодой, как с родною сестрою. Одно только ей горько было, что Петро сначала хоть нищей братии уделял из своих мешков, теперь же ни копейки ни на церковь, ни жене своей, так что впоследствии ей даже ходить не в чем было. Бедность в хате такая, какой у последнего бобыля не бывает. Петро дрожит, вынимая копейку, всю ночь не спит напролет: залает ли бровко, заскрипит ли что, зашелестит ли какая птица на крыше — уже он схватывается и общаривает закоулки всей хаты, после чего ни с места от своих мешков. Люди дивовались, дивовались, да и перестали дивиться. Уже советовали Пидорке бросить своего мужа... Но ничто не могло убедить ее; нет, думает себе, он для меня погубил, может быть, свою душу, а я его оставляю, оставляю покинутого всем светом — и целый день простаивала перед иконою, да молилась о спасении души Петра.

Вот в один вечер, именно накануне Ивана Купала, Петро наш вдруг заболел и не мог встать с постели, горячка и бред поминутно усиливались, так, что Пидорка принуждена была отправиться в дальнее

* В Малороссии существует поверье, что лед не сам разламывается, но щуки разбивают его хвостами.

село просить помощи. Только на половине дороги попадаете ей старушка беззубая, вся в морщинах, словно кошелек без денег. Слово за словом, узнает Пидорка, что она мастерица лечить. Этого-то ей и нужно. Уговоривши старуху со слезами помочь ей в напасти, приводит она ее в хату. — Сначала Петро было не заметил новой гостьи, как же всмотрится пристально в лицо ей, как задрожит, как хватится с постели, как размахнется топором... Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь, а старухи и след простыл. Выхватив его с невероятною силою подступил он к Пидорке: зачем ты привела ко мне ведьму? Ты хочешь меня сгубить, Господи Боже мой! уже было и руку занес... да глядь невзначай в сторону, и руки опустились, и язык отняло; болезненная судорога прохватила его по всем членам, волосы поднялись дыбом, и мертвый холодный пот выступил на лице: посередине хаты стояло дитя с покрытою головою. Покрывало сваялось... “Ивась!..” — закричала Пидорка и хотела броситься к нему — неизъяснимый страх удержал ее; а привидение покрьлось с ног до головы кровавым цветом и стало рость, рость, как из воды идти, пока не тронулось наконец головою в перекладину; тут голова его отделилась, все туловище сделалось как огонь... Пидорка с испугу выскочила в сени. “Меня жжет! мне душно!..” — кричал Петро, как будто охваченный пламенем: но дверь так крепко захлопнулась вслед за нею, что сколько она ни силилась, никак не могла отворить ее. В страхе и попытках побежала она звать на помощь кого-нибудь. Отчаянный голос Петра: “меня жжет! мне душно!” поминутно чудился и жалобно свистал ей в уши. Людей сбежалась целая орда. Ведь и в тогдашние времена зевак было довольно. Дверь отперли, и что вы думаете, хоть бы одна душа была в хате. На середине только лежала куча серого пеплу, который еще дымился местами. Кинулись к мешкам — одни битые черепки лежали в них на место червонцев. Долго стояли все, разинув рты и выпуча глаза, словно вороны, не смея пошевелинуть ни одним усом, — такой страх навело на них это дивное происшествие. — Наконец такой подняли шум, толкуя каждый по-своему, что собаки со всего околодка начали лаять. Явились и добрые старушки, пронюхавшие, что у Пидорки осталось еще отцовское добро, которым, по скупости своего мужа, она никогда почти не пользовалась, и принялись дружно, со всем усердием утешать ее. Бедной Пидорке казалось все это так дико, так чудно, как во сне. — Совещание кончилось тем, что с общего голоса пепел раздули на ветер, а мешки спустили по веревке в яму, потому что никто из честных козак не захотел осквернить рук дьявольщиною. В награду за такое благоразумное распоряжение потребовали они себе ведра четыре водки и,

шатаясь на все стороны, отправились восвояси. Попечения ж усердных старушек не кончились тем: одна из них трещала на ухо Пидорке, что ей нужно построить новую хату, другая предлагала щегольского жениха, третья открыла по секрету, что знает искусных швей для свадебных рушников, четвертая трезвонила, что нужно сделать люльку для будущего ребенка... Признаюсь, что такая куча советов взбесила бы хоть кого; но бедная Пидорка ничего не видела, ничего не слышала.

Оправившись немного, она дала себе обет идти на богомолье, и чрез несколько времени точно ее уже не было на селе. Но никто не знал, куды девалась она; почтенные старушки отправили ее было уже туда, куды и Петро потащился, как один раз приезжий козак, бывший в Киеве, рассказывал, что видел в монастыре монахиню, беспрестанно молящуюся, в которой по всем описаниям узнали земляки Пидорку; что она пришла пешком и внесла богатый оклад к иконе Божией Матери, какого еще и не видывали, весь из золота, исцвеченный такими яркими и блестящими камнями, что все зажмуривались, глядя на него.

Постойте — этим еще не все кончилось; в тот самый день, когда Петра взяла нелегкая, появился снова Бисаврюк, снова начал разгульничать да сыпать деньгами, только люди не дались уже в обман, все бегом от него. История Петруся слишком запамятовалась у всех, узнали, что этот Бисаврюк никто другой, как сам нечистой, принявший человеческой образ, чтобы отрывать клады, а как клад не дается нечистым рукам, так вот он и губит людей. Чтобы не попасться в соблазн лукавому, они бросили свои землянки и хаты и перебирались в село; но и тут не было покою от проклятого Бисаврюка, тетка моего деда говорила, что нечистой именно более всего злился на нее за то, что оставила она прежний шинок свой по Опошнянской дороге, и потому всеми силами старался выместить все на ней. Один раз все старейшины села собрались в шинок и чинно беседовали за дубовым столом, на котором, кроме разного рода фляжек, на диво возвышался огромный жареный баран. Беседа шла долго, приправляемая, как водится, шутками и диковинными рассказами. Вот и померещилось — еще бы ничего, есть ли бы одному, а то именно всем — что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих; все тотчас узнали на бараньей голове рожу Бисаврюка, так, что тетка деда моего думала уже, что вот-вот попросит водки... Честные председатели пирушки скорей за шапки, да опрометью восвояси.

В другой раз сам церковный староста, любивший по временам раздобарывать про старину глаз на глаз с дедовскою чаркою, не успел еще два раза достать дна и поставить ее перед собою, как видит, что чарка кланяется ему в пояс, он от нее; давай креститься!... А тут с достойною половиною его тоже диво: только она начала замешивать тесто в огромной диже, как вдруг дижа выпрыгнула и, подбоченившись, важно пустилась впрыскаду по всей хате... Да, смейтесь, смейтесь, сколько себе хотите, только тогда не до смеху было нашим дедам. Долго терпели, наконец потянулись все гурьбою к отцу Афанасию и взмолятся: помоги ты нам Божьею властью, выгони нечистого. Отец Афанасий обошел крестным ходом все село, окропил святою водою все переулки, и с той поры никаких проказ уже не было, хотя тетка моего деда долго еще жаловалась, что слышала часто, как будто кто-то стучит в крышу и царапается по стене.

Несколько лет прошло. Село наше стоит теперь на том самом месте, где творилась чертовщина, и, кажись, все покойно; — а ведь еще недавно, еще отец и я даже запомним, как возле стоящего в захолустьи развалившегося шинка, который черти долго еще поправляли на свой счет, нельзя было ни пройти, ни проехать. Часто замечали, как густой дым валил клубом из обвалившейся трубы, и вместе с дымом подымалось какое то чудище, длинное, длинное, с красными, как две горячие головки, глазами. Доставши такой высоты, что посмотреть, так шапка валилась, с шумом рассыпалось и мелким, как горох из мешка, смехом обдавало всю окрестность».

Объяснение некоторых малороссийских слов, упомянутых в сей повести:

Каганец — род ночника.

Велик-день — Христов день.

Дрибушки — мелкие косы, обходящие несколько раз около головы.

Синдячки — ленты.

Полутабенек — в старину употреблявшаяся в Малороссии материя в роде гроденапея, волнистая, лоснящая, но несравненно плотнее.

Горлица, Гопак — танцы в Малороссии.

Черновые редакции

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

<НАБРОСОК ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОЙ КНИЖКЕ>

<Л. 17> Это что за невидаль: Вечера на хуторе близ Диканьки? что это за вечера такие¹. И² швырнул еще³ в свет какой-то пасичник.⁴ Слава Богу⁵, еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на Бумагу. Какого звания и рангу народ не марал⁶ пальцев в чернила, дернула же недобрая сила и Пасичника потащиться вслед за другими, и, право, печатной⁷ бумаги столько⁸ развелось, что⁹ не придумаешь, что же¹⁰ бы такое¹¹ завернуть в нее¹². Слышило Слышало вщее мое все эти речи еще за месяц. То есть, я говорю, что нашему брату показаться в большой¹³ — Батюшки мои — Это все равно, как случается зайдешь в покой великого Пана. Вот тут¹⁴ то и слушай: все обступят тебя¹⁵, еще пусть¹⁶ высшее лакейство, а то¹⁷ какой-нибудь ободранной мальчишка, посмотреть — дрянь — которой, с позволения сказать, копаются на заднем дворе. И тот пристанет, и нач-

¹ *Вместо:* что это за вечера такие — *было:* Вот еще новости: Вечера на хуторе близ Диканьки (*Вот осталось незачеркнутым*). *Далее зачеркнуто:* Экая

² *Далее вписано и зачеркнуто:* еще

³ *еще вписано*

⁴ *Далее зачеркнуто:* Вот мало

⁵ *Далее зачеркнуто:* богу

⁶ *Сверху вписано:* Еще мало народу всякого звания и сброду вымарали

⁷ *Вместо:* право, печатной — *было:* теперь печатно <й>

⁸ *Далее зачеркнуто:* что и

⁹ *Далее зачеркнуто:* и

¹⁰ *же вписано*

¹¹ *такое вписано*

¹² *Было:* ею

¹³ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* высунуть нос из своего захолустья в большой свет

¹⁴ *Далее зачеркнуто:* наберешься

¹⁵ *то и слушай ~ тебя вписано*

¹⁶ *Вместо:* еще пусть — *было:* еще бы ничего. Пусть уже

¹⁷ *Далее зачеркнуто:* а. как; б. как <е>

нут со всех сторон притопывать¹⁸ ногами: «Куда¹⁹, мужик? зачем, пошел! пошел!»²⁰ — То есть я вам скажу... Да что говорить. Мне легче²¹ съездить в год²² два раза в Миргород, в котором уже²³ будет пять лет, как не видал меня ни Подсудок из земского суда, ни почтенный Иерей, чем показаться в этот свет, а показался — плачь не плачь, давай ответ:

У нас, Любезные мои²⁴ Читатели, не во гнев будь сказано (Вы, может, и рассердитесь, что пасичник вздумал вам говорить запросто, как будто какому-нибудь куму или свату своему). У нас²⁵ на хуторах²⁶ водится издавна, как только кончатся работы в поле²⁷

¹⁸ Далее зачеркнуто: вон

¹⁹ Далее вписано и зачеркнуто: куда

²⁰ Далее зачеркнуто: Бог в

²¹ Вместо: говорить. Мне легче — было: Я соглашусь скорее

²² в год вписано

²³ Далее зачеркнуто: скоро

²⁴ Было: мой

²⁵ Далее зачеркнуто: во<дится?>

²⁶ В рукописи: по хуторах (контаминация по хуторам и на хуторах)

²⁷ Рукопись обрывается

{СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА}

1.

<Л. 1> Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом¹ нагнувшийся над землею, кажется, заснул², потонувши в неге и сжавши³ прекрасную в воздушных объятиях своих. На нем ни облака, в поле ни речи.⁴ Все как будто умерло. ⁵Вверху только в небесной глубине дрожит жаворонок и серебряные песни летят по воздушной степи на землю⁶, или⁷ изредка крик чайки или звон перепела⁸ отдается в степи. Лениво и бездумно, будто⁹ без це<ли> гуляющие, стали¹⁰ на середине поля¹¹ деревья,¹² и ослепительные удары солнца, кажется, зажигают целые живописные массы листьев¹³, накидывая на других темную, как ночь, тень, на которой только при сильном колебании листьев ветром¹⁴ прыщет золото. Изумруды, то-

¹ *Вместо:* сладострастным куполом — *было:* сладострастно

² *Далее зачеркнуто:* в неге

³ *Вместо:* и сжавши — *было:* и обнявши

⁴ *Вместо:* На нем ни облака, в поле ни речи. — *было:* Ни шуму, ни речи.

⁵ *Перед:* Вверху — *зачеркнуто:* Только

⁶ *Вместо:* летят по воздушной степи на землю — *было:* летят на влюбленную землю

⁷ *Было:* да

⁸ *Вместо:* звон перепела — *было:* а. гром перепела звонким раскатом; б. звонкий раскат перепела

⁹ *Было:* как

¹⁰ *Вместо:* без цели гуляющие, стали — *было:* рассеянно остановились гуляющие без цели

¹¹ на середине поля *вписано*

¹² *Далее зачеркнуто:* листок не шелохнется

¹³ *Вместо:* ослепительные ~ листьев — *было:* стремительные удары солнца ослепительных лучей кажется исторгающи из темнозеленой гущи их живописные массы листьев

¹⁴ *Вместо:* при сильном колебании листьев ветром — *было:* а. при ветре; б. с сильным колебанием

пазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами¹⁵, осеняем <ыми> гордыми подсолнечным <и>. Серые¹⁶ Скирды сена и золотые снопы хлеба¹⁷ станом располагаются¹⁸ в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся¹⁹ от тяжести плодов²⁰ широкие ветви яблонь, груш; небо,.. его чистое зеркало — река... в зеленой, гордо поднятой раме²¹. Как полно сладострастия и неги Малороссийское лето.

Такою роскошью блистал один из дней жаркого Августа Тысячу восемь сот, восемь сот... да, лет тридцать будет назад тому, когда Дорога на десять до²² местечка Сорочинец кипела народом, поспешавшим²³ со всех окрестных и дальних²⁴ хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемую вереницею чумаки с солью и рыбой²⁵. Горы горшков, закутанные в сено, высоко²⁶ подымали с воза гигантское чело свое и, кажется, сучали темнотой²⁷. Местами²⁸ только какая-нибудь расписан <ная> миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного плетня и привлекала умиленные²⁹ взгляды поклонников роскоши. Много прохожих и проезжих поглядывало³⁰ с завистью на высокого³¹ гончара³², владельца сих драгоценностей, который медленными шагами³³ шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих кокеток и щеголей ненавистным для них сеном.

¹⁵ *Вместо:* над пестрыми огородами — *было:* над пестрым подсо<лнечным?>

¹⁶ *Серые* вписано

¹⁷ *Далее зачеркнуто:* в целых

¹⁸ *Было:* расположились

¹⁹ *Было:* Погнувшиеся

²⁰ *Далее зачеркнуто:* ветви

²¹ в зеленой, гордо поднятой раме вписано

²² *Было:* вер<ст> (незавершенная правка)

²³ *Далее зачеркнуто:* на я<рмарку?>

²⁴ со всех окрестных и дальних вписано

²⁵ *Вместо:* чумаки с солью и рыбой — *было:* чумацкие возы с солью и рыбой

²⁶ *Было:* го<рдо>

²⁷ *Было:* своею неизвестностью

²⁸ *Было:* изредка

²⁹ *Было:* завистливые

³⁰ *Далее зачеркнуто:* з<авистливо>

³¹ *Было:* степенного

³² *Далее зачеркнуто:* который

³³ *Далее зачеркнуто:* следовал

<Л. 1 об.> Одинокó тащилс³⁴ [на] истомленных [волах]³⁵ воз³⁶, наваленный мешками, пенькою, мукой и разною поклажею³⁷. Толст³⁸ый, небольшого росту мужик уже с поседевшей³⁹ головою, с усами⁴⁰, напудренными тем неумолимым парикмахером, котор^{ый} без зову является и к красавице и к уроду и насильно пудрит весь род человеческий. За возом шла привязанная⁴¹ кобыла.⁴² Много встречных и особливо⁴³ молодых парубков брались за шапку, поравнявшись⁴⁴ с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляла это делать. Стоило только⁴⁵ поднять глаза немного вверх, чтобы увидеть причину такой почтительности. На возу сидела хорошенькая дочка с упоительно рдевшим⁴⁶ личиком, с черными бровями, ровною дугою поднявшимися⁴⁷ над огненными карими глазами, с беспечно улыбающимися розовыми губками, с повязанными на голове голубыми и желтыми лентами, [которые] вместе с длинными, обходившими два раза вокруг ее головы косами и полевыми цветами богатою короною, покоились на ее очаровательной головке⁴⁸. Все, казалось, занимало ее, все было ей чудно, ново, и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с⁴⁹ одного предмета на другой. Как не рассеяться в первый раз на ярмарке!⁵⁰ Девушка в восемнад-

³⁴ Было: брел

³⁵ Вместо: [на] истомленных [волах] — было: истомленными <волами>

³⁶ воз вписано

³⁷ Вместо: мешками, пенькою, мукой и разною поклажею — было: а. мешками и разною поклажею; б. мешками, пенькою, льном, мукой и разною поклажею

³⁸ Перед: Толст^{ый} — зачеркнуто: Низенького

³⁹ Было: поседевшими

⁴⁰ Было: с напудренными усами

⁴¹ Далее зачеркнуто: сзади

⁴² За возом шла привязанная кобыла. вписано

⁴³ Было: особенно

⁴⁴ Было: встреч<ая>

⁴⁵ Далее зачеркнуто: взглянуть

⁴⁶ Вместо: упоительно рдевшим — было: пр<елестно> ро<зовевшим>

⁴⁷ Вместо: ровною дугою поднявшимися — было: ровными дугами пови<сшими>

⁴⁸ Вместо: вместе с длинными ~ очаровательной головке — было: а. вместе с длинными, обходившими два раза вокруг головы косами и цветами, составляли прекрасную корону; б. вместе с длинными, обходившими два раза вокруг ее головы черн<ыми>; в. вместе с длинными, обходившими два раза вокруг ее головы русыми косами, составлявшими прекрасную корону, покоились на ее головке

⁴⁹ Было: от

⁵⁰ Далее зачеркнуто: Каких

цать лет в первый раз на ярмарке. Но ни один из прохожих⁵¹ и проезжих не знал, может быть, чего стоило ей упросить отца⁵² взять и ее с собою, который и душою⁵³ рад бы был это сделать гораздо прежде, если бы не злая мачиха, выучившая держать его в руке своей так же ловко⁵⁴, как цыган возжи коренной своей лошади⁵⁵. Но за Дочкою совершенно мы позабыли⁵⁶, что и она сидела тут же на высоте воза в нарядной шерстяной Кофте зеленого цвета⁵⁷, по которой будто по горностаевому меху нашиты были хвостики красного цвета, в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска, в ситцевом цветном очипке⁵⁸, нимало однако ж не скрасившем плоского красного лица, по которому проскальзывало что-то такое неприятное⁵⁹, что каждый⁶⁰ тотчас спешил перенести встревоженный глаз свой на веселенькое личико дочки.

Глазам наших⁶¹ путешественников начал уже открываться Псел, издали уже веяло прохладою. Сквозь темно и светлозеленые листья небрежно раскиданных по лугу деревьев⁶² засверкали серебром и огненные, одетые холодом искры, и река-красавица обнажила серебряную⁶³ грудь, на которую роскошно⁶⁴ падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она, в те упоительные часы⁶⁵, когда⁶⁶ верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело⁶⁷, ее лилейные плечи, мраморную, осененную темною

⁵¹ *Вместо:* из прохожих — было: а. че <ловек>; б. из прое <зжих>

⁵² *Было:* батька

⁵³ *Вместо:* и душою — было: может, всею душою

⁵⁴ *Вместо:* держать его в руке своей так же ловко — было: держать то так ловко

⁵⁵ *Вместо:* возжи коренной своей лошади — было: коренную лошадь

⁵⁶ *Вместо:* Но за дочкою совершенно мы позабыли — было: Но мы и позабыли

⁵⁷ *Далее начато:* а. с красными пуг <овицами>; б. с красными будто

⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* у <крашавшем?>

⁵⁹ *Вместо:* что-то такое неприятное — было: какое-то такое неприятное

⁶⁰ *Было:* всякий

⁶¹ *Было:* нашего

⁶² *Вместо:* листья небрежно раскиданных по лугу деревьев — было: а. листья деревье <в>; б. листья небрежно раскиданных по лугу дерев

⁶³ *Вместо:* обнажила серебряную — было: а. открыла свою; б. открыла блестящую

⁶⁴ *роскошно вписано*

⁶⁵ *Далее начато:* минуты

⁶⁶ *Далее зачеркнуто:* когда

⁶⁷ *Вместо:* ее полное гордости и ослепительного блеска чело — было: а. гордые, божественные ее черты; б. гордые, прекрасные ее черты; в. ее обнажен <ные>

упавш <ею> с русой⁶⁸ волною шею^{69, 70} с презрением кидает одни укрращения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца⁷¹. Чудесная река <Л. 2> каждый год перемещает св<ои> окрестности⁷², луга и деревья и пролагает новый путь.

Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мочно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей широте и величии как цельное стекло разостлалась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы, все опрокинулось и стояло и ходило верх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну. Красавица наша, сидя на возу, задумалась, глядя⁷³ на роскошь⁷⁴ открывшего перед ней вида, и позабыла даже лузать свой подсолнечник, которым исправно занималась во все время пути своего. Как вдруг слова «ай да гарна Дивчина!» поразили слух, оглянувшись, увидела стоявших на мосту нескольких⁷⁵ парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке⁷⁶, в серой решетиловских Смушек⁷⁷ Шапке, стоял, подпершись в боки, и молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, жаждавших видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежит произнесенное слово. «Славная девушка» продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз, «я бы отдал все свое хозяйство⁷⁸, чтобы только поцеловать. А вот впереди⁷⁹ и Дьявол сидит!» Хохот поднялся со всех сторон, но разряженной сожительн<ице>⁸⁰ нашего медленного мужика не слишком показалось такое приветствие⁸¹, красные щеки ее

⁶⁸ упавш <ею> с русой *вписано*

⁶⁹ Так в рукописи; ср. в ВД1: мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы, волною

⁷⁰ Перед: с презрением кидает — *зачеркнуто*: меняет

⁷¹ Так в рукописи; ср. в ВД1: и капризам ее конца нет

⁷² Вместо: свои окрестности — *было*: свои украшения

⁷³ Было: следу<я>

⁷⁴ Далее *зачеркнуто*: вида

⁷⁵ Было: четырех

⁷⁶ Вместо: в белой свитке — *было*: в белой юпке [повязанной красным поясом]

⁷⁷ Вместо: решетиловских Смушек — *было*: решетиловской Смушке

⁷⁸ Вместо: все свое хозяйство — *было*: а. всю свою худобу; б. все свое доб<ро>

⁷⁹ Далее *зачеркнуто*: ее

⁸⁰ Вместо: разряженной сожительн<ице> — *было*: почтенной со<жительнице>

⁸¹ Далее *зачеркнуто*: щеки

вспыхнули и обратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на головы разгульных парубков⁸². «Ах ты негодный сорванец, Нелегка⁸³ позабирала бы всю родню⁸⁴ твою!»

«Ах ты старая ведьма!»⁸⁵

«Ах ты Сатанинское⁸⁶ отродье, вишь молокосос какой-нибудь. Дрянь..» Тут воз начинал спускаться с мосту.⁸⁷ Последние слова едва были слышны⁸⁸, но разгульный парубок наш не хотел этим кончить⁸⁹ и потому, схвативши комок грязи, швырнул вслед за нею. Удар был удачнее⁹⁰, нежели мог он думать. Весь новый ситцевый очипок щег<олихи?>⁹¹ был⁹² забрызган грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новою силою к несказанной досаде пожилой щеголихи⁹³. Воз отъехал в это время⁹⁴ уже довольно далеко, и месть ее обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя⁹⁵, который, будучи привычен издавна к подобным явлениям, сохранял упорное⁹⁶ молчание, хладнокровно принимая мятежные речи разгневанной супруги до тех пор, [покаместь]⁹⁷ не въехали они в пригород⁹⁸ на загроможденный двор⁹⁹ к одному козаку, куму и старому знакомому¹⁰⁰ <Л. 2 об.> нашим путешественникам, которым всего нужнее дать отдых после такой дальней дороги.

⁸² *Вместо:* головы разгульных парубков — *было:* а. разгульные <головы?>; б. разгульных парубков

⁸³ *Было:* Нечистая сила (не зачеркнуто, незавершенная правка)

⁸⁴ *Было:* родную

⁸⁵ *Далее начато:* лю

⁸⁶ *Было:* нечистое

⁸⁷ Тут воз начинал спускаться с мосту. *вписано*

⁸⁸ *Вместо:* были слышны — *было:* было слышно

⁸⁹ *Вместо:* этим кончить — *было:* кончить так

⁹⁰ *Было:* так удачен

⁹¹ *Было:* а. пожилой щег<олихи>; б. старухи

⁹² *Было:* п<ерепачкан был?>

⁹³ *Вместо:* пожилой щеголихи — *было:* нашей ста<рухи>

⁹⁴ в это время *вписано*

⁹⁵ *Было:* Ч<еревика?>

⁹⁶ *Было:* при<вычное>

⁹⁷ *Вместо:* до тех пор, [покаместь] — *было:* покаместь (слова до тех пор *вписаны*)

⁹⁸ *Было:* город

⁹⁹ *Вместо:* загроможденный двор — *было:* двор

¹⁰⁰ *Вместо:* одному козаку, куму и старому знакомому — *было:* куму тамошнему

2.

Що Боже ты¹⁰¹ мій Господы, чога нема на тій ярмарцы! Колеса, скло, Деготь¹⁰², Тю-тюн, ремень, цыбуля¹⁰³ ... так¹⁰⁴ що хоть бы в кешени було рублив под тридцять, та на вси б стало закупить краму усего¹⁰⁵.

(Из Малор. Комедии)

Случалось ли вам слышать иногда¹⁰⁶ где-[то] валящийся отдаленный [водопад], когда¹⁰⁷ вам издали уже чудятся неясные звуки.¹⁰⁸

Кто не видал и не был когда-нибудь в вихре шумной ярмарки, когда весь народ с своим товаром сростается в одно огромное чудовище, шевелится всем корп<усом>¹⁰⁹ на площади и по тесным улицам шумит, гогочет¹¹⁰, гремит. Шум, треск, брань¹¹¹, бляенье, мычанье¹¹², рев, все сливается в один нестройный говор, как будто бы¹¹³ валится где-то отдаленный водопад и встревоженная¹¹⁴ окре<стность> полна гула¹¹⁵. Напрасны будут старания что-нибудь расслушать, узнать¹¹⁶, о чем идут речи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете, одни только продавец и покупатель понимают друг друга. Громкое хлопанье по рукам и распиванье могорыча одни только дадут знать вам¹¹⁷, сделка или покупка совершены. Приезжий наш мужик с чернобровою дочкою своею давно уже¹¹⁸ толка<лся> в народе, узнавал и примерялся к ценам. Все его мысли вертелися около одной точки, около 10 меш-

¹⁰¹ ты вписано

¹⁰² Было: дьоготь

¹⁰³ В рукописи: цыбыля

¹⁰⁴ так вписано

¹⁰⁵ Вместо: та на вси б стало закупить краму усего — было: то и тогда б, може, не закупив усего

¹⁰⁶ Вместо: слышать иногда — было: иног<да> слышать, когда

¹⁰⁷ Далее зачеркнуто: невн<ятные?>

¹⁰⁸ Случалось ли вам ~ неясные звуки. вписано

¹⁰⁹ шевелится всем корп<усом> вписано

¹¹⁰ Было: гогочут

¹¹¹ Далее зачеркнуто: мычание

¹¹² Было: гогот

¹¹³ Далее зачеркнуто: где-нибудь отдаленный водопад

¹¹⁴ Было: испуганная

¹¹⁵ Вместо: гула — было: гуло<м>

¹¹⁶ узнать вписано

¹¹⁷ Далее зачеркнуто: об успехе посольства

¹¹⁸ Было: уж

ков пшеницы, привезенных им на ярмарок, и старой кобылы, и потому весьма естественно, что он к великой досаде нашей красавицы терся¹¹⁹ почти возле одних¹²⁰ только возов с мукою и пшеницею и еще с дегтем, которого хотелось забрать на барыши. Между тем, как ее так и дергала непонятная сила под ятки к крамаркам, где развешаны были самые¹²¹ яркие ленты, перстни, серги, монисты¹²². Впрочем, она и тут много находила предметов себе для наблюдения. Ее¹²³ до чрезвычайности смешило, как цыган и мужик один били друг друга со всей силы по рукам, вскрикивая сами от боли. Как пьяный жид давал бабе киселя*. Как поссорившиеся перекупки кидались раками, приправляя побраками¹²⁴... Тут почувствовала она, что кто¹²⁵ дернул ее за рукав сорочки. Оглянулась, и паробок в белой свитке с огняркими очами стоял перед нею. Жилки ее вздрогнули и сердце забилось так, как еще никогда ни при какой радости, ни при каком горе, и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею. «Не бойся, серденько. Не бойся» говорил он ей вполголоса, взявши ее руку «убей меня гром на том месте, если держу на уме что худое против тебя». «Верно, это лукавый» думала про себя красавица¹²⁶ «¹²⁷сама, кажется, знаешь, что не годится¹²⁸ так..., а чувствуешь, что силы недостает взять от него руку». Мужик оглянулся и хотел что-то сказать дочке, но в стороне послышалось ему слово пшеница. Это магическое слово заставило его, оставивши все, обрати<ться>, и он в ту же минуту [приблизился]¹²⁹ к двум жарко разговаривавшим негоциантам, позабыв все на свете¹³⁰, устремив все внимание на любимый предмет свой.

* Дать киселя значит ударить кого-нибудь сзади ног.

¹¹⁹ *Вместо:* к великой досаде нашей красавицы терся — *было:* безвыходно терся

¹²⁰ *Было:* одного

¹²¹ *Было:* пес<трые>

¹²² *Было:* и монист

¹²³ *В рукописи:* ей

¹²⁴ *Так в рукописи*

¹²⁵ *Так в рукописи*

¹²⁶ *Было:* девушка

¹²⁷ *Перед:* сама — *зачеркнуто:* сама и чу<вствуешь>

¹²⁸ *В рукописи:* неходится

¹²⁹ *Вместо:* Это магическое слово ~ [приблизился] — *было:* И он, оставивши все, приблизился

¹³⁰ *Далее зачеркнуто:* Разговор пошел

Чи бачышь, вин якої парньще,
На свити трохи¹³¹ есть таких,
Сивуху так як¹³² брагу хльще.

(Котляревский)

«Так ты думаешь, земляк, что <п>лохо пойдет наша пшеница» говорил один¹³³ Человек, с вида¹³⁴ похожий весьма на заезжего мещанина, обитателя какого-нибудь местечка, в пестревых, запятнанных дегтем и засаленных шараварах, другому, с широким носом и огромною¹³⁵ на нем шишкою.

«Да думать нечего тут,¹³⁶ я готов кинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса перед рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку».

«Кого ты, земляк, морочишь¹³⁷. Привозу ведь¹³⁸, кроме наше-го¹³⁹, нет вовсе»¹⁴⁰ продолжал¹⁴¹ человек в¹⁴² пестревых шараварах.

«То-то и есть¹⁴³, что если где замешается чертовщина, то будет столько прока, сколько от Барана молока» значительно отвечал человек с шишкою на носу.

«Как чертовщина» подхватил человек в пестревых шараварах.

«Слышил ты, что поговаривают в народе» говорил человек с шишкой.

«Ну!»

«Ну, то-то ну. Комиссар, чтобы ему чихалось так¹⁴⁴ после каждой пучки табаку, как после горячей воды,¹⁴⁵ отвел для ярмарки проклятое место¹⁴⁶, на котором хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли

¹³¹ Было: мало

¹³² Было: мов (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹³³ Далее зачеркнуто: с ви<да>

¹³⁴ Вместо: с вида — было: видом

¹³⁵ Было: широкою (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹³⁶ Далее зачеркнуто: что плохо

¹³⁷ Далее начато: продолжал

¹³⁸ Вместо: Привозу ведь — было: да вот привозу

¹³⁹ Далее зачеркнуто: ни<како>го

¹⁴⁰ В рукописи: воси

¹⁴¹ В рукописи слово повторено дважды

¹⁴² Перед: пестревых — зачеркнуто: сер<ых>

¹⁴³ Вместо: То-то и есть — было: То-то и диво

¹⁴⁴ так вписано

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: говорят

¹⁴⁶ Вместо: проклятое место — было: такое проклятое место

ты¹⁴⁷ тот старый развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою». Тут¹⁴⁸ дородный отец нашей красавицы подсунулся¹⁴⁹ еще ближе и весь превратился во внимание. «В том сарае¹⁵⁰ то дела, что водятся чертовские шашни, и ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды, вчера волостный писарь проходил поздно вечером, только в слуховое окно выставил свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже. То же жди, что опять покажется кармазинная¹⁵¹ свитка».

«Что ж это за красная свитка?»

Тут у нашего слушателя поднялись¹⁵² дыбом седые волосы, со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка и парубок в свитке¹⁵³ стояли обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки и позабыв про все происхо<дящее>¹⁵⁴ на свете. Это разогнало немного его страх и возвратило его к прежней беспечности¹⁵⁵.

«Эге¹⁵⁶, ге, ге! Да ты мастер, как вижу, обниматься. Чорт меня возьми, если я не на четвертый только день после свадьбы¹⁵⁷ выучился обнимать мою¹⁵⁸ покойную Хвеську. Да и то, спасибо куму, бывши дружкой, выучил уже»¹⁵⁹.

Парубок заметил тотчас, что Отец его любезной не слишком¹⁶⁰ дальше, и в мыслях решился попытаться склонить его в свою пользу. ¹⁶¹«Ты, верно, человек добрый¹⁶², не знаешь меня¹⁶³, а Я тебя тотчас узнал».

«Может и узнал».

¹⁴⁷ Было: тот

¹⁴⁸ Далее зачеркнуто: наш

¹⁴⁹ Было: пр<идвинулся?>

¹⁵⁰ Далее зачеркнуто: его

¹⁵¹ Было: красная

¹⁵² Было: во<лосы?>

¹⁵³ в свитке вписано

¹⁵⁴ Вместо: позабыв про все происхо<дящее> — было: позабыв про все свитки

¹⁵⁵ Вместо: возвратило его к прежней беспечности — было: возвратило ему ве-

селость

¹⁵⁶ Было: Ге

¹⁵⁷ после свадьбы вписано

¹⁵⁸ Было: по<койную>

¹⁵⁹ Вместо: бывши дружкой, выучил уже — было: который, бывши дружкой, выучил меня

¹⁶⁰ Было: не совсем

¹⁶¹ Перед: Ты — зачеркнуто: вер<но>

¹⁶² В рукописи: дорби

¹⁶³ Вместо: не знаешь меня — было: а. не узнаешь меня; б. знаешь меня

«Если хочешь, так и имя, и прозвище, и всяку всячину¹⁶⁴, тебя зовут Солопий¹⁶⁵ Черевик».¹⁶⁶

«Так, Солопий¹⁶⁷ Черевик».

«А взглядь-ка хорошенько, а не узнаешь ли меня?»

«Нет, не познаю, не в гнев будь сказано, на веку столько довелось навидаться рож всяких, что чорт сам припомнит всех».

¹⁶⁸ «Жаль же, что ты не припомнишь Голупупенкова сына».

«А ты разве Охримов сын».

«Да не кто другой, конечно».

<Л. 3 об.> Тут пошли обнимания и¹⁶⁹ наш Голупупенкив сын, не желая терять напрасно времени, тотчас и осадил нового своего знакомого. «Ну, Солопий, вот как видишь, я и дочка полюбили один одного так, что хоть бы и навеки жить вместе».

«Что, Параска» оборотился Черевик, смеясь, к нашей красавице.¹⁷⁰ «Не в самом ли деле, чтобы уже как говорят вместе и того... чтоб¹⁷¹ и паслись на одной траве. Что!¹⁷² по рукам! а ну-ка, новобранный зять, дай-ка могорычу». И все трое очутились известной ярмарочной ресторации¹⁷³ под яткою у жидовки, в которой весь стол¹⁷⁴ был усеян флашками, сулеями, бутыл<ями> возрастов. «Эх, хват, за это люблю¹⁷⁵» говорил Черевик, немного подгулявши, глядя, как его нареченный зять налил кружку величиной с полкварти и немало¹⁷⁶ поморщившись выпил до дна, обратив ее потом¹⁷⁷ вдребезги. «Что скажешь, Параска! какого я тебе жениха даю. А?¹⁷⁸ Смотри, смотри, как он тянет молодецки пен-

¹⁶⁴ Так в рукописи; ср. в ВД1: и всякую всячину расскажу

¹⁶⁵ Солопий вписано

¹⁶⁶ Далее с абзаца вписано и зачеркнуто: Может и скажешь

¹⁶⁷ Солопий вписано

¹⁶⁸ Перед: «Жаль — начато: Голо<пупенкова?»

¹⁶⁹ Далее зачеркнуто: пару<бок>

¹⁷⁰ Вместо: «Что, Параска» оборотился Черевик, смеясь, к нашей красавице. — было: а. Что, дочко!; б. Что, дочко! — оборотился Черевик к нашей красавице

¹⁷¹ чтоб вписано

¹⁷² Было: Что?

¹⁷³ известной ярмарочной ресторации вписано

¹⁷⁴ Далее зачеркнуто: снизу доверху

¹⁷⁵ Вместо: Эх, хват, за это люблю — было: Эх, молодец

¹⁷⁶ Было: неско<лько>

¹⁷⁷ потом вписано

¹⁷⁸ Вместо: Что скажешь, Параска! какого я тебе жениха даю. А? — было: а. Какого, Параска, я жениха даю; б. Что же скажешь, Параска! я тебе даю какого

ную». И, смеясь и слабо покачиваясь¹⁷⁹, побрел¹⁸⁰ с нашей¹⁸¹ красавицею к своему возу, а наш парубок отправился по рядам с красными то-варями, в которых находились купцы даже из Гадяча и Миргорода, двух знаменитых уездных городов в Полтавской губернии, выглядывать по-лучшую деревянную люльку в медной щегольской оправе,¹⁸² цветистый по красному полю платок и шапку тестю¹⁸³ и другим всем, кому следует.

4.

Хоть челоуикам не онее,
Да колы жинци бачышь тее,
Так треба угодити¹⁸⁴.

Котляревский

«Ну, жинко! а я нашел жениха дочке!»

«Вот на! Как раз до того теперь, что женихов отыскать, вот уже Дурень. Тебе, верно¹⁸⁵, и на роду написано таким остаться. Где ж та-ки ты видел, где ж таки ты слышил, чтобы добрый человек стал го-няться¹⁸⁶ теперь за женихами. Ты б подумал лучше, как пшеницу сбыть. Хорош¹⁸⁷ уже¹⁸⁸ там жених должен быть¹⁸⁹, я думаю, обор-ваннейший из всех голодрабцов».

«Э, как бы не так. Посмотрела бы¹⁹⁰ ты, что там¹⁹¹ за парубок, одна свитка больше стоит, чем твоя зеленая кофта и красные сапоги. А как сивуху славно дует!.. Чорт меня возьми вместе с тобою, если я видел еще на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварти, не поморщившись».

¹⁷⁹ *Вместо:* И, смеясь и слабо покачиваясь — *было:* а. и покачиваясь; б. и сме-ясь и покачиваясь

¹⁸⁰ *Было:* отправился

¹⁸¹ *Было:* сво<ею>

¹⁸² *Далее зачеркнуто:* и

¹⁸³ *Вместо:* и шапку тестю — *было:* а. и шапку для гостинцев тестю; б. и шапку для свадебных гостинцев тестю

¹⁸⁴ *Далее зачеркнуто:* им

¹⁸⁵ *Вместо:* Тебе, верно — *было:* а. ты на<верно>; б. сказано тебе верно

¹⁸⁶ *Было:* бегать

¹⁸⁷ *Было:* хороши

¹⁸⁸ *уже вписано*

¹⁸⁹ *Далее зачеркнуто:* об<орваннейший?>

¹⁹⁰ *Было:* Посмотрела б

¹⁹¹ *там вписано*

«Ну так, ему если пьяница да бродяга, так то с его руку, бьюсь об заклад, если это¹⁹² не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадетс¹⁹³ мне, я бы ему дала себя знать».

«Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый. Чем же¹⁹⁴ он сорванец».
¹⁹⁵«О, чем же он сорванец! Ах ты, безмозглая башка. Слышишь. Чем же он сорванец! Куда¹⁹⁶ ты запрятал дурацкие глаза свои¹⁹⁷, когда проезжали мы мельницы. Ему хоть бы тут перед его запачканным в тютюне¹⁹⁸ носом нанесли жинке бесчестье. Ему бы и нуж<ды> не было».

<Л. 4> «Да все же, однако, я не вижу в нем ничего худого. Парень хоть куда. Только разве что заклеил твою образину на время навозом».

«Эге, да ты, как я вижу, слова не дашь мне выговорить, а что это значит. Когда это бывало с тобою? Ты, верно, успел¹⁹⁹ хлеснуть²⁰⁰ не продавши еще ничего».

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур²⁰¹, и закрыл в одно мгновение голову свою обеими руками, предполагая, без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в Его волосы своими острыми²⁰² супружескими кохтями.

«Туда к чорту! вот тебе и свадьба» думал он про себя, уклоняясь от сильно наступившей супруги. «Придется отказать доброму человеку²⁰³ ни за что ни про что. Господи Боже мой²⁰⁴, за что такая напасть на нас грешных! и так много дряни всякой²⁰⁵ на земле, а ты еще и жиннок наплодил».

¹⁹² *Вместо:* так то с его руку, бьюсь об заклад, если это — *было:* так это с его руку, бьюсь об заклад, если то

¹⁹³ *В рукописи:* не падетс^я

¹⁹⁴ *же вписано*

¹⁹⁵ *Перед:* «О, чем же он — *зачеркнуто:* Слышишь

¹⁹⁶ *Было:* а. где; б. куда же

¹⁹⁷ *Вместо:* дурацкие глаза свои — *было:* свои дурацкие глаза

¹⁹⁸ запачканным в тютюне *вписано*

¹⁹⁹ *Было:* изволил

²⁰⁰ *Было:* хлеснуть уже

²⁰¹ *Далее зачеркнуто:* уже

²⁰² острыми *зачеркнуто и восстановлено*

²⁰³ *Было:* п<арубку?>

²⁰⁴ *Вместо:* Господи Боже мой — *было:* о Боже

²⁰⁵ всякой *вписано*

5.

Рассеянно глядел парубок наш в белой свитке, сидя²⁰⁶ у²⁰⁷ своего воза, на глухо шумевший со всех сторон²⁰⁸ народ. Усталое²⁰⁹ солнце уходило от мира, и спокойно пылавший в полдень и утро день и пленительно и грустно и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого²¹⁰ недуга в торжественную минуту ее отлета на небо. Ослепительно²¹¹ блестели<?> верхи белых шатров и яток, осененные каким-то едва примет<ным> тонким²¹² огненно розовым светом. Стекла наваленных кучей оконниц горели, зеленые фляшки²¹³ и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные. Горы дынь, арбузов и тыкв казались вылитыми из золота и темной меди. Говор приметно утишался и усталые языки перекупок, жидов и цыган ленивей и медленнее поворачивались. Где-где начинал сверкать огонек, и благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам. «О чем загорюнился Грицко» вскричал высокий загоревший цыган, ударив по плечу нашего парубка? «Что ж, отдавай²¹⁴ волы за тридцать».

«Тебе бы все волы да волы, вашему племени все бы корысть только; поддеть да обмануть доброго человека».

²¹⁵ «ТЬфу. Дьявол²¹⁶. Да ты не на шутку раскапрызился. Уж не с досады ли что сам навязал себе невесту».

«Нет, это не по-моему²¹⁷, я держу свое слово, что раз сделал, тому и навеки быть. А вот у Хрыча²¹⁸ Черевика нет совести видно и на²¹⁹ полшегега²²⁰, сказал да и назад²²¹. Ну, да его и винить нечего,

²⁰⁶ *сидя вписано*

²⁰⁷ *Было: б<лиз?>*

²⁰⁸ *Вместо: глухо шумевший со всех сторон — было: шумевший на горе со всех сторон*

²⁰⁹ *Усталое вписано*

²¹⁰ *В рукописи: неумого*

²¹¹ *Далее зачеркнуто: а. вер<хи>; б. бел<ые>*

²¹² *Было: тонч<айшим?>*

²¹³ *Было: ч<арки?>*

²¹⁴ *Было: ост<авляй?>*

²¹⁵ *Перед: Тьфу — зачеркнуто: Экая*

²¹⁶ *Далее зачеркнуто: что я*

²¹⁷ *«Нет, это не по-моему вписано*

²¹⁸ *Было: хрыча*

²¹⁹ *на вписано*

²²⁰ *В рукописи: полжегега*

²²¹ *сказал да и назад вписано*

он деревянный чурбан и больше ничего²²². Тут всему вина старая ведьма, которую мы сегодня ругнули с хлопцами на все боки! Эх, если бы я был Царь или Пан великий²²³, я бы первый перевешал всех тех²²⁴ Дурней, которые позволяют²²⁵ себя седлать бабам²²⁶ и ходят у них в оглоблях вместо кобыл».

²²⁷ «Отдашь за тридцать волов, если мы заставим Черевика отдать нам Параску».

«Не за тридцать, а за двадцать²²⁸ отдам, если не соврешь только».

«Смотри ж, не забывай, за двадцать, вот тебе и пара синиц в задаток».

<Л. 4 об.> «Ну, а если солжешь?»

«Солгу — задаток твой!»

«Ладно. Ну давай же по рукам, давай».²²⁹

<6.>

Ох мени лыхо, Роман оттепер
як раз насадыть мени бебехив, да и
вам, пане Хомо, не без лиха буде.

Из Малоросс. комедии²³⁰

«Суда, Афанасий Иванович, вот тут честокол²³¹ пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь. Дурень мой отправился на всю ночь с²³² кумом и дочкою под возы, что не украд²³³ кто-нибудь чего». Так грозная сожигательница Черевика²³⁴ ласково ободряла трусливо лепившего около забора Поповича, который поднялся наконец на честокол²³⁵ и, как будто длинное страшное приви<дение?>, долго стоял в недоуме-

²²² *Вместо:* и больше ничего — *было:* да и только

²²³ *Вместо:* Царь или Пан великий — *было:* Царем или Паном великим

²²⁴ *тех вписано*

²²⁵ *Было:* позволяют

²²⁶ *Далее зачеркнуто:* и ездить

²²⁷ *Перед:* Отдашь — *зачеркнуто:* А про<дашь>

²²⁸ *Было:* де<сять?>

²²⁹ *Так в рукописи*

²³⁰ *Вместо:* Ох мени лыхо ~ комедии — *было:* А ты милый, чернобрывый, Прысунья близенько. Песня

²³¹ *Было:* а. тын; б. забор

²³² *Было:* п<од возы?>

²³³ *Далее зачеркнуто:* чего

²³⁴ *Далее зачеркнуто:* пригл<ашала>

²³⁵ *Было:* забор

нии²³⁶, измеривая оком, куда бы лучше спрыгнуть, и наконец с шумом обрушился в бурьян.

«Вот беда, не ушиблись ли вы. Не сломили еще, Боже оборони, шеи» лепетала²³⁷ заботливая²³⁸ Хивря.

«Тс, ничего, ничего, Любезнейшая Хавронья Никифоровна²³⁹» боязненно и шопотно произнес по <по>вич, подымаясь на ноги, «выключая только уязвления со стороны Крапивы, сего песьеподобного зелия, по выражению покойного нашего протопопаша».

«Пойдемте ж в хату. Теперь никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам болячка или сонешница²⁴⁰ пристала. Нет да нет²⁴¹, как же вы теперь поживаете. Я слышала, что Пан отцю перепало теперь немало всякой всячины».

«Суцая безделица, Хавронья Никифоровна! Батюшка всего получил за весь пост за все труды свои <1 нрзб.>²⁴² мешков шесть Ярового, Проса мешка два, кнышей с сотню. А кур всего если сосцывать, то не будет и пятидесяти штук, яйцы — немалою частию протухлые. Но воистину сладостные²⁴³ Приношения, примерно сказать, нашему брату предстоит только от вас получить²⁴⁴, Хавронья Трофимовна» продолжал попovich, умильно поглядывая на полные ее груди и подсовываясь к ней поближе.

«Вот вам и приношения, Афанасий Иванович» приговорила она, ставя на стол две миски и жеманно застегивая свою, как будто бы нечаянно расстегнувшую²⁴⁵ кофту. «*Варéнички, галúшечки пшенíчненьки*²⁴⁶, *пампúшечки*, кушайте на здоровье».

«Всякое даяние Благо и всяк дар совершенен. Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое²⁴⁷ жаждет от вас кушанья²⁴⁸ послаще всех пампушечек и галушечек».

²³⁶ Было: в неудо<?>

²³⁷ В рукописи: лететала

²³⁸ заботливая вписано на полях

²³⁹ Было: Осиповна

²⁴⁰ Было: соняшница

²⁴¹ Место: Нет да нет — было: Нет да и <нет?>

²⁴² за все труды свои <1 нрзб.> вписано

²⁴³ Но воистину сладостные вписано

²⁴⁴ Место: нашему брату предстоит только от вас получить — было: со стороны вашей

²⁴⁵ Место: нечаянно расстегнувшую — было: невольно расстегнутую

²⁴⁶ Далее зачеркнуто: товченички

²⁴⁷ Было: наше<?>

²⁴⁸ Место: от вас кушанья — было: еще кушанья от вас

«Вот я уже и не знаю, какого вам еще кушанья хочется, Аванасий²⁴⁹ Иванович!» отвечала отжившая свой престелница²⁵⁰, стыдливо потупив в землю глаза свои.

«Разумеется, любви вашей, любезная, несравненная Хавронья Никифоровна» вскричал Попович, держа в одной руке вареник, а другую обнимая полный стан Хавроньин²⁵¹.

«Бог знает, что вы²⁵² выдумываете, Аванасий Иванович» молвила она с прежней стыдливостью <ю>, не стараясь, однако ж, освободиться от объятий поповича²⁵³. «Я вас просила так только посидеть..» Тут послышались на дворе²⁵⁴ говор и стук в ворота. Хивря поспешно выбежала и с бледностью и дрожащими губами²⁵⁵ возвратилась. «Ну, Афанасий²⁵⁶ Иванович, нас застукали. Кум с возами и дурнем моим дожидается под воротами²⁵⁷ и, как кажется, не без гостей». ²⁵⁸ При этом слове вареник остановился в горле поповича, глаза его выпучились²⁵⁹, как будто какой-нибудь выходец с того света только что сделал перед тем ему визит свой. «Что делать, полезайте-ка суда, Афанасий Иванович» кричала испуганная Хивря, указывая на положенные почти под самым потолком на двух перекладинах доски²⁶⁰, на которых была навалена²⁶¹ домашняя поклажа. Опасность придала духу поповичу²⁶². Опаматовавшись немного, вскочил ногами на лежа <нку>²⁶³ и полез оттуда осторожно на доски, а Хивря побежала немедленно к воротам.

²⁴⁹ Так в рукописи

²⁵⁰ Так в рукописи

²⁵¹ Вместо: полный стан Хавроньин — было: дородный стан Хиврин

²⁵² Вместо: Бог знает, что вы — было: Вы бог знаете что

²⁵³ не стараясь, однако ж, освободиться от объятий поповича *вписано*

²⁵⁴ Далее зачеркнуто: стук

²⁵⁵ Вместо: с бледностью и дрожащими губами — было: вся побледневши

²⁵⁶ Было: Аванасий

²⁵⁷ Далее зачеркнуто: и еще

²⁵⁸ Далее зачеркнуто: что

²⁵⁹ Вместо: выпучились — было: остановились, как будто хотели вон, <он> трясся и судорожно хватался за [накладенные] сваленные под потолком комнаты

²⁶⁰ Вместо: на двух перекладинах доски — было: на досках

²⁶¹ Далее зачеркнуто: покл <ажа?>

²⁶² Было: нашему поповичу и заставила его опамято <ваться>

²⁶³ Вместо: вскочил ногами на лежа <нку> — было: а. стал на ноги; б. стал ногами на лежанку и потянулся

От таке чортовщины завелося.

(Из Малорос. комедии)²⁶⁴

На ярмарке случилось удивительное происшествие, все наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась красная свитка.²⁶⁵ Старухе, продававшей бублики, почудился Сатана в костюме ужасной свиньи, который беспрестанно наклонялся как бы ища чего. Это быстро разнеслось по всем углам уже утихавшего табора, и все считали пре<с>туплением не верить этому, несмотря на то, что продавица бубликов²⁶⁶, которой открытая лавка была рядом с яткою²⁶⁷ шинкарки, едва держалась на ногах. К этому присоединились еще²⁶⁸ увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалившемся сарае. Так что в вечеру теснее жались друг к другу, спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои. Другие совсем поубрались, и к числу последних принадлежал и наш Черевик с кумом и Дочкою, которые вместе с просившимися к ним в хату²⁶⁹ гостями и произвели тот сильный стук,²⁷⁰ перепугавший так нашу страстную Хиврю. Кума уже немного²⁷¹ поразобрало. Это можно было видеть из того, что он два раза объехал с своим возом по двору²⁷², покамест нашел хату. Гости тоже были все в веселом расположении духа и без церемонии вошли в хату прежде Самого хозяина.²⁷³ Дородная супруга нашего Черевика сидела как²⁷⁴ на иголках, видя, как гости принялись шарить по всем углам. «Что Кума!» вскричал вошедший²⁷⁵ кум «тебя все еще трясется²⁷⁶ лихорадка». «Да нездоровится» отвечала Хивря, беспокойно поглядывая на наваленные под потолком доски. «А ну жена, достань-ка там в возу Баклажок» говорил кум к приехав-

²⁶⁴ Место: От таке чортовщины ~ комедии) — было: Цур тоби, пек тоби

²⁶⁵ Далее начато: Происшествие, виденное

²⁶⁶ Место: продавица бубликов — было: бублица

²⁶⁷ Далее начато: с

²⁶⁸ еще вписано на полях

²⁶⁹ в хату вписано

²⁷⁰ Далее начато: [который] так (незавершенная правка)

²⁷¹ Было: до<вольно>

²⁷² Место: по двору — было: хату

²⁷³ Далее зачеркнуто: а. что; б. су<пруга>

²⁷⁴ Место: сидела как — было: была как

²⁷⁵ Было: входящий

²⁷⁶ Так в рукописи

шей с ним же жене «мы черкнем с добрыми людьми, а то проклятые бабы²⁷⁷ понапугали нас, что и сказать стыдно.. Ведь мы ей Богу по пустякам, братцы, приехали сюда» говорил он, прихлебывая из глиняной кружки. «Я тут же²⁷⁸ ставлю новую шапку свою, если бабам не вздумалось посмеяться над нами.²⁷⁹ Да хоть бы и в самом деле сатана, что Сатана? Плюйте ему на голову. Хоть бы сию минуту вздумалось ему стать²⁸⁰ вот здесь, например²⁸¹, передо мною, будь я собачий сын, если не поднес бы ему кукиш под самый нос». «Эге ге ге, отчего ты вдрут²⁸² побледнел весь». «Я?.. я?... Господь с вами! приснилось что ли? мне только так.... Нужно бы сходить за нуждою, да пускай уже погода немного²⁸³». Гости усмехнулись, баклажок прокатился по всему столу²⁸⁴, и гости сделались еще веселее прежнего. Тут наш Черевик²⁸⁵, которого любопытство дергало ужасно как²⁸⁶ разведать про красну²⁸⁷ свитку, приступил к куму. «Скажи, будь ласков, кум, вот²⁸⁸ прошусь <Л. 5 об.> да и не допрошусь историю про эту проклятую свитку».

«Эх, Кум²⁸⁹, оно бы не годилось рассказывать на ночь, да разве²⁹⁰ уже для того, чтобы угодить тебе и гостям²⁹¹ нашим, которым, я замечаю, страх хочется узнать про эту диковинку. Ну быть так. Слушайте ж, что говорят люди. Раз уже, за какую вину и не знаю²⁹², только выгнали одно <го> чорта из пекла».

«Вот, Кум!» прервал Черевик, «как же могло это случиться²⁹³, чтобы чорта выгнали из пекла».

²⁷⁷ *Далее зачеркнуто:* так пер<епугали?>

²⁷⁸ *Вместо:* Я тут же — было: вот я

²⁷⁹ *Далее начато:* И [вот явьсь]

²⁸⁰ *Далее зачеркнуто:* посреди

²⁸¹ например *вписано*

²⁸² *вдрут вписано*

²⁸³ *Вместо:* погода немного — было: после

²⁸⁴ *Вместо:* по всему столу — было: вокруг всего стола

²⁸⁵ *Далее зачеркнуто:* приступил к ку<му>

²⁸⁶ *Вместо:* которого любопытство дергало ужасно как — было: которому ужасно как

²⁸⁷ *Так в рукописи*

²⁸⁸ *Далее зачеркнуто:* <1 нрзб.>

²⁸⁹ *Кум вписано*

²⁹⁰ *Было:* так

²⁹¹ *Вместо:* угодить тебе и гостям — было: позабавить гостей

²⁹² *Вместо:* уже, за какую вину и не знаю — было: [вы<гнали?>] не зна<ю> уже и за что

²⁹³ *В рукописи:* стататься

«Что ж²⁹⁴ делать, Кум, выгнали да и выгнули, как собаку мужик выгоняет из хаты²⁹⁵.. Может бы, на него нашла блажь сделать какое-нибудь доброе дело. Ну и указали двери. Вот чорту бедному²⁹⁶ так стало скучно, так²⁹⁷ скучно по пекле²⁹⁸, что хоть до петли. Что делать. Давай с горя пьянствовать²⁹⁹. Угнезвился³⁰⁰ в том самом сарае, который, видел, развалился под горою³⁰¹ и³⁰² мимо которого ни один добрый человек не пройдет теперь, не оградя себя крестом святым³⁰³. И стал чорт такой гуляка, како теперь не сыщешь между всеми³⁰⁴ парубками нашими. С утра до вечера то и дела что сидит в шинке».

Тут опять строгий³⁰⁵ Черевик прервал нашего рассказчика³⁰⁶. «Бог знает, что говоришь ты кум! как таки можно, чтобы чорта впустил кто-нибудь в шинок. Ведь у него же есть³⁰⁷ и когти на лапах и рожки на голове».

«Вот то-то и штука³⁰⁸, что на нем была всегда шапка и рукавицы. Кто его познает!³⁰⁹ Ну.³¹⁰ Гулял. Гулял. Наконец пришлось до того, что пропил все, что³¹¹ имел с собою. Шинкарь долго верил, наконец перестал. ³¹²Пришлось чорту заложить красную свитку чуть ли не в треть цены жиду³¹³, который [шинковал] тогда на Сорочинской Ярмарке, заложил и говорит ему “Смотри, жид, я прийду к тебе за³¹⁴

²⁹⁴ Было: же

²⁹⁵ В рукописи: хату

²⁹⁶ Было: по <пеклу?>

²⁹⁷ Было: х<оть?>

²⁹⁸ по пекле вписано

²⁹⁹ Далее зачеркнуто: и чорт стал такой гуляка

³⁰⁰ Было: поселился

³⁰¹ Было: горой

³⁰² Далее зачеркнуто: близ

³⁰³ Место: не оградя себя крестом святым — было: не пер<екрестившись?>

³⁰⁴ всеми вписано

³⁰⁵ Было: Ч<еревик?>

³⁰⁶ Место: Черевик прервал нашего рассказчика — было: а. Черевик наш прервал ку<ма?>; б. Черевик наш прервал рассказчика

³⁰⁷ есть вписано

³⁰⁸ Место: «Вот то-то и штука — было: Вот то и штука

³⁰⁹ Далее зачеркнуто: деньги в кармане, так и [ч<ерт?>] лукавый станет Ангелом

³¹⁰ Ну. вписано

³¹¹ Далее зачеркнуто: только

³¹² Перед: Пришлось чорту — было: а. что пр<икажешь?>; б. нечего делать

³¹³ Было: одному жиду

³¹⁴ Было: ч<ерез?>

свиткой ровно через год, береги ее”; и куды³¹⁵ делся после того сам, ни один поп не знает. Жид рассмотрел хорошенько свитку: сукно такое, что и в Миргороде не достанешь, а красный цвет горит³¹⁶, как огонь, так что³¹⁷ не нагяделся бы. Вот жиду показалось скучно дожидаться срока.³¹⁸ Почесал себе песики, да и содрал с какого-то приежжего пана мало не двадцать червонцев. О сроке жид и позабыл совсем. Как вот³¹⁹ под вечерок приходит какой-то человек. “Ну жид, отдавай-ка свитку мою”. Жид сначала было и не распознал, а после, как разглядел, так прикинулся, будто и в глаза его не видал³²⁰, “какую свитку, у меня³²¹ нет никакой свитки. Я знать не знаю твоей свитки”. Тот ничего, ушел, только в вечеру, как жид, заперши свою кануру на замок³²², перещитавши по сундукам³²³ деньги, кинул³²⁴ на себя простыню и начал по-жидовски молиться³²⁵ богу, слышит³²⁶ шорох, глядь, во всех окнах повывставялись свиньиные рыла....»

Тут посылшался какой неясный звук, похожий весьма на хрюканье свиньи,³²⁷ все побледнели. Пот выступил на лице³²⁸ рассказчика.

<Л. б> «Что?» произнес в испуге Черевик.

«Ничего!..» отвечал кум, дрожа всем телом.

«Ась!..» отозвался один из гостей.

«Ты сказал?....»

«Нет!»

«Кто ж это хрюкнул!»

«Бог знает, чего мы³²⁹ переполошились! Никого нет». Все робко стали³³⁰ обсматриваться вокруг и начали шарить по углам, а Хивря была ни жива ни мертва. «Эх вы, бабы бабы» произнесла она громко

³¹⁵ Было: куда

³¹⁶ горит вписано

³¹⁷ Далее зачеркнуто: смотре<л бы?>

³¹⁸ Далее зачеркнуто: а. Спустил; б. Сод<рал?>

³¹⁹ Далее зачеркнуто: тоже так

³²⁰ Вместо: его не видал — было: не видел

³²¹ Далее зачеркнуто: меня

³²² жид, заперши свою кануру на замок вписано

³²³ Далее зачеркнуто: своим

³²⁴ Было: напялил

³²⁵ Было: к<ланяться?>

³²⁶ Далее зачеркнуто: в окнах

³²⁷ Далее зачеркнуто: Рассказчик побледнел и все гости

³²⁸ Было: на лбу

³²⁹ Было: вы

³³⁰ Вместо: робко стали — было: боязливо начали

«вам ли козаковать и быть мужьями. Вам бы веретено в руки, да посадить за гребень. Один кто-нибудь, может, прости Господи, угрешился, а все и³³¹ метнулись как полумумные». Это³³² привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться. Кум хлебнул из кружки и начал³³³ рассказывать далее. «Жид обмер. Однако ж³³⁴ свиньиные Чудища повылезали и мигом оживили его плетеными тройчатками, заставивши танцовать повыше вот этого сволока. Жид в ноги и признался во всем, только свитки нельзя было уже воротить скоро. Пана обокрал на дороге какой-то цыган и продал свитку какой-то перекупке, та привезла ее снова³³⁵ на сорочинскую ярмарку, но уже никто не стал ничего почти покупать у нее с того времени³³⁶. Перекупка долго дивилась,³³⁷ наконец смекнула³³⁸, верно, это виною всему³³⁹ красная свитка, недаром ведь, когда вздумывалось ей надевать³⁴⁰, чувствовала,³⁴¹ что ее все давит³⁴². Тот же час³⁴³, ни мало не медля, бросила³⁴⁴ ее в огонь — не горит³⁴⁵ бесовская одежда! Перекупка умудрилась,³⁴⁶ подсунула в воз одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался, только масла никто и спрашивать не хочет. Эх, недобрые люди подкинули свитку. Схватил топор, изрубил³⁴⁷ ее в куски. Глядь³⁴⁸, и лезет один кусок к другому и снова целая свитка. Перекрестил секиру, хватил в другой раз, куски разбросал по всему месту³⁴⁹ и

³³¹ и вписано

³³² Далее зачеркнуто: заст<авило>

³³³ Было: стал

³³⁴ Вместо: Однако ж — было: Только (не зачеркнуто, незавершенная правка)

³³⁵ снова вписано

³³⁶ Далее зачеркнуто: как показала

³³⁷ Далее зачеркнуто: дивилась

³³⁸ Было: подум<ала>

³³⁹ виною всему вписано

³⁴⁰ Вместо: вздумывалось ей надевать — было: а. возьмешь ее в руку; б. возьмешь ее в руки, чувствовала; в. надевала ее; г. вздумалось ей надевать

³⁴¹ Далее зачеркнуто: она

³⁴² Вместо: все давит — было: а. давит что-то; б. что-то давит. Далее зачеркнуто: Вот в одно утро, когда затопила

³⁴³ Вместо: Тот же час — было: Тотчас

³⁴⁴ Было: кинула (не зачеркнуто, незавершенная правка)

³⁴⁵ Было: не х<очет?>

³⁴⁶ Далее зачеркнуто: подсунула ее

³⁴⁷ Было: порубил

³⁴⁸ Было: смо<трит>

³⁴⁹ Вместо: куски разбросал по всему месту — было: и куски разбросал по всему тому месту

уехал. Только с тех пор каждый год и как раз во время ярмарки чорт с свиной мордой ходит по всей площади и собирает куски своей свитки. Теперь, говорят, одного только левого³⁵⁰ рукава недостает ему.³⁵¹ Вот уж будет лет с десяток, как не было на этом месте ярмарки. Да не легкая дернула теперь³⁵² комиссара... от...» Другая половина слова замерла на устах рассказчика.³⁵³

Окно брякнуло с шумом, стекла, звеня, вылетели вон, и <1 нрзб.> Страшная Свиная рожа выставилась³⁵⁴, поводя очами, как будто спрашивая, что вы тут делаете, добрые люди. —

<Л. 6 об.> 8.

Цур тоби! Пек тоби! Сатанинске Наваждєніє!

Ужас оковал всех находившихся в хате. Кум,³⁵⁵ с разинутым ртом превратился в камень, глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить, разверстые пальцы остановились в судорожной неподвижности в³⁵⁶ воздухе, один из гостей, превышавший всех прочих целую головою и казавшийся³⁵⁷ всех прочих, в непобедимом³⁵⁸ ужасе подскочил³⁵⁹ с места и ударил головою об перекладину под потолком. Доски посунулись, и попovich с громом и треском полетел на землю. «Ай, ай! ай!» — кричал³⁶⁰ один, повалившись на лавке, болтая в ужасе руками и ногами. «Спасайте!» голосил³⁶¹ другой,³⁶² закрываясь тулупом. Кум³⁶³, выведенный из своего окаменения вторичным испугом, спрятался в судороге³⁶⁴ под подол своей супруги. Высокий храбрец полез в печь, несмотря на узкое отверстие, и сам задвинул себя ослоном, а

³⁵⁰ левого вписано

³⁵¹ Далее зачеркнуто: С тех <пор>

³⁵² теперь вписано

³⁵³ Другая половина слова замерла на устах рассказчика. вписано

³⁵⁴ Было: выглянула

³⁵⁵ Авторский знак; далее зачеркнуто: разинув рот

³⁵⁶ Было: на

³⁵⁷ Так в рукописи; было: бывший

³⁵⁸ непобедимом вписано

³⁵⁹ Было: соскочил

³⁶⁰ Далее зачеркнуто: он

³⁶¹ Было: кричал

³⁶² Далее зачеркнуто: навалясь

³⁶³ Далее зачеркнуто: поле <э>

³⁶⁴ Вместо: спрятался в судороге — было: полез

Черевик, как будто³⁶⁵ облитый кипятком, схвативши и наде <вши?> горшок на голову вместо шапки, бросился к дверям³⁶⁶ и, как полуумный, бежал по улицам, не видя земли под собою³⁶⁷. Усталость³⁶⁸ заставила его, однако ж³⁶⁹, уменьшить немного скорость своего бега. Сердце его колотилось, как мельничная ступа, пот лил градом, в изнеможении готов он³⁷⁰ уже был упасть на землю, как вдруг послышалось ему, что сзади кто-то гонится за ним. ³⁷¹Дух у него занялся. «Чорт! чорт!» кричал он, утроив³⁷² силы и удирая³⁷³ без памяти, и через минуту растянулся бессильно на земле. «Чорт, чорт» кричало, и он слышал только, как что-то с громом повалилось на него³⁷⁴. Тут память от него улетела и он, как страшный жилец³⁷⁵ тесного гроба, остался³⁷⁶ нем и недвижим, посередине дороги.

9.

«Слышишь, Влас» говорил, приподнявшись, один цыган из толпы других «возле нас кто-то помянул чорта!» «Мне какое дело» проворчал, потягиваясь, лежавший возле него сосед. «Хоть бы и³⁷⁷ не одного, а всех своих родичей помянул»³⁷⁸. «Но ведь так закричал кто-то, как будто душат его». «Мало ли чего не соврет человек»: ³⁷⁹«Воля твоя, хоть посмотреть нужно, а выруби-ка огня». Другой цыган, ворча про себя, поднялся на ноги два раза³⁸⁰, осветил смуглое лицо³⁸¹

³⁶⁵ *будто вписано*

³⁶⁶ *Вместо: схвативши ~ к дверям: было: а. бросился, схвативши горшок вместо; б. бросился, схвативши горшок на голову вместо шапки, бежать*

³⁶⁷ *Вместо: бежал по улицам, не видя земли под собою — было: очутился посреди улицы*

³⁶⁸ *Было: Устав*

³⁶⁹ *однако ж вписано*

³⁷⁰ *Было: у<же?>*

³⁷¹ *Перед: Дух — зачеркнуто: а. Чорт; б. Дыхание зажалось; в. Ч<орт?>*

³⁷² *Было: удвоив*

³⁷³ *Было: бежа*

³⁷⁴ *Вместо: слышал только, как что-то с громом повалилось на него — было: а. чувствовал только, что-то с громом повалилось на него; б. слышал, как что-то жив <ое?>*

³⁷⁵ *Было: оби<татель?>*

³⁷⁶ *Было: лежал*

³⁷⁷ *и вписано*

³⁷⁸ *Далее зачеркнуто: мало ли чего не соврет*

³⁷⁹ *Авторский знак*

³⁸⁰ *два раза вписано*

³⁸¹ *Вместо: смуглое лицо — было: вокруг себя (слова вокруг себя остались не-зачеркнутыми)*

искрами, будто молниями,³⁸² раздул губами зажегшийся трут и с каганцем³⁸³, обыкновенною малороссийскою светильнею, состоящею из³⁸⁴ разбитого, налитого овечьим жиром³⁸⁵ черепка, отправились, освещая. «Здесь³⁸⁶ лежит что-то» сказал один цыган «а посвети-ка сюда». Тут пристало к ним еще несколько человек. «Да что лежит, Влас?» «Да так, как будто два человека, один наверху, другой на низу. Который из них чорт, уже я и не распознаю!»

«А кто наверху?»

«Баба!»

<Л. 7> «Ну вот это-то³⁸⁷ и есть чорт».

Всеобщий³⁸⁸ хохот и шум разбудили наших мертвецов, которые, полны прошедшего испуга, долго стояли выпучивши глаза, глядя в ужасе на загорелые смуглые лица³⁸⁹ цыган,³⁹⁰ которые, озарившись местами³⁹¹ неверно и трепетно горевшим огнем³⁹² и отененные черными всклокоченными волнами, казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром и облаками мрака³⁹³ непробудной ночи.

10.

Цур тоби пек тоби Сатанинске Навождене³⁹⁴

Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами.³⁹⁵ Клубы дыма³⁹⁶ со всех труб понеслись навстречу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумела, овцы заблеяли, лошади заржали. Крик гусей и

³⁸² *Далее зачеркнуто: и*

³⁸³ *Было: светильнею; далее зачеркнуто: в руках отправились*

³⁸⁴ *Далее зачеркнуто: черепка*

³⁸⁵ *налитого овечьим жиром вписано*

³⁸⁶ *Было: Тут*

³⁸⁷ *Было: это ж*

³⁸⁸ *Всеобщий вписано на полях*

³⁸⁹ *Далее зачеркнуто: лица*

³⁹⁰ *Далее зачеркнуто: которые будучи озарены местами*

³⁹¹ *Далее зачеркнуто: бледно*

³⁹² *огнем вписано*

³⁹³ *Вместо: тяжелым подземным паром и облаками мрака — было: а. мраком непробудной; б. густым подземным паром и мраком*

³⁹⁴ *Цур тоби пек тоби Сатанинске Навождене вписано*

³⁹⁵ *Далее зачеркнуто: Приятный холод*

³⁹⁶ *Было: дыму*

перекупок, шум и говор понеслись³⁹⁷ снова по всему табору, и³⁹⁸ страшные³⁹⁹ слухи⁴⁰⁰ про красную свитку, наведшие такой страх⁴⁰¹ на народ в таинственные часы сумерек, казалось⁴⁰², исчезнул⁴⁰³ вместе с осветившим мир утром. Зевая и потягиваясь, лежал Черевик⁴⁰⁴ у кума под крытым соломою⁴⁰⁵ сараем вместе с конями и мешками муки и пшеницы и даже,⁴⁰⁶ кажется, вовсе не имел желания расстаться с своими грезами, как вдруг услышал голосок, так же знакомый, как убежище лени⁴⁰⁷, благословенная печь его хаты или шинок его дальней⁴⁰⁸ родички, находившийся в не больше десяти шагов от родного порога⁴⁰⁹. «Вставай. Вставай» трещала⁴¹⁰ на ухо нежная супруга, дергая его со всей силы за руку. Солопий⁴¹¹ вместо ответа надул щеки и начал болтать руками, подражая барабанному бою. «Сумасшедший!» закричала она, уклонясь от замашки руки ея⁴¹², которою чуть-чуть не задел он ее по лицу. Черевик Подвелся, протер немного⁴¹³ глаза и посмотрел вокруг. «Враг⁴¹⁴ меня возьми, если мне не представилась твоя рожа барабаном, на котором меня словно⁴¹⁵ москаля заставили выбивать зорю те самые свиньиные рожи, от чьих кнутафьев, как рассказывал кум, так легко плясалось⁴¹⁶ жиду». «Полно тебе че-

³⁹⁷ *Вместо:* овцы заблеяли ~ шум и говор понеслись — *было:* а. [блеяние] ржанье, блеяние, [крик, рев, шум понеслись]; б. овцы заблеяли, к<они?>; в. овцы заблеяли, лошади заржали. Гуси заго<готали?>

³⁹⁸ *Далее зачеркнуто:* народ

³⁹⁹ *страшные вписано*

⁴⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* так

⁴⁰¹ *Вместо:* наведшие такой страх — *было:* а. так напугавшие мн<ого?>; б. так много напугавшие; в. сильно поде<йствовавшие?>; г. произведшие такой уж<ас?>

⁴⁰² *казалось вписано*

⁴⁰³ *Так в рукописи*

⁴⁰⁴ *Далее зачеркнуто:* под

⁴⁰⁵ *соломою вписано*

⁴⁰⁶ *Далее зачеркнуто:* кажется, не хотел долго

⁴⁰⁷ *убежище лени вписано*

⁴⁰⁸ *Было:* род<ички?>

⁴⁰⁹ *Вместо:* находившийся в не больше десяти шагов от родного порога — *было:* к которому было не больше десяти шагов от порога его хаты

⁴¹⁰ *Далее зачеркнуто:* ему

⁴¹¹ *Было:* Ч<еревик?>

⁴¹² *Так в рукописи*

⁴¹³ *Было:* л<ицо?>

⁴¹⁴ *Было:* ч<ерт?>

⁴¹⁵ *Было:* как будто

⁴¹⁶ *Вместо:* от чьих кнутафьев ~ плясалось — *было:* а. от которых кнутафьев так; б. от кнутафьев, которых, как рассказывал кум, так лихо плясалось

пуху молотъ, ступай веди кобылу скорей на продажу. Стыд⁴¹⁷. Приехали на ярмарку и хоть бы горсть пеньки продали!..» «Ты ж видишь, что я еще не умывался» продолжал Черевик,⁴¹⁸ зевая и почесывая спину и стараясь между прочим выиграть время для своей лени⁴¹⁹. «Вот некстати пришла блажь⁴²⁰ быть чистоплотным! когда это за тобою водилось. Ступай! Ступай!! вот рушник, оботри свою моску». Тут она схватила что-то свернутое в комок и с ужасом бросила⁴²¹ на землю. Это был красный⁴²² обшлаг из свитки. «Ступай, делай свое дело» повторила она, собравшись с духом⁴²³, своему покорному супругу⁴²⁴, которого волосы⁴²⁵ поднялись дыбом и зубы колотились⁴²⁶ один о другой. «Будет продажа теперь!» ворчал он сам себе, зазывая⁴²⁷ кобылу и ведя ее на площадь. «Недаром,⁴²⁸ когда я собирался на эту ярмарку, огниво попало под колесо и волы два раза поворачивали сами⁴²⁹ домой. Неугомонен⁴³⁰ и чорт проклятый, носил бы уже⁴³¹ свитку без одного рукава,⁴³² так нет, нужно же добрым людям не давать покою. Будь я чорт, чего боже оборони, стал ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями». Тут философствование нашего Черевика прервано было толстым⁴³³ и резким голосом. «А что продаешь, добрый человек?» Перед ним стоял⁴³⁴ знакомый нам высокий цыган. Продавец наш помолчал, посмотрел на него с ног до головы и сказал с спокойным видом, не выпуская из рук узды⁴³⁵.

⁴¹⁷ *Далее зачеркнуто:* до сих пор не продать еще ничего

⁴¹⁸ *Далее зачеркнуто:* почесы <вая?>

⁴¹⁹ *В рукописи:* лену

⁴²⁰ *Вместо:* пришла блажь — *было:* захотелось бы <ть?>

⁴²¹ *Далее зачеркнуто:* а. наза <д?>; б. прочь

⁴²² *Далее зачеркнуто:* бл <а...?>

⁴²³ *Вместо:* повторила она, собравшись с духом — *было:* а. повторила, собравшись с духом; б. повторила она ему, собравшись с духом

⁴²⁴ *Вместо:* покорному супругу — *было:* сожителю

⁴²⁵ *Было:* голова

⁴²⁶ *Было:* бились

⁴²⁷ *Было:* а. прово <жая?>; б. ведя; в. отв <язывая?>

⁴²⁸ *Далее зачеркнуто:* у меня на

⁴²⁹ *Было:* д <омой?>

⁴³⁰ *Было:* неугомонный

⁴³¹ *Перед:* свитку — *зачеркнуто:* ту

⁴³² *Далее зачеркнуто:* а. Нет; б. Так

⁴³³ *В рукописи:* тольстым

⁴³⁴ *Далее зачеркнуто:* высокий

⁴³⁵ *Вместо:* и сказал с спокойным видом, не выпуская из рук узды — *было:* а. и не выпуская узды; б. и не выпуская из рук узды, сказал с спокойным видом, не обращая

«Сам видишь, что продаю».

<Л. 7 об.> «Ремешки?» спросил цыган, поглядывая на находившуюся в руках его узду.⁴³⁶

«Да, ремешки. Если только кобыла похожа на ремешки».

«⁴³⁷Однако ж, чорт возьми, земляк, ты, видно, ее соломою кормишь».

«Соломою?» тут Черевик хотел было потянуть узду, чтобы провесть свою кобылу и обличить во лжи бесстыдного⁴³⁸, но рука его с необыкновенною легкостью чуть не ударилась в подбородок⁴³⁹, вместо кобылы⁴⁴⁰ одна перерезанная узда [оставалась] в ней и к ней привязан был⁴⁴¹... Волосы его поднялись дыбом, кусок красного рукава. ⁴⁴²Три раза плюнув, крестясь и махая рукавами, побежал он опрометью от неожиданного подарка⁴⁴³ и быстрее парубка пропал в толпе.

11

За мое же жито⁴⁴⁴ та мене и побыто.

Пословица

«Лови! лови его!» кричало несколько хлопцев в тесном конце улицы, и Черевик⁴⁴⁵ наш вдруг почувствовал себя схваченным дюжими руками. «Вязать его! Это тот самый, который украл у доброго человека⁴⁴⁶ кобылу!» «Господь⁴⁴⁷ с вами, за что⁴⁴⁸ вы меня вяжете!» «Он же и спрашивает: А⁴⁴⁹ за что ты украл кобылу у заезжего мужика Черевика». ⁴⁵⁰«С ума спятили вы хлопцы. Где таки видано, чтобы чело-

⁴³⁶ Авторский знак

⁴³⁷ Перед: Однако ж — зачеркнуто: Ты ее

⁴³⁸ и обличить во лжи бесстыдного вписано

⁴³⁹ Вместо: чуть не ударилась в подбородок — было: чуть (в рукописи: чубть) было не ударила его по затылку

⁴⁴⁰ вместо кобылы вписано

⁴⁴¹ Вместо: привязан был — было: привязан

⁴⁴² Перед: Три раза — зачеркнуто: Плюнув

⁴⁴³ Было: подарку

⁴⁴⁴ В рукописи: За мое ж же жито

⁴⁴⁵ Далее зачеркнуто: вдруг

⁴⁴⁶ Вместо: у доброго человеку — было: а. у доброго че<ловека?>; б. у Черевика

⁴⁴⁷ Было: Бог

⁴⁴⁸ за что вписано

⁴⁴⁹ А вписано

⁴⁵⁰ Далее зачеркнуто: Бог знает что

век сам у себя крал что-нибудь». «Старые⁴⁵¹ штуки... Зачем бежал ты во весь дух, как будто бы сам сатана за тобою по пятам⁴⁵² гнался». «Поневоле побежишь, когда сатанинская одежда.....» «Э голубчик⁴⁵³, не до пенька прыскачив, обманывай других этим. Будет еще тебе от комиссара за то, чтоб не пугал Чертовщиною людей..» — «Лови Лови его!» послышался крик на другом конце улицы. «Вот еще один беглец.. держите его братцы покрепче». Тут глазам нашего Черевика представился кум в самом жалком положении, ведомый⁴⁵⁴ с закрученными назад руками несколькими хлопцами.

«Тут чудеса завелись!» говорил один их них, «послушали б вы, что говорит этот мошенник, на которого глянь только, угадаешь⁴⁵⁵, что вор. Когда стали спрашивать, от чего бежал он как полоумный.⁴⁵⁶ Полез, говорит, в карман табаку понюхать, только вместо тавлинки, глядь⁴⁵⁷, вытащился кусок чертовой⁴⁵⁸ свитки, от которой вспыхнула красный огонь, и он давай Бог ноги!» «Эге ге, да это из⁴⁵⁹ одного гнезда оба, вязать их обоих⁴⁶⁰ вместе». —

12.

Чим, люди добрые, я винен перед вами,
За що глазуете вы надо мною так.
За що, за що, тай попустыв патіоки,
Патіоки гирких слиз, узявшия за боки.

«Может быть, ты в самом деле, кум, подцепил что-нибудь» спросил Черевик, лежа связанный вместе с кумом под Соломенную яткою⁴⁶¹. «И ты туда ж⁴⁶², кум! чтобы мне отсохнули руки и ноги, если

⁴⁵¹ Было: Старая

⁴⁵² по пятам вписано

⁴⁵³ Далее вписано: Проведи

⁴⁵⁴ В рукописи: ведомыми

⁴⁵⁵ Было: так узнаешь

⁴⁵⁶ Далее зачеркнуто: Хотел, говорит

⁴⁵⁷ глядь вписано

⁴⁵⁸ Было: красной

⁴⁵⁹ из вписано

⁴⁶⁰ Вместо: из одного гнезда оба, вязать их обоих — было: одного гнезда птицы, вязать их обих

⁴⁶¹ Вместо: лежа связанный вместе с кумом под Соломенную яткою — было: а. лежа связанный вместе с; б. лежа связанный. Кум; с. лежа связанный с кумом вместе; в. лежа связанный вместе с кумом на соломе

⁴⁶² ж вписано

я когда-либо⁴⁶³ крал что-нибудь, кроме пирога с вареной капустой, когда мне было десять лет еще⁴⁶⁴ от роду». «За что же эта⁴⁶⁵, кум, на нас напасть такая. Тебе еще ничего. Тебя винят еще по крайней мере за то, что украл у другого... <Л. 8> За что же мне, непоробку,⁴⁶⁶ недобрый⁴⁶⁷ поклеп, будто бы у самого себя стянул кобылу⁴⁶⁸. Видно нам, кум, на роду уже написано быть [горемыками]. Горе⁴⁶⁹ бедным нам сиротам». Тут оба кума принялись всхлипывать⁴⁷⁰, навзрыд рассуждая о суете мира сего. ⁴⁷¹«Что это с тобою, Солопий», сказал вошедший в это время⁴⁷² Грицько. «Кто это так связал тебя». «А! здорово Охримов сын!» вкричал Солопий, обрадовавшись. «Слава Богу, хоть тебя удалось мне видеть. Вот, как видишь, наказал Бог видно за то, что провинил пред тобою. Прости, добрый человек, ей богу, рад бы был сделать. Что прикажешь, в старухе моей дьявол сидит...» ⁴⁷³«Полно, Солопий, говорить об этом, что было⁴⁷⁴ было» говорил Парубок. «Не злюсь я.⁴⁷⁵ Ты можешь снова свести дело на лад... [сегодня] свадьбу да и попируем так, чтобы и дальние люди знали». «Славно, ай⁴⁷⁶ славно» сказал Черевик, ударив. «Чорт возьми, если мне не так же стало весело⁴⁷⁷, как когда бы мою старуху⁴⁷⁸ Москаль⁴⁷⁹ увезли. Да что смотреть, годится или не годится так. Сегодня свадьба, да и концы в воду..!» «Смотри, Солопий. Через час я буду к тебе, а теперь ступай, там ожидают тебя⁴⁸⁰ покупишки твоей пшеницы и кобылы».

⁴⁶³ *Вместо:* если я когда-либо — *было:* если когда-нибудь

⁴⁶⁴ *еще вписано*

⁴⁶⁵ *Было:* это

⁴⁶⁶ *Далее зачеркнуто:* Кто видал на свете

⁴⁶⁷ *недобрый вписано*

⁴⁶⁸ *Вместо:* будто бы у самого себя стянул кобылу — *было:* да еще будто бы украл у самого себя кобылу

⁴⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* сиротам

⁴⁷⁰ *В рукописи:* вслипивать

⁴⁷¹ *Перед:* «Что это с тобою — *зачеркнуто:* а. Как вдруг вошедший потихоньку Грицько помешал излиянию горести; б. В это время вошедший потихоньку Грицько помешал излиянию горести.

⁴⁷² *в это время вписано*

⁴⁷³ *Перед:* «Полно, Солопий — *зачеркнуто:* «Что ж, прервал его другой узник

⁴⁷⁴ *Далее зачеркнуто:* то про<шло?>

⁴⁷⁵ *Не злюсь я. вписано*

⁴⁷⁶ *Было:* ей

⁴⁷⁷ *Было:* разд<ольно?>

⁴⁷⁸ *Вместо:* как когда бы мою старуху — *было:* как будто мою ведьму

⁴⁷⁹ *Было:* москаль

⁴⁸⁰ *тебя вписано*

«Как, разве кобыла нашлась?»

«Нашлась!»

Черевик от радости остался неподвижен, глядя вслед уходящему Грицку.

«Что, Грицко, худо мы сделали свое дело», сказал высокий цыган спешившему парубку, «волы мои теперь!»

«Твои! твои!»

13

Не бійся⁴⁸¹, матинко, не бійся,
в червонные чобитки обуяся,
Топчи вороги⁴⁸²
Пид ноги,
Щоб твои пидкивки
Брезчалы,
Щоб твои вороги
Мовчалы.

Свадебная песня

⁴⁸³Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась⁴⁸⁴ Параска за столом в хате. Много грез обвивалось вокруг русой головы.⁴⁸⁵ Иногда вдруг легкая улыбка трогала⁴⁸⁶ ее алые губки и какое-то радостное чувство подымало темные ее брови, то снова облако задумчивости опускалось на ее⁴⁸⁷ карие светлые очи. «Ну что если не сбудется⁴⁸⁸ то, что говорил он» шептала она с каким-то⁴⁸⁹ выражением сомнения на лице своем. «Ну что, если меня не выдадут, ну что, если⁴⁹⁰ ... Нет, нет, этого-то не будет⁴⁹¹. Мачиха делает все, что только ей вздумается, разве⁴⁹² и я не могу делать того, что мне вздумается,⁴⁹³ упряма-то и у меня достанет. Как же он хорош. Как чудно горят его

⁴⁸¹ Было: бойся

⁴⁸² Далее зачеркнуто: Пид ноги

⁴⁸³ Перед: Подперши локтем — зачеркнуто: Призадумав <шись>

⁴⁸⁴ Вместо: хорошенький подбородок свой, задумалась — было: хорошенькую головку, сидела

⁴⁸⁵ Много грез обвивалось вокруг русой головы. вписано

⁴⁸⁶ Было: подымала

⁴⁸⁷ ее вписано

⁴⁸⁸ В рукописи: не будется

⁴⁸⁹ то вписано

⁴⁹⁰ Вместо: ну что, если — было: да и только...

⁴⁹¹ Вместо: этого-то не будет — было: этого никогда <не будет?>

⁴⁹² Далее зачеркнуто: и я не женщина, разве

⁴⁹³ Далее зачеркнуто: вот какие еще новости

чорные очи. Все бы смотрела на него⁴⁹⁴. Как идет к нему белая свитка. Жаль, что у него не слишком яркой пояс, ну да я ему вытку после⁴⁹⁵ из шленской шерсти, а, может быть, даже из гарусу» возбуженясь, продолжала, вынимая из-за пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою⁴⁹⁶, и глядясь в него с тайным удовольствием, «когда я встречу тогда с ней, я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себе тресни. Нет, мачиха, полно тогда бить⁴⁹⁷ тебе свою падчерицу».

«Скорее на камне песок взойдет⁴⁹⁸ и дуб⁴⁹⁹ будет гнуться в воду,⁵⁰⁰ чем я тебе кивну головою».⁵⁰¹

«Да,⁵⁰² я позабыла примерить к себе очипок, посмотрим, как-то он, как-то он⁵⁰³ идет⁵⁰⁴ ко мне». Тут встала она и, держа в руках зеркальце и наклонясь к нему головою, трепетно шла по хате,⁵⁰⁵ как будто бы опасаясь упасть⁵⁰⁶, видя под собою вместо полу потолок с наложенными под ним досками, с <Л. 8 об.> которых низринулся попович, и полки, уставленные горшками. «Что я в самом деле, как будто⁵⁰⁷ дитя маленькое» идучи вскричала она смеясь, «боюсь ступить ногою». И начала притопывать ногами, все чем далее, смелее, смелее, наконец левая рука ее опустилась и уперлась в бок, и она пошла танцовать,⁵⁰⁸ держа перед собою зеркало, напевая любимую свою песню.

Зелененькй барвиночку,
Стелися низенько.
А ты, милый, чорнобривый,
Присунься близенько.⁵⁰⁹

⁴⁹⁴ *Вместо:* на него — *было:* в глаза

⁴⁹⁵ *Далее зачеркнуто:* шерст<яной?>

⁴⁹⁶ *Вместо:* маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою — *было:* карманное зеркало (*не зачеркнуто*)

⁴⁹⁷ *Вместо:* полно тогда бить — *было:* полно би<ть>

⁴⁹⁸ *Вместо:* на камне песок взойдет — *было:* после дождя зацветет на камне песок

⁴⁹⁹ *Далее зачеркнуто:* а. буде<т?>; б. станет; в. голо<вою?> станет

⁵⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* нежели <1 нрзб.>

⁵⁰¹ «Скорее ~ кивну головою». *вписано на полях*

⁵⁰² *Далее зачеркнуто:* вот тебе

⁵⁰³ он *вписано*

⁵⁰⁴ *Далее начато:* по<дходит?>

⁵⁰⁵ *Далее зачеркнуто:* видя под собой

⁵⁰⁶ *Вместо:* опасаясь упасть — *было:* а. опасаясь беспрестанно упасть; б. опасаясь пола

⁵⁰⁷ *Далее зачеркнуто:* маленько

⁵⁰⁸ *Далее зачеркнуто:* все же

⁵⁰⁹ *На полях написано:* Зелен

Черевик заглянул в это время в дверь и, нашед свою дочь танцующей перед маленьким⁵¹⁰ зеркалом, остановился⁵¹¹, смеясь невиданному капризу девушки, которая, задумавшись, казалось,⁵¹² не примечала ничего. Но когда же⁵¹³ услышал знакомые звуки песни, все жилки зашевелились в нем, гордо подбоченившись выступил он вперед и пустился в присядку, позабыв и зачем пришел⁵¹⁴ и все дела свои. Тут громкий хохот кума заставил обоих⁵¹⁵ вздрогнуть. «Ладно! Батько с дочкой затеяли сами свадьбу.⁵¹⁶ Ступай же скорей⁵¹⁷. Жених пришел». ⁵¹⁸ Параска при последнем слове⁵¹⁹ вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ее голову, а⁵²⁰ простодушный⁵²¹ ее отец вспомнил, зачем пришел. «Ну, дочка,⁵²² пойдем скорее. Хивря⁵²³ от радости, что я продал кобылу, побежала, как лисица, помахая хвостом, закупать себе ⁵²⁴ плахт и дерюг всяких, так нужно⁵²⁵ до приходу ее все кончить». Не успела она выступить из порога хаты⁵²⁶, как почувствовала себя в объятиях парубка в белой свитке с черными очами, который давно уже стоял на улице, окруженный танцующими⁵²⁷. «Боже Благослови», сказал Отец, складывая их руки. «Пусть их живут, как венки вяют»*. Шум послышался в народе. «Я скорее тресну, нежели допущу до этого» кричала Сожительница нашего Черевика, [которую] с хохотом не допускала шумная толпа в середину. «Не бесись, не бесись, жинка» говорил хлад-

* Обыкновенное приветствие у малороссиян новобрачным.

⁵¹⁰ маленьким *вписано*

⁵¹¹ *Далее зачеркнуто: и смея<лся?>*

⁵¹² *Далее зачеркнуто: не могла*

⁵¹³ *же вписано*

⁵¹⁴ *Далее зачеркнуто: он*

⁵¹⁵ *Было: их*

⁵¹⁶ *Вместо: «Ладно! Батько с дочкой затеяли сами свадьбу. — было: «Эк чудеса. Хороши! Батько с дочкой заране отп<лясывают?>*

⁵¹⁷ *скорей вписано*

⁵¹⁸ *Далее зачеркнуто: Солопий наш вспомнил*

⁵¹⁹ *при последнем слове вписано*

⁵²⁰ *Было: и*

⁵²¹ *Было: С<олопий?>*

⁵²² *Далее зачеркнуто: спе<шим?>*

⁵²³ *Далее зачеркнуто: тебя*

⁵²⁴ *Перед: плахт — зачеркнуто: вся<ких?>*

⁵²⁵ *Далее зачеркнуто: пре<жде?>*

⁵²⁶ *хаты вписано*

⁵²⁷ *который давно уже стоял на улице, окруженный танцующими вписано*

нокровно⁵²⁸ Черевик, видя, что пара дюжих цыган овладела ее руками, «что сделано, то сделано, я переменять уж не люблю...» «Нет, нет» кричала Хивря «этого-то не будет». Но никто не слушал.⁵²⁹ Несколько пар обступило новую⁵³⁰ пару и составляло непроницаемую танцующую стенку около нее. Странное чувство овладевало душой зрителя⁵³¹, когда от одного удара смычка Деревенского музыканта все обратилось⁵³², волею и неволею⁵³³, к единству и превратилось в согласие. Угрюмые лица, на которых, казалось, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами⁵³⁴ и вздрагивали плечами. Все несло, все танцовало. Но страннее всего было видеть⁵³⁵ Старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие моги <лы>, между новым, смеющимся, беспечные;⁵³⁶ даже без детской радости, без искры живого, которых один⁵³⁷ хмель только, как Механик своего⁵³⁸ безжизненного Автомата, заставил делать⁵³⁹ что-то подобное человеческому, они тихо⁵⁴⁰ покачивали охмелевшими головами и плелись подтанцовывая за веселившимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету. И на развалине и на гробе лепится мох, как будто бы улыбается самое разрушение⁵⁴¹. Толпа веренице <й> шумно⁵⁴² передвигалась и уходила как тени Волшебного фонаря⁵⁴³. Шум, гром⁵⁴⁴. Хохот, песни слышались⁵⁴⁵ тише и тише. Смычок умирает, слабеет и

⁵²⁸ Было: Ч<еревик?>

⁵²⁹ Далее зачеркнуто: Толпа

⁵³⁰ Было: мо<лодую?>

⁵³¹ Далее зачеркнуто: видя

⁵³² Вместо: все обратилось — было: все обратились

⁵³³ волею и неволею вписано

⁵³⁴ Далее зачеркнуто: и бло<..?>

⁵³⁵ Сверху вписано и не зачеркнуто: Но, казалось, не лишены были чувства (незавершенная правка)

⁵³⁶ Авторский знак

⁵³⁷ один вписано

⁵³⁸ Было: свой

⁵³⁹ Было: показа <ть>

⁵⁴⁰ тихо вписано

⁵⁴¹ Вместо: как будто бы улыбается самое разрушение — было: а. как будто бы самое разрушение показыва<ет>; б. как будто бы самое разрушение может улыбаться

⁵⁴² шумно вписано

⁵⁴³ В рукописи: вонаря

⁵⁴⁴ гром вписано

⁵⁴⁵ Было: казались

теряя⁵⁴⁶ неясные⁵⁴⁷ звуки в пустоте воздуха.⁵⁴⁸ Еще слышилось где-то топанье и что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро все стало пусто и глухо. Не так ли и радость,⁵⁴⁹ прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье, в собственном эхе слышит уже он грусть⁵⁵⁰ и пустыню и дико внемлет ему⁵⁵¹. Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности поодиночке один за одним теряются по свету и оставляют наконец одного старинного брата их. Скучно оставленному⁵⁵². И тяжело⁵⁵³ и грустно сердцу, и нечем помочь ему.

{1829.}

⁵⁴⁶ Было: теряясь

⁵⁴⁷ неясные вписано

⁵⁴⁸ Далее зачеркнуто: Нако<нец>

⁵⁴⁹ Далее зачеркнуто: быстрая не<постоянная>

⁵⁵⁰ Было: печаль

⁵⁵¹ Вместо: и дико внемлет ему — было: и с ужасом ему внемлет

⁵⁵² Было: оставшемуся

⁵⁵³ Было: жалко

<Л. 1> МАЙСКАЯ НОЧЬ

Враг ёго Батька знае! Начнуть што робыць люды хрещены то мурдуюцца, мурдуюцца мов хорт за Зайцем, а усе¹ шось не до шыгы. Толькы ж куды чорт усунецца, то верть хвостыком, так де и возмецца все мов з неба.

Ганна

Звонкая песня лилась рекою по улицам села***. Было то время, когда утомленные от дневных трудов и забот парубки и Девушки шумно собирались в кружок² в блеске чистого вечера выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем, и вечер, вечно задумавшийся, мечтательно обнимал синее небо, преобразая³ все в неопределенность и даль. Уже и Сумерки; а песни все не утихали. С Бандурою в руках пробирался ускользнувший от песельников Молодой казак Левко, сын Сельского головы⁴. На козаке решетиловская шапка. Козак идет по улице, бренчит рукою по струнам и подтанцовывает. Вот он тихо остановился перед дверью одно<й> хаты: чья же это хата?⁵ чья это дверь?⁶ После минутного молчания тихо⁶ заиграл он и запел:

Сонце низенько, вечер близенько.
Выйди до мене, мое серденько:⁷

«Нет, видно крепко заснула моя ясноокая красавица» сказал Козак и приблизился⁸ к окну. «Галю, Галю! ты спишь! ты не хочешь

¹ Было: все

² Далее зачеркнуто: выливать сво<е>

³ Было: и, казалось, превращал

⁴ Вместо: Левко, сын Сельского головы — было: сын Сельского головы Левко
Макогон

⁵ Вместо: чья же это хата? — было: а. Что эта за хата? б. чья это хата?

⁶ тихо вписано

⁷ Авторский знак

⁸ Далее зачеркнуто: поближе

выйти ко мне.⁹ Ты боишься, верно, чтобы нас не увидел кто,¹⁰ или не хочешь показать белое личико на холод. Не бойся. Никого нет, вечер тепел. А если б и показался кто¹¹, прикрою тебя своею свиткою, обмотаю своим поясом, закрою руками тебя и никто нас не увидит, а бы и холодом повеяло¹², я прижму тебя поближе к сердцу, отогрею поцелуями, надену шапку свою на твои беленькие ножки. Сердце мое! рыбка моя! ожерелье! Выгляни на минут¹³, просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою... нет, ты не спи<шь>, Гордая Дивчина!»¹⁴ проговорил он громче и¹⁵ таким голосом, каким выражает себя устыдившийся мгновенного унижения¹⁶. «Тебе любо издеваться надо мною. Прощай!» Тут он¹⁷ отворотился, насунул на бакрень свою шапку и гордо отошел от окошка, тихо перебирая струны бандуры.¹⁸ В это время деревянная ручка у Двери зашевелилась¹⁹. Дверь распахнулась²⁰ со скрипом, и девушка на поре семнадцатой весны, обвитая²¹ сумерками,²² робко оглядываясь и не выпуская из руки деревянной ручки, переступила через порог. В полуясном мраке²³ горели приветно, будто две звездочки, светлые очи²⁴, блистало красное коралловое монисто,²⁵ и²⁶ от орлиных очей парубка²⁷ не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щеках ея. «Какой же нетерпели-

⁹ *Далее зачеркнуто:* а. Не бойся, никого нет на Дворе; б. На улице вечер тепел

¹⁰ *Далее зачеркнуто:* ты боишься

¹¹ *Вместо:* и показался кто — *было:* и был кто

¹² *Вместо:* и холодом повеяло — *было:* и ветер поднялся

¹³ *Так в рукописи*

¹⁴ *Далее зачеркнуто:* сказал

¹⁵ *Далее зачеркнуто:* как будто

¹⁶ *Вместо:* выражает себя устыдившийся мгновенного унижения — *было:* а. выражает речь свою доведенный до унижения; б. выражается устыдившийся своего мгновенного унижения

¹⁷ *Далее зачеркнуто:* обернулся

¹⁸ *Далее зачеркнуто:* Дверь заскрипела

¹⁹ *Было:* а. стала шевелиться; б. завер<телась?>

²⁰ *Было:* размахнулась

²¹ *Далее зачеркнуто:* а. су<мерками>; б. мечтательными

²² *Далее зачеркнуто:* оглядывая

²³ *Вместо:* В полуясном мраке — *было:* Сквозь полуясный мрак

²⁴ *очи вписано*

²⁵ *Далее зачеркнуто:* а. и лице рделось и пылало, как мак; б. но на лице, верно бы, никто не приметил; в. и, верно бы, никто не приметил

²⁶ *Далее зачеркнуто:* для

²⁷ *В рукописи:* парубка

вой», говорила она ему вполголоса²⁸, «уже и рассердился.. Зачем не-
престанно так хочется т<е>б<е>²⁹ Толпа народу шатается то и дела
по³⁰ улицам.. Я вся дрожу.....» «О, не дрожи, моя красная калиночка,
прижмись³¹ ко мне покрепче» говорил парубок, обнимая ее и садясь
вместе с нею на присьбе у дверей хаты, выпустив из рук бандуру, ко-
торая висела на ремне у него на шее³². «Ты знаешь, что мне и часу не
видать тебя горько».

<Л. 1 об.> ³³«Знаешь ли, что я думаю» сказала девушка, за-
думчиво потопив в него свои очи «мне все³⁴ что-то как бутя на ухо
твердит, что не видаться нам впредь³⁵ так часто³⁶. Недобрые у вас
люди,³⁷ Девушки все глядят так завистливо, а парубки... Я приме-
чаю даже, что мать моя с недавней поры³⁸ стала суровее³⁹ пригля-
дывать за мною. Признаюсь, мне веселее у чужих было». Кое-то
трогательное движение тоски выразилось на лице ее при последних
словах.

«Только⁴⁰ два месяца в стороне и родной, и уже приску<чи>ла!
может, и⁴¹ я тебе надоел уж?»⁴²

«О, Ты мне не наскучил», молвила она усмехнувшись, «я тебя
люблю, Чернобровой казак, за то люблю⁴³, что у тебя карие очи, и
как поглядишь ты ими на меня⁴⁴, у меня как будто на душе усмехает-
ся, и весело и чудно ей, что приветливо⁴⁵ моргаешь ты чорным усом

²⁸ *Вместо:* говорила она ему вполголоса — *было:* а. шопотом говорила; б. прого-
ворила вполголоса

²⁹ *Зачем не*престанно так хочется т<е>б<е> *вписано (фраза не завершена)*

³⁰ *Было:* на

³¹ *Было:* прислонись

³² *выпустив из рук бандуру ~ на шее вписано на полях без обозначения места
вставки*

³³ *Перед:* «Знаешь ли, что я думаю» — *зачеркнуто:* «Только мне кажется

³⁴ *Далее зачеркнуто:* чудит<ся>

³⁵ *В рукописи:* впердь

³⁶ *Вместо:* что не видаться нам впредь так часто — *было:* что нельзя будет так
часто видеться

³⁷ *Далее зачеркнуто:* все

³⁸ *Вместо:* с недавней поры — *было:* с недавнего врем<ени>

³⁹ *Было:* строже

⁴⁰ *Только вписано*

⁴¹ *и вписано*

⁴² *Вместо:* надоел уж — *было:* уже надоел

⁴³ *Далее зачеркнуто:* тебя

⁴⁴ *Вместо:* поглядишь ты ими на меня — *было:* выведешь ты ими на меня

⁴⁵ *Было:* так приветливо

своим. Что ты идешь по улице, поешь⁴⁶, играешь на бандуре, и люблю⁴⁷ слушать тебя...»

«О, моя милая девушка!» вскрикнул⁴⁸ Парубок с огнем радости в глазах⁴⁹, целуя и прижимая сильнее ее к груди своей.

«⁵⁰Постой, полно, Левко. Скажи наперед, говорил ли ты с отцем своим».

«Что?... Да⁵¹», ска<за>л он будто проснувшись. «Да что я хочу жениться на тебе, а ты выйти за меня замуж.⁵² Говорил. Говорил». Но как-то унывно зазвучало в устах его это слово: говорил.⁵³

«Что же?»

«Что станешь делать с ним?» притворился старый хрен по своему обыкновенью Глухим... Ничего не слышит⁵⁴ и еще⁵⁵ Бранит, что таскаюсь Бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам⁵⁶. Но не тужи, моя Галю⁵⁷, вот слово козацкое, что уломаю его⁵⁸».

«⁵⁹Я верю тебе, Левко. Тебя всякой послушает⁶⁰; я по себе это знаю, Иной раз, кажется⁶¹, не послушала бы тебя, а скажешь слова, невольню делаю, что⁶² тебе угодно. Посмотри, Посмотри!» продолжала она,⁶³ положив голову на плечо ему и подняв глаза вверх, где необъятно синело теплое украинское небо⁶⁴, завешенное с низу кудря-

⁴⁶ поешь *вписано*

⁴⁷ Было: люблю

⁴⁸ Далее *зачеркнуто*: козак

⁴⁹ с огнем радости в глазах *вписано*

⁵⁰ Перед: Постой — *зачеркнуто*: Полно

⁵¹ Да — *вписано*; далее *зачеркнуто*: а. говор<ил>; б. ска<зал>

⁵² Да что я хочу ~ замуж. *вписано*

⁵³ *Вместо*: Но как-то унывно ~ говорил. — *было*: [Како<е> <1 нрзб.>] Но какое-то унывное ударение отразилось на этом слове (*слова*: Но какое-то унывное остались *незачеркнутыми*)

⁵⁴ Ничего не слышит *вписано*

⁵⁵ *Вместо*: и еще — *было*: да

⁵⁶ повесничаю и шалю с хлопцами по улицам *вписано*

⁵⁷ Было: панночка

⁵⁸ *Вместо*: вот слово козацкое, что уломаю его — *было*: Что бы ни было, но я на<стою?>

⁵⁹ Перед: Я верю — *зачеркнуто*: Не

⁶⁰ *Вместо*: Тебя всякой послушает — *было*: Тебя, верно, всякой послушается, что ты ни скажешь.

⁶¹ Было: может

⁶² *Вместо*: делаю, что — *было*: делается, что

⁶³ Далее *зачеркнуто*: указывая

⁶⁴ Далее *зачеркнуто*: немного

выми ветвями стоявших перед ним вишен. «Посмотри, вон⁶⁵ вон далеко мелькнули звездочки, одна, другая, третья, четвертая, пятая..... Неправда ли, ведь это Ангелы⁶⁶ божие пооттворяли окошечки своих светлых домиков на небе⁶⁷ и глядят на⁶⁸ нас⁶⁹. Да, Левко? ведь это они глядят на нашу землю⁷⁰? Как широко, как раздольно там вверху. Что бы, если б⁷¹ у людей были крылья, как у птиц, туда бы полететь высоко высоко. Ух, страшно! Ни один дуб у нас не достанет до неба, а говорят, однако ж⁷², есть где-то в какой-то далекой земле такое дерево, которое уходит вершиною в самое небо, и Бог сходит по нем на землю ночью пред самым светлым праздником.....»

«Нет, Галю, у Бога есть длинная лесница от неба до самой земли; и ставят ее, перед воскресением, святые Архангелы⁷³. И как только Бог ступит на первую ступеньку⁷⁴, и все нечистые духи стремглав полетят от земли и кучами попадают в пекло, и оттого [на] воскресение христово⁷⁵ ни одного чорта не бывает на земле».

«Как тихо колышется вода⁷⁶, как будто дитя в люльке» продолжала Ганна, указывая⁷⁷ на пруд, угрюмо⁷⁸ обставленный темным кленовым лесом,⁷⁹ вербами, потопившими в нем бабьи жалобные свои ветви. Как бессильный старец держал в холодных объятиях⁸⁰ своих Далекое,⁸¹ темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды, которые тускло реяли среди⁸² теплого Океана ночного воздуха,

⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* далеко

⁶⁶ *Было:* Ангел

⁶⁷ *Вместо:* пооттворяли окошечки своих светлых домиков на небе — *было:* пооттворяли свои окошки на небе

⁶⁸ *на вписано*

⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* перег<овариваясь?>

⁷⁰ *Вместо:* на нашу землю — *было:* на на<с>

⁷¹ *Было:* если бы

⁷² *Было:* однако же

⁷³ *В рукописи:* Архангелы

⁷⁴ *Было:* ступень

⁷⁵ *Вместо:* [на] воскресение христово — *было:* на светлого воскресение христово

⁷⁶ *Вместо:* Как тихо колышется вода — *было:* а. Но как тихо стоит пруд; б. Как тихо дрожит вода

⁷⁷ *Далее зачеркнуто:* р<укой?>

⁷⁸ *угрюмо вписано*

⁷⁹ *Далее зачеркнуто:* оплакиваемый жалобными

⁸⁰ *Вместо:* Как бессильный старец держал в холодных объятиях — *было:* и заключавшими в холодных объятиях

⁸¹ *Было:* Те<мное>

⁸² *Было:* в

предчувствуя появление блистательного⁸³ царя ночи. Возле леса на пригорке Дремал с закрытыми ставнями старый⁸⁴ деревянный дом, кудрявые яблони разрослись перед его окнами,⁸⁵ лес, обнимая его своею тенью, бросал на него печальну мрачность⁸⁶. Ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду.⁸⁷

«Я помню, как будто сквозь сон» сказала Ганна, не спуская глаз с пруда⁸⁸. «Давно, давно, когда я еще была маленькой⁸⁹ и жила у матери: Что-то страшное рассказывали про Дом этот. Левко, ты верно знаешь, расскажи....»

«Бог с ним, моя красавица. Мало ли, чего⁹⁰ не расскажут бабы и народ глупой. Ты себя только потревожишь⁹¹, станешь бояться и не заснешь тебе покойно».

«Расскажи, расскажи, милой чернобровой мой парубок», говорила Ганна, прижимаясь лицом своим к щеке его и обнимая его. «Нет, ты видно не любишь меня, у тебя есть другая девушка. Расскажи, мой милой. Не, я не буду бояться⁹², я буду спокойно спать ночь. Теперь-то я не засну уже, если не скажешь.⁹³ Я буду мучиться да думать, расскажи».

«Видно,⁹⁴ правду говорят люди, что у девушек нечистой дух сидит, который подстрекает их знать то, чего не следует».

<Л. 2> «Давно⁹⁵, мое серденько, жил⁹⁶ в этом доме Сотник. У Сотника была дочка, ясная Панночка, белая, как снег, как твое личико. Сотникова жена давно уже умерла. Задумал сотник жениться на другой. «Будешь ли ты⁹⁷ нежить меня по-старому, Батеньку⁹⁸! как

⁸³ Было: нового

⁸⁴ старый вписано

⁸⁵ Далее зачеркнуто: за

⁸⁶ Вместо: лес, обнимая его своею тенью ~ мрачность — было: а. лес захватывал его тенью, усиливая его мрачность; б. лес обхватывал его своею тенью и чрез то усиливал его мрачность

⁸⁷ Ореховая роща ~ к пруду. вписано

⁸⁸ не спуская глаз с пруда вписано

⁸⁹ Было: маленькая

⁹⁰ Далее зачеркнуто: навр<ут>

⁹¹ Далее зачеркнуто: и не заснешь покойно

⁹² Так в рукописи

⁹³ Далее зачеркнуто: Я все буду думать и дог<адываться?>

⁹⁴ Далее зачеркнуто: справедливо

⁹⁵ Далее вписано и зачеркнуто: уже

⁹⁶ Далее зачеркнуто: сот<ник>

⁹⁷ Далее зачеркнуто: люб<ить?>

⁹⁸ Было: Батенько

возмешь другую жену” говорила панночка⁹⁹. “Буду, моя доч<ка?>^{100!} Ещо крепче прежнего стану прижимать к сердцу. Буду, моя дочка, ещо ярчее стану дарить серги и мониста”. Привез сотник жену в новый дом свой. Хороша была молодая жена, румяна и бела собою была молодая жена¹⁰¹. Только так страшно взглянула на ее, на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши¹⁰², и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала Ночь, ушел Сотник с молодою женою в свою спальню. Заперлась и белая панночка в своей светлице и стала плакать. Смотрит, крадется к ней черная кошка, шерсть на ней горит и стучат по полу железные когти, в испуге вскочила панночка в минуту¹⁰³ на лавку; кошка за нею. Перескочила на леженку¹⁰⁴, кошка и туда¹⁰⁵. Кинулась на нее и стала давить ее за горло.¹⁰⁶ Собравши все силы, оторвалась она и бросила на пол¹⁰⁷, и схватила висевшую на стене отцовскую саблю, ударила по ней со всего размаху, сабля развалила, лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целой день не выхо<дила>¹⁰⁸ из своей светлицы молодая жена.¹⁰⁹ На третий день вышла с завязанною рукою. Догадалась бедная панночка, взглянувши на нее, что Мачиха ея ведьма и что она ей отрубила руку.¹¹⁰ Приказал Сотник своей дочке и носить воду,¹¹¹ мести хату¹¹² как простой¹¹³ мужичке и не показываться в Панские покои. Тяжко было бедняжке, да нечего делать, стала выполнять отцовскую волю, на Четвертый День вы-

⁹⁹ говорила панночка *вписано*

¹⁰⁰ *Вместо:* моя доч<ка?> — *было:* моя доню

¹⁰¹ румяна и бела собою была молодая жена *вписано*

¹⁰² *Вместо:* взглянула на ее ~ увидевши — *было:* взглянула на ее, что вскрикнула бедная падчерица, ее увидевши

¹⁰³ в минуту *вписано*

¹⁰⁴ *Так в рукописи*

¹⁰⁵ *Вместо:* и туда — *было:* за нею

¹⁰⁶ *Вместо:* Кинулась на нее ~ за горло. — *было:* Вспрыгнула и стала давить ее за шею.

¹⁰⁷ *Вместо:* и бросила на пол — *было:* и кинулась на

¹⁰⁸ *Вместо:* Целой день не выхо<дила> — *было:* Не выходила целый день

¹⁰⁹ *Далее зачеркнуто:* а. Сурово глядел на свою дочку Сотник; б. Сурово поглядел на свою дочку Сотник

¹¹⁰ *Вместо:* Догадалась бедная панночка ~ отрубила руку. — *было:* Как взглянула, догадалась бедная панночка, что Мачиха ея ведьма, и она ей отрубила руку

¹¹¹ *Далее зачеркнуто:* выме<тать>

¹¹² *Далее зачеркнуто:* и не показываться в

¹¹³ простой *вписано*

гнал сотник свою дочку¹¹⁴ босую из дому и куска хлеба не дал на дорогу. Тогда только¹¹⁵ зарыдала Панночка, закрывши руками белое личико свое.¹¹⁶ И вот видишь ли ты» оборотился Парубок к Ганне, указывая пальцем на дом¹¹⁷ «гляди сюда, вон подальше от Дома самый высокий молчаливой¹¹⁸ берег, с этого самого берега кинулась Панночка в воду и с той поры не стало ее на свете...»

«А ведьма?» боязливо прервала Ганна, устремив¹¹⁹ на него с какою-то дикостью очи.

«Ведьма?»¹²⁰ Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь в Панский сад греться на месяце, и Сотникова дочь сделалась над ними главной. В одну ночь увидела она Мачиху свою возле пруда, с криком напала на ее и утащила в воду. Но ведьма и тут нашлась, оборотилась под водою в одну¹²¹ из утопленниц и через то ускользнула от тройчатки из зеленого тростника¹²². Верь Бабам: рассказывают еще, что¹²³ Панночка собирает каждую ночь утопленниц и заглядывает поодиночке каждой в лицо, стараясь узнать, которая из них ведьма, но до сих пор еще не узнала¹²⁴. И если попадет из людей кого¹²⁵, тотчас заставляет его угадывать, не то грозит утопить в воде. Вот, моя Галю, как рассказывают старые люди.... Теперешний пан хочет на том месте строить Винокурню и прислал нарочно для того винокура сюда¹²⁶. Но¹²⁷ я слышу говор. Это наши ворочаются¹²⁸ с песен. Прощай, Галю. Спи спокойно, да не ду-

¹¹⁴ *Далее зачеркнуто:* совсем из дому

¹¹⁵ *Вместо:* Тогда только — было: Тут только

¹¹⁶ *Далее зачеркнуто:* «Погубил ты Батьку родную дочку свою. Погубила ведьма [греш<ную>] душу твою. Прости тебя Бог, а мне, несчастной, видно, [не жить] не велит судьба жить на этом свете. Заела ты злая

¹¹⁷ оборотился Парубок к Ганне, указывая пальцем на дом *вписано*

¹¹⁸ молчаливой *вписано*

¹¹⁹ *Было:* г<лядя>

¹²⁰ *Было:* Что ведьма?

¹²¹ в одну *вписано*

¹²² *Вместо:* от тройчатки из зеленого тростника — было: а. от розг, которыми хотели сечь ее утопленницы (слова: ее утопленницы не зачеркнуты, незавершенная правка); б. в н<...?>

¹²³ что *вписано*

¹²⁴ *Вместо:* еще не узнала — было: а. не может узнать; б. этого еще не узнала

¹²⁵ *Вместо:* попадет из людей кого — было: а. пок<ажется?>; б. попадется из людей кто

¹²⁶ *Вместо:* нарочно для того винокура сюда — было: уже и винокура сюда

¹²⁷ *Далее зачеркнуто:* ты дрожишь, Галю

¹²⁸ *Было:* ворочают

май об этих бабских выдумках!» Сказавши¹²⁹, он обнял ее крепче, поцеловал и ушел.¹³⁰

«Прощай, Левко» говорила Ганна, задумчиво вперив¹³¹ очи на темный лес. Огромный огненный месяц величественно стал¹³² в это время вырезываться из земли. Еще половина была под землею, а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света¹³³. По пруду вертелись¹³⁴ где-где искры, тень¹³⁵ от деревьев ясно стала отделяться на темной зелени. «Прощай, Ганно», раздалось позади ее слово, сопровождаемо¹³⁶ поцелуем. «Ты воротился!» сказала она, оглянувшись, но увидела перед собою незнако<мо>го парубка, отворотилась от него в стор<ону>¹³⁷. «Прощай, Ганна!» и снова поцеловал¹³⁸ ее кто-то в щоку. «Вот принесла нелегкая и другог<о>» проговорила¹³⁹ она с сердцем. «Прощай¹⁴⁰, милая Ганна!» «Еще и Третий». «Прощай, Прощай». «Прощай, Ганана¹⁴¹!» и поцелуи засыпали ее со всех сторон, «да и тут их целая ватаха¹⁴²» кричала Ганна, вырываясь из¹⁴³ кучи парубков, которые наперерыв спешили обнимать ее. «Как им не надоест, проклятым, беспрест<анно>¹⁴⁴ целоваться, скоро ей Богу нельзя будет показаться на улице». Это были последние слова её. Дверь со скрипом захлопнулась вслед за нею и слышно¹⁴⁵ только было, как с визгом засунулся извнутри железной засов.

¹²⁹ Было: Тут

¹³⁰ Далее зачеркнуто: Проща <й>

¹³¹ В рукописи: вперив. Было: вг<лядываясь?>

¹³² стал повторено в рукописи дважды

¹³³ Далее зачеркнуто: и небо

¹³⁴ Было: а. мельк <али?>; б. блистнули

¹³⁵ Было: д<еревья?>

¹³⁶ Так в рукописи

¹³⁷ отворотилась от него в стор<ону> вписано

¹³⁸ Было: поцеловало

¹³⁹ Было: отвечала (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹⁴⁰ Далее зачеркнуто: Ганно

¹⁴¹ Так в рукописи. Далее зачеркнуто: Да т<ы?>

¹⁴² Так в рукописи

¹⁴³ Было: от

¹⁴⁴ беспрест<анно> вписано

¹⁴⁵ Было: слышен

Знаете ли вы Украинскую ночь? о, вы не знаете украинской ночи:¹⁴⁶ Вглядитесь в нее¹⁴⁷: с середины неба смотрит месяц. Необъятный¹⁴⁸ небесный свод раздался, раздвинулся¹⁴⁹ еще необъятнее. Горит и дышит он.¹⁵⁰ Земля вся в серебряном свете, и чудный воздух¹⁵¹ и душен, и полон неги, и движет целый океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно¹⁵² стали¹⁵³ леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя¹⁵⁴. Как тих, как покоен этот пруд.¹⁵⁵ Холод и мрак вод его будто угрюмо заключен в темнозеленые стены, обнимающие со всех сторон его темными стенами своими.¹⁵⁶ Девственные корни черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка¹⁵⁷ лепечут листьями, будто сердятся и шумя упреками¹⁵⁸, ¹⁵⁹ когда прекрасный ветреник, ночной ветер подравшись¹⁶⁰ мгновенно¹⁶¹ целует. Весь Ландшафт спит¹⁶². А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно и чудно, и толпы серебряных видений стройно и величественно проходят¹⁶³ в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь, и

¹⁴⁶ Авторский знак

¹⁴⁷ Вместо: Вглядитесь в нее — было: Глядите.

¹⁴⁸ Было: небесный

¹⁴⁹ Вместо: раздался, раздвинулся — было: раздался во все стороны

¹⁵⁰ Далее зачеркнуто: Серебряный свет

¹⁵¹ Далее зачеркнуто: и упоительно холоден

¹⁵² Было: от<...?>

¹⁵³ Было: стал

¹⁵⁴ Далее зачеркнуто: а. на ровные долины зелени; б. на раздольные долины зелени

¹⁵⁵ Далее зачеркнуто: как

¹⁵⁶ Вместо: Холод и мрак ~ стенами своими. — было: а. Холод и мрак вод его как будто теряются в садах, [обстав<ленных?>] обнимающих их темными объятьями своими; б. Холод и мрак вод его как будто теряются в садах, обнимающих со всех сторон его темными стенами своими

¹⁵⁷ изредка вписано

¹⁵⁸ Вместо: лепечут листьями ~ упреками — было: лепечут листья как выговаривают и шумя упреками

¹⁵⁹ Перед: когда — зачеркнуто: как

¹⁶⁰ Так в рукописи; ср. в ВД1: подравшись. Далее зачеркнуто: из

¹⁶¹ Было: мим<олетно?>

¹⁶² Вместо: целует. Весь Ландшафт спит — было: целует и движет весь Ландшафт

¹⁶³ Вместо: на душе ~ проходят — было: на душе все необъятно, все чудно, [а] [и она] и толпы серебряных видений [проходят] стройно и величественно проходят

вдруг все ожило, и леса¹⁶⁴, и пруды, и поле, и степи: Сыплется величественный гром украинского Соловья,¹⁶⁵ и чудится, что и месяц заслушался посередине¹⁶⁶ неба. Как очарованное дремлет¹⁶⁷ на возвышении село, еще белее, еще лучше блестят при месяце¹⁶⁸ толпы хат, еще ослепительнее вырезыва<ю>тся¹⁶⁹ из мрака низкие стены. Песни умолкли.¹⁷⁰ Все Тихо. Благочестивые люди уж спят.¹⁷¹ Где-где только блещут в огне узенькие окна¹⁷². Перед порогом иных только хат¹⁷³ за-поздалые семьи, усевшись около горшка, совершают свои ужины. Заливается лай собак.

«Да Гопак не так танцуется. То-то я смотрю, всего не выхо<дит>¹⁷⁴.... Что ж это говорит кум, а ну: Гоп трала, Гоп трала, Гоп, гоп, гоп». Так разговаривал сам с собою¹⁷⁵ подгулявший¹⁷⁶ мужик средних лет, танцующий по улице¹⁷⁷. «Ей Богу, не так танцуется Гопак¹⁷⁸. Что мне лгать? ей богу не так, а ну: гоп трала, гоп трала, гоп, гоп, гоп».

«Вот одурел человек! добро бы еще¹⁷⁹ хлопец какой,¹⁸⁰ детям насмех танцует ночью¹⁸¹ по улице», вскричала проходящая пожилая женщина, неся в руке солому. «Ступай в Хату свою. Пора спать давно».

«Я пойду» сказал¹⁸², остановившись, мужик. «Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь Голову, что он думает,¹⁸³ Дидьки б утыся

¹⁶⁴ Было: лес

¹⁶⁵ Далее зачеркнуто: звуки его раздаются, горят, блещут

¹⁶⁶ Было: поср<еди>

¹⁶⁷ Было: дрема<ло>

¹⁶⁸ Вместо: при месяце — было: на месяце

¹⁶⁹ В рукописи: вырезывается

¹⁷⁰ Далее зачеркнуто: за<молкли?>

¹⁷¹ Вместо: Благочестивые люди уж спят. — было: Люди спят.

¹⁷² В рукописи: урна

¹⁷³ Вместо: Перед порогом иных только хат — было: Перед иными только хатами

¹⁷⁴ всего не выхо<дит> вписано

¹⁷⁵ Далее зачеркнуто: мужик

¹⁷⁶ В рукописи: подгулявший

¹⁷⁷ Вместо: танцующий по улице — было: а. идя; б. качаясь по улице и приседа<я>; в. по<качиваясь?>

¹⁷⁸ Вместо: не так танцуется Гопак — было: не так танцует, чтобы

¹⁷⁹ Далее зачеркнуто: малы<й>

¹⁸⁰ Далее зачеркнуто: нет, старой кабан

¹⁸¹ Было: ночь

¹⁸² Было: вскричал

¹⁸³ Далее зачеркнуто: враг бы убыв

его батькови, ¹⁸⁴ что он голова. Что он обливает людей ¹⁸⁵ холодной водою на морозе, так и нос поднял. Ну Голова, голова. Я сам себе голова. Вот убей меня бог, Бог меня убей. Я сам себе Голова, вот что! ¹⁸⁶ а не то что....» продолжал он, подходя к первой попавшейся хате, и остановился [вместо] двери перед окошко, скользя пальцами по окну и стараясь найти деревянную ручку. «Баба! отвори!» ¹⁸⁷, Баба, живей! говорят тебе, отвори. Козаку спать пора».

«Как ты, Каленик, та ¹⁸⁸ в чужую хату попал», закричали смеясь позади его девушки, ворочавшиеся [с] веселых песней ¹⁸⁹. «Показать тебе хату твою?»

«Покажите, любезные молодухи!»

«Молодухи, ¹⁹⁰ слышите» подхватила одна. «Какой учтивый Каленик ¹⁹¹, за это ему нужно показать хату, но нет, потанцуй наперед».

«Потанцовать?..... Эх вы, замысловатые девушки!» протяжно произнес каленик, смеясь и грозя пальцем и оступаясь ¹⁹², потому что ноги его ¹⁹³ не могли держаться на одном месте. «А дадите перецеловать себя ¹⁹⁴. Всех перецелую, всех...» И косвенными шагами пустился бежать за ними. Девушки подняли крик, перемешались, но после, ободрившись, перебежали ¹⁹⁵ на другую сторону, увидя ¹⁹⁶, что Каленик был не слишком скор ¹⁹⁷ ноги ¹⁹⁸. «Вон твоя хата» сказали они ему уходя и показывая на избу ¹⁹⁹ гораздо побольше прочих, принадлежавшую сельскому голове ²⁰⁰, и Каленик послушно побрел в эту сторону, принявшись снова ругать голову.

¹⁸⁴ *Перед:* что он голова — *зачеркнуто:* что он думает

¹⁸⁵ *Вместо:* Что он обливает людей — *было:* Что он может обливать

¹⁸⁶ *Далее зачеркнуто:* про<должал>

¹⁸⁷ *В рукописи:* отпорворяй (*контаминация* отпопри; отвори; отвориай)

¹⁸⁸ *Было:* ты

¹⁸⁹ *Вместо:* ворочавшиеся [с] веселых песней — *было:* поздно воротившиеся [с] [песней под<?>] веселых песней

¹⁹⁰ *Было:* Молодухи!

¹⁹¹ *Так в рукописи*

¹⁹² *Вместо:* и оступаясь — *было:* ступая

¹⁹³ *Было:* у

¹⁹⁴ *Было:* себе

¹⁹⁵ *Было:* перебежались

¹⁹⁶ *Было:* увидевши

¹⁹⁷ *Было:* скорым

¹⁹⁸ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* не слишком был скор на ноги. *Далее зачеркнуто:* Во<н?>

¹⁹⁹ *Было:* хату; *далее зачеркнуто:* осно<вательнее?>

²⁰⁰ *Было:* голову

<Л. 3> {Голова}

Но кто же этот голова. О, этот голова важное лицо²⁰¹. Никого старше его нет²⁰² на селе, все село, завидевши его, берется за шапки, остан<авливается?>, и даже молоденькие девушки²⁰³ низким наклоением головы отдают добрыдень. Кто бы из парубков не захотел быть головою²⁰⁴, во все тавлинки открыт свободный вход²⁰⁵ голове²⁰⁶, и простой мужик, почтительно снявши шапку, стоит в продолжение [того, когда] запускает²⁰⁷ свои грубые и толстые пальцы в его табакерку²⁰⁸. В Мирской сходке или громаде²⁰⁹, несмотря на то, что²¹⁰ власть его ограничена несколькими голосами, Голова всегда берет верх и почти по своей воле высылает кого ему угодно ровнять и гладить дорогу или копать каналы. Голова утрюм²¹¹, суров с виду и не любит много говорить.²¹² Давно еще очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездил²¹³ в Крым, был выбран в про<во>жатые, два дни находился в этой должности и раз даже удостоился сидеть²¹⁴ на козлах²¹⁵ с царицы<ны>м кучером, и с той самой поры еще Голова наш²¹⁶ выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные закрутившиеся вниз рудые усы²¹⁷ и кидать соколиный взгляд из подлобья. И с той поры голова, об чем ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вез царицу и сидел на козлах с царицыным кучером. Голо-

²⁰¹ Было: лице

²⁰² Вместо: Никого старше его нет — было: Никого нет [стр<ашнее?>] старше головы

²⁰³ В рукописи: девушку

²⁰⁴ Было: головой

²⁰⁵ Вместо: свободный вход — было: а. ход; б. вход

²⁰⁶ В рукописи: в голове

²⁰⁷ В рукописи: запускает

²⁰⁸ Вместо: стоит в продолжение ~ в его табакерку — было: стоит перед ним в продолжение того, когда голова запускает (так в рукописи) свои грубые и толстые пальцы в свою табакерку

²⁰⁹ Далее зачеркнуто: Голова

²¹⁰ что вписано

²¹¹ Было: упр<ям>

²¹² Далее зачеркнуто: Но он

²¹³ Было: ехала

²¹⁴ Вместо: удостоился сидеть — было: сидел

²¹⁵ Далее зачеркнуто: и с тех пор

²¹⁶ Вместо: и с той самой поры еще Голова наш — было: и с той поры Голова; далее зачеркнуто: не мог наговориться [о том, как он вез царицу] про этот случ<ай>

²¹⁷ гладить длинные ~ усы вписано. Далее зачеркнуто: и кидать (так в рукописи)

ва²¹⁸ любит иногда²¹⁹ притвориться глухим, особливо если услышит то, чего не хотелось бы ему слышать. Голова не любит щеголять, носит всегда свитку черного одн<ого?>²²⁰, перепоясывает шерстяным цветным, и никто не запомнил его в другом костю<ме>²²¹, выключая только времени проезда царицы в крым²²², когда был на нем Синий Казацкий жупан. Но это²²³ время вряд ли кто мог припомнить из всего села, а жупан он держит всегда²²⁴ в сундуке под замком.

Голова вдов, но у него живет в доме свояченица, которая варит обедать и ужинать, моет лавки, белит хату, прядет ему на рубашки и заведывает всем домом. На селе²²⁵ поговаривают, будто она совсем ему не родственница, но вы уже видели²²⁶, что у головы много неприятелей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочем, может быть, к этому подало повод и то, что свояченице всегда очень не нравилось²²⁷, если голова заходит иногда в поле, усеянное жнищами, или в гости Козаку, у которого была молодая дочка²²⁸. Голова крив, но зато одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть хорошенькую поселянку, не прежде он наведет его на²²⁹ смазливое личико, покамест не обсмотрится осторожно по сторонам, не глядит ли откуда-нибудь свояченица. — Но мы уже рассказали почти все²³⁰, что нужно про Голову²³¹, а Пьяный Каленик не добрался еще и до половины дороги. И долго еще²³² угощал голову всеми²³³ отборными сло-

²¹⁸ Далее зачеркнуто: не

²¹⁹ Далее зачеркнуто: щеголять

²²⁰ Вместо: носит всегда свитку черного одн<ого?> — было: все помнят его всегда черной (незавершенная правка)

²²¹ костю<ме> вписано

²²² Так в рукописи

²²³ Далее зачеркнуто: вряд

²²⁴ Вместо: жупан он держит всегда — было: голова держит жупан; далее зачеркнуто: под

²²⁵ Вместо: На селе — было: а. Злые <языки?>; б. Стороною

²²⁶ Вместо: но вы уже видели — было: а. но до<статочно вспомнить>; б. но вспомните

²²⁷ Вместо: свояченице всегда очень не нравилось — было: свояченице очень не нравится

²²⁸ Вместо: была молодая дочка — было: бывает хорошенькая дочка

²²⁹ Далее зачеркнуто: ли<чико?>

²³⁰ Вместо: Но мы уже рассказали почти все — было: а. Но мы уже и рассказали все; б. Но мы почти все уже рассказали

²³¹ Вместо: про Голову — было: о Г[го]лове

²³² еще вписано

²³³ Далее зачеркнуто: слов<ами>

вами, какие могли только попасть на лениво и несвязно поворачивавшийся язык его.

<Л. 3 об.> {Неожиданный соперник. Заговор}

«Нет, хлопцы, нет²³⁴, не хочу, что за разгульство такое! как вам не надоест повесничать? И без того уже²³⁵ прослыли мы Бог знает какими буянами. Ложитесь лучше спать». Так говорил Левко разгульным товарищам своим, подговаривавшим его на новые проказы. «Прощайте, Братцы, покойная вам ночь», и быстрыми шагами шел от них по улице. «Спит ли моя Ясноокая Ганна», думал он, подходя к знакомой уже нам²³⁶ хате²³⁷, увенчанной вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихий говор. Левко остановился, между Деревья²³⁸ забелела рубашка, мелькнула синяя запаска. «Что значит?» подумал он²³⁹ и подкрался поближе и спрятался за вишню. При свете месяца блистало лицо стоявшей перед ним девушки²⁴⁰. Это Ганна. Но кто же этот высокий человек, стоявш<ий> к нему спиной. Напрасно обсматривал он²⁴¹ его сзади, тень покрывала его с головы до ног, сзади только он был²⁴² освещен месяцем, но немного приблизившись к нему, он уже подвергался опасности быть открытым²⁴³. Тихо прислуновшись²⁴⁴ к дереву, решил он остаться²⁴⁵ на месте. Девушка ясно выговорила его имя. «Левко? Левко еще молокосос» говорил²⁴⁶ вполголоса и хрипло высокой человек. «Если я встречу его²⁴⁷ когда-нибудь у тебя, я выдеру за чуб». «Хотелось бы мне узнать, какая это шельма похвалится выдрать меня²⁴⁸ за чуб» подумал Левко

²³⁴ Далее зачеркнуто: нет

²³⁵ Вместо: И без того уже — было: И так уже

²³⁶ Вместо: знакомой уже нам — было: знакомой уже вам

²³⁷ Далее зачеркнуто: ув<енчанной?>

²³⁸ Так в рукописи. Было: вишня

²³⁹ Было: Левко

²⁴⁰ Вместо: блистало лицо стоявшей перед ним девушки — было: блистало перед ним лицо девушки

²⁴¹ Вместо: Напрасно обсматривал он — было: Левко напрасно обсматривал

²⁴² Вместо: сзади только он был — было: с одной стороны [о<н>] был он

²⁴³ Вместо: но немного приблизившись ~ быть открытым — было: малейшее же приближение со стороны его угрожало открытием

²⁴⁴ Так в рукописи

²⁴⁵ Было: сто<ять?>

²⁴⁶ Далее зачеркнуто: полушопотом

²⁴⁷ Вместо: я встречу его — было: я встречу с <ним?>

²⁴⁸ меня вписано

и²⁴⁹ протянул шею, стараясь не проронить ни одного слова,²⁵⁰ но незнакомец стал говорить²⁵¹ так тихо, что²⁵² нельзя было расслушать ни одного слова. «Как тебе не стыдно» сказала Ганна по окончании его речи. «Ты лжешь, ты обманываешь меня, ты меня не любишь, я никогда не поверю, чтобы ты меня любил». «Знаю» продолжал незнакомец «Левко много наговорил тебе пустяков и вскружил твою голову». Тут показалось парубку, что голос незнакомца²⁵³ не совсем незнакомый, и²⁵⁴ как будто бы его когда-то он слышал²⁵⁵. «Но я дам себя знать Левку»²⁵⁶ продолжал все так же незнакомец. «Он думает, что я не вижу всех его²⁵⁷ шашней. Попробует²⁵⁸ он, собачий сын²⁵⁹, каковы у меня кулаки..» При сем слове Левко не мог²⁶⁰ уже боле держать своего гнева. Подошедши²⁶¹ на три шага к нему, замахнул со всей силы руку, чтобы дать порядочного треуга²⁶², от которого²⁶³ незнакомец²⁶⁴, несмотря на свою видимую крепость, может быть, не устоял бы на месте²⁶⁵. Но в это время свет пал на лице его и Левко остолбенел²⁶⁶, увидевши, что перед ним стоял голова, невольное покачивание головою и легкий свист одни только выразили его удивление. В стороне послышался шорох. Ганна поспешно влетела в хату, хлопнув за собою дверь. «Прощай, Ганна» — закричал парубок, обнявши голову и с ужасом отскочил²⁶⁷ назад, встретивши жесткие усы. «Прощай, красавица»²⁶⁸ вскричал другой, но на сей раз полетел стремглав от тяжелого толчка головы. «Прощай, прощай, Ганна», закричало не-

²⁴⁹ Далее зачеркнуто: нагн<ул>

²⁵⁰ Далее зачеркнуто: высокий человек

²⁵¹ Вместо: стал говорить — было: говорил

²⁵² что вписано

²⁵³ Далее зачеркнуто: неско<лько знаком?>

²⁵⁴ и вписано

²⁵⁵ Вместо: его когда-то он слышал — было: он его когда-то слышал

²⁵⁶ Далее зачеркнуто: Он еще видно с

²⁵⁷ Далее зачеркнуто: пов<есничеств?>

²⁵⁸ Так в рукописи

²⁵⁹ собачий сын вписано

²⁶⁰ Далее зачеркнуто: удержать свое

²⁶¹ Было: Подкравшись

²⁶² Так в рукописи

²⁶³ Далее зачеркнуто: 1 нрзб.

²⁶⁴ Далее зачеркнуто: может быть

²⁶⁵ Вместо: не устоял бы на месте — было: пошатнулся бы с места

²⁶⁶ Далее зачеркнуто: от изумления

²⁶⁷ Было: отступил

²⁶⁸ Было: Ганна

сколько парубков²⁶⁹, повиснув к нему на шею. «Провалитесь, проклят<ые>²⁷⁰ сорванцы» кричал голова, отбиваясь и притопывая²⁷¹ к ним ногами. «Что я вам за Ганна? Поприставали, прокляты, как мухи к меду! Убирайтесь к отцам на виселицу, чортовы дети. Дам я вам Ганны». «Голова! голова! это голова!²⁷²» закричали хлопцы и разбежались во все стороны.

«Ай да Батько!» говорил Левко, очнувшись от своего изумления и²⁷³ глядя в след уходившему с ругательствами Голове. «Вот какие за тобо<й> водятся проказы! славно!²⁷⁴ а я дивлюсь, да передум<ываю>, что бы это значило, что он все притворяется глухим, когда станешь ему говорить о дела<х>. Пстой же, старой хрен, ты у меня будешь знать, как таскаться под окнами молодых девушек, будешь знать, как отбивать чужих²⁷⁵ невест. Гей, хлоп<ц>ы, сюда, сюда!» кричал он, махая руками к парубкам, которые снова собрались в кучу. «Ступайте сюды²⁷⁶. Я вещевал²⁷⁷ вас идти спать, а теперь раздумал и сам готов хоть целую ночь гулять с вами».

«Вот дело сказано» — сказал плечистый и дородный парубок, считавшийся первым гулякой и повесой на селе. «Мне все кажется, что потерял шапку или люльку²⁷⁸, если не удастся погулять порядком и настроить штук, все как будто недостает чего-то, как будто потерял шапку или люльку,²⁷⁹ словом, не козак да и только».

«Согласны ли вы побесить хорошенько сегодня голову».

«Голову».

«Да, Голову, что он в самом деле задумал? Он управляетс²⁸⁰ у нас, как будто Гетьман какой. Мало того, что помыкает как своими хопьями, еще и подъезжает к девчатам нашим, ведь, я думаю, во всем селе²⁸¹ нет смазливой девки, за которою бы не волочился голова».

²⁶⁹ Было: паробков

²⁷⁰ Было: Чертовские

²⁷¹ В рукописи: притовывая

²⁷² это голова! вписано

²⁷³ очнувшись от своего изумления и вписано

²⁷⁴ Далее зачеркнуто: То-то

²⁷⁵ чужих вписано

²⁷⁶ Было: сюда

²⁷⁷ Было: усовещевал

²⁷⁸ Над словами: Мне все кажется, что потерял шапку или люльку — вписано: тошно, как будто недостает чего-то

²⁷⁹ Так в рукописи. Далее зачеркнуто: одним

²⁸⁰ Было: управляет

²⁸¹ Вместо: во всем селе — было: в целом селе

«Это так²⁸². Это так» закричали²⁸³ в один голос все хлопцы.

<Л. 4> «Что ж²⁸⁴ мы, ребята, за холопья у него. Разве²⁸⁵ мы такого же рода, как он²⁸⁶; мы²⁸⁷, слава Богу, Вольные козаки, покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки?»

«Покажем» закричали парубки.

«А у меня, как нарочно»²⁸⁸ продолж<ал?> Левко²⁸⁹ «сложилась славная песня про Голову, пойдемте, я вас выучу» продолжал <он>, ударив рукою по струнам Бандуры. «Да слушайте, попереодевайтесь, кто во что ни попало<?>».

«Гуляй, Козацкая голова!» сказал плечистой парубок, ударив ногою в ногу и хлопнув руками, закри<чал>²⁹⁰. «Что за роскошь! что за воля! Как начнешь беситься, будто поминаешь давние годы. Любо Вольно на сердце, а душа как будто в раю. Гей, хлопцы! Гей! Гуляй!» и толпа шумно пронеслась по улицам. И Благочестивые старушки, пробужденные криками, подымали окошки и крестились сонною рукою, говоря: «Ну теперь гуляют парубки».

Парубки Гуляют

Блистательный месяц, прогуливаясь в необъятных пустынях своего неба и не налюбуясь красавицею земл<е>ю²⁹¹, раздумно остановился над хатою²⁹², которой неровные окна одне только светились среди уснувших улиц, как будто спрашивая, какие это люди осмелились при моем серебряном свете разводить презренный и неприятный для глаз огонь свой²⁹³. Это жилище головы. Голова давно уже окончил свой ужин и, без сомнения, давно бы заснул уже. Но у него²⁹⁴ в

²⁸² так вписано

²⁸³ Было: крик <нули?>

²⁸⁴ Было: Что же

²⁸⁵ Было: а. И так-таки; б. разве; в. ведь

²⁸⁶ Так в рукописи; ср. в ВД1: Разве мы не такого рода, как и он?

²⁸⁷ Далее зачеркнуто: вольные козаки

²⁸⁸ Вместо: А у меня, как нарочно — было: А мне как ра<з>

²⁸⁹ продолж<ал?> Левко вписано

²⁹⁰ закри<чал> вписано

²⁹¹ Вместо: своего неба и не налюбуясь красавицею земл<е>ю — было: чудно неба и озирая красавицу землю (так в рукописи)

²⁹² Было: одною хатою

²⁹³ как будто спрашивая ~ огонь свой вписано

²⁹⁴ Далее зачеркнуто: тепе<р>

хате гость Винокур, присланный помещиком, имевшим небольшой участок земли в селе между вольными козаками, вместе с мельником строить винокурню²⁹⁵. На почетном месте под самым Покутом сидел гость²⁹⁶, низенькой, толстенькой человек с маленькими вечно смеющимися глазками, в которых кажется написано было то удовольствие, с каким курил он свою коротенькую трубку, поминутно сплевывая и придавливая пальцом²⁹⁷ вылезавший из трубки превращенный в золу табак. Облака дыма быстро²⁹⁸ разрослись над ним, облекали его в сизый туман, и казалось²⁹⁹, будто широкая труба с какой-нибудь винокурни, наскуча сидеть на своей крыше, задумала прогуляться и чинно уселась за столом³⁰⁰ в хате головы. Под носом торчали коротенькие, но густые и широкие <?>³⁰¹ усы. Но они так неясно мелькали сквозь серую³⁰² табачную атмосферу, что взглянувшему, без сомнений, показались бы оне мышью, которую винокур поймал и держал во рту своем, подрывая³⁰³ монополию Анбарнаго кота. — Голова сидел как хозяин в одной рубашке и шараварах³⁰⁴. Орлиный глаз его как вечеряющее солнце начинал жмуриться и меркнуть³⁰⁵. На конце стола курил люльку один из сельских десятских³⁰⁶, составлявших команду Головы, сидевший из почтения к хозяину в свитке³⁰⁷.

«Но скоро ли вы думаете» сказал голова³⁰⁸, кладя крест на зевнувший рот свой и оборотившись к винокуру, «поставить вашу винокурню?» —

²⁹⁵ *Вместо:* присланный помещиком ~ строить винокурню — *было:* а. присланный [присланный] помещиком, имевшим небольшой участок земли между вольными козаками, строить винокурню; б. присланный вместе с мельником помещиком, имевшим небольшой участок земли в селе между вольными козаками, строить винокурню (не зачеркнуто, незавершенная правка)

²⁹⁶ *Далее зачеркнуто:* небольшой

²⁹⁷ *Далее зачеркнуто:* подымавши <йся?>

²⁹⁸ *Быстро* вписано

²⁹⁹ *Вместо:* и казалось — *было:* и тогда чудилось

³⁰⁰ *Было:* за стол

³⁰¹ и широкие <?> вписано

³⁰² серую вписано

³⁰³ *Вместо:* показались бы оне мышью ~ подрывая — *было:* почувдилось бы, что винокур держал [держал] в зубах своих мышь и тем подрывал

³⁰⁴ *Было:* полотняных шараварах

³⁰⁵ *Вместо:* жмуриться и меркнуть — *было:* уже блистать не так ярко

³⁰⁶ *Вместо:* курил люльку один из сельских десятских — *было:* сидел один из десятских

³⁰⁷ *Вместо:* сидевший из почтения к хозяину в свитке — *было:* один только из почтения к [голове] [свое <му?>] хозяину не снявший свитк <и>

³⁰⁸ *Далее зачеркнуто:* а. обращаясь; б. зевая

«Когда Бог поможет, сват, надемся и закурить³⁰⁹, а³¹⁰ на Покрову я готов поставить Бог знает что, если пан Голова не будет писать ногами немецкие крендели по дороге»³¹¹. По произнесении сих слов глазки³¹² винокура пропали, вместо их протянулись лучи до самых ушей, туловище стало колебаться от смеха³¹³, а веселые губы оставили на мгновение³¹⁴ дымившуюся люльку.

«Теперь, сват, еще слава Богу» отвечал голова³¹⁵ «винниц развелось немного. А вот в старое время; когда провожал я царицу³¹⁶ от переславской дороги, еще покойный Безбородько...»

«Ну, сват, вспомнил время!» прервал винокур. «Тогда от Кременчука³¹⁷ до самых Ромен не было ни одной винницы. А теперь... Слышал ли ты, что проклятые немцы повывдумывали. Говорят, станут не так, как все христиане³¹⁸ добрые, дровами, а как-то паром». Говоря это³¹⁹, винокур в размышлении³²⁰ глядел³²¹ на стол и на³²² расставлен<ные> на нем руки свои. «Каким паром... ей Богу, не знаю».

«Что³²³ за дурни, прости господи, эти немцы³²⁴» сказал Голова. «Я бы батогом их, собачьих детей. Слыханное ли дело, чтобы паром можно было кипятить что, потому это бы ложку борщу нельзя бы поднести, не изжаривши губ вместо молодого поросенька³²⁵...»

³⁰⁹ *Вместо:* Когда Бог поможет ~ закурить — было: а. Если Бог поможет, то к осени и закурим; б. Если Бог поможет, за лето думаем и закурить; в. Да нужно бы, сват, чтобы к осени за лето управиться

³¹⁰ *Было:* и

³¹¹ *Вместо:* писать ногами немецкие крендели по дороге — было: писать по дороге ногами немецкие крендели (не зачеркнуто, незавершенная правка)

³¹² *Вместо:* По произнесении сих слов глазки — было: Тут узенькие глазки

³¹³ *Так в рукописи. Вместо:* туловище стало колебаться от смеха — было: а. лицо начало дрожать от смеха; б. вся голова

³¹⁴ *Далее зачеркнуто:* люльки

³¹⁵ голова вписано

³¹⁶ *В рукописи:* царицы

³¹⁷ *Было:* Полтавы

³¹⁸ *Вместо:* Говорят, станут не так, как все христиане — было: а. [говорят] Говорят, будто не так, как курят все христиане; б. говорят, станут у нас

³¹⁹ *Было:* эти слова

³²⁰ в размышлении вписано

³²¹ *Далее зачеркнуто:* над

³²² и на вписано

³²³ *Далее зачеркнуто:* это

³²⁴ *Сверху вписано:* что (незавершенная правка)

³²⁵ *Вместо:* потому это бы ложку борщу ~ поросенька — было: это бы ложку борщу нельзя поднести, не поджаривши губ вместо поросенька

«И ты, сват» прервала³²⁶ сидевшая на лежанке, поджавши ноги, свояченица «будешь все это время жить у нас без жены».

«А для чего она мне? добро бы что доброе было».

«Будто не хороша собою?» сказал голова, устремив на него глаз свой.

«Куды тебе хороша? *Стара мов*³²⁷ бис. Харя вся в морщинах, будто выпороженный кошелек». И голова винокура раскачалась снова от громкого смеха.³²⁸

В это время что-то стало шарить за дверь³²⁹, дверь растворилась, и мужик, не снимая шапки, ступил в хату и стал как будто в раздумьи, разинувши³³⁰ рот и озирая потолок³³¹. Это был знакомец наш Каленик. «Вот я и домой пришел» проговорил, садясь на лавку у дверей и не обращая внимания на присутствующих. «Вишь, как растянул *Вражий сын* Сатана дорогу! Идешь, идешь и конца нет. Ноги³³² подкашиваются» продолжал, почти³³³ повалившись на лавку у дверей. «Достань-ка там, Баба, Тулуп подослать <Л. 4 об.> мне. На печь к тебе не приду, ей Богу не приду. Ноги болят. Достань его там, он лежит близь покута, гляди только, не опрокинь горшка с растертым тютюном³³⁴. Или³³⁵ нет, не тронь, не тронь. Ты, может быть, пьяна сегодня. Пусть уже я сам его достану». Каленик приподнялся³³⁶ немного, но неодолима³³⁷ [сила] приковала его³³⁸ к скамейке.

«За это³³⁹ люблю!» сказал Голова. «Пришел в чужую хату и распоряжается как дома, выпроводить его по добру, по здорову.....»

³²⁶ *Далее зачеркнуто*: в это время

³²⁷ *Было*: як

³²⁸ *Вместо*: И голова винокура ~ смеха. — *было*: [При] Голова винокура зашаталась снова, оживленная раскачиваемую

³²⁹ что-то стало шарить за дверь *вписано*

³³⁰ *Было*: осма <тривая?>

³³¹ *Вместо*: и озирая потолок — *было*: на потолок хаты

³³² *Далее зачеркнуто*: так и

³³³ *Далее зачеркнуто*: валясь

³³⁴ *Вместо*: гляди только ~ тютюном — *было*: да гляди, не расшиби там горшка с размолотым тютюном

³³⁵ *Было*: Иль

³³⁶ *Было*: поднялся

³³⁷ *Было*: неодолима

³³⁸ *Вместо*: [сила] приковала его — *было*: сила удержала

³³⁹ *Вместо*: За это — *было*: Вот

«Оставь его отдохнуть³⁴⁰, сват!» сказал винокур, удерживая голову за руку. «Это самый преполезный человек. Побольше бы такого народу и Винница наша славно пойдет». ³⁴¹ Однако ж не добродушие вынудило эти слова, винокур верил через чур всем приметам и тотчас³⁴² ³⁴³ прогнать человека, севшего уже на лавку, значило по его мнению³⁴⁴ накликать на себя³⁴⁵ нещастье.

«Что-то как Старость придет» ворчал каленик, ложась на лавку.³⁴⁶ «Добро бы сказать еще пьян, так нет же, не пьян,³⁴⁷ ей Богу, не пьян. Я готов объявить это³⁴⁸ хоть самому³⁴⁹ голове. Что мне Голова? Чтобы он издохнул, Собачий сын, я плюю на него,³⁵⁰ чтоб его вражьего сына возом переехало, что он обливает людей на морозе».

«Эге, влезла свинья в хату, да и лапы на стол!» сказал гневно подымаясь с места голова, но в это время увесистый³⁵¹ камень, разбивший окошко вдребезги, влетел³⁵² прямо ему под ноги. Голова быстро отворил Двери на улицу. Вдохновенная ночь дышала дивною³⁵³ теплотою в блеске ясного³⁵⁴ месяца, и хоть бы что-нибудь показалось в небе или на земле. «Естли бы я знал» сказал он, подняв камень и рассмотрев его пылающим своим глазом, «какой это висельник (чтоб его на том свете черти заставили лизать языком горячую сковороду) швырнул камнем,³⁵⁵ я выучил бы³⁵⁶ его, как кидаться. Экие проказы» продолжал, рассматривая его в руке пылающим глазом. «Чтобы он подавился этим камнем.....»

³⁴⁰ отдохнуть *вписано*

³⁴¹ *Далее зачеркнуто:* а. Но винокур; б. Винокур был су<еверен>

³⁴² тотчас *вписано*

³⁴³ *Перед:* прогнать — *зачеркнуто:* выгнать

³⁴⁴ *Вместо:* значило по его мнению — *было:* а. почитал; б. было по его мнению

³⁴⁵ *Вместо:* на себя — *было:* на голову

³⁴⁶ *Далее зачеркнуто:* ей богу, ничто

³⁴⁷ не пьян *вписано*

³⁴⁸ *Вместо:* объявить это — *было:* сказать (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

³⁴⁹ *Было:* к<ому?>

³⁵⁰ *Далее зачеркнуто:* а. что обливает людей на морозе....; б. он обливает людей на морозе....

³⁵¹ *Было:* порядочный

³⁵² *Далее зачеркнуто:* е<му?>

³⁵³ *Было:* чудесною (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

³⁵⁴ ясного *вписано*

³⁵⁵ *Далее зачеркнуто:* а. да я; б. дал

³⁵⁶ бы *вписано*

«Стой, стой, боже тебя сохрани, сват» подх<в>атил³⁵⁷ побледневши Винокур³⁵⁸. «Боже сохрани³⁵⁹ тебя и на том и на этом поблагославить кого-нибудь такую побранкою».

³⁶⁰ «Вот нашелся заступник! Пусть он³⁶¹ пропадет....»

«И не думай, сват.³⁶² Ты не знаешь, верно, что случилось с покойной тещей моей³⁶³?»

«С тещей?»

«Да, с тещей. Вечером³⁶⁴, немного может раньше теперешнего, уселись на земле, протянув ноги³⁶⁵ перед дверью хаты вечерять. Покойная теща, Покойник тесть, да наймыт³⁶⁶, да его наймычка, да детей штук с пятеро. Теща насыпала Галушек немного из большого казана в миску, чтобы не были горячи слишком³⁶⁷. После работ все проголодались и все повоздевали³⁶⁸ на длинные деревянные спички галушки и стали есть. Как вдруг откуда ни возьмись человек, какого роду, Бог его знает, просится допустить его к трап<езе>³⁶⁹. Как же не накормить голодного³⁷⁰ человека! Дали ему спичку. Только видя<т> все, что гость упрятывает галушки, как корова сено, так что покаместь они сжевали по одной и опустили спички в юшку поймать другую, дно³⁷¹ уже было³⁷², как помост воза. Теща насыпала еще, думает, теперь гость наелся и будет меньше жрать. Ничего не бывало, еще лучше стал уплетать и³⁷³ выпорожнил миску еще скорее первой. “А чтобы ты подавился этими галушками” подумала Го-

³⁵⁷ Было: прерв<ал>

³⁵⁸ В рукописи: Винук

³⁵⁹ В рукописи: сохраните

³⁶⁰ Перед: «Вот нашелся — зачеркнуто: «Пусть он пропадет

³⁶¹ Далее зачеркнуто: еще

³⁶² Далее зачеркнуто: Слы<хал?> еще

³⁶³ Вместо: с покойной тещей моей — было: с тещей моей

³⁶⁴ Было: Под вечерок

³⁶⁵ на земле, протянув ноги вписано

³⁶⁶ В рукописи: неймыт

³⁶⁷ Вместо: чтобы не были горячи слишком — было: чтобы прохолодить их

³⁶⁸ Вместо: После работ все проголодались и все повоздевали — было: Тесть, наймыт, наймычка и Дети повоздевали

³⁶⁹ Вместо: какого роду, Бог его знает, просится допустить его к трап<езе> — было: откуда он, какого роду, Бог его знает, просится допустить

³⁷⁰ Вместо: не накормить голодного — было: отказать голодному

³⁷¹ Далее зачеркнуто: уже ее

³⁷² Далее зачеркнуто: гладко

³⁷³ Далее зачеркнуто: миска

лодная теща, как вдруг тот³⁷⁴ закашлялся и упал. Кинулись к нему, и дух вон. Удавился..»

«Так ему обжоре проклятому и нужно» сказал голова».

«Так бы, да вышло не так. С того времени покою не было теще. Чуть только ночь, мертвец и тащится, сядет верхом на трубу, проклятой, и галушку держит в зубах. Днем все спокойно и слышу нет про него, а чуть ночь,³⁷⁵ погляди на крышу: уже и оседлал собачий сын трубу....»

«И галушка³⁷⁶ в зубах?»

«И галушка³⁷⁷ в зубах».

«Чудно, сват! Я слышал³⁷⁸, помню, что-то похожее на это еще за покойницу Царицу³⁷⁹...» Но голова остановился, услышалось под окном шум и топанье танцующих.³⁸⁰ Сначала тихо³⁸¹ звукнули струны бандуры, к ним присоединился голос, струны загремели сильнее³⁸², несколько голосов стали подтягивать и песня зашумела целым вихрем звуков.

Хлопцы, слышали ли вы,
Наши ль головы не крепки,
У кривого головы
вдруг рассыпалися клеп<ки>,
набей, бондарь, голову
ты ста<льными?>
etc

{Паробки Гуляют}

<Л. 5> ³⁸³Хлопцы, слышали ли вы,
Наши ль головы не крепки!
У Кривого головы
вдруг рассыпалися Клепки.
Набей, бондарь, голову

³⁷⁴ Далее зачеркнуто: он упал

³⁷⁵ Далее зачеркнуто: глянь

³⁷⁶ Было: вареник (не зачеркнуто, незавершенная правка)

³⁷⁷ Было: вареник (не зачеркнуто, незавершенная правка)

³⁷⁸ слышал вписано

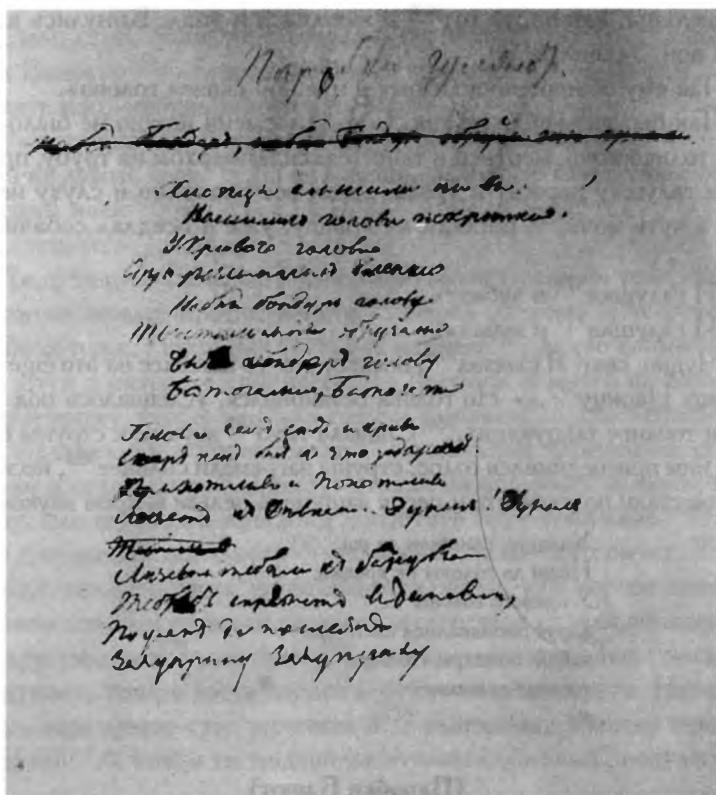
³⁷⁹ Место: еще за покойницу Царицу — было: еще тогда Царица

³⁸⁰ Место: Но голова ~ танцующих. — было: Тут слышалось под окном шум, беспрестанно возрастающий

³⁸¹ Место: Сначала тихо — было: Сильно (не зачеркнуто, незавершенная правка)

³⁸² Далее зачеркнуто: и

³⁸³ Перед: Хлопцы — зачеркнуто: Набей Бондарь, набей Бондарь обручи ты крепки.

«Майская ночь». Черновой автограф. Л. 5.
 Российская государственная библиотека. Москва

Ты стальными обручами,
 Набей, бондарь, голову
 Батогами, Батогами.
 Голова сам сед и крив,
 Стар как бес, а что задорен,
 Прихотлив³⁸⁴ и Похотлив,
 Лезет к Девкам... Дурень! Дурень³⁸⁵
 Лезть³⁸⁶ тебе ли к парубкам.
 Тебя б спрятать в домовину,
 По усам да по шеям
 За чуприну, За чуприну.

³⁸⁴ Было: По<хотлив>

³⁸⁵ Далее с абзаца зачеркнуто: Тебе ль

³⁸⁶ Было: Лезешь

<Л. 6> Пробуждение

«Неужели это я спал?»³⁸⁷ сказал про себя Левко, вставая с своего пригорка³⁸⁸, оглядываясь на все стороны. «Так живо³⁸⁹, как будто наяву... Чудно! Чудно!» повторил он оглядываясь: Месяц³⁹⁰, остановившийся посередине неба, показывал полночь. Везде тишина, от Пруда веял холод. Над ним печально стоял старый ветхий дом с закрытыми ставнями. Мох и дикой Бурьян на крыше показывали, что давно удалились из него Люди. Тут он разогнул не<много>³⁹¹ свою руку, которая судорожно была сжата во время сна его, и к изумлению³⁹² почувствовал в ней записку. «Эх, если бы я знал грамоте³⁹³» подумал³⁹⁴ он, оборачивая ее перед собою³⁹⁵ на все стороны. В это мгновение<ние> слышался позади его шум. «Не бойтесь³⁹⁶, прямо хватайте его, чего перепугались, нас десять³⁹⁷, я ставлю Бог знает что, что это человек, а не черт»³⁹⁸ так кричал голова своим спутникам и Левко почувствовал себя схваченным³⁹⁹ несколькими руками, из которых иные дрожали⁴⁰⁰ от страха: «Скидавай-ка приятель⁴⁰¹ свою страшную личину. Полно⁴⁰² тебе дурачить людей!» прого<во>рил голова, ухватив его за ворот, и оторопел, выпучив на него глаз свой: «Левко! сын!»⁴⁰³ вскричал он, отступая от удивления. «Это ты, собачий сын! вишь, бесовское рождение! я думаю, какая это шельма, какой это вывороченной дьявол строит штуки. А это все⁴⁰⁴ ты, невареной кисель твоему Батьке в горло, изволишь заводить по улицам разбой. Эге! ге! ге! Левко! а что это? вот мы с тобою разделаемся: вязать его».

³⁸⁷ *Далее зачеркнуто: д<умал>*

³⁸⁸ вставая с своего пригорка *вписано*

³⁸⁹ *Далее вписано и зачеркнуто: все д<...>*

³⁹⁰ *Далее зачеркнуто: стоял*

³⁹¹ *Вместо: разогнул не<много>* — *было: расправил*

³⁹² *Было: удивлению*

³⁹³ *Вместо: знал грамоте* — *было: был грамотной*

³⁹⁴ *Было: а. сказ<ал>; б. проговор<ил>*

³⁹⁵ *перед собою вписано*

³⁹⁶ *Вместо: Не бойтесь* — *было: Чего вы боитесь*

³⁹⁷ *Далее зачеркнуто: человек*

³⁹⁸ *Перед: так кричал* — *зачеркнуто: горла<нил>*

³⁹⁹ *Было: обх<ваченным>*

⁴⁰⁰ *Было: дрожавшие*

⁴⁰¹ *приятель вписано*

⁴⁰² *Далее зачеркнуто: дур<ачить>*

⁴⁰³ *Вместо: Левко! сын!* — *было: Сын! Левко!*

⁴⁰⁴ *все вписано*

«Постой, наперед, батько, велено тебе отдать эту записку» сказал Левко.

«Не до записок теперь, Голубчик, вязать его!»

«Постой, пан голова» сказал писарь, развернув записку. «Комиссарова рука».

«Комиссара?»

«Комиссара?» повторили машинально десятские. «Комиссара? чудно!» еще непонятнее!» подумал про себя Левко.

«Читай, читай!» сказал голова «что там пишет комиссар?»

«Послушаем, что пишет комиссар»⁴⁰⁵ произнес винокур, вырублявая огонь для своей люльки.

Писарь откашлялся и начал⁴⁰⁶ читать: «Приказ Голове Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый дурак,⁴⁰⁷ вместо того, чтобы собрать пропавшие⁴⁰⁸ недоимки и вести на селе порядок, одурел⁴⁰⁹ и строишь пакости.....»

«Вот ей Богу!...» прервал Голова: «ничего и не слышу!»

Писарь вместо⁴¹⁰ ответа начал снова: «Приказ Голове Евтуху Мак<огоненку>. Дошло до нас, что старой ду.....»

«Стой, стой, не нужно» закричал голова. «Я хоть и не слышал; однако ж знаю, что главного дела там⁴¹¹ еще⁴¹² нет, читай далее!»

«А в следствие того приказываю⁴¹³ тебе сей же час оженить твоего сына Левка Макогоненка на козачке из вашего же села Ганне Петриченковой, а также подчинить⁴¹⁴ мосты по столбовой дороге и не давать обывательских лошадей без моего ведома судовым паничам, хоть бы они ехали прямо из казенной палаты. Если же по приезде моем⁴¹⁵ найду оное приказание мое не приведенным к исполнению, то тебя одного потребую к ответу. Комиссар поруччик Козьма Деркач-Дришпановский».

«Слышишь! Пан Писарь» сказал Голова. «Слышите, Господа. Я вам говорил, что за все с меня взьщут, а потому прошу беспрекослов-

⁴⁰⁵ Было: сказал

⁴⁰⁶ Было: стал

⁴⁰⁷ Далее зачеркнуто: дошло до нас, что

⁴⁰⁸ Было: старые

⁴⁰⁹ Далее зачеркнуто: на старо<сти>

⁴¹⁰ Далее зачеркнуто: всяк<ого>

⁴¹¹ Было: тут

⁴¹² еще вписано

⁴¹³ Было: повелеваю

⁴¹⁴ Далее зачеркнуто: все

⁴¹⁵ моем вписано

но слушаться, не то прошу не прогневаться.... А тебя⁴¹⁶» продолжал он, оборотясь к Левку⁴¹⁷, «в следствие приказа́ния комиссара я оженю, только напередь⁴¹⁸ ты у меня попробуешь⁴¹⁹ нагайку⁴²⁰, знаешь, ту⁴²¹, которая висит у меня на стене около покута. Она давно не была в деле... Где ты взял эту записку?»

Левко, несмотря⁴²² свое изумление, происшедшее от такого неожиданного оборот<а> своего дела, имел благоразумье⁴²³ приготовить в уме другой ответ и утаить настоящую истину⁴²⁴, каким образом досталась записка. «Я отлучался⁴²⁵» говорил он «вчера ввечеру еще в город⁴²⁶ и встретил⁴²⁷ на дороге комиссара, вылезавшего из Брычки. Узнавши, что я из нашего села, дал он мне записку⁴²⁸ и велел на словах сказать тебе, Батька, что заедет обедать к нам на возвратном пути». —

«Он это⁴²⁹ говорил?»

«Говорил».

«Слышите ли. Слышите ли!» говорил Голова с важною осанкою, оборотившись к своим сопутни<кам> «комиссар, сам комиссар своею особою приедет к нашему брату на обед. О!» Тут Голова поднял вверх палец <Л. б об.> и голову привел в такое положение, как будто она к чему-нибудь прислушивалась. Комиссар приедет обедать. Как ты⁴³⁰ думаешь, пан писарь, и ты, сват, это не совсем незначущая⁴³¹ честь. Не правда ли. А!»

«Еще, сколько я⁴³² могу запомнить» подхватил писарь «ни один голова не угощал обедом комиссара».

⁴¹⁶ *Далее зачеркнуто:* собачий сын

⁴¹⁷ *Было:* к Левко

⁴¹⁸ *Далее зачеркнуто:* а. ты у меня поп<робуешь>; б. собачий сын

⁴¹⁹ *В рукописи:* побропуешь

⁴²⁰ *Было:* нагайки

⁴²¹ *ту вписано*

⁴²² *Перед:* свое — *зачеркнуто:* на свое

⁴²³ *благоразумье вписано*

⁴²⁴ *настоящую истину вписано*

⁴²⁵ *Было:* отлучился

⁴²⁶ *Вместо:* вчера ввечеру еще в город — *было:* сегодня поутру в соседнее <село>

⁴²⁷ *Далее зачеркнуто:* комиссара, сидевшего

⁴²⁸ *Далее зачеркнуто:* к

⁴²⁹ *Далее зачеркнуто:* все

⁴³⁰ *Было:* д<умаешь?>

⁴³¹ *Было:* ма<лая?>

⁴³² *я вписано*

«Может быть, иной и голова голове не чета! Только как думаешь, пан писарь, я думаю, для именитого гостя нужно бы дать приказ принести с каждой⁴³³ хаты по цыпленку».

«Нужно бы, нужно, Пан голова!»

«А когда же свадьбу, Батка?» спросил Левко.

«Ты все с свадьбой. Дал бы я тебе сватьбы.... ну, да именитого гостя. Завтра вас поп и обвенчает, чорт с вами. Комиссар увидит, что значит исправный голова. Но, ребята, теперь спать! ступайте по домам.... Я.... еще помню⁴³⁴....» При сих слов⁴³⁵ пустил он обыкновенный⁴³⁶ свой важный и значительный взгляд из подлобья.

«Ну, теперь пойдет голова рассказывать, как вез царицу» сказал Левко и быстрыми шагами и радостью на душе⁴³⁷ спешил к⁴³⁸ заветной хате. «Дай тебе Бог небесное царство, добрая⁴³⁹ и прекрасная панночка»⁴⁴⁰ думал он про себя. «Пусть тебе на том свете вечно вусмехается⁴⁴¹ между Ангелами святыми⁴⁴². — Никому не расскажу про диво, случившееся в эту ночь. Одной тебе только, Галю, передам⁴⁴³ его. Ты одна только поверишь мне и помолишься со мною за упокой души утопленицы». Тут он приблизился к хате. Окно было отперто. Лучи месяца проходили через него хату, ударяли на спавшую⁴⁴⁴ перед окном Ганну. Голова ее оперлась на локоть. Щека тихо горела⁴⁴⁵, губы шевелились⁴⁴⁶, неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица. Приснись тебе все⁴⁴⁷, что есть лучшего на свете. Но и то не будет лучше нашего пробуждения». Перекрестив ее, он закрыл окошко и тихо удалился, и через несколько минут все уснули на селе. И месяц⁴⁴⁸ так же величественно⁴⁴⁹, блистательно и чудно плыл в

⁴³³ каждой вписано

⁴³⁴ Вместо: еще помню — было: тут еще помню

⁴³⁵ Вместо: При сих слов — было: а. Тут голова; б. При этих слов

⁴³⁶ Было: оч<ень?>

⁴³⁷ Вместо: и радостью на душе — было: и с радостью на сердце

⁴³⁸ Было: по

⁴³⁹ Было: моя добрая

⁴⁴⁰ Далее зачеркнуто: пусть

⁴⁴¹ Так в рукописи

⁴⁴² В рукописи: святому

⁴⁴³ Было: поверю

⁴⁴⁴ Далее зачеркнуто: а. подле него; б. недалеко от

⁴⁴⁵ Вместо: Щека тихо горела — было: Щеки тихо горели

⁴⁴⁶ Далее зачеркнуто: что как будто произно<ся?>

⁴⁴⁷ тебе все вписано

⁴⁴⁸ Вместо: И месяц — было: Один только месяц

⁴⁴⁹ величественно вписано

необъятных⁴⁵⁰ пустынях роскошного украинского неба. Так же неизъяснимо⁴⁵¹ торжественно⁴⁵² дышало в вышине. Так же прекрасна была земля в Дивном серебряном блеске, но уже никто не упивался ею⁴⁵³. Все погрузилось в сон, изредка слышился только лай собак, и долго еще пьяной Каленик шатался по уснувшим улицам села, отыскивая свою хату.

⁴⁵⁰ Было: в не объятной дивным

⁴⁵¹ неизъяснимо *вписано*

⁴⁵² В рукописи: торжественно

⁴⁵³ Было: краси<вою> ночью (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

<ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА>

<Л. 9> Так вы хотите, чтобы я вам еще¹ рассказал про Деда? Почему ж не потешить веселой прибауткою, пожалуй. Вы люди бывалы, вас не испугаешь Чудными дивами², которых как-то в разумную старину не в сто мер было больше, ведь точно, невесть какая радость падет на сердце, как услышишь про то, что далеко далеко, и года ему и месяца нет, деялось на свете. А как еще впутается какой-нибудь <дь?> и родич, дед или прадед, так вот враг меня возьми, если не чудится, что вот вот вот сам не³ то дела <е>шь... будто залез в Прадедовскую душу али прадедовская⁴ шалит в тебе.... Нет, мне пуше всего наши⁵ Девчата и Молодицы. Покажись⁶ только на глаза им. «Хома⁷ Григорович, Хома Григорович, а нуте нуте.... яку нэбудь⁸ страховинну кáзочку, а нуте нуте»... тара та та татата, и пойдут, и пойдут. Не жаль, конечно, рассказать, да загляни, что делается с ними в постеле, ведь я знаю то, что каждая в постеле дрожит под одеялом так, как будто ее трясет лихорадка, и, кажется, рада совсем бы влезть в тулуп сво<й>⁹. Царапни Горшком крыса, сама как-нибудь задень ногою кочергою¹⁰ и, Боже упа<си>, и душа в пятках. А на другой¹¹ день ничего не бывало, навязывается сызнова, расскажи страшную

¹ еще вписано

² Далее зачеркнуто: делавшимися

³ Было: все

⁴ Было: прадедовского

⁵ Далее зачеркнуто: молодежи

⁶ Было: Попа <дись?>

⁷ Было: Фома

⁸ Было: какую-нибудь

⁹ Вместо: да загляни ~ в тулуп сво<й> — было: а. да веть знаешь-то, что каждую, как придет домой; б. да веть знаешь-то, что каждая в постели дрожит под одеялом и рада совсем бы влезть в тулуп сво<й>; в. да посмотри, что делается с ними в постеле, ведь я знаю то, что каждая в постеле дрожит под одеялом так, как будто ее трясет лихорадка, и рада совсем бы влезть в тулуп сво<й>

¹⁰ Так в рукописи

¹¹ Было: на следую<щий>

сказку да и только... .. Знаете ли, однако ж, что я вам расскажу теперь¹²? Я вам расскажу, как ведьмы играли с покойным дедом в Дурни¹³. Пойдите же, чур¹⁴ только не сбивать. Покойный дед, надобно вам сказать¹⁵, был не из простых в те годы козаков, знал и твердо-онто и словотитлу¹⁶ поставить, а ну¹⁷ Сами знаете, что тогдашних грамотных <1 нрзб.>¹⁸, если бывало¹⁹ тогда собрать народ со всего Батурина²⁰, то нечего и шапки подставля<ть>, в одну горсть²¹ всех завернуть можно было, в праздник отхватает Апостола так, что теперь и иной попович²². Стало быть, и не диви<тесь?>²³, и дивиться не нужно²⁴, если всякой встречный кланялся ему мало мало²⁵ не в пояс. Вот задумалось раз самому Вельможному Гетьману послать за чем-то²⁶ к Царице грамотку. Тогдашний Полковой писарь, вот нелегкая его возьми, и прозвище не вспомню²⁷, Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка, Голопоцек не Голопуцек. Знаю только, что как-то чудно начинается мудреное прозвище. Позвал к себе Деда и сказал ему, что так и так, наряжает его Пан Гетьман гонцом²⁸ с грамоткою к Царице. Дед не любил долго собираться. Грамоту зашил в шапку, вывел коня, чмокнул жену и двух²⁹ своих, как сам он называл, поросенков, из которых один был родный батько хоть бы и нашего брата, и поднял такую за собою пыль, как будто бы пятнадцать<ть> хлопцев задумали³⁰ посередине улицы играть в каши. На другой день, ещо петух не драл в четвертой раз горла, Дед был уже в Конотопе. На ту пора³¹

¹² Было: про деда

¹³ Было: Дурни

¹⁴ Было: чуть

¹⁵ надобно вам сказать *вписано*

¹⁶ Было: а. титло; б. словотитло

¹⁷ ну *вписано*

¹⁸ тогдашних грамотных <1 нрзб.> *вписано*

¹⁹ Вместо: если бывало — было: если бы

²⁰ Было: [нашего] края

²¹ Далее *зачеркнуто*: все забрать было

²² в праздник ~ иной попович *вписано*

²³ Вместо: Стало быть, и не диви<тесь?> — было: То и не диво

²⁴ Было: не надо

²⁵ Вместо: мало мало — было: почти что

²⁶ за чем-то *вписано*

²⁷ Было: забыл

²⁸ гонцом *вписано*

²⁹ Далее *зачеркнуто*: и двух

³⁰ Было: задумало

³¹ Так *в рукописи*

была тогда Ярмарка. Народу высыпало³² по улицам столько³³, что глаза мерещило, только³⁴ знаете, так как было еще рано, то все³⁵ еще дремало, растянувшись на земле; возле коровы лежал Гуляка-парубок с покрасневшим как снегирь³⁶ носом и с распаренною рожей; возле ятки храпела сидя³⁷ перекупка с кремнями, Синькою и бубликами, под телегою цыган, на Бочке³⁸ с детем Чумак, на самой дороге раскинул ноги Бородач Москаль с поясами, рукавица <ми>, ну много и того всего, как водится на Ярмарках. Наш³⁹ Дед⁴⁰ приостановился⁴¹ <1 нрзб.>, чтобы все разглядеть хорошенько, между тем в ятках начало помалу⁴² <Л. 9 об.> шевелиться, жидовки начали побряничивать фляшками⁴³. Дым⁴⁴ покатило⁴⁵ то сям то там кольцами,⁴⁶ и по всему табару⁴⁷ понесло горячими сластенами. ⁴⁸ Деду вспало на ум, что у него нет ни огнива, ни табаку наготове, вот и пошел таскаться по ярмарке, только глянь, навстречу Гуляка Запорожец, и по лицу видно, в⁴⁹ красных как жар шараварах, в синем жупане, в⁵⁰ ярком цветном поясе, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты. Запорожец да и только! Эх⁵¹, народец: станет, выгнется, поведет рукою молодецкие усы⁵², брякнет подковами и⁵³ — пустится..... да ведь как пустится: ноги отвертывают словно веретено в бабьих руках, как ви-

³² *Далее зачеркнуто:* по ул<ицам?>

³³ *Было:* такого

³⁴ *Далее зачеркнуто:* все еще растяня

³⁵ *Далее зачеркнуто:* и растянулось

³⁶ *Было:* свекла

³⁷ *храпела сидя* *вписано*

³⁸ *Было:* ве<дре?>

³⁹ *Наш* *вписано*

⁴⁰ *Далее зачеркнуто:* <1 нрзб.> разглядевши все хорошенько

⁴¹ *В рукописи:* приостановился

⁴² *Было:* мало

⁴³ *Далее зачеркнуто:* и

⁴⁴ *Было:* пок<атило?>

⁴⁵ *Далее зачеркнуто:* коль<цами>

⁴⁶ *Далее начато:* и горячими [слад<остями?>] сластенами понесло (*слова и горячими в отвергнутом варианте не зачеркнуты*)

⁴⁷ *Так в рукописи*

⁴⁸ *Перед:* Деду — *было:* а. Дед мой вздумал, что ему нужно запастись; б. Дед

⁴⁹ *Было:* с

⁵⁰ *Было:* с

⁵¹ *Было:* Вот

⁵² *Было:* бр<ови?>

⁵³ *Далее зачеркнуто* *многоточие*

хорь дернет рука по всем струнам бандуры⁵⁴ и тут же подопрется ею⁵⁵ в боки и валяет в присядку⁵⁶, свиснет песню... душа гуляет. Нет, пр<ошло> времячко⁵⁷, не быть запорожцам в наши годы.⁵⁸ Ну встретились, долго ли до знакомства, пошли калякать, калякать так⁵⁹, что дед совсем было уже забыл про путь свой. Попойка⁶⁰ завелась, как накануне великого поста на свадьбе⁶¹. Только прискучило⁶² наконец колотить горшки⁶³ и кидать в народ деньги, да и Ярмарка то не век же стоит, вот условились, чтобы уже, как говорят, и путь держать вместе⁶⁴. Было⁶⁵ давно под вечер, когда выехали они в поле⁶⁶. Солнце, как старый погонщик⁶⁷, залезло на печь. По небу где-где⁶⁸ прохватавались красные и гр<анатовые?>⁶⁹ ленты. По полю⁷⁰ пестрели нивы, как праздничная плахта⁷¹ Чернобровой молодежи. Нашево⁷² запорожца раздобар такой⁷³ взял, что дед и еще другой приплевшийся к ним гуляка подумали⁷⁴, что одна⁷⁵ нечистая сила могла прикру-

⁵⁴ *Вместо:* как вихорь ~ бандуры — *было:* [жилистая рука разом] дернет по всем струнам бандуры

⁵⁵ *ею вписано*

⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* далеко

⁵⁷ пр<ошло> времячко *вписано*

⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* а. Слово за слово завелась меж ними дружба, гульня и попойка с утра до вечера, так что дед уже и позабыл про то, что нужно ехать; б. Слово за слово завелась меж ними дружба, гульня и попойка с того вечера, так что дед уже и позабыл было совсем про [свой] про путь свой. Только наконец прискучило [Деду] бить горшки и кидать в народ деньги. К тому ж и ярмарка не век [продолжается] стоит, [вот и поехали] вот и отправились уже вместе.

⁵⁹ *Далее зачеркнуто:* у

⁶⁰ *Далее зачеркнуто:* такая

⁶¹ *Вместо:* как накануне великого поста на свадьбе — *было:* а. как на свадьбе; б. как до великого поста на свадьбе

⁶² *Было:* прискучит

⁶³ *Было:* горшок

⁶⁴ *Вместо:* чтобы уже, как говорят, и путь держать вместе — *было:* чтобы уже и ехать вместе

⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* уже

⁶⁶ *Вместо:* в поле — *было:* за город. *Далее зачеркнуто:* По небу краснело после

⁶⁷ *Было:* пасичник

⁶⁸ *Было:* где-то

⁶⁹ *Было:* оранжевые

⁷⁰ *В рукописи:* По по полю

⁷¹ *Вместо:* как праздничная плахта — *было:* а. как плахта; б. как кр<асная плахта>

⁷² *Так в рукописи*

⁷³ *такой повторено в рукописи дважды*

⁷⁴ *Было:* додумались уже

⁷⁵ *Вместо:* одна — *было:* а. разве сама; б. только

тить молодецкий язык. Откуда что ни набиралось. Истории, присказки такие диковинные, что дед раз⁷⁶ десять хватался за бока и чуть не надсадил живота со смеху⁷⁷. Но в поле становилось чем дальше⁷⁸ сумрачнее. А вместе с тем становилась несвязнее и мо<ло>децкая моэль, так что наконец рассказчик⁷⁹ наш⁸⁰ совсем притих и вздрагивал при малом⁸¹ шорохе. «Ге, ге, земляк, да ты не на шутку⁸² принялся считать сов, уж⁸³ думаешь, как бы домой⁸⁴ да на печь». «Да, хорошо вам веселиться» отвечал он, поворотившись на коне и оставив в деда⁸⁵. «Перед вами таиться нечего.⁸⁶ Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому».⁸⁷ «Экая невидальщина. Кто не знался на веку своим с нечистым, тут-та и нужно гулять как говорится на прах». «Эх, братцы⁸⁸, гулял бы и я, да в ночь эту срок молодцу...⁸⁹. Эй, Братцы» сказал он, хлопнув по рукам. «Эй, не выдайте. Эй, не поспите одной ночи, век не запомню вашей дружбы». Почему ж не пособить человеку в таком горе. Дед без дальних околичностей объявил⁹⁰, что он готов свою душу отправить в пекло, если допустит черта понюхать Собачьим его рылом Христианской души.

<Л. 11> Козаки⁹¹ наши ехали бы, может быть, и далее, если бы⁹² не обволокло всего неба ночью словно черным рядном, и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом, издали только мерещился огонек и кони⁹³, чуя близкое стойло,⁹⁴ торопились,⁹⁵ насторо-

⁷⁶ Было: разов

⁷⁷ Вместо: не надсадил живота со смеху — было: а. не порвал со смеху; б. не надорвал живота со смеху

⁷⁸ Было: делее (так в рукописи)

⁷⁹ Было: запорожец

⁸⁰ Далее зачеркнуто: уже

⁸¹ Было: каждом

⁸² Далее зачеркнуто: прикусил

⁸³ Далее зачеркнуто: бы

⁸⁴ Вместо: думаешь, как бы домой — было: думаешь до<мой>

⁸⁵ и оставив в деда вписано

⁸⁶ Далее начато: Знаете [что душа]

⁸⁷ Далее зачеркнуто: Как же вы хотите, чтобы я веселился. Есть чего

⁸⁸ Эх, братцы вписано

⁸⁹ Далее зачеркнуто: Слушайте

⁹⁰ объявил вписано

⁹¹ Было: Путн<ики>

⁹² Далее начато: все

⁹³ В рукописи: куни

⁹⁴ Далее зачеркнуто: подымали

⁹⁵ Далее зачеркнуто: и бодрей

жа уши и⁹⁶ вковавши очи в мрак. Огонек близился, и⁹⁷ перед⁹⁸ козаками показался шинок⁹⁹, повалившийся на одну сторону¹⁰⁰, словно баба на пути¹⁰¹ с веселых христин домой, в те поры шинки не то были, что теперь, доброму человеку¹⁰² не только¹⁰³ развернуться, приударить¹⁰⁴ горлицы или тропака, прилечь даже¹⁰⁵ было некуда, когда в голову заберет хмель и ноги начнут¹⁰⁶ покой он-по. Двор был уставлен весь чумацкими возами. Под поветками, в яслях, в сенях, иной, свернувшись как Еж, другой развернувшись, храпели, как коты¹⁰⁷, только Шинкарь один нарезывал¹⁰⁸ перед каганцем рубцами на палочке, сколько выпито¹⁰⁹ кварт и осьмух. Дед мой, спросивши треть ведра на троих, отправился спать¹¹⁰ под¹¹¹ сарай, все трое легли рядом. Только дед не успел даже¹¹² повернуться, как видит, что его земляки¹¹³ спят уже мертвецким сном, разбудивши приставшего к ним треть^{<го>} козака, Дед напомнил ему про данное им товарищу¹¹⁴ обещание. Тот привстал: протер глаза и снова заснул. Нечего делать, пришлось одному караулить, чтобы чем-нибудь занять себя, осмотрел он возы все, наведаясь до коней, закурил люльку, пришел назад и сел¹¹⁵ опять около своих.¹¹⁶ Все было тихо так, что кажись ни одна му-

⁹⁶ и повторено в рукописи дважды

⁹⁷ Далее зачеркнуто: на глазах наших мол<одцев?>

⁹⁸ Далее зачеркнуто: нашими

⁹⁹ Далее начато: а. в; б. да

¹⁰⁰ Вместо: на одну сторону — было: на бок

¹⁰¹ Вместо: на пути — было: воротившаяся

¹⁰² Далее зачеркнуто: а. поворотить было некуда; б. поворотиться было некуда

¹⁰³ Далее зачеркнуто: негде было

¹⁰⁴ Было: гря<нуть?>

¹⁰⁵ Было: тихо

¹⁰⁶ Далее зачеркнуто: писать

¹⁰⁷ Вместо: развернувшись, храпели, как коты — было: а. растянувшись, подняли такую музыку носами; б. раскинувшись, храпели, как коты

¹⁰⁸ Далее зачеркнуто: на палочке

¹⁰⁹ Вместо: сколько выпито — было: число выпороженных (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹¹⁰ спать вписано

¹¹¹ Далее зачеркнуто: и опять

¹¹² даже вписано

¹¹³ Далее зачеркнуто: уже

¹¹⁴ товарищу вписано

¹¹⁵ Далее зачеркнуто: около своих

¹¹⁶ Далее зачеркнуто: Только глаза то и д<ело?> начали

ха не пролетела, вот и чудится ему¹¹⁷, что из-за соседнего воза что-то серое¹¹⁸ выказывает роги, тут глаза его начали¹¹⁹ смыкаться, так что принужден он был¹²⁰ минутно протирать кулаком и промывать оставшейся водкой.¹²¹ Промывши глаза, он увидел, что ничего нет. Но наконец снова показыв<ается>¹²² из-под воза чудище. Дед вытаращил сколько мог глаза. Но Дьявольская дремота обвила перед ним все туманом¹²³, голова скатилась, и крепкий сон схватил его так, что он повалился словно убитый. Долго спал Дед, и как припекло порядочно уже солнце его¹²⁴ обриту¹²⁵ макушу, тогда только схватился на ноги, потянувшись раза два и почесав спину, заметил он, что уже возов стояло не так много, как с вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до света. К своим¹²⁶ — козак спит, а Запорожца нет, выспрашивать — нет, никто слыхом не слыхал¹²⁷ и знать не знал, одна только верхняя свитка лежала на¹²⁸. Пошел посмотреть на коней, Запорожцевого или своего, духу не слышно. Об том нечего было уже и думать¹²⁹, что бы это значило. Поло<жим>, что нечистый взял Запорожца, но за что ж коней. Дед заключил, что чорт¹³⁰ пешком, и так как до пекла не слишком близко, то утянул его коня.¹³¹ Коня не жаль¹³², больно ему было крепко, что не сдержал козацкого слова,¹³³ да ехать-то как без коня. Ну, думает себе, пойду пешком, по дороге встречу где-нибудь

117 *Вместо:* вот и чудится ему — *было:* вот деду нашему чудится,

118 *Было:* черное

119 *Далее зачеркнуто:* так слепляться

120 *Далее зачеркнуто:* ежеминутно

121 *Далее зачеркнуто:* а. Чуть только; б. Едва

122 *Вместо:* Но наконец снова показыв<ается> — *было:* а. Наконец опять показывается; б. Наконец опять мало погода (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

123 *Вместо:* Но Дьявольская дремота ~ туманом — *было:* а. но руки его окостенели; б. но Дьявольская дремота все тумани<ла>

124 *Было:* ему

125 *Так в рукописи*

126 *Было:* До своих

127 *слыхом не слыхал вписано*

128 одна только верхняя свитка лежала на *вписано (незавершенная правка)*

129 *Вместо:* Об том нечего было уже и думать — *было:* Долго думал и дед, думали все

130 *Далее зачеркнуто:* <1 нрзб.>

131 *Далее зачеркнуто:* Ну нечего делать

132 *Коня не жаль вписано*

133 *Далее зачеркнуто:* ну, нечего делать, и ехать было давно уже пора, да ехать-то как без коня

цыган, идущих с ярмарки¹³⁴. Только хватился за шапку — нет и¹³⁵ шапки. Аж¹³⁶ всплеснул руками Покойный дед, как вспомнил, что вчера еще обменялись они¹³⁷ на время с запорожцем шапками, кому больше утащить, как не нечистому¹³⁸, вот тебе и Гетьманский Гонец! вот тебе¹³⁹ и привез грамоту к Царице! тут Дед принялся угощать чорта такими прозвищами и побранками, что, я¹⁴⁰ думаю, ему не один раз чихалось тогда¹⁴¹ в пекле. Но Бранью не пособишь, а затылка¹⁴², сколько ни чесал дед¹⁴³, никак не мог придумать ничего, что станешь делать, кинулся достать чужого ума, собрал всех бывших тогда в шинке добрых людей, чумаков и просто заезжих, и рассказал, что так и так, такое приключилось¹⁴⁴ горе. Чумаки долго думали, крутили головами¹⁴⁵, брались за Чуб, гладили усы, наконец¹⁴⁶ сказали, что не слышали такого дива на крещеном свете, чтобы Гетьманскую грамоту¹⁴⁷ утащил чорт. Другие же прибавили, что¹⁴⁸ когда Чорт да Москаль укрядут что-нибудь — то¹⁴⁹ поминай уже, как и звали.

<Л. 11 об.> Один только шинкарь сидел молча¹⁵⁰ в углу.¹⁵¹ Дед¹⁵² и подступил к нему, уж когда молчит человек, то верно¹⁵³ зашиб много умом. Только Шинкарь¹⁵⁴ не так-то был щедр слова¹⁵⁵ и

¹³⁴ *Вместо:* по дороге встречу где-нибудь цыган, идущих с ярмарки — *было:* на дороге куплю где-нибудь (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹³⁵ и вписано

¹³⁶ Аж вписано

¹³⁷ они вписано

¹³⁸ кому больше утащить, как не нечистому вписано

¹³⁹ тебе вписано

¹⁴⁰ я вписано

¹⁴¹ тогда вписано

¹⁴² затылка вписано

¹⁴³ *Далее зачеркнуто:* и не

¹⁴⁴ *В рукописи:* приключилось

¹⁴⁵ *Далее зачеркнуто:* но не

¹⁴⁶ *Было:* только

¹⁴⁷ *Вместо:* Гетьманскую грамоту — *было:* а. Цари <цыну грамоту>; б. Грамоту к Царице; в. Царскую <грамоту>

¹⁴⁸ *Далее зачеркнуто:* уж

¹⁴⁹ *Было:* тогда

¹⁵⁰ молча вписано

¹⁵¹ *Далее зачеркнуто:* и хоть бы слово на все рассказы

¹⁵² *Далее зачеркнуто:* тотчас и подумал

¹⁵³ *Далее зачеркнуто:* много

¹⁵⁴ *Было:* шинкаря

¹⁵⁵ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* не так-то был щедр на слова

если бы¹⁵⁶ Дед не полез¹⁵⁷ в карман за пятью золотыми, то может и до вечера стоял бы¹⁵⁸ перед ним. «Я научу тебя, как найти грамоту» сказал шин<карь>¹⁵⁹, отводя Деда¹⁶⁰ в сторону. У деда и на сердце отлегло. «Я вижу уже по глазам, что ты козак — не баба. Смотри ж!¹⁶¹ близко¹⁶² шинка будет поворот на право, в лес, только¹⁶³ станет в поле примеркать, чтобы ты был уже наготове, в лесу живут цыгане и выходят они из нор своих и куют железо в такую только ночь, в какую одни ведьмы ездят на своих кочергах¹⁶⁴, чем они промышляют на самом деле, знать тебе нечего. Много будет стуку по лесу, только ты не иди в те стороны, откуда заслышишь стук¹⁶⁵, а будет перед тобою малая дорожка¹⁶⁶ мимо обожженного дерева, дорожкой этой иди, иди, иди. Станет терновник тебя царапать.¹⁶⁷ Густой орешник станет мешать тебе. Ты все иди. И как придешь к небольшой речке, тогда только можешь остановиться. Там и увидишь¹⁶⁸, кого тебе нужно.¹⁶⁹ Но гляди¹⁷⁰, не позабудь накласть себе в карманы¹⁷¹ того, что позвонче бреньчит». Сказавши это, Шинкарь ушел в свою кануру, словно его в шею погнало, и¹⁷² не хотел больше говорить ни слова.¹⁷³ Покойный Дед был человек нельзя сказать чтобы из трусливого десятка.. Бывало¹⁷⁴ иной раз выходил на медведя, а подчас и пяти человек умять ему было так же, как нашему брату отпеть воскресный

¹⁵⁶ *Вместо:* если бы — было: пока

¹⁵⁷ *Далее зачеркнуто:* рукою

¹⁵⁸ *Было:* простоял бы (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹⁵⁹ *Было:* он (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹⁶⁰ *Было:* его

¹⁶¹ *Далее зачеркнуто:* до вечера

¹⁶² *Было:* не далеко от

¹⁶³ *Далее зачеркнуто:* нач<нет?>

¹⁶⁴ *Вместо:* и выходят ~ кочергах — *было:* а. в самую глубокую ночь выходят они из нор и куют железо; б. в самую глубокую ночь только выходят они из нор своих и куют железо

¹⁶⁵ *Вместо:* заслышишь стук — *было:* стук будет слышен

¹⁶⁶ *Было:* дорога

¹⁶⁷ *Вместо:* Станет терновник тебя царапать. — *было:* Терновник будет царапать тебя. *Далее зачеркнуто:* Орешник

¹⁶⁸ *Далее зачеркнуто:* ты

¹⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* а. Толь<ко>; б. Не позабудь только набрать

¹⁷⁰ Но гляди *вписано*

¹⁷¹ *Вместо:* накласть себе в карманы — *было:* взять с собою

¹⁷² *Далее зачеркнуто:* боль<ше?>

¹⁷³ *Далее зачеркнуто:* Дед

¹⁷⁴ *Было:* Один бывало

кондак, но все однако ж почувствовал непонятную дрожь по всем членам, как вступил в такую глухую ночь в лес. Хоть бы звездочка на небе. Темно и глухо, как в винном подвале. Только слышно было, что далеко далеко вверху над головою холодный ветер гулял по верушкам деревьев и они, что подгулявшие козацкие головы¹⁷⁵, покачивались шопоча¹⁷⁶ листьями пьяную молвь, как вот заваяло таким холодом¹⁷⁷, что вспомнил про овчинный тулуп свой, и вдруг словно сто молотов застучало там по всему лесу¹⁷⁸ таким стуком, что у деда по жилам пронесся мороз и зазвенело в голове¹⁷⁹ и так, как бы вам сказать, Зарницею [осве]тило на минуту весь лес. Дед увидел тотчас дорожку, словно змейку пробирающую промеж мелким кустарником, вот и обожженное дерево и кусты терновника, так, все так, как было ему говорено, нет, не обманул Шинкарь. Не слишком весело было однако ж¹⁸⁰ ему продираться через колючие кусты. Еще¹⁸¹ отродясь не видывал он, чтобы проклятые шипы¹⁸² и сучья так больно царапались. Почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть.¹⁸³ И, думаю, сам нечистый, поднявши хвост, побежал бы как собака, если бы увидел тогда¹⁸⁴ Дедову рожу. Мало-помалу выбрался он на просторное¹⁸⁵ место, и сколько мог он заметить, деревья редели и становились чем далее такие широкие, каких дед не видывал и по ту сторону Польши. Чудно ему показалось, когда вместо листьев стали на них¹⁸⁶ жидовские яломки и словно вороны чернели посередеи ночи, глядь [промеж]¹⁸⁷ деревьями мелькнула и речка, черная, словно во-

¹⁷⁵ *Вместо:* и они, что подгулявшие козацкие головы — было: и деревья, что опьяневшие козацкие головы

¹⁷⁶ *Было:* нашептыв <ая>

¹⁷⁷ *Вместо:* как вот заваяло таким холодом — было: а. вот заваяло т<аким?>; б. как вот заваяло по лесу таким холодом

¹⁷⁸ *Вместо:* там по всему лесу — было: а. по лесу; б. по всем углам

¹⁷⁹ *Вместо:* по жилам пронесся мороз и зазвенело в голове — было: зазвенело в ушах (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹⁸⁰ однако ж вписано

¹⁸¹ *Далее зачеркнуто:* таких

¹⁸² *Вместо:* отродясь ~ шипы — было: отроду не видывал он, чтобы шипы

¹⁸³ *Вместо:* Почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть. — было: а. На каждом шагу заставляло его вскрикивать; б. Почти на каждом шагу готов он был вскрикнуть.

¹⁸⁴ *Вместо:* нечистый, поднявши хвост ~ тогда — было: нечистый дал бы тягу, поднявши хвост, когда увидал только

¹⁸⁵ *Было:* широкое

¹⁸⁶ *Было:* на деревьях (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹⁸⁷ *Вместо:* глядь [промеж] — было: вот промеж

роненая сталь.¹⁸⁸ Долго стоял Дед у берега, поглядывая на все стороны, как вот заметил на другом берегу огонь, который, казалось, каждую минуту готовился¹⁸⁹ погаснуть и вспыхивал снова, показывая личину свою в речке, дрожавшей как польская¹⁹⁰ шляхта в московских¹⁹¹ лапах. Прошедши далее по берегу, увидел он и мосток¹⁹², но такой узкой и дырявой¹⁹³, что одна только чортовская тарадайка¹⁹⁴ и могла по нем проехать.

<Л. 13> Дед ступил смело и скорее, чем иной¹⁹⁵ успел бы¹⁹⁶ достать рожок и понюхать табаку, был уже на другом берегу. Тут только разглядел он¹⁹⁷, что возле огня сидели люди и такие красивые рожки, что в другое время и бог знает чего не дал бы, лишь бы¹⁹⁸ улепетнуть от такого знакомства. Но¹⁹⁹ теперь нечего делать, нужно было завязаться, вот дед и отвесил поклон мало не в пояс. «Помогай Бог вам, добрые люди!» Хоть бы один кивнул головой, сидят да молчат, да сыпят что-то²⁰⁰ в огонь. Видя одно место незанятым²⁰¹, дед без всяких околичностей уселся²⁰² и сам. Смазливые рожки²⁰³ ничего, ничего и Дед. Долго сидели молча, так что Деду уже и наскучило. Давай шарить в кармане²⁰⁴, вынял люльку, наклал табаку, посмотрел вокруг, ни один не глядит на него. «Уже, добродейство, будте²⁰⁵ ласковы, как бы так, чтобы примерно сказать того (Дед жывал в свете немало, знал уже как подпускать турусу. И при случае, пожалуй²⁰⁶, и

¹⁸⁸ *Далее зачеркнуто:* Призадумался Дед, стоя у берега

¹⁸⁹ *Вместо:* готовился — было а. дум<ал>; б. хотел

¹⁹⁰ *Было:* польский

¹⁹¹ *Было:* а. татарских; б. москалевых

¹⁹² *Было:* мостик

¹⁹³ и дырявой *вписано*

¹⁹⁴ *Так в рукописи*

¹⁹⁵ *Вместо:* чем иной — было: чем бы наш

¹⁹⁶ бы *вписано*

¹⁹⁷ *Было:* Дед

¹⁹⁸ *Вместо:* что в другое время ~ лишь бы — было: что дед в другое время и бог знает что бы дал бы, чтобы только

¹⁹⁹ *Было:* Ну

²⁰⁰ *Вместо:* то — было: тот

²⁰¹ *Вместо:* Видя одно место незанятым — было: Видя, что одно место не занято около огня

²⁰² *Было:* сел (не зачеркнуто, незавершенная правка)

²⁰³ *Вместо:* Смазливые рожки — было: Они

²⁰⁴ *Вместо:* Давай шарить в кармане — было: Полез в карман

²⁰⁵ *Так в рукописи*

²⁰⁶ *Вместо:* И при случае, пожалуй — было: И при случае-то

перед царем не ударил бы лицом в грязь), чтобы, как говорят, и себя не забыть, да и вас не обидеть. Люлька-то у меня примерно есть, да того, чем бы зажечь²⁰⁷ ее, *чорт ма!*» И на эту речь²⁰⁸ ни один не отозвался, только одна²⁰⁹ рожа сунула горячую²¹⁰ <го>ловню Деду чуть чуть²¹¹ в лоб, так что если бы не пришла блажь ему²¹² посторониться, то статья может, что и²¹³ распрощался бы с одним глазом навеки²¹⁴. Видя²¹⁵ наконец, что время даром проходит, решился,²¹⁶ будет слушать или нет нечистое племя, рассказать дело. Рожи и уши наставили и лапы вытянули. Дед догадался, забрал в горсть все бывшие с ним деньги и кинул им, словно собакам в середину. Как только кинул он деньги, все перед ним перемешалось²¹⁷, Земля под ним задрожала и как уже он и сам рассказать не умел, только попался ну чуть ли не в самое пекло. Батюшки мои, ахнул дед, разглядевши²¹⁸ хорошенько. Что за Чудища! Рожи²¹⁹ на роже, как говорится, не видно. Ведьм такая гибель, как случается на Рождество иногда²²⁰ выпадать снегу, разряжены, размазаны, словно *Панночки* на Ярмарке²²¹. Деда, несмотря на страх весь, смех напал, когда увидел²²², как черти с собачьими мордами на немецких ножках увивались около²²³ них, словно парни²²⁴ возле красных девок.²²⁵ И²²⁶ —

²⁰⁷ *Вместо:* чем бы зажечь — *было:* чем запали <ть>

²⁰⁸ *Вместо:* И на эту речь — *было:* И на это хоть

²⁰⁹ *Далее зачеркнуто:* сунула

²¹⁰ *Так в рукописи*

²¹¹ *Вместо:* чуть чуть — *было:* прямехонько

²¹² *Вместо:* не пришла блажь ему — *было:* не вздумал дед немного

²¹³ *и вписано*

²¹⁴ *Вместо:* распрощался бы с одним глазом навеки — *было:* распрощался бы навеки с глазом

²¹⁵ *Было:* Дед видя

²¹⁶ *Далее зачеркнуто:* ну

²¹⁷ *все перед ним перемешалось вписано*

²¹⁸ *Было:* а. ув <идевши?>; б. разглядев

²¹⁹ *Было:* Рожа

²²⁰ *Вместо:* как случается на Рождество иногда — *было:* а. как гибель бывает иногда на Рождество; б. как бывает на Рождество иногда

²²¹ *Вместо:* разряжены, размазаны, словно *Панночки* на Ярмарке — *было:* а. все разряжены, как у нас попов <ны>; б. разряжены, размазаны, как *Панночки* на Ярмарке.

²²² *Вместо:* когда увидел — *было:* как увидал

²²³ *Было:* сл <овно>

²²⁴ *Далее зачеркнуто:* около

²²⁵ *Далее зачеркнуто:* Пыль Подняли Боже упаси какую

²²⁶ *И вписано*

все²²⁷, сколько не было их там, словно хмельные, отплясывали²²⁸ какого-то Чертовского Тропака. Пыль подняли, Боже упаси, какую. Дрожь проняла бы крещеного человека при виде²²⁹, как высоко скакало бесовское племя, а Музыка <нты> колотили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и Свистали носами, как волт <орны>²³⁰. Только завидели Деда и турнули к нему ордою. Свиные, Собачьи, Козлиные, Дрофиные, Лошадиные рыла²³¹ все повытягивались²³² и вот так и лезут целоваться... Плюнул Дед, такая мерзость напала! Наконец²³³, схватили и посадили Деда²³⁴ за стол длиною, может, с дорожку от Конотопа до самого шинка. Ну, это еще²³⁵ не совсем худо, подумал Дед, завидевши на столе²³⁶ Свинину, Колбасы, крошенную с капустой цыбулю и много всяких сладостей, видно, дьявольская сволочь не любит сухарей грызть черствых из ларя. Дед таки, нужно вам знать,²³⁷ при случае не упускал хорошенько поддъсть²³⁸.

<Л. 13 об.> Не распускаясь на слова и рассказы, придвинул он к себе миску с нарезанным салом и окорок ветчины, взял²³⁹ вилку²⁴⁰, на которой, может быть, черти жарили грешников, захватил²⁴¹ се <бе?>²⁴² самый увесистый кусок, подставил кусок хлеба, глядь, и отправил его в чужой рот²⁴³, вот вот возле самых ушей и слышно даже, что чья-то морда жует и клацает зубами на все пекло²⁴⁴... Дед ничего. Схватил другой кусок и вот, кажись, и по зубам помазал, толь-

²²⁷ Было: весь

²²⁸ Вместо: сколько не было их там ~ отплясывали — было: сколько не было, дружно плясали, словно хмельные

²²⁹ Вместо: крещеного человека при виде — было: всякого, когда бы увидал

²³⁰ а Музыка <нты> колотили ~ как волт <орны> вписано

²³¹ Далее зачеркнуто: вытя <нулись?>

²³² Было: повытянулись

²³³ Было: Пос <адили?>

²³⁴ Было: з <а стол?>

²³⁵ Далее зачеркнуто: не так

²³⁶ Далее зачеркнуто: Колбасы

²³⁷ Далее зачеркнуто: любил поест

²³⁸ Вместо: при случае не упускал хорошенько поддъсть — было: а. любил поест; б. при случае не упускал поест немного

²³⁹ Было: ухватил

²⁴⁰ Было: вилы

²⁴¹ Было: схватил

²⁴² се <бе?> вписано

²⁴³ Вместо: глядь, и отправил его в чужой рот — было: а. и, кажись, прямо отправил его туда, куда нужно; б. только, глядь, и отправил его в чужой рот

²⁴⁴ и клацает зубами на все пекло вписано

ко опять не в свой рот²⁴⁵. ²⁴⁶В третий раз снова²⁴⁷ мимо, а от Колбас, как нарочно, такой запах пошел²⁴⁸ по всему столу, какого дед, как сам после того божился, не нюхал никогда на белом свете. Досада схватила, взбеленился Дед так, что позабыл и страх²⁴⁹ весь и в чьих лапах находится. Прискочил к ведьмам. «Что вы, Иродово племя, задумали²⁵⁰ смеяться что ли надо мною. Если вы не отдадите сей час же²⁵¹ Козацкой²⁵² шапки моей, то будь я собачий сын, если не по-свертываю всем вам шею²⁵³ и не поворочу проклятых рож ваших на затылок». Не успел он кончить, как все чудища²⁵⁴ выскалили зубы и подняли такой Адской смех, что деда захолонуло на душе, вот так точно²⁵⁵, если подольешь²⁵⁶ воды в молодые дрожжи или разожжешь, как огонь, железо и после кинешь его в воду... то такое²⁵⁷ шипение поднялось по²⁵⁸ всему пеклу... «Ладно» провизжала одна ведьма,²⁵⁹ которую Дед почел за главную, потому²⁶⁰ что харя была уже чуть²⁶¹ ли не мерзостнее всех. «Шапку отдадим тебе, только не прежде, покамест²⁶² не сыграешь с нами три раза в дурня!» Что прикажешь делать. Сесть Козаку с бабами в дурня²⁶³, Дед отпираться, отпираться²⁶⁴. А наконец сел. Принесли Карты. Только такие замасленные, коими только у нас поповны гадают про женихов своих²⁶⁵.

²⁴⁵ *Вместо:* не в свой рот — *было:* в чужой рот

²⁴⁶ *Перед:* В третий раз — *зачеркнуто:* Досадно, а

²⁴⁷ *Было:* опять

²⁴⁸ *Вместо:* а от Колбас ~ пошел — *было:* а. а от Колбас несет такой запах; б. а от Колбас как нарочно такой запах идет

²⁴⁹ *Далее зачеркнуто:* и

²⁵⁰ задумали *вписано*

²⁵¹ сей час же *вписано*

²⁵² *Было:* Козачьей

²⁵³ *Далее зачеркнуто:* и попо<рчу?>

²⁵⁴ *Было:* хари

²⁵⁵ так точно *вписано*

²⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* в

²⁵⁷ *Вместо:* то такое — *было:* адское

²⁵⁸ *Было:* во

²⁵⁹ *Далее зачеркнуто:* глядя на которую можно

²⁶⁰ потому *вписано*

²⁶¹ чуть *вписано*

²⁶² *Было:* пока что

²⁶³ *Вместо:* Сесть Козаку с бабами в дурня — *было:* Срам сесть Козаку с бабами в дурня

²⁶⁴ отпираться *вписано*

²⁶⁵ *Вместо:* коими только ~ про женихов своих — *было:* кото<рыми> даже не гадают поповны про женихов

«²⁶⁶Слушай же», залаяла ведьма²⁶⁷ в другой раз. «Если хотя раз выиграешь, Твоя шапка. Когда ж все три раза останешься дурнем, тогда не погневайся, не только не видать тебе ее, да, может статься, и свету больше». «Сдавай²⁶⁸, сдавай, старая ведьма, после уж увидим». Вот карты и розданы²⁶⁹, взял дед в свои руки — смотреть не хочется, такая дрянь, хотя бы на смех один козырь, из масти самая старшая²⁷⁰ Девятка²⁷¹. — Пар даже нет, а ведьма все подваливает пятериками. Что прикажешь делать, остался дурнем²⁷², только что дед успел остаться дурнем и²⁷³ со всех сторон заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень! дурень!»²⁷⁴ «Чтоб вы перелопались²⁷⁵, Дьявольское племя», закричал Дед, затыкая пальцами себе уши. Ну, думает, ведьма подтасовала, теперь я сам буду здавать..., здал, засветил козыря, поглядел в карты, масть хоть куда, козыри есть, и дело шло, кажись, как нельзя лучше²⁷⁶. ²⁷⁷Карт в колоде оставалось²⁷⁸ уже немного. Только ведьма пятерик с Королями²⁷⁹, у Деда на руках одни козыри, не думая не гадая долго, хватъ Королей по усам всех козырями. «Ге, ге, да это не по-козацки, а чем ты кроешь, Земляче?» «Как чем? козырями». «Может, по-вашему²⁸⁰, это и козыри, только по-нашему нет!» Глядь — в самом деле, простая масть. Тыфу, Дьявольщина! пришлось в другой раз быть дурнем. И пошло чертанье драть горлы: дурень! дурень! таким криком, что стол дрожал и карты прыгали по столу. Дед начал горячиться, здал²⁸¹ в последний.²⁸² Опять идет ладно, ведьма опять пятерик, Дед покрыл и набрал из колоды полную руку

²⁶⁶ *Перед:* Слушай же — *зачеркнуто:* Только

²⁶⁷ ведьма *повторено в рукописи дважды*

²⁶⁸ *Было:* Ставай

²⁶⁹ *Вместо:* Вот карты и розданы — *было:* Вот и карты розданы

²⁷⁰ *В рукописи:* старшей

²⁷¹ *Было:* Десятка

²⁷² *Вместо:* остался дурнем — *было:* дурнем остался

²⁷³ *Далее зачеркнуто:* и пошло со

²⁷⁴ *Далее зачеркнуто:* ду<рень>

²⁷⁵ *Вместо:* Чтоб вы перелопались — *было:* Дьявол вас возьми

²⁷⁶ *Вместо:* и дело шло ~ лучше — *было:* а. и сначала дело шло, как нужно; б. и дело шло сначала, кажись, как нужно

²⁷⁷ *Перед:* Карт — *зачеркнуто:* Только ведьма

²⁷⁸ *оставалось вписано*

²⁷⁹ *Было:* Тузами

²⁸⁰ *Вместо:* по-вашему — *было:* у вас у Баторине (*так в рукописи*)

²⁸¹ *Было:* вот здал

²⁸² *Далее зачеркнуто:* Полная рука козырей

kozyрей²⁸³. «Козырь» вскрикнул, ударив в горячности картою²⁸⁴ по столу так, что ее²⁸⁵ свернуло коробом, ведьма, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. «А чем, хрычовка²⁸⁶, Черти б позабирали всю твою родню, бьешь». Ведьма подняла карту, под нею простая шестерка масти. «Что за Дьявол?» повторил Дед, несколько раз плюнувши. К счастью еще, что и²⁸⁷ у ведьмы на ту пору была плохая масть²⁸⁸. У деда²⁸⁹ случились пары, стал²⁹⁰ набирать все карты из²⁹¹ колоды. Только мочи нет, дрянь такая лезет, что дед и руки опустил, в колоде не ста<ло?> ни одной карты²⁹². Пошел простою шестеркой, ведьма приняла!²⁹³ Что бы это <Л. 15> значило. Э! э! смекнул дед. Карты потихоньку под стол и перекрестил их. Глядь, на руках у него Туз, король и валет Козырей, и он спустил вместо шестерки кралю.²⁹⁴ Ну хорошо ж: «Король козырей! Туз Козырей! валет!»..... Гром²⁹⁵ пошел такой по пеклу.. ведьму напали корчи и, откуда ни возьмись, Бух шапка деду прямехонько в лицо... ...²⁹⁶ «Нет. Это еще не все²⁹⁷» закричал прихрабвившись и надел ее на себя²⁹⁸ Дед «если не станет передо мною сей час²⁹⁹ молодецкой конь мой, то вот Убей меня гром на этом месте, если я не перекрещу святым крестом всех!»³⁰⁰ ... «Вот тебе конь твой» и загрем<ели> перед ним конские кости. Заплакал бедняга, глядя их³⁰¹, что дитя неразумное, жаль стало товарища.

²⁸³ *Вместо:* набрал из колоды полную руку козырей — *было:* а. набрал все руки; б. набрал из колоды всю руку козырей

²⁸⁴ *Вместо:* в горячности картою — *было:* кулаком

²⁸⁵ *Вместо:* что ее — *было:* что карту

²⁸⁶ *Вместо:* хрычовка — *было:* а. ты старая ведьма; б. ведьма

²⁸⁷ и *вписано*

²⁸⁸ *Вместо:* плохая масть — *было:* дрянь

²⁸⁹ *Было:* И у деда

²⁹⁰ *Было:* он стал

²⁹¹ *Далее зачеркнуто:* карт<очной?>

²⁹² в колоде не ста<ло?> ни одной карты *вписано*

²⁹³ *Далее зачеркнуто:* Вот тебе на!

²⁹⁴ *Далее зачеркнуто:* Ну еще хорошо

²⁹⁵ *Было:* и Гром

²⁹⁶ *Вместо:* и, откуда ни возьмись ~ в лицо — *было:* а. и Бух, откуда ни возьмись, шапка; б. и, откуда ни возьмись, Бух шапка деду в рожу

²⁹⁷ *Вместо:* Это еще не все — *было:* Этого мало

²⁹⁸ и надел ее на себя *вписано*

²⁹⁹ *Вместо:* сей час — *было:* здесь же

³⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* Только что он

³⁰¹ *Вместо:* Заплакал бедняга, глядя их — *было:* а. Заплакал Дед при виде их; б. Заплакал он при виде их

«Дайте ж мне³⁰² хоть³⁰³ другого коня скорее выбраться из вашего чортовского гнезда». Чорт хлопнул Арапником. Конь, как огонь, взвился перед ним; дед и что³⁰⁴ птица вынесся наверх.

Страх, однако ж, напал на его посередине дороги, когда конь, не слушаясь его ни крику³⁰⁵, ни поводьев³⁰⁶, скакал через провалы и Болота, в каких уже местах он был, так дрожь брала при одних³⁰⁷ рассказах. Кручи, рытвины, косогоры, пропасти, Буераки, волки, ястрепа, цапли, кажись все³⁰⁸ перед ним спешило, путалось,³⁰⁹ и дразнило его языками. Деревья³¹⁰ протягивали ветви и хватали его со всех сторон³¹¹ за шапку, так что дед принужден был снять ее и держать в руках, ухватясь другою за гриву — а³¹² проклятые ветви, видно чолкали между тем³¹³ его³¹⁴ по носу и драли³¹⁵ за чуб, но³¹⁶ досаднее всего показалось и деду³¹⁷, что смотреть, дрянь какой³¹⁸ кустик, и тот, смотри, вытягивался³¹⁹ ухватить его за чуб. Небо все еще³²⁰ чернело, что козацкие брови³²¹. Где-где мерещились звезды.³²² Повеял ветерок, ну славо³²³ богу, недалеко до розсвету. Только дед примечает³²⁴, конь его еще прихрамывает³²⁵, глядь, вместо ушей торчат³²⁶ роги — смекнул

³⁰² *Вместо:* Дайте ж мне — *было:* а. Отд<айте>; б. Дадите же; в. Дайте же
³⁰³ *хоть* *вписано*

³⁰⁴ *Так в рукописи; ср. в ВД1: и дед, что птица... Далее зачеркнуто:* что

³⁰⁵ *Было:* пруж<та?>

³⁰⁶ *Далее зачеркнуто:* Д<...?>

³⁰⁷ *Далее вписано и зачеркнуто:* его

³⁰⁸ *Далее зачеркнуто:* кажись

³⁰⁹ *Далее зачеркнуто:* мелькал

³¹⁰ *Было:* Ве<тви?>

³¹¹ *со всех сторон вписано*

³¹² *Было:* и

³¹³ *видно чолкали между тем вписано*

³¹⁴ *Далее вписано и не зачеркнуто:* по

³¹⁵ *Было:* хватали

³¹⁶ *Далее зачеркнуто:* больше

³¹⁷ *Так в рукописи*

³¹⁸ *Было:* какая

³¹⁹ *Далее зачеркнуто:* чтобы

³²⁰ *еще вписано*

³²¹ *Вместо:* козацкие брови — *было:* брови козацкие

³²² *Далее зачеркнуто:* и вот поднявшийся ветерок показывал

³²³ *Так в рукописи*

³²⁴ *Было:* замечает

³²⁵ *Далее зачеркнуто:* Эге ге

³²⁶ *торчат вписано*

дед, никто другой как сам хромой чорт под ним*. Ну, думает, теперь же не быть добру. Только³²⁷ не успел он и шагнуть, перед ним провал такой, что голова закружилась. Сатанинское Животное прямо через него. Дед держаться, не тут то было, и через пни, кочки полетел в провал и так хватился о землю, что, кажись, и³²⁸ дух вышибло. По крайней мере, что деялось с ним в то вре<мя>, ничего не помнил, и как очнулся немного и осмотрелся, то уже почти совсем³²⁹ рассвело. Перед ним мелькали знакомые места и³³⁰ он лежал на крыше своей же хаты. Перекрестился дед, когда слез долой, экая³³¹ чертовщина!

* Малороссияне той веры, что в Аде^а хитрее всех и умнее хромой (крывый) чорт. Думаю, всякому Малороссиянину известен Анехтодт про Солдата, попавшегося за грехи по смерти в пекло и насалившего^б так крепко^в чертям,^г что оне^д, не находя^е никаких средств^ж выгнать его^з вон^и, гурьбою^к обратиться к кривому чорту, жалуясь. Що проклятый москаль усе пыше по стинам Кресты та монастыри, так що^л доброму человеку ни як не можно жить у пекли.^м Хромой^н Чорт, услышавши^о, надел барабан, ударил под пеклом зорю. Солдат, услышавши об этом^п и сх<в>атив^р Амуницею, в одно мгновение выбежал вон, и таки<м> образом избавились Черти от такого неугомонного гостя.

³²⁷ *Далее зачеркнуто*: что он сказал это

³²⁸ и *вписано*

³²⁹ почти совсем *вписано*

³³⁰ и *вписано*

³³¹ *Было*: эд<акая?>

^а *Было*: в Пекле (не зачеркнуто)

^б *В рукописи*: насалив[так чертям] [который]шего

^в *Далее зачеркнуто*: обитателям его

^г *Далее зачеркнуто*: что чертя<м>

^д *Было*: черти

^е *Было*: не находили

^ж *Было*: средство

^з *Далее зачеркнуто*: которому как нарочно

^и вон *вписано*

^к *Далее зачеркнуто*: принесли жалобу

^л *Далее зачеркнуто*: ни

^м *Далее зачеркнуто*: На что

^н *Далее зачеркнуто*: присове<товал>

^о *Было*: а. Как в тексте; б. услышавши на другой день чуть свет

^п *Вместо*: услышавши об этом — было: а. услышавши Зори; б. услышавши об

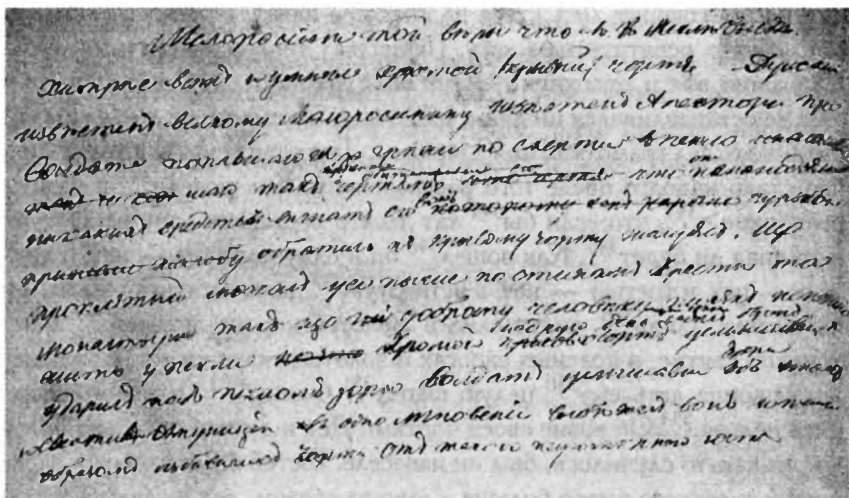
том

^р *Было*: сх<в>атил

Вечером 30. Вечерней днѣ, когда по мысли моеи кончатъ и переписываніе
 и дѣлѣ въ рукахъ твоихъ. Мыбъ скоро и сдѣлаемъ. Вечеромъ ахъ! Слышалъ
 Лодкина писателю графа. Мыбъ скоро и сдѣлаемъ. Вечеромъ ахъ! Слышалъ
 Мыбъ скоро и сдѣлаемъ. Вечеромъ ахъ! Слышалъ

Вечеромъ днѣ, когда по мысли моеи кончатъ и переписываніе
 и дѣлѣ въ рукахъ твоихъ. Мыбъ скоро и сдѣлаемъ. Вечеромъ ахъ! Слышалъ

«Пропавшая грамота». Черновой автограф. Л. 15.
 Институт русской литературы (Пушкинский дом). Санкт-Петербург

<«Хромой черт»>. Набросок примечания к «Пропавшей грамоте». Черновой автограф. Российская государственная библиотека. Москва

Слава Богу, есть по крайней мере шапка. Что за пропасть, какие с человеком чудеса делаются?³³² глядь³³³ на руки, все в крови. Посмотрел³³⁴ в стоявшую сторчмя бочку, наполненную водою — и лице также. Обмывшись хорошенько, чтобы не напугать детей, входит он потихоньку в хату. Смотрит — дети пятятся задом к нему и в испуге указывают ему пальцами, говоря: Дывись, Дывись, маты³³⁵ як³³⁶ дурна скаче, и в самом деле, баба сидит заснувши³³⁷ перед гребнем, держит в руках веретено и сонная подпрыгивает на лавке. Дед, взявши за руку³³⁸, полегоньку сбудил³³⁹ ее. «Здравствуй, жена!³⁴⁰ Здорова ли ты?» Та долго смотрела, выпучивши глаза, и наконец уже узнала деда и рассказала, как ей снилось, как печь ездила по всей хате, выгоняя лопатою вон горшки³⁴¹, лоханки, ушаты... чорт знает что та-

³³² Что за пропасть, какие с человеком чудеса делаются? *вписано*

³³³ Было: а. хвати<лся>; б. см<отрит?>

³³⁴ Посмотрел *повторено в рукописи дважды*

³³⁵ Далее *зачеркнуто*: сдурила

³³⁶ Было: *мов*

³³⁷ заснувши *вписано*

³³⁸ Далее *зачеркнуто*: а. сбудил; б. ра<збудил?>

³³⁹ Было: *разбудил*

³⁴⁰ Далее *зачеркнуто*: что это забрало

³⁴¹ *Вместо*: выгоняя лопатою вон горшки — было: кочерга села за кучера и разгоняла лопатою горшки

кое. «Ну» говорит Дед «тебе во сне, мне наяву. Нужно только, думаю, будет освятить нам хату. [Мне же] теперь мешкать нечего». Сказавши это и отдохнув <Л. 15 об.> немного, дед достал коня и уже не останавливался ни днем, ни ночью, покаместь не доехал до места и не отдал грамоту самой Царице... Там навиделся дед таких див, что стало надолго после того рассказывать. Как повели³⁴² в палаты выс<окие>³⁴³, что если бы³⁴⁴ хат десять поставить одну на другую, и то вряд ли будет³⁴⁵. Как вошел³⁴⁶ он в одну комнату — нет, в другую — нет, в третью — нет, в четвертую³⁴⁷ даже заглянул — нет, а в пятой уже, глядь³⁴⁸, сидит сама в Золотой короне, в серой³⁴⁹ новехонькой свитке, в красных сапогах и золотые галушки ест. Как повелела царица дать ему³⁵⁰ целую шапку³⁵¹ Синиц*. ³⁵²Всего и вспомнить нельзя.³⁵³ Об возне своей чортями Дед и думать позабыл. Только раз как-то случилось, был он навеселе. Гостей было вдоволь, варенухи и съестного и того больше, слово за словом, дед и заикнулся про Грамоту³⁵⁴, как было она пропала, и начал уже было рассказывать... Только глядь невзначай вверх на полку — Горшки все понадували щоки, выпучили глаза³⁵⁵ и такие стали ему³⁵⁶ строить хари, что Деда мороз подрал по коже и уже не допросились его кончить³⁵⁷. На другой же день Дед все рассказал попу на исповеди и освятит все уголки

* Синих Ассигнаций

³⁴² Было: он вошел

³⁴³ Было: такие выс<окие>

³⁴⁴ если бы *вписано*

³⁴⁵ *Вместо:* и то вряд ли будет — *было:* и то разве мало чем будет

³⁴⁶ *Вместо:* Как вошел — *было:* вошел

³⁴⁷ *Далее зачеркнуто:* уже нет

³⁴⁸ Было: где. *Далее зачеркнуто:* сиди<т> сама

³⁴⁹ Было: сером

³⁵⁰ *Вместо:* дать ему — *было:* ему дать

³⁵¹ *Далее зачеркнуто:* Ассигнаций

³⁵² *Перед:* Всего — *зачеркнуто:* а. и пошел он; б. всего

³⁵³ *Далее зачеркнуто:* Два месяца после того спустя

³⁵⁴ Было: проп<авшую грамоту?>

³⁵⁵ Было: щоки

³⁵⁶ ему *вписано*

³⁵⁷ Было: окончить. *Далее зачеркнуто:* а. Да на другой день как рассказал на другой же день все попу на исповеди; б. И не прежде начал уже говорить об этом дед, покаместь не рассказал всего попу на исповеди и не освятит хату

и закоулки³⁵⁸ хаты. После чего уже не боялся говорить об этом³⁵⁹ встречному и поперечному. Хотя³⁶⁰ видно уже³⁶¹ в наказание за то³⁶², что он не сделал этого прежде³⁶³, ³⁶⁴Бабе ровно через³⁶⁵ год, именно в то самое время, прилучилось такое диво³⁶⁶, что танцуется ногам³⁶⁷ да и только,³⁶⁸ за что ни примется³⁶⁹, ноги затевают свое и вот так и дергает пуститься в присядку. —

³⁵⁸ и закоулки вписано

³⁵⁹ Вместо: говорить об этом — было: рассказывать

³⁶⁰ Было: а. Толь<ко>; б. Однако ж (не зачеркнуто)

³⁶¹ уже вписано

³⁶² Было: что

³⁶³ Вместо: он не сделал этого прежде — было: не тотчас после этого бесовско-го случа<я>. Сверху вписано и зачеркнуто: как только начнешь из библии

³⁶⁴ Перед: Бабе — зачеркнуто: лет

³⁶⁵ Далее зачеркнуто: каждый

³⁶⁶ диво вписано

³⁶⁷ ногам вписано

³⁶⁸ Далее зачеркнуто: ноги сами собою

³⁶⁹ Вместо: за что ни примется — было: и вот за что ни примется

<ЧЕРНОВИК ПРЕДИСЛОВИЯ КО ВТОРОЙ КНИЖКЕ>

<Л. 8> Вот вам¹ другая книжка, а лучше сказать, последняя! Не хотелось, право, не хотелось выдавать и этой², пора знать честь. Я вам скажу, что на хуторе³ уже начинают смеяться надо мною: Вот, говорят, одурел старой дед на старости лет тешится ребяческими игрушками! Да если сказать правду, то давно уже пора на покой⁴. Ведь вы, любезные читатели, верно,⁵ не знаете, что у меня только два зуба⁶ во рту, был и третий, и тот прошлый год переломил⁷, когда стал грызть сухой⁸ корж⁹. Теперь, если что мягкое попадет¹⁰, то буду как-нибудь¹¹ жевать, а твердое-то ни за что не откушу... — Так вот вам, любезн <ые> читатели, опять книжка! Не бранитесь только! Не хорошо браниться на¹² прощание, особенно с тем человеком, с которым, Бог знает, увидите ли когда-нибудь больше! Тут в этой книжке рассказики все для вас незнакомые, выключая только разве Фомы Григорьевича. А того горохового панича, что рассказывал такие вычурные

¹ *Далее зачеркнуто:* и

² *Вместо:* Не хотелось ~ и этой — *было:* Нет, не хочу больше, ей Богу не хочу!

³ *Было:* хуторах

⁴ *Вместо:* давно уже пора на покой — *было:* и на покой уже давно пора (*в отвергнутом варианте слово уже осталось незачеркнутым*)

⁵ *Далее зачеркнуто:* думаете, что у меня еще все зубы целы во рту

⁶ *Вместо:* только два зуба — *было:* нет уже ни одного зуба

⁷ *Вместо:* был и третий ~ переломил — *было:* а. прошлый год переломил [последний]; б. был и третий, да прошлый год переломил

⁸ *Было:* корж

⁹ *Далее зачеркнуто:* Теперь если случится <вместо: случится — *было:* дадут> Вареники, или Лепешки, или Пампушки, то еще <еще *вписано*> могу как-нибудь есть. Чуть же что-нибудь сухое и твердое, Гречаник, Шумки<?> с маком или иное <иное *вписано*>, то [ник <ак?>] совсем не могу откусить.

¹⁰ *попадет вписано*

¹¹ *как-нибудь вписано*

¹² *Далее зачеркнуто:* расставанье

сказки, которых¹³ много остряков и из московского народу не могло понять,¹⁴ уже давно нет. Он¹⁵ после того и не заглядывал к нам, как рассорился со всеми. Да я вам не рассказывал этого случая. Послушайте, тут прекомедия была. Прошлый год, так как-то около лета, да чуть ли не на самый день моего Патрона, приехал ко мне в гости (нужно вам знать, любезные читатели, что¹⁶ земляки мои, дай бог им здоровье, не забывают старика. Уже есть пятидесятый год, как я начал помнить свои именины, который же точно мне год, этого ни я, ни старуха моя вам не скажем. Должно быть, близ семидесяти. Диканский-то¹⁷ поп-то, отец Харлампий, знал¹⁸, когда я родился. Да жаль, что уже пятьдесят лет, как его нет на свете). Вот¹⁹ приехали ко мне гости: Захар Кирилович Шлёпопюпенька, Степан Иванович Курочка²⁰, Тарас Иванович Кандебас²¹, Заседатель Харлампий Демидович <?> Хлоста²². Приехал еще... вот позабыл, право²³, имя и Фамилию. Осип, Осип... <?>²⁴ Боже мой, его знает весь Миргород, он еще, когда говорит, то всегда щелкнет напер<ед> пальцем²⁵ и подопрется в боки... Ну, Бог с ним, в другое время вспом<ну>. Приехал и знакомый вам панич²⁶ из Полтавы. Фомы Григорьевича²⁷ и не считаю, то уже свой человек. Разговорились все (опять, нужно вам заметить, что у нас никогда об пустяках²⁸ не бывает разговора. Я²⁹ всегда люблю приличные [разговоры], чтобы, как говорят, вместе и³⁰ услаждение и назидательность была). Разговорились об том, как нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что так и

¹³ Было: что

¹⁴ Далее зачеркнуто: нет

¹⁵ Далее зачеркнуто: и не заглядал

¹⁶ Далее зачеркнуто: соседи

¹⁷ Диканский-то вписано

¹⁸ В рукописи: отец Харлампий [знал ко<гда>] я [знаю что] знал

¹⁹ Было: Да, так

²⁰ Далее зачеркнуто: Заседатель

²¹ Было: Кандебас

²² Далее зачеркнуто: Да вот позабыл

²³ Далее зачеркнуто: фамилию

²⁴ Вместо: Осип, Осип... <?> — вписано и зачеркнуто: Николай <?> Никол<...?>

²⁵ Было: пальцами

²⁶ Вместо: знакомый вам панич — было: знакомый панич вам

²⁷ Далее зачеркнуто: уже

²⁸ Было: пустом

²⁹ Далее зачеркнуто: и сам

³⁰ Далее зачеркнуто: сладос<ть?>

так, нужно наперед хорошенько вымыть яблоки, потом намочить в квасу... «Ничего с этого не будет!» сказал Полтавец, заложивши руки в Гороховой кафтан свой [и] вынявши Табакерку свою³¹ и прошедши по комнате. «Ничего не будет. Преж<де> всего нужно пересыпать канупером <1 нрзб.>...» Ну, я на вас ссылаюсь, любезны читатели, скажите по совести, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером. Правда, кладут смородинный лист, нечуй ветер, трилистник, но чтобы клали канупер, нет, я не слыхивал об этом.³² Лучше моей³³ старухи уже, кажется³⁴, никто не знает про эти дела. Ну что прикажете делать!³⁵ «Слушай, Макар Назарович» сказал я, отведши его в сторону. «Ей, не смейся народ. Ведь тебе же хуже. Ты человек немаловажный, сам, как говоришь, обедал³⁶ за губернаторским столом. Ну скажешь что-нибудь подобное там, ведь тебя же засмеют все». Что ж вы думаете он сказал на это. <Л. 8 об.> Ничего! Плюнул на пол, взял в шапку и вышел³⁷. Хоть прости с кем³⁸, хоть бы кивнул кому головою. Нет. Только³⁹ слышали мы⁴⁰, что⁴¹ подъехала к воротам⁴² тележка с звонком, сел и уехал. — И лучше. Не нужно нам таких гостей. Я вам скажу, любезные читатели, что хуже нет ничего на свете, как эта знать. Что его дядя был когда-то комиссаром, так и нос несет⁴³ в верх. Да будто Комиссар такой уже чин, что выше нет его на свете. Слава Богу, есть больше⁴⁴ и Комиссара... Иерей<?>⁴⁵ кажется, повыше его. — Нет, не лежит что-то у меня сердце к знати. Вот вам в пример, Фома Григорьевич, кажется, и не знатной человек, а посмотреть на него:⁴⁶ в лице какая-то важность

³¹ *Далее зачеркнуто:* «Ничего»

³² Правда, кладут ~ не слыхивал об этом. *вписано.* *Далее зачеркнуто:* Ну что прикажете делать, мы стали На что уже вам моя старуха

³³ *Вместо:* Лучше моей — *было:* уж лучше ее

³⁴ уже, кажется *вписано*

³⁵ Ну что прикажете делать! *вписано*

³⁶ *Далее зачеркнуто:* и

³⁷ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* плюнул на пол, взял шапку и вышел; и вышел *вписано*

³⁸ *Так в рукописи. Вместо:* прости с кем — *было:* поклонился ко<му?>

³⁹ Только *вписано*

⁴⁰ *Далее зачеркнуто:* уже

⁴¹ что *вписано*

⁴² *Было:* дверям

⁴³ *Было:* дерет

⁴⁴ *Было:* и выше

⁴⁵ *Далее зачеркнуто:* куда

⁴⁶ *Далее зачеркнуто:* какая

сияет, когда станет утирать платком нос<?>⁴⁷, невольно чувствуешь почтение. В церкв<и> когда запоет на крилосе — умиление неизобразимое, растаял бы, казалось, весь.....⁴⁸. Ну, Бог с ним, он думает, что без его сказок и обойтись нельзя. Вот все же таки набралась и без него книжка.⁴⁹

Я, помнится, обещал вам, что в книжке будет и моя сказка, и точно хотел было это сделать, но⁵⁰ увидел, что для сказки моей по крайней мере⁵¹ нужно три таких книжки. Думал было особо напечатать ее, да передумал⁵². Ведь я знаю вас:⁵³ станется⁵⁴ смеяться над стариком. Нет, не хочу. Прощайте⁵⁵. Долго; а может быть, совсем не увидимся. Да что, ведь вам это все равно⁵⁶. Хоть бы и не было совсем меня на свете. Может быть,⁵⁷ из вас никто после⁵⁸ и не вспомнит, и не пожалеет о старом Пасичнике Рудом Паньке.

⁴⁷ нос<?> вписано

⁴⁸ Далее зачеркнуто: а. Кажется, я обещал вам; б. Я, помнится

⁴⁹ Ну, Бог с ним ~ и без него книжка. вписано.

⁵⁰ Было: то<лько?>

⁵¹ по крайней мере вписано

⁵² Было: не хочу

⁵³ Вместо: Ведь я знаю вас: — было: Знаю я вас. Далее зачеркнуто: ведь вы

⁵⁴ Так в рукописи

⁵⁵ Далее зачеркнуто: любезные читатели

⁵⁶ Далее зачеркнуто: Верно из

⁵⁷ Далее зачеркнуто: в целом

⁵⁸ после вписано; далее зачеркнуто: не пожа<леет> и

< Л. 44/87 > {НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ}

Последний день перед Рождеством прошел.¹ Зимняя ясная ночь наступила. Глянули звезды.² Месяц величаво поднимался на небо посветить добрым людям³ и всему Крещеному⁴ миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа. <*> Морозило сильнее чем с утра, но за то так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышился может быть за версту. Еще ни одна толпа Парубков не показывалась под окнами хат. Месяц один заглядывал в низенькие окна хат как бы вызы-

<*> [Вы, может быть, не знаете, что^а последний день перед рождеством у нас называют голодною кутею.] Колядовать у нас называется петь под окнами перед самим рождеств<ом>. [Пе]сни, которые [на] сей случай поются^б, называются колядками. Тем, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка или хозяин, или кто^в остается дома, колбасу или хлеб, или Вареник, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что будто был когда-[то] болван коляда^г, которого принимали за бога, и что будто от того пошли^д и колядки. Кто его знает? Не нам простым людям об этом толковать. Прошлой год Отец Кондрат запретил было колядовать^е по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает нечистому. Однако ж если сказать правду, то в колядках ничего нет такого. Поют часто про Рождество Христа, а при конце желают здоровья^ж Хозяину, Хозяйке, детям и всему дому.

^а Далее зачеркнуто: в

^б Вместо: [на] сей случай поются — было: а. поются; б. на этот случай поются

^в Было: что

^г Вместо: был когда-[то] болван коляда — было: был когда-то какой-то бог Купало

^д Вместо: от того пошли — было: от произош<ли>

^е Было: чтобы

^ж Далее зачеркнуто: Пану

¹ Далее зачеркнуто: Ночь

² Глянули звезды. вписано

³ людям вписано

⁴ Было: Хр<истианскому>

Вот так и вышел из печати этот сборник, посвященный
 100-летию со дня рождения великого русского поэта.
 Он содержит много интересного и ценного.
 В нем собраны все произведения поэта, которые
 не вошли в другие издания. Это и стихи, и
 проза, и драмы. Все это написано в
 прекрасном стиле, с глубоким знанием
 языка и тонким чувством. Этот сборник
 является прекрасным подарком для всех
 любителей русской литературы.

Черновой автограф предисловия ко второй книжке (части) «Вечеров».
 Государственный исторический музей. Москва

вая принаряживавшихся⁵ девушек скорее выбежать⁶ на скрипучий снег. Тут из одной хаты чрез трубу⁷ клубами повалился дым и пустил⁸ тучу по ясному небу, вылетели искры и тихо вместе с дымом поднялась из трубы ведьма верхом на метле⁹. Если бы в это время проезжал Сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей в Шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом черными смушками, с Дьяволом¹⁰ сплетенною плетью, которою он имеет обычай подгонять своего ямчика¹¹, то он бы верно заметил, потому что от Сорочинского¹² заседателя ни одна на свете ведьма не ускользнет. Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросенков и сколько лежит в сундуке полотна, и¹³ что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но заседатель Сорочинский не проезжал, да и какое ему бы дело¹⁴ до чужих мирян. У него своя волость. А ведьма между тем уже поднялась высоко на небо, и только черное пятнышко мелькало вверху. Но где ни мельк пятно, там¹⁵ звезды как не бывало, все потихоньку снимала ведьма и набрала их полный рукав. Три или четыре звездочки блестели¹⁶ на небе. Как вдруг с другой стороны показалось другое пятнышко. Близорукий, хоть бы надел на нос свой вместо очков колеса с Комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это было такое. Спереди совсем как будто немец<*>, ¹⁷ узинькая, ¹⁸ беспрестанно вер-

<*> Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли. Хоть будь он француз или цесарец, или швед, все немец.

⁵ принаряживавшихся *вписано*

⁶ *Далее зачеркнуто:* тол <пой?>

⁷ чрез трубу *вписано*

⁸ *В рукописи:* пустул

⁹ *Далее зачеркнуто:* а. и через минуту уже была так высоко, что едва приметить можно было черневшую длинну <ю>; б. и через минуту уже была так высоко, что едва только пятно; в. и через минуту уже была так высоко, что одно только пятнышко чернело вверху

¹⁰ *Было:* Дьявольски

¹¹ *Вместо:* подгонять своего ямчика — *было:* а. забав <ляться?>; б. крестить спину ямчика

¹² *Вместо:* от Сорочинского — *было:* Сорочинскому

¹³ *Далее зачеркнуто:* сколько

¹⁴ *Вместо:* какое ему бы дело — *было:* а. какое ему дело; б. какое бы ему дело (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

¹⁵ *Было:* так

¹⁶ *В рукописи:* блестелели

¹⁷ *Далее зачеркнуто:* длинная

¹⁸ *Далее зачеркнуто:* мордочка

тевшаяся и нюхавшая все что ни попадалось мордочка оканчивалась, как и у наших свеней¹⁹, кругленьким пяточком. Ноги²⁰ так тонки, что если бы такие имел наш Диканьской голова²¹, то он бы переломал их в первом козачке.²² Но сзади он был совершенный поветовый стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост такой острый и длинный²³, как теперишние мундирные фалды. Только потому разве, что под мордой висела козлиная борода, на голове торчали небольшие роги и весь он был не белее трубочиста, можно было догадаться, что это не немец, не губер<н>ский²⁴ стряпчий, а просто Чорт, которому последняя ночь осталась²⁵ шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побегит он без оглядки поджавши хвост в свою берлогу. Чорт между тем²⁶ краля потихоньку к месяцу и уже протянул руку, чтобы ухватить <Л. 44 об./88> его, но скоро отдернул²⁷ ее назад как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова подскочил и отдернул руку.²⁸ Однако ж несмотря на все неудачи²⁹, Хитрый чорт не оставил своих проказ, подбежал вдруг³⁰, охватил обеими руками месяц.³¹ Кривляясь и дуя на <не>го губами, перекидывал он его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки. Наконец, поспешно спрятал его в карман и, как будто ни в чем не бывал, побежал далее. В Диканьке³² никто не видел, как чорт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четверенках из шинка, видел,³³ что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село. Но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же бы-

¹⁹ Так в рукописи

²⁰ Далее зачеркнуто: тоненькие, как у журавля

²¹ Вместо: если бы такие ~ голова — было: а. если бы дать их Ди<каньско-му>; б. если бы дать их нашему Диканьскому голове (в отвергнутом варианте слово дать осталось незачеркнутым)

²² Далее зачеркнуто: Впрочем

²³ Было: короткий

²⁴ Вместо: губер<н>ский — было: поветовый

²⁵ Далее зачеркнуто: таскаться

²⁶ Далее зачеркнуто: завидевши

²⁷ Далее зачеркнуто: с

²⁸ Далее зачеркнуто: Но

²⁹ Было: неож<иданности>

³⁰ вдруг вписано

³¹ Далее зачеркнуто: а. и; б. Кривляясь от Боли, одной рук<ой>

³² Вместо: В Диканьке — было: На земле

³³ Далее зачеркнуто: как

ла причина решиться чорту³⁴ на такое неблагопристойное дело? А вот какая. Он знал, что богатый козак Чуб³⁵ приглашен Дьяком на кутю,³⁶ где будет голова, Волостной писарь и еще кое-кто, где кроме кутти будет варенуха, перегонная на шафран водка и еще кое-что. А между тем его дочка, красавица на всем селе³⁷, останется дома. А к дочке, наверное, придет³⁸ Кузнец, Силач и Детина хоть куда, который чорту был противнее проповедей Отца Осипа. В досужее от дела время Кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околodge. Сам еще тогда здравствовавший Сотник вызывал его нарочно тогда в Полтаву выкрасить досчатый забор около его дома. Все миски, из которых Диканские козаки хлебали борщ, были размалеваны Кузнецом. Кузнец был Богобоязливый человек и писал часто образа святых, и теперь еще можно найти в Дыканской церкви его Евангелиста Луку. Но торжеством его искусств была одна картина, намалеванная им на церковной стене³⁹ в правом притворе, в которой изобразил он Св. Петра в день страшного суда с ключами в руках <Л. 45/89>⁴⁰ изгонявший из Ада злого духа⁴¹. Испуганный чорт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде били и гоняли его кнутами, поленами и всем, чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал ее на большой деревянной доске, чорт всеми силами старался мешать ему, толкал невидимо под руку⁴², подымал из Горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину, но несмотря на все его усилия работа была кончена. Доска внесена в Церковь и вделана в стену притвора. И⁴³ с Этой Поры чорт поклялся [мстить]⁴⁴ Кузнецу. В Последнюю ночь и тут даже хотел он⁴⁵ чем-нибудь выместить на Кузнеце и для этого решился украсть месяц⁴⁶ в той надеже, что Старый <>⁴⁷ ленив и нелегок

³⁴ В рукописи: чорта

³⁵ Чуб вписано позднее другими чернилами

³⁶ Далее зачеркнуто: и должен

³⁷ Вместо: на всем селе — было: на все село

³⁸ Далее зачеркнуто: влюбленный

³⁹ Вместо: на церковной стене — было: а. на стене церковной; б. на стене

⁴⁰ Перед: изгонявший — зачеркнуто: освобождавший

⁴¹ Далее зачеркнуто: заключенными в Аде греш<никами>

⁴² Было: под руки

⁴³ И вписано между слов

⁴⁴ Далее зачеркнуто: вр<едить> (незавершенная правка)

⁴⁵ Далее зачеркнуто: как и

⁴⁶ Далее зачеркнуто: Он

⁴⁷ Здесь и во фразе «Еще при месячной ночи...» (с. 383) оставлен пробел для

на подъеме. До⁴⁸ дьяку же от их избы не так близко, дорога шла поза селом мимо мельниц, мимо кладбища, обгинала овраг. Еще при месячной ночи варенуха и водка, Настоянная на шафран, могла заманить нашего < > но в [такую темноту] ни за какие деньги не вызвал бы его никто из хаты. А Кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нем ни за что не отважится, несмотря на свою силу, итти к дочери. Таким-то образом, как только чорт⁴⁹ спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру⁵⁰ сделалось так темно, что не всякой бы нашел дорогу к шинку, не только к Дьяку. «Ух!» вскрикнула ведьма, увидевши себя вдруг в темноте. И тут чорт⁵¹, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился шептывать на ухо, то самое⁵², что обыкновенно шепчут всему женскому роду⁵³.

Боже, чудно, право, устроено на нашем свете, все что ни есть в нем, все силится перенимать и подражать одно другому. Прежде, бывало, в Миргороде один Судья да Городничий хаживали зимою⁵⁴ в крытых сукном тулупах, <Л. 45 об./90> а все мелкое чиновничество ходило просто в нагольных. Теперь же и Заседатель и Поветовый стряпчий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек⁵⁵ с китайчатою покрывашкою. Канцелярист и Дьяк третьего года взяли синей китайки⁵⁶ на 6⁵⁷ рубли аршин. Понамарь сделал себе на лето нанковые⁵⁸ шаравары и камзол из полосатого гаруса. Словом, все лезет в люди.⁵⁹ Но про это уже нечего и говорить. Людям свойственно⁶⁰ это делать. Но⁶¹ удивительнее всего, что и чорт пускается туда же⁶². Пусть бы еще имел смазливую рожу, а то ведь посмотреть совестно,⁶³

⁴⁸ Было: К

⁴⁹ Далее зачеркнуто: при<прятал?>

⁵⁰ Далее зачеркнуто: темно

⁵¹ Вместо: И тут чорт — было: а. Тут; б. и почувствовала, что чорт

⁵² Было: то же самое

⁵³ Вместо: всему женскому роду — было: а. Девушкам; б. всем Девушкам

⁵⁴ зимою вписано

⁵⁵ Далее зачеркнуто: покрытых китайкою

⁵⁶ Вместо: синей китайки — было: сукна

⁵⁷ Было: 8

⁵⁸ Вместо: на лето нанковые — было: нанковые на лето (не зачеркнуто, незавершенная правка)

⁵⁹ Далее зачеркнуто: Но пусть бы уже человек

⁶⁰ В рукописи: свойственно

⁶¹ Далее зачеркнуто: это

⁶² Вместо: туда же — было: даже. Далее зачеркнуто: Еще

⁶³ Далее зачеркнуто: образи<на>

рожа мерзость мерзостью. И он пу<ска>ется строить любовные куры. Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего уже нельзя было видеть, что происходило между ними.⁶⁴

«Так ты, Кум, еще не был у Дьяка в новой хате» говорил козак⁶⁵ Чуб, выходя из⁶⁶ дверей своей избы сухощавому, высокому, в коротенько<м> тулупе мужику с обросшею бородою, доказывавшему, что уже⁶⁷ более двух недель не касался ее обломок косы, которым обыкновенно мужики⁶⁸ бреют свою бороду⁶⁹ за неимением бритвы. «Там теперь будет добрая Попойка» продолжал Чуб, ослабив при этом свое лицо. «Ну, пойдем⁷⁰ же скорее, чтобы как-нибудь не опоздать»⁷¹. При сем⁷² Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, наглобучил сильнее свою⁷³ шапку, стиснул в руке кнут⁷⁴ — страх и грозу докучливых собак. Но, взглянув вверх, остановился. «Что за Дьявол⁷⁵. Смотри. Смотри, Панас!...»

«Что?» говорил кум и поднял свою голову также кверху.

«Как что? месяца нет».

<Л. 46/91> «Что за пропасть, в самом деле нет месяца».

«То-то, что нет», выговорил Чуб⁷⁶ с некоторою досадою на неизменное хладнокровие кума. «Тебе небось и нужды нет?» —

«А что мне делать?»

«Нужно же» продолжал Чуб⁷⁷ «какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось рюмки водки выпить, вмешаться.⁷⁸ Право, как будто на смех... Нарочно сидевши в хате глядел в окно: ночь — чудо. Светло, Снег блестит при месяце, все было видно, как днем. Не успел выггти за дверь и

⁶⁴ Далее зачеркнуто: 2 <глава 2?>

⁶⁵ козак вписано

⁶⁶ Далее зачеркнуто: а. сеней хаты своему; б. Д<верей?>

⁶⁷ Далее зачеркнуто: около месяца

⁶⁸ Слово мужики наполовину зачеркнуто

⁶⁹ Далее зачеркнуто: вме<сто>

⁷⁰ Было: ско<рее?>

⁷¹ Было: не опоздать нам

⁷² Было: При этом

⁷³ В рукописи: своей

⁷⁴ Далее зачеркнуто: от

⁷⁵ Что за Дьявол вписано

⁷⁶ Далее зачеркнуто: неско<лько>

⁷⁷ продолжал Чуб вписано

⁷⁸ Далее зачеркнуто: Как будто на смех

вот хоть глаз выколи, чтоб ему переломались об чорствый гречаник все зубы...» Чуб долго еще ворчал и бранился⁷⁹ и между тем в то же время⁸⁰ раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалывать о всяком вздоре у Дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и Церковный староста, и Дегтярь Микита, ездивший через⁸¹ каждые две недели в Полтаву на торги⁸², выкидывавший такие штуки, что все миряне брались⁸³ за животы со смеху. Уже⁸⁴ Чуб видел мысленно стоящую на столе Варенуху, все это было заманчиво правда, но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила казакам нашим, как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на⁸⁵ лежанке, курить спокойно лылько и слушать сквозь упоительную дремоту⁸⁶ коладки⁸⁷ и песни⁸⁸ веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы без всякого сомнения решился на последнее, если бы был один. Но теперь обоим не так скучно и страшно итти темною ночью. Окончивши свои побранки, обратился он снова к куму.

«Так нет кум месяца?»

«Нет».

«Чудно право. А дай понюхать табаку. У тебя, кум, славной табак, где ты берешь его!»

«Кой чорт славный⁸⁹» отвечал кум, закрывая березовую тавлинку, исколотую узором⁹⁰ — «плохой». —

<Л. 46 об./92> «Я помню», продолжал все так же⁹¹ Чуб⁹² «мне покойный шинкаръ Зузуля раз привез табаку из Нежина. Эх табак был. Добрый был табак. Так что же, кум? как нам быть, ведь темно на дворе».

«Так пожа<лу>й останемся дома» произнес кум, взявшись за ручку двери.

⁷⁹ Далее зачеркнуто: чтобы прикрыть свою нерешительно <сть>

⁸⁰ Вместо: и между тем в то же время — было: и между тем во все это время

⁸¹ через вписано

⁸² Далее зачеркнуто: и считавший

⁸³ В рукописи: блались

⁸⁴ Далее зачеркнуто: видел

⁸⁵ Далее зачеркнуто: печке

⁸⁶ Далее зачеркнуто: веселые

⁸⁷ Так в рукописи

⁸⁸ Далее зачеркнуто: а. под окном; б. под окошком веселых

⁸⁹ Было: хороший

⁹⁰ Так в рукописи

⁹¹ все так же вписано

⁹² Было: кум

Если бы кум не сказал этого, то Чуб непременно решился бы⁹³ остаться, но теперь его как будто что-то дергало итти наперекор. «Нет, Кум, пойдем».⁹⁴ Ему самому было неприятно теперь тащиться, но утешало то, что он сам нарочно захотел этого⁹⁵ и сделал таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своем ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно все равно, сидеть ли дома или тащиться из дому, оправился, почесал⁹⁶ себе палочкой от батога плечи, и два кума отправились в дорогу. —

Теперь посмотрим, что делает, оставшись дома, Красавица дочка. Оксане⁹⁷ не минуло еще семнадцати лет, как во всем почти свете и за Диканькою и под Диканькою только и речей было что про нее. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда, и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала все, что про нее говори<ли>, и была капризна и своенравна как красавица. Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в⁹⁸ атласном с длинным хвостом платье, то до⁹⁹ сих пор переколотила бы и выгнала десятка три¹⁰⁰ горнишних. Парубки гонялись за нею толпами, но, потеряв терпение, оставляли мало по малу своенравную красавицу и обращались к другим, более благосклонным. Один кузнец был упрям и тверд,¹⁰¹ несмотря на то, что и к нему¹⁰² поступаемо¹⁰³ ничуть не лучше как с другими. По выходе Отца своего она долго еще принаряживалась и жеманилась¹⁰⁴ перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять¹⁰⁵, будто я хороша собою» говорила она как бы полурассеянно для только¹⁰⁶,

⁹³ бы вписано

⁹⁴ «Нет, Кум, пойдем». вписано

⁹⁵ Было: это

⁹⁶ Далее зачеркнуто: плечи

⁹⁷ Далее зачеркнуто: было

⁹⁸ Далее зачеркнуто: длинном

⁹⁹ Было: го<рничные>

¹⁰⁰ Было: два

¹⁰¹ Далее зачеркнуто: как опущенное в воду железо

¹⁰² Вместо: к нему — было: с ним

¹⁰³ Было: было поступаемо

¹⁰⁴ Далее зачеркнуто: и не могла

¹⁰⁵ Было: говорить

¹⁰⁶ Так в рукописи; ср. в ВД1: говорила она, как бы рассеянно, для того только

чтобы о чем-нибудь поболтать с собою. «Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее <л. 47/93> в зеркале свежее живое в детской юности лицо с блестящими черными¹⁰⁷ и невыразимо приятной усмешкой, проходившей¹⁰⁸ быстрее молнии в душу, вдруг доказало противное. «Разве черные брови и очи мои» продолжала красавица, не отходя от зеркала «так хороши, что уже равных им нет и на свете.. Что тут хорошего в этом вздернутом¹⁰⁹ кверху носе. И в щеках, и в губах? будто хороши мои черные¹¹⁰ косы! их можно перепугаться вечером, они, как длинные змеи, перевилились и обвилились кругом моей головы¹¹¹. Да, я вижу теперь, что я совсем не хороша» и, отдаляя несколько подалее от себя зеркало¹¹², вскрикнула: «Нет, хороша я! Ах, как я хороша! Какую я радость принесу¹¹³ Тому, кого буду женою. Как будет любоваться мною мой муж. Он не вспомнит себя от радости. Он зацелует меня на смерть».

«Чудная девка!» сказал сам себе¹¹⁴ вошедший тихо кузнец. «И хвастовства у неё мало. С час стоит глядясь в зеркало и любитесь собою, и еще хвалит¹¹⁵ себя вслух».

«Да, Парубки, Вам ли чета я, вы поглядите на меня» продолжала хорошенькая кокетка. «Как я плавно выступаю¹¹⁶, у меня сорочка шита красным шолком. А какие ленты на голове. Вам век не увидать богаче золотого галуна, какой¹¹⁷ Все это Отец мне накупил¹¹⁸ для того, чтобы меня полюбил самой лучший на свете молодец». И, усмехнувшись, поворотилась¹¹⁹ она в другую сторону. Тут Кузнец вышел из себя и в душевном волнении обхватил¹²⁰ рукою ее полный стан. Чувствовала дрожащая рука, как подымались под нею полные Девические перси. Дрожь и чудный холод пробежал по жилам Парубка.

¹⁰⁷ Так в рукописи; ср. в ВД1: с блестящими черными очами

¹⁰⁸ Далее зачеркнуто: а. разом всю; б. мол <нией?>

¹⁰⁹ Было: подыняшемся

¹¹⁰ Далее зачеркнуто: змеи <ные?>

¹¹¹ Вместо: обвилились ~ головы — было: обвивают кругом мою голову

¹¹² Вместо: отдаляя ~ зеркало — было: отойдя несколько подалее от зеркала

¹¹³ В рукописи: припринесу

¹¹⁴ сам себе вписано

¹¹⁵ Вместо: и еще хвалит — было: и еще и хвалит

¹¹⁶ В рукописи: выступая

¹¹⁷ Фраза не закончена

¹¹⁸ Было: закупил

¹¹⁹ Вместо: поворотилась — было: хотела повернуться

¹²⁰ Вместо: в душевном волнении обхватил — было: и не утерпел, чтоб не обхватить

Оксана вскрикнула и Сурова остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что говорило смугловатое лицо чудной девушки, и суровость в нем была видна, и сквозь суровость какая-то издевка над смутившимся кузнецом. И¹²¹ едва заметная краска досады разливалась тонко по лицу, и всё так это¹²² смеша <ло>сь и так было неизобразимо-хорошо, что расцеловать ее миллион раз, вот все, что¹²³ можно было сделать наилучшего.

«Зачем ты пришел сюда» так начала говорить красавица. «Разве¹²⁴ хочется, чтобы я выгнала тебя за двери <Л. 47 об./94> лопатой. Вы все мастера подъезжать к нам,¹²⁵ в миг пронюхаете, когда¹²⁶ Батьков нет дома. О! я знаю вас. Небось, сундук мой верно не готов».

«Будет готов, Мое сердце, непременно после Праздников будет готов. Если б ты знала, сколько трудился я около него. Две ночи не выходил из кузницы. Зато уже ни у¹²⁷ одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову¹²⁸ кибитку, когда¹²⁹ ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан — хоть весь околодок выходи своими белинькими ножками, не найдешь такого. По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы¹³⁰. Весь будет гореть! Не сердись же¹³¹ на меня. Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя».

«Кто ж тебе запрещает? Говори и гляди». Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы, взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелком, и тонкое чувство самодовольствия¹³² выразилось на устах, на свежих ланитах и осветилось в очах¹³³.

¹²¹ Далее зачеркнуто: кр<аска?>

¹²² это вписано на полях

¹²³ что вписано

¹²⁴ Далее зачеркнуто: тебе

¹²⁵ Далее зачеркнуто: ду<рам?>

¹²⁶ Было: как

¹²⁷ у вписано

¹²⁸ Было: заседатель<скую?>

¹²⁹ Далее зачеркнуто: работал

¹³⁰ Далее зачеркнуто: Гореть будет

¹³¹ Было: только

¹³² В рукописи: самодовольствие

¹³³ Вместо: и тонкое чувство ~ в очах — было: а. и усмехнулась; б. и самодовольствие выразилось; в. и тонкое чувство самодовольствие выразилось и на устах

«Позволь¹³⁴ и мне сесть возле тебя» сказал¹³⁵

«Садись» проговорила Оксана, сохраняя¹³⁶ в устах и в довольных очах то же самое чувство.

«Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя» произнес ободренный К <узнец?> <>¹³⁷ и прижал ее¹³⁸ к себе в намерении схватить поцелуй. Но Оксана отклонила свои уже находившиеся на неприметном расстоянии от губ Кузнеца щеки и оттолкнула его.¹³⁹ «Чего тебе ещё хочется. Ему когда мед, так и ложка нужна. Поди прочь, у тебя руки жестче железа. Да и весь ты пахнешь кузницею. Я думаю, меня всю обмарал своею сажей». Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охарашиваться.

<Л. 48/95> «Не любит она меня» думал про себя повеся голову кузнец. «Ей все игрушки, а я стою перед нею, как дурак, и очей не свожу с нее, и все бы стоял перед нею и век бы не сводил с нее очей. Чудная девка. Чего бы я не дал, чтобы узнать, что у нее на сердце. Кого она любит. Ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою, мучит меня бедного, а я за грустью не вижу света. А я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

«Правда ли, что твоя мать Ведьма?» произнесла Оксана и засмеялась. И кузнец чувствовал, что внутри его все засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо¹⁴⁰ вострепнувших жилах, и за всем тем досада запала в его душу, что он не¹⁴¹ во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лице. —

«Что мне до матери.¹⁴² Ты у меня мать и отец и все, что ни есть лучшего на свете. Если б меня призвал царь и сказал <>¹⁴³: “Кузнец, проси у меня всего всё¹⁴⁴, что ни есть лучшего в моем царстве, все отдам тебе.¹⁴⁵ Прикажу тебе сделать золотую кузницу и станешь ты ковать серебряными молотами”. “Не хочу, сказал бы я царю. Ни Ка-

¹³⁴ Далее зачеркнуто: хоть поцеловать себя сказал

¹³⁵ Фраза не закончена

¹³⁶ Далее зачеркнуто: в лице

¹³⁷ Оставлен пробел, возможно, для имени

¹³⁸ ее вписано

¹³⁹ Далее зачеркнуто: «Посади только свинью за стол, она и лапы взмостит

¹⁴⁰ Было: радостно

¹⁴¹ Вместо: он не — было: нельзя было

¹⁴² Вместо: Что мне до матери. — было: а. Что мне Мать или Отец!!; б. Что до

¹⁴³ Оставлен пробел, возможно, для имени

¹⁴⁴ Так в рукописи

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: «Не хочу я, сказал бы я царю

меньев дорогих, ни золотой Кузницы, ни всего твоего царства. Дай мне лучше мою Оксану..»

«Видишь, какой ты! Ты не простой Кузнец, а естли мой отец вздумает жениться¹⁴⁶ на твоей матери», проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. «Однако ж девчата не приходят. Что б это значило. Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно».

«Бог с ними, моя красавица».

«Как бы не так. С ними вместе верно придут парубки. Тут-то¹⁴⁷ пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй». —

«Так тебе весело с ними?»

«По крайней мере¹⁴⁸, веселее, чем с тобою¹⁴⁹. А, кто-то стукнул, верно, Девчата с парубками».

<Л. 48 об./96> «Чего мне больше ждать?»¹⁵⁰ говорил сам с собой кузнец. «Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но естли ж так, не достанется по крайней мере другому¹⁵¹ посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего. Я отучу...»¹⁵².

Стук в дверь и резко зазвучавший на морозе голос: «отвори» прервал его размышления.

«Постой, я сам отворю» сказал кузнец в сени в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку. —

Мороз увеличился и вверху так сделалось холодно, что Чорт перепрыгивал с одной ноги на другую и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь ото<г>реть мерзнувшие руки. Нежного роду собачье подобье! как говорил покойный Макар Назарович Лохвицкий подкоморий¹⁵³. Не мудрено однако ж и не смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле Кухмистр, поджаривал он грешников таким же¹⁵⁴ спокойствием, с ка-

¹⁴⁶ *Вместо:* вздумает жениться — *было:* женится

¹⁴⁷ *то вписано*

¹⁴⁸ *Вместо:* По крайней мере — *было:* Как же не ве<село?>

¹⁴⁹ *Далее зачеркнуто:* если бы остаться день вместе

¹⁵⁰ *Далее зачеркнуто:* ду<мал?>

¹⁵¹ *Далее зачеркнуто:* парубку

¹⁵² *Далее, с нового абзаца, открыты и зачеркнуты кавычки*

¹⁵³ *Далее зачеркнуто:* Как не смерзнуть

¹⁵⁴ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* поджаривал он грешников с таким удовольствием.
Далее зачеркнуто: ра<..?>

ким честные миряне жарят¹⁵⁵ поросенка¹⁵⁶. Ведьма сама почувствовала, что холодно¹⁵⁷, несмотря на то, что была тепло одета, и потому, поднявши руки¹⁵⁸ кверху, оставила ногу и, приведши себя в такое¹⁵⁹ положение, как человек, летящий на коньках, не двинувшись не одним членом спустилась по воздуху будто по ледяной покато́й горе и прямо в трубу. Чорт¹⁶⁰ таким же¹⁶¹ порядком спустился вслед за нею. Но так как¹⁶² это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он¹⁶³ наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной¹⁶⁴ печке между горшками. Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядеть, не назвал ли ее сын Вакула¹⁶⁵ в хату гостей, но увидевши, что никого¹⁶⁶ не было, вылезла из <Л. 49/97> печки, скинула теплый ко́жух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле. Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою¹⁶⁷. Трудно и быть хорошею в такие годы, однако ж она так умела причаровывать к себе самых¹⁶⁸ Степных Козаков в селе (которым, не мешая между прочим заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и церковный староста, и Дехтярь, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги, и Козак Корней Кобен¹⁶⁹, и Козак Остаб¹⁷⁰ Свербыгуз,¹⁷¹ когда собственная половина его заблигорассуждала куда-нибудь отлучаться. И к чести ее сказать, она умела искусно обходиться со всяким. Ни одному из них не приходило и на ум, что у него есть соперник.¹⁷²

¹⁵⁵ Было: под <жаривают?>

¹⁵⁶ Так в рукописи

¹⁵⁷ сама почувствовала, что холодно *вписано*

¹⁵⁸ Далее *зачеркнуто*: вверх <х>

¹⁵⁹ Было: такой. Далее *зачеркнуто*: как

¹⁶⁰ Далее *зачеркнуто*: вслед за нею

¹⁶¹ же *вписано*

¹⁶² как *вписано*

¹⁶³ он *вписано*

¹⁶⁴ Было: пространной

¹⁶⁵ Вместо: Вакула — было: кузнец

¹⁶⁶ Было: никогда

¹⁶⁷ Далее *зачеркнуто*: в своей молодости, может быть, она была

¹⁶⁸ самых *вписано*

¹⁶⁹ Было: Корнелий Чуб

¹⁷⁰ Так в рукописи

¹⁷¹ Далее *зачеркнуто*: и Она так искусно умела обходиться с ними, что каждый из них считал

¹⁷² Далее *зачеркнуты кавычки*

Шел ли набожный мужик, одетый в Кобеньяк с видлогою¹⁷³, в воскресенье в Церковь¹⁷⁴ или, если дурная погода, в шинок,¹⁷⁵ как не зайти к Солохе, не поестъ жирных с творогом Вареников и не поболтать в теплой избе с разговорчивой и угодливой хозяйкой. И Дворянин нарочно для этого давал большой кряк¹⁷⁶, прежде нежели¹⁷⁷ достигал¹⁷⁸ шинка, и называл это заходить по дороге. Охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с Козаком Чубом. Чуб был вдов, восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатой. Пара дюжих Волон, высовая¹⁷⁹ свои головы из плетеной стены сарая на улицу, желая¹⁸⁰ доброго дня прохожим и мычали, пережевывая в ленивых мордах своих свежую солому, когда [встречали]¹⁸¹ шедшую куму корову или Дядю толстого быка. Бородатый Козел взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня¹⁸² выступавших по двору индеек и оборачиваясь задом, если завидывал своих неприятелей или¹⁸³ мальчишек, издававших¹⁸⁴ над его бородою¹⁸⁵. В Сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов и старинных кунтушей с золотыми галунами. Покойная жена его была щеголиха. В Огороде кроме маку, капусты, подсолнечник <а> засевалось еще каждый год две нивы табаку, все это имело¹⁸⁶ необыкновенную приятность в ее глазах. Она¹⁸⁷ воображала, какой все это примет¹⁸⁸, когда <Л. 49 об./98> поступит в ее хозяйство, и удвоивала¹⁸⁹ благосклонность к Старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын ее Вакула не подъехал к его дочери и не ус-

¹⁷³ одетый в Кобеньяк с видлогою *вписано*

¹⁷⁴ *Вместо:* в Церковь — *было:* к Соло<хе?>

¹⁷⁵ *Далее зачеркнуто:* он непременно заходил к Солохе, хотя и делал большой кряк

¹⁷⁶ *Было:* кру<г?>

¹⁷⁷ *Вместо:* нежели — *было:* чем

¹⁷⁸ *Далее зачеркнуто:* Церкви или

¹⁷⁹ *Было:* высовали

¹⁸⁰ *Было:* желали

¹⁸¹ *Далее зачеркнуто:* зав<идывали?>

¹⁸² *Далее зачеркнуто:* а. индеек; б. метав<шихся?>; в. высту<павших?>

¹⁸³ *Было:* ин<деек?>

¹⁸⁴ *Так в рукописи*

¹⁸⁵ *Вместо:* мальчишек ~ его бородою — *было:* а. издававших над ним; б. издававших над его бородою мальчишек

¹⁸⁶ *Было:* умело

¹⁸⁷ *Было:* и

¹⁸⁸ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* какой оно примет порядок

¹⁸⁹ *Было:* удвоила

пел прибрать к себе всю¹⁹⁰ подвижность и недвижность, в которую, наверное, не позволил бы мешаться своей матери, [то] она прибегнула к обыкновенному средству¹⁹¹ всех сорокалетних кумушек, ссорить как можно чаще Чуба с¹⁹² кузнецом. Такие тонкости ее и сметливый ум были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особенно когда¹⁹³ выпивали где-нибудь на веселой сходке лишнее, что Солоха точно Ведьма.¹⁹⁴ Что Парубок Товченко видел у ней точно сзади хвост, что она еще в позапрошлый четверг Черною собакою перебежала дорогу. Что к попадье прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку и убежала назад¹⁹⁵. Случилось, что¹⁹⁶ тогда, когда старушки толковали об этом, пришел как-то¹⁹⁷ Коровий Пастух Тymoш Коростявий. Он не приминул рассказать, как¹⁹⁸ летом, перед самою петровкою, когда он лег спать¹⁹⁹ в хлеву,²⁰⁰ подмостил и солому под голову и трубку закурил, видел собственными глазами, как с распущенною косою в одной рубашке начала доить коров, а он не мог пошевелиться, так был околдован. Подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он²⁰¹ плевал после того целый день. Но все²⁰² это что-то сомнительно, потому что один только Сорочинский заседатель может увидеть ведьму. Именитые козаки махали руками, когда слышали такие рассказы. «Брешут сучи Бабы» бывал обыкновенный ответ их.²⁰³ Вылезши из Печки и оправившись, Солоха как добрая хозяйка начала убирать²⁰⁴

¹⁹⁰ Было: все

¹⁹¹ Далее зачеркнуто: воо <бще?>

¹⁹² Далее зачеркнуто: своим сыном

¹⁹³ Далее зачеркнуто: а. выпили; б. хватили

¹⁹⁴ Далее зачеркнуто: Что

¹⁹⁵ Вместо: и убежала назад — было: [села] и севши на скамейку начала уже набивать трубку, желая осквернить хату каким скверным зельем, но Попадья [прогн <ала>] перекрестилась и ее уже не было. Далее зачеркнуто: Именитые козаки мах <али>

¹⁹⁶ Случилось, что вписано.

¹⁹⁷ Далее зачеркнуто: к ним

¹⁹⁸ Было: что

¹⁹⁹ Вместо: лег спать — было: спал

²⁰⁰ Далее зачеркнуто: виде <л?>

²⁰¹ Далее зачеркнуто: целы <й>

²⁰² все вписано

²⁰³ Именитые ~ ответ их. (вписано на нижнем поле) — Было: И потому все эти толки были пренебрегаемы именитыми козаками (не зачеркнуто)

²⁰⁴ Было: прибрать

и ставить все к своему месту,²⁰⁵ но мешков не тронула. Это Вакула принес, пусть же сам и вынесет.²⁰⁶ Чорт между тем, когда еще влетал²⁰⁷ в трубу и въехал Солохе на шею, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с Кумом²⁰⁸ уж далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замерзшего снега. Поднялась мятель.²⁰⁹ <Л. 50/99> В воздухе забелело. Снег метался взад и вперед сеткою и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А²¹⁰ чорт улетел снова в трубу²¹¹ в твердой уверенности, что²¹² Чуб возвратится вместе с кумом назад,²¹³ застанет Кузнеца и наверное отпочивает²¹⁴ его так, что он не будет в силах взять в руки кисть и малевать²¹⁵ обидные карикатуры.

В самом деле, едва только поднялась мятель и ветер стал резать глаза,²¹⁶ как Чуб²¹⁷ уже изъявил раскаяние побранками и угощал ими²¹⁸ щедро Себя, чорта и кума и нахлобучивая глубже на голову капелюхи, впрочем, эта досада была притворная, Чуб очень рад был поднявшейся мятели. До дьяка еще оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники повернулись назад, ветер дул в затылок. Но сквозь метущий снег ничего не было видно. «Стой, кум, мы, кажется, не туда идем» сказал немного отошедши Чуб²¹⁹. «Я не вижу ни одной хаты, ох, какая мятель! Свороти-ка ты кум немного в сторону, не найдешь ли дороги, а я тем вре-

²⁰⁵ *Далее зачеркнуто:* в хате

²⁰⁶ но мешков не тронула. Это Вакула ~ вынесет. *вписано*

²⁰⁷ *Было:* влетел

²⁰⁸ *Далее зачеркнуто:* отшедших

²⁰⁹ *Далее начато:* в воздухе заб<елело?>

²¹⁰ *А вписано*

²¹¹ *Далее зачеркнуто:* к Солохе

²¹² *Далее зачеркнуто:* козаки

²¹³ *Далее зачеркнуто:* и отпочивает поряд<ком?>

²¹⁴ *Так в рукописи*

²¹⁵ *Вместо:* что он не будет ~ и малевать — *было:* что он долго будет не в состоянии взять в руки кисть, чтобы малевать

²¹⁶ *Далее зачеркнуто:* Чуб

²¹⁷ *Было:* ку<м?>

²¹⁸ *Вместо:* и угощал ими — *было:* а. которыми он угощал. *Над зачеркнутыми словами вписано и зачеркнуто:* и надглубучивая

²¹⁹ *Было:* кум. *Далее зачеркнуто:* «Я не вижу ни одной хаты, а отойди-ка ты немного в сторону, не найдешь ли дороги, а я тем временем по<ищу?>

менем поищу здесь, дернет же нечистая сила потаскаться по такой выюге. Не забудь²²⁰ закричать, когда найдешь дорогу. Эк²²¹ какую кучу снега напустил в очи Сатана». Дороги однако ж не было видно. Кум, отошедши в сторону²²², бродил в длинных сапогах взад и вперед и наконец набрел прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что позабыл все и, стрягнувши²²³ с себя снег, вошел в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу²²⁴ показалось между тем, что он нашел дорогу. Останов<ив>шись, принялся он кричать во все горло, но видя, что кум не является, решил итти сам, немного пройдя, увидел он свою хату, сугробы снегу лежали около нее и на крыше. Хлопая²²⁵ намерзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть дверь. «Чего тебе тут нужно?» закричал сурово вышедший Кузнец. Чуб отступил узнавши голос кузнеца²²⁶ несколько назад. «О нет, это не моя хата» говорил он про себя «в мою хату не забредет кузнец²²⁷. Опять же, если присмотреться хорошо, <Л. 50 об./100> то и не кузнецова. Чья б это была хата, вот на! не распознал! Это хата хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось и сначала²²⁸ немного чудно, что так скоро пришел к своей хате. Однако ж Левченко сидит теперь у дьяка, это я знаю. Зачем же кузнец.... Эге ге ге! он ходит к его молодой жене. Вот как? хорошо!... теперь я все понял».

«Кто ты такой и зачем таскаешься под дверями» произнес Кузнец суровее прежнего и подойдя ближе. —

«Нет, не скажу ему,²²⁹ кто я» подумал Чуб, «чего доброго еще приколотит проклятый выродок» и, переменив голос, отвечал: «Это я, человек добрый! пришел поколядовать вам на забаву²³⁰ немного под окнами».

²²⁰ Далее зачеркнуто: же

²²¹ Далее зачеркнуто: сатана

²²² отошедши в сторону вписано

²²³ Так в рукописи

²²⁴ В рукописи: Кубу

²²⁵ Далее зачеркнуто: руками

²²⁶ узнавши голос кузнеца вписано

²²⁷ в мою хату не забредет кузнец вписано

²²⁸ и сначала вписано

²²⁹ Далее зачеркнуто: своего имени

²³⁰ на забаву вписано

«Убирайся к чорту с своими²³¹ колядками» сердито закричал вакула. «Что ж ты²³² стоишь, слышь! убирайся сей час²³³, вон!»

Чуб сам уже имел это благоразумное намерение. Но ему немножко досадно показалось, что принужден слушаться приказаний Кузнеца. Казалось, какой-то злой дух толкал его под руку и вынуждал сказать что-нибудь наперекор.²³⁴ «Что ж ты в самом деле так раскричался²³⁵» произнес Чуб тем же голосом «я хочу колядовать, да и полно...»

«Эге, да ты, как вижу, от слов не уймешься». При сих словах²³⁶ Чуб получил такой толчек от тяжелой руки кузнеца, что²³⁷ поневоле попятился назад. —

«Да вот это ты²³⁸, как я вижу, начинаешь уже²³⁹ драться» произнес, отступая немно<го>, Чуб. —

«Пошел Пошел!» кричал кузнец и наградил чуба другим толчком.

«Что ж ты!» произнес Чуб таким голосом, в котором изображалась и боль, и досада, и робость²⁴⁰. «Ты вот это²⁴¹, я вижу, не в шутку дерешься. И еще больно дерешься.» —

«Пошел Пошел!» закричал Кузнец и захлопнул дверь.

«Смотри, как²⁴² разграбился» говорил чуб, оставшись один на улице. <Л. 51/101> «Попробуй, подойди! Вишь какой! Вот большая цыца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нет, голубчик, я пойду и²⁴³ пойду прямо до Комиссара. Ты у меня будешь знать.²⁴⁴ Я не посмотрю, что ты кузнец²⁴⁵ и маляр. Однако ж посмотреть на спину и плечи! Я думаю, синие пятна есть. Должно быть, больно поколотил вражий сын. Жаль, что холодно и не хочется скинуть кожуха. Постой ты, Бесовский кузнец. Чтoб чорт поколотил и тебя и твою кузницу,

²³¹ Было: своим

²³² Далее зачеркнуто: не ид <ешь?>

²³³ Вместо: сей час — было: сей же час (не зачеркнуто, незавершенная правка)

²³⁴ Далее зачеркнуто: «Я пожалуй

²³⁵ Было: разграбился

²³⁶ Вместо: сих словах — было: этим слове

²³⁷ Далее зачеркнуто: принужден был

²³⁸ вот это ты вписано

²³⁹ Далее зачеркнуто: биться

²⁴⁰ Вместо: таким голосом ~ и робость — было: полубоуженным [и] полуроздосадованным и полуструсившим тоном

²⁴¹ вот это вписано

²⁴² Вместо: Смотри, как — было: Что ж

²⁴³ пойду и вписано

²⁴⁴ Далее зачеркнуто: Что

²⁴⁵ В рукописи: кознец

ты у меня напляшешься. Вишь, проклятый шибеник! Однако ж шельмовского кузнеца теперь нет Дома. Солоха,²⁴⁶ думаю, сидит одна. Гм. Оно вить недалеко отсюда. Пойти бы. Время теперь такое, что нас никто не застукает. Может, и того будет можно.... Больно поколотил проклятый кузнец». Тут Чуб, почесы <вая?> свою Спину, отправился в другую сторону.²⁴⁷ Приятность²⁴⁸, ожидавшая его впереди при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который²⁴⁹ трескался по всем улицам, не заглушаемый²⁵⁰ вьюжным свистом. По временам на лице его, которого бороду²⁵¹ и усы мятель намылила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански держащего свою жертву за нос²⁵², показывалась полусладкая мина. Однако ж, если бы снег не крестил взад и вперед воздух, то верно бы можно было увидеть, как Чуб останавливался, почесывал спину, произносил «Больно поколотил проклятый кузнец» и снова отправлялся в путь. —

В то время²⁵³, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубы²⁵⁴, висевшая²⁵⁵ у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь²⁵⁶ этим случаем, вылетел чрез трубы Солохиной хаты, плавно поднялся по небу. Все осветилось. Мятели как не бывало. Снег серебряным полем загорелся при месяце <Л. 51 об./102> и весь обсыпался хрустальными звездами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и Девчат показались с мешкам <и>. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились Колядующие. Чудно блещет

²⁴⁶ *Далее зачеркнуто:* те <перь?>

²⁴⁷ *Вместо:* Тут Чуб ~ в другую сторону. — *было:* И Чуб отправился в другую сторону, почесы <вая?> спину.

²⁴⁸ *Далее зачеркнуто:* свида <ния?>

²⁴⁹ *который вписано*

²⁵⁰ *Так в рукописи*

²⁵¹ *Было:* буд <то?>

²⁵² *Вместо:* держащего свою жертву за нос — *было:* держащего за нос свою жертву (не зачеркнуто, незавершенная правка)

²⁵³ *Вместо:* В то время — *было:* Во время путешествий (в отвергнутом варианте слово путешествий осталось незачеркнутым)

²⁵⁴ *Так в рукописи*

²⁵⁵ *Было:* вися <щяя?>

²⁵⁶ *Было:* полу <чив?>

месяц. Трудно рассказать, как хорошо²⁵⁷ потолкаться в такую ночь между кучею²⁵⁸ хохочущих²⁵⁹ и поющих девушек и между парубками, готовых на все шутки и выдумки, какие может только внушить весел<о> смеющаяся ночь. — Под теплым кожухом тепло. От Мораза еще живее горят щеки. А на шалости сам лукавый подталкивает сзади. Кучи Девушек с мешками²⁶⁰ вломились в хату чуба. Окружили Оксану, и крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца, все наперебыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали²⁶¹ мешки и хвастались²⁶² паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать за свои²⁶³ колядки.²⁶⁴ Красавица, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то²⁶⁵ другой и хохотала без умолку, с какой-то²⁶⁶ досадой и завистью глядел кузнец на такую веселость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума. «Э, Одарка!» сказала веселая красавица, оборотившись к одной из девушек «у тебя новые черевки. Ах, какие хорошие и с золотом». Тут она невесело наклонила на бок свою голову.²⁶⁷ «Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который все тебе покупает²⁶⁸. А мне некому достать такие славные черевки».

«Не тужи, моя ненаглядная Оксана, подхватил кузнец²⁶⁹, я тебе достану²⁷⁰ такие черевки, каких редкая панночка носит».

«Ты?» сказала скоро²⁷¹ и надменно поглядев на него Оксана. «Посмотрю²⁷² я, где ты достанешь²⁷³ такие черевки, которые я бы

²⁵⁷ *Вместо:* хорошо — *было:* весе<ло>

²⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* девушек

²⁵⁹ *Было:* смеющихся

²⁶⁰ *Вместо:* с мешками — *было:* с хохотом

²⁶¹ *Вместо:* выгружали — *было:* а. показывали; б. выгружались

²⁶² *В рукописи:* хластались

²⁶³ *Было:* свой

²⁶⁴ *Далее зачеркнуто:* С какою-то завистью глядел Кузнец

²⁶⁵ *то вписано*

²⁶⁶ *то вписано*

²⁶⁷ *Вместо:* Тут она ~ свою голову. — *было:* Как ты щастлива, что у тебя такие хорошие черевки

²⁶⁸ *Вместо:* все тебе покупает — *было:* тебе покупает такие славные черевки

²⁶⁹ *подхватил кузнец вписано*

²⁷⁰ *Было:* куплю

²⁷¹ *Далее зачеркнуто:* Окс<ана>

²⁷² *Было:* поглядела бы

²⁷³ *Вместо:* где ты достанешь — *было:* где бы ты достал

могла надеть²⁷⁴ на свою ногу. Разве достанешь те самые, которые царица носит».

«Видишь, каких захотела!» закричала со смехом девичья толпа.

<Л. 52/103> «Да» продолжала, смеясь, красавица «будьте все вы свидетельницы. Если Кузнец Вакула принесет мне те самые черевички, которые носит царица, то вот мое слово, что выйду тот же час за него замуж».²⁷⁵

Девушки увели с собою капризную красавицу.

«Смейся Смейся!» говорил Кузнец, выходя вслед за ними. Я сам смеюсь над собою! Думаю и не могу надумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, ну Бог с нею. Будто только на всем свете одна Оксана. Слава богу, есть девушек много хороших и в нашем²⁷⁶ селе.²⁷⁷ Да что Оксана? С нее никогда не будет доброй хозяйки, она только мастерица рядиться. Нет! Полно! Пора перестать ребячиться». Но²⁷⁸ в самое то время, когда Кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил перед ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, Кузнец, черевички Царицыны, выйду за тебя замуж». Кровь его волновалась и думы увивались около одной только Оксаны.

Толпы Колядующих, Парубки особо, Девчата особо²⁷⁹, спешили из одной улицы,²⁸⁰ в другую. Парубки, вдруг зашедши со всех сторон, окружали толпу Девушек. Шум, крик. Один бросал комья снега, [другой] вырывал мешок²⁸¹ с колбасами и всякою всячиной. Иногда девушки ловили Парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю.—²⁸²

Но Кузнец шел и ничего не видел, и не участвовал в тех веселостях, которые когда-то он более всех любил.

²⁷⁴ *Вместо:* которые я бы могла надеть — *было:* а. которые бы я; б. которые я надела бы

²⁷⁵ *Далее с абзаца зачеркнуто:* Сказав это

²⁷⁶ *Было:* наших

²⁷⁷ *Далее зачеркнуто:* Нет! полно

²⁷⁸ *Далее зачеркнуто:* тут

²⁷⁹ Парубки особо, Девчата особо *вписано*

²⁸⁰ *Авторский знак*

²⁸¹ *Вместо:* Один бросал ~ вырывал мешок — *было:* а. Один, столкнувшись; б. Один падал на землю, другой крал мешок

²⁸² *Далее зачеркнуто:* Или

<Л. 52 об./104> Чорт между тем не на шутку разнежился у Солохи, целовал ее руку²⁸³ с такими ужимками²⁸⁴, как заседатель у²⁸⁵ поповны, брался за сердце, охал, и сказал напрямик, что если она не согласится отвечать его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все, кинется в воду, а душу отправит прямо в Пекло. Солоха была не так жестока, да при том же чорт, как уже и видно всем, действовал с нею заодно.²⁸⁶ Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании. Оденется ли в праздник в яркую плахту с²⁸⁷ китайчатою запаскою, в синюю юпку, на которой нашиты были сзади золотые усы, и станет прямо близь правого крылоса, то Дьяк уже верно²⁸⁸ закашливался и причуривал²⁸⁹ невольню в ту²⁹⁰ сторону свои глаза. — Голова гладил усы,²⁹¹ заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему возле себя²⁹² соседу: «Эх, Добрая Баба! Чорт Баба!» и к вечеру уже верно собирались у какой-нибудь кумы. —²⁹³ Этот вечер Солоха думала провесть одна, потому что все именитые обитатели села²⁹⁴ званы были на кутю к дьяку. Но все пошло иначе. Чорт только что представил свое требование, как вдруг послышался стук и голос Дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный чорт влез в лежавший мешок. Голова, стряхнув с своих капелюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошел к дьяку, потому что поднялась мятель, а увидевши свет в ее хате, завернул к ней в намерен<ни> провесть время с нею. Не успел Голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос Дьяка. «Спрячь меня куда-нибудь» шептал²⁹⁵ голова. «Мне не хочется теперь встретиться с Дьяком». Солоха долго думала, куда спрятать такого плотного гостя, наконец, вы-

²⁸³ *Вместо:* у Солохи, целовал ее руку — *было:* у Симониhi, целовал у Симониhi руку

²⁸⁴ с такими ужимками *вписано*

²⁸⁵ *Далее зачеркнуто:* старшей

²⁸⁶ *Далее зачеркнуто:* Вообще можно сказать, что Солоха была всегда благо-склонна

²⁸⁷ *Было:* в

²⁸⁸ *Далее зачеркнуто:* наводил из читаемой им книги

²⁸⁹ *Было:* а. наводил свои; б. причуривал свои

²⁹⁰ в ту *зачеркнуто и вновь вписано*

²⁹¹ *Далее зачеркнуто:* обвивал

²⁹² *Было:* него

²⁹³ *Далее зачеркнуто:* а. Но у себя Солоха; б. Сегодняшний день

²⁹⁴ *Далее зачеркнуто:* должны были

²⁹⁵ *Было:* говорил

брала самый большой мешок с углем, уголь высыпала в кадку, и дюжий <Л. 53/105> голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок. Дьяк вошел,²⁹⁶ побряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто²⁹⁷ и что он сердечно рад этому случаю *погулять* немного у него²⁹⁸ и не побоялся мятели²⁹⁹. Тут он подошел ближе, кашлянул, усмехнулся,³⁰⁰ дотронулся своими длинными пальцами³⁰¹ ее обнаженной полной руки и произнес с таким видом, в котором³⁰² выказывалось и лукавство, и самодовольствие «а что это у вас, Великолепная Солоха?» И сказавши это, отскочил он³⁰³ несколько³⁰⁴ назад.

«Как что? Рука, Осип Никифорович» отвечала Солоха.

«Гм! рука! хе хе!» произнес сердечно довольный своим началом Дьяк и прошелся по комнате. —

«А что это у вас, Дражайшая Солоха» произнес он с таким же видом³⁰⁵, приступив к ней³⁰⁶ и схватив³⁰⁷ ее слегка рукою за шею, и таким же порядком отскочив назад.

«Будто не видите, Осип Никифорович!» отвечала Солоха.

«Шея, и на шее монисто».

«Гм. На шее монисто! Хе хе!» и Дьяк снова прошелся покашливая по комнате.

«А что это у вас, Несравненная Солоха...» Неизвестно к чему теперь притронулся своими длинными пальцами сладострастный Дьяк, как вдруг послышался в дверь стук и Голос козака Чуба.

«Ах, Боже мой, стороннее лицо!» закричал в испуге³⁰⁸ Дьяк. «Что теперь, если застанут особу моего звания... дойдет до Отца Кондрата...» Но опасения дьяка были другого рода, он опасался более³⁰⁹, чтоб не дошло это до сведения его половины. «Ради Бога, добродетельная Солоха» говорил он, дрожа всем телом «ваша Доброта,

²⁹⁶ *Далее зачеркнуто:* потирая и

²⁹⁷ *Вместо:* у него не был никто — *было:* к нему никто не пришел

²⁹⁸ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* погулять немного у нее

²⁹⁹ и не побоялся мятели *вписано*

³⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* и х<отел?>

³⁰¹ *Было:* перстами

³⁰² *Далее зачеркнуто:* заме<тно?>>

³⁰³ он *вписано*

³⁰⁴ *Далее зачеркнуто:* далее

³⁰⁵ *Вместо:* произнес он с таким же видом — *было:* произнес с таким же видом

Дьяк

³⁰⁶ *Далее зачеркнуто:* и положив свою руку

³⁰⁷ *Было:* схватил

³⁰⁸ *Было:* в испуге

³⁰⁹ более *вписано*

как говорит писание Луки... глава три³¹⁰, спрячьте меня куда-нибудь». Солоха³¹¹ высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объемистый телом дьяк влез на³¹² самое дно мешка, так что сверх его можно было насыпать еще с полмешка углем³¹³.

«Здравствуй, Солоха!» сказал входя в хату Чуб. «Ты, может, <Л. 53 об./106> не ожидала меня, а? Правда не ожидала?»³¹⁴ может быть, помешал» продолжал Чуб,³¹⁵ показав на лице своем веселую и значительную мину, которая заранее давала знать, что непо<во>ротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь затейливую шутку. «Может бы³¹⁶ вы тут забавлялись с кем-нибудь. Может быть, ты кого-нибудь спрятала уже³¹⁷ а!»³¹⁸ и восхищенный таким³¹⁹ своим замечанием Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. «Ну³²⁰ дай³²¹ выпить водки, я³²² думаю, у меня горло замерзло от³²³ проклятого морозу. Послал же Бог такую ночь перед рождеством. Как схватилась, слышишь Солоха, как схватилась. Эк, окостенели руки, не расстегну³²⁴ кожуха. Как схватила вьюга....»³²⁵

«Отвори»: ³²⁶ раздался под дверьми голос, сопровождаемый Толчком в дверь.

«Стучит кто-то» сказал остановившийся Чуб.

«Отвори...» закричали сильнее прежнего.

«Это Кузнец» закричал, остолбенев, Чуб. «Слышишь, Солоха.³²⁷ Куда хочешь девай меня. Я ни за что на свете³²⁸ не захочу показать-

³¹⁰ ваша Доброта ~ глава три вписано

³¹¹ Далее зачеркнуто: другой

³¹² Было: в

³¹³ Было: угля

³¹⁴ Далее зачеркнуто: помеш<ал

³¹⁵ Далее зачеркнуто: принимая на себя

³¹⁶ Далее зачеркнуто: Вы

³¹⁷ Далее зачеркнуто: тут

³¹⁸ Далее зачеркнуто: и Чуб засмеялся

³¹⁹ Было: такой

³²⁰ Далее зачеркнуто: Солоха

³²¹ Далее зачеркнуто: а. теперь; б. же

³²² Было: а

³²³ Далее зачеркнуто: так <ого?>

³²⁴ Было: не развяжу

³²⁵ Как схватила вьюга.... вписано

³²⁶ Авторский знак

³²⁷ Далее зачеркнуто: Де<вай?>

³²⁸ Вместо ни за что на свете — было: ни за какие деньги

ся этому выродку проклятому, чтоб ему набежало³²⁹ Дьявольскую³³⁰ сыну под обеими глазами по пузырю³³¹ в копну величиною». Солоха, испугавшись сама,³³² металась как угорелая и, позабывшись, дала знак³³³ Чуб<у?> лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже Дьяк. Бедный Дьяк не смел³³⁴ даже изъязвить кашлем и кряхтеньем боли³³⁵, когда сел ему почти³³⁶ на голову тяжелой мужик и поместил свои намерзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошел не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно было, что он <Л. 54/107> весьма не в духе. В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. Это был Козак Свирбыгуз. Этого уже нельзя было спрятать³³⁷ в мешок, потому что и мешка такого³³⁸ нельзя было найти³³⁹ нигде. Он был погрознее³⁴⁰ телом³⁴¹ самого головы и выше³⁴² ростом Чубова кума. И потому Солога³⁴³ повела его в огород, чтобы выслушать от него все то, что он хотел ей объявить.³⁴⁴ Кузнец рассеянно обглядывал углы своей хаты, вслушиваясь в далеко разносившиеся по селу³⁴⁵ песни колядующих. Наконец остановил глаза на мешках. «Зачем тут лежат эти мешки. Их давно бы пора убрать отсюда, через эту глупую любовь я одурел навеки. Завтра Праздник, а в хате до сих пор еще лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу». Тут Кузнец присел к огромным мешкам,³⁴⁶ перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли бог знает где.³⁴⁷ Иначе он бы услышал, как заши-

³²⁹ Было: набежал

³³⁰ Так в рукописи

³³¹ Далее зачеркнуто: величиною

³³² Далее зачеркнуто: а. и будучи; б. встревожившись

³³³ Вместо: дала знак — было: указала рукою

³³⁴ Было: не мог

³³⁵ боли вписано

³³⁶ почти вписано

³³⁷ Так в рукописи

³³⁸ такого вписано

³³⁹ Далее зачеркнуто: для него

³⁴⁰ Так в рукописи, вероятно, описка: погрознее

³⁴¹ Было: ростом

³⁴² Было: повыше

³⁴³ Так в рукописи

³⁴⁴ Далее зачеркнуто: Песни колядующих раздава<лись>

³⁴⁵ по селу вписано

³⁴⁶ Далее зачеркнуто: и

³⁴⁷ Далее зачеркнуто: Потому что

пел Чуб, когда волоса на голове его³⁴⁸ прикрутила завязавшая мешок веревка, и дюжий³⁴⁹ Голова начал было икать довольно явственно. «Неужели не выбьется из ума³⁵⁰ мой³⁵¹ эта негодная Оксана³⁵²» говорил Кузнец. «Не хочу думать о ней, а все думается, как нарощно, о ней одной³⁵³ только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову. Кой чорт! Мешки стали как будто тяжелее прежнего. Тут верно положено еще что-нибудь кроме угля! Дуренья! Я и позабыл, что теперь мне все кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову, а теперь³⁵⁴ мешков с углем не подыму. Скоро буду валиться от ветру. Нет» вскрикнул он, помолчав и ободрившись. «Что я за Баба. Не дам никому смеяться над мной³⁵⁵, <Л. 54 об./109> хоть десять таких мешков, все подыму» и бодро взвалил себе на плечи Мешки³⁵⁶, которых не поднесли бы два дюжих³⁵⁷ человека. «Взять и этот»³⁵⁸ продолжал он, подымая с полу небольшой мешок, на дне которого лежал свернувшись чорт. «Тут, кажется, я положил инструмент свой».³⁵⁹ Сказав это, вышел он, насвистывая песню, из хаты.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни³⁶⁰, хохот и крики.³⁶¹ Толпы толкавшегося на улице народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки³⁶² шалели и бесились в волю. Иногда между колядками слышилась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков.

³⁴⁸ *Вместо:* волоса на голове его — *было:* а. его волоса; б. волоса его

³⁴⁹ *дюжий вписано*

³⁵⁰ *Вместо:* не выбьется из ума — *было:* не вылезет из головы

³⁵¹ *Так в рукописи*

³⁵² *Оксана вписано*

³⁵³ *Вместо:* как нарощно, о ней одной — *было:* о ней и о ней одной

³⁵⁴ *Далее зачеркнуто:* я скоро буду от [ветра] ветру валиться

³⁵⁵ *Было:* собою

³⁵⁶ *Вместо:* взвалил себе на плечи Мешки — *было:* взвалил их себе на плечи (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

³⁵⁷ *Было:* дюжие

³⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* сказал Кузнец

³⁵⁹ *Далее зачеркнуто:* и напевая песню

³⁶⁰ *Было:* колядки

³⁶¹ *Далее зачеркнуто:* Толпы девушек пришли из соседних деревень

³⁶² *Далее зачеркнуто:* гуля<ли?>

Иногда вдруг кто-нибудь из толпы вместо колядки отпускал³⁶³ Щедровку и ревел во все горло:

Щедрок ведрык
Дайте Вареник
Грудочку кажжы
Кильце Ковбаски.³⁶⁴

Хохот награждал затейника. Маленькие³⁶⁵ окна подымались, и сухощавая рука³⁶⁶ старухи (которые одни только вместе с степенными отцами³⁶⁷ оставались в избах) высовыв<алась?>³⁶⁸ из окошка с колбасою в руках или с³⁶⁹ куском пирога³⁷⁰. Парубки и девчата на перерыв подставляли свои мешки и ловили добычу. Казалось, всю ночь на пролет готовы были провеселиться. И ночь как нарочно так роскошно теплилась, и еще белее казалось³⁷¹ свет месяца от блеску снега. Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек³⁷² голос и тоненький смех Оксаны.

<Л. 55/109> Все жилки у него³⁷³ вздрогнули, бросивши на землю мешки так, что находившийся³⁷⁴ на дне дьяк заохал от ушибу и голова икнул во все горло, побрел он³⁷⁵ с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за толпою девушек, между которыми ему послышался голос Оксаны.

«Так! Это она! стоит как³⁷⁶ Говорит и блестит черными очами! ей рассказывает что-то видный Парубок³⁷⁷, верно забавное, потому что она смеется. Но она всегда смеется». Как будто невольно и сам не понимая как, протерся кузнец сквозь толпу и стал около него.—

³⁶³ Было: ревел

³⁶⁴ Далее с абзаца зачеркнуто: Маленькие

³⁶⁵ Было: и ма<ленькие?>

³⁶⁶ Было: руки

³⁶⁷ вместе с степенными отцами вписано

³⁶⁸ Было: высунувшись

³⁶⁹ с вписано

³⁷⁰ Далее зачеркнуто: и кидали их в подставляемый мешок

³⁷¹ Так в рукописи

³⁷² Далее зачеркнуто: Хохот

³⁷³ Было: в нем

³⁷⁴ Далее зачеркнуто: Дь<як?>

³⁷⁵ Вместо побрел он — было: он побрел

³⁷⁶ Фраза не закончена; ср. в ВД1: стоит, как царица

³⁷⁷ Вместо: ей рассказывает что-то видный Парубок — было: к ей напе<рейбой?>

«А, Вакула, ты тут. Здравствуй» сказала красавица³⁷⁸ с то же самой³⁷⁹ которая чуть не сводила с ума Вакулу³⁸⁰. «Ну, много наколядовал» продолжала она. «Э; да какой малинькой мешок. А черевики, которые носит Царица, достал? Достань черевики³⁸¹, выду за тебя замуж». — И засмеявшись, ушла вместе с толпою девушек.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет; не могу, нет сил больше...» сказал он наконец. «Но Боже ты мой³⁸², что за смех! От чего она так прекрасна, Ея взгляд и речи так и жгут... Нет, не в мочь уже³⁸³ пересилить себя. Пора положить конец всему. Пропадай душа, пойду утоплюсь и поминай как звали». Тут решительным шагом пошел он вперед, догнал толпу девчат, поровнялся с Оксаною и сказал твердым голосом: «Прощай, Оксана, ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете». Красавица казалось удивленною, хотела что-то сказать. Но кузнец махнул рукой и убежал.

«Куда, Вакула?» кричали парубки, видя бегущаго Кузнеца. «Прощайте, братцы» кричал в ответ Кузнец. «Даст Бог, увидимся на том свете, а на этом уже не³⁸⁴ гулять нам вместе. Прощайте! не поминайте лихом. Скажите Отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей³⁸⁵ к <Л. 55 об./110> Чудотворце³⁸⁶ и к Божией матери, Грешен, не обмалевал за мирскими делайте³⁸⁷. Все³⁸⁸ добро, какое найдется в моей скрыне, на церковь. — Прощайте!» Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на плечах. «Он повредился». Говорили парубки: «Пропадшая душа»³⁸⁹ пробормотала³⁹⁰ проходящая старуха: «Пойти рассказать как кузнец утонул». —

³⁷⁸ красавица вписано

³⁷⁹ Так в рукописи; ср. в ВД1: сказала красавица с той же самой усмешкой

³⁸⁰ Было: Вакула

³⁸¹ Было: черевiku

³⁸² мой вписано

³⁸³ Вместо: не в мочь уже — было: не в силах

³⁸⁴ Далее зачеркнуто: услы<шите?>

³⁸⁵ Далее зачеркнуто: Церк <овных?>

³⁸⁶ Так в рукописи

³⁸⁷ Так в рукописи

³⁸⁸ Далее зачеркнуто: что ни найдется

³⁸⁹ Далее зачеркнуто: говорили

³⁹⁰ В рукописи: пробормотала

Вакула³⁹¹ между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я в самом деле бегу» подумал он «как³⁹² будто уже все пропало. Попробую еще средство. Пойду к Запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и все сделает, что захочет. Пойду, ведь душе все же придется пропасть»:³⁹³ При этом чорт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости. Но Кузнец подумал, что он, зацепив как-нибудь³⁹⁴ мешок рукою,³⁹⁵ произвел сам³⁹⁶ это движение — ударил по мешку дюжим кулаком и, стрягнувши³⁹⁷ на плечах, отправился к Пузатому Пацюку. —

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то Запорожцем. Но выгнали его, или он сам³⁹⁸ убежал из запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет пятнадцать, а может быть и двадцать³⁹⁹, как он жил в диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец. Ничего не работал; спал три четверти дня; ел за шестерых Косарей и выпивал за одним разом по ведру, впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на то, что был небольшого роста, в ширину был довольно увесист⁴⁰⁰ [Притом] <Л. 56/111> же шаравары, которые носил он, были так широки, что какой бы⁴⁰¹ большой не сделал он шаг, Ног было совершенно незаметно⁴⁰² и казалось, винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод назвать его⁴⁰³ Пузатым. В последнее⁴⁰⁴ время его редко видали⁴⁰⁵ где-ни-

³⁹¹ Было: Кузнец

³⁹² как вписано

³⁹³ Авторский знак

³⁹⁴ как-нибудь вписано

³⁹⁵ Далее зачеркнуто: и

³⁹⁶ сам вписано

³⁹⁷ Так в рукописи

³⁹⁸ Было: у<бежал?>

³⁹⁹ Вместо: пятнадцать, а может быть и двадцать — было: десять или двадцать

⁴⁰⁰ Вместо: было где и поместиться ~ увесист — было: а. это мало; б. это неуд<ивительно?>; в. это ни мало неудивительно, потому что Пацюк был [мало чем] только немного толще Сороковедерной бочки. Притом

⁴⁰¹ бы вписано

⁴⁰² Было: неприметно

⁴⁰³ Вместо подало повод назвать его — было: было причиною, что его прозвали

⁴⁰⁴ Было: В последние

⁴⁰⁵ Далее зачеркнуто: на улице

будь.⁴⁰⁶ Причиною этому была, может быть, лень, а может быть и то, что пролезать сквозь двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели нужду.⁴⁰⁷

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел пацюка, сидящего⁴⁰⁸ на полу по-турецки перед небольшою кадущею, на которой стояла миска с⁴⁰⁹ галушками. Эта миска стояла как нарочно⁴¹⁰ нарочно с его ртом. Не подвигая⁴¹¹ ни одним⁴¹² пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу⁴¹³, схватывая⁴¹⁴ по временам зубами галушки. «Ну, этот» подумал про себя Вакула «еще ленивее Чуба, тот по крайней мере ест ложкою, а этот и руки не хочет поднять». Пацюк видно крепко был занят галушками, потому что казалось совсем не заметил прихода⁴¹⁵ Кузнеца, который,⁴¹⁶ ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

«Я к⁴¹⁷ твоей милости пришел, Пацюк!» сказал Вакула, отвешивая снова поклон.

Толстый Пацюк поднял немного голову, взглянул и снова начал хлебать галушки.

«Ты, говорят, не во гнев будь сказано» сказал собираясь с духом Кузнец. «Я веду об этом речь не для чтобы⁴¹⁸ тебе нанесть какую обиду — приходишься с родни чорту», проговоря эти слова, Вакула испугался, подумал, что выразился все еще напрямик и мало смягчил крепкие слова, и ожидая⁴¹⁹, что Пацюк, схвативши кадущку вместе с мискою, пошлет ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

⁴⁰⁶ В рукописи фразы следовали в обратном порядке (т. е.: В последнее время ~ где-нибудь. Может быть, это ~ Пузатым.); затем в начале обеих фраз Гоголь поставил значки, указывающие на перенос.

⁴⁰⁷ См. переработку этого эпизода в приписке <4>, с. 439 наст. изд.).

⁴⁰⁸ Было: сидевшего

⁴⁰⁹ Далее зачеркнуто: варениками

⁴¹⁰ Вместо как нарочно — было: как раз

⁴¹¹ Было: Не подвинувшись

⁴¹² Было: ни одной

⁴¹³ Было: юшку

⁴¹⁴ Далее зачеркнуто: зубами

⁴¹⁵ прихода вписано

⁴¹⁶ Далее зачеркнуто: едва

⁴¹⁷ Было: у

⁴¹⁸ Так в рукописи; ср. в ВД1: я веду об этом речь не для того, чтобы тебе

⁴¹⁹ Было: ожидал

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки. Ободренный Кузнец решил продолжить. «К тебе <Л. 56 об./112> пришел, Пацюк. Дай Боже всего, добра всякого в довольстве⁴²⁰, Хлеба в⁴²¹ пропорции (Кузнец иногда умел вернуть модное слово, в том он понаторел в бытность еще⁴²² в Полтаве, когда размалевывал Сотнику досчатый забор). Пропадать приходится мне, грешному! Ничто⁴²³ не поможет мне на свете. Что будет, то будет. Пришел просить помощи у самого чорта. Что ж, Пацюк?» произнес Кузнец, видя все то же⁴²⁴ молчание.⁴²⁵ «Как мне быть».

«Когда нужно⁴²⁶ Чорта, то и ступай к чорту» отвечал Пацюк не подымая на него глаз и продолжая хлебать галушки.—

«Для того-то⁴²⁷ я и пришел к тебе» отвечал Кузнец, отвешивая⁴²⁸ поклон. «Кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги».

Пацюк ни слова и выхлебывал остальные галушки.

«Сделай милость, человек добрый. Не откажи» наступал Кузнец. «Свинины ли, Колбас, муки гречневой⁴²⁹. Ну, полотенца, пшена или иного прочего в случае потребности... Как обыкновенно меж⁴³⁰ добрыми людьми водится.... Не поскупимся. Расскажи хоть,⁴³¹ как, примерна сказать, попасть на дорогу к нему».

«Тому не нужно далеко ходить, у кого Чорт за плечами» произнес равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула устал и в него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. Что он говорит? безмол<вно?> спрашивала его мина, а полуотверстый рот готовился проглотить как галушку первое слово. Но Пацюк молчал. Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки не стояло перед ним.⁴³² Но вместо того на полу стояли⁴³³

⁴²⁰ *Вместо:* Дай Боже ~ в довольстве — *было:* Дай Боже тебе всякого довольствия

⁴²¹ *Далее зачеркнуто:* порядочной

⁴²² *Вместо:* в бытность еще — *было:* когда был

⁴²³ *Было:* Никто

⁴²⁴ все то же *вписано*

⁴²⁵ *Далее зачеркнуто:* Пацюк

⁴²⁶ *Было:* нужда

⁴²⁷ *то вписано*

⁴²⁸ *Было:* отвешивать

⁴²⁹ *Далее зачеркнуто:* полотен<ца?>

⁴³⁰ *Было:* межд<у>

⁴³¹ *Далее зачеркнуто:* прим<ерно?>

⁴³² *Далее зачеркнуто:* в деревянной миске вареники

⁴³³ *Было:* лежали

две деревянные миски,⁴³⁴ одна была наполнена варениками, другая сметаной.⁴³⁵ Мысли его и глаза невольно устремились на это кушанья⁴³⁶. «Посмотрим» говорил он сам себе. «Как будет есть Пацюк вареники». Наклоняться он верно не захочет, чтобы хлебать как галушки, да и нельзя. Нужно Вареник сперва обмокнуть в Сметану». Только что это успел подумать он, Пацюк разинул рот, поглядел на Вареники и еще сильнее разинул рот. В это время Вареник выплеснул из миски, <Л. 57/113> шлепнулся⁴³⁷ в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в Рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и Вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал Пацюк труд жевать и проглатывать. «Вишь какое диво!» подумал Кузнец, разинув⁴³⁸ от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и вымазал губы сметаной. Оттолкнувши Вареник и вытерши губы, Кузнец стал размышлять о том, какая чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила,⁴³⁹ замечая притом, что⁴⁴⁰ один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему еще, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чорт. Ведь сего дня голодная кутя; а он ест вареники, вареники скоромные. Что я в самом деле за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!...» и набожный Кузнец опроретью выбежал из хаты. Однако ж⁴⁴¹ Чорт, сидевший в мешке и заранее уже⁴⁴² радовавшийся,⁴⁴³ не мог вытерпеть, чтобы⁴⁴⁴ ушла из рук его такая добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел по обыкновению своему верхом ему⁴⁴⁵ на шею. Кузнец испугался и уже хотел перекреститься,⁴⁴⁶ но чорт, нагнувши⁴⁴⁷ свою собачью морду «Не бойся⁴⁴⁸. Это я, твой друг» шептал ему на правое

⁴³⁴ *Далее зачеркнуто:* в

⁴³⁵ *Далее зачеркнуто:* То

⁴³⁶ *Так в рукописи*

⁴³⁷ *Было:* шлепнул

⁴³⁸ *разинув вписано*

⁴³⁹ *Далее зачеркнуто:* присовокуп <ив>

⁴⁴⁰ *что вписано*

⁴⁴¹ *Было:* Тут

⁴⁴² *уже вписано*

⁴⁴³ *Далее зачеркнуто:* что кузн <ец?>

⁴⁴⁴ *Далее зачеркнуто:* из

⁴⁴⁵ *ему вписано*

⁴⁴⁶ *Далее зачеркнуто:* как

⁴⁴⁷ *Вместо:* нагнувши — *было:* а. нагнувшись, на ухо начал; б. склонившись

⁴⁴⁸ *Вместо:* Не бойся — *было:* шептал

ухо⁴⁴⁹, «все сделаю⁴⁵⁰ для товарища⁴⁵¹ и друга. Денег дам сколько хочешь» пускул⁴⁵² ему в левое ухо. «Оксана будет⁴⁵³ сегодня же наша» шепнул он, заворотивши морду⁴⁵⁴ снова на⁴⁵⁵ правое ухо. Кузнец минуту стоял неподвижно⁴⁵⁶ как бы размышляя. «Изволь» сказал он наконец «за такую цену Готов быть навеки твоим. Только если будешь мешкать, то не прогневайся....» Чорт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. — «Теперь-то попался⁴⁵⁷ кузнец» думал он про себя. «Теперь-то вымещу я на тебе голубчик все твои малеванья⁴⁵⁸, небылицы, возводимые на чертей. Что теперь скажут мои⁴⁵⁹ товарищи, когда узнают, что самой набожнейший из всего села человек в моих руках». Тут Чорт засмеялся от радости, вспомнив, как будет дразнить в аде все хвостатое племя. Как будет беститься хромой чорт, считавшийся между ними первым хитрецом и остряком на выдумки.

<Л. 57 об./114> «Ну, вакула!» продолжал он все так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, что он не убежал.⁴⁶⁰ «Ты знаешь, что без контракту ничего не делают». —

«Я готов» сказал Кузнец «у вас, я слышал, росписываются кровью, постой же, я достану в кармане гвоздь». Тут он заложил назад руку и хватил чорта за хвост.

«Вишь, какой шутник⁴⁶¹» закричал, смеясь, чорт. «Ну полно, довольно уже шалеть».

«Постой, голубчик!» закричал Кузнец. «А вот это невкусно тебе покажется?» При сем слове⁴⁶² сотворил он правую рукою над собою крест, и Чорт притих и сделался так смирен, как ягненок. «Постой же»⁴⁶³ продолжал он, стаскивая его за хвост⁴⁶⁴ на землю. «Будешь

⁴⁴⁹ ухо вписано

⁴⁵⁰ Далее зачеркнуто: направо

⁴⁵¹ Было: те <бя?>

⁴⁵² Так в рукописи

⁴⁵³ Далее зачеркнуто: даве <ча?>

⁴⁵⁴ морду повторено в рукописи дважды

⁴⁵⁵ Было: в

⁴⁵⁶ Было: нед <вижимо?>

⁴⁵⁷ Далее зачеркнуто: ты ко мне

⁴⁵⁸ малеванья вписано

⁴⁵⁹ мои вписано

⁴⁶⁰ Далее зачеркнуто: когда

⁴⁶¹ Было: затейник

⁴⁶² Далее зачеркнуто: кузн <ец>

⁴⁶³ Далее зачеркнуто: говори <л?>

⁴⁶⁴ Место: за хвост — было: с шеи своей

ты у меня знать подучать на грехи добрых людей и честных христи<ан>». Тут Кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

«Помилуй, Вакула!» жалобно простонал чорт. «Скажи все что тебе нужно, все сделаю. Отпусти только душу на покаянье, не клади на меня⁴⁶⁵ страшного креста..»

«А! вот каким голосом запел? собачье отродье! Теперь я знаю, что мне⁴⁶⁶ делать. Вези меня сей же час на себе, слышишь, да несись как птица....» —

«Куда?» произнес горестный чорт.

«В Петембург, прямо к Царице». И кузнец обомлел от страха, почувствовав⁴⁶⁷ себя поднимающимся на воздух. —

Долго стояла Оксана раздумывая о странных речах кузнеца, уже внутри ее что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что если он в самом деле решится на что-нибудь страшное. Чего доброго? может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть ее первую красавицею на селе. Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет. Он шалит, прикидывается. Не пройдет минут десять, как он верно придет поглядеть на меня. Я в самом деле сурова, нужно ему дать как будто нехотя поцеловать себя, то-то он обрадуется! И ветреная красавица уже шутила с своими подругами. «Постойте», закричала <Л. 58/115> одна из них. «Кузнец позабыл⁴⁶⁸ мешки свои. Смотрите, какие страшные мешки. Он не по-нашему наколядовал, думаю⁴⁶⁹, сюда по целой четверти барана кидали, а Колбасам и Хлебам⁴⁷⁰ верно счету нет. Роскошь! Целые праздники можно объедаться».

«Это Кузнецовы мешки?» подхватила Оксана «утащим скорее⁴⁷¹ их хоть ко мне в хату и разглядим хорошенько, что он тут накла⁴⁷²!» Все со смехом одобрили такое предложение.

⁴⁶⁵ на меня *вписано*

⁴⁶⁶ Было: *меня*

⁴⁶⁷ Было: *увидя*

⁴⁶⁸ *Вместо* *позабыл* — *было*: оставил здесь

⁴⁶⁹ Было: *я думаю*

⁴⁷⁰ и *Хлебам* *вписано*

⁴⁷¹ *Вместо*: *утащим скорее* — *было*: *утащим же*

⁴⁷² *Вместо*: *что он тут накла* — *было*: *чего тут накла* Кузнец

«Но мы не поднимем⁴⁷³» закричала вся толпа вдруг, сляясь сдвинуть мешки.

«Постойте» сказала Оксана «побежим скорее за санками и отвезем на санках⁴⁷⁴».

И вся толпа побежала⁴⁷⁵ за санками и через несколько минут возвратилась. Но уже одного мешка не было. «Нечего делать. Возьмем один» говорила Оксана «довольно с нас будет и сего⁴⁷⁶». Оставшийся мешок был тот самой, в котором⁴⁷⁷ сидел Чуб верхом на [дьяке]. Обеем⁴⁷⁸ пленникам сильно прискучило сидеть в мешке несмотря на то, что дьяк проткнул для⁴⁷⁹ себя пальцем в мешке порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, может быть, он нашел бы средство и вылезть. Но вылезть из мешка при всех, показать себя на смех,..⁴⁸⁰ это удерживало его, и он решился ждать слегка только покряхтывая⁴⁸¹ под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя [что под ним лежит что такое на котором]⁴⁸² сидеть было страх неловко. Но как скоро⁴⁸³ услышав решение своей дочери, успокоился и не хотел уже вылезть [рассуж]дая что к⁴⁸⁴ Хате своей⁴⁸⁵ нужно пройти по крайней мере шагов с сотню, а, может быть, и другую.⁴⁸⁶ Вылезши же нужно оправиться, застегнуть кожух, да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше девчата довезут на санках. Но случилось совсем не так, как ожидал Чуб. В то время, когда девчата убежали за санками, Худощавый Кум выходил из шинка расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась более верить ему в долг. Он решился было дожидаться в шинке, авось ли не придет⁴⁸⁷ какой-нибудь набожный дворянин и не попотчивает

⁴⁷³ *Далее зачеркнуто: их*

⁴⁷⁴ *Вместо: на санках — было: за санками*

⁴⁷⁵ *Вместо: и вся толпа побежала — было: и все девушки быстро разбежались*

⁴⁷⁶ *Вместо: и сего — было: и этого*

⁴⁷⁷ *Было: в которой*

⁴⁷⁸ *Так в рукописи*

⁴⁷⁹ *для вписано*

⁴⁸⁰ *Авторский знак*

⁴⁸¹ *Далее зачеркнуто: когда*

⁴⁸² *что под ним ~ которым зачеркнуто, но другим вариантом не заменено (незавершенная правка)*

⁴⁸³ *как скоро вписано*

⁴⁸⁴ *Далее зачеркнуто: дом<у>*

⁴⁸⁵ *Было: его*

⁴⁸⁶ *Далее зачеркнуто: Пусть же лучше довезут девчат<a>*

⁴⁸⁷ *Было: не пройдет*

его. Но как нарочно все дворяне <Л. 58 об./116> оставались дома⁴⁸⁸ и как честные христиане ели кутю посреди своих домашних. Размышляя о развращении нравов, о железном⁴⁸⁹ сердце Жидовки, продающей вино, Кум набрел на мешки и остановился перед ними в изумлении.⁴⁹⁰ «Вишь какие мешки кто-то бросил посереде дороги!» сказал он, осматриваясь по сторонам. «Должно быть, тут и свинина есть. Полезло же кому-то⁴⁹¹ счастье наколядовать столько, всякой всячины. Экие страшные мешки! Положим, что они набиты⁴⁹² Гречаниками⁴⁹³, Коржами и то *добре*. Хотя бы⁴⁹⁴ были тут одни паляницы, и то *в шмак*. Жидовка дает за каждую паляницу осьмку водки. Утащить скорее, чтобы кто не увидел». Тут взвалил он себе на плечи мешок с Чубом и дьяком, но⁴⁹⁵ почувствовал, что слишком⁴⁹⁶ тяжел.⁴⁹⁷ «Нет, одному будет тяжело несть» проговорил он⁴⁹⁸. А вот, как нарочно, идет Ткач Шапуваленко: «Здравствуй, Остап!»

«Здравствуй» сказал остановившись ткач.

«Куда⁴⁹⁹ идешь?»

«А так. Иду, куда ноги идут».

«Помоги, человек добрый, мешки снести. Кто-то колядовал да и кинул посереде дороги». Добром разделимся пополам...»

«Мешки!⁵⁰⁰ а с чем мешки, с книшами или паляницами».

«Всего есть». Тут выдернули [они] наскоро из плетня палки. Положили мешок на двух палках и понесли на плечах.

«Куда ж мы понесем его? в шинок?»⁵⁰¹ спросил дорогою Ткач. —

«Да оно бы и я так думал, чтобы в шинок,⁵⁰² да ведь проклятая жидовка не поверит, подумает еще, что где-нибудь украли. Я только

⁴⁸⁸ *Вместо:* оставались дома — *было:* имели столько благочестия что бы решились остаться дома

⁴⁸⁹ *Было:* жесто <ком?>

⁴⁹⁰ *Далее зачеркнуто:* Посмотревши вокруг и видя, что никого нет

⁴⁹¹ *Было:* кто-то <?>

⁴⁹² *Вместо:* что они набиты — *было:* хоть бы тут они были набиты

⁴⁹³ *Было:* хречаниками

⁴⁹⁴ *Было:* были

⁴⁹⁵ *Далее зачеркнуто:* увидел, что

⁴⁹⁶ *слишком вписано*

⁴⁹⁷ *Далее зачеркнуто:* «Э, да я не донесу

⁴⁹⁸ *Далее зачеркнуто:* и увидел прямо шедшего к нему ткача.

⁴⁹⁹ *Было:* Куды

⁵⁰⁰ *Было:* Мешки?

⁵⁰¹ *в шинок? вписано*

⁵⁰² *Далее зачеркнуто:* сказал

что был в шинке сам. Мы понесем его в мою хату. Нам никто не помешает. Жинки нет дома».

«Да⁵⁰³ точно ли ее нет дома» — спросил осторожн<ый?> ткач. —

«Слава богу! мы⁵⁰⁴ не совсем таки⁵⁰⁵ без ума» отвечал кум. «Чорт разве один только принес бы⁵⁰⁶ домой мешок, когда жена дома. Она протаскается с бабами досветла».

«Кто там» закричала⁵⁰⁷ кумова жена, услыша шум⁵⁰⁸ в сенях, произведенный приходом⁵⁰⁹ двух приятелей с мешком, <Л. 59/117> и отворяя дверь хаты. Кум остолбенел. «Вот тебе на!» произнес ткач опустя руки.

Кумова жена была такого роду сокровище, каких верно немного на свете. Так же как и муж, она никогда почти не сидела⁵¹⁰ дома. Но весь почти день пресмыкалась у кумушек, у зажиточных старух, хвалила и ела с большим Аппетитом и дралась только по утрам с своим мужем, потому что в это только время и видела его иногда. Хата их⁵¹¹ была в десять раз старше шаравар волостного писаря. Крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были только одни остатки, потому что всякой, выходявший из дому, никогда не брал палки для собак в надежде, что будет проходить мимо Кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подалее от своего мужа, а⁵¹² часто самоуправно отнимала у него добычу, если только не успевал ее пропить в шинке. Кум с своей стороны тоже не поддавался и от того почти всегда уходил из дому с фонарем под глазом, а дорога половина, охая, плелась рассказывать Старухам о негодности и бесчинстве своего мужа. —

Теперь можно себе представить, как были озадачены Ткач и Кум таким неожиданным явлением. Опустивши мешок, они заступили его собою и закрыли полами, но уже было поздно. Кумова жена, хотя и дурно видела старыми глазами, однако ж мешок заметила. —

⁵⁰³ Было: Гляди чтобы

⁵⁰⁴ Было: я

⁵⁰⁵ таки *вписано*

⁵⁰⁶ бы *вписано*

⁵⁰⁷ *Далее зачеркнуто*: отворяя дверь хаты

⁵⁰⁸ Было: в

⁵⁰⁹ *Далее зачеркнуто*: наших

⁵¹⁰ *Далее зачеркнуто*: и в

⁵¹¹ Было: ее

⁵¹² *Далее зачеркнуто*: иногда даже делала нападение на кумо<ву?>

«Вот это хорошо» сказала она с таким видом, на котором проби-
валась радость ястреба. «Это хорошо, что наколядовали столько. Вот
так всегда делают добрые люди, только нет, я думаю, где-нибудь под-
цепили. Покажите мне сей час, слышите, покажите сей же час⁵¹³ ме-
шок ваш». —

«Лысой чорт тебе покажет, а не мы» сказал, приосанясь, кум.⁵¹⁴

«Тебе какое дело?» сказал ткач. «Мы наколядовали, а не ты».

«Нет, ты мне покажешь, негодной пьяница» вскричала жена, уда-
рив высокого кума кулаком под подбородок и продираясь к мешкам.
Но Ткач и Кум⁵¹⁵ мужественно отстояли мешок и заставили ее попя-
титься назад. Но не успели они оправиться, как⁵¹⁶ супруга выбежала
в сени⁵¹⁷ уже с кочергой и лопатой в руках. Проворнохватила мужа
лопатою, Ткача кочергой и уже стояла возле мешка.

«Что мы допустили ее?» сказал ткач, очнувшись.

«Э, что допустили! а от чего ты допустил!» сказал хладнокровно
кум.

<Л. 59 об./118> «У вас кочерга, видно, железная!» сказал ткач,
почесывая спину. «Моя жинка купила прошлый год⁵¹⁸ на ярмарке ко-
чергу. Дала пивкопы, та ничего... не больно...»

⁵¹⁹Между тем торжествующая жена⁵²⁰, поставив на пол каганец,
развязала мешок и взглянула в него. Но верно старые глаза ее, кото-
рые так хорошо увидели мешок, на этот раз ее обманули,⁵²¹ на лице ее
блеснула радость. «Э, да тут лежит целой кабан» вскрикнула она.

«Кабан! слышишь>, цело<й>!⁵²² кабан!» Толкал Ткач Кума
разунувши⁵²³ рот. «А все ты виноват!» —

«Что ж делать!» произнес пожимая плечами Кум.

«Как что?⁵²⁴ чего⁵²⁵ мы стоим? отнимем Мешок! Ну, присту-
пай». —

⁵¹³ Далее зачеркнуто: мне

⁵¹⁴ Далее с абзаца зачеркнуто: Тебе как<ое>

⁵¹⁵ Вместо: Но Ткач и Кум — было: Ткач и Кум, однако ж

⁵¹⁶ Далее зачеркнуто: она

⁵¹⁷ Было: из

⁵¹⁸ Вместо: прошлый год — было: недавно

⁵¹⁹ Перед: Между — зачеркнуто: В продолжение э<того?>

⁵²⁰ Было: Супруга

⁵²¹ Далее зачеркнуто: потому что

⁵²² цело<й>! вписано

⁵²³ Так в рукописи

⁵²⁴ Перед: Как что? — зачеркнуто: Отнимем

⁵²⁵ Было: что

«Пошла прочь! Пошла! Это наш кабан!» кричал⁵²⁶, выступая, дьяк!⁵²⁷

«Ступай; Ступай, чортова баба, это не твое добро» говорил приближаясь кум. —

Супруга принялась снова за кочергу и лопату. Но Чуб в это время вылез из мешка и стал посередине сеней, потягиваясь, как человек, только что пробудившийся от долгого сна. —

Кумова жена вскрикнула и всплеснула руками! Все разинули рты... —

«Что ж она, дура, говорит: кабан! Это не кабан!» сказал Кум, выпучив глаза.

«Вишь какого человека что-то вкинуло в мешок!»⁵²⁸ сказал Ткач, пятясь от испугу. — «Да ведь он не пролезет в окошко». —

«Да это⁵²⁹ Кум!» вскрикнул, взглядевшись, кум.

«А ты думал кто?» сказал⁵³⁰ Чуб⁵³¹, усмехаясь. «Что, славную я выкинул над вами штуку». А вы небось⁵³² меня хотели съесть вместо кабана. Пойдите же, я вас порадуя, в мешку лежит еще что-то, то если не кабан, то наверно поросенок. Я сам чувствовал, как подо мною что-то ворочалось». —

Ткач и кум кинулись к мешку. Хозяйка дома уцепилась с противоположной стороны⁵³³, и драка возобновилась бы снова, если бы сам дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться⁵³⁴, не выкарабкался из мешка.

Кумова жина⁵³⁵, остолбенева⁵³⁶, выпустила из рук⁵³⁷ ногу, за которую начала было тянуть из мешка Дьяка. —

Кум свиснул⁵³⁸ от изумления носом. —

<Л. 60/119> «Вот и другой еще» вскрикнул⁵³⁹ со страхом ткач.

⁵²⁶ Было: сказал

⁵²⁷ Так в рукописи, следует читать: ткач

⁵²⁸ Было: в окошко

⁵²⁹ Было: кто

⁵³⁰ Далее зачеркнуто: усмехась

⁵³¹ Было: Кум

⁵³² небось вписано

⁵³³ Вместо: с противоположной стороны — было: и себе

⁵³⁴ увидевши ~ скрыться вписано

⁵³⁵ Так в рукописи

⁵³⁶ остолбенева вписано

⁵³⁷ Было: ногу. Далее зачеркнуто: за ко<тору>?»

⁵³⁸ Было: посвистал

⁵³⁹ Было: произнес

«Чорт знает, как стало на свете... Голова идет кругом...,⁵⁴⁰ людей кидают в мешки вместо колбас⁵⁴¹ и паляниц».

«Это Дьяк!» произнес⁵⁴² изумившийся более всех Чуб. «Вот тебе на! ай да Солоха! Посадить в мешок.... То-то я гляжу, у нее полная хата мешков. Теперь я все знаю, у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она мне только одному... Вот тебе и Солоха!»

«Чудная история» произнес кум, насвистывая носом. —

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка. «Нечего делать, будет с нас и⁵⁴³ этого». ⁵⁴⁴ лепетала Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки. Голова решился молчать,⁵⁴⁵ рассуждая: если он закричит,⁵⁴⁶ чтобы его выпустили и развязали мешок — глупые девчата разбегутся, подумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице⁵⁴⁷, может быть, до завтраго... Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели как вихорь⁵⁴⁸ с санками по пушистому снегу. Множество шая садилось⁵⁴⁹ на санки, другие взбирались даже на самого голову, голова решился сносить все. Наконец приехали. Отворили настежь двери в сенях и хате и с хохотом втащили мешок. «Посмотрим, что-то лежит тут» закричали все, бросившись развязывать. Тут икотка, которая не переставала мучить голову во все время сидения в мешке, так усилилась, что он⁵⁵⁰ начал икать и кашлять во все горло. «Ах! Тут сидит кто-то!» закричали все и в испуге⁵⁵¹ бросились опретью в двери.⁵⁵²

«Что за чорт, куда вы мечетесь, как угорелые?» сказал, входя в дверь, Чуб.

⁵⁴⁰ *Далее зачеркнуто:* вместо кнышей

⁵⁴¹ *Было:* кны <шей>

⁵⁴² *Было:* вскрикнул

⁵⁴³ *Далее зачеркнуто:* одного

⁵⁴⁴ *Авторский знак. Далее зачеркнуто:* говорила

⁵⁴⁵ *Далее зачеркнуто:* и имел на то причину — думает: закричу — глупые девч <ата?>

⁵⁴⁶ *Далее зачеркнуто:* развяжит <е>

⁵⁴⁷ *Вместо:* на улице — *было:* сидеть в мешке

⁵⁴⁸ *как вихорь вписано*

⁵⁴⁹ *Было:* а. село; б. взбиралось

⁵⁵⁰ *Было:* голова

⁵⁵¹ *Было:* у <жасе?>

⁵⁵² *Далее зачеркнуто:* «Что.

«Ах, Батько!» произнесла Оксана: «в мешке сидит кто-то». —

«В мешке? где вы взяли этот мешок?»

«Кузнец бросил его⁵⁵³ по середине дороги», отвечал <и> все вдрут⁵⁵⁴.

«Ну⁵⁵⁵ так не говорил ли я» подумал про себя Чуб;

«Чего ж вы перепугались,⁵⁵⁶ посмотрим. А ну-ка, Чоловиче! прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству. — Вылезай из мешка». —

Голова вылез.

«Ах!» вскрикнули девушки⁵⁵⁷...

«И Голова влез туда ж» говорил про себя Чуб, чуть отступая в изумлен<ии>⁵⁵⁸ и меряя его с головы до ног. «Вишь как!... Э!...» более он ничего не мог сказать.

<Л. 60 об./120> Голова сам был не меньше смущен и не знал, что начать. «Должно быть, на дворе холодно?» сказал он, обращаясь к Чубу. —

«Морозец есть» отвечал Чуб. «А позволь спросить себя,⁵⁵⁹ чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем⁵⁶⁰ или дегтем?..» Он хотел не то сказать, он хотел спросить⁵⁶¹, как⁵⁶² ты, голова, залез в этот мешок. Но сам не понимал, как выговорил совершенно другое.

«Дегтем лучше!» сказал голова⁵⁶³. «Ну прощай, Чуб» и, наглобучив капелюхи, вышел из хаты. —

«Чего я спросил его с дуру, чем он мажит сапоги!..» произнес Чуб, поглядывая на двери, в которые вышел голова. «Ай да Солоха! Эдакого человека засадить в мешок..... Вишь Чортова баба... А⁵⁶⁴ я дурак... да где же⁵⁶⁵ мешок?»

⁵⁵³ *Вместо:* бросил его — *было:* оставил он

⁵⁵⁴ *Вместо:* отвечал <и> все вдрут — *было:* отвечала одна. *Далее с абзаца зачеркнуто:* Чего ж

⁵⁵⁵ *Было:* Не

⁵⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* ну

⁵⁵⁷ *В рукописи:* девушка

⁵⁵⁸ в изумлен<ии> *вписано*

⁵⁵⁹ *Далее зачеркнуто:* а. Как ты залез в этот мешок, хотел сказать [Чуб] он, но сам не зная; б. себя

⁵⁶⁰ *Было:* са<лом?>

⁵⁶¹ *Вместо:* он хотел спросить — *было:* именно: от чего

⁵⁶² *Было:* каким

⁵⁶³ *Далее зачеркнуто:* пр<ощай?>

⁵⁶⁴ *Было:* я

⁵⁶⁵ *Вместо:* да где же — *было:* а подайте

«Я кинула⁵⁶⁶ его в угол, там больше⁵⁶⁷ ничего нет» сказала Оксана.
«Знаю я⁵⁶⁸ эти штуки. Подайте его⁵⁶⁹ сюда. Там еще один сидит! Стряхните его хорошенько! Что? нет! Вишь проклятая баба!. А поглядеть на нее, как будто святая, как⁵⁷⁰ будто и скоромного никогда не брала в рот..»

Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду и обратимся к кузнецу, потому что уже не рано.

Сначала⁵⁷¹ страшно показалось Вакуле, особенно когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть в низу и пролетел, как муха, под самым месяцем, так что если бы не наклонился немного, то, может быть, зацепил бы его шапку. Немного спустя он ободрился и уже начинал подшучивать над чортом, его забавляло до крайности, как чорт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а чорт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее. Все было светло в вышине. Воздух в легком серебряном тумане⁵⁷² был прозрачен, даже можно было заметить, как в стороне скакала⁵⁷³ ведьма верхом на упыре.⁵⁷⁴

<Л. 61/121> Наконец заблестел и Петербург. Чорт вихрем перелетел через шлахтаум и очутился в улице. Тут⁵⁷⁵ чорт решился⁵⁷⁶, чтобы на всякой случай⁵⁷⁷ не бегали за ним мальчишки по улицам, превратиться в коня. Бедный Кузнец испугался, когда въехал⁵⁷⁸ в сере-

⁵⁶⁶ Было: бр<осила?>

⁵⁶⁷ больше вписано

⁵⁶⁸ Вместо: Знаю я — было: Я знаю

⁵⁶⁹ его вписано

⁵⁷⁰ как вписано

⁵⁷¹ Так в рукописи

⁵⁷² Вместо: Воздух в легком серебряном тумане — было: легкий серебряный туман

⁵⁷³ Вместо: в стороне скакала — было: далеко в стороне ехала

⁵⁷⁴ Далее следуют две строки отточия в конце страницы (см. переработку этого эпизода в приписке <5>, с. 439–440 наст. изд.).

⁵⁷⁵ Далее зачеркнуто: а. рассудил он: по городу неприлично; б. рассудя <что> будут бегать за ним мальчишки по всем улицам

⁵⁷⁶ чорт решился вписано

⁵⁷⁷ Случай повторено в рукописи дважды

⁵⁷⁸ Далее зачеркнуто: а. в одну из многолюдных улиц; б. въехал

дину города. Да и [кому] бы не чудно показалось⁵⁷⁹ впервой очнуться⁵⁸⁰ в улице, заставленной четырехэтажными стенами, когда малейший стук, копыт коня отзывается громом и отдается несколько раз. Когда дома растут и будто поднимаются из земли на каждом шагу. Когда чудный город весь гремит и блещет, мосты дрожат, Кареты летают⁵⁸¹ взад и вперед,⁵⁸² форейтора и извошки кричат. Пешеходы теснятся под домами, унизанными площадками, и огромные тени их⁵⁸³ мелькают по стенам, досягая головою труб⁵⁸⁴ крыш. С изумлением оглядываясь Кузнец⁵⁸⁵ на все стороны, ему казалось, что все дома устремили на него свои⁵⁸⁶ бесчисленные огненные очи и глядят. Господ в крытых сукном шубах он увидел так много⁵⁸⁷, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько⁵⁸⁸ панства тут» подумал Кузнец «...я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и за<се>датель, то и заседатель. А те, что катаются в таких чудны<х> бричках с стеклами⁵⁸⁹, те⁵⁹⁰, когда не городничие, то верно комиссары, а может еще и больше». Его слова прерваны были вопросом чорта: «Прямо ли к Царице⁵⁹¹ ехать?» — «Нет страшно» подумал Кузнец. «Тут где-то, я не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью чрез Ярески. Они ехали из сечи с бумагами к Царице, все бы таки посоветоваться с ними. «Эй, Сатана, веди меня к запорожцам!» Конь поскакал из улицы в улицу и остановился перед одним домом. «Что, разве тут живут, вишь какие хоромы! Куда ж ити». «Ступай прямо в двери⁵⁹²» отвечал чорт «в окно я и сам не по-

⁵⁷⁹ *Вместо:* Да и [кому] бы не чудно показалось — *было:* да и кому не чудно покажется

⁵⁸⁰ *Далее зачеркнуто:* пос<реди?>

⁵⁸¹ *Было:* ме<чутся?>

⁵⁸² *Далее зачеркнуто:* Фонари, Плошки, все горит, все в огне

⁵⁸³ *Далее зачеркнуто:* ходят

⁵⁸⁴ труб *вписано*

⁵⁸⁵ *Было:* Ва<кула?>

⁵⁸⁶ свои *вписано*

⁵⁸⁷ *Вместо:* Господ ~ так много — *было:* Столько панов он вдруг увидел в крытых сукном шубах

⁵⁸⁸ *Далее зачеркнуто:* чиновничества

⁵⁸⁹ *Вместо:* с стеклами — *было:* а. похожих больше на дома; б. похожих больше на избы

⁵⁹⁰ *Было:* то

⁵⁹¹ *Было:* до Царицы

⁵⁹² *Вместо:* Ступай прямо в двери — *было:* Так прямо в двери и ступай

лезу», «в которые двери? Постою, куда»⁵⁹³ <Л. 61 об./122> сказал кузнец, видя, что конь его не постоит на месте, и ухватил его за хвост. «Ступай в карман, нечистое животное». Чорт вдруг стал не больше анбарной крысы и влез в карман. «Теперь куда?» «По леснице прямо» прописчал чорт. Кузнец взошел, отворил Дверь и увидел запорожцев, сидевших на шелковых⁵⁹⁴ диванах, поджавши под себя намазанные дегтем сапоги⁵⁹⁵, и куривших⁵⁹⁶ самый крепкий табак, называемый обыкновенно корешками.

«Здравствуйте, Панове! помогай Бог вам!» вот где увиделись» сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли. —

«Что там за человек» спросил сидевший перед самы<м> кузнецом другого, сидевшаго⁵⁹⁷ гораздо подалее. —

«А вы не узнали» вскричал Кузнец. «Это я, Вакула кузнец. Когда проезжали осенью через диканьку, то прогостили, Дай Боже вам всякаго здоровья и долголетия — у меня без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо у Вашей кибитки» —

«А!» сказал тот же запорожец. «Это тот самый кузнец, который малюет важно. Здорово, Земляк, садись?»⁵⁹⁸»

«Спасибо вам, добрые люди, я и постою. Нашему ли брату садиться»⁵⁹⁹ на такое украшение». —

«Садись» сказал повелительно запорожец,⁶⁰⁰ «да и роскажи, за чем тебя Бог принес сюда».

«А так. Захотелось поглядеть, все толкуют Петембург, петембург — дай погляжу, что то за Петембург». —

«Што ж, Земляк» сказал приосанясь запорожец и желая показать, что он⁶⁰¹ умеет говорить и по русски. «Тебе,⁶⁰² вразумительно сказать, чудно показалось. Што, Балшой город?»

⁵⁹³ *Вместо:* Эй, Сатана ~ Постою, куда» — стало (правка верхнего слоя не завершена): Эй, Сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!» и чорт в одну минуту похудел [так] и сделался таким маленьким, что без труда влез к ему в карман. А Вакула не успел [очнуться] оглянуться, как очутился перед большим домом, взойдя сам не зная как на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от

⁵⁹⁴ шелковых вписано

⁵⁹⁵ *Вместо:* намазанные дегтем сапоги — было: а. ноги; б. сапоги (в отвергнутом варианте слово сапоги осталось незначеркнутым)

⁵⁹⁶ *Далее зачеркнуто:* люльки

⁵⁹⁷ *Было:* бывшаго

⁵⁹⁸ *Авторский знак*

⁵⁹⁹ *Вместо:* Нашему ли брату садиться — было: Куда ж нашему брату сесть

⁶⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* Што ж Земляк! Зачем

⁶⁰¹ что он вписано

⁶⁰² *Далее зачеркнуто:* думаю

Кузнец и сам⁶⁰³ не хотел осрамиться, к тому же <Л. 62/123> он, думаю, уже заметили ниже⁶⁰⁴, знал и сам грамотный язык. «Габерния знатная», отвечал он. «Нечего сказать.⁶⁰⁵ Домы балшущие.⁶⁰⁶ Картины висят скрозь знатные.⁶⁰⁷ Многи дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция».⁶⁰⁸

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющагося, вывели о нем заключение, очень для него выгодное.

«Продолжительное ли время» подхватил другой запорожец с⁶⁰⁹ довольным видом «Ты пробудешь, земляк, в городе? Тут, брат, не так, как у нас на хуторах, правда не так? Когда хочешь, мы тебя поведем на новый год: будет Машкаред⁶¹⁰ балшой». А теперь нам не время толковать с тобою. Едем сей час до царицы. Может, уже там в сенях и квартальный стоит за нами». —

«До Царицы! а будьте ласковы, Земляки, возьмите и меня с собою». —

«Тебя!»⁶¹¹ произнес запорожец таким видом, с каким говорит отец трехлетнему своему сыну,⁶¹² просящему, чтобы его посадили <на?> настоящую на большую лошадь. «Что ты будешь там делать? Нет невозможно». При этом на лице его выразилась значительная⁶¹³ усмешка. «Мы, брат⁶¹⁴, будем с царицею толковать о деле». —

«Возмите!» настаивал кузнец. «Проси!» шепнул он тихо чорту, ударив кулаком по карману, не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил: «возмем его в самом деле, Братцы».

«Пожалуй, возмем!» произнесли другие.

«Надевай же платье такое, как⁶¹⁵ и мы». Кузнец схватился⁶¹⁶ на-

⁶⁰³ Было: себя

⁶⁰⁴ Вместо: к тому же он, думаю, уже заметили ниже — было: а. он, как уже вид <ели?>; б. к тому же он, как все, думаю, заметили ниже

⁶⁰⁵ Нечего сказать. *вписано*

⁶⁰⁶ Далее *зачеркнуто*: Едешь по улице, страх забирает, [чтобы] штобы не обломилась на тебя

⁶⁰⁷ Картины висят скрозь знатные. *вписано*

⁶⁰⁸ Далее с абзаца *зачеркнуто*: Такое за <мечание?>

⁶⁰⁹ с повторено в рукописи дважды

⁶¹⁰ Так в рукописи

⁶¹¹ Далее *зачеркнуто*: подх <ватил?>

⁶¹² Далее *зачеркнуто*: а. про <сящему?>; б. напраши <ваоющемуся?>

⁶¹³ значительная *вписано*

⁶¹⁴ Было: братцы

⁶¹⁵ Было: какое

⁶¹⁶ Было: только что успел

тянуть на себя зеленый жупан, как вдруг⁶¹⁷ дверь отворилась, и вошедший с⁶¹⁸ позументами человек сказал, что пора ехать.⁶¹⁹

Чудно снова показалось Кузнецу, когда понесся он в Огромной⁶²⁰ карете, качаясь на рессорах, когда с обеих сторон мимо его⁶²¹ бежали назад⁶²² Четырех этажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям⁶²³.

<Л. 62 об. /124> «Боже ты мой, како светло!» думал про себя кузнец «у нас днем не бывает так светло».

Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени мимо часовых и начали подыматься на блистательно освещенную лесницу. «Что за лестница!» шептал про себя кузнец «жаль ногами топтали⁶²⁴. Экия украшения, вот, говорят, лгут сказки! Кой чорт лгут! Боже ты мой, что за перила! Какая работа! Тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!» —

Уже⁶²⁵ взобравшись на лестницу, запорожцы прошли Первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу подскользнуться на паркете, прошли три Залы, кузнец⁶²⁶ все еще не переставал удивлять, вступивши в четвертую, он невольно подошел⁶²⁷ к висевшей⁶²⁸ на стене картине. Это была пречистая дева с младенцем на руках. «Что за картина! Что за чудная живопись» рассуждал он⁶²⁹. «Вот, кажется, говорит! кажется, живая! А дитя Святое! И ручки прижало. И усмехается бедное! А краски! Боже ты мой! Какие краски! Тут вохры, я думаю, и на копейку, все ярь да бакон⁶³⁰, а голубая

⁶¹⁷ Далее зачеркнуто: воше<л?>

⁶¹⁸ Было: че<ловер?>

⁶¹⁹ Вместо: Кузнец схватился ~ пора ехать. — было: Будешь хоть на час запорожцем. А Славно быть запорожцем? Правда славно?» Далее зачеркнуто: Кузнец не заставил дожидать себя, надел наверх своих широкие Запорожские (слово вписано) шаравары. На верх тулупа надел Красный жупан и был готов, как вдруг отворились двери и вошедшие чиновники доложили, что пора ехать.

⁶²⁰ Было: огромней<шей?>

⁶²¹ Вместо: с обеих сторон мимо его — было: а. с обеих сторон улицы; б. с обеих сторон

⁶²² Далее зачеркнуто: мимо

⁶²³ Вместо: гремя, казалось ~ лошадям — было: казалось, гремя, катилась сама под ноги лошадям

⁶²⁴ Так в рукописи

⁶²⁵ Было: Запоро<жцы>

⁶²⁶ Далее зачеркнуто: еще

⁶²⁷ В рукописи: подошел

⁶²⁸ Было: одн<ой?>

⁶²⁹ Далее зачеркнуто: Чем больше гляжу, то в больший обман прихожу.

⁶³⁰ Так в рукописи

так и горит! Важная⁶³¹ работа! Должно быть, грунт наведен был самым дорогим *блейвасом*. Сколь⁶³² однако ж не удивительно сие⁶³³ малевание, но эта медная⁶³⁴ ручка, продолжал он, подходя к двери и щупая замок, еще большего достойна удивления. Эх.⁶³⁵ Какая чистая выделка! Это все, я думаю, немецкие кузнецы за самые дорогие цены делали». Может быть, долго еще бы⁶³⁶ рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли еще две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. Минуту спустя вошел Генерал Величественного роста,⁶³⁷ в лице его не заметно было⁶³⁸ того раболепства и робости, которые внушились на лицах⁶³⁹ прочих⁶⁴⁰ придворных. Но взглянув на его⁶⁴¹ открытый мужественный и сияющий⁶⁴² благородною Важностью⁶⁴³ <Л. 63/125> вид, всяк чувствовал по неволе какое-то смущение. Особливо когда он устремлял свои большие⁶⁴⁴, исполненные приятности глаза. Привычка повелевать видна была у него во всем. — Запорожцы все отвесили поклон до самой земли. — «Все ли вы здесь?» спросил Генерал.⁶⁴⁵

«Та вси Батьку» отвечали запорожцы, кланяясь снова.

«Не позабудете говорить так, как вас учил?»

«Нет, Батько, не позабудем.» —

«Это царь?» спросил кузнец одного из запорожцев.

«Куда тебе, царь. Это еще только Потемкин» отвечал тот.

В другой комнате послышались голоса⁶⁴⁶, и Кузнец не знал, куда свои глаза⁶⁴⁷ деть от множества вошедших дам и придвор-

⁶³¹ Было: Чудная

⁶³² Было: Жаль

⁶³³ Было: это

⁶³⁴ медная вписано

⁶³⁵ Эх. вписано.

⁶³⁶ Вместо: Может быть, долго еще бы — было: Неизвестно, долго ли бы

⁶³⁷ Далее зачеркнуто: а. Твердой пос <тупью?>; б. Твердым шагом

⁶³⁸ Вместо: не заметно было — было: не было заметно

⁶³⁹ Было: лицам

⁶⁴⁰ прочих вписано

⁶⁴¹ Было: него

⁶⁴² Далее зачеркнуто: Важ <ностью?>

⁶⁴³ Запорожцы прошли еще ~ Важностью в рукописи перечеркнуто диагональной чертой

⁶⁴⁴ Далее зачеркнуто: глаз <a>

⁶⁴⁵ См. переработку этого эпизода в приписке <1>, с. 436, 438 наст. изд.

⁶⁴⁶ Было: голова

⁶⁴⁷ Далее зачеркнуто: уставить

ны<х>⁶⁴⁸ в шитых золотом кафтанах. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все попадали на землю и закричали в один голос «Помилуй, Мамо⁶⁴⁹! помилуй, мамо!» Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усерди<ем>⁶⁵⁰ на земле.

«Встаньте» прозвучал над ними повелительный и вместе⁶⁵⁰ приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев. —

«Не встанем, Мамо! не встанем!⁶⁵¹ умрем на месте, а не встанем!⁶⁵²» кричали Запорожцы.

Потемкин кусал себе губы,⁶⁵³ нако<нец>⁶⁵⁴ подошел сам и повелительно шепнул на ухо одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.⁶⁵⁵

Тут осмелился поднять голову и кузнец и видел стоявшую [перед ним Государыню с тем благосклонным, величественным⁶⁵⁶ и вместе улыбающимся видом, которым она умела так обворожать всех своих потданных]⁶⁵⁷

«Хорошо ли вас содержат⁶⁵⁸» сказала она с участием⁶⁵⁹.

«Та Добре, Мамо. — Головы не велишь снимать с плеч, почему ж не жить как-нибудь».

Потемкин снова поморщился, видя, что запорожцы совершенно,⁶⁶⁰ не то чему⁶⁶¹ учил их..

«Если в чем нуждается или недовольны чем» произнесла⁶⁶² Екатерина «вы смело говорите мне!»⁶⁶³

⁶⁴⁸ придворны<х> вписано

⁶⁴⁹ Далее зачеркнуто: мамо

⁶⁵⁰ Было: необыкновенно

⁶⁵¹ Далее зачеркнуто: мамо

⁶⁵² умрем ~ а не встанем! вписано

⁶⁵³ Далее зачеркнуто: краснел наконец

⁶⁵⁴ нако<нец> вписано

⁶⁵⁵ В рукописи абзац заключен в кавычки

⁶⁵⁶ Далее зачеркнуто: видом

⁶⁵⁷ См. переработку этого эпизода в приписке <2>, с. 438 наст. изд.

⁶⁵⁸ Далее зачеркнуто: не имеете нужды в чем?

⁶⁵⁹ Вместо: она с участием — было: Государыня с обыкновенною своею простою. См. переработку этого эпизода в приписке <7>, с. 440 наст. изд.

⁶⁶⁰ Так в рукописи; ср в ВД1: запорожцы говорят совершенно

⁶⁶¹ Было: что

⁶⁶² Было: говорила

⁶⁶³ См. переработку этого эпизода в приписке <3>, с. 438—439 наст. изд.

«Теперь пора» подумал кузнец и с робости вперивши⁶⁶⁴ очи⁶⁶⁵ на⁶⁶⁶ Государыню вдруг⁶⁶⁷ повалился на землю:

«Ваше Царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать. Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости,⁶⁶⁸ сделаны Черевички, что на ногах⁶⁶⁹ ваших. Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете, не сумеет так сделать. Боже ты мой, что если бы моя жинка, надела такие черевички». —

<Л. 63 об./126> Государыня усмехнулась и остановила с любопытством на нем свой взор. Придворные засмеялись. Потемкин и хмурился и улыбался вместе.⁶⁷⁰ Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошел.

«Встань» сказала ласково⁶⁷¹ Государыня. «Если тебе⁶⁷² хочется иметь такие башмаки, то это⁶⁷³ не трудно сделать». Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие с золотом»⁶⁷⁴. Но я однако ж до сих пор думала» продолжала государыня, обращаясь к старейшим запорожцам, «что у вас на сече⁶⁷⁵ не женятся никогда». —⁶⁷⁶

«Як⁶⁷⁷ же, мамо! Ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить» отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с Кузнецом, и Кузнец⁶⁷⁸ удивился немного, слыша, что запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею как⁶⁷⁹ нарочно самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ!» подумал он сам в себе, «верно недаром он это делает»⁶⁸⁰ .. —

⁶⁶⁴ Вместо: с робости вперивши — было: а. разом повалился на землю; б. с робости устремивши

⁶⁶⁵ Было: глаза

⁶⁶⁶ Далее зачеркнуто: стоявшую перед [ними] ним в ожидании Екатерину

⁶⁶⁷ Было: ра<зом?>

⁶⁶⁸ Далее зачеркнуто: Черевички

⁶⁶⁹ Было: ва<ших?>

⁶⁷⁰ Далее зачеркнуто: Сами

⁶⁷¹ ласково вписано

⁶⁷² Было: твоей жене (в отвергнутом варианте слово твоей осталось зачеркнутым)

⁶⁷³ Было: сие

⁶⁷⁴ Авторский знак

⁶⁷⁵ Было: сечи

⁶⁷⁶ См. переработку этого эпизода в приписке <8>, с. 441 наст. изд.

⁶⁷⁷ Было: Как

⁶⁷⁸ Далее зачеркнуто: изумился немало

⁶⁷⁹ Далее зачеркнуто: будто

⁶⁸⁰ Вместо: недаром он это делает — было: с каким-нибудь умыслом

«Мы не Чернецы» продолжал запорожец — «Люди грешные. Падки так как и все честные люди до скоромного в скоромны ден⁶⁸¹, есть у нас немало таких, которые⁶⁸² имеют жен, только не живут с ними на сече, а держут на стороне. Есть такие, что имеют жон в Польше. Есть такие, что имеют жен в украине. Есть такие, что имеют жен и в турешине. Вот как, мамо, у нас водится.» —

Тут поднесли кузнецу Башмаки. «Боже ты мой, что за украшение!» вскрикнул кузнец, с радостью ухватив башмаки. «Ваше Царское величество, не велите снимать мечом головы. Что ж,⁶⁸³ когда Башмаки такие на⁶⁸⁴ ногах и в них чайтельно ходите и на лед козваться,⁶⁸⁵ Какие ж должны быть самые ножки, думаю, по малой мере из чистого сахару». —

Государыня не могла не улыбнуться, слыша такой чистосердечный⁶⁸⁶ комплемент из уст⁶⁸⁷ [Молодого запо<рожца>], который в новом⁶⁸⁸ своем красном жупане⁶⁸⁹ чистым белым воротником своей рубашки разительно отделялся⁶⁹⁰ от других запорожцев и мог почестся между ними красавцем. —⁶⁹¹

Ободренный таким благосклонным вниманием, Кузнец уже хотел было расспросить Царицу обо всем. Правда ли, что Цари едят только один мед да сало, и тому подобное, но почувствова<в>, <Л. 64/127> что запорожцы толкают его под бока, решил замолчать, и, когда Государыня, обратившись к старикам⁶⁹², начала расспрашивать их, каким образом живут⁶⁹³ у них на сече, чем занимаются, Кузнец, отошедши⁶⁹⁴ назад, нагнулся⁶⁹⁵ к карману, сказал тихо «выноси меня отсюда⁶⁹⁶ скорей» и вдруг очутился за шлахтаумом.

⁶⁸¹ Так в рукописи

⁶⁸² Вместо: есть у нас немало таких, которые — было: много у нас есть таких, которые

⁶⁸³ Далее зачеркнуто: если

⁶⁸⁴ на вписано

⁶⁸⁵ Далее зачеркнуто: что

⁶⁸⁶ чистосердечный вписано

⁶⁸⁷ Далее зачеркнуто: кузнеца

⁶⁸⁸ Было: в запо<рожском?>

⁶⁸⁹ Далее зачеркнуто: а. с; б. отличался от прочих; в. отличался от др<угих?>

⁶⁹⁰ Было: отли<чался?>

⁶⁹¹ См. переработку этого эпизода в приписке <б>, с. 440 наст. изд.

⁶⁹² Вместо: старикам — было: старым запорожцам

⁶⁹³ Далее зачеркнуто: они

⁶⁹⁴ Далее зачеркнуто: в середину

⁶⁹⁵ Было: скл<онился?>

⁶⁹⁶ Так в рукописи

«Утонул, ей Богу утонул! вот: чтобы я не сошла с этого места, если не утонул!» лепетала толстая ткачиха⁶⁹⁷, стоя в Куче Диканьских Баб посереде улицы.

«Что ж, разве я лгунья какая! разве я у кого-нибудь корову укра- ла. Разве я сглазила кого. Что ко мне не имеют веры⁶⁹⁸» кричала ба- ба в козацкой свитке⁶⁹⁹ с фиолетовым носом⁷⁰⁰, размахивая рука- ми.⁷⁰¹ «Чтоб мне воды не захотелось пить, если старая Перипердиха не видела собственными глазами, как повесился Кузнец». —

«Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось пить, старая пьяни- ца» отвечала Ткачиха. «Нужно быть такой как ты сумашедшей, что- бы повеситься.⁷⁰² Он⁷⁰³ утонул. Это я так знаю, как то, что ты была сей час у шинкарки».

«Кузнец утонул, вот тебе на!» сказал Голова,⁷⁰⁴ шедший от Чу- ба,⁷⁰⁵ остановивш<ись?>⁷⁰⁶, протеснился в Толпу и разинул рот, что- бы не проронить ни одного слова.⁷⁰⁷

«Срамница! вишь, чем стала попрекать!» гневно возразила⁷⁰⁸ Ба- ба с фиолетовым носом. «Молчала бы, негодница. Разве я не знаю, что к тебе Дьяк ходит каждый Вечер».

Ткачиха вспыхнула.

«Что Дьяк, к кому Дьяк. Что ты врешь». ⁷⁰⁹

«Дьяк!»⁷¹⁰ пропела, теснясь к спорившим, Дьячиха в тулупе, кры- том синею Китайкою из заячьего меха. «Я дам знать Дьяка. Кто это говорит Дьяк».

⁶⁹⁷ *Вместо:* толстая ткачиха — *было:* лепетала одна старуха

⁶⁹⁸ *Вместо:* Что ко мне не имеют веры — *было:* что мне неймут веры

⁶⁹⁹ в козацкой свитке *вписано*

⁷⁰⁰ носом *вписано*

⁷⁰¹ *Далее зачеркнуто:* — Вот:

⁷⁰² *Далее вписано и зачеркнуто:* Чт<об?>

⁷⁰³ *Далее зачеркнуто:* повесился

⁷⁰⁴ *Далее зачеркнуто:* выхо<дя?>

⁷⁰⁵ *Далее зачеркнуто:* и

⁷⁰⁶ *Вместо:* остановивш<ись?> — *было:* и остановился, стараясь

⁷⁰⁷ Кузнец ~ ни одного слова. *вписано вертикально на левом поле; место вставки установлено на основании ВД1*

⁷⁰⁸ *Вместо:* гневно возразила — *было:* возразила с <гневом?> (слово возрази- ла в рукописи написано дважды)

⁷⁰⁹ *Далее зачеркнуто:* «Вот тебе и Кузнец!» проговорил

⁷¹⁰ *Далее зачеркнуто:* вскрикнула

«А вот к кому ходит Дьяк» сказала Баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

«Так⁷¹¹ это ты, сука» сказала Дьячиха⁷¹², подступая к ткачихе. «Сманиваешь его к себе. Так это, Ведьма, напускаешь ему Туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе».

«Отвяжись от меня, сатана!» говорила⁷¹³ пятясь Ткачиха.

«Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть! Негодная! Тву». Тут Дьячиха плюнула прямо в глаза Ткачихе.

Ткачиха хотела и себе плюнуть в Лицо Дьячихи, но вместо того⁷¹⁴ прямо плюнула в рот Голове, который⁷¹⁵, чтобы лучше слышать, протеснился к самим спорившим.

«А! Скверная Баба!» закричал Голова, вытирая губы и⁷¹⁶ поднявши кнут. Это Движение заставило всех⁷¹⁷ с ругательством разойтись во все стороны. «Экая мерзость!» <Л.64об./128> повторял, продолжая вытирать Губы, Голова. «Так Кузнец утонул. «Боже ты мой. А какой важный живописец был! Какие ножи, крепкие серпы, плуги умел выковывать. Что за сила была! Да» продолжал он, задумавшись. «Таких людей мало у нас на селе.. То-то я еще сидя в проклятом мешке замечал, что он, бедняга, был крепко не в духе. Вот тебе и Кузнец! был а теперь и нет! а я собирался⁷¹⁸ было подковать свою рябую кобылу». И будучи наполнен такими христианскими мыслями, Голова тихо побрел к своей хате.

Оксана смутилась, когда⁷¹⁹ дошли такие вести. Она мало верила Глазам Перипердчихи и толкам Баб. Она знала, что кузнец довольно набожен и не решится погубить свою душу.⁷²⁰ Но что, если Кузнец в самом деле ушел с намереньем никогда не возвращаться в село. А врядь⁷²¹ ли и в другом месте найдется где такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее, он долее всех выносил⁷²² ее капризы.. Красави-

⁷¹¹ Было: Дьяч<иха?>

⁷¹² Было: ткачиха

⁷¹³ Далее зачеркнуто: крестясь и отс<тупая?>

⁷¹⁴ вместо того вписано

⁷¹⁵ Было: бы

⁷¹⁶ Сверху вписано и не зачеркнуто: и принявшись

⁷¹⁷ Было: баб (не зачеркнуто)

⁷¹⁸ Было: думал

⁷¹⁹ Далее зачеркнуто: до нее

⁷²⁰ Она знала ~ душу. вписано

⁷²¹ Так в рукописи

⁷²² выносил повторено в рукописи дважды

ца всю ночь⁷²³ поворачивалась под своим одеяло⁷²⁴ <с>⁷²⁵ правого бока на левой, с левого на правой и не могла заснуть⁷²⁶. То, разметавшись⁷²⁷ в оборожительной нагоде, которую ночной мрак скрывал даже от нея самой, она почти⁷²⁸ в слух досадовала и шопотом⁷²⁹ бранила себя. То, приутихнув, решалась⁷³⁰ ни об чем не думать. И все думала и вся⁷³¹ горела, и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участи жениха⁷³². Его мысли заняты были одним.⁷³³ Он никак не мог позабыть такого вероломства Солохи и ночью <?> не переставал бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до света была полна народа. Пожилыя Женщины в белых намитках, в белых суконных свитках Набожно крестились⁷³⁴ у самого входа церковного. Дворянки в зеленых, желтых кофтах, а иные даже в синих с золотыми назади усами кунтушах стояли впереди их. Дивчата, у которых на голове намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться еще ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли Дворяне и простые мужики⁷³⁵ с усами, с чубами, с толстыми шеями, с⁷³⁶ только что выбритыми подбородками⁷³⁷, большею части <ю> все в кобеняках, из за которых выказывалась белая, серая, <Л. 65/129> а иногда даже и синия⁷³⁸ свитка. На всех лицах, куда ни взгляни, виден был праздник.⁷³⁹ Голова заранее облизывался,⁷⁴⁰ воображая, как он разговееется колбасою. Девчата помышляли об том, как они будут коваться с хлопцами на льду. Старухи усерднее нежели когда-либо

⁷²³ всю ночь вписано

⁷²⁴ под своим одеяло вписано

⁷²⁵ Далее зачеркнуто: одно <го>

⁷²⁶ Было: уснуть. Далее зачеркнуто: а. всю; б. через всю ночь

⁷²⁷ Вместо: разметавшись — было: разметавши свои покровы лежала

⁷²⁸ Далее зачеркнуто: слов <ами?>

⁷²⁹ шопотом вписано

⁷³⁰ Вместо: решалась — было: а. думала заснуть; б. хотела заснуть

⁷³¹ Вместо: И все думала и вся — было: и вся горела и к <утру?>

⁷³² Было: Куз <неца?>. Далее зачеркнуто: Он все еще не мог опомниться

⁷³³ Далее зачеркнуто: вероломство Солохи не выходило из его головы

⁷³⁴ Было: молились

⁷³⁵ Далее зачеркнуто: в коб <еняках?> с уса <ми> (с уса <ми> вписано сверху и не зачеркнуто)

⁷³⁶ Было: и

⁷³⁷ с усами ~ выбритыми подбородками вписано вертикально на левом поле

⁷³⁸ Так в рукописи

⁷³⁹ Далее зачеркнуто: Однако ж многие старые люди

⁷⁴⁰ Далее зачеркнуто: как

шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Сверби-гуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла, как будто не своя. Молилась и не молилась. На сердце у не<е>⁷⁴¹ столпилось столько разных чувств одно другого досаднее, одно другого печальнее, что⁷⁴² лицо ее выражало сильное⁷⁴³ смущение, слезы⁷⁴⁴ дрожали в глазах. Девчата не могли понять этого⁷⁴⁵, и ни одна⁷⁴⁶ из них не подозревала, что бы виною⁷⁴⁷ был кузнец. Однако ж не одна Оксана занята была Кузнецом. Все миряне заметили, что Праздник как будто не праздник, что как будто все чего⁷⁴⁸-то недостает. Как на беду Дьяк после⁷⁴⁹ путешествий в мешке⁷⁵⁰ охрип⁷⁵¹ и дребезжал едва слышным голосом. Правда Приезжий Певчий славно брал басом. Но куда бы лучше было, если бы и Кузнец⁷⁵² был, который бывало всегда⁷⁵³, как⁷⁵⁴ только пели Господи Помилуй или Иже Херувимы, всходил на крылос и выводил⁷⁵⁵ [от]туда⁷⁵⁶ тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же он один исправлял должность Церковнаго титаря. Уже отошла заутреня. После заутрени отошла обедня. Куда ж это в самом деле запропостился кузнец?

Еще быстрее несся чорт с Кузнецом назад.⁷⁵⁷ Вакула мигом, сам не зная как, очутился около своей хаты, в это время пропел⁷⁵⁸ петух. «Куда?» закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чорта. «По-

⁷⁴¹ *Вместо:* На сердце у не<е> — *было:* а. на лице ея; б. Надуш<е>

⁷⁴² *Далее зачеркнуто:* а. все; б. в лице ея видно было

⁷⁴³ *Вместо:* сильное — *было:* а. одно только; б. жарко<е?>

⁷⁴⁴ *Было:* слеза

⁷⁴⁵ *Было:* этому причины

⁷⁴⁶ *Вместо:* и ни одна — *было:* а тем более

⁷⁴⁷ *Далее зачеркнуто:* этому

⁷⁴⁸ *Было:* что

⁷⁴⁹ *Далее зачеркнуто:* ут<ренних?>

⁷⁵⁰ *Далее зачеркнуто:* простудился и

⁷⁵¹ *Далее зачеркнуто:* а. и пел<?>; б. если бы; в. совершенно

⁷⁵² *Далее зачеркнуто:* еще присоединился

⁷⁵³ *Вместо:* который бывало всегда — *было:* Он, который всегда

⁷⁵⁴ как *вписано*

⁷⁵⁵ *Было:* и гремел

⁷⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* сильным голосом

⁷⁵⁷ *Далее зачеркнуто:* нежели

⁷⁵⁸ *Было:* закричал

стой, приятель. Еще не все. Я еще не⁷⁵⁹ поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему четыре удара, и бедный⁷⁶⁰ чорт так ударился бежать, как мужик⁷⁶¹, которого⁷⁶² только что выпарил⁷⁶³ заседатель. После сего⁷⁶⁴ вошел в сени, зарылся в сено и проспал до обеда⁷⁶⁵. «Вот тебе на!» [сказал Вакула⁷⁶⁶] проснувшись и вышел⁷⁶⁷ посмотреть, высоко ли солнце. «Я проспал заутреню и обедню». Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно в наказание за грешное его намерение погубить свою душу наслал ему⁷⁶⁸ <сон?>, который не дал даже побывать⁷⁶⁹ в такой торжественной праздник в Церкви. Но однако ж успокоив себя немного тем, что в следующую неделю непременно исполлудется во всем Попу и, с сегодняшнего же дня, начнет бить пятидесяти⁷⁷⁰ поклонов весь год, пошел в хату. [Никого]⁷⁷¹ не было. <Л. 65 об./130> Солоха⁷⁷² не возвратилась⁷⁷³. Бережно вынял он из Пазухи Башмаки⁷⁷⁴ и⁷⁷⁵ изумился снова дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи. Умыся⁷⁷⁶. Одедся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынял⁷⁷⁷ из сундука новую⁷⁷⁸ Шапку решетиловских смушек с синим верхом, ко-

⁷⁵⁹ Было: позабыл

⁷⁶⁰ бедный *вписано*

⁷⁶¹ *Вместо:* и бедный чорт ~ как мужик — было: а. и чорт, завизжавши, улетел быстрее ружейной пули; б. и чорт припустил бежать (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

⁷⁶² которого *вписано*

⁷⁶³ Было: выпарит

⁷⁶⁴ *Вместо:* После сего — было: а. «вот так теперь не покажешься!» сказал Вакула <а>; б. «вот так теперь не покажешься в другой раз» сказав это, Вакул <а>

⁷⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* «Ах Боже

сказал Вакула *вписано и зачеркнуто*

⁷⁶⁷ Было: вышедши

⁷⁶⁸ *Далее зачеркнуто:* такой сон, что он проспал

⁷⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* а. ему в; б. ему на празд <ник?>

⁷⁷⁰ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год

⁷⁷¹ *Далее зачеркнуто:* Солохи не было

⁷⁷² Было: Солога. *Далее зачеркнуто:* вер <но?>

⁷⁷³ *Далее зачеркнуто:* еще

⁷⁷⁴ *Далее зачеркнуто:* и всплеснул руками от удивления, так они были хороши

⁷⁷⁵ *Далее зачеркнуто:* снова

⁷⁷⁶ Умыся *вписано*

⁷⁷⁷ Было: выняв

⁷⁷⁸ новую *вписано*

торой не надевал еще ни разу⁷⁷⁹ с того времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве, вынял также новый всех цветов пояс, положил все это в платок и отправил прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошел к нему кузнец⁷⁸⁰, и не знал, чему дивиться⁷⁸¹. Тому ли, что Кузнец воскрес, тому ли, что Кузнец смел к нему притти, или тому, что он нарядился таким щоголем и запорожцем. Но изумление у него отняло язык, когда⁷⁸² Вакула развязал платок и положил перед ним новехенькую шапку и Пояс, какого не видно было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом «Помилуй Батько. Не гневись!⁷⁸³ вот тебе и нагайка. Бей, сколько душа пожалеет⁷⁸⁴. Отдаюсь. Сам. Во всем каюсь. Бей да не гневись только.⁷⁸⁵ Ты ж когда-то братался с покойным Батьком. Вместе хлеб соль ели и могорыч пили».

Чуб не без тайного удовольствия видел, как Кузнец⁷⁸⁶, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке медные пятаки и подковы, как гречневые блины⁷⁸⁷, лежал⁷⁸⁸ теперь у ног его и отдался сам в его власть. Чтоб еще больше не уронить себя, Чуб⁷⁸⁹ взял нагайку и⁷⁹⁰ ударил его три раза по спине. «Ну, теперь будет с тебя. Вставай! Старых людей всегда слушай. Забудем все⁷⁹¹, что было меж нами. Ну,⁷⁹² говори чего тебе хочется⁷⁹³».

«Отдай, Батьку, за меня Оксану. Пусть уже буду в самом деле твоим сыном».

Чуб немного подумал. Поглядел на шапку и пояс. Шапка была чудная, пояс также не уступал ее⁷⁹⁴, вспомнил о веро<ло>мной Солохе и сказал решительно. «Добре! Присылай сватов».

⁷⁷⁹ Далее зачеркнуто: от

⁷⁸⁰ когда ~ кузнец вписано

⁷⁸¹ Далее зачеркнуто: весе<...?>

⁷⁸² Далее зачеркнуто: Куз<нец>

⁷⁸³ Не гневись! вписано

⁷⁸⁴ Так в рукописи

⁷⁸⁵ В рукописи: Отдаюсь. сам. совсем каюсь Бей да негневись только.

⁷⁸⁶ Вместо: Кузнец — было: а. сильный кузнец; б. кузнец

⁷⁸⁷ как гречневые блины вписано

⁷⁸⁸ Далее зачеркнуто: утер<?>

⁷⁸⁹ Было: он

⁷⁹⁰ и вписано

⁷⁹¹ Было: же

⁷⁹² Далее зачеркнуто: Теперь

⁷⁹³ Было: нужно

⁷⁹⁴ Так в рукописи

«Ох!» вскрикнула Оксана, переступя через порог и увидев Кузнеца, и вперила на него очи, полныя изумления и радости.⁷⁹⁵

«Погляди, какая я тебе принес⁷⁹⁶ черевики» сказал Вакула «те же самые, какая одна царица носит».

«Нет! Нет⁷⁹⁷. Мне не нужно черевиков^{798!}» говорила она махая руками⁷⁹⁹, не сводя с него очей. «Я и без черевиков....» далее она не договорила и покраснела.

Кузнец⁸⁰⁰ подошел ближе. Взял ее за руку. Красавица и очи опустила. <Л. 66/131> И лицо ея⁸⁰¹

Легкий стыд и изумление, и какое-то странное чувство при виде того, что Кузнец взял ее так смело за руку, и вместе сама она не понимала какое-то⁸⁰² сладкое удовольствия⁸⁰³, совсем не то, что радость, а еще лучше ее, спорили⁸⁰⁴ на лице ея. Нет,⁸⁰⁵ еще никогда такого выражения не видал Кузнец на лице ея. Нет Нет, никогда она не была так чудно хороша. С Жаром поцеловал он ее.⁸⁰⁶ Лице ея пуще загорелось, и она стала еще лучше,⁸⁰⁷ восхищенный Кузнец обсыпал ее поцелуями. «Пусти Пусти вот еще что вздумал» слабо шептала Оксана. Но Кузнец был похож на пьяницу, почавшего бутылку....

Свадьба была как всегда бывают свадьбы, пьяна, разгульна, весела. И того же году Вакула с молодой женою перебрался в новую хату и росписал ее так хорошо, что⁸⁰⁸ сам Архиер <ей>, когда проезжал через диканьку⁸⁰⁹, любовался. Около дверей, около окон красныя [выведены] каймы, на дверях козаки на лошадяхми⁸¹⁰ с трубками в зубах. Башмаки тот час же отдал он на церковь. Если бы Церковь св.*** не сто-

⁷⁹⁵ Далее с абзаца зачеркнуто: «Я при<нес?>

⁷⁹⁶ Было: привез

⁷⁹⁷ Было: мне не

⁷⁹⁸ Было: черевик

⁷⁹⁹ махая руками вписано

⁸⁰⁰ Было: Вакула

⁸⁰¹ Фраза не дописана

⁸⁰² Далее зачеркнуто: чудное

⁸⁰³ Так в рукописи

⁸⁰⁴ Далее зачеркнуто: уже на

⁸⁰⁵ Далее зачеркнуто: нет

⁸⁰⁶ Далее зачеркнуто: и

⁸⁰⁷ Далее зачеркнуто: И Кузнец

⁸⁰⁸ Было: кто

⁸⁰⁹ Вместо: сам Архиер <ей> ~ через диканьку — было: всякой кто ни проходил (в отвергнутом варианте слово всякой осталось незачеркнутым)

⁸¹⁰ Так в рукописи

рела⁸¹¹ назад тому пятьдесят лет, то и теперь бы они там лежали. А что-бы⁸¹² не иметь на душе поганого⁸¹³ греха, то выдержал Церковное Покаяние и выкрасил даром левой Кирилос зеленою краскою⁸¹⁴ с красными листьями, а на стене⁸¹⁵ с боку, как только войдешь в церковь, нама-левал чорта, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо,⁸¹⁶ а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили «Он бач якая кака намалевана». И дитя, удержи-вая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

Когда-нибудь в досужее время я вам расскажу, как у нас на хуто-рах⁸¹⁷

<ПОЗДНЕЙШИЕ ПРИПИСКИ К ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ>

<Л. 66 об./132> <1> {+} в зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах, запорожцы поклонили на все стороны и стали в кучу. Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты⁸¹⁸ величественного роста довольно плотной⁸¹⁹ человек в Гетьманском мундире, в желтых сапожках, волоса на нем были растрепаны. Один глаз немного крив. На лице изображалась какая-то⁸²⁰ надменная величавость, во всех его движениях видна была привычка повелевать. Вся генералы, которые⁸²¹ расхаживали [дов]ольно спесиво в шитых золотом мундирах по залу, засуетились и с низкими поклонами, казало-сь, ловили его слово и даже малейшее движение, чтобы сей же час лететь выполнять его. Но⁸²² Гетьман не обратил даже и внимания⁸²³, едва кивнул головою и подошел к запорожцам.

Запорожцы все отвесили Поклон в ноги.

⁸¹¹ *Далее зачеркнуто: то м<ожет?>*

⁸¹² *Далее зачеркнуто: очи*

⁸¹³ *поганого вписано*

⁸¹⁴ *В рукописи: краском*

⁸¹⁵ *Далее зачеркнуто: как*

⁸¹⁶ *Далее зачеркнуто: а. а; б. Бабы; в. Женщины*

⁸¹⁷ *Фраза не дописана*

⁸¹⁸ *в сопровождении целой свиты вписано*

⁸¹⁹ *довольно плотной вписано*

⁸²⁰ *то вписано*

⁸²¹ *Далее зачеркнуто: были*

⁸²² *В рукописи: Не*

⁸²³ *Так в рукописи*

«Все ли вы здесь?»⁸²⁴ спросил он протяжно и⁸²⁵ произнося слова не много в нос.

<2>

{++} Тут осмелился и Кузнец⁸²⁶ поднять Голову немного в верх и увиделась⁸²⁷ стоявшую⁸²⁸ перед собою небольшого⁸²⁹ росту женщину, несколько⁸³⁰ даже толстую, напудренную, с голубыми глазами и вместе⁸³¹ с тем величественно⁸³² улыбающимся видом, который так умел покорять⁸³³ себе все и мог только принадлежать одной царствующей⁸³⁴ женщине. {3}

<3>

{4}) «Помилуй, Мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневил? Разве держали мы руку⁸³⁵ Поганого Татарина. Разве соглашались в чем-либо⁸³⁶ с Турчином. Разве изменили тебе делом или помышлением. За что же немилость? Прежде⁸³⁷ слышали мы, что приказываешь строить везде крепости; после слышали мы, что хочешь повертеть в Корабинеры. Теперь слышим новые грозы.. Чем виновато запорожское войско. Может быть, тем, что помогли твоим Генералам взять Хотин.⁸³⁸ Перешла ли бы твоя Армия через Перекоп, когда бы не мы перевели⁸³⁹ ее.

⁸²⁴ Далее зачеркнуто: произнес

⁸²⁵ Вместо: протяжно и — было: громким голосом

⁸²⁶ и Кузнец вписано

⁸²⁷ Так в рукописи

⁸²⁸ Далее вписано и зачеркнуто: впереди

⁸²⁹ Было: невысокого

⁸³⁰ Было: немного

⁸³¹ и вместе вписано

⁸³² Далее густой вычерк десяти слов, не поддающихся прочтению

⁸³³ Вместо: так умел покорять — было: покорял

⁸³⁴ Далее зачеркнуто: особе

⁸³⁵ Вместо: Разве держали мы руку — было: а. Разве мы держали; б. Разве держали руку мы; в. Разве держали руку

⁸³⁶ в чем-либо вписано

⁸³⁷ Так в рукописи

⁸³⁸ Вместо: Может быть ~ взять Хотин — было: а. Взяли бы; б. Взяли ли бы твои Генералы Хотин. Далее зачеркнуто: а. когда не показали мы дороги; б. когда бы мы не показали дороги.

⁸³⁹ Вместо: когда бы не мы перевели — было: когда бы не перевели

Потемкин ни слова и начал чистить⁸⁴⁰ платком свои бриллианты, которыми были унижены его руки.

«Чего же вы хотите?» спросила Екатерина с участием.

Запорожцы значительно взглянули⁸⁴¹ друг на друга.

«Теперь пора. Царица спрашивает, чего хотим» сказал сам себе Кузнец.

<4>

<Л. 67/133> {Из Ночи пред Рождеством} Не прошло несколько дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он⁸⁴² знахорь, бывал ли кто болен чем, тотчас отправлялся к Пацюку, а Пацюку⁸⁴³ стоило только пошептать несколько слов и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что⁸⁴⁴ проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк так искусно умел⁸⁴⁵ ударить кулаком в спину, что Кость от[правлялась] куду⁸⁴⁶ ей следует, не причинив ни-како<го> вреда дворянскому горлу.

<5>

{Оттуда же}

Как вихрем пронесся мимо их сидевший в горшке колдун. Как⁸⁴⁷ звезды⁸⁴⁸, собравшись в кучу, играли в жмурки⁸⁴⁹. Как клубился в стороне⁸⁵⁰ облаком целый⁸⁵¹ рой духов. Как плясавший при месяце чорт остановился и снял шапку, увидевши Кузнеца⁸⁵², как пронеслась мимо метла, возвращавшаяся назад сама⁸⁵³, на которой видно⁸⁵⁴

⁸⁴⁰ Было: выгирать

⁸⁴¹ Было: поглядели

⁸⁴² Далее зачеркнуто: величайший

⁸⁴³ Было: Пацюк

⁸⁴⁴ Далее зачеркнуто: Дво<рянин?>

⁸⁴⁵ Вместо: так искусно умел — было: умел так искусно (не зачеркнуто, незавершенная правка)

⁸⁴⁶ Так в рукописи

⁸⁴⁷ Было: когда

⁸⁴⁸ звезды вписано

⁸⁴⁹ Было: жмурку

⁸⁵⁰ Далее зачеркнуто: в

⁸⁵¹ Было: в

⁸⁵² Далее зачеркнуто: на своем брате

⁸⁵³ Вместо: возвращавшаяся назад сама — было: и веретено

⁸⁵⁴ видно вписано

только что съездила куда нужно ведьма, словом, всей дряни перечесть нельзя было⁸⁵⁵, которую видел кузнец. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и снова несло и продолжало свою.⁸⁵⁶ <>⁸⁵⁷ Кузнец все летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне (тогда была⁸⁵⁸ по какому-то случаю Иллюминация). Чорт перелете <в> через Шлахбаум, оборотил Коня и Кузнец увидел себя на коне в улице.⁸⁵⁹ Стук, блеск, по обеим сторонам <ам> громоздятся Четырех Этажные⁸⁶⁰ стены. Звук колеса, Копыт коня отдается с [четырёх] сторон. Дома —⁸⁶¹ растут и будто поднимаются из земли при каждом шаге. Мосты дрожат. Кореты летают, извожники⁸⁶², форейторы кричат. Снех свистит под тысячью летящих со всех сторон саней. Пешеходы жмутся и теснятся под⁸⁶³

<6>

Государыня, которая точно имела самые стройныя и прелестныя ножки,⁸⁶⁴ не могла не улыбнуться, слыша такое замечание из уст Простодушного Кузнеца, который в своем запорожском платье мог почесться красавцем.

<7>

<67 об./134> {3}}«Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор еще не видала» говорила дама с Голубыми глазами рассматривая с любопытством запорожцев. —⁸⁶⁵ «Хорошо ли вас содержат» продолжала она, подходя ближе.

⁸⁵⁵ было вписано

⁸⁵⁶ Так в рукописи

⁸⁵⁷ В рукописи оставлено место для дальнейшего заполнения. Далее зачеркнуто: Вихрем летел

⁸⁵⁸ Было: было

⁸⁵⁹ Далее зачеркнуто: Шум. Гром

⁸⁶⁰ Далее зачеркнуто: дом <ы>

⁸⁶¹ Авторский знак

⁸⁶² Далее зачеркнуто: и

⁸⁶³ Фраза не закончена

⁸⁶⁴ Далее зачеркнуто: слыш <а>

⁸⁶⁵ Авторский знак

⁸⁶⁶«Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам!» произнесла она, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом и пучком назади⁸⁶⁷, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами разительно отличался от залитых золотом мундиров.⁸⁶⁸ «Предмет, достойный остроумного пера вашего».

«Вы, Ваше Императорское Величество, слишком милостивы. Сюда нужно по крайней мере Лафонтена!» отвечал, поклонясь, господин с Перламутровыми пуговицами.

«Скажу вам⁸⁶⁹, я⁸⁷⁰ <до?> сих пор без памяти от вашего бригадира. Вы удивительно как⁸⁷¹ хорошо читаете! Однако ж» продолжала государыня обращаясь снова к запорожцам. «Я слышала⁸⁷², что на сече у вас никогда не женятся».

⁸⁶⁶ *Перед:* «Право — зачеркнуто: а. «Признаюсь, мне очень нравится; б. «Какое Простодушие!» произнесла она, оборотившись к дамам.

⁸⁶⁷ *Вместо:* с полным, но несколько бледным лицом и пучком назади — было: с небольшим пучком

⁸⁶⁸ *Далее зачеркнуто:* а. вот ве<ликолепной?>; б. прекрасной

⁸⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* по совести

⁸⁷⁰ *Далее зачеркнуто:* блиг<адира?>

⁸⁷¹ как вписано

⁸⁷² *Вместо:* Я слышала — было: Мне говорили

<СТРАШНАЯ МЕСТЬ>

<Л. 9> Вы слышали ли¹ Историю про синего колдуна. Это случилось у нас за Днепром. Странное дело! На тринадцатом году слышал я ее² от матери, и — я не умею сказать вам³ — но мне все чудится, что с того времени спало с сердца моего немного веселья. Вы знаете то место, что повыше Киева верст на пятнадцать. Там и сосна уже есть. Днепр и в той стороне так же широк. Эх, река! Море, не река. Шумит и гремит и как будто и знать никого не хочет. Как будто сквозь сон, как будто нехотя шевелит раздольную водяную равнину⁴ и обсыпается рябью,⁵ и весь дрожит и сверкает в искрах⁶, как волчья шерсть среди ночи. Что ж, Господа, когда мы съездим в Киев⁷. Грешу я право перед богом. Нужно бы, давно бы нужно съездить поклониться святым местам⁸. Когда-нибудь уже на старость мы с вами, Фома Григорьевич, туда затворимся⁹ в келью, и вы также, Тарас Иванович! будем молиться и все ходить по святым печерам. Какие прекрасные места там!... ..

¹ ли вписано

² Было: об

³ Вместо: я не умею сказать вам — было: я сам не знаю

⁴ Вместо: шевелит раздольную водяную равнину — было: а. Холодное поле свое; б. водяную равнину; в. шевелит разгильную водяную равнину

⁵ Далее зачеркнуто: а. с зарей ли с Вечерней; б. а [прольется] прогуляется ли по нем в час утра или вечера ветер, как все вмиг задрожит, засуетится. Кажется, будто то народ толпится [толпою] собирается к заутрене или вечерне. [Нужно б] [Грешу] Грешн<ик> великий я пред Богом. Нужно бы, давно нужно; в. и по нем сыплются, топясь, искры, как на волчьей шерсти

⁶ в искрах повторено в рукописи дважды

⁷ Что ж, Господа ~ в Киев вписано

⁸ Вместо: съездить поклониться святым местам — было: съездить к святым местам

⁹ Вместо: мы с вами ~ затворимся — было: совсем пора, я туда затворюсь

Шумит, гремит конец Киева, склонявшийся к Днепру¹⁰. ¹¹Эсаул Горобец празднует свадьбу своего сына¹². Наехало много гостей к Эсаулу в гости, в Старину любили есть, еще лучше любили пить, а еще лучше любили веселиться. Приехал на гнедом коне своем и Запорожец Микитка прямо с разгульной попойки с Пестяри, где поил он семь и семь ночей королевских шляхтичей¹³ красным вином. Приехал и¹⁴ названный Брат Эсаула Данило Бульбашка с другого берега Днепра, где промеж двумя горами¹⁵ был его хутор, с молодою¹⁶ женою Катериною и с годовым сыном. Дивилися гости¹⁷ ее белому круглому личику, черным бровям, нарядной сукне¹⁸, исподнице из голубого полутабене <ку>, сапогам с серебряными подковами¹⁹, но еще больше дивились тому, что не приехал вместе с нею старый отец. Двадцать один год пропадал без вести и воротился из Турещины²⁰ к дочери, когда уже она вышла замуж.²¹ [Он] верно много бы нарасказал дивного²². Да как и не расска <зять>, бывши так долго в чужой земле. Там все не так. И люди не те, и Церквей христовых нет, но он не приехал. — Гостям поднесли Вареную водку с изюмом и сливами, нарезанный кусками на огром <ном> блюде коровай. Музыкантам поднесли исподнюю²³ корку²⁴ с коровай, всю истыканную медными деньгами. [Они <?>] оставил <и> цымбалы, скрипки и бубны, по-

¹⁰ *Вместо:* Шумит, гремит конец Киева, склонявшийся к Днепру — *было:* а. Что за шум несется в конце города; б. [Эв <онко>] [Громко] Глухо шумит конец Киева, приближавшийся к Днепру

¹¹ *Перед:* Эсаул Горобец — *зачеркнуто:* Эсаул Горобец

¹² *Вместо:* свадьбу своего сына — *было:* свою свадьбу

¹³ *Вместо:* где поил он семь и семь ночей королевских шляхтичей — *было:* на которой поил он королевских шляхтичей

¹⁴ *Далее зачеркнуто:* зять Эсаула

¹⁵ *Вместо:* промеж двумя горами — *было:* промеж гор

¹⁶ *молодою вписано*

¹⁷ *Далее зачеркнуто:* тому

¹⁸ *Далее зачеркнуто:* из голубого полутабе <неку>

¹⁹ *В рукописи:* подковаму

²⁰ *Далее зачеркнуто:* тогда

²¹ *Далее зачеркнуто:* а. Жаль, а; б. Эсаул думал, что много теперь наслышится он про турещину

²² *Вместо:* [Он] верно много бы нарасказал дивного — *было:* а. Как в тексте; б. верно много бы нарасказал дивного старый отец

²³ *исподнюю вписано*

²⁴ *В рукописи:* курку

вынимали те деньги и стали есть коровай и славить²⁵ молодых. А Молодицы и Дивчата, утершись шитыми Платками, выступали снова Бочком²⁶ из рядов, а навстречу²⁷ им, гордо и бойко подбоченившись, нетерпеливо дожидаясь²⁸ музыкантов, перевились рушником Парубки и готовы были понестись. Музыканты грянули. Вдруг закричал <о>, испугавшись и протянувши ручки, годовое дитя Бульбашки, игравшее на земле. Подбежала мать. Подбежал [отец]. Дитя кричит и со страхом показывает пальцом в кучу народа, глазевшего со всех сторон на веселившихся. Из-за толпы народа выглядывало отвратительное уродливое лицо, в глазах его, быстрых, мелькавших как огонь из-под бровей, было что <-то?> такое страшное... вздрогнули отец и мать, с ужасом попятились веселившиеся. Урод, что-то слышавши, пропал²⁹ в толпе. «Колдун опять появился³⁰» неслось³¹ со всех сторон. «Не будет, теперь не будет житья» кричали все в один голос. «Что это за колдун?» спрашивала, изумившись, Молодая жена Данила Бальбушки и ничего не могла понять и допроситься³² за криками да за толками. Солнце давно уже зашло. Веселые гости еще³³ стали танцовать, но Бульбашка с молодой женою, отдавши доброю ночь молодым и хозяевам³⁴, пошел³⁵ к берегу, где дожидался его Дуб с двумя верными козаками.

<Л. 9 об.> По всему Божьему ночь тихо светит.³⁶ То месяц пока <за>лся из-за горы³⁷. Обмылся, принарядился он и пошел гулять по небу³⁸, призадум <ался?>, остановившись над широким днепром

²⁵ Было: позд <равлять>

²⁶ Далее зачеркнуто: от

²⁷ Далее зачеркнуто: а. готовы были понестись; б. готовы

²⁸ Вместо: нетерпеливо дожидаясь — было: ожид <ая>

²⁹ Вместо: что-то слышавши, пропал — было: а. улыбнувшись; б. про <пал>

³⁰ Было: показ <ался>

³¹ Было: раздалось

³² и допроситься вписано

³³ еще вписано

³⁴ Далее зачеркнуто: где пара козаков

³⁵ Было: пошли

³⁶ Вместо: По всему Божьему ночь тихо светит. — было: По всему Божью светит

³⁷ Вместо: пока <за>лся из-за горы — было: а. показался посереде неба; б. пока <за>лся из горы

³⁸ Вместо: принарядился он и пошел гулять по небу — было: а. принарядился и смотрит с середины неба; б. принарядился и дошел до середины

и увидевши в нем другой месяц³⁹. Гористый Берег Днепра осветился⁴⁰, и тень ушла еще дальше в чашу сосен. Посреди Днепра плав дуб⁴¹. Сидят впереди⁴² два хлопца; черные⁴³ козацкие шапки на бекрень, и под веслами, как будто от огнива огонь, летят брызги во все стороны. Отчего не поют козаки. Не говорят ни о том, как перекрещивают воль<ный> козацкий народ в католиков⁴⁴. Ни о том, как бились молодецки два народа на пестерновом поле. Как им петь, как говорить про лихие дела. Пан их Данило призадумался, и рукав⁴⁵ кармазинного жупана опустился из дуба и черпает воду⁴⁶. Пани их Катерина тихо⁴⁷ колышет дитя и не сводит очей с него⁴⁸, а на незасланную⁴⁹ полотном нарядную сукню серую⁵⁰ пылью валится вода. Любо глянуть с середины Днепра на высокие берега, на широкие луга, на зеленые леса. Те горы не горы⁵¹, подошвы у них⁵² нет, в низу их, как⁵³ и в верху, острая вершина⁵⁴ и под ними и над ними высокое небо. Те леса не леса, что стоят⁵⁵ на холмах, покажутся⁵⁶ волосами, поросшими на косматой голове Лесного деда, под ними в воде бород<a>⁵⁷, и под бороною и над волосами высокое небо. Те⁵⁸ луга не

³⁹ Далее зачеркнуто: и

⁴⁰ Было: а. то темен; б. осветило; в. побелел

⁴¹ В рукописи: дыб

⁴² впереди вписано

⁴³ Далее начато: с

⁴⁴ Вместо: ни о том, как перекрещивают ~ в католиков — было: а. ни о том, как в Г<лухове>; б. ни о том, <как> берут в Глухове народ козацкий; в. ни о том, как перекрещивают народ козацкий; г. ни о том, как перекрещивают козацкий народ в католиков

⁴⁵ Было: красный рукав

⁴⁶ Вместо: опустился из дуба и черпает воду — было: опустился и черпает воды

⁴⁷ тихо вписано

⁴⁸ Вместо: не сводит очей с него — было: недвижно глядит на него

⁴⁹ Вместо: на незасланную — было: незаслонное <полотно?>

⁵⁰ Было: белою

⁵¹ Вместо: Те горы не горы — было: берега те горы

⁵² Далее зачеркнуто: у них

⁵³ как вписано

⁵⁴ Вместо: острая вершина — было: острые вершины

⁵⁵ Вместо: Те леса не леса, что стоят — было: леса, где стоят

⁵⁶ Было: кажутся

⁵⁷ Было: моется бородами

⁵⁸ Далее зачеркнуто: луга

луга, то зеленый⁵⁹ пояс, перепоясавший⁶⁰ посередине⁶¹ круглое небо, и в одной половине и в другой половине прогуливается месяц. Не глядит пан Данило по сторонам, глядит на молодую жену свою. «Что, моя молодая жена, Моя золота Катерина вдалась в печаль». «Я не в печаль вдалась, пан мой Данило. Но дивлюсь я чудной истории про колдуна⁶², говорят, что он родился таким страшным, как⁶³, и никто из детей сызмалу не хотел играть с ним. Слушай, пан Данило, как страшно говорят: что будто ему все чудилось, что все смеются над ним. Встретится ли под темной вечер с кем-нибудь, ему казалось, у того человека открывается рот и белеют два ряда⁶⁴, и на другой день находили мертвым того человека⁶⁵. Мне чудно, мне странно было, когда я слушала эти рассказы», продолжала Катери<на>, вынимая платок и обтирая им лицо спавшего на руках дитяти. На платке было вышито красным шелком. Пан Данило ни слова и [стал] поглядывать на темную сторону, где из-за леса⁶⁶ чернел земляной вал и из-за вала подымался старый замок, над бровями разом вырезались три морщины, левая рука гладила⁶⁷ молодецкий⁶⁸ ус. Правая ухватилась за рукоять. «Не так еще то, что колдун⁶⁹, страшно» заговорил он⁷⁰, «как то⁷¹ страшно, что это недобрый гость. Что ему за блажь пришла воротиться сюда. Я слышал, что хотят ляхи сделать. Я разметаю чортовское гнездо, пусть только про<не>сется слух, что у него есть притон какой. Я сожгу⁷² старого колдуна, так что и воронам нечего будет расклевать. Однако ж у него, я думаю, водится золото. Вот где он живет, этот Дьявол. Если у него водится золото... Вот мы сей час будем плыть крестов⁷³. Это⁷⁴ кладбище, тут гниют его нечестивые

⁵⁹ *зеленый вписано*

⁶⁰ *Далее зачеркнуто: круглые*

⁶¹ *посередине вписано*

⁶² *Далее зачеркнуто: ро<дившегося>*

⁶³ *как вписано (незавершенная правка). Далее зачеркнуто: теперь*

⁶⁴ *Вместо: ему казалось ~ два ряда — было: а. ему казалось, показывались тот-час два ряда; б. ему казалось, открывается рот и блестят два ряда*

⁶⁵ *Вместо: мертвым того человека — было: убитого того человека*

⁶⁶ *Вместо: из-за леса — было: из леса*

⁶⁷ *Вместо: левая рука гладила — было: правая рука взя<ла>*

⁶⁸ *Было: козацк<ий>*

⁶⁹ *Было: он*

⁷⁰ *Далее зачеркнуто: кладя*

⁷¹ *то вписано*

⁷² *Далее зачеркнуто: с костями*

⁷³ *Так в рукописи; ср. в ВД1: Мы сейчас будем плыть мимо крестов*

⁷⁴ *Было: а. где; б. Это; в. Этот*

прадеды. Покойный дед знал их. Они все готовы продать за денежку себя с душою и ободранными⁷⁵ жупанами сатане. Если ж у него точно есть золото, то мешкать нечего. Теперь не всегда на войне можно добыть». «Знаю⁷⁶, что затеваешь ты. Нет, Данило, Боже тебя сохрани, не связывайся с этим колдуном, ничего не предвещает доброго мне встреча с ним. Но ты так тяжело дышишь, так сурово глядишь. Очи твои так угрюмо задвинулись бровями. Данило...» «Молчи, Баба! с вами кто свяжется, тот сам станет бабою⁷⁷. Хлопец, дай мне огня в люльку» сказал он, оборотившись к одному из гребцов, который тотчас выбил из сво<ей> уже обгоревш<ей> люльк<и> горячую золу на подол⁷⁸ и переложил ее в люльку своего пана. «Пугает меня колдуном!» продолжал пан Данило.⁷⁹ «Козак, слава Богу, ни чертей, ни ксендзов не боится: Много было бы проку, естли бы мы стали слушать наших жен. Не так ли, хлопцы, наша жена, это острая сабля. Да?» Замолчала Катерина⁸⁰ и поглядывала на сонную воду, а ветер дергал воду рябью, и весь<?> Днепр серебрился, как волчья шерсть среди ночи. Дуб повернул вбок и стал объезжать <Л. 10> в реку⁸¹ Берек. На берегу чередой встал [ряд] крестов и могил⁸². Ни Калина⁸³ не растет меж ними, ни трава не зеленее<т>, только месяц греет их с небесной вышины. «Вы слышите ли, хлопцы, крики, кто-то зовет нас на помощь» сказал пан Данило, оборотясь к гребцам своим. «Я слышу, пан Данило, чей-то крик⁸⁴, кажется, с той стороны» разом сказали хлопцы⁸⁵, указывая в сторону, противную кладбищу⁸⁶, но все было уже тихо. Лодка поворо-

⁷⁵ ободранными *вписано*

⁷⁶ *Перед:* Знаю — *зачеркнуто:* Ах

⁷⁷ *Вместо:* тот сам станет бабою — *было:* с вами сам станет бабою

⁷⁸ *Вместо:* выбил из сво<ей> уже обгоревш<ей> люльк<и> горячую золу на подол — *было:* а. выбил свою уже обгоревшу люльку на подол; б. выбил свою уже обгоревшу в золе люльку на подол. *Далее зачеркнуто:* и поднес

⁷⁹ *Далее зачеркнуто:* разве

⁸⁰ *Вместо:* Замолчала Катерина — *было:* Катерина замолчала

⁸¹ *Так в рукописи*

⁸² *Вместо:* На берегу чередой встал [ряд] крестов и могил — *было:* а. ряд крестов чернели на курганах; б. ряд крестов чернели на курганах, и то стало дико; в. ряд крестов чернели на курганах, и все как

⁸³ *Было:* тра<ва>

⁸⁴ *Вместо:* Я слышу, пан Данило, чей-то крик — *было:* Я слышал чей-то крик

⁸⁵ *Вместо:* кажется, с той стороны» разом сказали хлопцы — *было:* сказали хлопцы, кажется, с той стороны (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

⁸⁶ *Вместо:* в сторону, противную кладбищу — *было:* в противную кладбищу; *далее зачеркнуто:* все

ла, вдруг гребцы опустили весла и недвижно устали очи, остановился и Пан⁸⁷, страх и холод врезался в козацкие жилы. Крест на Могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец. Борода до Пояса, на пальцах когти длинные⁸⁸, длиннее самих пальцев. Тихо поднял он руки⁸⁹ вверх. Лицо все задрожало у него <1 нрзб.> и покривилось. Страшную муку, видно, терпел он. «Душно мне, душно» простонал он диким и нечеловечьим голосом, и голос его, как будто ножом, царапал сердце. И Мертвец вдруг ушел под землю. И зашатался другой крест⁹⁰, опять вышел другой мертвец,⁹¹ еще страшнее, еще⁹² выше прежнего, весь зарос, борода по колена⁹³, ногти⁹⁴ еще длиннее. Еще дише⁹⁵ закричал: «душно мне» — и ушел под землю. Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Еще выше, казалось, одни кости только поднялись, борода⁹⁶ по самые пяты, концы ногтей, казалось, вонзились в землю. Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости. Дитя, спавшее на руках у Катерины, вскрикнуло и пробудилось. Сама пани вскрикнула. Гребцы⁹⁷ пороняли шапки в Днепр. Сам пан вздрогнул. Все вдруг⁹⁸ пропало, как будто не бывало. Однако ж⁹⁹ хлопцы долго¹⁰⁰ брались за весла¹⁰¹. Заботливо поглядел¹⁰² Барабаш на молодую¹⁰³ жену, которая в испуге качала на руках кричавшее дитя, прижал ее к сердцу и поцеловал в лоб. «Не пугайся, Катерина, гляди, ничего нет» говорил, указывая по сторонам «это колдун хочет устрашать людей, что-

⁸⁷ *Далее зачеркнуто:* Данило Бал<ьбушка?> и чувствует, что

⁸⁸ *Вместо:* когти длинные — *было:* длинные когти

⁸⁹ *Было:* руку

⁹⁰ *Вместо:* зашатался другой крест — *было:* [к<ак?>] и другой зашатался (*не зачеркнуто, незавершенная правка*)

⁹¹ *Далее зачеркнуто:* а. еще выше; б. выше

⁹² *Было:* чем

⁹³ *Далее зачеркнуто:* а. почти; б. еще длиннее

⁹⁴ *Далее зачеркнуто:* как будто д<линнее>

⁹⁵ *Так в рукописи*

⁹⁶ *Далее зачеркнуто:* длинная

⁹⁷ *Было:* Сами гребцы

⁹⁸ *вдруг вписано*

⁹⁹ *Далее зачеркнуто:* долго

¹⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* не двигались

¹⁰¹ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* однако ж долго хлопцы не брались за весла

¹⁰² *Было:* глядел

¹⁰³ *молодую вписано*

бы никто не добрался до нечистого¹⁰⁴ гнезда его. Баб толь <ко> одних он напугает этим. Дай сюда на руки мне сына». ¹⁰⁵ При сем слове поднял пан Данило своего сына¹⁰⁶ и поднес его к губам своим. «Что, Иван, ты не боишься колдунов? Нет, говори, Тятя, я козак. Полно же плакать, перестань, мой ненаглядный цветочек¹⁰⁷. Та, та, та, та, та, та! Домой приедем, приедем домой, мать накормит кашею, положит тебя спать в люльку. Запоет:

Люли, сын мой, люли¹⁰⁸

«Слушай, Катерина, мне кажется, что отец твой не хочет жить в ладу с нами. Приехал угрюмый, суровый, как будто сердится, что ли? Ну, недоволен, зачем и при<езжать?>. Оставался бы там, где¹⁰⁹ прошатался двадцать лет. Не хотел выпить за козацкую волю, не почал¹¹⁰ на руках дитяти. Хотел было я ему поверить все, что лежит на сердце, да не берет что-то, и речь заикнулась. Нет, у него не козацкое сердце. Козацкие сердца, когда зажигаются¹¹¹, как не выбьются из груди друг другу навстречу. Что, мои Любые Хлопцы, Берег скоро? Ну, шапки я вам дам новую¹¹². Тебе, Стецько, дам¹¹³ выложенную Бархатом с золотом. Я ее снял вместе с головою у одного Татарина.¹¹⁴ Весь его снаряд взял, душу только одну его я выпустил на волю. А что, хлопцы, берег. Ну, причаливай легонько, вот, Иван, мы и приехали, а ты плакал, бери его, Катерина¹¹⁵». Из-за горы показалась соломенная кровля, то Дедовские хоромы пана Данило, за ними еще гора, а там уже и поле, а там и хоть сто верст пройди, уже не сыщешь ни одного козака¹¹⁶.

¹⁰⁴ Было: чортовского

¹⁰⁵ Далее зачеркнуто: и поцеловав

¹⁰⁶ Было: вверх, что <бы?>

¹⁰⁷ Было: сын

¹⁰⁸ В рукописи слова песни помещены в конце главы второй.

¹⁰⁹ где вписано

¹¹⁰ Так в рукописи; ср. в ВД: не покачал на руках дитяти!

¹¹¹ Было: встретятся (не зачеркнуто, незавершенная правка)

¹¹² Так в рукописи

¹¹³ Далее зачеркнуто: татарскую

¹¹⁴ Вместо: Я ее снял вместе с головою у одного Татарина. — было: а. Я ее снял с Татарина; б. Я ее снял с одного Татарина

¹¹⁵ Вместо: бери его, Катерина — было: вот и приехали

¹¹⁶ Вместо: а там и хоть сто верст ~ козака — было: а. а там и ни одного козака уже не сыщешь; б. а там и уже не сыщешь ни одного козака

Хутор пана Данила между двумя горами¹¹⁸ в узкой долине, сбегающей¹¹⁹ к Днепру. Невысокие хоромы у Пана Данила: Хата на вид, как простых козаков¹²⁰. И в ней одна светлица, но есть где поместиться там и ему, и жене его, и старой прислужнице¹²¹, и 10 отборным молодцам, в крут стен вверху идут дубовые полки, густо на них стоят¹²² миски, горшки для трапезы, есть между ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные в золото, дарственные и добытые на войне, ниже висят дорогие¹²³ Мушкеты, сабли, Пищали, копыя¹²⁴, волею и неволею перешли они от Татар, Турков и Ляхов. Немало зато и вызубрены они. Глядя на них, Пан Данило, как будто по значкам, припоминал свои схватки. Под стеною, внизу, дубовые, гладко вытесанные¹²⁵ лавки, возле них¹²⁶ перед лежанкою висит на веревках, протянутых к кольцу, привинченному к потолку, люлька, во всей светлице пол гладко убитый и смазанный глиною. На лавках всег<да>¹²⁷ спит с женою пан Данило, в люльке тешится и убаюкивается малое дитя, на полу покотом ночуют молодцы.¹²⁸ Но козаку лучше спать на гладкой земле при вольном небе. Ему не пуховик и не перина нужна, он мостит в голову себе свежее сено и вольно<?> протягивается на траве¹²⁹. Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засеянное звездами небо и вздрогнуть от приятного ночного холодка, принесшего козацким косточкам¹³⁰. Потягиваясь и бормоча сквозь сон¹³¹, закуривает он лульку и закутывается крепче в суконный жупан¹³².

¹¹⁷ Так в рукописи. Строкой ниже начато и зачеркнуто: Межд<у>

¹¹⁸ Вместо: Хутор пана Данила между двумя горами — было: а. Между двумя горами; б. Межд<у>

¹¹⁹ Было: а. сходящей; б. скатывающейся

¹²⁰ Вместо: Хата на вид, как простых козаков — было: Хата такая же, как и других козаков, но разд<елена>

¹²¹ В рукописи: прислужнице

¹²² Вместо: густо на них стоят — было: [на] густо стоят

¹²³ дорогие вписано

¹²⁴ Далее зачеркнуто: и взглянувши на них

¹²⁵ гладко вытесанные вписано

¹²⁶ Далее зачеркнуто: лежанка

¹²⁷ всег<да> вписано

¹²⁸ Далее зачеркнуто: а. но теперь не зима; б. но коза<ку>

¹²⁹ на траве вписано

¹³⁰ Так в рукописи; ср. в ВД1: принесшего свежесть козацким косточкам

¹³¹ Вместо: Потягиваясь и бормоча сквозь сон — было: а. Приподнявшись; б. Проворчав сквозь сон

¹³² Далее зачеркнуто: старый

Не рано проснулся Бурульбаш¹³³ после вчерашнего веселья. И, проснувшись, сел в углу на лавке и начал наточивать новую выменянную им турецкую саблю. А Пани Катерина принялась вышивать¹³⁴ золотом шелковый рушник — вдруг вошел Катеринин отец рассержен, как будто только что бился с кем-нибудь. Приступил к дочке и <Л. 10 об.> сурово стал выпрашивать ее, что за причина, что¹³⁵ она так поздно воротилась домой.¹³⁶

«Про эти дела, тещь, не ее, а меня спрашивать, не жена, а муж отвечает, у нас уже так водится, не погневай» говорил, не оставляя своего¹³⁷. «Может, в иных неверных¹³⁸ землях этого не бывает, я не знаю».

Старый отец нахмурился и что <-то?> дикое выпрыгнуло у него из-под бровей. «Так я тебя спрашиваю» сказал, прикусывая усы «зачем ты отлучался вчера весь день из дому и так поздно приехал?»

«А вот это Дело, дорогой¹³⁹ тещь.¹⁴⁰ На это я тебе скажу, что я давно уже вышел из тех¹⁴¹, которых Бабы носят¹⁴². Знаю даже, как сидеть на ко<не>¹⁴³, умею держать в руках и саблю острую, еще кое-что не умею¹⁴⁴. Умею никому и ответа не отдавать, что делаю».

«Я вижу, Данило, что желаешь ссоры между нами. Разве я не в праве подумать, что ходил куда-нибудь на худое дело, когда не хочешь сказать».

«Думай, думай себе ты¹⁴⁵, что хочешь» сказал пан¹⁴⁶ Данило «думаю и я себе, слава богу, ни одном¹⁴⁷ еще бесчестном деле не был, все-

¹³³ Так в рукописи

¹³⁴ Далее зачеркнуто: шелком

¹³⁵ Вместо: что за причина, что — было: а. где; б. от чего

¹³⁶ Далее с абзаца зачеркнуто: а. Твое; б. Поднялось солнце на высокое небо и стало жечь траву и греть полевые цветы. Встал отец и стал [бранить] корить свою дочь: отчего ты, дочь моя [не рано] позд<н>о пришла домой вчера, — а Каракаш (так в рукописи) сидел в углу и натачивал турецкую острую саблю. —

¹³⁷ Так в рукописи; ср. в ВД1: говорил Данило, не оставляя своего дела.

¹³⁸ Было: бусурм<анских>

¹³⁹ дорогой вписано

¹⁴⁰ Далее зачеркнуто: теб<е>

¹⁴¹ из тех вписано

¹⁴² Далее зачеркнуто: на руках

¹⁴³ Вместо: Знаю даже, как сидеть на ко<не> — было: а. умею, слава Богу, держать в рука<х>; б. умею, слава Богу, сидеть на ко<не>; в. Знаю в пох<одах?>

¹⁴⁴ Так в рукописи; ср. в ВД1: Еще кое-что умею...

¹⁴⁵ ты вписано

¹⁴⁶ пан вписано

¹⁴⁷ Так в рукописи; ср. в ВД1: ни в одном

гда стоял за веру православную и отчизну, не так по крайней мере иные бродяги таскаются бог знает, когда¹⁴⁸ верные бьются на смерть, [а после] нагрянут убирать не ими посеянное жито и даже на униатов похожи, не заглянут¹⁴⁹ в божию церковь. Таких бы нужно допроситься порядком, где они таскаются».

«Э, козак! Знаешь ли ты, я плохо¹⁵⁰ стреляю: только всего за сто сажень пуля моя пронизывает сердце. Я и рублюсь незavidно, от человека остаются кусочки немногим мельче¹⁵¹ круп, из которых варят кашу».

«Я готов» сказал пан Данило, бойко перекрестивши воздух саблею. Как то знал¹⁵², на <?> что выточить.

«Данило!» закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснув на ней «вспомни, безумной, погляди, на кого ты подымаешь руку. Батько, твои волосы белы, как снег, а ты разгорелся¹⁵³, как неразумный хлопец».

«Жена» крикнул грозно пан Данило. «Ты знаешь, я не люблю этого, ведай¹⁵⁴ свое бабское дело». Сабли страшно¹⁵⁵ звукнули. Железо рубило железо, и как будто пылью обсыпали се <бя?> козаки искрами¹⁵⁶. С плачем ушла¹⁵⁷ Катерина в свою Катерина¹⁵⁸ в светлицу и кинулась на перину, покрыла себя подушкой, чтобы не слышать страшных сабельных¹⁵⁹ ударов. Только напрасно, слишком лихо бились бились¹⁶⁰ козаки, чтобы можно было заглушить их сабельные удары.¹⁶¹ При каждом звуке¹⁶² сердце козацкое хотело разорваться на части¹⁶³, по всему ее белому¹⁶⁴ телу проходило: Тук, Тук. «Нет, не

¹⁴⁸ Было: п<ока?>

¹⁴⁹ Было: не в<ойдут?>

¹⁵⁰ Было: не метко

¹⁵¹ Место: немногим мельче — было: а. не б<ольше>; б. мельче

¹⁵² Так в рукописи

¹⁵³ Было: горячи <шься>

¹⁵⁴ Было: знай

¹⁵⁵ страшно вписано

¹⁵⁶ Место: и как будто ~ искрами — было: а. и вокруг посыпались; б. будто пылью обсыпались сражавшиеся искрами; в. и как будто пылью себя обсыпали искрами

¹⁵⁷ Место: С плачем ушла — было: Убежала с плачем

¹⁵⁸ Так в рукописи

¹⁵⁹ сабельных вписано

¹⁶⁰ Так в рукописи

¹⁶¹ Только напрасно ~ сабельные удары. вписано

¹⁶² Было: звуку

¹⁶³ Далее зачеркнуто: а. как будто; б. казалось ей, [коз<аки?>] будто

¹⁶⁴ белому вписано

вытерплю, не вытерплю¹⁶⁵. Может, уже алая кровь бьет¹⁶⁶ ключами из белого тела. Может, теперь изнемогает мой милый, а я лежу тут». И вся бледная, едва переводя дух, вышла пани Катерина¹⁶⁷. Ровно и страшно бились, ни тот, ни другой не одолевает, вот наступает Катеринин отец, подается Пан Данило, вот наступает Пан Данило, подается суровый отец, и опять наравне. Кипит от гнева тот и другой. Вот разогн<улись?>¹⁶⁸ с разгону, ух, как страшно, и обе разломались пополам. Стеная, отлетели в сторону клинья. «Благодарю тебя, Боже!» — сказала¹⁶⁹ Катерина и вскрикнула снова. Козаки взялись за мушкеты. Поправили кремни, взвели курки, выстрелил Пан Данило, не попал. Прицелил отец, он стар; однако ж не дрожит его рука. Выстрел загремел. Пошатнулся пан Данило. Алая кровь выкрасила левой рукав козацкого жупана. «Нет!» закричал Данило отцу¹⁷⁰. «Я не продам так дешево себя.¹⁷¹ Не левая рука, а правая Атаман. Висит¹⁷² у меня на стене Турецкий пистолет, еще ни разу во всю жизнь не изменял он мне. Слезай с стены, старый товарищ. Покажи услугу¹⁷³ другу» и поднял руку Данило¹⁷⁴ достать пистолет<т>. «Данило» закричала в отчаянии, схвативши его руки¹⁷⁵ и кинувшись ему в ноги, Катерина. «Не для себя молю, мне один¹⁷⁶ конец,¹⁷⁷ та недостойная жена, которая живет после своего мужа¹⁷⁸. Днепр, холодная [водица] днепровская мне будет могила, но погляди на сына, погляди сына, Данило, Данило, погляди на сына. Кто пригреет бедного¹⁷⁹, кто приголубит¹⁸⁰ его? Кто выучит его летать на вороном¹⁸¹ коне, биться за волю, за волю¹⁸² пить и гулять по-козацки. Пропадай, сын, пропадай,

¹⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* вскрикнула она и схватила

¹⁶⁶ *Было:* льет

¹⁶⁷ пани Катерина *вписано*

¹⁶⁸ *Было:* разогнал<ись>

¹⁶⁹ *Было:* закричала

¹⁷⁰ отцу *вписано*

¹⁷¹ *Далее зачеркнуто:* Вот у меня

¹⁷² *Было:* Вот висит

¹⁷³ *Было:* д<ругу?>

¹⁷⁴ *Вместо:* и поднял руку Данило — *было:* а. Данило; б. и ухватил руку Данило

¹⁷⁵ *Вместо:* схвативши его руки — *было:* кинувшись

¹⁷⁶ *Вместо:* мне один — *было:* глянь на своего сы<на>

¹⁷⁷ *Далее зачеркнуто:* я не буду

¹⁷⁸ мужа *вписано*

¹⁷⁹ бедного *вписано*

¹⁸⁰ *Далее зачеркнуто:* бедное дитя

¹⁸¹ вороном *вписано*

¹⁸² *Далее зачеркнуто:* у него не будет ее

тебя не хочет знать отец твой¹⁸³. Данило, зачем ты отворачиваешь лицо свое. Я теперь знаю тебя, ты зверь, не человек, у тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины¹⁸⁴. О! Я думала, что у тебя капля жалости есть, что в твоём камен <ном?> теле человечьи чувства горят. Безумно же ошиблась¹⁸⁵. Тебе это радость принесет, твои кости станут¹⁸⁶ танцовать в гробе¹⁸⁷ с веселья, когда услышат, как нечестивые звери ляхи¹⁸⁸ кинут в пламя твоего сына, когда сын твой будет кричать под ножами и окропом.¹⁸⁹ Я знаю, ты рад¹⁹⁰ с гроба встать и раздуть шапками огонь, взвихрившийся¹⁹¹ под ним».

«Постой, Катерина. Ступай, мой ненаглядный Иван. Я поцелую тебя. Нет, дитя мое. Никто не тронет волоска твоего. Ты вырастешь на славу отчизны. Как вихорь¹⁹², будешь ты летать перед козаками, с бархатной шапочкой на голове, с острою саблею в руке. Дай, Отец, руку!¹⁹³ <Л. 11> Забудем прошлое между¹⁹⁴ Что сделал неправого перед тобой, виноват.¹⁹⁵ Прошу прощенья¹⁹⁶. Что же ты не даешь руки, так, как у нас это делают козаки, они бранятся — а когда мирятся, мирятся, все пляшет на радость¹⁹⁷» говорил он отцу, который¹⁹⁸ стоял на одном месте, не выражая на лице своем ни гнева, ни примиренья. «Отец» говорила¹⁹⁹ Катерина, обняв и поцеловав его²⁰⁰. «Не будь неумолим, прости Данила, он²⁰¹ не огорчит больше тебя..» «Для тебя только, моя дочь, прощая²⁰²» отвечал, поцеловав ее и блеснув

¹⁸³ пить и гулять по-козацки ~ отец твой *вписано*

¹⁸⁴ *Вместо:* дума лукавой гадины — *было:* дума лукавая

¹⁸⁵ *Вместо:* Безумно же ошиблась — *было:* Безумно я обманулась>

¹⁸⁶ *Было:* б <удут?>

¹⁸⁷ в гробе *вписано*

¹⁸⁸ *Далее зачеркнуто:* жечь в пламени Дитя твое

¹⁸⁹ *Далее начато:* Они

¹⁹⁰ *Над словами:* ты рад — *вписано и зачеркнуто:* даже бы

¹⁹¹ *Было:* разв <еденный?>

¹⁹² *Далее зачеркнуто:* перед

¹⁹³ *Далее зачеркнуто:* что бы

¹⁹⁴ *Фраза не закончена; ср. в ВД1:* Забудем бывшее между нами.

¹⁹⁵ *Далее зачеркнуто:* что было между нами, пусть позабудется

¹⁹⁶ *Далее зачеркнуто:* виноват, погорячился!

¹⁹⁷ так, как у нас это делают козаки ~ на радость *вписано*

¹⁹⁸ *Далее зачеркнуто:* сурово

¹⁹⁹ *Было:* вскричала

²⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* он в

²⁰¹ *Далее зачеркнуто:* будет всегда

²⁰² *Так в рукописи*

чудно²⁰³ очами. Катерина вздрогнула²⁰⁴, чуден показался ей и поцелуй, и непонятный огонь очей²⁰⁵, и все как-то задумалась она, облокотясь на стол, на котором перевязывал свою раненую²⁰⁶ руку Пан Данило, передумывая, что худо²⁰⁷ и не по-козацки сделал, просивши прощения, не будучи сам ни в чем виновен.

IV

Блеснул день, но не солнечный, небо хмурилось и²⁰⁸ тонкий дождь сеялся на луга, на леса, на широкий Днепр. Проснулась²⁰⁹ пани Катерина, но не радостна, очи²¹⁰ заплаканы, и вся она смутна и неспокойна. «Муж мой милый, мой дорогой, чудной мне сон снился».

«Какой сон, моя²¹¹ любая пани Катерина?»

«Снилось мне — чудно, право, кажется, как будто виделось наяву и еще больше, чем виделось. Снилось мне, что будто отец мой тот самый урод, которого мы видели²¹² на свадьбе у Есаула... Но прошу тебя, не верь сну. Каких глупостей не приснится человеку, когда он спит²¹³. Будто я стояла перед ним, дрожала вся, боялась²¹⁴, от каждого слова его стонали мои жилы. Если бы ты услышал, что он говорил такое²¹⁵...»

«Что же он говорил, моя²¹⁶ золотая Катерина?»

«Говорил: ты посмотри на меня, Катерина. Я хорош, люди напрасно говорят, что я дурен. Я буду тебе славным мужем. Посмотри, как я поглядываю очами. Тут навел он на меня огненные очи... я вскрикнула и проснулась».

«Чуден сон твой, пани Катерина, еще чуднее будет верить ему. Однако ж знаешь ли ты, что за горою не так спокойно. Чуть ли не ля-

²⁰³ чудно вписано

²⁰⁴ Вместо: Катерина вздрогнула — было: Затрепетала Катерина

²⁰⁵ Вместо: непонятный огонь очей — было: блеск очей

²⁰⁶ раненую вписано

²⁰⁷ В рукописи: худу

²⁰⁸ и вписано

²⁰⁹ Было: Встала

²¹⁰ Было: гл<аза>

²¹¹ Далее зачеркнуто: дорогая

²¹² которого мы видели повторено в рукописи дважды

²¹³ Вместо: не приснится человеку, когда он спит — было: не видится во сне

²¹⁴ Далее зачеркнуто: и заговорил он о

²¹⁵ Вместо: Если бы ты услышал, что он говорил такое — было: А что он говорил такое

²¹⁶ Далее зачеркнуто: дорогая

хи стали выглядывать. Мне Горобец прислал сказать, чтобы я не спал. Напрасно только он заботится. Я и без его не сплю. Хлопцы мои в эту [ночь посрубили] двенадцать засеков.²¹⁷ Посполитство будет свистать от свинцовы<х> слив, а Шляхтичи потанцуют и от Батог<ов>».²¹⁸

«А отец не знает об этом».

«Сидит у меня на шее твой отец! Я до сих пор разгадать его²¹⁹ не могу. Много, верно, он грехов наделал в чужой земле! Что ж, в самом деле, за причина,²²⁰ сколько живет, уже больше месяца есть, и хоть раз²²¹ разве<се> лился, как добрый козак. Не захотел выпить меду. Слышишь, Катерина, не захотел меду, который вытрусил у Брестовских жидов. Ей, хлопец» крикнул пан Данило, хлопнув²²² в ладоши и свиснув молодецким посвистом. «Беги, малой, в погреб, да принеси жидовского меду! Горелки даже не пьет. Экая про<па>сть! мне кажется, пани Катерина, что²²³ он и в Господа Христа не верует. А как тебе кажется?»

«Бог знает, что говоришь ты, пан Данило».

«Чудно, пани» продолжал панвела²²⁴ Данило, принимая глиняную кружку от козака. «Поганые католики даже падки до водки, одни только Турки не пьют, что, Стецько, много ль хлеснул меду в подвале».

«Нет, попробовал только, пан Данило».

«Лжешь, собачий сын, вишь²²⁵, как мухи напали на усы! Я по глазам вижу, что хватил полведра. Эх, козаки! что за лихой народ! все готов товарищу, а хмельное высулит сам.²²⁶ Я, пани Катерина, что-то давно уже был пьян. А?»

«Вот еще!»²²⁷ А помнишь в Субботу²²⁸ ...»

²¹⁷ *Вместо:* Хлопцы мои ~ засеков. — *было:* Хлопцы мои в одну ночь посрубили еще засеков.

²¹⁸ *Вместо:* Посполитство будет ~ от Батог<ов>. — *было:* а. для Посполитства; б. Посполитство готов принять свинцовыми сливами, а Шляхтичей [постегаю] прогнанию Батогами

²¹⁹ его вписано

²²⁰ *Далее зачеркнуто:* а. что до сих п<ор>; б. живет до сих пор; в. есть

²²¹ *Далее зачеркнуто:* пот<...>

²²² *Было:* уда<рив> (не зачеркнуто, незавершенная правка)

²²³ *Далее зачеркнуто:* не верует

²²⁴ *Так в рукописи. Было:* пан

²²⁵ *Далее зачеркнуто:* на обеих

²²⁶ *Далее зачеркнуто:* а. Я когда Пани; б. А когда Пани

²²⁷ *Вместо:* Вот еще? — *было:* а. Вот будто давно? б. Вот будто еще это?

²²⁸ *Было:* четвертого дня

«Не бось, не бось²²⁹, больше кружки не выпью! А вот и Турецкий Игумен²³⁰ влазит в двери» проговорил он сквозь зубы²³¹, взвидя нагнувшегося, чтобы войти в двери²³² тестя²³³.

«А что ж это, моя дочь»²³⁴ сказал отец, снимая с головы шапку и поправив пояс, на котором висела сабля с²³⁵ чудными камен<ьями> «солнце уже высоко, а у тебя обед²³⁶ не готов».

²³⁷ «Готов обед, пан отец, сей час поставим, вынимай горшок с галушками» сказала пани Катерина старой женщине²³⁸, вынимавшей деревянную посуду.²³⁹ «Или нет, постой, лучше я выну, а ты позови хлопцев».

Все сели на полу в кружок, против покута пан отец, по леву²⁴⁰ руку Пан Данило, по праву пани Катерина и десять наивернейших молодцев в красных и синих жупанах.

«Не люблю я этих галушек» сказал Пан отец, немного поевши и положивши ложку. «Никакого вкусу нет».

«Я знаю, что тебе лучше жидовская лапша» подумал про себя пан Данило. «Отчего же, Тесть²⁴¹» продолжал он вслух «ты говоришь, что вкусу нет в галушках, худо сделаны, что ли? Моя Катерина так делает Галушки, что и Гетьману редко достается есть таких.²⁴² А брезгать ими грешно. Это христианское кушанье, все святые люди ели галушки, и сам Бог <1 нрзб.> Иус Христос ел²⁴³».

Ни слова отец и замолчал. Замолчал и²⁴⁴ Пан Данило.

Подали Жареного поросенка с капустою и сливами. «Я не люблю Свинины» сказал отец Катерины, выгребая ложкою капусту.

²²⁹ Вместо: не бось — было: Пани Катерина

²³⁰ Далее зачеркнуто: тащ<итя>

²³¹ В рукописи: зубу

²³² Было: све<тлицу?>

²³³ Было: Катерини<на отца?>

²³⁴ Далее зачеркнуто: у тебя не готов обед. Сол<нце?>

²³⁵ Далее зачеркнуто: какими

²³⁶ обед вписано

²³⁷ Перед: Готов обед — зачеркнуто: Сейчас будет, вынимай

²³⁸ Далее зачеркнуто: а. Кольяхавшей люльку; б. державшей на руках дитя. — Я подер<жу>; в. мывш<ей>

²³⁹ Далее зачеркнуто: Сели на полу в кружок

²⁴⁰ Было: праву

²⁴¹ Далее зачеркнуто: говоришь

²⁴² Далее зачеркнуто: Это христианское кушанье

²⁴³ Вместо: и сам Бог <1 нрзб.> Иус Христос ел — было: и сам Бог наш Иус Христос ел галушки

²⁴⁴ и вписано

«Для чего же²⁴⁵ не любить свинины» сказал пан Данило. «Одни турки и жиды не едят свинины».

Замолчал²⁴⁶ опять отец и кинул суровый взгляд.

Только одну лемишку²⁴⁷ с молоком <ом> ел старый отец и потянул вместо водки из вытянутой из-за пазухи фляжки какую-то черную воду.

<Л. 11 об.> Пообедавши, заснул пан Данило молодецким²⁴⁸ [козацким] сном и проснулся только около вечера, сел за стол писать листы²⁴⁹, а пани Катерина качала ногою люльку, сидя на лежанке. Сидит Пан Данило, глядит левым глазом на писание, а правым в окошечко, а²⁵⁰ из окошка далече видит, блестит про <меж?> двух гор Днепр, синенют за Днепром леса. Между верху <шками?> мелькает прояснившееся ночное небо²⁵¹. Не далеким небом и не синим лесом любитесь пан Данило, глядит на выдавшийся²⁵² мыс, на котором чернеет²⁵³ старый замок. ²⁵⁴ Ему почудилось, будто блеснуло в замке огнем узинькое окошко. Но все тихо. Это, верно, показалось ему, слышно только, глухо шумит внизу Днепр и с трех сторон, один за другим, отдаются удары мгновенно пробудившихся волн²⁵⁵. Он не бушует²⁵⁶, как старик, ворчит и ропчет²⁵⁷. Ему все немило, все перемелось около него. Тихо враждует он с прибережными горами, лесами, лугами и несет на них жалобу в Черное море. Вот по широкому Днепру зачернела лодка и в замке снова как будто блеснуло что-то. Потихоньку свиснул пан Данило, и выбежал на свист верный хлопец. «Бери, мой Стецько²⁵⁸, скорее с собою острую саблю да винтовку, да ступай за мною —».

²⁴⁵ же вписано

²⁴⁶ Далее зачеркнуто: отец как

²⁴⁷ Далее начато: из

²⁴⁸ Было: козацким

²⁴⁹ Вместо: Пообедавши, заснул ~ листы — было: После обеда заснул пан Данило и [в] к вечеру [принял] уселся в конце стола писать [до] ко старшим в Козацком войске

²⁵⁰ а вписано

²⁵¹ Вместо: из окошка далече ~ ночное небо — было: из окошка виден [промеж] [вверх <у>], блестит про <меж> двух Гор Днепр, синенют за Днепром леса. Мелькает в окошечке прояснившееся ночное небо

²⁵² Далее зачеркнуто: месяц

²⁵³ Было: чернел

²⁵⁴ Далее зачеркнуто: а вверху

²⁵⁵ Вместо: удары мгновенно пробудившихся волн — было: а. все пробудившиеся волны; б. удары вдруг пробудившихся волн

²⁵⁶ не бушует вписано

²⁵⁷ Далее зачеркнуто: и лепечет

²⁵⁸ Вместо: Бери, мой Стецько — было: Ступай, Стецько

«Ты идешь?» спросила пани Катерина.

«Иду, жена. Нужно обсмотреть²⁵⁹ все места, нет ли где недобрых гостей».

«Я вот чую²⁶⁰, мне так страшно оставаться одной. Меня сон так и клонит. Что, если опять приснится то же самое. Я даже не уверена, точно ли то сон был».

«С тобою <ю>²⁶¹ старуха остается, а в сенях и на дворе спят козаки».

«Старуха спит уже. А козакам что-то не верится. Слушай, пан Данило, замкни меня в комнате, а ключ возьми с собою. Тогда мне будет не так страшно, а козаки пусть лягут перед дверьми²⁶²».

«Пожалуй. Пусть будет так²⁶³, рад сделать тебе угодное» сказал Данило²⁶⁴, стирая пыль с винтовки и сыпая на полку порох.²⁶⁵ Верный Стецько тут и уже одетый²⁶⁶ во всей козацкой сбруе. Пан Данило надел смушевую шапку, закрыл²⁶⁷ окошко, задвинул засовками, замкнул и вышел потихоньку²⁶⁸ из двора промеж спавшими своими козаками в горы. Небо почти все прочистилось, свежий ветер [повеял с Днепра][веял с поля], вдали кликала чайка²⁶⁹. Все как будто онемело. Но вот послышался шорох.²⁷⁰ Пан Данило с верным слугою тихо спрятал за терновник, прикрывавший срубленный засек.²⁷¹ Кто-то²⁷² в красном жупане с двумя пистолетами с сабл<е>ю при боку спускался с горы. «Это тесть» проговорил Пан Данило, разглядывая его из-за куста. «Зачем и куда ему идти в эту пору. Стецько²⁷³, не зевай, смотри в оба глаза, куда возмет дорогу пан отец». Затычка²⁷⁴

²⁵⁹ Было: посмотреть

²⁶⁰ Я вот чую *вписано*

²⁶¹ Было: останется

²⁶² *Вместо:* Тогда мне будет ~ перед дверьми — *было:* Пусть козаки будут лежать у дверей

²⁶³ Пусть будет так *вписано*

²⁶⁴ Было: пан Данило

²⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* Надел Стецько

²⁶⁶ тут и уже одетый *вписано*

²⁶⁷ Было: задвину<л>

²⁶⁸ потихоньку *вписано*

²⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* но и

²⁷⁰ *Далее зачеркнуто:* Потихе спрядался (*так в рукописи*)

²⁷¹ *Далее зачеркнуто:* «Гм, — тихо произнес он. — Это

²⁷² Было: Что-то

²⁷³ Было: Смотри, Стецько

²⁷⁴ *Так в рукописи. Далее зачеркнуто:* поворот<тил>

спустился²⁷⁵ на самый берег²⁷⁶ и поворотил к выдававшемуся мысу. «А! вот куда» проговорил Пан Данило. «Что, Стецько, ведь он по-тащ<ился?> как раз в Колдуново дупло».

«Да верно не в другое место, пан Данило! Мы бы его видели на другой стороне. А он пропал около замка и наперед²⁷⁷» «Постой же, вылезем, а потом мы пойдем по следам²⁷⁸. Тут что-нибудь да кроется. Нет, Катерина. Я говорю тебе, что Батько²⁷⁹ твой недобрый человек. Не так он и делал все²⁸⁰, как православный». Уже мелькнули пан Данило и его верный хлопец внизу на выдававшемся Берегу, вот уже и не видно их,²⁸¹ ведь черный, непробудный лес, окружавший замок, спрятал их²⁸². Верхнее окошко тихо засветилось. Внизу стоят козаки и думают, как бы взлезть им. Ни дверей, ничего не видно в стене, в окне толь светится, но²⁸³ со двора, верно, есть лесни<ца>. Но как войти туда. Издали слышно, как гремят жел<езные?> цепи²⁸⁴ и бегают собаки. «Что я думаю долго» сказал пан Данило, увидя перед окном высокий дуб, «стой тут, малой. Я полезу на дуб, из него прямо [буду²⁸⁵] глядеть в окошко». Прошаривши, пан Данило снял кушак, бросил вниз саблю, чтоб не звенела, и, ухватясь за ветви, поднялся наверх. Окошко все еще светилось. Присевши на сук возле самого окна, уцепился он одн<ою> рукой за ветвь²⁸⁶ и глядит. В комнате и свечи нет, а светит, по стенам чудные знаки²⁸⁷, висит оружие, но все странное, такого не носят ни турки, ни крымцы²⁸⁸, ни ляхи, ни христиане православные, ни народ шведский. Под потолком взад и вперед мелькают²⁸⁹ нетопыри, и тень от них мелькает по стенам, по дверям, по помосту.

²⁷⁵ В рукописи: спистился

²⁷⁶ В рукописи: перег

²⁷⁷ А он пропал около замка и наперед вписано. Фраза не закончена

²⁷⁸ Вместо: вылезем, а потом мы пойдем по следам — было: вылезем потихоньку. Теперь мы пойдем по следам его

²⁷⁹ Было: отец

²⁸⁰ Вместо: он и делал все — было: он и говорил

²⁸¹ Далее зачеркнуто: кто

²⁸² Вместо: ведь черный ~ спрятал их — было: а. Спрятал их черный непробудный лес; б. Ведь черный, непробудный лес их спрятал

²⁸³ в стене, в окне толь светится, но вписано

²⁸⁴ жел<езные?> вписано

²⁸⁵ Было: будет

²⁸⁶ Вместо: он одн<ою> рукой за ветвь — было: а. он рукою; б. он рукой за дерево

²⁸⁷ Далее зачеркнуто: по всему

²⁸⁸ Было: татары

²⁸⁹ Было: летают

Вот отворилась²⁹⁰. Входит кто в красном жупане²⁹¹ и прямо к столу, покрытому белой скатертью. Это тесть! Пан Данило опустился немало ниже и прижался крепче к дереву. Но Ему некогда глядеть²⁹², смотрит ли кто в окошко, или нет, он пришел нахмурен, рассержен,²⁹³ сдернул со стола скатерть, и вдруг по всей комнате тихий разлился прозрачно-голубой Свет²⁹⁴. Только²⁹⁵ не смешавшиеся волны преждего бледно-желтого цвета переливались,²⁹⁶ ныряли²⁹⁷, словно в голубом море, и тянулись слоями, будто на мраморе, и посередине краснел тесть²⁹⁸. Пан Данило стал приглядываться и не заметил уже на нем красного жупана, вместо того были²⁹⁹ на нем³⁰⁰ широкие ша<ро>вары, какие носят турки,³⁰¹ за поясом пистолеты, на голове какая-то чудная шапка, исписанная вся нерусскою и непольскою грамотою. Глянул в лице, и лицо стало переменяться, нос вытянулся³⁰² и повиснул над дутою³⁰³, рот в минуту раздал до ушей, зуб выглянул изо рта, нагнулся на сторону, и³⁰⁴ стал перед ним тот самый колдун, который показался на свадьбе Есаула. «Правдив сон твой, Катерина» подумал пан Данило. Колдун стал важно³⁰⁵ прохаживаться вокруг стола. Знаки стали быстро переменяться на стене, а нетопыри залетали сильнее вниз и вверх, взад и вперед, голубой свет становился реже-реже и совсем, кажется, потухнул, и³⁰⁶ светлица осветилась уже тонким³⁰⁷ розовым светом. Казалось, с тихим звоном³⁰⁸ разливался чудный свет³⁰⁹ по всем

²⁹⁰ Далее зачеркнуто: но без скрипа

²⁹¹ Так в рукописи; ср. в ВД1: Входит кто-то в красном жупане

²⁹² Далее зачеркнуто: в ок<но?>

²⁹³ Далее зачеркнуто: тихо

²⁹⁴ Вместо: тихий разлился ~ Свет — было: разлился тонкий голубой цвет

²⁹⁵ Было: Изредка только

²⁹⁶ Далее зачеркнуто: купа<лись>

²⁹⁷ Далее зачеркнуто: и купались

²⁹⁸ Место: и тянулись слоями ~ краснел тесть — было: а. один только стоявший краснел тесть; б. и тянулись слоями и посередине стоял

²⁹⁹ Было: показались (не зачеркнуто)

³⁰⁰ Далее зачеркнуто: некие

³⁰¹ Далее зачеркнуто: пояс весь исписанный <1 нрзб.> нерусскою и непольскою грамотою

³⁰² Было: [стал] вытяги<ваться>

³⁰³ Так в рукописи

³⁰⁴ Далее зачеркнуто: мало-помалу

³⁰⁵ Было: медленно

³⁰⁶ Далее зачеркнуто: по всей комнате

³⁰⁷ тонким вписано

³⁰⁸ Далее зачеркнуто: похожим

³⁰⁹ Место: разливался чудный свет — было: разливался он по всем стенам

углам и вдруг пропал и стала тьма. Слышился только шум, будто ветер в тихий час вечера наигрывал, кружась по³¹⁰ водному зеркалию, нагибая еще ниже в воду серебряные ивы. И чудится Пану Данило, что в светлице блеснит месяц, ходят звезды³¹¹, неясно мелькает темносинее небо и холод ночного воздуха пахнул даже в лицо ему. И чудится пану Данило (тут он стал щупать за нос, не спит ли), что уже не небо в светлице, а его собственная опочивальня³¹², висят на стене его татарские и турецкие сабли и на стене полки, на полках домашняя посуда и утварь, на столе хлеб и соль; вот в тумане висит люлька, вместо образов выглядывают какие-то страшные <Л. 12> лица, на лежанке... но сгустившийся туман все покрыл, и стало опять темно, и опять с чудным звуком³¹³ осветилась вся светлица³¹⁴ розовым светом, и опять на стенах мелькают знаки, и опять стоит колдун неподвижно в чудной чельне³¹⁵ своей. Звуки стали сильнее и гуще,³¹⁶ тонкий розовый становился ярче³¹⁷, и³¹⁸ что-то белое, как будто облако, веяло посередине хаты,³¹⁹ и чудится пану Данилу, что облако³²⁰ то не облако, то стоит женщина³²¹. Только из чего она, воздуху, что ли, выткана³²², от чего же она стоит и земли не трогается и не опершись ни на что, и сквозь нее просвечивает розовый свет и мелькают на стене знаки, вот она как пошевельнула³²³ прозрачную³²⁴ голову свою. Тихо светятся ее³²⁵ бледно-голубые очи, волосы выются и падают по плечам ее, будто светлый серый туман³²⁶, губы бледно алеют, будто сквозь бело-прозрачное утреннее небо льется едва приметный алый свет зари, бро<в> и слаб<о>³²⁷ темнеют, що-

³¹⁰ *Далее зачеркнуто:* зеркалу гладкого

³¹¹ *Далее зачеркнуто:* чернея туск<л>о

³¹² *Вместо:* уже не небо в светлице, а его собственная опочивальня — *было:* уже не небо видно, а собственная его <опочивальня>

³¹³ *Далее зачеркнуто:* ра<...?>

³¹⁴ *Было:* хата

³¹⁵ *Так в рукописи:* ср. в ВД1: в чудной чалме своей

³¹⁶ *Далее зачеркнуто:* розовый

³¹⁷ *Так в рукописи:* ср. в ВД1: тонкий розовый свет становился ярче

³¹⁸ *Далее зачеркнуто:* посередине

³¹⁹ *Далее зачеркнуто:* стал глядеть пан Данило и у<видел?>

³²⁰ *Далее зачеркнуто:* как будто приняло вид женщины

³²¹ *Вместо:* то стоит женщина — *было:* что стоит женщина

³²² *Далее зачеркнуто:* что

³²³ *Было:* повернула

³²⁴ *Было:* прозрачную

³²⁵ *Далее зачеркнуто:* голу<бые>

³²⁶ *Вместо:* будто светлый серый туман — *было:* будто бледный светлый туман

³²⁷ *слаб<о> вписано*

ки белы<?>... Ах, это Катерина. Тут почувствовал Данило, что члены у него оковались, он хотел говорить, но его³²⁸ губы шевелились без звука. Неподви<ж>но стоял колдун на своем месте. «Где ты была?» спросил он, и стоявшее перед затрепетала³²⁹. «О! зачем ты меня вызвал!» тихо простонала она. «Мне было так радостно, я была в³³⁰ том самом месте, где родилась и прожила 15 лет. О, как хорошо там! Как зелен и душист тот лог³³¹, где я игралась в детстве, и полевые цветочки те же, и хата наша и огород. О, как обняла меня добрая мать моя, какая любовь у нее в очах. Она приголюбливала³³² меня, целовала в уста и щоки, расчосывала частым гребнем мою русую косу. Отец!» тут она вперила³³³ в колдуна бледные³³⁴ очи? «зачем ты зарезал мать мою?»

Грозно колдун покачал³³⁵ пальцем. «Разве я тебя просил говорить про это?» сказал он суровым голосом, и воздушная красавица задрожала. «Где теперь пани твоя».

«Пани моя Катерина теперь спит³³⁶. Не успел мой³³⁷ ненаглядный Данило запереть двери, а она уже и заснула. Я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетела. Мне давно хотелось увидеть мать. Мне вдруг сделалось 15 лет. Я вся стала легка, как рыбка, зачем ты меня вызвал».

«Это Катеринина душа» подумал пан Данило, но все еще не смел пошевелиться.

«Ты помнишь все то, что говорил тебе вчера я» спросил колдун так тихо, что едва можно было расслушать.

«Помню. Помню, но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бедная Катерина, она много³³⁸ не³³⁹ знает того, что знает душа ее. Покайся, отец: Мало у тебя разве³⁴⁰ на душе злодеяний!³⁴¹ не страшно, что после каждого убийства твоего мертвецы поднимаются из могил...»

³²⁸ он хотел говорить, но его *вписано*

³²⁹ Так в рукописи

³³⁰ Было: на

³³¹ Так в рукописи

³³² Так в рукописи

³³³ Было: останов<ила>

³³⁴ Было: голуб<ые>

³³⁵ Было: показал

³³⁶ Вместо: теперь спит — было: только что заснула

³³⁷ Было: пан

³³⁸ Было: многого

³³⁹ не *вписано*

³⁴⁰ Далее *зачеркнуто*: на ше<е?>

³⁴¹ Далее *зачеркнуто*: Тебе

«Ты опять за старое» прервал грозно колдун³⁴² «я заставлю тебя сделать, что мне хочется. Катерина полюбит меня. Катерина меня непременно полюбит!»

«О, ты чудовище! а не отец мой!» простонала она «нет, не будет твоюму.³⁴³ Правда³⁴⁴, ты взял нечистыми чарами своими власть вызывать душу и мучить ее, но один только Бог может заставлять ее делать то, что ему угодно, нет, никогда Катерина, доколе³⁴⁵ буду держаться я в ее теле, не решится на Богопротивное дело³⁴⁶. Отец, близок страшный суд³⁴⁷. Если б ты и не отец мой был, и тогда б ты не заставил меня изменить моему³⁴⁸ любому верному мужу. Если бы муж мой и не был мне верен и мил,³⁴⁹ и тогда бы не изменила ему,³⁵⁰ потому что бог не любит клятвопреступников и³⁵¹ неверных душ».

³⁵²Тут вперила она бледные очи свои в окошко³⁵³, под³⁵⁴ которым сидел пан данило, и недвижно остановилась.

«Куда ты глядишь, кого ты там видишь» закричал колдун, воздушная Катерина задрожала, но уже пан Данило был³⁵⁵ давно на земле и пробирался с своим верным Стецьком в свои горы. «Страшно, страшно» говорил он про себя, почувствовав в первой раз какую-то робость в козацком сердце, и³⁵⁶ скоро прошел двор свой, на котором³⁵⁷ также крепко спали козаки, кроме одного, сидевшего настороже и кутившего люльку. Небо все было засеяно звездами.

³⁴² *Далее зачеркнуто:* я [заставлю] поставлю на своем

³⁴³ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* Нет, не будет по-твоему!

³⁴⁴ *Было:* Ты в<зял?>

³⁴⁵ *Было:* п<ока?>

³⁴⁶ *дело вписано*

³⁴⁷ *В рукописи:* сад

³⁴⁸ *Далее зачеркнуто:* моему

³⁴⁹ *Далее зачеркнуто:* то

³⁵⁰ *Далее зачеркнуто:* по

³⁵¹ *Далее зачеркнуто:* коварных

³⁵² *Перед:* Тут вперила — *зачеркнуто:* Сказать

³⁵³ *Далее зачеркнуто:* где сто<ял?>

³⁵⁴ *Было:* а. за; б. перед

³⁵⁵ *был повторено в рукописи дважды*

³⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* так

³⁵⁷ *Далее зачеркнуто:* все

«Как хорошо ты сделал, что разбудил меня» говорила Катерина³⁵⁸, протирая светлые очи шитым рукавом своей сорочки и разглядывая с ног до головы стоявшего перед нею Мужа. «Как страшной сон мне видился. Как тяжело дышала грудь моя... ух!.. мне казалось, что я умираю...»

³⁵⁹ «Какой же сон, уж не этот ли» и стал пан Данило рассказывать все виденное им.

«Ты как это узнал, мой муж?» спросила, изумившись, Катерина. «Да нет³⁶⁰, это правда... но нет, многое не виделось мне из того, что ты рассказываешь. Нет, мне не снилось, чтобы отец убил мать мою,³⁶¹ ни мертвецов, ничего не видалось мне³⁶², нет, Данило, ты не так рассказываешь³⁶³. Ох, какой страшной отец мой».

«И не диво³⁶⁴, что тебе многое не виделось³⁶⁵. Ты не знаешь и десятой доли того, что знает душа. Знаешь ли³⁶⁶, что Отец твой — Антихрист. Еще в прошлом году, когда я собирался вместе с ляхами на крымцев (Тогда я еще держал руку этого неверного народа), Мне говорил Игумен Братского монастыря, он, жена, святой человек! что Антихрист имеет власть вызывать душу³⁶⁷ каждого человека. А душа, ты знаешь, гуляет по своей воле, когда заснет человек³⁶⁸, и летает вместе с Архангелами около Божьей светлицы.³⁶⁹ Мне с первого разу не показалось лицо твоего отца. Если бы я знал³⁷⁰ прежде, что есть такой отец, Я бы не женился на тебе. Я бы кинул тебя и не принял бы на душу греха, породнившись с Антихристовым племенем».

<Л. 12 об.> «Данило» сказала Катерина, закрыв лицо руками и рыдая. «Я ли виновна в чем перед тобою, я ли изменила³⁷¹ тебе, мой

³⁵⁸ *Вместо:* говорила Катерина — *было:* а. говорила Катерина; б. [как будто] песню говорила Катерина; в. Катерина говорила

³⁵⁹ *Перед:* Какой же сон — *было:* Да я сам

³⁶⁰ *Вместо:* Да нет — *было:* Нет

³⁶¹ *Далее зачеркнуто:* нет

³⁶² *В рукописи:* не мне

³⁶³ *Было:* рассказал

³⁶⁴ *Вместо:* И не диво — *было:* То и не диво

³⁶⁵ *Было:* не видалось

³⁶⁶ *ли вписано*

³⁶⁷ *Было:* души

³⁶⁸ *Далее зачеркнуто:* и все делает, что ей не хочется

³⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* а. А; б. О

³⁷⁰ *я знал вписано*

³⁷¹ *Вместо:* Я ли виновна ~ я ли изменила — *было:* Разве я виновна в чем перед тобою, разве я изменила

любый муж. Чем же навела на себя гнев твой. Неверно я разве служила тебе³⁷², сказала ли тебе противное слово, когда ты ворочался с молодецкой попойки. Тебе ли не родила я чернобрового сына... ..»

«Не плачь, Катерина! Я тебя теперь знаю и не кину ни за что. Грехи все лежат на отце твоём».³⁷³

«Нет, не называй его отцом моим. Он не отец мой, Бог свидетель, я отрекаюсь от него, отрекаюсь от отца. Он³⁷⁴ Антихрист, Богоотступник. Пропaday он, тони он, не подам³⁷⁵ руку³⁷⁶ спасти его. Сохни он от тайной отравы, не подам воды пить ему.³⁷⁷ У меня нет. Ты у меня отец».

VI.

В глубоком подвале у Пана Данила за тремя замками сидит Колдун, закованный в железные цепи,³⁷⁸ а подале над днeпром горит Бесовский его замок, и Алые, как кровь, волны хлебещут и толпят³⁷⁹ вокруг старинных³⁸⁰ стен. Не за колдовство, не³⁸¹ за богопротивные дела сидит³⁸² в глубоком подвале колдун. Им судия Бог. Сидит он за тайное предательство, за сговоры³⁸³ с врагами Православной русской земли продать Католикам украинский народ и выжечь христианские церкви³⁸⁴. Угрюм Колдун. Дума черная, как ночь, у него в голове. Всего только один день остается жить ему, на завтра пора ему прощаться с миром. Завтра ждет его казнь. Не совсем легкая казнь его ждет.³⁸⁵ Это еще милость, когда сварят его живого в котле или сдерут

³⁷² тебе вписано

³⁷³ *Вместо:* Я тебя теперь знаю ~ на отце твоём — *было:* Я узнал тебя и не кину уже ни за что. Ты невинна».

³⁷⁴ *Было:* Ант<ихрист?>

³⁷⁵ *Было:* не дам

³⁷⁶ *Было:* ему

³⁷⁷ *Вместо:* Сохни он ~ пить ему. — *было:* Изнемогай он, издыхай от медленной отравы, не дам [руки] воды напиться.

³⁷⁸ *Далее зачеркнуто:* Не за Богопротивное

³⁷⁹ *Так в рукописи*

³⁸⁰ старинных вписано

³⁸¹ не вписано

³⁸² *Было:* Кол<дун>

³⁸³ *Вместо:* Сидит он за тайное предательство, за сговоры — *было:* Сидит он за то, что предатель, за что сговорился

³⁸⁴ *Вместо:* продать Католикам украинский народ и выжечь христианские церкви — *было:* разорить, выжечь украинский народ и разорить христианские церкви

³⁸⁵ *Далее зачеркнуто:* Ему выжгут угл<ем> и чуб на голове привяжут

с него грешную кожу. Угрюм Колдун. Поникнул головою, может быть, он уже и кается³⁸⁶ перед смертным часом. Только не такие грехи его, что Бог простил их³⁸⁷. Вверху перед ним узкое окно,³⁸⁸ но не хрупкое стекло в нем, вместо его вправлен железный лист, весь исколотый³⁸⁹ небольшими дырочка <ми>, как решето, и перед ним железная острая рогатка³⁹⁰, и солнечный луч, проходя через него, падает мелкою сеткою прямо лицо³⁹¹ ему. Гремя цепями, подвелся он³⁹² к окну³⁹³, поглядеть, не проходит ли его дочь³⁹⁴. Она кротка, непамятозлобна³⁹⁵, как голубка, не умилосердится ли она над отцом. Но никого нет, внизу бежит дорога, но по ней никто не пройдет. Пониже³⁹⁶ ее гуляет днепр³⁹⁷. Ему ни до кого нет дела, он бушует и унывно слушать колоднику однозвучный³⁹⁸ шум его. Вот кто-то показался по дороге. Это козак³⁹⁹, тяжело вздохнул колодник⁴⁰⁰.⁴⁰¹ Опять все пусто, вот кто вдали спускается, развеивается зеленый кунтуш. Горит на голове золотой кораблик. Это она. Еще ближе приникнул он к окну, вот уже проходит близко Катерина. «Дочь, умилосердись, подай милостыню!» Она нема, она не хочет слушать, она и глаз не наведет на тюрьму⁴⁰², и уже прошла мимо, уже и скрылась. Пусто во всем мире. Унывно шумит днепр. Грусть⁴⁰³ залегает в сердце. Но ведает ли эту грусть колдун? День клонится к вечеру⁴⁰⁴, уже солнце село. Уже и нет его. Уже и вечер, свежо, где-то мычит вол, откуда-то навеваются звуки, верно, народ где-нибудь идет с работ и веселится. По днепру

³⁸⁶ Было: раскается

³⁸⁷ Так в рукописи; ср. в ВД1: только не такие грехи его, чтобы Бог простил ему

³⁸⁸ Далее зачеркнуто: а. не стеклянная; б. но не стеклянный лист в; в. полоса не стеклянная

³⁸⁹ Далее зачеркнуто: узк <ими>

³⁹⁰ и перед ним железная острая рогатка вписано

³⁹¹ Так в рукописи. Вместо: прямо — было: ему

³⁹² Далее зачеркнуто: он

³⁹³ Было: дв <ери?>

³⁹⁴ Далее зачеркнуто: не умилосерд <ится>

³⁹⁵ Вместо: непамятозлобна — было: и тиха как

³⁹⁶ Было: Ниже

³⁹⁷ днепр вписано

³⁹⁸ однозвучный вписано

³⁹⁹ Далее зачеркнуто: и

⁴⁰⁰ Было: колд <ун>

⁴⁰¹ Перед: Опять — зачеркнуто: во <т?>

⁴⁰² Было: подв <ал>

⁴⁰³ Было: грустно

⁴⁰⁴ к вечеру вписано

мелькает лодка. Кому нужна до колодника.⁴⁰⁵ Блеснул⁴⁰⁶ на небе серебряный серп. Вот кто-то идет с противной стороны по дороге, трудно разглядеть в темноте. Это возвращается⁴⁰⁷ Катерина. «Дочь, Христа ради, и свирепые волчята не станут рвать свою мать⁴⁰⁸. Дочь, хоть взгляни на преступного отца своего». Она не слушает и идет. «Дочь, ради несчастной матери». Она остановилась. «Прииди принять последнее мое слово».

«Зачем ты зовешь меня, Богоотступник. Не называй меня дочерью. Между нами нет никакого родства. Чего ты хочешь от меня ради несчастной матери моей».

«Катерина. Мне близок конец. Я знаю, твой муж хочет привязать меня⁴⁰⁹ к кобыльему хвосту и пустить по полю, а может, еще и страшнейшую выдумает казнь».

«Да разве есть на свете казнь, равная твоим грехам. Жди ее,⁴¹⁰ никто не станет просить за тебя».

«Катерина. Меня не казнь страшит, но муки на том свете. Ты невинна, Катерина, душа твоя будет летать в раю около Бога, а душа Богоотступного отца твоего будет гореть в огне вечном, и никогда не угаснет тот огонь, все сильнее и сильнее будет разгораться [он], и не похож огонь тот на земной⁴¹¹, в сотую жарче. Ни капля росы не падет, ни ветер не пахнет».

«Этой казни я не властна⁴¹² умалить» сказала Катерина, оборотившись.

«Катерина, стой на одно слово⁴¹³, ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь, как Бог милосерд⁴¹⁴. Слышала ли⁴¹⁵ ты⁴¹⁶ про Апостола Павла. Какой был он гонитель. Но после покаялся и стал святым».

⁴⁰⁵ *Далее зачеркнуто:* Вот кто

⁴⁰⁶ *Было:* блестит

⁴⁰⁷ *возвращается вписано*

⁴⁰⁸ *Вместо:* не станут рвать свою мать — *было:* любят мать свою

⁴⁰⁹ *Вместо:* твой муж хочет привязать меня — *было:* меня твой муж хочет привязать

⁴¹⁰ *Далее зачеркнуто:* т<ебя?>

⁴¹¹ *Вместо:* будет разгораться ~ на земной — *было:* будет разгораться он, ни капля дождя не попадет вну<брь?>, и не такой тот огонь, как на земле

⁴¹² *Вместо:* Этой казни я не властна — *было:* От этой казни я не могу

⁴¹³ *Далее зачеркнуто:* Постой, Бог Ты не знаешь, как милосерд

⁴¹⁴ *Вместо:* как Бог милосерд — *было:* как милосерд Бог

⁴¹⁵ *ли вписано*

⁴¹⁶ *Далее зачеркнуто:* по кра<йней мере?>

«Что же я могу⁴¹⁷ сделать, чтобы спасти тво<ю?>⁴¹⁸ д<ушу?>» сказала Катерина «мне ли, слабой женщине, об этом подумать».

«Если бы мне удалось отсюда выйти, <Л. 13> я бы все кинул. Покаюсь, пойду я в пещеры, надену на тело жесткую власяницу. День и ночь буду Богу⁴¹⁹ [молиться], не только скоромного, не возьму рыбы в рот. Не постелю одежды, когда стану спать, и все буду молиться, все молиться, и когда не снимет с меня милосердие божие хотя со- той доли греху, закопаюсь я по шею в землю или замуруюсь в каменную стену. Не возьму и пищи и умру⁴²⁰, а все добро свое отдам монахам, чтобы 40 дней и 40 ночей правили по мне Панихиду».

Задумалась Катерина. «Хоть я и отопру замки⁴²¹, но мне⁴²² не расковать твоих цепей» сказала⁴²³

«Я не боюсь цепей» говорил он. «Ты думаешь, что они руки и ноги мои заковали. Нет. Я напустил им в глаза туман и вместо руки протянул сухое дерево, вот я, гляди. На мне нет теперь ни одной цепи.⁴²⁴ Я бы стен этих не побоялся и прошел бы сквозь них⁴²⁵, но муж твой и не знает, какие это стены, их строил один⁴²⁶ святой схимник⁴²⁷, и никакая нечистая сила не может отсюда вывести колодника, не отомкнув тем самым ключом, которым замыкал святой свою келью⁴²⁸. Такую самую келью вырою и я себе, неслыханный грешник! когда выйду на волю!»

«Слушай, я выпущу тебя, но если ты меня обманешь» сказала Катерина, остановившись перед дверью «и вместо того, чтобы покаяться, станешь опять станешь братом чорту».⁴²⁹

«Нет, Катерина. Мне недолго остается жить уже. Близок и без казни конец. Неужели ты думаешь, что Я предам сам себя на вечную муку».

⁴¹⁷ Далее зачеркнуто: для тебя

⁴¹⁸ Далее зачеркнуто: мне слабой

⁴¹⁹ Богу вписано

⁴²⁰ В рукописи: умрю

⁴²¹ Вместо: Хоть я и отопру замки — было: Если я отопру засов

⁴²² Далее зачеркнуто: же

⁴²³ Фраза не закончена

⁴²⁴ На мне нет теперь ни одной цепи. вписано

⁴²⁵ Вместо: и прошел бы сквозь них — было: и прошел сквозь них бы в дырочку

⁴²⁶ Было: св<ятой>

⁴²⁷ Было: еп<ископ?>

⁴²⁸ Вместо: замыкал святой свою келью — было: замыкал святой муж

⁴²⁹ Так в рукописи

Замки загремели. «Прощай, храни тебя Бог милосердный, дитя мое» сказал колдун, поцеловал ее. «Не прикасайся ко мне, неслыханный грешник, уходи скорее» говорила⁴³⁰ Катерина, но его уже не было. «Я выпустила его» сказала Катерина,⁴³¹ испугавшись и дико осматривая стены. «Что я стану теперь отвечать мужу. Я теперь пропала, мне⁴³² и живой теперь остается зарыться в могилу» и, зарыдав,⁴³³ почти упала она на пень, на котором сидел колодник. «Но спасла душу⁴³⁴» сказала она⁴³⁵ тихо.⁴³⁶ «Я сделала Богоугодное дело. Но муж мой. Я в первой раз обману его. Ох, как страшно, как трудно будет мне перед ним говорить правду. Тс.: что-то шумит, что это шумит. Это Днепр разыгрался⁴³⁷, Днепр. Как страшно тут оставаться, скорее выйти. Трепеща всем своим⁴³⁸ телом, ступила она⁴³⁹ и остановилась. «Кто-то идет» закричала она диким голосом «да, идет кто-то. Я слышу, вот ступает чья-то молодецкая походка. Боже святой, подходит кто-то к дверям. Скрыпят двери, Боже, скрыпят двери» кричала⁴⁴⁰ она отчаянно. «Ах. Это он! муж!...» И без чувств упала она на холодную землю.

VII.

«Это я,⁴⁴¹ моя родная дочка. Это Я, мое серденько!» услыши<ла> Катерина,⁴⁴² очнувшись, и увидела перед собою старую прислужницу⁴⁴³. Баба, наклонившись, казалось⁴⁴⁴, что-то шептала и, протянув над иссохшую руку свою⁴⁴⁵, черпала⁴⁴⁶ в лицо ей холодную

⁴³⁰ Было: сказала (не зачеркнуто, незавершенная правка)

⁴³¹ Далее зачеркнуто: что я на <делала?>

⁴³² Вместо: пропала, мне — было: погибла, и, закрыв лице руками

⁴³³ Далее зачеркнуто: как сноп свалилась на землю

⁴³⁴ Было: а. душу; б. грешну<ю> душу

⁴³⁵ Далее зачеркнуто: потом

⁴³⁶ Далее зачеркнуто: Бог не възьщет

⁴³⁷ Было: вз<ыграл?>

⁴³⁸ В рукописи: твоим

⁴³⁹ Вместо: ступила она — было: поднялась она с места

⁴⁴⁰ Было: вскричала

⁴⁴¹ Далее зачеркнуто: дочь

⁴⁴² Далее зачеркнуто: просну<вшись>

⁴⁴³ Далее зачеркнуто: шептавшую над

⁴⁴⁴ Вместо: наклонившись, казалось — было: наклонилась над нею

⁴⁴⁵ Так в рукописи; ср. в ВД1: протянув над нею иссохшую руку свою

⁴⁴⁶ Далее зачеркнуто: черпа<...?>

воду. «Где я» проговорила Катерина, подымая и оглядываясь. «Перед мною шумит Днепр, за мною гора.⁴⁴⁷ Куда завела меня ты⁴⁴⁸, Бабка!» «Я тебя не завела, а вывела. Вынесла на руках моих, Дитятко⁴⁴⁹, из душного подвала. Заперла ключиком, чтоб тебе⁴⁵⁰ не досталось чего⁴⁵¹ от Пана Данила». «Где же ключ» сказала Катерина, поглядывая на пояс свой «я его не вижу».

«Его отвязал муж твой поглядеть на колдуна, Дитя мое».

«Поглядеть?... Баба, я пропала!» Дико вскрикнула Катерина.

«Пусть бог милует нас от этого, дитя мое. Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнает».

«Он убежал, проклятый Антихрист. Слышила, Катерина, он убежал» сказал пан Данило, приступив к жене своей. Гневен он был; очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась при боку его.⁴⁵² Помертвела жена. «Его же⁴⁵³ выпустил кто-нибудь, мой любой муж» проговорила дрожа.

«Выпустил. Правда твоя. Только выпустил чорт. Погляди, вместо его бревно заковано железо⁴⁵⁴. Сдумал⁴⁵⁵ же бог так, что чорт не боится козачьих лап. Если б только⁴⁵⁶ думу об этом держал в голове хоть один из моих козаков и знал⁴⁵⁷ бы он у меня, я бы ему и казни не нашел».

«А Я, если бы я... и...» неволью вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.⁴⁵⁸ «Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мне была, я бы тебя зашил тогда в мешок и утопил на самой глубине».

Дух занялся⁴⁵⁹ у Катерины и ей чудилось, что будто⁴⁶⁰ волосы стали отделяться от головы ее и все тело сдавил железной морок.

⁴⁴⁷ *Далее зачеркнуто:* Где я, Б<абка?>

⁴⁴⁸ *ты вписано*

⁴⁴⁹ *Дитятко вписано*

⁴⁵⁰ *тебе повторено в рукописи дважды*

⁴⁵¹ *чего вписано*

⁴⁵² *Гневен он был ~ при боку его. вписано на полях*

⁴⁵³ *же вписано*

⁴⁵⁴ *Так в рукописи; ср. в ВД1: бревно заковано в железо*

⁴⁵⁵ *Было: сделал*

⁴⁵⁶ *Далее зачеркнуто: об*

⁴⁵⁷ *Было: О!*

⁴⁵⁸ *Далее зачеркнуто: «Ты*

⁴⁵⁹ *Далее зачеркнуто: и попе <рхнулась?>*

⁴⁶⁰ *что будто вписано*

На пограничной дороге в корчме собрались ляхи и пируют уже два дни. Что-то немало всей сволочи. Сошлись⁴⁶¹, верно, на какой-нибудь наезд. У иных и Мушкеты есть. Чокают шпоры, брякают сабли, паны веселятся и хвастают,⁴⁶² говорят про небывалые дела свои, насмеваются над православьем. Зовут Украинцев своими холопьями и важно крутят усы, и, важно задравши голову, разваливаются на лавках. С ними и ксенз вместе. Только и ксенз у них на их же стать.⁴⁶³ И с виду даже не похож на христианского попа. Пьет и гуляет с ними и говорит нечестивым языком своим странные речи. Ни чем не лучше от них и челядь; позакидали⁴⁶⁴ назад рукава оборванных жупанов своих и ходят козырем, как будто что путное. Играют в карты, бьют один другого по носам. Понабирались с собою чужих жен. Крик Драка⁴⁶⁵. Паны беснуются и отпускают шутки. Хватают за Бороду Жида. Малюют ему на нечестивом⁴⁶⁶ лбу крест, стреляют Баб холостыми зарядами и танцуют краковяк с нечестивым попом своим. Не бывало такого соблазну на русской земле и от Татар. Видно уже ей Бог определил терпеть за грехи⁴⁶⁷ посрамленье. Слышно между общим содомом, что говорят про заднепровский хутор Пана Данила, про красавицу жену его. — Не на доброе дело собралась эта шайка.

IX

Сидит пан Данило за⁴⁶⁸ столом в своей светлице, подпершись локтем, и гадает какую-то думу⁴⁶⁹. Сидит на лежанке Пани Катерина, качает ногою люльку и поет песню.

«Чего-то грустно мне⁴⁷⁰, жена моя!» сказал Пан Данило. «И голова болит у меня, и сердце болит.⁴⁷¹ Как-то тяжело мне. Видно, недалеко уже⁴⁷² ходит смерть моя».

⁴⁶¹ Было: а. Собрались; б. Толпы сошлись

⁴⁶² Далее зачеркнуто: рассказывают

⁴⁶³ Далее зачеркнуто: пьет

⁴⁶⁴ Было: Позакладали

⁴⁶⁵ Далее зачеркнуто: и разобрать ничего нельзя

⁴⁶⁶ на нечестивом вписано

⁴⁶⁷ Далее зачеркнуто: такое

⁴⁶⁸ Было: в

⁴⁶⁹ Вместо: и гадает какую-то думу — было: думает

⁴⁷⁰ мне вписано

⁴⁷¹ Далее зачеркнуто: Видно, недалеко ходит

⁴⁷² уже вписано

«О, мой ненаглядной муж. Приникни ко мне головою своею. Зачем ты приголубливаешь к себе такие черные думы». Подумала Катерина, да не посмела сказать⁴⁷³. Горько ей было, повинной голове⁴⁷⁴, принимать мужние ласки.

«Слушай, жена моя» сказал Данило. «Не оставляй моего сына, когда меня не будет. Боже сохрани, если ты кинешь его. Не будет тебе от Бога счастья ни в том, ни в этом свете.⁴⁷⁵ Тяжело будет⁴⁷⁶ гнить моим костям в сырой земле. А еще тяжелее будет душе моей».

«Что говоришь ты, муж мой!⁴⁷⁷ Не ты ли издевался над нами, слабыми жена <ми>, а теперь сам говоришь, как слабая жена. Тебе нужно долго⁴⁷⁸ еще жить⁴⁷⁹ на славу козакам».

«Нет, моя Катерина. Чует душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свете⁴⁸⁰. Времена лихие приходят. Ох, помню, помню я годы, им, верно, не воротиться⁴⁸¹. Он был еще жив, честь и слава нашего войска, Старый Конашевич. Как будто⁴⁸² перед очами моими проходят Теперь козацкие полки. Это⁴⁸³ было золотое время, Катерина. Старый Гетьман Сидел на вороном коне, блестела в руке булава, вокруг сердуки, шевелилось⁴⁸⁴ красное море запорожцев. Стал Говорить Гетьман, и все стало, как вкопанное. Заплакал Старичина,⁴⁸⁵ как начал припоминать нам чудные дела и сечи наши⁴⁸⁶. Полились ручьями слезы у всех нас. Эх, если б ты знала, Катерина, как рубились мы тогда с турками⁴⁸⁷. На Голове моей⁴⁸⁸ виден и доньне рубец. Четыре пули⁴⁸⁹ пролетело в четырех местах сквозь⁴⁹⁰ меня и ни одна из ран

⁴⁷³ сказать *вписано*

⁴⁷⁴ повинной голове *вписано*

⁴⁷⁵ *Далее зачеркнуто: а. Понесешь <?>; б. Закончил; в. Гр<устно>*

⁴⁷⁶ *Было: было <б?>*

⁴⁷⁷ *Вместо: Что говоришь ты, муж мой! — было: Бог с тобою, муж мой.*

⁴⁷⁸ *Было: много*

⁴⁷⁹ *Далее зачеркнуто: для*

⁴⁸⁰ *Далее зачеркнуто: и*

⁴⁸¹ *Было: вернуть*

⁴⁸² *будто вписано*

⁴⁸³ *Было: Ето*

⁴⁸⁴ *Далее зачеркнуто: и горе<ло>*

⁴⁸⁵ *Далее зачеркнуто: как ста<л>*

⁴⁸⁶ *Вместо: чудные дела и сечи наши — было: прежние лихие дела наши*

⁴⁸⁷ *В рукописи: торук (вписано)*

⁴⁸⁸ *Далее зачеркнуто: не за<жил?>*

⁴⁸⁹ *В рукописи: поли*

⁴⁹⁰ *В рукописи: сквозь*

не зажила совсем. Сколько золота мы набрали Тогда, Катерина. Дорогие камни черпали шапками козаки⁴⁹¹. Какие кони⁴⁹², Катерина, если б ты знала, Какие кони нам достались. Мой⁴⁹³ рыжий бегун, что за⁴⁹⁴ выслугу свою тепер ест пшеничное зерно, достался мне при это <й> сече. Ох, не воевать уже так мне⁴⁹⁵. Кажется, и не стар, и телом бодр, а меч козацкий вываливается из рук. Живу без дел и сам не знаю, для чего живу тут. Порядку нет в Украине,⁴⁹⁶ Полковники и Есаулы грызутся, как собаки между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше все переменяло на польский обычай, продало и душу, принявши унию. Жидовство угнетает бедный народ. О время! минувшее время! О, лета мои! минувшие лета! Где поделись вы? Ступай, мальй, в подвал. Принеси мне кухоль меду, выпью за⁴⁹⁷ прежнюю долю,⁴⁹⁸ за давние годы».

<Л. 14> «Чем будем принимать гостей, пан, с луговой стороны ляхи идут» сказал, вошедши в хату, Стецько.

«Знаю, зачем идут они» вымолвил Данило, подымаясь с места. «Седлайте, мои верные хлопцы, коней. Надевайте зброю. Сабли наголо. Не позабудьте набрать и свинцового толокна. С честью нужно встретить гостей. А вы» сказал Данило, выходя на двор и отделяя из кучи собравшихся козаков надежнейших «оставайтесь дома⁴⁹⁹, чтоб не досталось нечистому племени опоганить наши хаты».

Но еще не успели козаки сесть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, как осенью⁵⁰⁰ упавший с дерева на землю лист⁵⁰¹, усеяли собою горы⁵⁰².

«Э, да тут есть кем переведаться» сказал Данило, поглядывая⁵⁰³ на толстых панов, важно⁵⁰⁴ качавшихся впереди на конях в золотых жупанах, и прислушиваясь к гиканью их⁵⁰⁵ «видно, еще раз доведет-

⁴⁹¹ Было: козакам

⁴⁹² Вместо: Какие кони — было: Каких коней

⁴⁹³ Далее зачеркнуто: старый

⁴⁹⁴ Было: по

⁴⁹⁵ Было: нам

⁴⁹⁶ Далее зачеркнуто: ныне

⁴⁹⁷ Далее зачеркнуто: здоровье прежнего ко<зачества>

⁴⁹⁸ Далее зачеркнуто: за

⁴⁹⁹ Далее зачеркнуто: и сторожите

⁵⁰⁰ осенью вписано

⁵⁰¹ Было: пестрый лист

⁵⁰² Было: гору

⁵⁰³ Далее зачеркнуто: незаметно

⁵⁰⁴ важно вписано

⁵⁰⁵ и прислушиваясь к гиканью их вписано

ся выступить нам, погулять на славу⁵⁰⁶. Натешься же, козацкая душа, в последний раз, гуляйте, хлопцы, пришел наш праздник». И пошла по⁵⁰⁷ горам потеха. И запировал кровавый пир. Гуляют⁵⁰⁸ мечи, летают пули, ржут и топчут кони, от крику безумеет Голова. От Дыму слепнут очи. Все перемешалось. Но⁵⁰⁹ козак почует и познает, где Друг, где Недруг. Прошумит ли⁵¹⁰ пуля, — валится лихой⁵¹¹ седок с коня. Свистнет сабля — катится по земле голова, бормоча языком несвязные речи. Но видно в толпе красный верх козацкой шапки Пана Данила, мечется в глаза золотой пояс на синем жупане, вихрем вьется Грива вороного коня. Как⁵¹² птица, мелькает он там и там, покрикивает⁵¹³. Машет Дамасской саблей и рубит с правого и⁵¹⁴ с левого плеча. Руби, Козак, гуляй, козак⁵¹⁵, тещь⁵¹⁶ молодецкое сердце, но не заглядывайся за золотою⁵¹⁷ зброю, жупаны. Топчи под ноги золото и камня. Коли, козак. Гуляй, козак⁵¹⁸. Но оглянись назад. Нечестивые⁵¹⁹ Ляхи зажигают⁵²⁰ с другой стороны хаты. И, как вихорь, поворотил пан Данило назад, и⁵²¹ шапка с красным верхом мелькает около хат⁵²², и редеет вокруг⁵²³ него толпа.⁵²⁴ Не час и не другой бьются бьются ляхи, козаки, немного становится тех и других. Но не устает Пан Данило, сбивает с седел⁵²⁵ длинным копьем своим, топчет лихим⁵²⁶ конем пеших. Уже очищается двор, уже начали

⁵⁰⁶ *Вместо:* доведется выступить нам, погулять на славу — *было:* а. доведется нам погулять на славу; б. доведется мне погулять на славу

⁵⁰⁷ *Было:* в

⁵⁰⁸ *Далее зачеркнуто:* сабли

⁵⁰⁹ *Далее зачеркнуто:* почуть

⁵¹⁰ *Было:* пу<ля>

⁵¹¹ *лихой вписано*

⁵¹² *Далее зачеркнуто:* сизогр<удая>

⁵¹³ *покрикивает вписано*

⁵¹⁴ *и вписано*

⁵¹⁵ *В рукописи:* Руби, Козак, гуляй, козак.

⁵¹⁶ *Было:* весели

⁵¹⁷ *Было:* золотую

⁵¹⁸ *В рукописи:* Коли, козак. Гуляй. козак.

⁵¹⁹ *Нечестивые вписано*

⁵²⁰ *Далее зачеркнуто:* хаты

⁵²¹ *Далее зачеркнуто:* красный

⁵²² *хат вписано*

⁵²³ *Было:* около

⁵²⁴ *Далее зачеркнуто:* Час и два

⁵²⁵ *Вместо:* сбивает с седел — *было:* колет пикой

⁵²⁶ *лихим вписано*

разбежаться⁵²⁷ ляхи, уже⁵²⁸ обдирают⁵²⁹ козаки с убитых⁵³⁰ золотые жупаны и богатую збрую, уже Пан Данило собирается в погоню и глянул, чтобы созвать козаков своих... И весь закипел яростно. Дико сверкнул очами. Ему показал Катеринин отец, вот он стоит на горе и целит на него мушкет. [Данило] свирепо⁵³¹ гонит коня прямо на него... Козак, спрячь⁵³², на гибель идешь. Мушкет гремит. Колдун пропал за горою. Только верный Стецько видел, как мелькнула красная одежда колдуна и чудная шапка. Зашатал козак, повалил с коня на землю. Кинулся верный Стецько к своему Пану. — Лежит пан его, протянувшись на⁵³³ земле, и закрыл карие очи. Алая кровь закипела на груди. Но, видно⁵³⁴, почул верного слугу своего. Тихо приподнял веки свои. Блеснул⁵³⁵ очами. «Прощай, Стецько! скажи Катерине, чтоб не покидала сына. Не покидайте и вы его, мои верные слуги!» и затих. Вылетела козацкая душа из дворянского тела. Посинели уста, спит козак непробудно. Зарыдал верный слуга, припав⁵³⁶ к своему пану. Не слышит уже его пан. Приподнялся верный слуга и машет рукою Катерине. «Ступай сюда⁵³⁷, Пани. Ступай:»⁵³⁸ Подгулял твой пан. Лежит он пьяненок на сырой земле. Долго⁵³⁹ не протрезвиться ему». Всплеснула⁵⁴⁰ руками Катерина и повалилась, как сноп, на мертвое тело. «Муж мой. Ты ли лежишь тут, Закрывши Очи⁵⁴¹. Встань, мой ненаглядный сокол, протяни ручку свою, Приподымись. Погляди хоть раз⁵⁴² на твою Катерину, пошевели устами⁵⁴³, вымолви хоть одно словечко... Но ты Молчишь. Ты молчишь, мой Ясный Пан.⁵⁴⁴ Ты

⁵²⁷ *Вместо:* начали разбежаться — было: бегут

⁵²⁸ *Далее зачеркнуто:* а. сдерут; б. сдира<ют>

⁵²⁹ *В рукописи:* обдирает

⁵³⁰ с убитых *вписано*

⁵³¹ *Далее зачеркнуто:* по<гнал>

⁵³² спрячь *вписано*

⁵³³ на *вписано*

⁵³⁴ Было: он

⁵³⁵ *Далее зачеркнуто:* чудно

⁵³⁶ Было: и припал

⁵³⁷ сюда *вписано*

⁵³⁸ *Далее зачеркнуто:* Твои

⁵³⁹ Долго *вписано*

⁵⁴⁰ Было: Прибежала Кате<рина>

⁵⁴¹ Было: г<лаза>

⁵⁴² *Вместо:* Погляди хоть раз — было: а. Как в тексте; б. Хоть погляди

⁵⁴³ пошевели устами *вписано*

⁵⁴⁴ *Далее зачеркнуто:* а. Твои; б. уста свои сини

посинел, как Черное⁵⁴⁵ море. Сердце твое не бьется! Отчего ты такой холодной, мой пан, видно, не горючи мои слезы. Не в мочь им согреть тебя. Видно, негромок плач мой, не про<бу>дить им тебя. Кто же поведет теперь полки твои. Кто⁵⁴⁶ понесется на твоём вороном конике.⁵⁴⁷ Громко загукает и замашет саблей пред⁵⁴⁸ козаками? Козаки! Козаки!⁵⁴⁹ Где честь и слава ваша⁵⁵⁰? Лежит честь и слава ваша⁵⁵¹, закрывши очи на сырой земле. Похороните ж меня, похороните вместе с ним, засыпьте мне очи землю. Надавите мне кленовые доски на белые груди. Мне не нужна больше⁵⁵² красота моя». «Нет, пани, ты не властна⁵⁵³ делать, что тебе хочется» сказал Стецько⁵⁵⁴ «ты должна выполнить то, что приказал тебе твой пан⁵⁵⁵ при отходе души своей. Он завещал, чтоб ты сберегла ему сына и вырастила его⁵⁵⁶. Вы оставайтесь тут, хлопцы» продолжал он, оборотившись к обступившим тело козакам и рыдавшим, как малые дети. «Я пойду, соберу⁵⁵⁷ наших. [Ляхи] уже слышали⁵⁵⁸ про наше горе и ворочаются назад. Сердце так чует, что уже шумят они в подвале.⁵⁵⁹ Меды поотпечатаны, и вино хлещет из воронок. Упьются они тем вином навеки, никому из них не выйти на свет. Мы отпоем кровавую Панихиду своему Пану». Пламенем<?> засверкали козацкие очи, быстрее молнии взлетел он на коня, Громко Гукнул, и Гук отв<етил?>⁵⁶⁰ за горою, за лесом, за полем, и козаки, как птицы, слетелись на призыв⁵⁶¹ и с гиканьем обсыпали гору.

⁵⁴⁵ Черное *вписано*

⁵⁴⁶ Кто *вписано*

⁵⁴⁷ *Далее зачеркнуто:* Кто загукает молодецким голосом перед козаками

⁵⁴⁸ Было: перед

⁵⁴⁹ Козаки! Козаки! *вписано*

⁵⁵⁰ *Вместо:* честь и слава ваша — *было:* честь, слава козачества

⁵⁵¹ Было: козачества

⁵⁵² Было: теперь

⁵⁵³ Было: воль<на>

⁵⁵⁴ сказал Стецько *вписано*

⁵⁵⁵ твой пан *вписано*

⁵⁵⁶ *Вместо:* ты сберегла ему сына и вырастила его — *было:* сберегла ему и вырастила сына

⁵⁵⁷ *Далее зачеркнуто:* коза<ков>

⁵⁵⁸ *Вместо:* [Ляхи] уже слышали — *было:* [Ляхи] просл<ышали?>

⁵⁵⁹ *Вместо:* Сердце так ~ в подвале. — *было:* Уже шумят они в подвале

⁵⁶⁰ Было: отпр<янул?>

⁵⁶¹ *Далее зачеркнуто:* в

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет. Ни прошу<мит?>⁵⁶². Глядишь и не знаешь, идет или не идет⁵⁶³ его величаявая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто⁵⁶⁴ голубая зеркальная дорога без меры в ширину, без конца в длину реет и вьется по зеленому миру⁵⁶⁵. Любо тогда и жаркому⁵⁶⁶ солнцу поглядеться с вышины⁵⁶⁷ и погрузить лучи⁵⁶⁸ в холод стеклянных вод и прибережным лесам⁵⁶⁹ ярко [зеленью] отсветиться в⁵⁷⁰ водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам⁵⁷¹ и, наклонившись,⁵⁷² глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим⁵⁷³ изображением, и усмежаются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середине⁵⁷⁴ же Днепра они не смеют глянуть. Никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него⁵⁷⁵, редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает, и человек, и зверь, и птица, а Бог один величаво озирает с вышины и небо, и землю, и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром, и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне своем. Ни одна не убежит от него, разве погаснет на небе. Чорный лес, униженный спящими воронами⁵⁷⁶, разломанные им древле горы, свесясь, сияются закрыть его⁵⁷⁷ хотя длинную тенью своею. Напрасно.⁵⁷⁸ Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий-Синий хо-

⁵⁶² Было: Ни зазвучит

⁵⁶³ Вместо: идет или не идет — было: идут или не идут

⁵⁶⁴ Далее зачеркнуто: голубая

⁵⁶⁵ Вместо: по зеленому миру — было: по зеленой земле

⁵⁶⁶ жаркому *вписано*

⁵⁶⁷ Вместо: поглядеться с вышины — было: поглядеть *сверх<у>*

⁵⁶⁸ Далее зачеркнуто: свои

⁵⁶⁹ Далее зачеркнуто: с

⁵⁷⁰ Далее зачеркнуто: прибережных

⁵⁷¹ Было: берегам

⁵⁷² Далее зачеркнуто: а. гляд<ят>; б. не могут наглядеть<ься?>

⁵⁷³ Вместо: светлым своим — было: [свои<м>] чистым своим

⁵⁷⁴ Было: А в середине

⁵⁷⁵ Было: в нее

⁵⁷⁶ Чорный лес, униженный спящими воронами *вписано*

⁵⁷⁷ Вместо: свесясь, сияются закрыть его — было: а. свесясь над ним, [отд<елян>] оттеняют его черные с берегов; б. свесясь над ним, оттеняют его с берегов чорные; в. свесясь, хотят его закрыть; г. свесясь, хотят закрыть его

⁵⁷⁸ Напрасно. *вписано*

дит он плавным разливом и середь ночи как и середь дня^{579 580} виден за столько вдаль, за сколько видеть может Человечье око⁵⁸¹. Нежась и прижимаясь теснее [к] лугам от ночного холода, дает по себе серебрян<ую> стру<ю> и она вспыхивает, [будто] полоса дамасской сабли. А он, синий, снова заснул.^{582 583} Чуден и тогда Днепр, и нет реки, равной ему в мире. Когда же пойдут горами по небу сизые тучи, черный лес шатается до корня, Дубы трещат и молния, изламываясь промеж туч⁵⁸⁴, разом осветит мир, страшен тогда днепр, водяные холмы гремят, ударяясь о⁵⁸⁵ горы и с блеском и стоном отбегают назад, и визжат, и плачут, и заливаются вдали, старая мать козака⁵⁸⁶, выпро<во>жающая своего сына в войско. Разгульный и бодрый едет он⁵⁸⁷ на вороном коне, побченившись⁵⁸⁸ и молодецки заломив⁵⁸⁹ козацкую шапку, а она, рыдая, бежит за ним, хватается за стремя, ловит удила и ломает над ним руки и обливает его жаркими слезами.

Дико⁵⁹⁰ чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся Берегу и бьется об берег, подымаясь вверх и опускаясь вниз, пристающая лотка⁵⁹¹. Кто из козаков посмел гулять в челне в ту пору, когда рассердился старый Днепр? Видно, ему неведомо.⁵⁹² Лодка причалила, и вышел из нее накинутый кобеняком Колдун. Невесел он, ему Горька тризна, которую совершили козаки над убитым паном своим. Не мало поплатилось [ляхов]⁵⁹³, ⁵⁹⁴44-х

⁵⁷⁹ и середь ночи как и середь дня *вписано*

⁵⁸⁰ *Перед:* виден — *зачеркнуто:* и

⁵⁸¹ *Далее зачеркнуто:* что-нибудь

⁵⁸² *Вместо:* Нежась и прижимаясь ~ снова заснул. — *было:* [Роскошно посередине ночи] пл<ывет?> и жмется теснее к [берегам], лугам. При мимолетном ветре вдруг сверкнет по нем серебряная струя, будто полоса дамасской сабли, и снова он, синий, заснул

⁵⁸³ *Перед:* Чуден — *зачеркнуто:* И тогда

⁵⁸⁴ *Вместо:* изламываясь промеж туч — *было:* а. переламывается с тр<еском?>; б. переламывает тучи

⁵⁸⁵ *Было:* об

⁵⁸⁶ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* и заливаются вдали. Так убивается старая мать козака

⁵⁸⁷ он *вписано*

⁵⁸⁸ *Так в рукописи; ср. в ВД1:* подбченившись

⁵⁸⁹ *Далее зачеркнуто:* набекрень

⁵⁹⁰ Дико *вписано*

⁵⁹¹ *Так в рукописи*

⁵⁹² Видно, ему неведомо. *вписано*

⁵⁹³ *Вместо:* Не мало поплатилось [ляхов] — *было:* Там что-то не мало пропало ляхов

⁵⁹⁴ *Перед:* 44-х — *не зачеркнуто:* Сорок (*незавершенная правка*)

панов⁵⁹⁵ совсем, с збруею и жупана <ми>, да 33-х холопов изрубили в куски. По каменным ступеням спустился он между обгорелыми камням <и> вниз, где глубоко в земле была чудная его хата, и⁵⁹⁶ тихо вошел он, не скрипнули и двери, хата была без свечей, нетопыри мелькали взад и вперед, и знаки стали меняться по стенам.⁵⁹⁷ Не озираясь, покрыв он стол белою скатертью, поставил горшок и стал бросать длинными руками своими какие-то неведомые⁵⁹⁸ травы. Потом взял кухоль, выделанный с какого-то чудного дерева, почерпнул им воды и стал лить, шевеля губами и творя какие-то нечистые заклинания. Свет в светлице уже стал розовый и падал ему на ли <цо?>, и страшно было тогда ему глянуть в лицо, оно казалось кровавым. Глубокие морщины⁵⁹⁹ только чернели на нем, и Глаза как будто горели. Нечестивый грешник. Уже и борода давно поседела. И лицо изрыто морщинами, и высох весь, а все еще творит Богопротивные умыслы. Посередине хаты стало опять⁶⁰⁰ с дивным сиянием белое облако и что-то похожее на дикую радость сверкнуло на лицо его. Но отчего же стал он недвижим с разинутым ртом, не смея пошевелиться, и от чего волосы щетиною поднялись на <е>го⁶⁰¹ голове. В серебряном облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо, непрошенное, незванное явилось к нему в гости⁶⁰². Ясноло, чем даль <ше?>, больше и вперило в него неподвижные очи. Черты на нем <?> глаза, губы, очи, все незнакомое ему, никогда во всю жизнь свою он его не видывал,⁶⁰³ и страшного кажется в нем мало, а непреодолимый страх напал на него. А Незнак <ом>ая дивная голова сквозь облако также неподвижно глядела на не <го>. Облако уже и пропало. А неведомые черты еще резче выказались, и острые очи не отрывались от него.⁶⁰⁴ Колдун весь побелел, как полотно, диким, не своим голосом вскрикнул он, опрокинул горшок. Все пропало.

⁵⁹⁵ *Далее зачеркнуто:* сожгли

⁵⁹⁶ *Далее зачеркнуто:* как вошел

⁵⁹⁷ *Далее зачеркнуто:* Тихо поставил он молча горшок

⁵⁹⁸ *Было:* чудные

⁵⁹⁹ *В рукописи:* морчину

⁶⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* бело <е>

⁶⁰¹ *В рукописи:* наго; ср. в ВД1: и отчего волосы щетиною поднялись на его голове?)

⁶⁰² непрошенное, незванное явилось к нему в гости *вписано*

⁶⁰³ *Далее зачеркнуто:* Отчего же он

⁶⁰⁴ *Далее зачеркнуто:* А

«Спокой⁶⁰⁵ себя, моя любая сестра» говорил старый Эсаул Горобец. «Сны редко говорят правду».

«Никого не бойся» говорил молодой⁶⁰⁶ сын его, хватаясь за саблю «никто не посмеет тебя обидеть».

«Приляг, сестрица» говорила молодая его невестка⁶⁰⁷. «Я позову старуху ворожею. Против нее никакая сила не устоит, она выльет переполох тебе».

Пасмурно, мутными глазами⁶⁰⁸ глядела на всех Катерина и не находила речи.⁶⁰⁹ «Я Сама устроила себе погибель. Я выпустила его» простонала она. «Мне на земле нет нигде<?> покою.⁶¹⁰ Может быть, за грех⁶¹¹ мой не будет и на том свете от него⁶¹² покою. Вот уже десять дней я у вас в Киеве. Горя и капли не убавилось. Думала, буду⁶¹³ хоть в тишине растить на месть сына.... он отомстит за отца⁶¹⁴.... буду.... Страшен, Страшен привиделся он мне во сне⁶¹⁵. Боже сохрани и вам увидеть его. Сердце мое до сих пор⁶¹⁶ бьется и Дух занимается в груди. “Я зарублю, Катерина, Я зарублю, Катерина⁶¹⁷, твое дите” кричал он “если не выйдешь за меня замуж...⁶¹⁸ Я заруб....”» речь остановилась на устах у ней и, зарыдав, кинулась⁶¹⁹ она к люльке, и испуганное дитя протянуло ручонки и закричало.

Кипел и сверкал сын Эсаула и от гнева, слыша речи, [не находил слов].

Расходился и сам Эсаул⁶²⁰ Горобец⁶²¹. «Пусть побует⁶²² Окаян-

⁶⁰⁵ Было: Спокойся, моя

⁶⁰⁶ молодой *вписано*

⁶⁰⁷ Вместо: его невестка — было: же<на> его

⁶⁰⁸ Вместо: мутными глазами — было: с мутными глазами

⁶⁰⁹ Далее *зачеркнуто*: И тяжело

⁶¹⁰ Вместо: Мне на земле нет нигде<?> покою. — было: Мне нигде нет покою от

⁶¹¹ Было: грехи

⁶¹² от него *вписано*

⁶¹³ Вместо: Думала, буду — было: ну, думалось, буду

⁶¹⁴ он отомстит за отца *вписано*

⁶¹⁵ Далее *зачеркнуто*: и вам не знала

⁶¹⁶ до сих пор *вписано*

⁶¹⁷ Далее *зачеркнуто*: кричал

⁶¹⁸ Далее *зачеркнуто*: а. и зарыдав; б. и рыдая кин<улась>

⁶¹⁹ В *рукописи*: кинолась

⁶²⁰ Было: старый Эсаул

⁶²¹ Далее *зачеркнуто*: от

⁶²² Так в *рукописи*; ср. в ВД1: Пусть попробует. Далее *зачеркнуто*: Старый

ный Антихрист придти⁶²³ сюда, отведает, бывает ли сила в руках старого козака. Пусть придет он поглядеть, как [будут] растаскивать⁶²⁴ нечистое тело его вороны, прежде нежели придет чорт за его душою. Бог⁶²⁵ видит» говорил⁶²⁶ он, подымая прозорливые очи⁶²⁷ «не летел [ли] подать руку⁶²⁸ Брату Данилу. Его⁶²⁹ воля. Застал его на холодной⁶³⁰ постели, на которой уже много, много улеглося козацкого. Зато не пышна разве была тризна по нем,⁶³¹ выпустил ли хоть одного ляха живого⁶³². — Успокойся, мое дитя⁶³³. Никто не посмеет тебя обидеть⁶³⁴, разве и меня не будет, ни моего сына».

Кончив слова свои, Старый Эсаул пришел к люльке⁶³⁵ и дитя засмеялось и протягивало к нему ручонки⁶³⁶, увидевши висевшую на ремне у него в серебряной оправе красную⁶³⁷ люльку и привешенный к ней гаман с⁶³⁸ блестящим огнивом. «По отцу пойдет» сказал старый Эсаул, снимая с себя люльку и отдавая ему. «Еще от молока⁶³⁹ не отстал, а уже думает курить люльку». Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель, и все сговорились⁶⁴⁰ провести ночь вместе и⁶⁴¹ мало погода уснули все, а с ними Катерина..

⁶⁴²На дворе и в хате все было тихо, не спали только козаки, стоявшие на стороже. Вдруг закричала диким голосом, проснувшись, Катерина, и за нею разом проснулись⁶⁴³ «Он убил, он зарезал» без

⁶²³ Было: прийти

⁶²⁴ растаскивать *вписано*

⁶²⁵ Было: Бог святой

⁶²⁶ Было: говар<ивал?>

⁶²⁷ Вместо: прозорливые очи — было: руки

⁶²⁸ Вместо: не летел [ли] подать руку — было: а. не летел ли, замешкал ли я минутой; б. не летел ли, Промешк<ал> ли я минутой; в. не летел [ли] дать

⁶²⁹ Далее *зачеркнуто*: воля святая

⁶³⁰ Было: холодном

⁶³¹ Далее *зачеркнуто*: убежал

⁶³² Было: живым

⁶³³ Далее *зачеркнуто*: говорил

⁶³⁴ тебя обидеть *вписано*

⁶³⁵ Было: колыбели

⁶³⁶ и протягивало к нему ручонки *вписано*

⁶³⁷ Было: люльку

⁶³⁸ Далее *зачеркнуто*: огнивом

⁶³⁹ Было: от мат<ери>

⁶⁴⁰ Было: согласились

⁶⁴¹ Далее *зачеркнуто*: все ско<ро>

⁶⁴² Перед: На дворе — *зачеркнуто*: Все

⁶⁴³ Фраза не окончена

памяти кричала Катерина и кинулась к колыбели, все обступили колыбель, окаменели от ужаса, увидев, что в ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвил ни один из них, так страшно сделалось всем. Уже опамятавались иные, но все стояли бессловно, помышля⁶⁴⁴ о таком неслыханном злодействе. Перестал <?>⁶⁴⁵ Бог глядеть на грешную землю, или нет уже и казни такому неслыханному злодейству.

<Л. 15 об.> XII

Далеко от украинского края, проехавши и Польшу⁶⁴⁶, минуя и многолюдный город Лемберг, идут рядами высоковерхие горы. Гора за⁶⁴⁷ горою, будто⁶⁴⁸ каменными цепями перекидывают они⁶⁴⁹ вправо и влево землю и⁶⁵⁰ обковывают ее каменной толщею⁶⁵¹, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идут каменные цепи в⁶⁵² Валахию и в Седмиградскую область и громадою⁶⁵³ стали меж Галичским и Венгерским народом. Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет⁶⁵⁴ оглянуть их, а⁶⁵⁵ на вершину иных не заходила и нога человечья. Чуден и вид их: н<е> зазорное ли море выбежало в бурю из широких бер<егов>, вскинуло вихрем на воздух безобразные волны и они, окаменев, остались⁶⁵⁶ недвижимыми в воздухе. Не обрывались ли тяжелье тучи, гремя по небу, и загрузоздили⁶⁵⁷ [землю]⁶⁵⁸, ибо и на них такой же серый цвет, и белые верхушки блестят и искрятся при солнце. Еще до Карпатских гор услышишь русскую или ляшскую молвь, и за горами⁶⁵⁹ еще кой-где отзовется⁶⁶⁰ как будто тоже <?>⁶⁶¹

⁶⁴⁴ Так в рукописи

⁶⁴⁵ Было: И стал

⁶⁴⁶ Вместо: проехавши и Польшу — было: далее Литвы и Польши

⁶⁴⁷ за повторено в рукописи дважды

⁶⁴⁸ будто вписано

⁶⁴⁹ они вписано

⁶⁵⁰ и вписано

⁶⁵¹ Было: толщей

⁶⁵² Было: и

⁶⁵³ Было: сторожами

⁶⁵⁴ не смеет вписано

⁶⁵⁵ Было: и

⁶⁵⁶ Было: стали

⁶⁵⁷ Так в рукописи

⁶⁵⁸ Далее зачеркнуто: а. потому что; б. ибо и серый цвет их [похож на тучи] схож

⁶⁵⁹ Далее зачеркнуто: кой-где

⁶⁶⁰ В рукописи: отзовется

⁶⁶¹ Вместо: как будто тоже <?> — было: схожее [*<1 нрзб.>*]

не родное слово, а там уже и вера не та и говор не тот. Живет народ не малолюдный, народ⁶⁶² [Венгерский]. Ездит на конях. Рубится⁶⁶³ и пьет не хуже козака, а за конную зброю и ясные кафтаны не⁶⁶⁴ скупится вынимать из кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера, как скло, недвижимы они и, как зеркало, отдают в себе голые вершины гор и зеленые подошвы их. Но Кто⁶⁶⁵ среди ночи, блещут или не блещут звезды, едет на огромном вороном⁶⁶⁶ коне. Какой страшный Богатырь с нечеловечьим ростом скачет под⁶⁶⁷ горами, над озерами, обходит исполинским конем⁶⁶⁸ в недвижных озерах,⁶⁶⁹ и бесконечная тень скоро мелькает по горам. Блещут чеканенные латы, при нем топор, гремит при седле сабля. Шелом [надвинут, черные] чернеют⁶⁷⁰, и очи закрыты, ресницы опущены. Он спит. И, сонный, держит повода, и за ним сидит на коне⁶⁷¹ младенец-паж, и также спит, и, сонный, держится за богатыря.⁶⁷² Кто он? Куда, зачем едет. Кто его знает. Не день, не два уже он переезжает горы. Блеснет день, выйдет солнце. Его не видно. Изредка только замечали горцы, что по горам мелькает часто легкая тень, и небо ясно и тучи не пройдет по нем. Чуть же ночь наведет темноту на мир, снова он виден и отдается в озерах, и за ним, дрожа, скачет тень его. Уже прое<хал> он много гор и въехал на Корован. Горы этой нет выше меж Карпатскими горами. Как царь стоит он посереде других. Тут остановился и конь и всадник, и еще глубже погрузился в сон, и тучи, спустясь, закрыли его.

⁶⁶² народ вписано

⁶⁶³ Далее зачеркнуто: не ху<же?>

⁶⁶⁴ Далее зачеркнуто: жалеет

⁶⁶⁵ Далее зачеркнуто: а. при зве<здах?>; б. один

⁶⁶⁶ Вместо: едет на огромном вороном — было: а. мчится на вороном; б. мчится на исполин<ском?>

⁶⁶⁷ Было: по

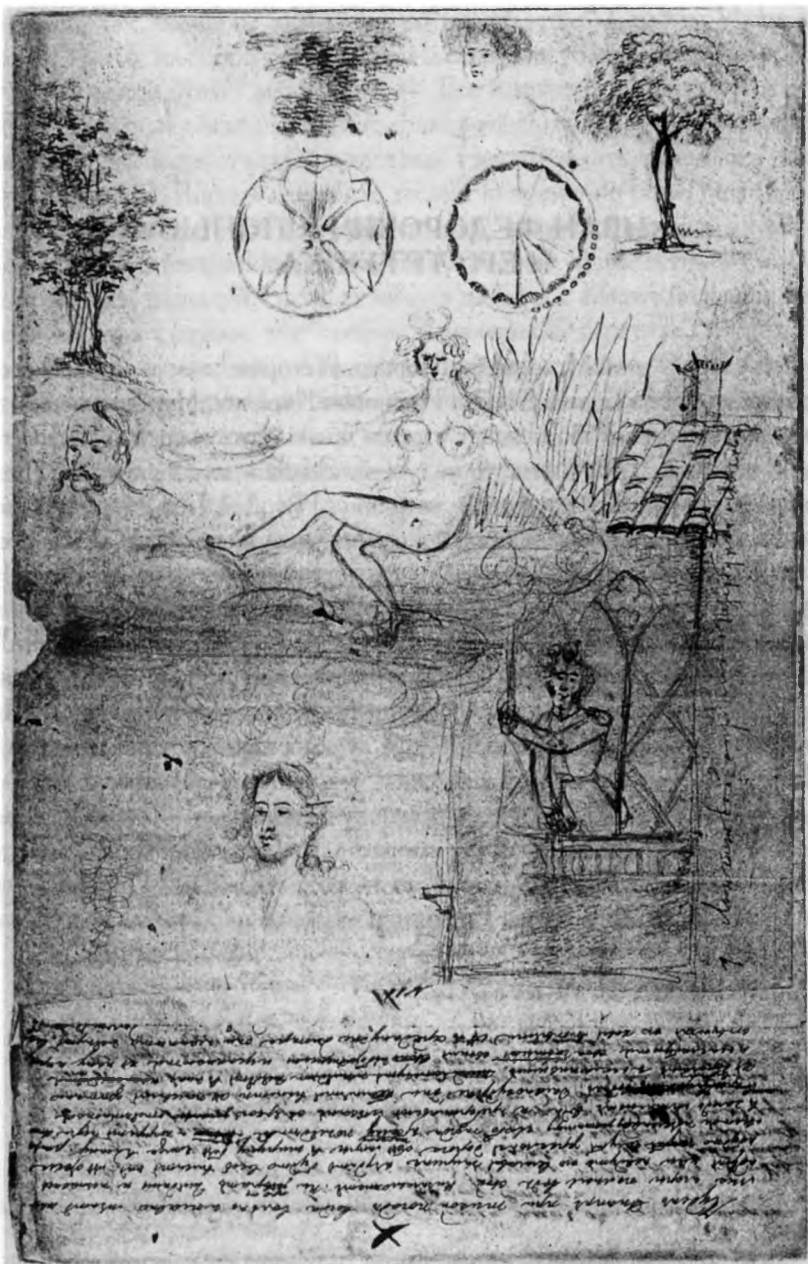
⁶⁶⁸ Далее зачеркнуто: а. в; б. своим

⁶⁶⁹ Далее зачеркнуто: и мел<ь>ка<ет>

⁶⁷⁰ Так в рукописи; ср. в ВД1: шелом надвинут; усы чернеют; очи закрыты

⁶⁷¹ Далее зачеркнуто: паж

⁶⁷² Далее зачеркнуто: Не день, не два уже он едет

«Страшная месь». Черновой автограф.
Л. 16 об. (обрезан на одну пятаю) и верхняя часть Л. 14 об.
Государственный исторический музей. Москва

<ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА>

<Л. 1> С этой Историей случилась История:¹ нам рассказывал ее приезжавший из Гадяча Степан Иванович Курочка. Нужно вам знать, что память у меня², чорт знает что³ за дрянь, хоть говори, хоть не говори, все одно⁴, что в решето воду лей. Зная за собою такой грех, нарочно просил его написать в тетрадку. Ну, Дай Бог ему здоровья, Человек он всегда был⁵ доброй⁶ для меня, взял и списал. Положил⁷ ее я⁸ в маленькой столик, вы, думаю, его хорошо знает <е>, он⁹ стоит [в углу], как войдешь только¹⁰ в двери.... Да я и забыл, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, с которой уже живу лет тридцать вместе¹¹, Грамоте, нечего греха таить, с роду не училась. Вот замечаю я, что она пирожки печет все на какой-то бумаге. Пирожки она, Милостивые Государи, удивительно хорошо печет. Я лучших пирожков нигде не едал. Посмотрел как на сподку пирожка¹² — смотрю, писанные слова. — Как будто сердце у меня знало, прихожу к столику. — Тетрадки только половина. Остальные листки все растаска <ла?> на пироги. — Что прикажешь делать? На старости лет не подрасться же.¹³ Прошлый год случилось проезжать через Гадяч, нарочно еще не доезжая города за-

¹ Далее зачеркнуто: М <не?>

² Далее зачеркнуто: Господ <а>

³ Было: сто

⁴ Далее зачеркнуто: все равно

⁵ он всегда был вписано

⁶ Было: добрый

⁷ Далее зачеркнуто: я

⁸ Далее зачеркнуто: думаю вы знаете; сверху вписано и зачеркнуто: вы хоть сами <?>

⁹ Далее зачеркнуто: обыкновенно

¹⁰ только вписано

¹¹ Далее зачеркнуто: нечего

¹² Так в рукописи; ср. в ВД1: Посмотрел как-то на сподку пирожка

¹³ Что прикажешь ~ не подрасться же. вписано

вязал узелок, чтобы не забыть попросить об этом¹⁴ Степана Ивановича. Это мало, взял обещание с самого себя, как только чихну в городе, то¹⁵ чтобы при этом¹⁶ вспомнить. — Все напрасно. Проехал через город, и чихнул, и высморкался в платок, а все позабыл, да уж вспомнил, как верст за шесть отъехал от заставы. Нечего делать, пришлось печатать без конца. Впрочем если кто желает непременно [чем] было дальше в этой повести¹⁷, то¹⁸ ему стоит только¹⁹ нарочно приехать в Гадяч и попросить²⁰ Степана Ивановича, он с большим удовольствием расскажет ее, хоть, пожалуй, снова от начала до конца. Живет недалеко возле Каменной Церкви, тут²¹ сейчас²² маленький переулок, как только поворотишь в переулок, то будут²³ вторые или третьи ворота. Да вот лучше, когда увидите²⁴ на дворе большой шест с перепелом и выйдет навстречу вам толстая баба в зеленой юбке (Он ведет жизнь холостую), то это его двор. Впрочем, вы²⁵ можете его встретить²⁶ на Базаре, где он бывает каждое утро до 8ми часов и выбирает рыбу и зелень для своего стола и разговаривает с отцом Антипом или с жидом откупчиком. Вы его тотчас узнаете, потому что ни у кого нет кроме него²⁷ панталон из цветной выбойки и Дамикатонового²⁸ желтого сюртука. Когда ходит он, то всегда размахивает руками. Еще покойный²⁹ гадячский заседатель, Денис Петрович, всегда, бывало³⁰, увидевши его издали³¹, говорит: «глядите, глядите, вон³² ветряная мельница идет³³.» —

¹⁴ об этом вписано

¹⁵ то вписано

¹⁶ при этом вписано

¹⁷ Так в рукописи; ср. в ВД1: если кто желает непременно знать, о чем говорится далее в этой повести

¹⁸ Далее зачеркнуто: а. может; б. стоит только

¹⁹ стоит только вписано

²⁰ Далее зачеркнуто: Ивана

²¹ Далее зачеркнуто: а. есть; б. будет

²² сейчас вписано

²³ Было: будет

²⁴ Вместо: Да вот лучше, когда увидите — было: а. Там еще; б. Там у него еще

²⁵ Было: мы

²⁶ Далее зачеркнуто: каждый день

²⁷ Вместо: кроме него — было: больше

²⁸ Далее зачеркнуто: тонкого

²⁹ Далее зачеркнуто: заседатель; сверху вписано и зачеркнуто: гадячский

³⁰ Далее зачеркнуто: глядите; сверху вписано и зачеркнуто: когда завидит его

³¹ увидевши его издали вписано

³² вон вписано

³³ Было: ходит

<Л. 2> Уже четыре года как Иван Федорович Шпонька в отставке и живет в хуторе своем. Когда был он еще Ванюшею, то обучался в Гадячском поветовом училище, и надобно сказать, что был преблагонаправный и престарательный мальчик. Учитель российской грамматики Никифор Тимофеевич Деепричастие говорил, что если бы все у него³⁴ были так³⁵ старательны, как Шпонька, то он³⁶ не носил бы с собою в класс кленовой³⁷ линейки, которою, как сам он признавался, уставал бить по рукам ленивцев и шалунов. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругом облененная, нигде ни пятнышка. Сидел он всегда смиренно³⁸, сложив руки и уставив³⁹ глаза на учителя, и никогда не привешивал сидевшему⁴⁰ впереди его товарищу на спину бумажек, не резал скамьи и не играл до приходу учителя⁴¹ в Тесной Бабы. Когда кому нужда была в ножике очинить перо, всякой обращался к Ивану Федоровичу⁴², зная, что у него всегда водился ножик, и Иван Федорович, тогда еще просто Ванюша, вынима<л> его из небольшого кожаного чехольчика, привязанного к петле светло-серинького сюртука, и⁴³ просил только не скоблить острием пера, уверяя, что для это есть тупая сторона. Такое благонаравие скоро привлекло на него внимание даже учителя латинского языка, которого один кашель в сенях⁴⁴ (еще прежде, нежели высовывалась в двери его⁴⁵ фризловая шинель и лицо, изузоренное оспою) наводил страх на весь класс. Этот грозный⁴⁶ учитель, у которого⁴⁷ на кафедре всегда лежало два пучка розог и половина класса стояла на коленях, сделал Ивана Федоровича Авдитором, несмотря на то, что в классе было много с гораздо лучшими способностями. Тут не можно пропустить одного случая, сделавшего влияние на его жизнь. Один из вверенных ему

³⁴ у него вписано

³⁵ Далее зачеркнуто: прилежны

³⁶ Далее зачеркнуто: бы

³⁷ Было: а. толстой; б. дубовой

³⁸ Далее зачеркнуто: ус<тавив?>

³⁹ Далее зачеркнуто: руки

⁴⁰ Далее зачеркнуто: перед

⁴¹ до приходу учителя вписано

⁴² Было: Федоровичу

⁴³ и вписано

⁴⁴ Далее зачеркнуто: а. наводил трепет на весь класс; б. еще прежде, нежели показывалась в дверях его фрязовая шинель

⁴⁵ его вписано

⁴⁶ Было: страшный (не зачеркнуто; незавершенная правка)

⁴⁷ Сверху вписано и зачеркнуто: в лице котор<ого>

учеников⁴⁸, чтобы склонить своего Авдигора⁴⁹ написать ему в списке scit, тогда как⁵⁰ он своего урока ни в зуб не знал, принес в класс за-вернутый в бумагу огромный мас<л>яный блин. Иван Федорович, хотя и держался всегда правды, но на эту пору был голоден и⁵¹ никак не⁵² противиться обольщению, взял блин, поставил перед собою кни-гу и начал его есть и так был занят этим⁵³, что даже не заметил, как в классе вдруг сделалась мертвая тишина. Тогда только с ужасом очнул-ся он, когда страшная⁵⁴ рука, протянувшись из фризовой шинели, ух-ватила его за ухо и вытащила на середину класса. «Поддай сюда блин! Поддай, говорят тебе, негодяй!» — сказал грозный учитель, схватил пальцами масляный⁵⁵ блин и выбросил его за окно⁵⁶, строго запретив бегавшим по двору школьникам поднимать его. После этого тут же высек⁵⁷ он пребольно⁵⁸ Ивана Федоровича по рукам. И дело. Руки⁵⁹ виноваты, зачем брали, а не другая часть тела. Как бы то ни было, только с этих пор робость, которая и без того⁶⁰ была неразлучна с ним, увеличилась еще больше. Может, это самое происшествие было причиною и тому, что он не имел⁶¹ никогда⁶² желания вступить в Штатскую службу, видя на опыте, что лихоимцам не всегда удается хоронить концы. Было уже ему без малого четырнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где вместо сокращенно<го>⁶³ Катихи-зиса⁶⁴ и четырех правил Арифметики принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби. Но увидевши, что чем даль-ше в лес, тем больше дров, и получивши известие⁶⁵, что Батюшка

⁴⁸ Далее зачеркнуто: желая

⁴⁹ Вместо: своего Авдигора — было: а. его отме<тить>; б. записать его в спи-ске

⁵⁰ Было: когда

⁵¹ был голоден и вписано

⁵² Пропуск в рукописи

⁵³ Далее зачеркнуто: делом

⁵⁴ страшная вписано

⁵⁵ Было: в масле

⁵⁶ Вместо: выбросил его за окно — было: выбросил за окно блин

⁵⁷ Далее зачеркнуто: он И Ф

⁵⁸ он пребольно вписано

⁵⁹ Было: Рука

⁶⁰ и без того вписано

⁶¹ Далее зачеркнуто: охоты

⁶² никогда вписано

⁶³ сокращенно<го> вписано

⁶⁴ Так в рукописи

⁶⁵ Вместо: получивши известие — было: услы<ша>вши

<Л. 2 об.> приказал долго жить⁶⁶, пробыл еще два⁶⁷ и с согласия Матушки вступил в П^{<***>} пехотный полк. П^{***} пехотный полк был совсем не такого сорта⁶⁸, какому принадлежат многие пехотные полки, и несмотря на то, что он большею частью стоял по деревьям, однако ж был на такой ноге, что⁶⁹ не уступал⁷⁰ иным и⁷¹ Кавалерийским. Большая часть офицеров пила выморозки, несколько человек⁷² даже умели танцевать мазурку, и Полковник П^{***} полка⁷³ никогда не упустил случая⁷⁴ замечать об этом⁷⁵, разговаривая⁷⁶ с кем-нибудь⁷⁷ в обществе. «У меня-с» говорил он обыкновенно, трепля себя ладонью по брюху после каждого слова⁷⁸. «Многие-с⁷⁹ пляшут-с<?>» мазурку, весьма многие-с, очень многие-с». — Чтоб еще более показать читателям образованно<сть?> П^{***} пехотного полка⁸⁰, мы прибавим, что⁸¹ из офицеров два были страшные игроки в банк и проигрывали⁸² мундир, фуражк<у?>, шинель, темляк и даже исподнее платье. Что не везде⁸³ и между кавалеристами можно⁸⁴ сыскать. Обхождение с такими товарищами однако ж ничуть не уменьшило робости Ивана Федоровича. И так как он не пил выморозков, предпочитая им⁸⁵ рюмки водки перед и перед ужином⁸⁶, не танцевал мазурки и не играл в банк, то

⁶⁶ Далее зачеркнуто: упросил он матушку

⁶⁷ пробыл еще два вписано (незавершенная правка; ср. в ВД1: пробыл еще два года)

⁶⁸ Далее зачеркнуто: какого

⁶⁹ Было: и

⁷⁰ Далее зачеркнуто: и
и вписано

⁷² человек вписано

⁷³ Далее зачеркнуто: всегда

⁷⁴ случая вписано

⁷⁵ об этом вписано

⁷⁶ Было: разговаривать

⁷⁷ Далее зачеркнуто: дру<гим?>

⁷⁸ после каждого слова вписано

⁷⁹ Далее зачеркнуто: весьма м<ногие>

⁸⁰ Вместо: образованно<сть?> ~ полка — было: как они должны<?> смотреть на П^{***} пехотный полк

⁸¹ Далее зачеркнуто: Два

⁸² Далее зачеркнуто: часто

⁸³ Было: во всяком

⁸⁴ Далее зачеркнуто: было

⁸⁵ им вписано

⁸⁶ Так в рукописи; ср. в ВД1: пред обедом и ужином

натурально⁸⁷ должен был всегда оставаться один. Оставаясь уж всегда на своей квартире, между тем как другие разъезжали на обывательских по мелким помещикам⁸⁸, он занимался⁸⁹ занятиями, которые были сродни одной кроткой и доброй⁹⁰ душе, то чистил пуговицы, то читал библию или гадательную книгу, то ставил мышеловки по углам своей комнаты, то наконец, скинувши мундир, лежал на постеле. Зато не было никого исправнее⁹¹ Ивана Федоровича в полку и взводом своим он так командовал, что ротный⁹² командир ставил всегда его в образец. Зато в скором времени, спустя одиннадцать лет по вступлении его в службу, произведен он был из прапорщиков в подпоручики. В продолжении этого времени он получил известие⁹³, что Матушка скончалась, а Тетушка, родная сестра матушки⁹⁴, которую он знал только потому, что она привозила ему в детстве и посылы <ла-ла> даже в Гадяч⁹⁵ сушеные груши⁹⁶, деланные ею самую превкусные пряники (с матушкой она была в ссоре и потому Иван Федорович после не видел ее), эта тетушка по своему добродушию взялась управлять небольшим его имением, о чем известила его письмом. — Иван Федорович, [будучи]⁹⁷ совершенно уверен в благоразумии Тетушки, начал еще ревностнее отправлять⁹⁸ свою службу. Иной⁹⁹ на его месте, получивши такой <?>¹⁰⁰ чин, возгордился бы. Но гордость совершенно была неизвестна Ивану Федоровичу. И сделавшись подпоручиком¹⁰¹, он был тот же самы <й> Иван Федорович, каким был некогда и в прапорщичь <ем>¹⁰². — Чтоб еще более показать свое

⁸⁷ Далее зачеркнуто: что

⁸⁸ между тем ~ помещикам вписано

⁸⁹ Далее зачеркнуто: занят <иями?>, которые

⁹⁰ Было: смирной

⁹¹ Далее зачеркнуто: в полку

⁹² В рукописи: родный

⁹³ Вместо: получил известие — было: услышал

⁹⁴ Далее зачеркнуто: а. по сво <ему?>; б. которую

⁹⁵ Было: Гадящ

⁹⁶ Далее зачеркнуто: а. и; б. деланные

⁹⁷ Сверху вписано и зачеркнуто: полагая

⁹⁸ Было: отправляя

⁹⁹ Далее зачеркнуто: бы

¹⁰⁰ такой <?> вписано

¹⁰¹ Было: подпоручик

¹⁰² Вместо: каким ~ в прапорщичь <ем> — было: который был некогда прапорщиком

[рвение¹⁰³, он хотел было отпроситься у капитана <?>¹⁰⁴ в откомандирован <к>у по одному¹⁰⁵ делу]. Пробыв два года¹⁰⁶ после этого замечательного для [Ивана Ф] происшествия, он готовился выступить вместе с полком из Могилевской в Россию¹⁰⁷, как получил письмо такого содержания:

«Любезный племянник, Иван Федорович! посылаю тебе бельё¹⁰⁸: полдюжины порток, пять пар карпеток и четыре рубашки тонкого холста; да ещё хочу поговорить с тобою о деле. Так как ты уже имеешь чин немаловажный, что думаю тебе известно, и пришел в такие лета, что пора и хозяйством позаняться. То в воинской службе тебе незачем уж более служить. Я уже стара и не могу всего присмотреть в твоём хозяйстве, да и подлинно¹⁰⁹ многое притом имею тебе открыть лично. Приезжай, Ванюша. В ожидании подлинного удовольствия тебя видеть, остаюсь Много любящая тебя Тетка Василиса.

Чудная в Огороде у нас выросла репа, больше похожа на картофель, чем на репу».

<Л. 3> ¹¹⁰Через неделю¹¹¹ после получения этого письма Иван Федорович написал такой ответ.

«Милостивая государыня, Тетушка Василиса Кашпоровна. Много¹¹² благодарю вас за присылку белья. Особенно карпетки у меня очень старые¹¹³, деньщик штопал четыре раза и очень от <того?> стали узкие. На щот Вашего мнения о моей службе я совершенно согласен с вами и третьего дня подал отставку. И как только¹¹⁴ получу увольнение, то найму извозчика. Прежней вашей комиссии на щот семян¹¹⁵ пшеницы Сибирской¹¹⁶ Арнаутки не мог исполнить, во всей Могилевской губернии нет такой¹¹⁷. Свиней же

¹⁰³ Далее зачеркнуто: Иван

¹⁰⁴ Вместо: отпроситься у капитана <?> — было: отпроситься

¹⁰⁵ Далее зачеркнуто: немаловажному

¹⁰⁶ Так в рукописи

¹⁰⁷ Пробыв ~ в Россию вписано

¹⁰⁸ Было: белья

¹⁰⁹ подлинно вписано

¹¹⁰ Перед: Через — зачеркнуто: Получив

¹¹¹ неделю вписано

¹¹² Было: премного

¹¹³ Вместо: у меня очень старые — было: были у меня такие старые, что

¹¹⁴ Так в рукописи

¹¹⁵ семян вписано

¹¹⁶ Сибирской вписано

¹¹⁷ Было: настоящей

здесь кормят большею частью брагой, подмешивая немного выигравшегося¹¹⁸ пива.

С совершенным почтением, Милостивая Государыня Тетушка, пребываю вашим послушным племянником Иваном Шпонькою. —»

Наконец¹¹⁹ Иван Федорович получил отставку с чином поручика, нанял за 40 рублей жида от Могилева до Гадяча и сел в кибитку в то самое время, когда деревья оделись молодыми еще редкими листьями, вся земля зазеленела свежо¹²⁰ зеленью и по всему полю пахло весною. —

Дорога

В дороге ничего не случилось слишком замечательного для путешественника. Ехали с небольшим две недели. Может быть, еще¹²¹ и¹²² этого скорее приехал бы Иван Федорович. Но набожный жид шабашовал по субботам и¹²³, накрывшись своею попоной, молился весь день. Впрочем, Иван Федорович, как уже имели случай заметить, был такой человек, который не допускал к себе скуки¹²⁴, развязывал чемодан, рассматривал, хорошо ли вымыто и сложено белье, снимал осторожно пушок с нового мундира, сшитого уже без Погончиков, и снова все это укладывал наилучшим образом. Книг он, вообще сказать, не любил читать и если заглядывал иногда в Библию и гадательную книгу, так это потому, что любил¹²⁵ встреча <ть>¹²⁶ там знакомое, читанное уже несколько раз. Так¹²⁷ городской житель управляет¹²⁸ каждый¹²⁹ день в клуб не для того, чтобы услышать там что-нибудь новое, но чтобы встретить¹³⁰ тех приятелей¹³¹, с которыми

¹¹⁸ Было: выигравшееся

¹¹⁹ Далее зачеркнуто: прошел месяц

¹²⁰ Было: яркою

¹²¹ Далее зачеркнуто: скорее

¹²² и вписано

¹²³ Далее зачеркнуто: ничего не делал в этот день и

¹²⁴ В рукописи: скука. Далее зачеркнуто: в то время, когда жид был занят своим, он (в отвергнутом варианте слово в остальое незачеркнутым)

¹²⁵ любил вписано

¹²⁶ Было: встречал

¹²⁷ Далее зачеркнуто: какой-нибудь

¹²⁸ Так в рукописи

¹²⁹ Было: в <клуб?>

¹³⁰ В рукописи: встретиться. Далее зачеркнуто: там там

¹³¹ Было: люд <ей>

ми¹³² он уже с незапамятных времен привык болтать в клубе. Так Директор Департамента с большим наслаждением читает Адрес календарь по нескольку раз на день не для¹³³ каких-нибудь Дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная¹³⁴ роспись имен. «А! Иван Гаврилович такой-то!» повторяет он глухо про себя. «А вот и я. Гм!» и на следующий раз снова перечитывает его с теми же восклицаниями. —

После двух недельной езды Иван Федорович достигнул¹³⁵ деревушки, находившей в ста верстах¹³⁶ от Гадяча. Это было в пятни<цу>.¹³⁷ Было уже довольно поздно, когда въехал он¹³⁸ с кибиткою и с жидом на постоялой двор. Этот постоялый двор ничем не отличался от других, находящихся¹³⁹ по небольшим деревушкам¹⁴⁰, в них обыкновенно с большим усердием потчивают¹⁴¹ путешественника сеном и овсом, как будто бы он был почтовая лошадь. Но если бы он захотел позавтракать, как обыкновенно завтракают люди, то сохранял бы в ненарушимости свой Аппетит до другого случая. Иван Федорович, зная все это, запасся заблаговременно двумя преобладающими вязками бубликов и колбасою и, спросивши рюмку водки, в которой не бывает недостача ни в одном Постоялых двор<ов>¹⁴², начал свой ужин¹⁴³, усевшись на лавке перед дубовым столом, неподвижно вкопанным в глиняной пол. — В продолжение этого времени послышался стук брички, ворота заскрипели. Но бричка долго не въезжала на двор. Громкий голос бранился с старухою,¹⁴⁴ содержавшею трактир. «Хорошо. Я въеду» услышал Иван Федорович. «Но если хоть один клоп укусит меня в твоей¹⁴⁵ хате, то¹⁴⁶ прибью, ста-

¹³² Было: которым

¹³³ Далее зачеркнуто: того

¹³⁴ Было: длинная

¹³⁵ Далее зачеркнуто: наконец

¹³⁶ Далее зачеркнуто: от

¹³⁷ Это ~ пятни<цу>. вписано

¹³⁸ В рукописи: когда он въехал он

¹³⁹ Было: постоялых дворов

¹⁴⁰ Далее зачеркнуто: Ту<т>

¹⁴¹ Было: потчивали

¹⁴² Так в рукописи; вместо: ни в одном Постоялых двор<ов> — было: в Постоялых дворах

¹⁴³ Вместо: свой ужин — было: есть

¹⁴⁴ Далее зачеркнуто: содержавшею

¹⁴⁵ Вместо: укусит меня в твоей — было: покажется у тебя

¹⁴⁶ Далее зачеркнуто: ей богу

рая¹⁴⁷ колдунья¹⁴⁸, и за сено ничего не дам». — Минуту спустя дверь отворилась и вошел или лучше влез толстый человек в зеленом сюртуке. Лице его неподвижно покоилось на короткой¹⁴⁹ толстой шее¹⁵⁰, казавшей еще толще от двух этажного подбородка¹⁵¹. Словом, он принадлежал к числу тех людей, которые не ломали¹⁵² никогда головы над пустяками и которых вся жизнь катилась по маслу.

<Л. 3 об.> «Желаю здравствовать, Милостивый государь!» проговорил, увидевши Ивана¹⁵³ Федоровича.

Иван Федорович безмолвно¹⁵⁴ поклонился¹⁵⁵.

«А позвольте узнать, с кем имею честь говорить?» продолжал толстой приезжий.

При таком вопросе Иван Федорович¹⁵⁶ невольно поднялся с места и стал в вытяжку, что обыкновенно он делывал [перед] полковником¹⁵⁷. «Отставной поручик Иван Федоров Шпонька» отвечал он.

«А смею ли спросить, в какие места¹⁵⁸ изволите ехать?»

«В собственный хутор-с Копонивку».

«Копонивку!»¹⁵⁹ продолжал строгий допросчик. «Позвольте, милостивый государь, позвольте» говорил он, подступая к нему¹⁶⁰, размахивая руками, как будто бы¹⁶¹ кто-нибудь его не допускал или он продирался сквозь толпу, и, приблизившись¹⁶², принял Ивана Федоровича¹⁶³ в объятия и облобызал сначала в правую, потом в левую и потом снова в правую щеку. И губы¹⁶⁴ Ивана Федоровича¹⁶⁵ приня-

¹⁴⁷ Далее зачеркнуто: вражья

¹⁴⁸ старая [вражья] колдунья вписано

¹⁴⁹ короткой вписано

¹⁵⁰ Далее зачеркнуто: которую еще более <?>

¹⁵¹ Далее зачеркнуто: Одним

¹⁵² Далее зачеркнуто: гол <овы?>

¹⁵³ Было: И Ф

¹⁵⁴ Было: учтиво

¹⁵⁵ Далее зачеркнуто: и перестал ужинать

¹⁵⁶ Далее зачеркнуто: как бы

¹⁵⁷ Сверху вписано: когда спрашивал

¹⁵⁸ Вместо: в какие места — было: куда

¹⁵⁹ Было: «Копонивку?»

¹⁶⁰ Далее зачеркнуто: раз <махивая?>

¹⁶¹ бы вписано

¹⁶² В рукописи: приблизившись

¹⁶³ Далее зачеркнуто: к себе

¹⁶⁴ губы вписано

¹⁶⁵ Вместо: Ивана Федоровича — было: Иван Федорович [заметил, что его]

чувствовал

ли большие щеки незнакомца за подушку. «Позвольте, Милостивый государь, познакомиться» продолжал толстяк. «Я помещик того же Гадячского уезда и ваш сосед, живу от¹⁶⁶ Хутора вашего Копонивка не более пяти верст в селе Хортыще, а¹⁶⁷ фамилия моя Григорий Григорьевич Шлепковский¹⁶⁸, непременно, непременно¹⁶⁹, Милостивый государь¹⁷⁰, и знать вас не хочу, если не приедете в гости в Село Хортыще. Я теперь по надобности спешу. А что это. Куда ты это ставишь?» продолжал он¹⁷¹ громким голосом, обращаясь к вошедшему своему лакею,¹⁷² мальчику в козацкой свитке с заплатанными локтями, с недоумевающей миной ставившему на стол узлы и ящики. И голос Григория Григорье<вича> незаметно делался грознее и грознее, «разве я это и сюда велел ставить тебе, любезный, разве я это сюда говорил тебе ставить, подлец, разве я не говорил тебе наперед¹⁷³ разогреть курицу, мошенник. Пошел!» вскрикнул он наконец, притопнув ногою. «Постой!¹⁷⁴ пакостная рожа. Где погребец с штофиками. — Иван Федорович» говорил он, наливая в рюмку настойку. «Прошу покорно лекарственной. —»

«Ей богу-с, не могу... Я уже имел случай...» проговорил Иван Федорович с запинкою.

«И слушать не хочу, Милостивый государь» возвысил голос помещик «и слушать не хоч¹⁷⁵. С места не сойду, покамест не выкушаете...»

Иван Федорович, увидевши, что ничем нельзя отвязаться от гостеприимного угощателя, выпил. —

«Это курица¹⁷⁶, Милостивый государь» продолжал толстый Григорий Григорьевич, разрезывая ее ножом в деревянном ящике. «Надобно вам сказать, что повариха моя Явдоха иногда любит куликнуть и от того часто пересушивает. Ей, хлопче». Тут оборотился он к мальчику в козацкой свитке, при<не>сшему перину и подушки¹⁷⁷,

¹⁶⁶ Далее зачеркнуто: дере<вни>

¹⁶⁷ Далее зачеркнуто: имя мое и

¹⁶⁸ Было: Шляпковский

¹⁶⁹ Далее зачеркнуто: прошу приехать ко мне, когда

¹⁷⁰ Милостивый государь вписано

¹⁷¹ он вписано

¹⁷² Далее зачеркнуто: небольш<ому>

¹⁷³ Далее зачеркнуто: поджарить

¹⁷⁴ Далее зачеркнуто: негодяй

¹⁷⁵ Далее зачеркнуто: Если

¹⁷⁶ Было: курица!

¹⁷⁷ Тут оборотился ~ и подушки вписано на полях (место вставки установлено на основании ВД1)

«постели мне посередине хаты. Смотри же, сена¹⁷⁸ наклади повыше под пушку¹⁷⁹. Да высьмигни у бабы из¹⁸⁰ мычки¹⁸¹ клочок пеньки заткнуть мне уши на ночь. Надобно вам знать, Милостивый государь, что я имею обыкновение<ие> затыкать на ночь уши с того¹⁸² проклятого случая, когда в¹⁸³ одной корчме в России залез мне в левое ухо Таракан. Проклятые кацапы, как после узнал¹⁸⁴, едят даже щи с Тараканами. Невозможно описать, что происходило со мно<ю>¹⁸⁵, в ухе так и лоскочет¹⁸⁶, так и¹⁸⁷ [крутит]. Ну¹⁸⁸, хоть на стену... Мне помогла уже в наших местах простая старуха, и чем бы вы полагали? просто зашептыванием. Что вы скажете, Милостивый государь, о лекарях. Я думаю, что они просто морочат и¹⁸⁹ дурачат нас¹⁹⁰, иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих немцев. — »

«Действительно, вы изволите¹⁹¹ говорить совершенную-с¹⁹² правду. Иная точно бывает...» произнес Иван Федорович, как бы не приберя<?> даже приличного слова¹⁹³. Вообще сказать, он¹⁹⁴ никогда не был слишком¹⁹⁵ щедр на слова, может быть, это происходило от желания выразиться красивее¹⁹⁶, а может быть и от¹⁹⁷ всегдашней <1 нрзб.>¹⁹⁸ робости.

¹⁷⁸ Вместо: Смотри же, сена — было: а. Да сена; б. Да сена, смотри мне

¹⁷⁹ Так в рукописи; ср. в ВД1: сена повыше наклади под подушку

¹⁸⁰ из повторено в рукописи дважды

¹⁸¹ В рукописи: мячки

¹⁸² Далее зачеркнуто: с того самого времени, когда

¹⁸³ Было: на

¹⁸⁴ как после узнал вписано

¹⁸⁵ со мно<ю> вписано под строкой

¹⁸⁶ так и лоскочет вписано над строкой

¹⁸⁷ так и вписано под строкой

¹⁸⁸ Было: мне<?>

¹⁸⁹ морочат и вписано

¹⁹⁰ Было: глупый народ

¹⁹¹ Далее зачеркнуто: -с

¹⁹² -с вписано

¹⁹³ Далее зачеркнуто: Не мешает при этом сказать

¹⁹⁴ Было: Иван Федорович

¹⁹⁵ слишком вписано

¹⁹⁶ Вместо: желания выразиться красивее — было: а. того, что он [именно час-то<?>] думал<?>, как красивее; б. желания мысль свою выразить как можно красивее

¹⁹⁷ Далее зачеркнуто: того

¹⁹⁸ Слово залито чернилами

«Хорошенько, хорошенько перетряси сено» говорил Григорий Григорьевич своему лакею. «Тут сено такое¹⁹⁹ гадкое, что того и гляди как-нибудь попадет сучок. Позвольте, милости <вый> государь, пожелать спокойной ночи. Завтра уже не увидимся. — Я выезжаю до зари. <Л. 4> Ваш жид будет шабашовать²⁰⁰, потому что завтра суббота, а потому вам нечего вставать рано. Не забудьте же моей просьбы. И знать вас не хочу, когда не прие <дете> к нам. —»

Тут камердинер Григория Григорьевича стащил²⁰¹ с него сюртук и сапоги и напялил²⁰² вместо того халат, и Григорий Григорьевич повалился на постель,²⁰³ и, казалось, огромная перина легла на другую. — «Ей, хлопче, куда же ты, подлец, поди сюда, поправь мне одяло²⁰⁴. Ей, хлопче, подмости под голову сена²⁰⁵. Да что, коней уже поил? Еще сена²⁰⁶ сюда, под этот бок! Да поправь, подлец, хорошенько одея <ло>. Вот так, еще! Ох!» Тут Григорий Григорьевич еще вздохнул раза два²⁰⁷ и пустил страшный носовой свист по всей комнате, всхрипывая по временам так, что дремавшая²⁰⁸ на лежанке²⁰⁹ старуха пробужда <ясь> вдруг смотрела в оба глаза в все стороны и²¹⁰, успокоившись, засыпала сно <ва>.

На другой день, когда проснулся Иван Федорович²¹¹, уже толстого помещика не было. Это было одно только происшествие, случившееся с ним на дороге. На третий день после этого²¹² уже²¹³ приближался к своему небольшому хуторку. И вдруг²¹⁴ почувствовал, что

¹⁹⁹ В рукописи: такого

²⁰⁰ Вместо: будет шабашовать — было: теперь зашабашовал

²⁰¹ Было: снял

²⁰² Было: надел

²⁰³ Далее вписано и зачеркнуто: как и

²⁰⁴ Так в рукописи

²⁰⁵ Вместо: под голову сена — было: а. под голову сено; б. сеном под голову (не зачеркнуто); в. под голову выше сена

²⁰⁶ Далее зачеркнуто: подоткни под

²⁰⁷ Далее зачеркнуто: а. и наконец заснул и засви <стел?>; б. и скоро вслед за этим раздавший носовой свист дал знать, что он заснул

²⁰⁸ Было: спавшая

²⁰⁹ Было: печке

²¹⁰ Далее зачеркнуто: снова погружа <лась?>

²¹¹ Было: Федорович

²¹² Далее зачеркнуто: а. достиг <?>; б. доехал он

²¹³ Далее зачеркнуто: своего

²¹⁴ Вместо: И вдруг — было: Иван Федорович

сердце²¹⁵ сильно забилося²¹⁶, когда выглянул <a>, махая²¹⁷ крыльями, ветряная мельница, и по мере того, как жид гнал своих кляч²¹⁸ на гору, показывался внизу²¹⁹ ряд верб, сквозь них, как будто живая ртуть, блестел пруд. Кибитка въехала на греблю, и Иван Федорович увидел тот же самой старинной домик, покрытый очеретом, те же самые яблони и вишни, по которым он когда-то украдкою лазил. Только что въехал он во двор, как сбежались со всех сторон собаки всех сортов, бурые, черные, серые, пегие, некоторые с лаем падали²²⁰ под ноги лошадям, другие²²¹ бегли сзади, заметив, что ось замазана салом. Один, стоя возле кухни и накрыв лапою кость, заливался во все горло, другой лаял²²² издали и бегал взад и вперед, помахивая хвостом²²³, как приговаривая: посмотрите, какой я прекрасный молодой человек. Мальчишки в зап<a>чанных рубашках бежали глядеть. Самая свинья, прохаживавшаяся по двору с шестнадцатью поросенками, подняла вверх с испытующим видом свое рыло и хрюкнула громче обыкновенного. По двору лежало²²⁴ множество ряден с пшеницею, с просом, с ячменем, сушившихся на солнце, на крыше тоже немало²²⁵ сушилось разного рода трав. Иван Федорович так был занят рассматриванием всего, что очнулся тогда только пегая²²⁶ собака укусила²²⁷ слазившего с козел жиды за икру. Сбежавшаяся дворня,²²⁸ состоявшая из клюшницы, поварики, двух девочек в шерстяных исподницах²²⁹, и²³⁰ после первых восклицаний «О цеж панич наш!» объявили, что Тетушка была в огороде²³¹ вме-

²¹⁵ сердце вписано

²¹⁶ Далее зачеркнуто: в нем сердце

²¹⁷ Было: из небольшой степи

²¹⁸ Вместо: жид гнал своих кляч — было: он въезжал

²¹⁹ внизу вписано

²²⁰ Было: киды <лись>

²²¹ Далее зачеркнуто: другие

²²² лаял вписано

²²³ Далее зачеркнуто: и поглядывал на шедшую свору как

²²⁴ Было: наложено <?>

²²⁵ Было: множество

²²⁶ Было: одна; ср. в ВД: очнулся тогда только, когда пегая

²²⁷ Было: у коз <ел?>

²²⁸ Далее зачеркнуто: из

²²⁹ в шерстяных исподницах вписано

²³⁰ Далее зачеркнуто: Кучера, отправлявшего должность сторожа сада <вни?> ка, объяв<ила>

²³¹ Вместо: была в огороде — было: а. садит в огороде <?>; б. садит на башт <ане?> (вариант б. не зачеркнут; незавершенная правка)

сте с девкою Палашкою²³² и²³³ Кучером²³⁴ Омельком, исправлявшим также²³⁵ должность²³⁶ огородника и сторожа. Но Тетушка, которая еще²³⁷ издали завидела рогожаную кибитку, была уже здесь. Иван Федорович изумил, когда она почти подняла его на руках, между тем как в письмах твердила ему о своей старости и болезни. —

Тетушка

Тетушка Василиса Кашпоровна в это время имела лет около пятидесяти. Замужем она никогда не была и обыкновенно²³⁸ говорила, что жизнь девическая для нее дороже всего. Впрочем, сколько мне помнится, никто и не²³⁹ сватал ее. Это происходило от того, что один взгляд на геройский вид Василисы Кашпоровны производил некоторую робость в сердце мужчин, боящихся более всего на свете малейшего вида власти в женщине. Они были совершенно правы, потому что Василиса Кашпоровна хоть кого умела сделать тише травы. Пьяницу мельника, который совершенно был ни к чему годен, она собственною своею мужественною рукою, дергая часто за чуб, без всяк <ого> постороннего средства²⁴⁰ умела сделать золотом, а не человеком. Рост она имела²⁴¹ почти исполинский, дородность и силу²⁴² совершенно²⁴³ соразмерную²⁴⁴. Казалось, что природа сделала непростительную ошибку, определив ей носить темно коричневой по будням²⁴⁵ капот с мелкими оборками и красную кашемировскую шаль по праздникам в день Светлого воскресения и своих именин²⁴⁶, тогда как ей более

²³² с девкою Палашкою *вписано*

²³³ Было: с

²³⁴ *Далее зачеркнуто:* Опана <сом?>

²³⁵ Было: *вмест <е>*

²³⁶ *Далее зачеркнуто:* садовни <ка>

²³⁷ Было: *уже*

²³⁸ Было: *всегда*

²³⁹ *не вписано*

²⁴⁰ *Вместо:* без всяк <ого> постороннего средства — *было:* без всяких других средств

²⁴¹ *Далее зачеркнуто:* необыкновенный

²⁴² *Далее зачеркнуто:* тоже необыкновенную

²⁴³ *совершенно вписано*

²⁴⁴ *Далее ошибочно (строкой выше, чем нужно) вписано и зачеркнуто:* По будням

²⁴⁵ *по будням вписано*

²⁴⁶ *в день ~ именин вписано*

всего шли бы²⁴⁷ драгунские усы, длинные ботфорты и шпоры. Зато занятия ее совершенно соответствовали ее виду. Она каталась сама²⁴⁸ на лодке, гребя²⁴⁹ искуснее всякого²⁵⁰ рыбака, стреляла дичь. Стояла неотлучно над косарями. Знала наперечет число дынь и Арбузов на баштане, брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через ее греблю, взлезала на дерев<ья> и трусила груши. Била ленивых Вассалов своею страшной рукою²⁵¹ и подносила достойным рюмку водки из той же²⁵² руки. Она²⁵³ никогда почти не имела отдыха, бранилась, красила пряжу, бегала на кухню, делала квас, варила варенье и хлопотала <Л. 4 об.> весь день и везде поспевала.

Следствием этого было то, что маленькое именище Ивана Федоровича, состоявшее<е> из 18 душ по последней ревизии, процветало в полном смысле сего слова. К тому ж²⁵⁴ она слишком горячо любила своего племянника и тщательно собира<ла?> для него копейку²⁵⁵. По приезде домой жизнь Ивана Федоровича совершенно изменилась и пошла совершенно иною дорогою.²⁵⁶ Казалось²⁵⁷, натура его именно создала для управления осьмнадцатидушным²⁵⁸ имением. Сама тетушка заметила, что он будет хорошим хозяином. Хотя, впрочем, не во все еще позволяла вмешиваться, *Воно ще молода дитына*, обыкновенно она говаривала, несмотря на то, что Ивану Федоровичу без малого было сорок лет. «Где ему все знать!» Однако ж он неотлучно бывал в поле²⁵⁹ при жнецах, косарях, и это доставляло наслаждение неизъяснимое его кроткой душе. Единодушный взмах десяти блестящих кос. Шум падающей стройными рядами травы. Изредка²⁶⁰ зали-

²⁴⁷ *Далее зачеркнуто:* кавале<рийские?>

²⁴⁸ *Вместо:* каталась сама — *было:* ездила сама

²⁴⁹ *Было:* а. сама управляла; б. правя

²⁵⁰ *Далее зачеркнуто:* гребца

²⁵¹ *Вместо:* своею страшной рукою — *было:* а. своих собственными руками; б. своею собственною рукою

²⁵² *Далее зачеркнуто:* а. грозной; б. страшной

²⁵³ *Далее зачеркнуто:* в теч<ение?>

²⁵⁴ *Вместо:* К тому ж — *было:* Справедливости требует сказать, что (*в отвергнутом варианте слово что осталось не зачеркнутым*)

²⁵⁵ *Далее зачеркнуто:* Приехавши домой, Иван Федорович совершенно попал в другой мир.

²⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* Занятия по хозяйству

²⁵⁷ *Далее зачеркнуто:* он был

²⁵⁸ *Было:* а. 16-ти; б. 18-ти

²⁵⁹ в поле *вписано*

²⁶⁰ *Далее зачеркнуто:* прорываю<щиеся?>

вающиеся песни жни <ц?>, то веселые, как встреча гостей²⁶¹, то заунывные, как разлука. Спокойный, чистый вечер, и что за вечер? Как волен и свеж²⁶² воздух²⁶³. Как оживленно все²⁶⁴. Степь краснеет²⁶⁵, синее и говорит цветами.²⁶⁶ Вдали <?>²⁶⁷ перепела, дровы²⁶⁸, чайки, кузнечики²⁶⁹ и от них свист, жужжание, треск, крик²⁷⁰, и вдрух стройный хор, и все не молчит ни на мину <ту>. А солнце садится и кроется. У! как²⁷¹ свежо и хорошо! По полю²⁷² вон и вон со всех сторон раскладываются огни и ставятся котлы, и вкрух котлов садятся усатые косари. Пар от галушек несется²⁷³. Далеко, далеко слышится мычание коров.²⁷⁴ Сумерки сереют <?>.²⁷⁵ Трудно рассказать, что делалось с Иваном Федоровичем. Он часто забывал, присоединяясь к косарям, отведать их галушек, которые он очень любил, и стоял недвижимо²⁷⁶ на одном месте, пока, подкравшись, ночь не обнимала всего неба и звезды то там, то там, начина <ли> светиться. В скором времени об Иване Федоровиче везде пошла речь как о великом хозяине. Тетушка не могла нарадоваться своим племянником и никогда не упускала случая им похвастаться. В один раз, это было уже по окончании жатвы и именно в конце Июля, Василиса Кашпоровна, взявши Ивана Федо <ровича> с таинственным видом за руку, сказала, что она теперь хочет поговорить с ним о деле, которое давно уже занимает все ее мысли.

«Тебе, Любезный Иван Федорович (так она начала), известно, что в твоём хуторе 18 душ, правда, это по ревизии, а без того, может,

²⁶¹ как встреча гостей вписано

²⁶² Далее зачеркнуто: этот

²⁶³ Было: сто <ячий?>

²⁶⁴ Далее зачеркнуто: а. Ясный гром перепела; б. Стада дроф (в рукописи: дров), перепелок, чаек; в. Поле

²⁶⁵ Далее зачеркнуто: желтеет

²⁶⁶ Далее зачеркнуто: Стадящ <...?>

²⁶⁷ Вдали <?> вписано

²⁶⁸ Так в рукописи

²⁶⁹ кузнечики вписано

²⁷⁰ Вместо: и от них ~ крик — было: и тучи неугомонных насекомых наполняют воздух свистом, жужжанием, треском, криком [и от] (в словах: свистом, жужжанием, треском — остались неисправленными окончания)

²⁷¹ Далее зачеркнуто: вольно

²⁷² Далее зачеркнуто: раскл <адываются>

²⁷³ Далее зачеркнуто: издали <1 нрзб.>

²⁷⁴ Далеко ~ мычание коров. вписано

²⁷⁵ Сумерки сереют <?>. вписано

²⁷⁶ Было: как вкопанный

наберется больше и, может, будет до 24, но не об этом деле²⁷⁷. Ты знаешь тот лесок, что за нашею левадою, и за этим же лесом широкий²⁷⁸ луг, в нем пятнадцать десятин, а травы²⁷⁹ столько, что можно каждый год продавать больше, чем на триста рублей, особенно если, как говорят, в Гадяче будет конный полк. —»

«Как же-с, Тетушка, знаю, трава очень хорошая. —»

«Это я и сама знаю, что очень хороша, но знаешь ли, что вся эта земля²⁸⁰ по-настоящему твоя. Что ж ты так выпучил глаза. Слушай, Иван Федорович, ты помнишь Степана Кузмича. Что я говорю, помнишь — ты тогда был еще²⁸¹ таким маленьким, что выговорить его имени не мог. Куды ж. Я помню, когда²⁸² приехала на самое Пущи <нье>²⁸³, и взялась²⁸⁴ покачать на руках, то ты обпачкал мне все руки. Тогда еще, но не в это дело. Вся земля, которая за нашим хутором и самое село Хортыще было Степана Кузмича. Он, надобно тебе объявить, еще тебя не было на свете, как нач <ал>²⁸⁵ ездить к твоей матушке, правда, в такое время, когда отца твоего не было дома, но я, однако ж, это не в укор говорю ей. Упокой Господи ее душу. Хотя покойница была всегда неправа против меня. Но не в том де <ло>.²⁸⁶ Как бы то ни было, только Степан Кузмич сделал тебе дарственную запись на это самое имение, об котором я тебе говорила. Но покойница твоя матушка, упокой Господи ее душу²⁸⁷, между нами будь сказано, он <а>²⁸⁸ была чудного нрава. Сам чорт, господи прости меня за это поганое слово, не мог понять ее. Куда она дела эту²⁸⁹ запись, один Бог²⁹⁰ знает. Я думаю просто, что она в руках этого старого холостяка²⁹¹ Григория Григорьевича Сторженка²⁹². Этой пуза-

²⁷⁷ Так в рукописи

²⁷⁸ широкий вписано

²⁷⁹ Было: сена

²⁸⁰ Далее зачеркнуто: долж <на>

²⁸¹ еще вписано

²⁸² Было: еще я

²⁸³ Далее зачеркнуто: перед Петровкою

²⁸⁴ Было: взяла тебя

²⁸⁵ нач <ал> вписано

²⁸⁶ Но не в том де <ло>. вписано

²⁸⁷ упокой Господи ее душу вписано

²⁸⁸ он <а> вписано

²⁸⁹ В рукописи: это

²⁹⁰ В рукописи: Богу

²⁹¹ Далее зачеркнуто: а. Григория; б. чтоб ему чорт знает как спалось в тех пузиковых

²⁹² Было: Стороженка

той²⁹³ шельме досталось все его имение. Я готова ставить бог знает что, он утаил запись».

«Позвольте-с доложить, Тетушка, не тот ли это Сторженко, с которым я познакомился на станции». Тут Иван Федорович рассказал про свою встречу. —

«Кто его знает» отвечала, немного подумав, Тетушка. «Может быть, он и добрый человек. Правда, он всего только полгода как переехал к нам жить. Старуха-то Матушка его²⁹⁴, я слышала, очень разумная женщина и, говорят, большая мастерица²⁹⁵ солить огурцы, и ковры, я слышала, <Л. 5> ее девки умеют отлично хорошо выделывать. Но так как ты говоришь, он так тебя хорошо принял, то поезжай к нему²⁹⁶, может быть, старый грешник послушает совести и отдаст то, что не ему принадлежит. Не то, ей Богу, когда-нибудь поколочу его²⁹⁷. Пожалуй, можешь поехать и в бричке, только проклятая детвора повыдергивала сзади все гвоздики. Нужно будет сказать кучеру²⁹⁸ Омельке, чтоб прибил лучше кожу. —»

«Для чего, тетушка? Я возьму повозочку, в которой вы ездите иногда стрелять дроф».

Этим окончился разговор. —

Обед

В обеденную пору Иван Федорович²⁹⁹ въехал в село Хортище и немного оробел, когда стал приближаться³⁰⁰ к³⁰¹ Господскому дому. Дом этот был длинный и не под очеретяною, как во многих окружных помещиков³⁰², но под деревянную крышею. Два Амбара во дворе тоже под деревянную крышею. Ворота дубовые. Иван Федорович похож был на того франта, который, заехав на бал, видит всех³⁰³, куда не оглянется, одетых щеголеватее его. Из почтения он остановил свой возок возле Амбара и подошел пешком к крыльцу.

²⁹³ пузатой вписано

²⁹⁴ В рукописи: ея

²⁹⁵ Вместо: большая мастерица — было: отлично умеет

²⁹⁶ Далее зачеркнуто: и

²⁹⁷ Далее зачеркнуто: Брич <ку>

²⁹⁸ кучеру вписано

²⁹⁹ Далее зачеркнуто: подъезжал

³⁰⁰ Вместо: и немного ~ приближаться — было: и приближался

³⁰¹ Далее зачеркнуто: к длинному

³⁰² Так в рукописи

³⁰³ всех вписано

«А! Иван Федорович!» закричал толстой Григорий Григорьевич, ходивший по двору³⁰⁴ в сюртуке, но без галстука, жилета и подтяжек, однако ж, и этот наряд,³⁰⁵ казался³⁰⁶ слишком обременял³⁰⁷ его тучную толстоту, потому что пот катился с него градом. «Что ж вы говорили, что прямо<?> сей час, как увидите с Тетушкой, приедете³⁰⁸, да и не приехали?»³⁰⁹ — Губы Ивана Федоровича встретили те же самые знакомые³¹⁰ подушки³¹¹.

«Большею частию занятия по хозяйству... Я-с приехал к вам на минутку³¹², собственно по делу...»

«На минутку. Вот этого-то не будет. Ей, хлопче» закричал толстый Стороженко³¹³, и тот самый мальчик в козацкой свитке выбежал из кухни. «Скажи Казьяну, чтоб³¹⁴ ворота сей час запереть, слышишь, запереть крепче. А коней вот этого пана, что приехал, распречь сию минуту. Прошу³¹⁵ в комнату, здесь така жара, что³¹⁶ на мне вся рубашка мокра».

³¹⁷Федорович решил не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, поступать решительно. —

«Тетушка имела честь... сказывала мне, что дарственная запись Покойного Степана Кузьмича...»

³¹⁸Трудно изобразить, какую при этих³¹⁹ словах сделало неприятн<ую>³²⁰ мину обширное лицо Григорья Григорьевича. «Ей Богу, ничего не слышу³²¹» отвечал он. «Вы извините меня, надобно вам сказать, что у меня в правом ухе сидел таракан, невозможно описать,

³⁰⁴ *Вместо:* ходивший по двору — *было:* который был

³⁰⁵ *Авторский знак*

³⁰⁶ *Так в рукописи*

³⁰⁷ *Было:* тяжел

³⁰⁸ *приедете вписано*

³⁰⁹ *Далее зачеркнуто:* И

³¹⁰ *Было:* толстые

³¹¹ *Далее с абзаца зачеркнуто:* Я-с приехал

³¹² *Далее зачеркнуто:* по д<елу?>

³¹³ *Вместо:* толстый Стороженко — *было:* Григорий Григорьевич. *Далее зачеркнуто:* «Вор<ота?>

³¹⁴ *Скажи Казьяну, чтоб вписано*

³¹⁵ *Далее зачеркнуто:* покорно

³¹⁶ *Далее зачеркнуто:* мочи нет

³¹⁷ *Перед:* Федорович — *зачеркнуто:* И Иван

³¹⁸ *Перед:* Трудно — *в рукописи открыты кавычки*

³¹⁹ *Было:* при этом

³²⁰ *неприятн<ую> вписано*

³²¹ *Было:* не слу<шаю>

что за³²² мучение было. Так вот и лоскочет, так и лоскочет. Мне помогла одна старуха самым простым средством...»

«Я хотел сказать...» осмелился прервать Иван Федорович, видя, что Григорий Григорьевич с умыслом хочет поворотить речь на другое. «Что в завещании покойного Степана Кузьмича упоминается, так сказать, о дарственной записи... по ней следует-с мне...»

«Я знаю, это вам тетушка успела наговорить³²³. Это ложь, ей Богу, ложь, никакой дарственной записи покойный дядюшка не делал. Хотя, правда, в завещании и упоминается о какой-то записи. Но где ж она? Никто не представил ее. Я вам это говорю потому, что искренне жел<аю?> вам добра.³²⁴ Ей Богу, это ложь.—»

Иван Федорович замолчал, рассуждая, что, может быть, в самом деле Тетушке так только³²⁵ показалось³²⁶.—

«А вот идет сюда Матушка с сестрами!» сказал Григорий Григорьевич: «значит, обед готов. Подемте!» при сем он потащил Ивана Федоровича за руку в комнату, в которой стояла водка с³²⁷

В то самое время вошла старушка с двумя барышнями. Иван Федорович, как воспитанной кавалер, подошел сначала к ручке Старушки, а после к обеим барышням.—

«Это, Матушка, наш сосед Иван Федорович Шпонька...»³²⁸ Старушка³²⁹ смотрела пристально на Ивана Федоровича или, может быть, только казалась смотревшею. Впрочем, это была совершенная доброта. Казалось, она³³⁰ так и хотела спросить Ивана Федоровича. «Сколько вы на зиму насаливаете огурцов?»

«Вы водку пили?» спросила старушка.

«Вы, матушка, верно, не выспались!» сказал Григорий Григорьевич. «Кто ж спрашивает гостя, пил ли он, вы подчивайте только, а³³¹ пили ли мы или нет, это наше дело. Иван Федорович, прошу Золотыяничниковой или Трохимовской, какой вы любите! Иван Иванович, а вы», сказал Григорьевич, оборотившись назад, и Иван Федорович

³²² *Вместо:* что за — было: какого роду

³²³ *Далее зачеркнуто:* Совершенная

³²⁴ *Вместо:* Я вам ~ добра.— было: Никто столько вам добра не желает, как я.

³²⁵ только вписано

³²⁶ *Далее зачеркнуто:* только

³²⁷ *Фраза не закончена*

³²⁸ *Далее зачеркнуто:* Иван Федорович посмотрел

³²⁹ *Было:* Страшно

³³⁰ она вписано

³³¹ *Далее зачеркнуто:* пить

увидел подходившего к водке <Л. 5 об.> в долгополом сюртуке, с огромным стоячим воротником, закрывавшим весь его затылок, так что голова его сидела в воротнике³³², как будто в бричке. Иван Иванович подошел к водке, потер руки³³³, рассмотрел хорошенько рюмку, налил, поднес к свету, вылил всю рюмку³³⁴ разом в рот и, не проглатывая еще, пополоскал ею хорошенько во рту, после чего уже проглотил, закусивши хлебом и солеными опенками, оборотился он к Ивану Федоровичу.

«Не с Иваном ли Федоровичем, Господином Шпонькою, имею честь говорить?» «Так точно-с» отвечал Иван Федорович. —

«Очень³³⁵ много изволили³³⁶ перемениться³³⁷. Как же» продолжал Иван Иванович. «Я еще помню вас вот каким». При том³³⁸ поднял он³³⁹ ладонь на Аршин от полу. «Покойный Батюшка ваш, дай Боже ему царствие небесное, редкой был человек. Арбузы и дыни всегда бывали у него такие, каких теперь нигде не найдете<?>. Вот хотя бы и тут» продолжал он, отводя его в сторону, «подадут вам за столом дыни, что³⁴⁰ за дыни, смотреть не хочется. Верите ли, Милостивый государь, что у него были Арбузы» продолжил с таинственным видом, расставляя руки, как будто бы хотел обхватить толстое дерево³⁴¹, «Ей Богу, вот какие. —»

«Пойдемте за стол» сказал Григорий Григорьевич³⁴², взявши Ивана Федоровича за руку. Все вышли<?> в столовую. Григорий Григорьевич [завесился] огромною³⁴³ салфеткою и сел на обыв<н>-овенн<ом> своем месте в конце стола. Завесившись огромною Салфеткою и походил на тех героев, которых [рису]ют цирюльники на своих вывесках. Иван Федорович, краснея, сел³⁴⁴ на указанное ему место против двух барышень. А Иван Иванович³⁴⁵ не приминул сесть возле него, радуясь душевно, что будет кому сообщать свои сведения.

³³² в воротнике вписано

³³³ потер руки вписано

³³⁴ Было: раз<ом>

³³⁵ Далее зачеркнуто: рад с вами познакомиться

³³⁶ изволили вписано

³³⁷ Вместо: перемениться — было: переменялись вы с то<го>

³³⁸ Вместо: При том — было: Тут он

³³⁹ он вписано

³⁴⁰ Далее зачеркнуто: это

³⁴¹ расставляя руки ~ толстое дерево вписано

³⁴² Далее зачеркнуто: ведя

³⁴³ огромною вписано

³⁴⁴ Далее зачеркнуто: против дву<х>

³⁴⁵ Было: Федорович

«Вы напрасно взяли куприк, Иван Федорович, это индейка³⁴⁶» сказала Старушка, обратившись к Ива<ну> Федоровичу³⁴⁷, которому в это время поднес Блюдо официант³⁴⁸ в сером фраке с черною заплатаю «возьмите спинку!» —

«Матушка! ведь вас никто не просит» произнес³⁴⁹ Григорий Григорьевич «будьте уверен<ы>, что гость сам знает, что ему взять. Иван Федорович, возьмите крилушке³⁵⁰, вон другое с пупком. Да что же вы так мало взяли. Возьмите стегнушко. Ты что разинул рот с блюдом, проси! Становись, подлец, на колени. Говори сей час: Иван Федорович, возьмите стегнушко!» «Иван Федорович, возьмите стегнушко!» проревел³⁵¹, став на колени, официант с блюдом. —

«Гм! что это за индейка!»³⁵² сказал вполголоса Иван Иванович с видом пренебрежения³⁵³, оборотившись к своему соседу. «Такие ли должны быть индейки³⁵⁴, если бы вы увидели у меня индеек³⁵⁵. Я вас уверяю, что жиру в одной больше³⁵⁶, чем в десятке таких, как эта. Верите ли, Государь, что даже противно смотреть, когда ходят они у меня по двору, так жирны..» —

«Иван Иванович! Ты лжешь!»³⁵⁷ произнес Григорий Григорьевич, вслушавшись³⁵⁸ в его речи. —³⁵⁹

«Я вам скажу³⁶⁰» продолжал все³⁶¹ так же своему соседу Иван Иванович, показывая³⁶² вид, [что] он не слышал слов Григория Григорьевича... — «что прошлый год, когда я отпра<в>ял их в Гадяч, давали по 50 копеек за штуку. И то еще не хотел брать». —

³⁴⁶ это индейка вписано

³⁴⁷ Далее зачеркнуто: вытаскивавшая

³⁴⁸ Далее зачеркнуто: в сермяжном

³⁴⁹ Было: сказал

³⁵⁰ Так в рукописи

³⁵¹ Далее начато: <1 нрзб.>

³⁵² Вместо: что это за индейка! — было: что это за индейка?

³⁵³ с видом пренебрежения вписано

³⁵⁴ Далее зачеркнуто: Я вам скажу, государь мой

³⁵⁵ Далее зачеркнуто: а. что за жир<ные?>; б. верите ли

³⁵⁶ В рукописи: болееше

³⁵⁷ Далее зачеркнуто: протяжно

³⁵⁸ Далее зачеркнуто: о чем идет

³⁵⁹ Далее с абзаца начато и зачеркнуто: «Ве<рите?>

³⁶⁰ Было: говорю

³⁶¹ Сверху вписано: не <показывая вида?> (незавершенная правка)

³⁶² Было: принимая

«Иван Иванович, я тебе говорю, что ты лжешь» произнес для лучшей ясности Григорий Григорьевич³⁶³ по складам и громче³⁶⁴ прежнего. —

Но Иван Иванович,³⁶⁵ показывая вид, будто это совершенно не к нему относилось, продолжал так же, но только гораздо тише: «Именно, Государь мой, не хотел брать. В Гадяче ни одного помещика..»

«Иван Иванович, ведь ты глуп и больше ничего» громко сказал Григорий Григорьевич. «Ведь Иван Федорович знает все это лучше тебя и, верно, не поверит тебе». —

Тут Иван Иванович совершенно обиделся, замолчал и принялся убирать индейку³⁶⁶ несмотря на то, что она³⁶⁷ не так была жирна, как те, на которые противно смотреть. —

Стук ножей, ложек и тарелок замаял на время разговор, одно только высмактывание Григорьем Григорьевичем мозгу из кости³⁶⁸, казалось, заглушало все. —³⁶⁹

«Читали ли³⁷⁰ вы» спросил Иван Иванович³⁷¹ после некоторого молчания³⁷², высовывая голову из своей брички к не<му>³⁷³, «Книгу: Путешествие Коробейникова ко святым местам», истинное утешение души и сердца! Теперь таких книг не печатают, очень сожалею, что не посмотрел, которого году».

Иван Федорович, услышавши, что дело идет до книг, прилежно начал набирать себе соус. —

«Истинно удивительно, Государь мой, как подумаешь, что простой мещанин прошел <Л. 6> все места эти, более трех тысяч верст, государь мой! более трех тысяч верст!³⁷⁴ Подлинно, его сам Господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме».

³⁶³ Сверху вписано: для

³⁶⁴ Далее зачеркнуто: обыкновен<енного>

³⁶⁵ Далее зачеркнуто: а. притворился и на этот раз, что; б. не показал

³⁶⁶ Далее зачеркнуто: котор<ая>

³⁶⁷ она вписано

³⁶⁸ Далее зачеркнуто: <1 нрзб.>

³⁶⁹ Стук ножей ~ заглушало все. — вписано на левом боковом поле (место вставки установлено на основании ВД1)

³⁷⁰ Далее зачеркнуто: ми<лостивый государь>

³⁷¹ Далее зачеркнуто: снова

³⁷² Далее зачеркнуто: своего соседа

³⁷³ высовывая ~ к не<му> вписано

³⁷⁴ более трех тысяч верст ~ верст! вписано

«Так вы говорите, что он» сказал Иван Федорович «то есть³⁷⁵ был и в Иерусалиме?...»

«О чем вы говорите, Иван Федорич» произнес с конца стола Григорий Григорьевич.

«Я, то есть, име<л> случай заметить, что какие есть на свете далекие страны» сказал Иван Федорович³⁷⁶, будучи сердечно доволен собою, что выговорил такую длинную и трудную фразу. —

«Не верьте ему, Иван Федорович» сказал Григорий Григорьевич, не вслушавшись хорошенько «все врет...» —

Между тем обед кончился. Григорий Григорьевич отправился в свою комнату, а³⁷⁷ гости пошли вместе с старушкою хозяйкою и барышнями в гостину, где тот стол, на котором оставили они, выходя обедать, водку, как бы³⁷⁸ превращением каким³⁷⁹ покрылся разными<?> блюдечками, вареньем³⁸⁰ разных³⁸¹ сортов, Арбузами, вишнями, дынями. Отсутствие Григория Григорьевича заметно было во всем. Хозяйка сделалась словоохотнее и открывала сама без просьбы множество секретов насчет делания пастилы и сушения груш;³⁸² даже барышни стали говорить³⁸³. Но белокурая³⁸⁴, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду³⁸⁵ было около двадцати пяти лет³⁸⁶, была молчаливее. Но более всех говорил и действовал Иван Иванович. Будучи³⁸⁷ уверен, что его теперь никто не собьет и не смешает, он говорил и об огурцах, и об посеве картофеля. И о том, какие в старину были разумные люди³⁸⁸, куды против теперешних, и о том, как³⁸⁹ все, чем далее, умнеет и доходит к выдумыванию мудрейших вещей. Словом, это был один из числа тех людей,

³⁷⁵ Далее зачеркнуто: я говорю

³⁷⁶ Далее зачеркнуто: и украдкою погляд<ел>

³⁷⁷ Далее зачеркнуто: Иван Ф

³⁷⁸ бы вписано

³⁷⁹ Далее вписано и зачеркнуто: вдруг

³⁸⁰ Вместо: разными<?> блюдечками, вареньем — было: вареньями

³⁸¹ Далее зачеркнуто: сортом <?>

³⁸² Далее зачеркнуто: Бары<шни>

³⁸³ Далее зачеркнуто: на вопросы Матушки

³⁸⁴ Вместо: Но белокурая — было: Меньшая только

³⁸⁵ Было: бы<ло>

³⁸⁶ Вместо: около двадцати пяти лет — было: двадцать пять лет

³⁸⁷ Далее вписано и зачеркнуто: теперь

³⁸⁸ Было: блюда

³⁸⁹ Было: чт<о>

которые³⁹⁰ с величайшим удовольствием любят позаняться услаждающим душу разговором³⁹¹ [и] будут говорить обо всем, об чем только можно говорить. Если разговор касался важных и благочестивых³⁹² предметов, то Иван Иванович вздыхал после каждого сл<ова?>, кивая³⁹³ слегка головою. Ежели до хозяйственных, то высовывал голов<у> из своей брочки и делал такие мины³⁹⁴, глядя на которые³⁹⁵, кажется, можно было прочитать, как нужно делать грушовый квас, как велики те дыни, об которых он говорил, и как жирны те гуси, которые бегают у него по двору.—

Наконец, с великим трудом, уже в вечеру, удалось³⁹⁶ Ивану Федоровичу распрощаться³⁹⁷ и, несмотря на свою³⁹⁸ сговорчивость³⁹⁹, на то, что его насильно оставляли ночевать, он устоял-таки в своем желании ехать и уехал.—

«Ну что, выманил у старого Греходея⁴⁰⁰ запись?» с таким вопросом встретила Ивана Федоровича Тетушка, которая с⁴⁰¹ нетерпением дождалась его уже несколько часов⁴⁰² на крыльце и выбежала принять⁴⁰³ его еще за двором.

«Нет, Тетушка. У Григория Григорьевича нет никакой записи».

«И ты поверил ему! врет он, проклятой! Когда-нибудь попаду<?>, поколочу его собственными руками. О, я ему послущу жиру! Впрочем, нужно наперед поговорить с нашим подсудком, нельзя судом с него стребовать... Но об этом теперь дело⁴⁰⁴. Ну что ж, обед был хороший?»

³⁹⁰ которые вписано

³⁹¹ Далее зачеркнуто: <1 нрзб.>; далее вписано и зачеркнуто: несмотря на то, разбор<?>

³⁹² и благочестивых вписано

³⁹³ Вместо: после каждого сл<ова?>, кивая — было: опуская голову в свою брочку. Далее зачеркнуто: часто<?>

³⁹⁴ Было: мину

³⁹⁵ Далее зачеркнуто: можно

³⁹⁶ удалось вписано

³⁹⁷ Далее зачеркнуто: и отказаться без

³⁹⁸ Было: его

³⁹⁹ несмотря на свою сговорчивость вписано

⁴⁰⁰ Было: лиходея

⁴⁰¹ Далее зачеркнуто: величайшим

⁴⁰² уже несколько часов вписано (место вставки установлено на основании ВД1)

⁴⁰³ Было: встретить

⁴⁰⁴ Так в рукописи; ср. в ВД1: Но не об этом теперь дело

«Очень... Да, весьма, Тетушка».

«Ну какие ж были кушанья, расскажи? Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней. —»

«Сырники были с сметаной. Соус с голубями, очень...»

«А Индейка с сливами была?» спросила тетушка потому, что была большая искусница готовить сама это блюдо.

«Была и Индейка..... Весьма красивая барышня⁴⁰⁵, сестрица Григория Григорьевича! Особенно белокурая⁴⁰⁶».

«А!» сказала тетушка и посмотрела пристально на Ивана Федоровича, который, покраснев, потупил глаза в землю. Новая мысль быстро промелькнула в ее голове. «Ну, что ж?» <...>⁴⁰⁷ <Л. 6 об.> живо. «Какие у ней Брови?» (не мешает заметить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины в бровях).

«Брови, тетушка, совершенно-с такие, какие, вы рассказывали, в молодости были у вас. И веснушки небольшие по лицу...⁴⁰⁸ «А!» сказала тетушка, будучи довольна замечанием Ивана Федоровича, который, однако ж,⁴⁰⁹ и не думал этим сказать комплимента. «Какое ж было на ней платье? хотя, впрочем, теперь уже трудно найти таких плотных материй, какая⁴¹⁰ вот хоть бы, например⁴¹¹, у меня на этом капоте. Но не об этом дело. Ну что ж? Ты говорил⁴¹² о чем-нибудь с нею?»

«То есть как?...⁴¹³ Я-с, тетушка?.. вы, может быть, уже думаете-с...»

«А что ж? Что⁴¹⁴ тут диковинного? Так⁴¹⁵ Богу угодно⁴¹⁶. Может быть, тебе⁴¹⁷ с нею на роду написано жить парочкою. —»

«Я не знаю, Тетушка, как это вы можете говорить? Это доказывает, что вы совершенно не знаете меня...⁴¹⁸»

⁴⁰⁵ Так в рукописи. Было: барышня

⁴⁰⁶ Особенно белокурая вписано

⁴⁰⁷ Очевидно, пропуск при переходе с <Л. 6> на <Л. 6 об.> (ср. в ВД1: Ну, что ж? — спросила она с любопытством и живо.)

⁴⁰⁸ И веснушки небольшие по лицу... вписано

⁴⁰⁹ Далее вписано и зачеркнуто: вовсе

⁴¹⁰ Было: как

⁴¹¹ например вписано

⁴¹² Далее зачеркнуто: с нею

⁴¹³ Было: как-с

⁴¹⁴ Далее зачеркнуто: ж

⁴¹⁵ Вместо: Так — было: Может быть, воля Божия

⁴¹⁶ Далее начато: Может быть [вас парочка]

⁴¹⁷ Было: вам

⁴¹⁸ Было: меня!

«Ну, вот уже⁴¹⁹ и обиделся!» сказала тетушка. «*Ще молода Дитына*» подумала она про себя «ничего не знает! — Нужно их свезти⁴²⁰ вместе, пусть познакомятся»⁴²¹. Тут Тетушка пошла заглянуть в кухню и оставил<a> Ивана Федоровича. Но с этого времени она только и думала о том, как бы увидеть скорее своего⁴²² племянника женатым и понянчить маленьких внучков. В голове громоздились одни только⁴²³ приготовления к Свадьбе, и заметно было, что она во всех делах суетилась гораздо более, нежели прежде, хотя, впрочем, эти дела⁴²⁴ более хуже, нежели лучше шли. Часто,⁴²⁵ делая какое-нибудь пирожное, которое, не мешает заметить, она никогда почти⁴²⁶ не доверяла кухарке, она, позабывшись и воображая, что возле нее стоит маленький внучек, просящий пирога, рассеянно⁴²⁷ протягивала к нему руку с пирогом, и дворова⁴²⁸ Собака, пользу<я>сь этим, схватывала лакомой кусок и своим громким чваканьем выводила ее⁴²⁹ из задумчивости, за что и была всегда наказываема кочергою... Даже оставила она любимые свои занятия⁴³⁰ и не ездила на охоту, особливо когда вместо куропатки застрелила сороку, чего прежде никогда с нею не бывало.

Наконец, спустя дня четыре после этого все увидели выкаченную из сарая на двор бричку. Кучер Омелько, он же и огородник и сторож⁴³¹, еще с раннего утра⁴³² стучал молотком и приколачивал кожу, отгоняя беспрестанно собак, лизавших колеса. Долгом почитаю предупредить читате<лей>, что это была именно та самая⁴³³ бричка, в которой еще⁴³⁴ ездил Адам. И потому, если кто будет выдавать дру-

⁴¹⁹ уже вписано

⁴²⁰ Так в рукописи

⁴²¹ Далее зачеркнуто: И с этих пор

⁴²² Далее зачеркнуто: Ивана Федо<ровича>

⁴²³ одни только вписано

⁴²⁴ Далее зачеркнуто: едва ли не ху<же>

⁴²⁵ Далее зачеркнуто: сказ<ав?>

⁴²⁶ почти вписано

⁴²⁷ рассеянно вписано

⁴²⁸ дворова вписано

⁴²⁹ Вместо: выводила ее — было: пробуждала ее и

⁴³⁰ Далее зачеркнуто: особливо когда

⁴³¹ он же ~ сторож вписано

⁴³² Далее зачеркнуто: колоти<л>

⁴³³ Вместо: это была именно та самая — было: а. это та самая; б. это именно та самая

⁴³⁴ еще вписано

гую за Адамовскую, то⁴³⁵ это настоящая сущая⁴³⁶ ложь и бричка непременно⁴³⁷ поддельная... Совершенно неизвестно, каким образом спаслась она от по<то>па. Должно думать, что⁴³⁸ в Ноевом ковчеге был особенный для нее сарай.— Жаль очень, что читателям нельзя описать живо ее фигуры. Довольно сказать того, что Василиса Кашпоровна⁴³⁹ была очень довольна ее Архитектурою. И всегда изъясляла сожал<ен>ье, что вывели из моды старинные Экипажи. Самое устройство Кибитки немного на бок, то есть, что правая сторона ее была⁴⁴⁰ гораздо выше⁴⁴¹ левой, ей очень нравилось, потому что с одной стороны может, как она говорила, малорослый взлезать, а с другой великорослый. Впрочем, внутри кибитки могло поместиться штук пять⁴⁴² малорослых и трое⁴⁴³ таких, как тетушка.⁴⁴⁴ — Около полудня Омелько, управивши⁴⁴⁵, вывел из конюшни тройку лошадей немного чем помоложе⁴⁴⁶ брички и начал привязывать их веревкою к величествен<ному> экипажу⁴⁴⁷. Наконец, и Иван Федорович и тетушка, один с правой стороны, другая с левой, взлезли в бричку и она тронулась. Попадавшие на<?> дороге мужики, видя такой богатой экипаж⁴⁴⁸ (тетушка очень редко выезжала в нем)⁴⁴⁹, почтительно останавливались, снимали шапку и кланялись в пояс. Но вот Кибитка остановилась перед крыльцом, дум<аю>, не нужно говорить: пред крыльцом дома Сторженка.. Григория Григорьевича не было дома. Старушка с барышнями⁴⁵⁰ вышла встретить гостей в столовую. Тетушка подошла величественным шагом, с большой ловкостью отставила одну ногу вперед и сказала громко:

⁴³⁵ Было: это. *Далее зачеркнуто:* она, верно, поддель<ная?>

⁴³⁶ *Вместо:* настоящая сущая — было: совершенная (не зачеркнуто; незавершенная правка)

⁴³⁷ Было: должна быть

⁴³⁸ Было: в

⁴³⁹ *Далее зачеркнуто:* всегда была

⁴⁴⁰ была вписано

⁴⁴¹ *Далее зачеркнуто:* была

⁴⁴² Было: десять

⁴⁴³ Было: пять

⁴⁴⁴ *Далее зачеркнуто:* Наконец

⁴⁴⁵ управивши вписано

⁴⁴⁶ Было: моложе

⁴⁴⁷ В рукописи: экипажа

⁴⁴⁸ *Далее зачеркнуто:* останавли<вались>

⁴⁴⁹ (тетушка ~ в нем) вписано

⁴⁵⁰ с барышнями вписано

«Очень рада, Государыня моя, что име<ю> честь лично доложить вам мое почтение. А вместе с решпектом позвольте поблагодарить за хлебосольство ваше к Племяннику моему Ивану Федоровичу, который премного им хвалится. Прекрасная у вас Гречиха, сударыня! Я видела ее, подъезжая к селу. А позвольте узнать, сколько коп вы получаете с десятины. —»

После сего последовало всеобщее лобызание. Когда⁴⁵¹ все уселись в гостиной, то старушка-хозяйка начала.

— <Л. 7> Нащот гречихи я не могу вам сказать: Этою часть⁴⁵² [заведывает] Григорьевич. Я уже давно не занимаюсь этим, да и не могу: уже стара! В старину у нас, бывало, я помню, гречиха была по пояс, теперь Бог знает что. Хоть и говорят, что теперь все⁴⁵³ лучше. — Тут старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюда<те>лю послышался бы в этом вздохе, вздох всего старинного восемнадцатого столетия. —

«Я⁴⁵⁴ слышала, моя Государыня, что у вас⁴⁵⁵ собственные ваши девки отличные умеют выдělывать ковры». Сказала Василиса Кашпоровна, и этим она задела старушку за живую струну⁴⁵⁶. Вся она как будто оживилась, и речи у нее полились о том⁴⁵⁷, как должно красить пряжу, как готовить для это нитку. С ковров быстро съехал разговор на то, как солить огурцы и сушить груши. Словом, не прошло часу, как обе Дамы так разговорились между собою, будто век были знакомы. Василиса Кашпоровна многое уже⁴⁵⁸ начинала⁴⁵⁹ говорить с нею⁴⁶⁰ таким тихим голосом, что Иван Федорович ничего не мог расслушать.

«Да не угодно ли посмотреть» сказала вставая [старушка-хозяйка]. За нею вста<ли> Барышни и Василиса Кашпоровна, и все потянулись в девичью. Тетушка, однако ж, дала знак Ивану Федоровичу остаться, и сказала что-то тихо старушке. —

«Машинька!» сказала старушка, обращаясь к белокурой барышне «останься с гостем да поговори с ним, чтобы гостю не было скучно».

⁴⁵¹ Было: и

⁴⁵² Так в рукописи; было: частью

⁴⁵³ все вписано

⁴⁵⁴ Было: А

⁴⁵⁵ Далее зачеркнуто: от<личные?>

⁴⁵⁶ Далее зачеркнуто: она

⁴⁵⁷ о том вписано

⁴⁵⁸ уже вписано

⁴⁵⁹ Было: начала

⁴⁶⁰ Далее зачеркнуто: уже

Белокурая Барышня осталась и села на диван. Иван Федорович сидел на своем стуле, как на иголках. Краснел и потуплял глаза. Но Барышня, казалось, вовсе этого не замечала, преравнодушно сидела на диване⁴⁶¹, [то] рассматривала прилежно⁴⁶² окно и стены, то следуя⁴⁶³ глазами за кошкой, трусливо пробежавшею под стульями. —

Иван Федорович немного ободрился и хотел было начать разговор, но [все слова, казалось]⁴⁶⁴, растерялись на дороге. Ни одна мысль не приходила на ум. —

Молчание продолжалось около четверти часа. Барышня все так же сидела. Наконец, Иван Федорович собрался с духом: «Летом очень много мух, судары<ня>!» произнес он полудрожащим голосом. —

«Чрезвычайно много!» отвечала Барышня. «Братец нарочно сделал шлопушку из старого маминькиного башмака; но все еще очень много. —»

Тут разговор опять прекратился. И Иван Федорович никаким⁴⁶⁵ образом уже не находил речи. Наконец, хозяйка с Тетушкой и черняво<й> барышнею возвратилась. Поговоривши еще немно<го?>, Василиса Кашпоровна распростилась с старушкой и барышнями, не смотря на все приглашения их остаться ночевать⁴⁶⁶. Старушка с барышнями вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшим из брочки Тетушке и племяннику.

«Ну, Иван Федорович! Об чем же вы⁴⁶⁷ говорили⁴⁶⁸ вдвоем с барышнею» спросила дорогою тетушка. —

«Очень скромная, и благонравная барышня Марья Григорьевна!» —

«Слуш<ай>⁴⁶⁹, Иван Федорович! Я хочу поговорить с тобою сурьезно. Ведь тебе, слава Богу⁴⁷⁰, тридцать осьмой год. Чин ты уже имеешь хороший. Пора подумать и об детях. Тебе непременно нужна жена!»

⁴⁶¹ Было: своем месте

⁴⁶² прилежно вписано

⁴⁶³ Так в рукописи

⁴⁶⁴ Над зачеркнутым : все слова, казалосьсь — вписано: казалось, он все слова (незавершенная правка)

⁴⁶⁵ Далее зачеркнуто: уже

⁴⁶⁶ Далее зачеркнуто: и вышла в сопровождении

⁴⁶⁷ вы повторено в рукописи дважды

⁴⁶⁸ Далее зачеркнуто: с барышн<ей>

⁴⁶⁹ Было начато другое слово, возможно: Пор<a>

⁴⁷⁰ Далее зачеркнуто: 38 год

«Как, Тетушка!» вскричал, испугавшись, Иван Федорович. «Как жена! Нет-с, тетушка, сделайте милость.... Вы меня совершенно в стыд приводите..... Я еще никогда не женат... Я совершенно не знаю, что с нею делать?»...

«Узнаешь, Иван Федорович, узнаешь!» промолвила улыбаясь тетушка. И подумал <a> про себя: «Куды⁴⁷¹ ж! ще зовсим молода дытына, ничего не знает». «Да, Иван Федорович», продолжала она вслух⁴⁷². «Лучшей жены тебе нельзя сыскать, как Мария Григорьевна. Тебе уже она притом очень понравилась. Мы уже нащот этого мно <го>⁴⁷³ переговорили с старухой. Она очень⁴⁷⁴ рада видеть тебя своим зятем... Еще неизвестно, правда, что скажет этот лиходея <Л. 7 об.> Григорьевич⁴⁷⁵. Но мы не посмотрим его. И пусть только он вздумает не отдавать приданого, мы его судом...» В это время бричка въехала во двор и древ<ние> клячи ожили, чуя близкое стой<ло>⁴⁷⁶. «Слушай, Омелько, коням дай прежде отдохнуть хорошенько. Они лошади горячие⁴⁷⁷, а⁴⁷⁸ не пой тотчас распрягши». — «Ну, Иван Федорович» сказала, вылезая, Тетушка. Я советую тебе хорошенько подумать об этом. Мне еще нужно забежать в кухню, я позабыла⁴⁷⁹ Солохе заказать ужин, а она, бестия, я думаю, и не подумала об <?> этом. —»

Но Иван Федорович⁴⁸⁰ стоял, как будто громом огушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня, но жениться... Это казалось ему так странно, так чудно⁴⁸¹, что он никак не мог без страха... Жить с женою!..⁴⁸² непонятно! Точно<?> когда он⁴⁸³ не один будет в своей комнате, но их⁴⁸⁴ должно быть ве<з> де двое. Хо-

⁴⁷¹ Было: Куды!

⁴⁷² продолжала она вслух *вписано*

⁴⁷³ мно <го> *вписано*

⁴⁷⁴ Было: с большой

⁴⁷⁵ *Сверху еще раз вписано:* Григорьевич

⁴⁷⁶ В это время ~ стой<ло>. *написано на верхнем поле листа вместо вписанного над строкой и незачеркнутого варианта:* В это время звеня<?> бричка въехала во двор, и древн<и>е клячи ожили, чуя сто<йло>

⁴⁷⁷ Они лошади горячие *вписано*

⁴⁷⁸ *Далее зачеркнуто:* тотчас

⁴⁷⁹ Было: думаю

⁴⁸⁰ Было: Иванович

⁴⁸¹ так чудно *вписано*

⁴⁸² *Далее зачеркнуто:* Чудно, очень чудно! чудно

⁴⁸³ *Вместо:* Точно<?> когда он — *было:* Теперь уже он

⁴⁸⁴ *Далее зачеркнуто:* будет двое

лодный пот проступал на лице его⁴⁸⁵. Долго не мог он заснуть, уложившись довольно рано в свою постель. Наконец, сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его. Но какой сон. Еще несвязнее сновидений он никогда не выдывал. То снилось ему, что <?> вокруг него⁴⁸⁶ все шумит, вертится. А он бежит, бежит, не чувствуя под собою ног, вот уже⁴⁸⁷ выбивается из сил, вдруг слышит, кто-то хватает его за ухо. «Ай! Кто это?» «Это я, твоя жена!» с шумом говорит ему какой-то голос. И он вдруг пробуждался. То представлялось ему, что он уже женат, что все в домике их так чудно, так странно, в его комнате стоит вместо одинокой двойная кровать. На стуле сидит жена. Ему странно, он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее птичье лицо, оборачивается и видит другую жену то же с птичьим лицом. Оборотился в друг <ую> [сторону]⁴⁸⁸, стоит третья жена. Назад — еще одна жена. Тут он бросил бежать в сад, но в саду жарко⁴⁸⁹. Он снял шляпу, видит, и в шляпе сидит жена. Пот выступил у него на лице, полез в карман за платком, и в кармане⁴⁹⁰ жена, вынял⁴⁹¹ из уха⁴⁹² хлопчатую бумагу, и там сидит жена..... То вдруг он прыгал на одной ноге. А тетушка, глядя на него, говорила с важным видом: «да, ты должен прыгать. Потому что ты теперь уже женатой человек..» Он посмотрел на нее, но тетушка, уже не тетушка; а колокольня. И чувствует, что его кто-то тянет веревкой на колокольню. «Кто это тащит меня?» жалобно проговорил Иван Федорович. «Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты колокол». «Нет, я не колокол, я Иван Федорович!» кричал он. «Да, ты колокол» говорил, проходя⁴⁹³ Полковник П*** Пехотного полка... — То вдруг снилось ему, что Жена это вовсе не человек, а какая-то шерстяная⁴⁹⁴ материя, что он в Могилеве приходит в лавку к купцу. «Какой прикажете материи» говорит купец «вы возьмите жены. Это самая модная материя, очень добротная. Из такой⁴⁹⁵ все теперь шьют себе сюртуки».

⁴⁸⁵ Далее зачеркнуто: а. И он уже ложась; б. и

⁴⁸⁶ Было: всего <?>

⁴⁸⁷ Далее зачеркнуто: готов

⁴⁸⁸ Сверху вписано: Поворотился наза <д> (незавершенная правка). Далее зачеркнуто: третья

⁴⁸⁹ Далее зачеркнуто: Солнце совсем красное

⁴⁹⁰ Далее зачеркнуто: сидит

⁴⁹¹ Так в рукописи

⁴⁹² уха вписано

⁴⁹³ Далее зачеркнуто: прежний его

⁴⁹⁴ Было: мате <рия>

⁴⁹⁵ Было: не <е?> (не зачеркнуто)

Купец меряет и режет⁴⁹⁶ жену. Иван Федорович берет под мышку, идет к Жиду Портному. «Нет» говорит жид. «Это дурная материя. С нее никто не шьет себе сюртуков»⁴⁹⁷.

В страхе и беспамятстве просыпался Иван Федорович. Холодный пот лился с него градом.

А между тем в⁴⁹⁸ голове тетушки созрел совер<ш>енно новый замысел, который увидите вы в следующей главе. —

Как только встал он поутру, тотчас обратился к гадательной книге, в которой при конце Глазунов по своей редкой доброте и беско<ры>стию поместил сокращенный снотолкователь, но там совершенно не было ничего⁴⁹⁹ даже похожего <на?> бессвязн<ый> сон⁵⁰⁰. —

⁴⁹⁶ Было: отрез<ает?>

⁴⁹⁷ Далее зачеркнуто: в

⁴⁹⁸ Было: Тет<ушка>

⁴⁹⁹ ничего вписано

⁵⁰⁰ Вместо: совершенно не было ~ сон — было: нигде не находил такого бессвязн<ого> сна

Варианты

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

С. 67

² близ Диканьки / близь Диканьки (ВД2, Соч. 1855)

ПРЕДИСЛОВИЕ (I)

С. 69

⁶ вымарали пальцы / вымарало пальцы (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁷ печатной бумаги / газетной бумаги (ВД1)

^{13–14} оборвавшийся мальчишка / оборванный мальчишка (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁹ в этот великой свет / в этот свет великой (ВД1)

²⁶ слышатся издаലെца / слышатся издалече (Соч. 1842, Соч. 1855)

³⁰ совсем не для балу / совсем не для бала (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 70

^{16–17} в тонком суконном балахоне, цвету ~ киселя / в балахоне из тонкого сукна, цвета ~ киселя (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{22–23} вынимал из пазухи / вынимал из-за пазухи (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁵ прятал в пазуху / прятал за пазуху (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{29–30} Откуда он слов понабрался таких / Откуда он слов понабирался таких (ВД1)

³² таким латынщиком / таким латинщиком (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 71

^{5–6} не мечите бисера перед свиньями / не мечите бисер пред свиньями (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁵ до Нового году / до Нового года (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁴ наслушались вдоволь / насльшались вдоволь (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁶ верно, не същете такого / верно, не същется такого (Соч. 1842, Соч. 1855)

³⁶ дынь подадим таких / дынь подам таких (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁴⁰ Что то за пироги / Что-то за пироги (ВД1); Что за пироги (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 72–73

^{7–45} Текста: На всякий случай ~ шатра. — нет (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 72

¹⁹ Голодрáбец / Голодрáбець (ВД1)

²⁹ ворожея / ворожей (ВД1)

³⁷ амбар / анбар (ВД1)

С. 73

⁴ для растирания мака / для растирания маку (ВД1)

¹⁰ Оселéдец / Оселéдець (ВД1)

²⁰ Пейсики / Песики (ВД1)

²³ Путря, кушанье, род каши. / Путря, кушанье. (ВД1)

³⁶ Хлóпец / Хлóпець (ВД1)

- 40–41 Чумаки́, обозники, едущие в Крым за солью и рыбою. / Чумаки, Малор. извозчики (ВД1)

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

С. 74

- 4 Ой вези ж меня из дому / Ой вези ж мене из дому (ВД1)
6 все дивкы / все дивки (Соч. 1855)
8 Из старинной легенды. / (Из старинной легенды) (ВД1); Из старой легенды. (Соч. 1842, Соч. 1855)
16–17 звонкий голос перепела / звонкий гром перепела (ВД1)
23 Серые скирды сена / Серые стога сена (Соч. 1855)
28–29 один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... / один из дней жаркого августа в тысячу восемьсот... (Соч. 1855)

С. 75

- 12 тащился истомленными волами воз / тащился на истомленных волах воз (Соч. 1855)
15 Ленивою рукой / Ленивою рукою (ВД1, Соч. 1855)
16 пот с смутлого лица / пот со смутлого лица (Соч. 1842, Соч. 1855)
21 парубков / паробков (Соч. 1855) и далее по тексту «Вечеров» до слов «“Куда, Вакула?” кричали парубки» в «Ночи перед Рождеством»
24 чтоб увидеть причину / чтобы увидеть причину (ВД1)
32 Девушка в осмнадцать лет / Девушка в осмнадцать лет (Соч. 1842); Девушка в осмнадцать лет (Соч. 1855)
35 рад бы был это сделать прежде / рад бы был это сделать (Соч. 1855)
39 зеленой кофте / засаленной кофте (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 76

- 7 казалась ощутительнее / казалась ощутительней (ВД1)
17–18 она почти каждый год переменяет свои окрестности, выбирает себе новый путь и окружает себя / она почти каждый год переменяла свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя (Соч. 1855)
19–20 подымали на тяжелые колеса свои / подымали на тяжелые свои колеса (Соч. 1855)
28–29 ай да дивчина! / ай да девушка! (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
36 Славная дивчина! / Славная девушка! (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

С. 79

- 4 Чтоб он подскользнулся / Чтоб он поскользнулся (Соч. 1842, Соч. 1855)
13 молоко еще на губах / еще молоко на губах (ВД1)
18 с новою силой / с новою силою (ВД1)
25 козаку / казаку (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Вечеров»¹
35 не закупив усiei ярмаркы / не закупив у siei ярмаркы (ВД2); не закупив у siei ярмарки (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹ В издании ВД1 (преимущественно в тексте «Сорочинской ярмарки») слово «козак» не последовательно печаталось в разной орфографии: козак и казак; в дальнейшем случаи разночтения нами не оговариваются.

С. 80

- ⁴ мычание, бляение / мычанье, бляенье (Соч. 1855)
⁵ цыганы / цыгане (ВД1)
¹² с чернобровою дочкой / с чернобровою дочкою (ВД1)
^{26–27} Жилки ее вздрогнули, и сердце забилося / Жилки ее вздрогнули; сердце забилося (Соч. 1855)
^{31–33} Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, — подумала про себя красавица, — только мне чудно... верно это лукавый! / Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, только мне чудно... верно это лукавый! (ВД1)
^{36–37} к двум громко разговаривающим негоциантам / к двум громко разговаривавшим негоциантам (ВД1, Соч. 1855)
^{38–39} Фразы: Вот что говорили негоцианты о пшенице: — нет (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

С. 81

- ⁷ человек, с вида похожий / человек, с виду похожий (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁹ шароварах / шараварах (ВД1) и далее по тексту «Вечеров»²
¹² пред Рождеством / перед Рождеством (Соч. 1855)
¹⁶ думал про себя отец нашей красавицы / думал про себя наш знакомец (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
²¹ с шишкою на лбу / с шишкой на лбу (ВД1)
²² Какая чертовщина? / Как чертовщина! (ВД1)
²⁷ чтоб ему не довелось обтирать губ / чтоб ему не довелось больше обтирать губ (ВД1)

С. 82

- ^{4–5} Черт меня возьми, если я не на четвертый только день / А я на четвертый только день (Соч. 1855)
¹⁶ взглядишь-ко хорошенько / взглядишь-ка хорошенько (ВД1)
¹⁹ Голопупенкова сына / Голопупенькова сына (ВД1)
²⁹ чтобы и паслись на одной траве / чтоб и паслись на одной траве (Соч. 1855)
³² многочисленной флотилией / многочисленною флотилией (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{35–36} хватив потом ее вдребезги / обратив потом ее вдребезги (ВД1)
⁴⁰ купцы из Гадяча и Миргорода / купцы даже из Гадяча и Миргорода (ВД1)

С. 83

- ^{1–2} получшую деревянную люльку / получше деревянную люльку (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁴ голодрабцев / голодранцев (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Вечеров»
³⁵ разговорился чересчур / разгорячился чересчур (ВД2, Соч. 1842)

С. 84

- ⁸ Не журыся / Не журился (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{12–13} спокойно проплыл свой полдень / и спокойно проплыл свой полдень (ВД1)

² В издании ВД1 слово непоследовательно печаталось в разной орфографии: шаровары и шаравары (ср. также с. 539 наст. изд.).

- 13–14 и угасающий день пленительно и ярко румянился / день и пленительно, и грустно и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого не-дуга в торжественную минуту ее отлета на небо (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 16 фляшки / фляжки (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Вечеров»
- С. 85
- 14 испытательных очей / испытующих очей (Соч. 1855)
- 22 надсадить мене / надсадить мини (ВД1); надсадить мени (Соч. 1855)
- 23 не без лыха / не без лиха (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 27 чтоб москали на случай не подцепили чего / чтобы москали на случай не подцепили чего (ВД1)
- 29–30 долго стоял в недоумении на нем / долго стоял на нем в недоумении (Соч. 1855)
- С. 86
- 7 а кур, если сосчитать, то не будет / а кур, если сосчитать, не будет (ВД1)
- 14 вареники, галушечки / варенички, галушечки (ВД1)
- 18 подвигая другою рукою вареники / придвигая другою рукою варенички (ВД1)
- 27 Бог знает, что вы выдумаете / Бог знает, что вы выдумываете (Соч. 1855)
- 29 целоваться / цаловаться (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Сорочинской ярмарки»³
- 33 возвратилась вся побледневшая / возвратилась вся побледневши (ВД1)
- С. 87
- 9–10 сатана, в образине свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как будто искал чего / сатана, в костюме ужасной свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как бы ища чего (ВД1); сатана, в костюме ужасной свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как будто ища чего (ВД2, Соч. 1842)
- 12–13 продавица бубликов / продавица бублик (ВД1)
- 13 рядом с яткою шинкаря / рядом с яткою шинкарки (ВД1)
- 14–15 писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара / писала ногами совершенное подобие лакомого товара (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 18–19 которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах / которые были не совсем из храброго десятка и имели притоны в избах (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 21 гостьми / гостями (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24 покаместь / покамест (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24–25 Гости тоже были в веселом расположении духа / Гости тоже были все в веселом расположении духа (ВД1)
- 29 поглядывая на накладенные под потолком доски / поглядывая на доски, накладенные под потолком (Соч. 1855)
- 31–32 мы черпнем ее с добрыми людьми, а то проклятые бабы напугали нас / мы черпнем ее с добрыми людьми; проклятые бабы напугали нас (Соч. 1855)
- С. 88
- 4 на лице речистого храбреца / на лице высокого бонмотиста-храбреца (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 4 Куда теперь ему побледнеть! / Куда теперь ему бледнеть! (Соч. 1855)

³ Ср. с. 542, 544 наст. изд.

- 6 как та красная свитка / как та красная свитка (ВД1); сама красная свитка (Соч. 1855)
- 7 Баклажка прокатилась по столу / Баклажка покати́лась по столу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 любопытному его духу / его любопытному духу (Соч. 1855)
- 15 про эту диковину / про эту диковинку (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19 Как же, кум! — прервал Черевик / Вот, кум! — прервал Черевик (ВД1)
- 29 то и дело, что сидит в шинке / то и дела, что сидит в шинке (ВД1)
- С. 89
- 4–5 Фразы: О сроке жид и позабыл было совсем. — нет (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 6 отдавай свитку мою / отдавай мою свитку (Соч. 1855)
- 10 пересчитавши по сундукам / пересчитав по сундукам (Соч. 1855)
- 12 во всех окнах выставлялись свиные рыла / во всех окнах выставились свиные рыла (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22 чего мы переполошились! Никого нет! / чего мы переполошились! Ничего нет! (Соч. 1855)
- 25–26 да посадить за гребень / да и посадить за гребень (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 27 скамейка заскрипела / скамейка заскрипела (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 27–28 полумные / полоумные (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Сорочинской ярмарки»
- 31 мигом оживили его плетеными тройчатками / мигом оживили плетеными тройчатками (ВД1, ВД2); мигом оживили жид плетеными тройчатками (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31 заставя плясать его / заставя его плясать (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 34 перекупке / пере́купке (Соч. 1855)
- 34 привезла ее снова / привезла снова ее (ВД1)
- 35 покупать у ней / покупать у нее (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 дивилась, дивилась и наконец смекнула / дивилась, дивилась, наконец смекнула (ВД1)
- 37 надевая ее, чувствовала / всегда, когда вздумывалось ей надевать, чувствовала (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- С. 90
- 2–3 Схватил секиру ~ и снова целая свитка / Схватил топор ~ и опять целая свитка (Соч. 1855)
- 4 хватил секирою / хватил топором (Соч. 1855)
- 9–10 нелегкая дернула теперь заседателя о... / нелегкая дернула теперь заседателя от... (Соч. 1855)
- 17 потекла кабака / потекла табака (ВД1, Соч. 1855)
- 21 пальцы остались неподвижными на воздухе / пальцы остановились в судорожной неподвижности в воздухе (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 21–22 Высокий храбрец, в ничем не победимом страхе, подскочил / Высокий храбрец в непобедимом страхе подскочил (Соч. 1855)
- 23 об перекладину / о перекладину (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24–26 «Ай! ай! ай!» — отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами / «Ай! ай! ай!» — кричал один, повалившись на лавке, болтая в ужасе руками и ногами (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

- 26 горланил другой, закрывшись тулупом / горланил другой в отчаянии, закрываясь тулупом (ВД1); горланил другой в отчаянии, закрывшись тулупом (ВД2, Соч. 1842)
- 26–27 Кум, выведенный из своего окаменения / Кум, выведенный из окаменения (Соч. 1855)
- 32 не видя земли под собою / не видя под собою земли (Соч. 1855)
- 32–33 уменьшить немного скорость бега / уменьшить скорость бега (Соч. 1855)
- 37 через минуту / через минуту (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 91
- 4 Ще спереди / Ще спереди (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7–8 говорил, приподнявшись, один из толпы спавшего на улице народа / говорил, приподнявшись ночью, один из толпы народа, спавшего на улице (Соч. 1855)
- 21 один наверху, другой на низу / один наверху, другой внизу (Соч. 1855)
- 29–30 черепок из горшка / черепок от горшка (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35–37 Озаряясь светом, неверно и трепетно горевшим, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром, в мраке непробудной ночи. / Озаряясь местами неверно и трепетно горевшим светом, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром и облаками мрака непробудной ночи. (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- С. 92
- 10 исчезли с появлением утра / исчезнули вместе с осветившим мир утром (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 11–12 вместе с волами, мешками муки / между волов, мешков муки (Соч. 1855)
- 14–15 шинок дальней родички / шинок дальней родственницы (Соч. 1855)
- 16 дребезжала на ухо нежная супруга / дребезжала ему на ухо нежная супруга (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19–20 уклоняясь от замашки рук его / уклоняясь от замашки руки его (Соч. 1842); уклоняясь от взмаха руки его (Соч. 1855)
- 20 чуть было не задел / чуть не задел было (ВД1)
- 22 не представилась твоя рожа барабаном / не преставилась твоя рожа барабаном (Соч. 1855)
- 23–24 свиные рожи, от которых, как говорит кум / свиные рожи, от чьих, как говорит кум (ВД1)
- 34 рушник / ручник (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 93
- 23 с необыкновенною легкостью / с необыкновенною легкостью (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25 кусок красного рукава свитки!.. / кусок красного рукава!.. (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 32 и Черевик почувствовал себя вдруг схваченным дюжими руками / и Черевик почувствовал, что схвачен вдруг дюжими руками (Соч. 1855)
- С. 94
- 18 Эге, ге! / Эге, ге, ге! (ВД1)
- 21 люди добри / льды добри (ВД1, ВД2)
- 21 провинься / провынься (Соч. 1855)
- 22 За що глазуετε? / За що глазуετε? (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24 попустив / попустыв (ВД1); попустив (Соч. 1842, Соч. 1855)

- 25 гирких слез / гирких слиз (ВД1)
- 30 вареники с сметаною / вареники со сметаною (Соч. 1855)
- 33–34 за что же мне, несчастливцу, недобрый поклеп такой / за что мне, несчастливцу, недобрый поклеп такой (Соч. 1842); но за что мне, несчастливцу, недобрый поклеп такой (Соч. 1855)
- С. 95
- 2 Вот, это тот самый, кум, об котором я говорил тебе. / Вот, кум, это тот самый, о котором я говорил тебе. (Соч. 1855)
- 7 провинился перед тобою / провинился пред тобою (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 14–16 Да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли. / Черт возьми, если мне не так же стало весело, как когда бы мою старуху москали увезли. (ВД1)
- 28 матинко / матинько (Соч. 1842); матеренько (Соч. 1855)
- 32 подкивки / пидкивки (ВД1)
- 33 Брязчали / Брязчалы (ВД1)
- 35 Мовчали / Мовчалы (ВД1)
- 37–38 задумалась Параска, одна, сидя в хате / задумалась Параска одна, перед столом в хате (ВД1)
- С. 96
- 1 подымало / поднимало (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 1–2 то снова облако задумчивости опускало их / а иногда снова облако задумчивости опускало их (Соч. 1855)
- 4 этого не будет / этого-то не будет (ВД1)
- 6 Упрямства-то и у меня достанет. / Упрямства и у меня достанет. (Соч. 1855)
- 10 вынимая из пазухи / вынимая из-за пазухи (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22–23 начала притопывать ногами все чем далее, смелее / начала притопывать ногами чем далее, все смелее (Соч. 1855)
- 28 мылый, чернобрывый / милый, чернобрывый (Соч. 1855)
- 29 близенько / близенько (Соч. 1855)
- 33 близже / близче (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 38 гордо подбоченившись / гордо подбочинившись (ВД1; исправлено в ВД1 Опеч.⁴)
- С. 97
- 6 до приходу ее / до прихода ее (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7 Не успела переступить она за порог хаты / Не успела Параска переступить за порог хаты (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11 допущу до этого / допущу этого (ВД1)
- 14 пара дюжих цыган овладела ее руками / пара дюжих цыган овладели ее руками (ВД1)
- 26 веяло равнодушие могилы / веяло равнодушием могилы (Соч. 1855)
- 31 подтанцовывая за веселящимся народом / подплясывая за веселящимся народом (Соч. 1855)
- С. 98
- 5 Даты 1829 — нет (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)

⁴ Здесь и далее указываются разночтения в списке опечаток (ВД1Опеч.), помещенных Гоголем в первом издании «Вечеров» (см. с. 249 наст. изд.).

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

С. 99

- ¹ Ивана Купала / Ивана Купалы (ВД1) и далее по тексту повести
²² *Що-то вже / Що-товже* (ВД1, ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 100

- ⁵ узинькое стекло / узинькое окно (ВД1)
^{13–14} от которых всегда дрожь проходила / от которых какая-то дрожь проходила (ВД1)
^{15–16} что все с вечера показывается / что с вечера все показывается (Соч. 1855)
^{19–20} если не принимал ~ собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола / если я не принимал ~ собственную свитку, положенную в головах, за свернувшегося дьявола (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁷ Эдакое неверье / Этакое неверье (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁵ Лет — куды! более чем за сто / Лет, куды более чем за сто (ВД1); Лет, куды! более чем за сто (Соч. 1842); Лет, более чем за сто (Соч. 1855)
³⁷ то сям, то там / то там, то сям (Соч. 1855)

С. 101

- ² Это ж еще богачи / Это еще богачи (Соч. 1855)
^{5–6} Бедность, не бедность; потому что тогда козаковал почти всякой / Бедность, не бедность: тогда казаковал почти всякий (Соч. 1855)
⁸ литвинство / литовцы (ВД1)
¹⁰ В этом-то хуторе / В этом-то хуторке (ВД1)
²⁰ содержащая в то время / содержащая в то время (ВД2)
³⁵ не бывал в церкви / не бывал в церкви (ВД1)
³⁶ Куды! / Куды! (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁹ горячею кутею / горячею кутьею (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁴⁰ кто зазнается / кто спознается (Соч. 1855)

С. 102

- ⁹ на Запорожье / в Запорожьи (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁴ с щегольским / со щегольским (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁷ всего на всего / всего на все (ВД1 Опеч.)
³⁵ на клиросе / на крилосе (ВД1)
³⁷ мою макушу / мою макушку (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{37–39} Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого... сами знаете, что выходит. / Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого, не миновать беды. (ВД1)

С. 103

- ¹⁹ Терентий Корж / Терешко Корж (ВД1)
³¹ рушник / ручник (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁹ Пидоркины речи / Пидоркины слова (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 104

- ^{10–11} и выпучила на него глаза / выпучила на него глаза (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{20–21} дела только одного потребу / дела только одного потребуют (ВД1)
²⁵ в Медвежьем овраге / в Медвежьем оврагу (ВД1)⁵
²⁷ То и дела, что смотрел / То и дело, что смотрел (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁵ Ср. с. 534 наст. изд.

- 29 и что далее / и чем далее (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 105**
- 1 вырвать хоть один / сорвать хоть один (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 4 Дикой бурьян / Дикий бурьян (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7–8 Поусумнился Петро и раздумно стал перед ними / Поусомнился Петро и в раздумьи стал перед ними (Соч. 1855)
- 8–9 Что тут за невидальщина? / Что тут за небывальщина? (Соч. 1855)
- 16 и позади его / а позади его (Соч. 1855)
- 24 будто ~ колокольчики / словно ~ колокольчики (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 показалась избушка / показалась избенка (ВД1)
- С. 106**
- 29–30 за обезглавленный труп / в обезглавленный труп (Соч. 1855)
- 30 пила из него кровь / пила кровь из него (ВД1)
- 31 бросился бежать он / бросился он бежать (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31–32 красным цветом / красным светом (ВД1)
- 33–34 мерещились ему в глаза / мерещилось в его глазах (Соч. 1855)
- 35 сон схватил его / сон охватил его (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 Два дни / Два дня (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 без просыпа / без просыпу (ВД1)
- С. 107**
- 1 что искал какого-то клада / что искал клад какой-то (ВД1)
- 7–9 Дивно только показалось Пидорке ~ лица его / Дивно только показалось Пидорке, когда стала рассказывать, как проходившие мимо цыганы украли Ивася; Петро не мог даже вспомнить лица его (Соч. 1842); Пидорка стала рассказывать, как проходившие мимо цыганы украли Ивася; но Петро не мог даже вспомнить его (Соч. 1855)
- 14 не в сравнение нашей / не в сравнение с нашей (Соч. 1855)
- 16–17 на верх которых навязывался золотой галун / на верх которых повязывался золотой галун (ВД1); наверх которых навязывался золотой галун (Соч. 1842); поверх которых навязывался золотой галун (Соч. 1855)
- 20 скакали в горнице / скакали в горнице (Соч. 1855)
- 22 из которого выглядывал / откуда выглядывал (Соч. 1855)
- 29–30 чтобы не тряхнуть стариною / чтоб не тряхнуть стариною (ВД1)
- 33–34 Уж не чета нынешним переодеваниям / Уж не нынешних переодеваний (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 39 А как начнут дуреть / А как начнут дурить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 39 хоть святых выноси / хоть святых вынеси (Соч. 1842)
- С. 108**
- 5–6 ералаш поднялся / ералаш поднялась (ВД1 Опеч.); ералаш поднялся (Соч. 1855)
- 24–25 Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее, все как будто туманом укрывается / Кто-то подходит, бьет по плечу его; он... но далее, все как будто туманом укрывается (ВД1); Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее, все как будто туманом покрывается (Соч. 1855)
- 25–26 Пот валится градом / Пот валит градом (Соч. 1855)
- 27 знахорами / знахарями (Соч. 1842, Соч. 1855)⁶

⁶ Ср. с. 544 наст. изд.

29 Много козаков обкосилось и обжалось / Много козаков откосилось (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

32 Скирды хлеба, то сям, то там / Скирды хлеба, то там, то сям (Соч. 1855)

40–41 этой самой воды / этой воды (Соч. 1855)

С. 109

1 Уже и снег стал сеяться / Уже и снег начал сеяться (Соч. 1855)

3 словно щеголеватой польской шляхтич / словно щеголеватой польский шляхтич (Соч. 1842, Соч. 1855)

9 а Петро все так же / а Петро все тот же (Соч. 1855)

10–11 поставив себе в ноги мешки с золотом / поставив себе в ноги мешки свои (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

17 рвет клоками волоса / рвет клоками волосы (Соч. 1842, Соч. 1855)

24–25 в Медвежьем оврагу / в Медвежьем овраге (Соч. 1842, Соч. 1855)⁷

33 со всей силы / из всей силы (Соч. 1842); изо всей силы (Соч. 1855)

С. 110

10 отправили ее было уже туда / отправили было ее уже туда (Соч. 1842, Соч. 1855)

11 да один раз приехавший из Киева / но приехавший из Киева (Соч. 1855)

14 что еще никто не слышал от нее / что еще никто не слышал от нее (Соч. 1842); что будто еще никто не слышал от нее (Соч. 1855)

22 Того же году / В том же году (Соч. 1842, Соч. 1855)

29 Калякали о сем и о том / Калякали о том, о сем (Соч. 1855)

С. 111

1 «Стой, стой!» — куды! / «Стой, стой!» — куда! (Соч. 1842, Соч. 1855)

2 не до смеха / не до смеху (ВД1)

11 столбом валился дым / столбом валил дым (Соч. 1855)

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

С. 112

8–9 так де воно й возметця ниначе з неба / так де воной возметця з неба (ВД2, Соч. 1842); так де вонной возметця (Соч. 1855)

15–16 И вечер, вечно задумавшийся, мечтательно обнимал / И задумавшийся вечер мечтательно обнимал (Соч. 1855)

19 Левко / Лёвко (Соч. 1855) и далее по тексту «Майской ночи»

20 и подтанцывает / и подплясывает (Соч. 1855)

27 приближась к окну / приближаясь к окну (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)

27 Галю, Галю! / Гáлю! Гáлю! (Соч. 1855)

С. 113

4 белую ручку свою / белую свою ручку (Соч. 1855)

17 то и дело / то и дела (ВД1)

22–23 задумчиво потопив в него свои очи / задумчиво уставив в него свои очи (Соч. 1855)

27 веселее у чужих было / веселее было у чужих (Соч. 1842, Соч. 1855)

37 О, моя Галя! / О, моя милая девушка! (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

С. 114

1 Да, что я хочу / Что я хочу (Соч. 1855)

⁷ Ср. с. 532 наст. изд.

- 6–7 шатаюсь Бог знает где и повесничаю с хлопцами по улицам / шатаюсь Бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 33 теплое ночного воздуха / теплое океана ночного воздуха (ВД1; исправлено в ВД1 Опеч.⁸)
- С. 115
- 16 батьку / батька (Соч. 1855) и далее по тексту «Майской ночи»
- 21 вскрикнула, ее увидевши / вскрикнула, увидевши ее (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 27–28 С криком оторвавши от себя, кинула на пол / С криком оторвавши от себя, кинула ее на пол (Соч. 1855)
- С. 117
- 19 посередине неба / посреди неба (Соч. 1855)
- С. 118
- 4 Каленик / Калинин (Соч. 1855) и далее по тексту «Майской ночи»
- 34 был выбран он / был он выбран (Соч. 1855)
- 36–37 разумно и важно потуплять голову / разумно и важно потуплять голову (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 119
- 16–17 смазливое личико / смазливенькое личико (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24 Что за разгулье / Что за разгульство (ВД1)
- 35 обсматривал он / всматривался он (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 малейший шаг вперед Левка / малейший шаг Левка вперед (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 120
- 11–12 будто он когда-то его слышал / будто он когда-то его слышал (ВД1; исправлено в ВД1 Опеч.⁹)
- 14 сем / этом (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Майской ночи»
- 16 со всей силы / изо всей силы (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19 отец его / его отец (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 притопывая на них ногами / притопывая ногами (ВД1 Опеч.)
- 30–31 Поприставали, как мухи к меду! / Прильнули, как мухи к меду! (ВД1 Опеч.)
- 34 Ай да батько! / Ай да батька! (Соч. 1855)
- 40 махая рукою к парубкам / махая рукою парубкам (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 121
- 22 я вас ее выучу / я вас выучу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 толпа шумно понеслась по улицам / толпа шумно пронеслась по улицам (ВД1)
- С. 122
- 1 низенькой, толстенькой человек / низенький, толстенький человек (Соч. 1842); низенький, толстенький человек (Соч. 1855)
- 20–21 На Покров, бьюсь об заклад, что пан голова будет писать ногами / На Покрову-то, я готов поставить Бог знает что, если пан голова не будет писать ногами (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

⁸ См. с. 249 наст. изд.

⁹ См. с. 249 наст. изд.

- 31 не начитывали / не насчитывали (Соч. 1842, Соч. 1855)
 31–32 что повывдумывали проклятые немцы / что повывдумали проклятые немцы (Соч. 1855)
- С. 123
 11 ступил за порог / ступил через порог (Соч. 1842, Соч. 1855)
 39–40 какой это висельник швырнул / какой это висельник швырнул камнем (ВД1)
- С. 124
 1–2 пылающим взглядом / пылающим глазом (ВД1)
 11 покойный тесть / покойник тесть (ВД1)
 14 пока простынут / пока галушки простынут (Соч. 1842, Соч. 1855)
 14–15 Взявши на длинные деревянные спички галушки / Повздевавши на длинные деревянные спички галушки (ВД1); Взявши их на длинные деревянные спички (Соч. 1842, Соч. 1855)
 21 стал оплетать / стал уплетать (ВД1)
 33 Я слышал что-то / Я слышал что-то (ВД1)
- С. 125
 1 В голове расселись клепки. / Вдруг рассыпались клепки. (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
 15 остолбеневшему от удивления / остолбеневшему от изумления (ВД1)
 17 И опять / И он опять (Соч. 1842, Соч. 1855)
 20 проницательный глаз / проницательный ум (ВД1)
 22 допускает иногда неопытной мышке бегать / допускает иногда неопытной мышке бегать (Соч. 1842); допускает иногда неопытную мышку бегать (Соч. 1855)
 23–24 путь в свою нору / путь в нору (Соч. 1842, Соч. 1855)
 34–35 своего пленника прямо в сени / прямо в сени своего пленника (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 126
 2 ухватив еще крепче / ухватив его еще крепче (Соч. 1842, Соч. 1855)
 6 и в сопровождении десятского отправился / а сам, в сопровождении десятского, отправился (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8 шли они все трое / шли они все три (ВД1)
 8 потупив голову / потупив головы (Соч. 1842, Соч. 1855)
 19 побоится выбросить их нечестивым своим языком / побоится вымолвить их нечестивым своим языком (Соч. 1855)
 23–24 странными песнями / срамными песнями (Соч. 1842, Соч. 1855)
 25 все разбежались, куды попало / все разбежались, куда попало (Соч. 1842); все разбежались, куда ни попало (Соч. 1855)
 28 черта, который кует / черта, что кует (Соч. 1855)
 31 А не лжешь ли ты / А не лжешь ты (ВД1)
 36 пред собою / перед собою (Соч. 1855)
 38 ты не свихнулся еще с последнего ума / ты не свихнул еще с последнего ума (Соч. 1855)
- С. 127
 12–13 что я им ровен / что я им ровень (ВД1); что я им ровня (Соч. 1855)
 13 Они думают, что какой-нибудь их брат / Они думают, что я какой-нибудь их брат (Соч. 1842, Соч. 1855)

- 35–36 выбросили целый огненный фонтан / выбросили целый облачный фонтан (ВД1)
- 37–38 повесить на верхушку дуба / повесить на верхушке дуба (Соч. 1855)
- С. 128
- 4 этот был от сундука его / этот ключ был от сундука его (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 5–6 «Эдесь!» — сказал он / Есть!» — сказал он (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 6–7 вынимая его из глубины обширного кармана / вынимая из глубины обширного кармана (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 13–14 сомкнуть дружно разинувших ртов своих / сомкнуть дружно разинутых ртов своих (Соч. 1842); сомкнуть дружно разинутых ртов своих (Соч. 1855)
- 15–16 сделала движение подойти к ним / сделала движение, чтобы подойти к ним (Соч. 1855)
- 31–32 к скважинке в дверях / к скважине в дверях (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 33 Дверь открылась / Дверь открыли (ВД1)
- 34–35 оглядываясь назад, как будто выбирая безопасное место / оглядываясь и как будто выбирая безопасное место (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 129
- 1–2 завески у ~ ставня / петли у ~ ставня (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 4 который попятился немного / который попятился назад (Соч. 1855)
- 5–6 рад был случаю сжечь меня / рад был случаю съесть меня (ВД1, ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855; исправлено в ВД1 Опеч.¹⁰)
- 6 чтобы свободнее было волочиться / чтобы свободнее было тебе волочиться (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 12 свою макушу / свою макушку (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 17 да это пьяный Каленик / это пьяный Каленик (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 18–19 в руках наших был, пан голова! — отвечали десятские. / в руках наших был, пан голова. (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 20–21 И как мы попали эту ворону / И как мы попали на эту ворону (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 Бог один знает / Бог знает (ВД1, ВД2, Соч. 1842; исправл. в ВД1 Опеч.¹¹)
- 22–23 дается повеление, — сказал голова, — изловить / дается повеление, — изловить (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 29 вылить переполоху / вылечить (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31 Что это?.. Что это?.. / Что это?.. Да что это?.. (Соч. 1855)
- 32 Вы... Я донесу / Вы... Вы... Я донесу (ВД1)
- 32 Сей же час! слышите, сей час. / Сей же час! слышите, сейчас. (Соч. 1842); Сей же час, слышите, сей же час! (Соч. 1855)
- С. 130
- 1–2 Пот валился с него градом / Пот валил с него градом (Соч. 1855)
- 2–3 чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу / чернел кленовый лес, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицом к месяцу, тонкою серебряною пылью (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
- 4 Все было тихо / Все тихо (ВД1, ВД2, Соч. 1842)

¹⁰ См. с. 249 наст. изд.

¹¹ См. с. 249 наст. изд.

- 13 в неподвижные воды пруда / в недвижные воды пруда (ВД1)
 18–19 наперед белый локоть выставился в окно / прежде выставился в окно
 белый локоть (Соч. 1842, Соч. 1855)
 19–20 с блестящими очами, тихо светившими сквозь темно-русые волны волос
 / с блестящими очами, тихо светлевшими сквозь темно-русые волны во-
 лос (Соч. 1842, Соч. 1855)
 22 разом забилось / вдруг забилось (Соч. 1842, Соч. 1855)
 25 подумал он про себя / подумал про себя герой наш (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
 27–28 но всё было в нем тихо / но в доме всё было тихо (Соч. 1842, Соч. 1855)
 31–32 сладкую тишину и раздолье ощутил Левко / сладкую тишину и тихое
 раздолье ощутил он (ВД1, ВД2); сладкую тишину и тихое раздолье
 ощутил Левко (Соч. 1842)
 34 Ой, ты мисяцы / Ой, ты мисяцю (Соч. 1855)
 36 Ой, свитьгыть там по подворью / Ой, свитьшь там по подворью (Соч. 1842)
- С. 131
 22–23 тяжелое, полное жалости и грусти чувство / тяжелое чувство, полное
 жалости и грусти (Соч. 1842, Соч. 1855)
 30 Я не могу чрез нее плавать / Я не могу через нее плавать (Соч. 1855)
 33–34 легкие, как будто тени, девушки, в белых, как луг, убранный ландыша-
 ми, рубашках / девушки, легкие, как будто тени, в белых, как убранный
 ландышами луг, рубашках (Соч. 1842, Соч. 1855)
 35–36 из прозрачных облак / из прозрачных облаков (Соч. 1842, Соч. 1855)
 40 жребий / жеребей (Соч. 1855) и далее по тексту «Майской ночи»
- С. 132
 5–6 отнимать цыпленков / отнимать цыплят (Соч. 1855)
 12–13 ворон бросился на одну из вереницы и схватил ее / ворон бросился на
 одну из вереницы, схватил ее (Соч. 1855)
 14 и на лице сверкнула / и на лице ее сверкнула (Соч. 1855)
 37 увидел себя схваченным / почувствовал себя схваченным (Соч. 1855)
 38 из коих иные / из которых иные (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 133
 9 Постой, батько / Постой, батька (Соч. 1855)
 19 вырубившая огонь / высекая огонь (Соч. 1855)
 31 подчинить мосты / починить мосты (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 134
 4–5 нежданного оборота / неожиданного оборота (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8 из брычки / из брички (Соч. 1855)
 13 говорил голова / сказал голова (Соч. 1842, Соч. 1855)
 14 к своим спутникам / к своим спутникам (Соч. 1842, Соч. 1855)
 24–25 зазвучало в устах / зазвучало в его устах (Соч. 1855)
- С. 135
 3–4 приблизился к хате / приблизился к хате (Соч. 1842, Соч. 1855)
 9 тихонько удалился / тихо удалился (ВД1)

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

- С. 136
 1 грамота / грамата (Соч. 1842) и далее по тексту «Пропавшей грамоты»

- ¹³ яку-небудь / яку нибудь (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁶ в постеле / в постели (Соч. 1842, Соч. 1855)
²² играли ~ в дурни / играли ~ в дурня (ВД1)
³⁰ всякой встречной кланялся ему мало не в пояс / всякий встречный кланялся деду мало не в пояс (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 137

- ¹ гетьману / гетману (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Пропавшей грамоты»¹²
² полковый писарь / полковой писарь (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹³ в глазах рябело / в глазах рябило (Соч. 1855)
¹⁴ все еще дремало / все дремало (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁵ снегирь / снигирь (Соч. 1855)
²¹ дым покатило / дым повалил (Соч. 1842, Соч. 1855)
²² горячих сластен / горячих сластей (Соч. 1855)
^{25–26} шаровары / шаравары (Соч. 1855)¹³
²⁶ яркой цветной пояс / яркий цветной пояс (Соч. 1842, Соч. 1855)
³¹ подпершился в боки / подпершись ею в боки (ВД1)
³⁷ да и ярмарке не век же стоять / да и ярмарке же не век стоять (ВД1)
⁴⁰ вместо него / вместо его (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 138

- ² раздобар взял страшной / раздобар взял страшный (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{2–3} приплешившийся к ним / припледившийся к ним (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁶ становилось чем далее, сумрачнее; и вместе с тем / становилось чем далее, сумрачнее; а вместе с тем (ВД1); становилось чем далее, тем сумрачнее; и вместе с тем (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹³ не знался с нечистыми / не знался с нечистым (ВД1)
²⁴ в мрак / во мрак (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁰ под поветками / под ветками (Соч. 1855)
^{38–39} обсмотрел он возы все / осмотрел он все возы (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{39–40} сел опять около своих / сел опять подле своих (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 139

- ³ протирать кулаком / протирать их кулаком (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁵ чудовище / чудище (ВД1)
⁹ макушу / макушку (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁵ Что бы это значило? / Что б это значило? (ВД1)
¹⁷ верно, черт пришел пешком / верно черт приходил пешком (Соч. 1855)
²⁴ гетьманский гонец / гетманский гостинец (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁴ поминай, как и звали / поминай, как звали (Соч. 1855)

С. 140

- ^{3–4} на кочергах своих / на своих кочергах (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹² конуру / кануру (ВД1, ВД2, Соч. 1842)
¹⁶ промеж козаками / промеж казаков (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁶ все, как груши, повалятся на землю / все, как груши, валятся на землю (ВД1)

¹² В изданиях ВД1 и ВД2 слово непоследовательно печаталось в разной орфографии как «гетман» и как «гетман». Ср. с. 546, 551, 557 наст. изд. См. также с. 622 наст. изд.

¹³ Ср. с. 527 наст. изд. См. также с. 622 наст. изд.

- 21 шопоча листьями / топоча листьями (ВД2)
 22–23 про овчинный тулуп / про овчинной тулуп (ВД1)
 25–26 промеж мелким кустарником / промеж мелкого кустарника (Соч. 1855)
 28–29 еще отроду не видывал он / еще отроду не видал он (Соч. 1842, Соч. 1855)
 36 отсвечивается в речке / отсвечивается в реке (Соч. 1842, Соч. 1855)
 37 польской шляхтич / польский шляхтич (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 141**
- 5 да что-то сыплют в огонь / да сыплют что-то в огонь (ВД1)
 8 вынял люльку / вынул люльку (Соч. 1842, Соч. 1855)
 21 в средину / в середину (Соч. 1855)
 28 тропака / трепака (Соч. 1855)
 30 Деда, несмотря на страх весь, смех напал / На деда, несмотря на весь страх, смех напал (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 142**
- 1–2 крошеной с капустой лук / крошенный с капустой лук (Соч. 1842, Соч. 1855)
 5 не распускаясь на рассказы / не пускаясь в рассказы (Соч. 1855)
 16–17 все чудовища / все чудища (ВД1)
 19–20 чуть ли не красивее всех / чуть ли еще не красивее всех (ВД1)
 26–27 и света более не увидишь / и света больше не увидишь (ВД1)
 29 хоть бы на смех / хотя бы на смех (ВД1)
 29 Из масти десятка самая старшая / Из мастей десятка самая старшая (Соч. 1855)
 31–32 Только что дед успел остаться дурнем, как со всех сторон / Только что дед успел остаться дурнем, и со всех сторон (ВД1)
 35–36 Поглядел на карты / Поглядел в карты (ВД1)
 36 масть хоть куда / масть хоть куда (ВД1, ВД2)
 38–39 хватъ королей по усам всех козырями / хватъ королей всех по усам козырями (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 143**
- 7–8 восьмеркою масти / осьмеркою масти (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8 старой дьявол / старый дьявол (ВД1)
 9–10 обморачиванье / обморочивание (Соч. 1842, Соч. 1855)
 20 ведьму напали корчи / на ведьму напали корчи (Соч. 1842, Соч. 1855)
 22–23 Если, сей час ~ молодецкой конь мой / Если сейчас ~ молодецкий конь мой (Соч. 1842, Соч. 1855)
 26–27 Заплакал ~ как дитя неразумное / Заплакал ~ что дитя неразумное (ВД1)
 27 Жаль старого товарища / Жаль стало товарища (ВД1)
- С. 144**
- 2 какие с человеком чудеса делаются / какие с человеком чудеса деются (ВД1)
 3 стоявшую сторчмя бочку / стоявшую торчмя бочку (Соч. 1855)
 10 выпучивши глаза / выпуча глаза (Соч. 1855)
 16–17 Там навиделся дед таких див / Там нагляделся дед таких див (Соч. 1855)

ПРЕДИСЛОВИЕ (II)

С. 145

⁹⁻¹⁰ а твердое-то ни за что не откушу / а твердое — то ни за что не откушу (ВД1)

¹¹⁻¹² с которым, Бог знает, скоро ли увидите / с которым, Бог знает, увидите ли когда-нибудь больше (ВД1); с кем, Бог знает, скоро ли увидите (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁹ нужно вам сказать / нужно вам знать (ВД1)

С. 146

² заложивши руку / заложивши руки (ВД1)

¹⁴⁻¹⁵ только слышали мы, как подъехала / только слышали мы, что подъехала (ВД1)

²² В церкви / В церкви (Соч. 1842)

²⁴ и обойтись нельзя / и обойтись нельзя (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁸ три таких книжки / три таких книжек (ВД1)

³¹⁻³² из вас никто после не вспомнит / из вас никто после не спомнит (ВД1)

С. 146-148

³³⁻¹⁴ *Текста:* В этой книжке ~ висельник. — нет (Соч. 1842; Соч. 1855)

С. 147

⁷ носится на шее женщинами / носимой на шее женщинами (ВД1)

³⁹ Пыщик / Пищик (ВД1)

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

С. 149

¹⁰ клубами повалился дым / клубами повалил дым (Соч. 1855)

¹⁶ он бы верно приметил / он верно бы приметил (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁸ мечет поросенков / мечет поросят (Соч. 1842, Соч. 1855)

³⁰ будто сим / будто этим (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 150

³ Вдруг, с другой стороны, показалось / Вдруг, с противной стороны, показалось (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹² острый и длинный / острый и длинной (ВД1)

¹⁵ что он не немец / что то не немец (ВД1)

²⁵⁻²⁶ огонь для своей люльки / огню для своей люльки (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁸ на четверенках / на четвереньках (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁹ месяц, ни с сего, ни с того / месяц, ни с того, ни с сего (Соч. 1855)

³³ на кутю / на кутью (Соч. 1842)

С. 151

¹ В досужее от дел время / В досужее от дела время (ВД1)

³⁻⁴ вызывал его ~ выкрасить дощатый забор около его дома / вызвал его ~ выкрасить дощатый забор около своего дома (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁵ диканьские козаки / дыканские козаки (ВД1)

⁷ в Т... церкви / в Т... церкви (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁹ в которой изобразил он / на которой изобразил он (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁹ но и в эту ночь / но в и эту ночь (ВД1)

²¹ старый Чуб / старой Чуб (ВД1)

- 22–23 дорога шла по-за селом / дорога шла по за селом (ВД1); дорога шла по заселам (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 не всякой бы нашел / не всякий бы нашел (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 хаживали зимою / хоживали зимою (ВД1)
- 40 по шести гривен / по шести гривенъ (ВД1)
- С. 152
- 11 бороною, показывавшею / бороною, доказывавшею (ВД1)
- 33–34 сидел уже и голова / сидит уже и голова (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 153
- 3–4 если бы был один / если б был один (Соч. 1842)
- 9–10 славный табак / славной табак (ВД1)
- 11–12 березовую тавлинку / берестовую тавлинку (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 26 обсмотрелся / осмотрелся (ВД1, Соч. 1842)
- 29–30 во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки / во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 38–39 с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими / с ним поступили ничуть не лучше, чем с другими (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 153–154
- 39–1 По выходе отца своего, она долго еще принаряживалась / По выходе отца своего, Оксана долго еще принаряжалась (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 154
- 7 доказали противное / доказало противное (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 15 тому, кого буду женою / тому, чьей буду женою (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 16 Он зацелует / Он зацалуует (Соч. 1855)¹⁴
- 24 богаче галуна / богаче золотого галуна (ВД1)
- 40 сколько возился около его / сколько возился около него (Соч. 1855)
- С. 155
- 2 не клал на сотникову таратайку / не клал в сотникову таратайку (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 3–4 весь околородок / весь околородок (Соч. 1855)
- 33–34 встрепенувших жилах / встрепенувшихся жилах (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 156
- 1–2 дай мне лучше мою Оксану / дай лучше мою Оксану (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 16–17 нравится более моего / нравится более меня (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 18 Стук в двери / Стук в дверь (ВД1)
- 24–25 смерзнуть / озябнуть (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 39 выключая только мешки / выключая только мешков (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 157
- 2 за минуту назад / минуту назад (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 4 в такие года / в такие годы (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 34–35 две нивы табаку / две гряды табаку (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 заране размышляя / заранее размышляя (ВД1)

¹⁴ Ср. с. 528, 544 наст. изд.

С. 158

- ⁹⁻¹⁰ пришел как-то коровий пастух / пришел какой-то коровий пастух (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
¹¹ перед самою петровкою / перед самыми петровками (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹¹ лег спать в клеу / лег спать в хлеву (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁵
¹⁴⁻¹⁵ подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы / и помазала его губы (ВД1, ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁵ кучи замерзшего снега / кучи замерзшего снегу (Соч. 1842, Соч. 1855)
и далее по тексту «Ночи перед Рождеством»
²⁹ и отпочтывает его / и отпочтует его (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 159

- ² Дернет же нечистая сила потаскаться / Дернет же нечистая сила таскаться (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹¹⁻¹² Сугробы снега лежали около нее / Сугробы снегу лежали около ее (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹²⁻¹³ намерзнувшими ~ руками / озябшими ~ руками (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹³⁻¹⁴ принялся ~ кричать повелительно своей дочери отпереть ее / принялся ~ кричать повелительно своей дочери отпереть (Соч. 1842, Соч. 1855)
²³ Е, ге, ге! / Э, ге, ге! (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁸ проклятый выродок / проклятой выродок (ВД1)

С. 160

- ⁸ цыця / цаца (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹³⁻¹⁴ бесовской кузнец / бесовский кузнец (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁵⁻¹⁶ ведь теперь его нет дома / ведь его теперь нет дома (ВД1)
²⁰⁻²¹ умаливала немного боль / умаляла немного боль (Соч. 1842, Соч. 1855)
²¹⁻²² мороз, который трескался по всем улицам, не заглушаемый вьюжным свистом / мороз, который трещал по всем улицам, не заглушаемый свистом вьюги (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁰⁻³¹ висевшая у него на перевязи при боку ладунка / висевшая у него с боку на перевязи ладунка (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁵ обсыпался / осыпался (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁷⁻³⁸ Чудно блещет месяц! / Чудно блестит месяц! (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 161

- ⁴⁻⁵ окружили Оксану. Крик, хохот / окружили Оксану, и крик, хохот (ВД1)
¹⁸ сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана / сказала Оксана, скоро и надменно поглядев на него (Соч. 1842, Соч. 1855)
²³ продолжала гордо красавица / продолжала, смеясь, красавица (ВД1)
²⁸ не могу вздумать / не могу надумать (ВД1)
³¹ с нее никогда не будет / из нее никогда не будет (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 162

- ²¹ Дьяк вошел / Дьяк вошел (Соч. 1842, Соч. 1855)
²¹⁻²² у него не был никто / у него не было никого (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁴ своими длинными пальцами / пальцами (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁴⁰ послышался в дверь стук / послышался стук в дверь (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁵ В издании ВД2 слово непоследовательно печаталось в различной орфографии как «клеу» и как «хлеву». Ср. с. 548 наст. изд. См. также с. 622 наст. изд.

- С. 163
 18–19 восхищенный таким своим замечанием / восхищенный таким замечанием своим (Соч. 1842, Соч. 1855)
 32 под обоими глазами / под обеими глазами (ВД1, ВД2)
 40 когда Солоха затворяла за ним дверь / когда Солоха затворила за ним дверь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 164
 16 о ней ~ о ней одной / об ней ~ об ней одной (Соч. 1842, Соч. 1855)
 21–22 не подыму / не подниму (Соч. 1842, Соч. 1855)
 22 Нет, — вскричал он / Нет, — вскрикнул он (ВД1)
- С. 165
 11 от блеска снега / от блеску снега (Соч. 1842, Соч. 1855)
 21 около нее / подле ее (Соч. 1842, Соч. 1855)
 30 пойду утоплюсь в пролубе / пойду утоплюсь (ВД1); пойду утоплюсь в проруби (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 166
 23 ног было совершенно не заметно / ног совершенно не было заметно (Соч. 1842, Соч. 1855)
 25 нескольких дней / нескольких недель (Соч. 1842, Соч. 1855)
 26 знахарь / знахор (ВД1)¹⁶
- С. 167
 5 пренизкой поклон / пренизкий поклон (Соч. 1842, Соч. 1855)
 7 Толстый Пащюк / Толстой Пащюк (ВД1)
- С. 168
 6 обмокнуть / обмакнуть (Соч. 1842, Соч. 1855)
 7–8 и еще сильнее разинул рот / и еще больше разинул рот (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8–9 вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану / вареник выплеснулся из миски, шлепнулся в сметану (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 169
 10 При сем слове / При этом слове (Соч. 1842, Соч. 1855)
 13–14 Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения. / Тут кузнец вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения. (ВД1, ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁷
 21 В Петембург / В Петербург (Соч. 1842, Соч. 1855)
 29 Не пройдет минут десять / Не пройдет минут десяти (Соч. 1842, Соч. 1855)
 31 поцеловать себя / поцаловать себя (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁸
 38–39 что он сюда наклаал / что он сюда положил (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 170
 12 что-то такое, на котором сидеть страх было неловко / что-то такое, на чем сидеть страх было неловко (Соч. 1842, Соч. 1855)
 15–16 Вылезши же, нужно оправиться / Вылезши же, нужно же оправиться (Соч. 1842, Соч. 1855)
 22 попотчевает его / попотчует его (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁶ Ср. с. 533 наст. изд.

¹⁷ См. с. 624 наст. изд.

¹⁸ Ср. с. 528, 542 наст. изд.

- С. 171
 23–24 всякой / всякий (Соч. 1842, Соч. 1855)
 30–31 с фонарями под обоими глазами / с фонарями под обеими глазами (ВД1, ВД2)
- С. 172
 3 Лысой чорт / Лысый чорт (Соч. 1842, Соч. 1855)
 7–8 продираясь к мешку / продираясь к мешкам (ВД1)
- С. 173
 9 выпустила из руки ногу / выпустила из рук ногу (Соч. 1842, Соч. 1855)
 12–13 не колбас и не паляниц, а людей кидают в мешки / не колбасы и не паляницы, а людей кидают в мешки (Соч. 1842, Соч. 1855)
 14 Это дьяк! — произнес, изумившись более всех, Чуб / Это дьяк! — произнес изумившийся более всех Чуб (ВД1); Это дьявол! — произнес, изумившись более всех, Чуб. (Соч. 1842, Соч. 1855)
 20–21 рассуждая: если он / рассуждая, что если он (Соч. 1842, Соч. 1855)
 23–24 дружно взявшись за руки / дружно взялись за руки (Соч. 1842, Соч. 1855)
 24–25 Множество, шая, садилось на санки / Многие из них, шая, садились на санки (Соч. 1842, Соч. 1855)
 26–27 дверь в сенях и хате / дверь в сенях и в хате (Соч. 1842, Соч. 1855)
 28 икотка / икота (Соч. 1842, Соч. 1855)
 34 Ай, батько! / Ах, батько! (ВД1)
 37–38 Чего ж вы испугались? / Чего ж вы перепугались? (ВД1)
 38 а ну-ка, чоловиче, прошу не погневиться / а ну-ка, чоловиче, прошу не погневаться (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 174
 2 Ах! — вскрикнули девушки. / Ау! — вскрикнули девушки. (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
 8 позволь спросить себя / позволь спросить тебя (Соч. 1842, Соч. 1855)
 29 Однако ж мало спустя / Однако ж немного спустя (Соч. 1842, Соч. 1855)
 30–33 *Текста:* Его забавляло до крайности ~ а черт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее. — нет (ВД1, ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁹
 37 как клубился в стороне облаком целый рой духов / как облаком клубился в стороне целый рой духов (Соч. 1842, Соч. 1855)
 38 увидавши кузнеца / увидевши кузнеца (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 175
 3 потом снова неслось далее / снова неслось далее (ВД1)
 5 перелетев чрез шлахтаум / перелетел через шлахтаум (ВД1); перелетев через шлагбаум (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8–9 копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон / копыт коня, звук колеса отзываются громом и отдаются с четырех сторон (ВД1); стук конских копыт и колес отзывался громом и отдавался с четырех сторон (Соч. 1842, Соч. 1855)
 9 дома росли, и будто подымались / дома растут, и будто подымаются (ВД1); дома росли и будто подымались (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁹ См. с. 624 наст. изд.

- 10–11 мосты дрожали; кареты летали; извозчики ~ кричали / мосты дрожат; кареты летают; извозчики ~ кричат (ВД1)
- 11–13 снег свистел ~ пешеходы жались и теснились ~ и огромные тени их мелькали / снег свистит ~ пешеходы жмутся и теснятся ~ и огромные тени их мелькают (ВД1)
- 15–16 все дома ~ глядели / все дома ~ глядят (ВД1)
- 31–33 запорожцев, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шелковых диванах ~ и куривших самый крепкий табак / запорожцев, которые проезжали через Диканьку, а теперь сидели на шелковых диванах ~ и курили самый крепкий табак (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 подошедши близко / подошедши ближе (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 176**
- 1–2 И новую шину тогда поставил / Я новую шину тогда поставил (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 8 Кузнец и себе не хотел осрамиться / Кузнец и себя не хотел осрамить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 как имели случай видеть выше сего / как имели случай видеть ниже сего (ВД1, ВД2)
- 20–21 воспитаннику, просящему посадить его / воспитаннику, который просит посадить его (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 38 Запорожцы вышли / Запорожцы вошли (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 177**
- 25 человек в гетманском²⁰ мундире, в желтых сапожках / человек в гетманском мундире и в желтых сапожках (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 ловили его слово / ловили каждое его слово (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31–32 гетман не обратил даже и внимания / гетман не обратил даже и внимания на все это (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 33 Запорожцы отвесили все поклон / Запорожцы все отвесили поклон (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 37 Не забудьте говорить / Не забудете говорить (ВД1)
- 40 это сам Потемкин / это еще только Потемкин (ВД1)
- С. 178**
- 5 вдруг все пали на землю / вдруг все попадали на землю (ВД1)
- 16 небольшого роста женщину / небольшого росту женщину (ВД1)
- 22–23 Хорошо ли вас здесь содержат? / Хорошо ли вас содержат! (ВД1)
- 30 верной народ прогневал / верный народ прогневал (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 помогло Твоим енералам / помогло Твоим енаралам (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 179**
- 9 Придворные засмеялись тоже. / Придворные засмеялись тож. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 12–13 если так тебе хочется / если тебе так хочется (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 16–17 стоявшего подальше от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом / стоявшего подальше от других с полным, но несколько бледным лицом (ВД1, ВД2); стоявшего подальше от других господина, с полным, но несколько бледным лицом (Соч. 1842, Соч. 1855)²¹

²⁰ Ср. с. 539, 551, 557 наст. изд.

²¹ См. с. 624 наст. изд.

- 22 Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена! / Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена или Богдановича! (ВД1) / Тут нужен, по крайней мере, Лафонтен! (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 23 человек с перламутровыми пуговицами / господин с перламутровыми пуговицами (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 христианство / христианство (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 180**
- 3 из чистого сахара / из чистого сахару (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 расспросить хорошенько царицу о всем / расспросить хорошенько царицу обо всем (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 28 утонул в пролубе / утонул в проруби (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 Страмница / Срамница (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 пропела, теснясь к спорившим, дьячиха / пропела, теснясь к ссорившим, дьячиха (ВД2); пропела, теснясь к ссорившимся, дьячиха (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 181**
- 2 напускаешь ему туман / напускаешь на него туман (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 5-6 чтоб ты не дождала детей своих видеть / чтоб ты не дождалась детей своих видеть (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 8 Ткачиха хотела и себе сделать то же / Ткачиха хотела сделать то же (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11-12 заставило всех разойтись / заставило всех разойтись (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 13 повторял он / повторял голова (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 14 важной живописец / важный живописец (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24-25 А вряд ли и в другом месте найдется / А вряд ли и в другом месте где найдется (ВД1)
- С. 182**
- 3 все большею частью / все большею частью (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 5 куда ни взглянь / куда ни взгляни (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 8 По всей церкви / По всей церкви (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19-20 Иже херувими / Иже херувими (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22 церковного титара / церковного титора (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25 очутился Вакула около своей хаты / очутился Вакула подле своей хаты (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 26 «Куда?» — закричал он / «Куда?» — закричал кузнец (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 37 в такой торжественный праздник / в такой торжественной праздник (ВД1)
- С. 182-183**
- 38-1 с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год с нынешнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов целый год (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 183**
- 2 вынул он из пазухи / вынул он из-за пазухи (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 4 оделся как можно лучше / оделся как можно получше (ВД1)
- 7 купил ее еще в бытность в Полтаве / купил еще ее в бытность в Полтаве (ВД1)

- ⁷ вынял также / вынул также (Соч. 1842, Соч. 1855)
³³ те самые, которые носит царица / те самые, что носит царица (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 184

- ³ «А чья это такая размалеванная хата?» / «А чья это так размалеванная хата?» (ВД1)

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

С. 185

- ¹ Страшная месьть / Страшная месьть. (Старинная быль) (ВД1)
²⁰ коровой / каравай (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{20–21} исподку его, спеченную / исподку его, испеченную (Соч. 1842, Соч. 1855)
²² цымбалы / цымбалы (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{29–30} короткую молитву / краткую молитву (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 186

- ¹ стоявшего посреди их козака / стоявшего по среди их козака (ВД1)
^{3–4} лицо его переменялось / лицо казака переменялось (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁴ вместо карих / вместо карых (ВД1)
⁹ хватая за руки детей / хватая на руки детей (ВД1)
¹⁵ говорили старые, крутя головами / говорили старые, качая головами (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{15–16} по всему широкому подворью есаула / по всему подворью есаула (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁰ девчата, молодцы / девчата, молодцы (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{25–26} заснуло само, непрошенное, под лавками / заснуло, непрошенное, под лавками (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁶ близь хлева / близ клева (ВД1); близ хлева (Соч. 1842, Соч. 1855)²²
³⁰ гористый / гористой (ВД1)
³⁷ два дни / два дня (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Страшной мести»
^{38–39} рукав кармазинного жупана / рукав его кармазинного жупана (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 187

- ^{17–18} тотчас показывалось, что он открывает рот и выскаливает зубы / тотчас покажется, что он открывает рот и скалит зубы (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{24–25} Над бровями разом вырезались три морщины / Над бровями вдруг вырезались три морщины (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁹ Я разметаю чертовское гнездо / Я размечу чертовское гнездо (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁰ слух, что у него какой-нибудь притон / слух, что у него есть какой-нибудь притон (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{35–36} себя продать за денежку сатане с душою и ободранными жупанами / себя продать за денежку сатане и с душою и с ободранными жупанами (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{38–39} Ничего не предвещает доброго мне встреча / Не предвещает мне ничего доброго встреча (Соч. 1842, Соч. 1855)

²² Ср. с. 543 наст. изд.

- 39–40 очи твои так угрюмо надвинулись бровями / брови твои так угрюмо надвинулись на очи (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 188
- 10–11 На берегу виднелось кладбище / На берегу виделось кладбище (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11 кресты толпились в кучку / кресты толпились в кучу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11–12 Ни калина не растет меж ними / Ни калина не растет меж ими (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31 хотел достать месяца / хотел достать месяц (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 32–33 на руках у Катерины / на руках Катерины (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 189
- 10 Вороженькам в расправу / Вороженькам на расправу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 17 из груди друг другу навстречу / из груди навстречу друг другу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19–20 Весь его снаряд достался мне / Весь его наряд достался мне (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 32 Есть меж ними / Есть меж ими (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 190
- 6 Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть / Ему весело взглянуть, проснувшись среди ночи (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7 от ночного холода / от приятного ночного холода (ВД1)
- 11 наточивать / натачивать (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 13 шелковый рушник / шелковый ручник (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 сто сажен / сто сажень (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 191
- 8 обсыпали себя козаки / осыпали себя казаки (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 чтобы не слышать сабельных ударов / чтобы не слышать сабельных ударов (ВД1)
- 11–12 По всему ее телу / По всему телу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 28 Слезай с стены / Слезай со стены (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 39 Я думала, что у тебя капля жалости есть / Я думала, что у тебя есть капля жалости (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 192
- 6–7 я поцелую тебя / поцалую тебя (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 10 бывшее между нами / бывшее меж нами (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 15 прости Данила / прости Данилу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 17 блеснув странно очами / блеснув страшно очами (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 20–21 не по-козацки сделал, просивши прощения, не будучи ни в чем виноват / не по-козацки сделал, просивши прощения, не будучи ни в чем виноват (ВД1); не по-козацки сделал он, прося прощения, когда не был ни в чем виноват (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 урод, которого мы видали / урод, которого мы видели (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 не верь сну / не верь сму (ВД1); не верь ему (ВД2)
- С. 193
- 9–10 не захотел меду выпить / не захотел выпить меду (Соч. 1842, Соч. 1855)

- 20–21 все готов товарищу, а хмельное высушит сам / все готов товарищу, а хмельное высушит сам (ВД1); все отдать готов товарищу, а хмельное высушит сам (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24–25 турецкой игумен влазит в дверь / турецкий игумен лезет в дверь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25–26 увидя нагнувшегося, чтоб войти в дверь, тестя / увидя нагнувшегося, чтобы войти в дверь, тестя (ВД1); увидя тестя, нагнувшегося, чтоб войти в дверь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 27–28 снимая с головы шапку и поправив пояс / снимая с головы шапку и поправляя пояс (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 34–35 по левую руку пан Данило, по правую руку пани Катерина / по левую руку пан Данило, по правую пани Катерина (ВД1)
- 36 молодцов / молодцев (ВД1)
- 38 никакого вкуса нет / никакого вкусу нет (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 194

- 1 вкуса нет / вкусу нет (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 12 в пазухе / за пазухой (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24 ворчит и ропчет / ворчит и ропщет (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25 около него / около его (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Страшной мести»
- 31 Нужно обсмотреть / Нужно осмотреть (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 С тобою старуха остается / С тобою старуха останется (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 40 сыпая на полку порох / насыпая на полку порох (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 195

- 2–3 замкнул и вышел потихоньку из двора промеж спавшими своими козаками в горы / замкнул, и промеж спавшими своими казаками, вышел потихоньку из двора в горы (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 8 с саблею при боку / с саблею на боку (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Страшной мести»
- 13 к колдуну в дупло / в колдуново дупло (ВД1)
- 14–15 иначе мы бы видели его / иначе мы видели бы его (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 15 около замка / подле замка (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25–26 из него прямо можно глядеть / с него прямо можно глядеть (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 Но ему некогда глядеть / Но тестю некогда глядеть (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 196

- 13 потухнул / потух (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 15 и стала тьма / и стала тма (ВД1); и настала тьма (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 197

- 5 добрая мать моя / добрая моя мать (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 5 у ней / у нее (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Страшной мести»
- 23 поднимаются из могил / поднимаются из могил (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25–26 Катерина полюбит меня!.. / Катерина, полюби меня!.. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 делать то, что ему угодно / делать, что ему угодно (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36–37 неподвижно остановилась / недвижно остановилась (ВД1)

- С. 198
²⁵ с первого раза / с первого разу (ВД1)
- С. 199
¹⁶ подвелся он к окну / поднялся он к окну (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{19–20} унывно слышать колоднику / унывно слушать колоднику (ВД1)
²⁸ Уже и нет его. / Уже нет и его. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 200
⁷ душа твоя будет летать в рае / душа твоя будет летать в раю (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁵ грешной человек / грешный человек (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁹ Я не боюсь цепей, — говорил он. / Я не боюсь цепей, — начал он. (Соч. 1842, Соч. 1855)
³² на середину / на средину (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁸ если ты меня обманываешь / если ты меня обманешь (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁹ перед дверью / пред дверью (ВД1)
⁴⁰ станешь опять братом черту / будешь опять братом черту (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 201
¹ мне недолго остается жить уже / мне уже не долго остается жить (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{24–25} Замкнула ключиком, чтобы тебе не досталось чего от пана Данила. / Замкнула ключиком дверь, чтобы тебе не досталось чего от пана Данила. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 202
^{1–2} я бы и казни ему не нашел / то бы и казни ему не нашел (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁶ на самой середине Днепра / на самой середине Днепра (ВД1)
⁷ волоса / волосы (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹² чокаются шпоры / чокают шпоры (ВД1)
¹⁸ странные речи / срамные речи (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{22–23} отпускают шутики / отпускают шутики (ВД1)
²⁸ хутор пана Данила / хутор пана Данилы (Соч. 1842, Соч. 1855)
³³ Чего-то грустно / Что-то грустно (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 202–203
^{37–1} подумала Катерина / подумала Екатерина (ВД2)
- С. 203
^{13–14} проходят козацкие полки / проходят теперь козацкие полки (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)
^{16–17} Стал говорить гетман²³ / Начал говорить гетман (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁰ куда подевались вы, лета мои / куда поделись вы, лета мои (ВД1)
- С. 204
²⁵ целит на него мушкет / целит в него мушкетом (Соч. 1842, Соч. 1855)
³² чтобы не покидала сына / чтоб не покидала сына (ВД1)
³⁶ пьянехонек / пьяненок (ВД1)

²³ Ср. с. 539, 546, 557 наст. изд.

С. 205

- ²⁰ стеклянных вод / стклянных вод (*ВД1*)
^{20–21} ярко отсветиться в водах / ярко отразиться в водах (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
²³ и усмеваются к нему / и усмеваются ему (*Соч. 1842, Соч. 1855*)

С. 206

- ³ разом осветит целый мир / разом освещает целый мир (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
¹⁴ он глотает, как мух, людей / он глотает людей, как мух (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
^{25–26} страшно было глядеть тогда / страшно было глянуть тогда (*ВД1*)
^{38–39} так же глядела на него / так же неподвижно глядела на него (*ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855*)

С. 207

- ⁴ Спокой себя / Успокой себя (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
⁷ против ее / против нее (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
¹⁰ никто тебя не обидит / никто не посмеет тебя обидеть (*ВД1*)
²⁵ на холодной постеле / на холодной постели (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
²⁷ Успокой же, мое дитя! / Успокойся же, мое дитя! (*ВД1*); Успокойся же, дитя мое! (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
³⁵ и, мало погода, уснули все / и, немного погода, уснули все (*Соч. 1842, Соч. 1855*)

С. 208

- ^{17–18} кой-где, отзовется как будто родное слово / кой-где, отзовется как будто родное слово (*ВД1*)
²¹ Как стекло / Как сткло (*ВД1*)
^{36–37} Горы этой нет выше между Карпатом / Горы этой нет выше между Карпатами (*Соч. 1842, Соч. 1855*)

С. 209

- ⁴ у тебя из глаз вытягиваются железные клещи... ух, какие длинные! / у тебя из глаз вытягиваются железные клещи... ух, какие дивные! (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
⁹ ни кошка, ни собака не услышала / ни кошка, ни собака не услышали (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
²² вскричала она / вскрикнула она (*ВД1*)
²⁸ чудно засмеялась / чудно засмеялась (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
³¹ и, вместо слов, начала она петь песню / и уже вместо слов начала она петь песню (*ВД1*)

С. 210

- ¹³ давние листья шумят под ногами ее / осенние листья шумят под ногами ее (*Соч. 1842, Соч. 1855*)

С. 211

- ⁹ дивиться сему чуду / дивиться этому чуду (*Соч. 1842, Соч. 1855*)
¹⁵ серые и белые верхи / серые и белые горы (*ВД1*)
³⁹ к святым местам / ко святым местам (*Соч. 1842, Соч. 1855*)

С. 212

- ⁷ святой схимник / святей схимник (*ВД1*)

- 17 налились кровью / поналивались кровью (ВД1)
- С. 213
- 14 и разом открыл свои очи / и вдруг открыл свои очи (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 подняться из земли / подняться от земли (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 32–33 и Семиградскую, и Турецкую землю / и Семиградскую и Турецкую земли (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 214
- 3–4 выросший в земле ~ мертвец / выросший под землею ~ мертвец (ВД1)
- 29–30 приведет к нему того пашу / приведет к нему пашу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 215
- 16–17 По-над самым провалом / Но над самым провалом (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 20 конь с козаком и младенцем полетел / конь с козаком и с младенцем полетел (ВД1); конь с казаком и младенцем полетели (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 28 безвинной младенец / невинный младенец (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 216
- 17 И когда придет час меры / И как придет час меры (ВД1)

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА

- С. 219
- 9 когда войдешь в дверь / когда войдешь в двери (ВД1)
- 10–11 с которой живу уже лет тридцать / с которой уже живу лет тридцать (ВД1)
- 11 нечего и греха таить / нечего греха таить (ВД1)
- 12 печет на какой-то бумаге / печет всё на какой-то бумаге (ВД1)
- 16 Остальные листки / Остальные листики (ВД1)
- С. 220
- 1 ни у кого нет, кроме него / ни у кого нет, кроме его (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 2 Вот еще вам примета / Вот вам еще примета (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 8–9 живет в хуторе своем / живет на хуторе своем (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 10–11 надобно сказать, что был преблагонаравный / надобно сказать, был преблагонаравный (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19–20 кому нужна была ~ то он немедленно обращался / кому нужна была ~ тот немедленно обращался (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 28 лицо, изукрашенное оспою / лицо, изузоренное оспою (ВД1)
- 29–30 два пучка розг / два пучка розог (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 стояла на коленях / стояла на коленях (ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 221
- 13 Было уже ему без малого пятнадцать лет / Было уже без малого пятнадцать лет ему (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21–22 однако ж был на такой ноге / он был на такой ноге (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31 что не везде / чего не везде (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 37 сидя на своей квартире / сидя в своей квартире (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 221–222

^{40–1} лежал на постеле / лежал на постели (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 222

^{2–3} командир всегда ставил его в образец / командир ставил всегда его в образец (ВД1)

¹⁵ и сделавшись подпоручиком / и сделавшись поручиком (ВД1, ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁶ каким был некогда и в прапорщичьем чине / каким был некогда в прапорщичьем чине (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 223

³¹ по несколько раз в день / по несколько раз на день (ВД1)

³⁷ в ста верстах / во ста верстах (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 224

¹ когда он взъехал / когда он въехал (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁴ потчевают / потчуют (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{9–10} ни в одном постоялом дворе / ни на одном постоялом дворе (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹² Ворота заскрипели / Ворота заскрыпели (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁴ Я взведу / Я въеду (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{18–19} на короткой шее, казавшейся еще толще / на короткой шее, которая казалась еще толще (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁵ А позвольте спросить / А позвольте узнать (ВД1)

³² Вытребеньки / Вытребенки (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 225

^{14–15} наливая в рюмку настойки / наливая рюмку настойки (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{23–24} толстый Григорий Григорьевич / толстой Григорий Григорьевич (ВД1)

^{35–36} И чем бы вы думали? / И чем бы вы полагали? (ВД1)

С. 226

^{8–9} Ваш жид будет шабашовать ~ и потому вам нечего вставать рано. / Ваш жид будет шабашовать ~ так вам нечего и вставать рано. (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{12–13} и натянул вместо того халат, и Григорий Григорьевич повалился на постель / натянув на него вместо того халат; а Григорий Григорьевич повалился на постель (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{22–23} уже толстого помещика не было / толстого помещика уже не было (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁴ На третий день после этого / На третий день после того (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{28–29} и дышал свежестью / и дышал свежестью (ВД1)

³³ Только что взъехал он на двор / Только что въехал он во двор (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{36–37} один ~ заливался во все горло; другой лаял издали и бегал / одна ~ заливалась во все горло; другая лаяла издали и бегала (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{38–39} посмотрите, люди крещенные, какой я молодой человек / посмотрите, какой я прекрасной молодой человек (ВД1)

C. 227

- ¹ поросенками / поросятами (Соч. 1842, Соч. 1855)
² и хрюкнула громче / и хрюкала громче (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁻³ множество ряден с пшеницею, просом и ячменем, сушившихся на солнце / множество ряден с пшеницею, просом и ячменем, сушившимися на солнце (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁵ нечуй-ветера / нечуй-витера (ВД1)
⁷ слазившего с козел жидя / слезавшего с козел жидя (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁷⁻⁹ Сбежавшаяся дворня, состоявшая из поварихи, одной бабы и двух девок ~ объявили / Сбежавшаяся дворня, состоявшая из поварихи, одной бабы и двух девок ~ объявила (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹² рогожаную кибитку / рогожную кибитку (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁸ Василиса Кашпаровна / Василиса Кашпаровна (Соч. 1842, Соч. 1855)
и далее по тексту повести
²² никак не имели духа / никак не имели духу (ВД1, Соч. 1842)
³¹⁻³² капот с мелкими оборками / капот с мелкими сборками (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)
³² кашемировскую шаль / кашемировую шаль (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁸ и трусила груши / и трясла груши (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 228

- ¹⁻² подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки / подносила достойным рюмку водки тою же грозною рукою (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁴ хлопотала весь день / хлопотала во весь день (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁶⁻⁷ в полном смысле сего слова / в полном смысле слова (Соч. 1842, Соч. 1855)
²¹ степь краснеет, синее и говорит цветами / степь краснеет, синее и горит цветами (Соч. 1842, Соч. 1855)
²² тысячи насекомых, и от них свист / тысячи насекомых, от них свист (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁷ что делалось тогда с Иваном Федоровичем / что делалось с Иваном Федоровичем (ВД1)
³⁰ копы нажатого хлеба, унизывавшие поле / копы нажатого хлеба, унизывавшие поле (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 229

- ¹¹⁻¹³ когда приехала ~ то ты чуть не испортил / когда приехала ~ ты чуть не испортил (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁴ тогда был гадкой / тогда был гадкий (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁶⁻²⁷ досталось все его имение / досталось все имение (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁷ то поезжай к нему / поезжай к нему (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁹ повыдергивала сзади все гвозди / повыдергала сзади все гвозди (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 230

- ³ Этим окончился разговор. / Этим кончился разговор. (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁸⁻⁹ не под очеретною / не под очеретяною (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁹ Два амбара в дворе / Два амбара на дворе (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁵ без галстука / без галстуха (Соч. 1842, Соч. 1855)

21 Большею частию занятия по хозяйству / Большею частию по хозяйству
(Соч. 1842, Соч. 1855)

26 запер крепче / запер крепко (ВД1)

26 А коней вот этого пана распрег / А коней вот этого пана, что приехал,
распрег (ВД1)

С. 231

3 по ней следует мне / по ней следует-с мне (ВД1)

5 Никакой дарственной записи дядюшка не делал. / Никакой дарственной
записи покойный дядюшка не делал. (ВД1)

12–13 При сем он потащил Ивана Федоровича за руку / Тут он потащил Ива-
на Федоровича за руку (Соч. 1842, Соч. 1855)

13–14 стояли на столе водка и закуски / стояли на столе водка и закуска
(Соч. 1842)

22 только казалась смотревшею / только казалась смотрящею (Соч. 1842,
Соч. 1855)

24 насаливаете огурцов / насаливаете огурцов (Соч. 1842, Соч. 1855)

27–28 Вы потчевайте только; а пили ли мы, или нет, это наше дело / Вы пот-
чуйте только; а пили ли мы, или нет, наше дело (Соч. 1842, Соч. 1855)

29 трохимовской сивушки / Трохимовского сивушки (ВД1)

29–30 какой вы лучше любите / какую вы лучше любите (Соч. 1842, Соч. 1855)

37–38 с солеными опеньками / с солеными опенками (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 232

3–4 помню вас вот какими / помню вас вот этакими (Соч. 1842, Соч. 1855)

8 Что за дыни? / Что это за дыни? (ВД1)

13–14 — Пойдемте за стол! — сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана
Федоровича за руку. Все вышли в столовую. / — Пойдемте за стол! —
сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана Федоровича за руку.
(ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855)

29 Становись, подлец, на колени! / Становись, подлец, на колена!
(Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 233

24 Очень сожалетельно / Очень сожалительно (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 234

29 замысл тетушки / замысел тетушки (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по
тексту повести

30–31 Таким вопросом встретила / С таким вопросом встретила (ВД1)

32–33 не вытерпела наконец, чтобы не выбежать / не вытерпела наконец, чтоб
не выбежать (ВД1)

36 Врет он, проклятый! / Врет он, проклятой! (ВД1)

С. 235

21 Какое же было на ней платье? / Какое ж было на ней платье? (ВД1)

34–35 понянчить маленьких внучков / понянчить маленьких внучат
(Соч. 1842, Соч. 1855)

38–39 пирожное, которое вообще она никогда не доверяла / пирожное, которо-
го вообще она никогда не доверяла (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 236

5–6 чего никогда прежде с нею не бывало / чего никогда с нею не бывало
(Соч. 1842, Соч. 1855)

11–12 еще ездил Адам / ездил еще Адам (Соч. 1842, Соч. 1855)

28 богатый экипаж / богатой экипаж (ВД1)

С. 237

¹ После сего последовало / После этого последовало (Соч. 1842, Соч. 1855)

32–33 Ни одна мысль не приходила на ум. / Ни одна мысль не приходила ему на ум. (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 238

7–8 и долго еще кланялись выглядывавшим из брички тетушке и племяннику / и долго еще кланялись тетушке и племяннику, выглядывавшим из брички (Соч. 1842, Соч. 1855)

37 казалось ему так странно / казалось ему так страшно (Соч. 1842, Соч. 1855)

39–40 по мере того, чем более углублялся он в размышление / по мере того, как углублялся он в размышление (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 239

19–20 ты теперь уже женатый человек / ты теперь женатый человек (Соч. 1842, Соч. 1855)

30 Иван Федорович берет под мышку / Иван Федорович берет ее под мышку (Соч. 1842, Соч. 1855)

32–33 В страхе и беспамьятстве просыпался Иван Федорович. Холодный пот лился / В страхе и беспамьятстве просыпается Иван Федорович. Холодный пот льется (Соч. 1842, Соч. 1855)

38 бессвязный сон / бессвязной сон (ВД1)

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

С. 240

13 побежал было на четверенках / побежал было я на четверенках (ВД1)

16 пусть ему легко икнется / пусть ему вкусно икнется (ВД1)

17 Да что ж эдак рассказывать? / Да что ж этак рассказывать? (Соч. 1842, Соч. 1855)

25 взял и нас с собою / забрал и нас с собою (ВД1)

25 гонять ~ с баштану / гонять ~ с баштана (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 241

3–4 с старыми знакомыми / со старыми знакомыми (Соч. 1842, Соч. 1855)

8–9 которыми прикрывал их / которыми поприкрывал их (ВД1)

20 Но куда уже тут до люлек? / Но куда же тут до люлек? (Соч. 1842, Соч. 1855)

21 После полдника / После полудника (ВД1)

24 как едят в свете / как едят на свете (Соч. 1842, Соч. 1855)

24 за панской стол / за панский стол (Соч. 1842, Соч. 1855)

29 малый подвижной / малой подвижной (ВД1)

35 прихвастнуть пред чумаками / прихвастнуть перед чумаками (Соч. 1842, Соч. 1855)

38 танцевал так, хоть бы и с гетманшею²⁴ / танцевал так, что хоть бы и с гетманшею (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁴ Ср. с. 539, 546, 551 наст. изд.

C. 242

- 1–2 какую-то свою штуку / какую-то штуку (Соч. 1842, Соч. 1855)
5 навождение / наваждение (Соч. 1842, Соч. 1855)
6 наделать страму / наделать сраму (Соч. 1842, Соч. 1855)
7–8 не выганцывается / не выганцовывается (Соч. 1842, Соч. 1855) и далее по тексту «Заколдованного места»
18 вместо него / вместо его (Соч. 1842, Соч. 1855)
27–28 сломленную ~ ветку / сломанную ~ ветку (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 243

- 3 кухоль сировцу / кухоль сыровцу (Соч. 1842, Соч. 1855)
10–11 стал накрапывать дождик / стал накрапать дождик (ВД1)
12 проклятый сатана / проклятой сатана (ВД1) и далее по тексту «Заколдованного места»
13 как будто из ведра / как из ведра (Соч. 1842, Соч. 1855)
15 панской иноходец / панский иноходец (Соч. 1842, Соч. 1855)
34 вон-вон горит и свечка! / вон-вон горит свечка! (ВД1)
37 Свечка погасла / Свечка потухнула (ВД1)
39 проклятой камень / проклятый камень (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 244

- 7 кладя рожок в пазуху / кладя рожок за пазуху (Соч. 1842, Соч. 1855)
21 оборотился он / оборотился дед (Соч. 1842, Соч. 1855)
32 разом! еще, еще! / разом, еще, еще, еще (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 245

- 10 «Ай!» — закричало басом. / «Ай!» — что-то закричало басом. (Соч. 1842, Соч. 1855)
13–14 корками с арбузов и дыней / корками с арбузов и дынь (Соч. 1842, Соч. 1855)
14 утирая голову / обтирая голову (Соч. 1842, Соч. 1855)
26 закричит к нам / закричит нам (Соч. 1842, Соч. 1855)
28 загородил плетнем, велел кидать / загородил плетнем, и велел кидать (ВД1)
31 нанимали ее у батька / нанимали ее у батьки (Соч. 1842, Соч. 1855)

НЕПОГОДА

C. 253

- 1 Непогода / Новоселье (СпА)
4 Но радость жизни пережил / Но радость жизни разлюбил (СпА)
6 Я молод был / Я весел был (СпА)
21 И дик; и радость мне не радость / И дик, и радость мне не в радость (СпА)

Комментарии

В состав настоящего тома входят две первые книги Н.В.Гоголя — «Ганц Кюхельgarten» (1829) и «Вечера на хуторе близ Диканьки» (чч. 1, 2; 1831—1832), а также примыкающие к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» тексты: беллетризованные «Опечатки» («Не погнавайтесь, господа...»), помещенные Гоголем в конце первой части (книжки) «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831), и набросок «Я давно уже ничего не рассказывал вам...» (не ранее начала 1834).

В особый раздел выделены юношеские произведения Гоголя, относящиеся ко времени его пребывания в нежинской Гимназии высших наук: стихотворение «Непогода» («Новоселье»), запись в альбом В.И.Любича-Романовича, а также классные сочинения («О том, что требуется от критики», «Изложить законные обряды апелляции...», «В какое время делаются славяне известны...»).

В Dubia помещаются тексты, сохранившиеся в воспоминаниях других лиц (акrostих, отрывок из поэмы «Россия под игом татар»), а также стихотворение «Италия», принадлежность которых Гоголю весьма вероятна, но не подтверждена документально. Поскольку в настоящее время можно уже считать доказанным, что статья «Полтава (Из живописного путешествия по России издателя О.З.)» (опубл.: ОЗ. 1830. № 120. Апрель. С. 1—43), авторство которой П.А.Кулиш приписал Гоголю, написана в основном П.П.Свиньиным (историю вопроса и аргументацию в пользу авторства Свиньиного см.: Манн, 1994, с. 444—445), издатели сочли целесообразным включать ее в раздел Dubia.

Тексты для настоящего тома подготовили: И.Ю.Виницкий («Ганц Кюхельgarten»); Е.Е.Дмитриева (повести «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Пропавшая грамота», «Страшная месть», а также разделы «Приложение» и «Юношеские произведения»); К.Ю.Рогов (предисловия к первой и второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Заколдованное место»).

Комментарии написали: Ю.В.Манн («Ганц Кюхельgarten»), Е.Е.Дмитриева (разделы комментария к «Вечерам на хуторе близ Диканьки»: литературные, театральные, фольклорные источники; рецепция «Вечеров» в прижизненной критике; история философских, социальных и др. интерпретаций «Вечеров»; интерпретация «Вечеров» в аспекте поэтики, осо-

бенностей жанра и т. д.; комментарии к отдельным повестям цикла); *К.Ю.Рогов* (творческая история «Вечеров»; история появления в печати); *И.Ю.Виницкий* («Юношеские произведения»).

Раздел «От редакции» написал *Ю.В.Манн*.

Раздел «О лингвистических принципах публикации гоголевских текстов» написал *А.Д.Шмелев*.

В подготовке тома к печати также участвовали: *В.Н.Греков*, *Ю.А.Горбылева*, *М.С.Кандаурова*, *М.А.Косова*, *О.В.Масюкова*, *Е.Г.Падерина*.

Именной указатель составлен *М.С.Кандауровой* и *Е.Г.Падериной*.

Редколлегия приносит благодарность научным консультантам тома: *Р.М.Кирсановой* (Институт искусствознания РАН), *И.В.Курукину* (кафедра отечественной истории Российского государственного гуманитарного университета). Особую признательность редакторы настоящего тома выражают сотрудникам Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) *Е.О.Ларионовой* и *М.Н.Виролайнен*, любезно позволившим ознакомиться с материалами подготовленного ими издания Н.В.Гоголя; профессору университета Париж 3 *госпоже Клод де Грев*, которая предоставила в наше распоряжение неопубликованные тома своей диссертации, посвященной рецепции Гоголя во Франции; сотруднику Института славяноведения и балканистики РАН *Е.Е.Левкиевской*, оказавшей большую помощь в работе с украинским этнографическим материалом и взявшей на себя труд перевода украинских текстов; *А.Ю.Брициной* (Институт мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України), советы которой были учтены при работе над комментарием, а также *А.Е.Парнису* и *Е.А.Яблокову*, высказавшим ряд ценных замечаний.

Издатели тома благодарят *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки*, *Отдел письменных источников Государственного Исторического музея*, *Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом)* за предоставленную возможность работы над гоголевскими рукописями.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ ГОГОЛЕВСКИХ ТЕКСТОВ

Общая установка настоящего издания состоит в том, чтобы воспроизвести подлинные тексты Гоголя средствами современной графики в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. При такой установке существующие издания (в том числе прижизненные), равно как и иные источники текста, рассматриваются не как памятники, которые необходимо донести до читателя в максимально первоизданном виде, а, скорее, как прямые свидетельства, позволяющие с той или иной степенью достоверности установить, каков оригинальный гоголевский текст. Соответственно, отпадает необходимость сохранять устаревшие нормы правописания.

Вместе с тем, редакторы издания осознают необходимость критического отношения к тем случаям, когда написания в источниках отклоняются от современных норм правописания. Разграничиваются отклонения, которые можно считать чистыми условностями, связанными с орфографическими и пунктуационными конвенциями, и отклонения, рассматриваемые как неотъемлемая принадлежность текста. Отклонения первого типа заменяются современными написаниями; предполагается, что такая замена является вторжением в текст Гоголя не в большей мере, нежели изменение размера бумаги, величины букв, гарнитуры и т. п. Отклонения второго рода последовательно сохраняются в настоящем издании¹.

На практике разграничение указанных двух типов отклонений от современных норм не всегда является самоочевидным. Ниже детализируются основные принципы, которых придерживались редакторы. Однако следует иметь в виду, что, в соответствии с изложенными выше установками, в настоящем издании сохраняются написания, принятые в источниках, во всех случаях, когда есть основания полагать, что они несут смысловую нагрузку, — даже если в целом такие написания признаются орфографическими или пунктуационными условностями.

¹ Кроме того, в прижизненных изданиях Гоголя встречаются и случайные отклонения от норм правописания (например, опечатки). Разумеется, нет никакой необходимости сохранять в настоящем издании подобные отклонения.

1. Тексты Гоголя передаются средствами современной графики. Иными словами, в них устраняются буквы, отсутствующие в современном русском алфавите: вместо *і* пишется *и*, вместо *ѣ* — *е*, вместо *ѳ* — *ф*.

2. Твердый знак на конце слов не ставится.

3. В приставках, оканчивающихся на *з* (*из-*, *раз-*, *без-*, *воз-* и др.), перед глухой согласной буквой пишется *с*: вместо *изтреблять*, *безпечный*, *разстаться*, *возкреснуть* и т. д. — *истреблять*, *беспечный*, *растаться*, *воскреснуть* и т. д.

4. Окончания прилагательных мужского и среднего рода в родительном падеже единственного числа *-аго*/*-яго* заменяются на *-ого*/*-его*.

5. Для всех трех родов в качестве окончаний прилагательных в именительном и неодушевленном винительном падеже множественного числа используются окончания *-ые*/*-ие* (вместо дифференцированных окончаний *-ые*/*-ие* для мужского рода и *-ья*/*-ия* для женского и среднего рода, свойственных орфографии гоголевского времени).

6. Форма *ея* (личное местоимение третьего лица женского рода в родительном падеже) заменяется на *ее*.

7. Для личного местоимения 3-го лица в именительном и для числительного *один* в именительном и неодушевленном винительном падеже множественного числа женского рода в прозаических текстах даются современные написания: *они*, *одни*. В стихотворных текстах в рифме устарелое написание сохраняется (но, разумеется, *ѣ* заменяется на *е*) — например, в «Ганце Кюхельгартене»: *Вот входят в комнату оне*; / *Но в ней все пусто. В стопорне* / *Лежит, в густой пыли, том давний*.

8. Сочетание букв *ѣи* (при написании слов с приставкой, оканчивающейся на согласный, и корнем, начинающимся с *и*) заменяется на *и*. Соответственно *безѣименный*, *безѣискусственный*, *предѣидущий* заменяется на современные *безыменный*, *безыскусственный*, *предыдущий*.

9. Частица *не* с глаголами пишется отдельно в соответствии с правилами современной орфографии (разумеется, за исключением тех случаев, когда современными орфографическими правилами предписывается слитное написание).

10. При написании существительных мужского рода, оканчивающихся на шипящий и *ц*, а также в частице *ж* мягкий знак не ставится. Иными словами, вместо обычных для Гоголя написаний *мечь*, *мячь* пишется *меч*, *мяч* (при этом частица *ж* пишется отдельно, то есть написания *однакожь*, *чтожь* заменяются на *однако ж*, *что ж*). Однако мягкий знак сохраняется в украинских антропонимических написаниях как показатель стилистического своеобразия произведений Гоголя на украинскую тему: *Грицько*, *Горобець* и т. д.

11. Принимаются современные орфографические написания *глянцеви-тый*, *глянцевать*, *глянцевый*, *танцевать*, *танцевальный*, *лицо*, *яйцо*, *целовать*, *целованный* вместо устаревших *глянцовитый*, *глянцовать*, *глянцовый*, *танцовать*, *танцовальный*, *лице*, *яйце* (в формах именитель-

ного и винительного падежа), *цаловать, цалованный*.

12. Такие слова, как *черт, чеботы, челка, черный, чесаный* и т. п. даются в современных орфографических написаниях.

13. В именах существительных после шипящих (независимо от того, каково было написание в прижизненных изданиях) в окончаниях *-ой (-ою), -ом* под ударением пишется *-о-* (*плечом, саранчой, свечой, каланчой, плащом, калачом, палашом, шалашом*); без ударения пишется *е* (*манежем, вояжем, чашей, баржей, тучей* и т. п.).

14. В родительном падеже множественного числа имен существительных 1-го склонения в последнем слоге после шипящих под ударением пишется *-о* (*кишóк, княжóн*), а без ударения *-е* (*тúчек* и т. п.).

15. Для целого ряда слов во времена Гоголя было характерно столкновение фонетического и этимологического принципа орфографии (*разкащик* и *разказчик, извощик* и *извозчик, разнощик* и *разносчик, мущина* и *мужчина, пожалуста* и *пжалуйста, бутка* и *будка, щот* и *счет, щастье* и *счастье* и т. п.). Двойственность написаний этих слов — характерная особенность орфографии литературного языка середины XIX в. В настоящем издании, как правило, используются современные орфографические написания. Но в тех случаях, когда фонетическое написание в прямой речи персонажа направлено на воспроизведение звучащей речи, такое написание сохраняется и в настоящем издании.

Сохраняются и такие написания, как *фляшка* (восходящее к немецкому *Flasche*). Принятое в современном языке написание *фляжка* связано с тем, что это слово осмысляется как уменьшительное от *фляга*, и этому соответствует форма родительного падежа множественного числа *фляжек*. Однако вполне вероятно, что Гоголь осмыслял его как уменьшительное от слова *фляша* (бутыль), которое использовалось в то время в украинской речи (ср. поговорку: *Наша губа не фляша, то зéсть, як і ваша*).

16. Не унифицируются такие написания, как *фиалка* и *фиялка, азиатский* и *азиятский, провиант* и *провиянт, биллиард* и *бильярд, бриллиант* и *брильянт, гетман* и *гетьман* и т. п., так как выбор между ними может рассматриваться как стилистически значимый и, возможно, отражающий способ произнесения соответствующего слова.

17. Желанием отразить разговорное произношение объясняются используемые в произведениях Гоголя написания *-шн-* вместо *-чн-* (*будошник, горнишная, прачешная, табашный* и т. д.). Эти написания сохраняются.

18. Отличительная черта языка Гоголя — прилагательные с безударной флексией на *-ой* (вместо *-ый*) в именительном или неодушевленном винительном падеже единственного числа в мужском роде. Как правило, их употребление у Гоголя мотивировано стилистически. Такие формы сохраняются во всех случаях (*дикий бурьян, щеголеватой польской шляхтич* и т. п.).

19. Прилагательные с суффиксом *-иньк-* (*свежинькая, новинькая, хорошинькая* и т. п.) — вместо предписываемого орфографическими правилами

ми *-еньк-* (*-оньк-* после *г, к, х*) — у Гоголя, как правило, несут определенную стилистическую нагрузку, характеризуя субъективизированный тип повествования или прямую речь персонажа. Подобные написания сохраняются.

20. Для произведений Гоголя характерно использование (чаще всего в речи персонажей) различного рода разговорных частиц, написание которых не соответствует принятому в современной орфографической традиции (например, вместо написания *-ка* используется написание *-ко*: *давай-ко*, *призови-ко* и т. п.). Использование подобных написаний расценивается как стилистический прием, и такого рода написания разговорных частиц сохраняются.

21. В написании собственных имен у Гоголя наблюдаются отличия от современных норм (и чаще всего дело не сводится к простой орфографической условности) — например, Гетте, Гильдебрант, Гумбольт, Чингис Хан, Индейское море, Феодорик, река Припеть, Аршавский, Андрий, Украина, Цупчевьска и т. п. Все подобные написания сохраняются.

22. Использование прописных букв в настоящем издании в основном ориентировано на нормы, принятые в современной орфографической практике, и, в частности, на современные представления о границе между собственными и нарицательными именами. Однако вопрос о том, не является ли использование прописной буквы, противоречащее современным нормам, текстологически значимым, в каждом отдельном случае решался особо.

23. Пунктуация в настоящем издании также в целом ориентирована на современные нормы. Сохраняются знаки препинания, не противоречащие действующим правилам пунктуации (кроме того, добавляются знаки препинания в тех случаях, когда очевидно, что синтаксическое членение предложения в тексте Гоголя таково, что современные правила пунктуации требуют постановки соответствующего знака). В тех случаях, когда использование какого-либо знака препинания в прижизненных изданиях противоречит современным нормам, этот знак сохраняется лишь в том случае, если есть серьезные основания полагать, что имеет место авторская пунктуация, несущая смысловую или стилистическую нагрузку (так, например, может сохраняться отсутствие запятой в восклицании).

24. В изданиях сочинений Гоголя последнего времени (см., например: *Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В семи томах. М., 1984–1986*) диалог передается, в соответствии с современной нормой, с помощью тире и красной строки, маркирующих реплики, что приводит к разбивке абзацев. В настоящем издании принята установка на безусловное сохранение гоголевских абзацев как органических структурных элементов текста, имеющих, в частности, свой ритм. Поэтому внутри абзацев прямая речь передается при помощи кавычек; если же, как и в прижизненных гоголевских изданиях, реплика персонажа начинается с красной строки, ставится тире.

Особый вопрос составляет передача украинской речи в произведениях Гоголя. Дело в том, что украинская речь часто передавалась в них средствами русской орфографии того времени, так что написания отклонялись от принятых норм украинского письма. В такого рода случаях для передачи украинской речи используется современная русская графика, а орфографические нормы гоголевского времени заменяются на современные (вместо *зеленькій, молоденькій, наваждєніє* и т. п. — *зеленький, молоденький, наваждение* и т. п.). Специфически «украинские» написания сохраняются (сюда относится, например, написание *чудасія, чорт* и т. п. в эпитафиях к главам VII, IX, XII «Сорочинской ярмарки» и т. д.).

Сходную проблему составляют случаи, когда написания, отклоняющиеся от современных русских орфографических норм, можно связать с намерением сохранить украинскую форму слова и тем самым передать украинский колорит. Так, используемое Гоголем написание *пасичник* (вместо *пасечник*) можно связать с желанием передать средствами русской графики украинское *пасічник*. Данное написание сохраняется в современном издании. Так же обстоит дело и с написанием *козак* (вместо принятого по нормам русской орфографии *казак*), которое в точности соответствует украинскому написанию этого слова.

При публикации черновых рукописей редакторы руководствовались несколько иными принципами. Дело в том, что черновые рукописи можно рассматривать как рукописные памятники, которые при издании желательно передать как можно более точно, лишь дав расшифровку того, что и как написано в оригинальной рукописи. При таком подходе никакой адаптации текста к современным графическим, орфографическим и пунктуационным нормам не происходит.

С другой стороны, черновые рукописи представляют собою памятники особого рода, отражающие, прежде всего, историю создания текста произведения. Если рассматривать их таким образом, принципы подачи текста в них, вообще говоря, должны быть теми же самыми, что и принципы подачи окончательного, канонического текста произведения, а специфика черновой рукописи при таком подходе состоит лишь в том, что рукопись может содержать в себе не одну, а сразу несколько редакций текста.

В настоящем издании в отношении черновых рукописей принято компромиссное решение. Они воспроизводятся средствами современной графики (тем самым в них *і* заменяется на *и*, *ѣ* — на *е*, *ѳ* — на *ф* и *ѣ* на конце слов не ставится); однако в прочих отношениях издатели стремились к сохранению всех написаний, в которых можно усмотреть какую бы то ни было авторскую интенцию, даже если такие написания отклоняются от современных норм. В частности, это касается индивидуальных гоголевских написаний слов (в особенности если они фонетически маркированы или направлены на передачу индивидуальной речи — например, *извочик*) и употребо-

ления заглавных букв, которые сохраняются во всех существительных, прилагательных и личных местоимениях, а также в определенных случаях в наречиях и глаголах («...*Богопротивное дело*»; «...*Церковный староста*»; «...*дама с Голубыми глазами*»; «...*из уст Простодушного Кузнеца*»; «...*господин с Перламутровыми пуговицами*»; «...*если допустит черта понюхать Собачьим его рылом Христианской души*»; «...*Коровий Пастух Тymoш Коростявый*»; «...*Свининые, Собачьи, Козлиные, Дрофиные, Лошадиные рыла*»; «...*Громко Гукнул, и Гук отв<етил?> за горою*»); напротив, в служебных словах заглавные буквы последовательно понижаются.

Впрочем, для удобства чтения в некоторых отношениях текст приближен к нормативному правописанию. Так, исправлены часто встречающиеся у Гоголя слитные написания частицы *не* с глаголами и предлогами и предлогов с существительными, прилагательными, числительными и местоимениями («*непомешает*» исправлено на «*не помешает*», «*небез робости*» — на «*не без робости*», «*дня потри*» — на «*дня по три*»), а также отдельные написания приставки и глагола («*за блестел*» исправлено на «*заблестел*», «*в ехал*» — на «*въехал*», «*по клонили навсе стороны*» — на «*поклонили на все стороны*»). Кроме того, унифицировано написание глагола *рассказать* (и его производных), встречающееся у Гоголя в формах *рассказать*, *рассказать*, *рассказатъ*.

Отсутствующие в рукописи знаки препинания восстанавливаются в соответствии со следующими принципами. Если конец предложения в рукописи не отмечен никаким знаком препинания, в издании ставится точка. Если в каком-то месте в середине предложения в соответствии с пунктуационными нормами необходим знак препинания, в издании ставится наиболее «нейтральный» знак — запятая. Однако в случае, когда возможна неоднозначная расстановка знаков препинания, текст воспроизводился без редакторского вмешательства. При этом все оригинальные гоголевские знаки препинания сохраняются.

При воспроизведении прямой речи у Гоголя закрывающая кавычка часто отсутствует; кроме того, кавычки могут закрываться внутри реплики («*Комиссара? Чудно!*» *еще непонятнее!* *Подумал про себя Левко*) или же, наоборот, после пояснительных слов («*Так ему обжоре проклятому и нужно, сказал голова*»). В издании в таких случаях добавляется закрывающая кавычка в конце прямой речи («*Комиссара? Чудно!*» *еще непонятнее!* *Подумал про себя Левко*; «*Так ему обжоре проклятому и нужно*», *сказал голова*).

СПОСОБЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ РУКОПИСНЫХ И ПЕЧАТНЫХ ТЕСТОВ В РАЗДЕЛАХ «ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ», «ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ», «ВАРИАНТЫ»

Тексты рукописей и прижизненных изданий Гоголя, существенно отличающиеся от текста, принятого за основной, воспроизводятся полностью — соответственно в разделах «Другие редакции» и «Черновые редакции».

Многослойные рукописи печатаются по верхнему (в отдельных, особо сложных случаях — нижнему) слою.

Правка черновой рукописи воспроизводится в подстрочных сносках с использованием следующих основных формул: «Далее зачеркнуто: ...»; «Далее начато: ...»; «... вписано» (особо оговаривается, если текст вписан на полях, на обороте, на другом листе, без обозначения места вставки); «Было: ...» (при замене одного слова другим); «Вместо: ... — было: ...» (при замене двух или более слов другими).

При наличии нескольких вариантов, относящихся к одному и тому же фрагменту текста, они приводятся последовательно, с использованием букв русского алфавита или римских цифр (последние употребляются для обозначения разноэтапной правки, поддающейся расслоению).

Рукописные и печатные источники, содержащие небольшие отличия от основного текста (или текста другой редакции), воспроизводятся в виде свода «Вариантов» к нему (к ней). Варианты даются к приведенному фрагменту основного текста — после косой черты (с указанием на левом поле соответствующих страниц и строк). При наличии ряда последовательных вариантов они приводятся от более раннего к более позднему с литерными обозначениями: а.; б.; в. и т. д. При совпадении промежуточного варианта с основным текстом используется формула: «Как в тексте».

В сводах вариантов, объединяющих разночтения нескольких источников, варианты приводятся в хронологическом порядке с указанием источников в скобках (в соответствии с сокращениями, принятыми в перечне источников текста к каждому произведению). Эти же сокращения используются в примечаниях. Остальные приводятся в особом списке принятых сокращений при каждом томе. В своды вариантов, как правило, не включаются пунктуационные варианты (за исключением отдельных, особо значимых случаев).

При оформлении рукописных редакций и вариантов используются следующие обозначения.

В квадратные скобки [...] заключается текст, вычеркнутый автором. Если вычерк нарушает связное чтение, он обозначается квадратными скобками непосредственно в тексте черновой редакции («*День и ночь буду Богу [молиться]*»); в остальных случаях он дается без скобок в сносках как вариант к соответствующему фрагменту текста.

В фигурные скобки {...} заключается текст, который не может быть с определенностью атрибутирован как гоголевский.

В угловые скобки <...> заключаются буквы и слова, не дописанные автором и дополненные редактором; когда такое дополнение сомнительно, используется обозначение <...?>. При этом (в отличие от предыдущего академического собрания сочинений Н.В.Гоголя), пропущенные слова или недописанные части фраз, образующие синтаксический или смысловой эллипсис, не реконструируются на основе печатных или иных редакций. В особо сложных случаях, когда эллипсис создает серьезные препятствия для понимания текста, в сноске фиксируется пропуск и дается, по возможности, прочтение соответствующего фрагмента в последующей редакции (например: «*Так в рукописи; ср. в ВД1: ...*»).

Все описки в рукописи также фиксируются. В том случае, когда они носят случайный характер, делается исправление в тексте, а в подстрочной сноске дается оригинальное написание. В случае малейшей возможности смысловой интерпретации описка воспроизводится непосредственно в тексте с оговоркой в соответствующей сноске: «*Так в рукописи*».

Знак ~ (тильда) заменяет в целях сокращения опущенные фрагменты основного текста или текста другой редакции в подстрочных примечаниях и в сводах вариантов.

Используемый в сводах вариантов значок ◊ (ромб) показывает, что в последнем слое правки приведенный вариант заменен текстом, совпадающим с основным.

Предположительно прочитанные слова сопровождаются знаком вопроса в угловых скобках: <?>.

Неразобранные слова обозначаются при помощи сокращений: <1 нрзб.>, <2 нрзб.> и т. д.

Все редакционные пояснения печатаются курсивом. Авторские (гоголевские) сноски обозначаются звездочкой (*), редакционные — цифрами.

Отдельные отступления от описанных способов воспроизведения текстов или дополнения к ним (обусловленные спецификой подачи некоторых источников) особо оговариваются в соответствующих томах.

ГАНЦ КЮХЕЛЬГАРТЕН

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Ганц Кюхельгартен, 1829 — Ганц Кюхельгартен. Идиллия в картинах. Соч. В.Алова. (Писано в 1827). Ст. Петербург. Печатано в Типографии А. Плюшара, 1829 года (цензурное разрешение — 7 мая 1829 г., цензор К.С.Сербинович).

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *Ганц Кюхельгартен, 1829*. При жизни Гоголя произведение не переиздавалось. Вторично опубликовано: *Сочинения Н.В. Гоголя. Том шестой. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1856. С. 309–369*. С тех пор, как правило, включается в собрания сочинений писателя.

Печатается по тексту *Ганц Кюхельгартен, 1829* с исправлением опечаток.

* * *

Впервые о принадлежности «Ганца Кюхельгартена» Гоголю в печати сообщил П.А.Кулиш на основе указания Н.Я.Прокоповича, давнего друга Гоголя, проживавшего вместе с ним в Петербурге (*Кулиш, 1852, с. 199–200*). Впоследствии это указание получило документальное подтверждение — было опубликовано недатированное письмо Гоголя к цензору К.С.Сербиновичу с просьбой «ускорить выдачу билета на выпуск в продажу» «Ганца Кюхельгартена» (*РА. 1909. Кн. 4. С. 635*). На основе этого письма и других материалов, ставших известными позднее, вырисовывается история опубликования произведения.

В «Реестре рукописям и книгам» Санкт-Петербургского цензурного комитета за 1829 г. помечено, что 7 мая в цензуру поступила рукопись «на 36 листах под заглавием “Ганц Кюхельгартен”, идиллия в картинах, писана в 1827, соч. Алова от студента Гоголь-Яновского» (*Степанов, 1955, с. 231–232*; см. также: *Гиллельсон, Мануйлов, Степанов, 1961, с. 31*). В тот же день Сербинович одобрил книгу к печати. Предварительно, 5 и 6, а также 11 мая Гоголь посетил Сербиновича, как это видно из дневниковых заметок последнего (*ЛН, т. 58, с. 262*).

Печаталась книга в типографии А. Плюшара. Для издания Гоголю, по-видимому, понадобились те триста рублей, которые он выпрашивал в письме к матери от 29 мая. Упомянутое выше недатированное письмо Гоголя цензору написано скорее всего 4 или 5 июня, так как именно 5 июня был выдан билет за № 481 на выпуск книги в продажу (Степанов, 1955, с. 232; Гиллельсон, Мануйлов, Степанов, 1961, с. 32). Добавим еще, что в журнале «Входящих бумаг» Санкт-Петербургского цензурного комитета сделана запись о поступлении в комитет 5 июня 1829 г. «свидетельства типографшицы Плюшар в том, что книга “Ганц Кюхельгартен” с одобренной в цензуре рукописью напечатана сходно». Одновременно в комитет были представлены из типографии и обязательные экземпляры книги (см.: Степанов, 1955, с. 231).

По выходе книги Гоголь отправил инкогнито один экземпляр петербуржцу П.А. Плетневу, а другой москвичу М.П. Погодину. Оба оставили «подарок» без всякого внимания; впоследствии же, когда автор познакомился с ними, он «ни одним словом не дал им понять, от кого была прислана книжка» (Кулиш, 1856, т. 1, с. 67).

В течение месяца с небольшим книга находилась в продаже. 26 июня «Московские ведомости» (№ 51) поместили объявление о продаже у А.С. Ширяева книжки, «полученной на сих днях из С-Петербурга». К отзыву о «Ганце Кюхельгартене», опубликованному в «Северной пчеле» от 20 июля (№ 87), было прибавлено известие, что книга «продается во всех книжных лавках по 5 рублей, за пересылку прилагается 1 рубль».

Произведение вызвало два резко отрицательных отзыва — вначале в 12-й книжке «Московского телеграфа», вышедшей в конце июня, а затем в уже упоминавшемся номере «Северной пчелы» (см. ниже), что подтолкнуло Гоголя к решительному шагу. «Он понял, что это не его род сочинений, бросился со своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книгопродавцев все экземпляры, нанял в гостинице номер и сжег все до одного». «Эта гостиница, по указанию г. Прокоповича, находилась в Вознесенской улице, на углу, у Вознесенского моста» (Кулиш, 1854, с. 37). По мнению современных исследователей, речь идет о гостинице «Неаполь» (Гиллельсон, Мануйлов, Степанов, 1961, с. 33; здание не сохранилось). Сожжение имело место после 20-го июля и перед отъездом Гоголя за границу, последовавшим в двадцатых числах того же месяца. Таким образом, помимо Прокоповича, об авторстве и судьбе «Ганца Кюхельгартена» был осведомлен Яким Нимченко, который после смерти писателя рассказывал обо всем произошедшем Г.П. Данилевскому (ИВ. 1886. № 12. С. 496; см. также: Гог. восп. совр., 1952, с. 459). Следует еще добавить, что, согласно предположению Кулиша, осведомленный о судьбе «Ганца Кюхельгартена» Прокопович не был связан «клятвой молчания»: «Гоголь, по-видимому, не подозревал, что Прокопович знал, кто автор “Ганца Кюхельгартена”, — иначе он, дорожа своей литературной тайною, просил бы приятеля не разглашать ее» (Кулиш, 1856, т. 1, с. 68).

Однако утверждение Кулиша, что до его статьи 1852 г. о первой гоголевской книге было известно «только одному человеку (Прокоповичу. — *Ред.*), если не считать неграмотного гоголевского слуги Яким» (*Кулиш, 1852, с. 199*), — не соответствует действительности. Еще при жизни Гоголя, 13 ноября 1850 г., петербургский книгопродавец И.Т.Лисенков сообщал в Одессу своим знакомым Криворотовым: «Он (Гоголь. — *Ред.*) прежде был такой молчаливый и таинственный, что напечатал он в первый раз свое сочинение: “Ганц Кюхельгартен или картины”, принес ко мне на продажу и через неделю спросил, продаются ли. Я сказал, что нет, он забрал их — и только и видели, должно быть печка поглотила и тем кончилось, что и теперь нигде нет этой книги и публика не знает и не видала его первого произведения» (*РС. 1898. Т. 94. С. 605*). Можно предположить, что слухи о книжном дебюте писателя, хотя и в ограниченном, приглушенном виде, циркулировали в читательских кругах.

Для литературной судьбы гоголевской книги интересен эпизод, описанный Ал. Лазаревским: летом 1855 г. в Москве «книгопродавец-библиоман» И.Г.Кольчугин показал ему книгу «Разные стихотворения Иосифа Олова» (М., 1832), «говоря, что настоящий автор этой книжки — Н.В.Гоголь, отдавший будто бы сам г. Кольчугину эту книжку на комиссию, но потом отбравший все экземпляры назад» (*Сборник, издаваемый студентами императорского Петербургского университета. Выпуск первый. СПб., 1857. С. 347*). Характер и содержание указанной книги исключают принадлежность ее Гоголю, что было показано В.В.Каллашом, который вместе с тем оставил открытым следующий вопрос: «Если Кольчугин смешал Алова с Оловым, то как вообще он мог узнать про Алова и его тождество с Гоголем?» (*Каллаш, 1902, с. 11*). На бытование подобной версии, бесспорно, повлияли уже появившиеся к этому времени публикации Кулиша; однако возможно, что она возникла и под воздействием давних слухов об авторстве и обстоятельствах продажи первой книги Гоголя.

Гоголь дважды датировал свое произведение 1827-м годом: на титульном листе книги, где помечено «писано в 1827», и затем в фиктивном издательском предисловии: «это произведение его восемнадцатилетней юности...» (18 лет Гоголю исполнилось в 1827 г.). Большинство исследователей и публикаторов произведения это хронологическое приурочивание принято, однако приводились доводы и против него.

Главные возражения восходят еще к Н.Я.Прокоповичу и А.С.Данилевскому, которые утверждали, что если бы произведение писалось в нежинской Гимназии высших наук (в 1827 г. Гоголь находился в последних — восьмом, а затем в девятом — классах), то это бы непременно «было известно товарищам» (*Шенрок, т. 1, с. 159*). Однако такое возражение не может считаться решающим ввиду необычайной скрытности будущего писателя, о чем говорил, в частности, Н.С.Тихонравов: «Нет никаких оснований

заподозривать, вместе с Прокоповичем, собственные показания Гоголя <...> Автор «идиллии» вложил в своего героя те же мечты, стремления и надежды, которыми исполнен был сам в последнее время пребывания своего в нежинском лицее и которые он поверял в 1827 году, под строгую тайную, немногим из своих родных и близких» (*Тих.*, т. 5, с. 78).

Тесная связь «Ганца Кюхельгартена» с кругом идей и настроений Гоголя нежинской поры, особенно 1827 года, была продемонстрирована В.И.Шенроком в книге «Ученические годы Гоголя» (см.: *Шенрок*, 1887, с. 78), а затем в «Материалах» — прежде всего на основе сопоставлений с письмами писателя к Петру Косяровскому: такие совпадения доходят «до мелочей, до буквального почти сходства, простирающегося на отдельные выражения: это последнее обстоятельство едва ли кто решится назвать случайностью» (*Шенрок*, т. 1, с. 159 и след.).

Выдвигался, однако, аргумент, оспаривающий подобное «сходство»: мол, центральный персонаж «идиллии» переживает горькое разочарование, терпит крушение своих планов, — и все это невозможно представить себе применительно к Гоголю — гимназисту и студенту. Таким образом в основе возражения лежит строго биографическая интерпретация произведения: до переезда в Петербург Гоголь якобы не мог «заставить Ганца, в котором он изобразил самого себя, отступить перед трудностями, разочароваться, отказаться от желания привести свои заветные думы в исполнение»; это возможно было только после неудач столичной жизни, из чего делается вывод, что заключительные две картины написаны в 1829 г. (*Шаровольский*, 1902, с. 13—52). Однако не говоря уже о том, что «разочарование» вовсе не является всеобъемлющим и единственным мотивом произведения и сталкивается с противоположным, «волевым» импульсом («Дума»), неправомерно жесткое ограничение литературного материала личным, биографическим опытом писателя. Достаточно в данном случае напомнить о развитии, причем аффектированном развитии, мотива разочарования в гоголевском произведении, определенно датируемом нежинским периодом (1826 г.): «Свет скоро хладеет в глазах мечтателя...» и т. д. (<«В альбом В.И.Любича-Романовича»>).

Биографический критерий положен и в основу предпринятого А.Стендер-Петерсеном расслоения текста: вначале, летом 1827 г., написаны первая, шестая, седьмая и окончание восемнадцатой картин, когда у Гоголя, под влиянием «Луизы» Фосса, преобладали идиллические настроения; затем, спустя год — другие части, отражающие романтическое уmonoстроение и непосредственное влияние Шиллера и Тика: «...И для безоблачно-удовлетворенного идиллика открылся голубой цветок немецкого романтизма» (*Stender-Petersen*, 1921, S. 126). Однако подобное жесткое разделение стадий биографии и вытекающая отсюда датировка не согласуются не только с характером ранних литературных упражнений Гоголя, но и с биографическими данными (убедительная критика концепции Стендер-Петерсена дана в работе: *Adams*, 1931, S. 326 и далее; см. также: *Адамс*, 1946, с. 50).

Для датировки «Ганца Кюхельгартена» важны содержащиеся в шестой картине исторические реалии, о чем первым подробно писал Стендер-Петерсен (см.: *Stender-Petersen, 1921, S. 100* и далее), а позднее Г.М.Фридендер (*Фридендер, 1954, с. 124–136*). Суммируя и дополняя полученные ими данные, можно расшифровать те «новости газет», которые обсуждают персонажи «идиллии» в упомянутой «картине». «Про Мисолунги», т. е. Миссолонги, вспомнили, вероятно, в связи с тем, что 22 апреля 1826 г. осажденный турками греческий гарнизон взорвал пороховой погреб и погиб под развалинами вместе с ворвавшимися в крепость войсками противника. «Славный вождь» Теодорос Колокотронис (1770–1843), командовавший греческими повстанцами, в первые месяцы 1825 г. находился в тюрьме, но в середине того же года под давлением общественного мнения был освобожден и принял участие в военных операциях. Имя Джоржа Каннинга (1770–1827), вначале министра иностранных дел, а затем главы кабинета Англии, фигурирует в определенном контексте: «про Канинга (так! — *Ред.*), про парламент»; о выступлениях же Каннинга в парламенте «Северная пчела» (откуда Гоголь мог преимущественно черпать сведения) часто писала в конце 1826 г. (так в № 140 от 23 ноября: «С великим нетерпением ожидают открытия парламента, в котором на сей год решены будут самые важные вопросы касательно внутренних и внешних отношений Англии...»). «Про бедствия и мятежи в Мадрите» — эта фраза также может быть поставлена в связь с весьма часто появлявшимися в «Северной пчеле» сообщениями из Мадрида о заговорах и волнениях (например, в №№ 117, 119, 134, 150 за 1826 г., № 81 за 1827 г.).

Хронологическому приурочиванию поддаются также реалии, содержащиеся в тринадцатой картине — сцена посещения Ганцом Афин («...промеж колон чалма мелькает» и т. д.). Это явно изображение города, захваченного турками, когда 5 июля 1827 г. пал последний бастион — Акрополь (спустя месяц в № 80 об этом сообщила «Северная пчела»). Следует учесть и то, что все перипетии восстания в Греции особенно бурно обсуждались в Нежине ввиду наличия здесь большой греческой колонии (среди гимназических товарищей Гоголя был грек К.М.Базили).

Иногда в прямой связи с упомянутым эпизодом посещения Афин рассматривается и фраза, относящаяся к возвращению Ганца в родные места («Ушло два года. В мирном Люненсдорфе...»), причем из этого делаются выводы, имеющие отношение к хронологии написания произведения. Мол, возвращение Ганца имело место спустя два года, то есть в 1829 г., а поскольку трудно предположить, что в 1827 г., еще в Гимназии, Гоголь, обдумывая сюжет, относил события на два года вперед, то есть «серьезные основания датировать <...> всю поэму 1828–1829 гг. Во всяком случае, окончательный план поэмы сложился у Гоголя лишь в Петербурге...» (*Фридендер, 1954, с. 134*). Однако такое толкование неправомерно: «ушло два года» не после посещения Афин, а со времени ухода Ганца из родной деревни, которое хронологически никак не локализовано. Следовательно, нет никаких

оснований относить формирование плана произведения к петербургскому периоду. Напротив, с большой долей вероятности можно предположить, что идиллия была задумана и в основном написана еще до переезда в столицу, хотя нельзя исключать и того обстоятельства, что дорабатывался и шлифовался текст в первые месяцы петербургской жизни (о датировке «Ганца Кюхельгартена» см. также: *Манн, 1994, с. 157–167*).

Содержащиеся в «Ганце Кюхельгартене» литературные реминисценции, подкрепляя высказанные выше предположения о датировке произведения, вместе с тем обнаруживают те влияния, которым преимущественно подвергался молодой писатель.

Наибольшее количество определенных реминисценций — из пушкинского «Евгения Онегина», из тех глав, которые Гоголь мог прочесть еще в нежинскую пору. Описание могилы пастора в шестнадцатой картине носит на себе очевидное влияние тех строф, где изображены могилы Дмитрия Ларина и Ленского (соответственно главы второй, опубликованной в октябре 1826 г., и главы шестой, вышедшей в свет в марте 1828 г.). Портрет Луизы во второй картине написан под воздействием портрета Ольги, равно как и в описании взаимоотношений Луизы и Ганца развиваются мотивы детской привязанности Ленского и Ольги («Он был свидетель умиленный / Ее младенческих забав» — глава вторая). Сон Луизы в десятой картине — явная параллель к «чудному сну» Татьяны (глава пятая, вышла в свет в январе 1828 г.), а обращение Луизы к возлюбленному в восемнадцатой картине («Тебя зову! тебя зову!..») навеяно письмом Татьяны (глава третья, опубликована в октябре 1827 г.). В тексте идиллии также немало более мелких, но достаточно определенных следов стиля и лексики пушкинского романа, как, например, в десятой картине: «Но, против воли взор живой / Блеснул досадною слезой» (ср.: «Как взор его был быстр и нежен, / Стыдлив и дерзок, а порой / Блистал послушною слезой!» — глава первая); во второй картине: «...Его подслушаем украдкой» (ср. «Теперь подслушаем украдкой...» — глава третья) и т. д.

Ощутимо и воздействие «Цыган» (1827). Монолог Алеко о любви Земфиры («Как она любила! / Как нежно преклонясь ко мне / Она в пустынной тишине / Часы ночные проводила!») переключен Гоголем в авторское повествование о любви Луизы к Ганцу: «О, как она тебя любила! / С каким восторгом чувств живым / Простые речи говорила!» и т. д. (одиннадцатая картина). Сравним также: «Оковы сбросив принужденья» (семнадцатая картина) — со строкой из «Цыган»: «Презрев оковы просвещенья». Исповедь пастора, в которой противопоставляется его мирный сегодняшний день бурному прошлому (первая картина), написана под влиянием исповеди старого цыгана.

Отчетливо видны реминисценции и из других пушкинских произведений. Прощальные строки Ганца в восьмой картине («Шуми ж, мой океан широкий! / Неси корабль мой одинокий!» и т. д.) восходят к элегии «По-

гасло дневное светило» (1820); упоминание бегущих «вакхических дев» в третьей картине — к пушкинскому «Торжеству Вакха» (1826), но также, возможно, к «Вакханке» (1817) К.Н.Батюшкова.

Большую группу составляют также реминисценции из В.А.Жуковского. «Ночные видения» в одиннадцатой картине обнаруживают воздействие его баллад, особенно «Людмилы» (1808); заключительные строки «Думы» в семнадцатой картине несут след влияния послания «К кн. Вяземскому и В.А.Пушкину» (1815; ср.: «Твори, будь тверд; их зданья ломки; / А за тебя дадут ответ / Необольстимые потомки» — с гоголевской антитезой: «Он тверд среди сих живых обломков. / И только слышит, как шумит / Благословение потомков»). Описание «древностей Афин» в тринадцатой картине, вероятно, было вдохновлено стихотворением Жуковского «Путешественник и поселянка» (1823), представлявшим собой перевод стихотворения Гете «Der Wanderer» (1772). Обращение пастора в первой картине «О дивный, дивный посетитель!» воспроизводит характерную словесную формулу Жуковского (ср. название стихотворения «Таинственный посетитель», 1824; «благодатный посетитель» в «Лалла Рук», 1827, и т. д. — см.: *Мандельштам, 1902, с. 26–27*). Впрочем, не исключено, что эта формула была подсказана Гоголю кем-либо из подражателей Жуковского.

Весьма возможно также, что изображение Эллады как «вольности земли» и противопоставление ее современному депозитизированному миру складывались под влиянием произведений В.К.Кюхельбекера, в частности его «Олимпийских игр» (1825; см.: *Десницкий В.А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Мат. и иссл., 1936, т. 2, с. 54–55*). Кстати, весьма колоритная и редкая фамилия протагониста идиллии возникла, вероятно, по ассоциации с Кюхельбекером, что однако не свидетельствует (как полагал Десницкий) об «отождествлении» «Гоголем своего героя — и себя с одним из редакторов “Мнемозины”» (*там же, с. 54*), т. е. с Кюхельбекером.

К числу твердо установленных источников идиллии можно отнести прозаический перевод поэмы Томаса Мура «Свет Гарема» («The Light of the Haram»; опубл.: *СО. 1827. № 5. С. 27–60*) — последней (четвертой) вставной поэмы в его «восточной повести» «Лалла Рук» (1817). Детальными, содержащимися в упомянутой поэме, Гоголь воспользовался для описания Индии в начале четвертой картины (*Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи // ЛН, т. 91, с. 697–700*; см. также: *Алексеев, 1973, с. 172–182*). Впрочем, вполне вероятно и знакомство Гоголя с поэмой Жуковского «Пери и ангел» (1821), представляющей собой перевод второй части «Лалла Рук» Т.Мура, и поэмою А.И.Подолинского «Див и Пери» (1827).

Что же касается сцен из жизни Древней Греции в третьей картине, то они обнаруживают влияние очерка Н.М.Карамзина «Афинская жизнь» (1793); совпадают, в частности, детали описания «божественного мудреца» Платона — это определение встречается в обоих текстах (*сообщено В.Э.Вацуро*).

Возможно также, что в изображении русалок в картине одиннадцатой отразилось воздействие стихотворения А.Н.Муравьева «Русалки (Песнь Баяна)», опубликованного почти одновременно в «Северной лире на 1827 год» (М., 1827) и в его сборнике «Таврида» (М., 1827) (сообщено В.Э. Вацуро).

В числе источников гоголевской идиллии упоминались также произведения Шиллера, Тика (см.: *Stender-Petersen, 1921, S. 126*), а также Байрона, в частности его поэма «Абидосская невеста», русское издание которой (*Невеста Абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона. Перевод с английского И.Козлова. СПб., 1826*) было доступно Гоголю (см.: *Шаровольский, 1902, с. 49*). Но возможно и опосредованное знакомство Гоголя с этими произведениями, весьма часто упоминавшимися в русской периодике.

Вероятность же ряда других указанных в исследовательской литературе реминисценций, в частности, из «Ревельского турнира» А.А.Бестужева-Марлинского (1825) и из стихотворения Н.М.Языкова «Ночь» (1827), невелика, хотя исключать полностью их возможность нельзя. Так или иначе все эти материалы могли стать известны Гоголю еще до переезда в Петербург.

Отмечена определенная переключка гоголевского текста лишь с одним более поздним произведением — с пушкинской «Полтавой», которая появилась в марте 1829 г. и, следовательно, могла быть прочитана Гоголем лишь в Петербурге. Речь идет о сходстве «Эпилога» к идиллии с пушкинским «Посвящением» и о более мелких аналогиях, например о фразе «В огне закаленный булат» в последней картине (у Пушкина: «...дробя стекло, кует булат»). Эти реминисценции, однако, нельзя считать бесспорными (особенно последнюю); если же они все-таки имели место, то это говорит лишь о том, что весной 1829 г., перед публикацией книги, был написан «Эпилог» и просматривалась вся рукопись.

Еще П.А.Кулиш высказал предположение, что «Ганц Кюхельгартен» был внушен «чтением “Луизы”» Фосса, в переводе П.А.Теряева; даже героиня поэмы называется Луизою, а пастор, ее отец, списан довольно рабски с фоссова «добросердого пастора Гринарского» (*Кулиш, 1854, с. 38—39*). Гоголь мог воспользоваться изданием: «Луиза. Сельское стихотворение, в трех идиллиях Ивана Генриха Фосса. Перевод с немецкого. Павла Теряева» (СПб., 1820). Экземпляр этой книги находился в библиотеке нежинской Гимназии высших наук (см.: *Гогол. сб., 1902, с. 286*). Из реестра библиотеки нежинской Гимназии видно, что книга Фосса поступила в Нежин до января 1825 г. и, следовательно, Гоголь мог читать ее в Нежине в 1827—1828 гг. (*Иофанов, 1951, с. 185*).

Однако тщательное сопоставление двух произведений выявило не только их сходство, но и отличие — прежде всего в обрисовке главных персонажей, Вальтера и Ганца: душевное спокойствие, уравновешенность в первом случае; неясное томление, неудовлетворенность, меланхолическое умона-

строение, стремление «вдаль» — во втором. Гоголевский протагонист родствен персонажам предромантической и романтической поры, таким как Эсхин (баллада «Теон и Эсхин» Жуковского, 1815), Рене (перевод одноименного произведения Шатобриана был опубликован в «Московском Вестнике», 1827, № 5 — в журнале, усердно читавшемся Гоголем-гимназистом) и др. Характерными в связи с этим являются такие элементы сюжета, как уход из родных мест, странствие, — элементы, которых лишена идиллия Фосса (Чудаков, 1908, с. 63–79; см. также: Кульман, 1908, с. 252–263). Весьма показательным является также эпизод возвращения героя на родину, «в исходную позицию», выполняющий функцию не только столкновения мечты и «существенности», но и своеобразного примирения, отречения, Entsagung. Все это вело у Гоголя к трансформации идиллического начала, осложненного сентиментальными и романтическими мотивами.

К сказанному надо добавить такой важный фактор, как выбор метрики: «Ганц Кюхельгартен» написан стихом, не характерным для идиллии, т. е. не гекзаметром, в котором был выполнен теряевский перевод «Луизы» или «Овсяный кисель» (1818) Жуковского, а также не пятистопным амфибрахией, отличающим «русскую народную идиллию» «Рыбаки» (1822) Н.И.Гнедича, но пятистопным и четырехстопным ямбом, привносящим с собою разнообразные более сложные коннотации, в том числе — в случае, например, использования четырехстопного ямба в исповеди пастора — коннотации романтической поэмы, что подкрепляет проведенную выше параллель между этой исповедью и монологом старика в «Цыганах» (см. также: Николаев, 1989, с. 6–8).

Роль идиллии как эстетического и литературного явления определялась в сознании Гоголя не только жанровым обозначением фоссовской «Луизы» («...в трех идиллиях»), но и вниманием к этому жанру в популярных в то время теоретических курсах. Авторы последних обычно указывали на коренное изменение природы идиллии, что имело значение и для сочинителя «Ганца Кюхельгартена». В «Опыте краткой пиитики», предворяющем «Собрание образцовых русских сочинений в стихах» (Ч. 4. СПб., 1822. С. СССХIV), — книгу, которая была принята в нежинской Гимназии высших наук в качестве учебного пособия, — отмечалось, что «не одни пастухи могут быть действующими лицами в сочинениях сего рода: ими равно бывают рыбаки, земледельцы, садовники и т. п.» (это изложение суждений В.И.Панаева, предпосланных его книге «Идиллии» — СПб., 1820). В авторитетном труде А.И.Галича «Опыт науки изящного» (СПб., 1825) также подчеркивалось, что хотя идиллия и представляет «картину» «первоначальных, неиспорченных движений инстинкта» и «внутреннее положение любящего сердца», но тем не менее ограничение ее сферою пастушеской жизни совсем не обязательно — «пастушеская жизнь для идиллии — дело постороннее» (с. 206–208; см. также: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. М., 1974. С. 271–272). В свою очередь, подобные утверждения восходили к трудам западноевропейских

теоретиков, в частности к «Приготовительной школе эстетики» (1804) Жана-Поля, утверждавшего, что «идиллию по недоразумению связали с пастушеской жизнью» (Жан Поль. *Приготовительная школа эстетики*. М., 1981. С. 263). В том же духе Гоголь будет трактовать идиллию в своем более позднем труде «Учебная книга словесности для русского юношества»: «Хотя с мыслью об идиллии соединяют мысль о пастушеском и сельском быте, но пределы ее шире и могут обнимать быт многих людей, если только с таким бытом неразлучны простота и скромный удел жизни». Это как бы специально сказано о «немецких» деревнях Висмар и Люненсдорф, где обитают герои гоголевской идиллии. Следует также упомянуть о глубоком интересе Гоголя-гимназиста к «Рыбакам» (1822) Н.И.Гнедича; герои этой идиллии соответственно — «рыбаки», а место действия — «остров Невский», близ Петербурга (в письме к А.С.Данилевскому, предположительно датированном 1822—1823 гг., Гоголь с большим сочувствием цитирует упомянутое произведение).

Показательно, что теоретические выкладки об идиллии в «Учебной книге...» непосредственно связаны с опытом автора «Ганца Кюхельгартена» и уясняют этот опыт. Описательное начало в идиллии, по мысли Гоголя, достигает такой высокой степени, что, жертвуя «драматическим движением», выливается в «картины», в ряд «картин»: «Ее (идиллию. — Ред.) можно назвать в истинном смысле картиною; по предметам, ею избираемым, всегда простым, — картиной фламандской». Напомним определение «Ганца Кюхельгартена» как «идиллии в картинах», благодаря которому этимологический смысл жанра (по-древнегречески *eidyllion* — это картина, или картинка) словно удваивается. Характерно также гоголевское замечание о высшем, почти параболическом значении идиллии: «Поэтому почти всегда управляла ею какая-нибудь внутренняя мысль, слишком близкая душе поэта, а быт и самую идиллию он употреблял как только удобнейшие формы». Мысль, «слишком близкая душе поэта» — это, конечно, идея разрушения идиллического состояния, преодолеваемого, с одной стороны, романтическим комплексом, а с другой — идеей мессианства (пассаж о «небом избранном» в «Думе»). И хотя центральный персонаж возвращается в родное лоно и отвергает «коварные мечты», но «прощаясь с ними, — как бы по старому другу верном, грустит в забвении усердном». Это первый в творчестве Гоголя пример оборванного на диссонансе финала, повторенного затем в «Сорочинской ярмарке» («И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему») и в «Повести о том, как поссорился...» («Скучно на этом свете, господа!» — см. об этом также: *Николаев, 1989, с. 16; Вайскопф, 1993, с. 32*).

Запечатленное в гоголевском произведении разрушение идиллического состояния находится в русле процесса, описанного Гегелем в «Лекциях по эстетике» — описанного, кстати, с помощью противопоставления «Германа и Доротеи» Гёте той же «Луизе» Фосса. Если последний «дает идиллическое изображение жизни и дел в тихом и ограниченном, но самостоятельном

круге общества», то «в поэме Гете, благодаря тому что изображенные им идиллические характеры и происшествия связываются с <...> более значительными всемирно-историческими движениями, мы видим, что сцена вставляется в рамки жизни более широкой по своему охвату и более богатой по своему содержанию...» (Гегель. Сочинения. Т. 12. М., 1938. С. 268–269). Еще до Гегеля сопоставление обеих идиллий провел Шеллинг — также в пользу произведения Гете: «...несмотря на ограниченность со стороны материала, нельзя не признать в какой-то степени эпический характер этой поэмы; напротив, “Луиза” Фосса самим поэтом характеризуется как идиллия, как картина, т. е. изображение скорее покоя, нежели поступательного движения. Итак, поэмой Гете разрешается одна из проблем новейшей поэзии и открывается путь для дальнейших опытов этого рода и стиля» (Шеллинг Фридрих Вильгельм. Философия искусства. М., 1966. С. 391–392).

Помимо идиллии Гете, знакомство с которой автора «Ганца Кюхельгартена» весьма проблематично, существовали другие примеры, отразившие сходную тенденцию в отечественной литературе, в частности, идиллия А.А.Дельвига «Друзья» («Но друзей уже нет, подобных бывалым <...> Прошли, пролетели те времена...») (опубликовано в 1827 г.). Кульминация этой тенденции — в его же идиллии с говорящим названием «Конец золотого века», появившейся почти одновременно с гоголевским произведением (в «Стихотворениях барона Дельвига», цензурное разрешение 26 февраля 1829 г.): «Дельвиг переносился в золотой век, чтобы написать “Конец золотого века”» (Вацура В.Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 138). Показательно также, что в качестве образца идиллии в «Учебной книге словесности...» названы «сцены из Цыган», поэмы с характерным лейтмотивом: «Но счастья нет и между вами, Природы бедные сыны!»; воздействие же этой поэмы на первую книгу Гоголя очевидно.

В «Ганце Кюхельгартене», строго говоря, не фиксируется внутреннее разложение идиллического мира как следствие пагубного влияния «города» и его питомцев, но налицо столкновение этого мира с большим миром, откуда исходят разнообразные и чреватые непредвиденными последствиями импульсы. Характерны уже обсуждаемые в шестой картине темы: обитателей идиллического уголка, оказывается, интересуют и «дела войны», «и бедствия и мятежи в Мадрите» и т. д. Кроме того, упоминание Миссолунги было весьма значащим для современников не только благодаря подвигу греческого гарнизона, но и потому что здесь заболел лихорадкой и скончался 19 апреля 1824 г. Байрон.

Характерно и усложнение эмоциональной атмосферы, наполняющей гоголевский идиллический мир. По определению Жана Поля (впрочем, едва ли известному в это время автору «Ганца Кюхельгартена»), «идиллия — это эпическое изображение полноты счастья в ограничении». Этот вывод был сделан более всего под влиянием «Луизы» Фосса, заставляющей «согласиться, что идиллия, то есть полнота счастья в ограничении, не допускает

множества участвующих лиц и всесия больших колес государственного механизма, лишь жизнь в огороженном забором саду пристала для блаженствующего в идиллии <...>, для радостных лилипутов, для которых цветочная грядка — целый лес, для лилипутов, которые приставляют лестницу к карликовому деревцу, чтобы снять с него урожай» (*Жан Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 263, 266*).

Однако хотя идиллический мир «Ганца Кюхельгартена» пространственно ограничен (категория «угла» станет с этих пор одной из самых существенных для Гоголя, в том числе и как автора «Мертвых душ»), хотя в нем преобладают естественные, несложные желания и потребности (указывалось в связи с этим на говорящий, знаковый смысл имени мызника Бауха, отца Луизы: *der Bauch, нем.*, — живот; см., напр.: *Langer, 1992, S. 267*), но все же единство самого настроения — «полнота счастья в ограничении» — существенно подрывается. Прежде всего — с помощью усиления элегических нот, которые подчас достигают степени сатирических инвектив главного персонажа («...Они позорят дивный дар И попирают вдохновенье, И презирают откровенье...» и т. д.); затем с помощью мотива странствия, выхода за пределы этого мира («...ты прости, мой угол тесный»); но самое главное — благодаря тому, что все эти импульсы воплощаются в конкретную человеческую судьбу, весьма близкую судьбе романтического персонажа.

Двойственно и композиционное построение «Ганца Кюхельгартена»: тяготея к обстоятельности и последовательности, свойственным, в частности, идиллии, оно вместе с тем демонстрирует и «ряд отдельных, резко очерченных ситуаций, отделенных друг от друга известным промежутком времени и представляющих самостоятельные центры художественного внимания», что отличает именно романтическую поэму (см.: *Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 55*). Прерывистость изложения подчеркнута приемом композиционного пропуска: отсутствует пятая картина, замененная рядом точек (высказывалось предположение, что ее место занимал текст, оформленный Гоголем в самостоятельное стихотворение «Италия» — *Жданов, 1904, с. 120*).

Таким образом, весьма скромное по своим художественным достоинствам гоголевское произведение заключало в себе существенную историко-литературную перспективу, которая вела и к романтизму и далее — к постромантическим художественным формам. Гоголь впоследствии и сам продемонстрировал эту перспективу, сделав шаг от «Ганца Кюхельгартена» к «Старосветским помещикам». Тем самым был еще резче выявлен и контекст первой гоголевской книги, ибо «тема разрушения идиллии (понятой в широком смысле) становится одной из основных тем литературы в конце XVIII и в первой половине XIX века» (*Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 381*).

История критического восприятия «Ганца Кюхельгартена» исчерпывается несколькими откликами. Первый отклик — в «Московском Телегра-

фе» (МТ. 1829. № 12. С. 515—516) Н.А.Полевого — как уже отмечено выше, был беспощадно-насмешлив: «Издатель сей книжки говорит, что сочинение г-на Алова не было предназначаемо для печати, но что важные для одного автора причины побудили его переменить свое намерение. Мы думаем, что еще важнейшие причины имел он не издавать своей идиллии. Достоинство следующих пяти стихов укажет на одну из сих причин:

Мне лютые дела не новость,
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя —
За прежней жизни злую повесть...

Заплатою таких стихов должно бы быть сбережение оных под спудом».

Второй рецензент — «Северной пчелы», — столь же беспощадно оценив идиллию, все же проявил в отношении ее автора некоторую снисходительность: «В сочинителе заметно воображение и способность писать (со временем) хорошие стихи, ибо издатели говорят, что “это произведение его восемнадцатилетней юности”; но скажем откровенно: сии господа издатели напрасно “гордятся тем, что по возможности споспешествовали свету ознакомиться с созданием юного таланта”. В “Ганце Кюхельгартене” столь много несообразностей, картины часто так чудовищны, и авторская смелость в поэтических украшениях, в слоге и даже в стихосложении так безотчетлива, что свет ничего бы не потерял, когда бы сия первая попытка юного таланта залежалась под спудом. Не лучше ли б было дожидаться от сочинителя чего-нибудь более зрелого, обдуманного и обработанного» (СПч. 1829. № 87).

Еще более терпимым и даже благожелательным оказался третий рецензент — О.М. Сомов, писавший в своем «Обзрении российской словесности за первую половину 1829 года» (СЦв. на 1830 год. СПб., 1829. С. 77—78): «В сочинителе виден талант, обещающий в нем будущего поэта. Если он станет прилежнее обдумывать свои произведения и не станет спешить изданием их в свет тогда, когда они еще должны покоиться и укрепляться в силах под младенческою пеленою, то, конечно, надежды доброжелательной критики не будут обмануты». Отзыв Сомова вызвал, между прочим, вторичное (и нигде не учтенное) выступление «Московского Телеграфа» (МТ. 1830. № 1. С. 78), рецензент которого, говоря, что мнения обозревателя «Северных цветов» устарели, ссылается и на сказанное последним о «Ганце Кюхельгартене».

Затем на несколько десятилетий всякие упоминания в печати о «Ганце Кюхельгартене» исчезают. Лишь публикация произведения в составе голевских сочинений вновь пробуждает к нему некоторое внимание. Так, Н.Г.Чернышевский в рецензии на пятый и шестой тома «Сочинений Н.В.Гоголя» (Совр. 1856. № 6. Отд. IV. С. 48) писал: «О том, что “Ганц Кюхельгартен” поэма очень слабая даже и для тогдашнего времени (1829), не может быть ни малейшего спора; но она интересна в том отношении, что

по сюжету не походит на тогдашние кровавые поэмы с небывальными злодействами и трескучими катастрофами <...> Есть в ней некоторые проблески чего-то похожего на сочувствие к действительной жизни...» (см. также: *Чернышевский, т. 3, с. 542*).

Анонимный рецензент другого петербургского журнала, «Сына Отечества», проводил сравнение между «Ганцем Кюхельгартемом» и «Вечерами», которые были опубликованы в изданных П.Кулишом «Сочинениях и письмах Н.В.Гоголя» (Т. I. СПб., 1857): «Таким образом, читатели в первом томе найдут Гоголя исключительно малороссиянином, с легким оттенком немецкого романтизма, выразившемся в неудачном, школьном произведении, “Ганце Кюхельгартене”. Чуткий гений Гоголя, ступив на классическую почву Фосса и его приторно-добродушной собратии, тотчас воротился к родным предметам и в кругу их обрел силу и прелесть изображения, которых не дала ему Германия» (СО. 1857. № 24. С. 572).

На рубеже XIX и XX вв. «Ганц Кюхельгартен» становится предметом литературоведческих, в частности библиографических изысканий (Н.С.Тихонравов, Н.И.Коробка, В.В.Каллаш) в связи с включением произведения в новые, построенные на научной основе собрания сочинений писателя. Главная тема этих изысканий — сопоставление с «Луизой» Фосса, выявление предполагаемых источников, а также квалификация центрального гоголевского персонажа как героя романтического (помимо указанных выше работ, см.: *Дашкевич, 1914*). В монографии Н.А.Котляревского «Николай Васильевич Гоголь» такая квалификация приобретала сугубо биографический акцент: «Ганц — портрет самого Гоголя, конечно идеализированный, но в основных чертах верный» (*Котляревский, 1903, с. 13*) — утверждение, ставшее вскоре общим местом: «Герой этой поэмы — почти автопортрет» (*Мочульский, 1934, с. 12*). Преодоление столь одностороннего подхода потребовало внимания к художественной манере произведения, которая хотя и воспринималась как весьма несовершенная и вполне ученическая (невывержанность принятых стихотворных размеров, небрежность рифмы, звуковая какофония, а то и прямая безграмотность), но в то же время в ней угадывались и отмечались зерна последующей творческой эволюции Гоголя.

В.Ф.Переверзев, правда со свойственным этому исследователю сильным социологическим акцентом, отметил специфичность главного героя идиллии — «разочарованного и тоскующего скитальца». И хотя его стремления ни к чему не приводят — Ганц «погружается в ту самую товстогубовщину, от которой хотел убежать», — произведение свидетельствует, «что гоголевскому творчеству не была совершенно чуждой психология тоски, скитальческих стремлений, порывов уйти за пределы окружающей жизни в исторические и географические дали». Тут же дается и классовая расшифровка этой тенденции: «На почве социальной ненужности поместного класса, бессмысленности и никчемности его существования в лучших представителях его рождается тоска, жажда уйти подальше от своей среды...» (*Переверзев, 1914, с. 344, 346, 350*).

Вслед за Переверзевым, но уже без социологической акцентировки, В.В.Гиппиус подчеркнул роль идиллической тенденции в творчестве писателя, заявленной именно первой его книгой: «Художественные образы, конечно, не доказывают каких-нибудь определенных итогов сознания — но случайными тоже быть не могут, и мы вправе сказать, что идеализация мызы близь Висмара <...> — одна из возможностей, которые представились сознанию Гоголя» (Гиппиус, 1924, с. 21–22). В связи с таким пониманием находится определение исследователем «Ганца Кюхельгартена» как «первой идиллии» («вторая идиллия» — «Старосветские помещики», попытка «третьей» — «Выбранные места из переписки с друзьями»). Одновременно — В.В.Виноградовым в книге «Гоголь и натуральная школа» (1925) — был отмечен гоголевский опыт сочетания различных стилевых потоков, пока еще, правда, скорее с отрицательным результатом: «Классицизм, сентиментализм, романтизм уместались в творческом сознании Гоголя как параллельные, хотя и неравноправные стилистические формы. И первая поэма Гоголя выдавала его художественный эклектизм: она спаяна из чужих и разнородных кусков, которые прозрачными швами сшиты в одно пестрое одеяло» (цит. по: Виноградов, 1976, с. 211).

Отмечаются многочисленные переключки между первой книгой Гоголя и другими его произведениями, например «совпадение некоторых образов «Ночных видений» (картина XI) с образами «Страшной мести» (выходящие из гробов мертвецы, колоссальный всадник-мертвец в заключительной картине «Страшной мести») и «Майской ночи»» (Кор., т. I, с. 263–264; см. также.: Синявский, 1975, с. 329–330).

Таким образом, главенствующей тенденцией изучения «Ганца Кюхельгартена» становится не противопоставление его последующему гоголевскому творчеству, но, наоборот, — установление органической связи и преемственности. С наибольшей отчетливостью и полнотой эта тенденция выражена В. Адамсом: «Во многих отношениях “Ганц Кюхельгартен” является пророчеством. Это раннее произведение скрывает в себе многое от будущего Гоголя, несмотря на то что оно появилось на свет раньше времени. Здесь мы находим стремление в другие, далекие “чудесные края” (Германию, Италию, Грецию), тяготение к экзотике и мессианские обольщения, мечты о великих свершениях и личной славе, латентную, глубоко запрятанную, своеобразную эротику, здесь находим мы смешение принципов различных поэтик и жанров, лирические отступления и резкий диссонанс финала (eine Unabgeschlossenheit des Ausklangens), который предвещает трагически оборванный путь самого Гоголя» (Adams, 1931, S. 363–364).

В развитие этой тенденции отмечено, что уже в «Ганце Кюхельгартене» сделана попытка выработать «принцип циклической композиции», ставший характерным для последующих произведений Гоголя (Braun, 1973, S. 35); свойственный идиллии мотив странствия рассмотрен на широком фоне романтической литературы (Кошелев, 1988, с. 14–15); прослежена роль мотива «недостижения цели» и ее последующее развитие в «Невском проспекте»

те», «Шинели» и т. д. (Langer, 1992, S. 260—272); отмечено взаимодействие гоголевского произведения с традицией романтической поэмы (Манн, 1995, с. 142—144); проведена параллель между описанием Афин в «Ганце Кюхельгартене» и римским пейзажем в повести «Рим» (Maguire, 1994, p. 296) и т. д. Наряду с сопоставлением гоголевского произведения с литературой романтических странствий, обращено внимание на «смутные реликты» в нем «теософского сюжета о путешествии как поисках мудрости и своего внутреннего Я...» (Вайскопф, 1993, с. 32). Отмечена также роль «идиллии в картинах» в становлении гоголевского образа Германии (см.: Langer, 1992, S. 264; Keil, 1998, S. 419—420).

* * *

С. 27. *Зато вокруг ней зеленые прилавки...* — Прилавок — здесь: скамейка для сидения.

С. 30. *Ему зазнаться уж с тоской...* — *Зазнаватися* (укр.) — познаться.

С. 34. *Или в долине ходит думный...* — *Думный* — задумчивый.

С. 36. *Колонн дорических он рядом обнесен...* — Интерес Гоголя-гимназиста к античной архитектуре отразился в составленной им «Книге всякой всячины, или Подручной энциклопедии» (начата в 1826 г.). Здесь, в частности, находятся чертежи колонн различных стилей.

С. 36. *...кандис...* (кандус) — вид кафтана у персов и мидян (ср. в «Книге всякой всячины» выписки «из Винкельмана»: «Об одежде персов»).

С. 37. *В стране, где сверкают живые ключи ~ И благоуханьем весь воздух обвит.* — Весь этот фрагмент представляет собою ряд реминисценций из прозаического перевода поэмы Томаса Мура «Свет гарема» (см. выше, с. 577). Ниже приводятся некоторые места из русского перевода, поскольку они поясняют гоголевский текст.

С. 37. *...и розы ночной...* — Роза ночная — тубероза. В поэме «Свет гарема» говорится: «Там красовалась тубероза сребровидная, которая в садах малайских слывет **красавицей ночи**, потому что является в благовониях и убранстве, как юная супруга...» (СО. 1827. № 5. С. 42).

С. 37. *Плоды мангустана золотые горят...* — Ср.: «Мангустан есть самый приятнейший в мире плод, коим гордятся островитяне молукские» (там же, с. 53).

С. 37. *Как Гемасагара, так кудри блестят...* — Ср.: «В саду там расцветали анемоны и **море золота**». И к этому месту — подстрочное примечание: «Гемасагара, или **море золота**. Цветы его самого яркого золотого цвета» (там же, с. 42).

С. 37. *А голос, как звуки сиринды ночной...* — Ср. в подстрочном примечании: «Сиринда, индейская (т. е. индийская) гитара» (там же, с. 55).

С. 37. *Или трепетанье серебряных крыл ~ Исразил...* — Ср.: «Все подняли глаза кверху, думая, что слышат сладкозвучное трепетание крыл Исразила». И к этому месту примечание: «Ангел музыки, по мифологии ма-

гометан» (*там же*, с. 57). Очевидно, подразумевается Исрафил, вестник Страшного суда в мусульманской мифологии.

С. 37. *Иль плески Хиндары таинственных струй...* — Ср.: «Я прилетел от сладкогласного источника Хиндары». И примечание к этому месту: «Баснословный источник, в котором, по словам восточных язычников, музыкальные инструменты беспрестанно играют» (*там же*, с. 46).

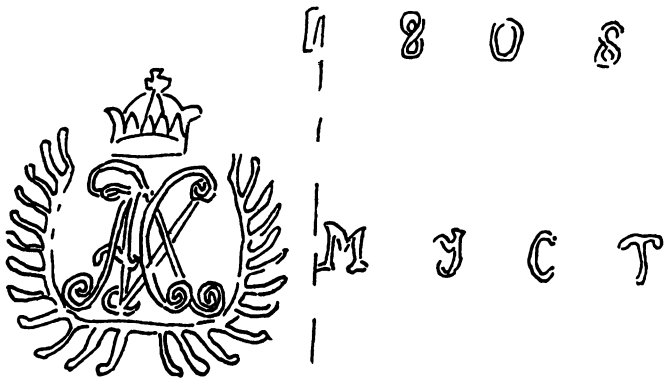
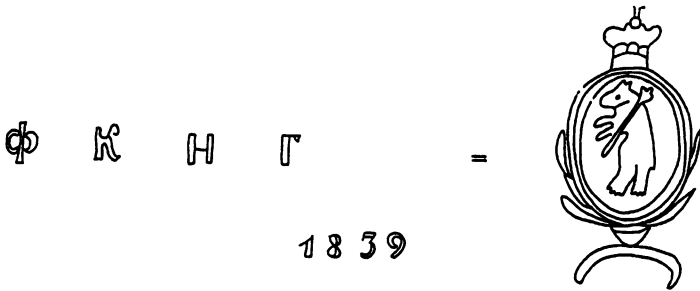
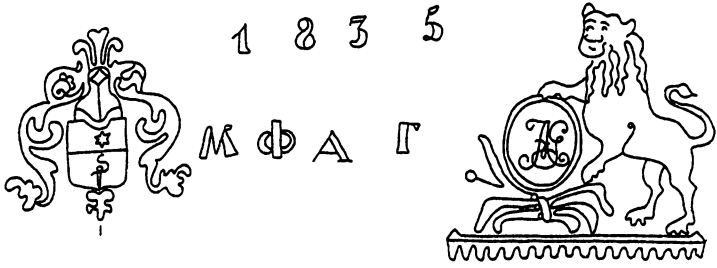
С. 40. *Про Мисолунги ~ про парламент...* — См. выше, с. 581.

С. 50. *Платон и Шиллер своенравный ~ забытый Винкельман...* — «Подбор книг чрезвычайно характерен <...> Платон и Шиллер как певцы того мира идей, тоска по которому не покидала Гоголя во все минуты его жизни; Петрарка как певец неземной любви, влюбленный в воздушный женский образ <...> Аристофан — Гоголь афинской республики; Винкельман — восторженный жрец античной красоты и, наконец, Тик, средневековый паладин, кудесник, живущий в таком ладу со всем миром привидений» (*Котляревский, 1915, с. 16*).

С. 54. *Чернеет дряхлый архитрав...* — *Архитрав* — нижняя балка, лежащая на капителях колонн.

С. 54. *Сии рельефные метопы...* — *Метопы* — прямоугольные, почти квадратные плиты, иногда украшенные скульптурой, составляют элемент фриза (т. е. средней части сооружения — антаблемента, — расположенной между архитравом и карнизом).

С. 65. *Великий Гётте...* — гоголевское обращение к Гете — одно из первых в русской литературе ярких проявлений «гетеанства романтической эпохи» (см.: *Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 168–169*).

Варианты филигранных на бумаге, которой пользовался Гоголь при написании «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (воспроизводится по: *Uchastkina, 1962, p. 601, 57; Клепиков, 1959, с. 169; у Гоголя — с белыми датами: 1829 и 1830; 1830; 1824*)

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧН Пр1 — набросок предисловия к первой книжке «Вечеров». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Л. 17 (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧА Пр2*, *ЧН НнР*, *ЧА См* и *ЧА Шп*. Впервые опубликовано: *Ак.*, т. XIV, с. 295–296. Предположительно датируется: весна 1831 г.¹

ЧА Ся — черновой автограф «Сорочинской ярмарки». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 10. Лл. 1–8. Впервые опубликовано: *Пам. Жук. и Гог.*, 1909, с. 25–54. Предположительно датируется: не ранее 1830 г.

ЧА Мн — черновой автограф «Майской ночи». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 12. Лл. 1–6. Впервые опубликовано: *Пам. Жук. и Гог.*, 1909, с. 60–83. Предположительно датируется: не ранее 1830 г.

ЧА Пз — черновой автограф «Пропавшей грамоты». Хранится: ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Лл. 9–9 об., 11–11 об., 13–13 об., 15–15 об. (собрание П.Я.Дашкова). Впервые опубликовано: *Михайлов К.Н. Вновь найденные рукописи Гоголя // ИВ. 1902. № 2. С. 607–629* (в качестве приложения воспроизведено факсимиле рукописи). Предположительно датируется: не ранее июля 1830 г.

ЧН Хч — <Хромой черт>. Черновой набросок примечания к «Пропавшей грамоте». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 33. Л. 1. Впервые опубликовано: *Тих.*, т. 6, с. 2 (как заметка к малороссийским повестям — см.: *Тих.*, т. 6, с. 544). Предположительно датируется: не ранее 1830 г.

ЧА Пр2 — черновой автограф предисловия ко второй книжке «Вечеров». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Лл. 8–8 об. (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1*, *ЧН НнР*, *ЧА См* и *ЧА Шп*. Впервые опубликовано: *Ак.*, т. XIV, с. 296–299. Предположительно датируется: вторая половина 1831 г.

ЧА НнР — черновой автограф «Ночи перед Рождеством». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Лл. 44–67 об. («тетрадь Тарновских»).

¹ Подробное описание рукописных автографов см. в соответствующих разделах комментария к отдельным повестям.

Впервые опубликовано: *Тих.*, т. 1, с. 542—551 (в извлечениях). Предположительно датируется: не ранее июля 1830 г.

ЧН НпР — черновой набросок примечания к «Ночи перед Рождеством». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1 Ед. хр. 1263а. Л. 18. (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1*, *ЧА Пр2*, *ЧА См*, *ЧА Шп*. Впервые опубликовано: *Ак.*, т. XIV, с. 299. Предположительно датируется: осень-зима 1831 г.

ЧА См — черновой автограф «Страшной мести» (главы I—XII). Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Лл. 9—16 об. (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1*, *ЧА Пр2*, *ЧН НпР* и *ЧА Шп*. Впервые опубликовано: *Ак.*, т. XIV, с. 299—334. Предположительно датируется: не ранее лета 1831 г.

ЧА Шп — черновой автограф «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Лл. 1—7 об. (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1*, *ЧА Пр2*, *ЧН НпР* и *ЧА См*. Впервые опубликовано: *Ак.*, т. XIV, с. 334—362. Предположительно датируется: осень-зима 1831 г.

ОЗ — Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана-Купала. *Малороссийская повесть*, (из народного предания) рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные записки. Санктпетербург. В типографии Департ. Внesh. Торг. 1830. Ч. 41. № 118. Февраль. С. 238—264 (цензурное разрешение — 4 февраля 1830 г., цензор П.Гаевский); № 119. Март. С. 421—442 (цензурное разрешение — 4 марта 1830 г., цензор П.Гаевский).

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. Санктпетербург. В типограф. депар. народ. просвещения. 1831 (цензурное разрешение — 26 мая 1831 г., цензор Н.Бутырский); Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка. Санктпетербург. Печатано в типографии А.Плюшара. 1832 (цензурное разрешение — 31 января 1832 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть первая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов); Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть вторая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безсомыкин).

Печатается по тексту ВД2 с исправлениями по Соч. 1855, а также с исправлением опечаток по ВД1, Соч. 1842 и черновым автографам (см. с. 677, 686—687, 710—711, 732, 751, 764, 766—777, 792, 832, 844 наст. изд.).

* * *

История создания книги, принесшей Гоголю литературную известность и окончательно определившей его жизненную судьбу, тесно связана с первыми петербургскими годами его биографии. Между тем, мы имеем об этом периоде жизни Гоголя в основном косвенные и часто противоречивые данные.

Первая дата творческой истории «Вечеров», которой мы располагаем, определяется письмом Гоголя к матери (от 30 апреля 1829 г.) из Петербурга, где впервые появляется просьба присылать сведения на малороссийскую тему. При этом вопросы Гоголя чрезвычайно конкретны: «В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это все называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян; равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками». Помимо этого Гоголь просит: 1) «название точное и верное платья, носимого до времен гетманских», 2) «обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей», а также «несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках», 3) «Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов...».

Начав с совершенно конкретных вопросов, Гоголь намечает затем целую программу собирания украинского материала в духе романтического этнографизма. По всей видимости, ободренный публикацией «Италии» в «Сыне Отечества и Северном архиве» (цензурное разрешение номера — 22 февраля 1829 г. — см. с. 866 наст. изд.) и окончанием работы над «Ганцем Кюхельгартенем», на которого он возлагал в этот момент свои творческие надежды (прошел цензуру 7 мая 1829 г. — см. с. 571 наст. изд.), Гоголь немедленно обращается к новым замыслам, в которых предполагает использовать украинские сюжеты. Несмотря на то, что значительная часть затронутых в письме к матери тем в дальнейшем отозвалась в повестях «Вечеров», определенных данных для того, чтобы судить о характере и жанровых формах литературных замыслов весны 1829 г., у нас нет. Сам Гоголь прямо упомянул лишь об одном своем литературном плане. В конце упомянутого письма он просит прислать комедии своего отца, В.А.Гоголя-Яновского, — «Овцу-Собаку» и «Роман с Параскою» (речь идет о коме-

дях «Собака-овца» и «Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом» — см. с. 630, 691 наст. изд.), поясняя: «Здесь так занимает всех все малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из их поставить на здешний театр».

Этому декларированному самим Гоголем намерению комментаторы обычно уделяют мало внимания. Между тем, интерес юного Гоголя к театру был очень значителен и даже представлялся им самим отчасти как страсть (см. письмо к матери из Петербурга от 3 января 1829 г.). К раннему периоду пребывания в Петербурге, по всей видимости, относятся списки актеров столичных трупп («Список Российской и Балетной труппы С.Петербургского Театра Артистов») и пьес Скриба («Pièces de M.Scribe»), занесенных им в «Книгу всякой всячины» (ОР РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Лл. 241—241 об., 243 — см. с. 597 наст. изд.), а также попытка в октябре 1829 г. поступить на сцену (Манн, 1994, с. 208—212); тогда же избирает театральную карьеру живший с Гоголем в Петербурге Н.Я.Прокопович (см. Супрунук, 1995, с. 239—252). Идея постановки отцовских пьес, возможно, была подсказана и совершенно конкретными театральными впечатлениями: между 3 января и 30 апреля 1829 г. Гоголь мог видеть целый ряд пьес, так или иначе связанных с украинской темой: это волшебско-комическая опера Н.С.Краснопольского «Леста, или Днепровская русалка» (3-я часть, шла на театре 10 и 13 февраля 1829 г. — см.: ИРДТ, т. III, с. 308; см. с. 737 наст. изд.), опера А.Н.Верстовского «Пан Твардовский», ставшая событием московской литературно-театральной жизни в 1828, а теперь впервые поставленная в Петербурге (шла 28, 31 января и 3 февраля), наконец, опера-водевиль А.А.Шаховского «Козак-стихотворец» (впервые поставлена в 1812 г.; в 1829 г. шла 22 февраля и 1 октября — см.: ИРДТ, т. III, с. 265), о которой Гоголь, конечно, слышал раньше как об одном из ранних опытов воспроизведения украинской речи на театре (ср.: Козак стихотворец. Анекдотическая опера-водевиль в 1 действии. Соч. кн. А.А.Шаховского. СПб, 1815). Идея переработать комедии отца, приспособив их к столичной сцене, выглядит очень естественной, учитывая, что театральный успех вообще соединялся с представлением о блестящем литературном дебюте (так вошел в литературу М.Н.Загоскин, таков же чуть позже будет путь Н.В.Кукольника); кроме того, Гоголь уже имел определенный опыт такого рода: «приезжая домой на вакансии, он имел не один случай если не видеть театр Трошинского, то слышать о нем и позаимствовать кое-что от своего отца» (Кулиш, 1856, т. 1, с. 16); по другим версиям, комедия Гоголя-отца «Собака-овца», привезенная им из дома, была разыграна «нежинцами» на гимназическом театре (см.: Шенрок, т. 1, с. 241, примеч. 2; критич. анализ свидетельств — Манн, 1994, с. 120—121).

Наконец, как многократно отмечалось комментаторами и исследователями, комедии Гоголя-отца не только дали эпиграфы к первой повести «Вечеров», но и сказались в ее сюжетных ситуациях и отдельных сценах (Петров, Пам.Г., 1902, с. 60; Розов, 1911, с. 157—161; Гиппиус, 1948,

с. 31–32 — см. с. 630, 691, 704, 706, 707 наст. изд.), предопределив во многом то бурлескное жанровое пространство, в котором разворачивается сюжет «Сорочинской ярмарки», а повесть «Майская ночь» имела отдельные переключки и с комедией Гоголя-отца «Простак...», и с комической оперой И.П.Котляревского «Наталка-Полтавка» (Ликсанов, 1933, с. 99). Этот вполне ощутимый театральный субстрат двух повестей из первой книжки «Вечеров» (и примыкающей к ним в этом отношении «Ночи перед Рождеством» из второй книжки) дает основание рассматривать намерение Гоголя переделать комедии отца для театра как весьма вероятную стадию его жанровых поисков на пути к малороссийскому циклу.

Слова Гоголя об интересе ко всему малороссийскому в Петербурге вписываются в гораздо более широкий культурный контекст. В первой трети XIX в. прослеживается несколько волн интереса к Украине. В начале века «полуденная Россия» становится топосом сентименталистской литературы путешествий (В.Измайлов, П.Шаликов), преломляющей идеи и представления, восходящие к XVIII в. (поэтичность «Юга» и «естественность» его жителей как компоненты образа «Аркадии») (см.: Комаров, 1939, с. 134–135; Николаев/дс, 1989, с. 11). Следующим значительным эпизодом было обращение к малороссийской исторической героинке: в 1817 г. появилось историческое повествование Ф.Н.Глинки «Зинобей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия»; тема была подхвачена литераторами, близкими к Вольному обществу любителей российской словесности (дума «Богдан Хмельницкий» К.Ф.Рылеева — *Соревнователь*. 1822. № 6. С. 342–345); в начале 1820-х гг. Рылеев разрабатывает ее в эпическом жанре, требующем большего историко-этнографического фона, в поэме «Войнаровский» (отрывки печатались в 1824 г.; целиком, отдельным изданием, поэма вышла в 1825 г. с приложенными жизнеописаниями Мазепы и Войнаровского, авторами которых были А.О.Корнилович и А.А.Бестужев, и примечаниями Рылеева, где, в частности, давались пояснения некоторых реалий и понятий: «ватага», «гайдамак», «толокно», «хутор», «курень») и отрывках из поэмы «Наливайко» («Киев», «Смерть Чигиринского старосты», «Исповедь Наливайки» — *ПЗв. на 1825 г. СПб., 1824*).

Наконец, в критике начала 1820-х гг. украинский материал начинает осмысляться в контексте требований романтической эстетики, отвечая ее требованию «couleur locale». Так, П.А.Вяземский, рассуждая в рецензии на книгу В.Т.Нарежного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» о возможности русского романа, считает неперенным условием этого жанра наличие «оконечностей живописных», которые дает Нарежному именно малороссийский материал (*А.М. Письмо в Париж // МТ. 1825. № 22. С. 182–183*). Сходным образом О.М.Сомов предлагает украинский материал как удовлетворяющий требованию «разнообразия» и «резких отличий» в известном трактате «О романтической поэзии» (*Соревнователь*. 1823. № 11. С. 125–147). Развитием и приложением этих идей становится

«вальтерскоттовский» поворот малороссийской темы (Украина оказывается функционально тождественна Шотландии), выразившийся, в частности, в переходе от героики (история Богдана Хмельницкого, его борьбы с поляками и проч.) к драматизации исторического повествования (ср. канонизацию Мазепы как романтического героя в повести Е.В.Аладьина «Кочубей» — *Нев. альм. на 1828. СПб., 1827. С. 228–305*; в поэме А.С.Пушкина «Полтава», 1829, а также использование авантюрно-исторического сюжета о гайдамаке, малороссийском Робин Гуде, в главах из одноименной исторической повести О.М.Сомова — см. ниже — и в «Отрывках из поэмы» А.И.Подолинского «Гайдамаки» — *Альбом северных муз. СПб., 1828. С. 169–171*). Именно у Сомова этнографический малороссийский колорит становится осознанным принципом поэтики, а примечания, поясняющие украинские слова и реалии, выступают почти непременным атрибутом текста. При этом складывается определенный круг этих понятий и слов, кочующих из одного текста в другой и ставших своеобразными знаками достоверности местного колорита.

Другое значительное направление — интерес к украинским песням, восходящий к гердеровским идеям регенерации духа древней национальной поэзии (см. с. 626 наст. изд.). В 1819 г. появляется «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Н.А.Цертелева (*СПб., 1819*). Во второй половине 1820-х гг. статьи на эту тему и публикации украинских песен прочно входят в репертуар литературных журналов и альманахов (ср.: *Кулжинский И. Некоторые замечания касательно истории и характера малороссийской поэзии // Украинский журнал. 1825. № 1–3. С. 43–54, 89–101, 178–187; Цертелев Н.А. О народных малороссийских стихотворениях. Письмо к издателю Благонамеренного // Благонамеренный. 1825. № 14. С. 216–227; Малороссийские песни. 1. «За Немень иду...» 2. «Туман поле, туман поле покрывае...» // Северная лира на 1827 г. М., 1827 — см.: Северная лира на 1827 год. М., 1984. С. 86–87, 155–157; О простонародных песнях // ВЕ. 1827. № 11. С. 191–201; Князь Цертелев. О народных стихотворениях (Письмо к г-ну Максимовичу) // ВЕ. 1827. № 12. С. 270–278; Малороссийские песни <статья> // Московский альманах на 1828 г. М., 1827. С. 197–202; Малороссийская песня. «Ой там на потоци / Пили мед Запорожци...» // ВЕ. 1828. № 10. С. 113–114 (подпись: Нежин) и т. д.). Украинская тема проникает в высокую элегию, в рамках которой появляются литературные имитации и жанр «малороссийских мелодий» по модели «ирландских мелодий» Т.Мура и «еврейских мелодий» Байрона (<Туманский В.>. *Малороссийские песни // МВ. 1827. № 12. С. 316–317*); в «Северных цветах на 1830 г.» (*СПб., 1829*) наряду с «Малороссийской песней» И.П.Котляревского («Ой мати, мати, сердце не вважае...») помещена «Малороссийская мелодия» А.А.Дельвига — интересный опыт инкорпорирования украинской поэзии в элитарную элегическую традицию. Наиболее последовательно жанр «украинской (малороссийской) мелодии» разрабатывался Н.Маркевичем,*

причем, наряду с лирическими, он активно использовал и балладные, демонологические малороссийские сюжеты — «Ведьма», «Русалки», «Иван Купала», и исторические — «Гетьманство», «Медный бык» (отд. изд. — *Маркевич Н. Украинские мелодии. СПб., 1831*; первоначально печатались: *МТ. 1829. № № 11–12, 23; 1830. № № 1–2, 8, 17; 1831. № 3*). Однако особенно интересным и литературно значимым стало предпринятое М. Максимовичем издание украинского песенного фольклора (*Малороссийские песни, собранные М. Максимовичем. М., 1827*), сопровождавшееся рассуждениями и примечаниями издателя. Книга отразила принципиально новый уровень понимания этнографического литературного материала: малороссийская народная поэзия предстала здесь не как источник переложений, но как самостоятельная эстетическая ценность. Песни были напечатаны Максимовичем в русской транслитерации (см. с. 625–626 наст. изд.) и, доступные русскому читателю, таким образом вводились в русскую литературу, канонизировав украинскую речь как своеобразный поэтический диалект русского языка.

Все это и предопределило особое значение малороссийского материала в литературной ситуации рубежа 1820–1830-х гг., превращение его в своеобразную визитную карточку русского романтического этнографизма.

Наряду с общим интересом к Украине, во многом определявшим петербургскую литературную и культурную жизнь, в которую постепенно погружался Гоголь, можно указать литературные явления, которые, весьма вероятно, явились ближайшим (во всяком случае по времени) подтверждением гоголевских слов об интересе ко всему малороссийскому (апрельское письмо матери — см. выше) и дополнительным толчком к его литературным замыслам весны—начала лета 1829 г. Это прежде всего вышедший в марте 1829 г. альманах «Подснежник», где под именем Порфирия Байского опубликовал свою повесть «Русалка. Малороссийское предание» О.М.Сомов, — заметное событие, фактически узаконившее новый прозаический жанр (ср. отзыв: «Не знаем, к какому роду литературы московские классики причислят народные сказки, <...> но мы желали бы, чтоб этот род литературы был у нас более возделан, и советуем г. Сомову приняться за это» — *СПч. 1829. № 44. 11 апреля*). Там же появилась и его другая повесть «Оборотень». Именно впечатления от этих народных сказок отразились, по-видимому, в третьей группе вопросов Гоголя в письме к матери («о колядках», «о Иване Купале», «о русалках», «духах или домовых»). Во всяком случае, украинская проза Сомова несомненно явилась ближайшим литературным контекстом замысла «Вечеров».

Почти несомненно к этому моменту Гоголь был знаком и с сомовской «малороссийской былью» «Гайдамак» (*Нев. альм. на 1827 год. СПб., 1826. С. 242–286*; первоначально — в конфискованном альманахе «Звездочка на 1826 год»), а также с одноименным «Отрывком из малороссийской повести» (*СЦв. на 1828 год. СПб., 1827. С. 227–300*), которые

сразу были расценены критикой как попытка создания в русской литературе исторического повествования в духе Вальтера Скотта. Произведения эти изобиловали историко-этнографическими понятиями, поясняемыми в примечаниях («чумаки», «батог», «оселедец», «вечерницы», «плахта», «дрибушки», «горлица», «варенуха», «знахарь» и т. д.), и были снабжены эпиграфами из «Энеиды на малоросском языке, переложенной И. Котляревским» и из украинских песен. Именно в этот «сомовско»-«вальтерскоттовский» контекст вписываются просьбы Гоголя прислать ему точное название «платья, носимого до времен гетманских» (острый интерес к историческому костюму отразился также в выписках и зарисовках Гоголя в «Книге всякой всячины» — раздел «Одеяния малороссиян») и обстоятельное описание свадьбы (последнее присутствует также и в сомовском отрывке из «Гайдамака», помещенном в *СДв. на 1828 год*; там же комментируется малороссийская ярмарка и вечерницы).

В следующем письме Гоголя к матери от 22 мая 1829 г. вновь возникают намеки на литературные занятия и просьбы об украинском материале («Я думаю, вы не забудете моей просьбы извещать меня постоянно об обычаях малороссиян. Я все с нетерпением ожидаю вашего письма. Время свое я так расположил, что и самое отдохновение, если не теперь, то в скорости принесет мне существенную пользу»), и снова совершенно конкретные просьбы («узнать <...> о некоторых играх, из карточных: у *Панхвиля* как играть и в чем состоит он, равным образом, что за игра *пашок, семь листов*; из хороводных в *хрещика, в журавля*») соседствуют с общими вопросами: Гоголя интересуют «поверья <...>, разные повести, рассказываемые простолюдными, в которых участвуют духи и нечистые». Практически все перечисленные игры, как отметил В.В. Гиппиус, упоминаются в «Энеиде» Котляревского, которая, по его мнению, была «одним из возбудителей при собирании материалов» на малороссийскую тему. Отметив значительное число переключек с «Энеидой» в «Вечерах», Гиппиус также указал на сюжетность выписанных Гоголем в его «Книге всякой всячины» отрывков из «Энеиды» (числом 22) под общим заглавием «Эпиграфы», предположив за ними задуманный Гоголем сюжет повести бытовой и комической, литературным фоном для которой была бы бурлескная поэма Котляревского (*Гиппиус, 1948, с. 26–29*). Поддержавший и развивший эту мысль И.Я. Айзеншток подчеркнул, что такого рода бурлескно-сатирическое повествование на бытовом материале намечено в главах повести «Страшной кабан», опубликованных Гоголем позднее в «Литературной газете», и отнес замысел к 1830 г. (*Айзеншток, 1962, с. 261–262*). Однако можно уверенно говорить, что «Эпиграфы» внесены в «Книгу всякой всячины» не позднее начала лета 1829 г. (см. ниже).

Следующее письмо к матери (от 24 июля 1829 г.), связанное, по мнению большинства биографов, с неудачей «Ганца Кюхельгартена», обозначает новый поворот в творческих планах. Сообщая о своем отъезде за границу и путано объясняя его причины, Гоголь благодарит за присланные «изве-

стия о малороссиянах» и просит, во-первых, продолжать сообщать их («В тиши уединения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пишу в свет...»), а, во-вторых, «ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования», поясняя: «Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке...» Речь, таким образом, идет о замысле не беллетристического, а, скорее, научно-этнографического сочинения. Косвенным подтверждением того, что, собирая украинский материал, Гоголь имел в виду различные формы его использования, является и то, что позже, в «Объявлении об издании истории Малороссийских казаков» (1834 г.), Гоголь прямо говорит: «Около пяти лет собирал я с большим старанием материал, относящийся к истории этого края» (СПч. 1834. № 24. 30 января; см. также: МТ. 1834. № 3. С. 523–542; Молва. 1834. № 8. С. 118).

«Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия» — записная тетрадь, начатая еще в Нежине и использовавшаяся Гоголем для систематической записи сведений на малороссийскую тему, будет подробно откомментирована в соответствующем томе настоящего издания, однако очевидная связь этих материалов с «Вечерами» заставляет кратко коснуться их здесь. Несколько раз опубликованная с разной степенью приближенности, «Книга» не была достаточно проанализирована с точки зрения источников и слоев ее заполнения, между тем эти данные чрезвычайно важны для генезиса и истории создания «Вечеров». Гоголь с самого начала задумал ее как «подручную энциклопедию», проставив карандашом с равными промежутками, на верхнем поле соответствующих страниц, буквы алфавита, однако затем для удобства вырезал алфавит по краю листов; в результате ряд внесенных ранее записей оказался слегка испорчен. Среди них, в частности, «Список Российской и Балетной труппы С.Петербургского Театра Артистов», из альманаха «Русская талия» за 1825 г. (ОР РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Лл. 241–241 об., 243), но который едва ли был внесен в книгу до приезда Гоголя в Петербург (обоснование см.: Ак., т. IX, с. 654–655), а также список «Епиграфы» из «Энеиды» Котляревского (ОР РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Лл. 65 об.–66). Все остальные записи, в том числе касающиеся украинской тематики, скорее всего внесены после этого переоформления энциклопедии. По-видимому, еще до того, как был вырезан алфавит, «Книга» была заново переплетена; при этом в нее вставлялись листы серо-желтой плотной бумаги, заметно отличающиеся от остальных листов записной тетради. Одна из выписок, в самом конце книги, будучи начата на старом листе, залезает на новый (ОР РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Лл. 232–233); это — «Сравнение Садового года Франции и России», взятое Гоголем из «Записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов», приложения к журналу «Атеней» (см.: Атеней, журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов. 1830. № 1. Записки для сельских хозяев.... С. 1–13; ср.

с. 608 наст. изд.). Соответственно, новые листы были вшиты до 1830 г.; кроме того, на них почти исключительно располагаются рисунки тушью различных архитектурных украшений (капители, парковые скамейки, решетки, готические постройки), относящиеся, по всей видимости, ко времени систематических занятий Гоголя живописью весной-летом 1830 г. Таким образом, можно сделать очень существенное предположение, что украинский материал был внесен в «Книгу всякой всячины» преимущественно в период с начала 1829 г. по лето 1830 г. (вставка серо-желтых листов).

Как видно из выписок, Гоголь пользовался примечаниями к «Энеиде» И.П.Котляревского, примечаниями и пояснениями Н.А.Цертелева и М.А.Максимовича к их собраниям малороссийских песен, а также книгой своего преподавателя латыни в нежинской Гимназии высших наук И.Г.Кулжинского «Малороссийская деревня» (М., 1827). Риторика в духе сентиментальных путешествий совмещалась у Кулжинского с достаточно разнообразным этнографическим материалом (специальные главы посвящены «Обжинкам», «Вечерницам», «Малороссийской свадьбе», кроме того приведена подборка украинских песен и пояснительный словарь украинских слов); фактически, к книге Кулжинского восходит целый ряд этнографических деталей у Гоголя, отразившихся в «Вечерах» (см. с. 627 наст. изд.). В выписках упоминалась также «Грамматика малороссийского наречия» Ал.П.Павловского (СПб., 1818), содержащая словарь, раздел «Имена, даемые при крещении» и «Виршу, говоренную гетьману Потемкину запорожцами», которые Гоголь также вписал в «Книгу всякой всячины» (впрочем, относительно «Вирши» существует мнение, что Гоголь приводил ее по имевшемуся в его распоряжении рукописному списку — см.: Ак., т. IX, с. 656; см. также с. 707, 736, 787). В целом, малороссийский слой «Книги всякой всячины» представлял собой большей частью компиляцию печатных этнографических материалов. Исключение составляли несколько выписок из писем родных (в четырех случаях это отмечено, однако, вполне возможно, и некоторые другие записи восходят к этим письмам). Выписка под рубрикой «Одеяния малор<оссиян>» помечена «Из письма ко мне от 4 июня 1829 г.», к ней примыкает выписка из письма двоюродного дяди Гоголя — иерея Саввы Яновского, видимо, присланного в том же конверте, с описанием наряда дьячка; другая выписка с описанием игры в ворона помечена «из письма 2 июня»; наконец, над третьей выпиской с описанием украинской свадьбы сделана помета «из письма 4 мая», причем слово «мая» переправлено из «июня», хотя июнь более вероятен (Гоголь только 30 апреля обратился с просьбой о собирании для него сведений). Обращает внимание, что все три выписки связаны с вопросами Гоголя из первого письма от 30 апреля 1829 г. Известен еще один отрывок из письма М.И.Гоголь, вклеенный в «тетрадь Тарновских» (см. ниже).

Таким образом, не только прямые вопросы Гоголя в письмах к матери, но и факты актуального литературного контекста и состав «Книги всякой всячины» свидетельствуют, что с весны-лета 1829 г. Гоголь начинает актив-

но заниматься украинским материалом с мыслью использовать его в литературных целях, причем применение этого материала могло быть различно и ориентировано на те жанровые образцы, которые характерны для малороссийской тематики в русской литературе конца 1820-х гг.: от драматических замыслов и «малороссийского бурлеска» (отразившихся, видимо, в двух повестях «Вечеров» и в «Страшном кабане») до исторического повествования (первоначальные наброски «Гетьмана»), сказочной этнографической повести (в духе «Русалки» Сомова) и, наконец, собственно этнографического сочинения, знакомящего Европу с Малороссией (тем более, что мысль об ученой карьере, как известно, будоражила воображение Гоголя еще в течение многих лет). Причем, ни форма применения украинского материала, ни тот литературный ход, который реализовался в «Вечерах» и ввел Гоголя в русскую литературу, в этот период (весна-лето 1829) еще не определились.

Время по возвращении из-за границы (около 22 сентября 1829 г.) для Гоголя — эпоха безденежья и поисков места; после неудачной попытки поступления на службу он определяется в конце октября — ноябре на службу в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий (*Мат. и иссл., 1936, с. 288–294*) и в то же время возобновляет просьбы «доставлять <...> сведения о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи» (*письмо к матери от 12 ноября 1829 г.*). По всей видимости, к этому же периоду относятся попытки сотрудничества в журналах. В письме от 2 февраля 1830 г. свою традиционную просьбу записывать для него «нравы, обычаи, поверья», а также старинные «анекдоты и истории <...> смешные, забавные, печальные, ужасные» (можно согласиться с мнением комментаторов: «Именно к сообщениям сюжетного характера возрастает его интерес» — *Ак., т. I, с. 501*) Гоголь предваряет следующим пояснением: «Жалованья получаю сущую безделицу. Весь мой доход состоит в том, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статью для г. журналистов, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маминька, если я вас часто беспокою просьбою доставлять мне сведения о Малороссии, или что-либо подобное. Это составляет мой хлеб».

По-видимому, именно в это время состоялось знакомство Гоголя с Ф.В.Булгариным, о котором тот нередко вспоминал впоследствии. Булгарин, в частности, утверждал, что Гоголь пришел к нему в конце 1829 г. или 1830 г. (конец 1830 г. отпадает) со стихами, в которых Булгарин сравнивался с Вальтером Скоттом и Дж.Аддисоном, что представляется вполне вероятным в контексте гоголевского интереса к авантюрно-сатирическому повествованию (см.: *СПч. 1854. № 175; КС. 1893. № V. С. 321–322*), и с рукописью своего произведения («Гоголь явился к первому ко мне с рукописью “Вечера на Диканьке”» — см.: *Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СПч. 1855. № 244*). Правдивость этих воспоминаний, скандальным сюжетом которых было сообщение о службе Гоголя в канцелярии III Отделения, подвергалась сомнению и до сих пор остается предметом спора (обзор источников и лите-

ратуры вопроса см.: *Мат. и иссл., 1936, т. 1, с. 291–294; Рейтблат А.И. Служил ли Гоголь в III отделении // Филологические науки. 1992. № 5–6. С. 23–30; Манн, 1994, с. 205–208; Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В.Булгарина в III отделении. / Авт. вст. ст. и сост. А.И. Рейтблат. СПб., 1998*), однако сам факт общения Гоголя с Булгариным никогда не ставился под сомнение (ср. воспоминание Е.Колбасина, в котором, несмотря на смещенную хронологию событий, также подчеркивается логичность обращения к Булгарину начинающего писателя: «Жуковский и Пушкин упрасивали его, Воейкова, взять под свое покровительство вышедшие “Вечера” Гоголя, а между тем сам Воейков более всех нуждался в покровительстве <...>. Гоголь с своею всегдашнею пронизательностью скорее всех понял это, — потому, может быть, и отправился, как новичок, к г. Булгарину. И Гоголь, если только посмотреть на это со стороны одной, практической, — был совершенно прав» — *Колбасин Е. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 269*). И, по справедливому мнению исследователей, говоря о рукописи «Вечера на Диканьке», Булгарин вероятнее всего имел в виду раннюю (журнальную) редакцию «Вечера накануне Ивана Купала» (см.: *Рейтблат А.И. Гоголь и Булгарин: К истории литературных взаимоотношений // Мат. и иссл., 1995, с. 83*).

Вообще, фигура Булгарина в конце 1829 г. отнюдь еще не стала столь одиозной, и обращение начинающего литератора за протекцией именно к нему выглядит совершенно закономерным. Вокруг «Северной пчелы» и «Сына Отечества» группируются в это время значительные литературные силы. Следует отметить, что в начале октября 1829 г. в «Сыне Отечества» дебютировал стихотворением на малороссийскую тему и «нежинец» В.И.Любич-Романович («Сказание о Хмельницком» — *СО. 1829. № 41. С. 49–52*). Представляется возможным, что и Гоголь осенью-зимой 1829 г. предпринял попытку войти в круг «Сына Отечества» и предложил Булгарину какие-то свои материалы (и среди них раннюю редакцию «Вечера накануне Ивана Купала»), которые Булгарин отверг. С некоторой долей осторожности можно предположить, что именно Булгарин направил Гоголя к издателю «Отечественных записок» П.П.Свиньину, известному своим интересом к фольклорным и этнографическим материалам (см.: *Манн, 1994, с. 214*).

Во всяком случае, первая часть повести «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана-Купала», появившаяся в февральском номере «Отечественных записок» (Ч. 41. № 118. Февраль. С. 238–264), была одобрена цензором П.И.Гаевским 4 февраля 1830 г., вторая часть повести для следующего номера журнала (Ч. 41. № 119. Март. С. 421–442) одобрена 4 марта.

Об Иване Купале, как уже было сказано, бегло упомянуто в перечне интересующих Гоголя предметов в письме к матери от 30 апреля 1829 г., однако это упоминание едва ли может рассматриваться как свидетельство определенного замысла. Иван Купала относился к тому набору «славянских поэтических предметов», которые хорошо известны были в литературе начала XIX в. (см. с. 714, 722 *наст. изд.*). Совпадение ряда мотивов гоголевско-

го «Бисаврюка...» с сомовской «Русалкой» (см. с. 713 наст. изд.) также не может считаться очевидным свидетельством влияния на Гоголя Сомова: повесть «Русалка» появилась в альманахе «Подснежник на 1829 год» (цензурное разрешение — 9 февраля 1829 г.), когда первая редакция «Вечера накануне Ивана Купала» была, очевидно, закончена.

Единственным достоверным свидетельством, позволяющим определить нижнюю хронологическую границу работы Гоголя над журнальной редакцией «Вечера накануне Ивана Купала», является описание в повести «кораблика», почти дословно взятое из письма М.И.Гоголь от 4 июня 1829 г. (см. также соответствующую запись в «Книге всякой всячины» — раздел «Одеяния малор<оссиян>»; там же — и другие подробности костюмов, использованные в «Бисаврюке»). Таким образом, повесть в том виде, в каком она впервые появилась в печати, была написана не ранее второй половины июня 1829 г. и не позднее начала января 1830 г.; при этом уже в начале июля Гоголь собирался за границу, а возвратился лишь в конце сентября, поэтому, вероятнее всего, работу над повестью следует датировать октябрем 1829 — январем 1830 гг., оговорив при этом, что ее основная топка начала проясняться для Гоголя в апреле-июне 1829 г. (вопросы в письме к матери). О проблеме возможной правки, которая была внесена в текст повести П.П.Свиньиным, см. с. 711–712 наст. изд.

Всю вторую половину 1829 г. можно считать, таким образом, первым этапом творческой истории «Вечеров»: литературные замыслы Гоголя в это время связаны с украинской тематикой, к концу года у него есть уже одна оконченная повесть («Бисаврюк...») и, по всей видимости, еще какие-то наброски и замыслы.

1830 г. знаменует, по сути, новый этап биографии Гоголя: с сотрудничества в «Отечественных записках» начинается вхождение Гоголя в петербургские журнальные и литературные круги. Вместе с тем, сведений о работе Гоголя над повестями на протяжении 1830 г. чрезвычайно мало. Начало года проходит под знаком сотрудничества в «Отечественных записках»: о своих гонарах он сообщал матери (письма от 2 февраля и 2 апреля 1830 г.), кроме того, посылал номера журнала, которые получал «даром, по причине небольшого <...> участия в издании его», а в письме от 3 июня упомянул, что и устройство в Департамент уделов было также следствием этого сотрудничества. В письмах этого времени появляется новый мотив — просьба собирать и присылать древности, которыми Гоголь собирается «прислужиться <...> одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей...» (письмо от 2 февраля 1830 г.). Кроме того, как явствует из апрельского письма к матери, Гоголь начал собирать украинские песни: «Приношу благодарность тетиньке Катерине Ивановне, которая решилась пожертвовать временем — собрать для меня несколько любопытных песен; но драгоценнейшие из них есть, однако ж, списанные вами две запорожские» (письмо от 2 апреля 1830 г.).

Однако уже месяц спустя Гоголь сообщает матери: «Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил <...> Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд. Надеюсь, что вы попрежнему, почтеннейшая маминька, не оставите иногда в часы досуга присылать все любопытные для меня известия, которые только удастся собрать» (*письмо от 3 июня 1830 г.*). В конце письма Гоголь, вновь подчеркивая, что не участвует более в журнале Свинына, повторяет: «Занятий моих литературных хотя я и не прекратил, однако ж как они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, как по истечении довольно продолжительного времени». Интересна категоричность, с какой Гоголь, видимо, вследствие разрыва со Свиныным (*см. также с. 711–712 наст. изд.*), отказывается от сотрудничества в журналах вообще. Слова о собирании материалов для обширного труда не очень подходят к сборнику повестей, более правдоподобно предположение С.Н.Дурылина, что речь идет о работе над «Гетьманом» (*см.: Ак., т. X, с. 427*), однако существенно, что Гоголь вновь возвращается к характерной для него и впоследствии стратегии: ориентации не на отдельные журнальные публикации, но именно на книгу.

Каких-либо свидетельств о работе Гоголя над «Вечерами» в период с лета 1830 г. по весну 1831 г. у нас нет. Весной и в начале лета он занимается в Академии художеств. В сентябре тон писем Гоголя меняется. По сообщению П.А.Кулиша, Гоголь «достал от кого-то рекомендательное письмо к В.А.Жуковскому, который сдал молодого человека на руки П.А.Плетневу с просьбой позаботиться о нем» (*Кулиш, 1854, с. 42 — см. с. 678 наст. изд.*). Неясно, у кого мог Гоголь взять такое письмо; существует мнение, что ввести Гоголя в круг «Литературной газеты» мог О.Сомов (*см.: Данилов В.В. О.М.Сомов, сотрудник Дельвига и Пушкина (эпизод из истории русской журналистики) // Рус. фил. вестн. Варшава. 1908. № 4. С. 318 и далее; см. также: Степанов А.Н. Публицистические выступления Гоголя в «Литературной Газете» А.А.Дельвига // Ученые записки Ленинградского университета. 1957. № 218. Сер. филол. наук. Вып. 33. С. 6*), который, в частности, в своем «Обзрении российской словесности за вторую половину 1829 и первую половину 1830 года» (*СЦв. на 1831. СПб., 1830. С. 17*) сочувственно упомянул о «Бисаврюке» (*см. с. 718 наст. изд.*). В пользу сообщения Кулиша говорит и тот очевидный факт, что Плетнев становится на определенное время главным покровителем Гоголя. Сближение Гоголя с писателями пушкинско-плетневского круга следует датировать временем не позднее конца октября 1830: цензурная рукопись «Северных цветов на 1831 г.» с гоголевской «Главой из исторического романа» за подписью «ОООО» датирована 15 ноября, а собирался альманах в основном в сентябре-октябре (*ср. объявление в «Литературной газете» от 3 сентября, № 50, с. 114; см. также: Вацуро В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига-Пушкина. М., 1978. С. 222–223*). Как посетителя кружка А.А.Дельвига упоминает Гоголя и В.П.Гаевский (*Гаевский В. Дельвиг. Статья четвертая // Совр. 1854. Т. XLVII. № 9. С. 8. 4-я pag.*).

Вместе с тем, чрезвычайно любопытно, что, начав активно сотрудничать в изданиях этого круга писателей в октябре 1830 — марте 1831 гг., Гоголь не поместил в них ни одной повести, ограничиваясь лишь статьями и отрывками (в первом номере «Литературной газеты» за 1831 г. появилось сразу два гоголевских материала — «Учитель. Глава из малороссийской повести: Страшный кабан» и статья «Несколько мыслей о преподавании детям географии» — см. коммент. к т. III наст. изд.). Объяснить это можно лишь тем, что у него либо не было более или менее готовых повестей, либо уже сложился замысел будущей книги. Возможно, что настойчивая просьба о крупной сумме денег в письме к матери от 10 февраля 1831 г. (см. ниже) связана именно с замыслом издания книги «Вечеров».

Идею издания «Малороссийских повестей» под псевдонимом Порфирия Байского вынашивает в 1829—1830 гг. О.М.Сомов. В конце декабря 1830 г. П.А.Плетневу стало известно о намерении А.С.Пушкина издать свои только что написанные повести. Причем то, как идея издания «Вечеров» была, по сообщению П.А.Кулиша, сформулирована Плетневым, выглядит парафразом пушкинского плана: «Написал я прозою 5 повестей, <...> которые напечатаем также Анопите. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает» (письмо к Плетневу от 9 дек. 1830 г. — Пушкин, т. 14, с. 133). Ср.: «Плетнев хотел оградить юношу от влияния литературных партий и в то же время спасти повести от предубеждения людей, которые знали Гоголя лично или по первым его опытам и не получили о нем высокого понятия. Поэтому он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее incognito и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство» (Кулиш, 1852, с. 200—201).

Это многократно цитировавшееся свидетельство, несомненно, непосредственно воспроизводит позицию Плетнева. Во-первых, им объясняется некоторая надстроенность фигуры пасечника: Плетнев предложил Гоголю фигуру вымышленного издателя, как это было задумано Пушкиным, однако в силу специфики гоголевского сказового повествования «пасечник» начал деформироваться в «рассказчика». Слова о людях, которые «знали Гоголя <...> и не получили о нем высокого понятия», не поддаются однозначному комментарию: можно было бы предположить, что здесь подразумевался тот же Булгарин, однако формулировка кажется все же слишком неопределенной. Скорее всего, здесь сказались, с одной стороны, особенности писательской стратегии Гоголя, а с другой — традиция литературных «инкогнито», столь характерная для сказовой прозы этой эпохи. Не совсем понятны и слова «придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство». Можно ли понимать это так, что сама Диканька как общий знак этого украинского литературного локуса придумана Плетневым, подразумевавшим ее известность публике прежде всего по историческому, пушкинскому сюжету, связанному с Василием Леонтьевичем Кочубеем (1640—1708), а кроме того, для более узкого круга, как любимого имения его потомка Виктора Павловича Кочубея (1768—1834) (см. с. 678—679 наст. изд.).

Во всяком случае, именно к этому периоду (1830—1831 гг.) относятся дошедшие до нас черновые автографы «Вечеров», которые позволяют восстановить в известной мере творческую историю книги.

В отношении хронологии и времени создания отдельных повестей практически все исследователи, начиная с В.И.Шенрока (*Шенрок, т. 1, с. 256—266*), придерживались сходной в общих чертах картины. Во-первых, все повести относятся к первым годам петербургской жизни Гоголя, т.е. предельные рамки работы: период с конца зимы — весны 1829 г. до конца 1831 г. Во-вторых, столь же единодушно к наиболее ранним относят «Сорочинскую ярмарку», «Вечер накануне Ивана Купала» (журнальную редакцию) и «Майскую ночь». В качестве аргументов указывается на их положение в начале первой книжки и дату «1829», выставленную Гоголем под «Сорочинской ярмаркой» в *ВД2*, а также завулированное отстранение Гоголя от их стилистики в предисловии ко второй книжке. Кроме того, именно в этих повестях наиболее отчетливо прослеживаются литературные источники Гоголя (см. с. 691—692, 737 *наст. изд.*) и связь с вопросами в письмах к матери 1829 г.

К поздним повестям соответственно относят «Страшную месть» и «Ивана Федоровича Шпоньку и его тетушку». Различия во мнениях, в сущности, сводятся к тому, что одни сдвигают эту относительную хронологию ближе к 1829 г. и считают вопросы в письмах к матери достаточным свидетельством начала работы Гоголя над тем произведением, в котором эти сведения отразились (*Кор., т. 1, с. 365—373; ХЭ, т. 1, с. 415*), другие же — более осторожны и относят основную работу Гоголя над циклом к концу 1829—1831 гг. (*Тих., т. 1, с. 513, 516—517, 536, 542; Ак., т. 1, с. 500—502*), а ее завершение даже к 1832 г. (*Шенрок, т. 1, с. 256*). При этом мнение, что первые три повести следует датировать 1829 г., опровергается данными чернового автографа «Сорочинской ярмарки» (*ЧА Ся*): один из листов его имеет белую дату «1830» (см. с. 685 *наст. изд.*).

Сохранился относительно полный состав черновых рукописей «Вечеров» (не обнаружены лишь рукописи «Вечера накануне Ивана Купала» и «Заколдованного места»). Большинство из них представляют собой полные черновые редакции, достаточно близкие к окончательным, но не являются беловыми автографами. Всем им, очевидно, еще предшествовали какие-то рукописи или наброски. Так, «Сорочинская ярмарка», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством» переписаны большей частью крупным, вполне ясным почерком, и основная часть исправлений сделана была позднее, а не по ходу письма.

Гоголевские рукописи, относящиеся к «Вечерам», сохранились разрозненно и в составе разных собраний. Рукописи «Майской ночи», «Сорочинской ярмарки» и отдельный листок с заметкой о хромом черте были приобретены Румянцевским музеем у наследников Гоголя в 1896 г. (см.: *Описание РГБ 1*) и хранятся в ОР РГБ (см. с. 685, 731, 750 *наст. изд.*). Там же хра-

нится и «Записная книга» Гоголя (так называемая «тетрадь Тарновских»), в которой находится черновая редакция «Ночи перед Рождеством». Рукопись «Пропавшей грамоты» была среди бумаг, изорванных Гоголем и спасенных М.П.Погодиным, и в составе собрания П.Я.Дашкова хранится в РО ИРЛИ (Пушкинский дом) — см. с. 750 наст. изд. Наконец, в 1951 г. А.В.Позднеевым были обнаружены в ОПИ ГИМ (см. с. 677, 763, 765, 791, 831 наст. изд.), в собрании одного из основателей Российского исторического музея в Москве И.Е.Забелина (1820—1908), черновые рукописи «Вечеров», подаренные самому Забелину Н.Х.Кетчером на память о М.С.Щепкине, которому, видимо, они первоначально принадлежали (ср. надпись на автографе «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки» — см. с. 832 наст. изд.). Фонд поступил в ОПИ ГИМ в 1909 г. и включал в себя значительный комплекс черновых материалов, относящихся в основном ко второй части «Вечеров»: ЧА повести «Страшная месть», ЧА повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», набросок предисловия к первой книжке «Вечеров», ЧА предисловия ко второй книжке «Вечеров» и отдельный лист с примечаниями к первой странице «Ночи перед Рождеством».

Представляет интерес и возможная группировка рукописей по типу бумаги. На одной и той же бумаге (см.: Клепиков, 1959, с. 54, № 383А; Uchastkina, 1962, plate 254, p. 601 — подробное описание см. с. 685 наст. изд.) написаны «Майская ночь», «Сорочинская ярмарка», «Пропавшая грамота» и заметка <«Хромой черт»> (черновой набросок примечания к «Пропавшей грамоте» — см. с. 609 наст. изд.). Как уже упоминалось, один двойной лист ЧА Ся (лл. 3—4) имеет водяной знак «1830», все прочие — «1829», однако, по всей видимости, это была одна пачка бумаги, которая, таким образом, появилась у Гоголя не ранее 1830 г. Отметим, что на такой же бумаге была написана и ранняя, опубликованная посмертно статья Гоголя «О поэзии Козлова» (ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 41. Лл. 1—2), имеющая водяной знак «1829». Точная датировка статьи затруднительна, но она не могла быть написана ранее декабря 1830 г., так как рецензия А.Дельвига, на которую, скорее всего, отвечает Гоголь, появилась в «Литературной газете» от 2 декабря 1830 г. На плотной бумаге со штемпелем (см.: Клепиков, 1959, с. 103, № 69; даты выпуска бумаги — 1830—1832 гг.; подробное описание см. с. 791 наст. изд.) написана «Страшная месть». Наконец, третья группа черновых автографов написана на бумаге, отдельные листы которой имеют водяной знак «1830» (см.: Клепиков, 1959, с. 68, № 698; Uchastkina, 1962, plate 27, p. 57 — подробное описание см. с. 831 наст. изд.). Это ЧА повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», черновик предисловия ко второй части и примечания к «Ночи перед Рождеством», написанные на отдельной полоске бумаги. Скорее всего, на той же бумаге (нечетко просматриваются литеры ФКНГ) написаны письма Гоголя к А.С.Данилевскому от 2 ноября (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 27. Лл. 63—64) и матери от 8 декабря 1831 г. (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 31. Лл. 11—12 об.).

Таким образом, все рукописи, включая и рукописи ранних повестей, появились не ранее 1830 г. (описание черновой рукописи «Ночи перед Рождеством» см. ниже). На бумаге первого типа написаны повести, составляющие первую книжку, предисловие же к ней создано, вероятно, позднее (весной-летом 1831 г.). Причем речь здесь скорее должна идти о двух этапах работы над повестями: известные нам рукописные редакции относятся ко времени не ранее 1830 г., однако восходят, вероятно, к более ранним замыслам, о характере которых можно говорить лишь гипотетически. Бумагой второго типа («Страшная месть», набросок предисловия к первой книжке) Гоголь пользовался, вероятно, весной — ранней осенью 1831 г. Наконец, материалы, написанные на бумаге третьего типа (черновик предисловия ко второй книжке, «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», набросок примечания к «Ночи перед Рождеством»), связаны, по всей видимости, с заключительным этапом работы над второй книжкой «Вечеров», а наличие писем на той же бумаге позволяет условно отнести их к осени — зиме 1831 г.

Тщательное обследование рукописей дает еще некоторые уточняющие хронологические ориентиры. Так, на последнем пустом полулисте рукописи «Страшной мести» есть запись рукой Гоголя: «Алексей Пименов сын Спорышев», а на обороте рисунки — орнаментальные композиции в круге, кустарник с листьями, обнаженная женщина, сидящая у воды, офицер, выглядывающий из флигеля с готическим окном, казак с оселедцем и закрученными усами, две женские головки и, наконец, здесь же запись карандашом: «спросить у Лонгиновой о Петербурге и Москве» (см. илл. с. 487 наст. изд.). Последняя запись позволяет определенно сказать, что рукопись написана не ранее начала 1831 г. (именно в это время, согласно воспоминаниям М.Н.Лонгинова, Гоголь появился в его доме в качестве домашнего учителя. В дальнейшем Гоголь сделался близким человеком в доме и часто разговаривал с матерью своих учеников на литературные темы (Лонгинов М.Н. Воспоминание о Гоголе // Гог. восп. совр., 1952, с. 73). Таким образом данная рукопись «Страшной мести» окончена не ранее весны, а вероятнее — лета 1831 г. (летом Гоголь жил в доме Васильчиковых в Павловске и продолжал давать уроки Лонгиновым; кроме того, летний антураж имеют и рисунки Гоголя, а особняк с готическим окном вполне походит на архитектуру летних загородных дач). Тогда же, по-видимому, было написано и предисловие к первой книжке (имеющийся в нашем распоряжении первоначальный набросок, к сожалению, не дает ответа на вопрос, определилась ли к моменту его создания уже вся структура книги, в частности, ее двучастность).

Рукопись повести «Ночь перед Рождеством» находится в Записной книге Гоголя («тетрадь Тарновских» — ОР РГБ, см. с. 765 наст. изд.), которой Гоголь пользовался в 1830—1834 гг., причем особенно интенсивно при работе над «Арабесками». Тетрадь перешла к Гоголю от его нежинских соучеников и знакомых братьев В.П. и А.П.Тарновских. На л. 1 запись: «Книга для записки Книг, Тетрадей, белья, платья и других вещей принадле-

жащих Василию Тарновскому. Заведена 1826 года сентября 24. Москва». Ниже приписка рукою Гоголя: «Но после переведена в другую шнуровья [на толкучий рынок] а на место оной введен Департамен Сельского хозяйства под управлен<ием> Голтвянского Помещика Николая васьильева сына Гоголь-Яновского» («на толкучий рынок» вписано и зачеркнуто; «Яновского» довольно тщательно выскоблено — см. также: *Кулиш, 1856, т. 1, с. 163*). Однако попала книга к Гоголю не от Василия, а от его младшего брата и соученика Гоголя по Нежинской гимназии Александра Тарновского, как это следует из записи на л. 4: «Сию книгу [начал<?>] подарил я 1826-го года Ноября 14 как мне во все ненужную брату Александру Петровичу, которому она нужна». Сквозь всю тетрадь идут реестры книг и тетрадей сначала, видимо, Василия, а затем Александра Тарновских, между которыми оставляются многие чистые листы — это первый слой сквозного и не сплошного заполнения тетради. На л. 89 об. написано, видимо, А.П.Тарновским: «Реестр Тетрадей оставленных под сохранение сестре моей Марии Антуанете при отъезде в Петербург 1829 Генваря». И на л. 90: «Реестр Тетрадей взятых в Петербург при отъезде из дому 1829 года Генваря». Таким образом, к Гоголю книга попала уже в Петербурге и не ранее 1829 г.

Тетрадь заполнялась им в несколько слоев. Так, первоначально лл. 2—2 об., на которых начинался реестр Тарновского и были записаны какие-то расчеты, Гоголь пропустил. На л. 3 его рукою написан набросок шуточного письма или посвящения, который трудно датировать: «Хотя и от предурковатенького, но все-таки от товарища по скуке и занятиям важным и бездельным и будущим заслуженным Кореспондентом членом разных знаме<нитых> ярмарок как<?> Раменской Опочинянской и имеющий Д». На этом и следующем листах пробы пера и дарственная запись В.Тарновского.

Первоначально книга, видимо, была предназначена Гоголем для сельскохозяйственных выписок, как это шуточно и обозначено во владельческой записи на л. 1. Во всяком случае, с л. 5 начинаются подобного рода выписки отчетливым каллиграфическим почерком: «О Построении зданий деревенских из мокрой глины. Сочинение Карла Штиссера» (лл. 6—8), «Дешевый способ покрывать кровли сельских строений» (его же) (л. 8 об.), «Об Андейском корнеплодном растении называемом Бататас (*Convolvulus batatas*)» (л. 9), «Способ производить картофельныя семена разных сортов» (л. 10), «Общие правила О Содержании домашняго скота» (л. 11).

Помимо перечисленных хозяйственных выписок, к записям второго слоя тетради относятся: записи «Комед<ия>. Матер<иалы> Общие» (л. 28, верх страницы) и «Матер<иалы> Частн<ые>» (л. 29, верх страницы), карандашные портреты неизвестных лиц (лл. 38, 39, 40), текст «Ночи перед Рождеством» (л. 44—67 об.) с предшествующим списком малороссийских слов (л. 43 об.) и следующими за основным текстом приписками; запись «Обеты и клятвы внутри души привозводят в высокий сан» и следующий под ней на той же странице набросок «Я давно уже ничего не

рассказывал вам...» (л. 69; это, впрочем, разновременные записи, сделанные разными чернилами и несколько различающимися почерками), и погрудный рисунок пером военного в мундире с наброском, здесь же: «Что вам стал вицмундир...» (л. 72). К этому же слою надо условно отнести и приклеенный на л. 38 об. клочок из письма М.И.Гоголь: «Еще один обряд у малороссиян на маслянной в Четверг всегда бывает женской праздник, называемый власьем, хотя и никогда не бывает тогда Сего Святого имени: и жинки бьют своих Человеков дныщами, Чтобы они их целой год не били».

Если первый слой «Записной книги» Гоголя, как уже было сказано, — это реестры Тарновских, проходящие сквозь всю тетрадь с большими пропусками чистых страниц между ними, второй слой — ряд разнородных отрывочных записей довольно крупным почерком в верхней части чистых страниц уже самого Гоголя, то третий слой представляют собой тексты для «Арабесок», написанные существенно отличным, более мелким почерком (см. коммент. к т. III наст. изд.).

О том, для каких целей Гоголь делал хозяйственные выписки второго слоя, можно высказать два предположения: 1) они были связаны с его служебными занятиями в Департаменте уделов (начальник 2-го Отделения, в котором служил Гоголь, В.И.Панаев, занимался усовершенствованиями в императорских вотчинах); 2) выписки делались Гоголем для матери, имение которой было не в блестящем состоянии. Во всяком случае, в письме от 2 апреля 1830 г. Гоголь расхваливает матери способ постройки из мокрой глины, а также преимущество засева картофеля. Выписки эти делались, видимо, весной-летом 1830 г. (это период и более или менее усердной службы Гоголя под началом Панаева). Наиболее существенной для установления хронологии написания «Ночи перед Рождеством» представляется статья «Общие правила. О содержании домашнего скота», выписанная из «Записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов» (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Лл. 11, 11 об., 12*), вышедших в качестве приложения к журналу «Атеней» (см.: *Атеней, журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов. 1830. Ч. II. № 9. Май. С. 193—197, цензурное разрешение — 26 июня 1830 г.; ср. с. 598 наст. изд.*). Установление этого источника и, следовательно, наиболее ранней даты выписок, предшествовавших тексту «Ночи перед Рождеством», важно не только в биографическом плане, но и как один из ограничителей при датировке рукописи «Ночи перед Рождеством».

Таким образом, рукопись «Ночи перед Рождеством» появилась в тетради не ранее июля 1830 г., причем, вопреки мнению комментаторов (*Тух., т. 1, с. 550—551; Ак., т. I, с. 537*), в основной своей части не является первоначальным вариантом (фрагменты рукописи, которые Гоголь переписывает с черновика, существенно отличаются характером почерка, отсутствием исправлений по ходу письма, расположением на странице).

В предшествующем академическом издании был опубликован рукописный отрывок Гоголя под условным названием <«Хромой черт»> (Ак., т. IX, с. 16), который, по словам комментаторов, мог быть наброском к какому-то замыслу Гоголя, примыкающему к «Вечерам» (см., напр.: Тих., т. 6, с. 544). На самом деле, первая же фраза отрывка («Малороссияне той веры, что [в пекле] в Аде...») совершенно не похожа на набросок к повести, а скорее на первую фразу примечания. Ср. начала других примечаний к Вечерам: «[Вы, может быть, не знаете, что последний день перед рождеством у нас называют голодною кутею.] Колядовать у нас называется...» — ЧН НпР; «В Малороссии существует поверье...» — Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана-Купала и т. д. <«Хромой черт»> написан на той же бумаге, на которой написана и рукопись повести (см. с. 750 наст. изд.). Кроме того, обнаруженные в составе гоголевских рукописей в забелинском фонде примечания к «Ночи перед Рождеством» (ЧН НпР) написаны на похожем отдельном листе бумаги, с неровно оборванными краями. Наконец, в самой рукописи «Пропавшей грамоты», в описании путешествия деда обратно из ада, сокращенном в окончательной редакции, после слов: «смекнул дед: никто другой, как сам хромой черт под им» — находим характерный значок (+), указывающий место примечания (ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 15; см. илл. с. 370 наст. изд.). Очень мелкий, этот значок вполне мог быть принят за случайную пометку без сопоставления с отрывком <«Хромой черт»>. В рукописи «Ночи перед Рождеством» упоминание хромого черта пояснено в самом тексте («хромой черт, считавшийся между ними первым хитрецом и остряком на выдумки»); то же и в окончательной, печатной редакции. По всей видимости, Гоголь впервые упомянул здесь хромого черта — что, на наш взгляд, может служить еще одним косвенным указанием на то, что «Пропавшая грамота» написана примерно в то же время, что и «Ночь перед Рождеством», а возможно, сразу после нее, т. е. не ранее июля 1830 г.

Идентификация заметки о хромом черте как примечания к «Пропавшей грамоте» позволяет высказать еще одно соображение по поводу относительной хронологии «Вечеров». Речевой оборот, придающий отрывку отчетливо этнографический характер, сближает его с подобными примечаниями в «малороссийских повестях» Сомова и некоторыми другими примечаниями самого Гоголя (ср. в ЧА «Сорочинской ярмарки»: «Обыкновенное приветствие у малороссиян новобрачным»; в «Бисаврюке...»: «В Малороссии существует поверье, что папоротник цветет...», «В Малороссии существует поверье, что лед не сам разламывается...»). Однако упоминавшиеся выше примечания к «Ночи перед Рождеством» (написанные в период подготовки второй книжки) сделаны уже от лица инкорпорированного в малороссийскую реальность рассказчика («Колядовать у нас называется» и т. д.). Более того — в печатном тексте обеих книжек этнографические примечания первого типа либо отброшены (как цитировавшееся выше примечание из черновой рукописи «Сорочинской ярмарки»), либо преобразованы в сказо-

вые примечания второго типа, как в «Вечере накануне Ивана Купала» (опубликованный в «Отечественных записках» «Бисаврюк» вообще изобилует примечаниями, которые в тексте *ВД1* были частично сокращены, частично отредактированы; ср.: «Выливают переполох у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приключился он...» вместо «*Выливают переполох от испугу; для сего топят...*»). Очевидно, что Гоголь, следовавший жанровому канону «малороссийской» повести на ранних этапах работы над повестями «Вечеров», последовательно отказывается от этнографизма, ощущавшегося как беллетристический штамп; перехватив у Сомова тему, Гоголь точно почувствовал недостатки его сказа, где рассказчик как бы одновременно принадлежал двум мирам — читательскому (культурному, петербургскому) и малороссийскому. Кроме того, перестройка примечаний, несомненно, произошла, когда уже определился общий рассказчик — издатель повестей, которому они и были переданы и чей голос отличался от голосов деда и Фомы Григорьевича, рассказывавших «Вечер накануне Ивана Купала» и «Пропавшую грамоту». Таким образом не только по типу бумаги, но и по жанру примечания черновая редакция «Пропавшей грамоты» примыкает к первым трем повестям.

Можно также предположить, что на этом этапе работы уже началась циклизация повестей вокруг фигуры деда (первая фраза черновой редакции «Пропавшей грамоты»: «Так вы хотите, чтоб я вам еще рассказал про деда?» — не оставляет сомнения, что речь идет именно о цикле). В то же время на этом этапе работы не сложилась, видимо, еще вторая опосредующая сказовая фигура — издателя повестей пасечника Рудого Панька, которому и принадлежат примечания в окончательном тексте «Вечеров» (примечание о хромом черте — это еще авторское, отстраненное пояснение). Возвращаясь к известному свидетельству Кулиша о том, что Плетнев придумал для гоголевских повестей рамку (см. с. 603 наст. изд.), можно предположить, что идентификация отрывка <«Хромой черт»> как примечания к черновой редакции «Пропавшей грамоты» позволяет увидеть контур того цикла, с которым Гоголь пришел к Плетневу — первоначальный, черновой набросок будущей книги.

Относительно «Заколдованного места», рукопись которого не обнаружена, можно сказать лишь то, что повесть относится к циклу рассказов про деда и, по всей видимости, написана позже «Пропавшей грамоты» (ср. ее сказовый зачин). Можно предположить, что повесть была написана последней и создавалась непосредственно перед самой отправкой рукописей в типографию: во всех остальных случаях сохранились промежуточные редакции, непосредственно предшествовавшие беловому автографу, здесь же Гоголь не имел времени еще раз переписать завершенную вещь, и эта рукопись стала наборной.

«Вечера на хуторе близ Диканьки», изданные в двух книжках в 1831—1832 гг., вошли в русскую литературу как единый памятник — цикл повестей, объединенных фигурой издателя и двумя предисловиями.

История первого издания книги (*ВД1* — см. с. 590 наст. изд.) не вполне известна. В цензуру часть рукописи первой книжки «Вечеров» (в «Ведомости санктпетербургского цензурного комитета» значится: «Рукопись вечера на хуторе близ Диканьки. Малороссийская повесть, изданная Пасичником от Студента Гоголя. Число страниц — 36») поступила 20 марта 1831 г. Время одобрения — 23 марта 1831 г. (*РГИА. Ф. 772. Оп. 1/1. Ед. хр. 311. Л. 171. № 206*). «Окончание рукописи» («число страниц 27», «от Г-на Гоголя») поступило в цензуру 27 мая 1831 г. Время одобрения — 26 мая (так! — *Ред.*) (*РГИА. Ф. 772. Оп. 1/1. Ед. хр. 340. Л. 10 об. № 368*), что и значится на выпущенной в свет первой книжке «Вечеров» (см. выше).

Существует указание на причастность к изданию П.А.Плетнева, предложившего объединить повести фигурой вымышленного малороссийского рассказчика-издателя (см. с. 603 наст. изд.). Плетнев действительно протезировал Гоголю в это время, и, кроме того, имел репутацию опытного издателя, периодически наблюдая за изданиями своих литературных друзей: летом 1831 г. он хлопочет об издании «Адольфа» Бенжамена Констана в переводе П.А.Вяземского, отпечатанного к первым числам сентября (см.: *Известия ОРЯС. 1897. Т. II. Кн. 1. С. 90—99*) и — что примечательно — в той же самой типографии Департамента народного просвещения, где печаталась и первая книжка «Вечеров». Вместе с тем, летом 1831 г. Гоголь сам занимался изданием: присылал рукописи в типографию из Павловска, где он проводил лето, а вернувшись около 15 августа в Петербург, лично занялся типографскими делами (*письмо к Пушкину от 21 августа 1831 г.* — см. с. 632 наст. изд.). Процесс печатания задержала, по всей видимости, эпидемия холеры и установленные карантинные.

Первая книжка была отпечатана около 10 сентября (в «Ведомости о Билетах, выданных на выпуск в свет отпечатанных книг» «Вечера» значатся под датой 10 сентября 1831 г. — см.: *РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 13 об.*; см. также *письмо Гоголя Жуковскому от 10 сентября 1831 г.*). В конце ее был помещен список опечаток, который фактически и начинает историю печатного текста «Вечеров» (см. с. 249 наст. изд.). Объявление о продаже второй книжки появилось в № 59 газеты «Северная пчела» от 12 марта 1832 г., но уже 10 марта Гоголь сообщал об отсылке экземпляра А.С.Данилевскому (*письмо к Данилевскому от 10 марта 1832 г.*).

По выходе второй книжки «Вечеров» книгопродавцем А.Ф.Смирдиным была осуществлена допечатка тиража первой части, о чем сам Гоголь упоминал впоследствии («Впрочем, Смирдин отпечатал полтора экземпляров 1-й части, потому что второй у него не покупали без первой. Я и рад,

что не больше» — письмо к *Погодину от 1 февраля 1833 г.*; см. ниже). Допечатанный тираж отличался оберткой и текстом объявления, указывавшим на то, что допечатка была осуществлена именно Смирдиным («Продается по 7 руб. 50 коп. В книжном магазине А.Смирдина, на Невском проспекте, в доме Петропавловской церкви»), в то время как объявление первого тиража гласило, что книга продается у Смирдина, у Сленина «и в прочих книжных лавках». При этом частично были учтены опечатки, указанные Гоголем в списке (см. с. 849—850 наст. изд.; см. также: *Тих.*, т. 1, с. 511). Кроме того, в допечатке прошли следующие изменения, удержанные и в издании ВД2: в «Сорочинской ярмарке» вместо «то и дела, что сидит в шинке» появилось «то и дело, что сидит в шинке», вместо «допушу этого» — «допушу до этого», а в эпитафии к «Майской ночи» («так де воно й возметця ниначе з неба») выпущенным оказалось слово «ниначе» (см. с. 623 наст. изд.; ср. также с. 534 наст. изд.).

Летом 1832 г., столкнувшись с материальными трудностями, Гоголь задумал переиздание книги, причем, воодушевленный горячим отношением к нему московских литераторов, хотел осуществить его в Москве и обратился к М.П.Погодину, предполагая, что 200 экземпляров нового издания продадутся сразу и окупят издержки книгопродавца, а «остальные 1000 экзempl<яров> в течение года или двух, верно, разойдутся, особливо когда еще выйдет новое детище» (письмо к *Погодину от 20 июля <1832 г.>*). Непонятно, имелась ли в виду под «новым детищем» проза из украинской истории, над которой Гоголь работал в это время, или некий замысел, ведущий к «Миргороду». Погодин, как мы узнаем из его дневника, получил письмо Гоголя 5 августа 1832 г. и немедленно начал хлопотать по его поручениям (Гоголь просил также достать ему рецепт лекарства у известного московского врача И.Е.Дядьковского): «к Шир<яеву>. — Письмо от Гоголя приятное. — К Дядь<овскому> об его здоровье: взял рецепт. <...> Шир<яев> не хочет покупать сказок Гог<оля> — <...> — Писал письмо к Гог<олю>». (*ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 86 об*). В следующем письме от 2 сентября 1832 г. Гоголь благодарит Погодина за хлопоты и предлагает «через месяц» во время проезда своего в Москву поговорить «обстоятельнее обо всем». Гоголь был в Москве 18—23 октября, однако в его письмах к Погодину конца 1832 г. не упоминается о «Вечерах» и лишь в письме от 1 февраля 1833 г. (см. выше), отвечая на вопрос Погодина, Гоголь писал: «Вы спрашиваете об Вечерах Диканских. Черт с ними! Я не издаю их. И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекуляционными оборотами. Я даже позабыл, что я творец этих Вечеров, и вы только напомнили мне об этом. <...> Да обречутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня». Непонятно, от кого исходило предложение переиздать «Вечера» с добавлением новых «сказок»: от Погодина и московских книгопродавцев или Гоголь вел переговоры об этом со Смирдиным.

Сведения о том, что Гоголь размышлял над возможностью дополнить книгу новыми повестями, чрезвычайно важны как для понимания его творческой биографии, так и для истории текста «Вечеров». Вскоре по выходе 2-й части Гоголь в шутивном контексте сообщал А.С.Данилевскому о характере гипотетического продолжения «Ивана Федоровича Шпоньки» (которое, скорее всего, вряд ли предполагалось — письмо от 30 марта 1832 г.). Видимо, связанным с образом Рудого Панька был и возникший у Гоголя к осени 1833 г. замысел произведения, предназначавшегося для альманаха «Тройчатка», который был задуман им и В.Ф.Одоевским как триумвират Иринаея Гомозейки, Рудого Панька и И.П.Белкина (после отказа Пушкина от участия — «Двойчатка»; см. письмо В.Ф.Одоевского и С.А.Соболевского А.С.Пушкину от 28 сентября и 2 октября 1833 г.; письмо А.С.Пушкина В.Ф.Одоевскому от 30 октября 1833 — Пушкин, т. 15, с. 84—85, письмо В.Ф.Одоевского М.А.Максимовичу — КС. 1883. № 4. С. 846; а также: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф.Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 2. М., 1913. С. 333—334; см. также коммент. к т. III наст. изд.). Не позднее сентября 1833 г. Смирдин имел в руках «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (письмо Гоголя к Погодину от 28 сентября 1833 г.), которая появилась во второй книге альманаха «Новоселье» с подзаголовком «Одна из неизданных былей Пасичника рудаго Панька» (так в оригинале. — Ред.) и с датой «1831» (ср. также упоминание в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Фомы Григорьевича и Макара Назаровича).

Таким образом, обе законченные Гоголем повести в «ужасном» для него 1833 г. (письмо к Погодину от 28 сентября 1833 г.) были связаны с образом Рудого Панька, а план переиздания «Вечеров» с «добавлениями» должен рассматриваться, видимо, как начальный этап творческой истории «Миргорода» (см. коммент. к т. II наст. изд.). Контуры нового цикла, продолжающего в известной степени «Вечера», вырисовываются, очевидно, лишь к 1834 г., и параллельно с этим вновь актуальным становится переиздание первой книги (в письмах Погодину от 31 января и 9 февраля 1835 г. Гоголь называет готовящийся «Миргород» «продолжением Вечеров» — и даже просто «Вечерами»). Цензурное разрешение на переиздание «Вечеров» было дано (одновременно с «Арабесками») 10 ноября 1834 г. В «Ведомости Санктпетербургского цензурного комитета» значит, что в цензуру поступила «печатная книга» «Вечеров», 1-я книжка — 241 с., 2-я книжка — 354 с., «от издателя Гоголя» (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 198. Л. 62 об.—63. №№ 494, 495). Параллельно Гоголь интенсивно готовил «Миргород» (цензурное разрешение — 29 декабря 1834 г.). Можно лишь гадать, почему подготовленное к печати переиздание (объявление о его скором выходе помещено на обложке «Миргорода», имевшего подзаголовок «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”» — вышел из печати к концу февраля 1835 г.) не было в это время осу-

ществлено. Стоит обратить внимание и на то, что в редакции «Миргорода» 1835 г., в отличие от более ранней, опубликованной в альманахе «Новоселье» (см. т. II наст. изд.), «пасичник Рудый Панек» не упомянут, а подзаголовок «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» снят.

Таким образом, можно констатировать определенную двойственность в отношении Гоголя к своей первой книге и к ее возможному «продолжению». С одной стороны, образ Рудого Панька становится литературной маской — своеобразной визитной карточкой начинающего писателя, гораздо более «узнаваемой» для публики, нежели его настоящее имя. С другой стороны, Гоголь, по всей видимости, ощущает значительную жанровую дистанцию между повестями первого цикла и новым циклом.

Все эти подробности имеют отношение и к весьма существенному вопросу о том, когда и как была произведена правка «Вечеров» для второго издания, вышедшего из печати в январе 1836 г. (объявление об издании см.: СПч. 1836. № 26. 1 февраля; раздел «Новые книги»). Правка эта носит почти исключительно стилистический характер, каких бы то ни было содержательных — смысловых или сюжетных — перемен здесь нет. Тем заметнее скорректированное в «Предисловии» ко второй части (в издании ВД1 — книжке) обращение «пасичника» к читателям: вместо «*Да и стоит ли браниться ~ особенно с тем, с которым, Бог знает, увидите ли когда больше*» (ВД1) — «*Да и стоит ли браниться ~ особенно с тем, с которым, Бог знает, скоро ли увидите*» (ВД2). Как представляется, такая перемена имела смысл тогда, когда Гоголь готовил одновременно издание «Миргорода» и переиздание «Вечеров» и степень преемственности «Миргорода» по отношению к первому циклу для него еще окончательно не прояснилась, т. е. осенью 1834 г. (что, впрочем, не исключает теоретической возможности и позднейшей правки).

Второе издание «Вечеров» в определенном смысле отражало новое положение и статус Гоголя в литературных кругах и иную, значительно более высокую степень рефлексии над стилистической и литературной нормой. С одной стороны, сам Гоголь в 1833 г. наблюдает за изданием «Пестрых сказок» В.Ф.Одоевского. Существенно, что в книге Одоевского типографское оформление текста являлось предметом осмысления и новаторства, о чем и сообщал Гоголь А.С.Данилевскому (письмо от 8 февраля 1833 г.): «очень будет затейливое издание, потому что производится под моим приглядом». С другой стороны, по выходе «Арабесок» сам Гоголь просит Пушкина «вычитать» их с карандашом: «и никак не останавливайте негодование при виде ошибок» (письмо А.С.Пушкину <ок. 22 января 1835 г.>). Вполне вероятно, что предпринятая для второго издания «Вечеров» правка отражала некоторые советы литературных друзей Гоголя и даже могла непосредственно быть ими инспирирована, однако маловероятным представляется, что кто-то держал корректуру или последовательно редактировал текст. В этом убеждает и некоторая непоследовательность правки, и ее

неравномерное распределение по тексту. Наиболее интенсивна она в «Предисловии» к первой книжке и трех следующих за ним повестях: здесь среднестатистическое число исправлений на страницу равно 2,5, в «Пропавшей грамоте» это число уже меньше — 2, а для второй книжки — менее 1,5. Такая непоследовательность редактуры скорее похожа, на наш взгляд, на самого Гоголя.

Две чисто авторские, и очень любопытные поправки следует отметить особо. Это дата «1829», появившаяся под текстом «Сорочинской ярмарки» и фиксирующая возникшее у Гоголя желание «дистанцироваться» от своего текста (датировка эта в полной мере никак не может быть принята — см. выше), а также — снятие в названии «Страшной мести» подзаголовка «Старинная быль». Последняя перемена также демонстрировала высокую степень отрефлектированности жанровых принципов книги. Жанровое определение «быль» фигурировало в подзаголовках «Пропавшей грамоты» и «Заколдованного места» («Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви») и мотивировало их сказовую форму, в то время как определение «Старинная быль» в применении к «Страшной мести» акцентировало иную жанровую семантику, мотивируя праисторической давностью фантазмагорического характер описанных событий и подтверждая «опосредующую» функцию фигуры бандуриста в финале повести. Наконец, в словарице при первой книжке ВД2 Гоголь уточнил и расширил дефиниции слов «Путря» и «Чумаки».

Кроме того, заслуживает специального упоминания еще одна перемена. В ВД2 в названии книги (и везде в тексте) «близ» («близь») заменено на «близь». Здесь надо прежде всего отметить, что в рукописях Гоголя (набросок предисловия к первой книжке) находим «близ». Характерно, что и в издании «Сочинений» Гоголя, осуществленном Прокоповичем (Соч. 1842), вновь появляется «близ», однако в издании Трушковского (Соч. 1855), на отпечатанных при жизни Гоголя страницах и в названии книги снова читаем «близь». «Словарь языка Пушкина» (т. I. М., 1956, с. 138) дает картину варьирования нормы, причем форма «близ» значительно превалирует; однако — и это представляется существенным — в письме А.С.Пушкина А.Ф.Воейкову от 3 октября 1831 г., опубликованном в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» (см. с. 632 наст. изд.), в названии книги Гоголя употребляется «близь», тогда как в рецензии на издание 1836 г. Пушкин последовательно употребляет «близ». Таким образом, написание этого слова в названии ВД2 оказалось близко к форме, использованной в пушкинской рецензии 1831 г.

Кроме устранения некоторых опечаток, допущенных в первом издании (напр., «с постижимым трепетом» в «Майской ночи»), и смысловых неточностей (ср.: «продираясь к мешку» в ВД2 вместо ошибочного «продираясь к мешкам» в «Ночи перед Рождеством» в ВД1), значительная часть правки второго издания направлена на приведение написаний в соответствие с утверждавшейся орфографической и литературной нормой: замена «есть ли» на «если», устранение написаний типа «на цот», «цашть», слитное

написание некоторых наречий («зачем пришел» вместо «за чем пришел» в ВД1), а также употребление более литературных неполногласных форм («посреди» вместо «по середи»). Очень характерно не вполне последовательное, но очевидное стремление к расподоблению окончаний прилагательного и существительного в творительном падеже («ленивою рукой» вместо «ленивою рукою»). Единичны случаи правки, затрагивающей образный строй текста (в «Сорочинской ярмарке»: «звонкий гром перепела» заменено на более нейтральное «звонкий голос перепела»; в «Иване Федоровиче Шпоньке...»: «лицо, изузоренное оспою» на «лицо, изукрашенное оспою»). Интересны случаи, когда незначительные пунктуационные перемены или даже опечатки привели к некоторому изменению смысла (вместо «Что-то за пироги, если б вы только знали!» в ВД2 стало: «Что то за пироги, если б вы только знали!»; вместо «Лет, куды более чем за сто» — стало: «Лет, куды! более чем за сто»; вместо «А твердое — то ни за что не откушу» — стало «А твердое-то ни за что не откушу»).

Книга Гоголя была ориентирована на сказ наивного малороссийского рассказчика. Правка в издании 1836 г. отражает его сознательное стремление отчетливо прописать этот сказ, сохранив естественность речи и украинский колорит, но оставаясь при этом в «зоне» литературной нормы. Показательно в этом отношении смягчение некоторых особенно «смачных» оборотов (напр.: «пусть ему легко икнется» вместо «пусть ему вкусно икнется» в ВД1). Вообще для этой правки характерно сокращение количества украинизмов и диалектизмов: «пьянехонек» вместо «пьяненек», «продавица бубликов» вместо «продавица бублик», «амбар», «амбарный» вместо «анбар», «анбарный» (кроме двух случаев в «Иване Федоровиче Шпоньке...», где осталось неисправленным «анбар»). «Делются» заменено на «делаются», «полудник» на «полдник» (в связи с этим нам представляется возможной и сознательная замена в тексте «Вечера накануне Ивана Купала» «крилос» на «клирос», рассматриваемое как корректорское исправление в Ак., т. I, с. 523), отказ от союза «что» в сравнительных оборотах («Заплакал ~ как дитя неразумное» вместо «Заплакал ~ что дитя неразумное») и других диалектных форм (напр., устранение приставки «по», подчеркивающей многократность действия: «все пали на землю» вместо «все попадали на землю»). Наконец, Гоголь снимает некоторые слишком глубокие инверсии и часто убирает частицы и наречия, облегчая таким образом фразу (см. раздел «Варианты»).

В издании «Сочинений» Гоголя, предпринятом в 1842 г. (Соч. 1842), «Вечера» составили первый том. В предисловии к изданию Гоголь писал: «Всю первую часть следовало бы исключить вовсе: это первоначальные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя; но при них чувствовались первые сладкие минуты молодого вдохновения, и мне стало жалко исключить их...». В отличие от некоторых других произведений, повести, составлявшие «Вечера», не подверглись переработке. У нас нет документальных данных о работе Гоголя с текстом (в цензуре был представлен печатный

экземпляр ВД2). Можно отметить, впрочем, одно относительно «серьезное» вмешательство: в Соч. 1842 словарики украинских слов обеих частей объединены со словариком «Миргорода» и помещены после него, т. е. в конце второго тома. Таким образом здесь еще раз закреплена смысловая и тематическая связь двух книг. Неизвестно, когда и кем (Гоголем или Прокоповичем, которому Гоголь, уезжая за границу, поручил издание) было это осуществлено. Перед самым отъездом в записке С.Т.Аксакову 4 июня Гоголь писал: «Никак нельзя было <...> сделать всего вдруг. Кое-что я оканчивать оставил Прокоповичу. Он уже занялся печатаньем. Дело, кажется, пойдет живо». А сам Прокопович сообщал С.П.Шевыреву на следующий день после отъезда Гоголя, что он «с будущей недели» приступит «к печатанию сочинений» (*Гоголь в неизданной переписке современников. 1833—1853 // ЛН, т. 58, с. 628*). Таким образом, учитывая, что тома печатались последовательно, начиная с первого, у Прокоповича оставалось очень мало времени на редактирование. В известном письме из Гастейна от 15/27 июля 1842 г. Гоголь дает распоряжение уже о корректуре второго тома, предоставляя Прокоповичу «действовать как можно самоуправней и полновластней». Похоже, что отчет о прохождении корректуры первого тома был в предшествовавшем этому и не дошедшем до нас письме Прокоповича. В письме от 21 октября 1842 г. Прокопович сообщает, что «1 ч<ась> готова совсем», а также добавляет: «за корректурную исправность, кажется, могу ручаться и даже похвастаться ею: я набил уже руку в этом деле и читаю две корректуры сам, а после меня прочитывает еще и Белинский» (*Переписка, 1988, т. I, с. 108*). Текст «Вечеров» в этом издании подвергнут довольно значительной редакторской правке, направленной на приведение его к литературной норме и полностью соответствующей принципам «правки Прокоповича», характерным для Соч. 1842 в целом (см. с. 10—11 наст. изд.). Любопытно, что интенсивность этой правки достаточно резко возрастает начиная с «Майской ночи»: среднестатистическое число поправок в расчете на страницу для всего текста 3—3,5, для «Предисловия» к первой части и первых двух повестей — около 2 (очевидно, именно к «Майской ночи» Прокопович «набил руку»).

Новое издание сочинений было задумано Гоголем еще в 1850 г. В письме С.П.Шевыреву из Одессы от 15 декабря 1850 г. Гоголь просит отнести в цензуру печатный экземпляр Соч. 1842, а в начале февраля 1851 г. спрашивает, началось ли печатание. На основании этих писем Тихонравов подверг сомнению сообщение О.М.Бодянского (см.: *Кулиш, 1856, т. 2, с. 258—259*) о том, что Гоголь собирался исключить из нового издания «Вечера» (*Тих., т. 1, с. XII*). Однако из писем Гоголя видно, что решение издавать все без перемен было продиктовано в первую очередь желанием провести как можно быстрее наборную рукопись через московскую цензуру, а не соображениями творческого характера (см. письма П.А.Плетневу от 15 июля и 30 ноября 1851 г.).

В результате в цензуру поступило издание 1842 г. (цензурное разрешение — 10 октября 1851 г.). При жизни Гоголя было отпечатано 9 листов

первого тома до слов «Куда, Вакула?» кричали парубки» в тексте «Ночи перед Рождеством». В предисловии к вышедшему лишь в 1855—1856 гг. изданию (Соч. 1855) племянник Гоголя и его издатель Н.П.Трушковский упоминал об авторской корректуре отпечатанных при жизни Гоголя листов; отдельные листы этой корректуры с правкой М.Н.Лихонина и поправками Гоголя были известны и Н.С.Тихонравову (*Тих.*, т. 1, с. XIII). Наконец, в письме М.Н.Синельниковой С.П.Шевырев сообщал, что в течение зимы 1851—1852 гг. Гоголь «нередко» обедал у него и занимался с ним «чтением корректур первого и второго тома своих сочинений, в которых он выправлял слог», диктуя Шевыреву свои поправки (РС. 1902. № 5. С. 440).

Таким образом, авторизованность листов первого тома Соч. 1855, отпечатанных при жизни Гоголя, не вызывает сомнений, а правка 1851—1852 гг., вносившаяся поверх правки Н.Я.Прокоповича 1842 г., легко вычленима (в тексте, печатавшемся уже после смерти Гоголя, подобной правки нет). В то же время далеко не всегда возможно достоверно отделить корректорскую правку Шевырева и Лихонина от поправок, внесенных самим Гоголем или надиктованных им. Характерной особенностью правки 1851 г. можно назвать исключительную регулярность определенных грамматических и стилистико-грамматических исправлений. Так, в Соч. 1855, на листах, отпечатанных при жизни Гоголя, последовательно пишется: «близь» вместо «близ», «паробки» вместо «парубки», «целовать» вместо «цаловать», «околоток» вместо «околодок», «к верху», «в след» и т. д. вместо «кверху», «вслед» в Соч. 1842; наконец, обороты типа «ни с сего, ни с того» заменяются на «ни с того, ни с сего». Тихонравов был убежден, что подобная правка сделана не самим Гоголем, а его издателями, однако если Гоголь читал хотя бы несколько листов корректуры, то не мог не заметить столь серьезного изменения, как «паробки». Эти изменения являются лишь первым слоем правки. Кроме него существует еще второй «этаж» стилистической и редакторской правки, распределяющейся по тексту крайне неравномерно (для «Сорочинской ярмарки» и «Вечера накануне Ивана Купала» среднестатистическое число всех поправок на страницу — более 2,5, для «Майской ночи» оно равно 2, для «Пропавшей грамоты» — 1,5, для остальных страниц, отпечатанных при жизни Гоголя — менее 0,5). По характеру это и мелкая редакторская правка (выбираются более регулярные и литературные морфофонетические и словообразовательные варианты, напр., «поусомнился» вместо «поусумнился» или «зазнается» вместо «спознается»), и достаточно значительная стилистическая редакция. Можно выделить следующие, наиболее характерные общие случаи: 1) уточнение транскрипции разговорной украинской речи, 2) лексические замены (напр., «стога» вместо «скирды», «топор» вместо «секира»), 3) упрощение предложных конструкций и замена их на более литературные, 4) синтаксические — наиболее частотные: снятие инверсий и уточняющих наречий, превращение необособленных оборотов в обособленные, упрощение синтаксической конструкции и иногда замена союзных конструкций бессоюзными.

Кроме того, целый ряд перемен непосредственно направлен на изменение образного строя текста: Гоголь явно стремится снять наиболее «пестрые», метафорические обороты, не укладывающиеся в его стилистические представления 1851 г. Так, в «Сорочинской ярмарке» вместо *«день и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы немоллимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо»* в Соч. 1855 появляется вариант: *«и угасающий день пленительно и ярко румянился»*; в «Майской ночи» *«задумчиво уставив ~ очи»* заменяет *«задумчиво потопив ~ очи»*, а сложная синтаксическая конструкция *«чернел кленовый лес, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицом к месяцу, тонкою серебряною пылью»* редуцируется до: *«чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу»*.

Таким образом, с одной стороны, Гоголь не только авторизовал, но и непосредственно работал над корректурой последнего собрания своих сочинений, и эта работа обнаруживает желание если не изменить, то по крайней мере скорректировать, смягчить те черты стилистики своей первой книги, которые не могли, естественно, его удовлетворять в 1851 г. Вместе с тем, правка, во-первых, осуществлена лишь на части текста: текст, отпечатанный после смерти Гоголя, не подвергался никакой редакторской и корректорской обработке (здесь нет даже тех наиболее регулярных исправлений, которые последовательно проведены в 1851 г.) и полностью совпадает с текстом Соч. 1842. Т. е. здесь пишется *«парубок»*, *«ни с сего, ни с того»* и т. д. (особенно показательным представляется такой случай: в просмотренных Гоголем страницах глаголы, однокоренные с глаголом *«танцевать»*, заменяются на соответствующие варианты с корнем *«плясать»*, изменение это наверняка сделано автором, однако, во второй части вновь встречается *«танцевать»*, особенно важны эти глаголы для *«Заколдованного места»*). Кроме того, правка 1851 г. осуществлялась поверх правки Прокоповича 1842 г., признанной в текстологической традиции редакторским искажением гоголевского текста (см. выше, с. 617). Эта коллизия истории печатного текста и составляет основную текстологическую проблему «Вечеров».

Проблему сформулировал и попытался решить Н.С.Тихонравов (см. также с. 11 наст. изд.). Проведя последовательную и тщательную текстологическую работу и составив практически полный свод вариантов, он положил в основу своего текста Соч. 1855 (т. е. текст Соч. 1842 с правкой, внесенной в него в 1851 г.) и поставил задачу удалить из него правку Прокоповича. При этом, как он писал в «Предуведомлении» к своему изданию: «При восстановлении подлинного, правильного чтения отдельных мест мы руководствуемся: 1) или собственноручными рукописями поэта, 2) или собственноручно исправленными им копиями писца, или, наконец, если ни тех, ни других не оказывается, 3) первоначальными изданиями произведений Гоголя, выходящими <...> под личным, непосредственным наблюдением автора до 1842 года...» (Тих., т. 1, с. XVIII). Издание Тихонравова, как справедливо отмечал Н.И.Коробка, «приобрело характер канона», и после-

дующие издания, ставившие перед собой текстологические задачи, отталкивались от формулы, им предложенной. Вместе с тем, как видно из приведенной цитаты, Тихонравов ориентировался на черновые рукописи Гоголя для нахождения правильного варианта взамен «искажения» Прокоповича и считал данные черновой редакции наиболее авторитетными для установления авторской воли. Такой подход, игнорирующий прижизненные авторизованные издания (*ВД1*, *ВД2*), противоречит современным текстологическим принципам (тем более, что ни одна рукопись «Вечеров» не является беловой).

Критику тихонравовского текста начал Н.И.Коробка, указавший на абсолютизацию данных рукописи и на то, что, следуя этой логике, Тихонравов вставлял из рукописей в основной текст отдельные варианты, слова и даже целые фразы. К тому же при выборе вариантов Тихонравов нередко руководствовался интересами грамматической правильности, ссылаясь при этом на волю самого Гоголя, т.е. фактически выступал по отношению к тексту порой в качестве редактора, подобно Прокоповичу или Шевыреву (*Кор., т. 1, с. 6–14*). Подвергнув ревизии тихонравовский «основной текст», Коробка предложил для текстологии «Вечеров» иную схему: текст издания 1836 г. (*ВД2*) с внесением в него поправок 1851 г. (*Кор., т. 1, с. 15*). Такое решение, представляющееся, действительно, более последовательным в рамках этой логики, вместе с тем дает нам уже реконструкцию текста, никогда не существовавшего в действительности. Кроме того, поправки вносились поверх правки Прокоповича, т.е. порой они отменяли вариант *Соч. 1842* и давали новый, не встречавшийся в ранних изданиях. С другой стороны, учитывая характер правки 1851 г., можно уверенно сказать, что многие места в варианте *ВД2* были бы поправлены Гоголем, если бы они не были выправлены до того уже Прокоповичем. Наконец, регулярная правка 1851 г. («паробки», «ни с того, ни с сего») была проведена только на части текста, поэтому и Тихонравову, и Коробке, в действительности, самостоятельно пришлось разделить ее на гоголевскую и редакторскую (иначе остался бы разноречивой в достаточно принципиальных и частотных написаниях ряда слов). Таким образом, даже продекларированная Коробкой формула реконструкции аутентичного текста в реальности не могла быть выдержана. Эти обстоятельства привели К.И.Халабаева и Б.М.Эйхенбаума в их издании (*ХЭ, т. 1, с. 415*) к мысли вообще отказаться от правки как 1842 г., так и 1851 г., и печатать текст непосредственно по *ВД2* с поправками по первому изданию «Вечеров» (*ВД1*). Правда, обосновывая свое решение, редакторы указывали на то, что правка 1851 г. имеет «не художественный, а чисто стилистический и грамматический (корректорского типа) характер» (*ХЭ, т. 1, с. 416*), с чем едва ли можно вполне согласиться.

Академическое издание (*Ак., т. 1*) дало свой вариант решения проблемы. Здесь также заявлена была ориентация на *ВД2* (в реальности последовательно не выдержанная, в тексте многочисленны отступления в пользу вариантов *Соч. 1842* и *ВД1*, а также черновых автографов), правка же 1851 г. в основном учтена в тексте «Сорочинской ярмарки». Причем, как утвержда-

ли редакторы, учитывались «только те исправления, которые могут быть с полной убедительностью приписаны Гоголю», прочие изменения отнесены на счет М.Н.Лихонина и издателями «как правило, не вносятся» (*Ак., т. I, с. 499*). Не говоря уже о непоследовательности и «нечеткости» подобной текстологической установки, вызывает протест полный отказ от принципа «авторизации текста»: издание осуществлялось в 1851 г. под непосредственным наблюдением Гоголя, поэтому правка Шевырева и Лихонина не может рассматриваться как искажающая текст. Кроме того, трудно объяснить, чем отличаются неучтенные в *Ак., т. I* исправления типа: «чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу» (*Соч. 1855*) вместо «чернел кленовый лес, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицом к месяцу, тонкою серебряною пылью» (*ВД2*) в «Майской ночи» от правки в «Сорочинской ярмарке» «и угасающий день пленительно и ярко румянился» (*Соч. 1855*) вместо «день и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо», с уверенностью приписанной редакторами Гоголю.

В настоящем издании в соответствии с общими его принципами (принцип основного текста и обязательного отражения последней авторской воли), а также главным принципом выработанной при издании «Вечеров» текстологической традиции, основной текст печатается по изданию 1836 г. (*ВД2*), с внесением в него тех исправлений 1851 г. (*Соч. 1855*), которые не вызывают сомнения в их принадлежности Гоголю.

Речь идет в первую очередь о семантических трансформациях, типа «сатана, в образине свиньи» вместо «сатана, в костюме ужасной свиньи», «поставив себе в ноги мешки с золотом» вместо «поставив себе в ноги мешки свои»; правке, которая направлена на изменение образного строя текста (см. выше): «и угасающий день пленительно и ярко румянился» вместо «день и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо»; «чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу» вместо «чернел кленовый лес, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицом к месяцу, тонкою серебряною пылью».

Как гоголевские расцениваются лексические изменения, имеющие стилистическую окраску, типа «Славная дивчина» вместо «Славная девушка», «разговорился чересчур» вместо «разгорячился чересчур», «речистого храбреца» вместо «высокого бонмотиста-храбреца». Также вносятся, как принадлежащие Гоголю, синтаксические изменения, ведущие к некоторым смысловым сдвигам, как, например, «На Покров, бьюсь об заклад, что пан Голова будет писать ногами» вместо «На Покрову-то, я готов поставить Бог знает что, если пан Голова не будет писать ногами», а также уточнение принадлежности реплики тому или иному персонажу: «дается повеление, — сказал Голова, — изловить» вместо «дается повеление — изловить», ср. также добавление в *Соч. 1855* в конце второй главы

«Сорочинской ярмарки» поясняющей фразы «Вот, что говорили негоцианты о пшенице:», отсутствовавшей в предшествующих редакциях.

Вместе с тем, из исправлений 1851 г. в текст настоящего издания не вносятся те, в которых можно предположить редакторское вмешательство: 1) синтаксические исправления, направленные на снятие инверсий и облегчение синтаксических конструкций: «подымали на тяжелые свои колеса» вместо «подымали на тяжелые колеса свои»; «поглядывая на доски, накладенные под потолком» вместо «поглядывая на накладенные под потолком доски»; «Пидорка стала рассказывать, как проходившие мимо цыганы украли Ивася; но Петро не мог даже вспомнить его» вместо «Дивно только показалось Пидорке, когда стала рассказывать, как проходившие мимо цыгане украли Ивася. Он не мог даже вспомнить лица его» и т. д.; 2) исправления лексического и стилистического характера, направленные на снятие речевых «неправильностей»: «испытующих очей» вместо «испытательных очей», «в непобедимом страхе» вместо «в ничем не победимом страхе», «один наверху, другой внизу» вместо «один наверху, другой на низу»; «и Левко почувствовал себя схваченным» вместо «и Левко увидел себя схваченным»; 3) характерную для 1851 г., а иногда появляющуюся и в 1842 г. замену глагола «стал» на «начал» («Уже и снег начал сеяться» вместо «Уже и снег стал сеяться»; ср. правку Прокоповича, удержанную в Соч. 1855: «Начал говорить гетьман» вместо «Стал говорить гетьман»); 4) замену украинизмов более нейтральными лексемами: «хватил топором» вместо «хватил секирою» (от укр. «сокіра» — см. с. 707 наст. изд.).

Не вносятся исправления и в том случае, когда они либо сделаны поверх правки Прокоповича, либо удерживают правку Соч. 1842: «казаков» вместо «козаков», «оборванный мальчишка» вместо «оборвавшийся мальчишка»; «дынь подам таких» вместо «дынь подадим таких»; «получше деревянную люльку» вместо «получшую деревянную люльку»; «Не успела Параска переступить за порог хаты» вместо «Не успела переступить она за порог хаты» и т. д. (ср. с. 525, 527, 531 наст. изд.).

Из издания Соч. 1855 не вносятся перечисленные выше регулярные исправления части корректурных листов, прочитанных Гоголем в 1851 г. (см. выше), которые иначе пришлось бы экстраполировать на весь текст: так, по ВД2 последовательно печатается «парубков» вместо «паробков», «шаровары» вместо «шаравары», «околоток» вместо «околодок», а также все производные глагола «танцевать» вместо «плясать» (ср.: «подтанцовывая за веселящимся народом» вместо «подплясывая за веселящимся народом» — см. с. 532, 534 наст. изд.). Вместе с тем встречающиеся в самом тексте ВД2 орфографические и произносительные разночтения (напр., «в Медвежьем оврагу» и «в Медвежьем овраге», «гетьман» и «гетман», «хлев» и «клев», «знахарь» и «знахор», «Семиград» и «Седмиград», а также их производные) воспроизводятся в соответствии с печатным источником.

Пунктуация дается по изданию ВД2; при этом текст выправляется в соответствии с общими лингвистическими принципами, принятыми в изда-

нии (см. с. 566); в случае, когда в *ВД2* встречается прописная буква после двоеточия, оно заменяется на точку. Исправление очевидных опечаток не оговаривается (например, «услышишь» вместо «услушишь» в «Пропавшей грамоте» и т. д.).

Опечатки, приводящие к искажению смысла, выправлены по изданиям *ВД1*, Соч. 1842 и в редких случаях по *ЧА*. Так, по изданию *ВД1* выправлены: «не закупыв усіеи ярмаркы» вместо неверного раздельного написания «у сіеи», «писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара» вместо «писала ногами совершенное подобие лакомого товара» («Сорочинская ярмарка»); «так де воно ѿ возметущя ниначе з неба» вместо «так де воной возметущя з неба» («Майская ночь»); «“Ах!” — вскрикнули девушки» вместо «“Ау!” — вскрикнули девушки», «пришел как-то коровий пастух» вместо «пришел какой-то коровий пастух», «теснясь к спорившим» вместо «теснясь к ссорившим» («Ночь перед Рождеством»); «По-над самым провалом» вместо опечатки «Но над самым провалом» («Страшная месьть»); «капот с мелкими оборками» вместо «капот с мелкими сборками»; «“Пойдемте за стол!” — сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана Федоровича за руку. Все вышли в столовую.» вместо «“Пойдемте за стол!” — сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана Федоровича за руку.» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

По разделу «Опечаток» издания *ВД1* (*ВД1* Опеч.) выправлено в «Майской ночи»: «рад был случаю сжечь меня» вместо «рад был случаю съестъ меня», скорее всего ошибочно не поправленного в *ВД2* и удержанного в Соч. 1842 и Соч. 1855.

По изданию Прокоповича (Соч. 1842) выправлены очевидные грамматические неправильности текста *ВД2*: «под обоими глазами» вместо «под обеими глазами» («Ночь перед Рождеством»); логические противоречия: «как имели случай видеть выше сего» вместо ошибочного «как имели случай видеть ниже сего» («Ночь перед Рождеством»); «не верь сну» вместо «не верь ему» («Страшная месьть»); опечатка в *ВД1*: «не верь сму», исправленная в *ВД2* на: «не верь ему»; ср. также *ЧА См*). Вместе с тем, во фразе «степь краснеет, синееет и говорит цвѣтами» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), в которой издатели Гоголя, начиная с Прокоповича, предполагали опечатку и заменяли «говорит» на «горит» (ср. также *Ак.*, т. I, с. 549), мы сохраняем вариант *ВД2* как возможный стилистически, тем более, что он обнаруживается и в черновой рукописи.

Одновременно по *ВД1*, Соч. 1842 и Соч. 1855 исправлены опечатки: «подумала Екатерина» на «подумала Катерина» («Страшная месьть»); «содержащая в то время» на «содержавшая в то время» («Вечер накануне Ивана Купала»); «топоча листьями» на «шопоча листьями» («Пропавшая грамота»).

Стараясь не злоупотреблять черновыми автографами, в нескольких случаях редакторы настоящего издания все же вынуждены были восстановить отдельные дефектные места печатного текста книги по черновым редакциям.

Так, по ЧА Ся восстанавливается прочтение «мигом оживили его плетеными тройчатками» вместо «мигом оживили плетеными тройчатками» (ВД2), давшего повод Прокоповичу внести новое исправление во фразу: «мигом оживили жиды плетеными тройчатками» (Соч. 1842). По ЧА НпР печатается «дорога шла по-за селом» вместо скорее всего опечатки «дорога шла по за селом» (ВД1) и лишенной смысла русификации «дорога шла по заселам» (ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855). По ЧА Шп восстанавливается прочтение «и сделавшись подпоручиком» вместо «и сделавшись поручиком», противоречащее смыслу предшествующего текста. Особо следует остановиться на проблеме «Ночи перед Рождеством», в печатном тексте которой встречается целый ряд логических сбоях, заставляющих предположить пропуски текста (так, существует даже версия, что в наборный экземпляр повести попали случайные прочтения, объясняемые рассеянностью переписчика — см.: Ак., т. I, с. 538). На самом деле, предположение о существовании переписчика представляется не вполне правдоподобным, в частности, по историко-биографическим соображениям (у Гоголя было слишком мало денег). И все же в нескольких случаях пропуск сегмента предложения или целого предложения в печатном тексте по сравнению с ЧА НпР существенно нарушает логику повествования, так что есть некоторые основания предполагать, что он не входил в авторские намерения. Так, в рассказе пастуха о ведьме (ср. в ЧА НпР: «видел собственными глазами, что ведьма с распушенной косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелиться, так был околдован, подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день») в ВД1 и во всех последующих изданиях выпал сегмент «подоивши коров, она пришла к нему»; причем надо отметить, что выпущенные слова составляют 33 типографских знака (с пропусками), что равно длине строки в ВД1; кроме того в ВД2 появилась запятая после «околдован», отсутствовавшая в ВД1. Исходя из этих соображений, в данном случае мы восстанавливаем текст по черновому автографу. То же относится и к сцене у императрицы, где в описании Д. Фонвизина делается поправка (отмечена подчеркиванием. — Ред.) на основании чернового автографа: «продолжала государыня, устремив глаза на стоявшего подале от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами показывал, что он не принадлежал к числу придворных».

В двух случаях предполагаемой цензуры или, скорее всего, автоцензуры, мы восстанавливаем текст на основе черновой редакции («Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения» вместо «Тут кузнец вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения»; в сцене полета Вакулы на черте восстанавливается следующее описание: «Его забавляло до крайности, как черт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а черт, думая, что его со-

бираются крестить, летел еще быстрее» — см. также с. 766—767, 768 наст. изд.).

Оговорим особо еще один случай: в *Ак., т. I, с. 538* на основе чернового автографа сделана логическая конъектура в следующем месте: «стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон» (ср.: «копыт коня, звук колеса...» в *ВД1* и *ВД2*, замененный на «стук конских копыт и колес...» в *Соч. 1842* и *Соч. 1855*). Однако обращает на себя внимание, что в рукописи вся фраза читалась по-другому: «Да и кому бы не чудно показалось впервой очутиться в улице заставленной четырехэтажными стенами, когда малейший стук, копыт коня отзывается громом и отдается несколько раз». При малочисленности запятых в рукописях Гоголя, стоящий в этом месте знак особенно значим. Предполагая, что Гоголь имел в виду украинское слово «*копит*» — топот, стук копыт, мы сохраняем текст данной фразы в редакции *ВД1* и *ВД2*.

Особую проблему представляет передача украинской речи в «Вечерах». Здесь следует иметь в виду, что с XVIII в. официальная языковая политика России была направлена на максимальное уподобление украинской орфографии русской (ср. указ Петра I 1720 г., запрещавший печатать на Украине какие-либо книги, кроме церковных, «дабы не могло <...> с великоросскою печатню несогласия произойти»); еще и на протяжении XIX в. украинские книги разрешалось печатать только «на великороссийском наречии», а сам украинский язык трактовался как испорченный польским влиянием русский, областное наречие, подобное «белорусскому, сибирскому и другим <...> областным наречиям» (см.: *Миллер, 2000, с. 58—59*). Соответственно не существовало фиксированных правил транслитерации украинской речи (см.: *Огієнко Іван. Історія української мови. Київ, 1995. С. 120, 121, 154—160*). В гоголевские времена одним из образцов передачи украинского языка средствами русской орфографии стал, в частности, сборник малороссийских песен М.А.Максимовича (*Максимович, 1827*). Издание Максимовича было поддержано петербургскими писателями пушкинского круга (см., напр., отзыв О.М.Сомова о сборнике в «Обзоре российской словесности за 1827 год» — *СЦв. на 1828 год. СПб., 1827. С. 42*), однако по поводу орфографии сборника разгорелась полемика: в поддержку правописания «Малороссийских песен», равно «понятного и для Велико-россиян», высказался корреспондент «Вестника Европы», некий П.Л., сам приславший в журнал малороссийские песни, пословицы и поговорки (см.: *П.Л. Из письма к издателю // ВЕ. 1829. № 16. С. 304—306*); против орфографии Максимовича выступил, в частности, некий Б., высказавшийся в пользу воспроизведения малороссийской речи латиницей (*ВЕ. 1830. № 2. С. 116*). Эта полемика чрезвычайно существенна для понимания той языковой и литературной ситуации, на фоне которой задумывались и создавались «Вечера». В русской орфографии малороссийские слова воспринимались как специфический слой языка, обнаруживая его новый стилистиче-

ский регистр, ассоциировавшийся с русской (славянской) древностью как таковой. Характерное для гоголевского времени представление об украинском языке как деградировавшем древнеславянском (ср.: «В древние времена жители Малороссии говорили языком Славенским, но потеряли или испортили его в то время, когда находились в плену у татар, литовцев и поляков» — *Маркович, 1798, с. 57*) во многом восходило к гердеровскому (см. ниже) представлению об Украине как колыбели славянства (ср. рецензию С.Шевырева на сборник «Малороссийских песен» М.Максимовича — *МВ. 1827. № 23. С. 310–317*; см. также: *Комаров, 1939, с. 138–141*). При этом отсутствие правил транслитерации приводило к тому, что каждый делал это, сообразуясь с собственными представлениями о способах передачи украинской речи: так, напр., украинское «и» могло передаваться русскими буквами «и» и «ы» (орфографический и фонетический способы транслитерации) и т. д.

Подобные разночтения отчетливо видны и в разных редакциях «Вечеров», где украинские и украинизированные эпитафии и тексты песен заметно отличаются в правописании. Вполне осознавая всю сложность ситуации, мы воспроизводим украинские тексты в основном в том виде, в каком они были напечатаны в прижизненных изданиях Гоголя (см. с. 567 наст. изд.). Украинский текст эпитафий и песен дается в настоящем издании по тексту *ВД2*, за исключением явных ошибок (вместо неправильного «*лыди добри*» (*ВД1, ВД2*) берется вариант «*люди добри*» (*Соч. 1842, Соч. 1855*); вместо «*За що глазуєте?*» (*ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855*) — «*За що глузуйте?*» (*ВД1*); вместо *Що-товже, як у кого* (*ВД1, ВД2, Соч. 1842, Соч. 1855*) — *Що-то вже, як у кого* и т. д. При этом, в отступление от принятого нами общего принципа не отражать в своде вариантов орфографических разночтений, различия в передаче украинских текстов в своде вариантов фиксируются.

* * *

Обращение Гоголя к украинским сюжетам в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» во многом определялось литературной ситуацией эпохи: романтическим историзмом, интересом к народной поэзии, народной культуре, усилившимся в России в 1820–1830-е гг., в частности, в связи с распространением идей немецких романтиков, и в первую очередь Я.Гримма (см.: *Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX в. М., 1997. С. 69–77*). Тот пласт народной культуры, который до тех пор находился вне сферы внимания высокой литературы, будучи допущен лишь в низкие жанры, становится предметом эстетического переосмысления. Непосредственно интерес к Малороссии и мода на украинскую тематику (подробнее см. выше, с. 593–595 наст. изд.) возникает в России также не без влияния немецкой философии и, в частности, идей И.Г.Гердера, одним из первых в Европе обратившего внимание на Украину (см. об этом: *Johann*

Gottfried Herder. *Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa*. Berlin, 1978; Dmitrieva K. *Herder im Streit zwischen Okzidentalisten und Slawophilen um das russische Nationalbewußtsein // Nationen und Kulturen. Zum 250. Geburtstag Johann Gottfried Herders*. Hrsg. von Regine Otto. Königshausen & Neuman, 1996. S. 325–332). Ср. высказывание Н.И.Надеждина: «Кто не знает, по крайней мере, по наслышке, что наша Украина имеет в своей физиономии много любопытного, интересного, поэтического? Какое-то тайное согласие признает ее славянской Авзонией и предчувствует в ней обильную жатву для вдохновения» (*Телескоп*. 1831. № 20 — см.: *Надеждин*, 1972, с. 280); ср. также в отзыве В.А.Ушакова на «Вечера»: «...новейшие наши писатели, желая отцветить свои исторические картины народными красками, как будто условившись, искали оных в быту малороссийском» (*СПч*. 1831. № 219 — см. с. 635 наст. изд.). Так что, как неоднократно отмечалось исследователями (см., напр.: *Каллаш*, 1902, с. 3–11), малороссийские повести Гоголя не создали интереса к Малороссии в русском обществе того времени, а наоборот, шли навстречу уже вполне определенному интересу.

Из книг, содержащих украинский исторический, этнографический и фольклорный материал, к которым Гоголь обращался во время своей работы над «Вечерами», с уверенностью можно назвать следующие: 1) «Записки о Малороссии, ее жителей и произведениях» Я. Марковича (*СПб.*, 1798 — книга была посвящена родственнику Гоголей-Яновских Д.П.Трощинскому и очевидно была в поле зрения молодого Гоголя; см. также с. 683, 724, 781, 784, 842 наст. изд.); 2) «Граматику малороссийского наречия» А.Павловского (*СПб.*, 1818; см. с. 708, 723, 724, 725, 771, 840 наст. изд.); 3) «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Н.А.Цертелева (*СПб.*, 1819; также посвящен Трощинскому — см. с. 682, 709, 724, 726, 747, 825, 827 наст. изд.); 4) «Малороссийские песни, изданные М.Максимовичем» (М., 1827 — см. с. 682, 706, 709, 714, 785, 790, 799, 821, 822, 826–830 наст. изд.); 5) «Малороссийская деревня» (М., 1827) латиниста нежинской гимназии И.Г.Кулжинского; хотя Гоголь и назвал ее «литературным уродом» в письме к Г.Высоцкому 19 марта 1827 г., однако достаточно широко пользовался ею в качестве источника при работе над «Вечерами» — см. с. 598, 682, 683, 705, 709, 725, 730, 736, 747, 784, 785–786, 828 наст. изд.; см. также: *Данилов*, 1908, с. 3–8; *Барабаш Ю. Иван Кулжинский, волонтер малороссийства (Сквозь призму гоголевской оценки) // История национальных культур. Перечитывая и переосмысливая*. Вып. 1. М., 1995. С. 40, 48–51; 6) труд Д.Н.Бантыша-Каменского «История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края». Ч. 1–4. М., 1822 (2-е издание книги — М., 1830 — вышло в трех частях с измененным подзаголовком: «История Малой России. С 19 портретами, 5 рисунками, 26 раскрашенными изображениями малороссиян и малороссиянок в старинных одеждах,

планом Берестского сражения, снимками подписей разных гетманов и предводителей козаков и с картой, представляющей Малороссию под владением польским в начале XVIII в.»; о популярности «Истории Малой России» в пушкинских кругах см.: Вацуро В.Э. *Первый русский переводчик «Фариса» А.Мицкевича // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 63, 67; см. также с. 684, 717, 725, 772, 781, 786, 790 наст. изд.*); 7) рукописное исследование конца XVIII — начала XIX в. «История Русов, или Малой России», длительное время приписывавшееся архиепископу Белорусскому Георгию Конисскому, позднее Г.А.Полетике и А.А.Безбородко (вопрос об авторстве и по сей день остается открытым); с одним из списков Гоголь мог познакомиться в 1831 г. в Царском Селе у Пушкина, которому список «Истории Русов» был подарен в 1829 г. М.А.Максимовичем (Оксман Ю.Г. *Из разысканий о Пушкине. 1. Неосуществленный замысел истории Украины // ЛН, т. 58, с. 212; см. также с. 756, 788, 792, 802, 804, 821, 822, 825, 830 наст. изд.*); впервые опубликовано О.Бодянским в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете». М., 1846. № 1—4. С. 1—266; тогда же отдельным изданием: «История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского». М. В унив. тип., 1846 (перепечатано в отрывках: *Укр. літ. XVIII, с. 584—640; о знакомстве Гоголя с рукописью см. также: Казарин, 1986, с. 20—49; Миллер, 2000, с. 59—60.*)

Серьезное воздействие на поэтику «Вечеров» оказали украинские песни, как общими стилевыми принципами (ср. высказывание Андрея Белого, назвавшего «Вечера» «испарением полумифических образов над песней без слов» — *Белый, 1934, с. 14*), так и в качестве источника отдельных мотивов и сюжетных ходов (см. подробнее с. 713, 735—736, 798—799 наст. изд.). При несомненном знакомстве Гоголя с украинскими песнями в устной традиции (см.: *Дубравин В.В. Путь Н.В.Гоголя к музыке // Наследие Н.В.Гоголя и современность. Часть первая. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. 24—26 мая 1988. Нежин, 1988. С. 17—18*), большинство использованных им цитат восходит скорее к книжным источникам — собраниям малороссийских песен Максимовича, Цертелева и т. д. (см.: *Шенрок, т. 1, с. 167; т. 3, с. 353; см. также с. 627 наст. изд.*).

Комическая тенденция «Вечеров» определяется в первую очередь украинской народной фарсовой традицией (отсюда мотивы драки, побоев, нечаянных поцелуев, неузнавания, смешные фамилии и имена персонажей — см. с. 674 наст. изд.). Из интерлюдии (один из предков Гоголя, Танский, был известен как автор интерлюдий и пользовался у современников славой «малороссийского Мольера»), а также вертепной драмы и былички заимствованы типы: простоватого мужика (Солопий Черевик); школьника-семинариста, ухаживающего за торговками и паннами (попович Афанасий Иванович в «Сорочинской ярмарке», дяк в «Ночи перед Рождеством»); «бой-

бабы» (Солоха, Хивря). В изображении казаков также отразились разнообразные украинские театральные традиции. Так, для вертепа вообще характерна была фигура казака хвастливого и плутоватого, в чем сказалось воздействие польского театра (собственно в польском театре казак выступал как пьяница, гуляка, «разноситель шинков» — см.: *Розов, 1911, с. 109–113*). Вместе с тем, в малорусском вертепе появлялся казак, «без просвету тянувший горилку, но и бодро выступавший на защиту веры и национальности», соединявший в себе комическое и высокое. В серьезной украинской драме казак рисовался как грозная сила, которую боятся и турки, и татары, и поляки (*там же, с. 108–109*). В изображении черта Гоголь в целом следовал традиции вертепа и бытовой сказки, где черт предстал обычно в двух ипостасях: как сатана, мощный противник Бога (ср.: «Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месь» — и как простоватый, неловкий черт, играющий комическую роль (ср. «Сорочинская ярмарка», «Ночь перед Рождеством»; см.: *Перетц, 1902, с. 47; Розов, 1911, с. 117; Stender-Petersen, 1920, с. 72–87; Софронова, 1998, с. 364–374*). Кроме того, в «Вечерах» отразились многие мотивы украинских быличек, бывальщин и легенд о нечистой силе: продажа души черту, призрачность имущества, полученного от черта; поездка на чертовом коне, анекдот о кузнеце и черте, свидание черта с ведьмой, полет ведьмы на помеле через трубу, мотив ведьмы-мачехи и утопленницы-русалки; поиски цветка папоротника и клада, зачарованные предметы и представления об обморочных местах; власть колдуна над человеческой душой и т. д. (см.: *Петров, Тр.К.А., 1902, с. 561–574; Перетц, 1902, с. 53–54; Чудаков, 1906, с. 1–37; Невірова, 1909, с. 5–6, 37–40; Александровский, 1914, с. 11–12; Померанцева, 1975, с. 89–90, 134, 172–173; Еремина, 1976, с. 251–256; см. с. 689–690, 714, 734–735, 753–755, 769–770, 799–801, 844–845 наст. изд.*).

Непосредственно в изображении прошлого Украины у Гоголя были предшественники в русской литературе, но не было ни одного, по следам которого он мог бы прямо идти (см.: *Петров, Тр.К.А., 1902, с. 564–566*). Наибольшее количество точек пересечения обнаруживается у Гоголя с О.Сомовым (см. с. 595–596 наст. изд.), у которого ироническое отношение к фантастике соседствовало с мыслью о том, что действительность полна тайн и ее явления не поддаются одному рассудочному объяснению (см.: *Мусий, 1989, с. 103*; см. также *Данилов В.В. О.М.Сомов, сотрудник Дельвига и Пушкина // Рус. фил. вестн. 1908. № 3. С. 317–323*). Правда, в отличие от Сомова, стремившегося, по его собственным словам, «собрать сколько можно народных преданий и поверий, распространенных в Малороссии и Украине между простым народом, дабы оные не вовсе были потеряны для будущих археологов и поэтов» (*Сомов О.М. Сказки о кладах — цит. по: Сомов, 1991, с. 203*), Гоголь руководствовался не столько этнографическим интересом (в ряде случаев он и вовсе отказывался от этнографической точности — см. с. 638–639, 648–649 наст. изд.), сколько использовал фольклорный и этнографический материал для постро-

ения сюжета, свободно комбинируя отдельные мотивы. Высказывалось также мнение, что стиль описания украинских пейзажей в «Вечерах» обнаруживает некоторое сходство с «Путешествием в Малороссию» П.И.Шаликова (М., 1803), под сильным влиянием которого находился и нежинский учитель Гоголя И.Кулжинский (см.: Скуратовский, 1997, с. 81–82; см. также с. 703 наст. изд.).

Из современной Гоголю украинской литературы наибольшее воздействие оказали на него своей поэтикой, принципом органического соединения высокого и низкого, комического и серьезного, произведения И.Котляревского (*Енеида, на малороссийский язык переложенная И.Котляревским. Ч. 1–3. СПб., 1798; 2-е изд. — Енеида, на Малороссийский язык переліційованная И.Котляревским. СПб., 1808; 3-е изд. — Виргилиева Энеида на малороссийский язык переложенная И.Котляревским. В 4-х ч. М., 1809 — см. с. 692 наст. изд.*), П.П.Гулака-Артемовского (басни: *Пан та собака // Украинский вестник. 1818. № 12. С. 356; Солопій та Хивря, або Горох пры дорозе // Украинский вестник. 1819. № 10. С. 80 — см. с. 692 наст. изд.*) и В.А.Гоголя-Яновского (комедии «Собака-овца» и «Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом» — см. с. 592, 691 наст. изд.). Они же послужили Гоголю источником некоторых сюжетных ходов, реминисценций и эпитафий к повестям цикла (см. с. 703–708, 723, 737, 746, 753, 761, 762, 770, 771, 788, 820, 830 наст. изд.; см. также: Владимиров П.В. *Очерки развития творчества Гоголя. Киев, 1891; Яценко М. Типология комического в творчестве И.Котляревского и Н.Гоголя // Тезисы докладов I Гоголевских чтений. Полтава, 1982. С. 74–75).*

Важную роль в генезисе «Вечеров» сыграла литература немецкого романтизма, с общим направлением которой Гоголь мог познакомиться в нежинской Гимназии высших наук, на уроках немецкого языка и посредством русских журналов, «Московского телеграфа» и «Московского вестника», где помещались переводы немецких романтиков (см.: Шевырев, 1835, с. 403–404; Чудаков, 1908; Александровский, 1914, с. 19; Gorlin, 1933; Зеньковский, 1994, с. 298; Карташова, 1975, с. 37–39; Ботникова, 1977, с. 109; Passage, 1963, р. 144). Причем здесь следует говорить в основном не о влиянии на Гоголя отдельных конкретных текстов, но об усвоенном им у немецких романтиков принципе смешения сверхъестественных элементов народной традиции с элементами современного, индивидуального повествования. В этом смысле поэтический мир, созданный молодым Гоголем, наиболее близок поэтическому миру литературной сказки (*Kunstmärchen*), разработанному в немецкой литературе в том числе Л.Тиком и Э.Т.А.Гофманом (см. подробнее с. 668, 714–716, 795–798 наст. изд.).

В повествовательную форму, обнаруживающую влияние принципов немецкого романтизма, Гоголь облакал сюжеты, заимствованные из устных народных преданий, легенд, песен, народной драмы (см. выше; см. также: Петров, Тр.К.А., 1902, с. 564); соответственно, в повестях цикла нередко

проявляется сходство как с украинским фольклором, так и с фантастической демонологией немецких романтиков (о соединении украинского фольклорного дуализма с дуализмом романтическим см.: Мочульский, 1934, с. 20; ср. высказывание В.В.Гиппиуса о том, что Гоголь «не отразил реальной действительности в “Вечерах” не потому, что не знал ее, но потому, что воспитывался в традициях немецкой литературы» — Гиппиус, 1924, с. 28). В сущности, в «Вечерах» мы имеем дело с уникальным случаем, когда источниками литературного произведения являются генетически родственные варианты общеевропейских фольклорных сюжетов, взятые из двух разных традиций: украинской и западно-европейской, при этом западно-европейский сюжет преломляется в родственном украинском сквозь призму эстетики немецкого романтизма (анализ данного явления на материале повести «Вий» см.: Левкиевская Е. К вопросу об одной мистификации, или гоголевский Вий при свете украинской мифологии // *Studia mythologica Slavica. T. 1. Ljubljana, 1998. P. 307–316*). Именно романтическая эстетика преобразует прагматический в своей основе мир народной былички (основного фольклорного субстрата гоголевской книги), где умение вести себя с нечистой силой уже является залогом победы над ней, в особый художественный мир «Вечеров», где человек далеко не всегда способен противостоять космическому злу. Отсюда — сходные поведенческие мотивы (например, обращение к помощи нечистой силы в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Ночи перед Рождеством»), приводящие к различным результатам, и эстетика ужасного, омрачающего даже самые жизнерадостные повести цикла (см. также с. 669–670 — наст. изд.). В русле романтической эстетики и обнаруживаемое в повестях, построенных на фольклорном материале, личное отношение к происходящему («хвостики душевного состояния»).

Название «Вечера на хуторе близ Диканьки», которое Гоголь дал своей книге, дополнительно соотносило ее с традицией, получившей широкое развитие в том числе у русских романтиков (ср.: «Славенские вечера» В.Т.Нарежного, 1809; «Вечер на Кавказских водах» А.А.Бестужева-Марлинского, 1824; «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» Антония Погорельского, 1828; а также более поздний цикл фантастических рассказов М.Н.Загоскина «Вечер на Хопре», 1834). Традиция эта заключалась в особом способе циклизации рассказов: истории, рассказанные разными или одним рассказчиком, объединялись общей повествовательной рамкой, устанавливавшей внутреннее «сродство» между разнородными по виду явлениями (см. подробнее: Янушкевич, 1971). Вместе с тем, вечера у пасичника Рудого Панька естественно соотносились и с деревенской традицией вечерниц (см. с. 683 наст. изд.). Кроме того, в создании цикла «Вечеров» значимой для Гоголя была и традиция устных «страшных рассказов», игравшая большую роль в кружке А.А.Дельвига (см.: Лотман Ю.М. Три заметки о Пушкине. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес» // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. III. Таллин, 1993. С. 402–405).

О самом раннем отклике на первую книжку «Вечеров», еще до выхода ее в свет, сам Гоголь сообщил Пушкину: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать (так. — *Ред.*) и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. <...> Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, очень до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву.* Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни» (*письмо от 21 августа 1831 г.*). Пушкин ответил Гоголю 25 августа: «Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканием наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца» (под «остреньким сидельцем» имелся в виду Н.Полевой — *Пушкин, т. 14, с. 215*).

А в середине сентября (после 10) 1831 г., почти сразу по получении книжки «Вечеров», Пушкин писал А.Ф.Воейкову: «Сейчас прочел *Вечера* близь *Диканьки*. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непридуманная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. *Мольер* и *Фильдинг*, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч. Пора, пора нам осмеять *Les précieuses ridicules* нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и все это слогом камердинера профессора *Тредьяковского*» (*Пушкин, т. 11, с. 216*).

Письмо Пушкина было написано в стиле журнальной заметки, и Воейков, бывший редактором «Литературных прибавлений к «Русскому Инвалиду»», вскоре опубликовал его в составе рецензии на «Вечера» Л.А.Якубовича (*Лит. приб. к «Рус. Инв». 1831. № 79. 3 октября. С. 625*). Сама рецензия Якубовича явно соотносилась с пушкинским отзывом: «Вот книга, которая приносит большую честь Автору <...> *Рудый Панек* рассказывает без вычур, без хитростей, без требований на ученость и славу. Лица его не подмалеваны, нет общих мест, пошлых и тошных, происшествия не притянуты за волосы, веселость неподдельная, остроумие не выкраденное: в них все просто — и потому все прекрасно! — ибо первое условие прекрасного — *простота*». В заключение Якубович обращался к Гоголю с пожеланием «не замедлить изданием 2-ой части своего прекрасного сочинения».

Отзыв Пушкина был перепечатан также в переводе на французский язык в издававшейся в Петербурге газете: *Le Miroir*. 1831. № 35. 28 octobre. Сопровождавшая перепечатку оценка анонимного обозревателя (существует предположение, что им был О.М.Сомов — см.: Ак., т. I, с. 505) касалась в основном проблемы народности «Вечеров»: «Они (повести. — Ред.) довольно многочисленны и все носят наивный и правдивый национальный характер. Под псевдонимом пасичника Рудого Панька автор описывает нравы, обычаи и язык добрых обитателей Украины. Какой рудник для разработки представляет собою наша народность!»². При этом «Вечера» рассматривались критиком в контексте уже существовавшей на русском языке литературы на украинскую тему: романов М.Н.Загоскина, повестей М.П.Погодина и О.М.Сомова, критических эссе И.П.Котляревского.

С пушкинской оценкой «Вечеров» перекинулся и отзыв В.Ф.Одоевского в письме к А.И.Кошелеву от 23 сентября 1831 г.: «...на сих днях вышли *Вечера на хуторе* — Малороссийские народные сказки. Они, говорят, написаны молодым человеком, по имени *Гоголем*, в котором я предвижу большой талант: ты не можешь себе представить, как его повести выше и по вымыслу и по рассказу и по слогу всего того, что донныне издавали под названием *Русских Романов*» (см.: Чичерин А.В. *Неизвестное высказывание В.Ф.Одоевского о Гоголе // Литературоведение*. Львов, 1958. С. 72; см. также: РЛ. 1975. № 1. С. 47).

Интересным свидетельством читательского восприятия первой книжки «Вечеров» в одном контексте с «Повестями Белкина» является письмо Н.А.Муханова к В.А.Муханову от 7 ноября 1831 г. (послано из Петербурга): «Здесь вышли две книжонки, *вечера* (так. — Ред.) на *Хуторе*, не знаю кем, которые очень хвалят. И повести *Белкина*, изданные Александром Пушкиным, не весьма важные, обе сии книжки вскоре тебе перешлю» (ОПИ ГИМ. Ф. 117. Ед. хр. 89. Л. 54 об.).

Другое читательское свидетельство — письмо Н.М.Языкова В.Д.Ковмовскому от 11 ноября 1831 г.: «...каков Гоголь-Яновский? Он мне очень нравится. Может быть, и за то, что жите-бытье парубков чрезвычайно похоже на студентское, которого я есмь пророк!» (АН, т. 19—21, с. 51). Ковмовский отвечал 17 ноября 1831 г.: «Потому-то и Гоголь-Яновский мне особенно по сердцу <...>. Может быть, повестей Пушк. (речь идет о «Повестях Белкина». — Ред.) не сумел я оценить по достоинству оттого именно, что читал их вслед за *Вечерами на хуторе*. Пожив в такой тесной связи с ведьмами и колдунами, не заслушаешься москаля, который думает, что и Бог вещь, как игриво его воображение, создавшее высокий вымысел о пья-

² Elles sont assez nombreuses et toutes présentent un caractère de nationalité naïf et vrai. C'est sous le nom pseudonyme de Passotchnik Roudy Panko, que l'auteur décrit les moeurs, les coutumes et le langage des bons habitants de l'Ukraine. Quelle mine a exploiter que notre nationalité!

ном гробовщике, который во сне угощает мертвецов» (ЛН, т. 19–21, с. 52–54). Кроме того, о гоголевской книге Языков сообщал брату, А.М.Языкову, 22 декабря 1831 г.: «Вечера на Диканьке сочинял Гоголь-Яновский (я, кажется, писал тебе это?). Мне они по нраву: если не ошибаюсь, то Гоголь пойдет гоголем по нашей литературе: в нем очень много поэзии, смысленности, юмора и проч.» (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 281). Ср. также в письме от 6 января 1832 г. М.Н.Языкова брату: «...есть сильная и благая надежда на Марлинского, который, ей-богу, и пишет лучше и имеет больше таланта романического, чем все иные знаменитые <...>. И “Вечера на Диканьке”, слава богу...» (Пушкин в неизданной переписке современников // ЛН, т. 58, с. 107).

Первая книжка «Вечеров» была также в поле читательского зрения П.Я.Чаадаева, который имел ее в своей личной библиотеке (экземпляр книги носит следы авторских помет, хранится в Музее книги РГБ — см.: Каталог библиотеки П.Я.Чаадаева. М., 1986. С. 17. № 14).

Об общем положительном отношении к «Вечерам» по выходе их в свет Гоголь сообщил матери, посылая ей ко дню ангела книгу в виде подарка: «...вы и в безделице видите мою сыновнюю любовь к вам, и потому я прошу вас принять эту небольшую книжку. Она есть плод отдохновения и досужных часов от трудов моих. Она понравилась здесь всем, начиная от государини...» (письмо от 19 сентября 1831 г.).

Самым же первым печатным откликом на первую книжку «Вечеров» была рецензия, появившаяся в «Северной пчеле» (№№ 219 и 220 за 29 и 30 сентября 1831 г.). Рецензия, подписанная буквой «В», была многими воспринята как рецензия Ф.Булгарина. Это во многом содействовало известности гоголевской книги в провинции, для которой булгаринская «Северная пчела» как единственная в то время газета «политическая и литературная» была авторитетом (см.: Тих., т. 1, с. 510; ср. отзыв о «Вечерах» украинского помещика В.И.Черныша, процитированный Гоголем в письме А.С.Данилевскому: «Не излишним почитаю при сем привести его (Черныша. — Ред.) слова, сказанные в похвалу моей книги: «Если вы дадите еще книгу в свет “Вечера”, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше. Это есть прекраснейшее дело, благороднейшее занятие. Я читал и рекомендацию ей от Булгарина в “Северной пчеле” очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно» — письмо от 1 января 1832 г.). На самом деле автором рецензии в «Северной пчеле» был В.А.Ушаков (см.: Каллаш В.В. Гоголь и В.А.Ушаков // Литературный вестник. 1902. № 1. С. 5–9). Поставив весьма актуальный для 1830-х гг. вопрос о соотношении украинской литературы с литературой общерусской, Ушаков увидел в повестях Рудого Панька проявление нового, особого качества народности. «Небольшое литературное общество, — писал он, — издавна составившееся в Малороссии и постоянно действовавшее в духе местного

патриотизма, <...> имело сперва целью сохранить во всей чистоте особенность своего наречия и оригинальность давно прошедшего быта <...>. Но в последнее время малороссийская школа оставила сию слишком местную цель свою и обратилась к мысли более глубокой — удерживать только характерное отличие своего наречия, поставляя главнейшею целью раскрывать народность во всей обширности этого понятия <...>. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком, представляют нам новый, изящный плод этого же умного и истинно народного усилия» (СПч. 1831. № 219. 29 сентября). Отметив комический дар Гоголя, его юмор, сочетавшийся с лиризмом и простотой («Мы не знаем ни одного произведения в нашей литературе, которое можно бы сравнить в этом отношении с повестями, изданными пасичником Рудым Паньком»), Ушаков вместе с тем назвал язык «Вечеров» «не совершенно отделанным», а также упрекнул автора в недостатке «творческой фантазии» и психологизма: «Не ожидайте характеров сильных или слишком глубоких, потому что пред вами раскрывается простой, сельский быт; но зато быт сей характерен во всех подробностях своих» (СПч. 1831. № 220. 30 сентября).

Что касается самого издателя «Северной пчелы», Ф. Булгарина, то тот отозвался о «Вечерах» весьма тенденциозно: «Книги Вечера на хуторе близ Диканки я не успел еще прочесть. Прочел предисловие — и утомился. Развертываю в нескольких местах, и описательная проза с необыкновенным многословием ужасает меня. Не терплю многословия и длинного описания бугров и рощей; но как многие хвалят эти Повести, то удосужусь прочесть и скажу об них мое мнение» (Булгарин Ф. Петербургские заметки. Письма из Петербурга в Москву к В.А.У<шакову>. Окончание второго письма // СПч. 1831. № 288. 18 декабря); обещанное «мнение» о «Вечерах», притом в весьма скорректированном виде, Булгарин высказал лишь в 1836 г., после выхода второго издания — см. 642 наст. изд.).

К числу отрицательных отзывов о «Вечерах» относился отклик Н.А. Полевого, выступление которого уже предвидел Пушкин (см. выше). Еще до появления «Вечеров», в 1830 г., в связи с выходом «Истории Малой России» Д. Бантыша-Каменского, Полевой напечатал статью «Малороссия: ее обитатели и история» (МТ. 1830. № № 17, 18), в которой доказывал, что Украина обладает яркой печатью народности. Именно этой народности он не увидел в «Вечерах» и потому высказал сомнение в том, что их автор действительно украинец. Резкой критике Полевой подверг прежде всего маску повествователя Рудого Панька, увидев в ней неудачное подражание Вальтеру Скотту: «Надобно сказать однако ж, что этот Пасичник большой хитрец! Чем вы думаете начинать он свою книгу? Бранит ее!.. <...> Но едва ли удастся ему поддеть нас на эту штуку! Мы скажем ему иначе: Что у вас за страсть быть Вальтер Скоттиками? Что за мистификации? Неужели все вы, Гг. Сказочники, хотите быть великими незнакомцами? <...>. Вальтер Скотт умел поддерживать свое инкогнито, а вы, г. Пасичник, спотыкаетесь на первом шагу. Неужели вы думаете, что представ-

ляете хорошо Малороссиянина, говоря: “Как томительно жарки те часы <...>”. И далее, приведя ряд раздраживших его фрагментов, в основном из «Сорочинской ярмарки», Полевой заканчивал: «Воля ваша, мы своим Русским умом не понимаем этого высокопарения; но понимаем то, что это писал не Пасичник и не Малороссиянин! <...> Довольно, мы видим, что вы самозванец-Пасичник, вы, сударь, Москаль, да еще и горожанин». Резко высказался Полевой и по поводу фольклоризма книги: «Благодарим вас за то, что вы разрыли клад Малороссийских преданий и присказок, но воспользовались вы этим кладом не искусно. Во-первых, все ваши сказки так не связны, что несмотря на многие прелестные подробности, которые принадлежат явно народу, с трудом дочитываешь каждую из этих сказок. Желание подделаться под малоруссизм спутало до такой степени ваш язык и все ваше изложение, что в иных местах и толку не доберешься. <...> вы сковали себя ролею, которая вам не под силу. Должно было рассказывать сказки или просто, как они хранятся в народном предании, или пересоздавать их смело, творчески, на что большой мастер старик В.Скотт. Далее, при недостатках слога, при несвойственной роли, при бедности воображения, вы еще вовсе не умеете сражаться с читателем на всякой строчке <...> и всего менее умеете шутить». В качестве же образца аутентичного воспроизведения местного колорита Полевой привел, помимо прозы В.Скотта, повесть «Лейтенант Белозор» — А.Марлинского (Полевой Н. «Вечера на хуторе близ Диканьки» // МТ. 1831. № 17. С. 91–95).

По-видимому, имея в виду в том числе и отзыв Полевого, Гоголь писал А.С.Данилевскому: «Порося мое давно уже вышло в свет. <...> Оно успело уже заслужить славы дань, кривые толки, шум и брань» (письмо от 2 ноября 1831 г.).

С Полевым, причем не в первый раз (см.: ЛГ. 1830. № 8), но теперь уже по поводу «Вечеров», вступил в полемику О.Сомов под псевдонимом Никита Луговой («Пересмешник. Письмо к издателю “Литературных прибавлений” о “Вечерах на хуторе близ Диканьки”, о критике на них г. Полевого и о прочем» // Лит. приб. к «Рус. Инв.». 1831. № 94. 25 ноября), о чем в завуалированной форме сообщал М.Максимовичу: «Я познакомил бы вас хоть заочно, если вы желаете того, с одним очень интересным земляком — Пасечником Паньком Рудым, издавшим “Вечера на хуторе”, т. е. Гоголем-Яновским, которому дуралей и литературный невежда и урод Полевой решился сказать: “Вы, сударь, Москаль, да еще и горожанин”. И пр. пр. Не правда ли, что Полевой совершенно оправдал басню Крылова “Осел и Соловей”? Но в “Литературном Прибавл. к Инвалиду” некто Никита Луговой высказывает, под личиной похвалы, самые резкие истины Полевому, и его сведения о Малороссии выводит на чистую воду» (письмо от 9 ноября 1831 г.; см.: Из писем О.М.Сомова к М.А.Максимовичу // РА. 1908. № 10. С. 266). Статья Сомова направлена была в первую очередь на дискредитацию познаний Полевого в украинской истории и этнографии (взятый Сомовым псевдоним Никита Луговой носил в данном

контексте откровенно пародийный характер): «Если Панько Рудый не читал еще статьи г. Полевого о “Вечерах на хуторе”, то вы, г. Издатель Л.П., не слушайте его 17 № Телеграфа; пасичкин (sic!), я слышал, человек всегда готовый высказать самые резкие истины, да еще и языком малороссийского прямодумия. Он, пожалуй, в состоянии повторить г. Полевому то, что уже сказал одному из его собратий, журналистов, в предисловии своем ко 2-й повести “Вечеров на хуторе» (Лит. приб. к «Рус. Инв.». 1831. № 94; см. также: Кирилюк З.В. Орест Сомов — критик и беллетрист пушкинской эпохи // Дослідження з літературознавства та мовознавства. Київ, 1960. С. 60; см. с. 711–712 наст. изд.).

Еще резче выступил против Полевого Н.И.Надеждин («Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком, без подписи // Телескоп. 1831. № 20. С. 558–559), намекнув на закулисную сторону его неприятия первой книжки «Вечеров» (имелась в виду борьба Полевого с «литературными аристократами», и в первую очередь Пушкиным и Жуковским, с которыми Гоголь тесно общался в период написания книги): «Как ни тягостно нам оскорблять внимание наших читателей, упоминая о “Московском телеграфе” не для смеха, мы не можем, однако, скрепиться теперь и удержать справедливое негодование, которое, без сомнения, все разделят с нами. Находящаяся перед нами книжка принадлежит к приятнейшим явлениям нашей словесности. И между тем с этой литературной каланчи <...> гряда мусора обрушилась на нее и на доброго Пасичника Рудого Панька! “За что ж?” — спросят иные, не знакомые с лютостью ожесточения, до которого может доходить литературная злоба. Ответ скрывается в мрачных сплетнях нашей журналистики, коих книжка сия сделалась невинною жертвою» (Надеждин, 1972, с. 280; ср. также более позднее высказывание В.Г.Белинского о Полевом, который «не понял Гоголя и восход нового великого светила приветствовал неприличной бранью» — Русские журналы // Моск. набл. 1839. № 4 — см.: Белинский, т. III, с. 177). Надеждин далее хвалебно отозвался о «верном отражении» местного колорита в «Вечерах», о языке и стиле повестей, а также об умении Гоголя примирить «национальную малорусскую и общерусскую литературные традиции» (в этом его оценка почти повторила отзыв Ушакова в «Северной пчеле»). «В отношении к языку, — считал он, — писавшие малороссийские картины обыкновенно впадали в две противоположные крайности: или сглаживали совершенно все местные идиотизмы (так. — Ред.) украинского наречия, или сохраняли его совершенно неприкосновенным. Первое мы видим в романах Нарезного, последнее в мастерских произведениях автора “Дворянских выборов” (речь идет о Квитке-Основьяненко. — Ред.) <...>. Наш Пасичник умел стать на золотой середине. У него национальный мотив украинского наречия переведен, так сказать, на москальские ноты, не теряя своей оригинальной физиономии. Описания, которыми он обставляет изображаемые сцены, иногда отзываются напряженностью; но и от них всегда пышет Украиною» (Надеждин, 1972, с. 280–281).

Вскоре в «Молве» (приложении к «Телескопу») в обзоре «Литературные новости, слухи и надежды» появилось благожелательное сообщение, возможно, также принадлежавшее перу Надеждина: «Вечера на хуторе Рудаго Панька и “Повести Белкина” доставили любителям чтения самое приятное легкое занятие» (*Молва*. 1832. № 19. С. 75; то же: *Надеждин*, 1972, с. 514).

Наиболее подробный разбор первой книжки «Вечеров» (около семидесяти страниц печатного текста) был сделан А.Я. Стороженко, скрывшемся за псевдонимом Андрий Царынный (*Царынный Андрий. Мысли малороссиянина, по прочтении повестей пасичника Рудаго Панька, изданных им в книжке под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки», и рецензий на оныя// СО/СА. 1832. №№ 1–5. С. 41–49, 101–115, 159–164, 223–242, 288–312*; в том же году рецензия была издана отдельной брошюрой). Статья начиналась с резкой критики всего, что до той поры было написано о «Вечерах», причем хвалебный отзыв Пушкина был расценен как «кратковременная прихоть поэта». Перейдя затем к непосредственному разбору книги, Царынный, с одной стороны, одобрил многие достоинства «Вечеров»: «живописные картины» (как, например, описание возов в «Сорочинской ярмарке»), «занимательно рассказанные» народные поверья (рассказ о красной свитке), удачные бытовые зарисовки (сцена хвастовства кума в «Сорочинской ярмарке», встреча Ганны и парубков в «Майской ночи», разговор с самим собою пьяного Каленика, описание пропажи шапки у деда и наставления шинкаря в «Пропавшей грамоте»). С другой стороны, слог «Вечеров» не удовлетворил автора рецензии своей стилистической разнородностью, что во многом сближало позицию Царынного с позицией Полевого. Царынный отметил также языковые ошибки Гоголя, не вписывавшиеся в норму ни русского, ни украинского языков: «Госпode» вместо «Господи» (в эпиграфе ко второй главе «Сорочинской ярмарки»); «чоловикам не онее» вместо «чоловик и не онее» (эпиграф к четвертой главе «Сорочинской ярмарки»); «продавица бублик» вместо «продавица бубликов», неправильное обозначение ярмарки табором, неправильное истолкование выражения «провозить попа в решете» (см. с. 724 наст. изд.), использование Левком в «Майской ночи» слова «ожерелье» в обращении к Ганне («выражение ни русское, ни малороссийское»); смешение «наречий малороссийского с русским» в песне, пропетою парубками под окнами головы; неправильность использования обращения «пан» в той же повести, поскольку «у нас вовсе нет в обыкновении при разговоре величать друг друга паном. Это если и было, так было очень давно, <...> когда еще оставались в памяти польские обычай» (*СО/СА. 1832. № 5. С. 290*).

В изображении собственно украинских нравов Царынный отметил ряд несообразностей в поведении Грицька в «Сорочинской ярмарке» («статочное ли дело, чтобы кто-нибудь из них (парубков. — *Ред.*), порядочно одетый, имеющий, как видно из слов самого Панька, хозяйство <...> ни за что ни про что, видя первый раз в жизни пожилую женщину, сидящую с прекрас-

ною девушкою на возу, тотчас приветствовал первую бранью», «так бесчинствуют одни лишь горькие пьяницы...» — *СО/СА. 1832. № 2. С. 112*); в реакции Параски на ухаживания парубка («дочка Черевикова какая-то оглашенная! Первый раз от роду на ярмарке, — первый раз в жизни видит разгульного парубка, который пустил комом грязи в мачеху, сидевшую с нею на возу, и тотчас обнимается с ним <...> у нас всякая молоденькая девушка имеет стыд и страх Божий» — *там же, с. 114*). Отмечалась ошибочная деталь, будто бы Левко в «Майской ночи» играет на бандуре, а не на балалайке («у нас играют на бандуре или слепые, или козачки, выученные на сем инструменте для утехи праздных панычей и панов. — Другое дело на балалайке; на оной и у нас бренчат многие парубки» — *СО/СА. 1832. № 4. С. 229*). Ошибочным считал критик использование Гоголем в «Майской ночи» песни «Солнце низенько» (см. с. 735, 745 наст. изд.), исторически неверным — описание Головы («хотя и есть черты, характеризующие лицо сие, но есть и несообразности» — *там же, с. 234; см. также с. 745 наст. изд.*).

В сюжетном отношении Царынный указал на следующие противоречия: непонятно, «каким образом узнал цыган <...> о неудачном сватовстве Грицька» («Сорочинская ярмарка» — *там же, с. 224*); «загадочно равнодушие Коржа, лишившегося любезного сына, и вместе с тем так нежно заботящегося о прогнанном им Петрусе» («Вечер накануне Ивана Купала» — *там же, с. 228*); в «Майской ночи» Ганна — «кокетка», когда она разговаривает с Головой: «Левко должен бы рваться от досады и ревности! Но разговор ее оставлен Автором без развязки, как будто оно и вовсе не происходило» (*там же, с. 240*). Гоголевская фантастика также отвергалась критиком как половинчатая, мол, Гоголь хотел, но не смог мотивировать события повести: «Кто перепугал беседовавших в хате у кума, выставя в разбитое кем-то окно свиную рожу? — Каким чудом, среди белого дня, у Черевика, не слепого, вдруг исчезла из рук кобыла <...>? Земляку моему Паньку не угодно было объяснить всего этого, и вместо развязки стольким чудесам он предоставил нам, как кажется, догадываться, что все сии фокусы проделаны цыганом... Намерение ладно; но мало ли кто что думает и не выполняет!» (*там же, с. 224–225*; анализ рецензии Царынного см. подробнее: *Манн, 1994, с. 67*).

В целом, из четырех повестей первой книжки наиболее положительно Царынным был оценен «Вечер накануне Ивана Купала» (см. с. 718 наст. изд.), а наибольшей критике подверглись «книжные» повести — «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь», где Панько «начал <...> мудроватьца» (*СО/СА. 1832. № 4. С. 224*). Обзор заканчивался умеренной похвалой: «С твоим пером можно много написать хорошего, оригинального, во славу свою и милой родины нашей» (*СО/СА. 1832. № 5. С. 307*).

Сохранилось воспоминание С. Т. Аксакова о первом его знакомстве с гоголевской книгой: «“Вечера на хуторе близ Диканьки” были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими. Я прочел, впрочем, “Диканьку” нечаянно: я получил ее из книжной лавки, вместе с другими книгами, для чтения

вслух моей жене, по случаю ее нездоровья» (Аксаков С.Т. *История моего знакомства с Гоголем* // Аксаков С.Т. *Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 3. М., 1956. С. 151*). Ср. также более позднее признание С.Т.Аксакова в письме художнику К.А.Трутовскому о впечатлении, которое на него произвела первая книжка «Вечеров»: «Вижу я, как полна душа ваша Гоголем! Я понимаю Вас. Хотя я не был уже молодым человеком, когда явился Гоголь, но помню, в какой восторг привела меня “Диканька”. <...> “Диканька”, без сомнения уступающая во многом другим творческим произведениям Гоголя, зато решительно превосходит их свежестью, ароматом юности, так сказать, которым дышит в ней каждая картина, каждое слово» (*Русский художественный архив. Изд. В.А.Головин. 1892. Вып. 2. С. 53*).

На вторую книжку «Вечеров», появившуюся в свет в начале марта 1832 г., первой вновь откликнулась «Северная пчела» (1832. № 59. 12 марта). Критик — а им был, по-видимому, все тот же Ушаков (см. выше) — оценил вторую книжку так же сочувственно, как и первую.

В обзоре «Летописи отечественной литературы» (*Телескоп. 1832. № 17. С. 97–108*) Надеждин отозвался о второй книжке бегло, однако отметил ее как «самое примечательное явление последнего времени в русской словесности»: «Здесь очаровательная поэзия украинской народной жизни представлена во всем неистощимом богатстве родных неподдельных прелестей. Рудый Панько владеет кистью смелую, роскошную, могущественную» (*Надеждин, 1972, с. 282*). Из всех повестей особенно выделил Надеждин «Страшную месть» (см. с. 805–806 наст. изд.).

Наиболее обстоятельным отзывом на вторую книжку «Вечеров» был новый отзыв Полевого (*МТ. 1832. № 6. С. 262–267*), в целом несколько более благожелательный, чем предыдущий, но не менее резкий в своей критической части. Оставаясь при своем прежнем мнении по поводу первой книжки «Вечеров», Полевой назвал вторую часть «гораздо превосходнее первой». «В ней, — писал он, — Автор открывает <...> то свойство Малороссийского характера, которое бесспорно принадлежит одним малороссиянам <...> В Русском человеке почти нет этого юмора, непринужденного, веселого, но вместе с тем мелочного, не глубокого... Но Малороссиянин — совершенно иное! Как будто неспособный к живому чувству, он преспокойно останавливается над уродливою репою или над исполинским огурцом и на досуге читает о них предлинную *рацею*, прибирая в ней все смешные сравнения. <...> Таковы же предания и суеверия Малороссиян» (*там же, с. 263*). С юмором, по мнению Полевого, были связаны как удачи книги, так и ее недостатки — отсутствие глубины замысла, бессодержательность: «Во второй книжке “Вечеров на хуторе” Автор, во многих местах, очень хорошо воспользовался юмором своих земляков, и многое представил в живописном, истинном виде. <...> Но здесь оканчивается вся наша похвала Автору. Вместе с преимуществами, принадлежащими почти каждому Малороссиянину, <...> ум его сохранил не только все недостатки малорос-

сиянина, но и многие недостатки, принадлежащие Авторам всех времен и народов. <...> Малороссиянин не бывает глубок в своих замечаниях: это ярко отражается в сочинениях Автора. <...> Шутки его минутны; <...> главные мысли не оставляют в душе читателя никакого следа. <...> С удовольствием читаете “Ночь перед Рождеством”, “Ивана Федоровича Шпоньку”, “Заколдованное место”, но прочитав, забываете все. <...> Это — плясовая музыка: ласкает слух, но с последнею нотой она исчезает» (там же, с. 263–264; см. также с. 805 наст. изд.).

Отмежевавшись от этнографической критики «Вечеров», представленной, в частности, в рецензии Андрия Царынного («Автор пишет не курс археологии и не топографии Малороссийского края»), Полевой посчитал своим долгом критика отметить отступления Гоголя «от законов изящного», проявившиеся в «неопытности, шаткости в языке, незнании грамматики»: «Автор избег во Второй книжке высокопарности <...>, но после этого недостатка у него еще осталось неумение совладать с фразой, “несвязные периоды” и даже ошибки против правописания» (там же, с. 267).

Отклик иного рода на вторую книжку «Вечеров» принадлежал Е.А. Баратынскому: «Вечера на Диканьке», без сомнения, показывают человека с дарованием. Я приписывал их Перовскому, хоть не вовсе в них узнавал его. В них вообще меньше толку и больше жизни и оригинальности, чем в сочинениях сего последнего. Молодость Яновского служит достаточным извинением тому, что в его повестях есть неполного и поверхностного» (письмо И.В. Киреевскому 12 апреля 1832 г. — см.: Баратынский, 1987, с. 239). Получив вскоре книгу в подарок от Гоголя, Баратынский еще раз сообщает тому же корреспонденту о своем впечатлении от «Вечеров», теперь уже в несколько скорректированном виде: «Я очень благодарен Яновскому за подарок. Я очень бы желал с ним познакомиться! Еще не было у нас автора с такой веселою веселостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский — человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. <...> Нашего полку прибыло: это заключение немножко нескромно, но оно хорошо выражает мое чувство к Яновскому» (письмо И.В. Киреевскому от апреля-мая 1832 г. — там же, с. 241; см. с. 806 наст. изд.).

После появления второй книжки «Вечеров» критика получила возможность оценить цикл в целом. Так, О. Сенковский в журнале «Библиотека для чтения» (раздел «Критика») признает большой талант Гоголя, проявившийся в «Вечерах», но вместе с тем называет его «малороссийским Поль-де-Кокком», подчеркнув, что «предметы» «всегда почти у него грязны и взяты из дурного общества» (БдЧ. 1834. № 5. С. 31–32 — ср. с. 642 наст. изд.). В том же году в статье «Литературные мечтания» (Молва. 1834. №№ 38–39, 41–42, 45–46, 49–52) о «Вечерах», в контексте размышлений о народности, впервые высказался и В.Г. Белинский: «Г-н Гоголь, так мило прикинувшийся Пасичником, принадлежит к числу необыкновенных

талантов. Кому неизвестны его “Вечера на хуторе близ Диканьки”? Сколько в них остроумия, веселости, поэзии и народности? Дай Бог, чтобы он вполне оправдал поданные им о себе надежды!..» (Белинский, т. I, с. 97). В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (Телескоп. 1835. №№ 5–8), посвященной «Миргороду» и повестям из «Арабесок», Белинский вновь вспомнил о «Вечерах», охарактеризовав их как «поэтические очерки Малороссии, полные жизни и очарования». «Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах г. Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная, как поцелуй любви» (Белинский, т. I, с. 301). Впрочем, Белинский в это время отдавал уже явное предпочтение «Арабескам» и «Миргороду»: В них меньше этого упоения, этого лирического разгула, но больше глубины и верности в изображении жизни» (там же, с. 301).

В период между 1833 и 1835 гг. о «Вечерах» вновь высказывается В.Ф.Одоевский, ассоциируя Гоголя с речевой маской Рудого Панька и видя в этом синтезе несомненную эстетическую удачу: «Чтобы выразить эту черту, без которой характер разговора простолюдина будет всегда не полон, надобно для выражения сей черты найти такую речь, которая бы соответствовала и характеру простолюдина и требованиям искусства. Это до сих понимали немногие романисты — а из русских (извините!) никто, кроме [Рудого Панька] сочинителя Шпоньки» (Одоевский В.Ф. <Две заметки о Гоголе> // Мат. и иссл., 1936, т. 1, с. 223).

Сразу же после выхода в 1836 г. второго издания «Вечеров» в «Северной пчеле» появился сочувственный отзыв. На этот раз он принадлежал перу Ф.В.Булгарина, который, противореча своей прежней оценке книги (см. выше), писал: «Уже два года публика наша с нетерпением ожидала второго издания этой прекрасной книги, которая, при первом своем появлении, была принята с восторгом» (СПч. 1836. № 26. 1 февраля). Впрочем, существует мнение, что этот отзыв был написан В.М.Строевым (см.: Кузовкина Т. «Лишь Сенковского толкнешь иль в Булгарина наступишь...» // Русская филология. 8. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 1997. С. 87–97).

О.И.Сенковский опубликовал рецензию (БдЧ. 1836. № 3), отчасти развивавшую его суждения 1834 г. Вновь сравнив Гоголя с Поль-де-Коком (см. выше), поскольку и тот и другой, считал Сенковский, предназначали свои произведения для непритязательной публики, он оценил «Вечера» как приятное и занимательное чтение, доставляющее удовольствие картиной изображенных в нем нравов. «В продолжение двух томов вы только и видите, что малороссийских мужиков, казаков, дьячков, мастеровых. Публика Гоголя “утирает нос полою своего балахона” и жестоко пахнет дегтем <...>. Литература эта, конечно, не высока, эта публика еще одной ступенью ниже

знаменитой публики Поль-де-Коковой; однако ж книга читается с большим удовольствием, потому что она писана слогом плавным, приятным, исполненным непринужденной веселости, для которой часто прощаешь автору неправильность языка и грамматические ошибки. Самое замечательное качество манеры г. Гоголя <...> есть то особенное малороссийское забавничанье, та простодушная украинская насмешка, которой он обладает в высшей степени <...>. Как не находить удовольствия в картине этих нравов, добродушных, простых, забавных?» В заключение Сенковский обращался к автору с пожеланием, чтобы тот «не оставлял своей манеры, потому что она носит неподдельный отпечаток особенной народности ума» (*там же*, с. 3—4; см. также с. 836 наст. изд.).

Отозвался о втором издании «Вечеров» и А.С.Пушкин (статья «Вечера на хуторе близ Диканьки» — *Совр.* 1836. Т. I. С. 311—312), внося некоторые коррективы в свой первый положительный отзыв о гоголевской книге и повторив ряд упреков Гоголю со стороны других критиков: «Читатели наши конечно помнят впечатление, произведенное над ними появлением “Вечеров на хуторе”: все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставляя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал таковое снисхождение. Он с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался» (*Пушкин*, т. 12, с. 27).

В целом, критика восприняла «Вечера» как многообещающий литературный дебют, исполненный легкости и комизма, удачно (или не всегда удачно) использовавший местный, «малороссийский» материал, — дебют, который был не лишен, однако, ряда недостатков: бедность вымысла, языковая небрежность и т. д. (ср. отзыв М.Н.Загоскина в передаче С.Т.Аксакова: «Надобно сказать, что Загоскин, также давно прочитавший “Диканьку” и хваливший ее, в то же время не оценил вполне, а в описании украинской природы находил неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя; он находил везде неправильность языка, даже безграмотность» — *Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. В 4 томах. Т. III. М., 1956. С. 153*). Вместе с тем, внутренний трагизм, исполненная противоречий атмосфера «Вечеров» почти не привлекли к себе внимания современников.

Правда, о неодноплановости «Вечеров», о совмещении в них «смешного» с серьезным, грустного с прекрасным и высоким однажды обмолвился В.Г.Белинский (*О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Телескоп. 1836. №№ 5, 6 — см.: Белинский, т. II, с. 137*). Однако и он, в дальнейшем интересуясь более поздними произведениями Гоголя, относился к циклу «Вечеров» скорее как к прекрасному

юношескому дебюту, исполненному очарования «дивно художественных произведений» (*Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого, 1839 // ОЗ. 1840. № 1* — см.: *Белинский, т. III, с. 504*; см. также: *Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова // ОЗ. 1840. № 11.* — см.: *Белинский, т. IV, с. 345*; *Общая идея народной поэзии // ОЗ. 1841. № 9* — см.: *Белинский, т. V, с. 303*). Отличительную черту «Вечеров», как считал Белинский на рубеже 30-х и 40-х гг., составляют народность и комизм. «Вспомните его (Гоголя. — Ред.) “Утопленницу”, его “Ночь перед Рождеством” и его “Заколдованное место”, в которых народно-фантастическое так чудно сливается, в художественном воспроизведении, с народным-действительным, что оба эти элемента образуют собою конкретную поэтическую действительность, в которой никак не узнаешь, что в ней быль и что сказка, но все поневоле принимаешь за быль» (*Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницким // Моск. набл. 1838. № 6* — см.: *Белинский, т. II, с. 509*). Ср.: «Комизм еще не составляет основного элемента всех сочинений Гоголя. Он разлит преимущественно в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”. Это комизм веселый, улыбка юноши, приветствующего прекрасный Божий мир. <...> Здесь поэт как бы сам любит созданными им оригиналами. Однако ж эти оригиналы не его выдумка, они смешны не по его прихоти; поэт строго верен в них действительности. И потому всякое лицо говорит и действует у него в сфере своего быта, своего характера и того обстоятельства, под влиянием которого оно находится» (*Русская литература в 1841 году // ОЗ. 1842. № 1* — см.: *Белинский, т. V, с. 566–567*). Впрочем, в 1842 г., в полемике с К.С.Аксаковым, доказывая, что «непосредственность творчества у Гоголя имеет свои границы», Белинский именно в двух повестях «Вечеров» (речь шла о «Вечере накануне Ивана Купала» и о «Страшной мести») усмотрел «ложное понятие о народности» (*Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // ОЗ. 1842. № 11* — см.: *Белинский, т. VI, с. 425–426* — см. с. 718, 806 наст. изд.).

Особое место в отзывах о «Вечерах» второй половины 30-х гг. занимает суждение французского дипломата Адольфа де Сиркура, который решительно предпочел «Вечера» «Ревизору», утверждая, что книга должна понравится французскому читателю своей «теплотой и правдивостью», а также воскрешением «древних нравов Украины, столь отличных от русских обычаев» (*Revue française et étrangère. 1838. № 4. P. 317–318*; см. также: *de Grève, 1983, t. 1, p. 180–182*).

Снова о «Вечерах» заговорили в связи с выходом в 1842 г. первого издания сочинений Гоголя (*Соч. 1842*) и, в частности, под впечатлением предисловия к первому тому, где Гоголь писал о своем желании исключить «Вечера» из издания (см. с. 616 наст. изд.).

Так, О.И.Сенковский в рецензии на издание полемически назвал «Вечера» «лучшими вещами» Гоголя: «Автор этих “Сочинений” начал, как из-

вестно, свое литературное поприще изданием собрания нескольких анекдотов, рассказанных в виде небольших повестей под заглавием “Вечера на хуторе близ Диканьки”. Эти анекдоты, рассказы или повести, понравились. В них пробивался, возле приятного дарования, особенный провинциальный юмор, малороссийское *жартованіе*, которого тип и идеал — малороссийская Энеида. Выше этого знаменитого творения, с таким наслаждением перечитываемого земляками поэта, украинский юмор не создавал ничего» (*Сочинения Николая Гоголя // БдЧ. 1843. № 3. Отд. VI. С. 21–22*; то же: *Сенковский О. Собрание сочинений. СПб., 1859. Т. 9. С. 403–404*).

В.Г.Белинский в рецензии на *Соч. 1842*, назвав “Вечера» «веселыми песнями на пиру еще неизведанной жизни», прокомментировал предисловие следующим образом: «Так говорит поэт, — и он имеет полное право протирать свою строгость к самому себе за пределы умеренности и справедливости; но публика тоже права, не соглашаясь с ним. Всякий период жизни человеческой прекрасен и должен иметь свои песни и своих певцов: “Вечера на хуторе” есть одна из таких вечно звучных песен юности, которых цель и назначение — вновь возвращать на волшебное мгновение самой старости невозвратно улетевшую юность...» (*Сочинения Николая Гоголя // ОЗ. 1843. № 2 — см.: Белинский, т. VI, с. 660*). Ср. также в статье Белинского «Русская литература в 1843 году»: «Приученная к тону и манере повестей Марлинского, русская публика не знала, что и подумать о “Вечерах” Гоголя. Это был совершенно новый мир творчества, которого никто не подозревал и возможности» (*ОЗ. 1844. № 1 — см.: Белинский, т. VIII, с. 80*). Ср. в обзоре «Русская литература в 1844 году»: «“Вечера на хуторе”, это первое произведение Гоголя, столь оригинальное, столь свежее, столь наивное и исполненное жизни, романтическая критика встретила брашно» (*ОЗ. 1845. № 1 — см.: Белинский, т. VIII, с. 443–444*).

П.А.Плетнев, вспоминая о первом издании «Вечеров» и цитируя отзыв о них Пушкина, писал: «Не знали еще имени автора, которое и после долго было тайною, но живо представляли воображению прелестные сцены, которыми сочинитель так очаровал их» (*Плетнев П.А. Сочинения Николая Гоголя. В четырех томах // Совр. 1843. Т. 29. С. 408–410*; то же: *Плетнев П.А. Сочинения и переписка. Т. 2. СПб., 1885. С. 371–372*).

В анонимной статье «О современной русской литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь», опубликованной в одной из парижских газет, «Вечера» были представлены как верное отображение малорусских нравов, исполненное комизма, «естественных красок» и «тонких наблюдений»: «Гоголь никому не подражал, недостатки и достоинства — все принадлежит ему, в нем все его» (*De la littérature russe contemporaine: Pouchkine, Lermontov, Gogol // Illustration. 1845. 19 juillet. P. 331*; о возможной принадлежности статьи перу И.С.Тургенева см.: *Ланский Л.Р. Статья о русской литературе // ЛН, т. 73/1, с. 271–274*; *Cadot Michel. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris, 1967. P. 428*).

Ф.В.Булгарин в фельетоне «Журнальная всякая всячина», спровоцированном выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», вновь назвал «Вечера» лучшим «из всего, что написал г. Гоголь», полемически противопоставив их «Мертвым душам» (СПч. 1847. № 8).

* * *

Восприятие «Вечеров» как юношеского произведения, их резкий контраст с последующим творчеством Гоголя, утверждение светлой, исполненной обаяния атмосферы книги, — все это оставалось постоянной темой в суждениях о «Вечерах» в русской критике вплоть до 90-х гг. XIX в. Так, А.В.Дружинин в 1850 г. высказался о ранней прозе Гоголя как резко отличной от его позднейших творений, но не уступающей им по художественному значению: «Действительно, повестей, заключающихся в первой части сочинений г. Гоголя, ни один критик не посмеет равнять с его позднейшими произведениями<...>. Нет сомнения, в то время, когда писалась “Майская ночь”, ее автор не был в силах написать главы из “Мертвых душ”, но зато, сочиняя “Мертвые души”, г. Гоголь ни за что в мире не мог бы принудить себя написать другую “Утопленницу”» (Дружинин А. Письма Иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о Русской журналистике // Совр. 1850. № 3 — см.: Дружинин А.В. Собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1865. С. 320; см. также с. 738 наст. изд.).

А.И.Герцен, в статье «О развитии революционных идей в России», отметив свободу раннего Гоголя от каких бы то ни было иностранных влияний и его «близость народу» в «Вечерах» («малороссиянин, даже став дворянином, никогда так резко не порывает с народом, как русский»), достаточно резко отделял первую прозаическую книгу писателя от его последующих произведений: «Рассказы, с которыми впервые выступил Гоголь, представляют собой серию подлинно прекрасных картин, изображающих нравы и природу Малороссии, — картин, полных веселости, изящества, живости и любви. Подобные рассказы невозможны в Великороссии за отсутствием сюжета и героев. <...> С переездом Гоголя из Малороссии исчезают в его произведениях простодушные, грациозные образы» (Islander. Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Russland. Aus dem russischen Manuscripte // Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben. Bremen, 1851. №№ 1, 2, 3, 5 — см.: Герцен, т. VII, с. 228).

Посмертное издание Гоголя 1855 г. (Соч. 1855) и разгоревшаяся в этой связи полемика о «пушкинском» и «гоголевском» направлении в русской литературе обострили тенденцию противопоставления «Вечеров» «Ревизору» и «Мертвым душам» (в этом смысле характерно более позднее высказывание К. Леонтьева, сожалевшего о том, что ранние произведения Гоголя, в отличие от поздних, прошли незамеченными в русской литературе и не оказали на нее должного влияния: «Ведь не возвышенный пафос “Тараса Бульбы”, “Рима” или “Страшной мести”, не могучая фантазия повести

“Вий”, не милая веселость “Вечеров на хуторе близ Диканьки” оставили сильный, глубокий и до сих пор трудно изгладимый след на последующей литературе; но сатира “Мертвых душ”, “Ревизора”...» — *Леонтьев К. Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л.Н.Толстого // РВ. 1890. Кн. 7. С. 263).*

Подготовка крестьянской реформы и усилившееся в это время внимание к повестям из народной жизни вызвали новую волну интереса к «Вечерам» (см.: *Жаркевич, 1990, с. 113–114*). Вместе с тем, некоторые демократы-шестидесятники считали гоголевский подход к изображению народной жизни уже недостаточным: «“Вечера на хуторе” понравились всем веселостью рассказа; в авторе заметили даже некоторую способность довольно живо изображать лица и сцены из простонародного малороссийского быта; более в них ничего не заметили и были правы. Но неправы были старые критики в том, что на Гоголя они до конца его деятельности смотрели как на автора “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, меряя все следующие его произведения аршином, который годен был только для этих первых опытов, не понимая в “Ревизоре” и “Мертвых душах” ничего такого, чего еще не было в “Вечерах на хуторе”» (*Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Совр. 1855. № 12 — см.: Чернышевский, т. 7, с. 30*).

При этом читательские и критические отзывы о «Вечерах» в 50–60-е гг. XIX в. не переставали возвращаться вокруг проблемы достоверности гоголевского изображения Украины и украинского народного быта — проблемы, поднятой уже в рецензии Андрия Царынного (см. выше). Еще при жизни Гоголя, в 1848 г., И.С.Аксаков следующим образом описывал свои впечатления о путешествии на Украину: «Везде так и торчит Гоголь с своими “Вечерами на хуторе близ Диканьки”. Тут только вы почувствуете все достоинство, всю верность этих описаний, этой не столько внешней, сколько внутренней характеристики Малороссии, вполне передающей вам и внешнюю ее физиономию» (*Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 402*). Сходную мысль высказал в 1852 г. и П.А.Кулиш: «Надобно быть жителем Малороссии, или, лучше сказать, малороссийских захолустий лет тридцать назад, чтобы постигнуть, до какой степени общий тон этих картин верен действительности. <...> не только слышишь знакомый склад речей <...>, но видишь лица собеседников и обоняешь пропитанную запахом пирогов со сметаной или благоуханием сотов атмосферу...» (*Кулиш, 1852, с. 191*). О любовании Гоголя в «Вечерах» «поэтическим бытом Украины» и о «гомерическом изображении» этого быта писал Аполлон Григорьев: «Это были еще юношеские, свежие вдохновения поэта, светлые, как украинское небо: все в них ясно и весело, самый юмор простодушен, как юмор народа <...>, “свойство очертить всю пошлость пошлого человека” выступает здесь еще наивно и добродушно, и легко и светло оттого на душе читателя, как светло и легко на душе самого поэта: над ним как будто еще развернулось синим шатром его родное небо, он еще вдыхает благоухание черемух своей Украины» (*Григорьев Аполлон. Взгляд на русскую литера-*

туру со смерти Пушкина // *Русское слово*. 1859. №№ 2, 3 — см.: Григорьев А. *Литературная критика*. М., 1967. С. 192—193).

В начале 60-х гг. на страницах ежемесячного Южно-русского литературно-ученого вестника «Основа», который в 1861 г. стал издавать в Петербурге родственник П.А.Кулиша В.М.Белозерский, и еженедельной славянофильской газеты «День», издаваемой И.С.Аксаковым в Москве (о позиции этих изданий см.: *Миллер*, 2000, с. 76—95), с новой силой разгорается полемика о «Вечерах». Poleмику спровоцировал П.А.Кулиш, еще в недавнем прошлом с восхищением отзывавшийся об украинских повестях Гоголя (см. выше). В опубликованном в 1861 г. цикле статей «Гоголь как автор повестей из украинской жизни» он подверг повести Гоголя критике с этнографических позиций, обвинив его в незнании описываемых им реалий и в искажении национального облика малороссиянина (*Основа*. 1861. №№ 4, 5, 9, 11—12, раздел «Обзор украинской словесности»). Кулишу отвечал М.А.Максимович в серии статей «Оборона украинских повестей Гоголя» (*День*. 1861. №№ 3, 5, 7, 9; 1862. № 13; частично перепечатано в: *Литературный вестник*. 1902. № 1). Собственно, полемика эта началась еще за четыре года до этого, когда Кулиш, в то время еще вполне благожелательно настроенный к Гоголю, затронул в эпилоге к своему роману «Черная Рада. Хроника 1663» (1857) проблему «постепенного развития украинской идеи в литературных ее проявлениях» и обратил в связи с этим внимание на недостаточное знание Гоголем «демократической Малороссии» (*Русская беседа*. 1857. Кн. 7. С. 123—145; ср. также с. 651 наст. изд.); в частности, он указал на некоторые погрешности «Вечеров» «против истории и быта нашего». Максимович, в ответ на это, напечатал опровержение, доказывая, что «Гоголь достаточно знал историю Малороссии, язык и песни ее народа, и всю народную жизнь ее, и понимал их глубже и вернее многих новейших писателей малороссийских <...>». Но свойство его поэтического гения было уже таково, что действительную жизнь он своевольно пересоздавал и преображал в новое бытие, художественно-образцовое» (*Максимович М.А. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада» // Русская беседа*. 1858. Кн. 9. С. 12—27).

В 1861 г. Кулиш решил развернуть и объяснить высказанные прежде лишь в конспективном виде мысли и возражения: «Очень понятно для меня, — писал он, — что заметки, подобные моим указаниям на недостатки Гоголя как автора украинских повестей, могли бы более или менее вредить литературной репутации какого-нибудь автора средней руки. Но ведь Гоголь богат, для которого ничего не значит — заплатить дань критике. Лучшие из его украинских повестей, как бы ни понизили их уровень, все-таки могут быть понижены только в отношении к последовавшим за ними его произведениям; в сравнении же со всякими другими повестями, они до сих пор остаются в своем роде единственными» (*Основа*. 1861. № 4. С. 69—70). Перейдя далее к собственно этнографической критике и во многом повторяя замечания Андрия Царынного (см. выше), Кулиш дока-

зывал, что «судя строго, украинские повести Гоголя мало заключают в себе этнографической и исторической истины, но в них чувствуется общий поэтический тон Украины. Они подходят ближе к нашим народным песням, нежели к самой натуре, которую отражают в себе эти песни. Нельзя сказать, чтобы произведения Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побуждение к ее объяснению» (*там же*, с. 71). Настоящей простонародной Украины, считал Кулиш, Гоголь не знал. На украинскую природу он смотрел (в доказательство приводилось начало первой главы «Сорочинской ярмарки») «сквозь природу отсутствующего из родины двадцатилетнего поэта, который не навыв еще строго взвешивать значение и силу каждой фразы, а между тем у него в теле — *Младая кровь играет* и грезятся ему во сне и наяву, как изображенному им впоследствии козаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опозитизированные образы» (*там же*, с. 74). Поэтому в «Сорочинской ярмарке» Гоголь допустил и ряд этнографических промахов «касательно малорусских народных обычаев» (*см.* с. 693—694 *наст. изд.*). Гоголь, продолжал Кулиш, при сочинении первой повести «Вечеров на хуторе» не знал поселенника близко. Он «видел его только с помещичьего крыльца, или из коляски. Он не сиживал с ним рядом <...>, он не носил на его свадьбах какого-нибудь почетного звания, он даже не умел отличить свадебного термина *дружкó* от слова *дру́жка*» (*там же*, с. 79). Свое знание Украины Гоголь почерпнул из книг, которые, по мысли Кулиша, немного могли доставить Гоголю живого понятия об Украине. Противопоставляя в этом смысле повестям Гоголя произведения Г.Ф.Квитки-Основьяненко («совершеннейшие зеркала народных нравов» — *Основа*. 1861. № 5. С. 15), Кулиш объявлял «всем вообще <...>, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевых повестей — не наши народные типы, <...> в главнейших своих чертах они чувствуют, судят и действуют не по-украински» (*там же*, с. 19). «Да, нам жалко расстаться с теми восторгами, какие мы чувствовали во времена оны при чтении *Вечеров на хуторе* — все равно, “как жалко исторгнуть из памяти первые игры невозвратной юности”. Но всякий возраст имеет преимущества и свою замену того, что было безразлично-хорошо в прежнее время» (*там же*, с. 33).

Свою антикритику Максимович начал тем, чем закончил Кулиш: «Я и на старости люблю по-прежнему, как украинскую весну, *веселость* первых повестей Гоголя, которыми он заставил смеяться весь читающий русский мир <...>. Смех, возбужденный 20-летним Гоголем, был всеобщий, независимый от знания или незнания Украины читателями...» (*День*. 1861. № 3. С. 16). Однако далее Максимович доказывал глубокую правдивость и достоверность «Вечеров»: веселые, комические сцены, смешные прозвища, в которых Кулиш упрекал Гоголя, он объяснял «простодушной беззастенчивостью народной речи и народной поэзии». Тип свадьбы, описанный Гоголем в «Сорочинской ярмарке», был, по мнению Максимовича, вполне возможен на Украине («Кто знает Украину хоть немного ближе, чем г. Кулиш, тому известно, как самое обыкновенное дело, что в ней, на обеих сторонах Днеп-

ра, весьма не редко бывают свадьбы, в которых церковный чин венчания и домашний, своенародный обряд так называемого веселья, совершаются отдельно друг от друга...» — *День. 1861. № 9. С. 15*). Отношение к цыганам в России и на Украине — разное, а потому и участие цыгана в сватовстве Грицько, поставленное под сомнение Кулишом, на самом деле допустимо (*там же, с. 16*; о полемике Кулиша и Максимовича см.: *Исаенко К. Уваги до дискусії П.Кулиша і М.Максимовича про українські повісті Миколи Гоголя // Гоголезнавчі студії. Вип. 5. Ніжин, 2000. С. 185—193*).

Особую страницу в восприятии «Вечеров» составила попытка на Украине представить Гоголя как «украинофила панской формации» (см.: *Шелухин С.П. Гоголь и малорусское общество // Сборник, изданный Императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н.В.Гоголя. Одесса, 1909. С. 59—98*). С конца 50-х гг. появляются переводы-переложения гоголевских «Вечеров» на украинский язык с идеологической мотивировкой самого факта переложения. «Как ни высок талант его, как ни живо очерчивает он характеры лиц, — писал переводчик, — все чувствуется, как будто чего-то не достаёт в этих рассказах; что иначе говорили бы и Солопий Черевик с жинкою, и пасичник Рудый Панько. <...> В украинских рассказах Гоголь такой малоросс, такой пасичник, что, читая их, так, кажется, и видишь, как он, сидя в своей хате, курит люльку и плюёт через губу: не достаёт лишь одного, чтоб говорил он так, как следует пасичнику — на своем родном языке; тогда и народность, им изображаемая, выразилась бы вполне, потому что язык — не последнее в деле народности. — Вот что побудило меня представить публике малорусские рассказы Гоголя на малорусском наречии» (*Мордовцев Д. Опыт переложения украинских повестей Гоголя на малорусское наречие // Малорусский сборник. Саратов, 1859. С. 153—154; см. также с. 676 наст. изд.*). Ср. также более раннее утверждение Н.И.Костомарова: «Гоголь в своих высоких созданиях много выразил из малорусского быта на прекрасном русском языке; но надобно сознаться: знатоки говорят, что многое, то же самое, будь оно на природном языке, было бы лучше» (<*Костомаров Н.И.*> *Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке // Молодик на 1844. Украинский литературный сборник, издаваемый И.Бецким. Ч. 3. Харьков, 1843. С. 161*; опубл. под псевдонимом Иер. Галка).

Большое внимание уделялось раннему творчеству Гоголя и на Галицкой Руси, где он пользовался известностью как «завершитель малорусской литературной традиции» и «гениальный выразитель и проповедник идеи единства Руси» (см.: *Марков, 1913, с. 37—78*). Ср. также высказывание П.Кулиша о Гоголе, внесшем «начало глубокого и всеобщего сочувствия между двух племен, связанных материально и духовно, но разрозненных старыми недоразумениями и недостатком взаимной оценки». «Гоголь, — писал далее Кулиш, — уроженец Полтавской губернии, <...> которая была поприщем последнего усилия известной партии малороссиян (приверженцев Мазепы) ра-

зорвать государственную связь с народом великорусским, поэт, воспитанный украинскими народными песнями, пламенный до заблуждения *бард* козацкой старины, возвышается над исключительной привязанностью к родине и загорается такой пламенной любовью к нераздельному русскому народу, какой только может желать от малоросса уроженец северной России» (Кулиш П. *Об отношении малороссийской словесности к общерусской. Эпизод к «Черной раде»* // *Русская Беседа*. 1857. Кн. 7. С. 123—145; ср. также с. 648 наст. изд.).

Подход к «Вечерам» с национально-этнографической точки зрения имел своих адептов и в конце XIX, и в начале XX вв. В популярных украинских изданиях Гоголь часто критиковался за недостаток «твердой, завязтой души» (*Свобода*. 1909. № 14), что объяснялось его обрусением в нежинской Гимназии высших наук, «специально» основанной, «чтобы обмосковать украинскую молодежь» (см.: Марков, 1913, с. 63). Десятилетием раньше в статье «Українська книжка на селі» Б. Вильховский писал, что «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь» не нравятся народу в Малороссии, а причина тому — «неправда житьева» и «фантастический элемент», которые не позволяют народу разобраться, правда ли то, о чем пишется в рассказах, или же сказка (*Зоря*. 1892. № 7. С. 137— см.: Марков, 1913, с. 71). С другой стороны, в 1902 г. В. А. Гиляровский передавал впечатления от чтения ранних повестей Гоголя его дальней родственницы М. Г. Анисимовской, недовольной фантастикой «Вечеров» уже по иной причине: «Впрочем, я не любила его читать — ничего для меня нового. Написал то, что я сама знаю, что каждый день вижу. <...> Гоголь все это от старых баб взял» (*Гиляровский В. А. В Гоголевщине. Из последней поездки* // *Русская мысль*. 1902. № 1. С. 83. 2-я паг.).

Представление о Гоголе именно как об украинском писателе проникает в это время и на Запад. В 1876 г. Альфред Рамбо в книге «Эпическая Русь» особое внимание уделяет «украинскому сказителю» Гоголю. «Вечера» в сознании Рамбо символизируют то, что его более всего очаровало в русской литературе: романтизм, восходящий к национальным истокам — в противовес французской литературе, «забывшей свою поэзию» (*La Russie épique; étude sur les chansons héroïques de la Russie traduites ou analysées pour la première fois par Alfred Rambaud. Paris, 1876. P. XIV. 1-я pag.*). Противоположное суждение о «Вечерах» высказал десятилетие спустя Эжен Мельхиор де Вогюе в книге «Русский роман» (1886). Придавая большое значение украинскому происхождению Гоголя (первая половина его жизни, считает автор, была отмечена «средиземноморским темпераментом, более жизнерадостным, более быстрым и более свободным, чем русский»), Вогюе холодно отнесся к «Вечерам» как произведению, чуждому «русской душе», и критиковал «мошенничество» образованного человека, обратившегося к народным темам, его «наигранную наивность» (*Vogüé E. M. de. Le roman russe. Paris, 1886. P. 73, 82—83*).

В 90-е гг. некоторые французские критики поднимали на щит Гоголя (преимущественно периода «Вечеров»), противопоставляя его Л.Н.Толстому и Ф.М.Достоевскому, которые, в особенности после появления «Русского романа» Вюго, утвердились во Франции как единственные полномочные представители русской литературы (см.: *de Grève, 1983, t. 3*). Гоголь, как считал, например, Эдмон де Гонкур, видел действительность не в грустном, нелирическом свете, но в поэтическом, фантастическом, народном; именно он, а не Толстой и не Достоевский, может считаться настоящим выразителем русской литературы (*Goncourt Edmond et Jules de. Journal. T. III. Paris, 1989. P. 153*). Арман Сильвестр, популярный в конце века поэт-парнасец, полагая, что «искусство для искусства» чуждо русской традиции, делал исключение для одного Гоголя как автора «Вечеров», — книги, где «единственной целью художника было искусство». Гоголь «стал бы еще большим поэтом, если бы остался на своей Украине, а не отправился искать в Петербург картины уже не бессмертной природы, но бессмертно смешного и уродливого человека» (*Silvestre Armand. La Russie. Impressions-ports-paysages. Paris, 1892. P. 290*).

На рубеже XIX и XX вв. появился ряд работ, в которых вопрос о соотношении у Гоголя украинского и русского литературного элемента стал предметом собственно научных изысканий (см.: *Милорадович, 1897; Петров, Пам.Г., 1902; Перетц, 1902; Чудаков, 1906; Невірова, 1909; Катранов, 1909—1910; Розов, 1911*). Так, например, Н.И.Петров считал, что хотя для юга России «Вечера» имели специальное местное этнографическое значение, «малороссийский этнографический элемент» использовался Гоголем в чисто литературных целях «как источник чудесного и таинственного в романтическом вкусе», подвергаясь при этом значительной переработке. Вследствие этого «указать частичные блестящие малорусской народной поэзии» в «Вечерах» и «уловить их подлинное происхождение иногда не очень легко» (*Петров, Пам.Г., 1902, с. 53—58*; см. также: *Петров, Тр.К.А., 1902, с. 561—575*). Напротив, В.Н.Перетц, анализируя следы украинской литературной традиции в «Вечерах», утверждал, что Гоголь «по природе своего духа и творчества <...> был чужд великорусской литературе» (*Перетц, 1902, с. 49*).

В это же время национальная двойственность «Вечеров» стала рассматриваться и в более широком аспекте, затрагивающем проблему как индивидуального стиля Гоголя, так и своеобразия его психического склада. «Две правды борются в нем (Гоголе. — *Ред.*), — писала А.Ефименко, — апофеоз русской государственности и демократический строй малорусского козачества. Свой выход Гоголь нашел в мистицизме» (*Ефименко, 1902, с. 229—245*; полемику с ней см. в заключительной главе книги *Д.Н.Овсяннико-Куликовского «Гоголь», 1902*; то же: *Овсяннико-Куликовский, т. 1, с. 342—345*). И.Е.Мандельштам в книге «О характере гоголевского стиля» также утверждал, что малорусский и русский языки связаны были в ду-

ше Гоголя «с различными областями и приемами мысли»: «и тем ближе Гоголь к малороссийскому, чем более основная стихия его мировоззрения, его юмор, его чувство выступает на первый план» (*Мандельштам, 1902, с. 200*). Ср. также с более поздним утверждением В.В.Гиппиуса: «Гоголь крепко сросся с традицией, средой, почвой, и попытки оттолкнуться от них неизбежно перебивались в нем с новым притяжением. Этим определяется его личная драма» (*Гиппиус, 1924, с. 18*; см. также: *Сох С. On the russianess of Gogol // The Gogol bulletin. Northern Illinois University, 1985. № 1. P. 18*).

Во второй половине XIX в. общее отношение к Гоголю как к зачинателю натуральной школы в русской литературе нередко распространялось и на оценку «Вечеров». Сама полемика П.Кулиша с М.Максимовичем (см. с. 648—650 наст. изд.), каждый из которых демонстрировал степень достоверности или недостаточной достоверности украинских повестей, показывала, что оба критика *a priori* руководствовались реалистическими и «народоведческими» критериями. Представитель культурно-исторической школы А.Н.Пыпин в 70-е гг. писал: «Вечера на хуторе близ Диканьки» была живая, веселая книга, с богатым юмором, изображавшая малорусский быт. В общественном смысле это была вещь безразличная, не поднимающая никакого вопроса, хотя, собственно говоря, и в ней было уже новое, именно любящее отношение к своему малорусскому народу, без всякого искусственного романтизма. «Вечера» были параллельны тому литературному движению, которое в эти годы стало обращаться к изучению народной жизни, — обращаться не всегда верно, но уже не свысока, не с сознанием превосходства, а с теплым сочувствием» (*Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки. СПб., 1873. С. 372—373*).

Но уже со второй половины 1860-х гг. подспудно начала проявляться и противоположная тенденция: признание непонятности «Вечеров», обманчивости их внешней простоты, их *анти-реализма*. Так, Л.Н.Толстой в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» писал о сложности для простого народа одной из повестей цикла (речь шла о повести «Ночь перед Рождеством» — *Ясная поляна. 1862. № 1. С. 69*; см. с. 774 наст. изд.), впрочем, несмотря на это, в набросках его «Новой азбуки» (1874—1875) «Вечера» все же фигурировали в разделе «русских книг для чтения» (*Толстой, т. 21, с. 503*). Ф.М.Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. (январь, гл. 2, подгл. 3) писал: «...в нашей литературе совершенно нет никаких книг, понятных народу. Ни Пушкин, ни севастьяпольские рассказы, ни «Вечера на хуторе», ни сказка про Калашникова, ни Кольцов <...> — непонятны совсем народу» (*Достоевский, т. XXII, с. 23*). Для истории восприятия «Вечеров» представляет интерес также и сцена из романа Достоевского «Братья Карамазовы», где Федор Павлович дает 15-летнему Смердякову книгу «Вечеров на хуторе близ Диканьки» из своей библиотеки: «Малый прочел, но остался недоволен, ни разу не усмехнулся, напротив,

кончил нахмурившись. “Что ж? Не смешно?” — спросил Федор Павлович. Смердяков молчал. “Отвечай, дурак”. — “Про неправду все написано”, — ухмыляясь прощамкал Смердяков» (*Достоевский, т. XIV, с. 115*).

О смещенном, мифологизированном образе гоголевской Украины, вво-
дившем в заблуждение немало читателей, писал А.А.Потебня: «Разве не
было людей, которые весьма серьезно представляли себе Малороссию по по-
вестям Гоголя» (*Потебня А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1888. С. 366*). Ср. также точку зрения И.Анненского: «“Вечера на хуторе
близ Диканьки” представляются нам скорее романтическим сном юности,
чем законченным творением художника. Здесь все еще как бы зреет. Самая
природа еще как бы боится выйти на божий свет в будничном наряде» (*Ан-
ненский И. Художественный идеализм Гоголя // Русская школа. 1902. № 2* — см.: *Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 219*).

Реакция против «реалистического» и натуралистического истолкования
Гоголя, в том числе Гоголя «Вечеров», возникает в дальнейшем в символист-
ской и околосимволистской среде, увидевшей в Гоголе источник романтиче-
ских импульсов, иррационализм, мистицизм, интерес к подсознательному, а
также скрытый демонизм, противопоставленные материализму и утилитар-
ности демократической идеологии. Эти мотивы в осмыслении гоголевского
творчества появляются у В.В.Розанова, наметившего тему «двумирия» у Го-
голя и заговорившего о гоголевских героях как о «крошечных восковых фи-
гурках» (*Розанов В. Несколько слов о Гоголе // Московские ведомости. 1891. 15 февраля*; статья вошла в книгу: «*Легенда о Великом инквизиторе*» *Ф.М.Достоевского. Опыт критического комментария В.Розанова. СПб., 1894*; в дальнейшем печаталась под названием «*Пушкин и Го-
голь*» — см.: *Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 163*). Концепция Розанова оказала, в свою очередь, сильное влияние на символист-
ское мифопоэтическое истолкование творчества Гоголя, в том числе у
Д.С.Мережковского, В.Я.Брюсова и Андрея Белого (см.: *Сугай, 1999, с. 21–93*).

Так, Д.С.Мережковский перевел вопрос о национальных истоках ран-
него творчества Гоголя в план религиозный и метафизический (*Мережков-
ский Д.С. Гоголь и черт. Исследование. М., 1906*; первый вариант работы
был опубликован в журнале: *Новый путь. 1903. № 1. С. 37–81; № 2. С. 1–42*). «Сквозь все “бестелесные видения” христианства Гоголь в глуби-
не своей русской, даже малороссийской, казацкой природы, в первозданной
стихии своего языка́ и языка, иногда прощупывает это как будто навеки про-
тивоположное христианству языческое начало, эту языческую радость жизни,
крепость плоти, непоколебимую твердь “земного неба”». «Гоголь — мо-
лодой казак, пляшущий в одной рубашке трепака — столь же реален, столь
же значителен, как и Гоголь — угрюмый монах, пророчествующий о “бес-
телесных видениях”, о загробных “страшилищах”». Из этой, в своей основе
украинской, первозданной народной стихии язычества вырастает, по мысли
Мережковского, смех Гоголя и его демоническое сладострастие. «Он опья-

нялся смехом, как вином; грелся в нем от петербургского холода, как в луче родного малороссийского или римского солнца». «Отсюда же, из этой первозданной стихии языческой, — и столь особенное, столь чуждое нашему христианскому “ложу нескверному”, иногда для нас прямо жуткое, “демоническое” сладострастие Гоголя» (наблюдение, соотносящееся у Мережковского с его концепцией христианства «третьего завета», способного объединить земное начало язычества с духовной сущностью традиционного христианства). «В этом-то неравновесии двух первозданных начал — языческого и христианского, плотского и духовного, реального и мистического — заключается вся не только творческая, созерцательная, но и жизненная религиозная судьба Гоголя» (*Мережковский, 1906, с. 86–95*).

Если Мережковский увидел в Гоголе прежде всего мистика, то Брюсов, развивая идеи Мережковского и Розанова о гоголевском «созерцании предметов и явлений в их пределе», сосредоточил свое внимание на вопросах поэтики (см.: *Максимов Д.Е. Брюсов-критик // Брюсов, т. VI, с. 20*). В основе концепции Брюсова — мысль о гиперболизме писательского облика Гоголя, направленная против трафаретов культурно-исторической методологии, которые все еще господствовали в школьном преподавании. Представлению о «наивном реализме» гоголевского творчества Брюсов противопоставил конструктивно-формалистическую концепцию гоголевской «чрезмерности», которая в конечном итоге «испепелила» писателя (статья «*Испепеленный. К характеристике Гоголя*» написана на основе доклада, прочитанного Брюсовым на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г.; опубликована: *Весы. 1909. № 4*; об отрицательном отношении публики и читателей к статье Брюсова см.: *Киевская мысль. 1910. 4 мая*; *Гоголевские дни в Москве. М., 1910. С. 90*; положительная оценка была дана Н.Лернером — *ИВ. 1909. № 10. С. 311*; С.А.Венгеровым — *Венгеров С.А. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1913. С. 121*). В контексте концепции «чрезмерности» Брюсов рассматривал и «Вечера»: «К каким бы страницам Гоголя ни обратились мы — славословит ли он родную Украину, высмеивает ли пошлость современной жизни <...> — везде видим мы крайнюю напряженность тона, преувеличения в образах». «Иван в “Страшной мести” ужасает самого Бога своей ненавистью», «родная Украина становится какой-то неведомой, роскошной страной, где все превосходит обычные размеры», «в той же фантастической стране своей мечты подсмотрел Гоголь и ту ночь, которую назвал украинской ночью» и «такова была сила его дарования <...>, что он не только дал жизнь этим вымыслам, но сделал их как бы реальнее самой реальности» (см.: *Брюсов, т. VI, с. 136, 143, 144, 147*; см. также с. 806 наст. изд.).

Тогда же, в 1909 г., о Гоголе как о мистическом символизме заговорил Андрей Белый в статье «Гоголь» (*Весы. 1909. № 4. С. 69–83*; многие идеи статьи легли впоследствии в основу его книги: *Мастерство Гоголя. М.: Л., 1934*). Гоголь, оказавший непосредственное воздействие на художественное творчество Андрея Белого (см. с. 813–814 наст. изд.), в свою

очередь был включен Белым-исследователем в символистскую систему художественного мышления (до него символистское прочтение Гоголя дал И.Ф.Анненский — см. с. 654, 774 наст. изд.). «Бедные символисты, — писал Белый, — еще доселе упрекает их критика за “голубые звуки”; но найдите мне у Верлена, Рэмбо, Бодлера образы, которые были бы столь невероятны по своей смелости, как у Гоголя. <...> На каждой странице, почти в каждой фразе переходение границ того, что есть какой-то новый мир, вырастающий из души в “океанах благоуханий”. <...> Действительность в первый период творчества является у Гоголя часто под романтической вуалью из месячных лучей» (*Весы. 1909. № 4*). «Людей — не знал Гоголь. <...> знал он “свадный” из месячного блеска туман, или черный погреб. А когда погреб соединял он с кипящей месячной пеной туч, или когда редьку соединял он с существами, летающими по воздуху, — у него получалось странное какое-то подобие земли и людей; та земля — не земля: земля вдруг начинает убежать из-под ног; <...> и те люди — не люди: пляшет казак — глядишь: изо рта побежал клык» (*там же, с. 72–73*; то же: *Белый, 1994, т. 1, с. 303–305*). Ср. также высказывание Эллиса: «Все находишь в этих майских видениях, в этих сказках старины как бы два одновременных объяснения, и не знаешь, верит ли сам Рудый Панько в правду своих слов...» (*Эллис. Человек, который смеется // Весы. 1909. № 4. С. 85*).

К символистской интерпретации Гоголя примыкала и книга С.К.Шамбинаго «Трилогия романтизма. (Н.В.Гоголь)» (*М., 1911*). Глубокий символизм поэтического мышления, скрывающийся за внешним, «формальным» реализмом, увидел исследователь у Гоголя, сопоставив его художественную манеру с живописной манерой Ф.Гойи (глава «Романтизм символический. Гоголь и Гойя»): «...только они сумели увидеть, что ужасное внешнее должно отражать и ужасное внутреннее, что в чертовщине мало видеть плод одного воображения, она уже — сверхвоображение, она — страшная действительность» (*там же, с. 13*). В ведьмах, чертях и нечисти Гоголь столкнулся с тем, что грезились не романтику, а скорее «перепуганному католицизму», — с победоносным шествием враждебной силы: «В “Вечерах на хуторе” уже разлиты печаль и страх, испытанные самим Гоголем перед вызванной им чертовщиной» (*там же, с. 25*). Чувством страха перед чертом Шамбинаго объяснял и своеобразный прием Гоголя-живописца: чем страшнее создаваемый им человеческий или дьявольский образ, тем более роскошная рамка ему дается: благоуханная майская ночь сопровождает рассказ русалки про мачеху-ведьму, поразительное по яркости описание Днепра следует сразу за трагическим эпизодом в «Страшной мести». Любовной интригой Гоголь также воспользовался как символом. Так, переход от любви стихийной, идеальной к любви, управляемой нормами, установленными людьми, совершается в «Вечерах» не без влияния нечистой силы. Соответственно, переход от стихийного чувства к обыденным, семейным отношениям не может считаться нормальным, поскольку в его основе лежит ложь:

«Черт — отец лжи с наслаждением помогал влюбленным жениться. Этим, значит, они отдалялись от прозрения божества» (там же, с. 68). Впрочем, кое-где в «Вечерах» все еще горит поэзия платонической любви, и божественный Эрос управляет «красивыми существами, которых стихийно влечет друг к другу» (там же, с. 76). Но и эта светлая любовь героев «Вечеров» сводится к браку, устраиваемому при посредстве сверхъестественной силы. Тем самым, нечистая сила «соединяет в смысле общепринятом чету, которая, в сущности, уже соединена любовью» (там же, с. 83), делая жизнь таких пар очень печальной. Подтверждение тому — история Пидорки и Катерины.

Символистское прочтение «Вечеров» положило начало и их автобиографическому истолкованию, которое, впрочем, опиралось на высказывание самого Гоголя о «хвостиках душевного состояния», отразившихся в «Вечерах» (см. также размышление В.Г.Короленко: «Кто не помнит конца веселой “Сорочинской ярмарки”. — Но вот: Это написано в 1829 г. Значит, этот крик щемящей тоски вслед за кипучим и бьющим через край весельем вырвался из груди двадцатилетнего юноши!» — Короленко В.Г. *Трагедия писателя // Русское богатство. 1909. №№ 4, 5*; в собрании сочинений имеет название «Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе)» — см.: Короленко, т. X, с. 157). Об автобиографизме «Вечеров» писали А.А.Блок, А.М.Ремизов (см. с. 738–739, 806–807 наст. изд.), видя в них уже не светлый, счастливый пролог к дальнейшему творчеству Гоголя, но произведения, в которых предсказан и бессознательно предreshен трагизм всего творческого пути писателя. «В “Вечерах” не один только “смех”, ошеломивший Пушкина, — считал Ремизов, — не один этот чарующий жгучий всплеск полной жизни, движимой подземной вийной силой. “Вечера” — введение к задуманной “Божественной комедии” или, как скажет Достоевский, к “Дьяволу водевилю”, к “Мертвым душам” <...>. В “Вечерах” художественное испытание относительности и призрачности познаваемого мира, где “все мечта, все обман”. В “Вечерах” история “моей души” — память из жизни вечного бессмертного Гоголя» (*Огонь вещей. Сны и предсенья. 1934–1954* — см.: Ремизов, 1989, с. 54–55). «Выбор легенд в “Вечерах” не случаен: во всех легендах — гоголевская память. Самое недостоверное исповедь человека. Достоверно только “непрямое” высказывание, где не может быть ни умолчаний по стыдливости, ни рисовки <...>. Выгнанный из пекла на землю за какое-то доброе дело Гоголь под серебряную песню начал свою волшебную дорогу Красной свиткой, потом Басаврюк, потом Запорожец и, наконец, Колдун Страшной мести». «Засмеяв своим inferнальным смехом и сам не зная для чего и свою жалость, и ту преступную из памяти “Красной свитки”, перешедшую в жалость Левко к утопленнице-панночке, и жалость к “мизерному” человеку, задушенному жабой-страстью к шинели <...>, не мог он своей чичиковской меркой не спросить себя: “зачем и для кого выйдет какая польза от моей исповеди — от “хвостиков”, в которых все

мое видение не в будущее, а в мое прошедшее”. <...> Нет, Гоголь не мог отвергнуть Вечеров — историю “моей души” до этой жизни» (*там же*, с. 56).

«В Гоголе, — полагал Н.А.Котляревский, — романтический лиризм всегда боролся с зоркостью наблюдателя-жанриста, и по этому первому, самостоятельному и относительно зрелому произведению никак нельзя было решить, куда клонятся симпатии автора — к реальному ли изображению жизни или к символизации ее в романтических образах. И то и другое в “Вечерах” смешано и слито. Перед нами ряд легенд самого определенного романтического характера, с совсем воздушными образами вместо живых людей и с большой примесью суеверия. Рядом с этими легендами — много жанровых картин <...>. Такое совмещение в душе художника двух противоположных приемов и направлений творчества тем более оригинально, что почти всегда эти направления смешиваются или идут параллельно в одном и том же рассказе. <...> “Вечера на Хуторе” стояли таким образом на распутье двух литературных течений, старого — романтического и нового — реального, и скорее принадлежали прошлому, чем открывали дорогу новому» (*Котляревский, 1903, с. 106–107*). В женских типах «Вечеров» Котляревский увидел опосредованное влияние немецкого романтизма: «Эти деревенские красавицы не хрупки, не бледны, не воздушны, как девы тогдашней романтики; они не рассеиваются в тумане, напротив того, они все очень здоровы, румяны, как былинные красавицы, но они все-таки сродни своим бледным сестрам, они также с реальной жизнью имеют мало общего» (*там же, с. 100–107*).

О романтизме и символизме Гоголя, в том числе и «Вечеров», начали говорить и в академическом литературоведении рубежа XIX и XX вв. Н.П.Дашкевич трактовал путь Гоголя как эволюцию от «модного тогда романтизма, родного и чужого», к романтизму оригинальному в его поздних произведениях: «после эстетического романтизма, носившего космополитический характер, внимание Гоголя привлекли, согласно с постоянной склонностью его к реализму, романтические сюжеты родной страны и старины, и Гоголь перешел к более зрелой романтике, находившей твердую опору в народности» (*Дашкевич Н. Романтический мир Гоголя // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. IX. Вып. 1. Киев, 1906 — см.: Дашкевич, 1914, с. 560*).

Д.Н.Овсяннико-Куликовский рассматривал «Вечера» как «искусственную феерию», в которой «жизнь наряжена в костюм легенды, и легенда становится жизнью» (*Овсяннико-Куликовский, 1909, с. 13; 1-е изд. — 1902*). С этим, по мысли ученого, было связано как достоинство первого гоголевского цикла, где автор выступал не как рассказчик, а как живописец, так и недостатки: длинноты, излишество красок и восторженности, чрезмерность лиризма, «поэтическая гиперболитичность, не говоря уже о растянутости» (*там же, с. 14–15*). «В связи с этим богатством образов находится и другая особенность раннего творчества Гоголя, состоящая в том, что оно как бы витает над поверхностью жизни, не проникая в ее глубь. <...> “Вечера на

хуторе” — поэтическая игра, гимнастика художнического ума. Эти блестящие, искрящиеся создания — не из числа тех, в которых поэт ставит себе задачу и решает ее художественными приемами мысли» (там же, с. 19–20; см. также с. 837 наст. изд.).

Ср. также два «писательских» отклика 1910–1920-х гг. о «Вечерах». Первый из них принадлежит перу В.В.Хлебникова: «...Гоголь, добываясь встречи с Пушкиным, написал ему большое письмо братского порыва и получил от него ответное. В то же время им были написаны радостные Вечера, где ясная весна Украины, и русалки языческие веселые глаза прячутся за каждой строкой Московского набора. Это подсолнух его “я” был повернут к жизни, жизни и любви. Напротив, через $\frac{3}{8} + \frac{3}{8}$ наступило общее пятно 1845 года» (Хлебников В. Из записных книжек <1914–1922>. Уравнение души Гоголя // Собрание произведений Велемира Хлебникова. Т. V. Стихи, проза, статьи, записные книжки. Письма. Дневник. Л., 1933. С. 272). Другое высказывание — М.А.Булгакова, утверждавшего, по свидетельству его жены (Л.Е.Белозерской), что женщины способны понять у Гоголя лишь цикл “Вечеров”: «Они понимают “Вечера на хуторе близ Диканьки”, все эти бытовые подробности... Но более позднюю прозу...» (цит. по: Чудакова М.О. Гоголь и Булгаков // Гоголь. История и современность. М., 1985. С. 360).

Иррационализм раннего Гоголя признавался также и критиками-марксистами, которые в 1900-е гг. все более подчеркивали его «реакционность», связывая гоголевское творчество с тенденциями к субъективизму, усиливавшимися в русской литературе (см.: Михайловский Б.В. Избранные статьи о литературе и искусстве. М., 1968. С. 156–157). Так, А.В.Луначарский в эссе «Н.В.Гоголь» (1924) писал: «Кто же не знает теперь, что Гоголь был романтик и вместе с тем натуралист. Его положительные типы даже в сказочных произведениях всегда трафаретны и лубочны; напр.: знаменитые описания его, припомним хотя бы “Днепр”, не имеют ничего общего с действительностью и сбиваются на велеречивые фразы. <...> В правильно развитом обществе Гоголь должен был бы стать автором широчайших сказочных фресок. <...> Вскормленный грудью счастливого человечества, Гоголь несомненно был бы счастливым человеком и поэтом счастья, поэтом веселья и радости...» (см.: Луначарский А.В. Классики русской литературы. М., 1937. С. 190–192). Максим Горький отрицательно отзывался о «пессимизме» Гоголя, относя его «сказки» к тому течению романтизма, которое «не имеет иных задач, кроме желания выразить смутную тревогу, а иногда — ужас пред чем-то непонятным» (Каприйский курс лекций, 1908–1909 — см.: Горький М. История русской литературы. Архив А.М.Горького. М., 1939. С. 123–124).

Соответственно внимание критиков усилилось именно к «Вечерам», в которых, собственно, и виделись истоки гоголевского иррационализма и внутренней противоречивости его позднейших произведений. «В творчестве

Гоголя, — писал В.Ф.Переверзев, — нет другого произведения, в котором так резко столкнулись и так причудливо перемешались бы все противоречивые элементы, как в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»» (*Переверзев В.Ф. Творчество Гоголя. М., 1914 — см.: Переверзев, 1989, с. 287*). Впечатление читателя от повестей — яркая жизненность и вместе с тем мертвая фантастика, «которая порой заставляет его скучать». Видя в произведениях Гоголя отражение некоего «объективного бытия», Переверзев объяснял секрет двойственного впечатления от гоголевской прозы двумя различными укладами жизни, которые, согласно его концепции, лежали в основе творческой фантазии писателя. «С одной стороны, перед вами обыденная жизнь, праздничная, яркая, но ужасно смешная, мелкая, лишенная сильной страсти, могучей мысли, героического порыва. <...> С другой стороны, рядом разворачивается иная жизнь, полная страха и опасностей, но зато богатая молодецкой удалью и раздольем» (*там же, с. 289*). В концепции художника, считает Переверзев, существует какое-то неустрашимое противоречие. «Если старина была богата яркими, сильными переживаниями и красивыми людьми, то нелогично отдам играть шутовские роли, а детям героические <...>. Дети живут в тех же бытовых условиях, что и отцы, развиваются в их обществе, не зная другого. Как же это Хиври и Солохи умудряются воспитать Ганну и Пидорку, а Макогоненки и Чубы — Петрусей и Левко? Эти два ряда характеров настолько чужды друг другу психологически, что мыслить их совместное существование в одной и той же среде <...> можно только рассудку вопреки. Более вероятно, что эти характеры принадлежат различным историческим эпохам» (*там же, с. 290*). Гоголь не одинаково знал два изображаемых им жизнепорядка: стихия могучей, широкой, красивой жизни была менее доступна и знакома ему, чем стихия жизни мелкой, смешной, лишенной творческого смысла. В дальнейшем эти две стихии обособились, положив начало двум разнородным циклам произведений: о козацкой Украине и о среде мелкопоместных душевладельцев, которой в «Вечерах» Гоголь придал еще фантастическое бытие. Таким образом, «Вечера» явились как бы зерном, из которого «вырастает дерево гоголевского творчества. В этом зерне две доли, но так плотно спаянные и завернутые кожурой фантастики, что их не заметишь без микроскопа и ланцета» (*там же, с. 297*).

Книга Переверзева положила начало социологическому истолкованию гоголевского творчества, сказавшемуся, в частности, на прочтении «Вечеров» советской критикой. Ср., например, утверждение Н.К.Пиксанова о том, что в «Вечерах» отразился *среднепоместный* (а не *мелкопоместный*, как считал Переверзев) уклад жизни на Украине, а также проведенный Пиксановым анализ различных социальных групп, представленных в украинских повестях Гоголя (см.: *Пиксанов, 1933, с. 43–148*).

В 1920-е гг. начало психоаналитическому подходу к творчеству Гоголя в целом и к «Вечерам» в частности положил русский фрейдист И.Д.Ермаков

(Ермаков И.Д. *Очерки по анализу творчества Н.В.Гоголя*. М.: Пгр., 1923; то же — Ермаков, 1999, с. 159–344). К определенному набору «комплексов» молодого Гоголя» возводились Ермаковым поэтические особенности и мотивная структура «Вечеров». Так, например, комплекс отца, человека слабого, заставил Гоголя представлять в карикатурном виде мужчин пожилого возраста, тогда как молодые люди у него, наоборот, приукрашены. Комплекс отца усматривался в эпизодах драки Левка с отцом, вросшего в землю мертвеца. С тем же комплексом Ермаков связывал и симпатию Гоголя к слабым людям с женственным характером (Шпонька). С другой стороны, комплекс вечно юной матери, не дававший Гоголю подмечать у молодых то, что он подмечал у пожилых женщин, сказался в обрисовке им красавиц. Для их характеристики Гоголь довольствовался перечислением эпитетов красоты, которые встречаются в народных песнях, тогда как в характеристике старух он чувствовал себя свободным, «там вступал в силу его талант» (Ермаков, 1999, с. 177). В перенесении вины на третье лицо, то есть на черта, который пугает, надувает и приводит в уныние, Ермакову виделось бессознательное — вытесненная агрессивность, отражающая психологическое состояние Гоголя. Наконец, градация зрительных ощущений в «Вечерах» связана с творческим комплексом Гоголя, которому его собственный зоркий взгляд помогал видеть, но одновременно приводил и к гибели, как Хому взор Вия. Так, «на пристальный взгляд брата мчится колдун к своему брату в “Страшной мести”, когда вдруг дивно стали *видеться* страны, которых раньше нельзя было увидеть». В «Майской ночи» Левко должен увидеть то, чего другие не видели — черную точку в ведьме, притворившейся русалкой. В «Пропавшей грамоте» дед, захотевший закурить люльку в пекле, чуть было не лишается зрения (кастрационный комплекс, при котором появляется страх темноты, неизвестности, закрывания глаз). Так, «все, что связано с глазами у Гоголя (глаза — зеркало души, а души мертвые) отличается ужасом и страхом» (там же, с. 189).

Книга Ермакова в свое время прошла почти незамеченной в отечественной науке, оказав весьма существенное воздействие на гоголеведение западное (см.: Kent, 1969; Stilman, 1974; Karlinsky, 1976; Rowe, 1976; Woodward, 1982; Katz M. *Dreams and the Unconscious in Nineteenth-Century Russian Fiction*. Hanover, 1984; *Russian Literature and Psychoanalysis* / ed. D.Rancour-Laferriere. Amsterdam, 1989).

* * *

В 1920-е гг. назревший интерес к проблемам художественной формы привел к появлению ряда работ, в которых исследовался стилистический, композиционный и повествовательный строй гоголевских произведений: «Как сделана “Шинель” Гоголя» Б.М.Эйхенбаума, 1919; «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)» Ю.Н.Тынянова, 1921, и др. При этом формалисты интересовались главным образом более поздними произведениями Го-

голя («Шинель», «Нос» и др.). Вместе с тем, работы Тынянова и, в особенности, Эйхенбаума о Гоголе оказали непосредственное воздействие на исследовательский метод В.В.Виноградова (см.: Чудаков А.П. *Ранние работы В.В.Виноградова о поэтике русской литературы // Виноградов, 1976, с. 464—486*), который обратился к изучению различных форм повествовательного сказа, в том числе и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», внося в изучение гоголевского стиля историко-литературную перспективу (см.: Виноградов В.В. *Гоголь и натуральная школа. Л., 1925; Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя. Л., 1926* — главы «Анализ архитектоники и соображения о ее генезисе. Гоголь — “русский Стерн”»; «Рудый Панько и рассказчики из романов Вальтера Скотта»; то же: Виноградов, 1976, с. 191—299; 230—366; см. также с. 670, 681, 685 наст. изд.).

Формальный метод, вместе с тем существенно скорректированный социологическим подходом, сказался в итоговой работе Андрея Белого «Мастерство Гоголя» (1934). Развивая высказанные им прежде мысли о символическом характере творчества Гоголя (см. с. 655 наст. изд.), Белый избрал основным предметом анализа форму «Вечеров» (особенности фабулы, стиля, звукописи, цвета — ср. «с ю ж е т в ц в е т а в п а я н» — Белый, 1934, с. 73), за которой, по мысли исследователя, скрывается глубокая социальная тенденция: сюжет «Вечеров» «скуп, прост, примитивен в фабуле; ибо дочерчен и выглублен в деталях изобразительности, в ее красках, в ее композиции, в слоговых ходах, в ритме; в содержании, понимаемом обычно, не так уж много “содержательности”; где видят лишь деталь оформления, докраску, — там сюжет Гоголя выявляет свою особую мощь <...>. Вне деталей изобразительности, обычно относимых к “форме”, не поймешь ядра сюжета Гоголя; Гоголь-“с ю ж е т и с т” хитрее, чем кажется; он нарочно подает читателю на первый план не то вовсе, на чем сосредоточено его внимание» (Белый, 1934, с. 43—45).

Сюжет «Вечеров», как понял его Белый, — «быт казацко-крестьянского коллектива», является у Гоголя «несколько искусственной конструкцией», поданной «на фоне древней общины, потерянной в тумане тысячелетий; так XV и XVI столетия выглядят эмблемами тьмы до них лежащих веков; такая архаизация — для жути; она увеличивает гигантски дикости быта, создавая несообразность для современного глаза, когда автор притворяется разделяющим точку зрения дедов своих. Даны: анатомия и физиология примитивного коллектива; в нем род — ствол; и листки — личности; <...> дети живы отцами, отцы — дедами; деды же живут в прадеде: он — “я” рода; но он — мертвец мертвецов; <...> дед жив отвеиваемыми потомками; те же живут, чтоб умереть в “деде”: живут во смерть; сознанием они створены с чревом деда, ставшим давно землю в земле <...>. Всякий инако слаженный, — хозяйственник ли, инако мыслящий ли, инако ли одетый, инако ли сеющий репу, внушает ужас любому скопищу людей, которое тут же “с р а с т а е т с я в о д н о г р о м а д н о е ч у д о в и щ е”» (там же, с. 47—49). «Преступление против рода грозит

гибелью мира. Таков бред, очерченный с величайшим мастерством Гоголем; он, переряженный в психологию рода, говорит от лица его; он заставляет верить: показанное в сюжетной игре всерьез» (*там же*, с. 50).

В изучении «Вечеров» в XX в. существовали две полярные тенденции. Книга воспринималась либо как литературный вариант народного смехового сознания, либо, наоборот, как произведение, сознательно от стихии народного смеха удаляющееся. Л.В.Пумпянский в написанной им в 1922 г. работе «Вечера на хуторе близ Диканьки» (впервые опубликована Н.И.Николаевым — см.: *Пумпянский, 1986*, с. 100–110) определил «Вечера» как «сферу порождения» комического эпоса, в котором еще эклектично присутствуют все виды комического (патетическое, фантастическое, страшное, идиллическое). Эпический смех «Вечеров», по мнению ученого, соответствовал моменту рождения смеха в народной культуре: «Счастливый фантастический мир у Гоголя есть принадлежность эклектичного комического эпоса, залог того, что Гоголь начинает сначала, как и сам смех...» (*там же*, с. 107). Вместе с тем, считал Пумпянский, в «Вечерах» была использована еще и форма рассказа *безумный день* (*folle journée*), установившаяся в новоевропейской литературе для изображения всенародного праздничного смеха.

Мысли о народной, карнавальной атмосфере «Вечеров», в которых существенную роль играет чертовщина, «глубоко родственная по характеру, тону и функциям веселым карнавальным видениям преисподней и дьяблериам», высказал М.М.Бахтин. «Праздник, — писал он, — связанные с ним поверья, его особая атмосфера вольности и веселья выводят жизнь из ее обычной колеи и делают невозможное возможным (в том числе и заключение невозможных ранее браков)». Ту же стихию Бахтин обнаруживает и в «Вечерах»: «Еда, питье и половая жизнь в этих рассказах носят праздничный, карнавально-масленичный характер». Указывая на роль переодеваний и мистификаций всякого рода, а также побоев и развенчаний, Бахтин утверждал, что гоголевский смех — это «ч и с т ы й н а р о д н о - п р а з д н и ч н ы й с м е х», он «амбивалентен и стихийно-материалистичен», и эта народная основа гоголевского смеха, несмотря на его существенную последующую эволюцию, сохраняется в нем до конца (*Бахтин, 1975*, с. 485–486; ср. также соположение художественного мира «Вечеров» с «перевернутым миром» — *topsy-turvy world* — народной культуры, в работе В.Эрлиха: *Erlich, 1969*, р. 30).

Возражения против бахтинской концепции карнавального смеха у Гоголя высказал Ю.В.Манн. Отметив многие элементы действительной карнаваллизации в «Вечерах» (нарушение правил моральных, социальных и этических, веселье проделки влюбленных, традиция которых уходит в древние, подвергшиеся карнаваллизации пласты искусства), Манн увидел в «Вечерах» и существенное отступление от карнавальной традиции — отход от всеобщности действия в сторону индивидуализации и механической имитации

жизни, предвещающий весь комплекс мотивов «Мертвых душ» (ср. финал «Сорочинской ярмарки»). Обычное «веселое место» реализации карнавального начала оказывается у Гоголя одновременно и проклятым местом (место, отведенное под ярмарку в «Сорочинской ярмарке», участок земли, где пытался танцевать дед в «Заколдованном месте» — см.: Манн, 1988, с. 12–14). «Веселое» в «Вечерах» сменяется не просто «грустным», но «чем-то непонятным, инородным» (ср. размышления Е.И. Анненковой о «потенциале саморазрушения», которое обнаруживает у Гоголя фольклорное, по природе языческое, мироощущение в «Вечерах» — Анненкова, 1986, с. 42–44; см. на эту тему также: Лотман Ю.М. Гоголь и соотношение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). Тарту, 1974. С. 131–133).

Диалектику комического и ужасного обнаруживают и различного рода интерпретации темы черта в «Вечерах». Согласно одной из версий, характер гоголевского черта вполне соответствует изображению черта в народной украинской традиции, где он выступает как безвредный злодей и обманутый обманщик, и где его власть над христианами сведена до минимума (см.: Петруцц, 1902, с. 47–55; Stender-Petersen, 1920, S. 72–87). Вместе с тем, демонология Гоголя нередко интерпретируется как страшная и зловещая — трактовка, восходящая к работе Д.С. Мережковского «Гоголь и черт» (см. выше). Так, В.В. Гиппиус, анализируя композицию «Вечеров», увидел в них вариацию одной темы — «вторжения в жизнь людей демонического начала и борьбу с ним». Исход этой борьбы безнадежен: в «Вечере накануне Ивана Купала» побеждает Басаврюк; в «Страшной мести» все, прикоснувшиеся к злой силе, осуждены на гибель (Гиппиус, 1924, с. 33–35). Ср. также в более поздней работе В. Сечкарева: «Сияющая поверхность прекрасного мира обманчива, — любовь, танец, жизнерадность преходящи <...>, каждую секунду черт готов выступить там, где его менее всего ожидают. <...> Эта темная подпочва мира заставляет застыть всякое веселье; безнадежный трагизм стоит у окончания блестящей жизни» (Setchkareff, 1953, S. 75–76).

Описание чертовщины, считает Ю.В. Манн, построены у Гоголя на откровенной или полуприкрытой аналогичности бесовского и человеческого. Многие эпизоды гоголевских повестей представляют собой явное снижение, опрожнение, дедемонизацию inferнальных представлений. Но даже в ситуации посрамления злой силы страх перед ней не исчезает окончательно («Ночь перед Рождеством», «Пропавшая грамота»). «Ибо последнюю можно высмеять, унизить, травестировать до уровня “глупого черта”, — но все это останется лишь полумерой, паллиативом <...>, в каком бы комическом <...> свете не представал “враг человеческого рода”, только вмешательство противоположно направленной высшей силы способно оказать ему достаточное противодействие. Ортодоксальность Гоголя — от могущества темной стихии» (Манн, 1988, с. 25–26; о черте у Гоголя см. также:

Holquist, 1967, p. 352–362; Rancour-Laferriere, 1982, p. 339–371; в последней работе черт «Вечеров» рассматривается также и под психоаналитическим углом зрения как «действующее лицо в отношениях мужчины и женщины», «часть всеобщего персонифицирующего/деперсонифицирующего комплекса, вводящего людей в заблуждение и разрушающего естественную природу вещей» — *Rancour-Laferriere, 1982, p. 356*).

Вместе с тем, мотивно-тематический анализ «Вечеров» обнаруживает еще один возможный уровень прочтения книги. По мысли ряда исследователей (М.Вайскопфа, С.Гончарова), с мифологизированной историей грехопадения человеческого рода у Гоголя совмещается другая мифология, восходящая к гностико-манихейским представлениям о дуализме мира и души человека, в которой светлое начало находится в плену темных сил. Эзотерическая семантика «Вечеров» просматривается в таком случае в схеме «путешествия в “иной” мир» (своего рода мистические «странствия души»), актуального почти для всех повестей цикла. Сны в «Вечерах» изображают ситуацию плена: персонаж оказывается в зависимости, которая соотносена с родительской сферой (мачехой-ведьмой, отцом-колдуном). Исходная сюжетная ситуация ущербной семьи и сиротства, стремление преодолеть комплекс утраты прочитываются как коллизии восстановления сакрального миропорядка. Об истории «плена души» и «попытках ее освобождения» и рассказывают «Вечера» (см.: *Гончаров, 1993, с. 4–40*).

* * *

Традиционно одной из центральных проблем изучения «Вечеров» был вопрос о литературном методе цикла (см. также с. 654–655, 658–659 наст. изд.). Этой проблеме посвящена книга Г.А.Гуковского «Реализм Гоголя» (1959). Отведя «Вечерам» в общей «реалистической» системе зрелого творчества Гоголя место романтического пролога, Гуковский считал, что сущность «Вечеров» как произведения романтического составляли не события, «веселье, лирические, или даже полные таинственного и восхитительного ужаса», а «сам свободный полет музыки духа, творящего идеал, радостное и светлое сознание неограниченной мощи мечты» (*Гуковский, 1959, с. 32*). Причем «мечтой» Гоголя в «Вечерах» был идеал «нормальной, естественной жизни, где все — здоровое, яркое, где торжествует молодость, красота, нравственное начало» (*там же, с. 35*). Правда, попутно вносилась и некоторая коррективна: при всей светлой тональности книги, была в ней, считал Гуковский, «подспудная вторая мелодия печали романтика, уже не верящего в всепоглощающую силу мечты». И в этом — «обреченность романтизма» в «Вечерах» и его отличие от романтизма В.А.Жуковского и А.А.Бестужева-Марлинского (*там же, с. 33*).

О романтизме гоголевских ландшафтов в «Вечерах» писали В.Сечкарев и В.Эрlich (*Setschkareff, 1953; Erlich, 1969*). Последний утверждал, что задача гоголевских «фантазий на тему природы» — не верное отражение жи-

вой картины природы, но «передача атмосферы музыкальными, интонационными, стилистическими средствами». И в этом Гоголь добивался значительно большего успеха, чем в достижении жизненного правдоподобия, которое у него «весьма проблематично» (см.: *Erlich, 1969, p. 37*). Ср. также точку зрения Л.Кента: «Реальность смягчена в “Вечерах”, потому что введена в сферу сна; мир реальности и фантазии настолько переплетены у Гоголя, что иногда трудно понять, что случилось на самом деле, а что только пригрезилось» (*Kent, 1969, p. 57*). Реальность в ранних рассказах романтизирована, но за романтизмом скрывается отношение к действительности и подсознательное желание бегства от нее. В подтексте же повестей отражается сам автор, «так и не созревший эмоционально», автор, «который хотел бы быть на небесах вместе с богами, потому что ни эмоционально, ни духовно, из-за извращения и искажения земной плоти, не смог довольствоваться действительностью» (*ibid., p. 57–59*).

Начиная с 70-х гг. вопрос о романтизме «Вечеров» стал чаще рассматриваться в плоскости поэтики. О существенном усложнении традиционных романтических оппозиций (земли и неба, красоты и безобразия, народного и столичного, настоящего и прошлого) в «Вечерах» писал Ю.В.Манн в книгах «Поэтика русского романтизма» (1976), «Поэтика Гоголя» (1978) (см. также: *Манн, 1988; Манн, 1995*). Гоголь, утверждает исследователь, в целом следовал романтической традиции расширения понятия «народное»: Диканька не только стала у него синонимом Украины, но и оказалась поставленной в центр мироздания, так что происходящее в Диканьке или близ нее естественно распространялось на всю подлунную (мрак, распространившийся «по всему миру», когда черт украл месяц в «Ночи перед Рождеством», или землетрясение, которое происходит «по всему миру», и т. д.). Но вместе с тем народный мир Диканьки у Гоголя не един: прошлое, историческое, при постоянно декларируемом противопоставлении величественного прошлого тусклому настоящему, оказывается еще более страшным, чем настоящее (именно в прошлом произошло роковое отпадение Петра Безродного, в прошлом совершено и страшное братоубийство). Соответственно Диканька мыслится как малая модель вселенной, имеющая свой рай и свой ад, а романтический мир, усложняясь, «исключает какую-либо возможность интерпретаций с позиций позитивизма или прагматичности» (*Манн, 1976, с. 336–337*; см. также: *Манн, 1995, с. 324–328*). К сходному выводу о диканьковском мире как малой модели вселенной приходит А.Самышкина, анализируя пространственно-временные отношения в «Вечерах». Пространство «Вечеров» приобретает временной и всемирно-исторический смысл во многом благодаря возникающей в повестях на символическом уровне ассоциации диканьковского мира с храмом. В сочетании с мотивами «купола», «небесной глубины», вызывающими дополнительную ассоциацию с храмом, вскрывается глубинная символика пейзажей «Вечеров»: храм представляет собой мироздание с присущими ему временными атрибутами: прошедшим, настоящим, будущим. Этому соответствует и суточный круг

пейзажных описаний в повестях цикла: за дневным пейзажем «Сорочинской ярмарки» следует вечерний «Вечера накануне Ивана Купала», в «Майской ночи» выделяется ночной пейзаж, как бы завершая всю тематическую линию (Самышкина, 1979, с. 68–69). Существует, правда, и иная точка зрения, акцентирующая не сакральную, но скорее ночную доминанту суточно-го цикла «Вечеров»: «Распределение светотени в “Потерянной грамоте” и “Заколдованном месте”, — пишет А.Оболенский, — усиливается в сторону сумерек в “Майской ночи” и “Ночи перед Рождеством” и превращается в тьму, ставшую кульминацией двух повестей — “Вечера накануне Ивана Купала” и “Страшной мести”» (Obolensky, 1984, p. 125). Ср. также размышления В.Скуратовского о Диканьке и Петербурге как пребывающих в разных не только географических, но и исторических широтах: Диканька — «абсолютное прошлое мира» (Шиллер), его эпическое время; Петербург — его абсолютная современность (Скуратовский, 1997, с. 66).

Сложное функционирование в «Вечерах» двух типов пространства, бытового и фантастического, дополнительно проливает свет на амбивалентную сущность «Вечеров» (см.: Лотман, 1970; Лотман, 1988). Фантастическое пространство у Гоголя, даже будучи пустым, обладает признаками открытости и динамики (ср. в «Сорочинской ярмарке»: «будто гуляющие без цели стоят дуба», в «Вечере накануне Ивана Купала» — «небо, раскалившись, дрожало»). И напротив, бытовое действие, являясь статичным и закрытым, концентрируется на закрытой сценической площадке, что сообщает ему значительно большую условность по сравнению с фантастическим действием, опрокидывая тем самым привычные представления о соотношении фантастики и реальности (там же, с. 259–266; см. также: Звиняцковский, 1987, с. 67).

Вообще проблема фантастики и природы фантастического в «Вечерах» стала одной из центральных в изучении романтизма раннего Гоголя. Как писал Дж.Холквист, «пресуппозиция всех текстов “Вечеров” как текстов романтических есть контраст между эмпирическим и трансцендентным. Этот отвлеченный контраст конкретизируется Гоголем в противопоставлении провинциального украинского быта миру нечистой силы». «Изображаемая реальность членится на эмпирическую и умопостигаемую области таким способом, что делает познание чувственно воспринимаемого мира функционально зависимым от познания трансцендентного мира» (Holquist, 1967, p. 355; см. также: Смирнов, 1979, с. 585–597). Ю.Манн назвал фантастику раннего Гоголя «завуалированной», «сумеречной», параллельной той, что утверждалась в Германии, в частности, Жан-Полем (И.П.Ф.Рихтером) и Э.Т.А.Гофманом и которую в России одним из первых попытался применить Антоний Погорельский в «Двойнике, или Моих вечерах в Малороссии» (как считал В.В.Гиппиус, Гоголь был знаком также с переводом статьи В.Скотта «О чудесном в романе» — *СО/СА. 1829. № 44. С. 229–245; № 45. С. 288–309; № 46. С. 355–365*, «где мог найти советы, что “надобно расшевеливать воображение, но никогда не надобно вполне удовлетворять его”» — *Гиппиус, 1924, с. 29*).

Образцом такой неявной, завуалированной фантастики являются две «современные» повести цикла: «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь», где «фантастическое (в форме предания) приурочено к <...> прошлому <...>, на события же сегодняшнего временного плана словно ложится излучаемый из прошлого фантастический свет» (Манн, 1988, с. 72–73; см. также: Little, 1986, р. 96–126). Однако и в произведениях о «прошлом», где потусторонние силы, казалось бы, открыто вмешиваются в сюжет, фантастическое, считает Кармен Кульяну-Жеоржеску, может проистекать из колебания между естественной и сверхъестественной экспликацией событий (так, например, в «Вечере накануне Ивана Купала» мотивировка исчезновения Ивася колеблется между реальным объяснением — мальчика похитили цыганы — и объяснением фантастическим, продажей Петрусем души дьяволу — см.: *Culianu-Georgescu, 1984, р. 377–401; см. подробнее с. 718–719 наст. изд.*). Подобное прочтение текста «Вечеров» на нескольких уровнях и игра Гоголя с различными уровнями художественной реальности стали возможными благодаря технике романтической иронии, усвоенной Гоголем через произведения Тика, Гофмана, Жан-Поля (там же, с. 382). Романтическое в своей основе понимание того, что всякое явление может быть представлено в двойном аспекте, дает возможность проникнуть в механизм порождения легенды в «Вечерах». Солоха, искусно умеющая обращаться с мужским полом, почитается в народе ведьмой. И это стереотипное представление ложится в основу ее двойной сюжетной функции — обольстительной козачки, матери Вакулы, и ведьмы, подружки черта. Отец Катерины, которого в народе считают союзником ляхов и, соответственно, союзником дьявола, приобретает сразу две сюжетные функции: изменника родины и страшного колдуна. Ср. также предложенную еще Андреем Белым трактовку отца Катерины как человека возрожденческого склада, в котором представители патриархального коллектива видят колдуна из-за его несхожести с ними (Белый, 1934, с. 55). Результатом такого сложного переплетения фантастики и романтической иронии, преодолевающей границы детерминизма, делающей обратимыми понятия добра и зла, священного и порочного, фантастического и реального, оказывается принципиальная неисчерпаемость смысла «Вечеров», вступающая в противоречие с их внешней легкостью и простотой (о романтической иронии в «Вечерах» см. также: Дмитриева, 1992, с. 18–27).

Существует и противоположная точка зрения, отрицающая «романтизм» Гоголя. Так, Хьюг Маклин считает, что Гоголь — наименее «романтический писатель во всей мировой литературе, поскольку земная любовь живых людей была наименее удачной темой его творчества» (McLean, 1958, р. 2). Жаклин де Прауйр, исходя из представления о религиозной основе в том числе и раннего творчества Гоголя, отмечает его чуждость романтизму, поскольку «романтическая тоска вообще ослабляет человека и отдаст его в руки дьяволу», — для Гоголя она «была бы зловещим знаком» (Proyart, 1973, р. 333). В серьезности романтизма «Вечеров» сомневался также В.В.Набоков, увидевший в книге Гоголя опереточный романс и фарс

(ср.: «Лет через двадцать пять я заставил себя перечитать “Вечера” и остался к ним так же холоден, как и в те дни, когда мой учитель не мог понять, почему от “Страшной мести” у меня не ползут по спине мурашки, а от “Шпоньки и его тетушки” я не покатываюсь со смеху. Но теперь я вижу, как там и сям сквозь оперную романтику и старомодный фарс смутно, но настойчиво проглядывает то, что предвещает настоящего Гоголя и что было неведомо и непонятно читателям 30-х гг. XIX в., критикам 60-х и учителям моей юности» — *Набоков, 1998, с. 53; 1-е изд. «Лекций» на англ. яз. — 1944).*

Большое влияние на раннего Гоголя оказала культура барокко. Первым, кто употребил термин «барокко» применительно к «Вечерам», был Андрей Белый (ср.: «Вместо дорической фразы Пушкина и готической фразы Карамзина — асимметрическое барокко, обставленное колоннадой повторов» — *Белый, 1934, с. 8*). На барочную сущность гоголевской демонологии указывал С. Шамбинаго (*Шамбинаго, 1911, с. 12*; о барокко у Гоголя см. также работы: *Чижевский, 1951; Chizhevsky, 1975, р. 315, 329, 349; Синявский, 1975, с. 347–353; Турбин, 1978, с. 21–31; Морозов, 1979, с. 86–87; Михайлов, 1985, с. 111–112; Shapiro, 1993; Дмитриева, 1994, с. 13–25; Барабаш, 1995; Парфенов А.Т. Гоголь и барокко: «Игроки» // *Arbor mundi / Мировое древо. Вып. 4. М., 1996. С. 142–160*). Наряду с непосредственным отражением в творчестве Гоголя отдельных барочных изобразительных (лубка, эмблемы), а также литературных жанров (вертепной драмы, украинской интермедии), отмечалось общее воздействие на Гоголя барочных стилевых принципов. Эмблемно-символическим мышлением, характерным для барокко и предполагавшим особый язык, где аллегоричность сочетается с пристрастием к натурализму, а скрытый смысл противопоставлен явному, объясняется возможность прочтения текста «Вечеров» на двух уровнях, событийном и бытийном (ср. замечание Андрея Белого: «...сюжеты Гоголя, как “к е н т а в р ы”, они — двунатурны: одна натура в обычно понимаемом смысле; другая — натура сознания; не знаешь: где собственно происходит действие: в показанном ли пространстве, в голове ли Гоголя» — *Белый, 1934, с. 45*). Центральным для барочного стиля принцип контраста, где действие рождает противодействие, а каждый герой имеет себе антипода в противоположном лагере, отразился в композиции «Вечеров» (ср. коррелирующие образы множющихся мертвецов в «Страшной мести» и множющихся жен в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»; странной репы в рассказе Василисы Кашпоровны и странного овоща, растущего на заколдованном месте; см. *подробнее с. 848 наст. изд.*). С другой стороны, лубочный театр эпохи барокко с его вихревой масленичной стихией, с его вертящимся колесом миром, превращающим женщин в мужчин, мужчин в женщин, тех и других — в маски (см.: *Сакович А.Г. Русский настенный лубочный театр XVIII–XIX вв. // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М., 1983. С. 48–49*), сказал-*

ся в мотиве постоянного превращения всего во вся: так свояченица оказывается у Гоголя чертом, Солоха — ведьмой, черт — немцем, цыгане — гномами и т. д. (см. также: *Михед, 1982, с. 85–87*). Соответственно, те противоречия, в которых Гоголя упрекали его первые критики (сочетание, например, патетики и фарса — см. с. 635–636, 638, 643 наст. изд.), на самом деле вписывались в принципы барочного мышления, а слабость выдумки, которую увидели в «Вечерах» их первые рецензенты (см. с. 640 наст. изд.), повторение в повестях одних и тех же мотивов, являли собой реликт дистрибуции — фигуры мысли, свойственной барокко и означающей поливариантность канонического мотива (ср. сходный поведенческий мотив обращения человека к дьяволу в «Вечере накануне Ивана Купала» и в «Ночи перед Рождеством», приводящий к прямо противоположным результатам — гибели героя в одном случае и победе в другом, — см.: *Дмитриева, 1994, с. 15–16*).

Особую проблему представляет композиция «Вечеров» и тесно связанный с ней вопрос о повествовательной системе цикла, исследование которых началось с 1920-х гг. в рамках формально-эстетической интерпретации Гоголя (см.: *Виноградов, 1976, с. 199–200* — см. с. 662 наст. изд.). Одним из первых, кто изучал структуру «Вечеров», был В.В.Гиппиус, выделивший в цикле четыре композиционных пары: 1) два рассказа дьячка («Пропавшая грамота» и «Заколдованное место»), имеющие форму народного, «комически-смешного, а не страшного анекдота», где «демоническое приняло вид мелкой чертовщины»; 2) две любовные новеллы («Майская ночь» и «Ночь перед Рождеством»), где более серьезно рассказывается «о состязании светлых сил с демоническими»; 3) две сказки-трагедии, близкие романтике Л.Тика, в которых гибнут все, кто попытался спорить с демонами («Вечер накануне Ивана Купала» и «Страшная месть»), 4) две повести, находящиеся вне демонологии («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») или почти вне ее («Сорочинская ярмарка») (см.: *Гиппиус, 1924, с. 33–34*; ср. также точку зрения К.Мочульского, утверждавшего, что повести «Вечеров» располагаются «по степеням нарастающей мрачности» — *Мочульский, 1934, с. 20*). В качестве типов повествования Гиппиус выделил эпический монолог от лица рассказчика (три рассказа Фомы Григорьевича), в котором смешаны приемы литературно-романтической, народно-песенной и народно-анекдотической речи; лиро-драматическое повествование, где автор выступает в роли режиссера, сопровождающего лирическими и пояснительными речами сцены, которые разыгрываются перед читателем-зрителем («Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь»); драмо-эпическое повествование, где драматическое изображение подчинено эпическому рассказу («Ночь перед Рождеством» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»); лирический монолог («Страшная месть»), где «знаменитая картина Днепра не отличается по ритму от изображения самых будничных сцен» (*Гиппиус, 1924, с. 36–37*).

О двух основных типах повествования, романтически-сентиментальном («высоко-беспонятное летание») и разговорно-провинциальном, писал В.В.Виноградов, показавший, как «композиционная схема, в которой <...> цикл новелл выпускался от имени подставного издателя», связанная с представлением о В.Скотте, трансформировалась постепенно у Гоголя в «языковую маску» Рудого Панька. Последняя вобрала «ряд разнородных типов речи», скрывая в себе зародыши новой манеры рисовки — элементы натуралистического стиля (Виноградов, 1976, с. 258–260).

Г.А.Гуковский проанализировал трехступенчатую композицию авторского образа в «Вечерах» (автор, издатель, рассказчик), которую связал одновременно с традицией романов В.Скотта и пушкинских «Повестей Белкина» (Гуковский, 1959, с. 41; впрочем, «Повести Белкина» в период работы над первой частью «Вечеров» скорее всего не были известны Гоголю). Уже в первой книге цикла, считал Гуковский, обозначился композиционный принцип сборника: сочетание повестей, «контрастно чередующих тональности сказа, то есть речевые образы носителей рассказа» (там же, с. 49). При этом в «Сорочинской ярмарке» принцип «личного» изложения еще «не формирует законченно-реального образа рассказчика». Это — вообще поэт, предстающий то как «иронический интеллигент», то как «восторженный лирик», воплощая собой «некую субъективную и довольно неопределенную стихию эстетического переживания мира». В «Вечере накануне Ивана Купала», своей повествовательной манерой резко отличающегося от «Сорочинской ярмарки», происходит переход от сказа Рудого Панька во введении к повествованию самого Фомы Григорьевича, народный сказ которого сплетается с более высокой и сложной книжной образностью (там же, с. 43, 46). Вместе с тем, в повести обнаруживается и более глубокое противоречие сказа и рассказа. Рассказчик обладает тем знанием о тайнах сюжета, которым мог обладать не очевидец событий, но всеведущий автор, возможность которого в принципе исключена наличием сказа. Так происходит расщепление рассказчика: сумма сведений исходит от деда, склад речи — от внука. Соответственно рассказчик является одновременно и дедом, современником событий, и Фомой Григорьевичем, рассказчиком, и всезнающим автором-поэтом, тонким психологом, вступающим в противоречие со сказовой манерой повести (там же, с. 47–48). Аналогично контрастное строение второй части «Вечеров», хотя композиция здесь гораздо сложнее. Книга открывается вновь предисловием Рудого Панька, далее следует «Ночь перед Рождеством», «рассказанная поэтом», впрочем, характеризованным иначе, чем в «Сорочинской ярмарке» или «Майской ночи», лишенным лиризма и меланхолической интонации. Демократизированный рассказчик «Ночи перед Рождеством» отличается от возвышенного романтика-поэта в «Страшной мести», «сливающего свое вдохновение, в единстве национального духа, с народной легендой» (там же, с. 50). За этим следует комически-сказовое введение к повести о Шпоньке, которое сменяется литературным в своей основе повествованием «в русско-стернианском духе» Степана Ивановича

Куручки. Последняя повесть цикла «Заколдованное место» вновь возвращает читателя к народно-бытовому сказу Фомы Григорьевича. Так возникает пестрая смена тонов рассказа в цикле; образ рассказчика меняется, двоятся, множится (Гоголь, Рудый Панько, Фома Григорьевич, Степан Иванович Куручка, дед, тетка деда и т. д.). Рассказчика как всеобъемлющего лица-образа нет, но рассказчик есть «как неограниченное множество лиц», которое «в соотношении с фольклорным характером книги становится массой, народом» (там же, с. 51–53; ср. также размышление А.С.Янушкевича о «синтезирующей способности “Вечеров”», позволившей Гоголю «через общий характер народной жизни выразить свои мысли об индивидууме» (Янушкевич, 1975, с. 100; см. также: *Слюсарь*, 1982, с. 93–101).

Согласно другой точке зрения, основные рассказчики «Вечеров» не только дистанцированы от Гоголя (автора), но одновременно являются его комическим, а порой и трагическим alter ego. Из всех рассказчиков цикла наиболее близок автору многократно им же осмеянный гороховый панич (ему, по-видимому, принадлежат две наиболее авторские повести первой части «Вечеров» — «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь»). Иронические слова Рудого Панька в адрес панича, «вычурно» рассказывающего истории, предвосхищают упреки критики Гоголю, которых он имел все основания опасаться (ср. слова Н.Полевого: «мы своим русским умом не понимаем этого высокопарения» — см. с. 636 наст. изд.). Пародийный образ горохового панича входит также и в создаваемый Гоголем миф о самом себе: способность вытянуть «носом на лету всю кучку (табаку. — Ред.), не дотронувшись даже до большого пальца», соотносится с гоголевским описанием собственной внешности. Ср. в более поздней альбомной записи «<В альбом Е.Г.Чертковой>», 1839: «...мой (нос. — Ред.) решительно птичий, остроконечный и длинный <...>, могущий наведываться лично, без посредства пальцев, в самые мелкие табакерки». Одновременно гороховый панич проецируется на колдуна из «Страшной мести»: их объединяет нежелание соблюдать веками установленные традиции, а также их статус гостя, т. е. чужого, в диканьковском миру. Тем самым топос автора вбирает в себя одновременно и комическое освещение сочинительства (вечно попадающий впросак сказитель, которого «много остряков и из московского народу не могло понять»), и представление о сочинительстве как о дьявольском даре.

Еще сложнее вырисовывается внутренняя связь между автором и рассказчиком Фомой Григорьевичем. Так, в мотиве «сучьего москаля», выманившего «историю» у Фомы Григорьевича (см. предисловие к книжной редакции «Вечера накануне Ивана Купала» — с. 99 наст. изд.), традиционно усматривалось недовольство Гоголя Свиныным, искажившим текст повести в «Отечественных записках» (см. с. 711–712 наст. изд.). Вместе с тем, во фразе «напросят, накрадут всякой всячины, да и выпускают книжки» просвечивает и поведенческий мотив самого Гоголя, просившего родных присылать ему анекдоты из украинской жизни (слова «накрадут всякой всячины» можно рассматривать как подсознательную отсылку к на-

званию первой записной книжки Гоголя — «Книге всякой всячины» — см. с. 597–598 наст. изд.). Так, выпад против беспринципного издателя косвенно задевает и самого автора, выдающего в свет не свои истории, а Фома Григорьевич, заявленный как идеал народного сказителя, несет груз чисто профессиональных, литературных проблем (см.: Дмитриева, 1992, с. 24–25).

Размышления о внутренней симметричности и одновременно контрастности, заложенной в структуре цикла, стали почти общим местом в современных исследованиях о «Вечерах» (см.: Янушкевич, 1975, с. 104–109; Слюсарь, 1982, с. 93–101; Немзер, 1985, т. I, с. 56–57; о функции контраста в гоголевской эстетике см. также: Gregg R. *The curse of Sameness and the Gogolian Aesthetic. The Tale of two Ivans as Parable // Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31. № 1*). Обе части «Вечеров» открываются своеобразными повестями-увертюрами, где разгул народной жизни, ярмарочной стихии обретает особый размах. За ними, по принципу контрапункта, следуют «Вечер накануне Ивана Купала» (первая часть) и «Страшная месть» (вторая часть) — истории о страшной судьбе индивида, вступившего в сговор с дьяволом. Мотив сна объединяет «Майскую ночь» и «Ивана Федоровича Шпоньку и его тетушку». Наконец, четвертая повесть в каждой книжке представляет собой в жанровом отношении анекдот о нечистой силе. При этом каждая повесть в цикле имеет своего двойника, где сходные мотивы даются с обратным оценочным знаком. Трагедия «Вечера накануне Ивана Купала» превращается в фарс и анекдот в «Заколдованном месте», варьирующем ту же тему поиска клада. Бурлескное плутание Каленика в «Майской ночи» и Чуба в «Ночи перед Рождеством» превращается в исполненную мистического ужаса потерю пути страшным колдуном. Чувственно воспринимающий мир повествователь «Сорочинской ярмарки» и «Майской ночи», восхищенный украинским пейзажем, в сниженном варианте появляется в образе Шпоньки, который любит пропадающей в небе чайкой. Веселая свадьба «Сорочинской ярмарки» становится в «Иване Федоровиче Шпоньке» кошмаром. Вертепный запорожец «Пропавшей грамоты» превращается в романтического рыцаря «Страшной мести». Юные красавицы Гоголя — Оксана, Параска, Ганна, воплощающие собой божественное начало, имеют в качестве антиподов-двойников пожилых красавиц, воплощающих начало демоническое — Хиврю, Солоху.

Принцип контрастного параллелизма организует цикл «Вечеров» и на глубинном смысловом уровне. Так, один из сквозных образов цикла, образ ярмарки, эпически свободного народа, сопоставляется с историей одиночества человека на празднике жизни. Эпическое время, которым меряется народная жизнь, сочетается и контрастирует со временем историческим, характеризующим социальное движение общества. Языческое начало, во многом определяющее народное фольклорное сознание, сталкиваясь с началом христианским, становится скрытым идейно-композиционным центром всего цикла (см. также: Анненкова, 1986, с. 42–48).

Особого внимания заслуживает антропонимическая система «Вечеров» (см.: Радковская, 1988, с. 129–135; Лесюв, 1984, с. 114–128; Шведова, 1993, с. 48; Сенько, 1990, с. 14; Белая А.С. Языковые средства выражения национально-культурного колорита в повестях Н.В.Гоголя // *Микола Гоголь і світова культура. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника. Київ-Ніжин, 1994. С. 43–46*). Исследователями подсчитано, что всего в цикле «Вечеров» фигурирует 74 действующих лица и 92 лица упоминаются, из них — 12 исторических (Подкова, Полтора Кожуха, Конашевич-Сагайдачный, Безбородко, Лафонтен, Стефан Баторий, Богдан Хмельницкий, Котляревский, Артемовский-Гулак, Екатерина II, Потемкин, Фонвизин), причем трое последних непосредственно участвуют в действии. Имена вымышленных лиц строятся в соответствии с различными моделями: личное имя (39 лиц), прозвище (фамилия) (18 лиц); имя + прозвище (фамилия) (19 лиц); имя + отчество (10 лиц); имя + отчество + фамилия (4 лица) (см.: Радковская, 1988, с. 129–130).

Экспрессивную и эмоциональную нагрузку в особенности несут у Гоголя украинские фамилии, которые не всегда возможно отделить от прозвищ: Пузатый Пацюк, Коростявий, Свербыгуз, Кизяколупенко, Макогоненко, Цыбуля, Вискряк (ср.: Лазаревский А.М. *Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII в. // РА. 1875. Кн. 1. С. 45*). Прозвище (фамилия) может указывать на принадлежность персонажа неодушевленным предметам: Шпонька — запонка, Корж — сухая лепешка; Кашпоровна — отчество тетушки Шпоньки — ассоциируется с немецким Kasperle (Петрушка), что привносит дополнительное значение кукольности, марионеточности в обрисовку героини. Прозвище может указывать и на принадлежность животному миру: Деркач — коростель, Голопуцек — неоперившийся (голозадый) птенец, Зозуля — кукушка, Пацюк — крыса, Горобец — воробей, Курочка — водяная болотная птица, то же, что и гоголь — в последнем случае мы имеем дело со своеобразной ономастической проекцией автора на персонажа (см. с. 764 наст. изд.). Прозвище может соотноситься с растительным миром: Цыбуля (Цыбуля) — лук (ср. игру слов в «Сорочинской ярмарке»: «не Цыбуля, а буряк»), Свербыгуз — растение, но с этимологически неприличным значением, Печерыця — гриб шампиньон, Ковелек — ковыль (см. с. 707, 783, 848 наст. изд.).

Кроме того, прозвище (фамилия) может быть метонимической заменой целого его частью: Голова, Чуб, Крутотрыщенко (крутая шея); Макогоненко (пест), что нередко оказывается объектом явного или неявного комического обыгрывания (ср.: «Что он думает, <...> что он голова, <...> так и нос поднял! Ну, голова, голова. Я сам себе голова»). Прозвище может указывать на качество, свойство или состояние (Ледачий — ленивый, Смаченький — вкусный, Цупчевська — крепкая, Коростявий — чесоточный, Чухопуленко — почесывающий пуп, Кизяколупенко — ломающий

или поедающий навоз). Так и фамилия (прозвище?) Петруся (*Петр Безродный*) отсылает к распространенному на Украине представлению о безродном человеке, который ради обретения невесты заключает сделку с чертом (см. с. 719. 726 наст. изд.).

Смысловую нагрузку у Гоголя отчетливо несут не только прозвища, но и личные имена (ср.: *Хивря* — свинья, *Параска* — поросся, *Грицько* — черт, *Василиса* — царственная и т. д. — см. с. 705, 706, 842 наст. изд.). Так, имя и отчество Шпоньки, при внешней их нейтральности, актуализуют тему незаконнорожденности героя: в народной культуре *Федор* (греч.), т. е. *Божий дар*, ассоциируется с незаконным рождением. С другой стороны, они вызывают коннотации с царским сыном, травестией которого становится кроткий Иван Федорович (см.: *Гончаров, 1993, с. 65–66; см. также с. 839 наст. изд.*).

Знаковы и упомянутые имена святых. Святой Пантелеймон, именем которого названа хуторская церковь в «Вечере накануне Ивана Купала», непосредственно связан с темой потери памяти Петрусем (к великомученику Пантелеймону обращались при лечении «неспящих» — см. с. 725 наст. изд.). Травестийно-комическим приемом Гоголя оказывается пожелание Фомы Григорьевича самому себе поперхнуться «за акафистом великомученице Варваре» («Пропавшая грамота»), поскольку с молитвой к святой Варваре обращались обычно для избавления от нечаянной смерти (см. с. 759 наст. изд.). С именем же Евангелиста Луки, покровителя художников, вводится в «Ночи перед Рождеством» важный для Гоголя мотив искусства, противостоящего злу (см. с. 783 наст. изд.).

* * *

Театральная история «Вечеров» как единой книги³ открывается спектаклем: «Вечер на хуторе близ Диканьки, малороссийская интермедия в одном действии, взятая из повестей сего же названия пасичника Рудого Панька, с принадлежащими к ней пением и танцами», музыка Д. Шелихова; поставлено 1833 янв. 9 в Петербургском Большом театре по поводу бенефиса В. А. Каратыгина (см. также с. 776 наст. изд.). В 1868 г. в Одессе (дек. 29) по тому же сценарию был поставлен «Вечер на хуторе близ Диканьки. — Малороссийская шутка в одном действии, взятая из повестей, изданных Рудым Паньком»; рукопись хранится в Одесской публичной библиотеке, Театральный отдел (см.: *Данилов, 1911, с. 336–337*). Под общим названием «Вечера на хуторе близ Диканьки» в Центральном детском театре (Москва) в 1975 г. была поставлена композиция по повестям «Ночь перед Рождеством» и «Майская ночь» (премьера 1975 апр. 7, реж. В. Фокин).

³ О театральных и проч. интерпретациях отдельных повестей «Вечеров» см. в соответствующих разделах комментария (с. 699–702, 720–721, 741–744, 758–759, 776–780, 816–817, 840, 847 наст. изд.).

Кинематографическая экранизация гоголевской книги сделана в 1961 г. на к/студии им. А.М.Горького («Вечера на хуторе близ Диканьки», автор сценария и реж. А.А.Роу — см. также с. 780 наст. изд.).

* * *

Первые переводы «Вечеров»:

— на английский язык — Evenings on a farm near Dikanka <Fragment> // Mechanics Magazine. London, 1850; Ghost stories and phantom fancies. By Hain Friswell. London, 1850; St. John's eve & other stories from «Evenings at the farm» and «St. Petersburg Stories». Transl. by I.F. Hapgood. New York, 1886;

— на датский язык — Aftener paa en Gaard i Naerheden af Dikanjka. Fortaellinger, udgivne af Rudyj Panjko, Bioplaekker. Overs. av E.M.Thorson. Kjøbenhavn, 1856; Samlede vaerker. Overs. av E.M.Thorson. T. 1, 2. Kjøbenhavn, 1857;

— на украинский язык — Вечери на хуторі близь Диканьки. Повісті, видані пасічником Рудим Паньком. Написав Миколай В.Гоголь. Перевів з московського Ксенофонт Климкович. Т. 1—2. Львів, 1864—1865; Вечерниці (Оповідання М.Гоголя). Переклад Михайла Обачного і Лесі Українки. Львів, 1885;

— на польский язык — Wieczery na chutorie. Powieści. T. I. Lwów, 1865;

— на французский язык — Les Veillées de l'Ukraine. Traduit du russe par E.Halpérine-Kaminsky. Paris, 1890 (в книгу вошла первая часть «Вечеров», исключая «Предисловие»);

— на чешский язык — Spisy N.V.Gogola. Překlad rediguje Jaromir Hrubý. Přel. Jgnač Hošek. V Praze, 1891. Sv. 2. Večery na dědince blizko Dikaňky;

— на японский язык — в 1894 г. переводчик Уэда Бин издал «Вечера» под общим названием «Майская ночь на Украине» («Украина-но гогацу-но ёру» — см.: Дьяконова, 1989, с. 116);

— на немецкий язык — Gogols Sämtliche Werke. In 8 Bdn. Hrsg. von O.Buek. Bd. 3. München, 1910; Abende auf dem Gutshof bei Dikanka. Phantastische Novellen. Deutsch von L.Rubiner und F.Schack. München; Leipzig, 1910.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧН Пр1 — черновой набросок предисловия к первой книжке (части) «Вечеров». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Л. 17 (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧА Пр2*, *ЧН НпР*, *ЧА См* и *ЧА Шп*. Автограф представляет собой половину одинарного листа, оборот не заполнен; чернила. Разм. 22.0×18.0. Без филиграни и штемпеля.

Впервые опубликовано: *Ак., т. XIV, с. 295–296* (под названием «Отрывок предисловия к первой части»). Предположительно датируется: весна 1831 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. Санктпетербург. В типограф. депар. народ. просвещения. 1831 (цензурное разрешение — 26 мая 1831 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть первая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безсомыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1*. Печатается по тексту *ВД2*.

Некоторым основанием для установления хронологии работы Гоголя над предисловием может служить свидетельство П.А.Кулиша, утверждавшего, что идею ввести в книгу «Вечеров» вымышленного издателя подсказал Гоголю П.А.Плетнев в мае 1831 г. (ср.: «В эти первые годы петербургской жизни он работал очень много, потому что к маю 1831 г. у него уже готово было несколько повестей, составлявших первый том “Вечеров на хуторе

близ Диканьки». Не зная, как распорядиться с этими повестями, Гоголь обратился за советом к П.А.Плетневу» — Кулиш, 1852, с. 200–201; см. также с. 602 наст. изд.; о том, что эти сведения исходили непосредственно от самого Плетнева, см. Манн, 1994, с. 249; Звоняцковский, 1994, с. 125). Соответственно предисловие можно предположительно датировать маем 1831 г., то есть временем непосредственно перед сдачей книги в цензуру. Сохранившийся черновой набросок (ЧН Пр1) не обнаруживает сколько-либо значительных расхождений с печатным текстом. По всей видимости, он отражает последний этап авторской работы над «Предисловием».

Существует несколько версий, почему именно Диканьку Гоголь вынес на титульный лист книги, поселив в ней и своего издателя Рудого Панька. Между тем, из всех повестей цикла непосредственно в Диканьке происходит действие только «Ночи перед Рождеством». В первой же книжке Диканька, помимо предисловия (ср.: «прямохонько берите путь по столбовой дороге, на Диканьку. Я нарочно и выставил ее на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора»), бегло упоминается лишь в «Вечере накануне Ивана Купала». На самом деле, топоним Диканьки мог иметь для Гоголя отчасти автобиографический подтекст: известны семейные предания «о слезных хождениях» Марии Ивановны Гоголь в Николаевскую церковь села Диканьки, где она молилась о рождении будущего сына (Бокий И.С. «Узнанный в рощах, парках и усадьбах...» // Венок Н.В.Гоголю. Харьков, 1984. С. 34); в великий пост «мать Гоголя часто приезжала со своим семейством в Диканьку говеть» (Чаговец В.А. На родине Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. С. 10. 5-ая паг.). Об автобиографической проекции топонима писал в своих воспоминаниях и П.А.Кулиш, соотнеся хутор близ Диканьки с именем родителей Гоголя, Васильевкой, а отца Гоголя, В.А.Гоголя-Яновского — с рассказчиком Рудым Паньком («Васильевка его сделалась центром общности всего околотка. <...> Тут-то бывали настоящие “Вечера на Хуторе”, которые Гоголь поместил по особенному обстоятельству возле Диканьки» — Кулиш, 1852, с. 200). Под «особенным обстоятельством» Кулиш, скорее всего, имел в виду председателя Государственного Совета В.П.Кочубея, которому принадлежала Диканька (ср.: «Так появились на свет “Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком”, который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею» — там же, с. 201). Последнее может служить еще одним объяснением появления топонима Диканьки. В 1831 г. богатство князя Кочубея и разговоры об образцовых нововведениях в его имении были модной светской и литературной темой (ср., в частности, пушкинские строки в «Полтаве», 1829, относящиеся к предку В.П.Кочубея: «Богат и славен Кочубей»; тема эта, в сильно модифицированном виде, отразилась также и во II томе «Мертвых душ», ср. кочкаревские «учреждения» — см.: Звоняцковский, 1990, с. 137–139; Звоняцковский, 1994, с. 132–133). Так что вынесение Диканьки на обложку вполне вероятно имело для Гоголя (как и для Плетне-

ва — см. с. 602, 610, 611 наст. изд.) не только интригующую (Диканька, став у Гоголя метафорой Украины, благодаря родству со словом *дикий*, могла быть воспринята и как название нетронутого самобытного края — см.: *Звнянцковский, 1990, с. 136*), но еще и дополнительную защитную функцию: апеллирования к всемогущему патрону, к тому же соседу Гоголей-Яновских и их дальнему родственнику (см.: *Манн, 1994, с. 250*). Примечательно в этом отношении письмо Гоголя матери от 8 июня 1833 г., где Гоголь, желая показать свою связь с Кочубеем и вместе с тем независимость от него, пишет: «Велика важность, что Кочубей мерял нашу землю! Пусть он хоть всю ее поместит у себя на плане! Мы можем поместить его Диканьку у себя на плане»; последнее, в переносном смысле, и было осуществлено в «Вечерах».

Следует обратить внимание и на то, что со времен Екатерины II путь высочайших особ в их путешествиях в Малороссию непременно лежал через Диканьку. Сохранилось предание, зафиксированное в 1810 г. И.М. Долгоруким, «будто Екатерина II, быв на этом месте, изволила отозваться, что она лучше его ничего не видала» (*Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1869. Кн. 3. С. 87*). Сам Долгорукий писал о Диканьке («усадьбе Г-на Коч....»), что она почитается «лучшим местоположением под Полтавою», «превосходнейшим в целом свете» (*там же*). В 1820 г. имение Кочубея посетил Александр I, о чем широко оповещалось в печати. Тем самым наивная уверенность Рудого Панька в том, что «про Диканьку», где «дом почище какого-нибудь пасичникова куреня, а про сад и говорить нечего», читатели «наслушались вдоволь», неожиданно оказывается вполне исторически обоснованной.

Кроме того, существует мнение, что заглавие «Вечеров» могло быть сознательно сориентировано на Пушкина: составляющие его слова, как заметил П.В. Палиевский, несут особую нагрузку в поэме «Полтава» и даже объяснены Пушкиным в примечаниях: «Диканька — деревня Кочубея», «Хутор — загородный дом» (см.: *Теория литературных стилей. Типология стилевого развития нового времени. М., 1976. С. 111*; см. также: *Фомичев С.А. Пушкин и Гоголь. К вопросу о соотношении их творческих методов // Zeitschrift für Slawistik. 1987. Bd. 32. H. 1. S. 78–79*).

О том, что скрывалось за придуманным Гоголем именем Рудого Панька, существует также несколько версий. А.И. Маркевич расшифровал Панько как сокращенное от Панасенко (по-украински — Панас), «прозвание внуков именем деда», которое на Украине часто заменяло фамилию. Соответственно, считал он, в имени Рудый Панько можно усмотреть зашифровку Гоголем имени деда, которого звали Афанасием, а значит и своего собственного имени, тем более, что прозвище «Рудый» могло быть намеком на рыжеватый цвет волос Гоголя в молодости (*Маркевич, 1898, с. 1270*). Впрочем, в «Книге всякой всячины» в списке «Имена, даемые при

крещении» Гоголь соотнес уменьшительное Панько с именем Пантелей, а вовсе не Афанасий (в данном и последующих аналогичных случаях см. т. XII наст. изд.; отмечено: Гиппиус, 1941, с. 5; ср. также: Словник влосних імен людей (українсько-російський і російсько-український. Київ, 1976. С. 212—213). С другой стороны, обращает на себя внимание и особая коннотация эпитета «рудый» (рыжий): рыжие люди в народной традиции отмечены особо, будучи героями многочисленных песен, анекдотов, прибауток. Кроме того, рыжий цвет (он же золотой) маркирует «тот свет», «тридесятое царство», поэтому «рыжим» в народной традиции нередко приписывается связь с потусторонней реальностью.

Той же посреднической функции и особому знанию, которыми наделяется народный рассказчик Рудый Панько, соответствует и его «профессия». Пасечник в народной традиции часто наделяется статусом знахаря, колдуна; в деревнях его (как и других «профессионалов» — кузнеца, мельника, охотника, музыканта) почитают и одновременно побаиваются, приписывая ему связь с нечистой силой и тайное знание (Зеленин, 1991, с. 113; см. также: Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 448—486). Соответственно, Рудый Панько и в этом смысле предстает как медиатор, посредник между «тем» и «этим» светом, в частности, между Петербургом (заданным как «тот свет» — см.: «Ночь перед Рождеством») и Диканькой. Вместе с тем, еще с античной древности пчела воспринималась как символ художественного и, в частности, писательского творчества, собирания знания, книжной мудрости. Такое отношение к пчеле отразилось и в книге «Избранные эмблемы и символы» (СПб., 1788) Нестора Максимовича-Амбодика, с одним из изданий которой Гоголь мог познакомиться в библиотеке Д.П.Трошинского (см.: Федоров, 1874, с. 183 — о распространенности этой книги в XIX в. в дворянских усадьбах свидетельствует факт ее упоминания в «Дворянском гнезде» И.С.Тургенева — см.: Тургенев, т. VII, с. 161, 506—507; отмечено: Tschizewskij D. Emblematische Literatur bei den Slawen // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1964. № 201. S. 175—176; Shapiro, 1993, p. 113; ср. также отчетливо метафорическое название известной газеты «Северная пчела»).

Сама фигура издателя-повествователя широко была распространена в европейской литературе эпохи романтизма. Ср., напр., «Историю Нью-Йорка» («A history of New York», 1809), написанную В.Ирвингом от имени вымышленного лица — ученого-педанта и любителя местных преданий Дидриха Никербокера (см. подробнее: Морозова, 1988, с. 157—158). Моду же на вымышленного издателя, издающего рассказы «третьих лиц», ввел В.Скотт, напечатав серию романов под общим названием «Рассказы трактирщика» («Tales of My Landlord» — в нее вошли «Пуритане», 1816, рус. пер. 1824; «Эдинбургская темница», 1818, рус. пер. 1825; «Ламмермурская невеста», 1819, рус. пер. 1827, и др.). В предисловии к отдельным томам серии автор сообщал, что рассказы написаны деревенским учителем Пите-

ром Петисоном по рассказам владельца трактира «Уоллес» в Гэндерклю и что после смерти Петисона гэндерклюский учитель и церковный псаломщик мистер Джедедия Клейшботем издал «сочинения покойного» (см., напр.: *Шотландские пуритане. Повесть трактирщика, изданная Клейшботемом, учителем и ключарем в Гандер-Клейге. Исторический роман. Сочинение Вальтера Скотта. Перевел Василий Соц. Ч. 1–3. М., 1824*; о воздействии повествовательных приемов В. Скотта, в том числе и на русскую прозу, см.: *Долинин А. История, одетая в роман. В. Скотт и его читатели. М., 1988. С. 54–59, 65–78; Альтшуллер, 1996, с. 24–29, 164–165, 186–187, 258–261, 278*). Так что Гоголь, приписав издание своих повестей Рудому Паньку, следовал вполне определенной литературной традиции, представленной в первую очередь предисловием к «Пуританам» (см. подробнее: *Виноградов, 1976, с. 255–260*). Последнее было отмечено сразу же после выхода книги. Н.А. Полевой разобрал Гоголя за неумелое подражание шотландскому романисту: «...хоть не перенимайте чужих ухваток, которые, право, не к лицу вам» — *МТ. 1831. № 17. С. 93; см. также с. 635–636 наст. изд.*), а Ф.В. Булгарин в упомянутых выше (см. с. 635 наст. изд.) «Письмах из Петербурга в Москву» («Продолжение второго письма») косвенным образом причислил Гоголя к числу «Вальтер-Скоттинчевствующих» авторов (*СПч. 1831. № 286. 16 декабря*). Вместе с тем, образ старого деревенского рассказчика определялся и отечественной повествовательной традицией (ср. сборники: *Деревенская забавная старушка, по вечерам рассказывающая простонародные веселые сказочки и разные старинные небылицы. М., 1804; Дедушка говорун, или Собрание новейших и еще доселе неизвестных сказок. Российское сочинение. М., 1824*), а персонафикация псевдонима вообще была характерна для русской литературы и журналистики 1820–1830-х гг. (см.: *Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь // РЛ. 1996. № 2. С. 3–22*). В качестве других возможных жанровых аналогий предисловию к «Вечерам» в исследовательской литературе указывалось на прологи Франсуа Рабле (*Бахтин, 1975, с. 486*).

В целом, предисловие к «Вечерам» призвано было объяснить и обыграть стилистическую неоднородность повестей, собранных в одной книжке, что стало возможным благодаря введению Гоголем дополнительных рассказчиков: кроме Фомы Григорьевича, уже фигурировавшего в «Вечере накануне Ивана Купала», в предисловии появились литературный рассказчик — панич в гороховом кафтане — и любитель страшных историй, по-видимому, будущий рассказчик «Страшной мести» (см. с. 671–672 наст. изд.).

Игру с маской Рудого Панька (о проблеме использования литературных масок Гоголем см.: *Erlich V. The Masks of Nikolaj Gogol // The Disciplines of Criticism. Ed. by P.M. Demetz a.o. New Haven. London, 1968. P. 229–239*) поддержали и другие литераторы, тем более, что авторство «Вечеров» для многих читателей некоторое время, действительно, оставалось тайной. Первым, кто обыграл гоголевский псевдоним, был О. Сомов, написавший в статье «Пересмешник» (*Лит. приб. к «Рус. Инв.». 1831.*

№ 94. 25 ноября): «пасичкин (sic!), я слышал, человек всегда готовый высказать самые резкие истины...» — см. с. 637 наст. изд.). «Диканьскому пасичнику Рудому Паньку» была посвящена анонимно вышедшая книга В.А.Ушакова «Досуги Инвалида», в предисловии к которой автор просил Паньку «засвидетельствовать мое почтение Ивану Федоровичу и тетушке его г-же Цупчевской» (*Досуги Инвалида. М., 1832. Ч. I. С. VIII*). В.Ф.Одоевский в письме Пушкину от 28 сентября 1833 г. предложил проект альманаха «Тройчатка», который бы издавался Рудым Паньком, И.П.Белкиным и Иренеем Модестовичем Гомозейко (см. с. 612 наст. изд.; см. также: *Немзер, 1985, т. 1, с. 381–383*).

Особое место в предисловии (ср. предисловие ко второй части «Вечеров») занимает словарь малороссийских «слов». Еще ранее, заполняя «Книгу всякой всячины» (см. с. 597–599 наст. изд.), Гоголь составил по разным источникам «Лексикон малороссийский», включавший экзотические украинские слова, заведомо неясные русскому читателю (правда, «Лексикон...» практически не пересекается со словариками к первой и второй части книги: из более чем 400 слов «Лексикона» в «Вечерах» использовано около 10 слов). Скорее всего, в словариках «Вечеров», которые в издании 1842 г. были объединены, расширены и помещены в качестве приложения ко второму тому, распространяясь тем самым как на цикл «Вечеров», так и на «Миргород», Гоголь ориентировался на тип комментирования украинских слов, характерный для книг М.Максимовича, И.Кулжинского, А.Павловского, Н.Цертелева, «Энеиды» И.Котляревского, встречающийся также в повестях О.Сомова (см. с. 598 наст. изд.; ср. также «Словарь малороссийских слов», составленный И.Войцеховичем — *Труды Общества любителей Российской словесности. Ч. 3. М., 1823. С. 284–326*). Словарики подобного рода в ситуации отсутствия сколь-либо полного словаря украинского языка (см. с. 625–626 наст. изд.) стали своеобразными сигналами малороссийской прозы в русской литературе (ср.: «Подробного и полного малороссийского словаря мы еще не имеем; исправнейший приложен г. Котляревским к его Енеиде <...>. Словарь г. Войцеховича <...> полнее других, но подлежит многим исправлениям» — *Максимович, 1827, с. 181*).

* * *

Отзвук сказа Рудого Панька обнаруживается в рассказе Н.С.Лескова «Ум свое, а черт свое» (1863) — в описании национального блюда, гостомельской крупени («В глуби, например, у нас на Гостомеле, готовят крупеню, о которой весь образованный мир еще не имеет понятия. Вот вам и образованность. А готовится наша гостомельская крупеня из гречневых круп, сливок или сметаны, яиц и масла. Все это смешивается и жарится на сковороде...») — ср. у Гоголя: «А какими пирогами накормит моя старуха! Что то за пироги, если б вы только знали...»; отмечено: *Гебель В. Н.С.Лесков: В творческой лаборатории. М., 1945. С. 17–18; Крутикова, 1992, с. 100*).

Другой случай воздействия стиля гоголевского «Предисловия» — рассказ Г.А.Мачтета «Смотрины. (Из украинской жизни)» (1893), где появляются дед с занимательными рассказами о «дивных вещах», происходящих на свете, дедова гостеприимная жена и где само неторопливое повествование с амплификациями и отступлениями возвращает к повествованиям Рудого Панька (Мачтет Г.А. Полное собрание сочинений. Т. V. СПб., 1912. С. 257—271; отмечено: Крутикова, 1992, с. 113).

* * *

С. 69. *Это что за невидаль: Вечера на хуторе близ Диканьки?* — Возможная реминисценция из повести О.Сомова «Оборотень»: «“Это что за название” — скажете или подумаете вы, любезные мои читатели» (Подснежник на 1829 год. СПб., 1829. С. 189—225 — цит. по: Сомов, 1991, с. 205). О риторической ориентации русской прозы 20—30-х гг. на читательское восприятие — см.: Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь: массовое и элитарное // РЛ. 1996. № 2. С. 21.

С. 69. ...бренчит балалайка, а подчас и скрыпка... — На Украине балалайка появилась на рубеже XVIII и XIX вв., сменив старокозацкую кобзу или бандуру. Поскольку на хуторах парубки не всегда могли «доставать скрыпача», вечерницы нередко совершались «под балалайку», почитавшуюся в некоторых областях «великорусским» музыкальным инструментом (см.: Максимович/День, 1861, № 5, с. 15—16; ср. с. 639 наст. изд.). О проникновении в начале XIX в. на Украину элементов русского быта, связанном с перемещением крестьян целыми деревнями см.: Маслова Г.С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды // Сов. этн. 1954. № 2. С. 42—59).

С. 69. ...вечерницы! — *Вечерницы* (укр.) — вечерние собрания молодежи (см.: Гринч./Слов., т. 1, с. 143), начинались в сентябре-октябре; устраивались в просторной хате у небогатых одиноких людей, куда девушки приходили прясть, а парни — «точить ляды или лучше сказать волочиться» (Воронежский юбилейный сборник. Т. I. Воронеж, 1886. С. 704—705; см. также: Зеленин, 1991, с. 363—366). В описании вечерниц Гоголь следовал, скорее всего, за Я.Марковичем (ср.: «скучные вечера зимы провождают они в своих собраниях и балах, называемых *Вечерницами* и *Игрищами*, где играют на скрипке, поют песни и пляшут» — Маркович, 1798, с. 63; отмечено: Данилов, 1908, с. 8). Ср. также описание вечерниц в повести О.Сомова «Гайдамак» (СЦв. на 1828 год. СПб., 1827). Вместе с тем для повествования важно, что вечерницы, как правило, связаны с рассказыванием сказок и страшных историй: в народной традиции определенные роды рассказывания возможны только по вечерам.

С. 69. *На балы ~ позевать в руку...* — Ср. рассуждение И.Кулжинского: «На вечерницах никогда не бывает того принуждения сердечным чувствам, чтобы из учтивости хоть немножко потанцевать с каждой девушкой» (Кулжинский, 1827, с. 56 — см. с. 627 наст. изд.).

С. 69. ...затеется шаль... — то есть проказа, дурачество, шалость, баловство (ср.: *Даль, т. IV, с. 619*).

С. 69. ...заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя. — Поведение на вечерницах было ритуально обусловленным: парубки и девушки пели непристойные песни, соревнуясь в сквернословии; на подобных вечерах допускалась также гораздо большая близость между полами, чем в обыденной жизни. Были распространены так называемые подночевывания — совместные ночевки парней и девушек, однако целомудрие при этом, как правило, сохранялось (*Зеленин, 1991, с. 365–366*). Д.Н.Бантыш-Каменский, книгу которого Гоголь мог читать в библиотеке Д.П.Трошинского (*Федоров, 1874, с. 84, № 1116*), писал: «Тут девки с парубками не только жартуют (шутят), но и женихаются и, даже, любовники попарно ложатся спать, всю ночь проводят в темноте <...>, однако никогда не забываются до того, чтобы нарушить целомудрие...» (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 217; с. 87, 2-я паг.*).

С. 70. ...пестрядевого халата... — Пестрядёвый — сделанный из пестряди, т. е. грубой льняной, шерстяной или хлопчатобумажной ткани, а также пеньки из разноцветных ниток.

С. 70. ...цвету застуженного картофельного киселя — то есть размытого белесого цвета (авторское цветообозначение, не опирающееся ни на какой действительно существовавший оттенок цвета — ср.: *Кирсанова Р.М. Превращения фрака «наваринского дыму с пламенем» // Мат. и иссл., 1995, с. 233*).

С. 70. ...смазьцем... — Смалець (укр.) — перетопленный жир, птичий или свиной (*Гринч./Слов., т. 4, с. 155*).

С. 70. ...подкоморий. — Подкоморий — судья так называемого Подкоморского (межевого) суда, «который, по присылаемым из Земских судов делам лично свидетельствовал межю на спорной земле» (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 223–224*).

С. 70. ...как один школьник, учившийся ~ грамоте... — История про латинщика относится к числу «бродячих» народных сюжетов (*Гиппиус, 1924, с. 31*). Мотив «сворачивания» всех слов на ус мог быть подсказан Гоголю также «Энеидой» Котляревского — сценой изучения Энеем и его спутниками латыни по латинским граматакам: «Энея звали Энеусом, / Уже не паном — доминусом, / Себеж то звали — Троянус» (впервые появилась в четвертой части печатной редакции 1809 г. — см. с. 629 наст. изд.; цит. по: *Виргилиева Энеида на малороссийский язык переложенная И.Котляревским. Харьков, 1842. С. 22*).

С. 70–71. ...бусурманского генерала... — Мотив табакерки «с портретом какого-то генерала» появится впоследствии у Гоголя в «Шинели» как знак «скрытого демонизма» (см., в частности: *Clyman W. The hidden demons in Gogol's «Overcoat» // Russian Literature. 1979. № 7. P. 601–610*).

С. 71. ...листьями любистка... — Любисток, или зоря (*Levisticum officinale*) — растение, используемое в народной медицине от лишаев и как привораживающее средство, а также в кулинарии в качестве пряности.

С. 71. ...не мечите бисера перед свиньями... — ср.: Матф., 7: 6.

С. 71. ...дать дулю. — Дуля (укр.) — 1) порода груш; 2) кукиш, шиш (Гринч./Слов., т. 1, с. 455). Кулиш приводил данное место как пример несообразности в описании Гоголем украинских нравов (Кулиш/Основа, 1861, № 4, с. 88). Максимович, в опровержение, процитировал ряд украинских песен, доказывая, что «дуля есть краска, приготовленная <...> в обществе простонародной Украины»: «На снадане за чуб смычут А на обеде дули тычут; На парубка моргнула, Ему дулю згорнула; Дала дулю, дала дви, Ты поганый, а я ни» (Максимович/День, 1861, № 5, с. 15–16).

С. 71. ...прямохонько берите путь по столбовой дороге, на Диканьку. — Ср. в предисловии к «Эдинбургской темнице» В.Скотта (1818) приглашение издателя Джедедия Клейшботема заезжать к нему, если дорога будет проходить через Гандер-Клюф (русский перевод романа вышел в 1825 г. — см.: Виноградов, 1976, с. 256).

С. 71. ...варенуху с изюмом и сливами? — Варенуха (варена) — род малороссийского глинтвейна. Ср.: «Сухие ягоды и фрукты заливают водкой, прибавляют туда меду и немного перцу, гвоздики и корицы. Закрывают крышкой из хлебной корки, замазывают горшок тестом и ставят в печь на несколько часов. Пьют горячей» (Воронежский юбилейный сборник. Т. I. Воронеж, 1886. С. 704).

С. 71. ...путью с молоком? — Путря — род ячменной каши с добавлением житного солода, настаивается на сладком квасе в течение суток (см. также словарь предисловия к первой части «Вечеров» и запись Гоголя в «Книге всякой всячины», раздел «Малоросс <ийские> блюда и кушанья»).

С. 73. Оселедец... — характерная деталь мужской прически на Украине: обычно казаки брили голову, оставляя на макушке прядь волос, которая свисала набок, преимущественно на левое ухо; иногда оселедец наматывался на ухо (см.: Древняя одежда, 1986, с. 118–119; Чижикова, 1988, с. 118).

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА Ся — черновой автограф «Сорочинской ярмарки». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 10. Лл. 1–8. Автограф представляет собой четыре несшитых двойных листа, полностью заполненных текстом; чернила. Разм. 34,9×22,0. Бумага (та же, что и в ЧА Мн, ЧА Пг, ЧН Хч) с филигранью: герб Гончарова на левой половине двойного листа, литеры МФАГ (Медвинская фабрика Афанасия Гончарова) и лев, опирающийся на сферу, содержащую вензель АГ (Афанасий Гончаров) на правой половине двойного листа, с белой датой «1830» (лл. 3–4), «1829» (остальные листы). Описана: Клепиков, 1959, с. 54, № 383А; Uchastkina, 1962, plate 254, p. 601.

Пагинация красным карандашом в правом верхнем углу <лл. 1–8>, совпадающая с архивной и общая с *ЧА Мн* и *ЧН Хч*, по догадке Г.П.Георгиевского, принадлежала П.А.Кулишу или лицу, которому впоследствии достались и автографы Гоголя, и бумаги Кулиша (см.: *Гоголевские тексты. Изданы Г.П.Георгиевским // Пам. Жук. и Гог., 1909, с. 12–25*); по более поздней версии — В.В.Думнову (*Описание РГБ 1, с. 25*). Листы рукописи в желтых и черных пятнах, бумага реставрирована. Лл. 1, 7 оборваны внизу, на углах. На л. 4 об. пятно красными чернилами. Заголовок («Сорочинская ярмарка») на лл. 1, 3, 5, 7 и дата «1829» под текстом на л. 8 об. сделаны рукою неустановленного лица. Описание рукописи см. также: *Тих., т. 1, с. 513–516; Описание РГБ 1, с. 25*.

Впервые опубликовано: *Гоголевские тексты. Изданы Г.П.Георгиевским // Пам. Жук. и Гог., 1909, с. 25–54*. Предположительно датируется: не ранее 1830 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. Санктпетербург. В типограф. депар. народ. просвещения. 1831 (цензурное разрешение — 26 мая 1831 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть первая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безомыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1*. Печатается по тексту *ВД2* со следующими исправлениями по *Соч. 1855*, а также с исправлением опечаток по *ВД1*, *ЧА Ся* (см. с. 621–626 наст. изд.):

С. 76, строки 28–29: ай да дивчина! вместо ай да девушка! (по Соч. 1855).

С. 76, строка 36: Славная дивчина! вместо Славная девушка! (по Соч. 1855).

С. 79, строка 35: усіей ярмаркы вместо у сіей ярмаркы (по ВД1).

С. 80, строки 37–39: приковавшегося к ним внимания уже ничто не в состоянии было развлечь. Вот что говорили негоцианты о пшенице вместо приковавшегося к ним внимания уже ничто не в состоянии было развлечь. (по Соч. 1855).

С. 81, строка 16: думал про себя отец нашей красавицы *вместо* думал про себя наш знакомец (по Соч. 1855).

С. 83, строка 35: разговорился чересчур *вместо* разгорячился чересчур (по Соч. 1855).

С. 84, строки 13–14: и угасающий день пленительно и ярко румянился *вместо* день и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо (по Соч. 1855).

С. 87, строки 9–10: сатана, в образине свиньи ~ как будто искал чего *вместо* сатана, в костюме ужасной свиньи ~ как будто ища чего (по Соч. 1855).

С. 87, строки 14–15: совершенное подобие своего лакомого товара *вместо* совершенное подобие лакомого товара (по ВД1).

С. 87, строки 18–19: которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах *вместо* которые были не совсем из храброго десятка и имели притоны в избах (по Соч. 1855).

С. 88, строка 4: на лице речистого храбреца *вместо* на лице высокого бонмотиста-храбреца (по Соч. 1855).

С. 89, строка 31: мигом оживили его плетеными тройчатками *вместо* мигом оживили плетеными тройчатками (по ЧА СЯ); ср. исправление в Соч. 1842, удержанное в Соч. 1855: мигом оживили жиды плетеными тройчатками.

С. 89, строки 37–38: Недаром, надевая ее, чувствовала, что ее все давит что-то *вместо* Недаром всегда, когда вздумывалось ей надевать, чувствовала, что ее все давит что-то (по Соч. 1855).

С. 90, строка 21: пальцы остались неподвижными на воздухе *вместо* пальцы остановились в судорожной неподвижности в воздухе (по Соч. 1855).

С. 90, строки 24–26: «Ай! ай! ай!» — отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами *вместо* «Ай! ай! ай!» — кричал один, повалившись на лавке, болтая в ужасе руками и ногами (по Соч. 1855).

С. 90, строка 26: горланил другой, закрывшись тулупом *вместо* горланил другой в отчаянии, закрывшись тулупом (по Соч. 1855).

С. 91, строки 35–37: Озаряясь светом, неверно и трепетно горевшим, они казались диким сонмищем гномов ~ в мраке непробудной ночи *вместо* Озаряясь местами неверно и трепетно горевшим светом, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром и облаками мрака непробудной ночи (по Соч. 1855).

С. 92, строка 10: исчезли с появлением утра *вместо* исчезнули вместе с осветившим мир утром (по Соч. 1855).

С. 93, строка 25: кусок красного рукава свитки!.. *вместо* кусок красного рукава!.. (по Соч. 1855).

С. 94, строка 22: За що глазуєте? *вместо* За що глазуєте? (по ВД1).

О начале работы Гоголя над «Сорочинской ярмаркой» высказывались разноречивые мнения. Во втором издании «Вечеров» (ВД2) повесть была датирована 1829 годом. Однако эта датировка не полностью подтверждается черновым автографом, написанным на бумаге с белой датой «1829» и «1830» (см. выше); так что ее, по всей видимости, можно отнести лишь к началу работы над повестью. Также и проставленная графитным карандашом на л. 8 об. дата «1829» не принадлежит руке Гоголя и очевидно относится к более позднему времени.

Материалом к вероятной датировке работы Гоголя над повестью может послужить эпитафия к главе XIII, представляющий собой фрагмент песни «Не бойся, матинко, не бойся...». Текст песни был получен Гоголем от родных и вписан в «Книгу всякой всячины» с пометой «из письма 4-го мая <1830>» (см. также с. 598 наст. изд.). Поскольку данный эпитафия появился уже в ЧА Ся, возможно датировать черновой автограф временем не ранее мая 1830 (см.: Кор., т. I, с. 365).

Черновой автограф «Сорочинской ярмарки» (приобретен в 1896 г. Московским Публичным и Румянцевским музеями в составе других автографов Гоголя у его наследников) представляет собой, по всей видимости, последний (не считая белого варианта) этап авторской работы, когда замысел уже сформировался, основные сюжетные линии намечены, деление на главы в целом совпадает с последующим делением в печатном варианте, но сам текст еще нуждается в некоторой доработке. Возникает впечатление, что в большинстве случаев Гоголь вносит правку поверх перебеленного текста. Лл. 1, 1 об., 2, 3, 3 об., 4, 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8 об. написаны относительно крупным и разборчивым почерком; на лл. 2 об., 4 об., 8 почерк менее разборчив и большее количество исправлений. На л. 6 нижняя часть страницы (конец 7 главы повести) оставлена незаполненной. Разный тип чернил обнаруживается только на л. 1.

Эпитафии к главам вписывались в рукопись позже основного текста; так, эпитафия к 3-й главе сопровождает графический рисунок, указывающий на местоположение эпитафии в тексте. Главы 1, 5 и 9 в черновой рукописи эпитафий не имеют; также не определены еще имена некоторых персонажей: имя Черевика (Солопий) Гоголь вставлял в рукопись в процессе правки (см. с. 296 наст. изд.); Хавронья Никифоровна именуется в черновом автографе последовательно Хавроньей Осиповной, Хавроньей Никифоровной, Хавроньей Трофимовной (последнее, правда, могло входить в художественный замысел Гоголя — ср. черновую редакцию «Женитьбы», где ошибка Кочкарева, назвавшего Агафью Тихоновну Агафьей Тимофеевной, была сознательным приемом Гоголя — см.: Тих, т. 2, с. 709). При этом, в отдельных местах текст черногового автографа почти дословно совпадает с печатным текстом (ВД1); можно предположить, что дальнейшие изменения при новом перебелении ЧА Ся перед сдачей рукописи в набор носили характер в основном стилистической правки. Из сопоставления печатной ре-

дакции ВД1 с черновым автографом следует, что Гоголь изменял порядок слов, подбирал синонимы (вместо «кармазинной свитки» появилась «красная свитка»; выражение «успел хлеснуть» заменено на «успел уже хлебнуть», «сего песьеподобного зелия» на «сего змиеподобного злака»), вводил или, наоборот, убирал эпитеты, уточнял характеристики персонажей (см. сцену первого появления в повести Черевика, Хиври и Параски; описание «продавицы бубликов», которая в печатном тексте «раскланивалась весь день без надобности и писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара» вместо более лаконичной редакции чернового автографа: «едва держалась на ногах»). Некоторые изменения, скорее стилового характера, были внесены Гоголем в печатном тексте в эпиграфы (главы 2-я, 3-я и 6-я). В 7-й и 8-й главах эпиграфы полностью заменены.

По-видимому, из соображений автоцензуры Гоголь убрал при перебеливании ироническое упоминание священнослужителя в соседстве с чертом: «и куды делся после того сам, ни один поп не знает» (в печатном тексте: «и пропал как будто в воду»), а также ироническое цитирование Священного писания: «Всякое даяние благо и всяк дар совершенен. Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья послаще...» (в печатном тексте: «Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода!... Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья послаще...»). Впрочем, изменения, в результате которых возникли «змиеподобный знак» и «Евин род», ввели в окончательный текст дополнительную травестированную проекцию эпизода грехопадения (сообщено М.Н.Виролайнен). Наиболее же существенные изменения Гоголь внес в сцену перебранки (конец 1-й главы), значительно расширив арсенал ругательств, которыми перебрасываются Хивря и Грицько; в описание ярмарки (начало 2-й главы); в характеристику цыгана в 5-й главе. Переработана была и финальная сцена танца, из которой Гоголь убрал сравнение людской толпы с тенями волшебного фонаря.

Таким образом, анализ черновой рукописи «Сорочинской ярмарки» (ЧА Ся), в сопоставлении с отмеченными выше фактами истории ее создания, дает возможность предположить, что работа над повестью была начата в 1829 г., велась особенно интенсивно с весны-лета 1830 г. и была закончена в начале 1831 г., в период, предшествовавший сдаче рукописи первой книжки «Вечеров» на цензурный просмотр и в набор.

* * *

Сюжет «Сорочинской ярмарки» возник на пересечении нескольких жанровых традиций: былички, бытовой сказки, интерлюдии и вертепной драмы, в свою очередь вобравшей в себя традиции бытового анекдота и фацеции. К традиции быличек восходят: мотив черта, выгнанного из ада (ср.: *Гринченко, 1897, вып. 2, с. 66–71*); поиски чертом своего имущества (ср.: *Добровольский, 1891, с. 638–640*); несчастье от вещей, связанных с чертом (ср.: *Руд-*

ченко, 1869, вып. I, с. 74–74; Драгоманов, 1876, с. 52–53; невозможность избавиться от чертова имущества (ср.: Гринченко, 1897, вып. 2, с. 60; ср. также мотив чертова полотна — Драгоманов, 1876, с. 49).

Мотивы былички и бытовой сказки Гоголь свободно контаминировал с традиционными мотивами украинского вертепа, которые широко отразились также и в современной Гоголю украинской литературе начала XIX в. В большинстве случаев речь может идти о параллельном использовании Гоголем сразу нескольких источников, как литературного, так и фольклорного происхождения. Так, к интермедиям, украинской вертепной драме, бытовой сказке, а также анекдоту восходит тип простоватого и флегматичного мужика, вроде Солопия Черевика, его сварливой жены, которая в отсутствие мужа приглашает к себе любовника, а затем прячет его, притворяясь «овечкой» (так называемый мотив «бабьих уверток» — ср. СУС, № 1419; см. также: Розов, 1911, с. 99–169; Гиппиус, 1924, с. 30–31). Впрочем, последний мотив был вообще широко распространен на Украине, он присутствовал в скоморошинах, в частности, в «Песне о госте Терентии» (см.: Рудченко, 1869, вып. I, с. 170–171; Драгоманов, 1876, с. 162–166). Вместе с тем мотив этот восходил еще и к средневековым фавлю, известным во всей Европе и отразившимся в современной Гоголю украинской литературе (см.: Дашкевич, 1893, с. 452).

К любимым типам украинских интермедий относился школьник-семинарист, по-украински дяк (в сатирах он часто именовался пиворезом), который, «отбившись от школы за великовозрастием, увлекается предметами, чуждыми строгой духовной науке, ухаживает за торговками и за паннами, пьянствует» (Перетц, 1902, с. 50–51; ср., например, Четвертую интерлюдю к драме Митрофана Довгалеvского «Властотворний образ» — Укр. літ. XVIII, с. 369–372). Изображение в повести цыгана как вора и обманщика (ср. аналогичный мотив в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Пропавшей грамоте»), сцена прятания любовников в мешках восходят как к вертепной традиции (см. Розов, 1911, с. 147), так и родственной ей традиции русского лубка (см.: Shapiro, 1993, р. 76–79) и бытовой сказки (см. с. 770 наст. изд.). И хотя демонические черты, которые Гоголь вносит в вертепный тип цыгана, нередко рассматриваются как возможное воздействие на Гоголя западных романтических тенденций (Манн, 1988, с. 71), подобная трактовка цыгана встречается и в народной славянской (в том числе украинской) традиции: как и любой инородец, цыган — представитель потустороннего мира, связанный с нечистой силой. Мотив кражи и подмены кобылы с последующим обвинением самого Черевика в похищении широко распространен в народных анекдотах, например, в анекдоте «Москаль-шкапа» (Рудченко, 1870, вып. II, с. 173–177; Афанасьев, 1985, т. 3, с. 191, № 470) и в интерлюдиях украинского театра (Розов, 1911, с. 163; см. первую интерлюдю к драме Георгия Конисского «Воскресение мервых» — о мужике и сыне, приехавших торговать на ярмарку, которых обокрали ярыги — Укр. літ. XVIII, с. 372–376). О воз-

можном воздействии на Гоголя оперы И.Котляревского «Москаль-Чарівник» см.: *Петров, 1884, с. 24.*

Фарсовая в своей основе поэтика «Сорочинской ярмарки» с чередованием гротескных пар (Хивря — Солопий, Хивря — Афанасий Иванович) и пар влюбленных (Параска — Грицько), с комическими эффектами побоев, падений, плевков и поцелуев, попадающих не по назначению, также определена в значительной степени традицией вертепа. На фарсовый эффект рассчитаны и фамилии, имеющие часто комически-непристойное коннотативное значение (см.: *Гиппиус, 1924, с. 31, см. также с. 674, 705–707 наст. изд.*).

На фоне других повестей цикла «Сорочинская ярмарка» выделяется особенно широким использованием мотивов украинской литературы, которой Гоголь интересовался еще в Нежине. Более всего материала для «Сорочинской ярмарки» Гоголь почерпнул из комедий своего отца, В.А.Гоголя-Яновского, которые сами выросли из традиции уже отживших к началу XIX в. на Украине интерлюдий и еще бытовавшего вертепа (В.А.Гоголь писал сценические произведения для домашнего театра в усадьбе известного вельможи екатерининских времен и близкого родственника Гоголей-Яновских Д.П.Трощинского; широкой публике эти произведения стали известны лишь в 1860-е гг. — см.: *Маруся К. Очерки украинской драматической литературы: Котляревский, Гоголь-отец и Кухаренко // Русская сцена. 1865. № 7. С. 28; Комаров, 1906, с. 11, 18, 20, 23, 35, 65; см. также с. 592, 630 наст. изд.*). Так, эпизод продажи кобылы Черевиком, помимо указанных народных источников, мог быть навеян Гоголю непосредственно сюжетом комедии В.А.Гоголя «Собака-овца», в основе которой лежал анекдот о простаке, которого убедили, что овца не овца, а пропавшая собака майора (текст комедии, написанной для домашнего театра Д.Трощинского в Кишинцах, не сохранился. Ее сюжет известен в записи Кулиша со слов М.И.Гоголь — *Кулиш, 1852, с. 196*).

Ситуация Солопий — Хивря — попович почти в точности соответствует расстановке персонажей в другой комедии В.А.Гоголя «Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом» (опубликована впервые П.Кулишом: *Основа. 1862. № 2. С. 24–43*). Гоголь, изменив имена комических персонажей (у В.А.Гоголя их зовут: Роман, Параска, дьяк Хома Григорьевич) на соответствующие: Солопий, Хивря, Афанасий Иванович, назвал теми именами своих «положительных персонажей»: рассказчика Фому Григорьевича (в черновых редакциях он выступает и как Хома Григорьевич — см. с. 352 наст. изд.) и дочь Солопия Параску.

Сходство с «Простак...», в частности, с шестым явлением комедии, более всего обнаруживает шестая глава «Сорочинской ярмарки». Так, эпизод угощения дьяка, его специфический стиль речи, наполненный церковными оборотами, комический переход от угощения к изъяснению в любви, неожиданное появление гостей, укрывание гостя-любовника, — все это перешло из комедии Гоголя-отца в повесть Гоголя-сына, вплоть до текстовых совпадений. Из комедий отца Гоголь заимствовал также эпиграфы к отдель-

ным главам повести (см.: *Иофанов, 1951, с. 65–66; см. также с. 704, 706–707 наст. изд.*).

Еще одним литературным источником «Сорочинской ярмарки» была поэма И.Котляревского «Энеида» («Енеида, на Малороссійській язык переліцованная» — см. с. 629 наст. изд.), с которой Гоголь был знаком скорее всего по рукописному списку (см.: *Сперанский М.Н. Заметки к истории «Энеиды» И.П.Котляревского. Львов, 1902. С. 9–16*). Из 22 фрагментов поэмы, выписанных в «Книгу всякой всячины» под общим названием «Эпиграфы» (см.: *ОР РГБ, ф. 74, к. 5, ед. хр. 1, лл. 65–66*), Гоголь действительно использовал в качестве эпиграфов к «Сорочинской ярмарке» три (к 3-й, 4-й и 8-й главам — см. также с. 704, 705–706, 708 наст. изд.). Кроме того, травестийная стилистика поэмы сказалась в обрисовке отдельных персонажей и драматургии некоторых сцен гоголевской повести (см.: *Петров, Тр.К.А., 1902, с. 561–575; Гиппиус, 1948, с. 25–30*). Так, влияние Котляревского усматривается в обрисовке парубка Голопупенка, а отзыв Солопия о Грицьке есть перефразированная речь травестийного Зевса в «Энеиде» (см. с. 704 наст. изд.).

Из басни «Пан та собака» украинского писателя П.П.Гулака-Артемовского (опубликована: *Украинский вестник. 1818. № 12. С. 356*) Гоголь взял эпиграф к главе 12-й. Имена старших героев «Сорочинской ярмарки», Солопия и Хиври, заимствованы из другой его басни «Солопій та Хивря, або Горох пры дорозе» (опубликована: *Украинский вестник. 1819. № 10. С. 80; ср.: Артемовский-Гулак, 1888; см. также: Петров, Пам.Г., 1902, с. 60*), причем Гоголь вложил в уста «своей» Хиври (сцена перебранки с Грицьком) отдельные реплики героини Гулака-Артемовского (см. с. 703 наст. изд.). Не исключено также, что имя Грицька (Охримова сына) могло быть отчасти навеяно его же вольным переводом XXXIV оды Горация (кн. 1), где в качестве персонажей выведены Грицько и пан Охрим (см.: *Артемовский-Гулак, 1888, с. 18–23; см. также с. 704–705 наст. изд.*).

Из собственно литературных влияний на «Сорочинскую ярмарку» следует отметить воздействие О.Сомова: отдельные детали описания ярмарки у Гоголя напоминают описание ярмарки в первой главе «Гайдамака», 1825 (см. с. 594–595 наст. изд.).

Наиболее проблематичен источник эпизода с красной свиткой, не имеющий прямых сюжетных аналогов в народной традиции. В одной из первых рецензий на «Вечера» (*Царынный, 1832, с. 164*) прямо указывалось на его литературно-сказочный аналог: анекдот о духе в скляночке в собрании сказок под названием «Век рыцарства» (*источник не обнаружен*). Вместе с тем, в исследовательской литературе отмечается, что история с красной свиткой напоминает эпизод из «Чар любви» Л.Тика, где ведьма одета в красную (или пунцовую) кофту (см.: *Данилевский, 1975, с. 95; см. также: Реасе, 1981, р. 12*). Вообще же красный цвет, доминирующий в раннем творчестве Гоголя (см.: *Белый, 1934, с. 120–123*), в фольклоре и в живописной традиции выступает как цвет нечистой силы: так домовый в славян-

ской демонологии нередко является в виде человека в красной сорочке (см.: *Иванов, 1893, с. 31*; ср: *Невірова, 1909, с. 12*); по украинским представлениям, черт одет в красную (или черную) свитку (см.: *Славянские древности, т. 2, с. 647–651* — статья «Красный цвет»).

С красной свиткой черта отчетливо коррелирует белый цвет свитки Грицька. Белый цвет в народной культуре обладает амбивалентным статусом: с одной стороны, он противопоставлен черному как цвет жизни и чистоты, но с другой — он не менее демоничен, чем красный, будучи нередко цветом одежды покойников, упырей, смерти (см.: *Славянские древности, т. 1, с. 151–154* — статья «Белый цвет»; о демонической сущности Грицька — см. ниже).

С красной свиткой связан в повести Гоголя еще один мотив, характерный для славянской мифологии: неотвязности и неуничтожимости вещей, принадлежащих черту или подаренных чертом (они в воде не тонут, в огне не горят). В украинской традиции последнее связывается с поведением змея-любака — разновидности черта, который может прикинуться лентой или бусами, лежащими на дороге; если девушка их возьмет, черт получает к ней доступ и мучит ее, пока не убьет или не изведет (ср.: *Гнатюк, 1912, вып. 1, с. 32–33, 183*; *Славянские древности, т. 2, с. 333* — статья «Змей огненный»). Кроме того, у восточных славян (в т. ч. украинцев) популярен сюжет о покойнике или черте, приходящем за отобранной у него вещью (шапкой, саваном и т. д. — см.: *Милорадович, 1899*; то же: *Українці, 1991, с. 411–412*).

* * *

Более, чем другие повести «Вечеров», «Сорочинская ярмарка» вызвала упреки как современной Гоголю, так и позднейшей критики в сюжетных непоследовательностях, этнографических неточностях и стилистическом излишестве. Н.А.Полевой приводил фрагменты из «Сорочинской ярмарки» как образец «выскопарения» пасечника Рудого Панька (*МТ. 1831. № 17. С. 93* — см. с. 636 наст. изд.). Андрий Царынный (Стороженко) в своей критике повествовательной манеры первой части «Вечеров» пародировал стиль в первую очередь «Сорочинской ярмарки»: «Мне он (стиль. — Ред.) кажется какой-то смесью: *выскопарения к сладостратному куполу <...> с земным разгульем на ярмарке*» (*Царынный, 1832, с. 104*). Он же первым поставил вопрос и об этнографических неточностях Гоголя в описании нравов «малороссийской деревни» (речь шла о сцене перебранки Грицька с Хиврей на мосту, легкомысленном поведении Параски, обнимавшейся с парубком, который до того «пустил комом грязи в мачеху»; сватовстве посреди ярмарки, танце Черевика с дочерью — см. подробнее с. 638–639 наст. изд.).

В 1861 г. с аналогичной этнографической критикой в адрес «Сорочинской ярмарки» выступил П.А.Кулиш. Вся повесть, как считал он, «от нача-

ла до конца представляет самый красноречивый аттестат, с каким жалким запасом знания простонародной Украины уехал Гоголь в 1829 г. в Петербург» (Кулиш/Основа, 1861, № 5, с. 23 — на самом деле Гоголь уехал в Петербург в 1828 г.). Так же как и в свое время Царынный, Кулиш отметил неправильности в изображении крестьянской жизни. Вся сцена сватовства не отражает обряды, свято соблюдаемые на Украине: молодой человек разговаривает со своим будущим тестем тоном, каким «мог бы обратиться к Солопию только близкий к нему сверстник»; сватовство происходит на ярмарочной площади, а не дома, как положено, в присутствии сватов (Кулиш/Основа, 1861, № 4, с. 78), «по указанному Гоголем способу» «приволакиваются к девочкам» «на ярмарках солдаты, судовые паничи, а пожалуй и заезжие из столиц Хлестаковы» (там же, с. 80). «Насмотревшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь», — писал Кулиш, — Гоголь заставил «свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потом заташил ее, как непотребных людей в кабак» (там же, с. 81); «зажиточный поселянин, мозольным трудом содержащий свое семейство, ни коим образом не может восхищаться пьяным, рекрутским молодечеством будущего своего зятя» (там же, с. 83). Причину появления данных мотивов («скоропалительное сватовство, без соблюдения обрядности, пьянство дочери с отцом и женихом, похвала бражничеству») Кулиш усматривал скорее в подражании «Энеиде» Котляревского, чем в реальных условиях жизни на Украине (об антикритике М.А.Максимовича, выступившего в защиту в т. ч. «Сорочинской ярмарки» см. с. 649–650 наст. изд.).

Критика повести с этнографических позиций была продолжена исследователем украинской литературы Н.И.Петровым, считавшим, что в «Сорочинской ярмарке» «мало видно непосредственного знакомства Н.В.Гоголя с народною жизнью и поэзией, сведения о которых позаимствованы им, так сказать, из вторых рук, у предшествовавших ему малорусских писателей». «Нельзя молодому человеку свататься самому к дивчине, на ярмарке, перед тем обидив мачеху невесты». К содействию цыгана не прибегают в брачных делах. Сговоры не запиваются в корчме. Хата с подмостками — не украинская, но московская изба с полатями. Неестественен танец отца с дочерью (см.: Петров, Пам.Г., 1902, с. 61).

Н.А.Котляревский, посчитав этнографическую критику «Сорочинской ярмарки» «неправой», тем не менее также отметил в ее «компановке» некоторые «странности, с реализмом не вполне согласные». «Могла ли свадьба устроиться так быстро, как она устроилась на ярмарке в Сорочинцах, и мог ли цыган так хитро спрятать все нити своей интриги и своего “чудесного” вмешательства в ход сватовства парубка — это остается на совести автора» (Котляревский, 1903, с. 98). Впрочем, все неточности и неправильности «в обрисовке малорусского народного характера и в описании различных народных обрядов» Котляревский объяснил романтическим характером «Вечеров». «Когда видишь, как на возу сидит хорошенькая дочка Солопия Черевика — “с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами под-

нявшимися над светлыми карими глазами <...>”, то такому портрету ве-ришь, хотя и не узнаешь в нем крестьянки» (там же, с. 99).

Этнографический подход к «Сорочинской ярмарке» последовательно оспорил Н.И.Коробка. Гоголь, писал Коробка, просто пренебрег многими чертами украинских нравов, которые знал, как «пренебрег гораздо более важным явлением — существованием крепостного права, потому что изображал народную жизнь не как реалист, а как романтик» (Кор., т. I, с. 367).

Между тем вопрос о так называемых этнографических неточностях Гоголя при описании обряда сватовства и свадьбы в «Сорочинской ярмарке» имеет принципиальный характер и не сводится к проблеме хорошего или плохого знания украинской народной жизни. По-своему правы были и Кулиш, и Царынный, обращая внимание на некоторое несоблюдение обрядов в повести: действительно, время ее действия — август, а летом, особенно во время уборки урожая, свадеб обычно не справляют (традиционное время свадеб — осенний и зимний мясоед; и в этом контексте совершенно оправданно звучат слова Хиври: «Где ж таки ты видел, где ж таки ты слышал, чтобы добрый человек бегал теперь за женихами?»). Кроме того, дело, по-видимому, происходит в конце Успенского поста, длящегося с начала августа до Успенья (ср. разговор поповича с Хиврей о том, сколько получил его отец за текущий пост), что делает еще более сомнительной возможность справлять свадьбу в это время. Да и само описание свадьбы у Гоголя не соответствует украинским обычаям, согласно которым между сватовством и свадьбой обязательно существует временной разрыв, достигающий нескольких недель, а предсвадебная церемония включает целый набор действий (приготовление каравая, выкуп невесты, венчание и т. д.). С другой стороны, тот факт, что сам Гоголь знал все эти обычаи, подтверждается не в последнюю очередь текстом «Вечера накануне Ивана Купала», где обряд свадьбы описан достаточно точно. Соответственно, мы имеем все основания полагать, что неточность Гоголя в описании свадьбы — не ошибка и даже не игнорирование этнографических подробностей, но сознательный прием, определяющий во многом само содержание и смысл «Сорочинской ярмарки», где речь идет об особом рода свадьбе, завязывающейся в неположенное время, в неполенном месте, без необходимых обрядов, без свадебного стола, каравая, венчания и т. д. Обращает на себя внимание и демоничность самого жениха: имя Грицько (*Гриць бесплятий*) на Украине часто выступает как одно из обозначений черта (см.: Драгоманов, 1876, с. 56); смуглое лицо и горящие глаза парубка — также детали, характерные для нечистой силы (у черта глаза горят, а лицо смуглое, опаленное жаром пекла; о демонической семантике белой свитки Грицька см. выше). В этой связи существен не только мотив неузнавания Черевиком сына своего покойного друга, но также и двусмысленная фраза, брошенная Грицьком на вопрос Черевика, не Охримов ли он сын: «Разве один только лысый дидько (т. е. лысый черт. — Ред.), если не он». К тому же имя Охрим ассоциируется с демонологическим персонажем из «Энеиды» И.Котля-

ревского (см. выше), что дает дополнительную возможность прочесть имя Грицька, «Охримова сына» как «черт, сын упыря». Ср. также заданный в повести мотив любовного томления Параски как наваждения, обморочивания («только мне чудно... верно это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится так... а силы недостает взять от него руку»). Знаковым является также поведение парубка, вступающего в сговор с цыганом (фигурой демонической — см. выше), чтобы получить невесту, а также факт продажи им волов на рынке (Грицько — парубок, т. е. неженатый, не имеющий статуса самостоятельного хозяина; то, что он хозяйствует на ярмарке сам, указывает на то, что он сирота; сирота же обладает «пограничным» статусом в народной традиции). В результате у Гоголя возникает типичное и для романтической эстетики и для народной былички намеренное неразличение: то ли человек, то ли черт, принявший облик парубка. Однако в отличие от былички, где нечистая сила, как правило, в какой-то момент обнаруживает свою истинную природу, у Гоголя, в романтическом ключе, двусмысленность так и остается неразрешенной. Соответственно, аномальное время, место и развитие свадьбы, ее устройство с помощью цыгана и красной свитки (т. е. черта), двоящийся образ самого жениха в белой свитке и возникающий в этой связи вопрос, за кого выходит замуж Параска, в определенном смысле ассоциируют фабулу «Сорочинской ярмарки» с народным мотивом «жениха-мертвеца», ставшего популярным в романтической литературе (ср., например, балладу Бюргера «Ленора», 1773, и ее перевод, выполненный В.А.Жуковским под названием «Людмила», 1808; ср. также мотив человека-куклы, человека-автомата, характерный для немецкого романтизма и появляющийся в финале гоголевской повести), а с другой стороны — с народным сюжетом о девушке, которая так хотела выйти замуж, что готова была выйти хоть за черта. Тем самым и тоскливые ноты в финале «Сорочинской ярмарки» оказываются предварены характером описанных в ней событий¹.

Между тем, в читательском восприятии «Сорочинская ярмарка», наряду с «Ночью перед Рождеством», на протяжении очень длительного времени устойчиво воспринималась как наиболее жизнерадостная повесть Гоголя (соответственно, ее советовали включать в книги для народа — см.: Белов Евгений. Что читает народ // Гражданин. 1873. № 29. С. 811). Ср. также точку зрения В.В.Гиппиуса: «В “Сорочинской ярмарке” с начала до конца, или почти до конца повести, — мы погружены в особую атмосферу жизни, преображенной безудержным весельем. Уже лирический зачин рисует украинскую природу как торжество звуков и красок <...>. Ни в одной повести не было сосредоточено столько веселости, как в “Сорочинской ярмарке”, ни одна повесть не оказалась так близка к уже сложившейся в самой украинской литературе комедийной и вообще комической традиции»

¹ За данные соображения редакторы тома приносят благодарность Е.Е.Левкиевской.

(Гиппиус, 1966, с. 65—66). Правда, Гиппиус отметил и неожиданную элегическую концовку повести, найдя ей объяснение скорее социального плана: «Гоголь с иронией развертывает фантастический сюжет о “красной свитке”, но финал повести завершается элегической концовкой. Гоголь показывает, что подлинная красота и здоровые начала народной жизни неизбежно сталкиваются с враждебными силами» (там же, с. 65).

На представлении о жизнерадостном и праздничном тоне «Сорочинской ярмарки» были основаны и общие размышления М.М.Бахтина о карнавальной атмосфере «Вечеров». В образе танцующих старушек в финальной сцене повести Бахтин увидел типичный карнавальный момент: образ рождающей старости, рождающей смерти, популярный в народной карнавальной культуре (Бахтин, 1975, с. 485—486, см. подробнее с. 663 наст. изд.).

Возражая Бахтину, Ю.Манн обратил внимание на то, что в финальной сцене «Сорочинской ярмарки» «перед нами не столько пляшущая, сколько имитирующая пляску старость». В ее поведение вносится момент марионеточности, безжизненного исполнения предписанной воли, невозможный для народного карнавального сознания. Другая странность финала — в наличии стороннего наблюдателя, не участвующего во всеобщем действе, что являет собой еще один диссонанс в нерасчлененной цельности карнавального начала (Манн, 1988, с. 12).

Сходная интерпретация повести, и в частности ее финала, предлагалась в работах ряда западных исследователей. Так, Ф.Дриссен полагал, что повествователь в финале «смотрит на своих собственных марионеток» (Driessen, 1965, p. 69), Д.Фангер писал о «мрачных кукловодах», скрывающихся за «живым человеком» финальной сцены (Fanger, 1979, p. 92), Дж.Кокс называл финальный танец «нечеловеческим, марионеточным, несвободным» (Сох, 1980, p. 219—232), а П.Бицилли и вовсе говорил о «безличной стадности» танцующего народа у Гоголя (Бицилли П. Проблема человека у Гоголя // Годичник на Софийския Университетъ Историко-филологически факультет. 1947. Т. 44. № 4. С. 5). Танец, охвативший всех, несет в себе нечто зловещее именно в силу его всеобщности, считал В.Сечкарев. «Что это за сила, которая охватывает всех, лишь только музыканты дотрагиваются смычком до струн, каково ее происхождение? Мотив сомнительности искусства, развитый подробно в “Портрете”, намечен уже и здесь» (Setchkareff, 1953, S. 77). О «трещине», которую дает в конце повести «ярмарочная вселенная», пишет и украинский исследователь, соотнося финал с гоголевскими словами из статьи «Скульптура, живопись и музыка», 1831 («Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром») и считая, что мир сорочинского веселья заканчивается с текстом повести. Вселенная повести, ее ярмарочная, карнавальная стихия, оказывается таким образом дискретной, обреченной за ее пределами на небытие (см.: Скуратовский, 1997, с. 73).

Начиная с И.Д.Ермакова, приверженцы психоаналитической школы обращали внимание также и на другой танец, предшествующий финальному.

О мотиве инцеста, который вводится танцем Параски с отцом, предвещающая отношения Катерины с отцом в «Страшной мести», писали Ф.Дриссен (*Driessen, 1965, p. 103–106*), В.Роу (*Rowe, 1974, p. 399*) и Дж.Кокс (*Cox, 1980, p. 103–106*). Д.Ранкур-Лаферрьер усмотрел в танце отца с дочерью еще и другой смысл. «Параску заставляет танцевать на самом деле не отец, но злая мачеха, поскольку танец представляет собой освобождение от ее власти и одновременно идентификацию с ней. Надев очипок Хиври и глядя на себя в зеркало (отражение в зеркале не есть живой человек), Параска отождествляется со злой бабой, на которую сама станет похожа после свадьбы с Грицько» (*Rancour-Laferriere, 1982, p. 339–371*). О мотиве мужеподобных, демонических женщин, властвующих над мужчинами, намеченном в повести и характерном для всего последующего творчества Гоголя, см. также: *Karlinsky, 1976; Woodward J. The Symbolic Logic of Gogol's «The Nose» // Russian Literature. 1979. № 7. P. 537–564; Cox, 1980, p. 219–232.*

Особого рода амбивалентность может быть усмотрена и в других эпизодах повести. Так, эпизод с рылом свиньи, показавшимся в оконном проеме, подан у Гоголя как будто бы еще в чисто комическом ключе. Но уже в этой сцене, как отмечал В.Сечкарев, заложен и иной смысл, предвещающий не только известный эпизод «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (свинья, похитившая жалобу Ивана Никифоровича), но и свиные рыла, померещившиеся городничему в последней сцене «Ревизора». И в этом общем контексте гоголевского творчества комическая сцена приобретает зловещий смысл вторжения в спокойную, размеренную жизнь потусторонней злой силы (см.: *Setschkareff, 1953, S. 77*; ср. также более раннее наблюдение Андрея Белого о «вторжении подозрительных иностранцев» в жизнь рода: «лица цыган», которые кажутся «сонмищами гномов», москалей, похожих на «свиные рожи» — *Белый, 1934, с. 51*).

В исследовательской литературе способ изображения в «Сорочинской ярмарке» сравнивался неоднократно с живописным методом Иеронима Босха и Питера Брейгеля-старшего (*Peace, 1981, p. 12*). Так, начальные сцены «Сорочинской ярмарки» сопоставлялись с триптихом Босха «Воз сена» по «меланхоличности общего взгляда на праздник», ведущего, на самом деле, в преисподнюю (см.: *Obolensky, 1984, p. 122–131*), а повесть в целом — с известной картиной Брейгеля «Страна Шларарфия». Создаваемый в обоих произведениях полуфантастический мир возводится к представлениям о сказочной стране изобилия и праздности (*Schlaraffenland, Land of Cockaigne*; в русском варианте — страна с молочными реками и кисельными берегами; см.: *Perlina, 1988, p. 57–69*). Кроме того, по наблюдению исследовательницы, «появление голоса автора в финале “Сорочинской ярмарки” напоминает по функции автопортрет художника, случайно обнаруживаемый в углу картины» (*там же*).

Начало первой главы «Сорочинской ярмарки» парафразирует М.Н.Загоскин в романе «Тоска по родине», герой которого приводит в своем дневнике поэтические места из гоголевского описания «благославленной природы Малороссии» как пример «простодушного удивления» украинской природой («Это было в мае месяце, в тысяча... в тысяча... Нет! решительно не помню в каком году...» — Загоскин М. *Тоска по родине*. М., 1839. С. 6; отмечено: Белинский В.Г. *Тоска по родине* // Белинский, т. III, с. 297 — ср. с. 740 наст. изд.).

Начальные фразы повести неоднократно цитировал И.А.Бунин: в «Автобиографической заметке» (1915) и в романе «Жизнь Арсеньева» (1930); ср. в главе XXI романа: «...мы часто, смеясь, вспоминали: “Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!”» (Бунин, т. 6, с. 259–260). Ср. также использование зачина «Сорочинской ярмарки» в «постмодернистском монтаже» М.Вайскопфа «Страшная ночь или экзекутор. Девятая повесть “Вечеров на хуторе близ Диканьки”», состоящем из цитат и реминисценций из 23 гоголевских произведений — НЛО. 1995. № 12. С. 244).

Отзвуки «Сорочинской ярмарки» ощутимы в первой главе романа А.Белого «Серебряный голубь» — описание села Целебеева (см.: Секе К. *Двуплановость и две формы повествования романа Андрея Белого «Серебряный голубь»* // *Acta universitatis Szegediensis. Материалы и сообщения по славяноведению*. Szeged, 1977. P. 88–89). В этом же романе появился и цитатный мотив «красной свитки» (у Белого красная свитка стала метонимией «огневых демонических сил», скрытых в народной жизни). Ср. «свиное» в лицах сектантов, воскрешающее мотив превращения красной свитки в свиные рыла у Гоголя (отмечено: Паперный, 1983, с. 89–90).

Мотив красной и белой свитки, преобразованных в красное и белое домино, присутствует также в романе Андрея Белого «Петербург». В сцене бала появляется спасающее Лихутину белое домино, вариант белой свитки Гоголя, символизирующее высшее добро. Соответственно мотив «Сорочинской ярмарки» оказывается преобразованным у Белого в вариант апокалиптического мифа о победе Белого Всадника над Красным Драконом (см. подробнее: Паперный, 1983, с. 96).

Театральные, музыкальные и кинематографические интерпретации повести

На сюжет «Сорочинской ярмарки» написаны:

— Водевиль в 1 действии с хорами и плясками Г.Б*** «Сорочинская ярмарка, или Грицко и Параска, или Приключение на ярмарке» (для бенефиса Н.В.Самойловой). Поставлено в Петербурге (1848, нояб. 23, 25, 26, 29, 30) и в Москве (1852, окт. 27, нояб. 2, 9; дек. 26; 1853, янв. 29). Цензурный экземпляр инсценировки с припиской

режисера Куликова: «Гоголь дал позволение взять из его сочинения сюжет и выставить свое имя на афише» хранится в ГТБ СПб. Пьеса представляет собой переделку, в которой сохранена любовная интрига, но устранена вся фантастика, в том числе история красной свитки (см.: *Данилов, 1936, с. 439; ИРДТ, т. IV, с. 394*).

— Опера М.П.Мусоргского (1874—1880), не окончена; Мусоргский писал, что в «Сорочинской ярмарке» контуры сценического действия намечены так ярко, что «только краски наводи» (*Мусоргский М.П. Письма А.А.Голенищеву-Кутузову. М., 1939. С. 69*). Переделкой, досочинением и инструментовкой оперы в разные годы занимались: Н.А.Римский-Корсаков, А.К.Лядов, Ю.С.Сахновский. Ср.: «Сорочинская ярмарка», муз. комедия на основе повести Н.В. Гоголя и оперы М.П.Мусоргского в редакции А.К.Лядова, В.Г.Карятина и Н.А.Римского-Корсакова, частично дописана и инструментована Ю.С.Сахновским, либретто М.П.Мусоргского при участии А.А.Голенищева-Кутузова»; премьера 1913, окт. 8 в Свободном театре К.Сараджева (Сараджяна), Москва, реж. В.А.Санин; другая постановка — 1928, янв. 10 (премьера) в Большом театре, Москва, дир. Н.С.Голованов, реж. А.П.Петровский (см.: *Данилов, 1936, с. 469; Бернандт, 1963*). Другие обработки: Ц.А.Кюн (1911—1916; премьера оперы «Сорочинская ярмарка» — 1917, окт. 13, в Театре муз. драмы, Петроград — см.: *Бернандт, 1963*); Н.Н.Черепнина (опера «Сорочинская ярмарка» с использованием результатов музыкальной обработки А.К.Лядова, В.Г.Карятина, Н.А.Римского-Корсакова и других сочинений Мусоргского; партитура и клавиш В.В.Бесселя; премьера — 1923, марта 27 в Монте-Карло — см.: *Бернандт, 1963, с. 374*). В 1930 г. опера восстановлена на основе сохранившихся материалов Мусоргского П.А.Ламмом и В.Я.Шебалиным. Премьера 1931, дек. 21 в Ленинградском Малом оперном театре, дир. С.А.Самосуд, реж. Г.Ф.Энригтон; другие постановки: 1932, янв. 12 (премьера) — в Музыкальном Театре им. В.И.Немировича-Данченко, Москва; 1952, март 13 — в Большом театре, Москва; 1954, апр. 2 — в Риме (см.: *Данилов, 1936, с. 468; Гозенпуд, 1952, с. 906—908; Тюменева, 1966, с. 145—146, 189*).

— К 1883 г. относился замысел А.К.Глазунова музыкальной картины «Гопак» на мотивы «Сорочинской ярмарки» (см.: *Глазунов А. Письма, статьи, воспоминания. М., 1957. С. 50*).

— Комическая оперетта в 4 действиях А.Гротенко «Сорочинський ярмарок», либретто М.П.Старицкого, на укр. яз.; поставлено на московской сцене в 1884 г. (см.: *Старицкий М. Сорочинський ярмарок, комедія-оперета на IV дії // Старицкий М. Драматичні твори. Київ, 1907; Данилов, 1936, с. 468*).

— Комические сцены в 1 действии, 2 картинах с хорами и плясками А.Я.Алексеева «Чортова свитка или приключения на Сорочинской ярмарке», 1884 (см.: *Данилов, 1936, с. 468; Петербургские балаганы. СПб., 2000. С. 140*).

— Сцены в 3 действиях Н.И.Тшебского-Уварова «Чортова свитка или переполох на Сорочинской ярмарке», 1890 г. (см.: *Данилов, 1936, с. 468*).

— Опера Б.Яновского «Сорочинская ярмарка», 1898.

— Комедия в 4 действиях А.Вівчорук «Халеп» (литогр. изд. — Берлин, 1886; см. также: *Комаров, 1906*).

— Пьеса М.Н.Кочубей «Халеп», в 1 действии (см.: *Кочубей М.Н. Пять театральных пьес на малороссийском языке. Киев, 1904; Данилов, 1936, с. 468*).

- Пьеса А. И., А.Я. «Сорочинская ярмарка» в 5 картинах, 1910 (см.: *Данилов, 1936, с. 468*).
- Комедия П.Обнорского «Сорочинская ярмарка», в 3 действиях, 1913.
- Комедия Е.Н.Фразенко «Сорочинський ярмарок», в 1 действии, на укр. яз., 1914 (см.: *Данилов, 1936, с.469*).
- Пьеса «Сорочинський ярмарок», переделка для сцены В.Виля; поставлена в 1927 г. Самарским городским театром (см.: *Коммуна. Самара. 1927. 7 дек.*).
- Опера В.К.Дновского «Сорочинская ярмарка» (см.: *Данилов, 1936, с. 469*).
- Оперетта А.П.Рябова «Сорочинская ярмарка» («Сорочинський ярмарок»); либретто на укр. яз. — Л.Юхвид, М.Авах; либретто на рус. яз. — А.Жаров, В.Ретинин, Г.Ярон; премьера в 1936 г. в Харьковском театре музкомедии; другие постановки — 1937, Театр оперетты, Москва (режиссеры Г.Ярон, С.Мызникова); 1938, Хабаровский театр музкомедии (постановка Б.Дмаховского); 1937, Ростовский театр музкомедии (постановка В.Ленского) — см.: *Тюменева, 1966, с.206; Янковский, 1963, с. 196*.
- Инсценировка В.А.Суходольского «Сорочинская ярмарка»; поставлена в 1937 г. Сталинским государственным Драматическим театром (см.: *Орджоникидзевградский рабочий. Орджоникидзевград Западной обл. 1937. 14 июля*); другие постановки — 1939, в Театре для детей им. А.М.Горького, Киев (реж. Н.В.Фариновский, комп. И.А.Виленский — см.: *Советская Украина. 1939. № 117*); 1945 — в Днепропетровском гос. Украинском театре им. Т.Г.Шевченко, пост. Л.В.Южанского (см.: *Днепропетровская правда. 1945. 8 авг.*); 1953, в Одесском драматическом театре им. Октябрьской Революции (см.: *Советская Молдавия. Кишинев. 1953. 22 авг.*); 1954, в Днепропетровском укр. передвижном театре (см.: *Красное знамя. Сочи. 1954. 7 ноя.*); 1985, в Украинском музыкально-драматическом театре им. Г.И.Петровского, г. Хмельницкий (см.: *Театр. 1986. № 3. С. 71*).
- Балет ««Сорочинская ярмарка». (По Гоголю)»; поставлен в 1943 г. в США (см.: *Интерес США к советской культуре // Правда. 1943. № 295. 1 дек. С. 4*).
- Пьеса «Сорочинський ярмарок», поставлена в 1946 г. ТЮЗом г. Николаева (см.: *Бугская заря. Николаев. 1946. 19 мая*).
- Оперетта О.Радченко «Сорочинський ярмарок», премьера 1949, янв. 11 в Запорожском областном украинском Музыкально-драматическом театре им. М.О.Щорса, пост. В.Магара, реж. Л.Браневська, балетмейстер Б.Таиров (см.: *Гайдабура В.М. Театр ім. М.О.Щорса. Київ, 1979. С. 113–114*).
- Балет В.Б.Гомоляки «Сорочинская ярмарка», либретто Б.Таирова и П.Калинковича; премьера — 1956, мая 22, Сталино (см.: *Тюменева, 1966, с. 206*).
- Среди других инсценировок «Сорочинской ярмарки» — постановка Ташкентского театра музыкальной драмы, 1952, реж. В.Райкова (отзыв см.: *Правда востока. Ташкент. 1952. № 30*); постановка выпускников Киевского театра Института им. И.К.Карпенко-Карого, 1958 (отзыв см.: *Театр. 1958. № 9. С. 62–65*); постановка Полтавского народного театра, 1963, муз. А.Гротенко и В.Чистякова,

реж. М.Заславский и Я.Орлов (отзыв см.: *Советская культура*. 1963. № 114. С. 2); постановка Полтавского музыкально-драматического театра, 1971, реж. В.Кашперский, муз. А.Рябова (отзыв см.: *ЛГ*. 1971. № 23. 2 мая).

Экранизации повести:

— «Сорочинская ярмарка», к/ф, Одесса, 1927; авторы сценария Л.Гуревич, М.Каплан, реж. Г.Гричер-Чериковер (см.: *Вишневский В. Гоголевские образы в киноискусстве // Искусство кино*. 1952. № 3. С. 100).

— «Сорочинская ярмарка», к/ф, к/студ им. Довженко, 1939; автор сценария и реж. Н.Экк (Ивакин).

— «Сорочинская ярмарка», телеспектакль, ЦТ, 1985; реж. В.Смехов, в исполнении артистов московского Театра драмы и комедии на Таганке (отзывы см.: *ЛГ*. 1985. № 32. 7 авг. С. 8; *Известия*. 1985. 19 июля).

* * *

Первые переводы повести:

— на чешский язык — *Tih v Soročině*. Přel. B.K. // *Pražské noviny*. 1852. №№ 202–210; *Soročinský trh*. Přel. Dr. I.P. // *Lumír*. 1855. №№ 11–12; *Thř Soročinský*. Přel. M. Lužnica, 1865;

— на сербский язык — *Сорочински сајам // Приповетке*. Прев. Дж.Попович. Нови Сад, 1864;

— на украинский язык — в составе первого перевода книги: *Вечери на хуторі близь Диканьки*. Т. 1. Львів, 1864 — см. с. 676 наст. изд.; *Сорочинецький ярмарок*. Українські оповідання // *Читальня*. 1893. № 20. С. 249–252; № 21. С. 262–265; № 22. С. 273–276; *Сорочинський ярмарок*. Чернівці, 1903;

— на французский язык — в составе первого перевода книги «Вечеров»: *Les Veillées de l'Ukraine*. Par E.Halpérine-Kaminsky. Paris, 1890 — см. с. 676 наст. изд.;

— на немецкий язык — в составе антологии: *Erzählungen. Übers. von Н.Тукочинский*. Leipzig; Wien, 1899 (*Meyer's Volksbücher*, hrsg. von Н. Zimmer. №№ 1231–1233);

— на английский язык — в составе книги: *Evenings in Little Russia*. Transl. by E.W.Underwood & W.H.Cline. Evanston, 1903.

* * *

С. 74. *Сорочинская ярмарка*. — *Сорочинцы* (Великие Сорочинцы) — село в 24 верстах от Миргорода. В гоголевские времена Сорочинцы были известны пятью годовыми ярмарками: 1 января, на пятой неделе Великого поста, на Духов день, 14 сентября и 14 ноября (*Максимович, Щекатов, 1807, ч. 5, с. 1106; см. также: Арандаренко Н.И. Записки о Полтавской губернии. Ч. 2. Полтава, 1849. С. 382*).

С. 74. *Мини нудно в хати жить ~ Де гуляют парубки!* (укр.) — «Мне скучно в хате жить. Ой, вези ж меня из дома, Где много шуму, гаму, Где пляшут все девчата, Где гуляют парни!». Гоголевская помета «Из старинной легенды» неточна; скорее всего, это вольная обработка народной песни, источник которой, однако, определить не удалось.

С. 74. *Как упоителен, как роскошен летний день...* — Возможная реминисценция из «Путешествия в Малороссию» П.И.Шаликова (1803). Ср.: «Какая тишина, какой мир льется в душу вашу! Какое благоухание, какая прохлада освежает ваши чувства!» (см. также с. 629 наст. изд.).

С. 75. *...зеленой кофте...* — В издании 1842 г. (Соч. 1842) эпитет «зеленой» был заменен на «засаленной» (ср. также Соч. 1855). Исправление, скорее всего, было сделано Гоголем и вносило новую, дополнительную характеристику в образ Хиври: на Украине одежду нередко специально пропитывали рыбьим жиром и вывешивали на солнце, чтобы избавиться от насекомых и избежать частой стирки (см.: *Эварницкий, 1900, с. 266*).

С. 76. *...проскальзывало что-то ~ столь дикое...* — Согласно народным представлениям, «дикий взгляд» есть характерный признак, по которому опознают ведьму (см.: *Славянские древности, т. 1, с. 297*).

С. 76. *...Псёл...* — Псёл — левый приток Днестра, на котором стоит село Великие Сорочинцы.

С. 76. *...осоков...* — Осокор (осокир, укр.) — разновидность тополя, черный тополь.

С. 76. *...решетилловских смушек...* — Сорт черной овчины с мелкими завитками (разновидность каракульчи), называвшийся по имени Решетилловки — слободы в Полтавской губернии, известной своими овчарнями.

С. 76. *А вот впереди и дьявол сидит!* — Соотнесение женщины с дьяволом вообще характерно для украинских легенд. Согласно одной из них, женщина была сотворена не из ребра Адама, а из хвоста черта. По другой версии, апостол Петр, увидев бабу и черта, отрубил мечом им головы, а затем приставил их наоборот, и с тех пор баба ходит с головой черта (*Булашев, 1909, с. 98, 171*). Ср. также с распространенными в фольклоре сюжетами про бабу и черта (*СУС, № 1169*).

С. 79. *Чтоб ты подавился... ~ бороду обжег!* — Ср. «побранки» Хиври в басне П.П.Гулака-Артемовского «Солопій та Хивря...»: «А!... бесив народе!.. коли б ты околев! коли б ты околев! Коли б ты кожним був стручечком подавився! Щоб в пельце вин тебе килкум був зупынився!» (*Артемовский-Гулак, 1888, с. 5* — см. также с. 692, 708 наст. изд.).

С. 79. *...негодный бурлак...* — Бурлак (разг.) — бобыль, бездомный человек (*Гринч./Слов., т. 1, с. 113*).

С. 79. *...козаку Цыбуле...* — Цыбуля (цибуля, укр.) — лук.

С. 79. *...Що Боже, ты мій Господе! ~ усієи ярмарки.* (укр.) — «Господи, Боже ты мой! Чего только нет на той ярмарке! Колеса, стекло, деготь, табак, ремень, лук, торговцы всякие... Так, что если бы в кармане было и тридцать рублей, то и тогда б не скупил всей ярмарки».

С. 79. *Из малороссийской комедии.* — Возможно, эпитафия взят из сохранившейся комедии В.А.Гоголя-Яновского «Собака-овца» (см. с. 630, 691 наст. изд.). Но не исключено также, что Гоголь, по примеру В.Скотта, сам придумал эпитафия, скрывая авторство за условным обозначением. В пользу последнего предположения говорят исправления в тексте эпитафия, сделанные в черновом автографе, и его расхождение с печатной редакцией.

С. 80. *...давал бабе киселя...* — Ср. примечание Гоголя к ЧА Ся — «Дать киселя значит ударить кого-нибудь сзади ног» (см. с. 293 наст. изд.).

С. 80. *...москаль...* — На Украине, в отличие от польского слова *toskał*, обозначавшего всех великороссов, москалями преимущественно называли чиновников, офицеров, солдат (то есть тех, кто находился на государственной службе). Типичная черта москаля в украинских поговорках — склонность к обману и пройдошливость (см.: Миллер, 2000, с. 36–37).

С. 80. *...негоциантам...* — В России и на Украине негодьями называли торговцев так называемым колониальным товаром (чаем, кофе, пряностями — от франц.: *négociant*).

С. 81. *Чи бачишь вин який парнище? ~ мов брагу хлыще! (укр.)* — «Видишь, какой он парнище! На свете мало есть таких. Сивуху, словно брагу, хлыщет». Эпитафия взят из «Энеиды» И.Котляревского (эпизод битвы Энтелла с Даресом): «Чи знаєшь, вин який парнище? / На свете трохи єсть таких, / Сивуху так, як брагу, хлыще» (Котляревский, 1808, с. 56). Разночтения эпитафия с печатным текстом «Энеиды» позволяют предположить, что Гоголь пользовался одним из рукописных списков поэмы, имевших хождение на Украине (Сперанский М.Н. Заметки к истории «Энеиды» Котляревского. Львов, 1902, с. 9–16). Строки вписаны Гоголем в раздел «Эпитафия» «Книги всякой всячины» (см. с. 597 наст. изд.). *Брага* — слабое пиво. *Сивуха* — плохо очищенная водка.

С. 81. *...волостный писарь...* — Член волостного правления; избирался обществом волости сроком на два года. По положению 1797 г. «О разделении казенных селений на волости...», волость включала в себя несколько сел и деревень, лежащих в одной округе.

С. 82. *...бывши дружкой...* — Дружка — учредитель порядка на свадьбах, из родственников жениха, непременно женатый. Дружка — девушка или парень, участники свадьбы (см.: Гура А. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины. Словарь // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 137–177; продолж. — Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 144–243). Не совсем точное разграничение этих понятий (см. также описание малороссийской свадьбы в письме С.Яновского Гоголю от 4 мая 1830 г., внесенное им в «Книгу всякой всячины» — см. с. 598 наст. изд.) вызвало нарекания со стороны П.Кулиша в неумении «отличить» свадебный термин *дружка* от слова *дружка* (см. с. 649 наст. изд.).

С. 82. *...и имя и прозвище...* — см. с. 674 наст. изд.

С. 82. ...*Охримов сын?* — Охрім — украинский вариант имени Ефрем (ср. «Книгу всякой всячины» — раздел «Имена, даемые при крещении»). Возможно, подсказано «Энеидой» Котляревского, где Охримом (Охремом — см.: *Котляревский, 1808, с. 69–70*) звали знахаря и упыря (см. также с. 692 наст. изд.).

С. 82. ...*Параска...* — Парася, Парасковья (см. «Книгу всякой всячины» — раздел «Имена, даемые при крещении»). Имя Параска в народной этимологии означает также «поросья» (ср. замечание Ф. Дриессена о скрытой идентификации противоборствующих персонажей повести, Параски и Хиври — *Driessen, 1965, р. 69; см. также с. 674 наст. изд.*).

С. 82. ...*как говорят ~ чтобы и паслись на одной траве...* — Ритуальная формула, произносимая на Украине сватами; вписана Гоголем в «Книгу всякой всячины» (раздел «Обычай малороссиян») из «Малороссийской деревни» Кулжинского (см. с. 598 наст. изд.). Ср.: «Мы чули, Пане свату, що у вас й гусочка, а мы, бачиш, маем на прикметі гусака, дак як бы теє-то такечки їх спаровать? Нехай уже увместі ходят і увместі пасться» (*Кулжинский, 1827, с. 64*).

С. 82. ...*давай магарычу!* — Ср. примечание О. Сомова к «Сказкам о кладах» (1829): «магарыч — попойка, которою заключаются все домашние сделки малороссийских поселян. Такие магарычи нередко уносят все деньги, вырученные за проданную вещь» (*Нев. альм. на 1830 год. СПб., 1829; цит. по: Сомов, 1991, с. 204*).

С. 82. ...*флотилией сулей...* — Сулея — бутыль с узким продолговатым горлом.

С. 82. ...*величиною с полкварти...* — *Кварти* называлась мера около литра. Тут, очевидно, речь идет о кружке.

С. 82. ...*с красными товарами...* — Красным товаром обозначался товар «аршинный», «панский», то есть фабричного производства и лучшего качества (см.: *Даль, т. II, с. 187*). Ср. далее у Гоголя: «получшую люльку».

С. 82. ...*из Гадяча...* — *Гадяч* — в гоголевские времена уездный город Малороссийской Полтавской губернии. Так же, как и Сорочинцы, расположен на реке Псел. Ежегодно в нем проводились 4 ярмарки.

С. 83. ...*Полтавской губернии...* — Полтавская губерния была учреждена с 1803 г. и состояла из 15 уездных городов: Полтавы (губернский город), Константинограда, Миргорода, Гадяча, Жорола, Кременчуга, Переяслава, Ромен и др.

С. 83. ...*свадебных подарков тестю и всем, кому следует.* — По свадебному чину, принятому на Украине, жених должен был делать подарки отцу невесты (шапку, иногда хлеб), а также матери невесты, ее сестрам, дядьям, а также остальным родственникам и друзьям. Последние обычно получали по горсти орехов и по два кренделя (см. также «Книгу всякой всячины» — раздел «О свадьбах малороссиян»).

С. 83. *Хоть чоловікам не онее ~ треба угодити... (укр.).* — «Хоть мужчинам и не больно-то <хочется>, но коль женщинам, видишь ли, <хо-

чется>, то нужно угодить им». Эпиграф взят из «Энеиды» Котляревского (ср.: «Хоть человекам не онее. / Да коли жинци, бачишь, тее, / Так треба угодити им»), где описываются страдания в пекле «девок, баб, и молодиц», за то, что «через меру мудровали / И верховодили над всем» (Котляревский, 1808, с. 121). Цитата вписана Гоголем в раздел «Эпиграфов» «Книги всякой всячины» с незначительными разночтениями.

С. 83. ...сивуху важно дует... — *Важно* (укр.) — важно, хорошо, отлично (см.: *Гринч./Слов., т. 1, с. 122*).

С. 83. ...Хивря... — сокращенное имя от Хавроньи, Февронии (см. «Книгу всякой всячины» — раздел «Имена, даемые при крещении»). В контексте гоголевской повести выступает как значимое прозвище. Хавроньей на Украине обычно называли свинью (см. также с. 674 наст. изд.).

С. 84. *Не хилися явороньку ~ Ще ты молоденький!* (укр.). — «Не клонись, явор, Ты еще зелененький; Не печалься, казак, ты еще молоденький!» Цитата из песни «Стоит явор над водою» (см.: *Максимович, 1827, с. 3*). Текст Максимовича, за исключением незначительных пунктуационных различий, совпадает с гоголевским; тем не менее, как и в других подобных случаях, книга Максимовича не может быть с уверенностью названа как единственный источник Гоголя.

С. 84. ...Грыцько... — *Грыцько* (*Грицко*) — сокращенное имя от Григорий (см. «Книгу всякой всячины», раздел «Имена, даемые при крещении»). На Украине имя служило как одно из обозначений черта (см. с. 674, 695–696 наст. изд.).

С. 84. ...полшеляга... — *Шеляг* — мелкая монета.

С. 85. ...синица в задаток! — *Синица* — пятирублевая денежная асигнация синего цвета.

С. 85. *От беда ~ не без лыха буде.* (укр.) — «Вот беда: Роман идет, вот теперь он, как раз, надает мне оплеух, да и вам, пан Хома, добра не ждать». Эпиграф заимствован с некоторыми изменениями из комедии В.А.Гоголя «Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом», явление восьмое (см. с. 630, 691 наст. изд.). В черновом автографе повести эпиграф был записан несколько иначе. Возможно, Гоголь воспроизводил цитату по памяти, возможно, сознательно внес некоторые изменения (ср. письмо М.И.Гоголь П.А.Кулишу от 30 декабря 1854 — опубл.: *Крутикова, 1992, с. 253*).

С. 86. ...болячка или соняшница пристала. — Ср. в комедии В.А.Гоголя «Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом» вопрос Параски, обращенный к дьяку: «Може у вас соняшница або завійниця?» (Основа. 1862. № 2. С. 30). *Соняшница* (*соняшниця*, укр. чаще — *соняшници*) — спазматические боли в животе (см.: *Гринч./Слов., т. 4, с. 168*), приписываемые нередко действию нечистой силы (см. также с. 108 наст. изд.; *завійниця* — сильная резь в животе).

С. 86. ...пан-отцу перепало теперь не мало всякой всячины! — *Пан-отец* — обычное обращение на Украине, то же, что батюшка. Ср.: «Малороссияне из уважения к родителям придают слова, к отцу пан, панотец, к

матери пані...» — Павловский, 1818, с. 88). В традиционном для вертепной драмы и народной комедии образе алчного священника могли отразиться и личные воспоминания Гоголя. Ср. письмо к П.П.Косяровскому от 8 сентября 1828 г., где Гоголь пишет об алчном попе, отце Меркурии, который «с такой жадностью следит наше имение и который, пользуясь правом родства, уже зажилил порядочный кусок».

С. 86. ...кнышей с сотню... — Кныш (книш, укр.) — род украинской сайки, делавшейся из дрожжевого теста. Кныши лепились при помощи ложки, обмакиваемой в растопленное свиное сало, выпекались в печи и перед подачей вновь обмазывались салом (см.: Артюх, 1977, с. 107; ср. также словарь предисловия к первой части «Вечеров»).

С. 86. ...вареники, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички! — Вареники — треугольники из пресного теста, наполненные творогом, урдуо (т. е. маком, из которого выжато молоко), вишнями, земляникой или мясом и сваренные в кипятке. Галушки — особого рода гречаные лепешки из пресного теста, которые варились в кипящей воде и подавались с маслом или с салом и луком. Пампушки (пампухи) — круглые шарики из дрожжевого теста, сваренные в кипятке, которые подавались с толченым в постном масле чесноком (см. также словарь предисловия к первой части «Вечеров»). Товченики — толченое рыбье мясо, смешанное с мукой, перцем и постным маслом, сваренное в кипятке; подавалось с постным маслом и жареным луком (см.: Маркевич, 1860; перепеч. в: Українці, 1991, с. 157, 164; Артюх, 1977, с. 106). О мотиве еды как способе приманки партнера у Гоголя см.: Woodward J. Gogol's «Dead Souls». Princeton, 1978. P. 351).

С. 87. Да тут чудасія, мосьпане! (укр.) — «Да тут чудеса, сударь!»

С. 87. Из малорос. комедии. — Возможно, эпиграф взят из не дошедшей до нас комедии В.А.Гоголя.

С. 87. ...чуде... ~ в развалившемся сарае... — На Украине существует поверье, что в заброшенных сараях поселяется черт (Булашев, 1909, с. 187). Ср. сквозной для «Вечеров» мотив развалившейся, брошенной постройки как месте обитания нечистой силы (старый шинок в «Вечере накануне Ивана Купала», брошенный дом в «Майской ночи», покосившийся шинок в «Пропавшей грамоте»).

С. 88. ...не цибуля, а буряк... — Игра слов: цибуля — лук (см. выше), буряк — свекла.

С. 88. ...выгнали одного черта из пекла. — Мотив черта, которого, как собаку, выгоняют из пекла, встречается в «Вирше, говоренной гетьману Потемкину запорожцами на светлый праздник Воскресения», вписанной Гоголем в «Книгу всякой всячины»: «чорта с хвостом прогнав, як собаку» (см. с. 598 наст. изд.).

С. 88. Ведь у него же есть ~ рожки на голове. — Возможная реминисценция из комедии В.А.Гоголя «Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом»: «Я чув, що нечистый дух з рогами, а у сего и рижкив нема» (Основа, 1862, № 2, с. 43).

С. 90. *Схватил секиру...* — здесь: в значении «топор» (от украинско-го «сокіра» — см.: *Гринч./Слов., т. 4, с. 165*).

С. 90. *Пиджав хвист ~ кабака. (укр.)* — «Поджав хвост, как собака, как Каин, затрясся весь, из носа потек нюхательный табак». Эпиграф взят из «Энеиды» Котляревского: «Эней пиджав хвист, мов собака; / Мов Каин затрусивсь увесь; / Из носа потекла кабака» (*Котляревский, 1808, с. 26*). Внесен Гоголем в раздел «Эпиграфов» «Книги всякой всячины».

С. 91. *Ще спероди, и так, и так; А сзади, ей же ей, на чорта!* (укр.) — «Спереди еще и так и сяк, а сзади, ей же ей, <похож> на черта».

С. 91. *Баба взлезла на человека...* — Намек на действие ведьмы, которая, согласно в т. ч. украинским преданиям, может оседлать человека и ездить на нем верхом (ср. отражение данного мотива в «Вие»).

С. 92. *Цур тобі, пек тобі, сатаньинське наваждение!* (укр.) — «Чтоб тебя, чтоб тебя, дьявольское наваждение». Распространенная на Украине побранка; ср. в басне Гулака-Артемовского «Солопій та Хивря...» («Ну, цур тобі та пек!» — *Артемовский-Гулак, 1888, с. 6*; см. также: *Сумцов, б. г., 183–208*).

С. 92. *...рожа барабаном, на котором меня заставили выбивать зорю ~ свиные рожи...* — Ср. сходный мотив в описании пекла в «Пропавшей грамоте»: «...музыканты тузили себя в щеки, словно в бубны...».

С. 92. *...рушник...* — *Рушник* — белое льняное полотенце с вышитым либо тканым узором (см. также с. 73 наст. изд.).

С. 93. *За мое ж жито, та мене и побито. (укр.)* — «За мой хлеб меня же и побили». Украинская пословица, внесенная Гоголем в «Книгу всякой всячины» (раздел «Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссийские»): «За мое жито, та мене ж і побито» (по-видимому, заимствована из «Грамматики малороссийского наречия» А.Павловского — ср.: *Павловский, 1818, с. 80*).

С. 94. *...тавлинки...* — *Тавлинка* — табакерка из бересты, капа, дерева.

С. 94. *«Чым, люди добри ~ узявшись за боки». (укр.)* — «Чем, люди добрые, я так провинился? За что насмехаетесь? — сказал наш бедняга. — За что издеваетесь вы надо мною так? За что, за что? — сказал и пустил потоки, потоки горьких слез, взявшись за бока».

С. 94. *Артемовский-Гулак* — Правильно: Гулак-Артемовский (Гулак-Артемовський) Петр Петрович (1790–1865), украинский поэт и переводчик. См. с. 629, 692 наст. изд.

С. 95. *...высулил при мне кухоль...* — *Суслить* — пить медленно, причмокивая. *Кухоль* — глиняный кувшин, кринка.

С. 95. *Не бийся, матинко ~ Мовчали!* (укр.). — «Не бойся, матушка, не бойся, В красные сапожки обуйся, Топчи врагов Под ноги, Чтоб твои подковки бренчали, Чтоб твои враги Молчали». Слова эти молодая должна пропеть своей свекрови, когда молодые возвращаются в хату жениха, в доказательство своей непорочности. Текст песни был получен Гоголем от М.И.Гоголь и вписан в «Книгу всякой всячины» (раздел «О свадьбах ма-

лороссиян»). Эти же слова использовал О.Сомов в качестве эпиграфа к 3-й главе повести «Гайдамак» (СЦв. на 1828 год. СПб., 1827; см. также: Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 83, 2-я паг.).

С. 96. *Скорее песок взойдет на камне и дуб погнется в воду, как верба...* — Распространенная в народной песне, в частности, в балладах, «формула невозможного» (см.: Богатырев П.Г. *Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. С. 347–363*); ср. у Н.Цертелева в песне «Отъезд козака из родины»: «Возьмы ты сестро жовтого писку, / Да посій ты сестро на билому камни; / Коли буде жовтый писок выростаты, / Зеленым барвинком камень устилаты, / В той час буду до вас прибуваты!» (Цертелев, 1819, с. 14; ср.: Павловский, 1818, с. 88–90). Ср. также: «Возьми, маты, песку жменю, / Да посыпь, маты, на каменю, / Як сей песок да й изыде, / Тогда твий сын з війска приде!» (песня «Ой шли Ляхи на три шлях...» — Кулжинский, 1827, с. 133).

С. 96. *...побрякивая подковами...* — У восточных славян (и в т. ч. у украинцев) сапоги делались без каблуков (в Галиции их называли «русский крой»). Иногда каблук заменяла небольшая железная скобка на пятке, которую подбивали, чтобы обувь носилась дольше (см.: Зеленин, 1991, с. 267). Существует и другая версия, согласно которой железные скобки, или подковки, набивались на Украине непосредственно на каблуки (Древняя одежда, 1986, с. 118).

С. 96. *Зелененький барвиночку ~ Присунься ще близьче!* — «Зелененький барвиночек, Стелись низко-низко, А ты, милый, чернобровый, Пододвинься поближе! Зелененький барвиночек, Стелись еще ниже. А ты, милый, чернобровый, Пододвинься еще ближе». Строфы из песни «Болит моя головонька, / Вод самого чола...» (см.: Максимович, 1827, с. 63). У Гоголя текст дан с незначительными пунктуационными и орфографическими изменениями. *Барвинок* в украинской народной поэзии — эмблема любви и надежды, фигурирует в свадебной обрядности. Ср.: «Барвенюк и рута почитаются у поселян малороссийских эмблемою любви и надежды. <...> Сельские девушки, по какому-то тайному внушению сердца, во всех своих весенних песнях напевают о сих цветах, интересных для их счастья» (Кулжинский, 1827, с. 25–26).

С. 97. *...дерюга...* — *Дерюга* — грубая ткань из низкосортной пряжи.

С. 97. *Пусть их живут, как венки вьют!* — Обыкновенное приветствие у малороссиян новобрачным (см. примечание Гоголя к ЧА Ся, с. 319 наст. изд.). В «Книге всякой всячины» (раздел «Обычай малороссиян») записано в украинском варианте: «Нехай їх живуть, як віночки в'ють». И русский и украинский варианты приветствия использовал О.Сомов в «Главах из малороссийской повести “Гайдамак”» (СЦв. на 1828. СПб., 1827 — см.: Сомов, 1991, с. 60, 62), откуда их также мог позаимствовать Гоголь.

С. 97. *...сермяжной свитке...* — *Сермяга* — домотканое грубое некрашеное сукно, то же, что и армячина.

С. 97. ...радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас... — вольная парафраза стихотворения В.А.Жуковского «Таинственный посетитель», 1824 (ср.: «Кто ты, призрак, гость прекрасный / <...> / Радость милую на час / Показал ты, с нею мимо / Пролетел и бросил нас» и т. д. — отмечено: *Мандельштам, 1902, с. 26–27*).

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ОЗ — Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана-Купала. *Малороссийская повесть*, (из народного предания) рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные записки. Санктпетербург. В типографии Департ. Внеш. Торг. 1830. Ч. 41. № 118. Февраль. С. 238–264 (цензурное разрешение — 4 февраля 1830 г., цензор П.Гаевский); № 119. Март. С. 421–442 (цензурное разрешение — 4 марта 1830 г., цензор П.Гаевский).

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. Санктпетербург. В типограф. депар. народ. просвещения. 1831 (цензурное разрешение — 26 мая 1831 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть первая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безомыкин).

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ОЗ*. Печатается по тексту *ВД2* со следующими исправлениями по *Соч. 1855*, а также с исправлением опечаток (см. с. 621–626 наст. изд.):

С. 99, строки 22–23: *Що-то вже, як у кого чорт ма клепки в голови!* вместо *Що-товже ~ в голови!* (см. с. 626 наст. изд.).

С. 101, строка 20: содержащая в то время вместо содержащая в то время (по *ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855*).

С. 107, строки 33–34: Уж не чета нынешним переодеваниям вместо Уж не нынешних переодеваний (по *Соч. 1855*).

С. 108, строка 29: Много козаков обкосилось и обжалось *вместо* Много козаков откосилось (по Соч. 1855).

С. 109, строки 10–11: поставив себе в ноги мешки с золотом *вместо* поставив себе в ноги мешки свои (по Соч. 1855).

«Вечер накануне Ивана Купала» (в журнальной редакции — «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана-Купала») — очевидно, одна из наиболее ранних среди повестей, входящих в цикл «Вечеров», и, во всяком случае, первое напечатанное прозаическое произведение Гоголя. Работу над повестью Гоголь начал, по всей видимости, не ранее второй половины июня 1829 г. (обоснование см. с. 599–601 наст. изд.). Первая ее часть, появившаяся анонимно в февральском номере «Отечественных записок», в цензорском журнале ошибочно названа «Басабрюк» (см.: *Санкт-Петербургский цензурный комитет. Списки статей, разрешенных цензором П.И.Гаевским для периодических изданий — РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 6*), вторая часть для мартовского номера журнала названа уже «Бисаврюк» (см.: *там же, л. 10*; см. также *Степанов, 1957, с. 70*). Таким образом, можно утверждать, что журнальная редакция «Вечера накануне Ивана Купала» была закончена Гоголем не позднее середины января 1830 г., когда он начал сотрудничать в «Отечественных записках» (см. с. 601 наст. изд.; см. также: *Манн, 1994, с. 214, 233*).

При этом, как свидетельствуют письма Гоголя матери от 3 июня и 10 октября 1830 г., уже к июню 1830 г. его сотрудничество в журнале прекратилось. По предположению Н.С.Тихонравова (см.: *Тих., т. 1, с. 516–517*), которое впоследствии было принято большинством исследователей творчества Гоголя, во многом это было вызвано тем, что П.П.Свиньин, согласившись опубликовать повесть, внес в нее значительную редакторскую правку. Последнее, в свою очередь, заставило Гоголя написать ко второй редакции «Вечера накануне Ивана Купала» особое предисловие, в котором автор дистанцировался от журнального варианта повести, объявив ее фальсифицированным пересказом «сучего москаля» («бреше, сучый москаль»). Кроме того, предисловие содержало еще и выпады против «барышников»-журналистов, которые в сознании современников легко могли проецироваться на личность Свиньина (об этом свидетельствует, в частности, рецензия О.М.Сомова, который в ходе полемики вокруг «Вечеров» упоминал предисловие как выпад против конкретного журналиста-издателя — см. с. 637 наст. изд.). К тому же гневные слова Фомы Григорьевича (мнимого рассказчика повести) об издании, представлявшем собой «книжечки, не толще букваря», которые выходят в свет «каждый месяц или неделю», а также слово «москаль», относящееся к издателю, могли быть восприняты как весьма прозрачный намек на «Отечественные записки» с их малой форматностью и частой периодичностью и на личность самого Свиньина (см.: *Степанов, 1957, с. 70*; *Манн, 1994, с. 233*).

Вместе с тем, вопрос о правке Свиньина в повести Гоголя представляется весьма неоднозначным. Во-первых, поскольку автограф журнальной ре-

дакции повести не сохранился, невозможно достоверно установить, какая именно правка принадлежала Свиныну. Конечно, возможная правка повести вполне могла соответствовать редакторским установкам Свинына, имевшего репутацию весьма жесткого издателя, отдававшего приоритет тематике публикуемых произведений, а не личности автора (см., например: Данилов В.В. *Дедушка русских исторических романов («Отечественные записки» П.П.Свинына)* // ИВ. 1915. № 7. С. 109–129). С другой стороны, образ нынешних краснобайных балагуров был намечен Гоголем еще в журнальной редакции повести; к тому же, в первых словах предисловия появление новой редакции было объяснено также и манерой самого Фомы Григорьевича, который «до смерти не любил рассказывать одно и то же». Сравнительный анализ стилистики двух редакций «Вечера накануне Ивана Купала» показывает, что главные тенденции стилистической переработки во второй редакции (отказ от традиций карамзинского перифрастического стиля и т. д.) аналогичны общему характеру эволюции гоголевского стиля в начале 1830-х гг. (см.: Ак., т. I, с. 522–523).

По сравнению с журнальным вариантом, во второй редакции повесть подверглась значительному сокращению (в описании разгульной жизни Басаврюка, в рассказе о жизни Петруся после его изгнания из дома Коржом); были устранены и отдельные мотивы (например, усиливающейся скупости Петра). Кроме того, во второй редакции повесть Гоголь отказался от многих церковных реалий (например, от описания церкви Трех святителей, в чем некоторые комментаторы усматривают усиление в творчестве Гоголя темы пустующего храма, сокращения церковного начала в жизни за счет увеличения начала демонического — см.: *Amberg, 1986, S. 37*). С другой стороны, первоначальное название повести «Бисаврюк», равно как и имя персонажа, этимологически еще связанное с бесом, было заменено на более нейтральное «Басаврюк». Гораздо тщательнее во второй редакции прописано психологическое состояние Петра: состояние безумия, потеря памяти и т. д. Во второй редакции появились также монологи Петра и Пидорки, ориентированные на образный строй народной поэзии и варьирующие отдельные поэтические формулы народных песен (см. с. 713, 727 *наст. изд.*). Изменилось также и жанровое определение повести: в журнальной редакции «дьячок Покровской церкви» (имя Фома Григорьевич также появилось лишь во второй редакции) соотносил свой рассказ со «сверхъестественным преданием», и в этой установке присутствовала значительная доля этнографизма и собирательства, неотделимых от предромантического тяготения к «народному» (см. с. 593–595, 626 *наст. изд.*). В тексте *ВД1* было сказано иначе: «рассказ про какое-нибудь старинное чудное дело», причем опущенное слово «предание» передавало более литературную, творческую установку Гоголя (*Манн, 1994, с. 234*).

В создании общего этнографического фона повести значительную роль сыграли материалы, полученные Гоголем от матери (см. просьбу Гоголя в письме к матери от 30 апреля 1829 г. сообщить ему «названия платья, носи-

мого <...> крестьянскими девками, до последней ленты», «обстоятельное описание свадьбы», «несколько слов <...> о Иване Купале» — см. подробнее с. 591 наст. изд.), часть которых Гоголь внес в «Книгу всякой всячины», а также использовал в сцене свадьбы Петруся и Пидорки (описание девичьей и женской одежды, описание ряжения в цыган).

Значительно более сложен вопрос о возможном воздействии на Гоголя отдельных мотивов повести О.М.Сомова «Русалка» (1829). В исследовательской литературе отмечался целый ряд мотивных совпадений между обеими повестями: 1) Сомов в специальном примечании поясняет малороссийское значение слова «католик» — у Гоголя отец Афанасий объявляет католиком всякого, кто спознается с Бисаврюком (Басаврюком); 2) соотносится и время действия обеих повестей: «Давным-давно, когда еще златоглавый наш Киев был во власти поляков...» (у Сомова); «еще за малолетство Богдана» у Гоголя (что явно противоречит предшествующим словам: «Лет более нежели за сто пред сим»); 3) обнаруживаются переключки в портретах героинь: примечание Гоголя к портрету Пидорки: «тогда еще не заплетали их (волосы. — *Ред.*) наши девушки в дрибушки, переплетенные красивыми яркими цветов синдячками», ср. у Сомова: «черные ее волосы, заплетенные в дрибушки, отливались, как вороново крыло под разноцветными скиндячками (так! — *Ред.*)»; 4) Наконец, переключаются сюжетные мотивы: у Сомова услужливые старушки после гибели дочери советуют матери идти к колдуну, у Гоголя Пидорка советовалась с «услужливыми старушками, ворочавшими языком столь же исправно как веретеном» (ср. также мотив «усердных старушек», дающих Пидорке советы после гибели Петруся); и у Гоголя, и у Сомова героиня, трагически соприкоснувшаяся с нечистой силой, отправляется в монастырь. Однако, поскольку «Русалка» появилась в печати в самом конце 1829 г., когда работа Гоголя над «Бисаврюком» была, по всей видимости, почти окончена (см. с. 600—601 наст. изд.), более правильным было бы предположить наличие общих фольклорных источников, которыми пользовались и Гоголь, и Сомов (*Кириллук Э.В. Фольклор в творчестве Ореста Сомова // Филологические науки. 1965. № 4. С. 42—49*).

Еще В.И.Шенрок обратил внимание на то, что Петрусь и Пидорка говорят у Гоголя словами украинских песен (*Шенрок, т. 1, с. 167*). Однако непосредственных источников песен обнаружить не удалось, и скорее прав был Н.И.Коробка, утверждавший, что Гоголь заимствовал не конкретный текст песен, но образную систему народного причитания (*Кор., т. 1, с. 370*). Ср. жалобы Пидорки («...только не будет музыки на нашей свадьбе; будут дьяки петь вместо кобз и сопилок...») и аналогичный мотив свадьбы-смерти в народных песнях: «В головоньках ворон кряче, / А в ноженьках коник плаче...» (*Максимович, 1827, с. 8*; ср. также: *Головацкий, 1878, ч. 1, с. 98—101, 105—106; Доленга-Ходаковский, 1974, с. 478, 496, 497; Еремина, 1976, с. 286*). Вместе с тем, второе вступление к повести («Дед мой (царство ему небесное...)») выдержано в стиле народного рассказа; ср.,

например, «Музыка-Охрим»: «Бувало пакойни Охрем як стане расказувать, — Царство йому небесне, — дак волос дибом становищя...» (Рудченко, 1869, вып. I, с. 74).

К фольклорным мотивам, использованным Гоголем в «Вечере накануне Ивана Купала», относятся: народные представления, связанные с Ивановым днем и широко отразившиеся в быличках (см.: Зеленин, 1991, с. 396; см. также с. 722 наст. изд.); нахождение и срывание цветка папоротника (Сokolova, 1979, с. 229); овладение кладом через пролитие крови и продажу души черту (ср.: Иванов, 1890, с. 11, 40–41; Максимов, 1903, с. 167); пугание «адской сволочью» (бесами) человека, получившего власть над кладом (ср.: Иванов, 1890, с. 10–11, 39–40; Максимов, 1903, с. 168; см. также: Славянские древности, т. 2, с. 501–502 — статья «Клад»), мотив потери памяти, связанный с добыванием клада (ср.: Афанасьев, 1868, т. 2, с. 383–384); мотив призрачности богатства, доставшегося от нечистого (ср.: Рудченко, 1869, вып. I, с. 74–75; Драгоманов, 1876, с. 52–53). Диковинные события, изложенные в конце повести (ожившая на блюде баранья голова; чарка, кланяющаяся в пояс; танцующая диджа), восходят к быличкам о страхах (см.: Гнатюк, 1904, с. 18–195; см. также: СУС, №№ 1875–1999).

Вместе с тем, сведения о кладах, цветке папоротника и Ивановом дне могли быть у Гоголя литературного происхождения. По предположению Г.С.Виноградова (Ак., т. I, с. 524), Гоголь почерпнул их из какого-либо «чародейского травника» (жанр этот был широко распространен еще на рубеже XVIII и XIX вв.). В пользу данной версии говорит совпадение записи Гоголя о папоротнике и кладоискательстве в «Книге всякой всячины» (раздел «Малороссия. Отдельные замечания. Малороссийские» предания, обычаи, обряды») с соответствующим разделом книги И.Сахарова «Сказания русского народа» (1836), содержащим ссылку на «некий чародейский травник» (правда, здесь надо иметь в виду, что Сахаров в своих «Сказаниях» достаточно широко использовал также и литературный материал и потому мог сам почерпнуть некоторые подробности у Гоголя). Еще одним литературным источником для Гоголя мог послужить сборник М.А.Максимовича (Максимович, 1827, с. 219–220), откуда Гоголь выписал в «Книгу всякой всячины» этнографическое примечание о папоротнике (см. с. 609 наст. изд.), процитированное им с незначительными изменениями в журнальной редакции повести. Кроме того, малороссийские предания о кладах и цветке папоротника параллельно были обработаны О.М.Сомовым в «Сказках о кладах» (Нев. альм. на 1830 год. СПб., 1830) и могли быть знакомы Гоголю в момент переработки «Бисаврюка» (см. с. 595, 629 наст. изд.).

Уже Н.И.Надеждин в рецензии на первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки» обратил внимание на сюжетное сходство «Вечера накануне Ивана Купала» с повестью Л.Тика (1773–1853) «Чары любви» («Liebeszauber», 1812), указав, что «это может подать повод к любопытным соображениям» (Телескоп. 1831. № 20. С. 563; то же: Надеждин, 1972, с. 282; перевод повести, сделанный А.А.Шишковым, был опублико-

ван в журнале *Галатея*. 1830. № 10. С. 157—185; № 11. С. 217—240). Подробное сопоставление повестей было сделано Н.С.Тихонравовым (*Тих.*, т. 1, с. 526) и затем Н.И.Коробкой (*Кор.*, т. 1, с. 368—370), отметившими целый ряд общих мотивов у Гоголя и Тика: убийство невинного ребенка, появление страшной ведьмы, красный свет, полная потеря памяти и, наконец, новое появление ведьмы, заставляющее героя вспомнить о совершившихся событиях (см. также: *Stender-Petersen*, 1922, S. 628—653; *Данилевский*, 1975, с. 68—113). При этом Тихонравов считал, что сходство первого, журнального варианта повести Гоголя с «Чарами любви» (обе повести появились почти одновременно, цензурное разрешение мартовской книжки «Отечественных записок» относится к 4 марта 1830 г., 10-го номера «Галатеи» — к 6 марта, 11-ого номера «Галатеи» — к 12 марта 1830 г.) было случайным и объяснялось общим для обоих произведений источником — народными суевериями. В дальнейшем, ознакомившись с повестью Тика, Гоголь, как считает Тихонравов, был поражен сходством некоторых ее частностей с «Бисаврюком» и, увлеченный «Чарами любви», решился переработать свой рассказ, воспользовавшись отдельными мотивами Тика. Почти все изменения, внесенные в повесть по сравнению с ее журнальным вариантом, были обусловлены, по мнению исследователя, «Чарами любви»: описание душевного состояния Петруся после событий страшной ночи и тщетная попытка «припомнить что-то» почти дословно напоминают состояние Эмилия после виденной им сцены убийства малютки; новая развязка «Вечера», когда к Петрусю, увидавшему старуху, возвращается память и он бросает в старуху топор, появляется также под влиянием Тика (Эмилий в «Чарах любви» видит красное, отвратительное платье старухи, воспоминания просыпаются в нем, он бросается на жену с кинжалом и убивает ее). Наконец, появляющийся в сцене убийства Ивася в новой редакции повести «красный свет», преследующий Петра («Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали»), также восходит к «багровому свету», который «как бы облил кровью всю окрестность» в последней сцене «Чар любви» (*Тих.*, т. 1, с. 526).

Н.И.Коробка, напротив, считал, что уже первая редакция повести настолько напоминала повесть Тика, что объяснить это сходство влиянием народной легенды было бы невозможно. Гоголь мог познакомиться с «Чарами любви» в оригинале еще в Нежине, до появления их в русском переводе, поскольку знал немецкий язык «достаточно, чтобы прочесть повесть Тика в подлиннике» (*Кор.*, т. 1, с. 526; см. также: *Кирпичников А. Сомнения и противоречия в биографии Гоголя (комментарий к биографической канве) // Известия ОРЯС. 1900. Т. V. Кн. 2. С. 598—601*). Прочтя ее в Нежине, он либо частично забыл ее, либо не понял отдельных деталей, которые освежил в его памяти опубликованный в «Галатее» перевод. Именно этими деталями Гоголь и воспользовался при дальнейшей переработке повести, что в еще большей степени усилило сходство «Вечера накануне Ивана Купала» и «Чар любви».

В.В. Гиппиус указал (*Гиппиус, 1924, с. 32*) на более ранний перевод повести Тика на русский язык (выполненный В.К. Тило и, по всей вероятности, известный Гоголю), который был опубликован в журнале «Славянин» (1827. № 35. С. 331–350; № 36. С. 370–388) под названием «Колдовство. Повесть соч. Тика». На последнее обстоятельство обратил внимание Г.С. Виноградов в комментарии к I тому академического издания Гоголя (*Ак., т. I, с. 527–528*), утверждая, что совпадения отдельных мотивов в обеих повестях было не результатом заимствования, но типологического сходства, которое не затрагивало глубинную поэтическую систему обоих авторов (при сходстве мотивировок пролития младенческой крови изображенные обстоятельство, при которых совершается убийство, совершенно различны). По мнению Р.Ю. Данилевского, «заимствования, если они и были, могли происходить только на основе знакомых Гоголю по украинскому и русскому фольклору сюжетов, пришедших в свою очередь к Тику из немецкой народной сказки» (*Данилевский, 1975, с. 94*).

Собственно влияние немецкой романтической новеллы на Гоголя сказалось в описании подземных сокровищ и дьявольского золота, которое завораживает кладонскателя и доводит его до безумия. Ср. повесть Тика «Руненберг» («*Der Runenberg, 1802* — русский перевод опубликован в журнале: *Галатей, 1830. № 8. С. 49–68; № 9. С. 97–118*), которая, по предположению М. Вайскопфа, могла быть еще одним неучтенным источником «Вечера накануне Ивана Купала» (*Вайскопф, 1993, с. 48–49*).

Основной мотив повести — «предание себя Петрусем во власть сатаны за золото, и убийство, совершенное им» — уже современная Гоголю критика возводила к более широкому спектру традиций предромантической и романтической литературы, называя в качестве источников и параллелей первую часть «Фауста» Гете (1808), а также «Старинную повесть в двух балладах» В.А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1810–1817 — см.: *Царынный, 1832, с. 228*; о сюжетных и смысловых перекличках «Вечера накануне Ивана Купала» с отдельными сценами из «Фауста» см. также: *Setschkareff, 1953, S. 78*).

Можно отметить и другие возможные литературные параллели к повести. Само ее название имело достаточно широкое распространение в литературе начала XIX в. (так, первая оригинальная баллада В. Скотта носила название «Иванов вечер» — «*The eve of St. John, 1800*; переведена на русский язык В.А. Жуковским под названием «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», 1824; вместе с тем, как считал В.В. Гиппиус, название гоголевской повести могло соотноситься с переводным рассказом «Вечер накануне Нового года, или Предвещание, повесть первая» («с английского Тм.») — опубликован: *Славянин. 1828. № 1. Отд. 2. С. 23–29; № 2. С. 62–70* — см.: *Гиппиус, 1924, с. 224*). Мотив нечистой силы денег был широко распространен в литературе романтизма, в частности, стал центральной темой повести Антония Погорельского «Лафертовская маковница» (1825) и ряда более поздних новелл В.Ф. Одоевского (ср., напр., сборник «Пестрые сказ-

ки», 1833). Мотив продажи души черту мог быть подсказан Гоголю не только трагедией Гете «Фауст» и балладами Жуковского (см., например, «Балладу, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», написано в 1814, опубликовано в 1831 г.), но скорее хорошо известной Гоголю балладой его соотечественника П. Гулака-Артемовского «Пан Твардовский», 1827 (см. также с. 592, 629, 708, 771 наст. изд.), в свою очередь восходящей к духовному стиху «Псалма св. Василию» и апокрифам о жизни св. Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийской, имевшим хождение также и на Украине (см.: Горленко В. Кобзарі и лірники // КС. 1884. Т. X. С. 649). Образы Коржа и, в особенности, поляка, ухаживающего за Пидоркой, вписываются в традиции украинской интермедии и вертепной драмы.

Исторический фон «Вечера накануне Ивана Купала» достаточно условен. Правда, в журнальной редакции время действия повести было обозначено еще достаточно конкретно, но вместе с тем содержало анахронизм. Отнесенность действия к эпохе Богдана Хмельницкого (ок. 1595—1657) (ср.: «Лет более нежели за сто пред сим, еще за малолетство Богдана») не соответствовало формуле «лет нежели более за сто перед сим», а также ссылкам на воспоминания тетки деда Фомы Григорьевича. При переработке повести Гоголь снял анахронизм, оставив общую формулу «лет, куды! более за сто» — характерную для народного предания (см.: Гунниус, 1924, с. 227). В результате в повести осталась глухая ссылка на Украину второй половины XVII — начала XVIII в., причем общая характеристика исторического фона повести в целом соответствовала изложению Д.Н. Бантыша-Каменского в «Истории Малой России», приводившего примеры многочисленных столкновений между Малороссией, Польшей и Литвой, в том числе еще до принятия Унии на Украине (Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 151—169, 197—227; см. также: Казарин, 1986, с. 43—44).

* * *

В целом, сюжет «Вечера накануне Ивана Купала» строился по канону народной былички о человеке, продавшем душу черту, с некоторой примесью элементов волшебной сказки (любовь героя к хозяйской дочери, препятствие к браку, устранение препятствия, свадебное пиршество). Однако финал повести был выдержан вовсе не в сказочном ключе: Петрусь в финале вел себя уже не как сказочный герой, а Басаврюк оказывался близок по трактовке скорее легенде, апокрифу, а также романтическому повествованию (образ Басаврюка, вообще говоря, не имеет прямых аналогий в народной демонологии: его статус у Гоголя не ясен, он то ли черт, обернувшийся человеком, то ли ходячий покойник, упырь; для народной традиции, где колдун, черт, упырь и т. д. обладают каждый своими отчетливо выраженными признаками, такая расплывчатость не характерна). С другой сто-

роны, в комедийно-бытовом ключе выдержаны вступление к повести и ее завершение.

С такой откровенной разноплановостью повествования связан был, по всей видимости, крайне разноречивый характер оценки «Вечера накануне Ивана Купала» в критических отзывах. Повесть либо безоговорочно хвалили, выделяя ее из всех остальных повестей цикла, либо так же безоговорочно ругали. Первым о журнальной редакции повести сочувственно высказался О.М.Сомов в «Обзрении российской словесности за вторую половину 1829 и за первую 1830 года», частично раскрыв авторство Гоголя: «...мы с удовольствием отдадим справедливость помещенной в “Отечественных записках” малороссийской повести: Бисаврюк, сочиненной одним молодым литератором, Г-м Г.Я... — в ней черты народные и поверия Малороссиян выведены верно и занимательно» (*СЦв. на 1831 год. СПб., 1830. С. 17*). «Слог ровный, нет ничего высокопарного. <...> Повесть <...> вообще прекрасна», — писал А.П.Стороженко, в целом отрицательно отозвавшийся о первой книге «Вечеров» (*Царынный, 1832, с. 226 — см. также с. 638—639 наст. изд.*). Высоко оценил повесть Н.И.Надеждин (*см. с. 637 наст. изд.*). С другой стороны, В.Г.Белинский в «Объяснении на объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (1842) назвал повесть «каким-то уродливым произведением», «за исключением нескольких превосходных частностей, касающихся до проникнутого юмором изображения действительности» (*ОЗ. 1842. № 11 — см.: Белинский, т. VI, с. 426 — см. также с. 644 наст. изд.*). С мнением Белинского перекликается и более поздний отзыв П.А.Кулиша, считавшего, что Гоголь «не понимает народа в повседневности», а потому считает необходимым набелить, нарумянить его, вложить в уста «перифразированную песню на великорусском языке». «Вечер накануне Ивана Купала» «мы относим к бесполезным произведениям фантазии, без которых общество может обойтись точно так же, как без мыльных пузырей» (*Кулиш/Основа, 1861, № 9, с. 64, 67 — см. также с. 648—649 наст. изд.*). Как стилистически разнородную воспринял повесть и В.В.Гиппиус, назвав ее «наименее стройной по замыслу и стилю»: «Центральная же в сюжете тема — страшная история о гибели Петруся, ценой преступления получившего нечистое богатство, — выпадает из сказа, несмотря на все старания Гоголя (особенно в новой редакции) приблизить ее к народной сказке» (*Гиппиус, 1966, с. 64*).

Начиная с 1980-х гг. в русском и западном литературоведении и литературной критике доминирующей оказалась иная тенденция в интерпретации повести. Теперь уже особое внимание обращалось на способ повествования в «Вечере накануне Ивана Купала», отражающий множественность точек зрения на описываемые события. Обилие рассказчиков, каждый из которых передает рассказ другого (Рудый Панько издает рассказ Фомы Григорьевича, который, в свою очередь, пересказывает рассказ своего деда, в основе которого лежат свидетельства «родной тетки» деда), может быть рассмотрено как отражение процесса возникновения народной легенды,

предпосылки которой еще не стерлись из людской памяти: легенда уже существует, но события, которые ее породили, еще живы в памяти жителей села (см.: Pease, 1981, p. 14; см. также: Дмитриева, 1992, с. 23).

Опираясь на теорию пандетерминизма Ц.Тодорова, согласно которой фантастическое есть прежде всего способ прочтения необыкновенных, странных явлений (Todorov Ts. *The Fantastic. A Structural Approach to a Literary Genre*. NY, 1975; см. также: Тодоров Цветан. *Введение в фантастическую литературу*. М., 1997. С. 24–51), К.Кульяну-Жеоржеску доказывает, что фантастический план «Вечера накануне Ивана Купала» не исключает реалистического истолкования истории. Казаки объясняют трагедию Пидорки и Петруся тем, что Петро достал деньги у пользующегося дурной репутацией Басаврюка — в легенде это превращается в союз Петра с нечистым. Сгоревшая в пожаре хата, событие абсолютно реальное в деревенском быту, также становится в легенде прямым следствием союза человека с дьяволом. При таком осмыслении фантастическое оказывается скорее порождением человеческого сознания, чем эмпирической действительности, что однако не уменьшает, а скорее даже увеличивает зловещую роль фантастики в повести (см.: *Culianu-Georgescu, 1984, p. 388–391*).

Собственно, на возможность своего рода «реальной» интерпретации фантастического в «Вечере накануне Ивана Купала» еще прежде указывал Андрей Белый, исходя из представления о родовой идеологии, отразившейся в «Вечерах» (см. с. 662 наст. изд.). «Кумовство с инородцами — измена роду; безроден Петрусь <...>: “никто не помнил ни отца его, ни матери”; они померли от чумы; знаем, какая “чума”; отец его “переодевался внуком” <...>, оттого и нацелился на него Басаврюк; когда с родом ладно, обыгрывают “нечистых” (“Пропавшая грамота”), или седлают их, как покорных скотов (“Ночь перед Рождеством”))» (Белый, 1934, с. 51). При этом Белый увидел в «Вечере накануне Ивана Купала» глубоко трагическое произведение, предвещающее трагические прозрения как самого Гоголя, так и последующей русской литературы. Мотив Петруся, зарезавшего младенца Ивася, предвещает сюжет «Страшной мести»: убийство Ивана Петром (Белый, 1934, с. 69; о теме «преступления и наказания», объединяющего обе повести, см.: *Erlich, 1969, p. 35*). Мотив Басаврюка, «залезшего в душу Петруся», Белый видит в «Портрете», где в Чарткова «влезает Петромихали»: «подобно тому, как Петрусь “грызет и кусает <...> руки”, сляясь припомнить что-то, Чарткову “начали чудиться давно забытые <...> глаза” ростовщика; и на талантливую картину “кидался, рвал, разрывал ее»» (Белый, 1934, с. 68). В «Мертвых душах» «позднее является “прохожий молодец” — Басаврюк, как отец-благодетель; он учит уму-разуму: в науке наживы; и то — Костанжоголо» (там же, с. 52). «Влезакующий» в душу Басаврюк, считает Белый, стал впоследствии центральной темой Ф.М.Достоевского: «Гоголь, как слепой, ощупывает пальцами поверхность тайны в Петрусе, который все что-то хотел “припомнить”; тщетное припоминание это Достоевский превращает в трезвый

взгляд. <...> Басаврюк, влезавший в Петруся, влез в Ивана Карамазова чертом от Смердякова» (*там же*, с. 289).

Различные точки зрения высказывались и на финал повести. Согласно одной версии, «Вечер накануне Ивана Купала» может быть рассмотрен как первая повесть Гоголя, где зло окончательно торжествует. «Что от того, что Пидорка ушла в монастырь, что священник окропил все дома в деревне святой водой — черт и по сей день ходит по деревне, которая внешне выглядит так спокойно» (см.: *Setchkareff, 1953, S. 78–79*). Этой точке зрения противостоит размышление Л.Кента, считавшего, что в финале повести все же одерживается победа над силами зла, но существенно, что она отнесена к прошедшему времени, а не к настоящему (*Kent, 1969, p. 58*; о возможном истолковании повести как масонской, контаминирующей темы Ирода, детоубийства, усекновения головы Иоанна Предтечи и воспоминания об утраченном свете см.: *Вайскопф М. Гоголь как масонский писатель // Гоголевский сборник. Под ред. С.А.Гончарова. СПб., 1993. С. 123–136*; см. также: *Гончаров, 1993, с. 35*).

* * *

Сюжет повести «Вечер накануне Ивана Купала» отразился в рассказе А.Стороженко «В папоротнике» и в очерке А.Тесленко «Ночь на Ивана Купала в с. Харьковцах» (см.: *Ганич О.Ф. Гоголевские традиции в творчестве А.Е.Тесленко // Тезисы докладов I Гоголевских чтений. Полтава, 1982. С. 70–71*).

Интересная реплика на гоголевское произведение обнаруживается у Н.Г.Чернышевского в «Повести в повести» (*Тетрадь пятая. Обидчивый пуританин. Материалы для биографии Н.В.Гоголя и объяснения его сочинений, с критикой одного из романов Жорж Занда», 1863–1864*), один из героев которой обижен на Гоголя, поскольку считает, что именно его Гоголь описал в образе Фомы Григорьевича, выставив «добродетель под видом насмешки» (*Чернышевский, т. 12, с. 351–390*; см. также: *Николаев М.П. Гоголевские образы в романе Н.Г.Чернышевского «Повести в повести» // Ученые записки. Вып. 8. Тульский педагогический институт. Тула, 1958. С. 151–168*).

* * *

Театральные, музыкальные и кинематографические интерпретации повести

— К 1858 г. относится замысел композиторами «могучей кучки» (М.А.Балакирев, А.С.Гуссаковский, Ц.А.Кюи, М.П.Мусоргский) оперы «Ночь на Иванов день» на сюжет «Вечера накануне Ивана Купала»; замысел осуществлен не был (см.: *Кюи Ц.А. Избранные статьи. Л., 1951. С. 425*; см. также: *Гозенпуд, 1952, с. 904*; *Тюменева, 1966, с. 99–100*); о замысле А.К.Лядова на сюжет «Вечера накануне Ивана купала» см.: *Лядов А.К. Сборник статей. Пгр., 1916. С. 171*.

— К 1894 г. относится неосуществленный замысел оперы Н.А.Римского-Корсакова «Ночь на Ивана Купала» (см.: Тюменева, 1966, с. 134).

— В 1936 г. намечалась постановка цирковой пантомимы «Вечер накануне Ивана Купала» в Ленинградском государственном цирке (см.: Данилов, Гог.иТ., 1936, с. 292).

На сюжет «Вечера накануне Ивана Купала» написаны:

— Водевиль С.С.Гулака-Артемевского «Ночь накануне Иванова дня»; премьера — 1852, мая 25, в Александринском театре, Санкт-Петербург (см.: Бернандт Г., Ямпольский Н. Гулак-Артемовский и его русские связи // Из истории русско-украинских музыкальных связей. М., 1956. С. 235).

— Симфоническая фантазия М.П.Мусоргского «Иванова ночь на Лысой горе»; композитор работал над ней около 20 лет, меняя замысел и названия: «Ведьмы», «Шабаш ведьм», «Явление Чернобога на горе Триглав», «Сонное видение парубка» (последнее введено в оперу «Сорочинская ярмарка» как симфоническая картина — см.: Ефремова И. Мусоргский и Украина // Из истории русско-украинских музыкальных связей. М., 1956. С. 167–171; Тюменева, 1966, с. 118; см. также с. 700 наст. изд.).

— Балет Н.А.Римского-Корсакова (обработка музыки М.П.Мусоргского — см. выше) «Ночь на Лысой горе (скоморошье-бесовское позорище)»; впервые поставлен: 1924, марта 16, в Театре оперы и балета, Ленинград; либретто и постановка Ф.В.Лопухова (см.: Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. Изд. 9. М., 1982. С. 192–193; Слонимский Ю. Советский балет. М., 1950. С. 362).

— Драматическая феерия в 5 действиях Н. фон Дингельштедта «Вечер накануне Ивана Купала», 1896.

— Опера М.П.Старицкого «Ніч на Ивана Купала» (см.: Русова С. Двадцятипятилетие малорусского театра // Русская мысль. 1906. № 12. С. 58).

— Симфоническая легенда Л.Грабовского «Вечер на Ивана Купала. По Гоголю», 1976 (см.: История украинской музыки. Сост. и ред. А.Я.Шреер-Ткаченко. М., 1981. С. 232).

— Увертюра Ю.К.Арнольда «Ночь на Ивана Купала».

Экранизация повести:

— «Вечер накануне Ивана Купала», к/ф, 1968; автор сценария и реж. Ю.К.Ильенко.

* * *

Первые переводы повести:

— на сербский язык — Вече у Ивана-Дана // Приповетке. Прев. Дж.Попович. Нови Сад, 1864;

— на украинский язык — в составе первого перевода книги: Вечери на хуторі близь Диканьки. Т. 1. Львів, 1864 — см. с. 676 наст. изд.; Вечір напередодні Івана Купала // Свобода. 1909. №№ 14–19;

— на словацкий язык — *Vecer pred sv. Jánom. Prel. Nezabudov // Sokol. 1869. Т. IX. № 1. S. 2–10;*

— на английский язык — *St. John's eve & other stories from «Evenings at the farm» and «St. Petersburg Stories».* Transl. by I.F.Hapgood. New York, 1886; позднее — в составе книги: *Evenings in Little Russia.* Transl. by E.W.Underwood & W.H.Cline. Evanston, 1903;

— на французский язык — в составе первого перевода книги: *Les Veillées de l'Ukraine.* Par E.Halpérine-Kaminsky. Paris, 1890; отдельно — *La veillée de la St. Jean.* Trad. par A.Landré et H.Wellé. Paris, 1945.

* * *

С. 99. *Вечер накануне Ивана Купала.* — Праздник Ивана Купалы, или День рождения Св. Иоанна Предтечи (в народе языческое божество Купала ассоциируется с Иоанном Крестителем) празднуется 24 июня (ст. стиля), в день летнего солнцестояния. В канун праздника («ночь накануне Ивана Купалы») совершаются так называемые купальские обряды, включающие в себя сбор трав, цветов, плетение венков и т. д., причем центральным актом купальского обряда является символическое уничтожение ведьмы (см.: *Славянская мифология, 1995, с. 201*). Сама фигура Купалы как конкретного божества (а не название праздника) появляется в письменных источниках не ранее XVII в. Ср.: «Тогожде *Купала* бога, или истиннее беса, и доселе по неким странам Российским еще память держится, наипаче в навечерии рождения святого Иоанна Крестителя, собравшися в вечеру юноши мужеска, девическа и женска полу, соплетают себе венцы от зелия некоего, и возлагают на главу и опоясуются ими...» (*<Иннокентий Гизель>. Синопис или Краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского народа, о первых киевских князях и о житии святого благоверного и великого князя Владимира. Киев, 1823. С. 34; 1-е изд. — 1673*). Считалось, что Купала заставляет приносить себе жертвы «силою бесовского омрачения». Церковь осуждала подобные проявления язычества; среди вопросов, задававшихся в XVII в. на исповеди, был и такой: «К Рождеству праздника Иоанна Предтечи бесчиния какова и плясания не творил ли? В лес по траву и по корение не ходил ли?» (*сообщено Е.Е. Левкиевской*).

С. 99. *...один из тех господ ~ накрадут всякой всячины...* — Возможная аллюзия на П.П.Свиньина (см. с. 600–601, 711, 712 наст. изд.), не лишенная и некоторой доли автобиографизма (ср. название первой записной книги Гоголя — «Книга всякой всячины»).

С. 99. *...панич в гороховом кафтане...* — Ср. в описаниях украинской одежды Д.Н.Бантыша-Каменского: «Чиновные особы носили кафтан длинный, польский суконный или шелковый» (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 217*). О гороховом цвете см.: *Кирсанова, 1995, с. 82–83*.

С. 99. *Що-то вже, як у кого ~ в голови! (укр.)* — Что ж тут скажешь, если у кого-то с головой не в порядке.

С. 99. *Бль, рассказанная дьячком ***ской церкви...* — Фигура дьячка в его амплу рассказчика страшной истории вполне естественна: как духовное лицо он находится постоянно на переднем плане битвы с нечистой силой; как человек при церкви он — рассказчик, поскольку знает обо всем, что происходит на селе.

С. 99. *Дед мой (царство ему небесное! ~ буханци пшеничные, да маковники в меду)...* — Фраза, стилизующая народную присказку, возможно, была подсказана Гоголю описанием райских полей в «Энеиде» Котляревского (ср.: «И ласощи все тилько ели, / Сластїоны, коржики, стовпцы, / Варенички пшеничны, белы, / С кавьяром пухлы буханцы» — *Котляревский, 1808, с. 138*; отмечено: *Гиппиус, 1948, с. 28*). Указанные стихи из «Энеиды» были вписаны Гоголем и в «Книгу всякой всячины» (см. с. 597–598 наст. изд.). *Буханець (укр.)* — круглый пшеничный или гречневый хлеб (см.: *Гринч./Слов., т. 1, с. 117*; см. также словарь предисловия к первой части «Вечеров»). *Маковник (маківник, укр.)* — лепешка из меда и мака (*Гринч./Слов., т. 2, с. 399*).

С. 100. *...москаля везть...* — Выражение было занесено Гоголем в «Книгу всякой всячины», раздел «Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссийские»: «Москаля везти (обманывать мать)». По-видимому, заимствовано из «Грамматики малороссийского наречия» А.Павловского (ср.: *Павловский, 1818, с. 81*). Ср. также в «Энеиде» Котляревского: «Пидпустят москаля як раз» (*Котляревский, 1808, с. 82*). Распространено как в украинском, так и русском обиходе (ср.: «підвозити москаля — лгать, надувать, обманывать» — *Гринч./Слов., т. 2, с. 447*; «москалить — мошенничать» — *Даль, т. II, с. 349*).

С. 100. *...молодецькие дела Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачного...* — *Иван Подкова (Серпяга)* — казачий предводитель, в 1577 г. завладел молдавским престолом, а в 1578 г. был казнен Стефаном Баторием. Имя Подковы после казни стало окружено легендами; согласно одной из них, дух его витал над Карпатами (см.: *Романець О. Шевченків «Іван Підкова» у літературній традиції (На матеріалі українського і румунського письменства) // Збірник праць XV наукової Шевченківської конференції. Львів, 1968. С. 223–235*; сам Гоголь включил песни о Подкове в тетрадь украинских народных песен; см. также с. 803–804 наст. изд.). *Петр Сагайдачный (Конашевич)* — украинский гетман в 1618–1622 гг.; возглавлял походы запорожских казаков против турок. Среди его побед — взятие Варны в 1605 г., Кафы в 1616 г. Принимал также участие в походе польского королевича Владислава на Москву в 1618 г. Выступал как противник униатства: при Сагайдачном православная церковь на Украине была восстановлена в своих правах (см.: *Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 182–190*; *Максимович М. Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Киевлянин. 1850. Кн. 3. С. 151–153*; см. также с. 803, 820, 821, 825, 826 наст. изд.). *Карп Полтора-Кожуха* — украинский гетман в 1638–1642 гг.

С. 100. ...читающих даже гражданскую грамоту ~ простой часослов... — Имеются в виду книги, напечатанные гражданским шрифтом русского алфавита, введенном при Петре I. Им противостоит *Часослов* — богослужебная книга, предназначенная для чтецов и певчих, напечатанная шрифтом церковной кириллицы (азбуки, употреблявшейся в церковно-славянском языке). По так называемому малому часослову, издававшемуся с учебной целью, в старину обучали грамоте.

С. 100. ...провозить попа в решете было легче... — В «Книге всякой всячины» (раздел «Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссийские») Гоголь записал две поговорки: «попа возить» в значении «исповедываться» и «попа возить у решети», то есть «лгать на исповеди», по-видимому, заимствовав выражения из «Грамматики малороссийского наречия» А.Павловского (ср.: *Павловский, 1818, с. 83*). Андрий Царынный отметил неточность употребления Гоголем данного выражения. Ср.: «У нас страшат пред исповедью <...> детей тем, что за грехи поп наложит покуту (эпитимию) возить себя в решете вокруг церкви...» (*Царынный, 1832, с. 227*). Украинские источники дают оба значения этого выражения: 1) Повозив попа в решети — потаївся на сповіді (*Намис М. Українські присказки, прислів'я і таке инше. СПб., 1864. № 138*); 2) В пост обманывают детей, что впервые говеют: «Как пойдешь исповедоваться к попу, повозишь ты его в решете. А его вокруг церкви нужно обвезти». — «Эге, он тяжелый!» — «Та уже хоть и тяжелый, а его нужно возить» (*Дикарев М. Народный календар Валуйского повіту (Борисівської волости) у Вороліччині // Матеріяли до українсько-руської етнології. Т. 6. Львів, 1905. С. 164 — сообщено А.Топорковым*).

С. 100. ...нашего села и не узнал бы никто ~ не обмазанных, не укрытых... — До XVIII в. на Украине избы (мазанки) делались довольно примитивно. Стены хаты представляли собой плетень, который состоял из хвороста или тростника (очерета). Его облепливали землей, смешанной с глиной, иногда (но, как видно из гоголевского текста, не всегда) смазывали «на гладко» глиною (отсюда название мазанок — см.: *Забылин, 1989, с. 461*).

С. 101. ...вырытая в земле яма — вот вам и хата! — Жилищем для украинских казаков и запорожцев часто служили землянки (курени). Они представляли из себя ямы, вырытые в земле, в которых помещалось от 5 до 10 человек. Кровля состояла из земляной насыпи поверх соломы или очерета. Курени занимали пространство многолюдного города и отличались от него только невидимыми жителями (см.: *Забылин, 1989, с. 461*).

С. 101. ...козаковал почти всякой... — *Козакувати* (укр.) — «быть козаком» (см.: *Гринч./Слов., т. 2, с. 264*), то есть вести козацкую жизнь, привольную, неоседлую, для которой не нужно постоянного жилища. Ср.: «И ныне на малороссийском наречии козаковать значит не иметь постоянного занятия и жилища» (*Цертелев, 1819, с. 24*).

С. 101. ...Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи, литвинство! ~ обдирают своих же. — *Крымцы* — крымские тур-

ки и татары. Ляхи — поляки. Литвинство (устар.), литвины — так называли и литовцев и белорусов, которых долгое время не различали как отдельные этносы (ср.: *Гринч./Слов., т. 2, с. 363*); так, еще Я.Маркович называл литвинами «северных», «лесных» малороссиян, в отличие от малороссиян степных (*Маркович, 1798, с. 65*). Данная фраза представляет собой еще и скрытую полемику с И.Кулжинским, иделически освещавшим прошлое Украины в «Малороссийской деревне» (см. с. 598, 627 наст. изд.). Ср.: «Почему я живу не в то благословенное время, когда еще в Малороссии зло и пороки были известны по отдаленному слуху <...> Тогда и соседы не знали еще пагубного искусства враждовать между собою» (*Кулжинский, 1827, с. VI—VII*). На самом деле, уже Бантыш-Каменский описывал междуусобные войны, имевшие место среди казаков (см.: *Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 151—169, 197—227*). Вместе с тем, в осмыслении исторического быта Украины определенное влияние на Гоголя мог оказать и А.А.Бестужев-Марлинский. Ср. в «Замке Эйзен» (1826): «Врагов тогда было не искать стать; выезжай только за ворота, соседей много, а причин задрать их в ссору еще более... Таково было чужим — каково же своим-то было» (*Нев. альм. СПб., 1827; отмечено: Вайскопф, 1993, с. 49—50*).

С. 101. ...дьявол в человеческом образе. ~ Гуляет, пьянствует... — В народной культуре пьянство, гульба связаны с образом черта (см.: *Толстая С.М. Нечистая сила // Мифологический словарь. М., 1992, с. 396*). Ср., напр., в «Сорочинской ярмарке» мотив черта, пропившего свою свитку. Об антропоморфном облике черта см.: *Толстой Н.И. Каков облик дьявольский? // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 250—269; см. также: Зеленин, 1991, с. 423*.

С. 101. ...приятель из болота... — То есть черт, обычные места обитания которого — болото, чащобы (ср. в журнальной редакции описание лесного жилища Бисаврюка).

С. 101. ...святого Пантелея. — Святой Пантелеймон (Пантолеон), великомученик, казнен императором Максимилианом в 305 г. Его день отмечается 27 июля (по новому стилю — 9 августа). Мотив св. Пантелеймона, именем которого названа хуторская церковь (в журнальной редакции говорилось о церкви Трех Святителей), у Гоголя связан с темой потери памяти Петрусем: к великомученику Пантелеймону, почитавшемуся у восточных славян целителем болезней, обращались при лечении «неможных и неспящих» (ср.: *Павловский, 1818, с. 92, примеч. 1; см. также с. 675, 679—680, 764 наст. изд.*).

С. 101. ...паноче (укр.) — отец, батюшка.

С. 101. ...горячею кутею! — Кутья (кутя) — обрядовая еда: вареное зерно (пшеница, горох, рис), которое подается с медом в ночь на Рождество, Новый год и Крещение, а также по совершении панихиды (см.: *Артюх, 1977, с. 105*). Зерно и мед кутьи имеют аллегорическое значение: зерно — смерть и воскрешение (ср.: *Иоанн, 12:24*), мед — будущее блаженство (ср. с. 723 наст. изд.).

С. 102. ...считать за католика, врага Христовой церкви.... — После Брестской унии 1596 г., когда православная церковь на Украине была передана под власть папы, началась религиозная борьба казачества с поляками за восстановление православной иерархии. Понятие «католик» с этого времени стало на Украине символом нечестия. Ср. примечание О.М.Сомова к «Русалке»: «Когда Малороссия находилась под властью поляков, тогда взаимная недоверчивость поляков и малороссиян, особливо в простом народе, была в самой сильной степени. <...> Католик — было у малороссиян бранчивое слово, сделавшееся народным. И теперь еще употребляется оно в том же смысле необразованными простолюдинами в Малороссии» (*Подснежник на 1829. СПб., 1829* — см.: Сомов, 1991, с. 123).

С. 102. ...прозвищем Коржа... — Корж (укр.) — сухая лепешка (см. также запись Гоголя в «Книгу всякой всячины», раздел «Лексикон малороссийский»). Об использовании Гоголем различных названий хлеба в качестве имен собственных см.: Лесюв, 1984.

С. 102. ...звали Петром Безродным... — Мотив человека, не имеющего ни рода, ни племени, которого все зовут Безродным и который ради обретения возлюбленной заключает сделку с чертом, является довольно распространенным в украинских преданиях (см. украинскую думу «Смерть Федора Безродного» — Цертелев, 1819, с. 48; ср. также балладу «Ружье-совсем» — ОЗ. 1840. Т. 2. С. 45; см. также с. 674 наст. изд.).

С. 102. ...отец его и теперь на Запорожье... — Название Запорожья произошло от находившихся на Днепре порогов в низовьях реки Днепра, куда в XVI в. перешли жить украинские казаки для защиты своих земель от турок и татар. В 1654 г. Запорожье вместе с остальной частью Малороссии вошло в состав Российского государства. Однако в 1708 г. часть запорожцев вместе с гетманом Мазепой воевала против России, а затем и вовсе перешла на сторону Крымского хана. Поэтому в начале XVIII в. (условное время действия повести — см. с. 717 наст. изд.) запорожцы в России считались врагами, а всякого пойманного на границе запорожца вешали (примирение произошло в 1733 г., когда казаки отказались выступить в защиту поляков против русских и была объявлена Всевысочайшая императорская милость, а запорожцы дали присягу «отдать себя в вечную службу как верных подданных Российского государства» (*Грамота Государыни Императрицы Анны Иоанновны Кошевому Атаману и войску Запорожскому* — опубл.: Бантыш-Каменский, 1822, ч. 4, с. 277–278; см. также: там же, ч. 3, с. 121–122; ч. 4, с. 12–13, 99).

С. 102. ...не заплетали их в дрибушки, перевивая ~ синдячками... — см. словарь предисловия к первой части «Вечеров». В «Книге всякой всячины» (раздел «Одеяния малороссиян») Гоголь дает более подробное объяснение: «Дрибушки — мелкие косы, их заплетают по нескольку и обвивают вокруг головы» (ср.: Гринч./Слов., т. 1, с. 444). «Синдячки, разноцветные ленты, коими повязывается голова, концы их распускаются по плечам» (у Гринченко — скиндячки; ср.: Гринч./Слов., т. 4, с. 134).

С. 102. ...*кунтуш*. — Верхняя женская и мужская одежда польского происхождения со шнурами, нашивками, пуговицами до пояса и откидными рукавами. Кунтуши шились обычно из богатых материй (см. также *словарик предисловия к первой части «Вечеров»*).

С. 102. ...*раздбаривала*... — беседовала, болтала.

С. 102. ...*Пидорка*... — Пидоря, Федора (см. «Книгу всякой всячины», раздел «Имена, даемые при крещении»).

С. 103. ...удар макогона об стену ~ за неимением фузеи и пороха. — Макогон — см. с. 749 наст. изд. Фузея — кремневое ружье. Здесь имеется в виду деталь славянского рождественского обряда, широко распространенного и на Украине: на ужин ритуально приглашали мороз, природные стихии, души предков, а потом их выпроваживали выстрелами из ружья или стуком в ворота (или стену) макогоном (см.: *Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин. Формула и обряд // Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г.Л.Пермякова. М., 1995. С. 166–197*).

С. 103. ...будут дьяки петь, вместо кобз и сопилек. — Кобза (тюркск.) — 6-струнный музыкальный инструмент. Кобзу вешали на шею и ходили с нею из деревни в деревню. Сопілка (укр.) — род дудочки с отверстиями (см. также *словарик предисловия к первой части «Вечеров»*). В основе «плача» Пидорки лежит традиционная метафора свадьба-смерть, проявляющаяся не только в народной поэзии, но и в самом похоронном обряде (когда хоронили девушку или парня, умерших до брака, их наряжали в свадебные одежды, а сопровождавшие гроб девушки и парни считались друзьями и другими участниками свадебного обряда; ср. использование метафоры свадьба-смерть в финале «Сорочинской ярмарки»).

С. 104. *Одну только эту ночь ~ цветет папоротник*. — Хотя папоротник принадлежит к тайнобрачным растениям, не имеющим цвета, у восточных славян существует поверье, что накануне Иванова дня, в ночь, один раз в году, папоротник (кочедыжник) цветет серебристым цветком, напоминающим собой огонек. Если только его сорвать и бежать домой не оглядываясь, не обращая внимание на преследование чертей, ведьм, леших, русалок и проч., этот цветок дает его обладателю возможность отрывать клады и получить богатство. Но тот, кто обернется, погибает задушенным или становится безумным. Вместе с тем, папоротник в украинской мифологии традиционно ассоциируется с забвением (см.: *Булашев, 1909, с. 350–353; Зеленин, 1991, с. 396*). Данное представление сюжетно обыграно Гоголем: сорвав папоротник, Петро теряет память.

С. 105. ...*цветок развернулся ~ словно пламя*... — Ср. в народных поверьях: «В глухую полночь показывается почка цветка, эта почка движется и прыгает, с каждым мгновением увеличивается, принимает цвет раскаленного угля, ровно в 12 часов с треском разворачивается и пламенным цветом все освещает вокруг...» (*Маркевич, 1860, с. 85*).

С. 105. ...*тянутся ~ сотни мохнатых рук также к цветку...* — Мохнатые лапы — традиционный признак нечистой силы, которая, согласно преданию, охраняет цветок папоротника и пугает всякого, кто пытается его сорвать.

С. 105. ...*черная собака ~ оборотившись в кошку...* — Обратничество — вообще характерная черта ведьмы в славянских поверьях. Существует также представление, что, натерев свое тело мазями из собранных на Ивана Купала трав, ведьмы получают особую способность превращаться в различных животных, в т. ч. в собаку и кошку (см.: Булашев, 1909, с. 414).

С. 106. ...*цветок не упал прямо ~ огненным шариком...* — Ср.: «Стоит подбросить цветок вверх, и если он будет носиться звездой над каким-нибудь местом, потом прямо на землю упадет, смело начинайте рыть, под тем местом клад» (Маркевич, 1860, с. 85).

С. 106. ...*не видать тебе золота, покаместь не достанешь крови человеческой!* — Согласно народным поверьям, клады бывают двух видов: зачатые и незачатые. Незачатым может воспользоваться каждый, кто его найдет; но зачатый может достаться лишь при выполнении определенных условий (иногда заклинают на родственников, которых добывший клад должен лишиться — ср. мотив гибели Ивася). Если рыть начинает не знающий зачатия, то чем глубже он роет, тем глубже клад уходит в землю (ср. использование того же мотива в «Заколдованном месте»).

С. 106. *Небо, раскалившись, дрожало...* — Возможная реминисценция из Второго Соборного Послания святого апостола Петра: «Ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают» (2 Петр, 3:12).

С. 107. ...*напекли шишек, нашили рушников и хусток ~ разрезали коровай...* — Шишки — испеченные в виде шишек небольшие булочки, имеющие фаллическую символику (см.: Артюх, 1977, с. 96; Артюх, 1982, с. 48; см. также словарь предисловия к первой части «Вечеров»). Рушники и хустки (см. с. 148, 708 наст. изд.) полагалось дарить в день свадьбы дружке и поддружму, родственникам жениха и невесты во время свадебного пира. Кроме того, на обеде, после бракосочетания, перед молодыми ставился на стол каравай (коровай — укр.), большой пышный хлеб круглой формы, украшенный растительным и решетчатым орнаментом, а также птичками из теста, покрытый крестообразно двумя рушниками. Каравай символизировал пожелания добра и счастья жениху и невесте, исторически восходя к обряду жертвоприношения богам. Перед концом обеда дружко по благословию старосты, прочитав «Отче наш», снимал с каравай рушники, затем, перевязавшись одним из них через плечо, разрезал его на части и рассылал куски всем присутствующим за столом. Каждый, получив кусок, должен был за него дать монету «на разживу новобрачных» (см.: Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885).

С. 107. ...*головном уборе из желтых, синих и розовых стричек ~ золотой галун...* — Ср. запись Тоголя в «Книге всякой всячины» (раздел

«Одеяния малор<оссиян>»): «Головной убор у девки стрічки, т. е. ленты, а гальонка золотая сверж стрічок». Гальонка, галон (укр.), галун (рус.) — парчовая лента, позумент (см.: Гринч./Слов., т. 1, с. 268–269), то есть золотая, серебряная или мишурная узорного ткачества тесьма, нашиваемая на одежду и головной убор. Стрічка (укр.) — лента, а также сам девичий головной убор в виде налобной повязки, украшенной стеклярусом или тесьмой (Гринч./Слов., т. 4, с. 218).

С. 107. ...скакали в горлице. — Горлица — украинский танец, танцует-ся кадрилию (см. словарь предисловия к первой части «Вечеров»).

С. 107. ...молодицы, с корабликом на голове ~ рожками, самого мелкого черного смушка... — Кораблик — женский украинский головной убор из парчи, бархата, с оторочкой из дорогого меха. Спереди и сзади эта оторочка переходила в торчащие кверху заостренные рога (см.: Зеленин, 1991, с. 265). См. также запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «Одеяния малор<оссиян>»).

С. 107. ...полутабенку... — Ср. запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «Одеяния малор<оссиян>»): «Из материй, в старину употреб<лявшихся> в Малороссии, мне известны: <...>Полутабеник (полутабеник) — волнистая, лоснящаяся, род граденапля, но плотнее» (см. также словарь предисловия к первой части «Вечеров»; ср.: Кирсанова, 1995, с. 178–179).

С. 107. ...выбивали гопака. — Гопак — украинский народный импровизационный танец, преимущественно мужской, но иногда и парный (см. также словарь предисловия к первой части «Вечеров»).

С. 107. ...подпускали турусы. — Турусы (прост.) — пустая болтовня, вздорное вранье, пустословие. Подпускать турусы — склонять к чему расказами, подлещать (см.: Даль, т. IV, с. 444).

С. 107. ...наряжаться в хари... — Здесь: маски, рожи, личины. Речь идет о так называемых ритуальных свадебных бесчинствах (см.: Славянские древности, т. 2, с. 582 — статья «Конец свадьбы»; см. также с. 748 наст. изд.).

С. 107. ...корчат цыганок да москалей. — Последний день свадебного обряда на Украине обычно представлял собой пародирование настоящей свадьбы: участники свадьбы рядились, чаще всего цыганами, и ходили по селу, выпрашивая по дворам сало, яйца и другую еду. Иногда во время шуточной свадьбы выбирали травестийную пару «молодых» — «бабу» и «деда» и устраивали над ними разные шутки. Ср. запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «О свадьбах малороссиян»): «Потом уже гуляют сколько угодно <...>, наряжаются в разные костюмы, а более — цыганами, которых они чаще всех видят, играют ихние роли, из чего выходит у них род комедии».

С. 107. ...один оденется жидом, а другой чертом... — Обычные на Украине персонажи ряжения. Вместе с тем в украинских народных легендах нередко встречается идентификация «жида» и «черта», причем жид предстает как существо, сотворенное чертом по своему образу и подобию, только еще «хитрее и умнее», чем сам черт (Булашев, 1909, с. 163).

С. 107. ...строить штуки... — Штука (укр.) — хитрость, уловка, проделка (ср.: *Гринч./Слов., т. 4, с. 515*).

С. 108. ...крапивянок... — Крапивянка — маленькая птичка, то же, что славка.

С. 109 ...киями гоняли по льду деревянные кубари... — Кий — палка, палица. Кубарь — детская игрушка в виде шара, волчок.

С. 109. ...щука хвостом лед расколотила... — На Украине существовало поверье, что весна начинается в марте, когда птичка овсянка запоет свою первую песню, и в тот же день щука пробивает лед хвостом (*Маркевич, 1860, с. 67; см. также примечание Гоголя к журнальной редакции повести, с. 276 наст. изд.*). Ср. у И.Г.Кулжинского рассказ о том, как старуха, «выглянув из окна на красное солнушко <...> предсказывает своим внукам тот день, в который алчная щука разобьет своим хвостом лед <...>, а это — надобно знать — есть первый шаг весны с неба на землю» (*Кулжинский, 1827, с. 14*). Ср. также в песне-веснянке: «Ах, ну-те, подружки, играть веселее! И щука на речке разбила уж лед» (*там же, с. 26*).

С. 109. ...грызет и кусает себе руки... — ср. аналогичный мотив в «Страшной мести» (*см. с. 796 наст. изд.*).

С. 110. ...куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. — На традиционное фольклорное представление о человеке, при жизни связанном с нечистой силой, после смерти которого остается лишь гряда пепла (ср. аналогичный мотив в «Киевских ведьмах» О. Сомова), накладывается у Гоголя метафорический образ «сгореть в пламени страсти». При этом тема «страсти», осмысленной как страшный результат «происков врага рода человеческого», ведущей к падению и разрушению человека (ср. развитие этой же темы в «Вие»), непосредственно соотносится также и с известным высказыванием Гоголя в письме А.С.Данилевскому от 20 декабря 1832 г.: «это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновенье» (*см. также: Erlich, 1969, S. 35*).

С. 110. ...битые черепки лежали вместо червонцев. — Клад, превратившийся в черепки, — устойчивый мотив рассказов о богатстве, добытом с того света. Битые черепки вместо червонцев фигурируют в рассказах о черте, известном под именем змей-любака (*см. с. 693 наст. изд.*). Полученные от такого змея драгоценности превращаются в черепки, мусор, конский навоз. Ср. появление этого мотива, но в комическом контексте, в повести «Заколдованное место».

С. 110. ...как говорится, беседовали по чинам за столом... — По традиции, восходящей к Домострою, гости и члены семьи рассаживались за трапезой согласно своему общественному положению (ср.: «Когда призовут тебя на пир, не садись на почетном месте, вдруг из числа приглашенных будет кто-то тебя почтеннее...» — *Домострой / Подг. текстов В.В.Рождественской и др. М., 1990. С. 129*). Ср. в Евангелии от Луки: «Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званных им почетнее тебя» (*Лука, 14:8*).

С. 111. ...гайвороны... — грачи.

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА Мн — черновой автограф «Майской ночи». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 12. Лл. 1—6. Автограф содержит два несшитых двойных листа (лл. 1—2 и 3—4) и два одинарных (лл. 5, 6), частично заполненных текстом; чернила. Разм. 34,9×22,0. Бумага (та же, что и в ЧА Ся, ЧА Пг, ЧН Хч) с филигранью: герб Гончарова на левой части двойного листа, литеры МФАГ (Медынская фабрика Афанасия Гончарова), лев, опирающийся на сферу, содержащую вензель АГ (Афанасий Гончаров) на правой части двойного листа, с белой датой «1829» на двойных листах (лл. 1—2 и 3—4), на одинарных листах — две последние цифры даты «<18>29». Описана: Клепиков, 1959, с. 54, № 383А; Uchastkina, 1962, plate 254, p. 601. Пагинация красным карандашом в правом верхнем углу (лл. 9—14), не совпадающая с архивной и общая с ЧА Ся и ЧН Хч, по догадке Г.П.Георгиевского, принадлежала П.А.Кулишу или лицу, которому впоследствии достались и автографы Гоголя и бумаги Кулиша (*Гоголевские тексты. Изданы Г.П.Георгиевским // Пам. Жук. и Гог., 1909, с. 55—59*); по более поздней версии — В.В.Думнову (*Описание РГБ 1, с. 11*). Листы рукописи в желтых пятнах. В правом углу л. 2 пятно от красных чернил. Карандашные надписи заглавий глав («Голова» — л. 3; «Неожиданный соперник. Заговор» — л. 3 об.; «Паробки гуляют» — л. 5) сделаны рукой неустановленного лица. На л. 1 об., в нижнем левом углу, мелкий рисунок с изображением солнца (звездочки <?>). Описание рукописи см. также: Тух., т. 1, с. 536—539; *Описание РГБ 1, с. 11*.

Впервые опубликовано: *Гоголевские тексты. Изданы Г.П.Георгиевским // Пам. Жук. и Гог., 1909, с. 60—83*. Предположительно датируется: не ранее 1830 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. Санктпетербург. В типограф. депар. народ. просвещения. 1831 (цензурное разрешение — 26 мая 1831 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть первая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В.Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безсомыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1*. Печатается по тексту *ВД2* со следующими исправлениями по *Соч. 1855*, а также с исправлением опечаток по *ВД1*, *ВД1 Опеч.* (см. с. 249 наст. изд.), *Соч. 1842* (см. также с. 621–626 наст. изд.):

С. 112, строки 8–9: так де воно й возметцця ниначе з неба *вместо* так де воной возметцця з неба (по *ВД1*).

С. 113, строка 37: О, моя Галя *вместо* О, моя милая девушка (по *Соч. 1855*).

С. 114, строки 6–7: шатаюсь Бог знает где и повесничаю с хлопцами по улицам *вместо* шатаюсь Бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам (по *Соч. 1855*).

С. 122, строки 20–21: На Покров, бьюсь об заклад, что пан голова будет писать ногами *вместо* На Покрову-то, я готов поставить Бог знает что, если пан голова не будет писать ногами (по *Соч. 1855*).

С. 125, строка 1: В голове расселись клепки *вместо* Вдруг рассыпались клепки (по *Соч. 1855*).

С. 128, строки 5–6: «Здесь!» — сказал он *вместо* «Есть!» — сказал он (по *Соч. 1855*).

С. 128, строки 31–32: к скважинке в дверях *вместо* к скважине в дверях (по *Соч. 1855*).

С. 129, строки 5–6: рад был случаю сжечь меня *вместо* рад был случаю съест меня (по *ВД1 Опеч.*).

С. 129, строка 17: да это пьяный Каленик *вместо* это пьяный Каленик (по *Соч. 1855*).

С. 129, строки 18–19: в руках наших был, пан голова! — отвечали десятские. — *вместо* в руках наших был, пан голова. (по *Соч. 1855*).

С. 129, строка 21: Бог один знает *вместо* Бог знает (по *ВД1 Опеч.*, *Соч. 1855*).

С. 129, строки 22–23: дается повеление, — сказал голова, — изловить *вместо* дается повеление — изловить (по *Соч. 1855*).

С. 129, строка 29: вылить переполоху *вместо* вылечить (по *ВД1*).

С. 130, строки 2–3: чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу *вместо* чернел кленовый лес, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицом к месяцу, тонкою серебряною пылью (по *Соч. 1855*).

С. 130, строка 4: Все было тихо *вместо* Все тихо (по *Соч. 1855*).

С. 130, строка 25: подумал он про себя *вместо* подумал про себя герой наш (по *Соч. 1855*).

С. 130, строки 31–32: сладкую тишину и раздолье ощутил Левко *вместо* сладкую тишину и тихое раздолье ощутил он (по *Соч. 1855*).

По своей стилистике и построению «Майская ночь» явно соотносится с «Сорочинской ярмаркой»: обе повести в предисловии Рудого Панька к

первой части «Вечеров» косвенным образом приписываются одному рассказчику («гороховому паничу»), над манерой повествования которого пасечник иронизирует в предисловии ко второй части (см. с. 672 наст. изд.); обе носят отчетливо литературный характер, что дало основанию большинству исследователей относить их к наиболее ранним повестям цикла (однако, как отмечал В. Гиппиус, в «Майской ночи» «глубже разработано лирическое содержание; <...> герои теперь погружены в лирическую эмоциональную стихию», «более четкие очертания приданы бытовым картинам, которые сплетаются в повести с откровенной фантастикой», «появляется некоторая историческая и социальная перспектива» — Гиппиус, 1966, с. 66).

Наиболее вероятный материал к датировке повести дает «Книга всякой всячины», в которую Гоголь внес два варианта описания малороссийской игры «в ворона» (раздел «Игры, увеселения малороссиян»). Причем кратким вариантом Гоголь воспользовался в главе V «Майской ночи», тогда как второе описание, значительно более подробное, с пометой «из письма 2 июня» <1829> в повесть не вошло. На основании этого Н. И. Коробка считал, что повесть в общих чертах должна была быть завершена до получения Гоголем «этнографических материалов из дому», т. е. до 2 июня 1829 г. (Кор., т. I, с. 370). Того же мнения придерживался и Г. С. Виноградов, прочитав однако указанную дату как 2 июля (Ак., т. I, с. 529–530).

С другой стороны, заслуживает внимания соображение В. В. Гиппиуса, что Гоголь, избегавший в работе над «Вечерами» излишнего этнографизма, мог отказаться от включения в повесть детального описания игры и предпочесть краткий вариант, даже и имея на руках оба материала (Гиппиус, 1948, с. 27). К тому же характер чернового автографа «Майской ночи», написанного на той же бумаге, что и «Сорочинская ярмарка», дает возможность предположительно датировать рукопись временем не ранее 1830 г. (подробную мотивировку см. с. 605–606 наст. изд.). Имеются также сведения, что Гоголь работал над повестью, проживая в доме у А. И. Васильчиковой, т. е. летом 1831 г. (Милорадович А. О Гоголе (Со слов покойного А. А. Васильчикова) // РА. 1909. № 7. С. 540).

Черновой автограф «Майской ночи» (приобретен в 1896 г. Московским Публичным и Румянцевским музеями в составе других автографов Гоголя у его наследников) представляет собой, как и в случае с черновым автографом «Сорочинской ярмарки», по-видимому, последний (не считая белого варианта) этап авторской работы, когда замысел сформировался, основные сюжетные линии намечены. Деление на главы в целом совпадает с последующим делением в печатном варианте, однако в черновом тексте отсутствует часть главы «Парубки гуляют» (со слов: «Славная песня, сват!»), а также глава «Утопленница». Главы не всегда озаглавлены самим Гоголем и, в отличие от печатной редакции, вовсе не помечены цифрами (заглавия имеют главы «Ганна», «Голова», «Парубки гуляют», «Пробуждение»). Карандашом рукой неуставленного лица написаны заглавия остальных глав (см. вы-

ше), причем главы «Голова» и «Паробки гуляют» (так! — Ред.) в тексте повести дублируются (см. с. 331, 334, 339, 346 наст. изд.).

Первый лист автографа (л. 1) напоминает скорее беловик, затем почерк Гоголя становится мельче, правка учащается, на л. 2 об. Гоголь пишет скорописью, однако уже листы 3, 3 об. записаны хотя и мелким, но относительно четким почерком; начиная с листа 4 почерк вновь становится бисерным.

При этом, в отличие от чернового автографа «Сорочинской ярмарки» и от вообще характерной для раннего Гоголя манеры заполнять целиком листы текстом, в автографе «Майской ночи» обнаруживаются пустые места: л. 2 (с окончанием главы «Ганна») не заполнен на 1/5; л. 3 («Но кто же этот...») заполнен на 2/5; оставлено место на л. 4 об. (после слов Каленика: «ноги болят. Достань его»); на л. 5 вписаны только слова песни «Хлопцы, слышали ли вы»; л. 6 об. (глава «Пробуждение») заполнен наполовину.

В отдельных местах текст чернового автографа «Майской ночи» почти дословно совпадает с печатным текстом (ВД1), так что, как и в случае с «Сорочинской ярмаркой» (см. выше), можно предположить, что изменения при новом перебеливании ЧАМн перед сдачей рукописи в набор носили в основном характер стилистической правки: например, *трогательное движение тоски* заменено в печатном тексте ВД1 на *движение тоски*; с *какою-то дикостью очи* — заменено на *прослезившиеся очи* и т. д. Поэтому версия Г.П.Георгиевского о существовавшей будто бы дополнительной, промежуточной редакции между черновым автографом и печатным текстом (Пам. Жук. и Гог., 1909, с. 59) представляется необоснованной (см.: Ак., т. I, с. 530).

* * *

В числе источников, использованных при работе над «Майской ночью», с очевидностью могут быть названы сведения о русалках, о зеленой неделе, описание игры в ворона, полученные от сестер и матери в ответ на просьбу Гоголя (письма от 22 мая, 24 июля 1829 г.) и частично внесенные им в «Книгу всякой всячины» (разделы «Игры, увеселения малороссиян» и «Малороссия. Отдельные замечания. Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды»; см. подробнее с. 591, 596–598 наст. изд.), а также два образца деловой переписки XVIII в., внесенные Гоголем в «Книгу всякой всячины» (раздел «Документы»), отразившиеся в «Приказе Голове, Евтуху Макозоненку» (см.: Ак., т. IX, с. 504, 656).

Можно предположить и знакомство Гоголя со статьей И.М.Снегирева «Русальная неделя» (ВЕ. 1827. № 8. С. 272–279), где, в частности, приводилась украинская песня о русалочке, загадывающей загадки («Ой, бежит, бежит красна дивчина, / А за нею да русалочка; / Ты послухай мене, красна панночка, / Загадаю тобі три загадочки» — там же, с. 274–275; ср. также: Чудаков, 1906, с. 16–17).

К общим фольклорным мотивам, использованным Гоголем в «Майской ночи», относятся: мотив русалок, выходящих в лунную ночь греться на меся-

це (ср.: Зеленин, 1995, с. 162, 164, 165, 167, 175, 190, 306; см. также с. 746 наст. изд.); представление о старшей среди русалок, их «царице» (ср.: Зеленин, 1995, с. 189). Но само описание русалок в сне Левка выдержано у Гоголя скорее в романтическом ключе (тема русалок получила широкое распространение в литературе гоголевского времени — ср. повесть О.М.Сомова «Русалка», 1829 — см. с. 595 наст. изд.; балладу Н.А.Маркевича «Русалки» — МТ. 1830. № 8. С. 439–440 и др.; об истории вопроса см. также: Ходанен, 1993, с. 48–102 — глава «Баллада М.Ю.Лермонтова “Русалка” и русалочьи мотивы в русском романтизме 1820–1830-х гг.»). Датью литературной моде является и описание Гоголем их красоты: в народной демонологии русалки более прозаичны; в быличках они выглядят как обычные девушки в деревенской одежде или как мертвецы в белых одеждах и часто имеют даже безобразный облик (см.: Зеленин, 1995, с. 176–184; Виноградова, 1986, с. 104–105). Сама ситуация загадывания русалкой загадки типична для народных представлений (см. выше), однако задача опознать среди себе подобных ведьму, заданная русалкой Левку, носит исключительно литературный характер: согласно народной логике представители потустороннего мира обладают гораздо большей способностью к сверхвидению, чем человек; Гоголь же переворачивает эту ситуацию и дает возможность Левку угадать то, чего не в состоянии была сделать панночка.

Сцена превращения мачехи-ведьмы в кошку и эпизод с ее раненой рукой — так называемый мотив поражения оборотня — широко встречается в сказках и быличках о ведьмах (ср.: Афанасьев, 1869, т. 3, с. 534; Сказки Ек./Харьк. губ., 1890, с. 136; Иванов, 1891, с. 183–185 — то же: Українці, 1991, с. 456–457; Гринченко, 1895, вып. 1, с. 66–68, 108; 1897, вып. 2, с. 108; Милорадович, 1901, с. 220; Максимов, 1903, с. 135). Единственная деталь, не совпадающая с народной традицией (см.: Славянские древности, т. 1, с. 297–301 — статья «Ведьма») — железные когти у кошки-ведьмы; по предположению В.В.Гиппиуса, данный мотив мог быть известен Гоголю в том числе из рассказа О.М.Сомова «Кикимора» (СЦв. на 1830. СПб., 1829 — Гиппиус, 1924, с. 29). В эпизоде о человеке, подавившемся галушками, сконтаминировано несколько традиционных мотивов: представление о силе проклятия и заклятых покойниках (см.: Сумцов, б.г., с. 193), вера в существование в течение суток злых минут, когда всякое проклятие сбывается (заимствовано народной культурой из апокрифической средневековой книжности), и представление о ходячих покойниках — людях, умерших внезапной, напрасной смертью, до окончания отмеренного жизненного срока; не зная успокоения, такие покойники становятся ходячими и являются на место своей гибели (см.: Зеленин, 1995, с. 39–40, 48–50; ср.: Драгоманов, 1876, с. 62–63).

Отчетливо фольклорный характер носит первая глава повести (сцена свидания Левка и Ганны), развивающая сюжет известной украинской песни «Солнце низенько» (впервые отмечено: Царынный, 1832, с. 231; см. также с. 639, 745 наст. изд.). Песня, по всей видимости, была хорошо знакома Го-

голю не только в устной традиции, но также и по сборнику «Малороссийских песен» Максимовича (Максимович, 1827, с. 87); фрагмент ее цитировался в «Малороссийской деревне» Кулжинского (Кулжинский, 1827, с. 96).

Ряд отдельных мотивов «Майской ночи» восходит к космогоническим мифам и эпизодам Священного Писания. Так, тема Божьей лестницы, соединяющей небо и землю, отражает эпизод Ветхого Завета — видение Иаковом во сне лестницы (ср.: *Бытие*, 28:12), истолкованное в христианской традиции как прообраз сошествия Спасителя на землю и воссоединения Божества с человечеством чрез воплощение Бога Слова (см.: *Апокрифические сказания о Ветхозаветных лицах и событиях. Исследование И. Порфирьева. Казань, 1873. С. 284–285*). Лестница между небом и землей как образ нравственного восхождения распространена в учительной христианской литературе — у Иоанна Златоуста, Макария Великого, а также в апокрифе домонгольского периода «Лестница патриарха Иакова», восходившем к сочинению Иоанна Лествичника (569–649) «Лестница, возводящая на небо», и широко отразившемся в литературе (см., например, поэму украинского поэта Иоанна Величковского (ум. в 1726) «Лестница Иакова» — *Величковский Иван. Твори, Київ, 1972. С. 152*; см. также: *Shapiro, 1993, p. 141*), русской иконописи и лубке (см.: *Лихачев Н.П. Материалы для истории русского иконописания. Т. II. СПб., 1906. С. 11*; *Ровинский, 1881, т. 4, с. 717–718, № № 1267, 1268*); ср. также использование темы лестницы в сатирическом стихотворении XVIII в. «Отец Негребецкий» (история попа, который, прокутив деньги своих прихожан, рассказывает им, что был на небе, куда взбирался по лестнице — *Укр. літ. XVIII, с. 224–229*). В церковном акафисте, читаемом на праздник Рождества Пресвятой Богородицы, «лестнице Иакова» уподобляется сама Богоматерь, а эпизод видения лестницы читается во время утреннего богослужения. По всей видимости, основным источником Гоголя была все же «Лестница» Иоанна Лествичника (Синайского), из которой он составил сборник выписок (см.: *Воропаев, Виноградов, 1992, с. 172–174*). Ср. развитие данной темы в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Бог весть, может быть, за одно это желание уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней» (глава 32). Известно, что последние слова, произнесенные Гоголем перед смертью, были «Лестницу, поскорее, давай лестницу» (Тарасенков, 1952, с. 524).

Непосредственно мотив злых духов, падающих в пекло (у восточных славян, в т. ч. на Украине, распространены апокрифические легенды о происхождении нечистой силы из взбунтовавшихся ангелов, сброшенных Богом на землю, — см.: *Толстой Н.И. Откуда дьяволы разные? // Язык и народная культура. М., 1995. С. 245–249*), встречается в «Вирше, говоренной гетьману Потемкину запорожцами на светлый праздник Воскресения», вписанной Гоголем в «Книгу всякой всячины»: «Злии духи, власныи мухи все уже послизали, Загнав Исус в пекло покус, щоб християн не гризли» (ср.: *Ак., т. IX, с. 501*; см. также с. 598 наст. изд.).

Относительно литературных источников «Майской ночи» выдвигались различные предположения. Отмечалась сюжетная близость повести комической опере И.П.Котляревского «Наталка-Полтавка», опере Н.С.Краснопольского «Леста, или Днепровская русалка» (см. с. 592 наст. изд.; см. также: *Генслер К.Ф. Днепровская русалка. Опера комическая: В трех действиях. Перед. с нем. Н.Краснопольским. Музыка г-д Каура и Кавоса. Изд. 2-е. Ч. 1–4. СПб., 1816–1817*), считавшейся в 1810–1820-е гг. «толчком для всяких тем о русалках» (см.: *Гиппиус, 1924, с. 34*), близость «Майской ночи» жанру комической оперы вообще (см.: *Пиксанов, 1933, с. 97–98*).

С другой стороны, в тексте «Майской ночи» прослеживаются параллели с комедией В.А.Гоголя «Простак» (отдельные реплики персонажей и мотив обливания Головой людей на морозе — см. с. 746 наст. изд.), а также с «Энеидой» И.П.Котляревского (игра в ворона в потустороннем мире — см.: *Котляревский, 1808, с. 145; ср. с. 749 наст. изд.*). Лирический монолог «Знаете ли вы украинскую ночь», возможно, был навеян пушкинскими стихами «Тиха украинская ночь» из второй песни «Полтавы» (отмечено: *Брюсов, т. VI, с. 13* — статья «Испепеленный. К характеристике Гоголя»).

При общей сказочно-мифологической основе «Майской ночи» время действия повести определяется воспоминанием Головы об историческом событии, действительно имевшем место в 1787 г. — путешествии Екатерины II в Крым (см.: <*Храповицкий А.В.*> *Журнал высочайшего путешествия ее величества Государыни Императрицы Екатерины II, Самодержицы всероссийской, в Полуденные Страны России, в 1787 году. М., 1787*). Исторический фон повести — обострившаяся на рубеже XVIII и XIX вв. проблема социального расслоения жителей Украины: герои «Майской ночи» — люди первого поколения, родившегося и выросшего после упразднения Сечи; с этим же связано и упоминание в повести помещика, персонажа новой социальной действительности (см.: *Зарецкий В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В.Гоголя. История и биографии. Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. С. 246*).

* * *

В оценке «Майской ночи» как при жизни, так уже и после смерти Гоголя наблюдалась некая общая тенденция: повесть выделяли как наиболее поэтическую в цикле «Вечеров». В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» В.Г.Белинский писал: «Читайте вы его “Майскую ночь”, читайте ее в зимний вечер у пылающего камелька, и вы забудете о зиме с ее морозами и метелями; вам будет чудиться эта светлая, прозрачная ночь благословенного юга, полная чудес и тайн; вам будет чудиться эта юная бледная красавица <...> это пустынное озеро, на тихих водах которого играют лучи месяца, на зеленых берегах которого пляшут вереницы бесплотных красавиц...

Это впечатление очень похоже на то, которое производит на воображение “Сон в летнюю ночь” Шекспира» (*Телескоп*, 1835, № № 5–8 — см.: *Белинский*, т. I, с. 301). Ср. отзыв А.В.Дружинина: «Действительно, повестей, заключающихся в первой части сочинений г. Гоголя, ни один критик не посмеет равнять с его позднейшими произведениями, а между тем в этой части, между сказками пасечника Рудаго Панька, есть одно произведение неправильное, слабо выдержанное и все-таки очаровательное, повесть, полная той относительной и волшебной прелести, которая достигается только во время юности и потом пропадает навеки. Я говорю о повести, которая называется “Майская ночь, или Утопленница”. <...> в отношении правдоподобия, завязки, очертания характеров “Майская ночь” ниже всякой критики, и, несмотря на то, для читателя с здравым вкусом та же “Майская ночь” выше всякой поэмы. <...> Нет сомнения, в то время, когда писалась “Майская ночь”, ее автор не был в силах написать главы из “Мертвых душ”; но зато, сочиняя “Мертвые души”, г. Гоголь ни за что в мире не мог бы принудить себя написать другую “Утопленницу» (*Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о Русской журналистике // Совр. 1850. № 3 — см.: Дружинин А.В. Собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1865. С. 320–321 — см. также с. 646 наст. изд.*).

Н.А.Римский-Корсаков вспоминал: «Я с детства своего обожал “Вечера на хуторе”, и “Майская ночь” нравилась мне чуть ли не преимущественно перед всеми повестями цикла. Жена моя, еще будучи моей невестой, часто уговаривала меня написать какую-нибудь оперу на этот сюжет. Мы вместе с ней читали эту повесть в день, когда я сделал ей предложение. С тех пор мысль о “Майской ночи” не покидала меня» (*Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей жизни. М., 1955. С. 109*).

Символисты обратили особое внимание на эпизод узнавания ведьмы по черной точке, усмотрев в нем автобиографическую проекцию Гоголя. «Эти “прозрачные, светящиеся насквозь, как будто изваянные из облаков”, тела русалок, — писал Д.С.Мережковский в книге “Гоголь и черт”, — по природе своей, подобны телам древних богов; это — та же самая мистически-реальная одухотворенная плоть, величайшая противоположность “христианской” бесплотной духовности <...>. Это и есть одно из “двух начал”, заключенных в самом Гоголе — начало плоти. <...> Черное пятно, страшная черная точка есть и в гоголевской “плоти”, в первозданной языческой стихии его веселости, его смеха. Это — точка соприкосновения двух начал, <...> двух полюсов мира, рождающая беспредельный мистический ужас» (*Мережковский, 1906, с. 91–92*). Сходным образом интерпретировал эпизод и А.А.Блок: «...как у русалки, чернела в его душе “черная точка”. Он знал, что сам он — ничто сравнительно со своим творением; что он — только несчастный сумасшедший рядом с тем величием, которое ему снится» (*Блок, т. 5, с. 377 — статья «Дитя Гоголя», 1909*). Об автобиографичности образа Ганны писал в «Огне вещей» (1934–1954) А.М.Ремизов: «Явление Гоголя на земле не однажды. Его душа Ганна. Какими трепетны-

ми словами она вспоминает о своем возвращении на родную сторону. «...Признаюсь, мне у чужих веселее было» (Ремизов, 1989, с. 58; см. также с. 657 наст. изд.)

Об особого рода фантазмагоричности «Майской ночи», выделяющей ее на фоне других повестей цикла, писал В. Сечкарев: «Ни в какой другой повести цикла не становится так ясно, что Украина Гоголя не есть настоящая Украина. Исходя из реальных предпосылок, Гоголь создает свой фантастический мир; реальные детали украинской народной жизни так искусно перераспределены им, и художественная сила изображения столь велика, что заставляет читателя поверить в реальность того, что на самом деле вовсе не существует. <...> Гоголь иногда почти на грани китча, особенно когда заставляет своих героев говорить о звездочках и лестнице, спущенной с неба; но, так же, как впоследствии Чайковский в музыке, он, будучи почти банален, избегает опасности действительно стать банальным» (Setchkareff, 1953, S. 80–81).

Мысль о миражности «Майской ночи» высказал и Л. Кент, увидя в этом своего рода эротический эскапизм Гоголя, находившего «удовлетворение лишь в лирическом мире, бестелесном и безличном». Миражностью отмечен не только сон Левка — все события, описанные в повести, приобретают характер сна, где «все длится нескончаемо: нескончаемо хвастается голова тем, что сопровождал царицу в ее путешествии по Крыму, нескончаемо бродит Каленик в поисках своей хаты». Гоголевский мир остается нетронутым действительностью, «свившим себе гнездо под крылышком Бога»; тепло уютных хат и старинного мира преданий охраняют его от всего, «но только не от подсознательной чувственности» (см.: Kent, 1969, p. 60–61).

Исходя из тезиса И. П. Смирнова об эмпирическом и умопостигаемом мирах, находящихся «в отношении зеркального соответствия друг с другом» в «Вечерах» (Смирнов, 1979, с. 590–591), С. А. Гончаров рассматривает «Майскую ночь» как повесть с двумя параллельными сюжетами, один из которых происходит в мистическом мире Тихой Вечности, восходящем в свою очередь к метафизике Я. Бёме и Дж. Пордеча (сон Левка и история панночки); другой — в мире эмпирическом (история Ганны и Левка). Причем оба сюжета соотнесены друг с другом через образ Ганны («самый загадочный персонаж повести», идентифицированный с панночкой и ее историей). Ганна, с ее задумчивостью и тихой печалью — чужая в этом мире (ничего не известно о ее прошлом, непонятно, как она попала в этот мир). Задумчивость и тоска Ганны — не только знак приближенности к мистической реальности, как в романтизме, но и знак зависимости, плена души, что отсылает к центральному мотивам гностической мифологии. В этом же контексте появляется и мотив крылатой души (см. с. 746 наст. изд.), который можно истолковать как гностическое бегство из земного плена и возвращение в небесную обитель Бога-Отца. Тем самым эмпирический сюжет, давая комическую, карнавальную параллель трагической истории пан-

ночки в сновидении Левка, «нагружается мистическим смыслом истории пленения и освобождения души». Так, Левко не может жениться на Ганне, пока не освободит ее душу в том мире, освобождая ее и в этом (Гончаров, 1993, с. 23–29).

Начало второй главы «Майской ночи» (отрывок «Очаровательная ночь!»...) процитировано М.Н.Загоскиным в романе «Тоска по родине» (М., 1839) — ср. с. 699 наст. изд.

Сюжет «Майской ночи» отразился в повести «из малороссийского быта» Тихорского «Заклад» (1841 — см. резкий отзыв В.Г.Белинского 1843 г.: *Белинский, т. VIII, с. 15*).

К приему лукаво-иронического сказа, характерного в особенности для «Майской ночи», обращался Н.С.Лесков, в частности, в повести «Заячий ремиз» (1894). Ср. парафразу гоголевского рассуждения об отношениях головы и свояченицы (см. с. 119 наст. изд.) в повести Лескова: «Еще состоя на службе, Дмитрий Афанасьевич Перегудов женился законным браком на начальственной родственнице Матильде Опольдовне, про которую, впрочем, говорили, будто она даже никому и не родственница, ну да это и не важно».

Максим Горький в курсе «каприйских лекций» (1908–1909) привел пассаж об украинской ночи как образце «речи романтика, напыщенной и неубедительной»: «она не заставляет меня почувствовать красоту украинской ночи» (Горький М. *История русской литературы. (Архив А.М.Горького). М., 1939. С. 123–124*).

Парафрастически начало второй главы «Майской ночи» процитировал С.А.Есенин в письме А.Б.Мариенгофу из Парижа (не ранее 20 июля — не позднее начала августа 1922 г.): «Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы!» (Есенин, т. 6, с. 146 — см. также: *Мехи Э.Б. Н.В.Гоголь в жизни и творчестве С.А.Есенина // Наследие Н.В.Гоголя и современность. Часть первая. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (24–26 мая 1988). Нежин, 1988. С. 60*).

В.В.Маяковский использовал риторические приемы начала второй главы для сравнения советской промышленной Украины с гоголевской, но «с изменением интонации на прямое отрицание»: «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи! Здесь небо от дыма становится черно, и герб звездой пятиконечной вточен» («Долг Украине», 1926; см.: *Харджиев Н.И. Заметки о Маяковском: Гоголь в стихах Маяковского // ЛН, т. 65, с. 397–401*).

С образом гоголевского Головы в определенном смысле соотносится описание председателя правления Массолита Михаила Александровича Берлиоза («голова головы») в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940).

Театральные, музыкальные и кинематографические интерпретации повести

На сюжет «Майской ночи» написаны:

— Пьеса А.Н.Афанасьева и Н.В.Гербея «Сон в майскую ночь, или Утопленница», драматическое представление в 4 картинах, 1840-е; поставлена 1853, дек. 7–9 (*ИРДТ, т. IV, с. 394*; см. также: *РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 189*).

— Опера «Майская ночь» А.Н.Серова (1850-е гг.); существовала в трех редакциях, впоследствии уничтожена автором; сохранились отрывки серенады Левка (см.: *Гозенпуд, 1952, с. 879*; *Тюменева, 1966, с. 88*).

— «Оперетка» в 3 действиях «Майская Ночь, или Утопленница» («Сон в майскую ночь, или Утопленница»); музыка составлена из народных малороссийских мотивов актером Е.Климовским, 1861 (см.: *РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 228. Ед. хр. 48. Л. 44*; *Данилов, 1936, с. 464*).

— Опера П.П.Сокальского «Майська ніч», 1861; поскольку сюжету была придана социальная окраска (в либретто введены тексты Т.Г.Шевченко и Л.И.Глебова), дирекция Мариинского театра ставить оперу отказалась; отрывок из нее был поставлен в Петербурге позже, в 1867 г. (см.: *Архимович, 1957, с. 149–152*; *Гозенпуд, 1952, с. 898*).

— Комедия «Майская ночь, или утопленница», в 3 действиях, 4 картинах, с пением, хорами и малороссийскими плясками В.А.Крылова (В.Александрова); музыка Г.А.Лишина (рукопись представлена в цензуре в 1862 г. — *РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 164–165*; впервые поставлена на сцене Малого театра (Москва) 6 дек. 1881 г.; в репертуаре до 1882 г. — *ИРДТ, т. V, с. 469*; *т. VI, с. 471*; вновь представлена в цензуре в 1905 г. (*Данилов, 1936, с. 465*; см. также: *Зограф, 1960, с. 605*; *Гозенпуд, 1952, с. 924*; *Глумов А. Музыка в русском драматическом театре. Исторические очерки. М., 1955. С. 461*).

— Комедия в 3 действиях «Майская ночь, или Утопленница», 1866; без автора; дозволена цензурой с исключениями (см.: *Данилов, 1936, с. 464*).

— Опера Н.А.Римского-Корсакова «Майская ночь», либретто композитора, 1878–1879; премьера — 1880, янв. 9 в Мариинском театре, Петербург; дир. Э.Ф.Направник; в 1909 г. поставлена на сцене Большого театра в Москве в честь открытия памятника Гоголю; шла также в Оперной студии К.С.Станиславского в 1928 г. (см. с. 738 наст. изд.).

— Опера Н.В.Лысенко «Утоплена», либретто М.П.Старицкого; 1-я редакция — 1871; завершена в январе 1883 (см.: *Старицкий М. Утоплена, або Русальчина ніч. Оперета в 3-х діях, 4-х картинах. Лібретто (по Гоголю) М.П.Старицького. Музыка М.Лисенка. Київ, 1901*; *Гозенпуд А.А. Лысенко и русская музыкальная культура. М., б. г. С. 134–135*); первая постановка — в Харькове в 1885 г. труппой М.П.Старицкого (*Архимович, 1957, с. 94–95, 183*); в издании 1885 г. (Одесса) «Утоплена» названа «опереттой по Гоголю в 3 действиях, 4 картинах» (*Комаров, 1906, № 168, с. 30*; см. также: *РГИА. Ф. 777. Оп. 4. Ед. хр. 191. Лл. 257, 363–364*); поставлена в 1941 г. Запорожским областным украинским музыкально-

драматическим театром им. М.О.Щорса, реж. В.Г.Магар; возобновлена в 1962 г. (*Гайдабура В.М. Театр ім. М.О.Щорса. Київ, 1979. С. 112*).

— «Майская ночь», волшебно-комические сцены из повести Гоголя (без авт.); 1884; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см. также: *Данилов, 1936, с. 464*).

— Комедия Ф.М.Устенко-Гармаша «Майська ніч (Утоплениця)», в 3 действиях, с пением, хорами и танцами; на укр. яз.; поставлена в 1886 г., шла также в 1891 г. (см.: *РГИА. Ф. 777. Оп. 4. Ед. хр. 158. Лл. 84–86. Ф. 780. Оп. 4. Ед. хр. 152. Лл. 252, 268, 278*; см. также: *Архимович, 1957, с. 94–95; Данилов, 1936, с. 464*).

— Опера М.В.Лазурина-Васильева; поставлена 22 марта 1890 «с исключением части текста» (см.: *РГИА. Ф. 777. Оп. 4. Ед. хр. 156а. Лл. 70, 84–86*).

— «Майская ночь, или Утопленица», сказочные сцены из малороссийской жизни в 3 действиях, 4 картинах К.И.Масленникова, 1894; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см. также: *Данилов, 1936, с. 464*).

— «Майская ночь, или Утопленица», фантастическое представление в 4 действиях, с хороводами, пениями и танцами Н.И.Тнебского-Уварова, 1894 (см.: *Данилов, 1936, с. 464*).

— «Фантастично-комична оперета» в 4 действиях «Майська ніч, або Утоплениця», музыка А.Чижика, либретто К.И.Ванченко-Писанецкого, на укр. яз., 1895 (см.: *РГИА. Ф. 777. Оп. 4. Ед. хр. 4. Лл. 12–13; Данилов, 1936, с. 464; Комаров, 1906, с. 104*; отзывы см.: *Елисаветградский вестник. 1889. № 13; 1890. № 20*).

— «Майская ночь, или Утонувшая Панночка», сцены в 3 действиях, 6 картинах, с прологом и большим фантастическим балетом «Праздник в подводном царстве», малороссийскими плясками, хорами и проч., с блестящим апофеозом «В тереме царицы русалок» А.Я.Алексеева; 1895; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см. также: *Петербургские балаганы. СПб., 2000. С. 137, 188–209*).

— Комически-фантастическая оперетта А.Ф. Жуковского на украинском языке «Майська ніч», 1896 (см.: *РГИА. Ф. 777. Оп. 4. Ед. хр. 191. Лл. 425, 469–470*).

— Фантастическая комедия в 3 действиях А.В.Северяка «Майская ночь», 1897; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см. также: *Данилов, 1936, с. 464*);

— Комико-фантастическая оперетта в 3 действиях А.Ф.Шатковского «Майська ніч», 1897; поставлена труппой О.З.Суслова (Резникова) в Харькове (см.: *Комаров, 1906, с. 108; Данилов, 1936, с. 464; Марьяненко И.А. Прошлое украинского театра. М., 1954. С. 146–147*).

— Комедия П.П.Райского-Ступницкого «Майська ніч», на укр. яз., 1898 (*РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Ед. хр. 2. Лл. 585, 597–599*).

— «Майская ночь, или Утопленица», сцены из украинской жизни в 2 действиях, 3 картинах, с хорами, играми и хороводами Зиновьева-Одножиевского, 1899; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см. также: *Данилов, 1936, с. 464*).

— В 1902 г. балет «Майська ніч» исполнялся труппой Суслова (*Новое время. 1902. № 300. С. 4*).

— «Майская ночь, или Утопленица», сценическая иллюстрация повести Гоголя в 3 картинах Л.П.Б-ва; 1905 (см.: *Данилов, 1936, с. 465*).

— Комедия в 3 действиях, 4 картинах Н.Иванова (Робочева) «Майская ночь, или Утопленница», 1909 (см.: *Данилов, 1936, с. 465*).

— 20 марта 1909 г. текст из «Майской ночи» был прочитан А.А.Яблочкиной на музыкально-литературном вечере «В память столетия со дня рождения Н.В.Гоголя» в Малом театре, Москва (*Зограф, 1966, с. 568*).

— В 1909 г. в Санкт-Петербурге был поставлен юбилейный гоголевский спектакль «Майская ночь» (см.: *Биржевые Ведомости. Вечерний вып. СПб., 1909. 21 марта. № 11020. С. 3*).

— В 1915 г. «Майская ночь» поставлена в московском театре им. В.Ф.Комиссаржевской, реж. Ф.Ф.Комиссаржевский (отзывы см.: *Театр и искусство. Пгр., 1915. С. 949; Рампа и жизнь. 1915. № 50. С. 11; Русские ведомости. 1915. № 283. 10 дек. С. 6; Русское слово. 1915. № 282. С. 5*).

— Опера в 3 действиях Д.А.Гайдамаки «Майская ночь»; 1917 (отзыв см.: *Театр. 1917. № 1995. 3–4 апр.*; см. также: *Данилов, 1936, с. 465*).

— «Сон весняної ночі», весенняя сказка в 5 действиях Л.Улаган-Красовского; на укр. яз. (отд. издание — Київ, 1925).

— Музыкальная комедия «Майская ночь», в 3 действиях, 4 картинах; либретто Л.Юхвида (отд. издание — М., 1956).

— Комедия А.Глобы «Майская ночь», в 3 действиях, с прологом (отд. издание — М., 1959).

— Среди других инсценировок «Майской ночи» — постановка Житомирского областного драматического театра, 1932 (отзыв см.: *Сталинское знамя. Рязань. 1932. 22 авг.*); постановка Полтавского театра им. Гоголя, 1938; постановка В.К.Герлак в Молдавском музыкально-драматическом театре, Кишинев, по либретто М.П.Старицкого, 1945 (отзыв см.: *Советское искусство. 1945. № 34. 24 авг.*); постановка В.Г.Магара в театре им. М.О.Щорса, Запорожье, 1948; постановка В.И.Овчаренко в Днепропетровском государственном драматическом театре им. Т.Г.Шевченко, 1951 (отзыв см.: *Волжская коммуна. Куйбышев. 1951. № 163. 13 июля*); спектакль Сумского музыкально-драматического театра, реж. Оселедчик, 1971 (отзыв см.: *Театр. 1971. № 5. С. 67*); кукольный спектакль по оперетте М.П.Старицкого «Майская ночь» Киевского театра кукол, реж. Ю.Сикало, 1975 (отзыв см.: *Театр. 1975. № 3. С. 80*); спектакль Винницкого музыкально-драматического театра им. Н.К.Садовского по пьесе М.П.Старицкого, реж. В.Толок, муз. Н.В.Лысенко, М.Т.Васильева, 1975; спектакль Симферопольского музыкально-драматического театра, инсценировка В.Г.Магара и В.Бережной (*Советская культура. 1978. № 92. 17 ноября. С. 4*); спектакль Кокчетавского драматического театра, 1984, реж. — А.Горбенко, Я.Ку克林ский (отзыв см.: *Театр. 1984. № 1. С. 14*).

Отдельные цитаты и реминисценции из «Майской ночи» введены в либретто оперы Д.Д.Шостаковича «Нос» (1930).

Экранизации повести:

— «Майская ночь», к/ф по повести Н.В.Гоголя и опере Н.А.Римского-Корсакова; 1914;

— «Майская ночь, или Утопленница», к/ф, 1910; реж. В.Кривцов, Я.Протазанов (см.: Вишневский В. Гоголевские образы в киноискусстве // Искусство кино. 1952, № 3. С. 99);

— «Майская ночь», к/ф, к/студия Ханжонкова, 1918; реж. В.А.Старевич;

— «Майская ночь», к/ф, Киевская к/ст, 1941; автор сценария и реж. Н.Ф.Садкович;

— «Майская ночь, или Утопленница», стереофильм, 1952; автор сценария К.Ф.Исаев, реж. — А.А.Роу.

* * *

Первые переводы повести:

— на немецкий язык — Eine Mainacht. Eine schreckliche Nacht // Europa. Hrsg. von A.Lewald. 1848; Eine Mainacht // Wolfsohn W. Erzählungen aus Russland. I. Dessau, 1851; Die Mainacht oder die Ertrunkene // Russische Liebesnovellen. Ausgew. und übertragen von A.Eliasberg. München, o.J. S. 19—53; Phantasien und Geschichten von Nikolaus Gogol. Deutsch von W.Lange und Ph.Löbenstein. I—IV. Leipzig, 1883—86 (Universal-Bibliothek). Bd. III (Eine Mainacht);

— на чешский язык — Májová noc. Maloruska pověst. Přel. F.B.K. // Lumír. 1852. №№ 16—19;

— на сербский язык — Майска ночь или утопленница. Прев. В.Р. // Седмица. 1853. №№ 44—48;

— на польский язык — Majowa noc lub utopiona. Wolny przekład // Magazyn mod. 1857. №№ 6—11;

— на украинский язык — в составе первого перевода книги: Вечери на хуторі близь Диканьки. Т. 1. Львів, 1864 — см. с. 676 наст. изд.);

— на французский язык — в книге Селеста Курьера «История современной русской литературы» (Courrière Céleste. Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris, 1875. P. 171—181); полностью — в составе первого перевода книги «Вечеров»: Les Veillées de l'Ukraine. Par E.Halpérine-Kaminsky. Paris, 1890 — см. с. 676 наст. изд.;

— на английский язык — в составе книги: Evenings in Little Russia. Transl. by E.W.Underwood & W.H.Cline. Evanston, 1903.

* * *

С. 112. *Враг его батька знае! ~ так де воно й возметця ниначе з неба.* (укр.) — «Черт его знает! Начнут что-нибудь делать крещеные люди, мудрят, мудрят, как гончие за зайцем, а все напрасно; только ж куда черт впутается, верть хвостиком — так откуда оно и возьмется, точно с неба».

С. 112. *Ганна.* — Ср. запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «Имена, даемые при крещении»): «Ганна, Галя, Галька.....Анна». На самом деле, Гоголь контаминирует два разных имени: Ганна — Анна (означающее: грация, миловидность) и Галина — Галя (покой, тихая погода); см.:

Словник влосних імен людей (українсько-російський і російсько-український). Київ, 1976. С. 80, 237.

С. 112. ...*выливать свое веселье ~ с уныньем.* — О «нестерпимо-унылых звуках» украинских песен Гоголь писал и в статье «О малороссийских песнях» (1834). На грустный характер песен на Украине указывал М.А.Максимович (ср.: «Тоска, которая составляет важнейшее свойство Малороссийских песен...» — *Максимович, 1827, с. XV*); его слова были процитированы также и в третьем издании «Истории Малой России» Д.Н.Бантыша-Каменского (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 214*).

С. 112. ...*а песни все не утихали.* — На Украине, обычно со второго дня Пасхи (в восточной части Украины — на Сретение), начинают петь весенние песни (веснянки) (*Славянские древности, т. 1, с. 353–355* — статья «Веснянки»). Веснянки «поются ежедневно, вечером, по окончании работ, а в праздники и после обеда...». Обычно девушки и парубки «собираются за селом или посреди села на выгоне <...> паробки (так! — *Ред.*) выкапывают <...> ров; дивчата садятся и спускают ноги, и когда они поют, <...> паробки стоят за ними, прислуживаются, шутят, любезничают» (*Маркевич, 1860, с. 69–70*).

С. 112. ...*Левко...* — уменьшительное от Лев (ср. запись в «Книге всякой всячины», раздел «Имена, даемые при крещении»).

С. 112. ...*сельского головы.* — *Сельский голова* — то же, что сельский старшина, выбираемый всем селом. В его обязанности входило сохранение порядка в селе, надзор за сбором податей, разбор ссор и исков. Ср. точку зрения Андрия Царынного (Стороженко), считавшего, что в описании Гоголем головы «хотя и есть черты, характеризующие лице сие, но есть и несообразности». Голова — важное лицо «не в одном селе, а в целой волости. <...> Волостные головы избираются в Малороссии из казачьего звания, люди самые почетнейшие, приобревшие доверие летами и опытностию...» (*Царынный, 1832, с. 234–235*).

С. 112. ...*решетилловская шапка* — см. с. 703 наст. изд.

С. 112. *Сонце низенько, вечер близенько...* — Первые строки известной украинской песни «Солнце низенько...» (см. с. 735 наст. изд.).

С. 113. *Но если бы и повеяло холодом ~ надену шапку свою на твои беленькие ножки.* — Перефразировка стиха из песни «Солнце низенько...» (ср.: «Ой, выйди, выйди, ни бойсь морозу: / Я твои ноженьки в шапоньку вложу» — *Максимович, 1827, с. 88*). Современная Гоголю критика обратила внимание на несоответствие времени действия повести песенному времени, где речь идет о зимнем вечере, а вовсе не о весеннем («о каком же холоде Левко толкует» — *Царынный, 1832, с. 230*).

С. 113. *Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на миг.* — Ср.: «Ой выйди, выйди, серденько Галю, / Серденько, рыбонько, дорогій кришталю» (*Максимович, 1827, с. 87*).

С. 114. ...*мелькнули звездочки ~ ангелы Божии поотворяли окошечки своих светлых домиков на небе...* — На Украине бытовало представле-

ние о том, что звезды — это ангелы, сидящие на небе с зажженными свечами в руках (Булашев, 1909, с. 304). Гоголь создает здесь стилизацию народного рассказа, построенного на характерном для народного сознания сочетании фольклорных и христианских религиозных представлений.

С. 114. *Что, если бы у людей были крылья ~ высоко, высоко... —* Скрытая реминисценция из псалма Давида: «И я сказал: “кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы и успокоился бы...”» (Пс. 54:7; отмечено: Гончаров, 1993, с. 28). Вместе с тем, встречающийся в украинском и русском песенном фольклоре поэтический образ девушки, желающей слить себе легкие крылышки из воску, стал в конце XVIII — начале XIX в. литературной модой, осмеянной уже И.А.Крыловым (см. его комедию «Пирог», 1799—1801, опубл. 1869: «Я птичкой быть желаю, везде чтобы летать»; отмечено: Перетц В.Н. Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII вв. СПб., 1899. С. 120—126).

С. 114. *...дерево, которое шумит вершиною в самом небе... —* В славянском фольклоре дерево предстает как один из вариантов мировой оси («мирового древа»), связующей земной мир с верхним и нижним, — медиатор, посредством которого человек, Бог, святой и т. д. попадает в мир людей и покидает его, перемещаясь на небо (см.: Славянские древности, т. 1, с. 60—61 — статья «Дерево»).

С. 115. *...сотник.* — Военный чин в украинских казачьих войсках (до 1783 г.), начальник отдельного отряда (сотни), соответствующий чину поручика в регулярных войсках. В мирное время — старшина, управляющий территорией.

С. 116. *...утопленницы выходили ~ греться на месяце... —* Ср. примечание О.Сомова к повести «Русалка»: «Луна, по малороссийскому поверью, есть солнце утопленников. Они выходят ночью из воды греться на лучах месяца, которым изображение малороссиян придало теплоту» (Подснежник на 1829. СПб., 1829). Ср. также балладу Н.А.Маркевича «Солнце утопленников» (Маркевич Н.А. Украинские мелодии. М., 1831).

С. 117. *...не так танцуется!* — О чтении Гоголем этого эпизода летом 1831 г. в Павловске в доме А.И.Васильчиковой см.: Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 513 («Описывая украинскую ночь, он как будто переливал в душу впечатления летней свежести, синей, усеянной звездами, выси, благоухания, душевного простора. Вдруг он остановился. “Да гопак не так танцуется!” Приживалки вскрикнули: “Отчего не так?” Они подумали, что Гоголь обращался к ним»).

С. 117. *...дидько б утисся его батькови... —* Правильно: «Дідько б утіся твоєму батькові» (укр.) — «Черт поberi твоего отца». Распространенная на Украине побранка; встречается также в комедии В.А.Гоголя-Яновского «Простак» (Основа. 1862. № 2. С. 37).

С. 117. *...что он обливает людей на морозе холодной водою... —* Наверяно репликай Романа в комедии В.А.Гоголя-Яновского «Простак», где речь идет о наказании крестьян-недомщииков: «тільки що послідній хліб

продати, щоб прокляті сіпаки не обливали на морозі холодною водою» (Основа. 1862. № 2. С. 39; отмечено: Манн, 1988, с. 10). Вместе с тем мотив наказания на морозе был широко распространен в украинской сатирической литературе. Ср., например: «Лікарство на болящих немощию п'янства, ілі Бахуса новоізобрітенное»: «Іначе должно поступать з таким зимою. / Не треба весть його в сальвацію тридневну, / Но только вивесть на стойку дневну / І принудить полчася стоять на морозі / В єдної рубашкі, щоб прохлодився сквозі» (Укр. літ. XVIII, с. 183–184).

С. 118. ...Каленик... — то же, что Каллиник (см. «Книгу всякой всячины», раздел «Имена, даемые при крещении»).

С. 118. ...отдають добридень. — Давати на добридень (укр.) — желать доброго дня, здороваться (Гринч./Слов., т. 1, с. 398).

С. 118. ...тавлинки... — Тавлинка — см. с. 708 наст. изд.

С. 118. В мирской сходке, или громаде... — Громада (укр.) — собрание, «мир». Ср.: «Громада то же, что и мирская сходка. <...> Все дела, касающиеся до общественного состояния деревни, решаются громадою, и по пословице малороссийской: громада — великий человек» (Кулжинский, 1827, с. 31; ср.: Гринч./Слов., т. 1, с. 329).

С. 118. ...когда ~ царица Екатерина ездила в Крым... — Путешествие Екатерины в 1787 г. на юг России и в Крым, о котором комическим образом вспоминает голова, на самом деле составило важную веху в культурной истории Украины. Именно с этого времени началось ее эстетическое освоение русским сознанием, что привело впоследствии к возникновению культурного мифа о малороссийской Аркадии. Так, А.С.Пушкин, говоря в рецензии на «Вечера» (1836 г. — см. с. 643 наст. изд.) о «племени, поющем и пляшущем», процитировал на самом деле слова Екатерины II об украинцах: «Народ, поющий и пляшущий, зла не мыслит» (отмечено: Лотман, 1970, с. 34; см. также: Николаев/дс, 1989, с. 11; см. с. 737 наст. изд.).

С. 121. Как будто потерял шапку или люльку; словом, не козак... — Ср. в песне «Мине з жинкою не возиться»: «А тютюн да люлька / Козаку в дорозе знадобиться!» (Максимович, 1827, с. 19).

С. 121. Разве мы не такого роду, как и он? Мы ~ вольные казаки! — На Украине и служащие казаки, состоявшие в реестре, и сельские жители (не крепостные) назывались казаками (козаками). Казаки пользовались особыми правами, не состояли в крестьянстве и имели право торговать вином (см.: Маркович, 1798, с. 40).

С. 121. ...и писаря не минутъ! — Писарь — член сельского правления; избирался, как и голова, на мирской сходке сроком на два года. У казаков писарь считался важным лицом: в собраниях он управлял всеми входящими и исходящими бумагами. У запорожских казаков «был вспоминаем при Ектенях после кошевого и судьи» (Цертелев, 1819, с. 27).

С. 121. Под самым покутом... — Покут — место под образами, почетный (красный) угол в хате (см. словарь ко второй части «Вечеров»).

С. 122. ...сельских десятских, составлявших команду головы. — Десятский — выборное должностное лицо из крестьян, исполнявшее в том числе и полицейские обязанности в деревне. Голова, писарь, десятские как чины сельской администрации были введены положением 1797 г. «О разделении казенных селений на волости».

С. 122. На Покров... — Праздник Покрова Богородицы праздновался 1 октября по старому стилю (см. также с. 872 наст. изд.).

С. 122. ...покойный Безбородько... — Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), светлейший князь, с 1775 г. был секретарем Екатерины II и в этом качестве сопровождал ее во время поездки в Крым.

С. 122. ...от Кременчуга до самых Ромен... — Кременчуг, Ромны — уездные города малороссийской Полтавской губернии.

С. 124. ...длинные деревянные спички... — Спички — длинные деревянные палочки или однозубые вилки.

С. 124. Еще лучше стал оплетать! — Оплетати (укр.) — уплетать, есть с аппетитом (Гринч./Слов., т. 3, с. 58).

С. 124. ...галушку держит в зубах. — На Украине бытовало множество легенд, связанных с галушками. Так, например, существовала легенда о том, что Мазепа был казнен 12 «галушками», которые его заставили съесть: одиннадцать из них были по пяти пудов каждая, а двенадцатая, на которой Мазепа «испустил дух» — 7 пудов (см.: Булашев, 1909, с. 171).

С. 125. За чуприну! за чуприну! — Обычно на Украине мужчины брили голову, оставляя один оселедец (см. с. 685 наст. изд.). Однако у горожан и социальной верхушки преобладала польская мода, когда шапку волос превращали в небольшой кружок на макушке — чуприну (см.: Древняя одежда, 1986, с. 119).

С. 125. ...в вывороченном шерстью ~ тулупе. — Здесь речь идет о так называемых бесчинствах, одной из форм ритуального молодежного поведения. Хотя бесчинства чаще бывали приурочены к определенным календарным датам (Рождеству, масленице и т. д.), они могли быть и продолжением посиделок, вечеринок и других молодежных собраний. В большинстве случаев бесчинства устраивались холостыми парнями и носили разрушительный характер (переворачивание, опрокидывание, разбрасывание, замазывание окон, печных труб и т. д.; см.: Славянские древности, т. 1, с. 171–174 — статья «Бесчинства»). На Украине преобладали бесчинства свадебные (ср. описание в «Вечере накануне Ивана Купала» — см. с. 729 наст. изд.), а также новогодние бесчинства (отсюда вывороченные тулупы, «размалеванная рожа» Левка как элементы святочного ряжения, связанного в народном сознании с потусторонним миром), которые Гоголь перемещает в другой календарный период.

С. 126. ...черта, который кует гвозди для грешников. — В мотиве кования гвоздей для грешников отразились народные представления о разных муках, уготованных в аду за грехи. В частности, «нагвоздие железное», как сказано в одном из духовных стихов, ожидает плясунов и вольтыжников (см.: Соболев А.Н. Мифология славян. СПб., 1999. С. 175).

С. 127. ...комиссару тогдашнему Ледачому... — Земские комиссары (чин уездной полиции) ведали сбором податей, поставкой рекрутов, путями сообщения, полицией. *Ледачий* (укр.) — ленивый, дурной, ничтожный (Гринч./Слов., т. 2, с. 351). Ср. в украинской песне «Пусти мене, маты»: «Ой за мостом, мостом / Трава посухає. / За ледачим чоловіком / Жінка погибая» (Максимович, 1827, с. 98).

С. 128. ...Огня! живеє огня! — По народным представлениям, огонь служит способом уничтожения нечистой силы. Ср. практиковавшийся на Украине еще в XIX в. обычай сжигать упырей (Франко И. *Сожжение упырей в с. Нагуевичах в 1831 г.* // *Українці*, 1991, с. 512–526).

С. 129. ...вылить переполоху. — См. с. 108 наст. изд.

С. 130. Ой, ты, мисяць ~ дивчина красна. (укр.) — «Ой ты, месяц, мой месечик, и ты, звезда ясная! Ой, светите там на дворе, где девушка прекрасная». Неточная цитата из песни «Ой місяцю, місяченьку! / Зайди за комору...» (Максимович, 1827, с. 109).

С. 131. ...играть в ворона! — Игра «Ворон» относится к числу обрядных весенних игр, в которых участвуют не только дети, но и взрослые девушки: одна из них играет обычно роль ворона, другая — матери. «Впереди становится мать, девушки становятся за нею и берут крепко друг друга за плечи, первая («дивчина») берется за мать, остальные — дети. Ворон начинает ловить детей, стараясь поймать последнего. Мать бежит так, чтоб быть впереди перед вороном» (Маркевич, 1860, с. 73; описание игры см. также: *Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края. Под ред. В.В.Иванова. Харьков, 1898. Т. 1. С. 279–280; Исаевич С.Н. Малорусские народные игры окрестностей Переяслава // КС. 1887. №№ 6–7. С. 461; Чубинский, т. 3, с. 73). См. с. 598, 733 наст. изд.*

С. 132. «Ведьма!» — сказал он... — Опознание нечистой силы и называние ее по имени, согласно народным представлениям, служит способом обезвреживания.

С. 133. Приказ голове, Евтуху Макогоненку. — *Евтух* — сокращенное от Евтихий (см. «Книгу всякой всячины», раздел «Имена, даемые при крещении»). *Макогін* (*Макогона*) — большой пест для растирания мака (см. с. 674 наст. изд.).

С. 133. ...из казенной палаты. — *Казенная палата* по «Учреждению для управления губерний Российской империи» 1775–1780 гг. была высшим ведомством по финансовым делам губернии.

С. 133. ...*Деркач-Дришпановский*. — *Деркач* (укр.) — 1) птица коростель, 2) веник без листьев, голик; 3) трещотка для спугивания птиц в саду (Гринч./Слов., т. 1, с. 371); первое значение слова было отмечено Гоголем в «Книге всякой всячины», раздел «Лексикон малороссийский».

С. 134. Пусть тебе на том свете вечно усмехается ~ ангелами святыми! — *Усміхатися* (укр.) — улыбаться (Гринч./Слов., т. 4, с. 357). Пожелание, невозможное с точки зрения народных представлений о нечистых покойниках, какими были русалки.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА П₂ — черновой автограф «Пропавшей грамоты». Хранится: ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Лл. 9—9 об., 11—11 об., 13—13 об., 15—15 об. (собрание П.Я.Дашкова). Автограф, первоначально принадлежавший М.П.Погодину, содержит четыре листа; листы были разорваны, позже склеены Дашковым (к которому перешло погодинское собрание рукописей) и вплетены в тетрадь вместе с другими автографами Гоголя, иллюстрациями к его произведениям (лл. 10, 12) и театральными афишами (л. 14); чернила. Разм. 34,9×22,0. Бумага (та же, что и в *ЧА Ся*, *ЧА Мн*, *ЧН Хч*) с филигранью: герб Гончарова на левой части двойного листа, литеры МФАГ (Медынская фабрика Афанасия Гончарова), лев, опирающийся на сферу, содержащую вензель АГ (Афанасий Гончаров) на правой части двойного листа, с белой датой «<18>29» (л. 13). Описана: *Клепиков, 1959, с. 54, № 383А; Uchastkina, 1962, plate 254, p. 601*. Описание рукописи см. также: *Описание ИРЛИ 2, с. 13*.

Впервые опубликовано: *Михайлов К.Н. Вновь найденные рукописи Гоголя // ИВ. 1902. № 2. С. 607—629* (в качестве приложения воспроизведено факсимиле рукописи). Предположительно датируется: не ранее июля 1830 г.

ЧН Хч — «Хромой черт», черновой набросок примечания к «Пропавшей грамоте». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 33. Л. 1. Автограф представляет собой правую часть двойного листа с неровно оборванным нижним краем, оборот не заполнен; чернила. Разм. 35,1×21,8. Бумага (та же, что и в *ЧА Ся*, *ЧА Мн*, *ЧА П₂*) с филигранью (см. выше) и с белой датой «<18>29». Пагинация красным карандашом в правом верхнем углу (л. 15), не совпадающая с архивной и общая с *ЧА Ся* и *ЧА Мн*, по догадке Г.П.Георгиевского, принадлежала П.А.Кулишу или лицу, которому впоследствии достались и автографы Гоголя и бумаги Кулиша (*Гоголевские тексты. Изданы Г.П.Георгиевским // Пам. Жук. и Гог., 1909, с. 55—59*); по более поздней версии — В.В. Думнову (*Описание РГБ 1, с. 29*). Бумага реставрирована. Описание рукописи см. также: *Тих., т. 6, с. 544; Описание РГБ 1, с. 29*.

Впервые опубликовано: *Тих., т. 6, с. 2* (как заметка к малороссийским повестям). Предположительно датируется: не ранее 1830 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. Санктпетербург. В типограф. депар. народ. просвещения. 1831 (цензурное разрешение — 26 мая 1831 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть первая. Издание второе. Санктпетербург.

В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безсомыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: ВД1. Печатается по тексту ВД2 со следующими исправлениями по Соч. 1855, а также с исправлением опечаток по ВД1, Соч. 1842, ЧА Пг (см. с. 621–626 наст. изд.):

С. 136, строка 6: услышишь вместо услышишь (по ВД1, Соч. 1842, Соч. 1855).

С. 140, строка 21: шопоча вместо топоча (по Соч. 1855).

С. 142, строка 36: масть хоть куда, козыри есть вместо масть хоть куда, козыри есть (по ЧА Пг; Соч. 1842, Соч. 1855).

Одним из источников, дающих возможность установить хронологические рамки работы Гоголя над повестью, является его письмо к матери от 22 мая 1829 г. с просьбой прислать ему описание различных карточных игр, популярных в украинском обиходе (Ак., т. I, с. 534 — см. с. 596 наст. изд.). Некоторые исследователи сдвигают нижнюю возможную границу возникновения замысла «Пропавшей грамоты» на несколько месяцев позже, считая, что повесть «была внушена знакомством с О.М.Сомовым» (Айзеншток, 1962, с. 256) и, следовательно, основная работа над ней велась после возвращения Гоголя в Петербург из-за границы, т. е. с конца сентября 1829 г. В пользу данной версии говорит, в частности, то, что в сомовской этнографической манере, от которой Гоголь отказался уже в «Ночи перед Рождеством» (см. с. 609–610 наст. изд.), выполнено примечание к повести «Пропавшая грамота» («<Хромой черт>»). С другой стороны, уже первая фраза черновой редакции «Пропавшей грамоты» («Так вы хотите, чтоб я вам еще рассказал про деда?») подтверждает, что основная работа над «Пропавшей грамотой» велась на том этапе, когда Гоголь начал циклизацию повестей вокруг фигуры деда, то есть не ранее июля 1830 г. (см. подробнее с. 610 наст. изд.).

По объему текст сохранившегося чернового автографа значительно превышает печатную редакцию. И хотя в сюжетном отношении печатный текст не обнаруживает сколь-либо серьезных разночтений с черновым, существенна правка отдельных эпизодов, произведенная Гоголем, по-видимому, при перебеливании. В печатный текст не вошли: подробное описание путе-

шестивия деда на хромом черте, эпизод с горшками, надувавшими щеки. Отброшены детали характеристики деда, как, например, содержащийся в черновой редакции рассказ о том, как он «один бывало иной раз выходил на медведя, а подчас и пяти человек умять ему было так же, как нашему брату отпеть воскресный кондак». Оборачивающийся в черновой редакции хромым чертом конь в печатном тексте исчезает. Голопозец черновой редакции превращается в печатном тексте в Голопуцка. При этом четкий и ясный по черк рукописи, несмотря на обилие правки, позволяет нам предположить, что в данном случае, как и в предыдущих (черновые автографы «Сорочинской ярмарки» и «Майской ночи»), мы имеем дело с текстом, отражающим один из последних этапов работы Гоголя над повестью.

* * *

В основу повести лег распространенный фольклорный сюжет о путешествии человека в ад, чтобы выручить «запись», скрепляющую его договор с чертом. Сюжет этот восходит к евангелию от Никодима, содержащему апокриф о «рукописании Адамовом», которое обрекает людей на пребывание в аду, откуда их потом изводит Христос (ср.: Лавров А. *Апокрифические тексты*. СПб., 1899. С. 15–28; *Апокрифическое сказание об Иисусе, Светлом семействе и свидетелях Христовых*. М., 1999. С. 72–104; см. также: Булашев, 1909, с. 123–124). Его фольклорным вариантом на Украине является легенда о «кумовой кровати» или о разбойнике Мадее (СУС, № 756В; см. также: Драгоманов, 1876, с. 50–51, 406–410; Кулиш, 1856, т. 1, с. 309–311; Памятники, 1860, вып. 1, с. 109; Афанасьев, 1990, с. 140; Андреев, 1928, с. 53); ср. бурлескную обработку XVIII в. легенды о Марке Проклятом (Пекельном Марко), повествующую о казаке, спустившемся в пекло по приказанию св. Петра, чтобы вывести оттуда других казаков — *Укр. літ. XVIII*, с. 185–192; ср. также пасхальную драму «Слово о буреню пекла...», основанную на Никодимовом евангелии: *Мирон. Южно-русская пасхальная драма // КС. 1896. № 6. С. 387–402*). Литературная обработка этого сюжета была сделана В.Н.Олиным в повести «Кумова постеля» (*Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1829 год*. СПб., 1829), где рассказывалось о крестьянском парне, которого мать во время трудных родов продала черту и которого впоследствии спас великодушный работник, сведя его в ад и уничтожив рукописание. На некоторое сходство в описаниях путешествия в ад у Гоголя и Олина указал В.В.Гиппиус (*Гиппиус, 1924, с. 29*).

Другой, более вероятный литературный источник «Пропавшей грамоты» — вставная новелла из романа В.Скотта «Редгонтлет», 1824 (см.: *Altshuller, 1989, р. 81–88*; см. также: *Альтшуллер, 1996, с. 260–261*). Новелла была опубликована в переводе О.Сомова под названием «Квитанция после смерти. Повесть, рассказанная слепым скрипачом (Из Редгонтлета, Романа С.Вальтера Скотта)» (*СО. 1825. № 18. С. 99–138*; в пол-

ном виде роман в переводе с французского вышел на русском языке в 1828 г.). Обе повести объединял мотив «схождения героя в ад» за вполне конкретным «деловым документом» (у В.Скотта мотивировкой путешествия в преисподнюю была внезапная смерть старого грешника Редгонтлета и таинственное исчезновение полученных им еще при жизни денег за земельную аренду; чтобы вернуть деньги или квитанцию об их оплате, герой — арендатор — должен был отправиться в ад, где, по его мнению, уже находился Редгонтлет). Другие общие мотивы в обеих повестях — характеристика протагониста (причем и у Гоголя и у В.Скотта им является дед рассказчика) как «удалого детины», который «порыскал по свету»; появление третьего лица, указывающего герою дорогу в ад; описание веселого пиршества в преисподней; неучастие в дьявольской трапезе (у В.Скотта герой отказывается от трапезы сам, у Гоголя его обносят едой).

Вместе с тем, шутливо-комический характер, приданный Гоголем сюжету о путешествии человека в ад, заставляет вспомнить еще об одном возможном источнике гоголевской повести — «Энеиде» Котляревского (ср. эпизод путешествия Энея в пекло, описание пекла, возвращение Энея — *Котляревский, 1808, с. 84–106; см. с. 629–630, 761, 762 наст. изд.*).

Другие мотивы, использованные Гоголем в повести, в большинстве своем восходят равным образом как к фольклорным, так и к литературным источникам. Так, описание гуляки-парубка совпадает с традиционным образом запорожца в украинском вертепе (см.: *Розов, 1911, с. 103–113; Марковский Е. Український вертеп. Т. I. Киев, 1929. С. 19*), но вместе с тем имеет и литературный источник: ср. описание Лесько в «Ночлеге гайдамаков» Сомова (*Денница на 1830. М., 1830. С. 68–69*). Мотив случайных гостей на шабаше ведьм и чертей широко распространен в народных рассказах (ср.: «Як ведьмы на Кармилицкую гору литали» — *Добровольский, 1891, с. 133*; см. также: *Драгоманов, 1876, с. 52–53, 54; Гринченко, 1897, вып. 2, с. 57, 58*); в 1830-е гг. этот мотив широко проникает также и в литературу (ср., например, балладу А.С.Пушкина «Гусар», 1833, а также повесть О.М.Сомова «Киевские ведьмы», 1833).

Изображение нечисти у Гоголя напоминает некоторые народные тексты (см.: *Гнатюк, 1904*), а также изображение чертей в вертепной драме (см.: *Розов, 1911, с. 115–117*), однако Гоголь придает своим картинам более изощренный литературный характер. Так, например, в изображении «адской» трапезы Гоголь контаминирует бурлескную традицию введения бытовых деталей в небытовую сферу (ср. сцену пекельной трапезы в «Энеиде» — *Котляревский, 1808, с. 138–139*; в «Пекельном Марко» — *Укр. літ. XVIII, с. 191*) с фольклорным представлением о сказочном герое, который при переходе в иной мир доказывает свою приобщенность к нему вкушением пищи (*Пропп, 1998, с. 161*). Отмечалась также типологическая близость картины шабаша в «Пропавшей грамоте» сцене Вальпургиевой ночи в «Фаусте» Гете (см.: *Дашкевич, 1914, с. 562*), сходство изображения Гоголем нечисти с изображениями чудовищ и химер в искусстве готики (см.: *Шам-*

бинаго, 1911, с. 26), близость сюжета повести отдельным историям Барона Мюнхаузена (*Врап, 1973, S. 59*).

Мотив игры в карты с чертями в аду, определенный как центральный самим рассказчиком («сказка» о том, «как ведьмы играли с покойным дедом в дурни»), широко распространен в фольклоре (так называемый мотив «состязания с чертом» — *СУС, № № 1060–1114*); ср. сказки об игре солдата в карты с чертями (*Афанасьев, 1984, т. 1, с. 272–274* — сказка «Солдат избавляет царевну»). Вместе с тем, в 1820–1830-е гг. мотив роковой игры с нечистой силой становится вообще широко распространенным как в западной, так и в русской литературе (см.: *Лотман Ю.М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Труды по знаковым системам. 7: Памяти Петра Григорьевича Богатырева — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 365. Тарту, 1975. С. 120–142*). Так, в качестве возможной сюжетной параллели «Пропавшей грамоте» указывалось на переводную французскую повесть «Игра в шахматы с нечистым» (опубл.: *Галатея. 1830. № 14. С. 97–108* — см.: *Данилов, 1915, с. 168–170*), а также на новеллу В.Ирвинга «Комендант Манко и солдат» (*Морозова, 1988, с. 157–158*). Последняя параллель представляется, однако, маловероятной, поскольку русский перевод повести под названием «Губернатор Манко. Из Алгамбры, нового сочинения В.Ирвинга» был опубликован уже после выхода в свет обеих «книжек» «Вечеров» (*Телескоп. 1832. № 12. С. 438–471*; цензурное разрешение — 2 сентября 1932 г.).

Чудесный конь, он же — «сатанинское животное» (на Украине существовало поверье, что лошадь есть превращенный Богом дьявол — см.: *Булашев, 1909, с. 401*), наделен у Гоголя типичными характеристиками былинно-сказочного коня («конь как огонь», «несется что птица» — см.: *Пропп, 1976, с. 169*; *Афанасьев, 1865, т. 1, с. 617, 628–629*; в народных рассказах такой конь оказывается чаще кочергой, скамьей — ср. использование этого же мотива в балладе Пушкина «Гусар», 1833 — или другим бытовым предметом). При этом сам мотив путешествия на чертовом коне широко распространен в фольклоре (ср. народный рассказ: «Як ведьма салдату падделала, што юн на липинки за тысичу верст слитау и сваю родину пувидау» — *Добровольский, 1891, с. 136*; см. также: *Иванов, 1891, с. 169*; *Сказки Ек./Харьк. губ., 1890, с. 138–139*) и проникает даже в агиографию (см. с. 770 наст. изд.).

В эпизоде обнесения деда угощением за трапезой в пекле проглядывает фольклорное представление о том, что вкушение пищи мертвецов способно приобщить героя к царству мертвых (*Пропп, 1998, с. 161*). Соответственно, дед, так и не вкусивший адской пищи, оказывается в финале способным возвратиться в мир живых (ср. тот же мотив в «Редгонтлете» В.Скотта — см. выше). Возможно также, что в мотиве трапезы с нечистой силой нашел отражение характерный для быличек сюжет о человеке, приглашенном на трапезу чертом, принявшим человеческий облик: когда человек случайно осеняет себя крестом (ср. «дед карты потихоньку под

стол — и перекрестил»), «кум» пропадает, а человек оказывается сидящим в глухом месте (в болоте, посередине реки — ср. «Глянул как-то себе под ноги — и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная!») и потом долго выбирается из этого места.

Мотив «ложного помощника», связанного с нечистой силой («Сговорились новые приятели, чтоб не разлучаться...»), характерен для древнерусских повестей («Повесть о Горе-злосчастии», «Повесть о Савве Грудыне» — сообщено *М.Н.Виролойнен*). Мотив танцующей бабы восходит к народным рассказам о танце против воли и о различных скачущих предметах; там, где нечисто, происходят необычные явления в доме: передвигается мебель, прыгает и летает домашняя утварь, бьются горшки; чтобы вывести нечисть из дома, освящают хату, закрепощивают окна и т. д. (ср.: *Гнатюк, 1904, с. 86; Гринченко, 1900, с. 99*; см. также: *Иванов П. Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малороссийской хате // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Вып. 3. Харьков, 1889. Отд. 2. С. 53–56; Байбурин, 1983, с. 114–116, 140–143*). При этом мотив «скачущей мебели» и танцующей бабы мог иметь и литературный источник — переводную повесть В.Ирвинга «Похождения моего деда, или Храбрый драгун. Из рассказов одного путешественника» (СО. 1825. № 15. С. 219–236, отмечено: *Altshuller, 1989, р. 88*). Ирвинг, впрочем, соотносил это явление с так называемой «пляской св. Витта» — ср.: «В древние времена известна была болезнь, которую немцы называли *St.-Veits-Tanz*: одержимые ею получали сильные конвульсии и оттого как бы беспрестанно плясали» (СО. 1825. № 15. С. 235). С повестью Ирвинга «Пропавшую грамоту» сближают и другие мотивы: в частности, описание ярмарки, на которую попадает дед, шинка, а также сам стиль описания «похождений» деда (ср.: «И так, одним вечером, как уже начинало смеркаться, дед мой, весел как и всегда, въезжал в Брюгге. <...> Ну, господа, про Брюгге вам нечего рассказывать: вы, верно, все его знаете...» — там же, с. 221).

При обилии как литературных, так и фольклорных источников, которыми мог воспользоваться Гоголь, в целом повесть строилась по схеме волшебной сказки: завязка действия «Пропавшей грамоты» напоминала исконно эпический мотив — сборы и отправку героя в дорогу; игра же в карты могла выступать как вариант поединка сказочного героя с его противником (*Пропп, 1976, с. 161*); испытания героя соответственно имели счастливый финал — ср. в этой связи замечание Царынного: «идет ли название были сказочке: “Пропавшая грамота”?» (*Царынный, 1832, с. 305*).

В этом контексте особое значение приобретает сказочный облик царицы, соединяющий в себе черты лубка («сидит сама, в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах и золотые галушки ест» — см., например, описание золотого престола с сидящими на нем Богом-Отцом и Богом-Сыном в стихотворении «Отец Негребецкий» — *Укр. літ. XVIII, с. 224–229*, в народной легенде «Божий коваль» — *Гнатюк, 1902,*

вып. 1, с. 83; ср. также: *Ровинский, 1881, т. 3, с. 137, № 760*) с представлениями о сакральной сущности монаршей власти. Ср. в финале повести неясное уподобление царского трона божественному престолу: «как повели его в палаты, такие высокие, что если бы хат десять поставить одна на другую, и тогда, может быть, не достало бы» (о сакрализации царской власти см.: *Успенский Б.А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1992; Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский, 1996, с. 205–237; см. также с. 772 наст. изд.*).

Время действия повести определяется, в частности, следующей фразой: «...наряжает его сам гетьман гонцом с грамотою к царице». Под «царицей» могла подразумеваться и Елизавета Петровна (годы царствования: 1741–1761) и Екатерина II (годы царствования: 1762–1796), поскольку гетманская резиденция в Батурине, откуда с посланием к царице отправлялся дед, была восстановлена последним гетманом Украины К.Г.Разумовским (см. с. 760 наст. изд.), избранным в 1750 г., то есть при Елизавете, и оставалась ею до 1764 г., когда гетманство было упразднено уже при Екатерине (топоним Батурина мог быть навеян Гоголю еще и «Историей Русов» — ср.: *Укр. літ. XVIII, с. 638–639; см. с. 627–628 наст. изд.*). Следовательно, по логике сюжета, время действия повести определяется между 1750 г. и 1764 г. При этом для Гоголя здесь важна не конкретная историческая приуроченность действия, а отнесенность его к условному прошлому.

Существенным для понимания смысла повести представляется и ее география. На географические несоответствия в «Пропавшей грамоте» указывал еще Андрей Царынный (А.Я.Стороженко): «Стоит взглянуть на почтовую карту, и всякий увидит, что посланный к Царице даже дороги не знал из Батурина на север: ибо нелегкая его занесла в Конотоп, лежащий 30 верст назад» (*Царынный, 1832, с. 300 — см. с. 638–639 наст. изд.*). При этом, название Конотопа в контексте повести значимо: по местной легенде, город получил свое имя оттого, что «проезжающие по топким и почти непроходимым болотам, за неимением мостов и переправ, тамо топили своих коней» (*Максимович, Щекатов, 1804, ч. 3, с. 722*). Возможно, что этимология топонима имела решающее влияние на выбор Гоголем именно Конотопа местом действия повести, а географическая путаница, в которой Гоголя упрекали, — была сознательным художественным приемом (см. также с. 762 наст. изд.).

* * *

В рецензии на первую книгу «Вечеров» А.Царынный (см. с. 638 наст. изд.) отметил ряд исторических анахронизмов, встречающихся в том числе и в повести «Пропавшая грамота». Речь шла, в частности, об исторической неточности рассуждения «деда» о малом числе «грамотеев» в Батурине:

«при гетманах было более в крае у нас грамотеев, нежели в настоящее время, когда они рассеялись по всему обширному Русскому Государству» (*Царынный, 1832, с. 298*). Последним, по мнению критика, определялся и неверно выбранный драматургический ход повести: «чтобы гетман Разумовский послал к Царице <...> и чтобы выбор гонца пал на такого простака, который зашил бы грамоту в шапку». Кроме того, считал критик, поскольку грамота была отправлена «к императрице Елисавете Петровне или к Екатерине Великой», надобности в гонце не было, так как «в сии царствования существовали уже везде учрежденные почты» (*там же, с. 299*).

Однако в дальнейшем повесть чаще толковалась критикой как наиболее органичная в первой книге «Вечеров», лишенная стиливых и семантических диссонансов, свойственных другим повестям цикла (в этом отношении ее традиционно сопоставляли с «Заколдованным местом» во второй части книги). Так, В.В.Гиппиус писал, что сказочная фантастика, попадая в атмосферу простодушного повествования рассказчика, «делается вполне органической; автор — с его неизбежным скепсисом — гораздо больше удален от повествования, чем это было в “рассказах Макара Назаровича”. <...> Чертовщина изображена в тонах нарочитого примитива, смешного, прежде всего, своей наивностью» (*Гиппиус, 1966, с. 66–67*). К тому же, как отмечал В.Сечкарев, оригинальность художественного приема Гоголя в «Пропавшей грамоте» заключалась в том, что в качестве героя здесь выступал дед повествователя Фомы Григорьевича, дела которого вовсе не соответствовали его «статусу» деда, что и создавало комический эффект (см.: *Setschkareff, 1953, S. 82*).

С другой стороны, в повести легко обнаруживались «хвостики душевного состояния», общего для всей книги «Вечеров». Так, в «диве», которое «делалось» бабе «ровно через каждый год» («танцуется, бывало, да и только»), И.Д.Ермаков усмотрел «отзвуки» «обычной болезни» Гоголя, о которой тот писал в письмах (*Ермаков, 1999, с. 162*). В ином плане о скрытом автобиографизме «Пропавшей грамоты» писал Л.Амберг, считая, что в повести предвосхищена внутренняя драма Гоголя: носитель слова, «грамотный человек», должен передать грамоту, которую он, столкнувшись со злом, чуть было не теряет. И эта потеря страшна не столько для самой грамоты (письма), сколько для ее носителя и его способности Читать и Писать — иными словами, нести людям Свет. Отсюда — двусмысленность заглавия повести: потерянная грамота как потерянное письмо и одновременно как утраченное знание (*Amberg, 1986, S. 30–31*). Впрочем, как считает М.Вайскопф (*Вайскопф, 1993, с. 92, 99*), история с потерянной грамотой может быть истолкована и как путь духовного освобождения. В этой связи обращает на себя особое внимание финальный эпизод повести — посещение дедом царицы (ср.: «...да в пятой уже, глядь, сидит сама...»). Гоголь мог использовать, считает исследователь, эмблематическое значение числа пять, восходящее как к народно-церковной, так и к теософской традиции, где духовное освобождение описывается как прохождение через четверо врат, а на пятой ступени происходит приобщение к Софии Премудрости (ср.: *Крестова Л.В.*

С.П.Румянцев — писатель и публицист, 1755—1838 // *Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма*. М.; Л., 1964. С. 114). Это подтверждается и литературно-панегирической традицией XVIII в., в соответствии с которой императрица Екатерина изображалась как Минерва или София Премудрость; в последнем случае дополнительно обыгрывалось прежнее имя императрицы — София Фредерика Августа, которое она носила до перехода в православие.

Заслуживает внимания и точка зрения Н.Друбек-Мейер и Х.Майера, считающих, что Гоголя интересует не само послание (мы так ничего и не узнаем о том, что было написано в грамоте; к тому же адресат, царица, и отправитель, гетман, так и остаются периферийными персонажами повести), но обстоятельства передачи грамоты. Речь здесь идет об акте коммуникации, а потому приключения, которые происходят с героем, есть в каком-то смысле проблема сказа, проблема устной речи, которая в контексте рассказа постоянно связана с дьявольским началом (ср.: «Нашего запорожца раздобар взял страшный... не бес ли засел в него» — *Drubek-Meyer, Meyer, 1997, S. 120–123*).

Отдельные образы повести нашли отражение у М.А.Булгакова. Фраза «Гром пошел по пеклу» цитируется в «Похождениях Чичикова» (1922) (*Булгаков, т. 2, с. 241*) и в «Роковых яйцах» (1924). Ср.: «Гром тотчас же начал скакать по всему совхозу и играть отблесками на стенах» (*Булгаков, т. 2, с. 102*; см. также: *Натова, 1984, с. 106*).

* * *

Театральные, музыкальные и кинематографические интерпретации повести

На сюжет «Пропавшей грамоты» написаны:

— «Пропавшая грамота, или Вражья сила и козацкая удаля. Большое волшебное-драматическое обстановочное представление в 3 д., 8 карт. С балетом, превращениями, шествием и апофеозом А.Я.Алексеева», 1875; поставлено в 1896 г.

— Фантастическая комедия-оперетта М.Л.Кропивницкого «Пропавшая грамота»; поставлена 1897, сент. 17; по мнению цензора, слишком большая роль в пьесе была отведена дьячку, что вызвало ряд исправлений первоначального текста (см.: *РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Ед. хр. 7. Л. 479–501, 522, 622–623*).

— Романтическая опера Я.Ярославенко «Відьма», в 3 действиях; либретто С.Черкасенко, на укр. яз.; премьера — 1922, мая 22, Львов; поставлена в Ужгороде в 1926 г.; шла также под названиями «Шинкарка» и «В горах коханья» (см.: *Бернандт, 1963, с. 32*; *Архімович Л. Шляхи розвитку Української Радянської опери. Київ, 1970. С. 32–33*).

— «Пропавшая грамота», сценическая композиция для кукольных театров, в 3 действиях; авторы инсценировки А.Бородин и Н.Савин (отдельное издание — М., 1961).

Экранизации повести:

- «Пропавшая грамота», 1927; реж. Ю.А.Меркулов;
- «Пропавшая грамота», графич. цв. мультфильм, 1945; сценарий и постановка В.С.Брумберг и Э.С.Брумберг;
- «Пропавшая грамота», к/ф, к/студия им. Довженко, 1972; автор сценария И.Ф.Драч.

* * *

Первые переводы повести:

- на украинский язык — в составе первого перевода книги: Вечери на хуторі близь Диканьки. Т. 2. Львів, 1865 — см. с. 676 наст. изд.; Загублена грамота. Билина, розказана дяком ***-ской церкви (переклад С.Н.Исаевича) // Зоря. 1885. №№ 15–16. С. 181–183; № 17. С. 196–198;
- на сербский язык — Изгублено писмо. Прев. Дж.Попович // Даница. 1867. № 28. С. 636–654;
- на словацкий язык — Ztratený list. Starobylá povest' rozprávana od diačka ***skej cirkve. Prel. Nezabudov // Sokol. 1868. Т. VII. С. 208–213;
- на французский язык — в книге Эрнеста Дюпюи «Корифей русской литературы» (Dupuy Ernest. Les grands maîtres de la littérature russe. Paris, 1885); затем в составе первого перевода книги «Вечеров»: Les Veillées de l'Ukraine. Par E. Harpérine-Kaminsky. Paris, 1890 — см. с. 676 наст. изд.; см. также: Gogol Nicolas. La lettre perdue // Défense de la paix. 1952. № 8. Р. 115–125;
- на немецкий язык — Das verschwundene Schreiben und Die verhexte Stelle. Erzählungen vom Küster der Kirche zu X. Leipzig, 1924.

* * *

С. 136. ...поперхнулось за акафистом великомученице Варваре... — Акафист — христианское хвалебное церковное песнопение в честь Христа, богородицы, святых. Акафист св. Варваре, которая особо почиталась на Украине (ум. около 306 г.; память 4 декабря ст. ст.; ее мощи с XII в. хранились в Киеве), был сочинен киевским митрополитом Иоасафом Кроковским в начале XVIII в. (см.: *Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. В 12 книгах. Кн. 11. Декабрь. Репр. изд. Калуца, 1991. С. 96*). Обычно с молитвой к великомученице Варваре обращались для избавления от нечаянной смерти, что придает особый комизм реплике Фомы Григорьевича.

С. 136. ...твердо-он—то... — «Твердо» и «он» — название букв «т» и «о» в старом русском алфавите. Здесь: чтение слога «то» в соответствии со старыми названиями букв (см. с. 761 наст. изд.).

С. 136. ...словотитлу поставить. — Словотитло — надбуквенный знак, употреблявшийся для сокращения в церковнославянских книгах.

С. 136. *В праздник отхватает Апостола...* — *Апостол* — богослужебная книга, содержащая «Деяния» и «Послания апостолов».

С. 136. *...со всего Батурина грамотеев...* — *Батурин* — местечко в бывшей Малороссийской губернии в Нежинском уезде на реке Сейме. Назван в честь своего основателя Стефана Батория. В 1750 г., с избранием гетманом Украины К.Г.Разумовского (1728—1803), которому принадлежали Батурин и вся Батуринская волость, сюда была переведена резиденция гетманов (см. с. 756 наст. изд.).

С. 137. *...Вискряк ~ Мотузочка ~ Голопуцек...* — *Вискряк* (укр.) — сопля (Гринч./Слов., т. 1, с. 241); *Мотузочка* (укр.) — веревочка (Гринч./Слов., т. 2, с. 449—450), *Голопуцёк* (укр.) — неоперившийся (дословно — голозадый) птенец (Гринч./Слов., т. 1, с. 304).

С. 137. *...играть в кашу.* — *Каша* — одна из разновидностей распространённой на Украине игры в мяч, называемой стінка (Гринч./Слов., т. 2, с. 228). «Играющие собираются в кружок и один из них, бросая мяч оземь, кричит: “тут каша, тут!” Все бросаются к мячу, желая поймать его на лету; кто поймал, тот садится верхом на того, кто потянулся за мячом и не поймал. Комоник уже со спины товарища бросает мяч. Кто поймает, тот садится на того же коня. Если же всадник потянется за мячом, а поймает конь, то, при смехе играющих, происходит перемена ролей <...>. Если мяча никто не поймал, то каша “рассыпалась” и игра начинается снова» (Исаевич С.Н. *Малорусские народные игры окрестностей Переяслава // КС. 1887. № 6—7. С. 461; см. также: Чубинский, т. 4, с. 43).*

С. 137. *...бородач-москаль...* — На Украине существовал особый стереотип восприятия москалей (см. с. 704 наст. изд.), которые, по мнению малороссиян, отличались «ленью, лукавством и обманом» (см.: Булашев, 1909, с. 164).

С. 137. *...навстречу запорожец. ~ Красные, как жар, шаровары...* — Именно таким традиционно представлялся костюм запорожца в вертепе: «Он гораздо крупнее всех других кукол вертепа; одет он в широкие красные шаровары и синюю куртку, обшитую галуном; в правой руке у него булава; с выбритой головы висит чуприна...» (Перетц, 1895, с. 63; см. также: Ровов, 1911, с. 110).

С. 137. *...не увидеть большие запорожцев!* — Ср. в манифесте Екатерины II об упразднении Запорожской сечи 1775 г. (см. с. 772 наст. изд.): «...нет теперь более Сечи Запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же и Козаков сего имени» (цит. по: Бантыш-Каменский, 1822, ч. 4, с. 303).

С. 137. *Попойка ~ как на свадьбе перед постом великим.* — В русском и украинском народном быту февраль месяц, от Богоявления до Масленицы, был ознаменован свадьбами. Затем наступал пост, когда церковь переставала сочетать браки.

С. 138. *Нашего запорожца раздобар взял...* — *Раздобар* — непреодолимое желание говорить, болтать.

С. 138. *...гулять ~ на прах.* — *На прах* — совершенно.

С. 138. ...не поспите одной ночи! — Возможно, что здесь травестирован евангельский эпизод сна апостолов, которых Христос просил бодрствовать с ним (ср.: *Матф.*, 26:38).

С. 138. ...словно черным рядом... — *Рядно* — толстый холст из грубой, редко сплетенной льняной или пеньковой пряжи (ср. *словарик предисловия ко второй части «Вечеров»*).

С. 138. ...писать покой-он—по. — *Покой и он* — название букв «п» и «о» в старом русском алфавите. Здесь: чтение слога «по» в соответствии со старыми названиями букв (см. с. 759 наст. изд.).

С. 138. ...сколько кварт и осьмух высушили... — *Кварта* — см. с. 705 наст. изд. *Осьмуха* — половина кварты.

С. 139–140. ...близко шинка будет поворот направо в лес. — В фольклоре лес является устойчивым топосом, враждебным человеку, местом пребывания зловещих сил. Дорога в иной мир ведет через лес, что связано с древним представлением о трех мирах, где лес является миром средним, расположенным между верхним, сакральным, и нижним, миром мертвых (см.: *Пропп*, 1998, с. 151–157).

С. 140. ...цыганы ~ ковать железо... — На Украине цыгане считались «сродни черту», поскольку основному своему промыслу — кузнечному делу — они, согласно легенде, выучились у черта (*Булашев*, 1909, с. 191). Существовало также представление, что дьявол иногда принимает облик цыгана, причем цыгана-кузнеца (ср. легенды «Кузнец и черт», «Пустынник и дьявол» — *Афанасьев*, 1990, с. 123–127, 165–171; см. также: *Славянские древности*, т. 2, с. 416 — статья «*Инородец*»).

С. 140. ...придешь к небольшой речке... — В народных представлениях река и мост через реку являют собой топос, обозначающий границу между тем и этим миром. Мотив перехода реки означает путь в иной мир в легендах об обмирании и представлениях о путешествии души умершего на тот свет (см.: *Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913*; то же: *Соболев А.Н. Мифология славян. СПб., 1999. С. 164–167*). В быличках река и мост предстают как непосредственное место пребывания нечистой силы, в т. ч. чертей (ср. далее у Гоголя: «Вот и мостик! Ну, тут одна только чертовская таратайка разве проедет»).

С. 140. ...что-то подирало его по коже, когда вступил он ~ в лес. — Возможная реминисценция из «Энеиды» Котляревского, где Эней аналогичным образом отправляется в пекло: «И шов, и шов, що аж из чуба / В три ряды капав пит на нис; / Як-ось забачив из за-дуба, / Густый пройшовши уже лес...» (*Котляревский*, 1808, с. 84–85).

С. 140. ...проклятые шипы и сучья так больно царапались... — Ср. в «Энеиде» Котляревского: «Коловь сердечный об тернину, / Пошарпався весь об шепшину» (*Котляревский*, 1808, с. 94).

С. 140. ...как польской шляхтич в козачьих лапах. — Традиционный мотив вертепного театра и украинских интерлюдий (см.: *Розов*, 1911, с. 140–141).

С. 140. ...*чертовская таратайка*... — Ср. примечание О.М.Сомова к «Сказкам о кладах»: «Малороссийская тарадайка (так! — *Ред.*) есть открытая повозка на четырех колесах, сделанная красивее обыкновенных телег, часто с вычурною резьбою на досках и выкрашенная разными красками, коих резкое смешение составляло странную пестроту. Это экипаж небогатых панков, мелких купцов и зажиточных обывателей» (*Нев. альм. на 1830 год. СПб., 1829* — см.: *Сомов, 1991, с. 204*).

С. 141. ...*такие смазливые рожи ~ ускользнуть от этого знакомства*. — Возможная реминисценция из «Энеиды» Котляревского: «Эней таку побачив щяцю, / Незнав из ляку де стояв» (*Котляревский, 1808, с. 85*).

С. 141. ...*что-то сыплют в огонь*. — На Украине изобретение огня традиционно приписывалось чертям (см.: *Булашев, 1909, с. 341*).

С. 141. ...*добродейство, будьте ласковы...* — *Добродейство (укр.)* — господа, благодетели. Украинцы обращались так к людям высшего звания и рода (*Гринч./Слов., т. 1, с. 399*).

С. 141. ...*пекло*. — *Пекло (укр.)* — ад (см. *словарик предисловия к первой части «Вечеров»*), от глагола *пеку, печь* (по-украински: *пекти*). Однако в украинских легендах пекло иногда выполняло функцию, сходную с чистилищем у католиков. Существовало представление, что «где солнце всходит, там будет рай; где солнце бывает в полдень, там — пекло; а где солнце никогда не бывает, там — ад. За великие грехи посадят в ад, за меньшие — в пекло» (*Булашев, 1909, с. 141*).

С. 141. *Ведьм такая гибель ~ разряжены, размазаны, словно паночки на ярмарке*. — Возможно, данная сцена также навеяна описанием пекла в «Энеиде» Котляревского. Ср.: «На ярмальце як слобожане, / А бо на красному торгу / До рыбы товплятся міряне / Було на сіому так лугу; / Душа товкала душу в боки / И щекотали мов сороки...» (*Котляревский, 1808, с. 108*). «Тмочисленное» количество ведьм и чертей было излюбленной темой романтиков, и в первую очередь В.А.Жуковского. Ср. письмо Гоголя Жуковскому: «О, с каким бы я тогда восторгом стряхнул власами головы моей прах сапогов ваших, возлег у ног Вашего поэтического превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст ваших, приутовленный самими богами из тмочисленного количества ведьм, чертей и всего любезного нашему сердцу» (*10 сентября 1831 г.*).

С. 141. ...*черти с собачьими мордами, на немецких ножках*... — Зооморфные черты (собачья или свиная морда) — традиционная черта описания черта в быличках. Гоголь контаминирует этот мотив с также традиционным изображением черта в виде немца (ср. тот же мотив в «Ночи перед Рождеством»), шире — инородца (см.: *Славянские древности, т. 2, с. 415–417* — статья «*Инородец*»).

С. 141. ...*музыканты тузили себя в щеки кулаками*... — Ср. аналогичный мотив в «Сорочинской ярмарке», глава X («Черевик, вместо ответа, надул щеки и начал болтать руками, подражая барабанному бою»).

С. 141. ...стол, длиною ~ с дорогу от Конотопа до Батурина. — Зеркально-симметричное отражение реального пространства (дед выезжает из Батурина и прибывает в Конотоп) в пространстве мифологическом, т. е. в пекле.

С. 142. ...Иродово племя... — Отождествление Ирода с бесом восходит к традиции богомилов, считавших, что Ирод (исторический правитель Галилеи, приказавший умертвить младенцев, узнав о рождении Христа) есть «черт первовечный»; встречалось также и в украинской традиции (см.: Радченко К.Ф. *Этюды по богомольству // Чтения в историческом Обществе Нестора-летописца. Киев, 1904. С. 103–116*).

С. 143. ...спустил кралою. — Здесь: даму.

С. 143. ...арапником... — Арапник — длинная витая ременная плеть с короткой рукояткой.

С. 144. ...насыпать целую шапку синицами... — См. с. 706 наст. изд.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА Пр2 — черновой автограф предисловия ко второй книжке (части) «Вечеров». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Л. 8–8 об. (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1*, *ЧН НпР*, *ЧА См* и *ЧА Шп*. Автограф представляет собой левую половину двойного листа, заполненную с двух сторон, л. 8 об. заполнен наполовину; чернила. Разм. 35,0×22,0. Бумага (та же, что и в *ЧН НпР*, *ЧА Шп*) с частью филигрны: литеры «ФК<НГ>» («Фабрика князя <Николая Гагарина>» — полную характеристику водяного знака см. с. 831 наст. изд.). Описана: Клепиков, 1959, с. 68, № 698; *Uchastkina*, 1962, plate 27, p. 57.

Впервые опубликовано: Ак., т. XIV, с. 296–299 (под названием «Предисловие ко второй части. Черновой автограф»). Предположительно датируется: вторая половина 1831 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка. Санктпетербург. Печатано в типографии А.Плюшара. 1832 (цензурное разрешение — 31 января 1832 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть вторая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безосмыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1* (вторая книга, 1832). Печатается по тексту *ВД2*.

Тот факт, что черновой автограф предисловия ко второй части «Вечеров» написан на той же бумаге, что и примечания к «Ночи перед Рождеством» и текст повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (см. *выше*; с последней *ЧА Пр2* сближает также характер чернил и почерк), позволяет предположительно отнести написание «Предисловия» к заключительному этапу работы Гоголя над второй частью «Вечеров», то есть, скорее всего, ко второй половине 1831 г. (см. *подробнее с. 605–606 наст. изд.*).

* * *

С. 145. *Не бранитесь только!* — Косвенная аллюзия на критику первой книжки «Вечеров» в отзывах Н.А.Полевого и Андрия Царынного (А.Я.Стороженко) — см. *подробнее с. 635–636, 638–639 наст. изд.*

С. 145. *...горохового панича ~ которого много остряков и из московского народу не могло понять...* — Первые рецензенты «Вечеров» ополчились в основном на «литературные» повести первой книги («Сорочинскую ярмарку» и «Майскую ночь»), рассказчиком которых подразумевался гороховый панич (см. *подробнее с. 672, 733 наст. изд.*).

С. 145. *...около лета, да чуть ли не на самый день моего патрона...* — День св. Пантелеимона, с которым Гоголь соотносил уменьшительное имя Панько (см. с. 679–680, 725 *наст. изд.*), праздновался 27 июля по старому стилю.

С. 145. *...Чухопупенко ~ Курочка ~ Смачненький ~ Хлоста...* — Чухопупенко — дословно: почесывающий пуп; от *чухати*, укр. — чесать зудящее место (*Гринч./Слов., т. 4, с. 479*); курочка (укр.) — здесь: уменьшительное от курка (укр.) — курица; другие значения: 1) куриная слепота; 2) vulva (*Гринч./Слов., т. 2, с. 380–381*), а также водяная болотная птица — то же, что и гоголь (см.: *Шапиро Г. Николай Гоголь и гордый гоголь: Писатель и его имя // Russian Literature Journal. 1989. № 43. P. 145–159*); смачненький (укр.) — вкусный (*Гринч./Слов., т. 4, с. 156*); хлоста — порка, наказание розгами (*Гринч./Слов., т. 4, с. 403*).

С. 145. *...чтобы, как говорят, вместе и услаждение и назидательность была...* — По-видимому, ироническая реминисценция из «Искусства поэзии» Горация (стих 341). Ср.: «Всех соберет голоса, кто мешает приятное с пользой, / И услаждая людей, и на истинный путь наставляя» (цит. по: *Гораций Флакк Квинт. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 392*).

С. 146. ...пересыпать канупером... — *Канупер* (кануфер, калуфер) — душистая трава.

С. 146. *Не нужно нам таких гостей!* — Ср. аналогичную реплику Данила при появлении колдуна в «Страшной мести» (см. с. 821 наст. изд.).

С. 146. ...для сказки моей нужно ~ три таких книжки. — Существует предположение, что, говоря о третьей книжке, Гоголь имел в виду роман «Гетьман», над которым уже работал в это время (см.: *Немзер, 1985, т. 1, с. 483*).

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА НпР — черновой автограф «Ночи перед Рождеством». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Лл. 44–67 об. (по авторской <?> пагинации тетради — лл. 87–134). Автограф представляет собой 24 листа (48 страниц) записной книги Гоголя (так называемая «тетрадь Тарновских» — см. с. 606–608 наст. изд.); чернила разных оттенков (от черных до светло-коричневых), карандаш (л. 66 об./132). Разм. 32×20,8. Бумага с филигранью: литеры МУСТ (Медынского уезда село Троицкое) на правой стороне двойного листа, вензель под короной с литерами АСХ (Антон Семенович Хлюстин) на левой стороне двойного листа, с белой датой «1824». Описана: *Клепиков, 1959, с. 40, 169, № 70; Uchastkina, 1962, plate 326, p. 747*. На л. 43 об./86, перед началом повести, набросан столбцом список слов: «кобеняк», «черевики», «Кожух», «Кобеняк», «видлога», «гаман», «[мешки]», «пальяница», «скрыне», «швецъ», «намитка», «Шибеник» (слова «черевики», «[мешки]», «пальяница», «скрыне», «швецъ», «намитка» написаны карандашом, остальные — чернилами); все они вошли в «Словарик» ко второй части «Вечеров» (см. с. 146–148 наст. изд.). Заголовок графитным карандашом («Ночь перед Рождеством») на л. 44/87 и значки примечаний (+) малиновым карандашом (лл. 66 об./132–67/133 — см. с. 436–441 наст. изд.) сделаны рукой неустановленного лица. Лл. 52/103 и 66/131 не заполнены до конца. Между лл. 51/101 и 52/103 — корешок обрезанного листа. На последнем листе автографа (л. 67 об./134), в нижней его части, начало статьи «Несколько слов о Пушкине». Описание рукописи см. также: *Тих., т. 1, с. 542–552; Описание РГБ 1, с. 16, 56*.

Первые опубликовано: *Тих., т. 1, с. 543–555* (в извлечениях). Предположительно датируется: не ранее июля 1830 г.

ЧН НпР — черновой набросок примечания к «Ночи перед Рождеством». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1 Ед. хр. 1263а. Л. 18 (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1, ЧА Пр2, ЧА См, ЧА Шп*. Автограф представляет собой верхнюю половину неровно оборванного двойного листа, правая сторона двойного листа от сгиба обрезана на

2/3, на обороте — проба пера; чернила. Разм. 22,0×17,5/18,5. Бумага (та же, что и в *ЧА Пр2, ЧА Шп*) с частью филиграни: нижняя часть двух последних литер «<ФК>НГ» («<Фабрика князя> Николая Гагарина») на левой стороне двойного листа, нижняя часть герба Ярославской губернии в овале на обрезанной правой части двойного листа, с белой датой «1830». Описана: *Клепиков, 1959, с. 68, № 698; Uchastkina, 1962, plate 27, p. 57*. На нижнем поле л. 18 каллиграфически выписано слово «скрыня».

Впервые опубликовано: *Ак., т. XIV, с. 299*. Предположительно датируется: осень-зима 1831 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка. Санктпетербург. Печатано в типографии А.Плюшара. 1832 (цензурное разрешение — 31 января 1832 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть вторая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безосмыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1* (вторая книга, 1832). Печатается по тексту *ВД2* со следующими исправлениями по *Соч. 1855*, а также с исправлением опечаток по *ВД1, Соч. 1842, ЧА НпР* (см. с. 621–626 наст. изд.):

С. 151, строки 22–23: дорога шла по-за селом *вместо* дорога шла по заселам (по *ЧА НпР, ВД1*).

С. 158, строки 9–10: пришел как-то коровий пастух Тымиш Коростявый *вместо* пришел какой-то пастух Тымиш Коростявый (по *ЧА НпР, ВД1*).

С. 158, строки 13–15: начала доить коров, а он не мог пошевелиться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы *вместо* начала доить коров, а он не мог пошевелиться, так был околдован; и помазала его губы (по *ЧА НпР*).

С. 163, строка 32: под обоими глазами *вместо* под обеими глазами (по *Соч. 1842, Соч. 1855*).

С. 169, строки 13–14: Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знаменья *вместо* Тут кузнец вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знаменья (по *ЧА НпР*).

С. 171, строки 30–31: с фонарями под обоими глазами *вместо* с фонарями под обеими глазами (по *Соч. 1842, Соч. 1855*).

С. 174, строка 2: — Ах! — вскрикнули девушки *вместо* — Ах! — вскрикнули девушки (по ВД1).

С. 174, строки 29–33: Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чертом. Его забавляло до крайности, как черт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а черт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее. Все было светло *вместо* Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чертом. Все было светло (по ЧА НнР).

С. 176, строка 9: как имели случай видеть выше сего *вместо* как имели случай видеть ниже сего (по Соч. 1842; Соч. 1855).

С. 179, строки 16–17: стоявшего подальше от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом *вместо* стоявшего подальше от других с полным, но несколько бледным лицом (по ЧА НнР).

С. 180, строка 35: теснясь к спорившим *вместо* теснясь к ссорившим (по ВД1).

В пределах выше описанной хронологии работы Гоголя над «Вечерами» (см. с. 604–610 наст. изд.) исследователи по-разному определяли время написания «Ночи перед Рождеством». Н.П.Андреев считал, например, что единственно достоверной верхней датой работы Гоголя над повестью является дата цензурного разрешения второй книжки «Вечеров», то есть 31 января 1832 г. (Ак., т. I, с. 537). И.Я.Айзеншток относил работу над повестью к осени-зиме 1831 г.; в это же время, считал он, были созданы повести «Страшная месть» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» — Айзеншток, 1962, с. 256–257). С другой стороны, Н.С.Тихонравов, по данным почерка черного автографа, допускал, что ранний этап работы Гоголя над повестью можно отнести к 1830 г. или к началу 1831 г.; в то время как окончательный текст он относил к последней четверти 1831 г. (Тих., т. 1, с. 542, 552). Вместе с тем, тот факт, что Гоголь использовал в повести описания колядования и щедрования, присланные матерью в ответ на его просьбу (ср. письмо от 30 апреля 1829 г., описания были затем внесены в «Книгу всякой всячины» — раздел «Обычай малороссиян»), дает некоторое основание относить возникновение замысла «Ночи перед Рождеством» к более раннему периоду.

Черновой автограф «Ночи перед Рождеством» представляет собой, по всей видимости, один из последних этапов работы Гоголя над повестью. Ему явно предшествовал более ранний вариант, поскольку большая часть текста (лл. 44/87–66/131) переписана в тетрадь четким и крупным почерком, как это обычно бывало у Гоголя, когда он перебеливал рукопись с уже имеющегося черновика, а ряд исправлений внесен позже (так, имя Чуб в черновой редакции появляется позднее: в некоторых местах оно вписано, а в некоторых так и остался пробел). На лл. 66 об./132–67 об./134 — вставки с большим количеством исправлений, относящиеся большей частью к петер-

бургскому эпизоду (детализируется знахарская деятельность Пащюка, значительно подробнее дается описание полета Вакулы на черте, прописывается внешность и манера поведения Потемкина и Екатерины; именно в приписках впервые появляется жалоба запорожцев «Помилуй, мамо» и разговор Екатерины с Фонвизинным — см. с. 788–789 наст. изд.).

Можно предположить, что между черновым автографом и печатным текстом существовала еще промежуточная редакция, поскольку, по сравнению с текстами «Сорочинской ярмарки», «Майской ночи» и «Пропавшей грамоты», печатный текст «Ночи перед Рождеством» имеет более серьезные расхождения с черновым автографом (ЧА НпР). Так, в печатном тексте сокращена до нескольких лаконичных фраз сцена финального свидания Оксаны и Вакулы, достаточно подробно и чувственно прописанная в ЧА НпР («Тут Кузнец вышел из себя и в душевном волнении обхватил рукою ее полный стан. Чувствовала дрожащая рука, как подымались под нею полные Девические перси. Дрожь и чудный холод пробежал по жилам Парубка» — см. с. 435 наст. изд.), убрано и описание самой свадьбы. Исчезает мотив отданных «на церковь» башмаков и сгоревшей «Церкви св.***», которая в печатной редакции именуется как «Т... церковь». Уточнены имена и обозначения персонажей: «Переперчиха» вместо «Перипердиха», «яресковский голова» вместо «диканьский голова»; «Корней Кобен» (вариант: «Чуб») заменяется на «Корний Чуб», «Остаб (Остап) Свербыгуз» — на «Касьян Свербыгуз»; парубок «Товченко» на «Кизяколупенко»; появляется упоминание Фомы Григорьевича («Рожа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью»). «Отец Осип», проповеди которого не любил черт, и «отец Кондрат» в ЧА НпР (см. с. 382, 401 наст. изд.) в печатной редакции становятся одним лицом, причем, в печатном тексте удерживается имя Кондрат. Сокращена беседа запорожцев с Вакулой (в частности, в печатной редакции исчезает обещание, данное кузнецу, повести его на «машкерад балшой»); делается более лаконичным описание внешности Солохи и того впечатления, которое она производила на казаков (ср.: «Оденется ли в праздник в яркую плахту..» в ЧА НпР); зато усиливается мотив участия в событиях нечистой силы («Хоть что хочешь говори, хоть тресни, а не обошлось без нечистой силы. Ведь он не пролезет в окошко!» вместо: «Да ведь он не пролезет в окошко» в ЧА НпР). Вместе с тем, рискованное соединение «хвоста» и «креста» («Тут Кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения») заменяется более нейтральной фразой («Тут кузнец вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения»). Эпизод забав девушек и парубков перенесен в другое место (первоначально о нем рассказывалось после сцены в хате Оксаны).

При подготовке в 1850–1851 гг. нового издания «Сочинений» (Соч. 1855) Гоголь успел просмотреть приблизительно половину корректурных листов повести (до слов: «“Прощайте, братцы!” — кричал в ответ кузнец. — “Даст Бог, увидимся на том свете”»), остальная часть была напечатана по изданию 1842 г. (Соч. 1842).

В основу сюжета «Ночи перед Рождеством» положена легенда о благочестивом маляре, пользовавшаяся большой популярностью на Украине (см.: *Драгоманов, 1876, с. 51; Иванов П.В. Сборник легенд из купянского уезда Харьковской губернии г. Иванова // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. 2–3. С. 73–75*) и хорошо известная южно-русской схоластической литературе XVII в. (ср., например, «Небо новое» Иоанникия Галатовского, 1665, где рассказывается об одном живописце, нарисовавшем пресвятую Деву Марию и поместившем под ее ногами черта в таком отвратительном виде, что тот поклялся ему мстить — см.: *Сумцов Н.Ф. Легенда о благочестивом живописце. Киев, 1894. С. 1–5*). В качестве наиболее близких параллелей гоголевской повести можно привести сказку о благочестивом кузнеце, которому черт мстил за то, что тот намалевал его «как есть, с рогами, с хвостом» и всякий раз, «как взойдет кузнец в свою кузницу на работу, Спасу помолится, а на врага харкнет и плюнет: всего его заплевал» (*Перетц В.Н. Деревня Будогоща и ее предания. Этнографический очерк // Живая старина. 1894. № 1. С. 12*), а также малороссийскую балладу «Кузнец». Последнюю с «Ночью перед Рождеством» объединяет не только мотив мести черта кузнецу за оплеванное свое изображение, но и даже конкретное описание хаты кузнеца. Ср.: «Ну, а кузница-то у Яремки: право, и хата другая не будет просторней и краше; а разных-то кунштов наклеено! Тут и кот астраханский везется мышами, и с пикой Ермак, и Палей с мудрено-подписанной виршей вверху и конем, подкованным кзадку шипами из желтыя меди, и страшный суд <...> Подле горнила, на самой печке, висел, на холсте намалеванный черт, повешенный кверху ногами <...>. Если Яремка кует — уж он так норовит, чтобы к черту спиной. <...> А если Яремка и глянет, бывало, на черта, то верно, чтоб плюнуть на чертову харю» (см.: *Боровиковский Лев. Шесть малороссийских простонародных баллад // ОЗ. 1840. Кн. 2. С. 50–51*).

Легенду о благочестивом кузнеце, культурном герое славянской мифологии (см.: *Славянская мифология, 1995, с. 234*), защитнике Христа и победителе дьявола, которая была распространена в средневековой Европе и проникла оттуда на Украину (см.: *Петров, Пам.Г., 1902, с. 64; Перетц, 1902, с. 54*), Гоголь осложняет представлением иного рода: именно кузнецу народное сознание традиционно приписывало общение с нечистой силой (в русских сказках кузнецу помогает сам черт; см.: *Гиппиус В. Коваль Кузьма-Дем'ян у фольклорі // Етнографічний Вісник. 1929. Кн. 8. С. 25–26; ср.: Рудченко, 1869, вып. 1, с. 65–66 — рассказ «Коваль и чорт»). Не случаен в этой связи и мотив ведьмы, матери Вакулы.*

Возможно, однако, что на фольклорный источник данного мотива у Гоголя наложились и родственные литературные впечатления: книга В.-Г.Вакенродера «Сердечные излияния отшельника — любителя изящного», 1797 (2-е изд. — Л.Тик—В.-Г.Вакенродер. «Фантазии об искусстве, для дру-

зей искусства», 1799); на русский язык частично переведена и опубликована под названием «Примечательная музыкальная жизнь Художника Иосифа Берглингера» с предисловием С.П.Шевырева (МТ. 1826. Ч. 9. Отд. II. С. 25–56); в том же году вышла отдельным изданием (*Размышления об искусстве и художниках. М., 1826*). Речь, в частности, идет о первой части книги (раздел «Временник живописцев»), в которой помещена история художника Спинелло, нарисовавшего «в старости для церкви Св. Агуоло в городе Арещо большую запрестольную картину Люцифера и падения злых Ангелов <...>. Сей чудовищный образ так сильно овладел воображением художника, что злой дух, рассказывают, точно в том же виде предстал ему в сновидении» (там же, с. 151–152; ср.: *Вакенродер В.Г. Фантазии об искусстве. М., 1977. С. 95–96*).

В повести также активно использованы некоторые фольклорные мотивы, имевшие широкое распространение в вертепной драме. Так, сюжет о любовниках в мешках, в том числе, когда любовником оказывается духовное лицо, широко распространен в восточнославянском фольклоре (см.: СУС, № 1730; *Драгоманов, 1876, с. 155, 155–160, 160–162* — рассказы «Дьяк и пономарь», «Гибель четырех попов», «Мужик, баба, поп, дьякон и цыган»; ср. также: *Рудченко, 1869, вып. 1, с. 170; Гринченко, 1897, вып. 2, с. 109; Роздольский, 1900, с. 22–25*). Мотив вынесения в мешках черта и любовника из хаты присутствует в украинских народных рассказах «Гибель четырех попов», «Дьяк Тит Григорьевич» (см.: *Шенрок, т. 1, с. 290*). Мотивы обманутого черта, оседлания черта, широко известные бытовой сказке (см.: СУС, № 1000–1199), восходят вместе с тем и к традиции вертепного театра (ср. *Розов, 1911, с. 111*; о соотносении образа Солохи с типажом вертепной драмы и украинской комедии, в частности, комедии В.А.Гоголя «Простак», см. с. 630, 691 наст. изд.). Мотив служения человеку заклятого крестным знаменем беса, встречающийся в народных рассказах (ср.: *Андреев, 1928, с. 74*), мог быть известен Гоголю еще и по агиографической литературе: эпизод «Жития Иоанна Новгородского» (XV в.) с описанием путешествия новгородского епископа в Иерусалим на бесе — см.: *Четьи Минеи под 7 сентября*; см. также: *Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе // Памятники литературы древней Руси. XIV–середина XV века. М., 1981. С. 454–463*; ср. использование аналогичного сюжета в юношеской поэме А.С.Пушкина «Монах».

К народным поверьям восходят также следующие образы и эпизоды повести: немецкое платье черта (см. с. 782 наст. изд.); ведьма, вылетающая через трубу собирать звезды (см. с. 782 наст. изд.); ведьма, отбирающая молоко у коров (см. с. 785 наст. изд.); представление о хромом черте (см. с. 786 наст. изд.), представление о метели как разгуле нечистой силы; разговор с чертом о продаже души.

Другие фольклорные мотивы повести — «вредительства» (черт, желающий навредить кузнецу) и «трудной задачи», связанной с добыванием невесты (у Гоголя: детали свадебного наряда для невесты) в потустороннем

мире, для чего герой вступает в сговор с нечистой силой. Причем, по законам жанра, путешествие героя в чужое пространство (Петербург) приравнивается к смерти (ср.: слухи о гибели Вакулы, распространившиеся в Диканьке), а возвращение домой — к воскресению (ср.: «Чуб выпучил глаза <...> и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес...»).

Собственно литературные источники (см. выше) играют в генезисе «Ночи перед Рождеством» достаточно малую роль по сравнению с остальными повестями цикла. С некоторой долей вероятности можно сказать, что в повести в самом общем виде отразился сюжет легенды о пане Твардовском, известном Гоголю, в частности, и по одноименной балладе П.П.Гулака-Артемовского (см.: *Stender-Petersen, 1920, S. 83; см. с. 717 наст. изд.*); а также сюжетная конструкция оперы Э.-Р.Дуни «Les Sabots», популярной в конце царствования Екатерины II и шедшей на сцене Петровского театра в 1786 г. в вольном переводе В.Л.Левшина под названием «Черевики». На роль последней в генезисе «Ночи перед Рождеством» впервые обратил внимание П.А.Кулиш в письме В.И.Шенроку от 14(26) июля 1890 г. (опубл.: *Крутикова, 1992, с. 296; см. также: Шенрок, т. 2, с. 77*): «При разборе Гоголевой “Ночи перед Рождеством” вспомните, что в дневнике Храповицкого, под 12 июля 1786 года сказано: “При чтении (Екатерине II. — Ред.) Мос<ковских> газет, объявление об опере “Черевики”; вопрос о том слове”» (ср.: *ОЗ. 1821. № 16. С. 148; ср. также: Дневник А.В.Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874. С. 12*). Гоголь мог читать дневник Храповицкого, публиковавшийся в журнале «Отечественные записки» на протяжении 1821–1828 гг. (см. выше); вместе с тем, вполне возможно, он был непосредственно знаком с содержанием оперы по рассказам близких лиц, в том числе Д.П.Трошинского (см.: *Крутикова, 1992, с. 33–35*). Во всяком случае, именно запись Храповицкого могла натолкнуть его на тему Украина — Петербург, черевички — Екатерина II, центральную для повести (см. также: *Манн, 1994, с. 447–448*).

История пребывания Вакулы в Петербурге могла быть также навеяна «Отрывком из истории некоторого Малороссиянина», помещенной в «Грамматике малороссийского наречия» А.Павловского (мотивы Петербурга как того света, неметчины и т. д.; ср.: «Отеж як я прїїхав у Петембурх, дак мов тобі не той світ: нігде непобачышь нашого козацтва, ні півчоловіка, усе Москалі да Німота, и всі хамаркають по Німецки...» — *Павловский, 1818, с. 90–93; ср. помещенный там же рассказ «Вакула Чмырь», который, вполне возможно, повлиял на выбор имени героя — Павловский, 1818, с. 93–105*).

Сцена посещения запорожцами Екатерины и, в частности, ее беседа с Д.И.Фонвизинным свидетельствуют о воздействии на Гоголя повествовательных приемов В.Скотта, обычно выводившего в свите государя кого-либо из знаменитых ученых или писателей (отмечено: *Ак, т. I, с. 542*; вместе с тем, в сцене появления Екатерины перед запорожцами проглядывает и реминисценция из «Энеиды» Котляревского — появление троянцев перед Дидо-

ной — см. с. 788 наст. изд.). Усматривается влияние В. Скотта также и в финальной сцене повести, где намалеванный Вакулой черт пугает детей. Так, в романе В. Скотта «Сент-Ронанские воды» («St. Ronan's well», 1824) описывается ставшая пугалом для детей трактирная вывеска «с изображением Св. Ронана, отнимающего из когтей дьявола Епископский жезл» (*Сент-Ронанские воды. Сира Валтера Скотта. Ч. I. Пер. с франц. Михаил Воскресенский. М., 1828. С. 13—14; дословно — «Сент-Ронан, уловляющий <...> дьявола за хромую ногу...»*; отмечено: *Вайскопф, 1993, с. 35*).

Эпизод полета ведьмы на свидание имеет также параллель и в немецкой предромантической и романтической литературе (ср. часть первую трагедии И. В. Гете «Фауст» — сцена «Вальпургиевой ночи»).

* * *

Исторический фон «Ночи перед Рождеством» дан с гораздо большей конкретностью по сравнению с предшествующими повестями цикла: сказочный в своей основе сюжет разворачивается во вполне определенном историческом пространстве. Действие повести хронологически приурочено к эпизоду царствования Екатерины II — последней депутации запорожцев, состоявшейся в 1775 г. и связанной с работой Комиссии по упразднению Запорожской Сечи. Источники, которыми пользовался Гоголь в разработке этого эпизода, вполне могли быть устного характера; однако вместе с тем Гоголь мог воспользоваться и книжными источниками, в том числе «Историей Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского, в которой, в частности, был воспроизведен манифест Екатерины 1775 г. «об истреблении Запорожской Сечи» (*Бантыш-Каменский, 1822, ч. 4, с. 297—303*). О знакомстве Гоголя с манифестом, в котором большое место занимала тема «безбрачия» запорожцев, свидетельствует, в частности, реплика Екатерины в повести: «...я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся» (см. подробнее с. 790 наст. изд.).

Сам же портрет императрицы, выступающей в повести как сказочно-фольклорный персонаж (ср. с. 756 наст. изд.), отвечает вместе с тем многочисленным описаниям ее внешности и манеры поведения в мемуарной и документальной литературе, которая, скорее всего, известна была Гоголю уже в начале 1830-х гг. Ср. издания, перечисленные в «Реестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июня 11 дня»: Черты Екатерины Велик<ой>. [СПб.], 1819; Анекдоты Екатерины II. [М.], 1806; Жизнь князя Потемкина. [М.], 1808 и др. (см.: *Воропаев В. Книги для Гоголя // Прометей. Т. 13. М., 1983. С. 137*). Ср. также описание внешности императрицы в «Записках» А. М. Грибовского, работать над которыми он начал в Петербурге в декабре 1830 г.: «...видно было, что она имела в младости более красоты, чем прелести. Величие чела ее умеряемо было приятностию глаз и улыбкою. <...> Облик ее в сокровенности не был правильный, но должен был крайне нравиться, ибо открытость и веселость всегда были на ее устах...» (цит. по: *Записки о Екатерине Великой, состоявшие*

го при ее особе статс-секретаря и кавалера Адриана Моисеевича Грибовского. М., 1847. С. 9–10; отмечено: Морозова, 1993, с. 124; о «теме Екатерины» в русской литературе 1830-х гг. см.: там же, с. 121–123).

Введение Гоголем на одной из стадий переработки повести эпизода с Д.И.Фонвизиним (см. с. 789 наст. изд.) также не случайно. В 1830 г. Фонвизин, в связи с выходом собрания его сочинений (*Полное собрание сочинений Д.И. Фон Визина. Ч. 1–4. М., 1830*), становится объектом обсуждения в литературных кругах — в первую очередь, на страницах «Литературной газеты», публикующей отрывки из «Жизнеописания Фонвизина» П.А.Вяземского, «Разговор у княгини Халдиной» А.С.Пушкина (всего за 1830 г. Фонвизину было посвящено 11 публикаций), и журнала «Московский телеграф» (см., например: <Полевой Н.А.> Полное собрание сочинений Д.И.Фон Визина // *МТ. 1830. № 13. С. 72–76*). Кроме того, в собрании сочинений Фонвизина, вышедшем в том же году, впервые полностью были опубликованы «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», в которых говорилось в том числе об успехе «Бригадира» при дворе, и «Друг честных людей, или Стародум», содержащий рассуждение о назначении писателя в век Екатерины. Именно этими произведениями мог быть подсказан характер изображения Фонвизина в «Ночи перед Рождеством» (см.: Морозова, 1995, с. 22–26; о расхождении гоголевского Фонвизина с историческим лицом см.: *Рассадин Ст. Сатиры смелый властелин. М., 1985. С. 24–25; см. также с. 789 наст. изд.*).

Для понимания природы событий, происходящих в повести, принципиально важен ее хронотоп: действие происходит в ночь на Рождество, когда, по народным поверьям, происходит активизация нечистой силы. Это время «предельного сгущения хаоса», апогей борьбы темных сил с силами добра, следствием чего оказывается беспорядок, «размытость границ между предметами и явлениями» (см.: *Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 38; Душечкина, 1988, с. 21*). Вместе с тем это период умирания старого и рождения нового (см.: *Слюсарь, 1982, с. 96; о метафорическом значении смены старого года новым см. также: Фрейденберг, 1936, с. 90–91*).

* * *

Из повестей цикла «Ночь перед Рождеством» традиционно выделялась как наиболее удавшаяся, наиболее репрезентативная для «Вечеров» (не случайно первая постановка «Вечеров» на театральной сцене в 1833 г. была на самом деле инсценировкой именно этой повести — см. с. 675 наст. изд.). О.И.Сенковский в рецензии на второе издание «Вечеров» (1836) писал: «Самая милая сказка — “Ночь перед Рождеством”: она очень весела, очень drôle — вернее мы не умеем выразить иные ее свойства. Здесь часто попадает остроумие, и вообще вы читаете ее с наслаждением и любопытством с начала до конца» (*БдЧ. 1836. № 3. Отд. «Литературная лето-*

пись». С. 4). За год до того, в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» В.Г.Белинский также особо выделил повесть: «“Ночь пред Рождеством Христовым” есть целая, полная картина домашней жизни народа, его маленьких радостей, его маленьких горестей, словом, тут вся поэзия его жизни» (*Телескоп. 1835. №№ 5–8 — см.: Белинский, т. I, с. 301*). Причем, по словам критика, достоинство «Ночи перед Рождеством» заключалось, в частности, в том, что в повести объединились черты художественного образа Украины, которые в других повестях присутствовали у Гоголя «либо порознь, либо в немногих случайных сочетаниях» (*там же*).

Именно «Ночь перед Рождеством» выбрал впоследствии для чтения крестьянам Л.Н.Толстой. Впрочем, опыт оказался не совсем удачным: «Я попробовал еще Гоголя: “Ночь перед Рождеством”. При моем чтении она сначала понравилась, особенно взрослым, но как только я оставил их одних, — они ничего не могли понять и скучали. Даже и при моем чтении не требовали продолжения. Богатство красок, фантастичность и капризность постройки противны их требованиям» (*Толстой Л.Н. Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы // Ясная Поляна. 1862. № 1. С. 69; то же: Толстой, т. 8, с. 59 — см. также с. 653 наст. изд.*).

В 1880-е гг. «Ночь перед Рождеством» начинают воспринимать как образцовую святочную повесть, воссоздающую атмосферу праздничного времени, и в этом качестве перепечатывают в различных изданиях к Рождеству и к Новому Году (см.: *Душечкина, 1988, с. 22*).

Своеобразная интерпретация повести обнаруживается у И.Ф.Анненского, сопоставившего картину, нарисованную Вакулой, с портретом ростовщика-Антихриста в одноименной повести Гоголя: «В старой повести кузнец Вакула смело оседлал черта и побывал на этом коне там, где ему и не снилось; здесь, наоборот, художник убежал от черта, испугавшись раз на всю жизнь. Там Вакула намалевал черта на церковной стене более гадким, чем страшным <...>. Здесь — художник создал нечто не только страшное, но зловредное, даже роковое. Первым изображением живописец, вероятно, гордился, хотя это и было до некоторой степени церковное покаяние за поднятую им чертовщину; но чего же было, в сущности, бояться Вакуле? Глядите, мол, добрые люди, на нечистого, — вот он и весь тут. Живописец “Портрета”, наоборот, всеми силами искал уничтожить следы своего малеванья, <...> а между тем портрет, может быть, гуляет среди нас и теперь, тогда как церковная стена с малеваньем Оксаниного мужа, поди, давно уже заросла бурьяном и крапивой после приключения с злополучным Хомой Брутом» (*Анненский И. Книга отражений. СПб., 1906. С. 22; то же: Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 17*).

В XX в. повесть выделяли из всего цикла «Вечеров» как наиболее совершенную с точки зрения характера обрисовки героев. Так, в Оксане Андрей Белый усмотрел первую «женскую личность» у Гоголя, «подымающую» «что-то бесовски-сладкое»: «В Оксане Гоголь пытается связать два женских типа: Оксана более личность, чем другие дивчины, за которыми гоня-

ются гуртом; но в проблесках личной жизни своей она родственна дочери сотника» (Белый, 1934, с. 146). О психологической обрисовке любовных переживаний героев «Ночи перед Рождеством» писал и В.В.Гиппиус (см.: Гиппиус, 1966, с. 67). «Самым детальным портретом женщины-нарцисса в русской литературе» назвал гоголевскую Оксану С.Карлинский (Karlinsky, 1976, р. 38–39). Отмечалось также, что описание отношения Вакулы к Оксане (особенно в черновой редакции — см. с. 768 наст. изд.) необычно для Гоголя своей откровенной чувственностью, которая обычно проявляется у него в гораздо более завуалированной форме: «По сравнению с внешней формой идеально-рыцарского поклонения Левка Ганне в “Майской ночи” взаимоотношения героев в “Ночи перед Рождеством” значительно углубляются» (Kent, 1969, р. 62–63).

На амбивалентность финала повести, противоречащую привычным представлением о светлой атмосфере «Ночи перед Рождеством», обратил внимание Ю.В.Манн: «возникает неожиданная нота: страх перед нечистой силой», которая, казалось бы, уже посрамлена Вакулой. То, что тема страха воплощена в ребенке, который являет собой «само становящееся и все преодолевающее время», только усиливает момент страшного и непонятного в повести (Манн, 1988, с. 26). Ср. мнение А.Оболенского о типологическом сходстве сцены полета Вакулы с картинами Иеронима Босха, у которого часто, на заднем плане, в казалось бы «внешне мирном и спокойном небе, можно увидеть демонов, летящих по воздуху» (Obolensky, 1984, р. 124; о сходстве в описании движения Вакулы на черте и Чичикова на тройке см.: Эпштейн М. Ирония стиля: Демоническое в образе России у Гоголя // НЛО. 1996. № 19. С. 137).

Иконический принцип описания выступает и более непосредственно в «Ночи перед Рождеством». Так, картина «пречистой Девы с младенцем на руках», увиденная Вакулой во дворце, рифмуется в финале со сценой появления Оксаны с ребенком. А победа Вакулы над чертом, будучи сюжетным стержнем повести, оказывается закреплена в церковной фреске («Иконы становятся символическим эквивалентом описываемых событий» — см.: Гончаров, 1993, с. 34).

О теософской проблематике повести, включающей в себя «путешествие к мудрой царице» (Екатерину традиция XVIII в. приравнивала к Минерве — см. с. 758 наст. изд.), заключительное воссоздание Храма и рождение младенца, см.: Вайскопф М. Гоголь как масонский писатель / Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 123–136.

* * *

Влияние «Ночи перед Рождеством» сказалось в рассказе А.П.Стороженко «Закоханий чорт» (Основа. 1861. № 2. С. 14–40).

Отдельные мотивы «Ночи перед Рождеством» усматриваются в рассказе Н.С.Лескова «Некрещенный поп» (1877): метель, на фоне которой

происходят таинственные события; образ Керасивны, напускающей «мару» на односельчан и путающей фантастическое с повседневно-бытовым и т. д. (см.: Крутикова, 1992, с. 101).

Черты героини «Ночи перед Рождеством» Андрей Белый увидел в «блоковской женщине» периода «Прекрасной дамы» и «Незнакомки» (1904—1905, 1907): «недаром в лице Оксаны издевка, призыв к попиранью заветных святынь» (Белый, 1934, с. 295).

У самого Белого мотивы «Ночи перед Рождеством» сказались в «Четвертой симфонии» (1902—1903): скачка полковника и его возлюбленной по воздуху; описание Светловой как колдуньи, «мчащейся ночью на месяце»; общий фон повествования — метель, зима — также дан в соотносительности с голевой темой разгула нечистой силы (см.: Паперный, 1982, с. 114—116).

Мотив черта, похожего на губернского стряпчего в мундире, был подхвачен Д.С.Мережковским: «Я называю черта прямо по имени, не даю ему великолепного костюма à la Байрон и знаю, что он ходит во фраке» (Мережковский, 1906, с. 3).

В поэме В.В.Маяковского «Про это» (1923) глава вторая названа: «Ночь под Рождество, фантастическая реальность».

Словами Чуба («чтобы ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною») «Чичиков ругательски ругал Гоголя» в «Похождениях Чичикова» М.А.Булгакова, 1922 (Булгаков, т. 2, с. 230; см. подробнее: Натова, 1984, с. 108).

Рассуждения о нравственной проблематике повести — в дневниках М.М.Пришвина: «Есть оторопь в неожиданно, врасплох берущих тебя моральных положениях <...>. Вот, например, можно ли всерьез говорить о черте, как у Гоголя в “Ночи перед Рождеством”; чтобы черта захватить силой божественного начала и заставить его служить тебе и ты чтобы не утратил себя от такого прикосновения с чертом» (дневниковая запись от 4 апреля 1934 г.). Ср.: «Раз я думал о черте, и мне вспомнился знаменитый рассказ о кузнеце Вакуле, который оседлал черта, добыл на нем царицыны черевички для своей возлюбленной, женился, стал при помощи черта счастливейшим из смертных, не уступив искусителю рода человеческого из себя ничего» (дневниковая запись от 7 сентября 1934 г. — цит. по: Рязанова Л.А. Пришвин о Гоголе // Гоголь. История и современность. М., 1985. С. 476, 477).

* * *

Театральные, музыкальные и кинематографические интерпретации повести

«Ночь перед Рождеством» была инсценирована вскоре после выхода в свет второй книги «Вечеров»: 9 января 1833 г. в Петербургском Большом театре состоялся бенефис В.А.Каратыгина, на котором был представлен «Вечер на хуторе близ Диканьки...» (см. с. 675 наст. изд.; на самом деле, инсценирован был один из эпизодов «Ночи перед Рождеством»; в Москве спектакль показан 1833, мая 19; еще

раз — 1852, нояб. 5, 11, позднее запрещен цензурой за сцену с дьяком, в которой было усмотрено высмеивание церковнослужителя (см.: *Данилов, 1936, с. 424–426; ИРДТ, т. IV, с. 299; Гриц Т. Щепкин играет Козака Чуба // Театральная жизнь. М., 1959. № 11. С. 30*).

В «Записках из Мертвого дома» Ф.М.Достоевский упоминает некую пантомиму, сюжет которой сходен с эпизодом «приема» у Солохи в «Ночи перед Рождеством» (*Достоевский, т. IV, с. 128, 307*).

На сюжет «Ночи перед Рождеством» написаны:

— Музыкальная сюита из эскизов к «Ночи под Рождество» В.С.Серовой, четыре номера в сюите принадлежали А.Н.Серову (см.: *Шеффер Т. Украинская тема в творчестве А.Серова / Из истории русско-украинских музыкальных связей. М., 1956. С. 95*); дошла в отрывках; сохранились две инструментальные пьесы «Гопак», «Гречаники» (см.: *Тюменева, 1966, с. 93*).

— Оперетта К.Гертмана, О.Мильчевского «Царицыны башмачки», 1873; в оперетте видели соединение «оффенбаховского канкана» и «мотивов украинских народных песен» (см.: *Гозенпуд, 1952, с. 924, примеч. 46*).

— Опера Н.Ф.Соловьёва «Вакула-кузнец», 1875; впервые исполнена в 1880 г. в Санкт-Петербургском музыкально-драматическом кружке любителей; другие постановки — 1890-е гг. в консерватории Санкт-Петербурга; в 1899 г. в частной опере Санкт-Петербурга; в 1901 г. — в Народном доме Николая II (см.: *Гозенпуд, 1952, с. 899; Данилов, 1936, с. 449, 466; Чешихин, 1906, с. 362–363*).

— Опера П.И.Чайковского «Кузнец Вакула», либретто Я.П.Полонского; представлена на конкурс, организованный в 1873 г. русским Императорским обществом, плохо принята жюри; 1874, нояб. 2, исполнена увертюра к опере в Москве, дир. Н.Г.Рубинштейн; премьера оперы — 1876, нояб. 24, в Мариинском театре, Петербург; в 1885 г. опера была переработана и получила новое название — «Черевички»; премьера — 1887, янв. 19, в Большом театре, Москва, дирижер П.И.Чайковский.

— Оперетта Н.В.Лысенко «Різдвяна ніч», либретто М.П.Старицкого, 1874–1882. Первая редакция 1874 г. написана как пьеса в двух актах с музыкальными номерами для киевского кружка Лысенко и Старицкого; вторая, расширенная, 1882 г. представляла собой комико-лирическую оперу (см.: *Старицкий М.П. Письмо к редактору // Новое время. 1888. № 4301; Старицкий М.П. К биографии Н.В.Лысенко. Киев, 1904; Комаров, 1906, № № 98, 108, 145*). В оперной редакции авторы существенно отошли от гоголевского сюжета: были отброшены, например, фантастические элементы и сцены (ср.: *Старицкий М. Різдвяна ніч. Музыкальна комедія в чотирьох діях (Тема по Гоголю) // Старицкий М. Вибрані твори. Київ, 1950. С. 547–608; см. также: Архимович, 1957, с. 99, 172–182; Фирсанова, 1962, с. 131*). Первая постановка оперы — 1883, янв. 27, в Харькове, реж. Пальчинский. Опера поставлена была также в Галицко-украинском театре; известно, что ее хвалил Иван Франко (*Франко Иван. «Різдвяна ніч» Старицкого-Лысенко // Иван Франко про театр и драматургию. Киев, 1957. С. 203; см. также.: Фирсанова, 1962, с. 142–143*).

— Опера Н.Я.Афанасьева «Кузнец Вакула», 1875 <?>; клави́р не сохранился (см.: *Данилов, 1936, с. 449, 466*).

— Фантастическая пьеса А.Я.Алексеева «Кузнец Вакула, или Бес в мешке», 1878; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см.: *Петербургские балаганы. СПб., 2000. С. 137*).

— Инсценировка А.Я.Алексеева «Царицыны башмачки, или Приключение в ночь на Рождество, большое волшебное-драматическое представление в 3 действиях, с песнями, танцами и превращениями», 1881 (см.: *Данилов, 1936, с. 466*).

— Комедия М.Н.Кочубей «Оксана», в 3 действиях, 1884 (см.: *Кочубей М.Н. Пять театральных пьес на малороссийском языке. Киев, 1904; Данилов, 1936, с. 466*).

— Комическая опера «Царицыны башмаки», в 3 действиях, 7 картинах; музыка из народных украинских песен составлена К.Гертманом, аранжировка И.Я.Сетова; дозволено цензурой в 1884 г., с исключениями; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см.: *Данилов, 1936, с. 466*).

— Фантастическая феерия-комедия «Царицини черевички (Кузнец Вакула)», в 5 действиях, 7 картинах, переделка Волховского, 1885; рукопись хранится в ЦНБ СТД.

— Драматическое представление «Кузнец Вакула, или Царицыны башмачки», в 5 картинах, с хорами, песнями, плясками и хороводом; без авт.; запрещено цензурой в 1886 г.; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см.: *Данилов, 1936, с. 467*).

— Народная книжка: «Кузнец и Чорт. Рассказ о том, как кузнец Вакула верхом на чорте ездил в Питер за полусапожками. В 2 частях. По Н.В.Гоголю Фомы Балагура. М., 1900» (см.: *Сперанский, 1902, с. 151–184*).

— Опера Н.А.Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством: Бель-колядка», либретто композитора, 1894; премьера — 1896, нояб. 28, в Мариинском театре Санкт-Петербурга, дир. Э.Ф.Направник. Постановка вызвала возражения со стороны цензуры, поскольку, по существующим правилам, нельзя было показывать на сцене императрицу; присутствовавшие на генеральной репетиции великие князья Михаил и Владимир потребовали изменения либретто, сочтя неприличным появление их прабабушки в одной сцене с чертом. Римскому-Корсакову пришлось заменить партию царицы партией Светлейшего (ср. реакцию композитора: «Я не был на первом представлении и вместе с женой остался дома. Мне хотелось хотя бы этим высказать свое неудовольствие против всего случившегося», и далее: «было бы лучше, если бы одновременно с моей оперой запретили бы и все сочинения Гоголя; не было бы по крайней мере соблазна писать на его сюжеты») (цит. по: *Ястребцев, 1959, т. 1, с. 322*); 3 мая 1900 г. состоялась премьера оперы во Франкфурте-на-Майне под управлением Роттенберга («Музыкальная часть, в особенности оркестр, шла весьма недурно, но все происходящее на сцене оказалось какой-то возмутительной карикатурой»); более удачной была постановка оперы в Праге (см.: *Римский-Корсаков Н.А. Музыкальное наследство. Т. 1. М., 1953. С. 235; Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. С. 252–254, 256–257, 276; Ястребцев, 1959, т. 2, с. 546*).

— Комедия Г.Ашкаренко «Царицыны черевички, або чого кохання не зможе» («Царицини черевички, або Чего коханне не знаме»), на укр. яз., 1890; поставле-

но труппой Ашкаренко в Елисаветграде (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 4. Ед. хр. 156. Лл. 210, 256–257; Архимович, 1957, с. 94).

— Инсценировка А.Ф. Матусина (Калинникова) «Ночь перед Рождеством», 1901, рукопись хранится в ГТБ СПб. (см.: Данилов, 1936, с. 467).

— Комедия М.Карповой «Ночь перед Рождеством», в 4 действиях, 1901, запрещена цензурой к постановке (ср. отзыв цензора: «Переделана неумело: автор не знает, видимо, о существовании Высочайшего повеления 1837 года, воспрещающего выводить на сцену Особ Царствующего Дома Романовых. В числе действующих лиц является императрица Екатерина II, что не допускается. На тот же сюжет были переделки, но Императрица в них вовсе не была выводима» — РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 20. Лл. 34,49).

— Инсценировка «Царицыны башмачки (Кузнец Вакула)», в 5 действиях, без авт. (см.: Данилов, 1936, с. 467); издано: *Шестнадцатый сборник пьес для солдатских и народных театров. Бесплатное приложение к журналу «Чтение для солдат».* СПб., 1907.

— Феерия Х.Я.Хааг «Царицыны башмачки, или Ночь перед рождеством», в 10 картинах, 1907; рукопись хранится в ГТБ СПб. (см.: Данилов, 1936, с. 467).

— «Жарт» Бобринецкого «У Солохи», в 1 действии, на укр. яз., 1909 (РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 28. Л. 157).

— Комедия Н.П.Чубинского «Ночь перед Рождеством, или Кузнец Вакула»; поставлена 1910, янв. 1, Театром Литературно-художественного общества (Суворинский театр, Санкт-Петербург) (см.: *ИРДТ, т. VII, с. 537*).

— Инсценировка К.И.Ванченко «Чорт — не баба! Жарт в 1 действии с песнями и плясками», на укр. яз., 1912 (см.: Данилов, 1936, с. 467).

— Музыкальная комедия Ю.С.Милютин «Ночь перед Рождеством», либретто В.Э.Масса, В.Я.Типота; поставлено в 1927 г. в Московском театре сатиры; повторная постановка — там же, в 1930 г.; реж. А.Н.Феоно (см.: *Янковский, 1963, с. 169–170*); гоголевский текст осовременен: черт превратился в белогвардейца, скрывающегося у Солохи, исключены фантастические сцены (см. также: *Краснянский Э. Встречи в пути. Страницы театральных воспоминаний. М., 1967. С. 238–239*).

— Оперетта Д.Морозова «Оксана», либретто В.Э.Масса, В.Я.Типота; поставлена в 1929 г. в Ленинградском театре музыкальной комедии (см.: *Янковский, 1963, с. 169–170*).

— Балет Б.В.Асафьева «Ночь перед Рождеством», в 2 действиях, 7 картинах, либретто Ю.И.Слонимского; поставлен 1938, июня 15, выпускниками Ленинградского хореографического училища на сцене театра им. С.М.Кирова, пост. В.А.Варковицкий; на большой сцене поставлен 1938, дек. 29, театром Московского художественного балета под руководством В.В.Кригер, пост. Ф.П.Лопухов, В.П.Бурмейстер.

— Инсценировка Е.В.Деммени «Черевики»; поставлена в 1938 г. в Ленинградском государственном кукольном театре (см.: *Кукольный театр. Пьесы. Л.; М., 1940. С. 245–272*).

— Музыкальная комедия Э.Э.Черкасского «Ночь перед Рождеством», в 3 действиях, 5 картинах, музыка Э.Д.Черкасского, 1949; рукопись хранится в РГБИ.

— Инсценировка И.Руденко «Ночь перед Рождеством (Черевички)», в 2 действиях, 8 картинах для театра марионеток (отд. издание — М., 1950).

— Инсценировка В.Василька «Черевички» (см.: *Инсценировки В.Василька. Киев. 1987*).

— Из других постановок: «Ночь перед Рождеством», спектакль Центрального театра кукол, Москва, реж. С.Образцов, 1941; «Рождественская ночь», пьеса И.Афанасьева и М.Ткача, спектакль Днепропетровского драматического театра им. Т.Г.Шевченко, реж. И.Афанасьев и В.Восканян, 1990 (отзыв см.: *Экран и сцена. 1990. № 2. 11 янв*); «Ночь перед Рождеством», театральная фантазия в 13 сценах с эпилогом, спектакль Московского драматического театра на Малой Бронной, реж. С.Женовач, 1998.

Экранизации повести:

— «Ночь перед Рождеством», кинодекламация, 1909; труппа Т.Пиддубного (см.: *Вишневский В. Гоголевские образы в киноискусстве // Искусство кино. 1952. № 3. С. 100*);

— «Ночь перед Рождеством», к/ф (немой), к/студия Ханжонкова, 1913; реж. В.А.Старевич;

— «Черевички», к/ф, Одесса, 1927; автор сценария Л.Гуревич, реж. П.И.Чардынин;

— «Черевички», к/ф, Алма-Ата, 1944; сценарий и постановка М.Г.Шапиро, Н.Н.Кошеверовой;

— «Ночь перед Рождеством», мультфильм, к/студия Союзмультфильм, 1952; сценарий и постановка В.С.Брумберг и Э.С.Брумберг;

— «Вечера на хуторе близ Диканьки (Ночь перед рождеством)», к/ф, к/студия детских и юношеских фильмов им. А.М.Горького, 1961; автор сценария и реж. А.А.Рои;

— «Ночь перед Рождеством», телеспектакль, 1969, дек. 26, ЦТ, Ленинградская студия; автор сценария А.Белинский, реж. Л.Волобринский.

* * *

Первые переводы повести:

— на чешский язык — *Noc před vánocemi. Přel. Libišanský // Lumír. 1855. №№ 14–18*;

— на сербский язык — *Ноч у очи божића. Прев. Дж.Попович // Седмица. 1858. №№ 18–24*.

— на английский язык — в составе сборника «Казачьи рассказы» (*Gogol N. The night of Christmas eve // Cossack Tales. Transl. by G. Tolstoy. London; Blackwood, 1860*);

— на украинский язык — в составе первого перевода книги: *Вечери на хуторі близь Диканьки. Т. 2. Львів, 1865 — см. с. 676 наст. изд.*; *Ніч перед Різдвом (Українська вигадка Микола Гоголя) // Батьківщина. 1885. №№ 1–13*;

— на немецкий язык — в составе сборников «Черт, ведьмы и казаки» (Teufel, Hexen und Kosaken. Mit 26 Aquarellen von F.Löwen. Wien; Leipzig, o. J.); «Фантазии и рассказы» (Phantasien und Geschichten von Nikolaus Gogol. Deutsch von W.Lange und Ph.Löbenstein. I–IV. Leipzig, 1883–1886 (Universal-Bibliothek). Bd. I (Die Nacht vor Weihnachten);

— на словенский язык — Noč pred svetim dnevom. Prev. Gorenjec-Podgorican // Novice. 1884. №№ 19–38;

— на болгарский язык — Бедний вечер. Повест. Прев. С.Драганов. Пловдив, 1888;

— на словацкий язык — Noc pred Božim narodenim. Prel. M.Kukučín // Slovenské Pohl'ady. 1889. S. 215–234;

— на французский язык — в составе книги Эрнеста Дюпюи «Корифеи русской литературы» (Dupuy Ernest. Les grands maîtres de la littérature russe. Paris, 1885); затем в: Revue hebdomadaire. 1893. № 84. P. 481–509.

* * *

С. 149. ...*колядовать и славить Христа*. — Ср. сведения о колядовании, полученные Гоголем от матери (см. с. 591, 598 наст. изд.) и внесенные им в «Книгу всякой всячины»: «Колядуют накануне рождества Христова в честь хозяина дома, молодых супругов и проч.» (раздел «Обычай малороссиян»).

С. 149. ...*заседатель на тройке обывательских лошадей ~ черными смушками...* — *Обывательских* — то есть не почтовых, а принадлежащих местному населению. Описание костюма сорочинского заседателя почти в точности воспроизводит описание одежды выборных казаков в «Истории Малой России» Д.Н.Бантыша-Каменского (ср.: *Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 234–235*).

С. 149. ...*был когда-то болван Коляда...* — Сведения о Коляде Гоголь мог почерпнуть в т. ч. из «Истории Малой России» Д.Н.Бантыша-Каменского (ср.: «...подобно язычникам русским, славившим декабря 24 Коляду, бога торжеств и мира, малороссияне еще в конце XVII века вспоминали в песнях своих о сем идоле» (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 214*), а также из «Записок о Малороссии...» Я.Марковича, в которых приводилась старинная украинская песня с рефреном «*Славен еси Колядо, наш милый боже*» (*Маркович, 1798, с. 18*). На самом деле, в украинском (как и в других славянских языках) *коляда* означало Рождество и связанные с ним обрядовые реалии: поздравительную песню, дары хозяев колядующим и т. д. (см.: *Славянские древности, т. 2, с. 568–569* — статья «Коляда»; *Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 8–13*). Представления о Коляде как о «болване», т. е. божестве, сформировались лишь в XVIII в., в эпоху так называемой «кабинетной мифологии», стремившейся подвести национальную мифологическую систему под эталон престижных

античных мифологий, когда любые сакральные обозначения, рефрены, названия обрядовых песен (например, коляда, овсень и др.) объявлялись языческими божествами (см.: Толстой Н.И. Заметки по славянской демонологии. 3. Откуда название «шуликун»? // Язык и народная культура. М., 1995. С. 270). В гоголевские времена к этим божествам относились еще вполне серьезно.

С. 149. ...отец Осип запретил было колядовать... — Святочные игрища (колядования) были осуждены «Стоглавым собором» (1551) и после того преследовались церковными и гражданскими властями как «бесовские», «прельщающие» христиан и «отвращающие от святых божественных церкви и от празднества торжественного Рождества Спасителя нашего бога» (цит. по: Поньрко, 1977, с. 86). Преследование святочного колядования продолжалось вплоть до XIX в. (см.: Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія трудового року. Київ, 1965. С. 20).

С. 150. ...звезды, одна за другою, пропадали на небе. — Ср. запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «Малороссия. Отдельные замечания. Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды»): «Существует поверье, что ведьмы снимают и прячут звезды». Мотив этот восходит еще к Апулею, описывавшему «чудесные похождения фессалийских волшебниц, хватавших месяц и звезды с неба» (см.: Сперанский, 1906, с. 53). Об аналогичном народном поверье на Украине см.: Булашев, 1909, с. 306; см. также: СУС, № 300А; Гнатюк, 1904, с. 178–198; Ефименко П.С. Суд над ведьмами // КС. 1883. № 11. С. 374–401.

С. 150. ...совершенно немец... — В представлении черта как человека в «немецком» или «литовском» платье (см.: Славянская мифология, 1995, с. 214) сказала для фольклора оппозиция «своего» и «чужого»: «немецкое платье» в народном сознании устойчиво ассоциировалось с «чужеземцем», часто с бесовским началом (см.: Оболенская, 1991, с. 161–185; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода // Труды по знаковым системам. Вып. 576. Типология культуры. Взаимное воздействие культур. XV. Тарту, 1982, с. 110–121; см. также: Славянские древности, т. 2, с. 416–417 — статья «Инородец»).

С. 150. ...узиньяка ~ мордочка... — Черта зооморфного облика черта в народных быличках.

С. 150. ...яресковский голова... — Ярески (Яреськи) — местечко в Полтавской губернии в миргородском уезде, в котором венчались родители Гоголя. Здесь же жила и его двоюродная бабушка Анна Матвеевна Трошинская (см. письмо М.И.Гоголь П.А.Кулишу от 30 декабря 1854 г. — опубл.: Крутикова, 1992, с. 247).

С. 150. ...хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды... — Гоголь описывает мундирный фрак, который в его времена предписывалось шить из зеленого сукна длиной не более трех вершков (око-

ло 15 см) выше колена; фалды фрака должны были быть узкими и остроконечными. Ср. в письме Гоголя В.А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г. по поводу чумных карантинных: «Знаете ли что я узнал на днях только? <...> Что всему этому виною не кто другой, как враг честнаго креста церквей господних и всего огражденного святым знамением. Это черт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем».

С. 150. ...на кутю... — см. с. 725 наст. изд.

С. 150. ...Свербыгуз... — *Свербыгуз* (укр.) — 1) «часто чешущий задницу»; 2) название растения *Torilis Antriscus Gaert* (*Гринч./Слов., т. 4, с. 105*). Этимологическое «неприличие» имени вызвало резкую критику П. Кулиша (см. также с. 648–649 наст. изд.).

С. 150. ...цесарец... — швейцарец.

С. 151. ...в Т... церкви его Евангелиста Луку. — Согласно апокрифическому преданию, кисти евангелиста Луки, бывшего врачом, принадлежит первое изображение Богоматери; соответственно в христианской традиции Лука почитается не только как покровитель врачей, но еще и как покровитель художников. С его именем вводится важный для Гоголя мотив искусства, противостоящего злу и спасительного для души (ср. мотив демоноборческой живописи в «Портрете»). Т... церковь — По-видимому, Гоголь имел в виду Троицкую церковь, построенную в Диканьке во времена Екатерины II (1780).

С. 151. ...святого Петра в день Страшного суда ~ изгонявшего из ада злого духа... — В зрелые годы Гоголь вспоминал о том влиянии, которое на него оказали рассказы матери о Страшном суде: они «потрясли и разбудили всю чувствительность, заронили впоследствии самые высокие мысли» (см.: *Шенрок, т. 1, с. 33* — об отражении у Гоголя апокалиптических настроений см. также: *Чижевский, 1951, с. 140–141; Ehre, 1980, р. 147–149*). Иконографический источник сюжета, описанного Гоголем, не совсем ясен, поскольку в изображении Страшного суда традиционно апостол Петр впускает праведных в рай (см.: *Миф. нар. мира, т. 2, с. 470* — статья «*Страшный суд*»; см. также: *Буслаев Ф.И. Изображение Страшного суда по русским подлинникам // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. СПб., 1861. С. 135*), а линчуют бесов ангелы со скипетрами (*там же, с. 134*). Причем поскольку святой Петр представляется привратником царства небесного, держателем ключей от райских и от адских врат, мотив изгнания дьявола с ним не связывается. В качестве предположительного аналога гоголевскому описанию можно назвать иконописную традицию изображения св. Никиты, бичующего беса (см.: *Sharigo, 1993, р. 61; Тетерятникова Н. О значении изображений св. Никиты, бьющего беса // Записки русской академической группы в США. Т. 15. Transactions of the Association of Russian American scholars in the USA. Vol. XV. New York, 1982. P. 3–33*). Возможно также, что у Гоголя отразился здесь мотив покаяния беса (Христос,

попирая ногами скованного сатану, протягивает руку Адаму и Еве), характерный для иконографии Воскресения, которая тесно связана с темой «Сшествия во ад», восходящей к апокрифическому Евангелию от Никодима (см.: *Дурылин С. Рихард Вагнер и Россия. М., 1913. С. 29–30*).

С. 151. ...в крытых сукном тулупах ~ просто нагольные... — Ср. в «Истории Малой России» Бантыша-Каменского: «Зимой бедные носили длинные шубы нагольные; достаточные крытые сукном или китайкою» (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 220*). Мехом наружу тулупы выворачивали только на святки (см.: *Кирсанова, 1995, с. 280–281*). *Нагольные* — тулупы, сшитые из шкур кож наружу и не покрытые тканью.

С. 151. ...синей китайки... — *Китайка* — старинная плотная, чаще синяя ткань, первоначально шелковая, ввозимая из Китая, позднее хлопчатобумажная, производимая в России.

С. 152. ...нанковые на лето шаровары... — *Нанка* — сорт грубой хлопчатобумажной ткани, чаще желтого цвета.

С. 152. ...из полосатого гаруса. — *Гарус* — хлопчатобумажная ткань, на ощупь похожая на шерсть.

С. 152. ...о той лени, которая так мила всем казакам. — Весь последующий фрагмент явно соотносится с описанием И.Г.Кулжинским зимнего времяпрепровождения казаков. Ср.: «Малороссиянин чрез целую зиму заключал себя в объятиях теплой печки, и никакие явления природы его не возмущали. Зовет ли холод и метель? — Счастливец, он выглянет на минуту в окошко, и закуривши свою трубку, опять отправляется на любезную печку! <...> Он не пойдет за три-девять земель искать своего счастья; теплая хата, трубка и молодая жена: вот все, чего мастеру наслаждаться можно желать в ненастное время зимней погоды! — А ежели и случалось, что малороссиянин отваживался выходить на мороз, то к этому подвигу побуждало его или семейство, имевшее нужду в продовольствии, или — вероятнее — собственная охота проходиться в ближайшую винокурню» (*Кулжинский, 1827, с. 12*). См. с. 627 наст. изд.

С. 153. ...шинкарь Зузуля... — *Зозуля* (укр.) — кукушка.

С. 153. ...капоте... — *Капот* — женское верхнее платье с рукавами и разрезом спереди (см.: *Даль, т. II, с. 88*); здесь — противопоставляется как городская женская одежда украинской крестьянской одежде (плахте и запаске).

С. 157. ...дворянин, как называют себя казаки... — В XIV в. польский король Ян Казимир пожаловал дворянским достоинством «всех верных и храбрых малороссиян», а при Зборовском трактате (1649), заключенном между казаками и Польшей, «облечены в оное многие из казаков, оказавших на войне важные услуги» (см. *Маркович, 1798, ч. 1, с. 36–37*). Во времена Екатерины II также учреждены были «дворянские комиссии, откуда выдаваемы были грамоты всем тем из духовенства, мещан и казаков, кои на свое и предков своих дворянство предлагали верные доказательства» (*там же, с. 37*; см. также: *Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 235–237*).

С. 157...кобеняк с видлогою... — Кобеняк (укр.) — суконная длинная верхняя одежда с капюшоном (Гринч./Слов., т. 2, с. 258). Видлога (укр.) — капюшон у верхней одежды (Гринч./Слов, т. 1, с. 217). См. также словарь предисловия ко второй части «Вечеров».

С. 158. ...парубок Кизяколупенко... — Дословно — «Навозоломенко», от кизяк (укр.) — помет, кал домашних животных (Гринч./Слов, т. 2, с. 243); лупати (укр.) — ломать, колоть (Гринч./Слов, т. 2, с. 381).

С. 158. ...хвост величиною не более бабьего веретена... — Для облика ведьмы, сочетающей в славянской мифологии черты реальной женщины и демона, характерен маленький хвостик, который она тщательно прячет (ср. народный рассказ «Як познать видьму» — Малинка, 1902, с. 268). Время активизации ведьм (см. ниже) — большие праздники, полнолуние, новолуние (см.: Славянские древности, т. 1, с. 297–298 — статья «Ведьма»).

С. 158. ...пастух Тымиш Коростявий. — Коростявий (укр.) — чesочный (см.: Гринч./Слов, т. 2, с. 287).

С. 158. ...перед самую петровкою... — Петровка (петрівка, укр.) — Петров пост, начинается после Троицкой недели и заканчивается на Петров день (день св. ап. Петра и Павла) — 29 июня/12 июля.

С. 158. ...ведьма с распущенною косою ~ доить коров... — Главным вредоносным свойством ведьмы у восточных славян считалась порча скота, и прежде всего — отбирание молока у коров (см.: Славянские древности, т. 1, с. 298 — статья «Ведьма»). Рассказы о том, как ночью пришлось увидеть ведьму, доящую коров, были широко распространены на Украине и проникли в литературу (ср. рассказ Лесько в «Гайдамаке» О.М.Сомова; см. также с. 594 наст. изд.). В деревнях хозяева принимали все меры, чтобы оградить от ведьм свой скот (особенно в ночь на Ивана Купала): клали в окнах изб крапиву как противодействующую чародейству ведьм, вешали на дверях хлебов убитую сороку и т. д. (см.: Малинка, 1902, с. 270).

С. 158. ...не мог пошевелинуться... — Согласно восточнославянским представлениям, ведьма может так обморочить человека, что он остается недвижим, пока ведьма не отпустит его (Иванов, 1891; то же: Українці, 1991, с. 438–442).

С. 158. ...нахлобучивая ~ капелюхи... — Капелюха — теплая зимняя шапка-ушанка.

С. 160. ...проклятый шибеник! — Шибеник (укр.) — висельник; человек, достойный виселицы (Гринч./Слов., т. 4, с. 494; Сумцов, б. г., с. 192–205). См. также словарь предисловия ко второй части «Вечеров».

С. 163. Ваша доброта, как говорит писание Луки глава трина... трин... — В главе тринадцатой Евангелия от Луки подобных слов нет.

С. 164. Мини с жинкой не возиться. — Слова известной украинской песни «Ой на горі да жінки жнут» (Максимович, 1827, с. 18–19; см. с. 822 наст. изд.). Приводится также И.Г.Кулжинским в описании нравов запорожца: «Не думаете ли вы, что для него жизнь красна любовью... —

Напрасно! Мины с жинкой не возиться; А тютюн да люлька Козаку в дорози знадобится...» (Кулжинский, 1827, с. 108; см. с. 627 наст. изд.).

С. 164. ...отпускал щедровку... — Щедровки (щедрівки) — песенки, распевавшиеся вечером 31 декабря, в канун Нового года. Вечер этот (день св. Мелании, «на Меланки») в народе назывался «богатым или щедрым». «Хозяйка готовится кныши, пироги, колбасы и вареники, <...> вечером <...> старшие члены семьи торжественно садились за стол, а молодежь ходила по дворам, распевая под окнами изб щедривки, с рефреном “Щедрый вечер, добрый вечер”» (Маркевич, 1860, с. 65; Гнатюк, 1914). См. также запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «Обычай малороссиян»).

С. 164. Щедрик, ведрик! ~ Кильце ковбаски! — Ковбаски — рубленое свиное мясо, которым фаршировали свиные кишки, прожаренные в печи (см.: Маркевич, 1860, с. 153). Помимо устной традиции, Гоголь мог знать текст песни из «Истории Малой России» Бантыша-Каменского (Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 86, 2-я паг.).

С. 165. ...в пролубе... — то есть в проруби.

С. 166. ...Пузатому Пацюку. — Пацюк (укр.) — крыса.

С. 166. ...выгнали его, или он сам убежал из Запорожья... — См. с. 726 наст. изд.

С. 167. ...приходишься немного сродни черту. — В украинских народных верованиях грань между знахарем и колдуном была достаточно зыбкой. Также и отношение к знахарству было двойственное: в одних случаях считалось, что знахарь действует от имени Бога, в других — что он колдун и действует с помощью нечистой силы (см.: Славянские древности, т. 2, с. 347–350, 528–534 — статьи «Знахарь», «Колдун»).

С. 168. ...голодная кутья; а он ест вареники, вареники скоромные! — Сочельник, или голодная кутья — последний день Рождественского, или Филиппова, поста. В этот день, по церковному уставу, можно есть только сочиво (или голодную кутью) — то есть кутью (см. с. 725 наст. изд.), размоченную в воде, но без меда (см.: Артюх, 1977, с. 107), по примеру пророка Даниила и трех отроков, питавшихся в канун Рождества «от семян земных, и в знамение царства небесного, которое с рождеством Христа началось на земле» (ср.: Дебольский Г.С. Дни богослужения православной церкви. Т. 2. М., 1996. С. 48).

С. 168. ...хромой черт, считавшийся между ими первым на выдумки. — Представления о хромоте черта возникли под влиянием апокрифических легенд о черте, которому дверью отбило пятки или их ему откусил волк, сотворенный самим же чертом (см.: Булашев, 1909, с. 416–419; о хромоте как демоническом признаке см. также: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С. 90–91; см. также с. 872 наст. изд.).

С. 169. Тут кузнец ~ поднял руку для крестного знамения. — Типичный фольклорный мотив, характерный также и для вертепного театра: одоле-

ние нечистой силы крестом (см.: *Розов, 1911, с. 111*). Широко распространен и в агнографии. Рифмовка «креста» с «хвостом» в черновой редакции повести («Тут кузнец, не выпуская хвоста ~ поднял руку для крестного знамени») могла быть навеяна «Виршей, говоренной гетьману Потемкину запорожцами на светлый праздник Воскресения», вписанной Гоголем в «Книгу всякой всячины»: «Бо бог с крестом чорта с хвостом прогнав, як собаку» (ср.: *Ак., т. IX, с. 501*; отмечено: *Гиппиус, 1948, с. 31 — см. с. 598 наст. изд.*).

С. 169. ...немец проклятый! — См. с. 782 наст. изд.

С. 170. ...и то в имак... — вкусно.

С. 175. ...домами, унизанными плошками... — Плошка (блюдец с налитым в него салом), один из элементов каганца (см. словарь предисловия к первой части «Вечеров»).

С. 175. Они ехали из Сечи с бумагами к царице... — См. с. 772 наст. изд.

С. 176. ...домы балишущие, картины висят сквозь важные. — Вакула демонстрирует здесь владение нормами русского языка (аканье, употребление книжной лексики), которые в его сознании противопоставлены неправильному мужицкому «малороссийскому» наречию (см.: *Виноградов, 1982, с. 382*). В наивном восприятии Вакулой Петербурга нашло также отражение народное представление о райской жизни. Ср. в сатирическом стихотворении XVIII в. «Отець Негребецький»: «Там-то весело у небесах, браття! / Такі палаці, що хата на хаті! / А так сіяє ясно, бо єсть свічок сила, / Як коли б наша корчма загоріла» (цит. по: *Укр. літ. XVIII, с. 227*).

С. 176. ...платье такое, как и мы. ~ зеленый жупан... — Начиная с XVI в. зеленый цвет в европейской культуре становится «мундирным» цветом. Во времена Гоголя четко разграничивали сферу применения различных оттенков зеленого для военной формы, чиновничьего мундира и модной одежды (см.: *Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. М., 1997. С. 20–24*).

С. 177. ...вохры ~ на копейку не пошло, все ярь да бакан. — Вохра (охра) — природная минеральная краска желтого или красного цвета, наиболее дешевая в употреблении. Ярь — ярко-зеленая краска, получаемая путем окисления меди. Бакан — масляная краска багряного цвета.

С. 177. ...грунт наведен был блейвасом. — От немецкого *Bleiweiss*, то есть цинковые белила.

С. 177. ...человек в гетманском мундире... — Имеется в виду Г.А.Потемкин-Таврический (1739–1791), выдвинувшийся в качестве фаворита Екатерины II в 1774 г. и назначенный тогда же генерал-губернатором Новороссийской губернии. Его постоянное присутствие при особе императрицы отмечалось современниками (так, жена новгородского губернатора Сиверса сообщала мужу: «Новый генерал-адъютант дежурит постоянно вместо других» — цит. по: *Брикнер А.Г. Потемкин. М., 1996. С. 34*). Потемкин сыграл весьма двусмысленную роль в отношениях петербургского двора с Запорожской Сечью (как утверждал другой современник, «по соображениям Григория Александро-

вич» была уничтожена Запорожская Сечь — *РА. 1867. С. 1018–1027*). Вместе с тем Гоголь допустил здесь исторический анахронизм: титул Великого гетмана казацких Екатеринославских и Черноморских войск был пожалован Потемкину лишь в 1790 году (см. подробнее: *Сахаров В. Потемкин и запорожцы у Гоголя // Лит. Россия. 2002. 29 ноября. № 48. С. 10*). Отношения Потемкина с запорожцами отразились в ряде анекдотов. См., например, запись А.С.Пушкина «Однажды Потемкин, недовольный запорожцами...» (*Пушкин, т. 8, с. 70*).

С. 177. *Волосы ~ растрепаны, один глаз немного крив...* — Волосы торчком, равно как и косоглазие, воспринимаются в восточнославянском фольклоре как знак причастности к миру нечистой силы (ср. тот же признак в описании головы в «Майской ночи»; см.: *Славянские древности, т. 2, с. 674* — статья «Кривой, кривизна»).

С. 178. *...дам в атласных платьях с длинными хвостами...* — еще один зооморфный признак в описании придворных платьев, ассоциирующийся с нечистой силой (см. с. 782 наст. изд.).

С. 178. *Запорожцы вдруг все пали на землю ~ «Помилуй, мамо!... — Возможная реминисценция из «Энеиды» И.Котляревского: «Троянцы все замурмотали, / Дидоне низко в ноги пали, / И после, ей мовляли так: / Мы все, як бачь, народ хрещеный / <...> / Помилуй, Пани благородна! / Не дай загинуть головам...» (Котляревский, 1808, с. 12–13).*

С. 178. *...чем Тебя твой верной народ ~ с турчином...* — Говоря о верном народе, гоголевские запорожцы могли иметь в виду совместные с русским войском походы запорожских казаков в 1736–1739 гг. под Очаков и, в первую очередь, турецкую кампанию, закончившуюся в 1774 г. (см.: *Зарецкий В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В.Гоголя. История и биографии. Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. С. 246*). Между тем, в манифесте Екатерины II 1775 г. об «истреблении Запорожской Сечи» перечислялись многочисленные «преступления» казаков: присвоение запорожцами земель, добытых у Порты Оттоманской, грабежи и нападения на обывателей Новороссийской губернии, притязания на земли, принадлежавшие войску Донскому, и др. (см. также с. 772 наст. изд.).

С. 178. *...строить крепости от нас...* — Одна из таких крепостей была построена в 1770 г. в Александровском форштадте (современное Запорожье).

С. 178. *...хочешь поворотить в карабинеры...* — то есть заставить нести регулярную службу. Эпизод этот описан в «Истории Русов» псевдо-Конисского (см. с. 627–628 наст. изд.): перед началом русско-турецкой войны последовал именной указ Императрицы, «повелевающий служилых козачков подчинить, по судам и должности, военному уставу <...>. Для сего разосланы по полкам и сотням военные уставы и последнего издания диспозиции, напечатанные на двух языках, русском и немецком; для управления ж полков и сотен открыта при Коллегии особая комиссия. Под ее распоряжением переформированы и комплектованы полки непременноми козаками, ко-

торые записаны в военный список до положенного на выслугу времени. <...> Ради экзерциции учреждены два лагеря, при Полтаве и Переяславле» (*История Русов, 1846, № 4, с. 257; см. также с. 841 наст. изд.*).

С. 178. ...перевело Твою армию через Перекоп ~ порубать крымцев?.. — Впервые Перекоп — перешеек, соединяющий Крымский полуостров (см. с. 830 наст. изд.) с материком — был взят российским войском под предводительством графа Миниха в 1736 г., причем в его завоевании запорожские казаки сыграли столь важную роль, что императрица Анна Иоанновна пожаловала запорожскому войску один большой и четыре малых штандарта с государственным гербом (см. *Максимович, Щекатов, 1804, ч. 2, с. 546*). Вторично Перекоп был завоеван русским войском в 1771 г., под предводительством В.М.Долгорукого-Крымского, и вновь Запорожская Сечь сыграла решающую роль в успешном исходе сражения (после заключения мира с турками Перекоп был возвращен им и лишь в 1783 г. вместе с полуостровом Крым окончательно присоединен к России).

С. 178. ...чистил небольшою щеточкою свои бриллианты... — Гоголь обыгрывает известное пристрастие Потемкина к бриллиантам, отразившееся во множестве исторических анекдотов. Так, например, известно, что на балу 28 апреля 1791 г. в честь взятия Измаила костюм князя был усыпан драгоценными камнями (и в том числе бриллиантами) до такой степени, что Потемкин должен был отдать свою шляпу адъютанту, так как не был в состоянии держать ее в руке из-за тяжести (см.: *Пыляев М.И. Старый Петербург. М., 1990. С. 310*). Ср. воспоминания художницы Э.Виже-Лебрен о празднике в Бендерах, устроенном Потемкиным в честь княгини Екатерины Долгорукой, где за десертом поданы были хрустальные чаши, наполненные бриллиантами, которые раздавались дамам целыми ложками (*История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 439*).

С. 179. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие... — За внешне сказочным мотивом исполнения желания скрывается известная особенность Екатерины II, которую отмечали многие современники, — умение делать подарки. Ср. слова Ж. де Линя, процитированные И.Срезневским: «Никто не умел дарить лучше Екатерины Второй <...>, она знала сие искусство в превосходной степени. <...> Не знаю, умом ли, или одним выражением Ее души сопровождалась Ее дары: знаю только то, что Она каждым словом Своим очаровывала разум и душу» (<Срезневский И>. *Дух Екатерины Великия, императрицы и самодержицы всероссийския <...>, черты и анекдоты, изображающие характер, славные деяния и великие добродетели сея бессмертной Монархини, с присовокуплением краткого описания Ея жизни. СПб., 1914. С. 107; см. также: Морозова, 1993, с. 123—124*).

С. 179. ... средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом ~ перламутровыми пуговицами... — Собеседник Екатерины — Д.И.Фонвизин, которого Гоголь описывает в соответствии с известными в то время иконографическими изображениями комедиографа. Ср. портрет Фонвизина кисти А.-Ш.Каратона, сделанный в Риме (был гравирован в

1821 г.; копия портрета, выполненная неизвестным художником первой половины XIX в., хранится в ГИМе — см.: *Екатерина Великая и Москва. Государственная Третьяковская галерея. Каталог выставки. М., 1997. С. 130*), на котором Фонвизин предстает в скромном кафтане с большими пуговицами (см. с. 773 наст. изд.).

С. 179. ...без памяти от вашего «Бригадира». — Комедия «Бригадир» была поставлена в 1770 г.

С. 179. ...я слышала, что на Сече у вас никогда не женятся. — В Манифесте Екатерины II 1775 г. казаки описывались как «совсем особенное, странное и намерению самого Творца, в размножении рода человеческого от него благословенное, противоборствующее политическое сонмище». Причем холостая жизнь казаков ставилась в прямую зависимость от вольности политической: «некоторые из них столько приобьыкли к сей праздной, холостой и беспечной жизни, что сделали себе напоследок из нее неподвижный закон, а с оным, забывая отчизну свою, и решились остаться уже навсегда в Сече на собственной своей воле» (см.: *Бантыш-Каменский, 1822, ч. 4, с. 298*). Мотив безбрачия казаков встречается также и в «Истории Русов» псевдо-Конисского (*История Русов, 1846, с. 14, 23*).

С. 179. ...имеют жен, только не живут с ними на Сече. ~ ...имеют жен и в Турецине. — В самой Сечи жить ни одной женщине не разрешалось. Однако многие запорожские казаки жили на расстоянии от Сечи, в деревнях или одиноких домах, которые назывались зимовниками. Многие имели в деревнях жен и детей, другие совсем выходили из Сечи, чтобы жениться (см.: *Эварницкий, 1900, с. 323, 325*).

С. 180. ...и на лед ковзяться... — *Ковзатися* (укр.) — скользить, кататься по льду (*Гринч./Слов., т. 2, с. 261*).

С. 180. ...правда ли, что цари едят один только мед да сало... — представление о царской жизни как о жизни райской и вечном празднике вообще характерно для фольклора (ср.: *Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 328*). Ср. в сатирическом стихотворении XVIII в. «Отець Негребецький» описание угощения на небе (см. с. 755 наст. изд.): «Дали мені їсти пшеничну паляничку, / І схаб свинячий упечений, тлустий, / І поставили на мисці капусти. / Так заідаю, аж не знаю годі, / Аж мені смалець тече по бороді» (*Укр. літ. XVIII, с. 229*).

С. 180. ...старая Переперчиха... — Имя, образованное от глагола *переперчувати* (укр.) — переперчить.

С. 181. ...напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе! — У восточных славян бытовало поверье о возможности приворотить любимого человека, что отразилось во множестве народных песен. Ср. в песне «Ой у броду, броду»: «Ты, козаче заволока! / Любишь мене ты нароком; / Напускаешь туман густый, / Хочешь мене з ума звести» (*Максимович, 1827, с. 92*).

С. 182. ...дьяк ~ дребезжал едва слышным голосом... — У запорожских казаков существовала традиция: когда в Сечь присылался дьяк, то пре-

жде всего смотрели на его голос, если голос был негромкий, то дьяка отсылали назад (см.: Максимович, *Щекатов, 1804*, ч. 2, с. 551).

С. 182. ...*Отче наш* или *Иже херувими...* — *Отче наш* — основная христианская молитва (*Матф.*, 6:9). *Иже херувими* — православный канон.

С. 182. ...*должность церковного титара*. — *Титар* — ктитор, церковный староста.

С. 182. *В это время пропел петух*. — Согласно славянским верованиям, крик петуха обладает способностью прогонять нечистую силу (о роли петуха в сакральном времени см.: Трунов А.Н. *Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Императорского русского географического общества. Т. 2. СПб., 1869. С. 23; Сумцов, 1890*).

С. 183. ...*никому ~ в ус не дул...* — не обращал ни на кого внимания.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА См — черновой автограф «Страшной мести» (I–XII главы). Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Лл. 9–16 об. (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1*, *ЧА Пр2*, *ЧН Нпр* и *ЧА Шп*. Автограф представляет собой четыре несшитых двойных листа (всего восемь листов архивной пагинации, сложенных в тетрадь), текст повести — на лл. 9–15 об.; чернила. Разм. 35,5×22,0. Бумага со штемпелем: литеры «И:П:Б:Ф» (Императорская петергофская бумажная фабрика), эмблема в виде александровского орла в овальной кольчатой рамке (штемпель виден на л. 9). Годы применения штампа — 1830–1832. Описан: *Клепиков, 1959*, с. 103, № 69. На л. 10 в конце второй главы по правому полю каллиграфически выписано (скорее всего рукою Гоголя): «Благостав». В верхней части л. 16 чернилами рукой неустановленного лица написано: «Алексей Пименов сын Спорышев». На л. 16 об. — рисунки карандашом; по краю левого бокового поля также карандашом написано: «у Лонгиновой спросить о Петербурге и Москве» (см. с. 606 наст. изд.).

Впервые опубликовано: *Ак., т. XIV*, с. 299–334. Предположительно датируется: не ранее лета 1831 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка. Санктпетербург. Печатано в типографии А.Плюшара. 1832 (цензурное разрешение — 31 января 1832 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть вторая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безсомыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1* (вторая книга, 1832). Печатается по тексту *ВД2* с исправлением опечаток по *ВД1*, *Соч. 1842* и *ЧА См* (см. с. 621–626 наст. изд.):

С. 192, строка 30: не верь сну вместо не верь ему (по *ЧА См*, *Соч. 1842*).

С. 202–203, строки 37–1: подумала Катерина вместо подумала Екатерина (по *ВД1*, *Соч. 1842*).

С. 215, строки 16–17: По-над самым провалом вместо Но над самым провалом (по *ВД1*).

* * *

Точная дата работы над повестью неизвестна. Наиболее вероятно, что работа относилась к лету — началу осени 1831 г., когда Гоголь жил в Павловске, часто общаясь с Пушкиным и Жуковским, жившими в то время в Царском Селе. Скорее всего, именно к этому периоду относится знакомство Гоголя с неопубликованной «Историей Русов», список которой был у Пушкина; следы знакомства с нею обнаруживаются в VIII и IX главах «Страшной мести» (см. с. 627–628 наст. изд., см. также: Ак., т. I, с. 544). Анализ чернового автографа «Страшной мести» (*ЧА См*) показывает, что окончен он был не ранее весны, а вероятнее — лета 1831 г. (подробную мотивировку см. с. 606 наст. изд.). Г.А.Гуковский, вслед за В.И.Шенроком, относил «Страшную месьть» (вместе с «Вечером накануне Ивана Купала») к «самому первичному этапу гоголевского творчества, наиболее романтическому», считая, что в основе ее лежит не столько фольклор, сколько «мотивы современного Гоголю романтизма» (Гуковский, 1959, с. 36). Описание свадьбы, отдельные детали которого повторяют гоголевские записи в «Книге всякой всячины» и восходят к сообщениям родных (см. с. 598 наст. изд.), также объединяет «Страшную месьть» с «Вечером накануне Ивана Купала» (В.И.Шенрок, исходя из этого соображения, одно время даже полагал, что Гоголь работал над обеими повестями одновременно — Шенрок, т. 2, с. 56–57). Вместе с тем, обращалось внимание на тот факт, что сюжет повести «выполняет обещание», данное Рудым Паньком в предисловии к первой части «Вечеров», «пострадать выходцами с того света...» (см.: Айзеншток, 1962, с. 257). Ср. в «Предисловии» к первой

части: «Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда. <...> Пусть лучше, как доживу, если даст Бог, до Нового году и выпущу другую книжку, тогда можно будет пострадать выходцами с того света и дивами». Упоминание о рассказчике страшных повестей позволяет предположить, что замысел «Страшной мести» существовал по крайней мере уже к моменту издания первой части «Вечеров», т. е. к весне 1831 г.

Черновой автограф «Страшной мести» (находится с 1909 г. в Отделе письменных источников ГИМ в составе фонда И.Е.Забелина, которому автограф был подарен, скорее всего, Н.Х.Кетчером на память о М.С.Щепкине — см. с. 605, 832 наст. изд.) представляет собой, по всей видимости, один из ранних этапов авторской работы над текстом. Над самой рукописью Гоголь, очевидно, также работал в несколько этапов. В пользу этой версии говорят несколько раз меняющиеся чернила, а также изменяющийся характер записи: первая страница автографа (л. 9) начата в манере перебеливания; однако, после первых 10 строк, написанных крупным и четким почерком, Гоголь начинает писать мельче и быстрее, количество правки увеличивается, встречается много случаев не до конца прописанных слов, описок, пропусков (что существенно отличает *ЧА См* от черновых автографов других повестей цикла). Несколько листов не заполнены до конца (лл. 14 об, 15, 15 об.), что дает основание предположить, что Гоголь собирался еще вернуться к доработке текста. Нумерация глав начинается с главы III (л. 10), причем части повести, соответствующие первым двум главам печатного текста, в черновом автографе прописаны почти конспективно. На л. 15 об. вписан номер главы XIII, однако текст самой главы отсутствует. Таким образом, рукопись черного автографа содержит 12 первых глав из 16 глав окончательного текста. Возможно, что в первоначальном варианте Гоголь собирался закончить повесть таинственным всадником, появляющимся на вершине Карпат, что отвечало поэтике таинственности и фрагментарности современной ему романтической литературы. В пользу этой версии говорит и характерный для литературы того времени мотив роптания против Бога, присутствующий в двенадцатой, последней главе рукописи, и отсутствующий в окончательном тексте (ср.: «Перестал<?> Бог глядеть на грешную землю, или нет уже и казни такому неслыханному злодейству» — см. с. 485 наст. изд.).

В целом черновая рукопись фиксирует момент, когда замысел повести сформировался, намечены основные сюжетные линии. Основные разночтения чернового автографа с печатной редакцией сводятся к следующему: в черновой рукописи основному действию повести предпослано сказовое вступление («Вы слышали ли Историю про синего колдуна...»), близкое своей поэтикой сказовому вступлению «Вечера накануне Ивана Купала» (что является дополнительным свидетельством возникновения замысла «Страшной мести» в период работы Гоголя над первой частью «Вечеров»).

Во вступлении заявлена тема монастырской жизни как единственного убежища от вселенского зла («Что ж, Господа, когда мы съездим в Киев. Грешу я право перед богом. Нужно бы, давно бы нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже на старость мы с вами, Фома Григорьевич, туда затворимся в келью, и вы также, Тарас Иванович! будем молиться и все ходить по святым печерам. Какие прекрасные места там!... ..»), предвещающая аналогичную тему в «Портрете» и достаточно неоднозначно прописанная в основном тексте повести (ср. мотив убийства колдуном схимника, которого и святая жизнь не спасает от злобы «неслыханного грешника»). В тексте черновой рукописи фамилия Данила еще не определена: Гоголь называет его попеременно Бульбашкой (три раза), Бальбушкой (один раз), Барабашом (один раз), Бурульбашем (один раз). Описание свадебного пира и танца девяностолетних стариков в первой главе повести, равно как и эпизод благословения молодых на свадьбе иконой, обнаруживающей присутствие колдуна, в рукописи отсутствует (в *ЧА См* колдуна опознает годовалый сын Данила). Соответственно в *ЧА См* отсутствует эпизод превращения казака в колдуна, так что колдун изначально дан вне сферы веселящегося народа («Из-за толпы народа выглядывало отвратительное уродливое лицо»). Отсутствует в рукописи также и ритуал колдовства («тут поставил он на стол горшок и начал кидать в него какие-то травы»). С другой стороны, в черновом автографе подробнее прописана мотивировка психологического состояния героев и их поведения: в начале повести упоминается, что отец Катерины вернулся «из Турецчины», в главе III указывается причина гнева колдуна («вдруг вошел Катеринин отец рассержен, как будто только что бился с кем-нибудь»), причем отец Катерины в свою очередь подозревает, что Данило «ходил куда-нибудь на худое дело». В главе IV *ЧА См* (в отличие от печатного варианта, утверждающего правдивость снов — «сны много говорят правды») подчеркивается: все, что видела Катерина, — всего лишь сон («Чуден сон твой, пани Катерина, еще чуднее будет верить ему»). Гораздо подробнее, чем в печатном тексте, в черновом автографе описаны тюрьма, в которой сидит колдун, и содеянные им «злодеяния», о которых говорит во сне душа Катерины (глава IV). Там же — мотив нездешнего огня, уготованного для колдуна («не похож огонь тот на земной, в сотую жарче. Ни капля росы не падет, ни ветер не пахнет» — глава VI), сцена обморока Катерины, предвещающая ее последующее сумасшествие («Кто-то идет» закричала она диким голосом «да, идет кто-то»). Также и ужас, испытываемый Катериной перед мужем после того, как она выпустила отца, детальнее описан в *ЧА См* («дико вскрикнула», «все тело сдавил железной морок<?>»). Вообще мотив сознания собственной греховности сильнее дан в черновом автографе, чем в окончательной редакции: так, Катерина в *ЧА См* думает: «за грех мой не будет и на том свете от него покою». Очевидно, что при окончательном перебеливании повести Гоголь опустил ряд сцен, избавив текст от излишней детализации: выпущенными, в частности, оказались обещание Стецьком кровавой панихиды в отпущение за убитого

пана Данила («Меды поотпечатаны, и вино хлещет из воронок. Упьются они тем вином навеки, никому из них не выйти на свет. Мы отпоем кровавую Панихиду своему Пану» — глава VIII); напоминание Стецька Катерине о последней воле ее мужа («Нет, пани, ты не властна делать, что тебе хочется») сказал Стецько «ты должна выполнить то, что приказал тебе твой пан при отходе души своей» — там же). Убирает Гоголь и некоторые эпитеты (так, «кровавый пир» превращается в «пир», «дикая радость» — в «радость»; «серебряное облако» — в «облако» и т. д.).

В первом издании «Вечеров» (ВД1) повесть имела подзаголовок «Старинная быль», снятый в последующих изданиях, поскольку такой подзаголовок «локализовал все происходящее до однократного частного события», что противоречило «мифическому характеру последних глав повести» (см.: Манн, 1988, с. 50–51). При подготовке в 1850–1851 гг. нового издания «Сочинений» (Соч. 1855) Гоголь не успел просмотреть корректурные листы «Страшной мести», которая была напечатана полностью по изданию 1842 г. (Соч. 1842).

* * *

Вопрос о сюжетных источниках повести достаточно сложен. При ее внешне легендарном характере, прямых сюжетных аналогов «Страшной мести» в украинском и русском фольклоре нет, хотя отдельные мотивы имеют множественные параллели в фольклоре, а также в отреченной литературе (см. ниже). Вместе с тем, исследователи неоднократно отмечали особую близость «Страшной мести» фантастике немецких романтиков, у которых казнь злодеев в потомстве, отделение души от тела, магическое зло были излюбленными мотивами (см.: Кор, т. I, с. 374; Stender-Petersen, 1922; Данилевский, 1975, с. 94–95; Ботникова, 1977, с. 110). Поэтому правильнее было бы сказать, что повесть возникла на пересечении двух мощных традиций: западно-романтической (преимущественно немецкой) и национально-украинской, что в особенности роднит ее с «Вечером накануне Ивана Купала» (ср.: Мочульский, 1934, с. 20).

Из произведений западной литературы наибольшую близость «Страшная месьть» обнаруживает с повестью Л. Тика «Пиетро Апоне» (опубл.: МВ. 1828. № № 4, 5), влияние которой сказалось в первую очередь в разработке сюжетной линии колдуна (впервые отмечено: А.К., Ю.Ф. «Страшная месьть» Гоголя и повесть Тика «Пиетро Апоне» // РС. 1902. № 3. С. 641–647; см. также: Дашкевич, 1914, с. 562; Чудаков, 1908, с. 85; Stender-Petersen, 1922, S. 638–640; Funnius, 1924, с. 32, 34–35; Dauenhauer A. Gogol's «Schreckliche Rache» und «Pietro von Abano» von L. Tieck // Zeitschrift für slavische Philologie. 1936. Bd. XIII. Hf. 3/4. S. 315–318; Данилевский, 1975, с. 95). Так, появление Пиетро Апоне в соборе напоминает неожиданное появление колдуна на свадьбе у есаула Горобца; приезд отца к Катерине под видом казака Копряна мог

быть навеян сценой превращения Пиетро в молодого ученого Касталио. Сцена вызова колдуном души Катерины имеет сходство с соответствующим эпизодом повести Тика (Пиетро Апоне, поддерживая своими чарами жизнь в Крешенции, домогается ее любви, причем полупризрачный образ Крешенции напоминает, вплоть до текстуального совпадения, образ души Катерины). Обе повести объединяет мотив человека, грызущего от злобы свои кости (см. с. 820, 824—825 наст. изд.).

В качестве еще одной сюжетной параллели «Страшной мести» А.Стендер-Петерсен (*Stender-Petersen, 1922, S. 628—653*) называл пьесу Л.Тика «Карл фон Бернек» (1797) и новеллу Э.Т.А.Гофмана «Игнац Деннер» (1816), в которых разрабатывалась тема родового проклятия (впрочем, в отличие от предыдущих случаев, у нас нет оснований предполагать, что Гоголь был знаком с пьесой Тика, поскольку на русский язык в период его работы над «Вечерами» она переведена не была, а возможность чтения Гоголя в оригинале нуждается в дополнительном подтверждении — см. также: *Ак., т. I, с. 546*). При этом пьесу Тика дополнительно объединяет со «Страшной местью» мотив предательского братоубийства из-за дележа наследства, в результате чего проклятым оказывается весь род до тех пор, пока не появятся в нем два брата, один из которых убьет другого. С другой стороны, новелла Гофмана, переведенная на русский язык в 1831 г. (см.: *Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М., 1994. С. 439; ср.: Corlin, 1933, S. 20; Ак., т. I, с. 546; Ботникова, 1977, с. 110*) напоминает «Страшную месь» некоторыми деталями в обрисовке колдуна и истории его взаимоотношений с зятем и дочерью: так же, как и у Гоголя, Игнац Деннер (он же доктор Трабачьо) неожиданно появляется в доме дочери, убивает ее сына и становится причиной ее собственной смерти.

Правда, здесь надо иметь в виду, что не всегда можно отличить прямые заимствования Гоголя от совпадений, заданных общим духом немецкой романтической повести (см.: *Манн, 1988, с. 50*) и работой с типологически однородным материалом: так, сюжет о колдуне равным образом встречается и в немецком и в украинском фольклоре (см.: *Данилевский, 1975, с. 95*); параллели к сценам ворожбы и вызывания из красноватого облачка образа возлюбленной, помимо «Пиетро Апоне», обнаруживаются и в другом произведении Тика — «Покале» («Der Krug», 1797; перевод, выполненный В.Тило, опубл.: *Славянин. 1827. № № 46, 47. С. 244—260, 288—297* — отмечено: *Вайскопф, 1993, с. 37*), в повести В.А.Жуковского «Марьяна роща» (1809), в «Лафертовской маковнице» Антония Погорельского (1825). Явно романтического происхождения — мотив мертвецов, встающих из могил (ср. использование того же мотива в немецких балладах, в т. ч. в балладе Г.Бюргера «Ленора», 1773, хорошо известной в России по переводу В.Жуковского «Людмила», 1808 — см. также с. 696 наст. изд.). Мотив самопожирания нечисти, заданный в финале повести («потянулись от разных сторон земли грызть его...» — ср. у Тика в «Пиетро Апоне»: «Адская сила не дремлет, насылает горе за горем <...> и вдруг дом полон

всех ужасов, и человек *грызет свои кости* в отчаянии» — МВ. 1828. № 4. С. 430—431), встречается и в маринистской литературе, в частности, во второй песне поэмы М.М.Хераскова «Владимир возрожденный» (1785), восходя к манихейскому представлению о самоуничтожении матери (ср.: «Там Ненависть, людей ни Бога не любя, / Терзает грудь свою и ест сама себя» — Херасков М. Творения. Ч. II М., 1785. С. 17; отмечено: Вайскопф, 1993, с. 37); ср. также описание девятого круга ада в «Божественной комедии» Данте, где Уголино грызет своего предателя Руджери (отмечено: Driessen, 1965, p. 109).

В более общем виде можно сказать, что «Страшная месть» явила собой русский вариант развившейся в лоне западноевропейского романтизма «трагедии судьбы», представленной произведениями Э.Вернера, А.Мюльнера, Ф.Грильпарцера. Гоголю, скорее всего, была известна трагедия Грильпарцера «Прародительница» («Die Ahnfrau», 1817), в которой повествовалось о страшной прародительнице, казнящей потомков и среди них своего двойника — юную правнучку (в 1829—1830 гг. трагедия шла на петербургской сцене, в переводе П.Ободовского — см.: ИРДТ, т. IV, с. 355). Правда, в отличие от трагедии судьбы, где родовая вина делала человека преступником помимо его воли, у Гоголя все преступления колдуна predeterminedены и его собственной волей. «В противоположность герою “трагедии рока”, он знает, что делает. Но не знает, зачем он это делает» (см.: Манн, 1988, с. 53).

Сама композиция «Страшной мести» очевидно восходит к характерному для немецкого романтизма приему, когда повествование строится как цепь событий, связь между которыми непонятна. И лишь в конце дается ключ (как правило, в виде вставной новеллы, в которой вскрываются давние предпосылки чудесных обстоятельств настоящего времени), сообщающий особую внутреннюю логику тексту (ср. использование того же приема в новелле Л.Тика «Белокурый Экберт», 1796, в новелле Э.Т.А.Гофмана «Золотой горшок», 1814, в его же романе «Эликсиры сатаны», 1816, и др. — см. также: Feuer Kathryn B. *Three easy pieces: Izmailov to Pushkin, Pushkin to Gogol, Gogol to Balzac // Language, Literature, Linguistics. In Honor of Francis J. Whitfield on his Seventieth Birthday. Berkeley, California, 1986. P. 32*). Правда, как считал Ю.М.Лотман, типичное для немецкого романтизма представление о таинственной судьбе и роковом предопределении, выражаемое обычно в нагромождении странных событий и обстоятельств, истолковано у Гоголя скорее в духе средневековом: для него не существует цепи событий, но есть лишь одно событие, первопричина, которая определяет все последующее действие, так что грех и наказание Петра вечны повторяются в потомстве (см.: Лотман, 1970, с. 43—44).

Конфликты исторического бытия, проецируемого на вечность, борьба Бога и Сатаны, проявляющаяся в земном мире в бесчисленных вариантах, определение человеческой истории как хаотической, дисгармоничной, — все это также было характерно для немецкого романтизма (в особенности позднего).

С другой стороны, влияние немецкого романтизма в повести сказалось, как считал Н.И.Коробка, в понимании старинного украинского быта, в изображении которого усматриваются «черты немецкого феодализма»: «На берегу Днепра, под Киевом, в демократической Украине изображается родовой замок, принадлежащий тестю Данила, козаку-колдуну, подле замка — фамильное кладбище <...>. Феодальный замок на Днепре ясно показывает, что представления Гоголя о старине окрашивались известным колоритом, почерпаемым из повестей немецких романтиков» (*Кор., т. I, с. 374* — впрочем, строительство замков было достаточно распространено и на Украине, в чем сказалось польское влияние; ср. замок в Любиче (XI в.), замок Сенявских в Меджибожьи (XIV—XVI вв.), замок гетмана в Чигирине (XVII в.) и др. — см.: *Мацюк О.Я. Замки і фортеці західної України. Львів, 1997*).

Из иных западноевропейских источников отмечалось воздействие на поэтику «Страшной мести» традиций готического романа (см.: *Amberg, 1986, S. 34–35; Kent, 1969, p. 67*) и французской школы неистовой словесности (см.: *Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 216; Kalinine Paul. L'ecole frénéétique française et la prose romantique en Russie (1831–1836). Paris, 1972*). Для обеих традиций был характерен, в частности, мотив инцеста как формы inferнального греха, с чем связан и мотив преступника, сбрасываемого с высоты, — аналог падению Люцифера (ср. использование того же мотива в романе М.Г.Льюиса «Монах», 1795–1796; «Эликсирах сатаны» Э.Т.А.Гофмана, 1816; в романе Ч.Метьюрина «Мельмот—Скиталец», 1820, а также в «Соборе Парижской Богоматери» В.Гюго, 1831). Вместе с тем, в «Страшной мести» виделась попытка «создать по народным преданиям титанический тип злодея в духе байронизма» (*Петров, Пам.Г., 1902, с. 248*). О возможном воздействии на «песню бандуриста» повествовательного приема, использованного П.Мериме в сборнике «Гузла» (1827), см.: *Фомичев, 1993, с. 88–92*.

Из русских возможных литературных источников «Страшной мести» отмечают некоторое стилистическое и сюжетное воздействие на Гоголя произведений А.А.Бестужева-Марлинского, в частности повестей «Изменник» (опубл.: *Полярная звезда на 1825 год. СПб., 1824*) и «Замок Эйзен» (другое название — «Кровь за кровь»; *Нев. альм. на 1827 год. СПб., 1826* — см.: *Степанов Н.Л. Романтические повести А.Марлинского // Литературная учеба. 1937. № 9. С. 56–57; Вайскопф, 1993, с. 44–46*).

Основной фольклорный субстрат «Страшной мести» — украинская народная песня. Гоголь широко использовал образы и риторические приемы, характерные для поэтического языка песенного фольклора: параллелизмы, отрицательные сравнения, развернутые метафоры, как, например, метафору «битвы-пира» в первой главе повести (см.: *Еремина, 1976, с. 283–284*). В стилистике народной песни написано причитание Катерины над телом убитого мужа, а также монолог Данила «Что-то грустно становится на свете»

(глава IX); ср. в народной украинской песне «Закріпачення Панщина»: «Що настало тепер в світі, трудно спогадати. / Ніхто ж тому не винен, як пани зробили — / Запродали душі наши, а свій край згубили» (Доленга-Ходаковський, 1974, с. 691). К народной песне восходит и образ старой казачки, с рыданиями провожающей сына на войну. Эпизод из главы IV, где описываются занятия Данила («Пообедавши, заснул Данило молодецким сном и проснулся около вечера. Сел и стал писать листы в козацкое войско; а пани Катерина начала качать ногою люльку...»), имеет соответствие в «Думе о козаке Саве» («Сидит Сава в конце стола, / Да листоньки пише; / А Савиха на леженьку / Дитину колыше» — Максимович, 1827, с. 34). Знаменитое описание бури на Днепре в начале главы X повести могло быть навеяно украинской думой «Алексей Попович и буря на Черном море» (см.: Антонович, Драгоманов, 1874, с. 176; об использовании топоса Днепра в украинских думах и бытовых песнях см.: *Местные названия в украинской народной словесности Н.Ф.Сумцова. Киев, 1886. С. 17–22*).

К фольклорной традиции (но одновременно и к литературной — см. выше) восходит центральный мотив «Страшной мести» — мотив «великого грешника» (ср. его разработку Гоголем в «Главе из исторического романа», 1830 — в рассказе о жестоком пане, повесившем праведного дьякона). Гоголь объединяет в образе колдуна сразу несколько мотивов: мотив великого грешника, мотив убийства грешником еще более страшного грешника и мотив убийства священника, отказавшегося отпустить грехи грешнику (в фольклоре за этим следует обычно поиск другого священника, способного наложить на грешника епитимью, — ср. разработку того же мотива в «образцовом» для школы неистовой словесности романе Ж.Жанена «Исповедь», 1830). Ср. южнорусскую сказку «Великий грешник» о разбойнике, убивавшем народ в течение двенадцати лет и прощенном за убийство народного притеснителя «сипаки», который и был «величайшим грешником» — КС. 1884. № 9. С. 172–175. Мотив грешника, которого «и земля не принимает», распространен в легендах — см.: Андреев, 1928, с. 188–189; Сумцов, б.г., с. 200; ср.: СУС, № 756С). Вместе с тем, в гоголевском тексте содержится и более непосредственная отсылка к источнику сюжета о великом грешнике, каковым был апостол Павел, любимый новозаветный персонаж Гоголя («Слышала ли ты про апостола Павла, какой он был грешный человек...» — см. подробнее: Keil R.-D. *Gogol und Paulus // Die Welt der Slawen. Halbjahresschrift für Slawistik. Jahrgang XXXI. 1986. S. 86–99*).

Мотив кровосмешения (о собственно литературных источниках инцестуальной тематики у Гоголя см. выше) имеет аналог в многочисленных народных сказаниях об Андрее Критском и Марии Египетской (так называемый «сюжет Эдипа»), являющихся позднейшей фольклорной переработкой древнерусской «Повести об Андрее Критском». Так, например, легенду «Кровосмеситель» (варианты легенды см.: Чубинский, т. 1, вып. 1, с. 182–183; Антонович, Драгоманов, 1874, с. 280; Драгоманов, 1876, с. 130–132) объединяют со «Страшной мезтью» мотивы убийства отца (у Гоголя — до-

чери), инцестуальных отношений героя с матерью (у Гоголя — с дочерью), отказ священника (схимника) отпустить грехи, за что грешник убивает его (ср. также «Легенду о кровосмесителе» — *Памятники, 1860, вып. 2, с. 415–423, примеч. с. 424*). Однако непосредственно мотив противоестественной страсти отца к дочери, заканчивающейся ее убийством, в фольклоре встречается крайне редко (в фольклорных текстах чаще идет речь об инцесте между братом и сестрой — см.: *Славянские древности, т. 2, с. 418–420* — статья «Инцест»), встречающийся случай у Афанасьева (сказка «Отец и дочь») вполне вероятно может быть более позднего происхождения (см.: *Афанасьев, 1985, т. 3, с. 36–37, № 339*; о фольклорной основе инцестуальной темы в «Страшной мести» см. также: *Анненкова Е.И. Гоголь и декабристы. М., 1989. С. 76–84*).

Наиболее сложно определяется источник мотива побратимства у Гоголя. С одной стороны, обычай побратимства был широко распространен на Украине, особенно в Запорожье, где оно благославлялось церковью; чин побратимства встречается в требниках XVII в. (см.: *Каманин, 1911, с. 94–95*). То, что запорожские казаки часто прибегали к побратимству, объяснялось условиями их быта: побратимство выступало и как замена недостающих родственных отношений, и как гарантия надежности товарища (*Громыко М.М. Обычай побратимства в былинах // Фольклор и этнография. Л., 1984. С. 123*; см. также: *Чумак, 1986, с. 56*). Соответственно, и сказания о побратимстве и мотив непощения предателя-брата были широко развиты у восточных и южных славян (см.: *Антонович, Драгоманов, 1874, с. 306–307*; неправ был И.Я.Айзеншток, считавший, что «в украинском фольклоре мотив побратимства почти не встречается» — *Ак., т. I, с. 545*). Участие Бога в качестве «действующего лица» повести отчасти объясняется особым рода ритуальностью, которая с давних времен сопровождала акт заключения побратимства: церемония эта происходила в церкви, в свидетели клятвы на верность призывался Бог. Побратимы давали на Евангелии заветное слово: «Мы, нижеподписавшиеся, даем от себе сие заветное перед Богом о том, что мы — братья, и с тем, кто нарушит братства нашего союз, тот перед Богом ответ да воздаст...» (см.: *Эварницкий Д.И. Запорожцы в поэзии Т.Г.Шевченка. Екатеринославль, 1912. С. 14–15*; см. также: *Чумак, 1986, с. 58*).

С другой стороны, Гоголь мог знать древнюю «Легенду о братстве» (ср.: *Памятники, 1860, вып. 2, с. 121–124*), а также многочисленные былины, в которых отразился мотив воинского братания эпических богатырей (*Чумак, 1986, с. 56–57*). Ср. использование той же темы у Проспера Мери в песнях «Пламя Перрушича», «Ссора Лепы и Черногора», «Побратимы» (цикл «Гузла», 1827 — см.: *Фомичев, 1993, с. 89–90*) и в «Песнях западных славян» А.С.Пушкина (1834). Существенно при этом, что введение Гоголем в «Страшной мести» двух историй побратимства (есаула Горобца и пана Данила, сохранивших братскую верность до конца, — и контрастной им пары Петра и Ивана) корректирует типичное для его времени

представление о «славной старине» (ср., например, примечание О.М.Сомова к «Гайдамаку», 1830: «У морлаков и черногорцев два человека нередко торжественно братаются между собой на жизнь и на смерть. Такие присяжные братья называются побратимами. Почти не было примеров, чтобы побратим изменил своему побратиму» — Сомов, 1991, с. 92).

Вместе с тем, мотив убийства брата и совершенного по отношению к нему предательства имел у Гоголя и более широкую культурную основу, проецируясь на ветхозаветную историю Каина и Авеля (отмечено: Белый, 1934, с. 69–70) и новозаветную историю Иуды. Оба сюжета были распространены в т. ч. в новейшей романтической литературе (ср. драматическую поэму Байрона «Каин», 1821), но имели еще и широкое хождение в украинском фольклоре и апокрифических сказаниях. См., например, рассказ «Каин и Авель» (Драгоманов, 1876, с. 94; ср.: Славянские древности, т. 2, с. 436–437 — статья «Каин и Авель»); историю Иуды в апокрифических «Страстях Христовых», где обнаруживается прямая параллель с гоголевским текстом — страшное распухание тела грешника, падение его в пропасть и обламывание ветви при падении (Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 49–52; см. также: Соловьев С.В. К легендам об Иуде-предателе. Харьков, 1895).

С фольклорными представлениями связаны также следующие мотивы повести: страшного мертвеца, прорастающего из земли и вызывающего землетрясения; мотив восходит к восточнославянским представлениям о великанах, обладающих рудиментами космогонических функций (в легендах великаны насыпают горы, делают озера, реки, срывают тучи с неба и т. д. — см.: Славянские древности, т. 1, с. 301 — статья «Великан»); мотив сбрасывания в бездну (ср.: «брошу я его с той горы в самый глубокий провал...») встречается в украинских космогонических преданиях — падение в бездну дьявола, пожелавшего захватить, вопреки своему соглашению с Богом, всю землю (мотив падения в бездну в различных вариантах был распространен также и в романтической литературе — см. выше). Мотив встающих из гроба мертвецов (ср.: «Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец» в главе II повести) восходит к широко распространенным у восточных славян представлениям о «заложных», или нечистых, покойниках, которых за их грехи не принимает земля и которые не знают покоя на том свете (см.: Зеленин, 1995, с. 43–46; о его популярности в романтической литературе см. выше). Ситуация трапезы, когда отец-колдун не ест приготовленной дочерью пищи и не пьет горилки, также имеет параллели в народной культуре: в быличках персонажи нередко узнают, что их близкие связаны с нечистой силой по тому, что те отказываются от человеческой пищи. При том, что тема насильственного вызывания души из тела спящего человека — западного происхождения (см. выше) и в народной традиции отсутствует, в украинских быличках существуют сюжеты о временном уходе души из тела спящего человека (ср.: Полесский этнолингви-

стический сборник. М., 1980. С. 69–70; см. также: *Славянские древности*, т. 2, с. 164 — статья «*Душа*»; на украинских Карпатах эта особенность приписывается двоедушникам — людям с демоническими свойствами, у которых от рождения две души — см.: *там же*, т. 2, с. 29–30 — статья «*Двоедушники*»).

* * *

Основными историческими источниками, которыми Гоголь пользовался при работе над «*Страшной местию*», были: «*История Малой России*» Д.Н.Бантыша-Каменского (см. с. 627 наст. изд.) и «*История Русов*» (см. с. 627–628, 792 наст. изд.). К «*Истории Русов*» восходят, скорее всего, характеристики гонения на православных после Брестской унии 1596 г., упоминание о ксендзах, «перекрещивающих казацкий народ в католиков», рассказы о распространении польских обычаев среди украинского «шляхетства» (ср.: *Укр. літ. XVIII*, с. 592–593; см. также: *Казарин*, 1986, с. 44–45).

С другой стороны, первоисточником фольклорных и исторических сведений о Карпатах и Галиции для Гоголя были работы директора нежинской Гимназии высших наук И.С.Орлая, который один из первых обратился к изучению «этой забытой части русского мира» (см.: *Чумак*, 1983, с. 80–82). В 1804 г. появилась его работа «*История о Карпато-Россах или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся*» (*Сев. вестн.* 1804. № 2. С. 158–172; № 3. С. 261–276; № 9. С. 267–293), а в 1826 г. — «*О Юго-западной Руси. Письмо из Нежина к секретарю общества*» (*Труды и записки Общества истории и древностей российских.* 1826. Кн. 1. С. 220–228), в которых доказывалось этническое родство Карпат, Галиции, Украины и России и необходимость их воссоединения. Воздействию Орлая на Гоголя содействовала и общая литературная атмосфера 1820–1830-х гг., когда широкое распространение получили идеи славянской взаимности. Ср. мысль П.И.Пестеля о необходимости «составить» из различных народов и племен, Россию населяющих, «только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были Русские» (*Русская правда. 2-я редакция. Гл. 2. § 16*; см.: *Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская правда» П.И.Пестеля и сочинения, ей предшествующие.* М., 1958. С. 149; о мифологизации, которой Карпаты и Галиция подвергались у Гоголя, см.: *Абрамович*, 1994, с. 50–52).

В исследованиях, посвященных «*Вечерам*», нередко отмечалась условность исторического фона «*Страшной мести*» (см., напр.: *Скабичевский А.М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Скабичевский А.М. Сочинения: В 2-х томах. Т. 2. СПб., 1895. С. 584; Пинчук А. Русский исторический роман // Филологические записки.*

Вып. 5. Воронеж, 1913. С. 625; Ак., т. I, с. 544), что связывалось с традицией восприятия «Страшной мести» как произведения романтического, где субъективным характером времени объясняется невнимание к конкретно-историческим приметам. Между тем «Страшная месьть» имеет вполне конкретную историческую основу. В повести упоминаются события, позволяющие приурочить ее действие к определенному времени: поход пана Данила в составе войска Петра Сагайдачного и в союзе с Речью Посполитой на крымцев в 1620—1621 гг.; сражение на берегу Сиваша (Соленого озера) в 1620 г.; Переяславский бой, произошедший недалеко от Переяслава в 1628 г. («Тарасова ночь»); союз Речи Посполитой с Турцией в 1623 г.; строительство крепости Кодак в 1635 г. (см. с. 818—822 наст. изд.). Исторически оправдано и упоминание Данилой Киево-братского монастыря и его игумена (ср.: «мне говорил игумен Братского монастыря, он, жена, святой человек, что антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека»); в 1621 г. Петр Сагайдачный пожертвовал на монастырь (см. с. 723, 825 наст. изд.) крупную сумму денег, «записавшись» туда вместе со всем войском запорожским (см.: Максимович, Щекатов, 1801, ч. 1, с. 549—550; Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 190), в котором, по сюжету повести, сражался и Данило. Кроме того, поскольку опекуном монастыря во времена Сагайдачного был митрополит Киевский и Галицкий Петр Могила (1596—1647; см. также с. 825 наст. изд.), вполне возможно, что именно его Гоголь имел в виду, говоря о «святом игумене». В пользу этой версии свидетельствует и известный интерес Петра Могилы к вопросам демонологии (см. так называемый требник Петра Могилы — «Последование молебное о избавлении от духов нечистых». М., 1999), а также участие его в полемике о состоянии души после смерти в ожидании Судного дня, вписывающейся в контекст рассуждений игумена об антихристе (см.: Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. I. Киев, 1898. С. 244—246; ср. также: Православное исповедание или изложение Российской веры Петра Могилы. М., 1996. С. 25—26).

При всей символически-легендарной насыщенности образов Ивана и Петра, появление их в повести тоже исторически конкретно. Иван и Петро заключают братский союз в период борьбы с турками. Поэтому и кара Петра, помимо ее общего этического значения, определяется обычаями запорожцев, неизменно требовавших жестокой смертной казни тому, кто предал побратима (см.: Гацук В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М., 1975. С. 39 и далее). Не случайна и историческая приуроченность действия легенды о двух братьях ко времени короля Стефана Батория (1533—1586; годы правления — 1576—1586; ср. «За пана Степана...»), который впервые предпринял попытку расколоть и уничтожить Сечь, избрав основным орудием подкуп и установку на имущественную рознь (см.: Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904. С. 114—121). Прообразом Ивана мог послужить легендарный запорожский

гетман Иван Подкова (Серпяга), казненный, как утверждалось в «Истории Русов», из-за предательства молдавского господаря Петра Хромого (на самом деле вероломно в отношении Подковы поступил не Петр Хромой, открыто выступавший как противник Ивана в борьбе за власть, но князь Януш Николаевич Эбаражский, которого Подкова проклял перед казнью, назвав его «предательским псом» — там же, с. 45–52; см. также с. 723 наст. изд.).

Поскольку одно из имен, которое Гоголь в черновой рукописи дал Даниле, звучит как Барабаш (см. с. 448 наст. изд.), возможно, что отдаленным его прообразом послужил войсковой есаул (по другой версии — наказной гетман) Иван Барабаш (выступал против Богдана Хмельницкого, казнен в 1648 г.), о котором Гоголь также мог прочитать в «Истории Русов» (ср.: *Укр. літ. XVIII*, с. 609–614). Вместе с тем, не исключена возможность, что само имя Данило могло быть подсказано Гоголю фигурой украинского гетмана Даниила Павловича Апостола (1654–1734; в 1723 г. привлечен по делу Павла Полуботки (1660–1724); избран гетманом в 1727 г., умер в Сорочинцах; дочь его Марфа Даниловна была замужем за одним из потомков В.Л.Кочубея — см. с. 603, 678–679 наст. изд.). Семантика его имени (Даниил — Божий суд) соответствует будто бы словам о возмездии, сказанным в его присутствии умирающим Павлом Полуботкой: «вскоре Петр и Павел предстанут на одной доске перед Праведным Мздовоздателем: Он рассудит дела их» (*Бантыш-Каменский, 1830*, ч. 3, с. 162; по другой версии: «Скоро пред Него оба предстанем, и Петро с Павлом тамо рассудятся» — см.: *Сенько И.М. Функции собственных имен в исторических повестях Гоголя // Література та культура Полісся. Випуск I. Ніжинська вища школа (1820–1990). Ніжин, 1990. С. 119*).

Исторически не случайно и то, что местом, где разыгрывается основная драма «Страшной мести», наряду с Киевом, выбраны Карпаты — арена сложной политической борьбы, где начиная с древности соприкасались восточные, западные и южные славяне; эта область рядом историков XIX в. рассматривалась как «колыбель славянства» (см.: *Бернштейн С.Я. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 52–66; Пенюк С.І. Ранньословянське і давньоруське населення Закарпаття VI–VIII ст. Київ, 1980*). Не исключено даже, что в «Страшной мести» косвенным образом отразилась и политическая ситуация 1831 г., противостояние России и Западной Европы, усилившееся после польского восстания 1830–1831 гг. (именно в это время в русской литературе образ брата или отца-изменника начинает ассоциироваться с польской темой; об осмыслении в это время польской проблемы А.С.Пушкиным и пушкинским окружением, с которым был близок Гоголь, см.: *Муравьева О.С. «Вражды бессмысленный позор...» Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204*).

Вместе с тем Карпаты входят в повествование еще и как особый мифологический локус: это горы, в мифологии традиционно осмысляемые как ме-

сто обитания нечистой силы, с ними же связано и представление о потустороннем мире (*Славянские древности*, т. 1, с. 520–521 — статья «Гора»). В контексте повести немаловажно и то, что, по некоторым представлениям, антихрист, под знаком ожидания которого проходила в т. ч. первая треть XIX в. и который в «Страшной мести» ассоциируется с колдуном (ср. реплику пана Данила: «Знаешь ли ты, что отец твой антихрист?»), спасаясь от приближения Христа, поднимется на высокую гору и кинется оттуда вниз (см.: *Миф. нар. мир.*, т. 1, с. 85–86 — статья «Антихрист»).

Что касается центрального для повести образа колдуна, то, помимо литературных и фольклорных источников (см. выше), он мог иметь и конкретно-исторический прототип в среде масонских чернокнижников начала XIX в. Наиболее яркую параллель отцу Катерины представляет иудействовавший граф Т.Лишиц-Грабянка, которому предъявляли обвинения в черной магии; в 1807 г., заподозренный еще и в польском заговоре, он, как и гоголевский колдун, был заточен в крепость (см.: *Пыпин А.Н. Масонство в России*. М., 1997. С. 323–332; *Серков А.И. История русского масонства XIX в.* СПб., 2000. С. 59–62). Другим возможным прототипом мог быть основатель общества иллюминатов, Адам Вейсгаупт (скончался в 1830 г.), которого также обвиняли в кровосмешении, детоубийстве, сатанинском заговоре против человечества (см.: *Масонство в его прошлом и настоящем*. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. М., 1991. С. 122; отмечено: *Вайскопф*, 1993, с. 35–39).

* * *

Первые рецензенты «Вечеров» обращали внимание на особое место повести в составе цикла. Н.А.Полевой (см. с. 640 наст. изд.) выделил «Страшную месьть» как произведение, продуктивное в художественном отношении, хотя в целом и неудавшееся: «Другой недостаток его (Гоголя. — Ред.) — скудость изобретения или, лучше сказать, воображения. Всего более мог бы он показать свою изобретательность в сказке “Страшная месьть”. Там многие места прекрасны, но целое не имеет связи, ибо не истекает ни из одной мысли. Не знаю, из народного ли предания взята основа этой сказки, но не думаю, чтобы народное предание могло быть не прикреплено к какому-нибудь более плодотворному корню. Иуда Петро мог бы быть исполнимым созданием, если бы Автор поглубже вник в причину его нравственного падения. Мысль о злом начале принадлежит всем народам, но каждый народ олицетворяет ее по-своему, и в развитии, в показании сего олицетворения мог бы открыть Автор силу и красоты неисчерпаемые. Как развита у малороссов мысль, существовавшая и у браминов, и у египтян, и у русских, и у германцев? Вот что истинно любопытно и занимательно. Без такого взгляда злодеяния отца Катерины утомительны, бесцветны, и, несмотря на многие, отдельно прекрасные картины, не образуют общности высокой» (*МТ*. 1832. № 6. С. 264–265).

Н.И.Надеждин в «Летописях отечественной литературы» (см. с. 640 наст. изд.) из второй книжки «Вечеров» также особо отметил «Страшную месть», но, в отличие от Полевого, оценил высоко не только замысел, но и исполнение: «Вторая часть “Вечеров” вполне достойна первой. Заметим в ней особенно “Странную месть” (так! — Ред.), Старинную Бель. Здесь решается задача, до какой высокой степени может быть поэтизирована славянская народная фантазмагория!» (*Телескоп*. 1832. № 17. С. 107; то же: *Надеждин*, 1972, с. 325).

Е.А.Баратынский в письме И.В.Киреевскому от апреля-мая 1832 г., благодаря за присланный ему экземпляр «Вечеров», выразил свое восхищение поэтичностью «Страшной мести» («Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей “Страшная месть” он не однажды был поэтом» — см.: *Баратынский*, 1987, с. 241; см. также с. 641 наст. изд.).

В.Г.Белинский в 1835 г. увидел в повести своеобразный «pendant к “Тарасу Бульбе”»: «и обе эти огромные картины показывают, до чего может возвышаться талант г. Гоголя» («О русской повести и повестях г. Гоголя» — см.: *Белинский*, т. I, с. 301); но позже, в 1842 г., назвал «Страшную месть» (вместе с «Вечером накануне Ивана Купала» — см. с. 644 наст. изд.) «уродливым произведением» («Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» — см.: *Белинский*, т. VI, с. 425–426).

На протяжении второй половины XIX в. о повести писали мало. Один из редких отзывов мы находим у Н.И.Страхова: «по благоговению и восторгу, с каким Гоголь любит Днепром, можно угадать, что эта река, которой, по словам его, нет равной в мире, — не чужая ему, но течет через его родину» (*Страхов Н.И. Описание Днепра у Гоголя // ИВ*. 1902. № 2. С. 581).

В начале XX в. «Страшная месть» приобрела особую популярность, в том числе в символистских кругах, став одним из наиболее часто цитируемых произведений Гоголя. В.В.Розанов в статье «Магическая страница у Гоголя» истолковал сюжет повести как попытку Гоголя «непостижимым образом рассказать <...> сюжет Библии о Лоте и дочерях его...», а в фигуре колдуна усмотрел проекцию самого Гоголя, определив его внутреннюю суть словами героя «Страшной мести»: «Он вывел целый пансион покойниц, и не старух, а все молоденьких и хорошеньких. Бурульбаш сказал бы: “Вишь, турецкая душа, чего захотел”. И перекрестился бы» (*Розанов*, 1909, с. 45–46).

Об автобиографизме образа колдуна «Страшной мести» писали В.Я.Брюсов, Андрей Белый, А.А.Блок, позже — А.М.Ремизов (см. с. 655–657 наст. изд.). Брюсов увидел в колдуне своеобразное отображение гоголевского творчества. «Действительность изменялась в созданиях Гоголя, как изменился колдун “Страшной мести”, приступив к волхованию. <...> Гоголь сам оставил нам намек, что именно в таком направлении он всегда и вел работу» (*Брюсов*, т. VI, с. 146 — статья «Испепеленный», 1909; см. с. 655 наст. изд.). Андрей Белый сравнил Гоголя с колдуном, убегающим от «всадника на Карпатах», а любовь Гоголя к России уподобил любви

колдуна к Катерине. Судьбу же Гоголя Белый назвал «страшной мезтью»: «...земля совершила над ним свою С т р а ш н у ю м е с т ь» (статья «Гоголь» — *Весы. 1909. № 4. С.74; см. с. 655—656 наст. изд.*), сравнив отца Матвея со страшным всадником на Карпатах: «Л и к, виденный Гоголем, не спас Гоголя: этот лик стал для него “в с а д н и к о м н а К а р п а т а х”». От него убежал Гоголь» (*там же, с. 78*; позже, в книге «Мастерство Гоголя» Белый ассоциировал всадника уже не с отцом Матвеем, но с В.Г.Белинским — см.: *Белый, 1934, с. 194*). Д.С.Мережковский в книге «Гоголь и черт» обратил внимание на почти текстуальное совпадение духовного завещания Гоголя со словами колдуна в «Страшной мести»: «В духовном завещании Гоголя сказано: “я бы хотел, чтобы по смерти выстроен был храм, в котором бы производились поминки по грешной душе... Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено, если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды не прекращались”. Это напоминает колдуна в “Страшной мести”» (*Мережковский, 1906, с. 173—174*; о параллелизме ситуаций Гоголь — отец Матвей и колдун — святой схимник см.: *там же, с. 191, 200—201; см. также с. 657 наст. изд.*).

В «неслыханном чуде», появившемся за Киевом, когда стало «видимо далеко во все концы света», была, как считал А.А.Блок, та «незнакомая земле даль», будущая Россия, которая открылась самому Гоголю (статья «Дитя Гоголя», 1909 — см.: *Блок, т. 5, с. 378—379*).

Как автобиографическое повествование истолковал «Страшную мезть» и А.М.Ремизов, увидев в снах героев откровения самого Гоголя: «В этой песне о колдуне и его дочери — “Страшная мезть” вся песенная — Гоголь рассказывает о себе, о прошлом, что открылось его душе. <...> Обыкновенно Гоголь страшное пересыпает забубенным балагурством, и только в “Страшной мести” не смех, а песня — песня о величии необъятного мира и его тайны» («*Огонь вещей*» — см.: *Ремизов, 1989, с. 112; см. также с. 657 наст. изд.*). Ср. интерпретацию К.В.Мочульского в книге «Духовный путь Гоголя»: «Описание мертвецов, выходящих лунною ночью из могил на берегу Днепра, рассказ о схватке колдуна с всадником, сцена вызова души Катерины — самые сильные страницы в “Вечерах”. Это первые звуки не заученной, а своей художественной речи. Именно здесь, в страшном и мрачном, следует искать “хвостики душевного состояния” автора» (*Мочульский, 1934, с. 20*).

Как отражение подсознательной жизни Гоголя интерпретировал «Страшную мезть» И.Д.Ермаков (1923, см. с. 660—661 наст. изд.). В детстве картина Страшного суда произвела на Гоголя сильное впечатление. Идею кары, возмездия он воплотил в «Страшной мести». В фигуре страшного колдуна — черты, роднящие героя с автором и одновременно с его отцом. Комплекс отца, по мысли Ермакова, у Гоголя сюжетно выразился в инцестуальных устремлениях колдуна и во вросшем в землю мертвце. «Участь моя будет страшнее участи всех прочих людей», — писал Гоголь, считая себя с детских лет и до самой смерти страшной натурой, созданной иначе, чем

другие. Соответственно и образ страшного колдуна он творил из самого себя. Гоголь «борется со своим эротизмом, похотью и выставляет на всенародные очи». Как и колдун, он «ищет спасения души — и находит грех». «Отдаление из России <...> возвращает ему способность магически воспроизводить ее, создавать, в то время, когда самый объект его исследований от него далек. <...> Он вызывает, как колдун в “Страшной мести”, тени и распоряжается ими» (см.: Ермаков, 1999, с. 178–179; 190–192).

Позднее (см. с. 662 наст. изд.) Андрей Белый оспорил «психологическую» трактовку «Страшной мести», предложенную и В.В.Розановым и И.Д.Ермаковым («...наивно подошли к содержанию “Страшной мести” и Розанов, и фрейдисты с профессором Ермаковым, когда главной осью сюжета они увидели страсть отца к дочери; и тут же присочинили ответную страсть дочери (в подсознании)» (Белый, 1934, с. 56). Между тем, считал Белый, сюжет повести не столько психологичен, сколько социален. В образе главного героя — страшного колдуна — Белый увидел личность, затронутую Возрождением (потому отец Катерины «тянется к ляхам и братается с иностранцами»). В сцене колдовства описаны его занятия астрологией. Вина колдуна лишь в том, что он чужд представлениям «дикарей» патриархального рода: «Суть же не в том, что “колдун”, а в том, что — отщепенец от рода, “страшно” не оттого, что “страшен”, а оттого, что страшна жизнь, в которой пришелец издалека выглядит непременно “антихристом”, “леса” — не леса: “борода деда”; дед же — “великий мертвец”, управляющий родовой жизнью; горы — выпертые наружу и уже мертвые недра патриархального быта» (там же, с. 45); «...дикий вымысел “Страшной мести” — совершенно реальная плесень, выросшая на отсталом быте патриархального коллектива. <...> Даны: анатомия и физиология примитивного коллектива; в нем род — ствол, и листики — личности <...> дети живы отцами <...> деды <...> в прадеде: он — “я” рода; но он — мертвец мертвецов» (там же, с. 45–47). Но здесь Андрей Белый уже частично отступает от своей прежней трактовки автобиографизма «Страшной мести» (см. выше): «“Всадником на Карпатах”, или молотом в биографии Гоголя поднялся вдруг единственный “пониматель” Белинский, <...> и такое видение Белинского — оттого, что сам Гоголь увидел себя каким-то предателем, колдуном... “Колдуна”-то и не было: “колдун” — болезнь Гоголя» (там же, с. 194).

В советском литературоведении «Страшная месьть» длительное время интерпретировалась как произведение с социальной тенденцией: в повести видели «патетику национально-освободительной борьбы украинского народа», столкновение двух идеологий, коллективизма и индивидуализма, классическую коллизию борьбы чувства и долга (ср.: «Человек, изменивший родной земле, приходит к полному нравственному краху: он способен зарезать жену, заколоть младенца-внука, посягнуть на честь родной дочери» — Машинский, 1979, с. 83; см. также: Храпченко, 1936, с. 166; Степанов, 1959, с. 96–100).

Вниманием к социальным проблемам отмечена и поздняя работа В.В.Гиппиуса, ранее (в 1924 г., см. с. 670 наст. изд.) обращавшего внимание на сказочную основу «Страшной мести». «Украина, — писал он впоследствии, — взята не в обаянии ее “веселости”, “поэзии” и “чувствительности”, а в величии ее героики; образ украинского народа показан в героической борьбе за национальную независимость. Однако национально-героическая тема разрешается Гоголем в романтическом аспекте: героическая борьба украинского народа за свою независимость раскрывается <...> как извечная борьба добра и зла. Оба плана ее по замыслу должны совпасть; символический “злодей, какого еще не бывало на свете”, не только мрачный чародей <...>, но и такой злодей, который задумал “продать католикам украинский народ”» (Гиппиус, 1966, с. 68).

Эстетическое и философское истолкование «Страшной мести», основанное на анализе в первую очередь особенностей поэтики повести, предложили в 1970-е гг. Ю.М.Лотман и Ю.В.Манн. Ю.Лотман рассматривал «Страшную месьть» как высокую романтическую трагедию борьбы между волшебным и человеческим, где героическое отождествляется с добром, а волшебное со злом, и тем самым активизируется противопоставление человеческого и нечеловеческого. Анализируя механизм страшного в системе романтизма и его отражение в «Страшной мести», Лотман показал, что страшное строится как бессмысленное с человеческой точки зрения, но имеющее некоторый другой, метафизический, смысл, который читатель призван (или стремится) разгадать. На этом основан эстетизм ужасного и его особого рода привлекательность: страшное представляет собой загадку, которую герой не может разгадать, а читатель разгадывает лишь в конце повествования. История колдуна, считает Лотман, получает смысл лишь в соотносении с рассказом о преступлении Петра. Но специфика гоголевского рассказа заключается в том, что тексты, соотношенные как выражение и содержание, построены принципиально различным образом. Первый текст (история Данила и Катерины) принадлежит новому времени, так как повествует о преступлениях и страшной судьбе одного лица; второй — мифу, содержание его составляет судьба рода. При этом Гоголь воспроизвел особый тип построения сюжета, чуждый современному романтическому сознанию. Примеры такого построения мы находим в текстах раннего средневековья, где сущность события объясняется его происхождением. Понять нечто — значит узнать его корень. Вся последующая цепь происшествий автоматически вытекает из исходной точки, и потому важно знать не то, чем кончилось событие, но то, с чего оно началось. Так, за внешней формой романтического повествования, в духе представлений о таинственной судьбе, роковом предопределении, у Гоголя скрывается представление средневековое — идея «исходной точки» события. Гоголевский колдун в отдельности не существует, он есть проявление дьявола греха преступника Петра. Соответственно, Гоголь контаминирует два сюжета: нового времени, о страшном

грешнике и его преступлениях, выдержанный в форме романтического повествования, и принципиально иначе построенный архаический сюжет, стилизованный под фольклорный текст, в котором индивидуальной жизни вообще нет, а все поступки людей предопределены верховным решением и суть лишь следствия первого поступка. Выражением этого становится образ мертвеца, растущего под землей с каждым новым злодейством (Лотман, 1970, с. 42—44; см. также: Лотман Ю.М. «Звонячи в прадвѣдную славу» // *Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение.* — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 414. Тарту, 1977. С. 99).

Поддерживая концепцию Ю.М.Лотмана об отражении архаического мышления в «Страшной мести», Ю.В.Манн внес в нее ряд корректив. Одна из важных проблем, которые ставит повесть, — определить, в чем вина колдуна, у которого нет общности не только с казаками, но и с теми, чью руку он держит. Для Данила отец Катерины является воплощением злой воли, но при появлении таинственного мстителя выясняется, что сила колдуна ограничена другой, более могучей силой. Окончательное разъяснение этому мы находим в песне бандуриста, то есть в мифе. Миф в «Страшной мести» находится в особом отношении к действию: совпадения мифа с событиями повести переворачивает перспективу, финал становится завязкой трагического действия, а судьба Катерины, Данила и колдуна — его финалом. Обратная перспектива повести проявляет особый тип сознания — родовой, в котором понятие личности растворяется в понятии рода. Родовая вина перекрестно увязывает всех — и живущих и умерших. И все же, как считает Манн, к этому не сводится смысл повести. Поэтически-философская система Гоголя отражает судьбу древних психологических переживаний и комплексов в исторически изменившееся время. Это видно и на отношении к родовой вине. Повествование преодолевает древнюю систему категорий, сталкивая их с новыми, современными. Для Данила, представляющего родовое начало, его индивидуальная привязанность к жене трагически противоречит родовым представлениям. Но противоречие затрагивает и некую неправильность в Божественном решении, чьей волей установлена форма наказания. Высшее решение длится вечно, не считается с переходом от родового к индивидуальному принципу. Оно надвременно и надысторично, в то время как текучесть, изменение бытия властно заявляют о себе. И если наказание Ивана можно объяснить ожесточенностью и отсутствием духа всепрощения, то случаи гибели людей во время землетрясения, которое происходит от страшного мертвеца, моральному объяснению не поддаются. Действие разрушения и гибели выходит за пределы родовой вины и стремится к угрожающему расширению сферы (см.: Манн, 1988, с. 43—55 — об эсхатологической проблематике «Страшной мести» и ее связи со средневековой религиозной мыслью см. также: Белоусов А.Ф. *Легенда об Антихристе в творческом сознании Гоголя* // *Тезисы докладов I Гоголевских чтений.* Полтава, 1982. С. 46—47).

В ряде современных западных работ «Страшная месь» рассматривается преимущественно в аспекте нравственной проблематики, которая проявляется во всех повестях «Вечеров», но наиболее ярко сказывается именно в «Страшной мести». Тема преступления и наказания, писал В.Эрлих, намеченная в повести «Вечер накануне Ивана Купала», звучит «более сладкозвучно и тем самым более страшно в “Страшной мести”». Здесь царствует уже высшее зло». Ни храбрость Данила, ни любовь и преданность его жены не могут противостоять безысходности торжества злых сил, воплощенных в образе колдуна. Заключительная же сцена — суть не божественное, но дьявольское возмездие. И это дьявольское возмездие выражает идею мира, где процесс божественной справедливости искажен дьявольщиной, которая присутствует в самой идее «божественного возмездия» (см.: *Erich, 1969, p. 37*).

Во всех рассказах цикла, считает английский исследователь В.Браун, — мысль о том, что человеческая жизнь непредсказуема, опутана силами зла, которые в любой момент могут превратить счастливое существование в трагедию. Однако если в других повестях этот пессимистический взгляд смягчен верой в человеческое добро и мужество спасающих сил, то в «Страшной мести» зло, вторгнувшееся в жизнь, оказывается столь всемогущим, что ни человеческая чистота, ни целомудренность не могут его победить, «и только другая, сверхъестественная, сила в состоянии разрушить страшного колдуна, в котором заключено зло» (*Brown, 1986*).

Зло, разлитое на гигантском пространстве (не случайно в финале колдун дан как апокалиптический всадник), не исключает конечной победы добра, которая есть результат борьбы космических сил, а не человеческих заслуг героев. Но тем самым победа добра перемещается в область сверхъестественного и человеку дано познать его лишь после того, как он станет жертвой зла. Так намечается у Гоголя схема «Ревизора» и «Мертвых душ», где победа зла в видимом мире разворачивается на фоне идеального, желаемого, а потому в итоге все же реального триумфа добра (см.: *Amberg, 1986, S. 35*).

Позиция Андрея Белого, выдвинувшего тезис о нетождественности колдуна и отца Катерины (см. с. 655—656, 662 наст. изд.), послужила отправной точкой для наблюдений над поэтикой «Страшной мести». В повести два эпических уровня, считает Р.Пийс, — реальный, в котором разворачивается конфликт между мужем и отцом Катерины, и легендарный. Сверхъестественное существует на втором уровне, в легенде, однако Гоголь искусно маскирует границу, так что один мир кажется естественным продолжением второго. Для читателя колдун — отец Катерины, в то время как он — легендарная проекция последнего. Легенда отрывается от события, которое ее породило, и становится самостоятельным текстом. Отец Катерины, бывший в ссоре с зятем, все более приобретает черты страшного колдуна, потому что все, что не соответствует принципам патриархальной общины, рассматривается как действие дьявола (*Pease, 1981, p. 16—18*; ср. также: *Culianu-Georgescu, 1984, p. 391—392*).

«Основным достижением» «Страшной мести» Д.Чижевский называл стиль (*Tschizewskij*, 1964, S. 102; см. также: *Ермаков*, 1999, с. 209–221; *Белый*, 1934, с. 57–68, 71–76). В определенном смысле стиль повести может быть рассмотрен как контрапункт мелодраматизму ее содержания: «Нагнетение ужасов было бы невыносимо и даже смешно, если бы Гоголь не нашел единственный возможный тон повествования. Блестящая ритмизованная проза, имитирующая стиль народных песен, баллад и былин, усиленная обилием аллитераций, ассонансов, повторений, инверсий, гипербол и метафор <...>, составляет язык, единственно адекватный фабуле рассказа» (*Setschkareff*, 1953, S. 87; ср. также размышление В.Эрлиха о том, что «эмоциональный эффект этой кровавой драмы» во многом смягчен ее стилем, «ужас как бы дистанцирован от читателя разработанной словесной тканью» — *Erlich*, 1969, p. 37).

* * *

Воздействие «Страшной мести» сказалось на повести Г.Ф.Квитки-Основеняненко «Мертвецкий великодень» («Праздник мертвецов», 1839), где гоголевский миф, по словам исследователя, «претворяется в анекдот» (см.: *Зубков С.Д. Русская проза Г.Ф.Квитки и Е.П.Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев, 1979; Слюсар, 1986, с. 74).*

Существенное влияние «Страшная месьть» оказала на повесть Ф.М.Достоевского «Хозяйка», 1847 (обрисовка характера героини, которую также зовут Катерина; ее отношения с Муриным и сознание своего невольного соучастия в грехе; фольклорные, песенные интонации ее речи), при этом гоголевский сюжет был перенесен Достоевским в атмосферу Петербурга 1840-х гг., а отношения героев психологизированы (см.: *Тынянов Ю. Достоевский и Гоголь. К теории пародии. Пг., 1921. С. 6–7; Белый, 1934, с. 288–290; Бем А.Л. «Хозяйка» Ф.М.Достоевского // О Достоевском. Вып. 1. Прага, 1929. С. 109–118).*

Мотивы «Страшной мести» присутствуют в повести А.П.Стороженко «Марко Проклятый», 1870–1876 (история «отверженного скитальца, которого за грехи не принимает ни земля, ни ад» — см.: *Стороженко А.П. Марко Проклятий. Оповідання. Київ, 1989. С. 563*).²

В 1888 г. А.П.Чехов, любуясь крымским пейзажем в письме к сестре, вспоминает о «Страшной мести» («От Симферополя начинаются горы, а

² А.Я.Айзеншток (см.: *Ак., т. I, с. 545*) со ссылкой на Н.И.Петрова (см.: *Петров, Пам.Г., 1902, с. 67–68*) указывал также и на народный рассказ «Живая могила», носящий «явные следы впечатлений, оставленных чтением “Страшной мести”». В нем будто бы выводятся два побратима, ставшие врагами, развязка же их вражды происходит в Карпатах. Данное соображение нуждается, однако, в дополнительной проверке, тем более, что в указанном Петровым и затем Айзенштоком источнике (*КС. 1888. № 10. С. 70*) рассказ не обнаруживается.

вместе с ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, из ям торчат тополи, на горах темнеют виноградники — все это залито лунным светом дико, ново и настраивает фантазию на мотив “Страшной мести” — Чехов, *Письма*, т. II, с. 294).

Образы «Страшной мести» отразились в поэзии А.А.Блока и прозе Андрея Белого (см.: *Паперный*, 1982, с. 114–115; *Catteau J. A propos de la littérature fantastique, André Biely héritier de Gogol et de Dostoïevski // Cahiers du monde slave et soviétique. 1962. Vol. III. Juin-sept. P. 327–373*). Особую роль в мифопоэтической системе Андрея Белого играла фигура гоголевского колдуна. Впервые колдун появляется во «2-й симфонии» (1902, в «1-й симфонии» он лишь упомянут) в облике воплощающего Зло загадочного Петра, который скрыто отождествлен с гоголевским персонажем (воспроизведение имени, портретная характеристика, способность властвовать над душой во сне — см.: *Белый А. Симфония (вторая, драматическая) // Белый А. Собрание сочинений. Т. 4, М., 1917, с. 254, 309*; см. также: *Белый А. Симфонии. Л., 1991. С. 184–186*). В «4-й симфонии» (1902–1903), в главе «Колдун» (часть 3-я), Белый цитатно воспроизводит отдельные эпизоды «Страшной мести»: герой в бреду видит сначала «звериные морды» (наваждение колдуна), затем свою возлюбленную, томящуюся в чертогах колдуна, затем он вступает в бой и побеждает. «В “мистической” проекции речь идет о победе над апокалиптическим Драконом, древним Змием <...>, в реально-биографической <...> дана парафраза истории любви А.Белого к Л.Д.Блок и его отношений с Ал.Блоком» (см.: *Паперный*, 1982, с. 116). В этой же симфонии Андрей Белый критикует неприемлемые для него антихристианские, демонические аспекты философии Ницше, сопоставляя ницшеанскую идею «вечного возвращения» с гоголевским мотивом безысходной скачки колдуна.

В дальнейшем, в статье «Луг зеленый» (*Весы. 1905. № 8. С. 5–16* — см.: *Белый*, 1994, т. 1, с. 250–258), само название которой есть реминисценция из «Страшной мести» (ср.: «Как зелен и душист тот луг, где я играла в детстве»; статья вошла в сборник: *Луг зеленый. М., 1910*), Белый грядущую судьбу России осмыслил через мотивы повести: Россия уподоблялась «символическому образу спящей пани Катерины, душу которой украл страшный колдун, чтобы пытать и мучить ее в чуждом замке»; колдун же мыслился одновременно как Змей Горыныч, «казак в красном жупане», и как машина, поедающая человечество (т. е. промышленная цивилизация). Россия (пани Катерина) виделась Белому стоящей на распутье между механической мертвенностью и первобытной грубостью, перед выбором между «колдуном из страны иноземной» и «любимым мужем, казаком Данилой». Отсюда — двойственность в представлении о будущем России, которое, по более позднему определению Андрея Белого, вставало перед ним «в двух образах»: «или появится Некто в России, подобный Петру: <...>, Некий, подобный увиденному колдуном “Страшной мести”», или «будет бунт, Сечь Запорожская» — в этом случае «угрожает пришедшая Красная Свитка» (*Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея. М.; Берлин, 1923. № 4. С. 120*).

В романе «Серебряный голубь» (1909) Андрей Белый перенес трагедию Катерины Бурульбаш в современность (Катя Гуглова, она же Катерина-Россия, оказавшаяся во власти страшного колдуна, он же Дарьяльский, он же Гоголь). При этом Дарьяльский-Гоголь интерпретирован Белым одновременно и как колдун, и как жертва колдуна (см.: Паперный, 1983, с. 89), а сектант Кудеяров — как «модернистский колдун-предатель» (см.: Назиров Н.Г. *Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул. Екатеринбург, 1995. С. 22*). Мотив колдуна «Страшной мести», осмысленный отчасти и через проблематику «Портрета», присутствует в романе «Петербург», 1913 (см.: Пустыгина Н. *Цитатность в романе Андрея Белого «Петербург»*. Статья 1 // *Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 414. Тарту, 1977. С. 96*).

В творчестве А.А.Блока мотивы «Страшной мести» возникают первоначально в статье «Безвременье» (*Золотое Руно. 1905. № 11–12. С. 107–114*), где Блок, солидаризуясь с Андреем Белым, ассоциирует Катерину с Россией, а в Гоголе видит страшного колдуна: «Это были шутки колдуна, который лежал себе в ковылях и думал одну долгую думу. А мгновенные видения его, призраки невоплощенные, тревожно бродили по белу свету» (см.: Блок, т. 5, с. 79). Сходство точек зрения Белого и Блока — «отзвук разговоров, которые они вели в Шахматове» летом 1904 г.; беседа послужила побудительным мотивом для написания первой статьи Белого о Гоголе (ср. в письме Блока Белому от 2 октября 1905 г.: «Более близкого, чем у Тебя о пани Катерине, мне нет ничего» — Блок, т. 8, с. 135). В дальнейшем гоголевские мотивы появляются в поэме «Возмездие» (1910–1921), где во второй главе с колдуном ассоциируется К.П.Победоносцев (ср.: «Он дивным кругом очертил / Россию, заглянув ей в очи / Стеклянным взором колдуна; / Под умный говор сказки чудной / Уснуть красавице не трудно». И далее: «Колдун одной рукой кадил, / И струйкой синей и кудрявой / Курился росный ладан»). Гоголевская основа «Возмездия» была в свою очередь отмечена Андреем Белым: «“Возмездие” <...> — гибель рода; герой — последний в роде <...> и слышен топот коня пана Мороза, “мстителя” <...>. Тут и припоминается: “Было то в темных Карпатах...” Карпаты гоголевские: гора Криван, на ней всадник, жаждущий “страшной мести”, которой тема невыносима автору “Возмездия”, унылая философия родового возмездия за “отщепенство” победила в Блоке», гоголевский «колдун» сотрясал Блока, «влезая в него, как влезал Басаврюк в Петруся, — криками...» (Белый, 1934, с. 297; см. также: Лавров А.В. «Другая жизнь» в стихотворении А.Блока «Было то в темных Карпатах» // *Сборник статей к 70-летию проф. Ю.Лотмана. Тарту, 1992. С. 357*).

В статье «Бегом через вернисажи» (1914) В.В.Маяковский, критикуя современную живопись, вспомнил гоголевского мертвеца из «Страшной мести»: «Флаг желтый, лиловый и белый». Смотришь на его древко и боишь-

ся — вдруг зашатается, выползет из-под него костлявый мертвец и завоюет по Гоголю: “Ох, душно мне, душно!”» (*Маяковский, т. I, с. 342*).

И.А.Бунин в «Автобиографической заметке» 1915 г. вспоминал, как впервые «прочел “Страшную месь”, самый ритм которой всегда волновал меня необыкновенно» (*Бунин, т. 9, с. 259*). Ср. в романе «Жизнь Арсеньева», 1935: «“Страшная месь” пробудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, — чувство священной законности возмездия, священной необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в него» (*Бунин, т. 6, с. 39–40*).

Отзвуки «Страшной мести» обнаруживаются в поэзии М.А.Кузмина (цикл «Форель разбивает лед», 1925). Ср.: «Кони бьются, храпят в испуге, / Синей лентой обвиты дуги, / Волки, снег, бубенцы, пальба! / Что до страшной, как ночь, расплаты? / Разве дрогнут твои Карпаты? / В старом роге застынет мед?» («Второй удар»). Ощутимы отзвуки гоголевской повести и в «Поэме без героя» А.А.Ахматовой (1940–1965), где вспоминается тень мстителя на Карпатах: «Не в проклятых Мазурских болотах, / Не на синих Карпатских высотах...» (*глава 4-я*).

У М.А.Булгакова гоголевский мотив смеющегося коня (ср.: «...вдруг конь на всем скаку остановился, заворотил к нему морду, и — чудо, засмеялся! белые зубы страшно блеснули...») появляется в описании кавалеристов в «Роковых яйцах», 1924 («...белые зубы скалились на ошалевших людей с коней» (*Булгаков, т. 2, с. 111*)). В «Записках покойника» (1937) в стиле ночных пейзажей «Страшной мести» воспроизводит содержание максудовского романа не читавший его один из членов худсовета Независимого театра: «— Эти, — продолжал он, — описания южной природы... Э... звездные ночи, украинские... потом шумящий Днепр... э... как выразился Гоголь... э... Чуден Днепр, как вы помните... <...> Тут мы встретились взорами. И в моем говоривший прочитал, я полагаю, злобу и изумление. Дело в том, что в романе моем не было ни акаций, ни серебристых тополей, ни шумящего Днепра...» (*Булгаков, т. 4, с. 501–502*).

Как реминисценция из «Страшной мести» может быть представлен диалог Пилата и Киафы в «Мастере и Маргарите» (1929–1940): «— Тесно мне, — вымолвил Пилат, — тесно мне!» <...> — “О, какой страшный месяц нисан в этом году!”» (*Булгаков, т. 5, с. 37*); ср. интонационно сходный фрагмент в сцене в Торгсине: «Горько мне! Горько! Горько! — завыл Коровьев» (*там же, с. 340*).

Интересный случай художественной интерпретации «Страшной мести» — «Повесть нашего времени» М.М.Пришвина, написанная в годы Великой отечественной войны (1945; опубл. в 1947 г.), где спор между персонажами разгорается из-за отношения к «страшной мести» и толкования идеи возмездия и где возникает образ Мстителя как всадника с мертвыми очами. Ср. в дневниковой записи от 3 апреля 1944 г.: «“Повесть нашего

времени” насквозь дон-кихотская, потому что Мстителя, как героя, не существует» (цит. по: *Рязанова Л.А. Пришвин о Гоголе // Гоголь. История и современность. М., 1985. С. 476*; см. также: *Давшан А.В. Творчество Н.В.Гоголя в эстетической системе М.Пришвина // Наследие Н.В.Гоголя и современность. Часть первая. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (24–26 мая 1988). Нежин, 1988. С. 69–70*).

* * *

Театральные, музыкальные и кинематографические интерпретации повести

На сюжет «Страшной мести» написаны:

— Опера «Страшная месь» (1840; муз. А.Н.Верстовского, — см.: *Гозенпуд, 1952, с. 896*).

— Фантастическая драма М.Николаевой «Страшная месь», в 3 действиях, 4 картинах; запрещена цензурой в 1886 г. (*РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 5. Л. 74*; см. также: *Данилов, 1936, с. 469*).

— В 1891 г. драматург М.П.Старицкий предлагал композиторам П.И.Чайковскому и Н.В.Лысенко либретто на сюжет «Страшной мести»; проект остался неосуществленным (ср.: «Лысенко <...> задумал писать ряд опер, преимущественно на сюжеты Гоголя. Мы с ним обсуждали тогда две темы — “Страшную месь” и “Тараса Бульбу”, на которые я написал программные схемы» — *Старицкий М.П. К биографии Н.В.Лысенко. Киев, 1904. С. 35*).

— Фантастическая драма Ю.И.Касиненко «Страшная помста», запрещена цензурой в 1892 г. (*РГИА. Ф. 777. Оп. 4. Ед. хр. 156. Лл. 96, 166–167. Оп. 26. Ед. хр. 11. Л. 94*).

— Инсценировка Л.Верховцева «Страшная месь, волшебное представление в 4 действиях, 8 картинах, с прологом и эпилогом, с плясками, пением, видениями, превращениями, сражениями, взрывом и пожаром»; запрещена цензурой в 1893 г. (см.: *РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 12. Л. 155*; см. также: *Данилов, 1936, с. 469*);

— К 1894 г. относится замысел оперы Н.А.Римского-Корсакова «Страшная месь» (см.: *Ястребцев, 1959, т. 1, с. 192*).

— Драматическая феерия Н. фон Дингельштедта «Страшная месь», в 5 действиях, 10 картинах; поставлена в 1899 г. Театром Таврического сада, Петербург (отзыв см.: *Новое время. 1899. № 8463. 19 сент./ 1 окт.*; см. также: *Данилов, 1936, с. 469*).

— Народная книжка «Страшный колдун, или кровавое мщение. Старинная повесть из казачьей жизни. Изд. Сытина. М., 1898» (см.: *Сперанский, 1902, с. 151–184*).

— Пьеса Л.Г.Урусова «Страшная месь, волшебное представление в 5 действиях, 8 картинах, с прологом и эпилогом», 1901 (см.: *Данилов, 1936, с. 469*).

— Опера Л.П.Громова «Дьявольщина», запрещена цензурой в 1902 г. (*РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 21. Л. 25*).

— Пьеса В.И.Захаренко «Катерина Бурульбаш, или Страшная месьт», 1902 (РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 21. Л. 88).

— Сценическая переработка «Страшная месьт», в 4 действиях, 10 картинах; с прологом и эпилогом Е.Шабельской; 1907 (см.: Данилов, 1936, с. 469).

— Фантастическая опера Н.Р.Кочетова «Страшная месьт», в 4 действиях, 8 картинах, либретто А.В.Амфитеатрова; впервые поставлена 1907, янв. 25, в театре Солодовникова силами артистов Товарищества Московской Оперы в Петербурге, дир. Н.Р.Кочетов, реж. С.Ф.Гецевич (см.: Чешихин, 1906, с. 497–499; Данилов, 1936, с. 469; Тюменева, 1966, с. 184).

— 20 марта 1908 г. состоялось чтение «Страшной мести» М.Ф.Левиным на литературно-музыкальном вечере Малого театра, Москва (см.: Зограф, 1966, с. 568).

— Пьеса «Страшная месьт», в 5 действиях, 6 картинах, со старинными козацкими плясками и танцами; без авт.; 1912 (см.: Данилов, 1936, с. 469).

— Драма-сказка С.Черкасенко «Страшна помста», в 5 картинах, с прологом и апофеозом; на укр. яз. (отд. издание — Киев, 1918; см.: Данилов, 1936, с. 469).

— Инсценировка О.Лукьянова «Страшная месьт»; поставлена в 1925 г. Единственным украинским театром им. Т.Г.Шевченко (отзыв см.: Рабочий театр. 1925. № 11. С. 11); другая постановка — в 1972 г. в Волынском областном музыкально-драматическом театре им. Т.Г.Шевченко, режиссер В.Сидоренко.

Экранизация повести:

«Страшная месьт», к/ф, к/фабрика А.А.Ханжонкова, 1913; реж. В.А.Старевич; фильм получил золотую медаль на международной выставке в Милане.

* * *

Первые переводы повести:

— на сербский язык — Страшна освета. Прев. Т.Илич // Српске Новине. 1849–1850. №№ 2, 4, 5, 7, 8, 10, 12, 15–20;

— на немецкий язык — Eine schreckliche Rache. Kleinrussische Volksgeschichte // Russisches Leben und Dichten. Leipzig, 1851. S. 167–250; Schreckliche Rache. Übers. von B.Götz // Russische Novellen. Leipzig, o. J. S. 85–146; Der Zauberer. Übertr. von Ph.Löbenstein. Mit 10 Holzschnitte von K.Thylmann. München; Leipzig, o. J.;

— на чешский язык — Strásná pomsta. Přel. F.B.K. // Pražske Noviny. 1852. №№ 212, 214–223, 225;

— на венгерский язык — A rettenetes bosszú // Orosz Beszélyek. Budapest, 1882. L. 141–207;

— на украинский язык — Страшна кара. Пер. Г.Василевський // Дело. 1890. №№ 71–79; Страшна помста. Переклав В.Цц. Львів, 1909;

— на французский язык — в книге Селеста Курьера «История современной русской литературы» (Courrière Céleste. Histoire de la littérature contemporaine en

Russie, Paris, 1875. P. 171—181; переведен отрывок из «Страшной мести» — описание Днепра), полностью — в составе сборника: N.Gogol. Contes et nouvelles. Trad. par Henri Chirol. Paris, 1899 (серия «Auteurs célèbres»).

— на венгерский язык — A rettenetes bosszú. <Beszély>. Ford. Csoréy L. // Orosz Beszélyek. Budapest, 1882. С. 141—207;

— на словацкий язык — Straha pomsta. Prel. J.R. <Ranko Rimavský> // Slovenské Pohl'ady. 1886. №№ 10—11;

— на болгарский язык — Страшно отмъщение. Прев. И.Р.Блъесков. Шумен, 1887;

— на английский язык — в составе книги: Evening on a farm near Dikanka, by Nikolay Gogol. N.Y., 1926.

* * *

С. 185. *Шумит, гремит конец Киева...* — Возможная реминисценция из «Слова о полку Игореве» (ср.: «что ми шумить, что ми звенить»; отмечено: Осетров Е.И. Гоголь и «Слово о полку Игореве» // Гоголь. История и современность. М., 1985. С. 328). *Конец* — часть, край, окраина.

С. 185. *...есаул Горобець...* — *Есаул* — выборное должностное лицо, занимавшее одну из административно-войсковых должностей на Украине в XVII—XVIII вв. (чин введен в 1576 г.). Существовали есаулы полковые (старшие в полку, отвечавшие за порядок, а в мирное время находившиеся в полковой канцелярии) и генеральный войсковой есаул, управлявший казачьим войском (кроме запорожского). *Горобець* (укр.) — воробей (Гринч./Слов., т. 1, с. 314).

С. 185. *...разгульной попойки с Перешляя поля ~ красным вином.* — Битва на Перешляе поле (в черновой рукописи: Пестяри, пестерновом поле) в исследовательской литературе обычно интерпретируется как плод творческого вымысла Гоголя. Ср. мнение П.А.Кулиша: «Урочище Перешляй-Поле Гоголь выдумал, и выдумал не по-малорусски. Слова *шляться* у нас нет, а прибавка к нему *пере* еще больше портит название» (письмо В.И.Шенроку от 9(20) июля 1890 г. — опубл.: Крутикова, 1992, с. 295). Однако не исключена возможность, что Гоголь имел в виду Переяславский бой 1630 г., который произошел недалеко от Переяслава (ныне — Переяслав-Хмельницкий, Киевской обл.) и завершился победою украинского повстанческого казачьего войска над войском польско-шляхетским (см. с. 803 наст. изд.). Метафоры битва—пир, кровь—вино здесь, несомненно, фольклорного характера (ср. в главе XI: «разве не пышна была тризна по нем?»); вместе с тем они обнаруживают аналогию со «Словом о полку Игореве» (ср. строки 241—242: «ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи...») — отмечено: Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 179—195).

С. 185. *...промеж двумя горами был его хутор...* — *Хутор* — отдельная усадьба вне селения.

С. 185. *Дивилися гости белому лицу пани Катерины...* — Ср. в украинской песне «Дівка Катерина личенько білила» (Чубинский, т. 5, с. 173, 574).

С. 185. *...исподнице из голубого полутабенку...* — *Исподница* — нижняя юбка или нижняя женская рубашка. *Полутабенек* — см. словарь предисловия ко второй части «Вечеров».

С. 185. *...на Заднепровьи...* — При Стефане Батории казаки получили земли, лежавшие на левом берегу Днепра, которые стали называться Украиной; правый же берег (Заднепровье) остался частью владений Речи Посполитой. В черновом автографе, правда, дается указание, что отец Катерины вернулся «из турещины», а не из Речи Посполитой, как предполагает контекст белого варианта (см. с. 443 наст. изд.).

С. 185. *Там все не так, и люди не те, и церковей Христовых нет...* — Традиционное народное представление о чужбине как о «нечистом» пространстве (см.: Успенский Б.А. *Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина)* // Успенский, 1996, с. 381–432). Вместе с тем здесь актуализуется еще и типичное для Украины обозначение православной церкви как единственно христианской, что связано с историческим противостоянием католичества и православия в этом регионе (ср. размышление П.А.Кулиша о «древнем» наследстве «симпатий и антипатий» малорусских у Гоголя, в соответствии с которыми «латинцев» объявляли на Украине «бисовыми Ляхами и пекельниками» — письмо В.И.Шенроку от 16 (28) января 1887 г. — опубл.: Крутикова, 1992, с. 278–279; см. также с. 820–821, 826 наст. изд.).

С. 185. *Гостям поднесли варенуху с изюмом и сливами ~ коровай.* — Гоголь перечисляет обычные кушанья на свадьбах: *варенуху* (см. словарь предисловия ко второй части «Вечеров»; см. также с. 685 наст. изд.), которая подавалась, как правило, после обеда (Маркевич, 1860, с. 136), и *коровай* (укр.) — каравай, свадебный хлеб (см. с. 728 наст. изд.). На Украине для свадьбы ограничивались одним караваем (считалось, что для девушки свадебный хлеб пекут только раз в жизни, даже если свадьба по каким-либо причинам не состоялась, хлеб хранили несколько лет, пока девушка не выйдет замуж). Каравай иногда был так велик, что выламывали из устья печи несколько кирпичей, чтобы его вынуть (см.: Зеленин, 1991, с. 337, Сумцов Н.Ф. *Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885. С. 59–62; Сумцов Н.Ф. Религиозно-мифическое значение русской свадьбы. Киев, 1885; Артюх, 1982, с. 43–47).*

С. 185. *Музыканты принялись за исподку его, спеченную вместе с деньгами...* — Существовала строгая иерархия, кому и в какой последовательности достается часть каравая: начинали с родителей, сватов, дальше шли различные свадебные чины, а остаток отдавали играющим на свадьбе музыкантам. При этом обычно деньги, как символ богатства и счастья, запекали на дне, «в исподне», которая и доставалась музыкантам. См. также в «Книге всякой всячины» (раздел «О свадьбах малороссиян»): «Коровай

делают на диже <...>, положи на дно коровай несколько медных денег; при дележе его вся нижняя часть вместе с упомянутыми деньгами достается музыкантам» (ср.: Ак., т. IX, с. 530).

С. 185. ...старый есаул вынес две иконы благословить молодых. — В разгар свадебного веселья обряд благословения никогда не совершался. Он происходил либо один раз до венчания, либо дважды: до венчания и после него, сразу по приезде молодых домой. Иногда благословение происходило вечером, после ухода гостей, когда в доме оставались дружки, свахи и старосты, причем благословляли обычно образом и хлебом (см.: Маркевич, 1860, с. 136).

С. 185. ...от честного схимника, старца Варфоломея. — Схима — высшая монашеская степень в православной церкви, для которой был обязателен затвор, заменявший древнее анахоретство.

С. 186. ...все лицо его переменялось ~ и стал козак — старик. — Ср. в повести Л. Тика «Пиетро Аппоне» (см. с. 795 наст. изд.) сцену превращения ученого Пиетро в колдуна: «...Пиетро встал как бешеный, бил кулаками окружающих и, казалось, превращался в исполина. Он подошел к Крешендии <...>, потом, с диким воплем и сверкающими взорами, бросился в толпу. Новый страх овладел народом; чудовищу дали дорогу; все бежало прочь» (МВ. 1828. № 5. С. 29). Вместе с тем, Гоголь воспроизводит здесь характерный для народной культуры мотив обнаружения демонической сущности персонажа, мимикрировавшего под обыкновенного человека перед лицом икон, креста и проч.

С. 186. ...грецкого вина. — греческого вина.

С. 186. ...в ярких жупанах... — Жупан — полукафтан с небольшим отложным воротником — пришедшая из Польши теплая верхняя одежда, которую в основном носило зажиточное население (см. также словарь предисловия к первой части «Вечеров» и запись Гоголя в «Книге всякой всячины», раздел «Одеяния малороссиян»).

С. 186. ...где пошатнулась с хмеля козацкая голова ~ храпит на весь Киев.. — Фигура пьяного запорожца, спящего на самой середине дороги (ср. соответствующую сцену во второй главе «Тараса Бульбы»), составляла характерную черту вертепного изображения казаков (см.: Розов, 1911, с. 110–112). Ср. в «Энеиде» Котляревского: «А хто схотев, побрив до хаты, / А хто в хлевец, и хто у стиг. / А де-яки так-так хлыснули, / Що где упали, там заснули» (Котляревский, 1808, с. 17).

С. 186. ...дамасскою дорогою ~ кисеею... — Ударение в слове дорогою — для избежания невольной двусмысленности (дамасскою доро́гою называли плотную ткань с текстильным орнаментом в виде полосы). Кисея — легкая, прозрачная хлопчатобумажная ткань.

С. 186. ...дуб. — род большой лодки.

С. 186. ...черные козацкие шапки... — В традиционный костюм казака входила шапка, которая шилась из барашка или овчины (чаще всего черной).

С. 186. ...уже ходят по Украйне ксензы ~ в католиков... — Ксендз — священнослужитель польской католической церкви. Польское влияние

началось на Украине со времени заключения Люблинской унии (1569). В 1596 г. на основе решения Брестского церковного собора возникла греко-католическая (униатская) церковь. Против унии выступило мещанство, казачество, часть православных магнатов и духовенство, в частности, печерский архимандрит Никифор Тур, считавшие, что с ее помощью польские паны и ксендзы пытаются обратить православных в католичество. Этот период совпал с годами правления гетмана Петра Сагайдачного, о котором вспоминает Данило (ср. описание этого времени в «Истории Русов» псевдо-Конисского — *Укр. літ. XVIII, с. 592; см. также с. 627, 792 наст. изд.*). В вертепном театре на Украине широко был распространен сюжет о запорожце, проучившем униатского попа за его усердие в навязывании католичества.

С. 186. *...два дни билась при Соленом озере орда.* — Имеется в виду поход запорожцев на Крымское ханство в 1620 г. под предводительством Петра Сагайдачного и сражение на берегу Сиваша («Соленое озеро»). Возможно, Гоголь парафразирует здесь стих из народной песни: «Як у томь месяце у Кистрине, / Да бьется орда уже три дни...» (*Максимович, 1827, с. 11*).

С. 186. *...кармазинного жупана...* — Кармазин — сукно ярко-красного цвета.

С. 187. *...выскаливает зубы. ~ мертвым того человека.* — Сходный мотив встречается в рассказах об упырях (считавшихся умершими колдунами), которые могут «пидтяты», т. е. «подрезать» жизнь человеку (см.: *Гнатюк, 1912*).

С. 187. *...из-за вала подымался старый замок.* — Возможно, реминисценция из поэмы М.М.Хераскова «Владимир возрожденный» (см. с. 796–797 наст. изд.). Ср.: «Между песчаных гор, где бурный Днепр свои / Влечет меж тростники шумящие струи / <...>, / Со берегу над рекой угрюмый лес навис / И выдался в воде крутой бесплодный мыс / <...>, / Зломир там обитал, безбожный чародей...» (см.: *Херасков М. Творения. Ч. II. С. 17; отмечено: Вайскопф М. Гоголь как масонский писатель // Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 123–136*).

С. 187. *Не так еще страшно, что колдун ~ недобрый гость.* — В народной мифологии гость — объект почитания, но одновременно и представитель чужого мира — воспринимается как «носитель судьбы, лицо, могущее повлиять на все сферы человеческой жизни» (*Славянская мифология, 1995, с. 146*). Нередко «гость» воспринимался как синоним нечистой силы (ср. популярные в романтическую эпоху повести, в названиях которых фигурировало слово «гость» — «Ужасные гости» Ард. Иванова (1826), «Нежданые гости» М.Загоскина (1834), «Висящий гость» О.Сенковского (1834) и др. В контексте повести Гоголя важно, что колдун не пригласили именно на свадьбу, поскольку, согласно народным представлениям, не приглашенный на свадьбу колдун может ее испортить, наслав беду на молодых, на гостей и т. д. (ср.: *Славянские древности, т. 2, с. 531* — статья «Колдун»).

С. 187. *...хотят ляхи строить какую-то крепость...* — Намек на строительство в 1634–1639 гг. крепости Кодак (Кудак), возведенной поля-

ками, когда борьба Украины с Польшей захватила уже и Восточную Украину. Непосредственным поводом для строительства крепости было перемирие, заключенное в ноябре 1634 г. между Польшей и Турцией, в соответствии с которым польский король обязался изгнать всех казаков с днепровских островов, чтобы преградить им путь из Днепра в Черное море. То, что Польша действовала в это время заодно с Турцией, отчасти объясняет и возникающую в дальнейшем в повести тему «турецкого игумена». Для возведения крепости было выбрано место на правом берегу Днепра, против устья речки Самары и первого Кодацкого порога (см. с. 803 наст. изд.), от которого крепость и получила свое название. Ср. описание этого эпизода у Д.Н.Бантыша-Каменского: «Коронный гетман Конецпольский с 4000 человек отправился в Кудак, возобновил при себе крепость сию, разоренную козаками, снабдил оную сильным гарнизоном и поручил своему инженеру Боплану осмотреть и исследовать все пороги, вероятно, чтобы воспрепятствовать Запорожцам собираться впредь в тех местах» (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 218*). Однако в самой мотивации причин возведения крепости Гоголь ближе к «Истории Русов» (ср.: «чтобы воспящать сообщению между сих единокровных народов» — *Укр. літ. XVIII, с. 599*; см. также: *Казарин, 1986, с. 46*).

С. 188. *Козак, слава Богу, ни чертей, ни ксензов не боится.* — Ср. с традиционным мотивом столкновения казака с чертями и униатским ксендзом в вертепе (*Розов, 1911, с. 109*; ср. с. 820–821 наст. изд.).

С. 188. *...наша жена люлька, да острая сабля!* — Люльке (трубке), из-за которой, как известно, погиб Тарас Бульба, традиционно придавалось особое значение на Украине (ср. легенды о «сакральном» происхождении табака в украинских апокрифах — см.: *Булашев, 1909, с. 379–387*). Во фразе пана Данила слышны также отзвуки вертепного изображения казака («Лишь бы была при нем его “сабля”, никакой враг ему не страшен» — см.: *Розов, 1911, с. 105*), а также следы песенной традиции (ср. в песне «Ой на горі да женци жнут» о походе Сагайдачного, которую Гоголь цитирует также и в «Ночи перед Рождеством»: «А позаду Сагайдачний, / Що променяв жонку / На тютюн да люльку...» — *Максимович, 1827, с. 18*; см. с. 785 наст. изд.).

С. 188. *Ни калина не растет меж ними, ни трава не зеленеет...* — То, что на кладбище предков колдуна нет растений, является дополнительным знаком их чуждости своему народу-роду (традиция православных кладбищ выращивать на могилах цветы и деревья связана с народным представлением о «прорастании» души в растениях — см.: *Данилов В.В. Символика птиц и растений в украинских похоронных причитаниях. Киев, 1907. С. 15*; *Виноградова, 1986. С. 121–122*; *Славянские древности, т. 2, с. 166*). Ср. в украинской песне: «Казав собе: насыпали / Высоку могилу; / Казав собе: посадили / В головках калину! / Будут пташки прилетати / Калиноньку ести, / Будут мене приносити / Од родоньку весті!» — *Максимович, 1827, с. 4*).

С. 188. ...только месяц греет их с небесной вышины. — В украинских апокрифах распространено представление о том, что Бог «положил на луну знамение греха Каинова» (по суду Божию Каина не могла приютить ни земля, ни вода, лишь месяц дал ему у себя пристанище — см.: Булашев, 1909, с. 301). Неслучайность данной ассоциации подтверждается и сюжетной близостью «Страшной мести» ветхозаветной истории Каина и Авеля, повторенной в новейшие времена Петром и Иваном (см. подробнее с. 801 наст. изд.).

С. 188. Крест на могиле зашатался ~ высохший мертвец. — Возможная реминисценция из стихотворения В.А.Жуковского «Подробный отчет о луне» (1820). Ср.: «...неведомая сила / Вадима в третьем челноке / Стремилась по Днепру-реке, / Над ним безоблачно сияло / В звездах величие небес; / Река, надводный темный лес, / Высокий берег — все дремало; / <...> / С невольной робостью он зрится / Пригорок, храм, могильный камень / <...> / Он слышит: что-то тишину / Смутило; древний крест шатнулся, / И сонный ворон встрепенулся; / И кто-то бледной тенью встал» (о фольклорной и литературной основе образа см. также с. 796, 801 наст. изд.).

С. 188. ...колдун хочет устрашить людей ~ до нечистого гнезда его. — Реплика Данила дополнительно вводит в повесть известный фольклору мотив обморочивания: колдун может обморочить человека так, что ему представляется то, чего нет на самом деле (ср. с. 825 наст. изд.).

С. 189. ...Стецько... — Степан, Стец, Стефан (ср. «Книгу всякой всячины», раздел «Имена, даемые при крещении»).

С. 189. Есть меж ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные в золото... — Здесь сказывается неоднократно подчеркнутое Гоголем «западное», польское влияние в облике казака Данила (ср.: «в то время как я еще держал руку этого неверного народа»). Традиционно казакам приписывалось полное презрение к имуществу, богатству и особенно золоту и серебру (ср. развитие этого мотива в «Тарасе Бульбе»), в то время как особым пристрастием к этому отличались поляки (см. ниже).

С. 189. Волею и неволею перешли они от татар, турок и ляхов. — Турки, татары и поляки — три основных противника запорожцев (мотив нашел широкое отражение как в фольклоре, так и в украинской драме — см.: Розов, 1911, с. 105–106, 108–110).

С. 189. ...пол гладко убитый... — т. е. обмазанный глиною.

С. 190. ...покотом... — вповалку.

С. 190. ...лани Катерина принялась вышивать золотом шелковый рушник. — Еще одна «польская» черта в обрисовке главных героев (см. выше). Пристрастие к дорогой и красивой одежде было характерно именно для польской культуры. Путешественники описывали «богатые туники из золотканого материала или бархата, золота, серебра или шелка, вышитые руками дам этой страны» (см.: Тананаева Л.И. Сарматский портрет. М., 1979. С. 26–29).

С. 192. ...нечестивые звери ляхи ~ под ножами и окропом. — Окроп — кипяток. В украинском театре был распространен мотив изощренных пыток и казни, которым поляки подвергали запорожцев.

С. 193. ...засекон. — Засек — преграда из наваленных деревьев.

С. 193. *Посполитство* ~ *шляхтичи*... — *Посполитство* — от Речи Посполитой, с 1569 г. названия объединенного польско-литовского королевства. *Здесь*: в собирательном значении — поляки. *Шляхтичи* — дворяне.

С. 193. ...*потанцуют и от батогах*. — Мотив наказания батогами — один из самых распространенных в украинском театре (см.: *Розов, 1911, с. 109*). Ср. в «Майской ночи» песню, придуманную Левко (с. 125 наст. изд.).

С. 193. ...не захотел меду выпить, который я вытрусил у брестовских жидов. — В гоголевские времена большинство жителей Бреста составляли евреи, занимавшиеся торговлей водки. Мотив казака, который «отбирает» у жида горилку, характерен для украинского вертепа (см.: *Розов, 1911, с. 133*).

С. 193. ...*жидовская лапша*... — *Здесь*: нечистое блюдо. Ср.: «В старину слово: “жид” <...> не имело у нас того определенного и тесного значения, какое имеют эти слова теперь. Все еретическое, нечистое, несогласное с православною верою, называлось “жидовством”. <...> Ненавистное латинство также часто называлось жидовством» (*Булашев, 1909, с. 44—45*; см. также: *Из истории русских слов. М., 1993. С. 69—72*).

С. 194. *Одни турки и жида не едят свинины*. — Запрет на свиное мясо восходит к синайским заповедям Моисея (*Лев., 11:7*). Вместе с тем, на Украине существует предание, что евреи не едят свинины, поскольку свинья является «оборотнем жидовки» (ср.: *Сумцов, 1888, с. 153*; *Булашев, 1909, с. 409*). См. также народный рассказ «Чому Жида не їдять свинини?» (*Гнатюк, 1902, вып. 1, с. 66—67*).

С. 194. ...*лемишку с молоком*... — *Лемишка* — каша, изготовлявшаяся из ситной или гречневой муки (см.: *Маркевич, 1860, с. 156*). См. также запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел: «Лексикон малороссийский»).

С. 194. ...*листы в козацкое войско*... — то есть письма.

С. 195. ...*нетопыри*... — летучие мыши.

С. 196. *Колдун стал прохаживаться вокруг стола*... — Ср. в повести Л. Тика «Пиетро Апоне» (см. с. 795 наст. изд.): «Принесен был ладан, загорелся огонь на алтаре, а магик осторожно, почти с трепетом, вынул большую книгу из самого потаенного ящика <...>. Он читал, сперва тихо, потом все громче и внимательнее, сперва мерными шагами ходя взад и вперед, потом обходя круг. Через несколько времени остановился он и сказал: “Поди, посмотри, каково на небе”. — “Густая тьма, — сказал, воротившись Березинт, — закрыла небо”. <...> Вдруг послышались голоса, <...> раздавалось пение, раздавались смешанные звуки чудных инструментов.

Оживились все сосуды <...>. А из стен всех комнат посыпались существа всякого рода: звери, чудовища и страшные лица в странном смешении. <...> Отворились церковные врата, сладко запели флейты, и тихий свет полился из внутренности церкви. Немедленно в этом сиянии показался женский образ, бледный, но блестящий, украшенный венками из цветов: она вышла из врат, лучами устилался путь ее. <...> Пиетро вышел в переднюю, и ему навстречу вошла бледная Крешенция, в своей погребальной одежде» (МВ. 1828. № 4. С. 439–444).

С. 198. ...в прошлом году, когда собирался я вместе с ляхами на крымцев... — См. с. 803 наст. изд.

С. 198. ...игумен Братского монастыря... — Имеется в виду Боголюбский Братский монастырь в Киеве на Подоле (так называемой Киево-братский мужской монастырь), заложенный в 1588 г. В 1615 г. при монастыре была открыта Киевская братская школа по инициативе архимандрита Киево-Печерского монастыря Петра Могилы, ставшего ее опекуном (в 1701–1817 гг. — Киево-Могилянская академия). В XVII в. монастырь выступал как один из центров идеологической борьбы против католицизма и унии. Получал материальную помощь от Запорожской Сечи; на территории монастыря был похоронен Петр Сагайдачный (см.: Максимович, Щекатов, 1801, ч. 1, с. 549–550; см. также с. 803 наст. изд.).

С. 200. ...про апостола Павла ~ но после покаялся... — Апостол Павел (Саул, Савл) в молодые годы участвовал в преследовании христиан, однако после видения, открывшегося ему на пути в Дамаск, принял крещение и начал проповедь христианства (см. с. 799 наст. изд.).

С. 200. ...пойду в пещеры, надену на тело жесткую власяницу... — Возможно, реминисценция из повести А.Бестужева-Марлинского «Замок Эйзен»: «Пойду сам в монахи, надену власяницу под панцырем...» (Нев. альм. на 1827 год. СПб., 1826. С. 145; то же — Бестужев, т. 1, с. 189; см. с. 798, 826 наст. изд.).

С. 200. ...напустил им в глаза туман ~ сухое дерево. — В восточнославянской мифологии колдуну приписывается способность морочить людей, показываясь в том месте, где его в действительности нет (ср. с. 823 наст. изд.).

С. 201. Я выпустила его... — Мотив предательства жены (отмыкание ключиком) присутствует в украинской песне «О хитрости, употребленной Богданом Хмельницким против Барабаша», где к «панье Барабашовой» обращаются, чтобы она своим ключом открыла шкатулку, где лежала тайная переписка Барабаша с поляками (см.: Цертелев, 1819, с. 37–40). История предательства «жены Барабашевой» описана также в «Истории Русов» (см.: Укр. літ. XVIII, с. 610). О соотносительности образа пана Данила с историческим гетманом Иваном Барабашом см. с. 804 наст. изд.

С. 202. ...собрались ляхи и пируют... — Стиль описания в главе VIII напоминает «Третью интермедию» к «Комическому действию» («Комическое действо») Митрофана Довгалевского (первая половина XVIII в.),

в которой описываются поляки, готовящиеся к «наезду» на Украину (отмечено: *Розов, 1911, с. 142; см.: Укр. літ. XVIII, с. 360–364*).

С. 202. ...позакидали назад рукава оборванных жупанов своих и ходят козырем... — На самом деле Гоголь описывает здесь кунтуш, верхнюю одежду польского происхождения с длинными откидными рукавами, которые спереди были разрезаны до локтя, а их концы достигали подола (см.: *Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. М., 1989. С. 134–136*). Возможно, деталь эта была подсказана Гоголю также и описанием поляков в повести А.Бестужева-Марлинского «Изменник» («Они гордо похаживают, крутя усы и отбрасывая назад рукава своих контушей, клянясь и хвастая ежеминутно» — *ПЗв. на 1825 г. СПб., 1825. С. 340* — то же: *Бестужев, т. 1, с. 167*). См. запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «Об одежде и обычаях русских XVII века»): «...по обычаю, принятому у поляков, завязывали их (рукава кафтанов. — *Ред.*) назад».

С. 202. ...бьют картами один другого по носам. — Ср. описание игры чертей в карты в «Пропавшей грамоте». Подобная параллель возникает не случайно. «Лях» в традиционной культуре выступает как персонаж, связанный с понятиями «чужого», нечистого, демонического (так, в образе ляха появляется дьявол в летописи Нестора в описании Матвея Прозорливого — см.: *Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846. С. 82; в сцене Страшного суда в русских иконописных подлинниках XVII в. «ляхи» изображались между синими арапами, песьими головами и другими неверными — см.: *Буслаев Ф.И. Изображение Страшного суда по русским подлинникам // Буслаев Ф.И. Сочинения. Т. I. СПб., 1910. С. 151*). Вместе с тем исторически сложившееся на Украине отношение к полякам, «гонителям православия», отрекшимся от «истинной» христианской веры, было дополнительно маркировано представлением о гордыне и отречении как сущности дьявола (ср. с. 819 наст. изд.).*

С. 202–203. Чего-то грустно мне, жена моя! ~ Чем будем принимать гостей, пан? — В эпизоде прослеживаются текстуальные совпадения с «Думой о козаке Саве»: «Пойди, девко, у пивницю, / Внеси мне меду; / Чого-сь мне трудно-нудно, / Головы не звезду. / <...> / Здоров, здоров, пане Саво! / Як ся тебе маеш? / Добрых гостей тебе маеш: / Чем их принимаеш?» (*Максимович, 1827, с. 34–35; ср. также с. 799 наст. изд.*).

С. 203. ...честь и слава нашего войска, старый Конашевич! — См. с. 723 наст. изд.

С. 203. ...сердюки... — телохранители гетмана.

С. 203. ...как резались мы тогда с турками! — Имеется в виду хотинская война 1620 г., когда казаки выступили против турок на стороне Польши.

С. 203. ...полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. — Ср.: «Полковники на Украине занимали первые места после есаулов, им были подчинены военные, полицейские и земские дела. Однако до-

ходы полковников были столь значительны, что часто есаулы переходили в полковники» (*Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 223*).

С. 203. *Шляхетство наше все переменяло на польский обычай ~ принявши унию.* — Со времени заключения Люблинской унии (1569), а затем Брестской унии (1596) верхние слои украинского народа, стремясь к приобретению польско-шляхетских прав и привилегий, усваивали польские обычаи, а также нередко переходили в униатство (о религиозной обстановке на Украине времен Речи см.: *Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблема религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 7–13; Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская Уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Ч. 1. М., 1996*).

С. 204. *...свистнет сабля — катится по земле голова...* Ср. в думе «О смерти Ивана Коновченка, или О походе козаков против татар»: «То не вихорь по Черкени долины гуляе, / Не сизый орел ястребав гоняе, / Вдовиченко Коновченко на вороном кони разъизжае, / Мечем своим як блискавна сіяе, / Трет тетар Янычар с коней сбивае, / Тогди саблю булатну опускае, / Козакам рыцарство свое выхваляе» (*Цертелев, 1819, с. 34*).

С. 204. *...закрывши ясные очи. Алая кровь закипела на груди.* — Ср. в украинской песне: «Склепилися чорны очи на все ночи / Закипели уста кровью — не промовлю» (*Максимович, 1827, с. 52*).

С. 205. *От ризы сылются звезды.* — Элементы описания ночного Днепра, как указывает В.И.Шенрок (*Шенрок, т. I, с. 167*), могли быть заимствованы Гоголем из «Голубиной книги»: «Зори беляя от очей Божьих, / Звезды частыя то от риз его...» (см.: *Бессонов П. Калекы переходжие. Вып. 2. М., 1861. С. 270*).

С. 206. *...ратующими волнами...* — *Ратовать* — воевать, сражаться.

С. 206. *...осмелился гулять в челне ~ рассердился старый Днепр?* — И.Мандельштам отметил это место как возможную реминисценцию из «Полтавы» Пушкина: «Кто при звездах и при луне / Так поздно едет на коне?» (*Мандельштам, 1902, с. 30*).

С. 206. *...тризна, которую свершили козаки...* — *Тризна* — погребальное пиршество, поминки. Здесь: в метафорическом смысле, «битва-пир» (см. с. 818 наст. изд.).

С. 207. *...выльет переполох...* — См. с. 108 наст. изд.

С. 208. *...многолюдный город Лемберг...* — Лемберг — немецкое название Львова, укоренившееся в России. В XVII в. Львов считался второй столицей Галицкого княжества (см. ниже).

С. 208. *...высоковерхие горы.* — Имеются в виду Карпаты.

С. 208. *...в Валахию и в Седмиградскую область...* — *Валахия* — область на юге Румынии, между карпатскими горами и рекой Дунаем. *Седмиград* (*Семиград* — см. с. 213 наст. изд.) — Трансильвания.

С. 208. ...громадою стали в виде подковы между галицским и венгерским народом. — Галицкое княжество образовалось из раздела Галицко-Владимирского княжества, которое называлось поляками и литовцами Малой Руси, на три части: Волинь, Перемышль, Галич. Последний граничил с трех сторон «с Венграми, Поляками, Литовцами», «и только с севера братья Велико-Русины» (*Децицкий Б.А. Народная история Руси от начала до новейших времен. Львов, 1868. С. 207*). В 1340 г. Казимир III присоединил Галицию к Польше, в составе которой она оставалась до 1772 г. (см. также с. 830 наст. изд.).

С. 208. ...народ венгерский ~ не хуже козака... — И.С.Орлай (см. с. 802 наст. изд.) полагал, что русины, живущие в Карпатах, в IX в. были проводниками угров в Паннонию, нынешнюю Венгрию, и всячески подчеркивал исконную дружбу русского и венгерского народов (*Орлай И. История о Карпато-россах или о переселении Россиян в карпатские горы и о приключениях с ними случившихся // Сев. вестн. 1804. № 3. С. 261–276*).

С. 208. ...Криван. — Гоголь называет как самую высокую гору в Карпатах не Герлахов пик, а Криван, воспетый в народных легендах.

С. 209. ...пекельном огне... — адском огне.

С. 209–210. *Бижыть возок кровавенький ~ тряся его мать!* (укр.) — «Катится возок окровавленный: На том возке казак лежит, Простреленный, изрубленный. В правой руке копье держит, С того копья кровушка течет; Течет река кровавая. Над рекою явор стоит; Над явором ворон каркает. О козаке мать плачет. Не плачь, мать, не печалься! Уж твой сын женился. Да взял в жены панночку, В чистом поле земляночку; И без дверей, без окон. Да вот и песне пришел конец. Танцевала рыба с раком... А кто меня не полюбит, чтоб его мать трясло в лихорадке!»

С. 210. ...перемешивались у ней все песни. — Почти все эти песни были заимствованы Гоголем из сборника М.Максимовича «Малороссийские песни» (1827) и книги И.Кулжинского «Малороссийская деревня» (1827), иногда в вольной передаче (см. с. 627 наст. изд.). В начальных строках песни Катерины использован отрывок из песни «Видкель едешь? — Од Дунаю». Ср.: «Ехав возок да й покрытый / Червоною китайкою, / Заслугою козацкою. / А в том возку було тело / Порубане, почорнеле» (*Максимович, 1827, с. 15–16*; ср. эту песню в другом варианте, включенном в сборник: *Максимович М. «Украинские народные песни». М., 1834. С. 150*). Строки 4–13 песни Катерины могли быть заимствованы из песни: «Ой шли Ляхи на три шлях». Ср.: «А на тым кони Гетьман сedit, / В правой руди шаблю держит, / А з левой руки кровь бежит / <...> / Ой набигла крови да целяя речка, / А на тый речце ворон краче, / Що по сыну маты плаче / <...> / — Да не плачь, маты, не журися: / Вжеж твий сынок оженився, / Да й узав себе паняночку — / В чистому поле земляночку!» (*Кулжинский, 1827, с. 133*). Ср. также в песне «Ой у поле снежок прошит...»: «Заслужив вон паняночку, В чистом поле земляночку» (*Макси-*

мович, 1827, с. 8–9). Строки «Танцёвала рыба з раком, / А петрушка з пустернаком, / А цибуля з часноком, / А девчина з козаком» — были процитированы Максимовичем в предисловии к сборнику как пример непристойной песни (Максимович, 1827, с. XI, 1-я паг.; ср. также: Бантыш-Каменский, 1830, ч. 3, с. 83, 2-я паг.). Последняя строка песни Катерины заимствована из песни «Тече речка не величка»: «Тече речка не величка, поставлю я ятер; / А хто мене не полюбит — тряся ёго матер!» (Максимович, 1827, с. 116). Эта песня была также и в гоголевском собрании, но с иным вариантом последней строки (см.: Пам. Жук. и Гог., 1908, с. 212).

С. 210. ...царапаются ~ некрещенные дети... — Наряду с представлением о том, что умерший без крещения ребенок безгрешен, в восточнославянском фольклоре была широко распространена точка зрения, что некрещенные дети превращаются в демонов: они появляются в определенные календарные периоды, принимая различный облик (блуждающих огней, птиц и т. д.), а также русалок (см.: Зеленин, 1995, с. 70–73; Славянские древности, т. 2, с. 86–88 — статья «Дети некрещенные»). См. также «Книгу всякой всячины» (раздел «Малороссия. Отдельные замечания»).

С. 210. ...из днепровских волн ~ погубившие свои души девы... — Русалками в народе считаются так называемые заложные покойницы, то есть женщины, умершие неестественной смертью, в т. ч. самоубийцы. Места их обитания могут быть различными: болото, гумно, дерево, кладбище, но чаще озеро, река (дно реки). В Восточной Украине существовало представление, что русалки забираются с осени в реки и проводят там зиму (о реке как месте обитания русалок см.: Зеленин, 1995, с. 158, 170, 216). На Зеленой (русальной) неделе они выходят из рек, плещутся в полночь при луне, бегают по полям, качаются на ветвях деревьев, манят к себе прохожих и до смерти щекочут их (см.: Маркевич, 1860, с. 7–8; Зеленин, 1995, с. 185–189; о нанесении русалками вреда людям см.: там же, с. 197–207; см. с. 734–735, 746 наст. изд.).

С. 211. Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду... — Ср. в «Троицкой <песне>»: «У мене в тыне перед ворутями / Синее море розливається; / Паны и Гетьманы избегалися, / Все сему диву дивовалися» (Максимович, 1827, с. 163).

С. 211. ...вдруг стало видимо далеко во все концы света. — Ср. представление о Страшном суде, где увидят все, что было. Чудесное разворачивание пространства было также общим местом теософской литературы (ср., например, в описании видения отца Игнатия: «...можно было зреть как в зеркале все, чего только пожелать можно.... Море от Сицилии вздулось и поднялось <...> в виде большой песчаной черной горы, и Калабрская долина в мгновение ока превратилась в чистое прозрачное стекло» — Экартсгаузен К. Ключ к таинствам природы. Ч. 1. СПб., 1804. С. 187–188; отмечено: Вайскопф, 1993, с. 40–41).

С. 211. По левую руку ~ земля Галичская. — Географическая неточность Гоголя: если «бывалые люди» видели Крым из Киева, то они, видимо,

стояли лицом к югу, и в таком случае Галицкая земля должна быть по правую руку. Однако в культурно-историческом смысле Гоголь был скорее прав, поскольку в русском средневековом сознании Запад всегда представлялся только слева — как вывернутое, дьявольское, то есть «левое» пространство (см.: Успенский Б.А. *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры* // Успенский, 1996, с. 355, 377).

С. 211. ...чудилось, что все со всех сторон бежало ловить его... — Описание бегства колдуна могло быть подсказано Гоголю диалогом Г.Сковороды «Наркисс» (впервые опубликовано в 1798 г.): «...Известно, что грешник, как только почувствовал опасность своего пути, бежит, как гонимый заяц, к сим горам, находясь в замешательстве бедных своих рассуждений... Но когда из божиих гор блеснувший свет на лицо ему покажет его прельщение, в то время весь свой путь сам уничтожает так, как случилось Павлу, едущему в Дамаск» (Сковорода, т. 1, с. 157).

С. 212. ...в Канев, думая оттуда через Черкасы ~ прямо в Крым... — Крым, татарское владение с XIII в., в 1475 г. перешел в подданство Османской империи и лишь в 1783 г. присоединен к России под именем Таврида.

С. 212. ...показался ~ Галич... — Имеется в виду Галич Червенский, как его называли еще в XIX в. для отличия от Галича Меряжского Костромской губернии. В XVII в. Галич был центром польской провинции Галиции (см. с. 827 наст. изд.).

С. 214. В городе Глухове... — Действие многих украинских песен действительно происходит в Глухове. Ср.: «У Глухове у городе / Во все дзвоны дзвонят...» (Максимович, 1827, с. 26).

С. 214. ...собрался народ около старца бандуриста... — Слепцы-бандуристы (так называемые кобзари), воспевавшие события гайдамачины и конец Запорожья, — явление, распространенное на Украине вплоть до конца XVIII в. (см.: Горленко В. *Кобзари и лирники* // КС. 1884. № 1. С. 20–50; № 12. С. 639–656). Вместе с тем, о слепцах-бандуристах, «и ныне еще» поющих былины, писал Максимович (Максимович, 1827, с. VII, 1-я паг.). О старцах, певших на ярмарках и заходивших нередко также и в усадьбы, «чтобы потешить панов», которых мог слушать Гоголь, см.: Петец, 1902, с. 47.

С. 214. ...про прежнюю Гетманщину за Сагайдачного и Хмельницкого. — См. с. 826 наст. изд.. Ср. описание правления запорожских гетманов Петра Конашевича Сагайдачного и Зиновия Богдана Хмельницкого в «Истории Русов» (Укр. літ. XVIII, с. 593–597, 610–617). Ср. также в «Энеиде» Котляревского: «Про Сагайдачного спевали»... (Котляревский, 1808, с. 80).

С. 214. ...пальцы, с приделанными к ним костями, летали... — Кости — здесь: медиаторы (у бандуриста на указательном пальце крепилось кольцо со вставленным в него кусочком дерева — косточкой, которой музыкант прихватывал струны, чтобы получить более сильный звук (Зеленин,

1991, с. 375). Ср. балладу Н.И.Гнедича «Рыбаки» (1822), где также выведен слепой старец-кобзарь: «И вдруг по струнам залетали костистые пальцы...».

С. 214. *За пана Степана, князя Седмиградского ~ королем и у ляхов... — Стефан Баторий, воевода Седмиградский, в 1576—1586 гг. король польский (см. также с. 803 наст. изд.).*

С. 215. *Ухватился, однако ж, козак за сук... — Ср. тему обламывания ветви при падении в провал в апокрифических рассказах об Иуде (см.: Порфирьев, 1890, с. 50).*

С. 216. *...предал ~ как Иуда... — Определение Гоголем Петра как Иуды могло быть навеяно тиковским выражением «Пиетро, сей Иуда Искариотский» (МВ. 1828. № 4. С. 416). Вместе с тем здесь прослеживается и фольклорная традиция, в соответствии с которой апостол Петр нередко отождествляется с Иудой (см.: Успенский Б.А. *Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*. М., 1982. С. 127). О демонологической трактовке имени Петра у Гоголя см.: Zeldin J. *Nikolai Gogol's Quest for Beauty: An Exploration into His Works*. Kansas, 1978. P. 208; Rancour-Laferriere D. *Out from under Gogol's Overcoat. A Psychoanalytic Study*. Ann Arbor, 1982. P. 59—60, 226—227; ср. также с. 795 наст. изд.)*

С. 216. *...человек без честного рода ~ что хлебное семя... — Аллюзия на евангельскую притчу о сеятеле (Матф., 13:3—8).*

С. 217. *...приказки про Хому и Ерему, про Сткляра Стокозу... — Хома (Фома) и Ерема — комические герои-братья русских сказок, анекдотов, песен (см.: СУС, № 1716; Афанасьев, 1985, т. 3, с. 138—139; Богатырев П.Г. *Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства*. М., 1971. С. 401—421). Ср. парные персонажи в «Мертвых душах» (дядя Митяй и дядя Миняй) и в «Ревизоре» (Добчинский и Бобчинский). Сткляр Стокоза — фамилию Стокоза носил, между прочим, крепостной дядька Гоголя Семен (Симон).*

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА Шп — черновой автограф повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1263а. Лл. 1—7об. (собрание И.Е.Забелина). Архивная пагинация общая с *ЧН Пр1*, *ЧА Пр2*, *ЧН НпР* и *ЧА См*. Автограф представляет собой три одинарных листа (лл. 1, 2, 3 архивной пагинации) и два двойных, сложенных в тетрадь, но не сброшюрованных (лл. 4/7 и 5/6); чернила. Разм. 35,0×22,0. Бумага (та

же, что и в *ЧА Пр2, ЧН НпР*) с филигранью: литеры «ФКНГ» на левой половине двойного листа («Фабрика князя Николая Гагарина»), герб Ярославской губернии в овале на правой половине двойного листа, с белой датой «1830». Филигрань полностью видна на двойных листах 4/7 и 5/6. Описана: *Клепиков, 1959, с. 68, № 698; Uchastkina, 1962, plate 27, p. 57.* На л. 1 — предисловие к повести, л. 1 об. не заполнен. В верхней части л. 2 написано: «На память о Михаиле Семеновиче И.Е.Забелину от Кетчера».

Впервые опубликовано: *Ак., т. XIV, с. 334–362.* Предположительно датируется: осень-зима 1831 г.

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка. Санктпетербург. Печатано в типографии А.Плюшара. 1832 (цензурное разрешение — 31 января 1832 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть вторая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безсомыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1* (вторая книга, 1832). Печатается по тексту *ВД2* со следующими исправлениями по *ВД1* и *ЧА Шп* (см. с. 621–626 наст. изд.):

С. 222, строка 15: и сделавшись подпоручиком *вместо* и сделавшись поручиком (по *ЧА Шп*).

С. 232, строки 13–14: — Пойдемте за стол! — сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана Федоровича за руку. Все вышли в столовую. *вместо* — Пойдемте за стол! — сказал Григорий Григорьевич, взявши Ивана Федоровича за руку. (по *ВД1*).

* * *

Повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» практически всеми исследователями отнесена к наиболее позднему этапу работы Гоголя над «Вечерами», когда он уже «оформлял» свои «непосредственные наблюдения над современной украинской помещной действительностью» (*Айзеншток, 1962, с. 260;* ср. также мнение Н.Л.Степанова, считавшего, что повесть написана

«позже всего цикла украинских повестей», то есть в конце 1831 г., почти непосредственно перед сдачей второй книжки «Вечеров» в цензуру — *Ак., т. I с. 549*).

Анализ чернового автографа (находится с 1909 г. в Отделе письменных источников ГИМ в составе фонда И.Е.Забелина, которому был подарен Н.Х.Кетчером на память о М.С.Щепкине — см. с. 605 наст. изд.) дает основания предполагать, что черновая редакция повести писалась приблизительно в одно время с работой Гоголя над предисловием ко второй книжке «Вечеров», а также примечаниями к «Ночи перед Рождеством», причем характер бумаги, которую Гоголь использовал и в переписке, дает возможность отнести работу над черновым автографом к осени-зиме 1831 г. (*подробнее см. с. 605–606 наст. изд.*).

Черновая рукопись «Ивана Федоровича Шпоньки», которой скорее всего предшествовали недошедшие до нас более ранние черновые редакции, можно считать последней, предшествующей перебеливанию, версией повести, очень близкой к печатному тексту. Почерк (особенно в сравнении с черновым автографом «Страшной мести») везде аккуратный; несколько раз меняются чернила. Основная масса правки при перебеливании носила стилистический характер: поиск синонимов («дряхлость» вместо «старость», «голова» вместо «лицо» и т. д.), изменение синтаксических конструкций («облитый маслом блин» вместо «огромный масляный блин»; «дельвал, когда спрашивал его о чем полковник» вместо «дельвал перед полковником»), смягчение украинизмов («Та се ж паныч наш» вместо «О цеж паныч наш»), замена разговорной лексики на литературную («Так вот и щекочет» вместо «Так вот и лоскочет», «бежали сзади» вместо «бегли сзади»). Среди наиболее существенных смысловых модификаций обращают на себя внимание следующие: последовательный отказ от перечисления в одном ряду Библии и гадательной книги (вместо «читал библию или гадательную книгу» в *ЧА Шп* — «читал гадательную книгу» в *ВД1*); замена «Директора Департамента» на «чиновника» (оба случая могут быть интерпретированы как цензурное вмешательство или же исправление, вызванное соображениями автоцензуры); имя издателя Глазунова в финале повести заменено на обобщенное «добродетельный книгопродавец»; вместо «птичьего» лица жены появляется «гусиное» лицо. Кроме того, в печатной редакции Гоголь убирает рассуждение о страхе, испытываемом мужчиной перед сильной женщиной (вместо: «взгляд на геройский вид Василисы Кашпоровны производил некоторую робость в сердце мужчин, боящихся более всего на свете малейшего вида власти в женщине» появляется: «все мужчины чувствовали при ней какую-то робость...»); изменено в печатном тексте описание ночного поля (вместо «стоял недвижимо на одном месте, пока подкравшись ночь не обнимала всего неба и звезды то там, то там, начинали светиться» — появляется: «стоял недвижимо на одном месте, следя глазами пропадавшую в небе чайку, или считая копы нажатого хлеба, унизывавшие поле»); детализиро-

вано описание старушки Сторченко и барышень. Кроме того, в черновом автографе отсутствует название первой главы повести и не найдены еще окончательные варианты некоторых имен и географических названий: хутор Вытребенки называется хутором Колонивкой; Григорий Григорьевич Сторченко печатной редакции во второй главе *ЧА Шп* представлен еще как Григорий Григорьевич Шлепковский, в последующих главах он фигурирует под именем Сторженко (3 раза); один раз герой назван Стороженко.

При подготовке в 1850—1851 г. нового издания «Сочинений» (Соч. 1855) Гоголь не успел просмотреть корректурные листы «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки»; повесть была напечатана полностью по изданию 1842 г. (Соч. 1842).

* * *

Из остальных повестей цикла «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» выделяется относительной независимостью от фольклорного материала. Принципиально важной для Гоголя оказывается здесь ориентация на стернианский тип повествования. Скрытая ирония автора и обрыв текста на том месте, где только и должно было начаться действие, воскрешали в сознании читателей того времени роман Л.Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1760—1767; русский перевод романа — 1804—1806; о «стернианстве» Гоголя см.: Дмитриева, 1992, с. 20, 24—27; о возможной интерпретации повести как пародии на эпигонов Стерна см. с. 837 наст. изд.). О соотношенности повести с другим произведением Стерна — «Сентиментальным путешествием», 1769 (ср. русские переводы: «Стерново Путешествие по Франции и Италии под именем Йорика». Ч. 1—3. СПб., 1793; «Чувственное путешествие Стерна во Францию». С франц. Ч. 1—2. М., 1803 и др.) — свидетельствует название ее глав: «Дорога», «Тетушка», «Обед». Неоконченность повести, мотивированная утратой (полной или частичной) рукописи, в том числе обусловленной кулинарными причинами — прием, широко распространенный в литературе конца XVIII — начала XIX в. (см.: Алексеев М.П. *Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков. М.; Л., 1960. С. 74—76*). Ср. использование того же приема в «Повестях Белкина» А.С.Пушкина, 1830 («...Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности» — см.: Фомичев, 1984, с. 20—21), в романе Антония Погорельского «Монастырка», 1830—1833, а также в более раннем послании А.Кантемира «Письмо II. К стихам своим», 1762 (ср.: «Когда уж иссланным время ваше пройдет, / Под пылью, молям на корм кинуты, забыты, / Гнусно лежать станете, в один сверток свиты / Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет / (Буде пророчества дух служит мне хоть мало) / Вам рок обернуть собой иль икру, иль сало» — *Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. М., 1957. С. 217* — отмечено: Смирнов, 1979,

с. 599). Вместе с тем, известны были и реальные факты кулинарного использования рукописей в гоголевские времена: так, например, по сообщению В.Горленко, многие рукописи писателя Антония Погорельского пропали, так как «бывший управляющий имения был любителем тонких блюд, особенно котлет в папиюточках, и за долговременное пребывание свое в Погорельцах извел все бумаги писателя на любимое кушанье» (см.: *Игнатов С.С. Погорельский и Э.Гофман // Рус. фил. вестн. 1914. № 3—4. С. 257*; отмечено: *Манн, 1988, с. 102*).

Не исключено, что литературным прототипом гоголевской Василисы Кашпоровны была мужеподобная тетушка Анна Андреевна из «Монастырки» Антония Погорельского, в одиночку управляющая своим имением, а образ Сторченка соотносился с образом опекуна Дюндика из того же романа (его первая часть с главой «Тетушка и опекун» вышла в 1830 г. отдельным изданием; см. также: *Ак., т. I, с. 549*). Мотив жены, прячущейся в платке Шпоньки, — возможная реминисценция из «шутно-трагедии в двух действиях в стихах» И.А.Крылова «Подщипа» (др. назв. — «Трумф», ок. 1800 г.), которую играли на домашнем театре у родственника Гоголей Д.П.Трошинского (см. с. 691 *наст. изд.*). Ср. сцену объяснения в любви немца Трумфа Подщипе, дочери царя Вакулы (действие 1, явление 3): «Мой ноши весь не спит и серса польно шотся; / Прелестна тфой фикур на мой туша шифется. / Курит ли трупка мой — из трупка тфой пихтишь, / Или мой кафе пил, — тфой в шашешке сидишь. / Фезте мой фидит тфой» (цит. по: *Крылов И.А. Полное собрание сочинений. В трех томах. Т. II. М., 1946. С. 345*). Мотив отождествления жены с материей (сон Шпоньки) встречается в первой главе романа О.Голдсмита «Векфилдский священник» («The Vicar of Wakefield», 1766), герой которого сравнивает выбор жены с выбором материи. Ср.: «...я начал подумывать о супружестве; и в выборе жены поступил точно так же, как поступила она, когда выбирала себе матерью на подвенечный наряд: я искал добротности, не прельщаясь поверхностным лоском» (цит. в пер. Т.Литвиновой; отмечено: *Вайскопф, 1993, с. 135—136*). Однако остается проблематичным, читал ли Гоголь роман вообще, тем более, что в доступном ему русском переводе Н.И.Страхова (*Вакефильдский священник. История. Аглинское сочинение. Ч. 1—2. М., 1786*) эпизод сравнения жены с материей опущен (ср.: «Я выбрал для себя женщину довольно пригожую, доброго нрава и такого воспитания, что редкие уездные господа могли иметь сему подобия» — *там же, с. 9—10*).

Из всех повестей, входящих в цикл «Вечеров», повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» — единственная, в которой обыгрывается процесс фиксации устной речи и перевода ее в письменную (как следует из предисловия, повесть записана собственноручно рассказчиком — Степаном Ивановичем Курочкой: «взял и списал» — ср. также с. 839 *наст. изд.*). Действие ее перенесено из народной среды, характерной для предыдущих повестей, в сферу мелкопоместного быта; время действия отнесено не к условному историческому времени, а к современности, что сближает повесть с более

поздними произведениями Гоголя и, в особенности, с циклом «Миргород» (так, характер чтения Шпоньки напоминает чтение Ивана Ивановича в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»; манера Шпоньки разговаривать незаконченными предложениями и частицами отзовется затем в «Шинели»; описание жизни офицеров П*** пехотного полка, в котором служил Шпонька, предвещает соответствующее описание в «Коляске», а сцену между сестрой Сторченка Марьей Григорьевной и Шпонькой можно рассматривать как «первый этюд» к знаменитой «любовной сцене» в «Женитьбе» (см.: *Шенрок, т. 1, с. 288–289; Катранов, 1910, с. 21–27*). Вместе с тем, современный прозаический быт, внешне не имеющий ничего общего с героическим прошлым казаков, обнаруживает тем не менее неявную с ним соотнесенность: так, село Хортыще, в котором живет Григорий Григорьевич Сторченко, напоминает об исторических временах Сагайдачного (см. с. 842 наст. изд.), соединяя тем самым повесть о Шпоньке с историей пана Данилы в «Страшной мести» (у Д.Н.Бантыша-Каменского Хортитский остров упоминается к тому же как жилище холостых, т. е. самых воинственных казаков — см.: *Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 111*). А упоминание П*** пехотного полка, в котором служил Шпонька (см. с. 841 наст. изд.), делает последнего в определенном смысле потомком тех запорожцев, которых Екатерина II хотела «повертатъ» в карабинеры в «Ночи перед Рождеством».

* * *

Особое положение повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» в «Вечерах» отметили уже первые рецензенты. О.И.Сенковский писал: «“Иван Федорович Шпонька и его тетушка” есть единственная в целом сочинении повесть, в которой нет мужиков и казаков, и она именно столько занимательна, сколько нужно, чтобы пожалеть о том, что она не кончена» (*БдЧ. 1836. № 3. С. 4 — см. также с. 643 наст. изд.*). К.С.Аксаков в брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842) упоминал повесть в подтверждение своего тезиса о воскрешении в «Мертвых душах» древнего «эпического созерцания». Гоголь, считал он, даже и ничтожного человека способен изобразить как «своего брата, созданного по образу и подобию Божию»: «Вспомним Ивана Федоровича Шпоньку: человек, кажется, пустой в высшей степени, дурачок, большей частью лежащий на кровати, скинувши мундир; вспомним, как он, приехавши в свою деревню, выехал на сенокос: на него действует природа, он соединен с нею, тут он чувствует, но чувство выказалось в нем столько, сколько должно и могло выказаться» (см.: *Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 82*). В.Г.Белинский, отвечая Аксакову (см. также с. 644 наст. изд.) утверждал: «“Иван Федорович Шпонька и его тетушка по отношению акта творчества”, действительно, не ниже шекспировского “Гамлета”, но, несмотря на то, в сравнении с “Гамле-

том” повесть Гоголя — абсолютное ничтожество, так что даже есть что-то смешное в каком бы то ни было сближении этих двух произведений...» (Белинский, т. VI, с. 425).

О Шпоньке писал в статье «Гоголь» (1909) Андрей Белый, отмечая, что под пером Гоголя даже ничтожество обнаруживает свою привлекательную сторону: «А все эти семенящие, шныряющие и шаркающие Перепенки, Голопупенки, Довгочуны и Шпоньки — не люди, а редьки. Таких людей нет; но в довершении ужаса Гоголь заставляет это зверье или репье <...> танцевать мазурку, одолжаться табаком и даже более того, — испытывать мистические экстазы, как испытывает у него экстаз одна из редек — Шпонька, глядя на вечереющий луч» (Белый, 1994, т. 1, с. 305; см. с. 655–656 наст. изд.).

О том, что повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» явила собой поворот Гоголя к новой манере письма, много говорилось в литературоведении XX в.: «Вещь неоконченная или, лучше сказать, только начатая, где уже намечается поворот от бездумного, беззаботного, показного творчества “Вечеров” к тому высшего порядка глубокому, проникновенному творчеству, которого первые всходы мы находим в двух частях “Миргорода”» (Овсяннико-Куликовский, 1909, с. 19–20 — см. также с. 658 наст. изд.). «Гоголь явно ищет здесь новых средств изображения человека, нового, более углубленного развития комического характера. <...> Замена схематических порядков, добродетелей и слабостей “чуждествами” давала возможность индивидуализировать образы, связывая их с социально-бытовыми условиями. <...> беглыми характеристиками намечается в творчестве Гоголя тема пошлости». Герой подан в противоречивом авторском освещении: «как обыватель <...> он близок к своему окружению, <...> но как “кроткая” душа он им противостоит. Здесь начало очень важной линии гоголевского творчества: разоблачение социальной пошлости» (Гиппиус, 1966, с. 70). Д.Фангер связывал этот новый тип повествования с сознательной ориентацией Гоголя на Пушкина. Ключ к пониманию повести, считает исследователь, дает размышление Гоголя в статье «Несколько слов о Пушкине»: «Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное была между прочим совершенная истина» (см.: Фангер Д. Еще раз на тему: Гоголь—Пушкин // *Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г.В.Степанова*. М., Л, 1990. С. 443). В «Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке» — та же Диканька, но переставшая быть собой, лишенная обаяния и чародейства. Свадьба, которая до сих пор была делом веселым и легким, становится кошмаром. Вне «Вечеров» повесть о Шпоньке могла бы восприниматься как занятное сочетание пародии на эпигонов Стерна с бытовыми зарисовками. В книге же повесть показывает, как можно не разглядеть Диканьку, в ней же находясь (см.: Немзер, 1985, т. 2, с. 46–48).

Вместе с тем, «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» обнаруживает те же поэтические принципы, что и остальные повести цикла. Так, в мо-

тиве множащихся жен усматривается характерный для Гоголя мотив нарушения естественных законов существования, где мертвецы оживают, вещи сами приходят в движение, целое расчленяется (красная свитка), единичное множится (см.: Волощук Е. *Поэтика хаоса в малой прозе Н.В.Гоголя // Микола Гоголь і світова культура (Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника). Київ-Ніжин, 1994. С. 8).*

Обращалось внимание и на скрытый психологизм повести, и, в особенности, на психологическую обрисовку главного персонажа. Шпоньку можно было бы рассматривать как первого гротескного антигероя Гоголя, открывающего галерею самодовольных посредственностей. Однако сон, появляющийся в финале повести, меняет тон повествования и бросает новый отсвет на все предыдущее действие, превращая героя из буффонадной фигуры в первого гоголевского «маленького человека». Из сна становится ясно, что под непроницаемой наружностью скрывается душа, а наивность Шпоньки проистекает от его страха перед женщинами и женитьбой. Мы начинаем понимать, что пошлость есть способ существования, фасад, за которым скрываются наши страхи. Шпонька предстает неожиданно как трагическая фигура, может быть более трагическая, чем Акакий Акакиевич Башмачкин (см.: Kent, 1969, p. 72–73).

Интересную интерпретацию повести предложил японский критик Такэ-фудзи Едзи, использовавший понятие древнекитайской философии (из трактата «Као-цзы») — «недеяние» («муи») — для определения «ужаса бесцельной жизни» Шпоньки (см.: Дьяконова, 1989, с. 116).

В 1970–1980-е гг. повесть привлекла особое внимание западных славистов как материал для психоаналитических исследований. Д.Ранкур-Лаферьер проанализировал сон Шпоньки, сопоставив его с повествованием, предшествовавшим сну. Образ двуспальной кровати в сновидении коррелирует при таком подходе с размышлением Шпоньки о том, что теперь ему придется быть все время вместе с женой («везде двое»). В том, что «кто-то хватает» Шпоньку за ухо, прочитывается страх кастрации; в мотиве тетушки, превращающейся в колокольню, — фаллическая символика; прыжки Шпоньки на одной ноге истолковываются как метафора полового акта, известная также фольклору («поскольку прыжки символизируют сексуальные отношения, явное нежелание Шпоньки прыгать говорит о его неспособности соответствовать супружеским обязанностям» — *Rancour-Laferriere, 1989, p. 358–372*). Как острую ироническую аллегория взаимоотношений между полами, где каждое слово имеет двойной смысл, рассматривал повесть о Шпоньке Хьюг Маклин (*McLean, 1958, p. 225–245*; см. также: *Karlinsky, 1976; Woodward J. Gogol's «Dead Souls». Princeton, 1978. P. 351–368*). Вместе с тем, в фигуре Шпоньки некоторые исследователи находили черты, сближающие его с самим Гоголем: гастрономические пристрастия и страх перед женщиной (см.: *Obolensky, 1984, p. 21, 27*).

Одна из тенденций исследований 1980—1990-х гг. — поиск во внешнем бытовом и натуралистичном повествовании «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки» глубинной фольклорной основы. Мотив испытания, «один из ключевых сюжетных мотивов, организующих структуру “Вечеров”, связанный с архетипической моделью инициации», исследователь обнаруживает в эпизоде знакомства Шпоньки с белокурой барышней, — эпизоде, предшествующем его несостоявшейся женитьбе (см.: *Кривонос В.Ш. Герой и сюжет в прозе Гоголя // Микола Гоголь і світова культура (Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника). Київ-Ніжин, 1994. С. 5*). Иной вариант фольклорной интерпретации повести предлагает Н.Друбек-Мейер, видя в мотиве «записанной» повести, которая затем была использована на пирожки, особую форму отрицания письменного пратекста (*Erstschrift*) и установку на устное начало (*Drubek-Meyer, 1997, S. 123*).

Фольклорные, мифологические, культурно-исторические значения и смыслы, заложенные в антропонимической и нарративной системе повести, анализирует в своей работе, посвященной «тайне» «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», С.Гончаров (см.: *Гончаров, 1997, с. 64—98*). Так, образ тетушки Василисы Кашпоровны объединяет в себе, по мысли исследователя, два пласта — земли и царской власти: «грозная, царская властительность тетушки-девственницы <...> в мифологическом коде объединяется с признаками “хозяйки”, “Великой матери”, “Владычицы зверей”, хтонической богини Деметры (“земля-мать”), Артемиды-девственницы (“владычицы”), богини охоты, растительности и плодородия, покровительствующей супружеству и деторождению. <...> Все их атрибуты и функции поразительно полно обнаруживаются в описании тетушки и ее локуса» (*там же, с. 72*). Личное имя Шпоньки в соединении с именем невесты (Мария), проецируясь на название цветка (Иван-да-Марья), актуализует фольклорно-ботаническое значение словосочетания: мужчина и женщина. Вместе с тем антропоним вводит мифологическую коннотацию близнечества и инцестуальности (что согласуется с возможным родством Шпоньки с Марьей Григорьевной, племянницей его действительного отца). Ориентация сюжета повести на семейно-биографическое повествование актуализует, по мнению исследователя, еще и мифопоэтический код «переходного ритуала»: мотив смены одежды (белья), смены дома (возвращения в имение), свадьбы, которая должна завершить переход Ванюши в мужчину и хозяина. Последняя, будучи аннулирована на повествовательном уровне, аннулирует вместе с тем и ритуальную схему перехода, превращая биографию в ее отсутствие (*там же, с. 90—98*).

О возможном истолковании повести как литературной пародии см.: *Страно Дж. «Повесть Гоголя “Иван Шпонька” как пародия романа Булгарина “Иван Выжигин”» // Russica Romana. 1996. Vol. III. P. 51—76.*

* * *

Отдельные образы повести использовал М.Е.Салтыков-Щедрин в «Приезде ревизора» (1857). Ср.: «Пожарных лошадей выкормили, как индеек Ивана Ивановича (см. “Вечера на хуторе” Гоголя: Иван Федорович Шпонька и т. д.)» (*Салтыков-Щедрин, т. III, с. 32*).

Неоднократно реминисценции из гоголевской повести встречаются в переписке А.И.Герцена. Ср.: «Что я тебе скажу о себе — здоров я до противности, так что полковнику делается тошно, как Шпоньке при виде жиру индеек своей тетушки» (из письма к Н.А.Герцен 7 июня/26 мая 1751 — *Герцен, т. XXIV, с. 172–173*). Ср. в письме к сыну, А.А.Герцену, 7 декабря / 25 ноября 1868 г.: «Нат<али> ходит за Татой день и ночь, она и маленький кофейник в чепчике, Росса, тут у ее кровати» (*там же, с. 507*).

Мотивы повести наши отражение в лубочной картинке «Интереснейший разговор жениха с невестой», имевшей хождение в 1850-е гг. (см.: *Сакочич, 1995, с. 64*).

В 1888 г. А.П.Чехов задумал купить в полтавской губернии хутор и обещал в письме к А.Н.Плещееву подписываться: «Полтавский помещик, врач и литератор Антуан Шпонька» (*Чехов, Письма, т. II, с. 316*).

* * *

По мотивам повести в 1976 г. был поставлен телеспектакль «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»; реж. В.Фокин.

* * *

Первые переводы повести:

— на сербский язык — Иван Федорович Шпонька и ньегова тетка. Прев. М.Глишич // *Единство*, 1870;

— на чешский язык — Ivan Fedorovič Šponka. Přel. Frič. Praha, 1882.

— на немецкий язык — Phantasien und Geschichten von Nikolaus Gogol. Bd. III. Leipzig, 1885 (Ein Landjunker) — *см. с. 744, 781*.

* * *

С. 219. ...Шпонька... — Шпонька (укр.) — запонка (см. запись Гоголя в «Книге всякой всячины» — раздел «Лексикон малороссийский»).

С. 219. ...из Гадяча... — См. с. 705 наст. изд.

С. 219. ...Степан Иванович Курочка. — См. с. 674, 764 наст. изд.

С. 220. ...из цветной выбойки... — Выбойка — бумажная или льняная ткань с отпечатанными на ней узорами.

С. 220. ...Витребеньках. — Витребеньки (укр.) — прихоти, баловство, выдумки (*Гринч./Слов., т. 1, с. 194*). Выражение «Здаться на витре-

беньки (быть балагуром, выдумщиком)» было внесено Гоголем в «Книгу всякой всячины» (раздел «Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссийские»). По-видимому, заимствовано из «Грамматики малороссийского наречия» А.Павловского (ср.: *Павловский, 1818, с. 80*).

С. 220. ...поветовом училище... — т. е. уездном училище.

С. 220. ...не играл ~ в тесной бабы. — «Тисна баба, или давить олію» — распространенная на Украине школьная забава, «состоит в том, что сидящие по краям школяры, перемигнувшись между собою, вдруг с обоих концов начинают теснить товарищей к середине скамьи, причем каждый старается ногами упереться во что-нибудь неподвижное, как стена или соседняя скамья. Застигнутые врасплох товарищи сдавливаются до того, что невозможно ни встать, ни пошевелинуться, а иногда и дышать дуже трудно» (см.: *Исаевич С.Н. Малорусские народные игры окрестностей Переяслава // КС. 1887. № 6–7. С. 480–481*).

С. 220. ...аудитором... — Аудитор — старший ученик, помогающий учителю.

С. 220. ...scit... (лат.) — знает.

С. 221. ...и дело: руки виноваты... — Распространенный в былинах и апокрифической литературе мотив наказания тех частей тела, которыми совершен грех (см.: *Гончаров, 1997, с. 69, 289*).

С. 221. ...вместо сокращенного катихизиса... — Катехизис — книга, содержащая основы учения о христианской вере. Ср., например: «Сокращенный катехизис для священно и церковно-служителей, как для всегдашнего их знания, так особливо для изучения при вступлении их в церковные должности. С прибавлением мест из слова Божия, правил Святых Апостол и Святых Отец и из духовного регламента, особливо до священства принадлежащих». М., 1773.

С. 221. ...книгу о должностях человека... — Имеется в виду книга Янковича де Мириево «О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй» (1-е изд. — СПб., 1783, без указания автора). Книга издавалась каждые два-три года в двух редакциях: для учителей, с вопросами и подстрочными примечаниями к тексту, и для школьников, без вопросов. Сам Гоголь читал ее, учась в Полтавском поветовом училище.

С. 221. ...П*** пехотный полк. — Можно предположить, что речь идет о Переяславском карабинерном полку, учрежденном в 1782 г. из «прежде малороссийского бывшего того же имени козацкого полку» (*Максимович, Щекатов, 1805, ч. 4, с. 1059, 1062*). Такая версия возможна, поскольку из четырех городов на Украине, в которых, после принятия казаков в российское подданство, положено было держать Российский гарнизон, единственным городом, начинающимся на «П», был Переяславль (ср. намерение Екатерины «повертать» запорожцев в карабинеры в «Ночи перед Рождеством», см. с. 788 наст. изд.).

С. 221. ...пила выморозки ~ не хуже гусаров... — Выморозки — алкогольные напитки, делавшиеся крепче оттого, что вымораживалась часть воды, входившая в их состав.

С. 221. ...темляк... — петля на рукоятке сабли (из серебряной тесьмы с кистью у офицеров, кожаная у низших чинов). В боевой обстановке надевалась на запястье, чтобы избежать риска выронить оружие. В особых случаях темляк служил наградой.

С. 221. ...разъезжали на обывательских по мелким помещикам... — см. с. 781 наст. изд.

С. 221. ...сродных одной кроткой и доброй душе... — Словосочетание, отсылающее к стилю агнографического повествования.

С. 222. Посылаю тебе белье... — Ср. «гардеробную» тематику писем Гоголя из Нежина: «...мне, кроме крупного платья, нужно еще до пропасти разных безделушек, как-то: халстухи, подтяжки, платочки...» (письмо к матери от 20 мая 1827 г.).

С. 222. ...нитяных карпеток... — Карпітка (укр.) — носок (Гринч./Слов., т. 2, с. 223; ср.: Даль, т. II, с. 93).

С. 222. ...Василиса Цупчевьска — Василиса — царственная. Цупчевьска — от цупко (укр.) — крепко, туго стеснительно, жестко (Гринч./Слов., т. 4, с. 437). Ср. запись Гоголя в «Книге всякой всячины» (раздел «Лексикон малороссийский»).

С. 223. ...сибирской арнаутки... — Арнаутка — сорт пшеницы.

С. 223. ...шабашовал по субботам... — т. е. праздновал субботний день, как то предписывает иудаизм (от др.-евр. *шаббат* — суббота, день молитвы).

С. 225. ...в селе Хортище... — Хортицы (от украинского *хорт* — охотничья собака) — слобода в Екатеринославской губернии, названная по имени острова, расположенного против нее на Днестре. На самом острове около 1620 г. был сделан, по приказу Петра Конашевича Сагайдачного, окоп, названный Сечью, в котором жили запорожские казаки. «Хортица <...> есть, кажется, тот самый Хортищев остров, о коем упоминается со времен войны российских князей с половцами» (см.: Маркович, 1798, с. 71–72; см. также: Эварницкий Д.И. Остров Хортица на реке Днестре. Из поездки по Запорожским урочищам // КС. 1886. № 1. С. 41–90).

С. 225. ...разогреть курицу... — Так как действие происходит в пятницу (то есть в постный день), скромная курица, а также подаваемая Сторченко водка — кушанья греховные.

С. 225. ...погребец со штофиками? — Погребец — сундучок для чайных и столовых приборов. Штоф — четырехгранная бутылка для вина.

С. 225. ...Явдоха... — Евдокия.

С. 225. ...из мычки... — Мычка — связка льна, пеньки, приготовленная для пряжи.

С. 225. ...кацапы ~ едят даже щи с тараканами. — Кацап — бранное обозначение русского на Украине; от «как цап» (цап, укр. — козел) — т. е. с бородою.

С. 227. ...петровых батогов, нечуй-ветера... — Петрові батоги (укр.) — растение *Cichorium intybus* (Гринч./Слов., т. 1, с. 32–33); ср. у В. Даля: *Петровы-батогі*, растение *Cichorium intybus*, солнцева-сестра, голубой-цикорий, пуговник (Даль, т. II, с. 106). О легенде, связанной с Петровым батогом на Украине, см.: КС. 1889. № 9. С. 763–765. *Нечуй-вітер* (укр.) — растение *Hieracium pilosella*, ястребинка (Гринч./Слов., т. 2, с. 562); ср. у В. Даля: *Нечуй-ветер*, желтомохорочник, мышьи-ушки, лихорадочная (Даль, т. II, с. 543).

С. 227. ...кучером Омельком... — Омелько — сокращенное от Емельян (см. «Книгу всякой всячины», раздел «Имена, даемые при крещении»).

С. 228. ...песни жниц, то веселые ~ то заунывные... — См. с. 745 наст. изд.

С. 229. ...за нашею левадою... — Левада — огороженный участок земли около усадьбы или селения с сенокосным лугом, лесными или садовыми деревьями.

С. 229. ...на самое пушенье, перед филипповкою... — Пушенье — заговенье в последний день мясоеда; здесь — в канун Филиппова (Рождественского) поста (15/28 ноября — 24 декабря/6 января), называемого в народе филипповкою.

С. 230. ...не под очеретяною ~ крышею. — Очеретяная крыша — крытая камышом.

С. 231. ...золототысячниковой или трохимовской сивушки... — Сивуха (сивушка) — хлебное жидкое, дурное вино, с пригорью (Даль, т. IV, с. 181). *Золототысячник* (*Златотысячник*) — растение *Erythraea centaureum*, золотник (Даль, т. I, с. 693).

С. 232. ...взяли куприк... — У птиц — «крайний задок, в котором торчат хвостовые перья; куприк сластоежками почитается лакомым кусочком» (Даль, т. II, с. 219).

С. 232. ...стегнушко! — бедрышко. Ср. у В. Даля: «Индеечье стегнышко вкусно» (Даль, т. IV, с. 98).

С. 233. ...книгу «Путешествие Коробейникова ко святым местам» — Имеется в виду: «Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищами, путешествие во Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 году», первое печатное издание которого, подготовленное В.Г.Рубаном, вышло в Петербурге в 1783 г. Книга была очень популярна в народе (см.: СУС, № 1430), ходила в списках и нашла отражение в лубочных картинках; однако, по мнению И.Е.Забелина, сочинение в значительной своей части не принадлежало Коробейникову (см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 490–491*). Образцом вольной переделки текста путешествия было в том числе издание 1798 г.: *Путешествие московского купца Трифона Коробейникова с товарищами во Иерусалим, Египет и к Синайской горе, предпринятое по особливому соизволению Государя Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича всея России, в 1583 году, и описанное им Ко-*

робейниковым на славенском языке, с которого ныне, для удобнейшего понятия, переложено на чистый российский, с присовокуплением объяснений на места подлежащие сомнению, Иваном Михайловым. М.: Унив. тип., 1798. См. также запись Гоголя в «Записной книжке 1842—1850»: «Коробейников, Иерусалим» (см.: Ак., т. IX, с. 573).

С. 238. *Жить с женою! ~ везде двое!..* — Возможно, инверсированный парафраз евангельских слов: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, а одна плоть» (Матф., 19:5—6; отмечено: Гончаров, 1993, с. 12).

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ВД1 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка. Санктпетербург. Печатано в типографии А.Плюшара. 1832 (цензурное разрешение — 31 января 1832 г., цензор Н.Бутырский).

ВД2 — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Часть вторая. Издание второе. Санктпетербург. В тип. департамента внешней торговли. 1836 (цензурное разрешение — 10 ноября 1834 г., цензор В.Семенов).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том первый. Санктпетербург. В типографии А.Бородина и К°. 1842 (цензурное разрешение — 5 июня 1842 г., цензор А.Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Н.В. Гоголя. Том первый. Издание второе. Москва. В университетской типографии. 1855. С издания 1842 года, без перемен (цензурное разрешение 2 июня 1855 г., цензор И.Безсомыкин).

Беловой автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: *ВД1* (вторая книга, 1832). Печатается по тексту *ВД2*.

* * *

Тот факт, что до нас не дошло ни одного автографа «Заколдованного места» и Гоголь ничего не упоминает о повести в переписке, делает особенно сложной проблему ее датировки. Существует мнение (см.: Айзеншток, 1962, с. 256; Ак., т. I, с. 551), что повесть принадлежит к группе ранних повестей Гоголя, которые объединяет единый рассказчик Фома Григорьевич («Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота»). Следовательно, предположительная датировка повести — 1829—1830 гг. При этом представляется

возможной и иная версия: повесть могла быть написана в конце 1831 г., непосредственно перед самой отправкой второй книги «Вечеров» в типографию, чем и объясняется отсутствие автографа (см. с. 610 наст. изд.).

* * *

В повести использованы многочисленные украинские поверья о добычании клада (ср. тот же мотив в «Вечере накануне Ивана Купала», но разработанный в трагической тональности) и об обморочных («заколдованных») местах.

В украинском фольклоре наиболее частым указанием на клад является свеча, горящая на месте, где он зарыт (Иванов, 1890, с. 16–18, 31; Драгоманов, 1876, с. 79–80), причем народная фантазия нередко связывает клад с могилами (Костомаров Н. Могильные предания // Совр. 1858. №№ 1–2. С. 225; см. также: Славянские древности, т. 2, с. 500–502 — статья «Клад»). Добывание кладов сопряжено с представлением о страхах (появление чудовищ, разверзающаяся под ногами земля), которыми нечистая сила старается напугать людей, покусившихся на подземное богатство (см., например, раздел «Страхи» в сборнике: Гнатюк, 1904, с. 18–95; см. также: Иванов, 1890, с. 39–40; Гринченко, 1895, вып. 1, с. 62; Драгоманов, 1876, с. 87). Правда, как полагал Н.И.Коробка, в изображении чудовищ, пугавших деда, отразились не только народные представления, но также и литературные: в частности, здесь следует искать отражение сна Татьяны из «Евгения Онегина» (см.: Кор., т. I, с. 376).

В сюжетном мотиве «заколдованного места», ступив на которое дед падает в ирреальное пространство, трансформированы народные представления о нечистой силе, которая «водит» человека в обморочных местах. По народным поверьям, обморочные места обладают особой силой потемнять сознание случайно зашедшего на них человека. «Случается, что человек кружит на одном и том же месте всю ночь или ищет волов, которые лежат здесь же возле повозки» (Петров, Пам.Г., 1902, с. 68–69; ср.: Милорадович, 1897, с. 55–60; см. также с. 823, 825 наст. изд.).

Мотив призрачности «нечистого» богатства и превращения клада в сор часто встречается в народных рассказах (см.: Иванов, 1890, с. 19) и, в частности, в рассказах о музыкантах и чертях (ср. сказку «Музыка-Охрим», где музыкант, получив золото от чертей, смотрит на свои деньги и видит вместо золота «з позволения сказать чортвить що!..» (Рудченко, 1869, вып. 1, с. 75 — см. с. 714 наст. изд.; ср.: Драгоманов, 1876, с. 52; Невирова, 1909, с. 38–39). Однако если черт и соотнесенные с ним мотивы близки быличке, то дед, осмеянный, одуроченный чертом и облитый помоями, родствен комическим персонажам народных анекдотов и фарсовых сценок (ср.: Аарне, 1929, № 1681).

В жанровом отношении повесть представляет собой анекдот в народном духе (ср. подзаголовок *быль*), ориентированный на стилистику быличек (в

частности, распространенных на Украине быличек о блуде — безличной и невидимой силе, которая сбивает человека с дороги, заставляя его кружить на одном месте — см.: *Славянские древности, т. 1, с. 198* — статья «Блуждать»). Однако в контексте всего цикла «Заколдованное место» приобретает дополнительные смыслы, явно перерастающие жанр народного анекдота. Немаловажную роль играет и то, что повесть замыкает цикл «Вечеров». Сформулированная в ней тема («Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей богу, обморочит!») проецируется тем самым на все «истории Рудого Панька» (ср.: *Кривонос В.Ш. Мотив «заколдованного места» в «Петербургских повестях» Гоголя // Кормановские чтения: Материалы межвузовской конференции. Вып. 2. Ижевск, 1995. С. 139–147; Кривонос В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб., 1999 (глава первая); см. также: Бланк К. По заколдованным местам Гоголя // НЛО. 1995. № 11. С. 177–178).*

Первым, кто увидел в повести своеобразное подведение итогов первой книги Гоголя, был Андрей Белый: «...гибель “вселенной” — таков катастрофический фон повестей “Вечеров”; оттого: нелады с гопаком; прежде каждый “танцевал так, что хоть бы и с гетманшею”; вдруг: “хотел ... выметнуть ногами на вихорь... — не поднимаются ноги...” <...>, точно бревно брошено под ноги; с ним и “поперечивающее” себе, не общее, а личное чувство. <...> Тема рода у Гоголя — тема земли (своей и чужой), которая расплавлена в “деде”; у кого же род оскудел, она — камень клада, которого ищут путем неестественным; <...> она изошла безднами, когда дед из “Заколдованного места” чешет над ней гопака; для оторванного от рода земля — “заколдованное место”, дед приносит с него “сор, дряг... стыдно сказать, что такое”. <...> Складки, земные горбины, овраги, ущелья появляются там, где настагает беда <...>, деду не пляшется» (*Белый, 1934, с. 50, 52, 53*). Ср. у А.М.Ремизова в «Огне вещей»: «Гоголь верил в заколдованные места на земле» (*Ремизов, 1989, с. 59; см. также с. 657 наст. изд.*). Об усилении демонического начала в «Заколдованном месте», где поражение деда уже не является горьким опытом, как в «Пропавшей грамоте», но откладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь героев — см.: *Amberg, 1986, S. 31*.

О перемещении деда из пространства реального в фантастическое см.: *Лотман, 1988, с. 265*. Существенным для понимания смысла повести представляется и наблюдение Ю.В.Манна о происходящем в повести «важном для Гоголя отходе от атмосферы народной всеобщности», выражением которой является танец. «Влияние “заколдованного места” в том, что человек оказывается парализован в очень важном своем индивидуально-общественном действе. “Не выгнцовойвается, да и полно!”» (*Манн, 1988, с. 15–16*).

* * *

В стихотворении «Екатеринбург-Свердловск» (1928) В.В.Маяковский использовал образ «заколдованного места»:

И
Заколдованное место:
вдруг
 проспект
 обрывает разбег.
Просыпали
 в ночь
 расчернее могилы
звезды — табачишко
 из неба кисета

(см.: Харджиев Н.И. Заметки о Маяковском: Гоголь в стихах Маяковского // ЛН, т. 65, с. 397–401).

* * *

Сохранилось свидетельство о чтении «Заколдованного места» в марте 1844 г. актером М.С.Щепкиным, организовавшим в это время еженедельные «вечера для чтения» с участием артистов Малого театра (П.С.Мочалова, П.М.Садовского и др. — см.: *Москв. 1843. № 5–6. С. 293–297*). Ср.: «Вчера чтение (так! — Ред.) Мих Сем шли плоховато, выбор пьес очень дурен, он читал превосходно *Заколдованное место* и *Тяжбу* Гоголя, остальное шлехт» (из письма А.И.Герцена Н.Х.Кетчеру 15–16 марта 1844 г. — *Герцен, т. XXII, с. 177*; см. также: *Данилов, Гог.иТ., 1936, с. 292*).

На сюжет «Заколдованного места» написана симфоническая картина Н.Н.Римской-Корсаковой «Заколдованное место» (1872; посвящена М.П.Мусоргскому).

* * *

Первые переводы повести:

— на украинский язык — в составе книги: Вечерниці (Оповідання М.Гоголя). Переклад Михайла Обачного і Лесі Українки. Львів, 1885 — см. с. 676 наст. изд.; Зачаровне місце. Правословный Буковинський Календар на рік звичайний. Чернівці, 1901. С. 67–78;

— на словацкий язык — Počarované miesto. Prel. Nezabudov // Sokol. 1868. T. VIII. № 12. С. 368–371;

— на польский язык — Miejsce zaczarowane // Dziennik Warszawski. 1876. № 48;

— на сербский язык — Нечисто место. Прев. И.Л. // Црногорка. 1885. №№ 3—4;

— на французский язык — в составе сборника: N. Gogol. Contes et nouvelles. Trad. par Henri Chirol. Paris, 1899 (серия «Auteurs célèbres»);

— на немецкий язык — Das verschwundene Schreiben und Die verhexte Stelle. Erzählungen vom Küster der Kirche zu X. Leipzig, 1924.

* * *

С. 240. ...*молодой лошак!* — *Лошак* (укр.) — двух- или трехлетний жеребенок, кастрированный (Гринч./Слов., т. 2, с. 378). Ср. у В. Даля: «полуконь, животное от осла и кобылы» (Даль, т. II, с. 270).

С. 240. ...*пусть ему легко икнется на том свете...* — *Икота* — явление, осознаваемое в народной культуре как результат воздействия, часто вредоносного, со стороны других людей. Икота начинается тогда, когда об икающем человеке вспоминают или его осуждают. Считается, что, вспоминая об отсутствующем, чтобы не вызвать у него тяжелую икоту, нужно сказать: «Хай їй легенько икнется» (Гринч./Слов., т. 2, с. 192). Напротив, ругая человека, ему желают: «Чтоб ему на том свете икалось» (см.: *Славянские древности*, т. 2, с. 402 — статья «Икота»). Ср. в «Опечатках» (с. 249 наст. изд.): «Чтоб тому тяжело икнулось, кто и выдумал ее» (т. е. печатную грамоту. — Ред.).

С. 240. *Слушать, так слушать!* — *Зачин*, характерный для украинских народных сказаний и легенд. Ср. в стихотворной обработке XVIII в. легенды о Марке Проклятом («Пекельний Марко»): «Сідайте ж, хлопці, всі гуртом, / А ви, дівчата, геть в одділ, / Щоб не було між вами якоп веремі! / А як же буде хто жартувати, / Того в потилицю будем гнати! / Мовчіть та слухайте, / Яку я вам буду казку казати...» (Укр. літ. XVIII, с. 185—186).

С. 241. ...*Крутотрыщенко ~ Печерыця! и Ковелек!* — *Крутотрыщенко* — дословно — Крутошеенко. *Тришия* (укр.) — шея, употребляется преимущественно в выражении «у тришия гнати», то есть в шею гнать (Гринч./Слов., т. 4, с. 284). *Печерыця* (*печериця*, укр.) — гриб шампиньон (Гринч./Слов., т. 3, с. 149; ср. у В. Даля: «печерица, снедный гриб, шампиньон — Даль, т. III, с. 108). *Ковелек* — возможно, уменьшительное от *ковилá* (укр.) — ковыль.

С. 241. ...*сопилка?* — См. с. 727 наст. изд.

С. 243. ...*кухоль сировицу...* — *Кухоль* — см. с. 708 наст. изд. *Сирівец* (укр.) — хлебный квас (Гринч./Слов., т. 4, с. 122).

С. 245. ... *взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз...* — Ср. письмо Гоголя к матери от 12 сентября 1827 г.: «Каковы у нас дела хозяйственные? Павел Петрович пишет, что отыскалась на том баштане, что за прудом (который весь высох) дыня с пупком (а не с хвостом). Удивляюсь сему необыкновенному феномену, хотел бы я знать причину».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПЕЧАТКИ

ВД1 Опеч. — *Опечатки*. Печатается по тексту первой публикации: *ВД1* — Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка. Санктпетербург. В типограф. депар. народ. просвещения. 1831 (цензурное разрешение — 26 мая 1831 г., цензор Н.Бутырский). С. 243—244. Автограф неизвестен.

Как заметил еще Н.С.Тихонравов, наряду с действительными опечатками и типографскими погрешностями, Гоголь включил сюда орфографические и стилистические поправки (*Тих.*, т. 1. с. 508—509). Так, в написании «упросишь» Тихонравов видел украинизм, характерный и для гоголевских рукописей (украинское правописание глагольных окончаний 2-го лица). Хотя вероятнее все же, что в этом случае мы имеем дело с действительной опечаткой. Типичная для Гоголя форма написания «подбочинившись» заменена на «подбоченившись», «слыхал» — на «слышал», «всего на всего» на «всего на все».

Здесь уместно упомянуть о том, что живший в течение лета 1831 г. в Павловске Гоголь достаточно интенсивно общался с Жуковским и Пушкиным. Не исключено поэтому, что «опечатки» отражали, в частности, какие-то замечания «литературных корифеев». В этом контексте обращает на себя внимание следующее исправление: словосочетание «среди теплого ночного воздуха» появляется вместо первоначального «среди теплого океана ночного воздуха», вполне характерного для стилистики «Вечеров», — единичность подобного изменения и его стилистическая принципиальность дают возможность предположить здесь отзвуки чужих рекомендаций.

Вместе с тем «Опечатки», оформленные к тому же в сказовой манере, свойственной и непосредственно повестям (ср.: «Не погневайтесь, господа...»), носили откровенно беллетризованный характер. Об этом свидетельствует и тот факт, что и в допечатке тиража первой книжки «Вечеров», осуществленной А.Ф.Смирдиным (см. с. 611—612 наст. изд.), и во втором издании книги (*ВД2*) не все указанные опечатки были исправлены.

Из предложенных Гоголем поправок в допечатке Смирдина были учтены следующие: «восемь соть» исправлено на «восемь соть», «подбочинившись» на «подбоченившись», «упросишь» на «упросишь», «Голова» на «Голова,». Тем самым список опечаток, приложенный ко второму набору первой

части «Вечеров», не вполне соответствовал его тексту (см. также: *Тих.*, т. 1, с. 511). Во втором издании (*ВД2*) были учтены, в частности, следующие: «среди теплого, ночного воздуха» вместо «среди теплого океана ночного воздуха» (в «Майской ночи» — Тихонравов назвал ее «поправкой пуритов, едва ли оправдываемой контекстом этого места» — *Тих.*, т. 1, с. 509); «слышал» вместо «слыхал». Отмеченная в списке опечатка в «Майской ночи» «съестъ» вместо «сжечь» осталась неисправленной как в издании 1836 г., так и в изданиях Прокоповича (*Соч.* 1842) и Трушковского (*Соч.* 1855). Не учтенными в *ВД2* и в последующих изданиях остались и исправления: «ералашь поднялась» вместо «ералаш поднялся», «всего на все» вместо «всего на всего» в «Вечере накануне Ивана Купала». К исправлению «Бог один знает» вместо «Бог знает» в «Майской ночи», не учтенному в *ВД2* и *Соч.* 1842, Гоголь однако вернулся в *Соч.* 1855 (о чтении им корректурных листов части первого тома см. с. 617–619 наст. изд.).

В последующих прижизненных изданиях Гоголя «Опечатки» не воспроизводились.

Вторая книга «Вечеров» (1832) имела также свой список «Опечаток», но носивших уже исключительно технический характер. Ср.:

<i>напечатано</i>	<i>читай:</i>
ею	его
объѣмистый	объемистый
уЧб	Чуб
ею	его
смазываеть	смазываеть
Лафонтена и Богдановича	Лафонтена
падко	падки
нярядной	нарядной
клевь	клѣвь
приіолубливала	Приголубливала
за тих	затих
же	вже

(см.: *ВД2*, 1832, с. 357).

Впрочем, и здесь заслуживает внимания одно исправление: в «Ночи перед Рождеством» уже на этапе «Опечаток» Гоголь заменяет реплику Екатерины «Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена или Богдановича!» на «Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена!» (ср. с. 546 наст. изд.).

* * *

С. 249. Не доводилось ~ с печатною грамотою. Чтоб тому тяжело икнулось, кто и выдумал ее! — По-видимому, отголосок характерной для иенских романтиков реабилитации догутенберговской эпохи, т. е. противопоставления печатной продукции устному высказыванию (см. также с. 848 наст. изд.).

<Я ДАВНО УЖЕ НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЛ ВАМ>

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Черновой автограф «Я давно уже ничего не рассказывал вам». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 69. Автограф находится в Записной книге Гоголя (так называемая «тетрадь Тарновских» — см. с. 606–607 наст. изд.); л. 69 архивной пагинации (л. 137 авторской <?> пагинации тетради). Тексту предшествуют: черновой автограф «Ночи перед Рождеством» (л. 43 об./87–67 об./134 — см. с. 765 наст. изд.), наброски статей «Несколько слов о Пушкине», конец 1833 — начало (до февраля) 1834 г. (л. 67 об./134), «На бесчисленных тысячах могил», 1833–1834 (л. 68/135–68 об./136 — см.: Ак., т. IX, с. 618); «Обеты и клятвы внутри души при возведении в высокий сан» (л. 69/137). Местоположение отрывка дает основание отнести его написание к периоду не ранее начала 1834 г.

Впервые опубликовано: *Кулиш, 1856, т. 1, с. 164–165* (с пропусками и погрешностями прочтения); позже, с уточнениями по рукописи — *Тих., т. 5, с. 94* (раздел «Отрывки из начатых повестей»).

Текст, по всей видимости, представляет собой набросок рассказа в жанре «Пропавшей грамоты» или «Заколдованного места» (см. также: *Тих., т. 5, с. 552*).

ЮНОШЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Сведения о первых литературных опытах Гоголя немногочисленны и противоречивы. По словам Марии Ивановны Гоголь, сочинять стихи он стал чуть ли не пяти лет от роду, тогда же известный поэт и драматург В.В.Капнист увидел в записанных мальчиком мелом на столе каракулях «нечто похожее на рихму» (*Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) // ЛН, т. 58, с. 770*).

Достоверно лишь, что за время учения в нежинской Гимназии высших наук (с 1 мая 1821 г. по 27 июля 1828 г.) Гоголь написал целый ряд произведений, большая часть которых известна нам только по названиям; активно участвовал в издании нескольких рукописных журналов (ни один из них не сохранился); отдавал предпочтение «серьезному» роду в литературе, но также писал сатиры и эпиграммы; наконец в 1826 г. пережил какой-то внутренний переворот, радикально изменивший, по его собственному признанию, характер его юношеских творений (*письмо к матери от 23 ноября 1826 г. — см. ниже*). Сам Гоголь писал об этом периоде своей жизни в «Авторской исповеди» (1847): «Первые мои опыты, первые упражненья в сочинениях, к которым я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и сурьезном роде. Ни я, ни товарищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в

сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим...»

Хотя в «Авторской исповеди» Гоголь отнес свои первые произведения к последним годам пребывания в гимназии, сохранились свидетельства его друзей о сочинениях, написанных им уже в самом начале школьного курса. Первое упоминание Гоголя о плодах его пера содержится в письме к матери от 24 апреля 1825 г.: «Я папинеке хотел было прислать несколько своих сочинений. Также своего рисования картинок. Но... ему не угодно было их видеть. Я не знаю, прислать ли мне вам их и примите ли вы милостиво первые плоды ваших родительских обо мне попечений». О каких сочинениях шла речь, мы можем только гадать, так как почти не знаем о составе и хронологии юношеских опытов Гоголя. Крайняя скудость сведений о «раннем» Гоголе (особенно ошутимая при сравнении с «лицейским» Пушкиным) не в последнюю очередь связана с особенностями характера и литературного поведения юного автора (сохранились многочисленные свидетельства о его скрытности, о том, что он уничтожал не понравившиеся друзьям произведения и выпрашивал назад рукописи своих творений, каким-то образом оказавшиеся у других лиц).

Мы располагаем сведениями (разной степени достоверности) о следующих произведениях Гоголя, написанных в школьные годы:

- 1) баллада «Две рыбки»;
- 2) трагедия «Разбойники»;
- 3) повесть «Братья Твердиславичи» (или «Братья Твердославичи»);
- 4) акростих «Спиридон»;
- 5) элегия «Непогода» (другое название — «Новоселье»);
- 6) историческая поэма «Россия под игом татар»;
- 7) сатира «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан»,

а также несколько эпиграмм и какие-то не известные нам стихотворения из рукописных журналов, выпускавшихся гимназистами в 1825—1827 гг. при самом активном участии Гоголя. Все эти сочинения, за исключением акростиха «Спиридон» и стихотворения «Непогода», утеряны; из поэмы (стихотворения?) «Россия под игом татар» известны два заключительных стиха, сохранившихся в памяти М.И.Гоголь. К нежинскому периоду относится также лирическая запись Гоголя в альбоме его школьного товарища В.И.Любича-Романовича «Свет скоро холодеет в глазах мечтателя...» и три классных сочинения Гоголя на заданные темы (по теории словесности, праву и истории), относящиеся ко времени окончания гимназии. Наконец, в Нежине написаны «идиллия в картинах» «Ганц Кюхельgarten» и атрибутируемое Гоголю стихотворение «Италия» — первые опубликованные произведения писателя.

Уже из одного перечня написанных в Нежине произведений видно, что начинающий автор пробовал свои силы в самых разных родах и жанрах литературы. Это был период ученичества и поисков своего голоса.

Согласно свидетельству соученика и ближайшего друга писателя Н.Я.Прокоповича, первым литературным сочинением Гоголя была не дошедшая до нас баллада «Две рыбки», повествовавшая о судьбе юного поэта и его рано умершего (в 1820 г.) брата Ивана. Гоголь читал Прокоповичу эту трогательную балладу «еще до того времени», когда «в своем кругу сделался настоящим литератором», — т. е. в одном из первых классов гимназии (*Кулиш, 1854, с. 15*). По предположению Ю.В.Манна, стихотворение могло быть написано «только под непосредственным впечатлением от смерти брата — в первый год в Нежине или еще раньше» (*Манн, 1994, с. 109*).

В свою очередь, старший друг писателя Г.И.Высоцкий к числу самых ранних (написанных до 1826 г.) произведений Гоголя относил шуточный акростих «Спиридон» (*см. с. 864 наст. изд.*), а также сатиру на жителей города Нежина, озаглавленную «Нечто о Нежине, или Дуракам Закон не писан», в которой Гоголь вывел на свет типические лица разных сословий. Он «взял несколько торжественных случаев, при которых то или иное сословие наиболее выказывало характеристические черты свои, и по этим случаям разделил свое сочинение на следующие отделы: 1) “Освящение Церкви на Греческом Кладбище”; 2) “Выбор в Греческий Магистрат”; 3) “Всеядная Ярмарка”; 4) “Обед у Предводителя (Дворянства) П***”; 5) “Роспуск и Съезд Студентов”» (*см.: Гимназия, 1859, отд. 2, с. 33 и далее*). Впоследствии прием комических «срезов» общества будет не раз использован Гоголем (незаконченная комедия «Владимир 3-й степени»; «Мертвые души»). Обращает на себя внимание и такой характерный для поэтики зрелого Гоголя прием, как локализация действия в пределах одного комического города. Текст этой сатиры не сохранился. По свидетельству П.А.Кулиша, Г.И.Высоцкий имел «копию этого довольно обширного сочинения, списанную с автографа», которую Гоголь, «находясь еще в Гимназии, выпросил от него из Петербурга, под предлогом, что будто бы потерял подлинник, и уже не возвратил» (*там же*).

По-разному интерпретируется исследователями и сущность «переворота» 1826 г. Одни авторы заключают (на основании признаний самого писателя), что он всецело отдался «серьезному» роду, и относят к последним годам пребывания Гоголя в Гимназии «Новоселье» и «Ганца Кюхельгартена», в то время как другие (со ссылкой на письма Гоголя этой поры) указывают, что с 1826 г. в его творчестве «прежняя риторика начинает чередоваться с юмористическим стилем», и, соответственно, относят сатиру «Нечто о Нежине» не к раннему, а к позднему нежинскому периоду (*Гиппиус, 1924, с. 14*).

* * *

Литературная жизнь в нежинской Гимназии была очень насыщенной. Многие ученики упражнялись в стихах и прозе (о нежинских поэтах *см.: Супронюк, 1991, с. 58–68*). В гимназии издавалось несколько рукописных

журналов и альманахов: «Звезда», «Метеор литературы», «Северная заря», «Литературное эхо», «Парнасский Навоз», «Литературный промежуток, составленный в один день + 1/2 с Николаем Прокоповичем 1826 года» (все эти журналы в настоящее время утеряны). Действовало несколько литературных кружков. Хотя, по воспоминаниям школьных товарищей Гоголя, в Нежине он старался держаться особняком, сохранились сведения о его участии в кружке «товарищей-журналистов», регулярно собиравшихся у гимназиста П.Г.Редкина, впоследствии известного ученого (*Гимназия, 1881, с. 441–449*). По воспоминаниям В.И.Любича-Романовича, Гоголь был постоянным посетителем «суббот» Редкина, на которых происходили чтение и критический разбор произведений товарищей (*ИВ. 1892. № 12. С. 695*; есть сведения, что эти собрания происходили не по субботам, а по воскресеньям — см.: *Гимназия, 1881, с. 329*). Эстетические взгляды участников кружка, насколько можно судить по имеющимся в распоряжении исследователей сведениям, в целом соответствовали господствующему вкусу и менялись вместе с последним, — очевидно, они прошли быструю эволюцию от классицистических канонов (их страстным защитником был нежинский преподаватель словесности П.И.Никольский), «чуть подкрашенных» (по выражению В.В.Гиппиуса) сентиментализмом и настроениями «бури и натиска», к романтическим веяниям, особенно байронизму (в 1826–1827 гг. гимназисты интересовались сочинениями Жуковского, Пушкина, читали журналы «Московский телеграф», «Московский вестник», альманах «Северные цветы»).

Рукописным «органом» редкинского кружка был журнал «Звезда», в котором Гоголь помещал свои произведения. Согласно версии, восходящей к Прокоповичу, журнал этот издавался Гоголем единолично: «Гоголь хлопотал изо всех сил, чтобы придать своему изданию наружность печатной книги, и просиживал ночи, разрисовывая заглавный листок, на котором красовалось название журнала: “Звезда”. Все это делалось, разумеется, украдкой от товарищей, которые не прежде должны были узнать содержание книжки, как по ее выходе из редакции. Наконец первого числа месяца книжка журнала выходила в свет. Издатель брал иногда на себя труд читать вслух свои и чужие статьи. Все внимало и восхищалось» (*Кулиш, 1854, с. 16*).

Журналу «Звезда» предшествовал выпуск пародийного альманаха «Парнасский Навоз», составленный Гоголем из графоманских стихов одного из соучеников (жертвой насмешки, возможно, был гимназист М.А.Риттер). «От этой шутки, — писал П.А.Кулиш, — он перешел к серьезному подражанию журналам...» (*там же*). По другой версии, восходящей к В.И.Любичу-Романовичу, в этом издании были помещены шуточные стихи самого Гоголя (*ИВ. 1892. № 12. С. 695*).

Об активной роли Гоголя в издании еще одного рукописного журнала свидетельствуют воспоминания его школьного товарища К.М.Базили: «Вдвоем с Гоголем, лучшим моим приятелем, хотя и не обходилось дело без ссор и без драки, <...> издавали мы ежемесячный журнал страниц в пять-

десять и шестьдесят в желтой обертке с виньетками нашего изделия, со всеми притязаниями дельного литературного обозрения. В нем были отделы беллетристики, разборы современных лучших произведений русской литературы, была и местная критика, в которой преимущественно Гоголь поднимал на смех наших преподавателей под вымышленными именами» (*Шенрок, т. 1, с. 250–251*). По сообщению И.Д.Халчинского (*Гимназия, 1881, с. 329*), этот журнал «в желтой обертке с виньетками» назывался «Северная заря» (название свидетельствует об ориентации юных издателей на петербургские альманахи «Северные цветы» и «Полярная звезда» — подражание, как было замечено, несколько ироническое, так как Нежин, в отличие от Петербурга, имеет малое отношение к северу (см.: *Манн, 1994, с. 108*).

Кроме того, как вспоминал в 1884 г. С.И.Пономарев, Гоголь участвовал в издании еще одного гимназического журнала под названием «Метеор литературы» (издавался П.И.Мартосом). В руках Пономарева оказался рукописный выпуск журнала за январь 1826 г. (местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно); «тетрадка писана вся одной рукой и несомненно рукою Гоголя, как видно из сличения письма тетрадки с другими его автографами» (*Пономарев, 1884, с. 143–146*). Произведения в журнале помещались анонимно, и сказать, какие из них принадлежали перу Гоголя, Пономарев с точностью не мог. Тем не менее он приписал Гоголю лучшее, по его мнению, произведение журнала:

Наш Вралькин в мире сем редчайший человек!
Подобного ему не сыщешь в целой век.
Как станет говорить, — заслушаться все нада,
Как станет — так и рай вдруг сделает из ада.
Был в Риме, в Лондоне... да где он не бывал!
Весь мир на языке искусно облетал.

По предположению Д.М.Иофанова, согласившегося с атрибуцией этой эпиграммы Гоголю, она метила в соученика писателя по нежинской гимназии И.Г.Пашенко, который в школьные годы пользовался репутацией лгуна: в дошедших до нас шуточных «Неоконченных стихах Гоголя и Данилевского, присланных из Парижа» (1836) Пашенко назван «известным лгунишкой» (*Иофанов, 1951, с. 163–165*). Другое произведение, помещенное в «Метеоре» — стихотворение «Битва при Калке», — Иофанов связал с утерянной поэмой (стихотворением <?>) Гоголя «Россия под игом татар», о существовании которой имеются свидетельства матери Гоголя. Именно в «Метеоре литературы», по сообщению самого издателя журнала П.И.Мартоса, было помещено и стихотворение Гоголя «Новоселье» (*Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) // ЛН, т. 58, с. 774; см. также с. 856–858 наст. изд.*).

Вместе с тем, как утверждал Н.Я.Прокопович, первым опытом Гоголя, ставшим известным его соученикам и имевшим значительный успех, была

трагедия «Разбойники», написанная пятистопным ямбом (см.: *Кулиш, 1854, с. 15*). Трудно сказать, была ли эта трагедия создана под влиянием Шиллера (Гоголь выписывал его сочинения в апреле 1827 г.) или Пушкина (в 1827 г. поэма последнего «Братья Разбойники» вышла отдельным изданием; Гоголь мог читать ее и в альманахе «Полярная звезда» за 1825 год).

Другое раннее произведение Гоголя, «Братья Твердиславичи, славянская повесть», по словам В.И.Любича-Романовича, явилось «первой прозаической вещью» писателя. Гоголь поместил ее в журнале «Звезда» (*Кулиш, 1854, с. 16*) и читал вслух на вечере у Редкина (см.: *ИВ. 1892. № 12. С. 696*). По сведениям, восходящим к Прокоповичу, это произведение имело подражательный характер (образцом служили повести, печатавшиеся тогда в альманахах) и было написано «так называемым “высоким” слогом, из-за которого бились и все сотрудники редактора» (*Кулиш, 1854, с. 16*). По словам другого члена редкинского кружка, А.С.Данилевского, Гоголь в то время «писал во вкусе Бестужева, и у него встречались пышные описания природы, лес и т. п.» (*Шенрок, т. 1, с. 102*).

Несмотря на «высокий слог», повесть «Братья Твердиславичи» была раскритикована товарищами Гоголя. «Наш кружок, — вспоминал Любич-Романович, — разнес ее беспощадно и решил тотчас же предать уничтожению. Гоголь не противился и не возражал. Он совершенно спокойно разорвал свою рукопись на мелкие клочки и бросил в топившуюся печь» (*ИВ. 1892. № 12. С. 696*). Это первое сожженное Гоголем произведение относится ко времени «не позже июня 1826 года», когда Редкин и Любич-Романович закончили гимназию (*Манн, 1994, с. 110*). «В стихах упражняйся <...>, прозой не пиши, — сказал Гоголю К.М.Базили после чтения повести, — очень уж глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцуется, это сейчас видно» (*ИВ. 1892. № 12. С. 696*). Возможно, эта неудача и стала причиной вскоре «настигшего» Гоголя «переворота», выразившегося, в частности, в том, что он оставил прозу (*Манн, 1994, с. 110*).

НЕПОГОДА

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

БА — беловой автограф, подписан «Н.Гоголь». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 46. Л. 2. Автограф представляет собой левую половину двойного листа, неровно обрезанного по краям; чернила. Разм. 36,4×22,3. Часть листа рукописи с одиннадцатью неполными стихами вырезана в форме сердца. Разм. вырезанной части, с седьмого по семнадцатый стих, 12,0×9,5. Бумага с частью филиграни: литеры МФ<АГ?> (Медынская фабрика <Афанасия Гончарова?>), с двумя первыми цифрами белой даты «18<..>» (две последние цифры — на отсутствующей правой половине двойного листа). Вариант бумаги описан: *Клепиков, 1959, № 383А, с. 54; Uchastkina, 1962, plate 255, p. 601*. Под текстом — приписка

А.С.Данилевского: «Я нашел эти стихи, к сожалению разорванные, они еще писаны в Нежине на школьной скамейке. А.Данилевский». На л. 1 — список стихотворения с зафиксированными пропусками, рукою Н.П.Трушковского.

НЕПОГОДА

«Невесел ты?» «Я весел был»

Так говорю друзьям веселья:

Но радость жизни пережил

И грусть зазвал на новоселье. —

Я молод был и светлый взгляд

Был непечален, с тяжелой мукой

Незналось с ый сад

И голу

Не

-----рь, как осень вянет младость,

Угрюм; не веселится мне,

И я тоскую в тишине

И дик; и радость мне не радость.

Смеясь мне говорят друзья:

«Зачем расплакался, погода

И разгулялась и ясна;

И нетемна как ты природа».

А я в ответ: мне все равно,

Как день все измененья года;

Светло ль, темно ли, все одно,

Когда в сем сердце непогода.» —

СпА — список с автографа в письме П.И.Мартоса к П.И.Бартеневу от 16 февраля 1866 г. (стихотворение приведено полностью под названием «Новоселье»). Хранится: РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 558. Л. 13.

Впервые опубликовано Н.С.Тихонравовым по *БА* в: Сочинения Н.В.Гоголя. Дополнительный том ко всем предшествовавшим изданиям сочинений Гоголя. Вып. I. Т. 6. М., 1892. С. 3–4. См. также: *Тих., т. 6, с. 1, 542–543.*

В полном виде опубликовано по *СпА* в: Литературное наследство. М., 1952. Т.58. С. 774.

Печатается по *БА* с восстановлением отсутствующих строк по *СпА*.

Полный текст стихотворения был сообщен соучеником Гоголя Петром Ивановичем Мартосом в письме к П.И.Бартеневу от 16 февраля 1866 г.

для возможной публикации в «Русском архиве» («Прилагаю при сем стихи Яновского, автограф которых у меня. Они были помещены в издаваемом мною в 1826 г. журнале “Метеор” — РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 558. Лл. 13–14 об.; Ед. хр. 560. Л. 50); был опубликован лишь в 1952 г. Н. Арнольдом (Л. Р. Ланским) в «Литературном наследстве» (т. 58 — см. выше). В письме стихотворение озаглавлено «Новоселье». Автограф, имевшийся у Мартоса, в настоящее время утрачен. Указание Данилевского на то, что стихотворение было написано «в Нежине на школьной скамейке», совпадает со свидетельством Мартоса о том, что «Непогода» была помещена в школьном рукописном журнале «Метеор литературы» в 1826 г. (см. выше).

По предположению Ю. В. Манна, стихотворение отражает «новую манеру» Гоголя, о которой он с гордостью писал матери в ноябре 1826 г. и которую впоследствии определил как «лирическую» и «сурьезную» (Манн, 1994, с. 111; см. выше). Стихотворение «Непогода» написано в традиционной для сентиментально-романтической поэзии форме «жалоб меланхолика»: обращение к «друзьям веселья», разочарование в радостях жизни, противопоставление веселой (обычно — весенней) природы и неизбывной грусти лирического героя (ср., например, «Весеннюю песнь меланхолика» Н. М. Карамзина 1788 г. или стихотворение И. И. Дмитриева «Меланхолик», 1805). Ощутима также близость стихотворения «Непогода» элегическому стилю Пушкина 1820-х гг. «Унылая» элегия, на которую ориентировался и которую в 20-е гг. уже пародировал Пушкин, была вообще излюбленным жанром нежинских поэтов-гимназистов. В исследовательской литературе (см.: Супрунук, 1991, с. 66) отмечалось типологическое сходство гоголевского «Новоселья» со стихотворением его соученика М. Риттера «К И. П. С <имоновско> му»:

<...> Ах, не гонись, мой друг, за счастьем!
Зачем невозможного желать
И подвергать себя ненастьям?
Счастливым другом! забудь пиры:
Давно мы ими наслаждались <...>

(Дамский журнал. 1826. № 19. С. 18)

Значение «Непогоды» для будущего художественного развития Гоголя в том, что здесь, «хотя и в условно-элегической форме и во многом с чужого голоса», писатель впервые «заговорил о том, что наполняло его внутренний мир» (Манн, 1994, с. 113). Стихотворение близко по настроению к сохранившейся гоголевской записи в альбоме В. И. Любича-Романовича «Свет скоро хладет в глазах мечтателя...», датированной тем же временем (10 мая 1826 г.), и к «Ганцу Кюхельгартену». В некотором смысле «Новоселье» предвосхищает также знаменитый лирический зачин VI главы «Мертвых душ», в котором жизненный путь автора также делится «на две фазы — прежде и теперь <...> и состояние охлаждения и увядания выражается в безрадостном отношении к миру» (там же).

<В АЛЬБОМ В.И.ЛЮБИЧА-РОМАНОВИЧА>

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

БЗ — Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 16. С. 491—492 (публикация Н.В.Гербеля). Публикация сопровождается указанием на то, что настоящая заметка вписана Гоголем «в 1826 году в альбом товарища по гимназии В.И.Любича-Романовича» и что ее отличает «напыщенный слог», каким, вероятно, была написана и повесть «Братья Твердиславичи».

Местонахождение рукописи неизвестно.

Печатается по тексту *БЗ*.

Запись датирована 10 мая 1826 г. Василий Игнатьевич Любич-Романович (1805—1888) — старший товарищ Гоголя, активный участник литературной жизни в нежинской гимназии, впоследствии поэт и переводчик, автор воспоминаний о Гоголе (см.: *Рассказы о Гоголе и Кукольнике // ИВ. 1892. № 12. С. 694—699* (рассказы были записаны М.Шевляковым «со слов» Любич-Романовича); *Гоголь в нежинском лицее (из воспоминаний В.И.Любича-Романовича) (Запись С.И.Глебова) // ИВ. 1902. № 2. С. 548—560*). Поводом к написанию текста, вероятно, послужило предстоящее окончание гимназии Любичем-Романовичем.

В.И.Шенрок отмечал в настоящей записи «несомненные следы риторики» (*Шенрок, т. 1, с. 122*). Она, в самом деле, напоминает ученическое упражнение на заданную тему (быстрое разочарование юноши в свете) — жанр, широко практиковавшийся в Нежине. Подобные «элегии» в стихах и прозе писали в конце 1820-х гг. многие товарищи Гоголя. В усложненной форме меланхолическое настроение, выраженное в записи и, очевидно, характерное для литературного поведения Гоголя начиная с 1826 г., отразилось в «Ганце Кюхельгартене» (см.: *Манн, 1994, с. 112*).

КЛАССНЫЕ СОЧИНЕНИЯ¹

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

БА — белой автограф сочинения «В какое время делаются славяне известны истории...». Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 21. Лл. 1—2. Автограф представляет собой двойной лист; текст сочинения расположен на лл. 1—1 об.; чернила. Разм. 36,5×23,1. Бумага с филигранью: герб Гончарова на левой части двойного листа, литеры МФАГ (Медынская фабрика Афанасия Гончарова), с белой датой «1827». Вариант бумаги описан: *Клепиков, 1959, № 383А, с. 54; Uchastkina, 1962, plate 255, p. 601*. В верхней части л. 1 надпись «Н.Гоголь-Яновского»; в верхней части л. 2 — профес-

¹ При написании комментария к данному разделу были использованы отдельные наблюдения В.Ю.Проскуриной.

сорская помета (см. ниже). Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 2*, с. 40.

Тих., т. 5 — Сочинения Н.В.Гоголя. Издание десятое. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым. Т. 5. М., 1889. С. 46–47.

Печатается по *Тих.*, т. 5, с. 46–47 (сочинения первое, второе); по *БА* (сочинение третье).

Впервые опубликовано: сочинения первое и второе — *Кулиш П.А. Опыт биографии Н.В. Гоголя // Совр. 1854. № 4. С. 151–153*; см. также отдельное издание: *Кулиш, 1854, с. 203–204*; позже, с уточнениями по рукописи, в настоящее время утерянной, — *Тих.*, т. 5, с. 46–47; сочинение третье — *КС. 1894. № 1. С. 127–128*; см. также: *Гогол. сб., 1902, с. 391–392*.

Сочинения, представлявшие собой ответы на вопросы учеников 9-го класса «для письменного ими решения оных» (*Гогол. сб., 1902, с. 388–389*), первоначально хранились в архиве нежинской Гимназии высших наук. Сочинение по истории («В какое время делаются славяне известны истории...») позже было отделено от них, перешло в собственность В.П.Науменко и было передано последним в дар Румянцевскому музею (см.: *Отчет Румянцевского музея за 1892–94 год. М., 1895. С. 55*).

По описанию Н.С.Тихонравова, два первых сочинения были написаны на одном полулисте голубоватой писчей бумаги. На первой странице помещено сочинение «Из теории Словесности», подписанное «Н.Гоголь Яновский». Ниже стояла следующая отметка профессора: «Изрядно. П.Никольский». Вторую страницу занимало упражнение на тему «Из Русского Права», подписанное «Гоголь Яновский» и содержавшее следующую аттестацию: «Хотя не обстоятельно, но понятия о предмете видны. Профессор М.Билевич» (*Тих.*, т. 5, с. 545).

Время написания этих упражнений в рукописи не указано. Н.С.Тихонравов отнес их к первой половине 1828 г., ко времени, предшествующему выпуску из нежинской Гимназии высших наук. Так как заключительный экзамен по курсу словесности состоялся в июне (причем, не позднее 23 числа, которым датирована составленная Никольским аттестационная ведомость с экзаменационной отметкой Гоголю «4»), оба сочинения представляют собой письменные работы на заключительных «частных» испытаниях, которые предшествовали публичному выпускному экзамену, имевшему место 23 июня 1828 г. (*Гогол. сб., 1902, с. 416*).

Первое сочинение «О том, что требуется от критики», является письменной работой по курсу словесности, который в нежинской Гимназии высших наук читал профессор Парфений Иванович Никольский (1782 — ум. не позже 1851). Гоголь слушал его курс в девятом (выпускном) классе в 1827–1828 учебном году. Раздел «О критике» был одним из последних в

курсе Никольского. Профессор должен был обратиться к этой теме не раньше мая 1828 г., так как предшествовавший раздел курса — «О слогах» — был прочитан им в марте и апреле. Годичный результат Гоголя по этому курсу был оценен в 3 балла, результат за экзамен — 4 балла (*Гогол. сб., 1902, с. 374–376, 401, 409–411, 419*).

В.И.Шенрок отмечал, что сочинение о критике «напоминает отчасти своим складом речи некоторые позднейшие прозаические статьи Гоголя из числа тех, которые отличаются сравнительно более естественным изложением» (*Шенрок, т. 1, с. 122*). Согласно Д.М.Июфанову, уже в этом ученическом сочинении «Гоголь сформулировал основные принципы литературной критики» (*Июфанов, 1951, с. 170*). Ю.В.Манн считает такую оценку классного упражнения завышенной и предлагает более осторожную формулировку: «В суждениях Гоголя-гимназиста нет ничего, что бы противоречило его последующей литературной критике, хотя они не передают всего его эстетического мироощущения». При этом сочинение интересно уже тем, что показывает, чему учил Никольский Гоголя и чего от него ждал (см.: *Манн, 1994, с. 103–104*).

Второе сочинение «*Изложить законные обряды апелляции... (из русского права)*» представляет собой письменную экзаменационную работу по русскому гражданскому праву. Курс с 1827 г. в нежинской Гимназии высших наук читал профессор Михаил Васильевич Билевич, один из инициаторов «дела о вольнодумстве» (см.: *Гогол. сб., 1902, с. 366–369; Машинский, 1959, с. 23*). По словам историка Гимназии Н.А.Лавровского, скудость биографических сведений о Билевиче в «первом издании Лицейского сборника» объяснялась тем, что о нем «дурного говорить не хотелось, а доброго не нашлось, или не нашло себе места, вследствие сохранившихся неблагоприятных воспоминаний» (*Гимназия, 1881, с. 231*). Билевич, как то следует из воспоминаний К.М.Базили в изложении Шенрока, преподавал свой курс «по единственному в то время руководству Кукольника, отца моего товарища, бывшего директором нашего заведения до Орлая. Преподавание заключалось в чтении профессором одной главы, с приказанием выучить» (*Шенрок, т. 1, с. 380*). Свидетельство Базили подтверждается и списком учебных книг, заказывавшихся библиотекою нежинской Гимназии высших наук, среди которых фигурирует и книга: *Кукольник В. Российское гражданское право. Ч. 1–2. СПб., 1814–1815* (см.: *Гогол. сб., 1902, с. 284*).

По всей видимости, классное сочинение основано на сведениях, взятых из второй части учебника Кукольника (глава V, «О прочем судебном делопроизводстве в нижних инстанциях Гражданского суда до окончательного в оных решения тяжёбного дела»; глава VI, «О переносе тяжёбных дел из нижних Инстанций в высшие судебные места на ревизию и об окончательном решении оных», с. 193, 201–205). При этом Гоголь в изложении опускает некоторые процессуальные детали, чем и объясняется помета Билевича «не обстоятельно» (см. *выше*).

Сочинение «В какое время делаются славяне известны по истории...» представляет собой письменную работу на годовом экзамене по курсу истории за 9-й класс. Написано Гоголем в июне 1828 г. перед выпуском из гимназии. Получило оценку профессора: «Не соблюдена хронология и происшествия показаны в превратном порядке. Профессор К.Моисеев». Кирилл Абрамович Моисеев (Мойсеев) (1790—1853) — профессор истории и статистики в нежинской Гимназии высших наук с 1830 по 1832 г. Одно время исполнял обязанности инспектора. Не пользовался расположением учеников гимназии. Н.В.Кукольник в воспоминаниях о нем писал: «О характере Кирилла Абрамовича я не могу сказать ничего положительно-го... На лекциях он говорил много, на инспекции пребывал сух, молчалив и холоден» (*Гимназия, 1881, с. 289*).

Основными пособиями по истории средних веков в нежинской Гимназии высших наук были: *Руководство к познанию всеобщей истории Ивана Кайданова. Ч. II. История средних веков. СПб., 1821; Основания всеобщей истории. Ч. I. Английская история. Со времен завоевания Римляно до царствования Георгия второго, сочиненная Г. Аббатом Миломом. СПб., 1806*, а также *Новая всемирная история о происшествиях в Европе, Азии, Африке и Америке, изданная от главного правления училищ Российской империи Янковичем де Мириево, 1806*. Эти же книги названы в реестре, составленном приятелем Гоголя В.В.Тарновским в так называемой «тетради Тарновских» (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Лл. 2 об., 3 об.; см. также с. 606—608 наст. изд.*).

Сочинение представляет собой любопытный документ, характеризующий не только исторические познания экзаменуемого (который меньше, чем через три года получит место преподавателя истории в Патриотическом институте и вскоре будет претендовать на профессорское место в университете), но и его своеобразное отношение к истории: видно, что автор, основываясь на исторических сведениях, частью заимствованных из «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина (*см. ниже*), стремился нарисовать яркие исторические детали, но при этом полностью игнорировал хронологию. В итоге получилась совершенно фантастическая картина. Так, появление славян отнесено автором сочинения к XI в., ко времени, когда (по Гоголю) гуннов Аттилы (395—453) сменили венгры с аварами. С появившимися в это время на рубежах греческой монархии славянами не могли будто бы справиться византийские военачальники Велизарий (505—565) и Нарцесс (478—568), оба жившие соответственно в V—VI вв., и только император Юстиниан (482, или 483—565) сумел подкупить опасных соседей. Первое знакомство славян с варягами (не позже IX в.) Гоголь отнес к XII в., а принятие славянами «письмен» Кирилла и Мефодия (вторая половина IX в.) — к еще более позднему времени.

Следует заметить, что впоследствии тема миграции народов, затронутая в сочинении, станет для Гоголя одной из самых любимых исторических тем, а само сочинение «В какое время делаются славяне известны по истории» в

отдельных местах почти дословно совпадает с гоголевскими черновыми «Набросками и материалами по русской истории», 1834–1835 (см.: *Жаркевич, 1988, с. 7*).

* * *

С. 259. *Императоры не отваживались входить с ними в неравную битву ~ одно только золото Юстиниана...* — Ср. у Карамзина: «со времен Юстиниановых, с 527 году, <...> начинают они (т. е. славяне. — *Ред.*) действовать против Империи»; «Один Велисарий, поседевший в доблести, осмелился выйти к ним на встречу; но более казною Императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя» (*Карамзин, кн. 1, с. 23* — глава I, «О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще»).

С. 259. *...славяне славилась своим гостеприимством. ~ Открывали даже дома свои...* — Ср. у Карамзина: «Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и донныне весьма обыкновенное во всех Славянских<...> Всякой путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. <...> Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника» (*там же, с. 40* — глава III, «О физическом и нравственном характере славян древних»).

С. 259. *Были все рослы, стройны, имели волосы русые ~ солнце...* — Ср. у Карамзина: «Греки <...> хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми, и все без исключения были русые...» (*там же, с. 38* — глава III, «О физическом и нравственном характере славян древних»).

DUBIA

<АКРОСТИХ>

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Кулиш, 1856, т. 1 — <П.Кулиш>. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Т. 1. СПб., 1856. С. 24.

Гимназия, 1859 — Гимназия Высших наук и Лицей князя Безбородко. Юбилейный сборник. СПб., 1859. Отд. 2. С. 32–33.

Автограф неизвестен.

Печатается по: *Гимназия, 1859*.

Впервые акrostих был напечатан П.А.Кулишом со слов старшего товарища Гоголя по нежинской гимназии Г.И.Высоцкого (*Кулиш, 1856, т. 1, с. 24 — см. с. 853 наст. изд.*). Второй стих у Кулиша был, по-видимому, изменен по цензурным соображениям (вместо предполагаемого по смыслу: «Пугалище монахов всех» — было: «Пугалище дервишей всех»; в третьем стихе пропущены два слова). Впервые восстановлено в: *Гимназия, 1859, с. 32—33*; см. также: *Гог. письм. и восп., 1931, с. 12.*

По свидетельству Г.И.Высоцкого, переданному Кулишом, «охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападок на товарища Б<орозди>на, которого он преследовал насмешками за низкую стрижку волос и прозвал расстригою Спиридоном. Вечером, в день именин Б<орозди>на, 12 декабря, Гоголь выставил в гимназическом зале транспарант собственного изделия с изображением черта, стригущего дервиша, и со следующим акrostихом:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище дервишей всех,
И строптивой,
Расстрига, сотворивший грех.
И за сие-то преступленье
Достал он титул сей.
О чтец! имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей»

(*Кулиш, 1856, т. 1, с. 24.*)

Шенрок ошибочно отнес гоголевскую шутку к Николаю Корниловичу Бороздину (*Шенрок, т. 1, с. 87*). На самом деле Спиридоном Гоголь называл его брата, Федора Корниловича Бороздина. Ср.: «Спиридон, то есть Федор Бороздин, в гусарах и отличный гусар из самого негодного попа. Кто бы думал?» (*письмо Гоголя Г.И.Высоцкому от 19 марта 1827*). Это позволяет установить и верхнюю хронологическую границу написания стихотворения: не позднее 12 декабря 1825 г., поскольку летом 1826 г. Ф.Бороздин уже окончил гимназию.

Празднование именин Бороздина 12 декабря (в день памяти святителя Спиридона) было шуткой. Известно, что Гоголь в школьные годы любил давать самые неожиданные прозвища своим товарищам. Вероятно, соль настоящей шутки-инсценировки заключалась в том, что Федор Бороздин за низкую стрижку уподоблялся не святителю Спиридону — чудотворцу, епископу Тримифунтийскому (ум. 348), а некоему «расстриге Спиридону», то есть, скорее всего, известному защитнику и идеологу раскола архимандриту Покровского монастыря Симеону Потемкину (ум. 1665), который «пострижеся в Москве» и принял «во иноцех» имя Спиридон. Этот Спиридон был известен как ярый враг «вероотступников», особенно католиков: «и вси езуиты и кардиналы римские бояхуся его, не могуще противиться глаголом уст его» (из послания Дякона Феодора к сыну Максиму — см.: *Русский биографический словарь. Т. 19. СПб., 1909. С. 257—258*).

Поскольку принадлежность этого стихотворения Гоголю основывается только на свидетельстве Высоцкого, сообщившего его через тридцать лет после окончания гимназии, не исключена также возможность, что оно «могло быть написано и кем-то другим из нежинских гимназистов или явиться плодом коллективного творчества» (см.: *Ак., т. IX, с. 614*).

<ИЗ ПОЭМЫ «РОССИЯ ПОД ИГОМ ТАТАР»>

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ИБ, 1886 — Данилевский Г.П. Знакомство с Гоголем // Исторический вестник. 1886. Т. XII. С. 496.

ЛН, т. 58 — Письмо М.И.Гоголь С.П.Шевыреву 24 февраля 1853 г. // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 770.

Впервые опубликовано: *ИБ, 1886, с. 496*.

Автограф не сохранился.

Печатается по: *ЛН, т. 58, с. 770*.

Источником сведений Г.П.Данилевского, опубликовавшего два стиха, якобы относившиеся к написанному Гоголем в Нежине произведению под названием «Россия под игом татар», была Мария Ивановна Гоголь, которую Данилевский посетил вскоре после смерти писателя, в мае 1852 г. «По словам матери его, — сообщил Данилевский, — он в Нежинском лицее написал стихотворение “Россия под игом татар”. Эту никогда не напечатанную вещь Гоголь тщательно переписал в изящную книжечку, украсил ее собственными рисунками и переслал матери из Нежина по почте. Из всего содержания этой поэмы, увезенной им впоследствии из Яновщины и, вероятно, истребленной, мать покойного вспомнила мне только окончание, а именно следующие два стиха» (*ИБ, 1886, с. 496*).

Свидетельство Данилевского подтверждается и уточняется письмом М.И.Гоголь к С.П.Шевыреву от 24 февраля 1853 г.: «...я сказала г. Данилевскому, что он, будучи 16-ти лет, поднес мне свою рукопись в стихах, со тщанием написанную, взяв то время, когда Россия была под игом татар. Эта тетрадка им же была и обрисована, но после, когда он приезжал в каникулы домой, взял, рассматривая в шкапу книги, и, как видно, истребил, и, когда начала ему выговаривать, зачем он лишил меня этого, то отнекивался, что не брал. Г.Данилевский очень усердно просил меня сказать ему, что запомнила из его стихов; я сказала, что очень жалею, что не помню; это было так давно, и я долго грустила, что не спрятала в таком месте, где бы он не нашел, но я не могла предвидеть, чтоб он мог взять обратно свой подарок. Один только при конце врезался в моей памяти куплет: “Раздравши тучи сребрунны, являлась трепетно луна”. Г.Данилевский напечатал вместо “туч” — “тучки” и приписал ему, как видно, это сочинение к трехлетнему возрасту» (*ЛН, т. 58, с. 770*).

Таким образом, судя по свидетельству М.И.Гоголь, «Россия под игом татар» относится к 1825 г. (когда Гоголю исполнилось 16 лет), то есть принадлежит к числу его ранних нежинских произведений, написанных до «переворота» популярным среди нежинских гимназистов «высоким слогом» (см. с. 856 наст. изд.).

Сведения о жанре настоящего произведения противоречивы. Данилевский называет его то стихотворением, то поэмой; из воспоминаний М.И.Гоголь следует, что это были стихи, занимавшие целую тетрадку. С.И.Пономарев предположил, что «Россия под игом татар» есть не что иное, как стихотворение «Битва при Калке», помещенное в журнале «Метеор литературы» за январь 1826 г. (Пономарев С. *Нежинский журнал Н.В.Гоголя // КС. 1884. № 5. С. 143–146*; версия эта была поддержана и Д.М.Иофановым — *Иофанов, 1951, с. 166–167*).

Возможно, одним из основных источников произведения послужил третий том «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина (1818), восьмая глава которого посвящена описанию татарского нашествия и битвы при Калке (ср. с финальными стихами гоголевского произведения заключительные слова карамзинского описания битвы: «...грозная туча, как внезапно явилась над ея пределами, так внезапно и сокрылась» — *Карамзин, кн. 2, т. 3, с. 382*).

Можно также предположить стилевое воздействие на молодого Гоголя поэзии Г.Р.Державина. Ср.: «На темно-голубом эфире / Златая плавала луна / <...> / В серебряной своей порфире...» («Видение Мурзы», 1791) (об интересе Гоголя-гимназиста к поэзии Державина см.: *Колосова Г.А. Гоголь — читатель и критик Ломоносова и Державина // Русская литература. Уч. зап. Московского городского педагогического института им. В.П.Потемкина. 1959. Т. ХСIV. Вып. 8. С. 237–260*).

ИТАЛИЯ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

СО/СА, 1829 — Сын Отечества и Северный архив. 1829. Т. II. № 12. С. 301–302 (цензурное разрешение — 22 февраля 1829 г.). Без подписи.

Автограф не сохранился.

Печатается по СО/СА, 1829, с. 301–302.

* * *

Впервые о существовании стихотворения «Италия», напечатанного анонимно в СО/СА, 1829 и написанного Гоголем еще в Нежине, сообщил в 1852 г. П.А.Кулиш (*Кулиш, 1852, с. 200*). Источником его сведений был,

по всей видимости, «соученик и один из ближайших друзей» писателя Н.Я.Прокопович, проживавший с Гоголем в пору его «первых литературных опытов» в Петербурге. Настоящее стихотворение Кулиш датировал «временем сожжения “Ганца Кюхельгартена”», т. е. летом 1829 г. (*там же*).

Вслед за этим Н.С.Тихонравов перепечатал упомянутое Кулишом стихотворение из *СО/СА, 1829* (без разбивки на строфы) в «Библиографических поправках и дополнениях» к публикации Кулиша (*Московские ведомости. 1853. № 51. С. 521*). Попутно Тихонравов отметил ошибку Кулиша в датировке публикации «Италии»: номер «Сына Отечества», включавший стихотворение, вышел в свет 23 марта («как означено на обертке»), в то время как идиллия «Ганц Кюхельгартен» была разрешена цензурой лишь в мае того же года. Отсюда исследователь сделал вывод, что «Италия» является первым из напечатанных произведений Гоголя.

Кулиш учел поправки Тихонравова и вновь напечатал текст стихотворения в «Опыте биографии Николая Васильевича Гоголя» с разделением на строфы-октавы, сопроводив его следующим комментарием: «...Гоголь сам боялся гласности и прокладывал себе дорогу к литературным успехам тайком даже от ближайших друзей своих. Он написал стихотворение “Италия” и отправил его *incognito* к издателю “Сына Отечества”, может быть, для того только, чтобы узнать, удостоят ли его стихи печати. Стихи были напечатаны, и вот эти первые черты пера, которому предназначено было создать столько художественных образов. Несмотря на крайнюю молодость поэта, в них заметно дарование» (*Кулиш, 1854, с. 35–36*).

В дальнейшем стихотворение включалось, как правило, во все издания сочинений Гоголя, начиная с издания Трушковского (*т. VI. СПб., 1856. С. 370*) — в раздел «Юношеские опыты» (см., напр., *Тих., т. 5, с. 44–45*) или в раздел «Приписываемое Гоголю» (*Ак., т. IX, с. 9–10*).

В настоящее время можно говорить с высокой степенью вероятности о принадлежности стихотворения Гоголю. Однако отсутствие аутентичных рукописей или других несомненных свидетельств, подтверждающих этот факт, не дает пока права печатать стихотворение в основном корпусе гоголевских текстов. Косвенным доказательством принадлежности стихотворения Гоголю может считаться его идейная и стилистическая близость к дошедшим до нас произведениям писателя конца 1820-х—начала 1830-х гг. (периоду «эстетического энтузиазма»), особенно к опубликованной им в том же 1829 г. романтической «идиллии в картинах» «Ганц Кюхельгартен» (см. с. 571–587 *наст. изд.*).

Известно, что в гимназии Гоголь был одержим мечтой уехать за границу, причем «мысль о чужих краях все чаще» представлялась «разгоряченному воображению юноши по мере приближения его к окончанию курса» (*Шенрок, т. 1, с. 140–141* — ср. в финальной строфе «Италии»: «Узрю ль тебя я, полный ожиданий?»). С другой стороны, в стихотворении «Италия» обращают на себя внимание такие характерные приметы гоголевского стиля ранней поры, как, например, пристрастие к словам «роскошный» («роскошная

страна», «любовь роскошная»; ср. в «Ганце Кюхельгартене»: «земли роскошные края»; «роскошно объемлет эфир», «роскошно валится»; или в «Вечерах»: «роскошное украинское небо»; «роскошен летний день», «роскошно блистал <...> день», «чудный» («и чудный шум, и чудные мечты»; «чудный воздух»); гиперболизированное описание красот природы («И жарче и ясней по небу солнце ходит»; ср. в «Вечерах»: «Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее», «еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат» — см.: *Виноградов, 1951, с. 94–138*). Описание роскошной итальянской ночи предвосхищает картину украинской ночи в «Майской ночи» из первой части «Вечеров». А спиритуалистический финал «Италии» («Душа в лучах, и думы говорят / <...> / Я в небесах весь звук и трепетанье!») отзывается в финале статьи Гоголя «Борис Годунов» (ср.: «Оно обнимет снова морем светлых лучей и звуков душу...»).

История создания стихотворения может быть представлена следующим образом. Как указал П.А.Кулиш (см. *выше*), оно было написано еще в Нежине. Гоголь приехал в Петербург в последних числах декабря 1828 г. Дата цензурного разрешения 12-го номера «Сына Отечества», в котором напечатана «Италия» (22 февраля), свидетельствует о том, что молодой автор мог передать свое стихотворение в редакцию либо сразу, либо в скором времени после прибытия в столицу. С публикацией стихотворения, вероятно, связан и так называемый «булгаринский эпизод» в биографии Гоголя. По свидетельству самого Ф.В.Булгарина, одного из издателей «Сына Отечества», Гоголь сразу по прибытию «из Малороссии» посетил его и преподнес какие-то свои стихи (см. с. 599–600 *наст. изд.*). Как заметил Ю.В.Манн, «если “Италия” — действительно гоголевская вещь и если она была послана в “Сын Отечества”, по словам Кулиша, инкогнито, то около этого времени автор и лично явился к издателю». Настоящая встреча могла произойти «еще до истории с “Ганцем Кюхельгартеном”», то есть «в первые месяцы 1829 года» (*Манн, 1994, с. 207*; см. также: *Гиппиус, 1966, с. 49*).

Обработка автором «итальянской темы» и само обращение к Италии — весьма характерны для литературы того времени. Гоголевское описание идеальной страны восходит, скорее всего, к знаменитой песне Миньоны, открывавшей третью книгу романа И.-В.Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» («*Kennst du das Land...*») (см.: *Манн, 1994, с. 441*). В тексте романа этот край прямо назван Италией. Среди многочисленных русских переводов и переложений «Миньоны» наиболее известен перевод В.А.Жуковского «Мина» («Ты знаешь край, где негой дышит лес?»), опубликованный в 1818 г.

В России расцвет эстетического культа Италии относится ко второй половине 1820 — началу 1830-х гг.: переводы из итальянских поэтов; паломничества в Италию и письма о ней; успех итальянской, «россиниевской», оперы в Москве и Петербурге (заметим, что горячим сторонником итальянского искусства был Ф.В.Булгарин, постоянно обращавшийся к этой теме в «Северной пчеле»). В русской поэзии были распространены стихотворные «апофео-

зы» Италии, традиционно включавшие обращение поэта к прекрасному краю, описание его «чудес» и мечту посетить его. Так, незадолго до гоголевского стихотворения были написаны одноименные гимны Италии Д.В.Веневитинова «Италия! отчизна вдохновенья!» (МВ. 1827. № 8. С. 311–312; указано: Манн, 1994, с. 441) и сонет А.Н.Муравьева «Италия, страна могил...» (МТ. 1827. № 10. С. 60). Еще одно стихотворение «Италия» помещено в 1832 г. в сборнике соученика Гоголя по Гимназии В.И.Любича-Романовича («О дивная страна очарованья...»; возможно, стихотворение было написано и раньше 1832 г.). Со стихотворениями Веневитинова и Муравьева Гоголь мог быть знаком («Московский вестник» и «Московский телеграф» входили в круг его чтения в нежинскую пору), однако едва ли имеет смысл говорить о непосредственном влиянии этих произведений на молодого автора. Здесь скорее всего воспроизводится набор общих мест романтического мифа о прекрасной Авзонии, созданного усилиями поэтов и критиков нескольких наций и поколений, — от Гете и де Сталь до Тика и Байрона: южный рай, сияющие небеса, гул моря, навевающий высокие воспоминания, октавы Торквато, кисть Рафаэля, развалины Империи и т. п. Ср., например, пушкинское описание «волшебного края» из черного отрывка «Кто знает край, где небо блещет...» 1828 г. (разумеется, этот отрывок не мог быть известен Гоголю):

Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет <...>
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал <...>
Страна высоких вдохновений

«Идиллический» образ Италии как эстетического рая, созданный в стихотворении Гоголя, представляет собой своего рода модель для его будущих описаний этой «роскошной страны» (ср., в частности: «Что за земля Италия! <...> О, если бы вы взглянули только на это ослепляющее небо, все тонущее в сиянии! Все прекрасно под этим небом; что ни развалина, то и картина; на человеке какой-то сверкающий колорит; строение, дерево, дело искусства, — все, кажется, дышет и говорит под этим небом» — письмо Гоголя к П.А.Плетневу от 2 ноября 1837 г.).

Отдельная проблема, связанная со стихотворением «Италия», — его возможная соотносительность с главным произведением Гоголя, с которым тот приехал в Петербург и на успех которого больше всего рассчитывал, — а именно с поэмой «Ганц Кюхельгартен». Еще И.Н.Жданов предположил, что «Италия» представляет собой фрагмент первоначальной редакции поэмы: восторженное обращение поэта к этой стране действительно напоминает «пышные грезы Ганца о Греции и Индии» (Жданов, 1904, с. 120). Эту же версию поддержали В.В.Гиппиус (Гиппиус, 1966, с. 59), М.П.Алексеев

(Алексеев, 1973, с. 174), Ю.В.Манн (Манн, 1994, с. 180–181; см. также с. 582 наст. изд.).

О тесной связи итальянских мечтаний лирического героя стихотворения с думами Ганца говорят как сходство (параллелизм) обращений к «роскошным краям» («Земля классических, прекрасных созиданий» — Греция; «В стране, где сверкают живые ключи» — Индия; «Италия! роскошная страна!»), так и многочисленные мотивные и словесные переключки между стихотворением и поэмой, которые едва ли можно объяснить одним общеромантическим характером этих произведений. Ср. также романтические ожидания Ганца («Творцы чудесных впечатлений! / Резец ваш, кисть увижу я...») со стремлением лирического героя «Италии» посетить край Рафаэля и Торкватто. Обращает также внимание сходство описаний песни Луизы в «Ганце...» и звуков октав в «Италии»: «Через сад она звенит, несется / И в упоеньи тихом льется» — ср.: «Как через сад октавы пронесутся, / Пленительно вдали звучат и льются».

О том, что «Италия» действительно легко вписывается в текст поэмы, говорит и сама форма стихотворения, написанного «тассовой» октавой: в романтической поэтике, которой следовал Гоголь в «Ганце Кюхельгартене», каждой экзотической стране «приписывается» свой метр, выражающий ее «душу». Остается, однако, неясной причина, по которой Гоголь отказался включить «Италию» в печатный текст поэмы.

* * *

С. 261. *Бежит, шумит задумчиво волна...* — Парафраз известного стиха В.А.Жуковского из баллады «Рыбак» (1818): «Бежит волна, шумит волна! / Задумчив, над рекой / Сидит рыбак...»

С. 261–262. *Лимон горит и веет аромат ~ И страстно мирт над ней главой колышет...* — Ср. в «Мине» Жуковского (1817–1818): «Златой лимон горит во мгле древес / <...> / И тихо мирт и гордо лавр стоит...»

С. 262. *Здесь низок мир холодной суеты.* — Ср. в «Италии» Венигинова (1827): «О мир сует! тогда от мыслей прочь!»

С. 262. *...октавы пронесутся...* — Стихотворение «Италия» само написано октавою. О восприятии в России итальянской («тассовой») октавы см.: Измайлов Н.В. *Из истории русской октавы // Поэтика и стилистика русской литературы.* Л., 1971. С. 102–110.

С. 262. *...живут Рафаэль и Торкват!* — Рафаэль и Торкватто Тассо воспринимались в 1820-е гг. как символы итальянского искусства и самой Италии. Фигура Тассо привлекала к себе пристальное внимание нежинских гимназистов. Известно, что свою трагедию «Тасс» Нестор Кукольник читал соученикам перед лекциями (см. письмо Гоголя А.С.Данилевскому от 30 марта <1832>; о культе Тассо в России см., в частности: Горохова Р.М. *Образ Тассо в русской романтической литературе // От романтизма к реализму.* Л., 1978. С. 117–188).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

БИСАВРЮК, ИЛИ ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА-КУПАЛА

Малороссийская повесть (из народного предания),
рассказанная дьячком Покровской церкви

С. 265. ...*Покровской церкви*. — то есть церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Тема Покрова (омофора, распростертого Божьей матерью над христианами, которым угрожали сарацины), по всей видимости, появляется не случайно. В конце повести она актуализируется как победа церкви над дьяволом-Бисаврюком.

С. 265. ...*за малолетство Богдана...* — *Богдан Хмельницкий* (ок. 1595—1657); см. также с. 717, 804, 825 наст. изд.

С. 266. ...*гайдамачил по захолюстьям...* — *Гайдамачить* — разбойничать. Вместе с тем в XVIII в. гайдамаками называли также участников народно-освободительного движения против польских помещиков на правобережной Украине.

С. 267. ...*на Велик день в заутрене...* — *Великдень* (укр.) — Пасха.

С. 267. ...*церковь во имя Трех Святителей...* — Данный образ возникает, возможно, по аналогии с известной в Киеве церковью Трех Святителей, о древности которой можно было судить по старым оставшимся кирпичным стенам. В гоголевские времена она была восстановлена по желанию вкладчиков.

С. 267. ...*смурая свитка...* — *Смурый* — домотканый, из некрашеной и неотбеленной серой шерсти (см.: *Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. М., 1989. С. 214*).

С. 269. ...*усилия отца Афанасия растрогать своих прихожан проповедью ~ широкие их пасти...* — Возможная реминисценция из Первого послания апостола Петра: «Ибо довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь нечистотам, <...> пьянству, излишеству в пище и питии». «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Петр, 4:3; 5:8).

С. 275. ...*воробыная ночь...* — ночь с сильной грозой или зарницами, время разгула нечистой силы, когда черт, по народным представлениям, «меряет воробьев». На Украине воробыной называли, как правило, одну из июньских ночей накануне Ивана Купалы, причем бытовало поверье, что в это же время цветет папоротник (см.: *Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Воробыная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 230—253*).

С. 276. ...*бровко...* — нарицательное наименование собаки.

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

С. 360—361. ...отпеть воскресный кондак... — Кондак — церковное песнопение, заключающее в себе описание жизни святого или краткое изложение праздника. Начало кондака пел певец, а затем конец подхватывали хором.

С. 361. ...жидовские яломки... — Яломки (еломки) — круглые, сделанные из войлока шапки, иначе: ермолки.

С. 369. ...хромой чорт... — см. с. 786 наст. изд.

С. 369. ...Анехтодт про Солдата... — Сюжет о солдате, которого черти выгнали из ада за то, что он замучил их строевыми упражнениями, достаточно широко встречается в фольклоре. См.: Рудченко, 1869, вып. I, с. 70—71 (рассказ «Москаль у пеклі»); Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Казань, 1914. С. 107, 124—125; Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива общества исследователей рязанского края. Вып. 2. Рязань, 1929. С. 7. Ср.: СУС, №№ 802, 804В (сюжет о солдате на том свете).

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

С. 420. ...ведьма верхом на упыре. — Упырь — общеславянский мифологический персонаж, так называемый заложный покойник, встающий по ночам из могилы (см.: Славянские древности, т. 1, с. 285—286 — статья «Вампир»; Ефименко П.С. Упыри (Из истории народных верований) // КС. 1883. № 6. С. 371—379). Ср. в «Грамматике малороссийского наречия» А.Павловского: «Слово упырь, означающее хвостатого человека, который будто по ночам возит на себе ведьмы» (Павловский, 1818, с. 108). У Гоголя данная сцена могла быть навеяна соответствующим эпизодом из «Энеиды» Котляревского, где описываются мучения женщин в пекле: «На припечках щоб не орали / <...> / Не ездили б на упырях» (Котляревский, 1808, с. 125).

С. 438. ...взять Хотин. — Хотин — город-крепость, построенный турками в XIII в. Дважды был взят русскими войсками: в 1739 г. и в 1769 г. В гоголевские времена входил в состав Подольской губернии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В список включены важнейшие исследования ранних произведений Гоголя (юношеских прозведений, «Ганца Кюхельгартена» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки»), издания Н.В.Гоголя, за исключением прижизненных, выделенных отдельно (см. с. 571, 590 наст. изд.), а также источники и исследования по традиционной украинской культуре (этнографические, фольклорные, лингвистические, религиоведческие), служащие дополнительным материалом для комментария к «Вечерам» и упоминаемые в комментарии не менее двух раз. Другие фольклорные источники, а также работы, посвященные творчеству Гоголя, но не связанные непосредственно с произведениями, вошедшими в первый том, приводятся без сокращений в тексте комментария.

Библиографические источники приводятся в алфавитном порядке сокращений. Отдельным списком даются сокращения названий журналов, газет и другой периодики.

Архивохранилища

- ГТБ СПб.* — Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека
- ОПИ ГИМ* — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
- ОР ИРЛИ* — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
- ОР РГБ* — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- РГАЛИ* — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГБИ* — Российская государственная библиотека по искусству (Москва)
- РГИА* — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- ЦНБ СТД* — Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей (Москва)

Периодика

- БдЧ* — журнал «Библиотека для чтения»
ВЕ — журнал «Вестник Европы»
ИБ — журнал «Исторический вестник»
Известия АН СССР. ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка
Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
Известия РАН. ОЛЯ — Известия Российской Академии наук. Отделение литературы и языка
КС — журнал «Киевская старина»
ЛГ — Литературная газета
Лит. приб. к «Рус. Инв.» — газета «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”»
ЛН — Литературное наследство
МВ — журнал «Московский вестник»
Москв. — журнал «Москвитянин»
Моск. набл. — журнал «Московский наблюдатель»
МТ — журнал «Московский телеграф»
Нев. альм. — «Невский альманах»
НЛО — журнал «Новое литературное обозрение»
ОЗ — журнал «Отечественные записки»
Основа — журнал «Основа. Южно-русский литературно-ученый вестник»
ПЭв. — альманах «Полярная звезда»
РА — журнал «Русский архив»
РБС — Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А.Половцева. Т. 1–25. СПб.; М., 1896–1918
РВ — журнал «Русский вестник»
РЛ — журнал «Русская литература»
РС — журнал «Русская старина»
Рус. фил. вестн. — журнал «Русский филологический вестник»
Сев. вестн. — журнал «Северный вестник»
Славянин — «Славянин. Военно-литературный журнал»
СО — журнал «Сын отечества»
Совр. — журнал «Современник»
Сов. этн. — журнал «Советская этнография»
Соревнователь — «Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей российской словесности)»
СО/СА — журнал «Сын отечества и Северный архив»
СПч. — газета «Северная пчела»
СЦв. — альманах «Северные цветы»

Список сокращений литературы

- Аарне, 1929* — Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Абрамович, 1994* — Абрамович С.Д. Міфологізація Карпат в повісті М.Гоголя «Страшна помста» // Микола Гоголь і світова культура (Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника). Київ; Ніжин, 1994. С. 50–52.
- Адамс, 1946* — Адамс В. Идиллия Н.В.Гоголя «Ганц Кюхельgarten» в свете его природоописаний. Ученые записки Тартуского университета. Филологические науки. Вып. 1. Тарту, 1946.
- Айзеншток, 1962* — Айзеншток И.Я. Хронология написания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1962. Т. XXI. Вып. 3. С. 252–262.
- Ак., т. I–XIV* — Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. I–XIV. Издательство Академии наук СССР. 1937–1952.
- Александровский, 1914* — Александровский Г.В. Историко-литературные комментарии к повестям Н.В.Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Киев; СПб.; Одесса, 1914.
- Алексеев, 1973* — Алексеев М.П. К источникам идиллии Гоголя «Ганц Кюхельgarten» // Проблемы поэтики и истории литературы: Сборник статей. Саранск, 1973. С. 172–182.
- Альтшуллер, 1996* — Альтшуллер Марк. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996.
- Андреев, 1928* — Андреев Н. Легенда о двух великих грешниках // Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена. Вып. I. Л., 1928. С. 185–198.
- Анненкова, 1986* — Анненкова Е.И. К вопросу о соотношении фольклорной и книжной традиции в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя // Фольклорная традиция в русской литературе. Волгоград, 1986. С. 42–48.
- Антонович, Драгоманов, 1874* — Исторические песни малорусского народа, с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. 1. Киев, 1874.
- Артемковский-Гулак, 1888* — Сочинения П.П.Артемовского-Гулака. Киев, 1888.
- Артюх, 1977* — Артюх Л.Ф. Українська народна кулінарія. Історико-етнографічне дослідження. Київ, 1977.
- Артюх, 1982* — Артюх Л.Ф. Народне харчування українців та росіян північно-східних районів України. Київ, 1982.
- Архимович, 1957* — Архимович Л. Українська класична опера. Історичний нарис. Київ, 1957.
- Афанасьев, 1865, 1868, 1869, т. 1–3* — Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других

- родственных народов. Т. 1–3. М., 1865–1869; перепеч.: М., 1994. Т. 1–2.
- Афанасьев, 1984, 1985, т. 1–3* — Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. Т. 1. М.; Л., 1984; Т. 2–3. М.; Л., 1985 (сер. Лит. памятники).
- Афанасьев, 1990* — Народные русские легенды А.Н.Афанасьева. Новосибирск, 1990.
- Байбурин, 1983* — Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Бантыш-Каменский, 1822, ч. 1–4* — История Малой России, со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче. Ч. 1–4. М., 1822.
- Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1–3* — Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. С 19 портретами, 5 рисунками, 26 раскрашенными изображениями малороссиян и малороссиянок в старинных одеждах, планом Берестского сражения, снимками подписей разных гетманов и предводителей козаков и с картой, представляющей Малороссию под владением польским в начале XVIII в. Ч. 1–3. М., 1830.
- Барабаш, 1993* — Барабаш Ю.Я. Почва и судьба. О языковой дихотомии у Гоголя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 5. С. 3–11.
- Барабаш, 1995* — Барабаш Ю.Я. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995.
- Баратынский, 1987* — Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987.
- Бахтин, 1975* — Бахтин М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 484–495.
- Бахтин, 1996* — Бахтин М.М. К вопросам об исторической традиции и о народных источниках гоголевского смеха // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. V. Работы 1940–1950-х годов. М., 1996. С. 45–47.
- Белинский, т. I–XIII* — Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. I–XIII. М., 1953–1959.
- Белоусов, 1982* — Белоусов А. Легенда об Антихристе в творческом сознании Гоголя // Тезисы докладов I Гоголевских чтений. Полтава, 1982. С. 46–47.
- Белый, 1934* — Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.
- Белый, 1994, т. 1–2* — Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 томах. М., 1994.
- Бернандт, 1963* — Бернандт Г. Словарь опер, впервые поставленных или изданных в дореволюционной России или в Советском Союзе. М.; Л., 1963.
- Бестужев, т. 1–2* — Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. Т. 1–2. М., 1981.

- Бибихин, Гальцева, Роднянская, 1985* — Бибихин В.В., Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Литературная мысль Запада перед «загадкой Гоголя» // Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 390–434.
- Библ. пер., 1953* — Библиография переводов на иностранные языки произведений Н.В.Гоголя. / Сост. М.С.Морщинер, Н.И.Пожарский (ВГБИЛ). М., 1953.
- Блок, т. 1–8* — Блок А. Собрание сочинений. В восьми томах. Т. 1–8. М.; Л., 1960–1963.
- Бойко, Гимельфарб, 1952* — Бойко І.З., Гимельфарб Г.М. Гоголь і Україна: Бібліографічний покажчик. До 100-річчя з дня смерті М.В.Гоголя. / Відп. ред. В.І.Маслов. Київ, 1952.
- Ботникова, 1977* — Ботникова А.Б. Э.Т.А.Гофман и русская литература (первая половина XIX века): К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977.
- Брюсов, т. I–VII* — Брюсов Валерий. Собрание сочинений. В семи томах. Т. I–VII. М., 1973–1975.
- Булашев, 1909* — Булашев Г.О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909.
- Булгаков, т. 1–5* — Булгаков М. Собрание сочинений. В пяти томах. М., 1989–1990.
- Бунин, т. 1–9* — Бунин И.А. Собрание сочинений. В девяти томах. Т. 1–9. М., 1965–1967.
- Вайскопф, 1993* — Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
- Вайскопф, 1995* — Вайскопф М. Страшная ночь или Экзекутор. Девятая повесть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12. С. 244–249.
- Виноградов, 1940* — Виноградов Г. Этнографические источники первой повести Н.В.Гоголя // Советская этнография. 1940. № 4. С. 119–127.
- Виноградов, 1951* — Виноградов В. О языке ранней прозы Гоголя // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. II. М.; Л., 1951. С. 94–138.
- Виноградов, 1976* — Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа; Рудый Панько и рассказчики из романов Вальтера Скотта // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 191–229; С. 255–260.
- Виноградов, 1982* — Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М., 1982.
- Виноградова, 1986* — Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88–135.

- Войтоловская, Степанов, 1962* — Войтоловская Э.Л., Степанов А.Н. Н.В.Гоголь. Семинарий. Л., 1962.
- Вольф, 1877–1884, ч. 1–3* — Вольф А.И. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Ч. 1–3. СПб., 1877–1884.
- Воропаев, Виноградов, 1992* — Воропаев В., Виноградов И. «Лестница, возводящая на небо». Неизвестный автограф Н.В.Гоголя // Литературная учеба. 1992. № 1–3. С. 172–174.
- Ганич, 1982* — Ганич О.Ф. Гоголевские традиции в творчестве А.Е.Тесленко // Тезисы докладов I Гоголевских чтений. Полтава, 1982. С. 70–71.
- Гацук, 1975* — Гацук В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские связи. М., 1975
- Герцен, т. I–XXX* — Герцен А.И. Собрание сочинений. В тридцати томах. Т. I–XXX. М., 1954–1966.
- Гиллельсон, 1963* — Гиллельсон М. Н.В.Гоголь в дневниках А.И. Тургенева // РЛ. 1963. № 2. С. 138–143.
- Гиллельсон, Мануйлов, Степанов, 1961* — Гиллельсон М.И., Мануйлов В.А., Степанов А.Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961.
- Гимназия, 1859, 1881* — Гимназия Высших наук и Лицей князя Безбородко. Юбилейный сборник. СПб., 1859; 2-е изд., испр. и доп.: СПб., 1881.
- Гиппиус, 1924* — Гиппиус В.В. Гоголь. Л., 1924.
- Гиппиус, 1929* — Гиппиус Василь. Коваль Кузьма-Дем'ян у фольклорі // Етнографічний вісник. Кн. 8. Київ, 1929. С. 3–51.
- Гиппиус, 1941* — Гиппиус В.В. Заметки о Гоголе // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 76. Сер. филол. наук. Вып. 11. Л., 1941. С. 3–21.
- Гиппиус, 1948* — Гиппиус В.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Труды отдела новой русской литературы. Т. 1. М., Л., 1948. С. 9–38.
- Гиппиус, 1966* — Гиппиус В.В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 61–70.
- Гнатюк, 1902, вып. 1–2* — Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства імени Шевченка. Т. XII. Галицько-руські народні легенди. Зібрав Володимир Гнатюк. Вип. 1–2. Львів, 1902.
- Гнатюк, 1904* — Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства імени Шевченка. Т. XV. Знадоби до галицько-руської демонології. Зібрав Володимир Гнатюк. Вип. I. Львів, 1904.
- Гнатюк, 1912, вып. 1–2* — Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства імени Шевченка. Т. XXXIII–XXXIV. Знадоби до української демонології. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. 2. Вип. 1–2. Львів, 1912.

- Гнатюк, 1914* — Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства імени Шевченка. Т. XXXV. Колядки і щедрівки. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. 1. Львів, 1914.
- Гог. восп. совр., 1952* — Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952.
- Гог. и театр, 1952* — Гоголь и театр. Сборник к 100-летию со дня смерти. / Сост. и ком. М.Б.Загорского. Вступ. ст. Н.Л.Степанова. М., 1952.
- Гогол. сб., 1902* — Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-филологическом институте кн. Безбородко Гоголевской комиссией. Под ред. проф. М.Сперанского. Киев, 1902.
- Гоголь и лит. нар. СССР, 1984* — Гоголь и литература народов СССР. Библиографический указатель. Нежин, 1984.
- Гоголь и лит. нар. СССР, 1986* — Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереванский государственный университет. Институт мировой литературы им. А.М.Горького АН СССР. Ереван, 1986.
- Гоголь и Нежин, 1989* — Гоголь и Нежин: Нежинская гимназия высших наук князя Безбородко, начало творчества. Нежин, 1989.
- Гог. письм. и восп., 1931* — Н.В.Гоголь в письмах и воспоминаниях. / Сост. В.В.Гиппиус. М., 1931.
- Гозенпуд, 1952* — Гозенпуд А. Гоголь в музыке // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 891—924.
- Головацкий, 1878* — Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф.Головацким. Ч. 1. М., 1878.
- Гончаров, 1993* — Гончаров С.А. Сон-душа, любовь-семья, мужское-женское в раннем творчестве Гоголя // Гоголевский сборник. / Под ред. С.А.Гончарова. СПб., 1993. С. 4—41.
- Гончаров, 1997* — Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997.
- Гравович, 1994* — Гравович Г. Гоголь і міф України // Сучасність. 1994. № 9. С. 77—95. № 10. С. 137—150.
- Грамзина, 1969* — Грамзина Т.А. Исторические и социальные корни фантастики раннего Гоголя // Материалы XXIII научной конференции. Волгоградский педагогический институт им. А.С.Серафимовича. Волгоград, 1969. С. 248—251.
- Гринченко, 1895, 1897, 1899, вып. 1, 2, 3* — Гринченко Б.Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. 1—3. Чернигов, 1895, 1897, 1899.
- Гринченко, 1900* — Гринченко Б.Д. Из уст народа. Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов, 1901 (=Земский сборник Черниговской губернии. 1900. № 12. Отдельное приложение).
- Гринч./Слов., т. 1—4* — Словарь української мови. Словарь украинского языка. Собранный редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов Б.Д.Гринченко. Т. 1—4. Киев, 1907—1909.
- Гуковский, 1959* — Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959.

- Даль, т. I–IV* — Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Данилевский, 1975* — Данилевский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. Л. 1975. С. 68–113.
- Данилов, 1908* — Данилов В.В. К характеристике И.Г.Кулжинского и его литературной деятельности. Отд. оттиск из журнала «Украина». Киев, 1908.
- Данилов, 1909* — Данилов В.В. Влияние бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя. Одесса, 1909.
- Данилов, 1911* — Данилов В.В. К библиографии драматических переделок из Н.В.Гоголя // Русский филологический вестник. Варшава, 1911. № 2. С. 331–338.
- Данилов, 1915* — Данилов В.В. Мелочи литературного прошлого. Сюжет «Пропавшей грамоты» Гоголя во французской повести // Русский архив. 1915. № 2. С. 168–170.
- Данилов, 1936* — Данилов С.С. Гоголь в инсценировках // Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. / Под ред. В.В.Гиппиуса. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 423–471.
- Данилов, Гог.иТ., 1936* — Данилов С.С. Гоголь и театр. М.; Л., 1936.
- Дашкевич, 1893* — Дашкевич Н. Вопрос о литературном источнике украинской оперы И.П.Котляревского «Москаль-Чаривник». Приложение. Сказка о приключении любовника, посещавшего неверную жену. Записана в Житомирском уезде // Киевская старина. 1893. Т. XLIII. № 12. С. 451–482.
- Дашкевич, 1914* — Дашкевич Н.П. Статьи по новой русской литературе. Пгр., 1914.
- Дмитриева, 1992* — Дмитриева Е.Е. Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. № 3. С. 18–27.
- Дмитриева, 1994* — Дмитриева Е.Е. Гоголь и Украина (к проблеме взаимосвязи русской и украинской культур // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. № 3. С. 13–25.
- Добровольский, 1891* — Смоленский этнографический сборник. Составил В.Н.Добровольский. Ч. 1. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XX. СПб., 1891.
- Доленга-Ходаковський, 1974* — Українські народні пісні в записях Зоріана Доленги-Ходаковського (з Галичини, Волині, Поділля, Придніпрянщини і Полісся). Київ, 1974.
- Достоевский, т. I–XXX* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. Т. I–XXX. Л., 1972–1990.

- Драгоманов, 1876* — Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. Издание Юго-Западного Отдела Императорского Русского Географического Общества. Киев, 1876.
- Древняя одежда, 1986* — Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. / Отв. ред. М.Г.Рабинович. М., 1986
- Душечкина, 1988* — Душечкина Е.В. «Ночь перед Рождеством» и традиция русского святочного рассказа // Наследие Н.В.Гоголя и современность. Часть первая. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (24–26 мая 1988). Нежин, 1988. С. 21–22.
- Дьяконова, 1989* — Дьяконова Е.М. Узнавание и неизвестность. О судьбе Н.В.Гоголя в Японии // 100 лет русской культуры в Японии. М., 1989. С. 113–135.
- Еремина, 1976* — Еремина В.И. Н.В.Гоголь // Русская литература и фольклор (Первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 249–291.
- Ермаков, 1923* — Ермаков И. Очерки по анализу творчества Н.В.Гоголя. Пг., 1923.
- Ермаков, 1999* — Ермаков И.Д. Психоанализ литературы: Пушкин, Гоголь, Достоевский. М., 1999.
- Есенин, т. 1–7* — Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7 томах. Т. 1–7. М., 1995–1999.
- Ефименко, 1902* — Ефименко А.Я. Национальная двойственность в творчестве Гоголя // Вестник Европы. 1902. Т. IV. С. 229–245.
- Жаркевич, 1988* — Жаркевич Н.М. Нежинский период жизни Н.В.Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов (к постановке проблемы) // Наследие Н.В.Гоголя и современность. Часть первая. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (24–26 мая 1988). Нежин, 1988. С. 7–8.
- Жаркевич, 1990* — Жаркевич Н.М. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя в литературно-критической интерпретации 50–70-х годов // Література та культура Полісся. Вип. I. Ніжинська вища школа (1820–1990). Ніжин, 1990. С. 113–114.
- Жданов, 1904* — Жданов И.Н. История русской литературы. Н.В.Гоголь. СПб., 1904.
- Забылин, 1989* — Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1989.
- Звоняцковский, 1987* — Звоняцковский В.Я. Элементы исторического и фольклорного хронотопа в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» Н.В.Гоголя // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1987. С. 67–68.

- Звиняцковский, 1990* — Звиняцковский В.Я. «Пасичник Рудый Панько» // Русская речь. 1990. № 1. С. 133–139.
- Звиняцковский, 1994* — Звиняцковский В.Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души. Киев, 1994.
- Зейдель-Дреффке, 1992* — Зейдель-Дреффке Б. Гоголеведение и психоанализ. История и современность // Русская литература. 1992. № 3. С. 122–129.
- Зеленин, 1991* — Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. / Под ред. К.В.Чистова. Пер. с нем. К.Д.Цивинной. М., 1991.
- Зеленин, 1995* — Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.
- Зеньковский, 1994* — Зеньковский В. Н.В.Гоголь // Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н.В.Гоголь. СПб., 1994.
- Зиновьев, 1987* — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. / Сост. В.П.Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- Зограф, 1960* — Зограф Н.Г. Малый театр II половины XIX в. М., 1960.
- Зограф, 1966* — Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX— начале XX в. М., 1966.
- Золотусский, 1979* — Золотусский И. Гоголь. М., 1979.
- Иванов, 1890* — <Иванов П.> П.И. Народные рассказы о кладах // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Вып. 4. Отд. 2. Харьков, 1890. С. 1–48.
- Иванов, 1891* — Иванов П.В. Народные рассказы о ведьмах и упырях (материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // Сборник Харьковского Историко-филологического общества, состоящего при Имп. Харьковском университете. Т. III. Харьков. 1891. С. 156–228; перепеч.: Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 430–497.
- Иванов, 1893* — Иванов П.В. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Сборник Харьковского Историко-филологического общества, состоящего при Имп. Харьковском университете. Т. V. Харьков, 1893. С. 23–74.
- Израилевич, 1939* — Израилевич Л. К вопросу о влиянии Гофмана на Гоголя // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филол. наук. № 33. Вып. 2. Л., 1939. С. 148–154.
- Иофанов, 1951* — Иофанов Д.М. Н.В.Гоголь: Детские и юношеские годы. Киев., 1951.
- ИРДТ, т. I–VII* — История русского драматического театра. Т. I–VII. М., 1977–1987.
- История Русов, 1846, № 1–4* — История Русов. Сочинение Преосвященного Георгия Конисского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.,

1846. № 1—4. Отд. 2. С. 1—266; перепеч.: Українська література XVIII ст. Київ, 1983.

- Кадлубовский, 1911* — Кадлубовский А. Гоголь в его отношениях к старинной малорусской литературе. Нежин, 1911.
- Казарин, 1986* — Казарин В.П. Повесть Н.В.Гоголя «Тарас Бульба». Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986.
- Каллаш, 1902* — Каллаш В.В. Мелкие заметки о Гоголе // Литературный вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 3—11.
- Каманин, 1911* — Каманин И.М. Несколько слов об исторической драме Н.В.Гоголя // Памяти Н.В.Гоголя. Сборник речей и статей, изданный Императорским университетом Св.Владимира. Киев, 1911. С. 91—98.
- Карамзин, кн. 1—3* — Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1—3. Калуга, 1993.
- Карташова, 1975* — Карташова И.В. Гоголь и романтизм. Спецкурс. Калинин, 1975.
- Катранов, 1909—1910* — Катранов В. Гоголь и его украинские повести // Филологические записки. 1909. Вып. V. С. 1—33; Вып. VI. С. 33—56; 1910. Вып. I. С. 20—40.
- Кирсанова, 1995* — Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX вв. М., 1995.
- Клепиков, 1959* — Клепиков С.А. Филигранные и штамповые надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.
- Комаров, 1906* — Українська драматургія. Збірка бібліографічних знадобів до історії української драми і театру українського (1815—1906 р.). / Зібрав і впорядкував М.Комаров. Одеса, 1906.
- Комаров, 1939* — Комаров А.И. Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филол. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 125—158.
- Кор., т. I—V* — Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. / Под редакцией Н.И.Коробки. Текст заново сверен с рукописями и изданиями, вышедшими при жизни автора. Т. I—V. СПб., 1912.
- Короленко, т. I—X* — Короленко В.Г. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. I—X. М., 1953—1956.
- Котляревский, 1808* — Енеида, на Малороссійській язык переліцованная И.Котляревским. Ч. 1—3. Изд. второе. СПб., 1808.
- Котляревский, 1903* — Котляревский Н. Николай Васильевич Гоголь. Очерк из истории русской повести и драмы. СПб., 1903.
- Котляревский, 1910* — Котляревский Н. Гоголь и его украинские повести // Филологические записки. 1910. № 1. С. 21—27.
- Кошелев, 1988* — Кошелев В.А. Мотив «странствия» в юношеской поэме Н.В.Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Наследие Н.В.Гоголя и современность. Ч. 1. Нежин, 1988. С. 14—15.

- Кривонос, 1990* — Кривонос В.Ш. Герой и авторская оценка героя в прозе Гоголя (от «Вечеров» к «Миргороду») // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1990. С. 81–83.
- Крутикова, 1992* — Крутикова Н.Е. Н.В.Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992.
- Кулжинский, 1827* — Малороссийская деревня. Историко-этнографический очерк. Соч. И.Кулжинского. М., 1827.
- Кулиш, 1852* — <Кулиш П.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные записки. 1852. № 4. Отд. VIII. С. 189–201.
- Кулиш, 1854* — <Кулиш П.> Опыт биографии Н.В.Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая М*. СПб., 1854.
- Кулиш, 1856, т. 1–2* — <Кулиш П.> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Т. 1–2. СПб., 1856.
- Кулиш, Зап.Юж.Рус., 1856* — Кулиш П.А. Записки о Южной Руси. Изд. П.Кулиш. Т. I–II. СПб., 1856.
- Кулиш/Основа, 1861, №№ 4, 5, 9, 11, 12* — Кулиш П. Гоголь как автор повестей из украинской жизни // Основа. 1861. № 4. С. 67–90; № 5. С. 1–33; № 9. С. 56–68; № 11–12. С. 1–11.
- Кулиш, 1862* — Кулиш П. А. Несколько предварительных слов <Предисловие к комедии В.А.Гоголя «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом»> // Основа. 1862. № 2. Отд. VI. С. 19–23.
- Кульман, 1908* — Кульман Н.К. «Ганц Кюхельгартен» Гоголя и «Луиза» Фосса // Известия ОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 4. С. 252–263.
- Куц, 1963* — Куц О.П. Російська література в українських перекладах і критиці. Бібліографічний покажчик. Вип. 1. Галичина і Буковина (XIX ст. — 1939 р.). Київ, 1963.
- Лесогор, 1988* — Лесогор Н.В. Традиции лубочного театра в творчестве Н.В.Гоголя (к постановке проблемы) // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово, 1988. С. 97–107.
- Лесюв, 1984* — Лесюв М. Антропонимия в украинских повестях Н.В.Гоголя // Gogol a naše doba: vida de universita polockeho v Olomouci. Olomouc, 1984. С. 114–128.
- Лотман, 1970* — Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. XV. Литературоведение. Тарту, 1970. С. 17–45.
- Лотман, 1988* — Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 231–293.

- Максимов, 1903* — Максимов С.В. Нечистая сила. Т. 1. Нечистая, неведомая сила. Т. 2. Крестная сила. М., 1903; переизд.: М., 1991, 1993.
- Максимович, 1827* — Максимович М. Малороссийские песни. М., 1827.
- Максимович/День, 1861–1862, № 3–13* — Максимович М. Оборона украинских повестей Гоголя // День. 1861. №№ 3, 5, 7, 9; 1862. № 13.
- Максимович, Щекатов, 1801, 1804, 1805, 1807, 1808–1809, ч. 1–7* — Максимович Л.М., Щекатов А. Географический словарь Российского государства. Ч. 1–7. М., 1801–1809.
- Малинка, 1902* — Сборник материалов по малорусскому фольклору (Черниговской, Волынской, Полтавской и некоторых других губерний), собрал Ал.Н.Малинка. Чернигов, 1902 (=Приложение к № 1 Земского Сборника Черниговской губернии, 1902).
- Мандельштам, 1902* — Мандельштам И.Е. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс, 1902.
- Манн, 1976* — Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.
- Манн, 1978, 1988* — Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М., 1978; 2-е изд., доп.: М., 1988.
- Манн, 1994* — Манн Ю.В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В.Гоголя. 1809–1835. М., 1994.
- Манн, 1995* — Манн Ю.В. Динамика русского романтизма: Пособие для учителей литературы, студентов-филологов и преподавателей гуманитарных вузов. М., 1995.
- Маркевич, 1860* — Маркевич Н.А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян: Извлечения из нынешнего народного быта. Киев, 1860; перепеч.: Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 52–169.
- Маркевич, 1898* — Маркевич А.И. Заметка о псевдониме Н.В.Гоголя «Рудый Панько» // Известия ОРЯС. 1898. Т. 3. Кн. 4. С. 1269–1272.
- Марков, 1913* — Марков О.О. Н.В.Гоголь в галицко-русской литературе // Известия ОРЯС. 1913. Т. 18. № 2. С. 37–78.
- Маркович, 1798* — Маркович Я.М. Записки о Малороссии, ее жителей и произведениях. Ч. I. СПб., 1798.
- Марковський, 1929* — Марковський Е. Український вертеп. Розвідки і тексти. Вип. I. Київ, 1929.
- Мат. и иссл., 1936, т. 1–2* — Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. / Под ред. В.В.Гиппиуса. Т. 1–2. М.; Л., 1936.
- Мат. и иссл., 1995* — Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995.
- Машинский, 1959* — Машинский С. Гоголь и «дело о вольнодумстве». М., 1959.
- Машинский, 1979* — Машинский С. Художественный мир Гоголя. М., 1979.

- Маяковский, т. I—XIII* — Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений. В тринадцати томах. Т. I—XIII. М., 1955—1961.
- Мережковский, 1906* — Мережковский Д.С. Гоголь и черт. Исследование. М., 1906.
- Миллер, 2000* — Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
- Милорадович, 1897* — Милорадович В. Этнографический элемент в повести Гоголя «Заколдованное место» // Киевская старина. 1897. № 9. Отд. II. С. 55—60.
- Милорадович, 1899* — Милорадович В.П. Заметки о малорусской демонологии // Киевская старина. 1899. № 8. С. 196—209; № 9. С. 379—400; перепеч.: Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 407—428.
- Милорадович, 1901* — Милорадович В. Украинская ведьма. Очерк // Киевская старина. 1901. № 2. С. 217—233.
- Мильдон, 1986* — Мильдон В.И. Натюрморт в поэтике Гоголя // Вещь в искусстве. ГМИИ им. А.С.Пушкина. Материалы научной конференции. 1984. Вып. XVII. М., 1986. С. 210—225.
- Миф.нар.мир., т. 1—2* — Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. Т. 1—2. М., 1980—1982.
- Михайлов, 1985* — Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе // Гоголь: история и современность. М., 1985.
- Михед, 1982* — Михед П.В. Н.В.Гоголь и украинская культура народного барокко // Тезисы докладов I Гоголевских чтений. Полтава, 1982. С. 85—87.
- Михед, 1988* — Михед П.В. О нежинской литературной школе // Наследие Н.В.Гоголя и современность. Часть первая. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (24—26 мая 1988). Нежин, 1988. С. 11—12.
- Морозов, 1979* — Морозов А.А. Извечная константа или исторический стиль? // Русская литература. 1979. № 3. С. 81—89.
- Морозова, 1988* — Морозова Т.А. Гоголь и литература США // Гоголь и мировая литература. М., 1988. С. 157—187.
- Морозова, 1993* — Морозова Н.П. Гоголь и Екатерина II (К вопросу о сюжете повести «Ночь перед Рождеством») // Традиции в контексте русской культуры. Сборник статей и материалов. Часть 1. Череповец, 1993. С. 121—125.
- Морозова, 1995* — Морозова Н.П. Н.В.Гоголь и Д.И.Фонвизин (к вопросу о сюжете повести «Ночь перед Рождеством») // Традиции в контексте русской литературы. Сборник статей и материалов. Череповец, 1995. С. 22—26.
- Мочульский, 1934* — Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Paris, 1934.

- Мусий, 1989* — Мусий В.Б. Мифологические персонажи в повестях О.Сомова и украинский фольклор // Вопросы литературы народов СССР. Вып. 15. Киев; Одесса, 1989. С. 101–110.
- Набоков, 1996* — Набоков В.В. Николай Гоголь (1809–1852) // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1998. С. 31–144.
- Надеждин, 1972* — Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972.
- Натова, 1984* — Натова Н. Михаил Булгаков и Гоголь. Опыт сопоставительного анализа // Записки русской академической группы в США. Т. 17. Transactions of the Association of Russian American scholars in the USA. Vol. XVII. New York, 1984.
- Невірова, 1909* — Невірова К. Мотиви української демонології в «Вечерах» та «Миргороді» Гоголя // Записки Українського наукового товариства в Києві. Кн. V. Київ. 1909. С. 27–60.
- Немзер, 1979* — Немзер А.С. Трансформация волшебной сказки в «Ночи перед Рождеством» Н.В.Гоголя // Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979. С. 30–37.
- Немзер, 1985, т. 1–2* — Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Т. 1–2. Т. 1. Сказки Рудого Панька. / Вступ. ст. А.Немзера. Т. 2. Становление Гоголя. / Вступ. статья А.Немзера. М., 1985.
- Николаев, 1984* — Николаев Д.П. Пасичник Рудый Панько и вопрос о социальных истоках сатиры Гоголя // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1984. № 3. С. 3–9.
- Николаев, 1989* — Николаев О.Р. У истоков гоголевского художественного мира (Поэма «Ганц Кюхельгартен») // Н.В.Гоголь и русская литература XIX века. Л., 1989. С. 3–22.
- Николаев/дс, 1989* — Николаев О.Р. Проблемы историзма в творчестве Н.В.Гоголя 1820–1830-х гг. Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1989.
- Новикова, Шама, 1996* — Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя и их английских переводов). Запорожье, 1996.
- Оболенская, 1991* — Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991: Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991. С. 160–185.
- Образцова, 1995* — Образцова В.В. Выражение временных отношений в повести Н.В.Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Вестник С-Петербургского ун-та. Серия 2. Вып. 3. История, языкознание, литературоведение. СПб., 1995. С. 51–58.

Овсянико-Куликовский, 1909 — Овсянико-Куликовский Д.Н. Гоголь в его произведениях. К 100-летию рождения великого писателя. 1809—1909. М., 1909.

Овсянико-Куликовский, т. 1–2 — Овсянико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы. В двух томах. Т. 1–2. М., 1989.

Ончуков, 1909 — Ончуков Н.Е. Северные сказки. СПб., 1909.

Описание Гос. биб. Укр. — Описание автографов Н.В.Гоголя. / Составил И.В.Шубинский. Отв. ред. С.И.Петров. АН УССР. Гос. публ. б-ка УССР. Отд. рукописей. Киев, 1952.

Описание ИРЛИ 1 — Городецкий Б.П. Описание автографов Н.В.Гоголя в собрании Института литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. I. / Под ред. С.Д.Балухатого, Н.К.Пиксанова и О.В. Цехновицера. М.; Л., 1938. С. 432–474.

Описание ИРЛИ 2 — Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. I. Н.В.Гоголь. М.; Л., 1951.

Описание РГАЛИ — Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). Опись документальных материалов личного фонда № 139. / Под ред. Н.И.Прокофьева. М., 1951 (Центр. гос. лит. архив СССР).

Описание РГБ 1 — Георгиевский Г., Ромодановская А. Рукописи Н.В.Гоголя. Каталог (Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина). М., 1940.

Описание РГБ 2 — Иванова Л.М. Фонд Н.В.Гоголя (Дополнение к печатному каталогу «Рукописи Гоголя». М., 1940) // Записки Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И.Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 37–46.

Павловский, 1818 — Грамматика малороссийского наречия А.Павловского. СПб., 1818.

Пам. Жуков. и Гог., 1908, 1909 — Памяти В.А.Жуковского и Н.В.Гоголя. Вып. 2. СПб., 1908; Вып. 3. СПб., 1909.

Памятники, 1860, вып. 1–2 — Памятники старинной русской литературы, изд. графом Григорием Кушелевым-Безбородко под редакцией Н.Костомарова. Вып. 1–2. СПб., 1860.

Паперный, 1982 — Паперный В. Андрей Белый и Гоголь: Статья первая // Единство и изменчивость историко-литературного процесса: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982 (Учен. зап. Тартуского ун-та; вып. 604). С. 112–126.

Паперный, 1983 — Паперный В. Андрей Белый и Гоголь: Статья вторая // Типология литературных взаимодействий: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1983 (Учен. зап. Тартуского ун-та; вып. 620). Тарту, 1983. С. 85–98.

Переверзев, 1914, 1989 — Переверзев В.Ф. Творчество Гоголя. СПб., 1914; переизд.: Переверзев В.Ф. У истоков русского реализма. М., 1989. С. 279–454.

- Переписка, 1988, т. 1–2* — Переписка Н.В.Гоголя. В двух томах. Т. 1–2. М., 1988.
- Перетц, 1895* — Перетц В.Н. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк. СПб., 1895; репр. изд.: М., 1991.
- Перетц, 1902* — Перетц В.Н. Гоголь и малорусская литературная традиция // Н.В.Гоголь. Речи, посвященные его памяти. СПб., 1902. С. 47–55.
- Петров, 1884* — Петров Н.И. Очерки из истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884.
- Петров, Пам.Г., 1902* — Петров Н.И. Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Н.В.Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца. Под ред. Н.П.Дашкевича. Киев, 1902. С. 53–74.
- Петров, Тр.К.А., 1902* — Н.И.Петров. Следы литературных влияний в произведениях Н.В.Гоголя // Труды Киевской духовной академии. 1902. Кн. 4. С. 561–575.
- Пиксанов, 1933* — Пиксанов Н.К. Украинские повести Гоголя // Пиксанов Н. О классиках. М., 1933. С. 43–148.
- Пинскер, 1965* — Пинскер А. Экранизация повестей Н.В.Гоголя // Литература и кино: Сб. статей (в помощь учителю). / Под ред. Н.С.Горницкой. М.; Л., 1965. С. 35–54.
- Полищук, 1952* — Полищук Ф. Гоголь и украинская народная песня // Советская Украина. 1952. № 2. С. 99–107.
- Померанцева, 1975* — Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Пономарев, 1884* — Пономарев С. Нежинский журнал Н.В.Гоголя // Киевская старина. 1884. № 5. С. 143–146.
- Понырко, 1977* — Понырко Н.В. Русские святки XVII века // Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII веков. Л., 1977. С. 84–99.
- Порфирьев, 1872* — Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. Исследование И.Порфирьева. Казань, 1872.
- Порфирьев, 1890* — Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890.
- Пропп, 1976* — Пропп В.Я. Трансформации волшебных сказок // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 153–173.
- Пропп, 1998* — Пропп В.Я. Морфология. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
- Пумпянский, 1986* — Пумпянский Л.В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Методические разработки. / Сост. В.Н.Невердинова. Таллин, 1986. С. 100–110.

Пушкин, т. 1–16 — Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1–16. М.; Л., 1937–1949.

Радковская, 1988 — Радковская Э.В. Антропонимическое поле ранних повестей Н.В.Гоголя (на материале сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 129–133.

Радковская, 1989 — Радковская Э.В. Украинские мотивы поэтической антропологии ранних повестей Н.В.Гоголя // Вопросы литературы народов СССР. Вып. 15. Киев; Одесса, 1989. С. 169–177.

Ремизов, 1989 — Ремизов А. Огонь вещей. Сны и предсонье // Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С. 35–230.

Ровинский, 1881, т. 1–5 — Ровинский Д.А. Русские народные картинки. В 5 томах. Т. 1–5. СПб., 1881.

Розанов, 1909 — Розанов В. Магическая страница у Гоголя // Весы. 1909. № 8. С. 25–44; № 9. С. 44–67.

Роздольський, 1900 — Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства імені Шевченка. Т. VIII. Галицькі народні новели. Зібрав Осип Роздольський. Львів, 1900.

Розов, 1911 — Розов В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н.В.Гоголя // Памяти Н.В.Гоголя. Сборник речей и статей, изданный Императорским университетом Св. Владимира. Киев, 1911. С. 99–169.

Романець, 1968 — Романець О. Шевченків «Іван Підкова» у літературній традиції (на матеріалі українського і румунського письменства) // Збірник праць XV наукової Шевченківської конференції. Київ, 1968. С. 223–235.

Романов, 1885, вып. 1–3 — Романов Е. Белорусский сборник. Т. I. Губерния Могилевская. Вып. 1–2. Песни, пословицы. Вып.3. Сказки. Витебск, 1885.

Рудченко, 1869, вып. I; 1870, вып. II — Народные южно-русские сказки. Издал И.Рудченко. Вып. I–II. Киев, 1869, 1870.

Рус. лит. в сов. муз. — Русская литература в советской музыке: Справочник. / Сост. Н.И.Григоревич, С.И.Шлифштейн. Вып. 1. М., 1975.

Савицкий, 1954 — Савицкий В.Д. Творчество Гоголя в Чехословакии // Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954. С. 297–314.

Сакович, 1995 — Сакович А.Г. Сюжеты и образы русской народной картинки в творчестве Н.В.Гоголя // Гравюра в системе искусств. Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Русском музее в 1988 году. СПб., 1995. С. 62–67.

Салтыков-Щедрин, т. I–XX — Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 20-ти томах. Т. I–XX. М., 1965–1977.

- Самышкина, 1979* — Самышкина А.В. К проблеме гоголевского фольклоризма (два типа сказа и литературная полемика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») // *Русская литература*. 1979. № 3. С. 61—80.
- Сахаров, 1841, 1849, 1997* — Сахаров И.П. Сказания русского народа. Т. 1—2. СПб., 1841, 1849; переизд.: Сахаров И.П. Сказания русского народа. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки и притчи, народный дневник, праздники и обычаи. М., 1997.
- Сенько, 1990* — Сенько И.М. Функции собственных имен в исторических повестях Гоголя // *Література та культура Полісся*. Вип. I. Ніжинська вища школа (1820—1990). Ніжин, 1990. С. 118—120.
- Сенько 1994* — Сенько И.М. Художественное время и пространство украинских повестей Н.В.Гоголя // *Микола Гоголь і світова культура (Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника)*. Київ; Ніжин, 1994. С. 46—48.
- Синявский, 1975* — Абрам Терц (А.Синявский). В тени Гоголя. Лондон, 1975.
- Сказки Ек./Харьк. губ., 1890* — Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях И.И.Манжурыю // *Сборник Харьковского Историко-филологического общества, состоящего при Имп. Харьковском университете*. Т. II. Вып. 1—3. Харьков. 1890. С. 1—194.
- Сковорода, т. 1—2* — Сковорода Г. Сочинения. В двух томах. Т. 1—2. М., 1973.
- Скуратовский, 1997* — Скуратовский В. На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя) // *Гоголезнавчі студії*. Вип. другий / *Гоголеведческие студии*. Вып. второй. Ніжин, 1997. С. 64—102.
- Славянская мифология, 1995* — *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Москва, 1995.
- Славянские древности, т. 1, 2* — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И.Толстого*. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.
- Слюсар, 1986* — Слюсар А.О. Фантастична повість в українській літературі 30-х років XIX ст. // *Розвиток жанрів в українській літературі XIX — початку XX ст.* Київ, 1986. С. 67—89.
- Слюсарь, 1982* — Слюсарь А.А. О сюжетных мотивах в «Повестях Белкина» А.С.Пушкина и «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя // *Вопросы русской литературы*. Львов. 1982. № 2 (вып. 40). С. 93—101.
- Смирнов, 1979* — Смирнов И.П. Формирование и трансформирование смысла в ранних текстах Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки») // *Russian Literature*. 1979. Т. VII. P. 585—600.
- Соболев, 1999* — Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания). СПб., 1999.

- Совр. заруб. исслед.* — Современное зарубежное исследование творчества Н.В.Гоголя. / Ред. А.Н.Николюкин, Е.М.Дьяконова. М., 1989.
- Соколова, 1979* — Соколова В.К. Весенне-летняя календарная обрядность русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Сомов, 1991* — Сомов О. Купалов вечер. Избранные произведения. / Сост., пред. и примечания Э.В.Кирилюк. Киев, 1991.
- Софронова, 1981* — Софронова Л. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII вв.: Польша, Украина, Россия. М., 1981.
- Софронова, 1998* — Софронова Л.Н. Черты в украинской школьной драме «Слово о збуреню пекла» // Слово и культура. Памяти Н.И.Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 364—374.
- Сперанский, 1902* — Сперанский М. Гоголь в народной книжке и картинке // Гоголевский сборник. Киев, 1902. С. 151—184.
- Сперанский, 1906* — Сперанский Н. Ведьмы и ведовство. Очерк по истории церкви и школы в Западной Европе. М., 1906.
- Степанов, 1955* — Степанов А.Н. Архивные данные о поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Русская литература. Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова. № 200. Серия филол. наук. Вып. 25. Л., 1955. С. 231—232.
- Степанов, 1957* — Степанов А.Н. Гоголь в «Отечественных записках» (1830) // Труды отдела новой русской литературы. Т. I. Л., 1957. С. 46—79.
- Степанов, 1959* — Степанов Н.Л. Н.В.Гоголь. Творческий путь. М., 1959.
- Степанов, 1992* — Степанов В.Г. Издание произведений Н.В.Гоголя в Англии в XX веке. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1992.
- Сугай, 1999* — Сугай Л. Гоголь и символисты. Монография. М., 1999.
- Сумцов, б.г.* — Сумцов Н.Ф. Пожелания и проклятия (преимущественно малорусские). Отд. отд. Б.м., б.г.
- Сумцов, 1885* — Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.
- Сумцов, 1888* — Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен Н.Ф.Сумцова. Киев, 1888.
- Сумцов, 1890* — Сумцов Н. Культурные переживания. Исследование о южнорусском фольклоре с привлечением фольклорных материалов всех славянских, а также арийских народов. Киев, 1890.
- Супронюк, 1991* — Супронюк О.К. Литературная среда раннего Гоголя // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1991. № 1. С. 58—68.
- Супронюк, 1995* — Супронюк О.К. Новые материалы о Н.Я.Прокоповиче (к изучению литературного окружения молодого Гоголя) // Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995. С. 239—252.
- СУС* — Восточнославянская сказка. Сравнительный указатель сюжетов / Сост. Л.Г.Бараг, И.П.Березовский, К.П.Кабашников, Н.В.Новиков. Л., 1979.

- Тарасенков, 1952* — Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В.Гоголя. М., 1902; переизд.: Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 511–525.
- Тих., т. 1–7* — Сочинения Н.В.Гоголя. Издание десятое. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком. Т. 1–5. М., 1889; Т. 6. М.; СПб., 1896; Т. 7. СПб., 1896.
- Толстой, т. 1–90* — Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Юб. издание. 1828–1928. Т. 1–90. М., 1928–1958.
- Турбин, 1978* — Турбин В. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М., 1978.
- Тургенев, т. I–XXVIII* — Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 томах. Т. I–XXVIII. М.; Л., 1960–1968.
- Тюменева, 1966* — Тюменева Р.А. Гоголь и музыка. М., 1966.
- Українці, 1991* — Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.
- Укр. літ. XVIII* — Українська література XVIII ст. Київ, 1983.
- Успенский, 1996* — Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.
- Фангер, 1990* — Фангер Д. Еще раз на тему: Гоголь-Пушкин // *Res philologica*. Филологические исследования. Памяти Г.В.Степанова. М.; Л., 1990. С. 442–446.
- Федоров, 1874* — Федоров Е.Я. Каталог антикварной библиотеки, приобретенной после бывшего министра Д.П.Трощинского. Киев, 1874.
- Фирсанова, 1962* — Фирсанова В.Г. Инсценировки гоголевских повестей на Украине («Рідзвяна ніч» М.П. Старицкого) // Ученые записки Черновицкого гос. университета. Т. 56. Сер. филол. наук. Вып. 17. Черновцы, 1962.
- Фомичев, 1984* — Фомичев С.А. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» // Тезисы докладов Вторых гоголевских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения писателя. Полтава, 1984. С. 20–21.
- Фомичев, 1987* — Фомичев С.А. Пушкин и Гоголь: К вопросу о соотношении их творческих методов // *Zeitschrift für Slawistik*. 1987. Bd. 32. Hf. 1. S. 78–85.
- Фомичев, 1993* — Фомичев С.А. Повесть «Страшная месть» в контексте творческой эволюции Гоголя // Традиции в контексте русской культуры. Сборник статей и материалов. Ч. 1. Череповец, 1993. С. 88–92.
- Фрейдберг, 1936* — Фрейдберг О. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936; переизд.: М., 1997.
- Фридлендер, 1954* — Фридлендер Г.М. Из истории раннего творчества Гоголя // Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954. С. 124–136.

- Ходанен, 1993 — Ходанен Л.А. Фольклорные и мифологические образы в поэзии Лермонтова. Кемерово, 1993.
- Храпченко, 1936 — Храпченко М.Б. Н.В.Гоголь. М., 1936.
- ХЭ, т. 1–3 — Гоголь Н.В. Сочинения. В 3 томах. / Под ред. К.И.Халабаева и Б.М.Эйхенбаума. Т. 1–3. М.; Л., 1928.
- Царынный, 1832 — Царынный Андрей. Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудага Панька, изданных им в книжке под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки», и рецензий на оныя // Сын Отечества и Северный Архив. 1832. № 1–5. С. 41–49, 101–115, 159–164, 223–242, 288–312.
- Цертелев, 1819 — Цертелев Н.А. Опыт собрания старинных малороссийских песен. СПб., 1819.
- Чернышевский, т. 1–16 — Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 томах. Т. 16 — дополнительный. М., 1939–1953.
- Чехов, т. I–XVIII; Письма, т. I–XII — Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Т. I–XVIII. Письма в двенадцати томах. Т. I–XII. М., 1974–1980.
- Чешихин, 1906 — Чешихин В.С. История русской оперы. СПб., 1906.
- Чижевский, 1951 — Чижевский Д.И. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. Нью-Йорк. 1951. Т. 27. С. 126–158.
- Чижикова, 1988 — Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX вв.). М., 1988.
- Чичерин, 1980 — Чичерин А.В. Ранний Гоголь-романтик // Чичерин А.В. Ритм образа. Стилистические проблемы. М., 1980. С. 258–276.
- Чубинский, т. 1, вып. 1, 2; т. 2–6; т. 7, вып. 1, 2 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П.Чубинским. Изданные под наблюдением П.А.Гильтебрандта. Т. 1–7. СПб., 1872–1878. Т. 1. Вып. 1. 1872: Верования и суеверия; Т. 1. Вып. 2. 1877: Загадки и пословицы. Колдовство; Т. 2. 1878: Малорусские сказки; Т. 3. 1872: Народный дневник; Т. 4. 1877: Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны; Т. 5. 1874. Песни любовные, семейные, бытовые и шуточные; Т. 6. 1872: Народные юридические обычаи по решениям волостных судов; Т. 7. Вып. 1. 1872: Евреи. Поляки. Племена малорусского происхождения; Т. 7. Вып. 2. 1877: Малорусы (статистика, сельский быт, язык).
- Чудаков, 1906 — Чудаков Г.И. Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н.В.Гоголя // Университетские Известия. Киев, 1906. № 12. С. 1–37.
- Чудаков, 1908 — Чудаков Г.И. Отношение творчества Н.В.Гоголя к западно-европейским литературам. Киев, 1908.

- Чумак, 1983* — Чумак Т.М. Исторические реалии в повести Гоголя «Страшная месть» // Вопросы русской литературы. Республик. межвузовский научный сборник. Вып. 2 (42). Львов, 1983. С. 79–86.
- Чумак, 1986* — Чумак Т.М. Мотив побратимства в повести Н.В.Гоголя «Страшная месть» // Вопросы русской литературы. Республик. межвузовский научный сборник. Вып. 2 (50). Львов, 1987. С. 54–59.
- Чумак, 1990* — Чумак Т.М. Фольклорные истоки повести Н.В.Гоголя «Страшная месть» // Література та культура Полісся. Вип. I. Ніжинська вища школа (1820–1990). Ніжин, 1990. С. 120–122.
- Шама, 1995* — Шама И.Н. Астральная символика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (сопоставительный и переводоведческий анализ). Запорожье, 1995.
- Шамбинаго, 1911* — Шамбинаго С. Трилогия романтизма (Н.В.Гоголь). М., 1911.
- Шангин, 1934* — Шангин М.А. Демон-домовик // Советская этнография. 1934. № 4. С. 108–112.
- Шаровольский, 1902* — Шаровольский И. Юношеская идиллия Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца. Под ред. Н.П.Дашкевича. Киев, 1902. С. 13–52.
- Шведова, 1993* — Шведова С.О. Театральная поэтика барокко в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя // Гоголевский сборник. / Под ред. С.А.Гончарова. СПб., 1993. С. 4–41.
- Шевырев, 1835* — Шевырев С.П. Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.Гоголя. СПб., 1835. 2 части // Московский наблюдатель. 1835. Т. 1. С. 396–411.
- Шелухин, 1909* — Шелухин С.П. Гоголь и малорусское общество // Сборник, изданный императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н.В.Гоголя. Одесса, 1909. С. 59–98.
- Шенрок, 1887* — Шенрок В.И. Ученические годы Гоголя. М., 1887.
- Шенрок, т. 1–4* — Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 1–4. М., 1892–1897.
- Шлаин, 1973* — Шлаин М.И. Противоречия в посылках и выводах: Ученые ФРГ о творчестве Гоголя (против ревизионизма и буржуазных концепций) // Русская литература в оценке современной зарубежной критики. М., 1973. С. 57–84.
- Эварницкий, 1900* — Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. М., 1900.
- Янковский, 1963.* — Янковский М. Советский театр оперетты. Очерк истории. Л.; М., 1963.

- Янушкевич, 1971* — Янушкевич А.С. Особенности прозаического цикла 30-х годов и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя. Автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 1971.
- Янушкевич, 1975* — Янушкевич А.С. Особенности композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Мастерство писателя и проблема жанра. Томск, 1975. С. 100–109.
- Ястребцев, 1959, т. 1, 2* — Ястребцев В.В. Воспоминание о Н.А.Римском-Корсакове. Т. 1, 2. Л., 1959.
- Adams, 1931* — Adams V. Gogols Erstlingswerk «Hans Küchelgarten» im Lichte seines Natur- und Welterlebens // Zeitschrift für Slawische Philologie. Bd. 8. Leipzig, 1931. S. 323–368.
- Altshuller, 1989* — Altshuller M. The Walter Scott Motifs in Nikolay Gogol's Story *The Lost Letter* // Oxford Slavonic Papers. Vol. XXII. 1989.
- Amberg, 1986* — Amberg Lorenzo. Kirche, Liturgie und Frömmigkeit im Schaffen von N.V.Gogol'. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, 1986 (=Slavica Helvetica, Bd. 24).
- Braun, 1973* — Braun Maximilian. N.W.Gogol: Eine literarische Biographie. München, 1973.
- Brown, 1986* — Brown Edward. A History of Russian Literature of the Romantic period. Ardis, Ann Arbor, 1986.
- Chizhevsky, 1975* — Chizhevsky Dmitry. A History of Ukrainian Literature From the 11th to the End of the 19th Century. Littleton, 1975.
- Cox, 1980* — Cox Gary. Geographic, Sociological and Sexual Tensions in Gogol's Dikan'ka Stories // Slavic and East European Journal. 1980. № 24. P. 219–232.
- Culianu-Georgescu, 1984* — Culianu-Georgescu Carmen. Naissance du récit à Dikanka. Pour une nouvelle lecture de la prose fantastique de N.V.Gogol // Signs of friendship. To Honour A.G.F. van Holk, Slavist, Linguist, Semiotician. Amsterdam, 1984. P. 377–399.
- Dietsch, 1976* — Dietsch V. Der Anfang von «Sorocinskaya yarmarka» // Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen. Braunschweig, 1976. Bd. 213, 1.
- Dranach, 1984* — Dranach A. Metamorphosis as a stylistic device: surrealist schemata in Gogolian and Nabokovian textes // Language and style. 1984. V. 17. № 2. P. 139–149.
- Driessen, 1965* — Driessen F.C. Gogol as a Short-Story Writer: A study of His Technique of Composition. The Hague, 1965.
- Drubek-Meyer, 1992* — Drubek-Meyer N. Gogol's Psychologik in den «Vechera na chutore bliz Dikan'ki» // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 31. Wien, 1992. S. 61–99.

Drubek-Meyer, Meyer, 1997 — Drubek-Meyer Natascha, Meyer Holt. Gogol' medial: Skaz(ki) und Zapiski // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 39. Wien, 1997. S. 9–154.

Ehre, 1980 — Ehre Milton. Laughing through the Apocalypse: The Comic Structure of Gogol's Government Inspector // The Russian Review. 1980. V. 39. № 2. P. 137–149.

Emerson-Topornin, 1976 — Emerson-Topornin Alexis E. «Sinel'» — The Devil's Ovals — Motif of the Doubles // Forum at Iowa on Russian Literature. I. 1976. P. 34–56.

Erlich, 1969 — Erlich Victor. Gogol. New-Haven, 1969.

Fanger, 1979 — Fanger Donald. The Creation of Nicolai Gogol. Cambridge, 1979.

Gorlin, 1933 — Gorlin M. N.V.Gogol und E.Th.A.Hoffmann. Leipzig, 1933; перезд.: Nendeln, 1968.

Grabowich, 1975 — Grabowich Grigory. The History and Myth of the Cossack Ukraine in Polish and Russian Romantic Literature. Ph. D. diss.: Harvard University, 1975.

Grève de, 1983, t. 1–5 — Grève Claude de. Gogol en Russie et en France. Essai de réception comparée. Thèse pour le doctorat d'Etat. T. 1–5. Université de la Sorbonne nouvelle (Paris III), 1983.

Grève de, 1984 — Grève Claude de. Gogol en Russie et en France. Essai de réception comparée // Revue des études slaves. Paris, 1984. T. 56.

Holquist, 1967 — Holquist James. The Devil in Mufti: The Märchenwelt in Gogol's Short Stories // PMLA. 1967. T. 82. № 5. P. 352–362.

Karlinsky, 1976 — Karlinsky Simon. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Cambridge, 1976.

Keil, 1986 — Keil Rolf-Dietrich. Gogol' im Spiegel seiner Bibelzitate // Festschrift für Herbert Bräuer zum 65. Geburtstag. Köln, 1986. S. 193–220.

Keil, 1998 — Keil Rolf-Dietrich. Gogol's Deutsche — Folklore — Erfahrung — Fiktion // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Reihe B. Bd. 3. München, 1998. S. 411–433.

Kent, 1969 — Kent Leonard J. The Subconscious in Gogol' and Dostoevskij and its Antecedents. The Hague-Paris, 1969. P. 53–87.

Langer, 1992 — Langer Gudrun. Idylle als Euphemismus. Überlegungen zu Gogol's Erstlingswerk «Hans Küchelgarten» // Welt der Slawen. 1992. Jg. XXXVII. S. 260–281.

- Little, 1986* — Little T.E. Gogol and Romanticism // Problems of Russian Romanticism. Aldershot, England; Brookfield, USA, 1986. P. 96–126.
- Maguire, 1994* — Maguire Robert A. Exploring Gogol. Standford, California, 1994.
- McLean, 1958* — McLean Hugh. Gogol's Retreat from Love: Toward an Interpretation of Mirgorod // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists, Moscow, September 1958. The Hague, 1958. P. 225–245.
- Mersereau, 1983* — Mersereau J. Gogol's Evenings on a Farm near Dikanka // Mersereau J. Russian Romantic Fiction. Ann Arbor, Ardis, 1983.
- Obolensky, 1972* — Obolensky Alexander P. Food-Notes on Gogol. Winnipeg, 1972.
- Obolensky, 1984* — Obolensky Alexander P. Gogol and Hieronymos Bosch // Записки русской академической группы в США. Т. 17. Transactions of the Association of Russian American scholars in the USA. Vol. XVII. 1984. New York, 1984. P. 122–131.
- Passage, 1963* — Passage Charles. The Russian Hoffmanists. The Hague, 1963.
- Peace, 1981* — Peace Richard. The Enigma of Gogol. An examination of the Writings of N.V.Gogol and their Place in the Russian Literary Development. Cambridge, 1981.
- Perlina, 1988* — Perlina N. Travels in the Land of Cockaigne, the Sluggards' Land and Dikanka: Mythological Roots of Gogol's Carnival Poetics // The Supernatural in Slavic and Baltic Literature: Essays in Honour of Victor Terras. Slavica Publishes. Columbus, 1988.
- Proyart, 1973, 1977* — Proyart Jacqueline de. Le diable de Gogol' est-il romantique // Revue des études slaves. Т. 49. Paris, 1973. P. 323–334; Т. 50. Paris, 1977. P. 73–85.
- Rancour-Laferriere, 1982* — Rancour-Laferriere Daniel. All the World's a Vertep: The Personification/Depersonification Complex in Gogol's Sorocinskaja jarmarka // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. VI. № 3. P. 339–371.
- Rancour-Laferriere, 1989* — Rancour-Laferriere Daniel. Špon'ka's dream interpreted // Slavic and East European Journal. 1989. № 3. P. 359–372.
- Rowe, 1974* — Rowe William. Observations on Black Humor in Gogol' and Nabokov // Slavic and East European Journal. 1974. № 18. P. 392–399.
- Rowe, 1976* — Rowe William. Through Gogol's Looking Glass: Reverse Vision, False Focus and Precarious Logic. New York, 1976.

- Saunders, 1981* — Saunders D. Contemporary Critics of Gogol «Vetchera» and the Debate about Russian *Narodnost* (1831–1832) // Harvard Ukrainian studies. 1981. № 5. P. 66–82.
- Schreier, 1977* — Schreier Hildegrund. Gogol's religiöses Weltbild und sein literarisches Werk. Zur Antagonie zwischen Kunst und Tendenz. München, 1977.
- Seidel-Dreffke, 1992* — Seidel-Dreffke Birgit. Die Haupttendenzen der internationalen Gogol'forschung in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts (deutschsprachiges Gebiet, USA, Grossbritannien, Sowietunion). Frankfurt am Main, 1992.
- Setschkareff, 1953* — Setschkareff Vsevolod. N.V.Gogol. Leben und Schaffen. Berlin, 1953.
- Shapiro, 1993* — Shapiro Gavriel. Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage. The Pennsylvania State University Press, 1993.
- Stender-Petersen, 1920* — Stender-Petersen A. Der Ursprung des Gogolschen Teufels // Göteborgs Högskolas Arsskrift (Mineskrift). 1920. № 26. S. 72–87.
- Stender-Petersen, 1921* — Stender-Petersen A. Johann Heinrich Voss und der junge Gogol. // Edda. B. 15. Kristiania, 1921.
- Stender-Petersen, 1922* — Stender-Petersen A. Gogol und die deutsche Romantik // Euphorion. Zeitschrift für Literaturgeschichte. 1922. Bd. XXIV. H. 3. S. 628–653.
- Stilman, 1974* — Stilman Leon. Men, Women, and Matchmakers. Notes on a Recurrent Motif in Gogol // Gogol from the Twentieth Century. / Ed. R.Maguire. Princeton, New Jersey, 1974. P. 390–403.
- Tschizhevskij, 1964* — Tschizhevskij Dmitrij. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. Bd. I. (Die Romantik). München, 1964.
- Uchastkina, 1962* — A History of Russian Hand Paper Mills and their Watermarks. By Zoya Vasil'evna Uchastkina. Hilversum. Holland. MCLXII.
- Woodward, 1982* — Woodward James. The Symbolic Art of Gogol: Essays on His Short Fiction. Columbus, 1982.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарне А.А. — 845, 875
Абрамович С.Д. — 802, 875
Авах М. — 701
Авель, библ. — 801, 823
Агапкина Т.А. — 871
Адам, библ. — 516, 703, 784
Адамс В. — *см.* Adams V.
Аддисон Дж. — 599
Айзеншток И.Я. — 596, 751, 767,
792, 800, 812, 832, 844, 875
Акимова Н.Н. — 681, 683
Аксаков И.С. — 20, 647, 648
Аксаков К.С. — 20, 644, 836
Аксаков С.Т. — 20, 617, 639, 640, 643
Аксакова О.С. — 20
Аладьин Е.В. — 594
Александр I — 679
Александров В. (Крылов В.) — 741
Александровский Г.В. — 629, 630, 875
Алексеев А.Я. — 700, 742, 758, 778
Алексеев М.П. — 577, 834, 869, 870,
875
Алексей Михайлович, царь — 627, 876
Альтшуллер Марк — *см.* Altshuller M.
Амберг Л. — *см.* Amberg L.
Амфитеатров А.В. — 817
Андреев Н.П. — 752, 767, 770, 799,
875
Андрей Критский, св. — 799
Анисимо-Яновская М.Г. — 651
Анна Иоанновна, имп. — 726, 789
Анненкова Е.И. — 664, 673, 800, 875
Анненский И.Ф. — 654, 656, 774
Антонович В.Б. — 799, 800, 875
Апостол Д.П. — 804
Апулей — 782
Арандаренко Н.И. — 702
Аристофан — 50, 587
Арнольд Ю.К. — 721
Артемовский-Гулак П.П. — *см.* Гулак-
Артемовский П.П.
Артюх Л.Ф. — 707, 725, 728, 786,
819
Арутюнова Б. — 9
Архимович Л.Б. (Архімович) — 741,
742, 758, 777, 779, 875
Асафьев Б.В. — 779
Аспазия (Аспасия) — 36
Аттила — 257, 862
Афанасьев А.Н. — 690, 714, 735,
741, 752, 754, 761, 800, 831, 872,
875, 876
Афанасьев И. — 780
Афанасьев Н.Я. — 778
Ахматова А.А. — 815
Ашкаренко Г. — 778, 779
Базили К.М. — 575, 854, 856, 861
Байбурун А.К. — 755, 876
Байрон Дж.Н.Г. — 578, 581, 582,
594, 776, 801, 869
Байский П. — *см.* Сомов О.М.
Балакирев М.А. — 720
Балухатый С.Д. — 888
Бантыш-Каменский Д.Н. — 627, 635,
684, 709, 717, 722, 723, 725, 726,
745, 760, 772, 781, 782, 784,
786, 790, 802–804, 822, 827,
829, 836, 876
Барабаш И. — 804, 825

- Барабаш Ю.Я. — 627, 669, 876
 Бараг Л.Г. — 892
 Баратынский Е.А. — 641, 806, 876
 Бартенов П.И. — 857
 Батюшков К.Н. — 577
 Бахтин М.М. — 582, 663, 681, 697, 876
 Безбородко А.А. — 628, 674, 748, 863
 Безсомыкин И. (Бессомыкин И.) — 6, 7, 590, 677, 686, 710, 731, 751, 764, 766, 792, 832, 844
 Белая А.С. — 674
 Белинский А.А. — 780
 Белинский В.Г. — 6, 18, 617, 637, 641–645, 699, 718, 737, 738, 740, 774, 806–808, 836, 837, 876
 Белов В. — 696
 Белозерская Л.Е. — 659
 Белозерский В.М. — 648
 Белоусов А.Ф. — 810, 876
 Белый Андрей — 628, 654–656, 662, 668, 669, 692, 698, 699, 719, 774–776, 801, 806–808, 811–814, 837, 846, 876, 888
 Бем А.Л. — 812
 Беме Я. — 739
 Берг Н.В. — 14
 Бережная В. — 743
 Березовский И.П. — 892
 Бернандт Г.Б. — 700, 721, 758, 876
 Бернштейн С.Я. — 804
 Бессель В.В. — 700
 Бессонов Б.Л. — 9, 827
 Бестужев-Марлинский А.А. (Бестужев А.А.) — 578, 593, 631, 634, 636, 645, 665, 725, 798, 825, 826, 856, 876
 Бецкий И.Е. — 650
 Бибихин В.В. — 877
 Билевич М.В. — 860, 861
 Бицилли П.М. — 697
 Бланк К. — 846
 Блок А.А. — 657, 738, 806, 807, 813, 814, 877, 878
 Блок Л.Д. — 813
 Бобринецкий — 779
 Богатырев П.Г. — 709, 754, 831
 Богданович И.Ф. — 546, 850
 Бодлер Ш. — 656
 Бодянский О.М. — 617, 628
 Бойко И.Э. — 877
 Бокий И.С. — 678
 Боровиковский Л.Ш. — 769
 Бородин А.В. — 758
 Бородин А. (типограф) — 5, 590, 677, 686, 710, 731, 751, 758, 763, 766, 792, 832, 844
 Бороздин Н.К. — 864
 Бороздин Ф.К. — 864
 Босх И. — 698, 775
 Ботникова А.Б. — 630, 795, 796, 877
 Браневська Л. — 701
 Брейгель П. — 698
 Брикнер А.Г. — 787
 Бронницын Б. — 644
 Брумберг В.С. и Э.С. — 759, 780
 Брюсов В.Я. — 654, 655, 737, 806, 877
 Булашев Г.О. — 703, 707, 727–729, 746, 748, 752, 754, 760–762, 782, 786, 822–824, 879
 Булгаков М.А. — 659, 740, 758, 776, 815, 877, 888
 Булгарин Ф.В. — 599, 600, 603, 634, 635, 642, 646, 681, 683, 839, 868
 Бунин И.А. — 699, 814, 815, 877
 Бурмейстер В.П. — 779
 Буслаев Ф.И. — 783, 826
 Бутырский Н. — 590, 677, 686, 710, 731, 750, 763, 766, 791, 832, 844, 849
 Бюргер Г.А. — 696, 796
 Вагнер Р. — 784
 Вайскопф М. — 580, 586, 665, 699, 716, 720, 725, 757, 772, 775, 796–798, 805, 821, 829, 835, 877

- Вакенродер В.Г. — 769, 770
 Ванченко-Писанецкий К.И. (Ванченко К.И.) — 742, 779
 Варвара, св. — 136, 675, 759
 Варковицкий В.А. — 779
 Василевский Г. — 817
 Василек В. — 780
 Василий Великий — 717
 Васильев М.Т. — 743
 Васильчиков А.А. — 733
 Васильчикова А.И. — 733, 746
 Васильчиковы (А.И. и А.В.) — 606
 Вацуро В.Э. — 577, 578, 581, 602, 628
 Вейсгаупт А. — 805
 Велизарий (Велисарий) — 862, 863
 Величковский И. — 736
 Венгеров С.А. — 655
 Веневитинов Д.В. — 869, 870
 Вергилий М.П. (Виргилий) — 630, 684
 Верлен П. — 656
 Вернер Э. — 797
 Верстовский А.Н. — 592, 816
 Верховцев Л. — 816
 Вивчорук А. — 700
 Виельгорская А.М. (Вьельгорская А.М.) — 20
 Виже-Лебрен Э. — 789
 Виленский И.А. — 701
 Виль В. — 701
 Вильховский Б. — 651
 Винкельман И.И. — 50, 586, 587
 Виноградов В.В. — 585, 662, 670, 671, 681, 685, 787, 798, 868, 877
 Виноградов Г.С. — 714, 716, 733, 877
 Виноградов И.А. — 9, 736, 878
 Виноградова Л.Н. — 727, 735, 781, 822, 877
 Виролайнен М.Н. — 689, 755
 Вишневицкий В.Е. — 702, 744, 780
 Владимир Святославович, кн. — 722
 Владимир Александрович, вел. кн. — 778
 Владимиров П.В. — 630
 Власова М.А. — 9
 Вогюе Э.М. де — 651, 652
 Воейков А.Ф. — 600, 615, 632
 Войтоловская Э.Л. — 878
 Войцехович И. — 682
 Волконская Э.А. — 9
 Волобринский Л. — 780
 Волховский — 778
 Волощук Е. — 837
 Вольф А.И. — 878
 Воропаев В.А. — 9, 736, 772, 878
 Восканян В. — 780
 Воскресенский М. — 772
 Высоцкий Г.И. — 627, 853, 864, 865
 Вяземский П.А. — 577, 593, 611, 773
 Вятко — 259
 Гагарин Н. — 73, 766, 832
 Гаевский П.И. — 590, 600, 602, 710, 711
 Гайдабура В.М. — 701, 742
 Гайдамака Д.А. — 743
 Галич А.И. — 579
 Гальцева Р.А. — 877
 Галятовский — см. Иоанникий
 Ганич О.Ф. — 720, 878
 Гацак В.М. — 803, 878
 Гебель В. — 682
 Гегель Г.В.Ф. — 580, 581
 Генслер К.Ф. — 737
 Георгиевский Г.П. — 8, 686, 731, 734, 750
 Гербель Н.В. — 741, 859
 Гердер И.Г. — см. Herder J.G.
 Герлак В.К. — 743
 Гертман К. — 777, 778
 Герцен А.А. — 840
 Герцен А.И. — 646, 840, 847, 878
 Герцен Н.А. — 840
 Гете И.В. — 65, 577, 580, 581, 587, 716, 717, 753, 772, 868, 869
 Гецевич С.Ф. — 817
 Гизель И. — 722

- Гиллельсон М.И. — 571, 572, 878
 Гиляровский В.А. — 651
 Гимельфарб Г.М. — 877
 Гиппиус В.В. — 585, 592, 596, 631,
 652, 653, 664, 667, 670, 680,
 684, 690, 691, 692, 696, 697,
 716–718, 723, 733, 735, 737, 752,
 757, 769, 775, 787, 795, 809,
 837, 853, 854, 868, 869
 Глазунов А.К. — 700
 Глебов Л.И. — 741
 Глебов С.И. — 859
 Глинка Ф.Н. — 593
 Глишич М. — 840
 Глоба А.П. — 743
 Глумов А.Н. — 741
 Гнатюк В. — 693, 714, 753, 755, 782,
 786, 821, 824, 845, 878, 879
 Гнедич Н.И. — 579, 580, 831
 Гоголь М.И. — 572, 591, 592, 595,
 596, 598, 599, 600–605, 608,
 634, 678, 679, 691, 706, 708, 711,
 712, 734, 751, 767, 781–783, 842,
 848, 851, 852, 865, 866
 Гоголь-Яновский В.А. (Гоголь В.А.) —
 591–593, 607, 630, 678, 691,
 704, 706, 707, 737, 746, 770
 Гоголи-Яновские — 627, 678, 679,
 688, 691, 709, 734, 782, 835
 Гозенпуд А.А. — 700, 720, 741, 777,
 816, 879
 Гойя Ф.Х. — 656
 Голдсмит О. — 835
 Голенищев-Кутузов А.А. — 700
 Голованов Н.С. — 700
 Головацкий Я.Ф. — 713, 879
 Головин В.А. — 640
 Голубев С.Т. — 803
 Гомоляка В.Б. — 701
 Гонкур Э. де — *см.* Goncourt E.
 Гончаров А. — 685, 731, 750, 856, 859
 Гончаров С.А. — 665, 675, 720, 739,
 740, 746, 775, 839, 841, 844,
 879, 895
 Гораций — 692, 764
 Горбенко А. — 743
 Горленко В.П. — 717, 830, 835
 Городецкий Б.П. — 888
 Горохова Р.М. — 870
 Горький А.М. — 659, 740
 Готье В. — 6
 Гофман Э.Т.А. — 630, 667, 668,
 796–798, 835, 877, 882
 Грабович Г. — *см.* Grabowich G.
 Грабовский Л. — 721
 Грамзина Т.А. — 881
 Гребенка Е.П. — 812
 Грибовский А.М. — 772, 773
 Григорович Н.И. — 890
 Григорьев А.А. — 647, 648
 Грильпарцер Ф. — 797
 Гримм Я. — 626
 Гринченко Б.Д. — 683–685, 689,
 690, 703, 706, 723–726, 729,
 730, 735, 747–749, 753, 755,
 760, 762, 764, 770, 783, 790,
 818, 831, 840, 842, 845, 848, 879
 Гриц Т.С. — 777
 Гричер (Гричер-Чериковер) Г.Э. — 702
 Гришунин А.Л. — 9
 Громов Л.П. — 816
 Громько Н.Н. — 800
 Гротенко А. — 700, 701
 Гуковский Г.А. — 665, 671, 792
 Гулак-Артемовский П.П.
 (Артемовский-Гулак П.П.) — 630,
 674, 692, 703, 708, 717, 721, 771
 Гумбольдт В. — 566
 Гура А.В. — 680, 704
 Гуревич Л. — 702, 780
 Гуссаковский А.С. — 720
 Гюго В. — 798
 Давшан А.В. — 816
 Давыдов Д.В. — 644
 Даль В.И. — 684, 705, 723, 729,
 784, 842, 843, 848, 880
 Данилевский А.С. — 573, 580, 605,

- 611, 613, 614, 634, 636, 730,
855–858, 870
- Данилевский Г.П. — 572, 865, 866
- Данилевский Р.Ю. — 692, 715, 716,
795, 796, 880
- Данилов В.В. — 602, 627, 629, 675,
683, 712, 754, 822, 880
- Данилов С.С. — 700, 701, 721,
741–743, 777–779, 816, 817,
847, 880
- Данте А. — 797
- Дашкевич Н.П. — 584, 658, 690,
753, 795, 880, 889, 895
- Дашков П.Я. — 589, 605, 750
- Дебольский Г.С. — 786
- Дедицкий Б.А. — 828
- Дельвиг А.А. — 581, 594, 602, 605,
629, 631
- Деммени Е.В. — 779
- Державин Г.Р. — 21, 866
- Десницкий В.А. — 577
- Дикарев М. — 724
- Дингельштедт М.фон — 721, 816
- Дмаховский Б. — 701
- Дмитриев И.И. — 858
- Дмитриев М.В. — 827
- Дмитриева Е.Е. (Dmitrieva K.) —
627, 668, 669, 670, 673, 719,
834, 880
- Дмитрий Ростовский, св. — 759
- Дновский В.К. — 701
- Добровольский В.Н. — 689, 753, 754,
880
- Довгалецкий (Довгалецкий) М. —
690, 825
- Долгорукая Е. — 789
- Долгорукий И.М. — 679
- Долгорукий-Крымский В.М. — 789
- Доленга-Ходаковский Э. — 713,
799, 880
- Долинин А. — 681
- Достоевский Ф.М. — 652–654, 657,
661, 719, 777, 812, 880, 881
- Драганов С. — 781
- Драгоманов М.П. — 690, 695, 714,
735, 752, 753, 769, 770, 799,
800, 801, 845, 875, 881
- Драч И.Ф. — 759
- Дриссен Ф. — см. Driessen F.
- Друбек-Мейер Н. — см. Drubek-
Meуer N.
- Дружинин А.В. — 646, 738
- Дубравин В.В. — 628
- Думнов В.В. — 686, 731, 750
- Дуни Э.-Р. — 771
- Дурылин С.Н. — 602, 784
- Душечкина Е.В. — 773, 774, 881
- Дьяконова Е.М. — 676, 838, 881
- Дюпюи Э. — см. Dupuy E.
- Дядьковский И.Е. — 612
- Екатерина II (София Фредерика
Августа) — 178, 426, 427, 674,
679, 737, 747, 748, 756–758,
760, 767, 771–773, 775, 779,
783, 784, 787–789, 790, 836,
841, 850, 886
- Елизавета Петровна, цар. — 756, 757
- Еремина В.И. — 629, 713, 798, 881
- Ермаков И.Д. — 660, 661, 697, 757,
807, 808, 812, 881
- Ермилов В.В. — 9
- Есенин С.А. — 740, 881
- Ефименко А.Я. — 652, 881
- Ефименко П.С. — 782, 872
- Ефремова И. — 721
- Жанен Ж. — 799
- Жан-Поль — см. Рихтер И.П.Ф.
- Жаркевич Н.М. — 647, 863, 881
- Жаров А. — 701
- Жданов И.Н. — 582, 869, 881
- Женовач С.В. — 780
- Живов В.М. — 756
- Жирмунский В.М. — 582, 587
- Жуковский А.Ф. — 742
- Жуковский В.А. — 9, 20, 577, 579,
600, 602, 611, 637, 665, 696, 710,

- 716, 717, 762, 783, 792, 796, 823,
849, 854, 868, 870, 888
- Забелин И.Е. — 589, 590, 605, 677,
763, 765, 791, 793, 831, 832, 833,
843
- Заборовский Л.В. — 827
- Забьлин М. — 724, 881
- Загорский М.Б. — 879
- Загоскин М.Н. — 592, 631, 633, 643,
699, 740, 821,
- Зарецкий В.А. — 737, 788
- Заславский М. — 702
- Захаренко В.И. — 817
- Збаражский Я.Н. — 804
- Звенияцковский В.Я. — 667, 678,
679, 881, 882
- Зевксис (Зевксиз, Зевксид) — 36
- Зейдель-Дреффке Б. — *см.* Seidel-
Dreffke В.
- Зеленин Д.К. — 680, 683, 684, 709,
714, 725, 727, 729, 735, 801, 819,
829, 830, 882
- Зеньковский В. — 630, 882
- Зиновьев В.П. — 882
- Зиновьев-Одножиевский — 742
- Зограф Н.Г. — 741, 743, 817, 882
- Золотусский И.П. — 882
- Зубков С.Д. — 812
- Иаков, библ. — 736
- Иоанн IV Грозный — 843
- Ивакин — *см.* Экк Н.
- Иванов А.А. — 20
- Иванов Ард.В. — 821
- Иванов Вяч.Вс. — 773
- Иванов В.В. — 749
- Иванов Н. (Робочев) — 743
- Иванов П.В. — 693, 735, 754, 769,
785, 882
- Иванов П.И. — 714, 755, 845, 882
- Иванова Л.М. — 888
- Игнатов С.С. — 835
- Измайлов В. — 593
- Измайлов Н.В. — 870
- Израилевич Л. — 882
- Иисус Христос — 56, 149, 193, 245,
378, 457, 736, 752, 759, 761, 763,
769, 774, 781, 783, 786, 801, 805, 819
- Илич Т. — 817
- Ильенко Ю.К. — 721
- Иоанн, ев. — 725
- Иоанн Златоуст — 736
- Иоанн Новгородский, еп. — 770
- Иоанн Лествичник — 736
- Иоанн Предтеча — 720, 722
- Иоанникий (Галатовский) — 769
- Иоасаф Крочковский, митр. — 759
- Иофанов Д.М. — 578, 692, 855, 861,
866, 882
- Ирвинг В. — 680, 754, 755
- Ирод — 242, 720, 763
- Исаев К.Ф. — 744
- Исаевич С.Н. — 749, 759, 760, 841
- Исаенко К. (Исаенко К.) — 650
- Иуда — 216, 801, 805, 831
- Кабашников К.П. — 892
- Кавос К.А. — 737
- Кадлубовский А.П. — 883
- Казарин В.П. — 628, 717, 802, 822,
883
- Казимир III — 784, 828
- Каин, библ. — 90, 708, 801, 823
- Кайданов И.К. — 862
- Калинкович П. — 701
- Калинников — *см.* Матусин А.Ф.
- Каллаш В.В. — 8, 573, 584, 627, 634,
883
- Каманин И.М. — 800, 883
- Каннинг Дж. — 40, 575
- Кантемир А.Д. — 834
- Каплан М. — 702
- Капнист В.В. — 851
- Карамзин Н.М. — 577, 858, 862,
863, 866, 883
- Каратыгин В.А. — 675, 776
- Караффа А.-Ш. — 789

- Карлинский С. — см. Karlinsky
Карпова М. — 779
Карташова И.В. — 630, 883
Карягин В.Г. — 700
Касиненко Ю.И. — 816
Катерина Ивановна — см. Ходаревская Е.И.
Катранов В.С. — 652, 836, 883
Кашперский В. — 702
Квитка-Основьяненко Г.Ф. — 637, 649, 812
Кент Л. — см. Kent L.J.
Кетчер Н.Х. — 605, 793, 832, 833, 847
Киреевский И.В. — 641, 806
Кирилл, Мефодий, братья — 260, 862
Кирилюк Э.В. — 637, 713, 892
Кирпичников А. — 715
Кирсанова Р.М. — 684, 722, 729, 784, 787, 826, 871, 883
Клепиков С.А. — 605, 685, 731, 750, 763, 765, 766, 791, 832, 856, 859, 883
Климович К. — 676
Климовский Е.В. — 741
Козлов И.И. — 578, 605
Кок П.Ш. де — 641, 642, 643
Кокс Дж. — см. Cox C.
Колбасин Е.Я. — 600
Колокотронис Т. — 40, 575
Колосова Г.А. — 866
Кольцов А.В. — 653
Кольчугин И.Г. — 573
Комаров А.И. — 593, 626, 883
Комаров М.Ф. — 691, 700, 741, 742, 777, 883
Комиссаржевская В.Ф. — 743
Комиссаржевский Ф.Ф. — 743
Комовский В.Д. — 633
Конашевич П. — см. Сагайдачный П.
Конисский Г. — 628, 690, 788, 790, 821
Констан Б. — 611
Константиновский М.А. (о. Матвей) — 807
Корнилович А.О. — 593
Коробейников Т. — 843, 844
Коробка Н.И. — 11, 12, 14, 584, 585, 604, 619, 620, 688, 695, 713, 715, 733, 795, 798, 845, 883
Короленко В.Г. — 657, 883
Костомаров Н.И. — 650, 845, 888
Косяровский Петр П. — 574, 707
Котляревский И.П. — 83, 90, 294, 297, 593, 594, 596–598, 630, 633, 674, 682, 684, 691, 692, 694, 695, 704–706, 708, 723, 737, 753, 761, 762, 771, 788, 820, 830, 872, 880, 883
Котляревский Н.А. — 584, 587, 658, 694, 883
Кочетов Н.Р. — 817
Кочубей В.Л. — 594, 603, 678, 804
Кочубей В.П. — 604, 678, 679
Кочубей М.Н. — 700, 778
Кошеверова Н.Н. — 780
Кошелев А.И. — 633
Кошелев В.А. — 585, 883
Краснопольский Н.С. — 592, 737
Краснянский Э.Б. — 779
Крестова Л.В. — 757
Кривонос В.Ш. — 839, 846, 884
Криворотовы — 573
Кривцов В. — 744
Кригер В.В. — 779
Кропивницкий М.Л. — 758
Крутикова Н.Е. — 682, 683, 706, 771, 776, 782, 818, 819, 884
Крылов В.А. (В. Александров) — 741
Крылов И.А. — 636, 746, 835
Кузмин М.А. — 815
Кузовкина Т. — 642
Кукаинский Я. — 743
Кукольник В.Г. — 861
Кукольник Н.В. — 592, 859, 862, 870
Кулжинский И.Г. — 594, 598, 627,

- 630, 682, 683, 705, 709, 725,
730, 736, 747, 784–786, 828,
880, 884
- Куликов Н.И. — 700
- Кулиш П.А. — 6–8, 15–17,
571–573, 578, 584, 592, 602,
603, 610, 617, 647–651, 653,
677, 678, 685, 586, 691,
693–695, 704, 706, 718, 731,
750, 752, 771, 782, 783, 818, 819,
851, 853, 854, 856, 860, 863,
864, 866–868, 884
- Кульман Н.К. — 579, 884
- Кульяну-Жеоржеску К. — *см.*
Culianu-Georgescu С.
- Курьер С. — *см.* Courriere С.
- Кухаренко — 691
- Кушелев-Безбородко Г. — 888
- Куш О.П. — 884
- Кюн Ц.А. — 700, 720
- Кюхельбекер В.К. — 577
- Лавров А. — 752
- Лавров А.В. — 814
- Лавровский Н.А. — 861
- Лазаревский А.М. — 573, 674
- Лазурин-Васильев М.В. — 742
- Ламм П.А. — 700
- Ланский Л.Р. (Арнольд Н.) — 645,
858
- Лафонтен Ж. — 179, 441, 546, 674,
850
- Левин М.Ф. — 817
- Левкиевская Е.Е. — 631, 696, 722
- Левшин В.Л. — 771
- Ленский В.И. — 701
- Леонтьев К.Н. — 646, 647
- Лермонтов М.Ю. — 645, 735, 884,
893, 894
- Лернер Н.О. — 655
- Лесков Н.С. — 682, 740, 775
- Лесогор Н.В. — 884
- Лесюв М. — 674, 726, 884
- Линь Ж.де — 789
- Лисенков И.Т. — 573
- Литвинова Т. — 835
- Лихачев Н.П. — 736
- Лихонин М.Н. — 14, 618, 621
- Лишин Г.А. — 741
- Лишиц-Грабянка Т. — 805
- Ломоносов М.В. — 21, 866
- Лонгинов М.Н. — 7, 15, 606
- Лонгинова — 606
- Лонгиновы — 606
- Лопухов Ф.П. — 721, 779
- Лотман Ю.М. — 631, 664, 667, 747,
754, 782, 797, 809, 810, 814, 846,
884
- Лука, ев. — 151, 382, 675, 730, 783
- Лукьянов О. — 817
- Луначарский А.В. — 659
- Лысенко Н.В. (М. Лисенко) — 741,
743, 777, 816
- Льюис М.Г. — 798
- Любич-Романович В.И. — 255, 574,
600, 852, 854, 856, 858, 859, 869
- Лядов А.К. — 700, 720
- Магар В.Г. — 701, 742, 743
- Мазепа, гетм. — 593, 594, 650, 726,
748
- Майер Х. — *см.* Meyer Н.
- Макарий Великий — 736
- Маклин Хьюг — *см.* McLean Н.
- Максимилиан, имп. — 725
- Максимов Д.Е. — 655
- Максимов С.В. — 714, 735, 885
- Максимович Л.М. — 702, 756, 789,
790, 803, 825, 841
- Максимович М.А. — 594, 595, 598,
613, 625, 627, 628, 636, 648,
649, 650, 653, 682, 683, 685,
694, 702, 706, 709, 713, 714, 723,
736, 745, 747, 749, 756, 785,
789, 790, 791, 799, 821, 822,
825–830, 841, 885
- Максимович-Амбодик Н. — 680
- Малинка Ал.Н. — 785, 885

- Мандельштам И.Е. — 577, 652, 653,
710, 827, 885
- Манжура И.И. — 754, 891
- Манн Ю.В. — 576, 586, 592, 600,
639, 663, 664, 666—668, 678,
679, 690, 697, 711, 712, 747, 771,
775, 795—797, 809, 810, 835,
846, 853, 855, 856, 858, 859,
861, 868, 869, 870, 885
- Мансуров А.А. — 872
- Мануйлов В.А. — 571, 572, 878
- Мариенгоф А.Б. — 740
- Мария Египетская — 799
- Маркевич А.И. — 679, 885
- Маркевич Н.А. — 595, 707, 727,
728, 730, 735, 745, 746, 749,
786, 819, 820, 824, 829, 885
- Марков О.О. — 650, 885
- Маркович Я.М. — 626, 627, 683,
725, 747, 781, 784, 842, 885
- Марковский Е. — 753
- Марлинский А.А. — см. Бестужев-
Марлинский А.А.
- Мартос П.И. — 855, 857, 858
- Маруся К. — 691
- Марьяненко И.А. — 742
- Масленников К.И. — 742
- Маслов В.И. — 877
- Маслова Г.С. — 683
- Масс В.Э. — 779
- Матусин А.Ф. (Калинников) — 779
- Матфей, ев. — 685, 761, 691, 831,
844
- Мащок О.Я. — 798
- Мачтет Г.А. — 683
- Машинский С.И. — 808, 885
- Маяковский В.В. — 740, 776, 814,
815, 847, 886
- Мекш Э.Б. — 740
- Мелания, св. — 786
- Мельгунов С.П. — 805
- Мережковский Д.С. — 654, 655, 664,
738, 776, 807, 886
- Мериме П. — 798, 800
- Меркулов Ю.А. — 759
- Метьюрин Ч. — 798
- Мефодий — см. Кирилл и Мефодий,
братья
- Миллер А.И. — 625, 628, 648, 704,
886
- Милорадович А. — 733
- Милорадович В.П. — 652, 693, 735,
845, 886
- Милло К.Ф.Кс. (Милот) — 862
- Мильдон В.И. — 886
- Мильчевский О. — 777
- Милютин Ю.С. — 779
- Миних Б.Х. — 789
- Михаил Александрович, вел.кн. —
778
- Михайлов А.В. — 669, 886
- Михайлов И. — 844
- Михайлов К.Н. — 589, 750
- Михайловский Б.В. — 659
- Михед П.В. — 670, 886
- Мицкевич А. — 628
- Могила П.С., архим. — 803, 825
- Моисеев К.А. (Мойсеев) — 862
- Моисей, пророк — 824
- Моисей, архим. — 20
- Мольер Ж.Б. — 628, 632
- Мордовцев Д.Л. — 650
- Морозов А.А. — 669, 886
- Морозов Д. — 779
- Морозова Н.П. — 773, 789, 886
- Морозова Т.Л. — 680, 754, 886
- Морщинер М.С. — 877
- Моторин А.В. — 9
- Мочалов П.С. — 847
- Мочульский К.В. — 584, 631, 670,
795, 807
- Мур Т. — 577, 586, 594
- Муравьев А.Н. — 578, 869
- Муравьева О.С. — 804
- Мусий В.Б. — 629, 887
- Мусоргский М.П. — 700, 720, 721,
847
- Муханов В.А. — 633

- Муханов Н.А. — 633
 Мызникова С. — 701
 Мюльнер А. — 797
- Набоков В.В. — 668, 669
 Надеждин Н.И. — 627, 637, 638,
 640, 714, 718, 806
 Назиров Н.Г. — 814
 Намис М. — 724
 Направник Э.Ф. — 741, 778
 Нарезный В.Т. — 593, 631, 637
 Нарцесс — 259, 862
 Натова Н. — 758, 776, 887
 Науменко В.П. — 860
 Невірова К. — 629, 652, 693, 887
 Немзер А.С. — 673, 682, 765, 837,
 887
 Нестор, летопис. — 658, 763, 826
 Никита, св. — 783
 Никитенко А.В. — 590, 677, 686,
 710, 731, 751, 763, 766, 792, 832,
 844
 Никитин А. — 819
 Никифор Тур — 821
 Никодим, книжник — 752, 784
 Николаев Д.П. — 887
 Николаев Н.И. — 663
 Николаев М.П. — 720
 Николаев О.Р. — 579, 580, 593, 747,
 887
 Николаева М. — 816
 Николай Мирликийский, св. — 786,
 831
 Никольский П.И. — 854, 860, 861
 Нимченко Яков — 572, 573
 Ницше Ф. — 813
 Новиков Н.В. — 892
 Новиков Н.И. — 805
 Новикова М.А. — 887
 Ной, библ. — 236, 517
- Обачный М. — 676, 847
 Обнорский П. — 701
 Ободовский П.Г. — 797
- Оболенская С.В. — 782, 887
 Оболенский А. — см. Obolensky A.P.
 Образцов С.В. — 780
 Образцова В.В. — 887
 Овчаренко В.И. — 743
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. — 652,
 658, 837, 888
 Огієнко И. — 625
 Одоевский В.Ф. — 613, 614, 633,
 642, 682, 716
 Оксман Ю.Г. — 628
 Олин В.Н. — 752
 Олов И. — 573
 Ончуков Н.Е. — 888
 Орлай И.С. — 802, 828, 861
 Орлов Я. — 702
 Оселедчик — 743
 Осетров Е.И. — 818
 Оффенбах Ж. — 777
- Павел, ап. — 468, 785, 799, 825, 830
 Павловский Ал.П. — 598, 627, 707,
 708, 709, 723–725, 771, 841, 872
 Палиевский П.В. — 679
 Паллас П.С. — 21
 Пальчинский — 777
 Панаев В.И. — 579, 608
 Пантелеймон (Пантолеон), св. вмч. —
 101, 675, 725, 764
 Паперный В.М. — 699, 776, 813,
 814, 888
 Паррасий (Парразий) — 36
 Парфенов А.Т. — 669
 Пащенко И.Г. — 855
 Пенюк С.І. — 804
 Переверзев В.Ф. — 584, 585, 660,
 888
 Перетц В.Н. — 629, 652, 664, 690,
 746, 760, 769, 830, 889
 Пермяков Г.Л. — 727
 Пестель П.И. — 802
 Петисон П. — 680, 681
 Петр, ап. — 151, 382, 703, 728, 752,
 783, 785, 831, 871

- Петр I — 625, 724
 Петр Хромой — 804
 Петрарка Ф. — 50, 587
 Петров Н.И. — 592, 629, 630, 652,
 691, 692, 694, 769, 798, 812,
 845, 889
 Петровский А.П. — 700
 Пийс Р. — *см.* Pease R.
 Пиддубный Т. — 780
 Пиксанов Н.К. — 593, 660, 737,
 888, 889
 Пименов А. — 606, 791
 Пинскер А.889
 Пинчук А. — 802
 Платон — 50, 577, 587
 Плетнев П.А. — 6, 20, 572, 602, 603,
 610, 611, 617, 645, 677, 678, 869
 Плещеев А.Н. — 840
 Плюшар А.А. — 571, 572, 590, 763,
 766, 791, 832, 844
 Победоносцев К.П. — 814
 Погодин М.П. — 20, 572, 605, 612,
 613, 633, 750
 Погорельский А. — 631, 667, 716,
 796, 834, 835
 Подкова И. (Серпяга) — 265, 674,
 723, 804
 Подолинский А.И. — 577, 594
 Пожарский Н.И. — 877
 Позднеев А.В. — 605
 Покусаев Е.И. — 8
 Полевой Н.А. — 583, 632, 635–638,
 640, 641, 644, 672, 681, 693,
 764, 773, 805, 806,
 Полетика Г.А. — 628
 Полищук Ф. — 889
 Полонский Я.П. — 777
 Полтора-Кожуха К. — 265, 674, 723
 Полуботок П.Л. — 804
 Померанцева Э.В. — 629, 889
 Пономарев С.И. — 855, 866, 889
 Поньрко Н.В. — 782, 889
 Попович Дж. — 702, 721, 759, 780
 Пордеч Дж. — 739
 Порфирьев И.Я. — 736, 801, 831,
 889
 Потебня А.А. — 654
 Потемкин-Таврический Г.А. —
 177–179, 425, 546, 598, 674,
 707, 732, 768, 772, 787–789
 Потемкин С. — 864
 Прийма Ф.Я. — 818
 Пришвин М.М. — 776, 815, 816
 Прокопович Н.Я. — 6, 10–14,
 571–574, 592, 615, 617–620,
 622–624, 850, 853–856, 867
 Пропп В.Я. — 753, 755, 761, 889
 Протазанов Я.А. — 744
 Прохоров Е.И. — 9
 Пруаяр Ж.де — *см.* Proyart J. de
 Пумпянский Л.В. — 663, 889
 Пустыгина Н. — 814
 Пушкин А.С. — 20, 576, 578, 582,
 594, 600, 602, 603, 611, 613–615,
 628, 629, 631–635, 637, 638,
 643, 645, 648, 653, 654, 657,
 659, 669, 679, 682, 747, 753,
 754, 765, 770, 773, 788, 792,
 800, 804, 814, 827, 834, 837,
 849, 851, 852, 854, 856, 858,
 869, 878, 881, 884, 890, 891, 893
 Пушкин В.Л. — 577
 Пыляев М.И. — 789
 Пыпин А.Н. — 653, 805
 Рабле Ф. — 681, 876
 Радим — 259
 Радковская Э.В. — 674
 Радченко К.Ф. — 763
 Радченко О. — 701
 Разумовский К.Г. — 756, 757, 760
 Райкова В. — 701
 Райский-Ступницкий П.П. — 742
 Рамбо А. — 651
 Рассадин Ст.Б. — 773
 Рафаэль Санги — 262, 869, 870
 Редкин П.Г. — 854, 856
 Рейтблат А.И. — 600

- Рембо А. — 656
 Ремизов А.М. — 657
 Ретинин В. — 701
 Ржевский Д. — 6
 Римская-Корсакова Н.Н. — 847
 Римский-Корсаков Н.А. — 700, 720,
 721, 738, 741, 743, 778, 816, 847,
 896
 Ритгер М.А. — 854, 858
 Рихтер И.П.Ф. (Жан-Поль) —
 580–582, 667, 668
 Ровинский Д.А. — 736, 756, 890
 Рогальский Л. — 597
 Роднянская И.Б. — 877
 Рождественская В.В. — 730
 Розанов В.В. — 654, 655, 806, 808,
 890
 Роздольский О. — 770
 Розов В.А. — 592, 629, 652, 690,
 753, 760, 761, 770, 787, 820,
 822–824, 890
 Романець О. — 723
 Романов Е.Р. — 890
 Ромодановская А. — 888
 Ронан, св. — 772
 Роттенберг — 778
 Роу А.А. — 676, 744, 780
 Роу В. — см. Rowe W.
 Рубан В.Г. — 843
 Рубинштейн Н.Г. — 777
 Руденко И. — 780
 Рудченко И.Я. — 689, 690, 714, 769,
 770, 845, 872, 872, 890
 Румянцев С.П. — 758
 Русова С. — 721
 Рылеев К.Ф. — 593
 Рюрик — 260
 Рябов А.П. — 701, 702
 Рязанова Л.А. — 776, 816
- Савин Н. — 758
 Савицкий В.Д.
 Сагайдачный П. (Конашевич П.) —
 100, 203, 214, 265, 473, 674,
 723, 803, 821, 822, 825, 826,
 830, 836
 Садкович Н.Ф. — 702, 744
 Садовский П.М. — 847
 Сакович А.Г. — 669, 840, 890
 Сакулин П.Н. — 613
 Салтыков-Щедрин М.Е. — 839
 Самойлова Н.В. — 699
 Самосуд С.А. — 700
 Самышкина А.В. — 666, 667, 891
 Санд Ж. — 720
 Санин В.А. — 700
 Сараджев К.С. (Сараджян) — 700
 Сахаров В.И. — 788
 Сахаров И.П. — 714, 891
 Сахновский Ю.С. — 700
 Свинын П.П. — 600, 601, 602, 672,
 711, 712, 722
 Северяк А.В. — 742
 Секе К. — 699
 Семен А. — 6
 Семенов В.Н. — 590, 677, 686, 710,
 731, 751, 763, 766, 791, 832, 844
 Сенковский О.И. — 641–645, 773,
 821, 836
 Сенько И.М. — 674, 804
 Сербинович К.С. — 571
 Серков А.И. — 805
 Серов А.Н. — 741, 777
 Серова В.С. — 777
 Сетов (Сеттофер) И.Я. — 778
 Сечкарев В. — см. Setschkareff V.
 Сидоренко В. — 817
 Сидоров Н.П. — 805
 Сикало Ю. — 743
 Сильвестр А. — см. Silvestre A.
 Симоновский И.П. — 858
 Синельникова М.Н. — 11, 618
 Снявский А.Д. (Терц А.) — 585,
 669, 891
 Сиркур А. де — 644
 Скабичевский А.М. — 802
 Сковорода Г.С. — 830, 891
 Скотт В. — 596, 599, 635, 636, 662,

- 667, 671, 680, 681, 685, 704, 716,
752–754, 771, 772, 875, 877
- Скриб М. — см. Scribe M.
- Скуратовский В.Л. — 630, 667, 697,
891
- Сленин И.В. — 612
- Слонимский А.Л. — 8, 12, 13, 14
- Слонимский Ю.И. — 721, 779
- Слюсарь А.А. Слюсар А.О.) — 672,
673, 773, 812, 891
- Смехов В. — 702
- Смирдин А.Ф. — 611–613, 849
- Смирнов И.П. — 667, 739, 834, 891
- Смирнова-Россет А.О. — 20
- Снегирев И.М. — 734
- Соболев А.Н. — 748, 761, 891
- Соболевский С.А. — 613
- Сокальский П.П. — 741
- Соколова В.К. — 714, 892
- Соллогуб В.А. — 746
- Соловьев Н.Ф. — 777
- Соловьев С.В. — 801
- Солодовников П.Г. — 817
- Сомов О.М. — 583, 593–595, 599,
601–603, 609, 610, 625, 629,
633, 636, 637, 681–683, 692,
705, 709, 711, 713, 714, 718, 726,
730, 735, 746, 751–753, 761, 762,
785, 801, 887, 892
- София Фредерика Августа — см.
Екатерина II
- Софокл — 36
- Софронова Л.Н. — 629, 892
- Соц В. — 681
- Сперанский М.Н. — 692, 704, 778,
816, 879, 892
- Сперанский Н. — 782, 892
- Спиридон Тримифунтийский, еп. —
864
- Спиридон (Симеон Потемкин),
архим. — 864
- Срезневский И.И. — 789
- Сталь А.Л.Ж. де — 869
- Станиславский К.С. — 741
- Старевич В.А. — 744, 780, 817
- Старицкий М.П. (Старицкий) —
700, 721, 741, 743, 777, 816, 893
- Стендер-Петерсен А. — см. Stender-
Petersen
- Степанов А.Н. — 571, 572, 602, 711,
878, 892
- Степанов В.Г. — 892
- Степанов Г.В. — 837, 893
- Степанов Н.Л. — 798, 808, 832, 879,
892
- Степанова Л. — 6
- Стерн Л. — 662, 834, 837
- Стефан Баторий — 674, 723, 760,
803, 819, 831
- Стороженко А.Я. (Царынный А.) —
638, 639, 641, 647, 648,
692–695, 716, 718, 724, 735,
745, 755–757, 764, 894
- Стороженко А.В. — 803
- Стороженко А.П. — 720, 775, 812
- Страно Дж. — 839
- Страхов Н.И. — 806, 835
- Строев В.М. — 642
- Сугай Л.А. — 892
- Сумцов Н.Ф. — 708, 728, 735, 769,
785, 791, 799, 819, 824, 892
- Супронюк О.К. — 592, 853, 858, 892
- Суслов О.Э. (Резников) — 742
- Суходольский В.А. — 701
- Танров Б. — 701
- Такэфудзи Едзи — 838
- Тананаева Л.И. — 823
- Танский В. — 628
- Тарасенков А.Т. — 736, 893
- Тарновские (А.П. и В.П.) — 589,
598, 605, 606, 608, 765, 851, 862
- Тарновский А.П. — 606, 607
- Тарновский В.В. — 607, 862
- Тарновский В.П. — 606
- Тассо Т. (Торкват) — 262, 869, 870
- Теряев П.А. — 578
- Тесленко А.Е. — 720, 878

- Тетерятникова Н. — 783
Тик Л. — 574, 578, 587, 630, 668,
670, 692, 714–716, 769,
795–797, 820, 824, 880
Тило В.К. — 716, 796
Типот В.Я. — 779
Тихонравов Н.С. — 8, 10–12, 14, 17,
18, 21, 22, 573, 574, 584, 589, 604,
608, 609, 612, 617–620, 634,
686, 688, 711, 715, 731, 750, 765,
767, 849–851, 857, 860, 867, 893
Тихорский — 740
Ткач М. — 780
Тодоров Ц. — *см.* Todorov Ts.
Толок В. — 743
Толстая С.М. — 725, 727
Толстой Л.Н. — 642, 652, 653, 774
Толстой Н.И. — 725, 736, 782
Томашевский Б.В. — 8
Топорков А.Л. — 626, 724, 871
Топоров В.Н. — 773
Торкват — *см.* Тассо Т.
ТрEDIAKовский В.К. — 632
Трощинская А.М. — 782
Трощинский Д.П. — 592, 627, 680,
684, 691, 771, 835, 893
Трунов А.Н. — 791
Трутовский К.А. — 640
Трушковский Н.П. — 6, 8, 11, 16, 615,
618, 850, 857, 867
Туманский В. — 594
Турбин В.Н. — 669, 893
Тургенев А.И. — 878
Тургенев И.С. — 645, 680, 893
Тшебский-Уваров Н.И. — 700
Тынянов Ю.Н. — 661, 662, 812
Тюменева Р.А. — 700, 701, 720, 721,
741, 777, 817, 893
Украинка Леся — 676, 847
Улаган-Красовский Л. — 743
Урусов Л.Г. — 816
Успенский Б.А. — 756, 782, 786, 819,
830, 831, 893
Устенко-Гармаш Ф.М. — 742
Ушаков В.А. — 627, 634, 635, 637,
640, 682
Уэда Бин — 675
Фангер Д. — *см.* Fanger D.
Фариновский Н.В. — 701
Федоров Е.Я. — 680, 684, 893
Феона А.Н. — 779
Фидий — 36
Филдинг Г. — 632
Фирсанова В.Г. — 777, 893
Флоря Б.Н. — 827
Фокин В. — 675, 840
Фомичев С.А. — 679, 798, 800, 834,
893
Фонвизин Д.И. — 624, 643, 674,
768, 771, 773, 789, 790, 893
Фосс И.Х. — 574, 578, 579, 580,
581, 584
Фразенко Е.Н. — 701
Франко И. — 749
Франко И.Я. — 777
Фрейденберг О.М. — 773, 893
Фридлиндер Г.М. — 8, 575, 893
Хааг Х.Я. — 779
Халабаев К.И. — 12, 620, 894
Халчинский И.Д. — 855
Харджиев Н.И. — 740, 847
Херасков М.М. — 797, 821
Хлебников Вел. — 659
Хлюстин А.С. — 765
Хмельницкий Б. (Зиновий) — 214,
593, 594, 600, 674, 717, 804,
825, 830, 871
Ходанен Л.А. — 735, 894
Ходаревская Е.И. — 601
Холквист Дж. — *см.* Holquist
Храповицкий А.В. — 737, 771
Храпченко М.Б. — 808, 894
Царынный А. — *см.* Стороженко А.Я.
Цертелев Н.А. — 594, 598, 627, 628,

- 682, 709, 724, 726, 747, 825,
827, 894
Цехновицер О.В. — 888
- Чаадаев П.Я. — 634
Чаговец В.А. — 678
Чайковский П.И. — 739, 777, 816
Чардынин П.И. — 780
Черепнин Н.Н. — 700
Черкасенко С. — 758, 817
Черкасский Э.Д. — 779
Черкасский Э.Э. — 779
Черныш В.И. — 634
Чернышевский Н.Г. — 7, 583, 584,
647, 720, 894
Черткова Е.Г. — 672
Чехов А.П. — 812, 813, 840, 894
Чешихин В.С. — 777, 817
Чижевский Д.И. — см. Tschizevskij D.
Чижик А. — 742
Чижикова Л.Н. — 685, 894
Чижов Ф.В. — 7, 20
Чингисхан — 566
Чистов К.В. — 790
Чистяков В.П. — 701
Чичерин А.В. — 633
Чубинский Н.П. — 779
Чубинский П.П. — 749, 760, 799,
819, 894
Чудаков А.П. — 661
Чудаков Г.И. — 579, 629, 630, 652,
734, 795, 894
Чудакова М.О. — 659
Чумак Т.М. — 800, 802, 895
- Шабельская Е. — 817
Шаликов П.И. — 593, 703, 630
Шама И.Н. — 887, 895
Шамбинаго С.К. — 656, 669, 753,
754, 895
Шангин М.А. — 895
Шапиро М.Г. — 780
Шапиро Г. — см. Shapiro G.
Шаровольский И.В. — 574, 578, 895
- Шатковский А. — 742
Шатобриан Ф.-Р. — 579, 895
Шаховской А.А. — 592
Шведова С.О. — 674
Шебалин В.Я. — 700
Шевляков М. — 859
Шевченко Т.Г. — 723, 741, 800, 890
Шевырев С.П. — 10, 11, 13, 14, 20,
617, 618, 620, 621, 626, 630, 769,
865, 895
Шекспир В. — 738, 836
Шелихов Д. — 675
Шеллинг Ф.В.Й. — 581
Шелухин С.П. — 650
Шенрок В.И. — 8, 22, 573, 574, 592,
604, 628, 713, 770, 771, 783, 792,
818, 819, 827, 836, 855, 856, 859,
861, 864, 867, 895
Шеффер Т. — 777
Шиллер И.К.Ф. — 856
Ширяев А.С. — 572
Шишков А.А. — 714
Шлаин М.И. — 895
Шлифштейн С.И. — 890
Шостакович Д.Д. — 743
Шреер-Ткаченко А.Я. — 721
Штиссер К. — 607
Шубинский И.В. — 888
- Щекатов А. — 702, 756, 789, 791,
803, 825, 841
Щепкин М.С. — 605, 777, 793, 833,
847
- Эварницкий Д.И. — 790, 800, 842,
895
Эйхенбаум Б.М. — 12, 620, 661, 662,
894
Экк Н.В. (Ивакин) — 702
Эккартсгаузен К.фон — 829
Эллис Л.Л. — 656
Энритон Г.Ф. — 700
Эпикур — 36
Эпштейн М.Н. — 775

Эрлих В. — см. Erlich V.
Эсхин — 35

Южанский Л.В. — 701
Юстиниан, имп. — 259, 862, 863
Юхвид Л.А. — 701, 743

Яблочкина А.А. — 743
Языков А.М. — 634
Языков Н.М. — 20, 578, 633, 634
Якобсон Р.О. — 9
Яковенко С.Г. — 827
Якубович Л.А. 632
Ямпольский Н. — 721
Янкович де Мириево Ф.И. — 841,
862
Янковский М.О. — 701, 779, 895
Яновский Б.К. — 700
Яновский С. — 598, 704
Янушкевич А.С. — 631, 672, 673,
896
Ярон Г. — 701
Ярославенко Я. — 758
Ястребцев (Ястребцов) В.В. — 778,
816, 896
Яценко М. — 630

Adams V. (Адамс В.) — 574, 585,
896
Altshuller M. (Альтшуллер М.) — 681,
752, 755, 875, 896
Amberg L. (Амберг Л.) — 712, 757,
798, 811, 846

Balzac H. de (Бальзак О. де) — 797
Блѣсков И.Р. — 818
Braun M. — 585, 754
Brown E. — 811
Buek O. — 676

Cadot M. — 645
Catteau J. — 813
Chirol H. — 818, 847

Chizhevsky D. — см. Tschizewskij D.
Cline W.H. — 702, 721, 744
Clyman W. — 684
Courriere C. (Курьер С.) — 744, 817
Cox G. (Кокс Дж.) — 653, 697, 698,
896
Csorey L. — 818
Culianu-Georgescu C. (Кульяну-Жеор-
жеску К.) — 668, 719, 811, 896

Dauenhauer A. — 795
Demetz P. — 681
Dietsch V. — 896
Dmitrieva K. — см. Дмитриева Е.Е.
Dranach A. — 896
Driessen F.C. (Дриссен Ф.) — 697,
698, 705, 797, 896
Drubek-Meyer N. — 758, 839, 896,
897
Duru E. (Дюрюи Э.) — 759, 781

Ehre M. — 783, 897
Eliasberg A. — 744
Emerson-Toropin A.E. —
Erlich V. (Эрлих В.) — 663, 665,
666, 681, 719, 730, 811, 812, 897

Fanger D. (Фангер Д.) — 697, 837,
897
Feuer K.B. — 797
Friswell H. — 675

Goncurt E., J. — 652
Gorenjec-Podgorican — 781
Gorlin M. — 630, 796, 897
Götz B. — 817
Grabowich G. (Грабович Г.) — 879,
897
Gregg R. — 673
Grève C. de — 644, 652

Halpérine-Kaminsky E. — 676, 702,
722, 744, 759, 781, 847
Hapgood J.F. — 675, 721

- Herder J.G. (Гердер И.Г.) — 626, 627
Holk A.G.F. van — 896
Holquist J. (Холквист Дж.) — 665, 667
- Kalinine P. — 798
Karlinsky S. (Карлинский С.) — 661, 698, 775, 838, 897
Katz M. — 661
Keil R.-D. — 586, 799
Kent L.J. (Кент Л.) — 661, 666, 720, 739, 775, 798, 838
Kukučín M. — 781
- Landrř A. — 722
Lange W. — 744, 781, 897
Langer G. — 582, 586, 897
Libišanský — 780
Little T.E. — 668, 898
Löbestein Ph. — 744, 781, 817
Löwen F. — 781
- Maguire R.A. — 586, 898
McLean H. (Маклин Х.) — 668, 838, 898
Mersereau J. — 898
Meyer H. — 758
- Nezabudov — 759, 847, 722
- Obolensky A.P. — 667, 698, 775, 838, 898
- Passage Ch. — 630, 898
Peace R. (Пиис Р.) — 692, 698, 719, 811, 898
Perlina N. — 698, 898
Proyart J. de (Пруаяр Ж. де) — 668, 898
- Rancour-Laferriere D. — 661, 665, 698, 831, 838, 898
Rimavske R. — 818
Rowe W. (Роу В.) — 661, 698, 898
- Rubiner L. — 676
- Saunders D. — 899
Schack F. — 676
Schreier H. — 899
Scribe M. (Скриб М.) — 592
Seidel-Dreffke B. (Зейдель-Дреффке Б.) — 899
Setschkareff V. (Сечкарев В.) — 664, 665, 697, 698, 716, 720, 739, 757, 812, 899
Shapiro G. (Шапиро Г.) — 669, 680, 690, 736, 764, 783, 899
Silvestre A. (Сильвестр А.) — 652
Stender-Petersen A. (Стендер-Петерсен) — 574, 575, 578, 629, 664, 715, 771, 795, 796, 899
Stilman L. — 661, 899
- Terras V. — 898
Thorson E.M. — 675
Todorov Ts. (Тодоров Ц.) — 719
Tolstoi G. — 780
Tschizewskij D. (Чижевский Д., Chizhevsky D., Ćizewskij) — 669, 680, 783, 811, 894, 896, 899
Tykocinsky H. — 702
- Uchastkina Z.V. — 605, 685, 731, 750, 763, 765, 766, 832, 856, 859, 899
Underwood E.W. — 702, 722, 744
- Vogüé E.M. de — 651, 652
- Wellé H. — 722
Woodward J.B. — 661, 698, 707, 838, 899
- Zeldin J. — 831
Zimmer H. — 702

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ф.Моллер. Н.В.Гоголь. Портрет. Масло. 1841 г. Третьяковская галерея. Москва	
Титул первого издания «Ганца Кюхельгартена»	31
Титул первого издания первой книжки «Вечеров на хуторе близ Диканьки»	77
Титул второго издания первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»	78
Страница повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» в издании 1836 г.	218
Стихотворение «Непогода». Автограф. Одиннадцать неполных стихов вырезаны в форме сердца. Российская государственная библиотека. Москва	254
Гимназический портрет Н.В.Гоголя. Гравюра на дереве по оригиналу неизвестного художника. 1827. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Санкт-Петербург	258
Набросок предисловия к первой книжке (части) «Вечеров». Черновой автограф. Государственный исторический музей. Москва	284
«Сорочинская ярмарка». Черновой автограф. Л. 8. Российская государственная библиотека. Москва	318
«Майская ночь». Черновой автограф. Л. 5. Российская государственная библиотека. Москва	346
«Пропавшая грамота». Черновой автограф. Л. 15. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Санкт-Петербург	370
<«Хромой черт»>. Набросок примечания к «Пропавшей грамоте». Черновой автограф. Российская государственная библиотека. Москва	371
Черновой автограф предисловия ко второй книжке (части) «Вечеров». Государственный исторический музей. Москва	379
«Ночь перед Рождеством». Черновой автограф. Л. 66 об. Российская государственная библиотека. Москва	437
<«Колядовать у нас называется...»>. Набросок примечания к «Ночи перед Рождеством». Черновой автограф. Государственный исторический музей. Москва	475
«Страшная месть». Черновой автограф. Л. 14. Государственный исторический музей. Москва	483
«Страшная месть». Черновой автограф. Л. 16 об. и верхняя часть Л. 14 об. Государственный исторический музей. Москва	487
«Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Черновой автограф. Л. 1. Государственный исторический музей. Москва	490
Варианты филиграней на бумаге, которой пользовался Н.В.Гоголь при написании «Вечеров на хуторе близ Диканьки»	588

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5			
Ганц Кюхельгартен	25*			571
Вечера на хуторе близ Диканьки	67			589
<i>Часть первая</i>				
Предисловие	69	283	525	677
Сорочинская ярмарка	74	286	526	685
Вечер накануне Ивана Купала	99	265	532	710
Майская ночь, или Утопленница	112	322	534	731
Пропавшая грамота	136	352	539	750
<i>Часть вторая</i>				
Предисловие	145	374	540	763
Ночь перед Рождеством	149	378	541	765
Страшная месть	185	442	547	791
Иван Федорович Шпонька и его тетушка	219	488	552	831
Заколдованное место	240		556	844
Приложение				
Опечатки	249			849
<«Я давно уже ничего не рассказывал вам...»>	250			851
Юношеские произведения				
Непогода	253		558	856
<В альбом В.И.Любича-Романовича>	255			859

* В первом столбце указана страница текста, во втором — других и черновых редакций, в третьем — вариантов, в четвертом — комментария.

<i>Классные сочинения</i>	
О том, что требуется от критики	256 859
Изложить законные обряды апелляции...	257 861
В какое время делаются славяне известны...	257 862
<i>Dubia</i>	
<Акростих>	261 863
<Из поэмы «Россия под игом татар»>	261 865
Италия	261 866
Другие редакции	263
Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана-Купала	265 871
Черновые редакции	281 872
Варианты	523
Комментарий	559
О лингвистических принципах публикации гоголевских текстов	563
Способы воспроизведения рукописных и печатных текстов в разделах «Другие редакции», «Черновые редакции», «Варианты»	569
«Ганц Кюхельgarten»	571
«Вечера на хуторе близ Диканьки»	589
Приложение	849
Юношеские произведения	851
Условные сокращения	873
Именной указатель	900
Список иллюстраций	917

*Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук*

Николай Васильевич Гоголь

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В двадцати трех томах

Том первый

Зав. редакцией А.И. Кучинская

Редактор Е.М. Жезлова

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Т.В. Болотина

Технический редактор Л.Н. Золотухина

Корректор Е.Г. Вагина

Подписано к печати 29.07.2003

Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Академическая

Печать офсетная

Усл.печ.л. 57,5 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 59,0. Уч.-изд.л. 55,6

Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 8184

Издательство "Наука"

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ППП Типография "Наука"

121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-032711-5

9 785020 132711 5

ISBN 5-02-032679-8

9 785020 132679 8